

"Две жизни" (ч.ІІІ, т.1-2)

Конкордия Евгеньевна Антарова (Кора)

**АНТАРОВА (Кора) Конкордия
Евгеньевна**

"ДВЕ ЖИЗНИ"

Часть III. Том 1-2

Том 1-2

Глава 1

Приезд в имение Али. Первые впечатления и встречи первого дня

Долго, очень долго странствовали мы с И., пока добрались до Индии. И. часто делал длительные остановки, желая дать не только отдых, но и предоставить все возможности понаблюдать жизнь народов и подсмотреть их нравы и обычаи. Делая крюк за крюком, руководясь отчасти и своими делами, а чаще всего стремясь расширить "мои университеты", он привез меня в Багдад. Смеясь, он уверял меня, что мне необходимо понять прелесть реального Багдада, а не судить о нем только по сладким пирогам.

Наше путешествие, длившееся несколько месяцев, благодаря ежедневному влиянию и заботам И. закалило не только мое здоровье, но и весь мой характер изменился. Я почти перестал становиться Левушкой «ловиворон», внимание мое стало дисциплинированным, и — я не знаю сам, как это случилось, — я больше не впадал в раздражение.

Рассказать обо всех чудесах, что довелось мне видеть, так же невозможно, как невозможно вылепить в одной статуе всю сложную мысль, как жизнь современной эпохи народов. Могу сказать только, что, как ни готовил меня И. к тому, что я увижу в Индии, она меня поразила сильнее всех чудес, которые пришлось увидеть за долгое путешествие. Я знал, что мы едем к подножию Гималаев, знал, что имение Али расположено в прекрасной и живописной долине, — но я никак не ожидал, в какую волшебную красоту мы попадем.

Судя по тем домикам друзей И., в которых мы останавливались, я думал найти и в имении Али такой же маленький, чистенький коттедж, снабженный единственным очагом и необходимой для жизни утварью. Как и во многом другом, здесь меня ждало разочарование. Дом в имении Али был прекрасный, каменный, из белого, похожего на мрамор камня, с многочисленными колоннами, с комнатами, изолированными друг от друга.

Нас с И. ждали две чудесные комнаты в верхнем этаже с балконами. И когда я вышел на свой балкон, открывшийся с него вид так меня порастил, что я все забыл и, разумеется, превратился в прежнего Левушку и «ловиворонил» до тех пор, пока солнце не закатилось за горы. А я все стоял, забыв обо всем.

Привела меня в себя мягко опустившаяся мне на плечо рука И. Ах, как он был прекрасен! Я еще никогда не видел его таким чудно красивым,

каким он стоял сейчас передо мной. Он был в хитоне оранжевого цвета; волосы его слегка отросли и спускались короткими локонами, а топазные глаза могли поспоришь со звездами Ананды.

Я хотел закричать ему: "Как Вы чудно прекрасны, И!" — но не мог выговорить ни слова. В первый раз я почувствовал, как высок, как необычайно выше всего простого человеческого мой дорогой друг. Чувство благоговения, благодарности за все, что он для меня сделал, преданность и верность ему захватили меня. Я молча смотрел на него. Он понял мои чувства и, ласково улыбаясь, сказал мне:

— Я не тревожил тебя, Левушка, потому что знал, как действует на человека этот дом и этот вид из него, когда его видят впервые. Но сейчас наступит вечер, который здесь спускается сразу. Мы должны вовремя поспеть к ужину. Пойдем, я покажу тебе, где ванна и душ, познакомлю тебя с управляющим домом и со слугой, который будет у нас с тобой общим. Ты можешь надеть индусское платье, какое здесь носят все, или остаться европейцем, если тебе это больше нравится. Но точно являться к трапезам — это единственное правило, соблюдаемое всеми в большой строгости. Не беспокойся, ты поспеешь, — улыбнулся И., прочтя на моем лице опасение опоздать.

Мы прошли к управляющему домом, одетому также в белую индусскую одежду и, судя по лицу, бывшему типичным туземцем. Он был красив, еще молод, тонок и гибок.

Продолговатое лицо, темное от загара, темная бородка-эспаньолка, темные глаза и белый тюрбан на голове. На мое приветствие он ответил по-английски, но с сильным акцентом и певуче. Голос его был мелодичен и мягок; взгляд добрый, но пристальный и внимательный, как будто бы он старался меня запомнить, что-то во мне изучить и понять. Но мне некогда было об этом раздумывать, я запомнил только, что звали его Кастанда. Меня очень поразило это имя, но тут же я вспомнил о ванной и помчался в нее с одной мыслью: скорее вернуться к И. Меня ждали сюрприз за сюрпризом. Я думал увидеть какую-либо самодельную умывалку, вроде тех, что встречались нам по пути. Чаще всего просто огороженное в саду место с душем из нагретой солнцем воды. И попал в отличную ванную комнату с полом и стенами из плиток, с неограниченным количеством теплой и холодной воды, лившейся из водопроводных кранов. К довершению моего удивления, не успел я раздеться, как в ванную комнату вошел слуга-китаец. Добродушно улыбаясь, он заявил, что прислан Кастандой помочь мне. Не дав мне опомниться, он окатил меня из какого-то кувшина чем-то теплым, оказавшимся жидким душистым мылом. В

мгновение ока он растер меня всего мягкой мочалкой, подвел под душ, а затем завладел моей головой, так что мне оставалось только закрыть лицо руками. Отфыркиваясь и не решаясь открыть глаза, я шел за слугой, который тащил меня из-под душа куда-то настойчиво и очень осторожно.

— Садитесь теперь в ванну, монсье Леон, — услышал я по-французски. Я готов был ко всему. Но, услышав от китайца, который только что объяснялся со мной на плохом английском, французскую речь, я не выдержал и так расхохотался, что открыл глаза и напустил в них мыла.

Бросившись в прекрасную ванну, такого же белого камня, как дом, я тер глаза и продолжал хохотать.

— Вот Али-молодой говорила, что монсье Леон очень веселая особа, — снова услышал я голос слуги.

— Разве вы знаете Али-молодого? — удивился я.

— Как же не знать? Я вырастил Али-молодого. Он и послал меня сюда для Вас и брата И. И сам он приедет сюда. Тогда у меня будет три господина, — преуморительно коверкая слова, отвечал слуга.

Выскочить из ванны, растереться и одеться в костюм, который был уже мне знаком, — было делом одной минуты. Сердечно поблагодарив китайца за помощь, я спросил, как его имя. Он немного замялся и ответил:

— Как имя — это другое дело. Вы зовите меня Ясса — так зовет меня Али-молодой и зовут все здесь.

— Я буду звать Вас Ясса, но с тем, чтобы Вы звали меня просто Левушка, как меня зовет Али-молодой и как будут звать все здесь. Китаец рассмеялся и сказал:

— Будет так, если И. велит.

— Велит, велит, можете быть уверены.

И я бросился было бежать к И., но понесся в совершенно противоположную сторону и только с помощью опять все того же Яссы нашел И. в его комнате в беседе с Кастандой.

— Я не опоздал, И.? — весело воскликнул я, вбегая в комнату.

— Еще только через четверть часа будет гонг, — ответил мне Кастанда. — Не удивляйтесь, пожалуйста, если Ваш и И. приборы будут украшены цветами. Али Мохаммет, наш дорогой хозяин, предупредил нас о приезде его друзей. И каждый из живущих здесь сейчас пожелал выразить чем-нибудь свой привет вновь прибывшим гостям. Сам же Али-старший приветствует Вас подарками, которые Вы также найдете на своих приборах.

Кастанда нас покинул, и И. сказал мне:

— В столовой, как и здесь, царит простота, Левушка. Но это не значит,

что человек лишен комфорта. Сейчас у тебя ослеплены глаза. Ты рассеялся и не знаешь, куда и на что смотреть. Завтра ты лучше рассмотришь окружающее тебя. Мы пойдем сейчас ужинать, не смущайся большим числом незнакомых тебе людей. Ты встретишь немало и женщин.

У меня сжалось сердце. Точно живая, пронеслась перед моими глазами Анна. О. как остро я почувствовал ее горе в эту минуту. Она могла быть здесь с нами. Ананда сам мог привезти ее сюда, и вот одно мгновение сомнений и ревности — и все пропало.

— Анна не безвозвратно отошла, — тихо и ласково сказал мне И. — Она укрепитя и будет здесь. Ее бури ревнивых сил не вспыхнут больше. Но будет она здесь только тогда, когда сюда приедет и дочь Али — Наль, со своим мужем, твоим братом. К этому времени Али сам привезет сюда Анну. Не тоскуй о ней. Помогай ей мыслями радостной любви. Посылай ей каждое утро и каждый вечер помощь бодрости и мужества. Ничем более активным ты в данную минуту ей помочь не можешь. Но ты не думай, что это так мало. Это очень большая помощь. Ежедневная радостная мысль о человеке равняется постройке рельс для молниеносного моста, на котором можно научиться встречаться мыслями с тем человеком, о котором будешь радостно, чисто, пристально и постоянно думать.

Ударил гонг. И., как всегда угадавший мое смущение, взял меня под руку, и мы сошли вниз.

Уже было почти темно, очень тепло, почти жарко. Зал, называвшийся столовой, был ярко освещен, к моему удивлению, электричеством. Несколько дверей в нем были настежь открыты, окна были завешены мокрой кисеей и под потолком вращались десятки огромных вееров, создававших прохладный ветерок. Но все же было душно.

Я понял, насколько я окреп. Я не мог бы вынести ни минуты такой жары раньше.

Перед этой жарой духота Константинополя казалась шуткой. Несколько месяцев тому назад я немедленно упал бы в обморок, а сейчас мне было просто душно. Мой индусский костюм и сандалии на босу ногу очень мне помогали.

Мы вошли одними из первых. Кастанда сейчас же подошел к нам и проводил к нашим местам. Они оказались за крайним столом, на котором было много приборов, как и на других столах. Многие из входивших приветствовали И. как старого знакомого.

Некоторые кланялись нам обоим издали как вновь прибывшим друзьям. Здесь все, очевидно, были знакомы друг с другом и никто никого не стеснялся.

Когда все заняли места за столами, на каждый стол стали подавать кушанья очень своеобразным порядком. На небольших, очень пропорциональных и красивых столиках, которые катили слуги, стояли миски и блюда, и каждый брал себе то, что хотел, и сколько хотел. Такие катящиеся столики свободно проходили между обеденными столами. Наш стол был крайним к окнам, и тележка прикатила к нам со стороны окна.

И. предложил мне выбрать блюда для него и себя, а я не мог решить, что и как здесь едят. Заметив на одном из блюд салат из помидоров, на другом картофель, на третьем цветную капусту, я принялся снабжать ими И., как вдруг увидел чудесную дыню. Вспомнив, что "мудрец без дыни невозможен", я уже хотел положить туда и дыню, но И., смеясь, сказал:

— Тележка-стол, Левушка, опять приедет, как только мы с тобой справимся с овощами. Обрати лучше внимание на цветы, которые перед тобой, и еще кое на что. Быть может, привет Али тебя тронет.

Я стал рассматривать цветы, и увидел, что передо мной в высокой зеленой вазе стояла белая лилия. Очевидно, у Али и здесь были оранжереи. Но я положительно не мог ни на чем сосредоточиться. Сколько передо мной было лиц — мужских, женских, молодых, средних и старых, — и каких лиц! Мне хотелось их хотя бы вскользь рассмотреть, но каждое лицо, на котором останавливался мой взгляд, казалось мне замечательным, и я с трудом отрывал взгляд от него.

— Нет, Левушка, и не пробуй сразу разглядеть все и всех, — услышал я смеющийся голос И. — Здесь более ста человек, ты их узнаешь постепенно. Кушай, осмотри свой прибор и сосчитай хотя бы тех, кто сидит с нами за одним столом.

Я вздохнул, поняв, как далеко мне до И., который мог видеть сразу сотню людей и в несколько минут определить полную характеристику каждого; мог каждому сказать именно то, что ему нужно, и поддержать в каждом энергию одним словом или взглядом.

Меня уже не поражали эти свойства в И. Я их достаточно видел во Флорентийце и Ананде. Меня что-то поражало в этом переполненном людьми зале, которых я видел за последнее время так много. Но в этом зале было что-то особенное, чего я еще нигде не наблюдал. И это «что-то» относилось не к внешнему своеобразию самого зала, а людям в нем. Оно относилось к внутренней стороне, к не бросающейся ничем в глаза, но остро чувствовавшейся духовной культуре. Я воспринимал сейчас эту толпу людей совершенно по-другому. Здесь нельзя было себе представить, что вдруг в каком-либо углу зала прозвучит резкий выкрик, саркастический смех, злобная фраза...

И. снова отвлек мое внимание и заставил меня есть, говоря, что тележка придет скоро снова, а я отстаю. Я стал есть, не сознавая, что я ем, посмотрел на салфетку и обомлел. На моей салфетке было чудесное золотое кольцо с именем Али, выложенным из мелких зеленых камней и белых жемчужин.

— Ведь я говорил тебе, посмотри поближе к себе, — сказал мне И., снова улыбнувшись моей невероятной рассеянности.

Я захотел узнать, какое кольцо у И. и еще раз обомлел. На его салфетке было кольцо из простого белого дерева, на котором из белого коралла была надпись: «Али». Дальше шла надпись на неизвестном мне языке.

— Когда я ехал с Флорентийцем из К., - сказал я И., - я не понимал ни слова из того, что он говорил с туземцами. Я был все время тогда раздражен и расстроен.

Тогда же я дал себе слово изучить этот язык, непонимание которого доводило меня до иступления. Я ничего еще не сделал, чтобы выполнить свой первый обет. Тем не менее, я даю второй обет: узнать язык, на котором сделана надпись на Вашем кольце, И. Я потерял способность раздражаться, меня не угнетает мое невежество.

Пожалуй, в моем теперешнем самообладании я еще яснее ее вижу, мою невежественность. Поможете ли Вы мне, И., выполнить мои два обета?

— Охотно, друг. Только, пожалуйста, не давай больше скоропалительных обетов, а то, пожалуй, тебе придется прожить здесь, в Общине Али, годы и годы. А я привез тебя сюда только на короткий срок, чтобы ты мог подготовиться здесь к дальнейшей жизни подле Флорентийца.

— Община Али? — совершенно изумленный, спросил я.

— Да, но все это я расскажу тебе после. Сейчас кушай, смотри, отвечай на вопросы, хотя, думаю, никто ни о чем тебя не спросит.

Так, прислушиваясь к разговорам за нашим столом, я стал внимательно рассматривать своих ближайших соседей. Я прикоснулся к цветам возле моего прибора и вдруг увидел среди них два небольших конверта. На каждом из них стояло мое имя. Я сразу узнал крупный, четкий почерк Али-старшего и не менее четкий, но гораздо более мелкий и женственный почерк Али-молодого.

Вместе с огромной радостью на меня нахлынула целая туча воспоминаний. Я вновь переживал пир у Али, разлуку с братом, встречу с Флорентийцем и отдельные эпизоды путешествия с ним. Любовь к брату была все такой же сильной в моем сердце; но сейчас в моей памяти преобладающей нотой звучала не скорбь о разлуке с ним, а радость за него,

радость, что он счастлив, в безопасности и живет подле Флорентийца. Я думал об Али-старшем с большой благодарностью не только за то, что сейчас сидел под его кровом, но и за то, как много он сделал для брата, как, в сущности, оба мы были обязаны ему всем.

И вдруг я снова ощутил знакомое мне содрогание во всем организме. Мне показалось, что я вижу Али, стоящим у круглого окна вдали. Вижу его прожигающие очи и слышу сильную, четкую речь:

— Учись, Левушка. Первой задачей стоит перед тобой полное самообладание, второй — бесстрашие и третьей — такт. Приобрести качества, можешь снова выйти в мир для труда и служения людям. И. поможет тебе, я приму тебя в круг моих сотрудников.

Али исчез, мне показалось, что стало значительно темнее в комнате. Я опомнился потому, что И. заботливо помогал мне встать со стула. Я давно не впадал в болезненное состояние иллюзорных видений, считал себя совсем выздоровевшим от них и сейчас совершенно расстроился, поняв, как я еще мало окреп.

Все вставали со своих мест, очевидно ужин был окончен. Повинуясь руке И., я также встал с места и увидел перед собой Кастанду.

— Вы, вероятно, очень устали от дороги и жары, Левушка, я пришлю Вам Ваши цветы на балкон. А письма Вы, конечно, захотите взять с собой сейчас же, — подавая мне письма, сказал Кастанда.

Я поблагодарил, взял оба письма, хотел взять и кольцо, но И. сказал, что кольцо мы рассмотрим завтра при дневном свете. Он познакомил меня с некоторыми из подходивших к нему друзей. Но я был как в тумане и едва различал лица, за минуту казавшиеся мне такими значительными. Мы вышли в сад. Я в первый раз мог наблюдать яркое небо на громадном просторе, но сил у меня было так мало, что я попросил И. сесть на первую попавшуюся скамью. Я приник к И. От него бежала ко мне живительная энергия. Я постепенно успокоился и почувствовал, что сердце мое бьется ровно. Я сказал, что хочу пойти к себе и прочесть письма обоих Али.

— Скоро, гораздо скорее, чем ты думаешь, Левушка, ты научишься владеть собою и будешь слушать речь друзей на огромном расстоянии без всякого напряжения, — ласково говорил И., провожая меня домой.

Из всего окружающего меня сейчас, я мог только в одном дать себе отчет: тишина ночи отвечала тишине во мне. По дорожкам сада двигались темные тени группами, парами, в одиночку. И снова, сталкиваясь с людьми, шедшими нам навстречу, я чувствовал, — как в обеденном зале, — что от них льется доброжелательство. В чем оно выражалось и как я мог его ощущать, я не знал. Но был определенно уверен, что здесь никто меня не

судит, не разбирает по статьям, а очень просто и любовно принимает в свое общество.

И. вел меня какими-то дальними путями, я понял, что он хотел мне дать возможность совсем прийти в себя. Мне стало вдруг даже смешно: неужели И. думает, что я прежний Левушка, что в какой-либо щели моего существа могло засесть раздражение?

— Мой дорогой И., я уже давно способен читать мои письма; голова моя в полном порядке. Неужели Вы можете предполагать, что я сегодня был раздражен? Я уже забыл, как это делается, — весело заглянул я в лицо при ярко горевших звездах.

Я знаю, что для тебя стало невозможным раздражаться, Левушка, и если я так долго вожу тебя по саду, то только для того, чтобы в первую же ночь, как ты войдешь в здешний дом Али, ты вошел в полное равновесие сил и чувств. Мы в Общине Али. Каждый из нас, придя сюда, уже прошел крестный путь жизни. Но не каждый прошедший его мог дойти до этого дома. Здесь ты увидишь только тех, кто просветлен в своем страдании, кто понял, принял и благословил свои обстоятельства, кто захотел жить, служа человечеству, думая об общем благе.

Входя сегодня в этот дом, подумай, мой дорогой мальчик, обо всех, кого ты оставил в Константинополе. Обо всех, кто сейчас вокруг Ананды и Флорентийца, а также вспомни сэра Уоми и всех, кто с нами был и ушел утешенным и обрadowанным.

Оба Али будут говорить с тобою в письмах; благослови день встречи с ними. Сбрось всю тяжесть прежней скорби и недоразумений с себя. Войди под новый кров Али свободным, легким и радостным. Не думай, что сулит тебе «завтра». Но заверши свое «сегодня» такой полнотой чувств, чтобы весь твой организм мог воспринять слова, что пишет тебе Али-старший.

Мы вошли в дом, поднялись к себе, и я простился с И., чтобы наедине прочесть письмо Али, чудесное лицо которого я так недавно видел глядящим на меня из эфира в круглом окне.

"Друг, брат и милый сын! Нет расстояния и условного разъединения для тех, чье сердце горит неугасимой любовью. Нет смерти для тех, чье сознание раскрыло человеку его живую Вечность, которую он в себе носит.

Сегодня ты вступил в мой дом на Востоке. Вступи в него не гостем, не другом, но равноправным членом моей семьи. Все, кого ты там встретишь, — все твои братья и сестры, идущие путем труда и совершенствования.

Тебе дано больше, чем многим из них. Ты обладаешь силой видеть и слышать в любую минуту и меня, и Флорентийца, и Ананду, и сэра Уоми.

И. поведет тебя, постоянно помогая развитию твоих психических сил, к высшей ступени знания. Ты будешь владеть силами в себе и вовне.

Что нужно от тебя, чтобы дело шло успешно и развернуло в тебе все силы творческого духа?

Нужна твоя верность. Что такое верность ученика своему Учителю? Это единение вечное с его трудом и путями. Если ты выразишь героическое напряжение сил и мыслей, ты сольешься с бурным пламенем творчества твоих Учителей. И Вечность раскроет в тебе все твои таланты. Но верность твоя — единственный ключ ко всему знанию.

Живи легко, бесстрашно и свободно. Кто не сумеет так жить свой день, для тех знание закрыто, хотя бы они даже переступили порог Общины. Можно жить среди совершенных людей — и все же видеть только их внешние манеры. Можно жить среди таких же, как ты сам, несовершенных, но стремящихся к радости совершенства людей и видеть в них каплю огня Вечности. И тогда ты будешь стремиться не потревожить ничем этой капли огня в другом человеке, а принести ей помощь, чтобы она могла легче и проще, выше и веселее превращаться из капли в костер. Повторяю, ключ к такому пути ни Община, ни люди, ни природа с ее красотой никому не предоставят.

Ключ — в тебе самом, в твоей верности.

Нет никаких «особых» знаний, которые раскрываются человеку упорством воли, в каких-то особо избранных местах, по особым ритуалам. Этими делами занимаются темные оккультисты. Знания их, приобретенные этим путем, ничтожны, в чем ты уже имел возможность убедиться. Но соблазн, который они вносят в мир, язвы, которые они оставляют в сердцах, страшны и разрушительны среди людей невежественных.

Действуя на эгоистические страсти, темные оккультисты вербуют себе войско, сжигая в человеке волю к добру своим тяжелым гипнозом.

Та Община, где ты сейчас живешь, — это спасительная сеть, где куются бойцы для борьбы со злом, с нагребанием, с разжигающими страстями. Здесь закаляются сердца тех, кто хочет жить для общего блага, для мира и радости людей.

Знание — двигатель жизни, и радость — масло для него. С той минуты, как ты вошел под кров моей Общины, осознай новый порядок вещей и пойми в нем новый подарок, который тебе дала Великая Жизнь.

Перед тобой период в целых семь лет абсолютной раскрепощенности от всех забот практической жизни. В полной освобожденности от бытовых тягот осознай свою величайшую внутреннюю свободу. Осознай, что твое Я, освобожденное от страстей, может сдвигать горы, если верность твоя

цельна до конца и никакие сомнения и страхи не могут пробить в ней бреши.

Прими, друг, бодрое пожатие моей руки и иди по жизни в простой доброте. Как только доброта твоя станет ежедневным, привычным двигателем твоей жизни — ты каждую встречу сумеешь начать и кончить в радости и мире.

Верь мне — все, чего должен достичь человек в своих встречах, это начать и кончить каждую из них в мире, милосердии и доброте.

Время — семь лет, о которых я упомянул, что кажутся тебе сейчас целой вечностью, — мелькнет как одно мгновение и, покидая гостеприимный кров Общины, ты будешь сам себя уверять, что еще не чувствуешь себя в силах идти в практическую жизнь, чтобы строить людям пути к общему благу и миру.

Но... каждому его момент современности, его момент творчества, его момент развития и действия героических сил.

Кто спешит — не достигает. Кто отстает и медлит — находит смерть. Мужайся, друг.

Ты хорошо начал свой путь — продолжай его так же. Если в минуту разлада ты будешь нуждаться в моей помощи, крепко и уверенно думай обо мне, зови имя мое «Али», и я отвечу тебе немедленно. Прими мой привет и мир.

твой друг Али Махоммет" Я потушил лампу, взял в руки письмо и вышел на балкон. Ночь, тихая, темная, с небом, усеянным звездами, окружала меня. Огромные пальмы едва вырисовывались волшебными контурами. Неведомые мне звуки этой ночи, какие-то шорохи, точно вздохи, очень отдаленный звук свирели, аромат роз и гвоздик... Все слилось в какое-то кольцо еще неиспытанных спокойствия и блаженства. Гармония царила в этой ночи и захватила меня. Я перестал чувствовать себя отдельным существом и ощущал радость бытия, счастье жить в этом очаровании вселенной, живым куском которой я себя создавал.

Прижав письмо к губам, я благодарил Али за все его благодеяния мне и брату. Я прочел письмо еще раз не глазами и умом, но сердцем. Любовь моя к нему пролилась горячей волной, раскрыв мне великую мощь Али. Я увидел еще один аспект, аспект любви, в фигуре моего высокого друга. И я захотел приблизиться к знанию, чтобы приблизиться к нему. Я так долго простоял на балконе, что звезды стали меркнуть, восток зарозовел. Я вспомнил о письме Али-молодого и поспешил в комнату.

Волшебная картина пробуждающейся жизни заставила меня отдернуть занавеси. Я распахнул одно за другим все окна настежь и стал наблюдать,

как из-за горного хребта выплывала красная полоса, становясь все шире и ярче. Внезапно выскочил краешек солнца, и я едва удержал крик восторга. Весь горный хребет, с белыми вершинами, облитый розовым светом, открывался на дальнем горизонте. И до самого хребта тянулась широчайшая долина с живописными селеньями, переплетающимися садами, полянами и лесами. Я только тогда отошел от окна, когда увидел садовников, выходивших из дальних построек Общины.

Одновременно во многих местах дома началась жизнь. Я видел, как фигуры в белом с мохнатыми полотенцами на плечах шли купаться к горной речке. Я сел в кресло и стал читать второе письмо.

"Мой дорогой Левушка, мой милый брат", — писал своим мелким и необычайно красивым почерком молодой Али. Глядя на этот характерный почерк, я особенно ярко представил себе Али. Я вспомнил его в первые минуты встречи, когда он, не видя нас, высаживал из коляски ворчливую тетку и украдкой улыбался Наль. Я вспомнил его ту минуту, когда Наль дала цветок брату Николаю... Я видел его в индусской одежде на даче у дяди Али. Как должен был тогда страдать этот человек, даже буквы почерка которого ложились ровной лентой, как гармонично сплетенное кружево. Какая стойкость воли и должна была жить в этом гармоничном существе, чтобы после смертельного удара вновь жить полной жизнью, улыбаться и радоваться.

Сейчас для меня было ясно, что именно в тот момент, когда Наль подала цветок не ему, а брату Николаю, Али умер. Умер беззаботный, влюбленный Али; умер жених, мечтавший о любви и семье, и остался жить новый человек, воин, строитель жизни, подле Али-старшего уже навек забывший о себе.

Я не спрашивал себя сейчас: "Зачем столько страданий в мире?" Я знал теперь, зачем они, знал, что через них люди идут к знанию и на препятствиях растут и закаляются. Я снова стал читать письмо.

"Передо мной мелькает вся твоя тревожная жизнь последних месяцев. Не раз сжималось мое сердце за все твои муки, и я хотел бы обменяться с тобой ролями и взять на себя твой подвиг, предоставив тебе спокойную жизнь подле дяди Али.

Но... путь себе не выберешь. Путь стелется там и так, как сам человек его соткал.

В письме не передашь всего, что хотелось бы излить из сердца. Да и слова наши малы для того огромного, чем я хотел бы поделиться с тобой. Одно мне необходимо тебе сказать: не печалься ни обо мне, ни о твоём брате.

Видишь ли, цель жизни на земле — освобождение через труд. Но мы так созданы, что, приходя на землю, приносим и растим в себе такое количество страстей и предрассудков, которые опутывают нас, как цепкие лианы. И чем прекраснее цветы наших иллюзорных лиан, тем яростнее мы к ним привязываемся и за ними гоняемся.

Когда ж настает момент нашего внутреннего созревания, нам приходится разрывать цепи иллюзий. И если цепи глубоко вросли в наше сердце, то в тот момент, когда мы их вырываем, — мы умираем. Умираем иногда целыми частями своего существа, чтобы на месте связывавших нас страстей вырастала радость освобождения.

Не могу тебе сказать, чтобы я завоевывал свои ступени роста и освобождения легко и просто. Я уже много раз умирал под вцепившимися в меня лианами страстей и много раз снова оживал, всегда благословляя Жизнь за посланный ею урок освобождения.

Я вижу, как свалились на тебя сразу целые десятки уроков. Я вижу, как стоически ты их выдержишь, мой дорогой друг Левушка. Тебе кажется, что страданий вокруг слишком много, что Милосердие Жизни могло бы больше позаботиться о радости людей. Нет, Левушка, не Жизнь раздает награды и удачи или наказания. А человек подбирает в своих днях то, что он сам разбросал своим творчеством в веках вокруг себя.

Выбросить, как ковшем вычерпать, мутную воду, что сам пролил в жизнь, — невозможно. Ее надо пропустить через собственное сознание и труд. И только тогда вода, прошедшая через фильтр собственной доброты, всосется в землю, оставив на ее поверхности вокруг человека кристаллы чистой Любви. Эти сверкающие кристаллы уже не могут ни замутиться, ни разбиться. Это кусочки твоей вечной Любви, что живут в тебе и каждом. Они легки, чисты и сыплются с нас, как алмазный дождь, лишь только мы двигаемся к труду по земле в своем простом дне, думая не о себе, а о встречах.

Чем больше любви в сердце, освобожденной и очищенной, тем чище и шире вокруг нас блестящий ковер, на котором встречает своих близких каждый человек. Когда только еще подходишь к человеку, ощущаешь уже издали аромат атмосферы его ковра. И тот человек, чья атмосфера очаровывает нежностью и энергией силы, всегда много-много раз уже умирал своими страстями раньше, чем они переросли в кристаллы освобожденной любви.

Тебе, Левушка, пришлось много выстрадать. Но перед тобой еще огромная, долгая-долгая жизнь. Все еще встретится тебе на пути. Но ты знай одно: нет таких ступеней совершенства, которые сваливались бы с

неба на плечи человеку сами собой из рога изобилия, что держит чья-то рука, усыпая путь цветами. Каждый цветок — собственный труд человека. Каждая удача — твоя победа в тебе самом.

И «удача», которую ты назовешь этим словом, — это будет твое знание, твое достижение на пути освобождения. Это будет внутренняя мощь и победа, а не те внешние блага, что обыватели зовут удачами, стараясь вырвать их себе чужими руками и трудом.

Если временами тебе будет становиться особенно трудно и тяжело, знай твердо, что проходишь одну из ступеней своего освобождения, что в тебе умирает какая-то часть иллюзий. Их умирание всегда переносится трудно организмом земли, наделенным сознанием, силами и чувствами двух миров — неба и земли.

Зная это, вспоминай, когда страдание обовьется вокруг тебя, и льни тогда к людям вроде И., чей ковер любви разросся в огромное яйцо, охватывает самого И. и всех, кто к нему подходит. Дядя Али говорил мне, что пошлет меня к тебе в Общину. Я там был уже два раза и буду счастлив, если встречу там с тобой.

Прими мой сердечный привет, дорогой друг. Не стоит и говорить, как я буду рад, если ты не откажешь мне в твоей дружбе и будешь мне писать. Я же всегда с тобой в мыслях и дерзаю назвать себя твоим верным другом.

Али Махмед" Это было второе письмо, полученное мною от Али-молодого. Я поневоле вспомнил, как я караулил сон Флорентийца и читал в духоте вагона его первое письмо.

Как сравнительно мало прошло времени, еще и года не истекло с нашей первой встречи с Али, а сколько уже мелькнуло событий. И таких событий, которые закрыли собою того мальчика, что приехал в К. Я улыбнулся сам себе, когда представил себе того наивного, ежеминутно раздражавшегося Левушку, который шел на пир Али и воображал себя героем маскарада. Мне показалось, что я даже не мог теперь и чувствовать так экспансивно, как в то время. Вспомнил я и свое отчаяние, одиночество, слезы брошенного существа, что давали мне ощущение кладбища, — и ясно понял, что я переступил какую-то ступень сознания и уже больше не буду искать счастья жизни в той или иной форме жизни внешней.

Вероятно, я еще долго раздумывал бы о всевозможных вопросах, которые испытывали по ассоциации воспоминаний, но меня отвлек цветок, брошенный в окно. Я поднял цветок, вышел на балкон и увидел И., звавшего меня купаться в горной речке.

— Да ты, Левушка, не спал? Это никуда не годится, — говорил мне притворно грозным тоном мой дорогой друг и наставник. — Сегодня я буду

знакомить тебя с большим числом моих друзей. Среди них будет немало прелестных дам, и мне вовсе неохота, чтобы они составили себе впечатление о скучном Левушке, который дремлет за завтраком.

Я уверил И., что не ударю лицом в грязь, спрятал письма, захватил простыню и быстро нагнал уже спускавшегося вниз И. Мы шли теперь по той живописной долине, которую я наблюдал со своего балкона.

Тропа круто свернула влево, мы обогнули небольшой сад, и я снова застыл от изумления. Горная речка текла издалека, падала уступами, бурлила и пенилась, но у песчаной отмели, куда привел меня И., разливалась большим озером, как огромная чаша, и вытекала снова узкой, бурлящей по уступам речкой.

Вокруг озера росли пальмы и было раскинуто много купален. Озеро было глубокое, вода холодная. И только немногие, отличные пловцы и спортсмены, решались переплыть его. На другой его стороне тоже стояли купальни, и там я различал двигавшихся людей.

Было уже очень жарко, я мечтал поскорее окунуться, но И. повел меня дальше, на следующий уступ горы. Здесь я увидел такую же точно картину, река образовывала озеро и текла дальше. Но это озеро было гораздо меньше и мельче. И. объяснил мне, что приезжающим впервые в общину нельзя купаться сразу в нижнем озере, так как слишком низкая температура воды вызывает судороги и может даже смертельно повредить всему организму. Но, постепенно приучаясь к переходам от жаркой температуры воздуха к холоду воды в озере, воды, обладающей большими целебными свойствами, можно не только сбросить с себя кучу физических болезней, но и обновить весь организм.

Многие, прожив в Общине шесть-семь лет, уезжают помолодевшими на десятки лет и почти перестают болеть. И., не желая оставлять меня одного, купался тоже в верхнем озере. Не знаю, как бы я чувствовал себя в нижнем озере. Но вода верхнего меня пленила. После моря, в котором за время нашего долгого путешествия я часто купался, мягкая, совершенно прозрачная и приятно прохладная вода озера, где был виден мельчайший камушек, где дно было как бархат, где не плавало ни одной медузы, казалась мне блаженством. Я никак не мог решиться расстаться с озером, и только угроза И., что близится час женского купания и я задержу дам, заставила меня вылезти из воды, хотя я вздыхал и обещал И. завтра же найти себе еще одно озеро, где бы можно было купаться сколько захочешь, не боясь дамского нашествия.

И. смеялся и угрожал познакомить меня с одной американкой, очень богатой дамой, которая не любит юношей-затворников и превращает их в

своих пажей. Я возмутился и просил принять к сведению, что в Америку ни за какие блага не поеду и знакомиться буду только с русскими. Едва я успел договорить фразу, как за купальней послышались голоса и смех.

— Это что же значит? — услышал я веселый, очень молодой женский голос, говоривший по-английски. — Лорды все еще на озере? Разве не пробило семь?

— Нет, милостивые леди, — отвечал И. — Еще три минуты в распоряжении лордов. А, кроме того, один русский граф, только что приехавший, опоздал специально, чтобы скорее познакомиться с американской леди. Он так много наслышан об ее уме и воспитательских талантах, что мечтает попасть в число ее пажей.

Все это И. говорил кому-то на мостике купальни и говорил, так уморительно перехватив интонацию женского голоса и чуть неправильный акцент, что я крепился, крепился, да сорвался и залился своим прежним мальчишеским хохотом. И. распахнул дверь купальни, вытащил меня на берег, и... я замер, превратившись в Левушку "лови ворон".

Передо мной стояли две женщины. Одна была полная, среднего роста, с сильно вьющимися волосами, некрасивая шатенка. Но глаза ее, огромные, серые, навывкате, беспокойные, с властным выражением, точно не вмещались в это плотное тело. Этим глазам, казалось, все надо было знать, во все вмещаться, во все вникнуть. Ей было на вид лет тридцать.

Рядом с ней стояла девушка, совсем юная и тонкая, болезненного вида, с темными волосами, прехорошенькая, предобрая и... довольно печальная. Я не мог ничего понять. Очевидно, голос принадлежал молодой? Но вот заговорила старшая, — и нечто вроде мороза пробежало по моей коже: голос принадлежал ей. Кому же это И. наметил меня в пажи? Этим электрическим колесам, а не женским глазам, должно быть, никак не угодишь.

Старшая дама улыбнулась — точно дырочку просверлила в моем сердце — и вновь сказала:

— Будь моя воля и не мешай мое величайшее преклонение перед Вами, доктор И., я бы запретила детям раньше семнадцати лет являться в Общину. Особенно таким нервным, как Ваш спутник.

— Ничего, Наталья Владимировна, мой друг уже опередил многих. А главное, пришлось бы начать запрет с Вас. Ведь Вы-то приехали сюда, когда Вам еще не было полных семнадцать лет. И все же Вас приняли здесь с радостью, и жизнь здесь не повредила Вам.

И. представил меня обеим женщинам, назвав одну Натальей Владимировной Андреевой, а другую леди Бердран. — Через день все

равно будете звать меня Натальей, так уж можете и не запоминать отчества, — сказала Андреева, протягивая мне руку. И какая тонкая и приятная была эта рука! Я сразу почувствовал в ней друга и перестал бояться ее глаз.

— Ну и шила же у Вас вместо глаз! — Бог мой, а я только что хотел сказать Вам, что Ваши глаза — электрические колеса! Должно быть, на дне морском гвоздь същут они. Я уже почувствовал, как Вы просверлили меня ими, Наталья Владимировна.

— А я что же? — рассмеялась леди Бердран. — У меня ни шил, ни колес, ни дырочек сверлить не умею, к какому же рангу смертных причисляюсь я?

— Вы, леди, Вы звезда удач. Я уверен, что встреча с Вами несет всем удачу. И Ваша печаль происходит от того, что Вы у всех берете скорбь и бросаете им взамен свою доброту.

— Пощадите, И.! Вам надо было Вашего друга купать сразу в нижнем озере, — расхохоталась Андреева.

И. взял меня под руку, весело поглядел на дам, еще веселее засмеялся, назначил им свидание в столовой и побежал, увлекая меня за собой, как бегают школьники.

Опять пришлось мне поразиться. Положительно с моим водворением в Общине я только и знал, что удивлялся. И., такой серьезный, степенный, так редко смеявшийся, только улыбавшийся, был здесь совсем другим. Я не мог себе вообразить, что И. может бегать и шалить со мною, как мальчик.

Через несколько минут я взмолился и попросил И. перейти на медленный шаг. От моего прохладного купанья не осталось и следа. Я был мокр, и пыль набилась в мои сандалии, И. же имел вид вышедшего из гостинной.

— Не огорчайся, Левушка, приучишься к климату и выучишься ходить и бегать так, чтоб не подымать пыли. Иди, меняй свое платье, возьми душ, скажи Яссе, он тебе поможет. Я буду здесь тебя ждать.

И. сел в тень на скамью возле крыльца, и не успел я подняться на верхнюю площадку, как он был уже окружен большим кольцом людей.

Ясса посоветовал мне взять холодный душ, что я с восторгом исполнил, дал мне свежий хитон и сандалии и сказал, что утром все ходят в одном легком хитоне и только к обеду надевают два. Обед бывает здесь рано, в два часа.

Я удивлялся, как можно есть в самый зной, но не сказал ничего. Ясса же, точно поняв мои мысли, объяснил мне, что утренняя столовая, куда мы пойдем сейчас, — западная. Обеденная, — в самом конце сада, у речки, она

северная, открытая, обвитая вся лианами и плющом, а чайная — на восточной стороне парка, у самой скалы. Жарче всего не в обеденной столовой, зелень которой все время поливают водой и где дует ветер вееров, а в чайной, где даже устроен в скале грот для тех, кто плохо переносит жару. В гроте всегда прохладно, и многие даже занимаются там в полуденный жар.

Я сошел вниз как раз с ударом гонга, И. познакомил меня с некоторыми из своих собеседников, взял меня под руку, и мы пошли всей группой к столу.

Я посмотрел по сторонам с беспокойством, думая, что мои новые знакомые дамы запаздывают к завтраку. И здесь мне был сужден сюрприз. С противоположной стороны парка шли Андреева и леди Бердран. Очевидно, была еще другая, кратчайшая дорога от реки прямо в парк.

Теперь я мог лучше рассмотреть обеих дам. Андреева шла довольно тяжелой походкой тучных людей. Ее глаза на самом деле походили на электрические шары. На меня она снова произвела впечатление намагниченного человека. Мне казалось, что ее спутница умышленно держится подальше от нее. Леди Бердран улыбнулась нам и села за соседний стол, где уже сидел немолодой человек, очень красивый, живой, с прекрасными манерами, бритый. Я принял его за француза. Он приветствовал свою соседку, ловко расставил ее кресло и сел сам только тогда, когда она опустилась в кресло и придвинулась удобно к столу.

И. сказал мне, что этот человек поляк, простой рабочий, добившийся сам высшего образования и боровшийся не раз за освобождение своей родины. Имя его — Ян Синецкий, он не первый раз уже здесь.

Возле Андреевой я увидел человека небольшого роста, с прелестными, добрыми и детски наивными глазами. Окладистая серо-седая борода и такие же кудрявые волосы в сочетании с большими близорукими синими глазами — веселыми и юмористически плутоватыми — все было так красиво и обаятельно, что даже очки не портили его лица. Щеки его были розовые, губы красные, зубы перламутровые, и весь он мог бы быть моделью для статуи добряка. Улыбка почти не сходила с его губ, и одет он был в легкий, безукоризненно белый костюм из тончайшего шелка. От него так и веяло чистотой и аккуратностью, что еще резче подчеркивало полный контраст с его соседкой.

Грубо высеченные черты волевого лица, необычайная живость глаз и пристальность взгляда, какая-то суровая сила, исходившая от нее, составляли полную противоположность с ее соседом. Все в ней было неряшливо. Кружевная белая косынка, покрывавшая ее волосы, была

наброшена небрежно. Платье было измято, книга, которую она держана в руке, потрепана, из зонтика торчали две обнаженные спицы. Обе эти фигуры, такие контрастные, поглотили сразу мое внимание. Каждая из них показалась мне обаятельной по-своему, и я подумал, как бы разны ни мыслили эти люди, — они могут решать какую-то задачу жизни сообща и вливаться в гармонию, дополняя друг друга.

Я только что хотел спросить И., не муж ли и жена они, как услышал громкий и веселый смех Андреевой, которая сказала И. через стол:

— Я же говорила Вам, И., что Вашего чудо-шило-графа надо было сразу купать в холодном озере. Он уже нашел тему для своего будущего романа, и бедный мистер Ольденкотт попал первым в его герои.

— Не думаю, Наталья Владимировна. Левушка так напуган Вами, что скорее будет искать темы для своих работ в других секторах Общины, — юмористически поблескивая глазами, ответил И. Несмотря на внешнюю грубоватость, от Андреевой так и веяло мощью доброжелательства, когда она смотрела на меня. Я внутренне сразу с ней сдружился, чему и сам теперь удивлялся. Впервые я ясно понял, что у Андреевой не было внешнего такта; но ее мудрость была выше, чем у всех, кто сидел с ней рядом. Я улыбнулся и, нисколько уже не боясь ее глаз, сказал:

— Не знаю, что было бы, если бы И. приказал мне искупаться в холодном озере. Но теплое озеро породило во мне одно желание: сделаться Вашим пажом.

Не только. И., Ольденкотт, Синецкий и леди Бердран, но и сидевшие подальше за нашим столом не могли удержаться от смеха. Кастанда, подошедший к И. опросить, какой диетический стол он мне назначит, смеялся до слез. Наталья Владимировна выждала, пока ее соседи успокоились, и снова сказала своим четким, резковатым голосом, необыкновенно молодым для ее лет:

— Левушка, запомните хорошенько этот день и этот смех. Он мне будет большим оправданием, когда Али приедет сюда и спросит меня, что я сделала для человека, пожелавшего добровольно стать моим пажом. Общий смех моих друзей говорит о том, в какой тирании я держу моих юных приятелей. Но кончается дело всегда так, что юные приятели забирают меня в лапы, и я служу им объектом для их проказ либо забав.

Я мало понял, что скрывалось за общим смехом и в чем состояла соль слов Андреевой. И. весело смотрел на меня, заставляя меня есть салат из зелени, потом какую-то особенно вкусную кашу и, наконец, прекрасный кофе, по которому я соскучился за долгое время нашего путешествия, получая всюду какао или шоколад.

Рядом со мною сидел высокий, стройный, гладко выбритый молодой человек по имени мистер Черджистон. Он оказался по образованию математиком, но в данное время занимался историей. Он тоже был в Общине впервые и приехал сюда только несколько недель тому назад. Я почувствовал, что он еще не освоился здесь. Мистер Черджистон имел от кого-то письмо к И., о чем я тут же сказал моему другу.

— Да, я знаю, мистер Черджистон, Ваш друг писал мне еще в Константинополь, что направляет Вас сюда. Он просил меня быть Вам руководителем здесь, что я с большой радостью беру на себя. Ананда тоже говорил мне о Вас. Я привез Вам от него письмо и небольшую посылку, — ласково ответил он англичанину.

Никогда не забуду, что произошло с молодым человеком, когда он услышал, что Ананда прислал ему письмо и посылку. Выдержанный, строгий англичанин вздрогнул, покраснел, уронил вилку и салфетку и с глазами, полными слез, чуть слышно сказал: — Неужели Ананда сам написал мне письмо? — Да, мистер Черджистон, и не только сам написал, но и дал мне полные указания, как подготовить Вас к свиданию с ним. Когда он сюда приедет. Вы должны быть готовы его сопровождать в далекое и долгое путешествие. Ананда просил меня передать Вам, чтобы Вы постарались побороть свою застенчивость, потому что Вам придется много жить среди больших суетных городов, среди людей, в постоянном общении с ними.

— Очевидно, мне не суждено жить так, как мне бы хотелось, — вздохнул мистер Черджистон. — Я мечтал о монашестве, а попаду в мир, да еще в суету. Но, чтобы следовать за Анандой, я рад идти каким угодно путем.

Завтрак кончился, мы поклонились нашим соседям и новым знакомым и, вместе с англичанином, поднялись в наши комнаты.

— Я очень прошу Вас, доктор И., и Вас, Левушка, зовите меня Альвер, — сказал Черджистон. — Так звали меня самые дорогие мне люди. И я бы очень хотел слышать от вас обоих это обращение.

— Прекрасно, Альвер, мы так и поступим, — передавая ему письмо и посылку, сказал И. — И, если это не нарушает Вашей программы дня, приходите через полчаса в парк, к дальнему пруду у столетних пальм. Я намерен провести Левушку к подножью гор, ближних, зеленых, и познакомить его немного с окрестностями, а кстати, чуть-чуть и с ботаникой.

— Как я счастлив, что Вы возьмете меня с собой! Я буду у пальм через полчаса.

Альвер вышел, унося с собой свое драгоценное письмо и небольшой ящик, довольно тяжелый.

— Альвер много-много выстрадал в своей жизни, — когда мы вооружились лопатами, огромными войлочными шляпами, ножом и сумкой и вышли в сад, сказал мне И. — Его жизнь до последних двух лет была сплошным ужасом в семье мачехи и ее детей, которых он содержал, работая без отдыха. Юноша уже готов был прийти в отчаяние, как его встретил один из учеников Ананды. Он привел его к Ананде, когда тот был проездом в Дувре, и с тех пор Альвер ожил, Ананда же помог ему и сюда добраться.

— Ах, И., как трудно мне здесь собрать внимание. Я хотел бы сразу хотя бы увидеть всех, кто здесь живет, А выходит, что, чуть взгляну на одного, — увязну в нем, забыв обо всех остальных. До сих пор я умел так сосредоточиваться, чтобы и человека — даже очень замечательного — видеть и не упускать из поля зрения всего окружающего. Здесь же моего внимания едва хватает на какое-либо одно лицо.

— Это не потому, Левушка, что ты стал рассеян. А только потому, что внимание твое сконцентрировалось; и сам ты стал более тонко и глубоко воспринимать эманации и вибрации встречаемых людей. Твой организм, его психические и физические стороны закалились по сравнению с прежним, и ты глубже видишь человека. Если ты вспомнишь свои ощущения от встреч с самого выезда из К., ты заметишь, как, тебя постоянно разбивали токи, исходившие от людей. Даже от общения с такими высокими и светлыми силами, как Али, Флорентиец, Ананда, тебя постоянно приходилось подкреплять соками трав и растений в виде конфет, пилюль, капель. Теперь же ты забыл о существовании всех этих средств в такой бурной встрече, как встреча с Андреевой. А между тем, именно она могла бы подействовать разрушающе на твое спокойствие. И это еще может случиться в дальнейшем. Заметил ли ты, что американка, давно уже живущая подле нее, старается держаться в некотором отдалении от Натальи Владимировны. Подле Андреевой с самого ее детства все окружающие испытывали беспокойство, а предметы плясали, как только она к ним приближалась. Ее и сейчас не впускают в электролечебные кабинеты. Электрические приборы от одного ее приближения портятся, не выдерживая той колоссальной силищи электричества, которую излучает ее организм. В ней обнажены все ее психические силы. Она из тех внезапно обновленных людей, в ком Вечность сразу поглотила их животное начало и возвратила им все их прежние таланты и знания. Но сила божественного огня не течет в ней в гармонии с огнем земли. Он вырывается из нее

языками, хотя всегда огонь Света его превосходит и подавляет. Но потому, что оба эти огня не переплетаются в ней в гармонию, она и сама подвержена раздражению, и других может заражать неустойчивостью. И все же ты остался перед нею в полном самообладании, хотя она увидела и прочла в твоей ауре все твои особенности.

К нам подошел Альвер, которого мы уже несколько минут поджидали, стоя среди совершенно сказочной красоты, в тени столетних пальм, окружавших пруд и отражавших в нем свои огромные кроны. По воде плавали белые и черные лебеди, а между пальмами стояли красноватыми кучками розовые фламинго и еще какие-то никогда мною не виданные птицы.

Вдали среди пышной зелени виднелось несколько домиков и расхаживали, важно распуская чудесные хвосты, белые павлины. Мимо нас проходили люди в белых коротких одеждах. Все они, очевидно, хорошо знали И., как и он их. Я поражаюсь его памяти. Каждого он приветствовал по имени, каждому задавал вопросы совершенно разные. Но результат этих вопросов был всегда один и тот же: лица людей озарялись, на них, точно луч света, мелькали радость и бодрость.

Пока мы медленно проходили по тенистому парку, я мысленно вздыхал: какой колоссальный разрыв был между мною и И. в наших знаниях, силах, талантах, наконец, в любви! Где мог брать И. такой неугасимый костер этой любви, чтобы не расточить и не опустошить сердца теми потоками внимания и теплоты, которыми он буквально обливал каждого, кто нам встречался.

— Ну, Левушка, в Общине нет места унылым мыслям. Сюда попадают только те, кто победил в себе все возможности отрицать и скорбеть, унывать и жаловаться. Брось всякого рода сомнения и приготовься к первому опыту пустыни. Как только мы выйдем из тени парка, зной набросится на нас со всех сторон.

И. надвинул мне глубоко на голову мою огромную войлочную шляпу и спустил сзади на плечи вуаль, которой я даже не заметил на шляпе. И действительно, лишь только мы шагнули за калитку сада, я почувствовал себя в огненной печи. Я оценил внимание Яссы, давшего мне высокие закрытые сандалии на толстенных подошвах.

Песок, которого я случайно коснулся, был горяч как угли. Пот лил с меня градом, вся моя одежды была мокра, тут же высыхала, снова взмокала, от меня шел пар. Я так ошалел, что едва доплелся до подножья гор, с которых там и сям катились ручьи и били ключи, орошая прекрасную растительность, траву и цветы. И. указал мне несколько кустов дикой

ежевики, громадной, спелой, под тяжестью которой свисали вниз ветви. Я набросился на нее и говорил, что в жизни ничего вкуснее не едал.

— Ну, а дыня? Разве ты не мудрец? — смеялся И. Внезапно я вскрикнул, чуть не наступив на выползшую из-под моих ног змею.

— Это не змея, — сказал Альвер, преспокойно беря в руки отвратительно шипевшего гада. — Это уж, Левушка, он безобидный. Вот на днях я действительно был потрясен странствующим укротителем змей, которого Кастанда велел накормить обедом, и он, в благодарность, показал нам целый спектакль со своими кобрами и с большой гремучей змеей. Змеи повиновались его заунывной игре на дудочке, сначала изображали нечто вроде танца, вытягиваясь вверх и качаясь на своих хвостах, что лично мне было отвратительно. Потом они стали все сразу набрасываться на своего хозяина. Многие из нас перепугались, думая, что хозяин будет задушен своими змеями. Но он преблагодушно продолжал играть, а змеи повисли на его шее, руках, ногах и бедрах, как шевелящиеся ожерелья. Я смотрел как зачарованный и не мог постичь, в чем тут была власть человека над этими чудовищами, укусы одного из которых нес неизбежную смерть через несколько минут. Наконец хозяин отправил змей в корзины и мешки, оставил только одну змею и предложил кому-либо из желающих взять ее в руки. Он уверял, что того, кто бояться не будет, змея не укусит. Ольденкотт уже протянул было руку, чтобы взять змею. Но Андреева резко схватила его за руку и не менее резко ухватила змею и бросила ее хозяину. Все это произошло так молниеносно, что никто и опомниться не успел. "Разве Али прислал Вас сюда, чтобы Вы учились шарлатанству?" — закричала Андреева таким громким и властным голосом, из глаз ее так и брызнули искры, что многие из нас даже попятнулись. Змея, отброшенная так непочтительно, стала бешеной. Да и все остальные змеи начали грозно шевелиться в своих мешках, к счастью, уже завязанных. Хозяин же закричал что-то Кастанде на непонятном мне языке, по всей вероятности, мало почтительное. Кастанда передал Андреевой, что хозяин упрекает ее в том, что она разбудила злого духа в змее и что теперь, если она сама же его не укротит, змея непременно кого-либо укусит. Но вину он на себя не берет, потому что над злым духом он не властен. Андреева вдруг сказала ему на его же языке несколько слов, которые нам перевел Кастанда: "Бери сейчас же свою змею и убирайся сам немедленно отсюда. Если промедлишь пять минут, я посажу тебе на голову рога от того оленя, что бежит сюда". Не описать никакими словами, что случилось с гордым и заносчивым хозяином змеи. В один миг он сгреб бесившуюся змею, сунул ее себе за пазуху, схватил мешки и корзины и стал улепетывать не хуже оленя. Он бормотал

какие-то заклятия и с ужасом смотрел на Андрееву.

— Я бы очень просил Вас, Альвер, бросить этого несносного ужа, — жалобно сказал я. — Я не Андреева, не могу властно кричать, но Ваш уж мне так надоед, что я, чего доброго, побегу вроде хозяина змей.

Я насмешил своих спутников, но зато легко вздохнул, когда англичанин выпустил ужа в траву. Подойдя к И., я спросил его, почему он мне не сказал, что в горах много змей.

— Потому, Левушка, что здесь увидишь не только змей, но и тигров и львов, которых тоже научишься не бояться. А пока давайте-ка, друзья, срежем эту траву и вот эти цветы да соберем листья с тех дальних кустарников. Сегодня последний день, когда их можно собирать для лекарственных целей.

И. показал нам, как осторожно надо срезать траву, не задевая земли, как, наоборот, надо брать цветы с корнями и землей и как аккуратно срезать только молодые листья с кустарников.

Казалось, работа была легкая. Но раньше, чем моя и Альвера сумки были наполнены, мы истомились до отказа. Если бы не боязнь змей, я бы давно уже улегся на траве.

Сумка же И. была полна, с трудом закрывалась, и сам он был свеж и прекрасен. Он поглядывал на нас, по обыкновению поблескивая смеющимися глазами. Мне очень хотелось спросить его, что он думает об Андреевой, но он мурлыкал песенку, говорил, что пора мне учиться играть и петь, а то я останусь навеки музыкальным невеждой, и, не дав нам отдохнуть, заявил, что пора двигаться домой, не то опоздаем к обеду. Никакие мои мольбы об отдыхе не помогли. И., смеясь над моим страхом обратного перехода по зною, намочил мою шляпу в ручье, снова напялил мне ее на голову и забавлялся моим жалобным видом.

— Да ведь это напоминает дервишскую шапку. А ну как я опять заболеоу?

И. еще веселее засмеялся, схватил меня за руку и пустился бегом вниз. Только теперь я понял, почему я так устал, карабкаясь за травами вверх по горе. Трава была скользкая. Но всю ее скользкость я понял сейчас, когда бежал за И. вниз. Я, собственно, не бежал, бежал он, а я скользил, как на лыжах, уцепившись за его руку и плечо. Спуск продолжался, вероятно, несколько минут, но они показались мне часом Дантова ада. Я так и думал, что споткнусь о какую-либо кочку и буду лежать со сломанной ногой или рукой. Когда мы благополучно остановились внизу, у И., щеки которого покрылись румянцем, глаза блестели не хуже солнца, был такой счастливый, радостный вид, что я не смог вымолвить ни одного слова

упрека, хотя собирался выпалить их сразу сто и заявить ему, что я так больше не играю, что летать с гор не желаю. И. оглянулся назад, куда посмотрел и я.

Посреди горы, беспомощно держась за ствол дерева, стоял Альвер. Большой, широкоплечий, он, очевидно, застыл от изумления, наблюдая наш полет валькирий.

Вся его фигура, с широко открытым ртом была так уморительна, что я подскочил на месте и хохотал, забыв все на свете.

И., как кошка, в одно мгновение очутился возле Альвера. Взяв его на плечо, он побежал с ним вниз, как будто бы нес птицу. От смеха я перешел к молчаливому изумлению, потом снова к смеху, пока И. не сказал, что велит Альверу принести ужа, чтобы привести меня в равновесие.

Альвер сам был так ошарашен, что не мог прийти в себя, поэтому я не боялся его змей. Я уцепился за И. и почти половину дороги давился от смеха. Должно быть, воспоминания о картинах произошедшего на горе, их юмористичности и об еще одном, неведомом мне доселе качестве И., вызвавшем во мне восторг, — его ловкости захватили меня, и я совсем забыл, что идти надо так далеко, что нас палит зной и засыпает пыль, поднятая проходившим караваном живописных верблюдов. Когда мы вошли в тень парка, И. повел нас совсем другой дорогой. Альвер, удивленно оглядываясь, сказал:

— Как странно, доктор И., я здесь уже вторую неделю, а совсем не видел ни этой части парка, ни тех прелестных домиков вдали. Они точно игрушечные, белые, блестящие. Что это за селение?

— Этой части парка Вы не видели потому, что с большим парком она соединяется узкой тропой, через ущелье. Вы, вероятно, подходили к ущелью и думали, что тут конец всей Общине. Но тут-то, собственно, и начинается деятельность Общины. Ряд домов, о которых Вы спрашивали, это первая детская колония. И таких колоний у Общины десятки. Они расположены вокруг парка и по течению реки. Дальше высится школа, а на самом краю селения, направо, больница. Налево — приют для глухонемых и их школа. Через некоторое время, когда вы оба с Левушкой попривыкнете к климату и езде верхом на верблюдах, — я возьму вас с собой в путешествие недели на три-четыре, а может быть, и больше. Мы объедем всю Общину. Вы познакомитесь с трудом тех, кто не только проводит здесь ряд лет, но живет постоянно.

Двинувшись дальше, мы очень скоро пришли к горной расселине, и мне показалось, что хода дальше никуда нет. Но И. обогнул огромный камень, и я увидел за ним прелестную тропинку, точно ложе высохшего ручья. Идя

вдоль по ней, мы вышли к противоположной стороне расселины, представлявшей из себя сплошную стену. Вдруг И. нагнулся, шагнул в грот, видневшийся с левой стороны, и через минуту мы стояли, у тех же столетних пальм, откуда начали наше путешествие, только совершенно с другой стороны озера. Я оглянулся назад и не мог решить, из какого же отверстия горы мы вышли. Целый ряд пещер, одинаково завитых лианами, розами и еще какими-то выющимися растениями, был за нами. Но раздумывать было некогда, так как, сойдя к пруду раньше нас, И. отвязал маленькую лодку, и мы переплыли пруд, причем ни лебеди, ни фламинго и не думали бояться нас.

Мы очень точно вернулись к обеду, успев взять душ и переодеться. Когда мы сели на свои места в обеденной столовой, которую я видел в первый раз, я заметил, что здесь все столы были круглые и соседи наши по столам были все те же. За соседним столом я встретил пристальный взгляд Андреевой. Сцена со змеей мне так ясно нарисовалась, особенно когда Ольденкотт серьезно расставлял кресло своей соседке и заботливо собирал ее вещи, всюду ею оброненные, и складывал их на специально для вещей приспособленные в стороне полки. Я заметил, что спицы больше не торчали из ее зонтика, и с умилением подумал, что это он сам их ей пришил, как заботливая нянька.

Я забыл сказать, что креслица во всех столовых были одного типа — пальмовые или бамбуковые стволы были затянуты буйволиной кожей, легко складывались и раскладывались, были устойчивы и удобны. Они были довольно низки, как и столы.

Все столы были покрыты белыми чистыми скатертями, всюду стояли в вазах цветы.

Вазы были из керамики местного производства, все разные, и показались мне художественными. На каждом столе стояло по несколько кувшинов с молоком, и кувшины не отставали в красоте от ваз.

Обед проходил спокойно, никакой суеты не чувствовалось, несмотря на огромное количество обедавших людей. Ни за одним табльдотом я не видел такого количества людей, и всюду была суетня. Здесь же у каждого стола были свои подавальщики, а за столом все обслуживали сами себя.

Еще раз меня поразила особая атмосфера этой толпы людей. Манеры были далеко не у всех элегантны, как у польского рабочего Синецкого. Внешний вид людей был самый разнообразный. Но по скольким бы лицам ни пробежал мой взгляд, все они были значительны, на всех лежала печать духовности и от каждого из них веяло добротой и миром. Только несколько лиц, среди которых было и лицо прекрасной американки, леди Бердран,

были печальны, даже более того, как-то скорбно прекрасны, что подчеркивалось радостью остальных.

Не успел я отчетливо задать самому себе вопрос, почему эти несколько лиц носят такое особенно глубокое и вдохновенное выражение скорби, как услышал неподражаемый голос и своеобразный акцент Андреевой, говорившей мне:

— Советую Вам, достопочтенный и любознательнейший граф, не забегать вперед.

Завтра, если Вам угодно, я отвечу Вам на Ваше «почему» очень точно. А сегодня сосредоточьте Ваше внимание на радостях. Если Вам угодно, можете присоединиться к нашей экскурсии за дынями после обеда.

Тут я переполошился. Я уже привык, что на мои немые вопросы я получал мгновенно ответы И. или Флорентийца, Ананды или сэра Уоми. Но чтобы под мою черепную коробку заглядывала еще и эта женщина со своими электрическими колесами, я совершенно не желал. Я посмотрел на сидевшего со мной рядом И., но он, казалось, не слышал и не замечал моего к нему обращения.

— Мы с Вами еще не были представлены друг другу, — улыбаясь, сказал мне Ольденкотт. — Моя приятельница, Наталья Владимировна, говорила мне о Ваших талантах. Вы не обращайте внимания на ее шутки. Она ни в какие рамки общечеловеческих пониманий не уместается и иногда озадачивает людей. Но на самом деле она предобрая, если не относиться к ней как к обычной женщине, а признать в ней сразу нечто волшебное, то подле нее чувствуешь себя в полном спокойствии и безопасности. Правда, она не очень любит змей, но уж с этим надо примириться, — прибавил он, притворно вздыхая и бросая лукавый взгляд на свою соседку.

Общий веселый смех, а также просьбы нескольких соседей взять их с собой на дынное поле избавили меня от ответа. Я посмотрел на Альвера, который тоже смеялся и шепнул мне:

— Соглашайтесь идти собирать дыни. Это недалеко. Идти парком, поле почти рядом.

Дыни превосходные, аромат замечательный. А главный интерес в том, как она их выбирает. Она сама будет сидеть в тени, почти не смотря на поле, и назначать, какие дыни снимать. Сам старший садовник и огородники поражаются, как она это делает, точно насквозь каждую дыню видит.

Я подумал, что моя новая знакомая этак, пожалуй, и сквозь землю видеть может.

Вдруг И. повернулся ко мне и совершенно серьезно меня спросил:

— А ты, Левушка, думаешь, что сквозь землю видеть нельзя?

Я оторопел и даже не знал, как мне принять и понять его вопрос. Тут все стали вставать с мест и убирать к стенкам свои кресла. Я уцепился за И., мне не хотелось никуда идти, а надо было побыть в тишине с моим дорогим другом или хотя бы одному, чтобы привести в порядок свои разбегавшиеся мысли.

— Я думаю, Левушка, мы с тобой не дойдем за дынями, а я покажу тебе любимую комнату Али. Когда Али приезжает сюда, он всегда там живет. Туда вход никому не разрешен без него. Но Кастанда получил приказание Али дать тебе возможность проводить в его комнате времени столько и тогда, сколько и когда ты захочешь.

Вот идет нам навстречу и Кастанда, очевидно он несет тебе ключ.

— Я получил приказ, Левушка, от моего любимого Учителя и господина этого дома вручить Вам, на второй день Вашего приезда, ключ от его комнаты. Вы можете там проводить столько времени, сколько Вам угодно. За все время моей жизни здесь — скоро этому будет двадцать лет — только второе лицо получает право свободного входа в эту комнату в первый свой приезд в Общину. Первым был Али-молодой — вторым являетесь Вы. Очевидно, у Учителя есть веские основания для оказания Вам такой великой чести. Примите мои поздравления и мое почтение и считайте меня в числе Ваших усердных и радостных слуг. Я рад служить Вам так, как я служил бы ему самому.

Кастанда низко поклонился, я же, совершенно сконфуженный и тронутый, воскликнул:

— Али не мне оказывает честь, а делает это из великого снисхождения ко мне и любви к моему брату. Я же ничем еще не мог заслужить такой исключительной доброты Али к себе. Если сейчас мне оказывается это чудесное, исключительное внимание, то, очевидно, мой великий друг Флорентиец просил об этом Али. Мне было бы очень горестно, если бы Вы подумали, что я достоин сам по себе этой чести. Я здесь только скромный слуга моего брата, самого Али и моего наставника И. Возьмите ключ, И., я буду пользоваться комнатой только с Вашего разрешения.

Я подал ключ И., но он его не взял, а, наоборот, обнял меня и сказал:

— Дерзай, Левушка, учись нести бремя счастья и несчастья одинаково легко.

Мы подошли не к большому дому, а к маленькому двухэтажному коттеджу с башенкой и балконом, стоявшему среди могучих пальм, как на отдельном островке, куда надо было проходить по мостику над речкой, опоясывавшей весь островок кольцом. Самое место было очаровательно,

уединенно, поэтично. Белый домик был сложен из какого-то особого камня, гладкого, блестящего и похожего на белый коралл. Кругом царила тишина и чистота, скакали белочки на высоких кедрах, чирикали птички.

Белый павлин бежал нам навстречу, точно хотел нас приветствовать.

У подъезда дома нас встретил старый беззубый слуга в азиатском платье и чалме.

Увидав в моей руке ключ, он распахнул, кланяясь, двери подъезда. Мы вошли в сени и поднялись по такой же, как наружные стены дома, лестнице на верхнюю площадку и очутились у двери, которую И. велел мне открыть ключом.

Слов, чтобы описать мои чувства, когда я открывал дверь, мне не найти. Я точно стоял у заветной черты и видел жгучие, живые глаза Али. Я как бы слышал его голос, говоривший мне:

— Есть жемчужины черные — то ученики, идущие путем печалей и несущие их всем встречным. То не твой путь. Есть ученики, несущие всем розовые жемчужины радости, — и этот путь тебе определен. Иди, мой сын, привет тебе, будь верен и чист.

Я думал, что вновь брежу, но прислушался четче и явственно различил властный, с характерным тембром голос Али-старшего:

— Если встретишь скорбный лик ученика, идущего путем печалей, возлюби его вдвое и подай всю силу своей бодрости и энергии ему в помощь. Ибо путь его самый тяжкий из всех подвигов Любви на земле.

Сколько слов пришлось мне сейчас сказать, чтобы передать все тогда понятое и услышанное. А на самом деле все это промчалось как молниеносный вихрь сквозь меня, сотрясая мой организм, уничтожая всякое расстояние между мною и Али, сливая меня с его мыслью каким-то чудесным и непонятным мне тогда образом.

Наконец тяжелая дверь распахнулась, и мы вошли в комнату. Сразу же против входной двери была широко открыта дверь на балкон и по обе ее стороны были настежь открыты окна. Все это разделялось такими узкими простенками, что возникало впечатление, будто смотрю сразу на весь мир. Широчайший горизонт на долину, горы, раскованные селения, мечети, стада, сады, куда только хватало глаз — всюду била жизнь, всюду взор попадал на какую-либо красоту, от которой невозможно было оторваться. Долго стояли мы с И. молча на балконе.

— Посмотри на комнату, Левушка, и я переведу тебе надписи, которые ты увидишь на стенах.

Мы вошли в комнату. Несмотря на жаркий день, в ней не было душно, так как восточное солнце уже ушло, а от западного и южного она была

защищена лестницей и башенкой. Гладкие белые стены внутри, такой же пол, — ну точь-в-точь коралловый домик! То, что я принял за бордюр, оказалось надписями, сложенными из кусочков того же камня, что и пол, и весь дом.

— Запомни, Левушка, первую, главную надпись над балконной дверью и окнами. Здесь написано: "Сила человека — Любовь. И она мчит его из века в век. Сила-Любовь рождает человека и рождается в нем тогда, когда гармония его созрела. Любовь — Гармония, и путей человеческих к ней семь" — Пока знай только эту надпись. Ты дал слово себе изучить языки Востока. Кроме них, ты должен знать этот язык пали, на котором сделаны здесь надписи. Этот язык открывает дверь к знанию тем, кто в нее стучится.

Я с благоговением смотрел на загадочные знаки надписей и думал: найду ли ключ к двери знания?

По стенам комнаты стояли низкие белые диваны. У широкого окна, как и у камина, стояло по креслу. Кресло у камина поразило меня своей формой. Оно было прекрасно как художественная форма, без сомнения, очень и очень древнего происхождения, из грубых стволов какого-то темного, почти черного дерева. Оно одно только и выделялось темным пятном в этой девственно белой комнате. Обито оно было шкурами, должно быть, тоже очень старинными. Шерсть почти вылезла, оставив одну кожу толщины мною невиданной.

У окна с левой стороны стоял письменный стол белого дерева, закрытый прекрасной крышкой, очевидно, раздвигавшейся в стороны и похожей на большущие пальмовые листья. Я чувствовал себя здесь не совсем свободно. Меня сковывало благоговение, точно я стоял в храме. Я ни за что не согласился бы сесть на что-либо в этой комнате, так недостижимо высоким казался мне сейчас ее хозяин. Я даже говорить не решался, только потянул И. за рукав и показал глазами на дверь, молча приглашая его выйти отсюда.

Он улыбнулся, оглядел еще раз всю комнату, как бы посылая привет всем непонятным мне надписям на стенах, и мы вышли, закрыли дверь молча и так же молча прошли через весь островок и парк к себе домой.

Белый павлин и восточный слуга провожали нас до мостика, и павлин на прощанье распустил свой дивный хвост, сверкая его золотом и лазурью, и наклонил голову с хохолком, точно говоря: "До свиданья". Когда мы вошли в наши комнаты, И. сказал мне:

— Приляг и отдохни до чая. Здесь тебе пока нельзя переутомляться. Надо постепенно закалиться для этого жаркого климата.

Я не возразил ни слова, хотя совсем не хотел ни лежать, ни спать. Сначала жара подавляла меня, но затем я заснул и проснулся только от зова Яссы, будившего меня к чаю. Я догнал И. уже внизу лестницы в обществе двух мужчин, которых я еще не видал. Один был светлый блондин, типичный швед, каковым и оказался. Звали его Освальд Растен. Он на вид казался юношей, и я удивился, когда узнал, что он уже второй раз в Общине. Второй собеседник был брюнет, француз Жером Манюле.

Насколько речь первого, его манеры, походка были размеренно спокойны, настолько второй был подвижен как ртуть. Походка, движения, речь — все выказывало в нем огромный темперамент, но суетливости в нем не было никакой: все дышало доброжелательством, веселостью и легкостью. Глаза его были темными и не особенно большими, но красиво разрезанные, сверкали умом, часто пристально и внимательно вглядывались. Он мне показался писателем, что после и подтвердилось.

Швед был из купеческой семьи, вопреки желаниям родни выбрал научную карьеру и имел уже кафедру по истории в одном из немецких университетов. Когда И. познакомил меня с ними, оба одновременно воскликнули: — Как? Капитан Т.? — Нет, ответил я. — Я его брат.

— Вы вскоре прочтете рассказ Левушки и будете рады принять в число своих друзей еще одного юного писателя и будущего ученого, — улыбаясь сказал им И. Каждый из новых знакомых назвал меня «коллегой», и по дороге в чайную столовую оба мои знакомые представили меня еще двум молодым и одной пожилой даме. Но не молодые и красивые дамы поразили меня, но седая старая дама. Первой мыслью, когда я ее увидал, была: "А говорят, что старуха не может быть красивой, женственной и обаятельной".

На высокой, чуть полной фигуре красовалась — именно красовалась, я не подберу другого слова, — прекрасная седая голова. Загар не портил правильного лица, большие черные глаза и черные же брови подчеркивали седину. Морщин не было, лицо было моложаво. Но в глазах и улыбке было так много скорби, что у меня встали перед глазами слова Али, когда я шел в его комнату: "Если встретишь скорбный лик ученика, идущего путем печалей, возлюби его вдвое и подай всю силу своей бодрости и энергии ему в помощь. Ибо путь его самый тяжкий из всех подвигов Любви на земле".

Я низко поклонился старой даме и горячо поцеловал протянутую ею мне руку. И эта рука, как рука Андреевой, была тонкая и дружеская. Но форма ее была почти совершенна. Пальцы говорили, что она художница. И здесь моя догадка оказалась верной. И. назвал ее Беатой Скальради и сказал, что синьора Беата художница, итальянка, взяла уже не один приз почти на всех выставках мира. Ее картины висят во многих картинных

галереях столиц. Пока меня представляли еще нескольким дамам, имена которых не удержались в моей памяти, так я был поглощен впечатлением от художницы, из боковой аллеи к нам подходил худой человек с не очень молодым, изможденным лицом аскета. Он, очевидно, спешил к И. Швед Освальд Растен шепнул мне, что это крупнейший пианист и композитор мира, русский, Сергей Аннинов. Пока обе знаменитости шли по бокам И., возглавляя нашу группу, Жером Манюле шепнул мне:

— Сергей Аннинов живет не в Общине, а в одном из маленьких домиков в парке. Али предоставляет ему не первый раз отдых здесь. Он очень нервен, приходит сюда очень редко. Но когда он играет по вечерам, он разрешает всем желающим не только слушать его, но и заказывать ему любые пьесы. И как же он играет! Лучше ничего представить себе нельзя.

И синьора Скальради и Аннинов сели за наш стол. Я не принимал никакого участия в общем разговоре. Сидя поодаль, я вглядывался в лица новых знакомых. Художница нравилась мне все больше и больше. Ее итальянская певучая и медлительная речь напомнила мне, как однажды Флорентиец представил мне, как говорят его соотечественники. Эта речь не была похожа на быстротечную скороговорку синьор Гальдони, которых я едва понимал. У синьоры Беаты я разбирал каждое слово, что еще больше располагало меня к ней. Но Аннинов оставался для меня загадкой. Его аскетическое лицо, изрезанное морщинами, живые глаза, резкие движения, какой-то протест в лице, точно возмущение против чего-то, что его давило, — все казалось мне таким далеким от гармонии, что снова я вспомнил Али, но теперь уже слова надписи на стене загорелись в моей памяти: "Сила-Любовь рождает человека и рождается в нем тогда, когда гармония его созрела".

Я рассуждал сам с собой, что если он дивный, известный всему миру музыкант, то он должен творить в гармонии. Иначе ни его произведения, ни его исполнение не покорили бы мира. А разве это лицо может быть хотя бы спокойным?

Аннинов внезапно умолк, взгляд его улетел куда-то в пространство, морщины на лице разошлись. Мудрость разлилась по его лицу, он как бы вслушивался во что-то недоступное другим. Глаза его ярко загорелись, на бледных щеках заиграл румянец.

Он вдруг стал совершенно неузнаваем и прекрасен.

— Простите, дорогой, до завтра. Я слышу, меня зовет моя муза. Вы вдохновили меня, я бегу писать. Приходите завтра вечером и приводите своих друзей. Я сыграю Вам то, что сейчас шепнула мне моя муза-Гармония.

И Аннинов, проговорив торопливо эти слова и отставив чашку недопитого чая, быстро вышел из столовой.

Я сидел в самом глубоком состоянии «ловиворонства» и не мог оторвать глаз от двери, в которой исчез музыкант.

— Ну что же, шило-граф, — раздалось подле меня, и чья-то пудовая, как мне показалось, рука легла мне на плечо. — Я ведь говорила Вам, что не надо упреждать событий. Гораздо лучше было бы собирать дыни, чем резать шилами тончайшую материю. Вот Вам дыня — первый сорт. И каждый кусок ее прибавляет пуд мудрости.

Андреева продолжала держать руку на моем плече, я изнемогал под ее тяжестью, даже пот покатился у меня со лба. Еще бы минуту — и я, несомненно, упал бы в обморок. Я уже начинал чувствовать тошноту и головокружение. Но И. очутился подле меня, его нежная рука уже обнимала меня, он подносил к моим губам чашку.

— Левушка еще не совсем окреп после тяжелой болезни, Наталья Владимировна. Он не может еще и не должен принимать ударов Вашей силы. Вы же не всегда умеете защитить человека от тяжести Ваших вибраций. Сегодня уже второй случай Вашей неосторожности. Леди Бердран пришлось лечь в постель.

Голос И. был тих и мягок. Но мне чудилось, что Андрееву он бил тяжелее, чем давила меня ее рука минуту назад. Мне было так жалко ее, что я ухватился за руку И. и сказал ей:

— Мне теперь совсем хорошо, Наталья Владимировна. Виновата вовсе не Ваша рука, а дервишская шапка, которую Али однажды напялил мне на голову. Я тогда заболел и с тех пор не могу еще поправиться. Простите меня, пожалуйста, за причиненное Вам беспокойство. Я буду рад поумнеть от Вашей дыни.

— Дитя мое, прости, дружок, — тихо и ласково сказала Андреева, и я чуть снова не впал в «ловиворонство». Я и представить себе не мог, чтобы властный, резковатый, с повелительными интонациями голос этой женщины мог быть таким ласковым, мелодичным и непередаваемо добрым.

Все же довольно долго я не мог еще встать на ноги, и добраться до дому с помощью И. было задачей нелегкой.

Ясса продержал меня в ванне довольно долго, растер и уложил в постель. Я выпил капель, данных И., и был огорчен, что первый день моей жизни в Общине закончился для меня довольно печально.

Глава 2

Второй день в Общине. Мы навещаем карлика. Подарки араба. Франциск

Заснув с вечера с большим трудом, я проспал всю ночь так крепко, что даже ни разу не просыпался, пока Ясса не разбудил меня, сказав, что И. уже поджидает меня идти купаться.

Едва открыв глаза, сразу же впившись в чудесный пейзаж, я с трудом сообразил, где нахожусь. От длительного путешествия, превратившегося в привычную манеру жить, я научился считать, что каждый день — это только своего рода поход. А в эту минуту я сразу осознал, что приехал сюда надолго, что я наконец дома. Быстро надев свой более чем несложный туалет, я ясно отдал себе отчет, что не могу и не должен терять ни минуты попусту, в бездействии. Что за весь вчерашний день, если не считать нескольких маленьких знаний по ботанике, я ничего не приобрел и ровно ничего не выполнил из своих обетов по изучению восточных языков.

Что же касается надписи в комнате Али, которую я отчетливо видел перед собой, — стоило мне только сосредоточиться на ней мыслью, как всего меня наполняло чувство радости, что язык пали станет мне ключом к тому откровению, что написал Али на стенах своей комнаты. Весь под впечатлением желания скорей, скорей учиться, я ворвался бурей к И., который что-то писал, сидя за столом, и выпалил сразу:

— И., дорогой, я уже весь вчерашний день потерял зря. Дайте мне скорее книги, чтобы я мог учить необходимые мне языки. Прежде всего, конечно, пали, а потом и остальные. Брат Николай говорил мне, что я способен к языкам. Я тогда, правда, не болел так много, но, может быть, мои способности не заглохли. Дайте только скорее книгу.

И. спокойно положил перо на стол, посмотрел, улыбаясь, на мои волосы, которые я забыл причесать, на небрежно подвязанные сандалии и ответил:

— Очень похвально твое прилежание, Левушка. Но кто же тебя освободил от самых элементарных обязанностей быта, в условностях которого ты живешь сейчас на земле? Твоя голова растрепана, на тесемки туфель ты наступаешь, и почему встречающиеся тебе люди должны страдать в своих эстетических чувствах, натываясь среди такой дивной красоты природы на неряшливо одетое, непричесанное существо.

В твоей комнате стоит большое зеркало не для того, чтобы ты проходил мимо него, а для того, чтобы ты выходил из своей комнаты на люди, приведя в полный порядок свою внешность. Это первая из условностей, от которой тебя никто не освобождал.

Не о себе ты должен думать, оправляя перед зеркалом складки своего платья, но о людях, для которых твоя внешность может быть предметом раздражения, если неряшливость бьет в глаза или ты смешон в своей одежде. Запомни, друг, что в нищету впадают чаще всего неряшливые. И даже высокоразвитым духовно их неряшливость мешает продвигаться вперед в духовном пути. Всякая неприбранная комната отвратительна высоко развитому и чистому человеку. Вторая условность: «здравствуй», которое говорят люди друг другу, — кто же освободил тебя от этой общепринятой вежливости в Общине? Здесь ты еще глубже должен понять это слово, как привет любви, как поклон огню и Свету в человеке. Это не только простая условность внешней вежливости для тебя, но осто́в твоего собственного добжелательства, которым ты обливаешь всего человека в момент встречи с ним.

Начинай, мой дорогой друг, через все привычные людям щели их условного общения друг с другом вносить свое высокое благородство. Становись звеном духовного канала, общаясь в тех формах, которые не отталкивают людей и не затрудняют восприятие твоего образа, а привлекают их.

Мне было очень совестно за мое легкомыслие. Я взглянул на себя в зеркало и совсем переконфузился. Мои отросшие кудри торчали во все стороны и делали меня похожим в моей длинной белой одежде, надетой и подпоясанной кое-как, на юродивого. Что же касается И., к которому я ворвался, как буря, не постучавшись и даже не извинившись, что я помешал ему заниматься, — то только сейчас я понял, как эгоистические мысли о себе одним закрыли все, что меня окружало. Мне что-то понадобилось, Я сорвался в погоню за ним, а что делалось вокруг — до того и дела мало. Я готов был уже броситься вон из комнаты, совершенно расстроенный, как ласковая рука И. меня обняла.

— Не спеши сейчас огорчаться, Левушка, как минуту назад спешил за книгой, забыв все на свете. Чтобы победить и добиться чего-то, надо видеть каждую минуту все вокруг себя, а не выключаться из окружающих условий, видя только один узкий сектор своих действий и рассматривая мир только с высоты своей колокольни, своего личного «Я». Все идут разными путями, но ступени духовного развития у всех одни и те же. Здесь с первых дней обрати свое внимание на неизменную вежливость. Ты и

здесь встретишь немало людей, которые покажутся тебе и грубоватыми и чуждаковатыми. Но на это не устремляй внимания, а помни, что твой путь сейчас — путь такта и обаяния. И чтобы его достичь, тебе надо развить вежливость и спокойствие, сделать их своей неизменной привычкой. Иди, мой дорогой, наведи красоту и приходи через десять минут. Я кончу письмо, и мы пойдем купаться.

Я убежал к себе, но теперь я уже так не доверял своим эстетическим способностям, что вызвал Ясса и просил его оглядеть меня с головы до ног.

— Ясса, миленький, я очень неуравновешенный человек. Не выпускайте меня из комнаты, пока не осмотрите меня хорошенько. Я никак не постигну, как завязываются эти сандалии, — молил я моего доброго слугу.

Ясса подал мне другие, закрытые сандалии, говоря, что в них не проникает пыль, да и застегнуть в них надо только две пуговицы. Он обещал мне упростить завязки в другой обуви, мигом подпоясал меня красивым шнуром и уверил, что теперь я причесан и одет как самый настоящий кавалер. Я вздохнул, мысленно пожаловался кому-то, что вчера плохо закончил, а сегодня так же плохо начал мой день, — и постучал в дверь к И. Через минуту мы шли к озеру, накинув на головы мохнатые простыни. Хотя я уже вчера шел по этой дороге, пальмы, магнолии, лимоны и апельсины, бамбуки и гигантские тополя, кедры и платаны — все было уже мне знакомо, но тем не менее я никак не мог взять в толк, что передо мной сама живая жизнь, а не могучая декорация. Наше купанье совершилось без всяких помех и встреч.

— Не хочешь ли, Левушка, пройти со мной к нескольким больным, которых Кастанда просил меня навестить? Это недалеко, сейчас еще рано, мы успеем вовремя вернуться к завтраку.

Я, разумеется, был очень рад и счастлив быть с И. всюду, где ему угодно, и, кроме того, стремился узнать новые места. Мы перешли через мост речку повыше озера и углубились по дорожке не в парк, а в самый настоящий лес. Но как этот лес был непохож ни на что, что до сих пор я привык называть этим словом. Стволы высоченных, толстенных деревьев, где ветви равнялись хорошей русской сосне или многолетней ели по своему объему, несли здесь такие тенистые кроны, что на дорожке, по которой мы шли, было совсем темно. Местами лианы совсем сплетались такими плотными цветущими гирляндами, что образовывали непроницаемые завесы.

Здесь было прохладно, как в гроте, даже сыровато. Я уже хотел сказать, что, вероятно, такие леса полны тигров и шакалов, как дорожка перед нами

сразу просветлела, расширилась и превратилась в большую круглую поляну. На ней стояло несколько белых домиков, похожих на украинские мазанки, как мне показалось сначала. Но, подойдя ближе, я увидел, что они сложены из шершавого камня, пористого, с блестящими кристаллами, очень мелкими. Когда на них падал луч солнца, они напоминали вату, обсыпанную бертолетовой солью, под детскими елками.

Навстречу нам вышла женщина лет сорока, крупная, довольно миловидная, в белой косынке, белом платье и таком же полотняном переднике, на котором был нашит широкий красный крест.

— Здравствуйте, сестра Александра. Кастанда просил меня провести Вашего больного, которого Вам доставили вчера. Дали ли Вы ему лекарство, которое я Вам послал?

— Да, доктор И. Бедняжка успокоился и заснул после вторичного приема. Раны я ему слегка перевязала, как Вы приказали.

Сестра Александра провела нас в самый отдаленный домик. В чистой просторной комнате стояло несколько белоснежных детских кроваток, но занята была только одна, и возле нее сидела тоненькая девушка небольшого роста, в такой же точно одежде, как и сестра Александра.

— Это наша новенькая сестра, только что окончившая курсы сестер милосердия. — И сестра Александра представила нам очаровательное существо. — Сестра Алдаз — индуска, она умудрилась своими способностями покорить даже нашего милого старого ворчуна — директора курсов, не только всех преподавателей.

Алдаз посмотрела на нас своими темными глазами, большими, светящимися, и напомнила мне икону греческой царевны Евпраксии, которую я видел в одной из древних церквей и которой долго любовался.

Мы подошли к детской кроватке, на которой я ожидал увидеть ребенка, искусанного собакой, судя по предшествующему разговору.

Каково же было мое удивление, когда на кроватке я увидел спящим маленького, сморщенного... лилипута. Он был такой старенький и несчастный, что я, разумеется, словиворонил, да так и застыл. Я, должно быть, представлял собой преуморительное зрелище, потому что Алдаз, случайно оглянувшись на меня, не смогла сдержать- смеха, и он зазвенел на всю комнату. Сестра Александра строго взглянула на Алдаз, но, увидав меня, и сама едва удержалась от смеха.

Смех Алдаз разбудил карлика. Он открыл свои маленькие глазки, и еще раз я превратился в соляной столб. Глаза карлика были красного цвета, точно два горящих уголька.

И., точно не видя ничего и никого, кроме своего больного, наклонился

над карликом, боязливо на него смотревшим. И. сказал ему несколько очень для меня странно звучащих слов. Вот и еще один язык, который я не понимал и который, вероятно, тоже надо было выучить. Если здесь живет несколько родов карликов да еще несколько сект индусов, наречия которых все разные, то, пожалуй, мне не догнать И. даже в языках.

Занятый этой мыслью, я отвлекся вниманием от больного, а когда я снова посмотрел на него, то еле удержал крик ужаса. На маленьком обнаженном теле зияли три раны.

Одна тянулась от бедра до самого колена, вторая — от горла до живота и третья — от ключицы до локтя. Тело на ранах было вырвано, точно чьи-то когти его терзали.

И. дал несчастному пилюлю и капли. Обе сестры поддерживали тело маленького страдальца, а мне И. велел поддержать его головку, которая падала от слабости.

Облив какой-то шипящей жидкостью развороченные раны, И. ловко наложил повязки.

Очевидно, карлик не страдал от прикосновения его прелестных рук. Он немного окреп и улыбнулся своему доктору дружески. Когда его положили в другую кроватку, у окна, чтобы он мог любоваться видом поляны, он радостно поднял здоровую руку и, показывая ею на Алдаз, что-то сказал И. на смешном щелкающем наречии. На этот раз я не обеспокоился своею невежественностью, так как обе сестры, как и я, не поняли ни слова и с удивлением смотрели на И. И. объяснил сестрам, что больной просит, чтобы веселый колокольчик, как он прозвал Алдаз, не уходила от него. И. приказал сейчас же напоить больного теплым молоком с бисквитами и обратился ко мне:

— Сможешь ли ты найти дорогу, чтобы принести после завтрака этому бедняжке лекарство? Или, если думаешь, что тебя съедят в лесу тигры, мне надо поискать другой способ доставки.

— Смогу найти дорогу и уже понял, что тигров здесь нет.

Я внутренне надулся: зачем И. смеется надо мной в присутствии очаровательной Алдаз? Но Алдаз была вся поглащена тем, как развеселить больного, щебетала ему что-то, чего он не понимал, но интонация ласкового женского сострадания доходила до его сердца.

— Очень хорошо, Левушка. Через два часа, сестра Александра, мой друг Левушка принесет Вам новое лекарство. Вы его смешаете с молоком и медом и будете давать через каждые полчаса по четверти маленького стакана. Кроме шоколада, бисквитов, киселя и молока — никакой пищи. К вечеру я снова зайду. Если будет обострение болезненности, дайте снова

вчерашнее лекарство.

Мы подошли к карлику, он протянул нам свою крошечную, горевшую от жара ручку, потом преуморительно приставил крохотный пальчик ко лбу и сказал: «Макса». Он вопросительно уставился на меня своими красными хитрыми глазками. И. перевел мне его слово и жест. Он спрашивал, как зовут меня, и объяснил, что его зовут Макса.

И. велел мне приставить так же палец ко лбу и сказать ему мое имя. Когда я в точности все исполнил и карлик узнал, что меня зовут Левушкой, он по-детски засмеялся, что-то залопотал и защелкал, что И. снова перевел мне как изъяснение его дружбы и удовольствия.

Хотя я был уверен, что найду дорогу, все же старался очень внимательно запоминать все повороты дорожки.

— Я задержался здесь дольше, чем предполагал. Я уже не успею навестить других до завтрака. Хочешь ли ты, Левушка, быстро позавтракать и сходить вместе со мной еще к двум больным? А затем ты бы мог снести лекарство Максе. Или предпочитаешь это время просидеть за книгами?

У И. был совершенно серьезный вид, и никакой искорки юмора не сверкало в его глазах.

— Дорогой мой, родной И.! Если только можно мне быть подле Вас, возьмите меня с собой. Я очень мало могу помогать Вам, но разрешите мне быть Вашим посыльным, Вашим носильщиком. Я хочу идти в своей жизни здесь так, как Вы видите и знаете.

Если я так жажду учиться, то ведь только для того, чтобы скорее стать более достойным Вас.

— Ты движешься вперед, Левушка, очень быстро, быстрее, чем возможно для твоего организма. И только поэтому я тебя придерживаю. Хотя мы с тобой только что купались, но после этого больного надо и душ взять, и одежду сменить, раньше чем входить в общую столовую. Я тебе сегодня же расскажу, в чем здесь дело и кто такой Макса.

Пока И. брал душ, я стоял на балконе и издали видел, как женские фигуры, прикрытые длинными простынями, двигались под горячим солнцем к купальням. Жара мне показалась злее вчерашней, и я с удовольствием думал, как пойду тенистым, прекрасным лесом и увижу не менее прекрасную Алдаз. Наконец, приведя себя после душа особенно тщательно в порядок и подвергнувшись осмотру Яссы, я решил спуститься вниз, где слышал голос И. Когда мы вошли в утреннюю столовую, почти все уже садились на места. К нам подошел, торопясь, Кастанда, спросил о состоянии Максы и прибавил еще одну просьбу: посетить Аннинова. Его

слуга приходил и сказал Кастанде, что ночью у его господина был сильный сердечный припадок.

За соседним столом я увидел снова Андрееву и Ольденкотта, место же леди Бердран было пусто. Рядом с пленившей меня художницей Скальради я увидел новое лицо. И лицо это немедленно завладело всем моим вниманием. Человек, сидевший возле художницы, не был красавцем. Но где бы он ни был, кто бы его ни окружал — всюду он был бы замечен. Сложен он был так пропорционально, что высокий его рост даже не казался таким высоким и, только когда взгляд падал на тех, кто его окружал, можно было отдать себе отчет, как он на самом деле высок.

Голова с проседью, черные брови, большие голубые глаза с длинными черными ресницами, красиво вырезанный рот и безукоризненные зубы, хорошо видные при часто мелькавшей улыбке. Во всех его движениях, в манере слушать собеседника, в красивых руках — во всем было изысканное благородство. Что-то особенно меня в нем поразило. Человек этот был прост, очевидно привык привлекать к себе внимание и нисколько этим не смущался, но я ясно видел, что он скромен, добр, умен и нисколько не горд: Несколько раз он посмотрел на И. Я понял, что он знает, кто такой И., но с ним незнаком. Сидевший рядом мною Альвер шепнул мне, что это один из знаменитейших артистов, имя которого знает весь мир, — Станислав Бронский, чех.

Мне казалось, что Бронский, с такой любезностью и вежливостью разговаривавший со своими соседями, все чаще бросает взгляды на И., и к концу завтрака мне даже показалось, что на его подвижном и выразительном лице я подметил мелькавшее беспокойство. И я не ошибся. Когда мы окончили завтрак и уже выходили, за нами послышались ускоренные шаги Кастанды, который просил И. остановиться на минуту.

Кастанда извинился, что так много беспокоит И. с самого вчерашнего вечера.

— Вы, конечно, не могли не заметить новое для Вас лицо, доктор И. Это артист Бронский, его прислал сюда Флорентиец. У него есть письмо к Вам, и он заранее был извещен, что Вы приедете на этих днях. Он пришел сюда из дальних домов Общины, вернее, примчался на мехари с одним арабом-проводником и со своим учеником, тоже артистом. Бронский просил меня познакомить его с Вами. Я обещаю сделать это тотчас же после завтрака. Но вторичный посол от Аннинова меня задержал. У Аннинова второй припадок, леди Бердран все так же плоха. Андреева ухаживает за нею очень прилежно, но дело не движается. Вдобавок и ученик Бронского заболел, выкупавшись в нижнем озере после

путешествия по жару. Я даже не знаю, о ком просить Вас раньше.

У Кастанды был утомленный вид. Я подумал, что он чем-то сильно обеспокоен и, вероятно, не спал ночь. Он с мольбой смотрел на И., очевидно, чего-то не договаривал, но старался не выказывать своего беспокойства.

— Не волнуйтесь, Кастанда, прежде всего познакомьте меня Бронским, так как его очень тревожит здоровье друга. Затем я пройду к леди Бердран, а тогда уже к Аннинову. Вы отпустите слугу пианиста, дайте, ему для больного вот эти капли, пусть Аннинов примет их на сахаре и ждет меня. Здесь как раз на один прием. При темпераменте Аннинова ему нельзя поручать самостоятельного лечения, он выпьет все сразу и будет удивляться своей полусмерти.

И. подал Кастанде такой крошечный пузырек, что, сопоставив его с огромным ростом музыканта и его громаднейшей рукой, я невольно расхохотался.

Мы повернули обратно и увидели у окна Бронского и Скальради, и я поразился, как печально было лицо артиста. Минуту назад полное жизни и энергии, оно было бледно и выражало страдание. Он все так же любезно слушал свою собеседницу, но взгляд его погас, точно его постигла внезапная неудача.

Увидев, что мы подходим к нему, Бронский снова ожил, румянец разлился по его лицу, глаза загорелись, на губах мелькнула улыбка. Он сделал несколько шагов нам навстречу, низко поклонился И. и крепко, обеими руками, пожал протянутую ему руку И. — Вы беспрдельно любезны, доктор И. Не нарушила ли моя просьба распорядок Вашего дня? Я так счастлив познакомиться с Вами, но счастье мое было бы омрачено, если бы я Вам в чем-либо помешал.

Голос Бронского был довольно низкий, металлический, в произношении шипящих букв была чуть заметная какая-то подчеркнутость, что придавало его речи неподражаемое своеобразие и не мешало прелести его манеры говорить.

Я смотрел и поражался, какая масса обаяния была в этом человеке! Белая индусская одежда очень ему шла, я так и представлял себе его верхом на мехари в бедуинском плаще. Вот была бы модель для художника! По обыкновению я зазевался и опомнился от голоса И., который говорил:

— Это мой друг — Левушка. Он писатель. Вы его простите за рассеянность. Держу пари, что он уже нарисовал Ваш портрет в своем воображении, ввел Вас в какую-нибудь картину и забыл, где он и что с ним.

Бронский протянул мне обе руки, улыбаясь и говоря, что сам страдает

такой же живой фантазией, часто ставящей его в неловкое положение, потому что он теряет нить разговора. Я радостно ответил на его крепкое пожатие и сказал смеясь:

— Это правда, я представил себе Вас мчащимся на мехари через пустыню в бедуинском плаще и мечтал, чтобы Вас так нарисовали. Что касается Вашей любезности, когда Вы сравниваете Вашу и мою фантазию, то тут мне сравнения не выдержать. Я бегу по моим образам бесплодно. Вы же превращаете их в жизнь и даете всему миру понимать через себя красоту и высокое благородство. Я преклоняюсь перед Вашей энергией и трудоспособностью, о которых мне сейчас рассказали.

— Тот, подле которого Вы живете, не мог бы назвать Вас другом, если бы не видел в Вас творческой силы. В ваши годы я ничего еще не сделал, а Ваш рассказ я уже читал.

И. отправил меня за аптечкой и просил Альвера проводить меня в тот домик, где жила леди Бердран. И когда мы с Альвером, взяв аптечку, вошли в холл домика, где жили Андреева и леди Бердран, мы увидели там И., Бронского и Кастанду, беседующими с Натальей Владимировной.

— Нет, дело так не пойдет на лад, Наталья Владимировна. Леди Бердран только потому и больна, что Вы с нею и она не может противостоять Вашим вибрациям. Вы похожи на холодное озеро, и к Вам подходить близко могут только очень закаленные люди. Не только применять Ваш способ лечения к леди Бердран нельзя, но и ухаживать Вам за нею пока нельзя.

И. говорил улыбаясь, но в серьезности его слов никто не мог сомневаться.

Андреева казалась не то опечаленной, не то недоумевающей и недовольной.

— Неужели Вы находите, И., что Ольденкотт, который считает своею обязанностью чуть ли не весь день не отходить от меня, закален против моих вибраций? Однако же он не болен? — сказала Андреева не очень спокойно, но, очевидно, сдерживая свой темперамент.

— О да, мистер Ольденкотт так сильно закален в своей броне доброты и чистоты, что никакие — много сильнее Ваших — вибрации ему не страшны.

Бронский молча наблюдал все происходившее вокруг. Мне было совершенно ясно, что он хотел попросить И. навестить его друга, но не решался, как вдруг И. обратился к нему:

— Я попрошу Вас подождать меня здесь. Отсюда мы пройдем прямо к Вашему ученику.

Вам же, Наталья Владимировна, на десять дней запрещаю посещать леди Бердран.

И. сделал мне знак следовать за ним, и, провожаемые Кастандой, мы прошли в самый конец коридора, поднялись по винтовой лестнице во второй этаж и постучались в одну из крайних дверей. Дверь нам открыла молоденькая девушка-туземка в холщовом белом платье, какие я уже видел на сестрах милосердия, но без косынки на голове и с очень небольшим крестом, нашитым на переднике. Она оказалась дежурной ученицей курсов сестер милосердия.

Леди Бердран была очень слаба и едва могла открыть глаза, когда мы с И. вошли к ней. Кастанду И. отпустил еще в коридоре, сказав, что дальше обойдется без него.

Больная лежала на диване в белом халате и была так бледна, что казалась привидением. И. осторожно приподнял ее в сидячее положение и сказал что-то сестре на туземном языке. Та сейчас же вышла из комнаты. Мне же И. велел сделать смесь из нескольких пузырьков и капнул туда еще чего-то сам из аптечки Флорентийца. Капли закипели, я приподнял голову больной, а И. влил ей в рот лекарство. Оно не понравилось леди Бердран. Она застонала, почти вскрикнула, чем так меня напугала, что я едва не уронил ее прелестную головку.

— Будь осторожен, друг, мы успели вовремя. Сейчас у нее будут судороги, но благодаря лекарству они не будут смертельны. Держи теперь крепко обе ее руки, я придержу ноги, это не продлится долго.

Я едва мог удержать руки больной, которая вырывала их с такой силой, какой можно было ожидать, пожалуй, от мужчины. Пот лил с меня градом, мне казалось, что я уже не удержу рвущихся рук, как напряжение судорог ослабло, и И. велел мне оставить руки больной. Я опустился на стул, точно после долгих часов рубки дров.

Теперь И. взял руку леди Бердран и спросил: — Как Вы сейчас себя чувствуете?

Леди Бердран открыла глаза, с удивлением посмотрела на И. и на меня, улыбнулась и ответила:

— Сейчас я чувствую себя очень хорошо. Но минуту назад мне казалось, что я умираю. Да и все эти дни у меня было такое ощущение, точно из меня уходит жизненная сила. Особенно когда добрая Наталья Владимировна бывала близко ко мне, у меня кружилась голова и мне казалось, что все мои силы тянутся к ней. Я знаю, что это моя чистейшая фантазия, но иначе я не умею описать Вам мое состояние.

— Если бы я предложил Вам временно переселиться в корпус, где

живем мы с Левушкой? Там есть отдельная и отличная северная комната, и мне было бы удобно наблюдать за Вами. Согласны ли Вы перебраться туда?

На ее лице, и так всегда печальном, появилось выражение крайнего замешательства.

Она ответила не сразу, очевидно, борясь с чем-то и не решаясь высказаться.

— Я очень бы хотела исполнить Ваше желание. Но я думаю, что это очень огорчит Наталью Владимировну, которая так ко мне добра, так много для меня сделала и помогла мне приехать сюда. Я не могу решиться принести ей огорчение. Я и без того приношу всем, кто сближается со мною, одни несчастья.

По ее лицу скатились две крупные слезы, и, видя ее страдания, я всей силой мысли припал к Флорентийцу, моля его помочь и послать мне силы не разрыдаться.

— Предоставьте мне все уладить. Я уже до прихода к Вам объяснил Наталье Владимировне, что Вас надо очень закалить для того, чтобы общение с нею, с ее бурными силами не истощало Вас. Вы скажите только, желаете ли довериться мне и пройти короткий курс лечения под моим наблюдением?

— Не только желаю, я умоляю Вас помочь мне, доктор И. Я с самой встречи с Натальей Владимировной поняла, что со мной происходит что-то неладное. Но в последнее время я стала ясно, сознавать, что умираю, — со слезами в голосе сказала леди Бердран.

— Ну, до этого еще далеко, а закалить Ваш организм и двинуть Вас к систематическому знанию, как закаляться дальше самой, — необходимо.

В эту минуту возвратилась сестра и доложила И., что носилки и носильщики здесь.

Это я понял из ее указания нечто вроде паланкина в коридоре. И. сам поднял больную и усадил ее в полотняный паланкин, где всю ее обложили подушками.

Носильщики подняли больную и перенесли в наш дом. Немедленно был отыскан Кастанда, больная водворена в комнату под нами, и И. отдал самые строгие распоряжения об ее диете и о том, чтобы к ней решительно никого не пускали. И мы помчались обратно в холл, где ждал нас Бронский, беседуя с Ольденкоттом. Домик, где сейчас жил Бронский, был довольно далеко, но зато очень близко от Аннинова.

Войдя в комнату ученика и друга Бронского, мы увидели, как мне показалось, даже не очень молодого человека, брюнета, похожего на грузина, но на деле он оказался румыном. Присмотревшись внимательно, я

понял, что человек этот молод, но чрезвычайно истощен. Он лежал, что-то бормоча.

— Отчего Вы позволили Вашему другу, разгоряченному, опаленному зноем, броситься в холодное озеро. Ведь вы сами не только не сделали этого, но даже мылись в теплой ванне.

— Я умолял Игору не делать этого. Но румыны вообще упрямы и думают, что лучше понимают потребности своей природы. К тому же мать Игору венгерская цыганка и приучила его с детства к постоянной смене холода и зноя. Он никогда не болел за все время нашего знакомства. Насколько я должен был всегда думать о своем здоровье, настолько мой друг мог расточать его самым легкомысленным образом безнаказанно. Поэтому-то сейчас я так и обеспокоен его болезнью.

— Да, он очень, очень сильно болен. И если и выздоровеет, то не скоро. Вам придется или покинуть его здесь на меня, или же остаться самому вместе с ним на долгое время, не меньше года, — осматривая больного, говорил И. — Я понимаю, что Вам необходимо возвратиться к Вашей деятельности. У Вас, по всей вероятности, целый ряд контрактов, зовущих Вас в разные города мира. Но о здоровье друга Вы можете не беспокоиться, мы с Левушкой Вам его выходим. И через год он вернется к Вам.

— Я не покину друга в беде, доктор И. Я знаю, что буду мало полезен, и не менее хорошо знаю, какое счастье для моего друга встреча с Вами. Но и для меня встреча с Вами в данную минуту жизни важнее всех дел и контрактов, важнее самого искусства, для которого я и жил до сих пор. Я уеду отсюда только в том случае, если Вы меня выгоните. Я Вас умоляю, не отправляйте меня отсюда, прочтите письмо того человека, которого я случайно встретил в Лондоне несколько месяцев тому назад. Он после долгого разговора в моей уборной в театре, когда я играл «Отелло», дал мне письмо к Вам, назвав себя Флорентийцем, хорошо Вам известным.

Он же объяснил мне дорогу сюда и дал в провозатые своего слугу, когда я — ни минуты не размышляя — решил ехать к Вам сюда. Игору не отпустил меня одного. И, когда я познакомил с ним Флорентийца, сказав ему, что друг мой желает меня сопровождать, Флорентиец долго-долго смотрел на него и сказал: "Ну, быть тому. Но помните, что я его с Вами не посылал. Вы можете его взять на свой страх и риск". Мне очень не хотелось, чтобы Игору ехал со мной. Я всячески пытался его отговорить, но не сумел настоять, как и вообще не умею нигде и ни в чем, кроме одного искусства, проявить свою волю. Только в нем я целен и уверен до конца.

Ему служу без компромиссов и в нем никто и ничто не может сбить меня с моего пути, раз понятого и принятого. Не отвергайте меня, —

внезапно опускаясь на колени, с тоской и мукой в голосе закончил свои слова Бронский.

И. быстро подошел к нему, поднял его, обнял и ласково сказал:

— Встаньте, мой друг и брат. Я с радостью принимаю Вас в число моих учеников. Не беспокойтесь за Вашего друга. Он будет жить, и характер его, так много тиранивший Вас в жизни, очень изменится к лучшему. Но пострадать ему придется немало, так как не только все корешки нервов у него воспалены, но и вся нервная система нарушена из-за недопустимой разницы температур, к которым он одинаково непривычен, несмотря на кажущееся закаливание, к которому приучала его мать.

И. приготовил лекарство, с моей и Бронского помощью влил его больному, растер его тело чем-то невыносимо остро пахнувшим и снова сказал артисту:

— Сейчас Ваша помощь здесь совершенно не нужна. Больной будет долго спать, а потом все равно никого узнавать не будет. У него род тифозной горячки, но на самом деле это только ужасающая встряска всего организма, которая могла бы окончиться безумием, если бы Вы не встретили здесь меня.

Послав меня за дежурной медицинской сестрой, И. сказал Бронскому, чтобы он захватил войлочную шляпу и мохнатое полотенце в своей комнате и ждал нас у выхода.

Я вернулся в комнату больного с братом милосердия. И. сделал Игорю укол довольно толстой иглой и, дав дежурному все указания, обещал через два часа прислать фельдшерицу. Мы собрали аптечку, тщательно вымыли руки и сошли вниз к ждавшему нас Бронскому.

Жара была уже очень сильная. И. нахлобучил мне шляпу и спустил вуаль, посоветовав сделать то же самое и своему новому ученику, и мы, перейдя несколько дорожек, очутились в доме Аннинова.

Все в этом доме было какое-то особенное. Сразу же меня поразило, что из небольшой передней выходила дверь прямо в большой белый зал, где посреди комнаты стоял белый рояль, а по стенам несколько диванов — жестких и тоже белых, а на тумбе из черного мрамора какая-то небольшая статуя, показавшаяся мне портретом Данте. Потом я увидел, что это было изображение Будды.

Слуга провел И. в следующую комнату через большой зал, а мы с Бронским остались ждать в зале. Он стал мне рассказывать об Аннинове, об его гении, успехе у публики и о его страданиях. Он давно покинул родину, очень страдал от тоски по ней, но никогда туда не возвращался, скитаясь по всему свету. Бронский не знал, что заставило музыканта

покинуть родину, так горячо любимую. Но знал наверное, что большая часть его болезни сердца лежала в постоянной тоске по ней.

Довольно долго И. не возвращался. Бронский, видя мой восторг при описании его впечатлений от встречи с Флорентийцем, очевидно и сам находясь под сильным влиянием красоты и мудрости моего высокого друга, рассказал мне подробно, как он был в особняке Флорентийца в Лондоне, видел там моего брата, от него получил мой рассказ. Он видел Наль и ее подругу Алису, красотой которых был так поражен и восхищен, что до сих пор не знает, которая из них лучше. Что Алиса — это Дездемона, а Наль так юна и вместе с тем так величественна, что для нее он не находит имени в своем артистическом словаре. Что такой женщины он еще не видел и готов был бы заподозрить в преувеличении всех, кто ему рассказывал бы об обитателях особняка Флорентийца.

— Я иногда и сейчас спрашиваю себя, не во сне ли я видел этих людей? Возможно ли такое количество красоты и доброты в одном месте Лондона? — Бронский задумался, точно куда-то унесся мыслями, и тихо продолжал: — Когда я увидел И. входящим в столовую, я сразу понял, что это именно он, хотя никто мне этого не говорил.

Помимо его исключительной красоты, в И. есть что-то, чего я не умею определить, но что совершенно определенно напоминает мне Флорентийца. Что это такое, я еще не понимаю, но это нечто, никому, кроме этих двух фигур, не свойственное. Много я видел людей, и людей великих, но что-то божественное — до того оно высоко — бросилось мне в глаза и поразило меня в И. и во Флорентийце.

У двери послышались голоса, и в зал вошли И. и Аннинов. На щеках музыканта горели пятна, очевидно, или у него был жар, или он пережил очень сильное волнение. Он приветливо поздоровался с нами, предложил нам фрукты и прохладительные воды, но И. не разрешил нам ни того, ни другого.

— Итак, кончайте Ваш труд, Сергей Константинович, и отложите концерт на несколько дней. С Вашего разрешения, я приведу целую толпу народа, жаждущую послушать Вас. Вы совершенно здоровы. Мало того, что Вы сами здоровы, вам еще придется помочь мне лечить Вашей музыкой двух больных. Без музыки в данный момент их не вылечить. Мы с Вами выработаем программу и, я надеюсь, вернем им разум, — прощаясь, говорил И. Тут уж я был поражен до полного ловиворонства. Лечить музыкой? Так я и ушел, не собрав мозгов, и, если бы не жара, стоял бы, наверное, на месте. Но солнце жгло немилосердно даже сквозь вуаль, и И. набросил мне на голову толстенное мохнатое полотенце Бронского, которое

смочил в фонтане, чем привел меня несколько в себя.

Дома И. велел мне полежать, пока он приготовит лекарство для Максы, а Бронского просил разыскать Кастанду.

Едва я лег, как мгновенно заснул. Мне показалось, что я спал Бог знает как долго. На самом же деле оказалось, что спал я не более двадцати минут, а отдохнул чудесно. И. разбудил меня, дал мне превкусное питье, сказав, что теперь пить можно. Я взял микстуру для Максы, еще какие-то лекарства для передачи сестре Александре и должен был привести с собой обратно сестру милосердия специально для Игоро. Я радовался, что сейчас пойду чудесным лесом. Питье И. делало меня малочувствительным к жаре. Мне хотелось побыть одному и подумать обо всем пережитом за эти дни. Но возвратился Бронский и, узнав, что я иду в незнакомое ему место, так моляще посмотрел на И., что тот рассмеялся и, хитро посмотрев на меня, сказал:

— Там у Левушки завелась зазнобушка, Алдаз! Если он решится на самопожертвование и возьмет Вас, я буду рад. Для Вас там найдется многое, на что посмотреть.

— Левушка, я буду нем, как пень, услужлив, раб, благодарен, как ребенок. Возьмите меня.

Я даже подавился от смеха, такое необычайное выражение, вернее, целая гамма сменяющихся выражений промелькнула на его лице. Он выпрямился и громовым голосом, точно клятву на мече, выговорил:

— Буду нем, как пень. — Потом согнулся, точно весь сузился, точь-точь лстивый раб, и сахарным голосом произнес: — Услужлив, как раб.

И вдруг, широко улыбнувшись, распустил все складки лица, только что сморщенного и подлизывающегося, и ясным, детским голосом, наивно глядя мне в глаза, очаровательно шепелявя, сказал: — Благодарен, как ребенок.

Все это было для меня так неожиданно, что я, разумеется, все забыл, бросился ему на шею и заявил, что теперь понимаю, почему он покори́л мир.

Все еще смеясь, мы пустились в путь, к сестре Александре. Я хорошо запомнил дорогу, и хотя Бронский был таким увлекательным собеседником, что легко можно было впасть в рассеянность, я чувствовал себя вдвойне ответственным и перед И., и перед моим новым знакомым, в котором так многое меня пленяло, был все время настороже и не перепутал ни одного поворота.

Макса еще спал, а сестра Алдаз на ломаном русском языке, который едва можно было понять, с помощью жестов и мимики своего прелестного

личика старалась объяснить мне, что бедный Макса очень страдает. Я обещал передать это И. и прибежать еще раз к ней, если И. даст что-либо облегчающее.

Повидав сестру Александру, захватив с собой данную ею сиделку для Игоро, мы поспешили обратно. Во время его разговора с Алдаз Бронский не спускал с нее глаз и лицо его выражало полное восхищение. Взглянув на него теперь, когда мы вошли в лес, где я снова ожидал его увлекательных рассказов, я увидел печальное, углубленное в себя лицо совсем нового человека. С ним произошла полная метаморфоза. На лице лежало какое-то мудрое спокойствие, нечто похожее на то выражение, которое я часто подмечал на лице брата Николая. Но на лице Бронского эта мудрость носила сейчас печать скорби.

Его высокий лоб прорезала морщина, глаза точно не видели ничего окружающего, губы были плотно сжаты, как будто бы он решал новый, внезапно вставший вопрос. Я не посмел нарушить его сосредоточенности и даже старался идти медленно и бесшумно, чтобы не мешать его мыслям. Я представил себе, что вот таким мудрецом бывает Бронский, когда обдумывает наедине свои роли. Уже почти на опушке леса он глубоко вздохнул, провел рукой по лицу и глазам и улыбнулся мне.

— Я так далеко был сейчас, Левушка. Иногда моя фантазия уносит меня от действительности, я впадаю в какую-то прострацию и рисую себе прошлое тех образов или людей, которых мне надо изобразить на сцене, или же тех живых людей, которые произвели на меня глубокое впечатление. Прав я или нет в своих сценических образах, — тому судьи люди, так или иначе воспринимающие созданные мною образы. Но самое странное в игре моего воображения — это то, что в прошлом живых людей, если только они меня целиком захватили, я никогда до сих пор не ошибался. Не знаю сам, как и почему, но я читаю их прошлое совершенно ясно, как ряд мелькающих передо мной картин. Сейчас весь внешний вид и мимика этой Вашей очаровательной приятельницы Алдаз так меня пленили, что я впал в это состояние прострации и увидел много-много картин из ее прошлого. Я увидел сначала малютку индианку спящей в мешке за спиной у матери — индианки с темно-красной кожей.

Рядом с ней шел отец, неся на спине мешок с тяжелым грузом. Потом я увидел ту же мать уже с девочкой-подростком, оплакивающими убитого отца. Дальше: высокий, страшно высокий красавец на коне подобрал обеих несчастных, сидевших в отчаянии ночью у костра. Потом я увидел мать и дочь с караваном верблюдов, пересекающих пустыню, потом нечто вроде школы, где я увидел Алдаз уже одну, лет тринадцати, и, наконец, больницу,

где Алдаз давала лекарство какому-то старику. Меня поразила эта юная жизнь, такая безрадостная, монотонная, протекающая в лесах и дебрях, а ведь у нее крупнейший мимический талант. Судя по ее движениям, необычайно пластичной походке и пропорциональности сложения, она должна танцевать как богиня, восхищать людей и пробуждать в них самое высокое и светлое чувство восторга. А она прозябает в глуши. Даже в древности и то она вынесла бы свои талант наружу, была бы жрицей, танцовщицей в каком-нибудь храме. Вот о чем я думал, и, как всегда, судьбы людей и их неопишуемая сказочность потрясли меня и на этот раз. Надо же было в глухом уголке джунглей появиться рыцарю и спасти мать и дочь, уже смиренно приготовившихся быть растерзанными дикими зверями! И для чего же он их спас? Чтобы гениальный талант девочки погиб у коек больных! Я стоял, разинув рот, у опушки леса, смотрел на Бронского и решал, кто из нас помешанный, а того не замечал, что сестра милосердия, тоже туземка, не понимающая русского языка, на котором мы с Бронским говорили, выражала все признаки нетерпения. Должно быть, потеряв его окончательно, на плохом английском языке она мне сказала:

— Скоро, скоро, господин, вперед. Доктор меня ждет.

Я извинился перед нею, бросился вперед с такой быстротой, что мои спутники еле поспевали за мной. Сдав Кастанде сестру и Бронского, я поспешил к И. Конечно, я сейчас снова ворвался бы к нему еще большей бурей, чем в первый раз, но, к счастью, встретил его у площадки лестницы шедшим мне навстречу. Он, очевидно, имел в виду сказать мне что-то другое, но, увидав мое лицо, спросил:

— Что с тобой приключилось, друг?

— Пойдемте в Вашу комнату. И., мне необходимо Вам что-то сказать. Вы знаете, что Бронский колдун? Он может читать прошлое людей. И., миленький, Вы можете знать, чем был человек до встречи с Вами?

Я торопился, говорил сбивчиво, с очень серьезным видом и все же не мог не заметить, каким юмором сверкали глаза И. Он привел меня в чувства, и я рассказал все, что говорил мне Бронский и как он прочел прошлое Алдаз.

— Как бы я хотел узнать, правду ли видел Бронский о жизни Алдаз. И., дорогой, можете ли Вы это узнать?! — я спрашивал, горя нетерпением, и никак не мог понять, как это И. может спокойно сидеть, когда я ему передаю такие потрясающие вести.

— Я думаю, что тебе проще всего узнать самому, Лешка, правдиво ли Бронский описал тебе прошлое сестры Алдаз.

— Как же это? Сколько бы я ни старался, я еще ни разу не видел

никаких картин.

Или Вы думаете, что я должен очень сильно думать о Флорентийце и спросить его? — выпалил я, снова впадая в азарт желания узнать истину или убедиться, что Бронский просто маньяк, одержимый определенным пунктиком.

И. засмеялся и, поглаживая меня по голове, что помогло мне мгновенно прийти в себя, сказал:

— Экое ты дитя малое, Левушка. Неужели я мог бы посоветовать тебе беспокоить твоего великого друга такими мелкими делами. Это все равно, что обращаться к нему с вопросами, как тебе научиться правильно завязывать сандалии или ставить на их подошвы заплаты. Я имел в виду самое простое, ничуть не превышающее твоих сил дело, — все так же ласково поглаживая мою голову и улыбаясь, говорил мне обожаемый, снисходительный друг. — Ты сам спроси Алдаз, когда вечером, после чая, мы пойдем накладывать Максе новые повязки. Кстати, возьми эту сумку, здесь все, что нам будет необходимо при вечернем обходе. А теперь пойдешь возьми душ и ляг в своей комнате. Ты так бежал, что необходимо тебе прийти в себя. Если, возвратясь сюда через полчаса, я найду тебя спокойным, мы пойдем в комнату Али и я дам тебе книги для первоначального знакомства с языком пали.

— О, И., какой же Вы добрый! Я опять проштрафился, а Вы мне даже выговора не сделали. Можете не сомневаться, Вы найдете меня совершенно спокойным дэнди! — Смотри, вот тут-то и не проштрафься, — улыбнулся мне на прощанье И. Я не заметил, в какой пыли я был. Даже на блестящем полу я оставлял пыльные следы. С помощью Яссы я привел себя в порядок, убрал комнату и стал поджидать моего друга, который немного задерживался.

Образ Бронского снова встал передо мной, и нарисованные им в лесу картины оживали в моей фантазии. Мне так и представлялся высоченный рыцарь с черной бородой, подхватывающий мать и дитя в свое седло в страшном, темнеющем лесу. Так как я никогда не видел живого рыцаря, а образ высоченного черноволосого человека жил в моей душе только один, я связал картину Бронского с личностью Али.

Как хорошо все укладывалось дальше в моей поэтической фантазии! Али подобрал несчастных мать и дочь и со своим караваном переправил их в Общину, где Алдаз и поступила в школу: Образ Али завладел мною. Я уже готов был позвать его и спросить, не подбирал ли он на дороге сирот, как дверь открылась, и И. окликнул меня.

— Я теперь знаю, кто был рыцарь, спасший Алдаз. Это был, конечно,

Али. И дальше все складно выходит, — не дав опомниться И., бросился я к нему.

— Али или не Али спас Алдаз — это не так важно. Но что ты все же не проникся достаточным вниманием к моим словам и хотел беспокоить Али по пустякам, — это нехорошо. Делать сейчас такую печальную мину и огорчаться не следует, но обрати внимание на две вещи: ни одного лишнего слова не говори, пока окончательно не продумаешь то, о чем хочешь говорить или просить. Это одно. Второе: если я дал тебе задачу, а я сказал, что пойдем в комнату Али учиться, надо было приготовить себя, привести в себе все в равновесие, чтобы твое рабочее место оказалось в гармонии со всеми твоими творческими способностями. Мы пойдем в комнату великого мудреца, милосердие которого равно его мудрости. Милосердие его к тебе огромно.

А твое внимание, вообще очень ограниченное, собрано ли оно сейчас? Очистил ли ты его от мелких мыслей суеты? Проникся ли ты той великой радостью служить когда-нибудь человеку благодаря тем знаниям, что тебе решил открыть Али, посылая тебя сюда? Только тогда ты можешь встретиться с Али и Флорентийцем и стать сотрудником в общей с ними работе, когда научишься входить в полную сосредоточенность. Тогда ты поделишь их труд и будешь полезен в их работе всем тем, кто тебя окружает. Ты проникнешь в их творческий путь настолько, насколько верность твоя им будет скреплять тебя постоянно, легко и просто с ними, с их путем любви к человеку. Ты здесь не гость, чтобы обновить свой организм на несколько лет и снова уйти в труд, через который расточать перлы своего гения в утешение и помощь людям. Ты здесь гость Вечности, в Ней ты здесь встречен, с Нею уйдешь. И каждый день твоей жизни — день дежурства у черты Вечности. Не в Общине ты «погостил», и не из нее уйдешь, — здесь весь смысл твоего существования. Ты из Вечности пришел, в Ней живешь в форме временного Левушки на земле к Ней уйдешь, но уйдешь обогащенный новым опытом, с открытыми глазами, постигая путь к совершенствованию и зная, как работать над собой, чтобы добиваться освобожденности. Ты увидишь здесь многих гениев, узнаешь их особый путь жизни на земле. Ты узнаешь здесь еще больше простых людей, в которых раскрываются только некоторые черты их талантов. Их тяжкий или легкий путь становится таковым от количества предрассудков и личных слабостей, которые им удастся с себя сбросить, то есть насколько они сумеют освободить от условностей заключенную в них Вечность.

Все это говорил мне И., пока мы шли на островок Али, где нас снова встретили сторож и белый павлин. Поднимаясь в комнату Али, я был полон

благоговения и благодарности к моему дорогому наставнику. Как-то особенно четко ложилось каждое его слово сегодня мне на сердце. И в первый раз без всяких сомнений и сожалений о собственной малости и неспособности я дерзал, легко и просто подходя к книжным шкафам.

И. тронул какую-то пружину, и стенка раздвинулась, открывая за собою еще ряд белых полок, полных книгами. И каких только книг здесь не было! И. вынул три небольшие книги, очень старинного вида, снова нажал невидимую мне кнопку, стенка сдвинулась, и я даже не мог различить, где она раскрывалась только что.

Подойдя к письменному столу Али, И. раскрыл его куполообразную крышку из пальмового дерева, изображавшую два больших листа латании. Он усадил меня за стол и стал объяснять мне шрифт и произношение языка пали. Мне все казалось очень трудным, так как я вообще не знал ни одного восточного языка, и потому корни и приставки, такие чуждые мне, озадачивали меня.

Но преподавательский талант моего мудрого Учителя был на такой высоте, что, когда ударил первый гонг к обеду, я уже мог свободно разбирать печатные слова.

И. показал мне, как закрывать и открывать стол, задал мне урок к следующему дню, и мы спустились в парк, в обеденную столовую. Первое, на что я обратил внимание, когда мы вошли в столовую, была Андреева, беседовавшая с каким-то стариком на непонятном мне языке. Судя по интонациям, я понял, что она на чем-то настаивает, а старик не поддается и в свою очередь пытается ее убедить. Сидевший рядом Ольденкотт, очевидно, тоже не понимал языка и беспомощно смотрел на И., когда мы вошли, как бы прося его вмешаться в их дело. Но И., взяв меня под руку, поклонился им и прошел прямо к нашим местам.

Постепенно столовая наполнилась, заняли свои места и Бронский с художницей.

Снова я заметил несколько замечательных лиц, но никак не мог охватить взглядом всех, кто сидел за столами.

— Не спеши узнать всех сразу, Левушка, постепенно ты познакомишься со всеми.

Многих будешь иметь случай увидеть ближе у Аннинова завтра. А сейчас, — я вижу, как тебя это интересует, — я тебе разъясню, о чем спорит Наталья Владимировна.

Ей хочется посмотреть на развалины одного очень и очень древнего города. Со свойственным ей темпераментом ей хочется немедленно двинуться в путь, а старик-проводник отказывается ехать сейчас, уверяя,

что это в данную минуту опасно. Пути туда почти восемь суток по знойной, безводной пустыне или же через глухие топкие джунгли, где много диких зверей и змей. Надо выждать. Недели через три туда пойдет караван и можно будет, присоединившись к нему, проехать безопасно.

Лицо Андреевой показалось мне сейчас бурным ураганом. Ольденкотт несколько раз вздохнул и что-то тихо сказал своей соседке. Та рассмеялась, посмотрела на меня и сказала довольно громко мне через стол:

— Я собираю компанию бесстрашных людей, любящих путешествовать в пустыне. Не хотите ли проехать с нами осмотреть один интереснейший древний город, вернее, его развалины? Говорят, днем они мертвы, но с закатом солнца на развалинах появляются в такой массе тигры, львы, шакалы и обезьяны, что все здания кишат ими.

Я пришел было в ужас, но потом решил, что надо мной смеются, и ответил в тон ее насмешке:

— Мне не особенно хочется превратиться в уголь, пока я буду ехать по пустыне, и еще меньше мне хочется провести ночь в приятном обществе тигров и львов. Я еще не успел завести себе заклинателя, а без него, пожалуй, не обойтись в таком почтенном обществе.

Андреева рассмеялась и сказала что-то старику-проводнику. Тот послал мне восточное приветствие. Я вспомнил пир у Али. Приподнявшись, я отдал ему восточный поклон. Проводник, с лицом, до черноты сожженным солнцем, в белом тюрбане и бурнусе, был своеобразно красив. Седая борода делала его похожим на пророка. Посмотрев на меня пронзительными черными глазами, он быстро что-то сказал И. Тот улыбнулся, кивнул головой и перевел мне по-английски слова араба:

— Зейхед-оглы просит тебя принять его сердечный привет и говорит, что видит твой далекий путь. Но путь этот будет еще не скоро и вовсе не в пустыню, а к людям.

Он просит тебя принять от него в подарок маленького белого павлина, которого он подобрал по дороге заблудившимся в лесу.

Я был в полном восторге. Иметь собственного белого павлина! Но что мне ответить, я не знал, так как отлично помнил, что за подарок, по восточному обычаю, надо было отблагодарить подарком, у меня же ничего не было.

— Поблагодари и согласишься, — шепнул мне И. Я с большим удовольствием исполнил совет И. и чувствовал себя счастливым обладателем сокровищ. Но Андреева решила не давать мне спокойно наслаждаться моим инстинктом собственника.

— На груди у Вас сквозь полотно сверкает камень. И цены ему нет, и

красоты он сказочной, и значимость его даже непонятна Вам, — бросала она мне, точно дрова рубила, говоря на этот раз по-русски. — Носите сокровище, за которое отданы сотни жизней; и еще сотни были бы отданы, лишь бы его достать. И ему Вы не радуетесь, а радуетесь глупой птице.

Глаза ее сверкали. Блеск их, мне казалось, достигал самого камня на моей груди.

Он был мне очень тягостен. Я закрыл плотнее свою одежду, прикрыл камень рукой и прижал его к сердцу, благоговейно моля Флорентийца научить меня лучше защищать его сокровище и суметь сохранить его до той самой минуты, когда мы с ним свидимся и я возвращу ему камень, который когда-то у него украли. И вдруг я услышал дивный голос моего великого друга:

— Будь уверен и спокоен. Всюду, где ты идешь в чистоте, иду и я с тобою. Осязай в своем пульсе биение моего сердца. Есть много путей знания, но верность у всех одна. Распознавай во встречах их скрытое величие и не суди их по видимым несовершенным качествам. Оберегай мой камень, ибо он не одному тебе защита.

Мгновенно спокойствие сошло в мою душу, я радостно взглянул на Андрееву, с которой произошло что-то мне непонятное. Она побледнела, вздрогнула, склонила голову на грудь и точно замерла в позе кающегося. Я посмотрел на И. Он был серьезен, даже строг, и пристально смотрел на Андрееву. Когда та подняла, наконец, голову, он сказал ей очень тихо, но я уверен, что она слышала все до слова:

— Стремясь пробудить в другом энергию и силу, надо уметь держать в повиновении собственные силы. Даже в шутку нельзя касаться того, о чем сам не знаешь всего до конца. Обратный удар может быть смертелен. И если он не был таким для Вас сейчас, то только потому, что я его принял на себя.

Вокруг нас, где шел общий и часто перекрестный разговор, никто не заметил этой маленькой сценки. Да и вообще все так привыкли эксцентричной манере Натальи Владимировны говорить и шутить, что ее словам никто не придавал особого значения.

Я, хотя и не понимал всего до конца, все же сознавал, что в словах И. таилось нечто очень значительное для Андреевой.

Ее несколько презрительный тон, когда она возмущается моею ребяческой радостью из-за подаренного белого павлина, огорчил меня. Я подумал, что совершенно невольно ввел ее в раздражение. И в то же время я вспомнил слова сэра Уоми, что каждый вступающий на путь знания должен стараться говорить так, чтобы ни одно его слово не язвило и не

жалило.

Я еще раз прижал к груди камень, подумал о словах письма Али: "Все, чего должен достичь человек, — это начать и кончить каждую встречу в мире, доброте "и милосердии", — и решил очень строго следить за собою сейчас, чтобы сказанное мне другими, — каким бы тоном оно ни было сказано, — не вызывало во мне горести или раздражения.

Во время обеда седой проводник несколько раз взглядывал на меня, и я читал в его глазах огромное дружелюбие к себе. Андреева сидела, опустив глаза вниз, была бледна и молча слушала, что говорили ее соседи, изредка кивая головой. Мне казалось, что в ней происходит что-то особенное, для нее очень тяжелое, что она пытается скрыть.

Бронский снова был обаятельным собеседником, но все же я подмечал в его лице тревогу. Только спокойный взгляд И., казалось, вливал в него уверенность каждый раз, когда взгляд его скрещивался со взглядом артиста.

После обеда И. предложил мне пройти в комнату Али и приготовить заданный на завтра урок, что я с восторгом принял. Бронскому И. разрешил до чая провести время у постели больного друга, а Альвера Черджистона позвал в свою комнату, отчего лицо юноши засияло.

Старый араб-проводник подошел к И. и, глядя на меня, что-то быстро говорил, чему И. смеялся. Еще раз я пообещал себе с наивысшим прилежанием изучать языки Востока. Мне И. сказал только, что после чая араб принесет обещанного молодого павлина и объяснит, как за ним ходить и чем кормить.

В самом счастливом настроении я отправился учиться. Как обычно, и сторож, и его павлин встретили меня гостеприимными поклонами. Мне хотелось спросить сторожа, как зовут его и его чудесного павлина, но я был похож на того слугу, что вытирает пыль с драгоценных книг, не понимая их языка. Книги для слуги мертвы, а здесь передо мною были живые существа, а я не мог произнести ни одного понятного им слова.

Я стоял перед слугою с довольно растерянным видом. На лице его мелькнула улыбка, он похлопал меня по плечу, показал на свои уши и рот, и я понял, что он глухонемой. Теперь мне стало ясно, почему он пристально смотрит на рот говорящего с ним человека. Слуга еще шире улыбнулся, погладил павлина по его прелестной шейке, затем постучал по своему лбу, показал на лоб павлина, важно покачал головой, развел руками, и я понял, что он объясняет мне, как необыкновенно умен и понятлив его павлин.

Пока я разбирался в заданном мне уроке, все мне казалось необыкновенно трудным.

Но как только я усвоил его — мне захотелось учиться все больше и

больше. Язык становился приятным и понятным, меня охватывала все большая радость, чем дольше я над ним сидел. Забыв обо всем, я пропустил гонг, не слыша даже, как вошел в комнату И., и очнулся только от его руки, коснувшейся моего плеча.

— Я так и знал, братишка, что за тобой надо зайти, иначе ты обо всем забудешь. — Мой наставник безжалостно захлопнул книгу, закрыл стол и вывел меня из комнаты.

— Как бы ни спешил ты выполнить данную тебе или взятую тобою на себя задачу, окружающее тебя и все то, чем ты с ним связан, должно быть тобою уважаемо. Пища ждать тебя не может. И человек, обещавший принести тебе подарок, должен найти тебя ожидающим его. Говорят: "Точность — вежливость королей". Для ученика его самодисциплина — высшая точность в поступках и словах, высшая вежливость по отношению к тем, с кем он встретился. Живой человек — твоя первая задача всюду.

Он для тебя самое важное в дне, ибо в нем — цель действий твоих Учителей.

Запомни, Левушка, и охраняй всю свою внешнюю аккуратность не менее внутренней.

Мы быстро пошли парком, где стоял сильный зной, совсем незаметный в комнате Али.

Когда мы кончили пить чай в гроте, на пороге его появился мой новый друг, араб, закутанный с ног до головы в белый бурнус, под складками которого он нес прелестную корзинку из пальмовых листьев, в которой было устроено гнездо. В гнезде сидел маленький и очень несчастный на вид белый павлин. Но я никогда бы не признал в этом длинношеем, почти неоперившемся птенце, жалком и безобразном с виду, будущего царя птичьей красоты.

Араб поклонился мне и подал корзинку. Я залюбовался необычайно сложным искусством плетения и, должно быть, немного резко повернул корзинку. Птенец жалобно пискнул, и этот слабенький звук сжал мое сердце какой-то неожиданной для меня самой скорбью. Я пожалел бедняжку-птенчика, которого потревожил так неосторожно. Я не знал, как его приласкать и чем загладить свою вину перед ним.

Я был так же беспомощен перед ним в его воспитании, как он передо мной в своей незащитности. Я уже готов был возвратить хозяину его подарок, как он сказал мне на отвратительном, но совершенно понятном французском языке.

— Вы не смущайтесь, ага, всякое дело сложно, пока не поймешь, как им овладеть. Я Вам и корм для него приготовил, и расскажу все: как его поить

и как водить гулять, и как ему спать. Он, видите ли, уже привык ко мне и жалуется, зачем я отдаю его Вам. Эти птицы так понятливы, что и не каждому человеку чета. Вот я ему сейчас объясню, что Вы его настоящий хозяин, а Вы дайте ему покушать вот этой кашицы с Вашей ладони, и он будет определенно знать Вас как своего единственного хозяина.

Араб осторожно вынул птенца из корзинки, поставил его на широчайшую ладонь своей левой руки, а пальцами правой с нежностью матери поглаживал почти голую головку птенчика и так передал его мне, посадив его на мою левую ладонь, где он едва поместился.

Преуморительно, с какой-то важностью посмотрел на араба птенчик, потом клюнул мою ладонь, где уже лежала положенная арабом кашица, потом поднял голову, посмотрел на меня, еще поклевал и пискнул. Но писк этот был уже жалобный, а веселый, точно он совсем примирился с новым хозяином.

Араб посоветовал мне положить птенца снова в корзинку и прикрыть пуховым платочком, который он вынул из своего бурнуса, так как, несмотря на жару, птенцу было холодно и он дрожал. Я сердечно поблагодарил араба за его подарок и высказал ему мое сожаление, что не знаю, чем его отблагодарить.

— Это не уйдет. Вот на будущий год Вы поедете осматривать пустыню, возьмите меня в проводники и заезжайте в мой дом передохнуть. Мой дом в оазисе, пути два дня пустыней.

Я еще раз поблагодарил его, пожал ему руку и в обществе Альвера, Бронского и художницы Скальради, восхищавшихся моей птицей не меньше меня, я понес ее в мою комнату. Через некоторое время пришли И. и араб, и старик дал мне полное наставление, как ухаживать за птицей.

— Вы знаете, друг, — сказал арабу Бронский, — Ваши наставления, конечно, очень замечательны и доказывают Вашу любовь к птицам, но они не менее сложны, чем если бы дело касалось человеческого, а не птичьего детеныша. Мне думается, что Левушке одному не справиться, пока птенец так мал. Нельзя ли мне принять участие в уходе за птенчиком? Мне бы это было так приятно, а Левушку бы немного раскрепостило.

На лице араба мелькнула улыбка.

— Через несколько коротких минут и Вы, и Левушка узнаете кое-что о некоторых из этих птиц. Тогда вы оба поймете, почему они так по-человечески сообразительны и почему за ними должен быть особенно тщательный уход. Я думаю, если доктор И. разрешит, Вам будет очень полезно понаблюдать жизнь птенца. Вы добры и чисты, птенцу Вы будете милы. При таком друге он скорее разовьет свои таланты.

Араб еще раз улыбнулся, протянул Бронскому руку и подал ему небольшой темный камень, вынув его из маленького кожаного мешочка.

— Это змеиный камень. Это амулет от укуса змей. Он останавливает кровоточивость ран, залечивает их быстро и спасает от смерти при укусе кобры. Но если его прикладывать к ранам от укуса змей, то силы его хватит только на четыре раза.

После этого он теряет всякую силу и не годен больше ни для каких целей. Возьмите его в память обо мне. Он Вам вскоре пригодится.

Бронский своею беспомощной растерянностью напомнил мне моего беспомощного птенца. Я залился смехом, так комично показалось мне это сопоставление.

— Берите, Станислав Николаевич. Будем вместе обязаны аге Зейхедоглы. Авось надумаем, как его отблагодарить.

Тут Бронский выкинул такое антраша, что я чуть выронил мою корзину из рук. Я еще не успел договорить фразу, как Бронский обеими руками обнял могучую шею араба, целовал его темное лицо и говорил что-то так быстро, точно читал псалтырь, как плохой дьячок, торопящийся поскорее отбарабанить надоевшую ему службу. Но, несомненно, в скороговорке Бронского был какой-то большой смысл, который араб отлично понимал, потому что весело смеялся и отвечал кивком головы на упрашивания Бронского. Артист вдруг вылетел пулей из комнаты, оставив даже дверь нараспашку. Ну, как же тут было не словиворонить. Я был так озадачен, что счел за лучшее сесть и поставить птенца на пол.

Глаза араба смотрели на меня с нескрываемым юмором. И. тоже поблескивал глазами и хранил могильное молчание. И только один Альвер мог служить мне утешением, ибо был мне под пару. Разинув рот, он стоял точь-в-точь в том же виде, как на горе, когда наблюдал наш с И. полет валькирий. Общее молчание, как мне показалось, длилось очень долго и пауза становилась мне тягостной.

Араб подошел ко мне, поднял с пола корзинку с птицей и поставил ее на кожаный табурет у изголовья моего дивана. Он приподнял пуховый платочек и показал мне, как птеник зарылся в пух гнезда, воображая себя под защитой крыльев и пуха матери.

— Вы не поняли ничего из слов Вашего приятеля. Не мудрено. Я и сам едва понял, хотя он говорил по-тюркски, а этот язык я хорошо знаю. Должно быть, я очень метко попал и подарил ему именно то, что ему хотелось иметь. Он просил меня принять от него кольцо в обмен на камень и побрататься с ним за ту ласку, что он нашел в моих словах. По обычаям моей страны, я не могу взять подарок за подарок.

Но в данном случае я не могу и обидеть этого человека, в котором так много детской наивности. Я вижу по его лицу, что он очень-очень много страдал и страдает еще и сейчас. Если я унесу в его кольцо часть его горя, я буду счастлив.

Последние слова Зейхед-оглы выговорил тише и медленнее, и лицо его стало так серьезно, что я с удивлением взглянул на него. Лицо И. тоже было очень серьезно, даже как будто немного печально. Наконец внизу послышались торопливые шаги, кто-то быстро взбегал по лестнице и через миг перед нами стоял Бронский. Он, очевидно, бежал туда и обратно, пот лил с него градом, одежда промокла.

— Вот, прошу Вас, возьмите в память о нашей встрече. Вы первый человек, проявивший ко мне полное доверие, увидев меня впервые в жизни. Обычно люди ждут от меня сильнейших впечатлений и встречают недоверчиво и холодно. В моем нестерпимом одиночестве я счастлив сейчас, найдя человека, так нежно, братски меня встретившего.

Бронский говорил теперь по-французски, говорил медленно. Было видно, как под тонкой тканью его одежды колотилось сердце.

Араб взял футляр, что подавал ему Бронский, раскрыл его и покачал головой. Он рассматривал кольцо с большой черной жемчужиной, вделанной в круг сверкающих бриллиантов. Точно в блестящей чаше воды лежал черный камень, переливавший всеми цветами радуги. Араб переводят взгляд с жемчужины на измученное лицо артиста, покачивал головой и, держа кольцо у сердца, сделал глубокий восточный поклон.

Затем он так же глубоко поклонился И., точно спрашивал у него благословения на важный шаг, надел кольцо на мизинец левой руки, куда оно едва налезло, хотя было сделано для указательного пальца артиста по тогдашней моде.

— Я беру все твои скорби в свое сердце, все слезы и бедствия разделяю с тобою с этой минуты, дорогой брат. Да прольются они ручьем в мой путь. Быть может, моя верность дружбе и нежная любовь к тебе помогут тебе перейти в путь тех, кто вносит во все встречи розовые жемчужины. Хвала Аллаху, поклон Твоему Богу и тебе. Храни в сердце память об этом дне, как о счастливом дне моей жизни.

Зейхед-оглы еще раз поклонился И., поклонился нам и тихо вышел из комнаты. Я видел, что Бронский ничего не понял из того, что говорил араб. Сам же я понял, что несчастье артиста было в том, что он являлся вестником горя встречным и люди боялись его. Снова в моей памяти загорелись слова Али, услышанные у его двери: "Встретив ученика, идущего путем печалей, возлюби его вдвое". И как же я любил в эту

минуту не только Бронского, но и того великого мудреца, который стоял только что здесь в виде простого жителя пустыни! Какое необъятное сердце носил он в груди, если радовался счастьем принять на себя скорби другого! И. обнял Бронского, подал ему конфету и предложил взять у нас душ, сказав, что через пятнадцать минут он пойдет в дальний домик к сестре Александре и возьмет всех нас с собой.

Мне хотелось взять и моего птенчика, но И. не разрешил, сказав, что по дороге я пойму, почему этого не следует делать. Альвер робко спросил И., можно ли ему идти с нами, на что И. улыбнулся и ответил:

— Конечно, друг, ведь я не сделал исключения, а сказал, что беру вас всех.

Вообще с этого дня ты можешь, как и Левушка, считать себя в числе моих учеников.

Завтра я укажу тебе твой новый распорядок дня. Оба вы должны знать, что здесь, в этих домах, живут люди, по тем или иным причинам проходящие первоначальные стадии ученичества. Вы видите здесь многих, уже не впервые посещающих Общину. И все же они живут в этих домах неопитов. И, наоборот. Вы не видите живущими здесь тех, кого встретили в первый день как, например, Освальда Растена и Жерома Манюле.

В комнату вернулся Бронский, освеженный, в чистой одежде, которую ему дал всемогущий Ясса, и мы двинулись в путь, взяв с собой аптечки. Зной все еще был сильный, я его ощущал очень остро, но спутники мои шли так, как будто бы было наше северное лето. И., заметив, что я иду тяжело, взял меня под руку и перебрал на себя мою аптечку, не внемля никаким моим мольбам.

— Я обещал тебе, Левушка, рассказать кое-что о карлике Максе. Думаю, что всем вам, друзья мои, будет полезно узнать о судьбе этого маленького человечка, так сильно сейчас страдающего. Если бы каждый человек владел всеми силами, что в нем заложены, не было бы в мире ни страданий, ни ошибок, результатами которых и являются все скорби людей. Страсти, которыми окружен человек, загромаждают собою весь его земной путь. Они лишают его возможности ясно видеть и распознавать истинно реальное среди того моря временных, иллюзорных красот, которые манят его и влекут в кажущийся прекрасным мир личной жизни, личной любви и личного счастья. Человек не свободен. Он живет в своих условных привязанностях, и, когда спадают с его глаз эти давящие телесные покровы любви, они спадают в великом страдании. Вся жизнь земли, по мере того как в человеке просыпается мудрость, есть не что иное, как великий путь освобождения. Если бы человек мог быть так воспитан с детства, чтобы

весь его организм строился в гармонии, он, созревая, легко становился бы свободным, так как на его сознании, на его нервных сплетениях и сердце не нарастали бы бугры и глыбы всевозможных страстных извержений, которые зовутся в обиходе людей болезнями. И слух, и зрение развивались бы у человека не только физически, но и психически, рождаясь в полной гармонии организма. Сейчас мы увидим жертву борьбы страстей, борьбы добра и зла, опять-таки называя их этими словами бытовой лексики. Перед Истиной нет ни зла, ни добра. Есть только степень знания, степень освобождения, мгновение чистой любви и мира в сердце человека или мгновение бунта его страстей и невежественности. Среди глухих лесов, непроходимых, окруженных болотами, где безопасны только узенькие тропочки, живут люди, домогающиеся у природы ее тайн.

Они стараются путем знаний достичь умения владеть стихиями природы. Цель этих людей — владычество над миром. Их желания — обладать всеми благами для эгоистических целей, для порабощения людей, а не для труда на общее благо. Это темные оккультисты, нередко составляющие страшные секты со всевозможными сексуальными извращениями и нередко с человеческими жертвами. Завлекая людей через своих прислужников всюду, где люди одержимы страстями ревности, зависти, ненависти и алчности, где неуравновешенные легко поддаются раздражению, эти темные силы опутывают их сетями иллюзорных удач с тем, чтобы, предоставив им в пустяках несколько побед, уже не выпустить их из кольца змей, которое совет себе каждый из поймавшихся на эти крючки людей, поддавшись очарованию предложенных ему призрачных благ. Пользуясь своими относительно большими знаниями — «большими» до тех пор, пока они орудуют среди закрепощений греха, и ничтожными, когда встречаются истинно свободных людей, они создали целое племя людей карликовой породы. Эти внешне исковерканные существа очень злы, воспитаны в вероломстве, обучены многим фокусам гипноза и магнетизма. Но злым преследователям личных целей путем оккультных знаний все же не всегда удается до конца извратить всех несчастных, которыми им удалось завладеть. Нередко среди карликов живут страдальцы, которым мерзко зло, ненависть и лицемерие. Они пытаются бежать после неистовых страданий и наказаний за отсутствие любви ко злу и отказ совершать преступления. Великие труженики Светлого человечества часто выискивают таких несчастных, спасают их и доставляют в Общину белых братьев.

Одного из таких страдальцев вы увидите сейчас.

Мы были уже на половине пути. В лесу было темно, сыро, и я

представил себе, как должны страдать несчастные карлики, которых заставляют жить во тьме непроходимых лесов всю жизнь в обществе бесчестных людей.

— Если великим труженикам Светлого человечества удастся спасти такого схваченного злыми карлика, то его помещают в особую для него благоприятные условия, окружают самыми чистыми и ласковыми людьми, учат грамоте, всячески развивают и стараются поднять их забитый дух. Но все же, проведя детство и юность в рабстве, побоях и полной невежественности, эти несчастные создания в своей духовной форме похожи на сморщенные, засохшие грибы. Они не владеют ни одной нитью духовных сил настолько, чтобы иметь возможность выбросить из себя искру огня и поджечь те наросты грубых тканей, что вплетены в их организм жестокими хозяевами через страх и боль. Для них невозможно более человеческое воплощение, где надо сразу достичь возможности поправить все очаги сил — и физических, и духовных. И милосердная Жизнь, видя их немощь, помогает им переждать одно воплощение в птицах. Они перевоплощаются в белых павлинов. Вот почему эти птицы так понятливы, часто понимают даже речь, если человек прилагает к этому усердие.

Крик изумления вырвался у каждого из нас.

— Но не думайте, что все без исключения белые павлины — непременно перевоплощенные добрые карлики. Тех, что пройдут такой путь, Жизнь вводит всегда в Общины светлых братьев, — продолжал И., как бы не замечая нашего потрясения.

— А мой птенчик, И., он тоже бывший карлик или это просто дикий павлин, которого Зейхед-оглы подобрал в лесу? — Я спрашивал, замирая от волнения, что моя птица простая, дикая и мне не дано оберегать драгоценную человеческую жизнь.

— Твой павлин доставлен к Зейхеду совершенно особым путем. Араб знал, что он должен передать тебе птенца, и для этого приехал специально в Общину. Ты узнаешь, как, чем и когда ты связан кармой великой благодарности с тем несчастным карликом, что теперь пришел к тебе за нею в образе белой птицы и что в одной из жизней был твоим злейшим врагом и убийцей. Ты получаешь сейчас случай воздать ему, в свою очередь, и уходом, и любовью благодарность за спасение твоей жизни, в далеком прошлом.

Мы вышли на поляну, где снова было жарко. К нам навстречу шла сестра Алдаз с очень обеспокоенным лицом.

— Чудеса, чудеса и чудеса, — прошептал Бронский.

— Нет чудес, есть знание, знание и знание, — ответил ему И. Сестра Алдаз, без всякого приветствия, сразу стала что-то говорить И. очень встревоженным голосом. Лицо ее, на которое я теперь особенно внимательно смотрел после слов о ней Бронского, менялось точно в сказке. И вся она казалась иною, в зависимости от мимики лица. Вся ее фигура то вдруг как-то тяжелела, то казалась воздушной в связи со словами, которые она произносила. Все в ней было так гармонично, что содействовало выразительности, и мне было понятно, что карлик с чем-то или кем-то боролся, хотя слов ее я не понимал. Он кого-то боялся и пытался убежать.

Когда мы вошли в комнату, где лежал карлик, сестра Александра держала руки метавшегося больного, очевидно бредившего. Долго возился с ним И., я получал приказания подавать то одно, то другое, пока наконец больной затих и стал дышать спокойно.

Дав ему немного отдохнуть и подремать, И. приступил к перевязке. Видев утром страшные зияющие раны, я приготовился сейчас к ужасному зрелищу. Но каково же было мое удивление, когда я увидел, что раны больше не кровоточат, а покрылись каким-то серовато-белым налетом. И. развел кипящей жидкости, смочил ею заготовленный дома пластырь и покрыл им раны. Больной вздрогнул, но не открыл глаз, продолжая дремать. Только когда уж он был совсем перевязан и И. погладил его по голове, он открыл глаза, удивился, увидев вокруг себя так много людей, остановил взгляд на И. и улыбнулся.

И. взял его здоровую ручку и стал ласково с ним о чем-то говорить. Тот сначала словно не хотел отвечать, но затем заговорил быстро, жалобно, о чем-то умоляя и чего-то боясь. И. успокоил больного, отправил обеих сестер ужинать и велел им привести с собой брата милосердия, который остался бы ночевать с больным и мог бы уйти от него только тогда, когда больной убедится, что его в обиду никому не дадут.

Через некоторое время пришел брат милосердия. Лицо его меня поразило. Много добрых и светлых лиц видал я за это время, но такого потока любви, какой лился от всей фигуры этого человека, я еще не видел.

Карлик едва на него взглянул, как заулыбался, что-то замурлыкал, протянул ему здоровую ручонку и старался привстать, что ему тут же строго запретил И. Брата этого звали Франциск. На наше приветствие он каждому из нас посмотрел в глаза и подал руку. Но как взгляд, так и жест, каким он здоровался с каждым из нас, — все было так разное, что я немедленно стал Левушкой "лови ворон".

На Альвера он взглянул пристально, высоко поднял правую руку, улыбнулся и сказал на прекрасном французском языке, громко, четко:

— Вы большой молодец. Идите, как начали, далеко пойдете! На Бронского он смотрел долго, качал головой, поклонился ему низко-низко и тихо сказал:

— Довольно одиночества и скитаний. У Вас теперь много друзей. Вы здесь оставите все слезы и скорби и уедете в розовом плаще. А Ваш, черный, ляжет мне на плечи.

— И он снова низко поклонился ему.

Бронский превратился в соляной столб, не в силах, очевидно, воспринять всего происшедшего. Ко мне последнему подошел Франциск, я стоял поодаль у стола и собирал аптечки, пока не словиворонил.

— Мир тебе, брат мой милый, неси людям радость. Так мало, так редко идет ученик, имея счастье рассыпать радость и свет своим ближним. Не стой на месте, живи всюду. Но где бы ты ни был — неси мир. Твой талант может одухотворять сердца.

Научись здесь выдержке — и ты войдешь в гармонию. И ею будешь крепить людей.

Франциск подал мне обе свои руки, и точно волна тепла и мира пролилась в меня через его руки. Он сел у постели карлика, склонился к нему и стал его кормить.

Красные глазки страдальца выражали полное удовольствие. Он забыл обо всем и радостно смеялся между глотками пищи.

И. помог мне собрать вещи, так как я положительно был никуда не годен, как, впрочем, и мои товарищи. И. пришлось всех нас приводить в себя и напомнить об элементарных правилах вежливости, ибо мы собирались уйти, даже не простившись. В последнем приветствии Франциск снова сказал мне:

— Ухаживай усердно за своим павлином, милый брат. Это много страдавшая душа. Чем больше внимания ты ей отдашь сейчас, тем выше он пройдет потом. Мне будет приятно, если ты будешь меня навещать. Я научу тебя, как видеть "сквозь землю", — чуть улыбнувшись, прибавил он.

Теперь уж я готов был превратиться в соляной столб, но И., смеясь, простился с Франциском и увел меня из комнаты, как и всех остальных.

На обратном пути каждый из нас был погружен в свои мысли. Бронский, несмотря на прохладу леса, отирал платком лившийся градом пот. Англичанин шел, — точно полк за собой вел. А я плелся шаг за шагом, поддерживаемый И., и не мог постичь, как неисчислимо разнообразие путей человеческих.

То я вспоминал, что путей миллионы, а ступени у всех одни и те же. То я думал, что жизней человеческих неисчислимое множество, и Жизнь —

одна. И я не мог понять, как же входят в ту гармонию, о которой сказал мне Франциск, такие маленькие люди, как я. Положительно все путалось в моей голове.

— Ты, Левушка, думай о своем «сегодня». Придем, покорми свою птичку, она, наверное, без тебя уже соскучилась. Собери внимание к текущим делам и вливай в них бесстрашие и благородство. А о завтра ты не думай, ты о нем будешь думать завтра, — ласково убеждал меня мой наставник.

— Ах, И., миленький, если бы я мог хоть в сотую долю быть таким заботливым другом для моей птицы, каким Вы являетесь для меня, я был бы счастлив, что хоть в чем-нибудь выполнил мой урок. Как я хотел бы стать достойным Ваших забот, — ответил я, вбирая себя, по обыкновению, спокойствие, уверенность и мир от моего друга.

Дойдя до Общины, И. простился с нашими спутниками, напомнив им, что к ужину опаздывать нельзя.

Не успели мы войти в мою комнату, как мой новый сожитель встретил нас радостным писком. Я бросился к нему, осторожно вынул его из пуха и покормил на ладони. И. помогал мне напоить птенца, что составляло целую проблему.

Окончив процедуру кормления, я приласкал мое белое сокровище и снова уложил его в гнездо. Раздался звук гонга, и мы спустились в вечернюю столовую. Здесь было светло, веера создавали прохладу.

К И. подходило много новых людей. Художница, расставшаяся с нами после чая, спрашивала меня, где я был, что я видел за это время. Я ответил ей, что видел так много, что даже и вместить не могу.

Наш разговор перебил Бронский и сообщил, что его другу как будто чуть-чуть получше, но что к больному его не допустили.

Я не вслушивался в разговоры вокруг. Есть мне положительно не хотелось. Я даже не замечал, что мне давали, но повиновался приказанию И., не освобождавшему меня от еды.

Как это ни казалось мне самому странным, но меня так клонило ко сну, что после ужина я прошел прямо к себе. Приняв ванну, я закончил мой второй день в Общине, не заметив и сам, как заснул подле своего нового друга, белого павлина.

Глава 3

Простой день Франциска и мое сближение с ним. Злые карлики, борьба с ними и их раскрепощение

Много времени, должно быть, недели три-четыре прошло, пока я окончательно познакомился с огромным парком и прудами Общины. Теперь внезапно открывавшиеся виды или выраставшие за поворотом дороги домики стали мне хорошо знакомы.

Мой друг, белый павлин, которого я сначала все носил на руках, стал теперь преуморительно бегать за мной всюду, требуя писком и комическим похлопыванием маленьких, едва растущих крыльев, чтобы я брал его на руки, когда он уставал.

Я каждый день навещал Максу, один или с И., иногда — правда, редко — с Альвером, которому И. поручил часть ухода за Игором.

Бронский чаще всего проводил со мною время между чаем и ужином, а весь день он был занят каким-то сложным трудом по своей специальности, в котором хотел передать своим ученикам все, что открывал ему его гений артиста-творца.

Мои занятия в комнате Али шли успешно, настолько успешно, что И. дал мне изучать и арабский язык, так как мне очень хотелось понимать моего нового друга Зейхед-оглы и не страдать, иногда надрываясь от смеха, от его французской речи.

Каждый раз, когда я приходил в больницу к сестрам Алдаз и Александре, я неизменно встречался с братом Франциском. Он или гулял со мною по лесу, если был свободен, или звал с собой в аптеку, где готовил лекарства, и я ему помогал, или вводил меня в свою комнату, комнату, которая поразила меня своим видом, когда я ее увидел впервые. Из его балконного окна во втором этаже домика на опушке леса, где были срублены верхушки деревьев, открывался вид на дальние селения, была видна горная цепь, как и из комнаты Али.

Три ряда идущих параллельно друг другу горных цепей, так называемые зеленые, самые низкие горы, покрытые травой и прекрасными деревьями, начинались сразу у долины. На них паслись стада, виднелись работавшие люди. За ними тянулся хребет бесплодных, так называемых черных гор, до которых можно было добраться, уже пересекши часть пустыни, и, наконец, снежный хребет, поражающий и ослепляющий, виден

был во всей мощи и прелести из окна Франциска. Горы в этом месте делали полукольцо, точно углубление амфитеатра, и на этот-то амфитеатр выходил балкон Франциска.

Комната? Разве можно подобрать слова, чтобы описать комнату Франциска? Или его самого? В комнате было несколько шкафов с книгами, небольшой стол странной формы, довольно узкий, высокий, из белого мрамора с очаровательными красными прожилками, такими многочисленными, что самый мрамор казался алым. Над столом висел большой крест из выпуклых красных камней. Когда луч солнца падал на него, он горел горячим теплым светом, точно смесь огня и крови, и часто привлекал мое внимание. Я часто думал, как прост и благороден этот крест, как пропорционален этот столик, но не мог решить, что же можно за ним делать. Писать? Высок. Есть? Малоудобен. Но сам хозяин так поглощал мое внимание, что у меня никак не было времени спросить Франциска, что он делает за своим высоким столом. В комнате стояли еще три креслица, если можно этим словом назвать три сиденья, какие, пожалуй, могли быть только у пещерных людей. Сложенные из стволов пальм и кож, грубые — и все же по-своему красивые, они были удобны для сиденья.

Вместо кровати у стены стояли козлы с натянутой на них парусиной. В любую минуту они могли быть превращены в постель, но удобно ли спать на подобной постели, этого я никак решить не мог. Простой рукомойник, с висевшей над ним стеклянной полочкой для умывальных принадлежностей и полотенец, письменный стол, камин — вот и все убранство комнаты.

А между тем, как только я вошел в нее, меня захватило очарование, почти такое же чувство счастья, какое я испытывал, входя к И., Ананде или сэру Уоми. Я видел глазами простые вещи, а ощущал всем сердцем не их, а того, кто здесь жил, кто наполнил всю эту комнату атмосферой мира и гармонии. Куда бы ни падал мой взгляд, я точно видел слова любви, вырезанные на всем сердцем Франциска.

От самого первого впечатления и до сегодняшнего дня обаяние этой личности для меня все возрастало. Он не говорил мне никаких особенных слов, а я ясно понимал, что такое раскрепощенный человек, глядя на его поступки обычного, серого дня.

Каждый день, когда я его не видел, казался мне лишенным чего-то, какого-то луча, без которого я уже не мог считать свой день полноценным. И я видел, что и другие — от мала до велика — так же искали и читали Франциска, дорожили каждой минутой его общества. Где бы он ни проходил, все расцветало улыбками, ну точь-в-точь будто он шел и цветочки сеял.

Сначала он озадачивал меня, читая насквозь чувства и мысли буквально каждого человека. Но очень скоро удивление мое перешло в экстаз благоговения. На его примере я впервые ясно понял, что такое любовь в человеке, любовь, льющаяся потоком, не спрашивая взамен ничего для себя лично.

Любовь Франциска лилась в его дела дня не потому, что он умом понял, как раскрепостить себя от личных чувств, но потому, что для него слово «жить» было синонимом «любить».

Моя радость от свиданий с ним была не просто радостью. Во мне замирало все эгоистическое, когда я бывал с ним. Я не думал, как мне себя приготовить, чтобы, войдя к нему, быть достойным его своей чистотой. Но увидев его еще издали, я заражался его атмосферой. Я всегда ясно чувствовал, как будто переступал какую-то грань, что Франциск близко, что струи его любви бегут ко мне.

Постепенно я постиг, почему Франциск мог так понимать каждого человека, точно знал его с детства. Ему ничто не мешало в нем самом. Он не знал перегородок между собою и человеком, перегородок, которые мешали бы ему принять человека таким, каков он есть, всего, без всякой личной к нему требовательности. Его сердце было настежь открыто такой мощью любви, что весь подходивший к нему человек, со всеми своими скорбями, слезами и сомнениями, вливался в эту мощь и оставлял в ней свои страсти, получая мгновенное успокоение и облегчение. Человек оставлял ему свои горести и уходил утешенным и обрадованным.

Все то мудрое и великое, что мне говорил И. и что я принимал всем умом и сердцем, но что считал для себя идеалом далекого-далекого будущего, я видел в простой доброте человека, в его повседневной жизни.

Мало того, что Франциск жил любя. Он своим примером обращения с людьми умел каждого так удержать в силе своей любви, что всякий смягчался, переставая раздражаться и неистовствовать.

Однажды я был свидетелем потрясающей сцены. Отец, похожий более на разъяренного буйвола, чем на человека, гнался за своим сыном с огромнейшей дубиной. Он уже настигал несчастного, уже дубина была поднята вверх, чтобы опуститься на голову сына, как Франциск в два прыжка очутился перед разъяренным отцом и закрыл собою юношу.

Я в ужасе закричал, бросился ему на помощь, но убежавший юноша, очевидно, совершенно потерял рассудок и подумал, что я хочу его задержать. Со всей силой ужаса от надвигавшейся на него смерти, он толкнул меня в грудь. Не ожидая с его стороны нападения, я упал навзничь; к счастью, я попал на завесу из лиан, запутался в них, но не особенно

сильно ушибся. Но все же я почувствовал резкую боль в позвоночнике и, вероятно, на несколько минут потерял сознание.

Когда я очнулся, Франциск стоял на одном колене и нежно держал мою голову руками. Рядом, закрыв лицо руками, рыдал, сидя на земле, юноша. Отец сидел поодаль на упавшем бревне и тяжело дышал, опустив голову.

— Мой бедный мальчик, вот опять тебе потрясение, а твоему организму так необходимо полное спокойствие. Не знаю, сможешь ли ты встать. Во всяком случае, вернуться в Общину к И. ты сейчас не сможешь. Я донесу тебя до своей комнаты.

Не знаю, как будто бы ничего особенного не говорил Франциск. Но тон его голоса, выражение лица, глаза, которые излучали бездонную любовь, мир, такой мир и спокойствие, такую ласку и благословение, точно никакой драмы не произошло только что, точно он созерцал рост цветов и трав, а не спасал от смерти человека, рискуя собственной жизнью.

Еще никогда я не ощущал такого блаженства любви и радости. В меня как бы вливалась от Франциска струя теплой крови. Я забыл о боли, о рыданиях юноши, которые не утихали, а стал весь легким, радостным, тихим.

Франциск положил меня удобно на землю, свернул свою и мою шляпы наподобие подушечки, подошел к юноше и положил ему руку на голову. Юноша затих, отер рукавами глаза, посмотрел на Франциска и сказал:

— Кто ты? Я тебя никогда раньше не видел. Почему ты побежал за меня на смерть?

О, ты святой! Я видел у миссионера портрет такого Бога, точь-в-точь, как ты. Это он, значит, тебя мне показывал? Что же теперь я должен делать? Ты, наверное, потребуешь, чтобы я стал монахом? Очень и очень мне этого не хочется. Но я знаю, что все равно моя жизнь теперь принадлежит тебе и я должен жить дальше так, как ты прикажешь. Я повинуюсь, святой брат, приказывай.

Юноша стоял на коленях, сложив на груди руки точно для молитвы. Но где же мне найти слова, чтобы описать лицо Франциска? Он глядел на юношу, как могла бы смотреть нежнейшая мать, лаская крошку сына. Он улыбнулся, и улыбка, как благословение, как луч света, озарила всех нас.

Для меня эта улыбка звучала. Звучала так же, как звучал до сих пор смех Ананды, который я называл звоном мечей, как смех сэра Уоми, который напоминал мне переливы очаровательных колокольчиков и шум весенних ручьев. Эта улыбка в молчании сказочного леса звучала как неотделимая часть всей природы, как сила жить в счастье любви.

Я так погрузился в мои мысли, что опомнился, услышав Франциска,

говорившего:

— Святым на земле нечего делать, мой друг. Они могут трудиться выше нас, где мы с тобой еще не поместимся. Я так же грешен, как и ты. И жизнь твоя нужна не мне, а тебе самому, всем твоим родным, всей земле, по которой ты ходишь, всем людям, с которыми ты трудишься, и всем тем детям, что от тебя родятся. Жизнь каждого человека нужна и ценна тогда, когда сердце его потеряло способность бояться и раздражать людей вокруг себя. Ты не хотел жениться на той, что отец тебе выбрал.

Ты мог просить его об отсрочке, и все было бы благополучно. Ведь та, что выбрал тебе отец, плоха здоровьем. Она недолго проживет. Ты же вместо мирного разговора, стал бросать отцу слова упрека. Ты старался задеть его побольнее. Ты играл со страстями отца, силы которых ты не знал, и ввел его в безумие. Если бы случилось сыноубийство — твой отец был бы менее тебя виноват. Вся твоя жизнь с этой минуты и до смерти должна быть одним уроком любви. Ни одного человека ты не смеешь раздражать, но каждого, с кем бы ты ни встретился, ты должен суметь успокоить. Вот и весь тебе мой завет, в нем вся твоя святыня. Иди, друг, подумай над тем, что я тебе сказал, и, если тебе будет плохо, приходи ко мне в больницу.

Ты меня всегда найдешь или тебе скажут, где я.

Франциск снял свою руку с головы юноши, но тот ухватился за его одежду и умоляюще сказал:

— Святой брат, положи еще твою руку мне на голову, не прогоняй меня, возьми меня в слуги, я буду так счастлив жить подле тебя.

Снова, еще шире прежнего, точно целая симфония любви, зазвучала улыбка Франциска, и он ласково сказал:

— Порыв твой прекрасен, как прекрасен этот цветок. Цветок отцветает через неделю, а порыв твоей красоты засохнет через пять дней, если ты останешься здесь. Твоя жизнь — земля в цвету тела. А дух твой еще только зарождается, как почки на дереве. Живи, как живут твои отцы и братья, люби девушку, как любишь мать и сестру, и строй семью, как я тебе сказал, чтобы никто и никогда не слышал твоего строгого или раздраженного голоса. Иди, трудись и будь добр ко всем.

Юноша поднялся с колен, поклонился Франциску и повернулся, чтобы уйти. Он шел медленно, как бы нехотя, а Франциск смотрел ему вслед все с той же улыбкой любви, которая заливала, казалось мне, все пространство вокруг. Внезапно юноша повернул обратно, подошел к отцу и с огромным усилием, побеждая себя, сказал:

— Отец, прости меня. Он велит мне жить в мире со всеми. Если не

примирюсь с тобой, как же я буду жить в мире с другими, если все ссорюсь с тобой? Тогда мне придется умирать, потому что он владеет теперь моей жизнью, а я не смогу выполнить его завета.

Грузная, приземистая фигура отца, его огромная бычья шея, опущенная вниз голова, ничто не шевельнулось. Франциск подошел к нему, тронул его за плечо, и глаза, полные ярости, бешенства и злобы, поднялись к глазам Франциска, а вместе с ними поднялась и его громадная ручища. Я снова готов был вскочить на помощь, мне казалось, что неизбежно сейчас случится катастрофа, как голова отца опять опустилась, рука упала на колени. Франциск подошел к нему совсем близко, погладил его по голове.

— Разве ты безгрешно прожил юность? Чему ты удивляешься сейчас? Разве ты подавал пример доброты или ласки детям? Если ты действительно считаешь себя безгрешным, брось камень в сына. Если же знаешь, что много на сердце твоём тяжести, обними сына, он понесет часть твоих тяжестей и снимет с тебя много страданий. Сейчас он просит у тебя прощенья. Не ты ли должен трижды просить его у сына, ибо ты уже трижды обманул его?

Голос Франциска был ласков и радостен. Точно тигр вскочил человек с пня, схватил нежную руку Франциска в свои огромные лапы и дико закричал:

— Кто тебе сказал? Один я про это знаю. Где ты был? Ты за мной подсматривал? Ты подслушивал?

— Тише, отец. Разве ты не видишь, какие у святого тоненькие ручки? Ты ломаешь ему руку.

Силач выпустил руки Франциска, на которых остались сине-багровые полосы и отпечатки могучих пальцев. Я застонал при виде этих точно кровоточивших знаков.

Сам силач, очевидно, не ожидавший такого эффекта от своего прикосновения, казался очень смущенным и прошептал:

— Прости, святой брат.

Взгляд его теперь смягчился, в глазах появилось человеческое выражение.

— Обними сына и отпусти его жить, как он хочет.

— Да ведь ты не знаешь, что он выдумал! Ему, видишь ли, учиться надо. Грамоту захотел знать. Сказочников на базаре наслушался да с арабом одним дружбу свел, читать желает, — снова и все больше раздражаясь, кричал, точно рычал, как дикий зверь, отец.

— А ты, в твоём детстве, разве не просил отца пустить тебя в школу? Разве ты не плакал, когда он отказал тебе? Но ведь он не бил тебя за твое

желание учиться.

Почему же ты гнался за сыном, желая его убить? Вдумайся и сознайся: зависть и ревность к судьбе сына лучшей, чем была твоя собственная, — вот что разъярило тебя.

— Может, это и так, — скорее простонал, чем сказал человек. — Но ведь я не хотел убить его, я хотел только пострадать. Все последнее время я сам не свой и не пойму, что со мной творится. Вьются подле меня, шныряют два каких-то карлика, да такие отвратительные! И как только они появляются, ну точно бес в меня вселяется. Я на все раздражаюсь, всех ругаю, становлюсь сам не свой. Вот и теперь. Шел я с сыном, спокойно разговаривал, откуда ни возьмись — выскочили эти бесенята, да давай что-то лопотать, тыкать пальцами и показывать на дорогу в больницу. Я понял, что им нужно туда идти, да боятся беспокоить доктора. Взял одного за руку, чтобы его провести, а он как кольнет меня какой-то остренькой палочкой — точно каленым железом в сердце мне стукнул. Я выпустил его ручонку, оба бросились бежать в глубь леса. Тут сын что-то сказал мне, я даже сейчас и не помню что. Но сразу я озлился и замахнулся на него дубиной. — Он помолчал, отогнул рукав своей одежды и показал на руке, около локтя, большое синее пятно, в центре которого зияла маленькая ранка, в булавочную головку.

Франциск склонился к его руке, с неожиданной силой поднял старика с дерева и быстро скомандовал:

— Сейчас же иди за мной. Смерть или кое-что еще похуже грозит тебе.

Он подхватил меня на руки, юноша помог ему нести меня, и почти бегом Франциск бросился к больнице, приказав крестьянину идти впереди. Тот сначала шел очень быстро, но уже у входа в комнату должен был опереться на сына и, едва войдя, почти без сил опустился в кресло.

Франциск положил меня на свою кровать — я все ощущал резкую боль в позвоночнике — и стал быстро готовить какое-то лекарство. Дав его выпить больному, он слегка приподнял крышку мраморного стола, достал какую-то палочку — как мне показалось, стеклянную, игравшую всеми цветами радуги.

Что меня особенно поразило; на конце палочки точно огонь горел. Этим-то огнем Франциск, что-то протяжно напевая, коснулся раны больного. Тот вздрогнул, но, вероятно, не от боли, так как лицо его осталось спокойным. Еще и еще касался Франциск ранки своим огнем, как бы высасывая своим огнем яд из ранки. Через несколько минут из ранки брызнула кровь. Но что это была за кровь?! Темная, запекшаяся, она не лилась, а выскакивала сгустками, напоминая черноватые пробки, Франциск

все так же продолжал напевать свой протяжный гимн, и наконец из ранки полилась струйка алой крови.

На губах больного появилась пена, он кашлянул и изо рта его показалась кровь, которую Франциск быстро вытер полотенцем. Он положил палочку на место, с такой же осторожностью, с какой ее вынимал, приподняв крышку мраморного стола, и велел юноше пройти в большой дом, разыскать старшую сестру и немедленно просить ее прийти сюда. Тем временем он дал больному какое-то полоскание, подождал, пока кровотечение остановилось, и тогда дал еще капель. С необычайной ловкостью Франциск наложил повязку на ранку, подвязал руку больному на бинте к шее и сказал вошедшей сестре Александре по-французски:

— Больной нуждается в полном спокойствии. Кроме того, к нему, как и к Вашему малютке-пациенту, никого впускать нельзя. Особенно строго оградите домик, где лежит малютка, и передайте брату Кастанде, что я прошу прислать двух сторожей с белыми павлинами в больницу. Он все поймет. Пошлите кого-либо к И., скажите, я прошу его немедленно сюда прийти. Он тоже сам будет знать, что ему захватить. И сейчас же, даже сию минуту, прикажите сестре Алдаз принести сюда ее больного.

Кто-нибудь, да хоть ты, мой друг, — обратился он к молодому крестьянину, настолько одуревшему от ряда неожиданных событий, что он стоял разинув рот. Перейдя на туземный язык, Франциск продолжал: — Пойди вместе с начальницей и принеси сюда детскую кроватку, которую тебе укажут. Отцу помощи дойти сюда.

Говоря, Франциск отодвинул в сторону нечто вроде ширмы, что я вначале принимал за стенку. Там оказалась ниша, в которой стояла кровать с чистейшим бельем. Туда уложили больного, и Франциск сказал сестре Александре снова по-французски:

— Спешите, в лесу бродят два карлика, они злы и опасны. Ни маленький больной, ни этот силач не должны подвергаться их нападениям. Даже встреча с ними сейчас может быть опасна. Я буду стеречь моих больных и сестру Алдаз. Вы же спешите выполнить все, что я сказал.

Когда сестра и юноша вышли, Франциск, сияя своим лицом, точно пучком лучей, переставил кое-какие вещи в комнате, и я понял, что он приготавливал место для кровати карлика. Глядя на него, все более и более изумлялся. Бог мой! Что это были за глаза, что это были за движения! Я ощущал всем существом, что Франциск не стул отставлял, а молился. Он не действовал на земле, делая какие-то самые простые дела, а прославлял Бога каждым движением. Улыбка не сходила с его лица, улыбка счастья жить. Он посмотрел на лежащего на кровати угрюмого и грубого силача,

увидел, как по его огромным щекам вдруг покатались слезы, подошел, к нему и таким ласковым голосом сказал ему несколько непонятных мне слов, что у меня в сердце точно сладость разлилась.

Погладив его лохматую голову, он помог ему повернуться на другой бок и через минуту ровное и тихое дыхание сказало мне, что человек спит.

На руках Франциска все еще оставались багровые следы от тисков силача. Мне казалось, что они даже стали еще страшнее на вид, вот-вот из них брызнет кровь.

Я хотел сказать, что пора ему заняться самим собой, как сестра Алдаз внесла на руках прикрытого простыней Максу. Юноша, на лице которого читалось теперь только восхищение красотой девушки, нес кровать малютки. Он так и стоял посреди комнаты, приковавшись глазами к очаровательному личику Алдаз, держа в руках легонькую бамбуковую кроватку и окончательно потеряв соображение. Гамма стольких разноречивых переживаний за полчаса, очевидно, не могла уложиться в его мозгу.

Он был так комичен, что я не мог удержаться хохота, видя в юноше свой собственный портрет Левушки "лови ворон".

Моему смеху вторил Макса, не выдержала испытания на серьезность Алдаз, а Франциск, взяв кроватку, поставил ее на приготовленное место, сам положил в нее карлика и, точно про себя, сказал:

— Самое время, самое время.

Я этих слов не понял. Но, взглянув на юношу, увидел внезапную перемену в его лице. Он побледнел до серости, потом на лице отразилась ярость, он протянул руку, показывая Франциску на что-то в окне, и, быстро бормоча проклятия, хотел бежать из комнаты туда, но Франциск его удержал, спокойно объясняя ему что-то на его наречии.

Лицо Алдаз, поглядевшей в окно, тоже изменилось, ода казалась испуганной и с тоской смотрела на Франциска. Он же, не переставая улыбаться, посадил ее у постели Максы, которому сказал:

— Спи, дитя, надо спать, пока не придет доктор И. Макса закрыл глаза, и я был поражен, как безмятежно и мгновенно он заснул, даже смех его оборвался сразу.

Франциск велел юноше сесть у постели отца и объяснил, что надо сидеть там, не сходя с места до тех пор, пока не придет доктор И. Сколько я ни старался увидеть из окна, что так пугало Алдаз, что сердило юношу, я ровно ничего не видел, кроме чудесного лесного ландшафта.

— Твои глаза еще не могут видеть "сквозь землю", — усмехнулся Франциск, сев подле меня. — но вот, посмотри туда, на кусты жасмина.

Видишь ты, как чуть-чуть шевелятся несколько ветвей, тогда как все остальные стоят совершенно спокойно.

Воздух неподвижен. Что может колебать некоторые ветви? Что-то может колебать их только снизу. Заметь направление, в котором идет движение ветвей. Оно идет прямо к окнам домика, откуда только что вынесли Максу. Теперь я слышу, как сюда быстро идут сторожа со многими белыми павлинами и еще быстрее идет И. Знаю, что ты не умеешь еще сосредоточивать свое внимание, и потому говорю тебе: не отрывайся взглядом от клумбы с жасминами и цветами, и ты вынесешь сегодня большой урок жизни, гораздо больший, чем если бы я рассказывал тебе три часа подряд, что такое злая воля и злая сила в человеке.

Франциск еще раз приказал всем нам не двигаться с места ни при каких условиях, даже если бы стрела влетела в окно, не менять положения и не прикасаться ни к чему, что может быть брошено к нам в окно. Он вышел из комнаты и стал в дверях сеней домика.

Я следил за кустами и цветочной клумбой, видел, что цветы и ветви продолжают нежно колебаться, и стал вглядываться ближе к земле, стараясь понять, что могло вызывать такое равномерное колебание. Раз два мне показалось, что я заметил какого-то ребенка среди цветов. Но, сколько ни вглядывался дальше, ничего не видел. Вдруг в комнате, где лежал Макса, что-то с сильным звоном упало и разбилось. Среди царившей тишины этот сравнительно небольшой шум показался мне грохотом пушки. Я боялся, что больные проснутся, но звук не произвел на них никакого впечатления.

Я приподнялся и увидел, что Франциск теперь стоит на середине поляны лицом к кустам, спиной к бывшей; комнате Максы. На его лице было все то же выражение, точно он прославлял свое счастье жить. Он внезапно вытянул руку, и я вздрогнул так, что всю мою спину снова заломило: у самых его ног в земле торчала стрела. Я всем усилием воли смотрел на кусты и теперь увидел, как оттуда вылетела вторая стрела и впилась в землю рядом с первой. Я совершенно оторопел. Я не понимал, зачем Франциск стоит у кустов, где ему грозит смерть. И как может человек с такой безмятежной любовью на лице стоять у черты зла и смерти? Мои мысли прервал несшийся издали шум. Я никак не мог определить, что это за шум, мне казалось, что бегут несколько человек.

Внезапно, точно снежным облаком, вся поляна покрылась белыми павлинами.

Несколько мужских фигур, сообразно указаниям Франциска, разместили птиц в три кольца. Одно кольцо охватило клумбу жасминов,

второе — по обе стороны стоявшего в центре Франциска — защищало все входы в дома больницы, а третье защищало все выходы в лес.

Люди держали в руках нечто вроде блестящих металлических сеток и разделяли собой каждый десяток павлинов. Присмотревшись к мужской фигуре, стоявшей на лесной дорожке прямо напротив Франциска, я узнал в ней И. Зрелище было так захватывающе прекрасно и интересно, что мне надо было собрать все усилия, чтобы не оторваться вниманием от кустов и не словиворонить.

Павлины сужали свой первый круг возле кустов жасмина и клумбы. Соответственно им и второй круг, где стояли друг против друга Франциск и И., также подвигался ближе к кустам. Одновременно и И., и Франциск подняли руки вверх, и тут же я остолбенел. Лицо И. было грозно и повелительно, так повелительно, каким я и представить себе его не мог. Он был похож на Бога силы, которому ничто противостоять не может. А Франциск был похож на Бога любви, и такой любви-силы, которой тоже ничто противостоять не может.

В кустах раздался дикий вой. Это был вой ярости, бешенства, протеста. Оттуда выскочил карлик и бросился бежать. Но павлины сомкнулись горой, распустили свои хвосты и встали друг другу на спины, образовав белую стену, преградившую ему путь.

Тогда карлик бросился в образовавшееся с другой стороны павлиньего кольца отверстие и понесся во всю прыть своих маленькие ножек прямо на И., который схватил сетку, переброшенную ему ближайшим соседом, и опустил ее на карлика, несшегося вперед со всей яростью и доступной ему скоростью. Не ожидав преграды сверху, карлик упал на землю и дико взвыл — и как только могло так ужасающе громко и злобно выть такое маленькое существо! — и стал кататься по земле, все больше запутываясь в сетке, которую он старался разорвать руками и ногами, грыз зубами и резал ножом, который появился в руках, я не заметил, каким образом.

И. протянул руку к катавшемуся у его ног клубку сказал что-то очень повелительным тоном. Карлик, застывший было на миг, принялся снова еще ужаснее выть, плевать и, очевидно, проклиная. И. подошел ближе и опять что-то сказал.

На этот раз в его тоне звучало предостережение. Карлик замолк и вдруг лицо его озарилось буквально дьявольской улыбкой. Он весь собрался в комочек, быстрее молнии натянул тетиву лука и пустил стрелу прямо в грудь И. Сестра Алдаз, юноша и я вскрикнули от ужаса. Алдаз закрыла лицо руками, я же попытался бежать на помощь, но не имел сил не только бежать, но даже не мог приподняться выше того, как сел в самом начале.

Стрела взвилась вверх, и я ожидал увидеть ее в темени И. Вместо этого она упала на поляну, как раз между И. и Франциском.

Снова раздался голос И., но на этот раз я не узнал дорогого мне чудесного и мягкого голоса. Это было нечто вроде громовых раскатов. Как будто бы эхо присоединялось к каждому слову, усиливало его стократно и сливалось со всей природой.

Карлик задрожал. Я увидел, что сеть, в которой он запутался, начинает краснеть, точно накаляться. Увидев этот ужас, поняв, что он сгорит заживо, если не исполнит какого-то приказа И., карлик принялся выбрасывать из своей одежды какие-то корешки, стрелы, порошки, сбросил лук, потом какие-то мешочки и посмотрел на И. Сеть продолжала накаляться. И. еще раз предупредил о чем-то карлика. Но тот отрицательно покачал головой. Тогда лицо И. стало бледно, милосердно, но... я понял по жесту его руки, что смерть карлика, не желавшего подчиниться требованию И. и отречься от зла, неизбежна.

И карлик понял, что обмануть И. ему не удастся, что на него идет смерть. Он встал на колени — лицо его, серое от страха, ужасное, было омерзительно — и выбросил несколько черных камешков. Пламя сетки, уже подходившее к несчастному, погасло. И. подошел вплотную к карлику, поднял сетку палочкой, которую вынул из-за пояса, отбросил ее в сторону и накинул на карлика другую, которую ему снова подал его сосед. В ней карлик остался лежать у ног И. Теперь раздался вой из кустов, точно кого-то оплакивающий. В этом вое было столько страдания, что я весь внутренне сжался.

Франциск, стоявший до сих пор неподвижно, сделал несколько шагов к кустам, и птицы целой стаей двинулись за ним. Он остановился почти у самой клумбы и кому-то, мне невидимому, стал говорить.

Я не понимал ни языка, ни смысла того, что он говорил. Но интонация голоса, бездонная ласка, мир и доброта, которые слышались в нем, говорили моему сердцу, что его любовь в своей помощи не знает ни предела, ни отказа. Но что буквально разорвало мне сердце — это лицо Франциска. Ах, сколько раз в трудные и опасные минуты жизни, в минуты разлада и смертной тоски вставало передо мной это бледное лицо в экстазе любви и доброты.

Бледный, с огромными синими глазами, испускавшими лучи, с улыбкой радости он протянул вперед руку. Всей своей позой Франциск говорил: "Приди ко мне, и я утешу тебя".

Я увидел, как из кустов стал выползать на четвереньках второй карлик. Этот был еще уродливее первого. Совершенно непропорционально

сложенный, с огромной сравнительно головой, с длинной талией и коротышками-ножками, он поднялся на ноги с трудом и шел прямо на Франциска, воя, точно собака по покойнику. Длинные руки его висели ниже колен, челюсть с обнаженными деснами выдавалась вперед, а была почти от уха до уха. Это страшное, невообразимое человеческое чудовище, задыхаясь, не дошло до Франциска шагов трех. Я ожидал, что тот сейчас же возьмет его, поднимет и приласкает. Но случилось иначе.

Первый карлик во всю мощь своей глотки стал что-то орать своему сподвижнику, показывая ему на стрелу, торчавшую посреди тропинки на поляне, и на те черные камешки, что он выбросил из своих бездонных карманов. Второй карлик сначала слушал внимательно, прикрыв уродливыми толстыми губами свою ужасающую челюсть, потом взглянул на Франциска, отпрянул назад и завыл, закрывая глаза руками.

Первый карлик заорал еще настойчивее. Франциск махнул на него слегка рукой, и он замолк. И снова раздался голос, который я опять истолковал себе так: "Приди ко мне, и я утешу тебя".

Карлик, так же молниеносно, как это проделал несколько времени назад его товарищ, выпустил стрелу, и она упала на землю, вонзившись рядом с первой. Тут оба карлика точно с ума сошли. Они стали так выть и кататься по земле, кусать даже землю вокруг, что Франциск взял сетку из рук своего соседа и нежно, точно ватой, прикрыл ею урода.

Так же как и первый, второй карлик запутался в сети. Голос Франциска, точно арфа, звучал нежно и кротко, когда он подошел к бесновавшемуся уроду и говорил ему что-то.

Затих второй карлик. Вынул спокойно все, что хранили его карманы, аккуратно сложил все в кучу и сверху положил такие же черные камешки, какие выбросил первый. Потом он встал с колен, пристально посмотрел в глаза Франциску своими красными глазами, и нечто вроде довольной улыбки раздвинуло его губы. Он моляще протянул руки к Франциску, показал на кучу своего аккуратно сложенного добра, притронулся к сердцу и горлу, провел рукой по своей шее, как бы показывая, что ему отрубят голову его хозяева.

Снова сказал что-то Франциск, и снова его голос и глаза проникли в мое сердце так: "Приди ко мне, и я утешу тебя". Теперь, казалось, карлик понял, что нашел верную защиту, которая не предаст его. Он снова опустился на колени, завыл что-то миролюбивое и коснулся лбом земли.

— Левушка, собери все свои силы и выйди сюда, — услышал я голос И. Я с трудом, но все же без особого напряжения, поднялся, сам поражаясь, как же это я не мог встать некоторое время назад. Я вышел из дома, и И.

указал мне, как пройти между двумя рядами павлинов, со всех сторон бежавших мне навстречу.

Павлины сдвинулись в две плотные шеренги и образовали нечто вроде тропочки между мною и И., так, что я мог идти только по этой узкой тропе. Когда я подошел к И., он обнял меня одной рукой за плечи и сказал:

— Ни я, ни Франциск не можем коснуться этих несчастных, Потому что от нашего прикосновения они умрут мгновенно, как это случилось бы с теми, кого ты должен был коснуться в Константинополе по просьбе сэра Уоми. Там у тебя был верный помощник храбрый капитан. Здесь ты один. Хочешь ли ты помочь мне и Франциску? Те люди, что стоят здесь, не могут нам помочь, каждый по своей причине. Помни, чтобы нам помочь сейчас, нужно не только полное бесстрашие, но и все милосердие, вся радость, вся любовь к Богу в человеке. Надо забыть все внешнее безобразие и проникнуть в заложенные в человеке Свет и Мир. Хочешь ли, друг, спасти этих несчастных?

— О, И., как можете Вы спрашивать, хочу ли я. Вопрос в том, как смогу я быть Вам полезным? И страха у меня быть не может, раз Вы подле меня, и всем сердцем я хотел бы помочь этим бедным страдальцам, чтобы хоть на йоту отблагодарить Вас за все то, что Вы для меня сделали и делаете. Призывая имя дорогого Флорентийца, я постараюсь собрать все свое внимание. Я готов, я слушаю Вас.

И. подал мне палочку, которую держал в руках:

— Держи палочку прямо против сердца бедного создания. Люби его так, как только может твое сердце понимать это чувство. Радуйся, как радуется сейчас Флорентиец, видя твое полное самоотвержение и желание спасти эти жалкие, злые создания.

Когда я притронулся к твоей руке, что бы ни проделывал карлик, коснись немедленно его лба. Постарайся сделать это молниеносно и снова держи палочку на уровне сердца карлика.

Я взял палочку. Волшебное чувство счастья, радости охватило меня. Необычайно спокойным я себя почувствовал. Ноги мои, так слабо переступавшие, когда я шел, точно приросли к земле, во всем теле я почувствовал такую силу, точно и конца ей не было.

И. стал говорить что-то протяжное на языке пали, какой-то гимн. Я теперь знал язык уже настолько, чтобы понять, что это язык пали. Иногда я понимал отдельные слова, но содержание всего от меня ускользало. Вдруг интонация И. резко изменилась. В голосе его послышались снова раскаты грома. Я крепче сжал пальцы вокруг палочки, посмотрел на карлика и едва не выронил палочку из рук. Он пытался, пронизывая меня своими

страшными глазами, которые сейчас не влияли на меня никак, коснуться моей палочки, для чего встал во весь рост и тянулся что было мочи ко мне.

Но никакие его усилия не помогали. Он, точно приклеенный, не мог теперь двинуться с места. Я почувствовал прикосновение руки И. выше кисти, и в тот же момент я приложил палочку ко лбу карлика, который вскрикнул, хотел ее схватить, пошатнулся и упал.

Я подумал, что он убит. И. продолжал свой гимн и снова прикоснулся к моей руке.

Я опять приложил палочку ко лбу карлика, тот вздрогнул, вытянулся и застонал.

Мое зрение, должно быть, утомилось от напряжения ярком солнце, но мне буквально казалось, что изо рта карлика шел какой-то черноватый пар.

Голос И. поднялся выше, в нем послышались такие повелительные интонации, что даже все павлины опустили головы к самой земле. И. в третий раз коснулся моей руки. Я немедленно снова приложил палочку ко лбу карлика. Он сел, посмотрел с удивлением вокруг, встал на ноги, посмотрел на меня, на И. и вдруг, сморщив по-детски лицо, заплакал горькими слезами.

Сердце мое надрывалось. Я готов был обнять его, успокоить, но уже две другие руки сбросили сеть с бедняги и нежно гладили мохнатую голову. И. поднял карлика на руки и держал его, горько плакавшего, у своей груди.

Франциск сделал знак руками, что-то громко сказал птицам, и они все перебежали ко второму карлику, окружив его плотным кольцом. И. велел мне вложить палочку в чехол у его пояса и спрятать ее в специальный узенький карман, совершенно не замеченный мною раньше в его одежде.

Теперь Франциск позвал меня к себе.

— Этот карлик добровольно оставляет свое грязное ремесло зла, Левушка. Пока я буду читать мою мантру, переноси всякий раз по моему указанию палочку с предмета на предмет во всей этой куче тряпья, что он сложил. Вот, возьми палочку. Когда вся куча распадется в золу, подними сетку палочкой, возьми карлика за руку и выведи его сюда, совсем близко ко мне. И когда я тебе укажу, коснись палочкой его темени.

Я сделал все, как приказал мне Франциск, и эффект от вещей, превращавшихся в золу, был почти тот же, что в Константинополе. Но только здесь все еще склеивалось, точно ком смолы. Как только я коснулся темени карлика, он также хотел схватить руками палочку, пытался даже подпрыгнуть, но, как и первый, не достиг никаких результатов. Но этот карлик не злобился, не плакал — он смеялся как ребенок и выказывал все признаки удовольствия.

По указанию Франциска, я поднял палочкой сеть и подвел к нему карлика, который бросился к его ногам, обнимая их и пытался выказать все признаки любви. Франциск поднял карлика на руки, как это сделал И., и велел увести всех птиц за исключением трех, которых сам выбрал. Он велел также позвать сестру Александру.

Когда я передал Франциску его палочку и подошел к И. - карлик мирно спал на его руках. Когда пришла сестра Александра, оба карлика уже спали и были унесены в ту комнату, где жил Макса.

Теперь поляна приняла свой обычный вид, все следы происходившей на ней борьбы Света и тьмы исчезли, и мы вошли в комнату Франциска.

Меня тревожили багровые пятна на руках его, но он сам их точно не замечал.

Только я приготовился было сказать о них И., как услышал его голос:

— Сядь, Франциск, я перевяжу твои раны. Иначе ты снова сляжешь.

Франциск и раны? Где же раны? Я недоумевал, не представляя себе, чтобы безмятежный, сияющий, правда бледный, но такой сильный и спокойный Франциск мог страдать от ран. Не возразив ни слова, Франциск сел на стул и И. отвернул его рукава.

Выше тех мест, где были багровые пятна от рук крестьянина, на обеих руках Франциска были раны, точно обожженные места, и на них уже выступай капли крови.

Никогда, ни до этого, ни потом, не приходилось мне переживать такого страдания.

Франциск молчал, спокойно перенося муку, когда И. накладывал повязки на кровоточившие руки. Лицо его сохраняло такое выражение, точно он пел славословие всей вселенной, но я едва сдерживал рыдания.

Мне, как и крестьянам, которых он спас сегодня, Франциск казался святым. Почему же, зачем страдать святому? Мне хотелось подставить свои руки, только бы избавить его от страданий, только бы видеть это чудесное лицо в экстазе любви и доброты.

— Святым, Левушка, нечего делать на земле, я уже тебе это говорил. Могут быть на земле божественные посланники, но я не из их числа. Я — грешный человек. И все, чем я могу помогать людям, это только, в буквальном смысле слова, меняться с ними кровь за кровь. Но выше счастья и нет для человека на земле. Я не водитель человечества. Я простой человек. Мой путь доброты ведет меня так, как во мне живущая Гармония меня допускает. Не страдать ты должен, глядя на меня, но понять, что каждый путь есть вековая карма, от которой отказаться нельзя. Вот у тебя тоже карма: ты носишь дивный камень Учителя, который у него украли, он

был опозорен и снова очищен. Знаешь ты или не знаешь — велика твоя помощь тому, кому ты его возвратишь. И все мы, тебе помогающие развить в себе психические силы носить его и вернуть его владельцу, все мы связаны огромной кармой благодарности и спасения с тем, кому ты должен возвратить камень.

Слова Франциска, как и все виденное сегодня, не до конца были мне понятны. Но я ни о чем не спрашивал, я уже теперь знал, что И. скажет мне все, что и когда я буду в силах понять.

Попрощавшись с Франциском, мы с И. покинули территорию больницы и возвратились домой.

Я шел с трудом, И. поддерживал меня и уложил в постель, как только мы вернулись в наш дом.

Через час Ясса повел меня в ванну. Сам И. давал ему указания, как применить массаж. Но и после ванны и массажа мне было не по себе. Пришлось снова лечь в постель.

Я даже не мог во всем происшедшем дать себе точный отчет. Не мог сообразить, который сейчас час, меня все больше охватывала слабость, озноб, и я забылся в беспокойном сне.

Глава 4

*Я знакомлюсь еще со многими домами Общины. Оранжевый домик.
Кого я в нем видел и что было в нем*

Я проснулся, как мне показалось, от какой-то тяжести на плече и легких толчков по руке. Не сразу сообразив, где я и что со мной, я открыл глаза и тут же всю расхохотался.

Мой маленький друг павлин, который теперь стал уже не таким крошкой, забрался на мое плечо и преуморительно будил меня. Привыкнув ходить с нами купаться в определенный час, он давал мне знать, что пора вставать. Мало того, умильная птичка не удовольствовалась тем, что разбудила меня. Она соскочила с постели, подбежала к настежь открытой балконной двери, посмотрела вдаль и, выказывая признаки беспокойства, махая крыльями и издавая резкие звуки, как бы о чем-то молящие, вернулась к моей постели. Подергав клювом мое одеяло, павлин снова подбежал к балкону и снова вернулся ко мне, издавая еще более резкие звуки. Он старался дать мне понять, чтобы я посмотрел, что именно его беспокоит.

Весело смеясь, я поднялся и подошел к балкону. Каково же было мое удивление, когда я увидел вдали, по пороге к озеру И., уже подходившего к скале, за которой он должен был сейчас скрыться. Я расцеловал моего заботливого друга, который радостно замурлыкал, чем еще больше меня насмешил. Мигом одевшись и не забыв на этот раз красиво расчесать свои кудри, чему меня обучил Ясса, схватив в охапку простыню и павлина, я помчался догонять И. Я чувствовал себя совершенно здоровым и в эти первые утренние минуты забыл, или, вернее, не вспомнил о том, что было вчера.

Я уже настолько привык к жаре, что палящее солнце не составляло больше для меня мученья, как это было в Константинополе или у моего брата в К. Я теперь мог идти очень быстро. Я почти постиг искусство ходить по пыльной дороге не пыля и не уставая.

Когда я домчался до нижнего озера, я увидел И, стоявшего возле одной из купален с каким-то высоким человеком. Стройная фигура незнакомца и его лицо были примечательны. Он не походил на туземца, хотя был брюнетом. Орлиный нос с очень красиво выгнутой горбинкой — все говорило мне, что это грузин, а по его походке, легкой, как бы танцующей,

плавной, я угадал в нем горца.

— Левушка, — радостно обернулся И. на громкое приветствие моей птички. — Как это ты, соня, проснулся? Это надо отнести к разряду чудес, что нам с Яссой не пришлось тебя сегодня расталкивать, — смеялся И. Он взял моего павлина на руки, а тот бесцеремонно взгромоздился ему на плечо и терся головкой о его щеку. Поглаживающий птичку по ее чудесной спинке, рядом с горцем-орлом, на фоне синего озера, под ярким солнцем, И. был так прекрасен, что я не смог удержать порыва моего восторга, обнял моего друга и молил его:

— И., миленький, не откажите мне! Я хочу иметь Ваш портрет именно таким, здесь, у озера, с моим павлином на плече, утром. Мне кажется, что Ваша поза, вся ласковость и энергия точно благословляют весь день, всех людей, посылая им силы творить и любить. О, И., не откажите мне! Я попрошу Бронского, чтобы его приятельница нарисовала мне Вас таким. Только согласитесь позировать синьоре Беате.

— Ненасытный Левушка, мало тебе моего постоянного присутствия днем? Еще и ночью я должен висеть над тобой! И снова, мой друг, ты проштрафился, выражаясь по твоей манере. Приведи себя в равновесие, освободись от чрезмерного восхищения моей персоной и познакомься с одним из моих и Али друзей.

И. говорил так ласково, глаза его лили такие потоки любви и радости, каких, как мне казалось, я еще не замечал в нем.

— Это мой старинный друг, Левушка, мой сподвижник во многих делах, которого я давно не видел. Зовут его, для тебя, Никито, а фамилия его Давшчвили. А это — Левушка, граф Т., - представил нас друг другу И. На лице незнакомца изобразилось удивление, он оглядел меня с головы до ног, посмотрел на И. и вдруг, точно что-то вспомнив и сообразив, закивал мне головой, очаровательно улыбнулся и протянул мне обе руки.

Его молчаливое приветствие, глубокое радушие которого я ощущал всем сердцем, меня, в свою очередь, удивило. Что-то было в этом человеке особенное, мне даже подумалось, что он глухонемой, так пристален был его взгляд.

Протянув ему так же обе руки, я посмотрел в его глаза, зная, что глухие и немые смотрят в рот человеку. Но Давшчвили смотрел мне прямо в глаза. Взгляд его был добрый, прямой, честный. Но был ли он глухим, я не решил и услышал смех и слова И.:

— Ведь ты больше не немой слуга в горах Кавказа, Никито. Твоя привычка многолетнего молчания поразила Левушку, ждавшего от тебя словесного привета. Он, наверное, решил, что ты немой.

— Простите, — сказал мне Никито, — я так привык долго молчать в одиночестве, что теперь не сразу могу пользоваться речью, чем сбиваю с толку людей. Но на этот раз я знаю, что не только моя молчаливость смутила Вас. Я не сумел скрыть своего удивления, когда услышал Вашу фамилию. А удивился я ей потому, что много лет назад свирепая буря в горах загнала под мой кров неожиданного гостя. Буря справляла пир чуть ли не целую неделю, дороги замело так, что путнику пришлось прожить в моей сакле всю эту неделю. Гость мой был офицер и фамилия его была такая же, как Ваша.

В первый момент нашей встречи я не нашел сходства между моим гостем и Вами. Но несколько минут спустя я отчетливо вспомнил лицо моего гостя и могу поручиться, что он был Вашим братом. Овал лица, разрез глаз и губ — все одинаковое. Но кудри Вашего брата светлые, как и глаза. Вы же брюнет. У меня память на лица исключительная. Если бы И. и не назвал мне Вашей фамилии, я все равно сам спросил бы Вас о ней.

Давшчвили говорил по-английски с сильным акцентом. Я подумал, что он и по-русски должен говорить так же нечисто. Мысль, что он был гостеприимным хозяином брата, быть может, спас ему жизнь, сразу сделала мне Никито близким и дорогим. Все еще держа его руки в своих, я горячо сказал:

— Как я хотел бы слышать от Вас, Никито, подробное описание тех дней жизни брата, которые он провел с Вами. Я так давно его не видел, так долго еще не увижу, что был бы счастлив поговорить с Вами о нем.

— Что же тебе нужнее в первую очередь, Левушка? — передавая мне павлина, спросил И. Мой ли портрет или описание жизни брата Николая у Никито?

— Конечно, И., Ваш портрет мне нужнее, потому что в нем для меня символ всей жизни, которую я понял через Вас. Владея Вашим портретом, я надеюсь навеки запечатлеть его в сердце, как путь счастья и силы, которые Вы научили меня понимать. Если бы я теперь услышал, как прожил мой брат неделю в глуши гор, почти заживо схороненный в буране снегов, я понял бы, вероятно, многое иначе, чем до моей встречи с Вами. Символ белого павлина, который я видел на коробках Али, Флорентийца и моего брата...

Я не договорил моей фразы. Живой павлин, которого я держал на руках, взяв его от И., вдруг точно прорезал какой-то туманный занавес в моей памяти. Я вспомнил вчерашнее. Вся картина поляны, и на ней две фигуры — И. и Франциска, окруженные снежными кольцами павлинов с сияющими золотыми хвостами, до того ясно и четко вырисовалась в моей

памяти, что я мгновенно забыл все остальное и стоял оглушенный потоком новых мыслей, новым озарением.

Вчера я не мог осилить всего величия труда, в котором участвовали птицы-братья, помогавшие вырваться своим карликам-братьям из цепей и мук зла. Не знаю и сейчас, сколько, как и где я стоял. Я точно читал слова письма Али: "И пусть этот белый павлин будет тебе эмблемой мира и труда для пользы и счастья людей." Резкая боль в пояснице — должно быть, я неловко повернулся — заставила меня прийти в себя. Опомился я окончательно только в купальне, на берегу нижнего холодного озера. Мой птенчик сидел у моего изголовья, а И. и Никито стояли возле меня. В руках И. был флакон Флорентийца, я его узнал и понял, что, очевидно, дело не обошлось без моего обморока.

Как это ни странно, но когда я теперь смотрел на Никито, какие-то смутные воспоминания, что-то из далекого детства, вставало в моей памяти. Мне казалось, что его лицо, такое сейчас заботливо-нежное, связывалось в обрывках моей памяти с горами Кавказа, с лошадью, с каким-то путешествием, но ничего определенного я вспомнить не мог и, махнув рукой, решил, что это снова штучки моей "дервишской шапки". Все же, когда Никито прикоснулся ко мне, помогая встать, это прикосновение показалось мне знакомым.

— Ну, Левушка, попробуем искупать тебя в холодном озере, как рекомендовала Наталья Владимировна, — сказал мне И. — Так она, дорогая моя приятельница, снова здесь? — Никито был очень удивлен, когда узнал, что Андреева не только снова здесь, но и живет в доме первой ступени, как он выразился о нашем домике.

На мой вопрос, что значит "первая ступень", он ответил мне, что первых ступеней много, в смысле жизни Общины и в бытовом, и в духовном отношениях. Первая ступень, как ее надо понимать в смысле дома, — это род распределителя, где каждый человек не выбирает себе нравящегося ему места в жизни, а живет именно там и так, как его духовные силы дают ему возможность. И именно эти силы определяют его место в Общине, не давая ему возможности жить иначе, в каком-либо другом доме Общины.

О себе он сказал, что живет сейчас в доме пятой ступени, а жил много лет назад, уезжая отсюда, в третьей. Но, возвратившись, теперь нашел дом пятой, которого даже не видел, когда жил в третьей.

И. сказал мне, что, если я выдержу мое купанье благополучно, он проведет меня к тем домам Общины, где мои силы дадут мне возможность жить и дышать. Он прибавил, что можно обладать очень высоко развитыми

психическими силами, даже быть источником больших откровений для людей и все же, по недостатку гармонии в своем собственном организме, не иметь сил выносить вибрации тех ступеней, где атмосфера требует именно гармонии как начальной, исходной точки существования.

Человек, не справляющийся с рвущимися из него токами сил, задыхается в более высокой атмосфере гармонии, останавливается перед нею, как перед самой плотной стеной, хотя внешних препятствий перед ним никаких не существует. Стена эта создается его собственными, бурно рвущимися из него со всех сторон токами, закрывающими пеленой его собственное духовное и физическое зрение. И человек даже не видит входа или дороги в те места, где живут более развитые и сложившиеся в высокую гармонию существа.

Мое купанье, к счастью, обошлось без всяких эксцессов, если не считать, что температура воды по сравнению с воздухом была чрезвычайно низка. Возможно, что на самом деле она и не была уж так низка, но мне вода показалась ледяной. Когда я погружался в воду, она шипела, точно газированная, и покрывала все тело слоем серебристых пузырьков. Даже когда я вышел из воды, я весь был в них, как в серебряной броне, и красен как рак. Но зато до самого дома, всю дорогу по зною, я ощущал прохладу, и жара оставляла меня нечувствительным к ее каверзам.

Когда я вошел в столовую, первой меня приветствовала Андреева.

— Ах, мистер шило-граф, до чего же Вы изменились и похорошели за то время, что я Вас не видела. Уж не купаетесь ли Вы в нижнем озере?

— Вы очень точно угадали, Наталья Владимировна. Я выкупан сегодня в холодном озере, и переживания мои напоминают, по всей вероятности, чувства лохматого пуделя, брошенного с печки в замерзающий пруд. Хорошеют ли от этого, я не знаю, еще не имел случая наблюдать.

— Ох, уж эти мне писатели, — вздохнула она, притворно делая несчастную гримасу.

И вдруг как-то наморщила брови, распустила губы, придала доброе-предоброе выражение всему своему резковатому лицу — дать ни взять Ольденкотт.

Я так и покатился от смеха. Тут же вспомнил, как Флорентиец изображал в парке в К. английского лорда молодым поручикам, — и смеху моему не было удержу. Сама же Андреева мгновенно переменила игру лица на обычное свое выражение и наивно спрашивала И., не знает ли он причины моего необычайного веселья. И. ответил, что лично он не знает, но не сомневается, что мистер Ольденкотт знает наверное.

— О да, я знаю и не удивляюсь, что Вашему другу смешно, — сказал

входивший Ольденкотт. — Это так невообразимо — найти сходство со мной в лице Натальи Владимировны, что я и сам бы смеялся, если бы не боялся рассердить мою приятельницу.

Почему-то сегодня все окружающие меня вызвали во мне особенно острый интерес.

До сих пор я был близок только с Бронским, помогавшим мне воспитывать моего птенца, и дружба наша все возрастала. Благодаря его огромному знанию всего света и людей, которых он покорял своим талантом, благодаря его дару наблюдательности, внимания и умению вовремя вспомнить нечто характерное из своих наблюдений, он был интереснейшим рассказчиком и педагогом. Он говорил всегда образно, красочно, по существу, и от общения с ним росло и мое понимание искусства и людей.

Альвера Черджистона я встречал только за столом, как и некоторых других, с кем я познакомился вначале. До сих пор мое внимание останавливалось только на том, о чем говорили мне И. или Франциск. Но сегодня, после купанья и пережитого на лесной поляне вчера, я стал пытливо всматриваться в галерею лиц сидевших со всех сторон людей.

Впервые я совершенно четко осознал, что все здесь собравшиеся люди живут также своей внутренней, тайной для других жизнью и что их переживания здесь, вероятно, полны такими же чудесами и делами, каким я был свидетелем и даже действующим лицом вчера.

Я слышал, что Андреева пишет труд огромного значения, что у нее есть своя особая миссия, к которой она здесь готовилась уже не раз, и теперь снова готовится вынести в широкий мир целый поток новых знаний для людей. Услышанные же сегодня слова о ней Никито и И. еще больше пробудили мой интерес. На ней остановились мои глаза, и я встретился с ее взглядом, пристальным и... печальным. Удивительно менялось это лицо! Точно вода на поверхности озера, оно отражало все колебания ее духа. Только так недавно лицо это носило следы мальчишеской шаловливости, юмора, и черты его, грубые и нескладные, били в глаза своей непропорциональностью. А сейчас оно было тихо, спокойно, печально и — к моему изумлению — прекрасно. Я не могу подобрать иного слова. Оно было истинно прекрасно! Черты смягчились, точно их покрыла волшебная вуаль доброты, и взгляд ее не сверлил и не жег, а точно любил, благословлял, преклонялся. Мудрость озаряла ее лицо, и, если бы я в самом начале увидел эту Наталью Владимировну, я не узнал бы ее в бурной и шумной подруге Ольденкотта. Ее обаяние и очарование заворожили меня, а когда я услышал вместо резковатого мягкий, бархатный голос, я даже в

первый момент не сообразил, что это говорит она.

— Не каждому дано войти в комнату Али. Не каждому дано принять участие в наивысшей помощи человечеству. Путь радости — это путь вовсе не совершенных, но непременно примиренных. А примиренные — это не внешне спокойные, а внутри, в сердце носящие мир. Можно быть верным до конца, нести задачу большого значения, выполнять ее успешно, и все же не уметь подняться выше в своей гармонии. Не шипами Вашими Вы будете смотреть и видеть сегодня, но знанием, что открыло Вам живое, мирное сердце. Но печалиться о тех, чьи лица Вам кажутся печальными, нет смысла. Чем печальнее Ваш встречный, — тем крепче должна быть Ваша радость, потому что только тогда он может сбросить на Вас часть своей скорби. Скорбь и страх умирают в присутствии Мудрости. Не обо мне и моих тайнах думайте, но о тех минутах счастья, где можете пройти мимо любого человека в полном самообладании.

Только тогда Вы будете помощью всем нуждающимся в гармонии, когда научитесь радоваться, встречая печальных.

Андреева говорила тихо, голос ее тонул в общем шуме, но я слышал каждое ее слово так четко, как будто бы она говорила мне прямо в ухо.

Завтрак кончался, когда я увидел подходившего к нам Никито. И снова смутное чувство, что я вижу этого человека не впервые, охватило меня. Пока он здоровался с Кастандой и Андреевой, я все присматривался к нему, но никак не мог решить, где бы я мог его видеть. Среди встреч последних месяцев я такого лица не помнил.

А между тем чувство близости к нему сейчас было во мне еще живее, чем у озера.

Простившись с Андреевой, которую я сердечно поблагодарил за ее слова, я поспешил за И. и Никито, уже вышедшими в аллею стройных и высоченных пальм. Мои друзья шли по аллее до самого конца парка и повернули влево, в узкую тропу среди бамбуков, которые я до сих пор считал непроходимыми.

— Вот так чудо, как здесь тенисто, прохладно! Вот где надо прятаться от жары. И как это мне не приходило в голову, что я могу найти проход в этих джунглях?

— Много раз еще ты будешь так думать, Левушка, пока будешь жить в Общине. Так же ты будешь открывать Америки там, где раньше видел один лес или горы. Мало того, ты будешь знать прекрасно местоположение того или иного дома здесь, но в зависимости от твоего внутреннего подъема или падения ты будешь точно находить их или абсолютно терять к ним путь. Не исключена возможность, что в один прекрасный день ты не найдешь

дороги к островку Али и не сможешь пройти в его комнату. Чистота и бесстрашие — первые условия духовного зрения.

Таким путем, чем шире идет раскрепощение в человеке, тем скорее все его качества переходят в аспекты Единого, пока по восходящим ступеням освобождения весь Единый в человеке не загорится огнем. И вот по этим-то ступеням и построены дома в Общине. Здесь вообще уже нельзя встретить человека, колеблющегося между злом и добром. Здесь живут только те, в ком все аспекты Единого вскрыты и движутся. Но так как нет ни одного человека, в котором его освобождение шло бы так, как оно идет у другого, то путь Света, теми, кто пришел к совершенству раньше, приспособлен к самым разнообразным возможностям для всех тех, кто идет за ними или ищет самостоятельно освобождения.

Сейчас мы входим в дома второй ступени. Их здесь семь. Почему их семь и почему каждый из них разного цвета, об этом Вам скажет И., Левушка, когда для этого настанет пора.

При последних словах Никито мы вышли из бамбуковых зарослей и попали на чудесную поляну, где среди зеленого луга цвели самые разнообразные цветы. Многие из них были таких форм и красок, каких я еще никогда не видел. Поляну пересекали в нескольких местах дорожки, лучеобразно расходящиеся в разных направлениях.

И., шедший впереди, выбрал центральную, прямую дорожку, ведущую к холмам, поросшим пальмами и эвкалиптами. Когда мы поднялись на холм, я остановился в восхищении. За рядом холмов, на вершине одного из которых мы стояли, расстилалась широкая поляна, с рядом очень красивых, больших, средних и совсем маленьких белых домов и домиков.

По другую сторону долины также возвышались холмы, несколько выше тех, на которых мы стояли. Весь их скат был покрыт густым, роскошным лесом всевозможных лиственных пород, но кое-где темнели и могучие кедры. Там и сям, как вкрапленные цветные камни, в зеленой оправе пальм и леса, стояли изящные домики самых разнообразных форм и цветов, причудливых и простых стилей. Особенно пленил меня фиолетовый дом в стиле старинного средневекового замка с башенками, лестницами и балконами.

Среди яркой зелени, под блеском луней, проникавших между деревьями, с широкой белой лестницей посередине и спускавшимися вниз причудливыми, винтообразными, тоже белыми лесенками от боковых башенок, домик казался аметистовым.

Слева, также среди леса, выделялся дом красного цвета. Направо я увидел желтый, за ним синий, зеленый и оранжевый домики. Эта

причудливость окраски в гуще листвы делала их похожими на цветы.

— Не правда ли, красиво? — спросил меня Никито.

— Да, очень, изумительно красиво. Но, признаться, это как-то нечеловечески красиво. Здесь это гармонично и художественно и так просто, что принимаешь эту причудливость, будто так и быть должно. Но можно ли себе вообразить нечто подобное в условиях обычной жизни? Если бы кому-либо вздумалось соорудить себе в своей деревне этакий домик-фиалку или вон тот рубинового цвета, наверное, человека сочли бы выскочкой с дикими фантазиями или человеком плохого вкуса.

Здесь же это совершенно очаровательно, и я готов был бы здесь век прожить.

— Многое в жизни, Левушка, кажется людям непонятым и даже невозможным только потому, что в своем опыте дня они не проходили и не видели тех вещей, которые отрицают. Точнее сказать, они проходили мимо очень многих великих вещей; но ни видеть, ни ощущать их не могли и — по невежеству своему — их отрицали.

Разумеется, если бы человек, не сливая в гармонию с цветом своего дома всего того, что его окружает, выстроил себе причудливый зеленый дом, прилепил бы к нему белые окна, желтые заборы и красную крышу, он выказал бы только убогое понимание архитектуры и жалкий вкус. Здесь же ты видишь не только гармоничную гамму однотонного цвета в каждом доме. Ты еще и не замечаешь, чтобы дом рвался из своей рамы зелени, так как и купы деревьев, и окружающие дома, разнясь по цвету друг от друга, дополняют гармонию каждого строения. Кроме того, все, что ты видишь здесь перед собой, все это не порождение той или иной фантазии, тех или иных условностей. Это органические свойства человеческих жизней и человеческих путей окрасили эти дома в тот или иной цвет. Вот, посмотри на этот красный дом. Он окружен розами, геранями, ползучими лилиями, красный цвет которых так ярок, что они кажутся горящими. Этот дом сам по себе бел, как и все те дома, которые ты видишь в долине, где сам живешь. Но люди, живущие в этом доме, покрыли все его стены эманациями любви своих аур, — и дом горит, как кровь, и таким воспринимается тобой. Но, если бы в тебе самом не было раскрыто духовное зрение, именно тобой в этот тон окрашенное, то есть, если бы ты не носил в себе живой любви, ты не мог бы увидеть той окраски, которой горят ауры людей, идущих путем любви, то есть луча красного цвета. Ты видел бы просто белый дом или, еще вероятнее, не видел бы ровно ничего. Постигни же и первое правило каждого из учеников, входящих в Общину второй ступени: ничего не рассказывать о том, что видишь и слышишь,

кого встречаешь и кого оставляешь, без разрешения своего Учителя. Научись молчать, научись держать в тайне то, что Учитель не велел рассказывать. В данное время Учителем твоим являюсь я. Хочешь ли ты двигаться дальше за мной, до тех пор, пока сюда не приедет Флорентиец, и ты пойдешь, уже подготовленный, за ним?

Я был глубоко тронут всем тем, что сказал мне И. — Если только Вашей любви и терпения хватит на такого рассеянного ученика, я буду счастлив, потому что всем сердцем люблю Вас и давно в нем назвал Вас моим Учителем. Я обещаю приложить все мое усердие, все внимание, чтобы облегчить Ваш труд, мой дорогой наставник, мой верный друг и Учитель.

— Я рад служить тебе, Левушка, всеми моими знаниями и всею моей верностью любви и дружбы. Не пойми превратно моих слов о тайне ученического пути. Мы с тобой уже не раз говорили, что тайн в мире духовных сил нет. Есть та или иная степень знания, то есть та или иная степень освобождения. Поэтому убеждения людей, их моральные требования, их радостность или уныние в единении друг с другом, доброжелательство или равнодушие и т. д. — все зависит степени их закрепощенности в личных страстях или от их освобожденности. Субъективизм человека и отрицание им своей современности, под тем или иным предлогом, всегда служат явным и верным признаком его невежественности. Поэтому думать, что ты можешь кого-либо поднять к более высокому мирозерцанию, если приобщишь его к своей той или иной истине, раскрывшейся тебе благодаря твоему собственному труду любви, — это составляет такое же заблуждение, как пытаться объяснить немзыкальному человеку прелесть песни. Отдавая другому самую драгоценную и неоспоримую для тебя истину, ты не достигнешь никаких положительных результатов, если друг твой не готов к ее восприятию. А профанировать свою святыню ты всегда рискуешь. И не потому, что человек, которому ты ее открыл, зол или бесчестен. Но только потому, что он еще не готов. Об этом говорится: "Не мечите бисера...". С другой стороны, тот, кто прошел все ступени освобождения, тот понял до конца любовь, творящую в той части вселенной, где он живет.

Когда он начинает понимать это творчество Любви, его взору открываются все плотные покровы человека. И он в состоянии читать в другом не только движение его мыслей в данное сейчас, но и всю его кармическую судьбу. Раскрывая тебе то или иное, я не могу не видеть, что ты можешь понять сейчас легко и просто, что причинит тебе большое напряжение и чего ты не сможешь принять, так как не раскрылись в тебе

еще те начала, по которым могут и должны пронестись все твои индивидуальные силы, чтобы слиться с силами природы. Есть целый ряд знаний, войти в которые может только сам человек. Ввести в них ничья посторонняя помощь не может. Развиваясь, освобожденный человек сам ставит — свои, по-своему — вопросы матери-природе, и она ему отвечает. Это не значит, что каждый, еще ничего не понимающий в пути ученичества человек, способен ставить природе те вопросы, до которых он своим умничаньем додумался. Прочел человек десяток-другой умных книжек, побыл членом, секретарем или председателем каких-либо философских или теософических или иных обществ, загрузил себя еще большие числом условных пониманий и решил, что теперь он готов, что он водитель тех или иных людей, что знания его — вершина мудрости. Здесь начало всех печальных отклонений. Здесь начало разъединения, упрямства, самомнения, споров том, кто прав, кто виноват.

Вместо доброжелательства друг к другу и мира, что несут с собою всюду освобожденные, человек, ухвативший мираж знаний, несет людям раздражение и оставляет их в неудовлетворенности и безрадостности. Проверь и присмотришь. Тот, кто легче всех прощает людям их греховность, — всегда несет людям в каждой встрече доброту, милосердие и мир. В них он каждую встречу начнет, в них ее и кончит. Тот же, кто вошел в дом и принес раздражение, тот всегда не прав, хотя бы свой приход он объяснял самыми важными причинами.

Мы стояли на вершине холма и смотрели на долину, когда из-за огромных кустов цветущих азалий показались два человека. Я тотчас узнал высокие фигуры Освальда Растена и Жерома Манюле. И. познакомил меня с ними в первый день приезда в Общину и с тех пор я их не видел. Теперь я понял, что они жили здесь и поэтому я их не видел в парке возле наших домов.

У меня мелькнула мысль, как было, вероятно, трудно И., такому мудрому, жить все время в обществе неуравновешенных людей да еще иметь в самом близком общении такого болезненного, рассеянного ученика.

Вновь подошедшие радостно приветствовали И., которому сейчас совсем иначе поклонились — глубоким поклоном, напомнившим мне поясной поклон монахов, тогда как в столовой парка они приветствовали его общепринятой формой рукопожатия. И., отвечая на их приветствие, положил каждому из них руку на голову, точно благословляя их или призывая на их головы чье-то благословение. Он указал им на Никито.

— Это тот брат с Кавказа, о котором я говорил Вам и которому я

поручаю Вас как ближайшему наставнику. Завтра он придет к Вам, и вы выработаете все вместе программу своих занятий. Кроме того, недели через две-три мы поедем в дальние части Общины, и если брат Никито найдет возможным, он возьмет вас с собой.

Теперь же пройдемте в ваш дом, чтобы Левушка мог увидеть вашу жизнь. Ему вскоре придется перебраться сюда.

Мы стали спускаться с холма, пересекли долину и поднялись к оранжевому домику.

Он особенно чудесно выделялся среди синих и белых цветов, темных кленов, дивных огромных кедров и совсем меня сразивших белых акаций. Точно колоссальные снежные шапки стояли эти красавицы, разливая вокруг упоительный аромат.

Как только мы вошли в калитку сада через прелестную изгородь, утопавшую в цветах, нам навстречу побежали два белых павлина, сидевших на возвышениях лестницы, среди живых цветов. Птицы были большие, красивые и показались мне очень спокойными, точно кто-нибудь специально занимался их воспитанием.

Оба павлина бежали прямо к И., который поднес каждому из них по ломтю сладкого хлеба, ласкал их, улыбаясь, и говорил им какие-то слова. Неся хлеб в клювах, птицы вспрыгнули снова на свои места и только там начали есть свой хлеб.

Очаровательный домик, куда мы вошли, имел большой холл, из которого поднималась вверх лестница, очень красивая, темного дерева, вся уставленная цветами вроде лилий и мимоз желтого, почти оранжевого цвета.

Мне вспомнилась лестница с желтыми цветами и бирюзовыми вазами в доме сэра Уоми в Б. Вспомнилась Хава, о которой я давно не имел вестей, и... вспомнилась Анна, на плечах которой я видел однажды хитон такого же цвета, как эти цветы.

Мысли об Анне вообще не раз посещали меня, а сейчас я как-то особенно резко ощутил ее в моем сердце, думая о ее несчастье и о своем счастье. Ведь она могла бы быть здесь, рядом с нами, вместе с Анандой и жить этой волшебной жизнью, в которой купаюсь я.

— Уж не ждешь ли ты, Левушка, чтобы наверху открылась дверь и сюда спустилась Хава? — оторвал меня от моего ловиворонства голос И. — Вы не ошиблись, И. Комната и лестница действительно вызвали во мне воспоминания о Б., доме сэра Уоми и, конечно, Хаве. Но не о ней я задумался сейчас так глубоко, а об Анне. О милой, дорогой Анне, о ее музыке, которой здесь так не хватает, и об ее жизни в эту минуту. Мне

кажется, я согласился бы прожить отшельником и молчальником года два, лишь бы Анна стояла в эту минуту здесь, рядом с Вами. Этот домик производит на меня не менее сильное впечатление, чем дом сэра Уоми. Что-то в нем очаровывает, пленяет меня, и я чувствую на сердце такое же спокойствие, такую же радость, как при входе в комнату Али. Почему это?

— Скоро ты узнаешь этот домик ближе и, быть может, сам решишь этот вопрос.

Налево от холла была большая библиотека. Здесь было довольно много людей.

Кое-кто перебирал каталоги, иные сидели за столиками и просматривали стопки книг, очевидно отбирая то, что им нужно. Иные расставляли книги по полкам, а некоторые читали, углубясь и не обращая внимания ни на что. Особенно меня поразили две совсем молоденькие девушки, выдававшие книги за красивыми конторками, украшенными цветами.

И эта комната-библиотека была прекрасна. В ней было три окна, больших венецианских окна, и вид из них на противоположную сторону и горную цепь был не менее прекрасен, чем из окон моей комнаты.

Девушки за конторками, получив требование на книги, бесшумно, точно скользя, проходили к полкам. Одна из них была совсем светловолосая, другая была шатенка, обе черноглазые, стройные и удивительно похожие. «Сестры», — подумал я и только хотел спросить об этом И., как та, что посветлее, увидела Никито и с криком: "Дядя!" — бросилась ему на шею.

Жизнь всей комнаты, такой оживленной за минуту, замерла, точно по движению волшебной палочки. Все остановились в тех позах, как стояли или сидели. У меня тоже ноги пристыли к месту, а глазами я, как все, не мог оторваться от девушки, обнимавшей Никито и рыдавшей на его груди.

Что было в этом крике, так поразившем всех? Радость? Мольба? Нет, это был скорее вопль о прощении, счастье оттого, что беда миновала. И. подошел к девушке, притронулся к ее плечу и ласково-ласково сказал:

— Лалия, о чем же ты плачешь? Ведь теперь уже нет препятствий, что стояли перед тобой, раз дядя Никито вернулся. Если ты столько лет страдала от своей оплошности, то теперь видишь его живым и здоровым, выполнившим за тебя урок. Не создавай новой драмы, а постарайся забыть все скорби прошлого.

— О, Учитель, если бы не Ваше милосердие, если бы Вы не выбрали меня, этой минуты свидания никогда бы не было. Простите мои слезы, я снова показала, что недостойна того, что Вы и дядя для меня сделали.

Теперь Лалия стояла близко подле меня, и я мог отчетливо видеть, что ей не могло быть более шестнадцати-семнадцати лет, а волосы ее были... седые, совершенно, по-настоящему седые! Какую же драму должно было пережить это существо, чтобы волосы стали белыми! За Лалией стояла вторая девушка и, тихо улыбаясь, смотрела на Никито, ожидая возможности приблизиться к нему. В ее черных глазах светилась не только любовь.

Я почувствовал, что преданности ее нет границ. Отстранив слегка Лалию, Никито протянул руку девушке.

— Ты, Нина, все такая же скала, какою была в восемь лет, когда я оставлял тебя на твою старшую сестру. Если я ни разу не пал духом за эти семь лет, что пробыл в разлуке с вами, в моем суровом горном ущелье, — то образ девочки, ребенка с горячим сердцем, был мне не последним прибежищем, где я черпал силы. Спасибо тебе. Возьми Лалию, я приду к вам обеим через несколько часов.

Никито передал Нине ее сестру, которую та нежно обняла и старалась утешить все еще тихо плакавшую Лалию. На предложение И. отпустить ее домой и вызвать на работу кого-либо другого, Лалия быстро отерла глаза, низко, в пояс поклонилась И. и ответила:

— Простите еще раз, Учитель, теперь я уже никогда не заплачу. Это были мои последние слезы, слезы вечно лежавшие камнем на сердце от скорби, что мое непослушание сломало всю линию жизни дяди Никито, спасшего нас с сестрой от смерти. Теперь я дышу легко, мое сердце освободилось от вечной печали о дяде. Я буду продолжать работать.

— Если бы все эти годы ты могла носить на сердце не камень скорби и раскаяния, а несла бы легко в мыслях образ дяди, посылая ему радость, бодрость и веселый смех, дитя, ты бы сократила срок его жизни в горах, в разлуке с вами наполовину.

Запомни это. И если находишь силы работать сейчас — работай.

Весь под впечатлением неведомой мне драмы я вышел из комнаты под руку с И. Мое радужное счастье, мир и спокойствие, испытанные мною при входе в этот дом, были потрясены точно грозой или грохотом снарядов. "Неужели же нигде в мире нет безмятежного спокойствия, нет гармонии, которые бы не потрясались драмами человеческих сердец?" — думал я и услышал слова моего друга, как всегда, заглянувшего под мою черепную коробку.

— Жизнь, Левушка, борьба и вечное движение в ней. Никакие стены не могут защитить от бунта страстей в себе. Раскрыть новую страницу жизни — это не значит дать обет и вступить в тот или иной орден, ранг или чин.

Мир, безмятежный и незыблемый, приходит в сердце человека тогда, когда Любовь его раскрылась и он увидел, как в нем самом и в окружающих его людях, цветах, деревьях, животных мчится волна Единой Жизни. Тогда пропадает и временное, условное в понимании человека. И сердце его уже не может умолкать для Вечного ни на одну секунду, и воспринимает он встречного без этой оболочки на глазах. До этих пор все люди подвержены драмам и трагедиям колебаниям между иллюзиями личного и радостью Реального. И всюду они вносят с собой свои взбудораженные аурические кольца.

Совершенствование человека — это постепенное изменение его ауры. И аура изменяется только в труде серого дня. Вообразить себе, что обычный серый день земли — это серия тех или иных отношений людей к человеку; удач или неудач, зависящих от расположения к нему или предубеждения окружающих, имеющих власть помочь или помешать своей протекцией, — это самая низшая ступень, где еще не вошло в движение по делам и людям творчество духа человека. Такой человек еще только мастер, делающий свой труд в тех или иных масштабах по сноровке и знанию элементарных требований одной земной науки; но он не тот вдохновенный артист, вносящий сам свое творчество в день, для которого вся вселенная звучит. Звучит не радостью временного и преходящего, но любовью Вечного, где развязаны предрассудки жизни и смерти земли. А существует одна вечная Жизнь. Проходи день, видя в нем всегда этап к этому пониманию Радости, звучащей во всей жизни. И никакие тревоги и страдания людей не будут нарушать для тебя Гармонии, потому что твоя, в тебе живущая гармония будет прочней всех колеблющихся, неустойчивых сил, окружающих тебя. Храни об этом память. Этот дом — начало целого ряда домов такого же оранжевого цвета. Ты их увидишь разбросанными по парку, который ты издали принимал до сих пор за лес.

Все это время мы стояли в большой комнате, направо от холла, назначения которой я не понимал. В быту я назвал бы ее диванной или назначенной для куренья. По всем ее стенам тянулись диваны, обтянутые красивой оранжевой материей. У внутренней стены был вделан большой камин и стояло кресло, напоминавшее формой кресло в комнате Али. Пол был устлан циновками, очень красивыми по гамме оранжевых тонов и очень изящного плетения.

Я хотел спросить у И. о назначении этой комнаты, но он взял меня под руку, и повел по лестнице наверх.

— Какая чудесная лестница! — не удержался я от восклицания лишь только мы вошли на первую площадку. Запах от дерева и цветов был такой

приятный, свежий, точно в нововыстроенном доме, где дерево издает аромат чистейших эманаций солнца и воздуха.

— Здесь дерево кедров, эвкалиптов и камфарных деревьев. Все они вместе издают этот прекрасный запах. Сейчас ты войдешь в мою комнату, Левушка, в такую же для всех закрытую комнату, как белая комната Али. Теперь ты настолько знаешь язык пали, что сможешь прочесть все надписи в ней.

Я был поражен. Я представлял себе, что Али имеет в Общине свою комнату, так как он был хозяином имения и мог располагать в нем всем, чем хотел. И вдруг у И. есть здесь тоже своя особая комната, куда запрещен вход! Мы поднялись на самый верх, пройдя мимо второго этажа, где было много дверей по коридору направо. Мы же свернули налево и по узкой, такой же ароматной и украшенной цветами лестнице попали в нечто вроде мезонина, вернее сказать, башни.

Комната была круглая, окна овальные, с выпуклыми стеклами, точно фонари.

Балконная дверь была настежь открыта, когда я подошел к ней и взглянул вниз, я так и остановился, прикованный на месте.

Аллея высоченных, развесистых, густых елей, такая длинная, что ей, казалось, и конца нет, делила с этой стороны парк на две половины. И сколько хватало глаз, были видны маленькие домики, несколько озер, а за ними снова лес, до самых голых скал.

Пейзаж заканчивался сурово. В нем не было той радости и мягкости, которыми я любовался каждое утро. Но очарования в нем было не меньше. Я, разумеется, обо всем забыл, вышел на балкон и еще больше поразился, рассмотрев, как был устроен балкон и построен сам дом.

Балкон состоял из двух переплетенных стволами деревьев, близко росших к стене дома. А стена дома, как и весь он, оказывалась скалой, в которой были выдолблены и обшиты деревом комнаты. Чем-то вековым веяло от этого балкона. Я впервые видел такие деревья, которые служили комнате балконом. Огромные, мощные, корявые, они буквально были осыпаны цветущими ветвями. Большие душистые кисти напоминали сирень, но были много больше и цвет их был апельсиновый.

— Ты так поражен, Левушка, что даже не прочел надпись над входной дверью. А между тем она не менее замечательна, чем дом-скала.

— Простите, И. Я так перехожу от одной неожиданности к другой, что упустил самое главное, хотя Вы и говорили мне о надписях.

Я стал искать надпись, но, кроме художественных орнаментов, ничего не находил. Я уже хотел перенести внимание на другую часть стены, как

мне показалось, что я начинаю различать два тона орнамента. Присмотревшись еще внимательнее, я нашел и третий тон оранжевой краски, и увидел ясно начертания букв пали. Но как связывались эти буквы, я никак сообразить не мог. Наконец я различил, что шли три надписи, одна над другой, и даже вскрикнул от радости, когда понял первые слова: “Не ищи понять глубину смысла там, где не находишь помощи в собственном самообладании “-прочел я медленно, но без запинки первую надпись, в самом низу, наиболее густого тона.

“Глядя на человека, не меряй его дух и высоту, но открывай ему твоих святых дары и радость “-читал я вторую надпись.

“Обмирая от страха, не входи в знание. Только бесстрашный находит вход в храм истины “-закончил я чтение третьей надписи над входной дверью.

Я уже отвернулся от входной стены, а слова все еще горели в моем сердце. Точно так же, как в первый день, когда я вошел в комнату Али, я все сохранял слова его надписи, как огненные знаки, в своем сердце.

— Прочти теперь надпись над балконной дверью. Я думаю, ты сможешь прочесть ее не менее легко, — сказал И., положив мне на плечо руку.

Как странно я себя почувствовал сейчас! Впервые какое-то новое ощущение проникло в меня. Я ясно ощущал, что в меня от И. вливалась сила, точно раскрывались мои духовные глаза.

В первые минуты я ровно ничего не видел над балконной дверью. Обшитая желтым деревом стена казалась совсем однотонной. Даже намек на орнамент не было, и никакого различия в тонах я не замечал.

Внезапно что-то слегка, как электрическая искра, мелькнуло у меня в глазах. Я подумал, что, очевидно, яркое солнце повлияло на мое зрение. Я хотел уже прикрыть глаза рукой и пожаловаться И. на прилив к глазам, как заметил, что искра на стене разгорелась, вытянулась в палочку и через миг вскрылась большая пылавшая буква, за ней другая, третья — и я прочел целое слово. Вся моя душа наполнилась счастьем. Я не мог двинуться с места. Каждая вновь зажигающаяся буква приводила меня в такой восторг, к ощущению такой чистой радости, какие я испытывал только в детстве на руках брата Николая. Я прочел фразу: Мщение, лесть, зависть и лицемерие кончены в сердцах тех, кто вошел сюда. Тот, кто читает знаки огня, пробудил в себе огонь. Раз прочтя слово огня, ученик не может больше отдавать времени безделью. И язык его теряет жало осуждения и язвительности.

Надпись погасла. И. повернул меня влево, и я сразу увидел целый ряд

горящих слов.

Путь — сам человек. Его труд — его жизнь веков. В каждое мгновение протекает его мир в сердца окружающих. Не разрывая огня в себе, ученик передает свой свет каждому встречному, если овладел, любя, своим огнем. И гармония каждого устанавливается крепче, и растет бесстрашие встречного.

И росло мое счастье, мое благоговение, по мере того, как я читал. И эта надпись погасла. И. повернул меня вправо, и я увидел целый ряд слов, горевших не тем ровным желтым огнем, которым горели только что прочтенные мною надписи, а здесь я увидел целую феерию красок. Слова горели, как волшебный фейерверк, белым, синим, зеленым, желтым, оранжевым, красным и фиолетовым огнями.

Зрелище было так захватывающе прекрасно, огоньки дрожали и переливались, мерцая красками, точно проникавшими одна в другую. У меня не было сил оторваться от этого видения и, если бы не легкое прикосновение И. к моему лбу, которым он, вероятно, хотел мне напомнить, что я пришел сюда не любоваться, а читать, я бы так и стоял Левушкой "лови ворон". Я перевел свое восхищение на полное внимание и легко прочел:

Нет людей — перлов чистой воды. Путь освобождения проходит по всем лучам, коих семь. В каждом сознании живут зачатки всех семи, но преобладает какой-нибудь один. Тот, кто имел силу пройти в дом света, носит в себе всякого луча оживший аспект и потому может видеть в каждом его свет и мир.

Перед каждым открыта дверь всех семи лучей. И никто не оставлен без внимания.

Готов человек — готов ему и учитель.

Дивные лучи погасли. Я показался себе вдруг таким бедняком, все вокруг точно померкло, казалось серым и бледным, и само сияющее солнце стало менее ярко. И. вывел меня на балкон.

— Ты прочел, Левушка, руководящие слова, предназначенные для входящих во вторую ступень ученичества. Понял ли ты из этих надписей, что основные оси держат на себе все другие качества человека этой ступени: первая — бесстрашие и вторая — полное самообладание. Какие бы таланты ни развились в человеке, какими бы великими качествами духа и сердца он ни обладал, если его бесстрашие не цельно, если его самообладание не довело его до полного спокойствия во все минуты жизни, он не войдет во вторую ступень ученичества.

Мгновение встречи с другим человеком для ученика второй ступени —

это самое значительное и огромное действие его собственного духа. Не то важно, с чем, с каким делом ты встретился или какой человек к тебе пришел. Важно, как ты сумел пронести в его ауру свой свет и проникнуть к его свету. Важно, как влились в него твои любовь и мир, твое ему утешение. Для ученика второй ступени уже нет морального кодекса законов людей, законов одной земли. Для него есть закон Любви, закон всей Жизни. И поступки его честны, высоки и прекрасны не потому, что закон морали требует его этики в поведении. Но потому, что дух его слит с огнем Вечного и поступки его могут быть только единением в красоте, ибо они являются движением его собственной Вечности, его оживших аспектов Единого, в себе носимого. Я не спрашиваю тебя, готов ли ты ко входу в то святая святых, что зовется "вторая ступень". Если бы ты не был готов, ты не мог бы прочесть горящей надписи в комнате. Но не думай однобоко. Не предполагай, что здесь ты встретишь только тех, кто способен сам читать огненное письмо. Это далеко не так. Во второй ступени не может быть иных людей, кроме тех, что достигли бесстрашия и полного самообладания. Это истина непреложная. Но как они их достигли, чем оказался их путь освобождения, какие силы в них развились, — кроме этих двух непреложных осей, — это путь у каждого особый, индивидуально неповторимый. Редко человек — ученик второй ступени — читает и пишет сам слово Огня. Чаще всего, вернее всегда, он имеет возможность получать весть наставника через какой-нибудь провод, путь которого начат с развития психических сил. Твой путь начат с них.

Ты — счастливый слуга и друг твоих наставников, можешь помогать им облегчать жизнь тех, кто идет рядом с тобой, в их духовном росте на трудном пути земного воплощения. Перед тобой лежит один из счастливейших путей земли, — путь радости.

Ты никогда не принесешь человеку вести скорбной, но всегда войдешь в его жилище вестником мира и помощи. Разжигая костер твоих талантов, великое Милосердие вводит тебя в новые понимания смысла и труда земли. Сегодня ты прочел: "Глядя на человека, не меряй его дух и высоту; но открывай ему своих святынь дары и радость". Прими, мой дорогой и любимый друг и брат, к великому руководству в простом сером дне труда эти великие слова. В каждой встрече помни о своем счастье: ты живешь, держа руку Учителя в своей руке, ты живешь в постоянном кольце верных защитников и помощников. И их верность тебе всегда лежит на твоей верности им.

Голос И., его лицо и вся фигура сияли так, что мне даже комната казалась ярче.

Мы вышли из дома, спустившись снова по ароматной лестнице в аллею, которую я видел с балкона и принял за аллею елей. Теперь я увидел, что то были кедры, наполнявшие своим смолистым запахом все пространство вокруг.

— Как прекрасна Жизнь! — воскликнул я, совершенно забыв о себе, о личностях людей, об их качествах. — Для меня звучал один Гимн Вселенной: Гимн Торжествующей Любви.

Мы долго шли по аллее, изредка встречая кланявшихся И. людей, но никто не прерывал нашего молчания. Мне невозможно было бы сейчас слушать человеческие слова, так я был слит со всей природой. Мне казалось, что я вижу, как растут цветы и травы, как льется сок в стволах и иглах деревьев. Так, молча, мы дошли до конца аллеи, и впереди уже виднелось озеро. Но И. свернул налево, мы прошли через длинный грот и вышли к совершенно неожиданному пейзажу.

Я увидел точно такой же островок, как в нашей части Общины, где была белая комната Али. Островок был также соединен мостиком с аллеей, по которой мы теперь шли, из могучих широколистных пальм.

Когда мы вошли на мостик, сквозь заросли цветущих желтых деревьев, точно таких же, на какие опирался балкон комнаты И., где я только что читал надписи, — я увидел точную копию домика Али, только густого оранжевого цвета. Я ни о чем не спрашивал И. Мы пересекли узенькую тропку между густыми зарослями желтых деревьев и вышли к прекрасному лужку, пестревшему разнообразными цветочками и окружавшему домик со всех сторон.

Как только мы подошли к лужку, навстречу нам побежал белый павлин, а от стены дома поднялся пожилой человек в оранжевой чалме и восточной одежде. И. приветливо с ним поздоровался, поговорил на языке, которого я не понимал, и я еще раз поставил себе на вид свою невежественность. И. остановился перед домом и сказал мне:

— Здесь ты увидишь тот живой Огонь, слова Которого ты читал в моей тайной комнате. Та комната —. комната моего труда, моих встреч со всеми учениками, идущими путем моего луча. Но не каждый, кто имеет силу войти туда, имеет силу и чистоту сердца, чтобы войти в этот дом и быть подведенным к огню Вечности. Силой Огня — неугасимого Огня любви — зажигаются буквы в моей комнате, где ты их читал. В этом же доме, на жертвеннике, горит этот священный Огонь. Войти в ту комнату, где Он горит, может только тот, кто сам дошел до чистоты и верности, которые не могут быть ничем поколеблены. Ничье милосердие, ничье сострадание, ничья помощь не могут помочь человеку войти туда. Только сам человек,

своей силой духа, может туда войти. Читай, друг, чем приветствует тебя первая надпись над входом в дом. Эта надпись меняется и дается человеку так и такую, как его собственный труд в веках соткал ее. Читай же теперь, что ты сам создал для себя.

Я поднял голову кверху и первое, что увидел, был белый павлин с чудесно распушенным хвостом, сверкавшим золотом на солнце. Я удивился, как мог я не заметить птицы в ее очаровательном уборе минуту назад, хотя смотрел на входную дверь и видел над нею круглое, выпуклое окно, которое теперь закрывал павлин.

Над его сияющим опереньем желтым светом горело: "Входи, храня вечную память о труде своем в веках. Тебя приветствуют здесь благодарность тех, кого ты когда-то очень давно спас, и их благословение. Их сердца сейчас ждут отдать тебе свой долг благодарности и, в свою очередь, стать тебе, странник, защитой и помощью".

Я был глубоко тронут словами привета, я никак не ожидал, что они будут обращены лично ко мне. Я их не понимал, но, взглянув на И., понял по его лицу, что все вопросы разрешатся дальше.

Но как я это понял, я и сам не знаю. И. уже не был тем И., которого я так хорошо знал, которого я видел сияющим в его комнате в скале. Это было существо неземного мира. Что-то божественное, превосходившее все обычные земные понимания красоты и любви, шло от него. Он был весь куском Любви, в которой я уже не мог существовать как сознание. Но я понимал его, потому что перешел в мир сверхсознательного вдохновения, где слова сами по себе, слова обихода уже не имели смысла.

И. взял меня за руку и повел вверх по лестнице из яшмы, как мне показалось.

Ступени, стены — все говорило о большой древности. Я не шел, а точно летел, до того легким я ощущал свое тело.

Когда мы поднялись на верхнюю площадку, две белые фигуры в длинной льняной одежде, подпоясанные золотыми шнурами, подошли к нам, низко кланяясь И. Я не узнал их, и только когда один из них взял меня за руку, я узнал в нем Никито.

Бог мой! Как мог он так перемениться? Его волосы вились и падали сидящими локонами на прекрасный лоб и длинную обнаженную шею. Лицо, темное от загара, выходило точно из белой рамы.

Я взглянул на второго человека, также взявшего меня за руку, и поразился еще больше. Это был Зейхед-оглы, араб-проводник, подаривший мне птенчика и выказывавший мне все время столько незаслуженного внимания.

Оба они провели меня в комнату, где был бассейн с проточной водой. Они указали мне на него, и. Никито сказал:

— Позволь мне, как бывало в детстве, на Кавказе, раздеть тебя и помочь тебе совершить омовение в этой воде, раньше чем ты наденешь священную одежду и войдешь в зал алтарей. Ты забыл меня, вернее, не узнал при нашей встрече у озера. Я же счастлив возратить тебе вековой долг моей благодарности. Чтобы войти в число учеников второй ступени, тебе нужны два поручителя. Войти в ступень можно только своими личными усилиями. Но помощь любящих могут оказывать человеку все его друзья. Разреши мне заплатить тебе мой кармический долг в эту счастливую минуту твоей жизни и стать тебе слугой и другом. Я беру на себя поручительство за тебя в твоём новом пути и буду служить тебе век громоотводом и охраной твоему раздражению. Я буду заранее принимать в свою ауру все удары твоего гнева и вспыльчивости, чтобы рост твоего самообладания не нарушался ни на минуту.

— Я, со своей стороны, — сказал араб, — принимаю на себя счастье поручительства, платя тебе только старый долг спасения жизни от темных сил. Я был когда-то карликом, и ты, ребенок, укрыл меня среди своих игрушек и защитил своим телом от смерти. Теперь я буду облегчать тебе каждую встречу с печальными, беря на себя часть их скорбей, чтобы твоя радость могла свободно проникать в их сердца.

Когда я вышел из бассейна, вода которого оказалась почти горячей, оба мои друга одели меня в такую же льняную одежду, в какой были сами, подпоясали меня золотым шнуром и расчесали гребнем мои кудри. На ноги я надел желтые сандалии, тоже точно такие, в каких были мои друзья. Взяв меня за руки, они подвели меня к двери, в которой стоял И. Он был тоже в белой одежде, но сделана она была из такой материи, какую Али подарил моему брату в день пира в К. Одежда была расшита вся — внизу и по бокам, на рукавах и на вороте — золотом. На голове его был венок из желтых цветов, а в руках та палочка, которую я видел на поляне, во время раскрепощения карликов. Когда я подошел к порогу настезь открытой двери, я увидел у своих ног на полу горящие буквы: Мой дом — всюду. Сердце человека — мой дом. Здесь дом мира и света. И входящий сюда найдет дверь только тогда, когда создал в себе мой дом. Бесстрашно вступай в море моего огня, если сердце твое чисто. И пламя мое не сожжет тебя, но закалится речь твоя в ясности и силе.

Я шагнул прямо на горевшие слова, ожидая, что огонь букв обожжет меня. Но, к моему удивлению, он мгновенно потух, едва я ступил на него.

Теперь И. взял меня из рук моих поручителей и подвел к одному из

узких высоких столов из оранжевого мрамора, такой же формы, как я видел в комнате Франциска, только у последнего этот стол был почти красным, так много было в мраморе розовых и алых прожилок.

И. поднял крышку стола, и я увидел под нею низкий Жертвенник, на котором горел огонь и перед которым стояла высокая топазовая чаша, в ней клубилась жидкость, похожая по своему цвету на огонь.

И. погрузил палочку в чашу с жидким огнем и поднес ее к настоящему огню, который ярко вспыхнул, затем, точно что-то напевая, чего я не разбирал, он коснулся моего темени. Это был не удар, конечно. Но прикосновение это причинило такое содрогание всему моему организму, что я не устоял и упал на колени. Оба мои поручителя положили свои руки на то место, где меня коснулась палочка И. Я почувствовал точно из меня в их руки тянется струя энергии.

Они подняли меня и повернули спиной к И. Теперь И. коснулся меня два раза под обеими лопатками. На этот раз действие палочки было таким же сильным, но я не только устоял на ногах, но почувствовал очень странное ощущение, точно у меня за плечами выросли крылья. Новая сила вошла в меня, и снова я почувствовал, как связываюсь с моими поручителями невидимыми, но крепчайшими нитями.

И. сам повернул меня лицом к жертвеннику. Теперь огненная жидкость в чаше не кипела, а из нее вилась спиралью огонь зеленого цвета, а огонь за чашей разделился на три языка: в середине — оранжевый, слева — белый и справа — зеленый.

Опустив снова палочку в чашу, горевшую зелеными спиралями, И. поднес ее к зеленому языку огня. Тот ярко вспыхнул, вся палочка точно запылала зеленым цветом, затем И. поднес ее к белому огненному языку, и белый язык огня загорелся на палочке рядом с зеленым. И. поднес палочку к желтому языку огня — и на палочке образовался трезубец огней, — с зеленым в центре, с белым и желтым огнями по бокам.

И. взял с жертвенника нечто вроде золотой булавы и, держа ее в одной руке и палочку в другой, поднял вверх обе руки, продолжая напевать что-то, чего я все так же не мог понимать.

Вдруг я отчетливо услышал: "Флорентиец, Флорентиец, Флорентиец", — трижды повторенное дорогое мне имя моего любимого и далекого друга.

И в то же мгновение я увидел Флорентийца стоящим за жертвенником в белой одежде.

"Али, Али, Али", — снова разобрал я в напеве И. И через мгновение увидел Али, стоящим рядом с Флорентийцем.

Я уже приготовился, что сейчас устами И. будут вызваны и Али-молодой и мой брат Николай, как от образа Флорентийца, от его лба, горла, пупка, заплечий и сердца протянулись огненные с зеленым оттенком нити и соединились с зеленым огнем палочки.

От образа Али, из тех же мест, потянулись нити белого огня и прилипли к белому языку палочки.

И. поднес булаву к огням палочки, раздался сильный сухой треск, и все огни с палочки перешли на шар булавы, а потухшую палочку И. положил на жертвенник. От самого И. - все из тех же мест, как от Али и Флорентийца, пошли оранжевые нити к булаве. И. поднял булаву высоко над головой и пропел какую-то мантру, которую сопровождала дивная музыка.

Закончив пение, И. повернулся ко мне, я и мои поручители опустились на колени, и булава легла на мою голову. Точно удар грома опустился на меня, я весь содрогнулся. Но это продолжалось одно мгновение.

Мои поручители подняли меня с колен. Теперь я чувствовал себя сильным, обновленным, точно сразу выросшим — как будто все мои сухожилия вытянулись, все нервы и связки освободились от какой-то тяжести. Мое ощущение было такое необычное, точно до этого момента я жил, весь покрытый узлами и корками, а сейчас все очистилось, вскрылись поры и я дышу, ощущая, как атмосфера комнаты сливается с каждой клеткой моего тела. Я взглянул на И. и увидел, что в его руках потухла булава, а все три огненных языка горят на его темени среди венка из оранжевых, цветов.

Огненные нити, что соединяли меня с Флорентийцем, Али и И. и были вначале тоненькими, дрожащими, теперь были плотными огненными струями. Я четко ощущал, как они проникают в мое тело, освежая, облегчая мою новую жизнь, устанавливая во мне гармонию. И. обнял меня, подвел вплотную к жертвеннику, взял мои руки в свои и сказал:

— Храни чистоту этих рук, им дана сила радости передавать слово огня рядом идущим. Он положил свои руки на мои глаза и снова сказал: — Храни чистоту глаз своих. Живи легко, понимая скорбь земли как неизбежный этап освобождения. Ни одна слеза печали да не прольется из глаз твоих, ибо каждая слеза — упадок духа, эгоистический порыв, хотя бы казалось человеку, что не о себе плачет, но сострадает другому. Сострадая до конца, человек льет мужество из сердца, и только такое сострадание помогает восстановиться шаткой гармонии встречного.

Очам духа твоего дано видеть внутреннее, духовное царство человека. Храни в чистоте очи телесные, чтобы покровы условной любви не

затемняли зрение твоих духовных очей. Иди в чистоте духовной связи с Теми самоотверженными тружениками светлого человечества, которые сейчас отдают тебе свою помощь, защиту и любовь перед Огнем Вечного. Носи искры их огня в своем духе и сердце и передавай их встречным не в идеях и словах высоких, но в простом труде серого дня носи доброту, мир и отдых трудящимся рядом. У тебя уже нет возможности воспринимать лично дела и людей. Каждая встреча — все путь Отцов твоих, взявших тебя сейчас в сыновство, — к Единому во встречах твоих. Для тебя нет иного пути по земле, как через мост бесстрашия и мужества вводить встречающих в то кольцо огня, в каком стоишь сейчас.

Голос И. умолк. Я посмотрел вниз и увидел, что вокруг всех нас на полу горело кольцо трехцветных огней, охватывая все наши фигуры и жертвенник как бы высоким забором.

И. взял мои руки и погрузил их в огонь на жертвеннике. Я снова на миг вздрогнул, но тотчас же блаженное состояние тишины, счастья и высочайшей любви охватило меня. И. наклонил мою голову, точно купая ее трижды в огне, — и еще больше содрогался телом и успокаивался — точно рос и подымался духом.

И. обнял меня, прижал к себе — и я взлетел вместе с ним в какие-то высоты, где я не различал более, что был я и что было не я, и слов для передачи моих ощущений блаженного счастья я не нахожу.

Когда я очнулся, у меня было такое чувство, точно я снова влез в футляр человеческого тела. До того легким, радостным и блаженным было мое состояние за миг до этого, что теперь я опять почувствовал себя весомым и тяжелым.

Оглядевшись, я увидел, что жертвенник был закрыт мраморной крышкой, в комнате были только И., мои дорогие поручители, Никито и Зейхед. Я нигде больше не видел моих высоких милостивцев и друзей — Флорентийца и Али. Почему-то я вспомнил, как видел Флорентийца в бурю на корабле таким же светящимся белым облаком, каким я видел его здесь несколько минут назад.

— В эту минуту, Левушка, ты осознал, как стираются границы между землей и небом.

Для тебя открылась Единая, вся жизнь. Ты понял, что нет условных границ, обозначаемых условными терминами: «смерть», «рождение», «жизнь», принятыми в общежитии на земле как термины условных, отдельных этапов, дающих разлуку, с ее горем, или счастье с его заманчивыми иллюзиями. Твой опыт сегодня вынес тебя за все условные грани, и ты постиг величайшее счастье: знание вечной жизни. Тебе стало

понятно, что твоя жизнь этого воплощения- это то «сейчас», в котором тебе надо пройти часть вечного пути раскрепощения от страстей. Пойдем, чтобы найти среди многочисленных лежащих на столах книг свою, единственную, неповторимую для других книгу жизни. Каждый ищет и находит ее в этой комнате только сам. Я двинулся среди множества высокие столиков оранжевого мрамора, похожих на церковные аналои. Сначала я видел на них только книги всех оттенков оранжевого цвета. Все они были одинаковы, и ни от одной из них не шел ко мне ни единый признак жизни.

Молчание комнаты и молчание Мудрости в лежавших передо мною книгах наполнили мое сознание величием спокойной святости, точно я ходил среди трепещущих сердец, закрытых в этих больших, тяжелых на вид книгах. Но все они оставались для меня рядом чудесных тайн, где моему сердцу не было места.

Я шел все дальше. И. и мои поручители следовали за мною в некотором отдалении.

Теперь я стал различать книги разного цвета: красного, синего, фиолетового.

Вдруг мой взгляд упал на большую зеленую книгу, закованную в нефритовый переплет, отделанный чудесно малахитом. Точно теплом повеяло на меня от этой книги. Я буквально бросился к ней, наклонился над переплетом и увидел на нем прелестно сложенного белого павлина из мелких-мелких белых и зеленых камней.

Глаза павлина были красные, а хвост — из самых разнообразных камней желтого цвета: от светло-желтых бриллиантов до самых темных топазов. Рисунок напоминал записную книжку моего брата, которую я нашел с Флорентийцем в комнате Николая в К. и которую я свято хранил в саквояже Флорентийца до сих пор.

Тепло, шедшее ко мне от книги, которое я почувствовал еще издали, теперь окутывало меня всего. Я положил обе руки на зеленый переплет, прильнул головой к белой птице, изображенной на нем, и мне казалось, что сердце Флорентийца обливает меня своей любовью.

Я был счастлив. Счастлив в полном смысле этого слова. Я ощущал себя совершенно свободным от всех условных скреп личного, так сильно державших меня в своем кольце до сих пор на земле.

— Раскрой книгу, друг, и прочти, какие обязательства ты уже брал на себя до этих пор в веках. Те, которые ты выполнил, те сошли со страниц твоей книги жизни, оставив листы чистыми. Те же, что ты когда-то взял и не выполнил, горят на страницах, как огненное письмо. Те что ты давал в этом воплощении, ждут сейчас подтверждения твоею любовью и

верностью. И, если ты их подтвердишь, они тоже загорятся огненным светом, хотя в эту минуту их еле можно прочесть вроде следов старинных чернил. В этот огромный момент твоей жизни ты можешь просить за своих друзей и врагов. Ты можешь вписать здесь сейчас те обязательства, что диктует тебе твоя бурно живущая в тебе в этот миг Любовь.

И. умолк. Я раскрыл книгу и заметил, что много чистых листов ее переворачивались, вместе, как бы склеенные. Я понял, что то следы моих вековых трудов и карм, давно оконченных в прошлых моих жизнях. Еще несколько листов перевернулись так же, и наконец я увидел отпавший лист, на котором среди чистого белого поля горела фраза: "Я найду полное самообладание, чтобы служить Учителю моему долго, долго, долго".

— О, И., как же я виноват перед Флорентийцем и перед Вами! Я даже забыл, что давал уже это обещание, и остаюсь все тем же невыдержанным человеком! Я трижды подтверждаю сейчас мою верность этому обещанию, идти мой путь в любви и такте.

Как только произнес мои слова, надпись погасла, листы сами перевернулись, и на новом месте загорелась ярким огнем та же надпись, а ниже засияло слово, как бы скрепляющая мое обещание подпись: «Флорентиец». Через мгновение листы книги вернулись несколько назад, и я увидел на одном из них точно плавающие знаки от старых чернил, размазанных слезами. Я прочел: "Буйное, бездонное горе, когда сердце и мозг тонут в море слез и печали, да не придет больше в мое сознание. Я понял всю бездну человеческого горя. Понял ее как путь, ведущий к освобождению. Понял, принял, благословил.

Будь благословен, мой страшный враг, отнявший у меня все, что я любил и имел, Будь благословен! Да не лягут слезы мои скорбями на твоём пути. Но пусть они вырастут цветами и украсят путь твой радостью.

Иди по пути радости и пройди в путь Света. Я же обещаю не лить больше слез горя и скорби. Если же слабость моя будет так велика, что я не смогу удержать слез, — пусть то льются слезы радости, Господне вино! Благословляю день и час смерти всего мною любимого. Да останусь один на земле, свободным от всех привязанностей личного. Буду лишь слугою всему встречному; слугой моему Учителю да пройдут мои дни земли".

Я был так глубоко растроган словами, которые читал, как бы выступавшими из моря крови и слез, что опустился на колени и сказал:

— Если я не выполнил моего обета до сих пор, то да будет эта моя жизнь посвящена полной любви к моему врагу, заботам о нем и его семье, если она у него есть. Я хочу принести ему мир. Хочу сделать цветущий сад из его сердца, если в нем еще бесплодная пустыня.

Я поднялся с колен и прочел на чистом листе засиявшее мне слово: "Твой враг при тебе. Ты встретил его в образе белого птенчика, переданного тебе на хранение, воспитание и заботы. С семьей врага твоего ты уже встретился: это те два карлика, что ты помогал вырвать из сетей зла.

Мужайся, двигайся вперед, любя побеждай. Когда открыта человеку его карма с его ближними, час его действий настал. И если он не подобрал указанное ему кольцо кармы, то возможность подобрать это кольцо передвинулась — кольцо отошло, как облако. И снова надо ждать, пока цельность верности человека, его любовь и беспрекословное послушание Учителю не вырастут и не пододвинутся обстоятельства для новой вековой встречи.

Имеющий уши — услышит зов. И озарение поможет ему выполнить указанную задачу.

Закрываются очи и уши у имеющих мало любви и верности. Лишь до конца верящий — побеждает.

Не видны человеку законы целесообразности встреч. Но лишь по этому закону — закону великой необходимости — идет жизнь каждого.

В слепоте идут до тех пор, пока образ Единого в сердце не засветится. Но, чтобы Он засиял, надо уметь пройти в полной верности и преданности Учителю своему, ибо путь смирения проходит каждый только в свое мгновение Вечности.

Человеку же в слепоте его не видно то мгновение пути праведника. Он видит иное, которое судит и принимает к сердцу, стараясь следовать подражанием. В подражании же нет творчества. Сердце человека не живет, и потому не сходит к нему озарение, потому же и отрицает в невежестве своем.

Оставь все мечты, неофит. Действуй, ежеминутно действуй, творя доброту. И если бесстрашно сердце твое — раскроются очи духа твоего, увидишь и услышишь".

Книга захлопнулась, еще раз пахнуло на меня теплом и светом — и все исчезло, я перестал видеть не только свой аналой, но даже и ряды тех, мимо которых я шел до сих пор. Пораженный этим, я повернулся к И. — Иди дальше, друг. Я не могу тебе ни в чем здесь помочь. Я уже сказал тебе: здесь каждый сам отыскивает все то, что ему дано понять.

Я двинулся вперед; случайно мой взгляд упал на белый пол, и мне показалось, что ряд цветочков, мелких, оранжевых, как дорожка, стелется передо мной. Я пошел по ней, так забавно и радостно было видеть, как цветочки, точно в сказке, выскакивали, указывая мне дорогу. Я все шел за ними, благословляя их, и не мог удержать радостного смеха, который так и

рвался из моего сердца.

Неожиданно для меня цветочки свернули в сторону, и я увидел вдали, у самой стены, светившийся высокий аналой оранжевого цвета. Я ускорил шаг, ощутил тепло, шедшее ко мне от аналая, и, подойдя ближе, различил на нем большую книгу в переплете из парчи, украшенной топазами. Красота переплета привлекла мое внимание, но не сразу я понял, что украшения из камней и золота составляют надпись. Я разобрал язык пали и прочел: "Луч мой тебя приветствует. Просящему — дается. Ищущий — находит. Мудрость не достигается теми, кто живет в личном. Только раскрепощенный может видеть ясно".

Я благоговейно поцеловал переплет и хотел открыть книгу, как она сама развернулась, и я прочел: "Вступай в луч пятый. Здесь научись видеть ясно, читать без помощи телесных очей и слышать легко и просто без помощи временных форм. Читай в каждой временной форме ее Вечное. Носи благословение дню и помогай пером — что дано тебе — развернуться сознанию встречного".

И. подошел ко мне, стал рядом со мною, поднял руку и подержал свою ладонь над листом книги, несколько ниже того места, где я читал. Я смотрел на лист книги, под его ладонью и заметил, что под нею складывается яркая фраза: "Луч пятый — луч науки и техники. Луч технического приспособления в каждом развитом сознании всех его духовных даров для непосредственного служения человечеству.

Иди моим лучом и вноси все свое понимание, через Любовь к тебе приходящее, интуитивное и сокровенное, как простой труд обычного дня.

Научись претворять любовь созерцающую в мелкие дела дня. И только та любовь, что умеет быть влита и приложена в делах серого дня, будет живою Любовью, движением Единого.

Забвения нет во вселенной ни для одного человека, ни для одного его дела. Ибо все живущие и творящие — только технические пути и способы Жизни, идущей в формах.

Чтобы дойти до живой в себе Истины, надо развить в себе любовь к человеку. Любя человека, чтя его и, видя в нем цель дел Учителя, дойдешь до единения с Учителем; а слившись с Единым в Учителе, сольешься с Вечностью.

Буквы выходили из-под ладони И., оставались на листе книги, пока он ее держал, и погасли все сразу, когда он отвел свою руку. Тогда И. закрыл книгу, поклонился мне и сказал:

— Сегодня ты вошел на вторую ступень ученичества. Ты видишь, как легко и незаметно минует ступени один человек и как трудно проходит их

другой. В моем луче, в ежедневном труде со мною, ты научишься овладевать теми психическими силами, что до сих пор доводили тебя до болезней. Взгляни на брата Никито. Быть может, теперь ты вспомнишь больше, чем в первые минуты свиданья с ним.

Я повернулся к Никито, взглянул в его добрые глаза и вдруг сразу увидел яркую картину детства, как я еду на коне, на руках Никито, закрытый его буркой от дождя и ветра. Потом я увидел его и себя в какой-то комнате, заставленной ящиками с книгами... и в тот же момент бросился на шею моему другу.

— Дорогой дядя, "неговорящий"! — воскликнул я. — Так я звал Вас в детстве, не разлучаясь с Вами, когда Вы приезжали, и плача, когда Вы уезжали. О, я не забыл ничего! Брат Николай говорил мне, что Вы спасли мне жизнь, когда я умирал. Вы привезли мне лекарство.

— Я был только гонцом Али, приславшим тебе лекарство, мой друг. Говори мне «ты» с этой минуты. Те, кто имел счастье стоять рядом в этой комнате, не могут иметь условного предрассудка «Вы». Дружба наша — общий путь труда, где преданность не имеет границ. Я тебе слуга и друг, и помощник во всем, в чем бы ты ни позвал меня участвовать.

— Я не знаю, Никито, как выразить словами всю благодарность тебе. Я могу только сказать, что в моем сердце нет предела для благоговейного чувства признательности за всю ласку, что я получил от тебя. Нет больше разрыва в моей памяти, я снова стою перед тобой тем беспомощным ребенком, которого ты так много защищал.

— Быть Может, ты теперь узнаешь и меня, — взяв меня за руку, сказал Зейхед-оглы.

Как только он коснулся меня, я увидел ряд домов на бедной улице, увидел идущего по ней мальчика лет восьми и бегущего ему навстречу карлика, дрожащего, в лохмотьях, искавшего спасения от преследователей. Я понял, вернее, почувствовал, что мальчик этот я сам. Я перенесся совершенно в прошлое. Я уже различал топот ног многих бегущих людей и понял, что карлик погибнет, если я его не спасу. Я схватят его за руку, втащил за собой в дверь дома, у которого стоял. Не успел я захлопнуть дверь дома, как топот ног пронесся мимо него.

Я увидел сени, увидел, как осторожно веду своего спутника вверх по лестнице, сажаю его, дрожащего, в угол маленькой комнаты и закрываю его целым рядом лошадок, колясок, игрушек...

— Теперь ты увидел одно из мгновений нашей прошлой жизни и знаешь, чем я тебе обязан. Прими же мою помощь как возврат моего долга. И. соединил наши руки, обнял нас всех троих и сказал: — Пойдемте все

вместе трудиться для братьев. В законе беспрекословного повиновения и непоколебимой верности и радости да соединит нас Любовь.

Мы вышли из зала, спустились вниз и прошли в комнату, которой я раньше не заметил. Здесь я снял ту одежду, которую на меня надели Никито и Зейхед, и переоделся в обычное платье, в каком ходили все в Общине. Мои друзья и И. также переоделись, и мы вышли из дома.

Внизу нас ждал слуга и передал И. письмо, сказав, что за островком нас ждет человек, принесший письмо.

Когда мы встретились с подателем письма, И., еще не вскрывая конверта, сказал человеку:

— Хорошо, передай Аннинову, что мы будем не сегодня, а завтра. Повернувшись ко мне, улыбаясь, он сказал мне:

— Вот видишь, Левушка, как хорошо все складывается. У Аннинова мигрень, он просит отложить музыку до завтра. Ведь ты не мог бы слушать ее сегодня?

— Не мог бы и даже забыл о ней. Если бы играл или пел Ананда, это было бы счастьем, — и я перенесся воспоминаниями в Константинополь, вновь переживая человеческий голос виолончели Ананды.

Состояние мое было необычайным. Я шел, видел людей, деревья, облака, солнце, слышал щебетанье птиц, но все казалось мне нереальным, я как-то не мог уместиться в форме внешней жизни. Я все еще где-то летал и почти ничего не слышал из того, что говорили. Какие-то слова долетали до моих ушей, но шли мимо моего внимания. Более или менее я пришел в себя уже тогда, когда мы сошли вниз и, перейдя дорогу, вошли в бамбуковую рощу.

— Приди в себя, Левушка, — сказал мне, ведущий меня под руку И. — Сейчас ты войдешь в парк и встретишь очень соскучившегося без тебя Бронского. В этот счастливейший для тебя день нельзя оставить друга без помощи. Светлое счастье, покрывшее тебя сегодня, пусть будет счастьем и радостью и ему. То, чего ты не видел в человеке вчера, ты увидишь в нем сегодня. Отдай ему часть Любви, которая была дана тебе сегодня так щедро. Важнее всего не личный твой путь во вселенной, а ты — путь Света во вселенной, для труда и встреч твоих Учителей. Перелей в страдающую душу Бронского часть своего мира. Затем тебя ждут Франциск и карлики.

Мы пройдем в больницу все вместе, возьми с собой и Бронского.

От слов И. легкое облачко сожаления как бы мелькнуло на миг в моей душе. Мне было слишком трудно переключиться с орбиты неба на землю. Но я тут же понял, как печальна была бы моя жизнь, если бы рядом со мною не шли люди, отдавшие мне помощь, которой не было ни предела, ни

отказа.

Точно какой-то руль мгновенно перевернулся во мне и я ощутил счастье жить на земле, радуясь, что могу быть полезным слугою кому-то.

— Я готов, дорогой И. — Но все же я остановился на минуту прежде, чем выйти из бамбуковых зарослей. — Я очень счастлив встретить Бронского в такой великий мой день и передать ему первому всю чистоту моего духа и моего нового знания в эту минуту. Да будет благословенна наша встреча, да начну ее и кончу в радости, милосердии и доброте.

Я постарался собрать все свое внимание и сосредоточиться на мысли о моем дорогом друге, печальном и страдающем.

Глава 5

Мое счастье нового знания и три встречи в нем

Мы сделали еще несколько шагов вперед вышли на дорожку. Я сразу же издали увидел высокую фигуру Бронского, медленно шедшего навстречу мне. Его голова была опущена вниз, и чем ближе я подвигался к нему, тем яснее видел, какая печаль отражалась на всей фигуре моего друга.

Жалость сжала мое переполненное любовью и счастьем сердце. Я почувствовал такой прилив любви к этому человеку, какого еще не испытывал ни разу, ни к одному чужому человеку.

Я понесся ему навстречу, раскрыл широко руки и заключил не ожидавшего встречи со мной Бронского в объятия. Только сейчас я невольно заметил, как я вырос физически. Я уже не был тем маленьким, щупленьким Левушкой, каким бежал с Флорентийцем из К. Обняв Бронского, человека высокого роста, я почувствовал свои плечи наравне с его плечами, и глаза мои приходились почти вровень с его глазами.

Мысль моя как-то скользнула, я немного удивился, когда это я успел так вырасти и расшириться, и радостно смеялся испугу Бронского, попавшего неожиданно-негаданно в мои объятия.

— Левушка, милый друг, — говорил он своим очаровательным голосом, — с какого неба Вы свалились? Я так счастлив, что встретил Вас сию минуту. Бог мой! Да ведь Вы и на самом деле имеете вид свалившегося с неба! Вы сияете, точно Вас святым духом пронизало! — О да, мой дорогой Станислав, — ответил я, счастливо смеясь, и в первый раз назвал моего друга без отчества, чего раньше не делал, несмотря на все его просьбы об этом. Но сегодня мой язык сам мог отражать только ту любовь, которой горело все мое существо. И я назвал его так, как говорило мое сердце. — Я действительно сейчас упал с неба. И еще минуту назад я не понимал, какое великое счастье — перенести небо на землю и пролить встретившемуся человеку всю впитанную сердцем его красоту. — Я люблю Вас, Станислав, в эту минуту той братской любовью, которая уже не нуждается в словах и объяснениях, чтобы разделить не только скорби друга, но чтобы и понести их вместе по трудной жизненной дороге.

— Левушка, Левушка, с Вами, несомненно, что-то случилось огромное, — прижимая к груди обе мои руки и глядя на меня своими прекрасными печальными глазами, тихо говорил Бронский. — Но, что бы с

Вами ни случилось, как бы Вы ни были сильны своим счастьем в эту минуту, — воздержитесь обещать разделить мои страдания. Я, собственно, уже несколько дней решаю трудный для себя вопрос: имею ли я право подходить к Вам близко, так близко, как мне этого хочется. Вся моя жизнь пронизана скорбью именно оттого, что, где бы я ни появился, кого бы я ни полюбил, с кем бы ни подружился, — всем всегда и неизменно я приношу в конце концов горе и скорбь. Сколько раз в моей жизни я захватывал своим искусством многих людей. Они добивались знакомства со мной, гордились близостью и дружбой, — и всегда финал бывал один и тот же: их постигало горе, и я оставался им утешителем. Приносил ли я им на самом деле утешение, — не знаю. Но дата их встречи со мною всегда, решительно всегда, бывала преддверием горя. Мое одиночество — это следствие моих наблюдений над моими связями с людьми. Я стал бояться каких бы то ни было сближений с людьми. Я, как вечный жид, стал странствовать по всему миру, нигде не создавая себе счастливых оазисов личных чувств, какого бы то ни было характера. Я погрузился только в искусство и отдал ему всю жизнь без остатка. Но люди и при этой моей манере жить не оставляют меня в покое. Они — хочу я этого или не хочу — подходят ко мне через то же искусство, которое я им несу. Любовь к искусству — единственное, для чего я жил и живу, служу в нем и служил всегда моему Богу и общему благу, — заставляет людей сближаться со мной, а меня принуждает принимать их как учеников и сотрудников. И неизменно картина всюду была и есть все та же: если я нес людям восторги и откровение в искусстве, я так же непременно приносил им горе в их личную жизнь.

Это до того стало меня подавлять, что я решил кончить свои расчеты с жизнью, уйти с земли в Вечность, в которую я свято верю. Я уже собрался выполнить мое решение, как встретился с тем великим человеком, письмо которого я привез Вашему не менее великому, как мне кажется, обаятельному другу И. Если бы не эта чудесная встреча, я бы никогда не встретил и Вас, Левушка. Теплом веет на меня от Вас. Молодость Ваша, Ваш исключительный талант, живая фантазия и умение проникнуть до самого дна переживаний артиста, интерес и дружба, которые Вы выказываете мне, — все тянет меня к Вам. И сейчас я шел и решал все тот же вопрос; не принесу ли я и Вам горе. Быть может, мне надо отойти от Вас, чтобы громы небесные не потрясли Вашей юной жизни?

— Дорогой Станислав, — весело засмеялся я, — уверяю Вас, что громы небесные не ждали момента моей встречи с Вами. Они уже поразили меня, как только было возможно. У меня много возражений Вам. Во-первых, где мы с Вами сейчас? Здесь не та открытая сцена жизни, где все полно

условных пониманий и предрассудков. Здесь для нас с Вами, как и для всех сюда пришедших, — святая святых, доступная каждому из нас так, как он сам способен в нее войти. Здесь живут вне предрассудков, вне условного быта и его требований внешнего. Здесь каждый творит свой «день» освобожденным настолько, насколько каждый совладал со своими страстями. Во-вторых, Вы судите о тех внешних впечатлениях, которые Вы вносили людям в их жизнь. Но те страдания, вестником которых Вы являлись им, не были только страданиями: они служили им лестницей для внутреннего совершенствования их духа. Если Вы перестанете судить свою жизнь и Ваших встречных однобоко, учитывая только один план земли, а свяжете и свое и всех встречных сознание еще и с планом живого, трудящегося неба, — Вы будете и сами жить в Вечном и оценивать события и факты жизни других только в двух планах, сливая их воедино как нечто цельное, что разделить невозможно. Рассматривая так Ваши встречи, Вы увидите в себе величайшую Мудрость, потому что пробуждаете в людях их возможность вступить в тот вечно движущийся поток, который и есть Вечное Движение. Сегодня я ощутил всем своим существом эту связь человека земли с любовью и заботами трудящегося неба. Я понял, что не в идеях и высоких словах я должен искать возможностей передать земле труд великих братьев живого неба. Но я должен во всем благородстве проникать в дух встречного человека. Не в теориях и обетах должна выражаться любовь моя к родине. И любовь к брату-человеку — это не фантазия и мечты, не созерцательная форма молитв и мантр, а действенная форма труда в самом простом дне. И. говорил мне все это, говорил, что нет серых дней, а есть то, что мы в нем творим сами, но я понимал это все головой, восхищался, пленялся, но... любовь моя молчала. Она всегда была пленительным маяком, пока была "любовью к дальним". Но стоило мне соприкоснуться с ближними, как любовь моя выливалась в раздражение. Сегодня, Станислав, все мое существо содрогалось в огне Любви, которую мне лили старшие милосердные братья, не спрашивая меня, что я им отдам взамен, но окружая меня сетью своей любви и защиты, чтобы я мог разделить их труд в моей чистоте. Точно мощный огонь, я чувствую в себе их силу.

И разговаривая сейчас с Вами, я счастлив, потому что чувствую, как отдаю Вам эту движущуюся силу их огня. То, что так заставляет Вас страдать при Вашей любви к людям, когда Вам хотелось бы нести каждому только радость, Ваш дар вталкивать людей в полосу страданий не должен Вас мучить. Перестаньте думать о себе, забудьте, что Вы входите вестником временного горя. Горе, как отсутствие бытового благополучия,

есть иллюзия. Вы помните только о том, что Вы сотрудник живого неба и вводите людей в очищающую струю скорбей. Люди просыпаются к внутренней жизни и получают возможность сбрасывать с себя нарастающие корки эгоизма, чтобы войти в путь Света. Вот все, что я могу Вам сказать. Конечно, И. скажет Вам много больше и введет Вас в новый круг понимания труда. Моя же встреча с Вами, — благословенный миг. Первому Вам я удостоился счастья и чести подать мой перл чистой радости, мою дивную жемчужину Любви, которую мне подарили мои великие друзья.

Я обнял еще раз Бронского и нежно гладил его прекрасные руки, которыми он закрыл лицо и по которым текли слезы. Мы стояли в этой позе, когда на плечо каждому из нас легла чья-то рука, и я увидел обнимавшего нас обоих Франциска.

— Я вас искал, мои дорогие друзья.

Бог мой! Ничего не было особенного в этих самых простых словах. Но лицо Франциска, его глаза, тон его голоса — все было таким потоком ласки и любви, что я понял, почему его называли святым среди народа, и его простые слова проникли мне в сердце, как слова другого человека: "Прийдите ко мне, и я утешу вас".

При звуке голоса Франциска Бронский опустил руки, взглянул на него и, очевидно, впервые понял, как и я, что такое Любовь в человеке. Он опустился на колени, принял к Франциску, взял обе его руки в свои и зарыдал.

Все мое сердце перевернулось от этих рыданий. Я тоже опустился на колени рядом с ним, обнял его, также принял к Франциску и молил живое небо, моих друзей Флорентийца и Али разделить тяжесть трудных страданий Бронского, помочь ему перейти в иную ступень понимания его земной жизни и труда в ней.

Рыдания Бронского говорили о невыносимой тяжести сердца, о попытке, которую он нес. Руки Франциска гладили страдальца по голове, он наклонился над Бронским и тихо, нежно улыбался ему. Я перестал видеть в стоявшей перед нами фигуре Франциска. Я видел сейчас одну любовь, которая светилась вокруг его головы и всей его человеческой формы, ширилась, разрасталась в светлое облако, окружая его кольцом.

— Мой дорогой брат, — все тем же голосом продолжал Франциск, — твои слезы сегодня — Рубикон твоей жизни. Был ты освободителем твоим встречным, разрывая их духовные оковы своим гением искусства. Ты скорбел и страдал, видя, как рушилось их мимолетное счастье. Теперь ты будешь понимать, что счастье, сгоревшее в них от огня спички, сменится в

них Светом несгорающего Огня. Ты будешь теперь для них силой возрождения и утешения. Ты поймешь, что великий путь ученичества равно велик перед Вечностью, несешь ли ты в своей чаше белые жемчужины радости или черные скорбей. Чаша радостного только кажется легче. На самом же деле людям одинаково трудно нести в достоинстве, равновесии и чести и радости и скорби.

Встаньте, братья мои, чтобы я мог каждому из вас отдать поклон Любви, в привет и встречу его новой жизни.

Франциск поднял нас с колен, и я снова поразился физической силе этих нежных рук и этой болезненной внешности. Франциск обнял Бронского, приблизил его вплотную к себе и что-то говорил ему на ухо, чего я не разбирал. Как преобразились лицо и фигура артиста, когда Франциск выпустил его из своих объятий! Лицо его сияло, фигура выпрямилась, стала мощной, глаза засверкали силой, весь он показался мне воплощением творческой энергии. Ни одной морщинки не было на его молодом сейчас лице, а ведь в момент нашей встречи оно все было изборозжено суровыми складками.

Франциск обратился ко мне и сказал:

— Левушка, твой брат Николай шлет тебе привет. Он дарит тебе свою записную книжку, что ты так свято ему сберегал до сих пор и куда ты с редкой честностью ни разу не заглянул, охраняя тайны брата. Ныне запись книжки брата для тебя не тайна, ты все поймешь, что там сказано. Прими и моей любви и радости дар. Возьми это скромное колечко и надень его на шейку твоего павлина. Вот тебе и цепочка.

Как я был рад подарку Франциска! Не только я, но и мой павлин, мой вековой враг, получал сегодня привет любви. Все слова благодарности не могли бы выразить силы радости, которая меня переполнила. Я бросился на шею Франциску, смеясь и плача одновременно и утопая в его беспредельной доброте.

— Левушка, ты задушишь Франциска, — услышал я за собой голос И. Я и не заметил, как и когда потерял И. и моих дорогих поручителей, когда полетел навстречу Бронскому. И теперь я даже не задумался, как и откуда они появились возле нас, — все происходившее сегодня казалось мне простым, ясным, легким.

И. повел нас в дальнюю часть сада, где я увидел оранжевую беседку очаровательной архитектуры, которой раньше не замечал. Здесь с нами простился Франциск и напомнил мне, чтобы я к вечеру пришел к нему побеседовать с карликами и привел бы обязательно Бронского.

Последнему было, очевидно, очень трудно расстаться с Франциском. Он

держал руку своего нового друга и не отрываясь глядел ему в глаза. Франциск засмеялся своим мелодичным смехом, высвободил свою руку, взял обе руки Бронского и вложил их в правую руку И. — Я только любовь, — сказал он. — А техника ее приложения, развитие Вашего артистического дара и умение, в полном такте и обязательном самообладании и обаянии, помочь людям — это Вы найдете у И. и Флорентийца. Все сейчас необходимые Вам знания Вы найдете у И. Моя и его Любовь помогут Вам войти в новую ступень жизни. Но умение применить все знания Вы можете найти только сами.

Франциск оставил нас и вскоре скрылся за беседкой. Но мы пробыли одни очень недолго. Не успел я еще раз прижать кольцо Франциска к губам и представить себе, как очаровательно будет гореть красная цепочка на белой шейке павлина, как И. сказал:

— Левушка, сюда идет Наталья Владимировна. Встреть ее так, как тебя только что встретил Франциск. Перелей в нее всю силу твоего милосердия, как тебе сегодня было пролито. Если сумеешь забыть о себе и, думая только о ней, прижать ее к сердцу, не видя в ней ничего, кроме ее Любви, ты сможешь ей подняться на ту высоту, где ей необходимо найти новую силу, чтобы окончить прежний и начать следующий труд. Не важно, что ты сам еще только неопит. Тебе не могут быть еще открыты пути сокровенного труда владык карм людей. Важно, чтобы ты отдал ей всю чистоту радости, которую она в данное сейчас может вобрать только через тебя. Не человек, как таковой, важен, когда несет весть. Важна сама весть и важна любовь, отдаваемая тем, кто несет весть. Помоги ей, забыв о себе, как сегодня помогали тебе, не помня ни о чем, кроме тебя.

И. умолк, взял под руку Бронского и вышел из беседки. За ними, ласково улыбнувшись мне, вышли и Никито с Зейхедом. Прошло очень немного времени, вероятно, минут десять-пятнадцать. Но что это были за минуты! Я не ощущал веса собственного тела. Полное счастье бытия, какая-то неведомая до сих пор сладость сердца сливалась со всем окружающим, точно и свет, и солнце, и камни, и цветы, — все звучало. Я ясно слышал, как звучала моя собственная нота в общей гармонии вселенной. Я составлял часть всего целого, не различая, где начиналось «Я» и где было "не Я".

Послышался легкий шорох, и я увидел подходившую к беседке Андрееву. По обыкновению, косынка из белых кружев была наброшена на сильно выющиеся волосы, но, далеко не по обыкновению, самой глубокой печалью были полны глаза. Это даже не были ее обычные электрические колеса, к которым я уже привык. Они точно потухли, и вся ее тяжеловатая

фигура казалась сегодня еще более грузной и поникшей. Шла она, точно ничего не видя и не замечая. Мне подумалось, что ее давит какая-то мысль, что она не в силах решить важный вопрос, который не дает ей покоя. Я вышел ей навстречу, но она все еще не видела меня, пока я не взял ее за руку, в которой она держала нераскрытый зонтик.

— Сестра Наталья, — сказал я с той радостью, которая наполняла меня всего сегодня. — Как я счастлив встретиться с Вами в эту минуту! Я не ощущаю никаких преград между мною и Вами. Я знаю, что терзает Вас, и я несу Вам помощь Али-старшего. Не смотрите, дорогая Наталья, на мои плохие качества. Я только тот муравей, что несет Вам весть Али.

Я внезапно почувствовал уже знакомое содрогание всего моего существа и услышал голос Али:

— Возьми сестру твою и введи ее в мою комнату. Там, на полке второй третьего шкафа, возьмешь ту книгу, что засветится для твоих глаз. Поддай ее сестре Наталье и помоги ей своей чистой гармонией и преданностью прочесть то, что ей необходимо.

Страшно обрадованный, я удивился, что Андреева все так же безрадостно стоит рядом со мной, точно ничего не слышит из сказанного мне Али. Я передал ей его приказание — она так вздрогнула, точно внезапно, проснулась. Я не дал ей опомниться, как-то сразу сообразил кратчайший путь к островку Али и повел туда мою милую сестру Наталью.

Мне было очень странно проходить новой тропой, которую видел сам впервые. Я столько времени жил уже в Общине, казалось, прекрасно знал весь парк, и вот иду так уверенно по местам, которые вижу впервые.

— Куда же ты ведешь меня, братишка? — Голос Андреевой был тот голос j2, мягкий и нежный, в котором было так много ласки и обаяния.

— Разве ты не видишь, дорогая сестра, что мы идем в комнату Али, на его островок. Вот, он уже виднеется, но я, правда, и сам подхожу к нему впервые с этой стороны, — ответил я со всей лаской, на которую было способно мое настежь открытое сердце.

— К какому островку? Ведь комната Али в белой скале, как я знаю, а об островке я ничего не слышала.

Мы вышли из густых зарослей деревьев и подошли к мостику, который начинался еще в самой гуще деревьев, весь был завит цветущими лианами и высокими травами и представлял из себя узенький, качающийся, висящий над водой проход. Вступив на этот хрупкий переход, с сомнением думая, втиснется ли в него плотная фигура моей милой спутницы, я оглянулся и... снова едва не превратился в Левушку «ловиворон». Вместо печального, сурового лица, погруженного в глубочайшее раздумье, я

увидел лицо юное, радостное, с целым потоком энергии, лившейся из глаз.

Глаза эти снова стали знакомыми мне электрическими колесами, а все лицо было не обычным лицом Андреевой, женщины средних лет, мне привычным, с грубыми, волевыми чертами и плотно сжатыми губами. Это было лицо какого-то незнакомого мне юноши, преображенного, что-то слышащего, чего не слышал, очевидно, я, что-то видящего, чего не видел я.

Тут я понял, о чем говорил мне И.: "Всякий видит и слышит только то, до чего он сам созрел. Рядом с человеком в звучащей всегда вселенной может проноситься волна звуков величайшего значения и она не прозвучит человеку, если в его сердце нет ответной гармоничной ноты, чтобы ухватить в себя гармонию эфирной волны. Несколько минут назад я слышал то, чего не могла ухватить Андреева. Теперь она что-то слышала, что было для нее несомненным фактом, чего не мог понимать я.

Исполненный чувства высокого благоговения к ее молчаливой вовне беседе, я нежно взял ее за руку и повел по узенькому мостику, идя спиной вперед. Раньше я не мог выносить не только ее прикосновения, но даже приближение ее чувствовал очень резко и понимал, что от него мог заболеть, как заболела очаровательная леди Бердран, которую все еще лечил И. Сегодня же рука моя держала ее руку спокойно и радостно, и — удивительное дело — я все не мог расстаться с впечатлением, что веду юношу.

Мы благополучно прошли качавшийся и прогибавшийся под нами мостик, очутились на островке и, как всегда, были встречены белым павлином и сторожем. Приветствуемые этими милыми обитателями островка, мы подошли к белому домику Али, который казался мне сегодня таким сверкающим, точно из всех его пор били золотые лучи.

"Стой, путник, остановись и подумай, зачем ты пришел сюда", — прочел я надпись, преградившую нам путь, как бы на белой натянутой ленте. Откуда взялась эта надпись, я не понял, но факт был налицо: она преграждала нам дорогу за несколько шагов от входа в домик.

"Я пришел сюда выполнить приказание Учителя и друга моего", — мысленно ответил я. Надпись не представляла собой никакого препятствия в смысле физического заграждения, которое было бы трудно сломать. Но ноги мои точно приросли к земле, и у меня было такое ощущение, что передо мной непроходимая стена.

Не успел я договорить мысленно последних слов, как надпись погасла. Мы сделали несколько шагов вперед, и путь нам преградила вторая надпись: "Беспрекословное повиновение, радость и бескорыстие могут пройти через мои ворота. Но одна чистота может помочь неوفиту вывести

обратно ту душу, что он взялся ввести в дом силы. Еще есть время, путник! Если в тебе есть страх, если боишься ответственности — вернись и не вводи порученного тебе в дом мой".

— Так приказал мне Учитель, я иду, — громко ответил я, крепче сжал руку Натальи и пошел прямо на горящие знаки надписи. Я думал, что коснусь их жгучего пламени, закрыл собою Наталью, но надпись погасла, и мы вошли в дом.

Поднявшись по лестнице, мы остановились у двери комнаты Али. Я поднял глаза вверх и радостно прочел надпись из белых огней над самой дверью: "Будь благословен, входящий. Знание растет не от твоих побед над другими, побед, тебя возвышающих. Но от мудрости, смирения и радости, которые ты добыл в себе так и тогда, когда этого никто не видал.

Выполняя долг любви к ближнему, подаешь мне любовь. И вводя брата в дом мой, мое дело на земле совершаешь".

Я опять посмотрел на Наталью и опять понял, что она ровно ничего, в смысле надписи, не видит. Лицо ее было кротко, ясно. Она терпеливо стояла, ожидая, пока я введу ее в комнату. Вся ее фигура составляла контраст с той нетерпеливой Натальей, главной отличительной чертой характера которой и было нетерпение.

Обычно она ни минуты не могла нигде и ничего ждать. Сейчас же это было олицетворение покоя.

Я открыл дверь комнаты, усадил Наталью за тот стол, где всегда занимался сам, и подал ей книгу, найдя ее там и так, как мне сказал Али.

Не только моему, но и никакому человеческому перу не описать радости и счастья, отразившихся на лице Натальи, когда я подал ей драгоценную книгу. Она немедленно раскрыла, ее и погрузилась в чтение, забыв обо всем. Я же в ее книге, к своему огромному разочарованию, увидел новый для меня шрифт и с трудом сообразил, что это был древнееврейский язык.

Преклонившись перед знаниями моей подруги и еще один раз улыбнувшись своему невежеству, я предоставил ей заниматься в тишине и отошел в глубину комнаты.

Никогда до сих пор я не проходил в эту часть комнаты. Каждый раз, войдя в дверь, я круто поворачивал налево и проходил к тому столу, за который меня усадил впервые Али руками дорогого И. Сегодня; стараясь охранить глубокую сосредоточенность Натальи, я прошел в правую половину комнаты и поразился ее огромным размерам. Весь верхний этаж домика занимала одна эта комната. Здесь, в правой ее половине, было тоже много книг, стоял еще один письменный стол, на котором в прекрасной

белой вазе стояли свежие цветы. Я подумал, что немой слуга приносит их сюда. Чистота комнаты, где всюду был белый мрамор, поражала. Точно все здесь только что вымыли и убрали пыль.

Я взглянул на книги в застекленных шкафах и снова удивился — такое, разнообразие языков смотрело на меня оттуда. В первый раз за все время моего отъезда из Петербурга меня потянуло писать. И мой писательский зуд был так силен, что я готов был тотчас же сесть за стол Али и начать писать дневник своей жизни за этот почти уже полный год жизни, промчавшийся точно вихрь.

Я уже двинулся было к столу, как мое внимание привлекла маленькая, едва заметная дверь с правой стороны, за шкафами книг. Сюрприз для меня был огромный. Я полагал, что верхний этаж весь заключался в одной этой большущей комнате, а теперь понял, что здесь была еще одна комната.

В моей памяти встало воспоминание о комнате Ананды в Константинополе, о том, как И. готовил "принцу и мудрецу" вторую, тайную комнату, вход в которую был закрыт для всех. Я подумал, что у Али здесь тоже была его святая святых, куда входил только он один и, быть может, его самые высокие друзья и ученики.

Благоговение перед святыней дорогого друга, которого я так недавно видел благословляющим меня у алтаря в домике И., переполнило меня. Я вспомнил всю встречу с Али-старшим. Его лицо и жесты. Его величие и неизменную, не имеющую слов для выражения ласковость, пронизывающую все его обращение к человеку даже тогда, когда слова его были строги и серьезны. Не было суровости в этом поразительном лице даже тогда, когда его прожигающие глаза читали, казалось, дно человеческого сердца.

Вспомнил я и пир, и предшествовавший ему разговор Али с Наль и Николаем.

Вспомнил и прогулку в парке Али, его беседу со мной, его проводы нас с Флорентийцем, когда он стоял подле коляски и последний подал мне руку, обнял и ласково притянул к себе.

Как много прошло времени с тех пор, как много встреч и людей мелькнуло в моей жизни, а это обаяние и взгляд стояли в моей памяти такими живыми, будто я только что вышел из рук Али.

И Ананда вспомнился мне, и сэр Уоми, так благодушно выносивший своего неумелого секретаря, и И., отдавший мне такой огромный кусок своей жизни, забот и внимания. Я точно читал, лист за листом, книгу моей жизни последних месяцев, снова ярко переживая все встречи. Али-молодой, дорогой капитан Джемс, Анна и Строганов, Жанна, ее дети,

милый князь, турки, Хава, Генри и, наконец, ужасные Браццано и Бонда...

И такая благодарность переполнила меня ко всем моим великим покровителям за их сверхъестественную доброту, с такой простотой мне данную! И жалость, сострадание к тем несчастным, которым я отдал поцелуй Любви, но помочь не смог, раскрыли мое сердце в горячей мольбе. Я невольно опустился на колени, прижался к двери и звал Али, чтобы через него донеслась моя любовь до несчастного Браццано, чтобы не только одной благой мыслью была моя молитва, но чтобы я мог найти действие и энергию перелить любовь в активный труд для счастья и спасения несчастных.

Я погрузился в мою молитву, я нес свою радость нового знания в чистоте сердца всем страдальцам, остающимся в зле только из-за своего невежества и грубых страстей. В моей молитве не было ни печали, ни раскола в сердце, как бывало раньше, когда я молился о несчастных, о страдающих. Я нес в своей молитве полное благословение всему существу. Моя уверенность и радость жить, зная Великую Жизнь в себе, не имели теперь тех трещин скорби, которые всегда раньше вливались в мои молитвы. Меня больше не тревожил вопрос, зачем так много страданий в мире, я понимал: "Все благо". Я ушел куда-то, слился, растворился в благоговейном призыве к Али...

Нежная рука легла мне на голову — возле меня стоял И. Он улыбался мне, молча поднял меня с колен и сказал:

— Ты угадал, мой друг. Там "святая святых" Али. Ввести тебя туда может только его рука. Я не сомневаюсь, что, встретив тебя здесь, он сделает это. Твоя молитвенная благодарность ему раскрыла тебе возможность войти туда. Но в эту минуту твоего счастья выполни до конца твою встречу с Натальей. Окончи ее в радости, как и начал, и будь счастлив данным тебе поручением.

Я пошел к Андреевой. Душа моя сияла, ни единой темной крупинки не жило во мне, весь я был полон такой мощью любви, что, казалось мне, чувствовал силу сдвинуть гору.

При моем приближении Андреева подняла на меня глаза и я прочел в них раздражение и какое-то нетерпение. Это вызвало у меня улыбку, я готов был взять на себя не только ее раздражение, но все, что бы она ни вылила на меня, лишь бы облегчить ей сейчас жизнь и приобщить ее к моей радости. Должно быть, моя любовь передалась ей. Под моим взглядом она утихла и рассмеялась:

— Ну, можно ли выговорить Вам то, что я только что хотела вам сказать? Простите меня, я прочла уже все то, что мне было нужно узнать из

этой книги, распалилась желанием поскорее бежать писать мой труд и не могла сообразить в этой сплошной белизне, где здесь дверь. Вы же ушли, оставив меня здесь одну, — вот меня и охватило нетерпение. Кроме того, от этого слепящего света, отраженного от белых стен, у меня сделалась сильнейшая головная боль. Я просто заболела, если Вы не выведете меня сейчас же отсюда.

Ее страдальческий вид не дал мне времени высказать ей, как я был поражен тем, что она говорила, и ее нездоровьем. Значит, она не видела, что я был все время здесь. В комнате царил чудесный свет. Было прохладно в сравнении с жарой вовне.

Но раздумывать было некогда, я взял книгу, спрятал ее в шкаф, подал руку бедняжке, которая бледнела и задыхалась, и вывел ее на островок, где ей стало сразу легче.

Я проводил ее через горбатый мостик в ту часть парка, где была расположена главная часть Общины, и только здесь болезненный вид Натальи стал радостнее и дышать она также стала ровнее.

— Как я жалею, что у меня нет с собой пилюли Али. Вам сразу стало бы очень легко и Ваша слабость сменилась бы бодростью.

— Я во время подрос. Будет очень неплохо, если вы, сестра Наталья, съедите одну из этих конфет, — сказал И., протягивая Андреевой коробочку с совсем маленькими белыми шариками. Андреева взяла маленький шарик, проглотила его и глубоко вздохнула.

— Что это делается с Вашим Левушкой, И.? Чем Вы его закаляете? Не прошло и трех месяцев, а он становится богатырем. Не говорю уж о сегодняшнем дне. Сегодня он положительно красавец.

— Да ведь и Вы, Наталья, бываете красавицей, — ответил я ей смеясь. — Но именно в эти моменты Вы себя не видите, как, к сожалению, и я еще не видел себя ни разу красавцем.

— Если бы вы были в силах победить свои нетерпение и раздражительность, моя дорогая, — взяв руку Андреевой и поглаживая ее, ласково говорил И. — Вы бы уже сегодня могли прочесть те слова в комнате Али, что там для Вас горели. Это именно о них говорил Вам Али в своем последнем письме к Вам. Вы их должны прочитать сами без помощи Левушки, и, только тогда сможете работать дальше с Али и вынести в мир то знание, которое настала пора отдать людям. Али поручил мне передать Вам, что тот участок вашей работы, где Вы застряли сейчас, не потому труден для Вас, что Вы чего-то не знаете, но потому, что он требует от Вас более высокой духовности. Переменить себя Вы не можете. Но вложить в свой труд всю свою доброту и любовь к человеку Вы можете. Думайте не о

труде для человека, а о любви к Али. Старайтесь так много радоваться своему счастью служить ему пером, чтобы мысль о подвиге не вплеталась в Ваше усердие. Понятие «подвиг» — понятие личного восприятия человека. У ученика же может быть только счастье простого дня, счастье служить Учителю, утопая в радости. Самое простое дело обычного дня — вот ученичество. Но не подвиг и не дела, которыми люди прославляются.

По мере того как говорил И., Андреева все больше успокаивалась. Ее возбуждение гасло, лицо смягчалось и глаза теряли огненный блеск.

— Вы дали мне сейчас новое ощущение мира, доктор И. Я пойду сейчас работать по-иному, чем раньше. Мне кажется, что я поняла все, что Вы мне сказали. — Поклонившись нам, она ушла к себе.

Когда мы остались одни, И. спросил меня:

— Чувствуешь ли ты в себе еще сейчас ту силу, Левушка, которую ты ощущал в комнате Али?

— О, да. Сегодня я понимаю, что количество любви может стать любым качеством, любой энергией. И что такое любовь-Сила, я теперь понимаю.

— Тогда пройдем к леди Бердран. Она уже оправилась настолько, что завтра я хочу ее выпустить из нашего корпуса снова в общение со всеми. И я хотел бы, чтобы ты в свой великий день счастья приветствовал ее выздоровление и передал ей часть своих чистейших вибраций, которыми пронизали тебя великие и милосердные труженики.

— Как я буду счастлив, И., дорогой, увидеть больную и передать ей часть своей радости, которая льется сегодня вокруг меня. Ваше присутствие поможет мне суметь найти язык и способ разделить мою радость с нею.

— Не думай о том, как пройдет встреча. Ощущай, что Али и Флорентиец рядом с тобой. И ты все сделаешь именно так, как это необходимо.

Мы вошли в наш дом и прошли прямо к леди Бердран, которую я не узнал в прелестной, свежей и юной женщине, напоминавшей в своем воздушном белом платье прекрасный цветок, вместо печальной, бледной красавицы, встреченной мною в первый день приезда в Общину.

В свою очередь, радостно поздоровавшись с И., леди Бердран ответила на мой поклон приветливо, но так, как кланяются человеку, которого видят в первый раз в жизни. Даже легкое разочарование мелькнуло на этом прелестном личике. Я рассмеялся, подумав, как мы ничего друг о друге не знаем, как женщина и не предполагала, откуда и с чем я к ней пришел, и огорчилась, увидя «чужого».

— Вы не узнали меня, леди Бердран, точно так же, как и я не узнал бы

Вас, если бы И. не предупредил меня, что ведет меня к Вам. Если раньше Вы были похожи на бледную изысканную орхидею, то теперь Вы, ни дать ни взять, тот задорный горный цветок, что растет в здешних горах. Как его ни стремишься согнуть — он все распрямляется.

— О, теперь я узнала Вас по Вашему смеху и Вашей манере говорить, — протягивая мне обе руки, ответила милая хозяйка комнаты. — Но как Вы изменились! Если я поразила Вас здоровым и даже задорным видом, то Вас я и сравнить не знаю с кем и с чем. Вы были мальчиком, а сейчас Вы можете быть моделью героя для Беаты.

Шутя ответив, что у меня для художницы уже готовы заказы на вещи, более достойные ее кисти, я пристально приглядывался к американке. И чем больше я в нее вглядывался, тем больше понимал, какой же силой любви должен был обладать И., чтобы другое существо могло так исцелиться, закалиться и переродиться в такое короткое время.

— Чем же Вы были заняты все это долгое время, леди Бердран? — спросил я хозяйку, когда мы уселись на балконе, где нас покинул И., сказав, что навестит Игоро и вернется вскоре к нам.

— У меня было так много самых разнообразных занятий, что я даже не знаю, с чего начать мое перечисление. Первые дни мне все хотелось лежать, голова была так слаба, что даже читать я не могла. Но Ваш друг и не подумал считаться с моей слабостью. И первое, что он мне приказал, был физический труд. Мне казалось, что я нуждаюсь в самом тщательном уходе и заботах, которыми меня окружала моя дорогая приятельница, Наталья Владимировна. А доктор И., с места в карьер, на третий день приказал сестре милосердия покинуть меня, уверяя, что мне достаточно прислуги, которая убирала мои комнаты. Я подчинилась не без удивления и не без внутреннего протеста, но чувствовать себя хуже не стала, оставаясь целыми часами без надзора. Еще через три дня мне, как я полагала, чрезвычайно серьезно больной, было приказано встать с постели и идти купаться. Еще более удивленная, выполнив все лекарственные процедуры, — не скажу, чтобы мне было весело отвешивать и отмеривать мельчайшие дозы порошков и капель, которыми был заставлен подле меня стол, — попробовала сойти вниз. К моей радости, ничего со мной не случилось. Так, в сопровождении моей горничной я дошла до озера, купалась, вернулась обратно и все лучше было мое самочувствие. Вечером неумолимый доктор И. приказал мне отпустить мою прислугу обратно на родину, так как климат этой части Индии ей вреден. Я была совершенно потрясена. Я привыкла думать, что благодетельствую всем своим слугам тем, что разрешаю им у себя служить. Я считала, что большое жалованье

моей горничной — это все, что ей надо.

И вдруг доктор И. говорит, что прислуга моя поехала за мной сюда только из любви ко мне, жалея меня. Что ей было очень тяжело расставаться со своей большой и дружной семьей и что девушка увядает здесь, так как все, начиная с климата и кончая духовными волнами Общины, ей вредно. Этого я никак не могла взять в толк.

Я возмутилась! Значит, доктор И. не обо мне думал, а о какой-то девушке из народа! Но... один взгляд его и вопрос: "Вы, собственно, зачем сюда ехали?" — меня потрясли и отрезвили. Не много слов сказал он мне еще, а вся моя жизнь показалась мне сплошным бездельем и жестоким эгоизмом. Мне ни разу и в голову не пришло спросить мою девушку, где и какая ее семья, или представить себе возможность ее болезни, радостей или страданий по каким-либо поводам. Классовое различие казалось мне самой законной и непреодолимой стеной... Не буду Вам рассказывать подробно всей, довольно нудной, моей внутренней метаморфозы.

Словом, я сама не ожидала, сколько мусора сидело во мне. И каким тяжелым трудом и испытанием казалось мне, например, самой убирать комнаты. Не говорю уже о трагедии, когда пришлось вымыть и выгладить свое белье и платье. Теперь, когда весь мой быт уже стал привычным началом дня, я не замечаю физического труда. Я, радуясь, делаю все эти простые мелкие дела и именно среди них особенно сосредоточенно благословляю мою жизнь, мое счастье встречи с Натальей Владимировной, потому что через нее я встретила доктора И. Когда мы ехали сюда, Андреева спрашивала разрешения у кого-то, кого она звала Учителем Али. Она была страшно рада, когда получила, с большим трудом, разрешение взять меня с собой.

Не знаете ли Вы, Левушка, кто это Али? — закончила она свой рассказ-исповедь.

— Я знаю Али, но все, что о нем знаю, могу высказать в немногих словах, потому что знание мое очень ограничено. Али — это такое необычайное количество совершенно освобожденной от предрассудков любви в человеке, которое стало почти беспредельной силой. Но так как ни начала, ни конца его силы я рассмотреть не могу, то мне она кажется сверхъестественной и сияет для моего малого духа как явление божественное. Что же касается деятельности Али, то она так же неутомима, разнообразна и непостижима для меня, как деятельность И. В каждой из этих жизней нет ни мгновения в пустоте.

— Меня сейчас приводит в ужас, — снова сказала леди Бердран, — какую массу времени я растратила попусту. Вся моя жизнь, до встречи с

Наташей, была одним сплошным исканием удовольствий и развлечений. Только теперь я начинаю понимать, что в жизни есть не только радости, купленные за деньги. И все же видеть человека в том, кто перед тобой, меня научил в самое последнее время И. Левушка, я должна у Вас просить прощения. Я смеялась над Вами, над Вашим тщедушием и над Вашими шило-глазами. Сейчас, смотря на Вас, я вспоминаю сказку о гадком утенке.

Вы и вправду стали лебедем, а я не двинулась с места и, кажется, могу остаться Золушкой навсегда. Прощаете ли Вы мне мои глупые насмешки? Я ни минуты не могу больше жить с этим грузом на сердце.

— Я очень счастлив, дорогая леди Бердран, что Ваши невинные насмешки позволили нам сломать гору условностей и приблизиться так друг к другу, чтобы рассмотреть человеческие качества в себе и собеседнике. Сегодня я принес Вам в себе так много счастья, так много чистой любви, что в сердце Вашем не должно остаться ни крупинки уязвленности. Я очень мало еще знаю и мало видел в своей жизни. Каждый человек, становясь на путь знаний, начинает прежде всего понимать, что он ничего не знает. Сегодня я особенно ясно это знаю, особенно ясно ощущаю, как я еще абсолютно ничего не знаю. И мне, как и Вам, кажется, что огромная часть жизни уже прошла в суете и пустоте, хотя я только и делал, казалось, что учился.

Сегодня я понял две великие вещи для земной жизни человека: первое, что жизнь — это и есть простой серый день и труд в нем, второе — что встречи в дне только тогда и будут настоящими встречами, когда видишь в человеке не его личные качества, и его Свет и Мир. Я учусь теперь видеть только Свет и Мир в человеке и им нести свою любовь.

— Как просто Вы все это мне сказали, Левушка. Я не могу понять, как это я сама не нашла до сих пор выражения своим мыслям. Вокруг всего этого вертелись мои новые мысли, слов для которых я не находила. Будем же друзьями, Левушка, — вставая и подходя ко мне, сказала американка. — Сегодня я вижу Вас как-то по-особенному. Вы кажетесь мне таким сильным, уверенным, большим. Точно Вы знаете что-то новое, удивительное, что дает Вам спокойствие и уверенность. У меня же нет ни в чем уверенности. Пока я вижу И., я живу каким-то благим порывом. Как только я остаюсь одна, моя уверенность улетает, я опять не знаю, как мне быть, что в жизни важно и куда стремиться.

— Я хотел бы перелить в Вас ту уверенность, которую чувствую в себе сейчас. Но никто и никогда еще не смог жить чужим опытом. Если Вы увидели в И. мудрость и энергию, пленившие Вас, если Али дал Вам разрешение приехать сюда, — верьте, что именно здесь Вы найдете

решение всем своим вопросам и здесь совершится нечто великое в Вашей жизни, чего, быть может, не увидит никто другой, но что осветит и изменит всю Вашу жизнь.

Лицо американки побледнело и стало так печально, что снова напомнило мне ту леди Бердран, которую я встретил в первый день.

— Если бы Вы знали, Левушка, какой тяжелой раны Вы сейчас коснулись. Блестящая, богатая, независимая моя внешняя жизнь была сущим адом. Ни одному живому существу я не принесла счастья. Наоборот, все, кто подходил ко мне близко, все становились несчастными. Вы сказали, что здесь я могу найти решение моим недоуменным вопросам. Но кто может объяснить мне, что за проклятие тяготеет надо мной? Этого ведь никто знать не может?

— Я думаю, что есть много людей, которые могут знать и это, леди Бердран. Месяц назад Вам казался невозможным физический труд. Сейчас Вам кажется невероятной духовная прозорливость человека. Как можно знать, что составит Ваше знание через семь лет? Я повторяю свой вопрос Вам: признаете ли Вы такими высокими мудрость и знания И., чтобы доверить ему свою жизнь и желать двигаться к совершенству и развитию под его руководством?

— О, конечно, я преклоняюсь перед И. Но... я в его присутствии точно вся скована. Я ни за что не могла бы говорить с ним так легко и просто, как говорю с Вами. Меня не раз удивляло, как смело Вы держите себя с ним, точно на равной ноге. У меня такое чувство, будто в его присутствии я прячусь в скорлупу.

— Не знаю, не могу вам сказать, как это случилось, что я точно прирос к И. Я встретил его в очень печальный час моей жизни, вероятно, мое детское и одинокое сердце, сердце того "гадкого утенка", над которым Вы потешались, сразу почувствовало безграничную любовь И., его милосердие и заботы, которые спасли мне жизнь, в буквальном смысле слова, не один раз за время нашего сравнительно недавнего знакомства. В голове моей была такая каша, я не только ни в чем не был уверен, я даже ни в чем не мог разобраться — ни в самом себе, ни в окружающих людях и событиях. Правда, я не замечал, чтобы я приносил людям постоянно страдания и неудачи. Но вопрос, зачем в мире так много должен страдать человек, вопрос этот давил меня так тяжело, что я готов был отрицать смысл жизни. И. своей мудростью и любовью вывел меня из тупика. Его собственная трудовая жизнь, ежедневным свидетелем которой я был, которую вижу таковой же и здесь, жизнь, полная мира и помощи людям, научила меня, где нужно искать сил, чтобы встать на путь любви и сделать хотя бы первый

шаг по этому пути. Этот первый шаг — самообладание. Лично мне он был очень труден, много-много труднее, чем Вам. И шел я к нему совсем иным способом, чем Вы. Вы своим беспрекословным повиновением, когда Вы делали вещи, по Вашим пониманиям, чудовищные, но делали их только потому, что "так приказал доктор И", — Вы нашли то самообладание, которое уже ввело Вас в первый, самый трудный шаг пути, о котором я говорю. Я совершенно уверен, что ваше стеснение перед И. пройдет так же незаметно, как Вы не заметили своего первого шага. Стеснительность ваша не что иное, как гордость и самолюбие. Как только в Вас разовьется не само-, а человеколюбие. Вы сделаете второй шаг, то есть попросите И. помочь Вам получить знания. Если истинно их ищете — отбросьте всю мелочь условных традиций, в которых выросли, и начинайте новое рождение.

— Левушка, у меня не хватит смелости просить И. Не можете ли Вы попросить его заняться мною?

— Нет, леди Бердран, есть такие жизненные дела, которые люди могут только сами делать для себя. Решить идти в ту или другую сторону вслепую нельзя. В своей жизненной дороге, как и в вопросах духовных, только сам человек может избрать себе способ и манеру достигать совершенства. Один человек, как и все слагаемые его жизни, никак не похож на другого. Сколько бы я ни просил о Вас и за Вас, это ничему не поможет. Я могу только Вам, лично Вам принести все свое самоотвержение и любовь. Я могу силой моей верности Учителю помочь Вам сбросить разъедающий предрассудок разъединения. Могу пытаться вдохнуть в Вас героическое напряжение, чтобы серость и ординарность быта не засосала Вас. Но подняться к той героике чувств и мыслей, где может расшириться Ваше сознание, очиститься и освободиться Ваша любовь, где Вы можете найти бесстрашие, чтобы обратиться с призывом к И., - это можете сделать только Вы сами.

— Господи, как я хотела бы найти в себе эти силы! Сейчас, когда мне предстоит перейти снова в мою комнату, мне так жаль расставаться с этим домом. Хотя я и не так часто видела И., и совсем не видела Вас, — но я знала, что и он, и Вы здесь живете рядом. Сейчас я точно приобрела в Вас брата, очень мне близкого и дорогого. И мне нестерпимо грустно расставаться с Вами.

— Зачем же расставаться с Левушкой, леди Бердран? — раздался голос вошедшего к нам на балкон И., которого мы, увлеченные нашей беседой и не заметили. Если Левушка стал Вам близок и дорог, хотите, я дам ему поручение обучить Вас санскритскому языку? — И. смеялся, глядя на меня

и выбрасывая из глаз целые снопы юмора.

— О, доктор И., Вам Наталья, наверное, сказала о моей неспособности к языкам.

Если бы у Левушки были сверхъестественные способности к преподаванию языков, то и тогда он не нашел бы способов обучить меня санскриту. Да и терпения у него не хватило бы.

— Конечно, если Вы думаете, что Ваша лень будет равняться его терпению, то из Ваших занятий выйти ничего не может. Но если Вы поймете, что Вам надо кое-что прочесть на этом языке, ну, например, почему Вы являетесь людям вестницей неудач, а понять это Вы сможете только тогда, когда прочтете один свиток на санскритском языке — только на санскритском и ни на каком другом, потому что так идет течение Вашей кармы, — в этом случае Вы, наверное, ухватитесь за такого учителя, как Левушка, и постараетесь всеми силами облегчить ему его урок терпения и выдержки.

Я поглядел на И. и не понял даже, в какой момент исчезли юмористические искорки из его глаз и когда он перешел с шутки на полный серьез. Голос его звучал уже знакомыми мне повелительными металлическими нотами.

Я встал, поклонился И. и радостно сказал: — Я счастлив принять это поручение именно сегодня. Я приложу все усердие моей любви, чтобы леди Бердран смогла поскорее прочесть свой свиток.

По мне пронеслось не то уже мне привычное содрогание всего существа, которое давало мне понять, что я сейчас услышу или увижу что-то из мира сверхсознательных сил. У меня явилось новое, простое ощущение, как будто у меня между горлом и грудью раскрылся какой-то вращающийся аппарат, подающий мне силы видеть и слышать внутренним зрением и слухом.

Я увидел Али, увидел в его руке старинный свиток и услышал его слова: "Если жертву любви не совершит тот, кому она предназначалась владыками карм, она все же должна совершиться. Прими ее в этом случае на себя. Начни и кончи поручение в той чистоте, в какой стоишь сейчас".

Мною овладело никогда еще не испытанное чувство полного равновесия, устойчивого спокойствия и полной простоты по отношению к малознакомому мне человеку. Я подошел к леди Бердран.

— Не думайте, что я сам уже хорошо знаю санскрит. Но, уча Вас, я буду продолжать учиться сам. Как только И. разрешит, я приду к Вам и принесу книги. Как бы трудно ни давался Вам язык, это будет легче, чем нести тяжесть непонимания изо дня в день. Если Вам открыто, где искать

объяснения Вашей печали, по всей вероятности, Вам будет указан и путь, как выйти из круга ее или как нести ее дальше без огорчения.

Мы простились с американкой и сошли вниз. Гонг призывал к трапезе.

— Пройдем в оливковую рощу. Сегодня тебе, Левушка, было бы трудно в многочисленном обществе. Никито и Зейхед ждут нас в тенистой беседке возле грота, где мы будем обедать только вчетвером. Этот день, день твоего великого счастья, становится и днем твоих великих отдач. Сегодня ты закончил только первую и наиболее легкую часть твоих старинных карм. Но после обеда ты возьмешь своего птенчика, который успел уже проголодаться и соскучиться без тебя, и мы вместе с твоими поручителями пойдем к Франциску, чтобы ты мог начать погашать самую тяжелую часть кармы с твоим злейшим врагом. Я знаю, что все время тебе хочется спросить меня, что такое "владыки карм", о которых ты еще ничего не знаешь. Я расскажу тебе о них и частью ты узнаешь кое-что из записной книжки твоего брата. В эту же минуту отдыхай, друг, среди той любви, что тебя окружает так щедро со всех сторон.

Не успел И. договорить последних слов, как мои дорогие поручители показались на дорожке, встречая нас. Войдя в прелестную беседку, где было много прекрасных цветов, увидел небольшой стол с четырьмя скромными приборами на белой скатерти и четыре табуретки из простого пальмового дерева. У каждого прибора стояла уже готовая холодная еда и много фруктов.

Какая разница была в моих ощущениях сейчас и раньше?

Если бы Андреева только прикоснулась ко мне раньше, я лежал бы больным. Теперь же мои силы точно все возрастали, чем больше я отдавал моей любви. И мне казалось, что я становлюсь все сильнее. Я и голода не ощущал, а ел только потому, что И. приказывал мне быть хозяином в беседке и подавать пример своим дорогим гостям.

Никито несколько раз напоминал мне некоторые эпизоды из моей детской далекой жизни. Я их ясно представлял и все четче отдавал себе отчет, как бесконечно многим я обязан брату Николаю и как я мало знал и видел истинного брата Николая в той человеческой форме, которую так любил.

Мне представлялось, что брат Николай знает о моем счастье сейчас. И у меня не было горечи, что его нет со мной. У меня было одно желание: передать ему сегодня мой привет любви, привет благодарности брата-сына за все то, что для меня сделал брат-отец.

— Передай врагу своему и его семье полное прощение сегодня и ты сослужишь брату своему и его будущей семье великую, вековую службу, —

сказал мне И. — Неужели же все в жизни людей так цепко связано, И.? — спросил я.

— О, да. Ты только еще вступаешь на тот путь, где начинают понимать высшие законы, и они-то и есть единственные законы движения вселенной: закономерность и целесообразность — о них запомни.

Наш легкий обед кончился быстро, и мы направились в мою комнату к моему дорогому птенчику, который тоже — по терминологии леди Бердран — начинал превращаться из гадкого утенка в прекрасную, царственную птицу.

Глава 6

Франциск и карлики. Мое новое отношение к вещам и людям. Записная книжка моего брата Николая

Не успел я войти в свою комнату, как очутился в буквальном смысле слова в объятиях моего птенца. Сегодня я и в нем окончательно увидел не птенца, а молодую, сильную птицу, обещавшую сделаться неоспоримой красавицей. В первый раз за время своей жизни со мною мой белый друг не нуждался в моей помощи, чтобы вспрыгнуть ко мне на плечо. Раскрыв крылья, он охватил ими мою голову и терся своей головкой о мою щеку. Я даже ошалел от неожиданности такого бурного приветствия и представлял из себя довольно нелепую фигуру, когда голова моя исчезла в павлиньих перьях и слышен был только мой смех да смех моих друзей, потешавшихся над Левушкой с павлином вместо головы.

Успокоившись, мой павлин по приказанию И. учился отдавать поклон каждому из моих гостей, за что получал сладкий хлеб, которого он был большим любителем. Наконец, вдоволь накормленный и напоенный, он снова взобрался мне на плечо, и мы вышли по направлению к лесу.

Через долину, еще жаркую, я перенес птицу на плечо; но вес ее был уже солиден, и в лесу я спустил ее на землю. Павлин бежал рядом со мной, что теперь для него уже не составляло никакого труда. Но сегодня я подмечал в нем что-то новое, чего раньше не видел в моем воспитаннике. Мне казалось, что в павлине появилось нечто духовное, какой-то трепещущий свет точно шел от его головки и тех мест, где начинались его крылья. Да и в глазах его, мне чудилось, пробилося новое, осмысленное, почти человеческое выражение.

— Какое же имя ты дашь своему воспитаннику? Уже пора, чтобы он привыкал слышать свое имя.

— Мне и самому хочется окрестить его каким-либо красивым именем, Зейхед. Да уж очень я плохой выдумщик и не знаю, как его назвать.

— Ну, Левушка, тебе ли задумываться над именем для павлина? Назови его Вечный.

Вот он и будет напоминать тебе о вечной памяти и связи с тем врагом, которого ты теперь так рад простить и утешить.

— Знаете, И., Вечный — это не особенно красиво звучит. Я лучше назову его Эта, что по-итальянски значит «век». Мой же красавец Эта легко

запомнит свое короткое имя. Я же, выговаривая его, буду вспоминать, как еще много мне работы над моим самообладанием, без которого я, вероятно, и жил в тот век, когда вызвал ненависть своего бывшего врага, теперешнего Эта.

Мы подходили к больничной части Общины и увидели шедшего нам навстречу Франциска. Тут только я вспомнил, что должен был привести с собой Бронского. Я остановился в полном смятении, даже дыхание мое стало тяжелым, так поразило меня, что я мог забыть сходить за моим страдающим другом, утонув в море собственного эгоистического блаженства.

— И., мой дорогой наставник, в такой великий день я проштрафился, — остановившись, беспокойно сказал я. — Я забыл сходить за Бронским. Я сию же минуту побегу за ним. Как это я так рассеялся, даже понять не могу.

— Не волнуйся, друг, — ласково сказал Зейхед. — Я ведь твой поручитель, разделяющий с тобой все заботы о печальных. А Никито несет с тобой все заботы о радостных. Я не только позаботился, чтобы пришел Бронский, но чтобы он привел и Наталью, на что получил разрешение И. Через несколько минут их обоих приведет сюда Алдаз, которая сегодня у Кастанды, и он передаст ей это распоряжение.

— Я очень тронут твоей заботливостью и помощью, Зейхед. Но да будет мне это уроком, как обо всем надо помнить, все держать в памяти, хотя бы небо сияло в душе. Я буду стараться, чтобы оно сияло, но не закрывало от меня землю, а лилось на нее моим трудом.

Франциск подошел ко мне вплотную и заглянул мне в глаза, улыбаясь так приветливо, как мог бы улыбаться только ребенок или святой.

— Это не эгоизм, друг. Это неопытность. Слишком трудно нести большое счастье и не поддаться соблазну созерцания. Если бы ты знал, как ценно твое желание, чтобы сияющее небо лилось на землю в твоем труде! Одно оно раскрыло тебе сегодня же возможность подать помощь спасения семье твоего врага. Пойдем, карлики сегодня оба беспокойны. Их тревожит инстинкт встречи с твоим павлином. Возьми его на руки, я не уверен, что и он не станет беспокоиться.

Я взял Эта на руки, мы уже готовы были двинуться дальше, как сзади нас послышались торопливые шаги, и из густых зарослей лиан боковой дорожки вышли Алдаз, Бронский и Наталья.

Молоденькая Алдаз легко и быстро шла впереди. Бронскому ничего не стоило поспевать за нею, но бедная плотная и грузная Наталья еле двигалась за ними обоими. По ее лицу катался струями пот, но оно было сейчас спокойно, даже смирение лежало печатью на этом лице, столь

сейчас незнакомом мне. Бунтующей и протестующей Натальи нельзя было себе и представить в этом существе.

Франциск подошел к ней, держа меня под руку, и, точно обливая ее своею любовью, сказал ей:

— Я хотел, чтобы Вы были сегодня, дорогая сестра. Не представление или занятные фокусы Вы увидите, но один из величайших актов самоотвержения и любви тех, кто Вас сюда послал. Вы сегодня наглядно поймете, что такое в действии труда на земле то самообладание, к которому Вас так настойчиво зовет Али. Вы поймете, что его достичь волей невозможно. Оно рождается из ощущения, в себе блаженства и счастья жить. Четыре элемента составляют круг этого счастья жить: первое, что ощущает человек, — это блаженство любви. Любовь живая в человеке — это не его личное качество, не его добродетель. Это такая освобожденность сердца и мысли от всех тисков страстей, что ничто в самом человеке уже не мешает ему войти в ощущение блаженной любви. И в этом внутреннем состоянии света в себе уже нет предрассудка, как и каким способом Вы служите помощью людям; не важно, несете ли Вы им весть радости или скорби, — важно, что Вы несете им весть раскрепощения, того раскрепощения, которое расчищает человеку путь к блаженству любви. Второе, что вводит Вас в осознание себя единицей труда вечного, — это блаженство мира сердца. Раскрепощенное сознание дает человеку возможность увидеть весь великий труд жизни. Увидеть не убогий человеческий закон справедливости, но вечные законы целесообразности и закономерности. Увидав их, человек видит и понимает и свое собственное место во вселенной труда для блага и радости всех и ощущает блаженство мира сердца. Третье, что раскрывает сознание светлого труженика земли, есть радость гармонии всего в движении общей жизни. Раскрепощенные глаза, с которых упали плотные покровы телесной любви, дают возможность увидеть, что нет ни зла, ни добра — есть временное закрепощение в том или другом. И оба эти понятия могут стать предрассудками, и оба могут одинаково держать цепкими крюками дух человека. Освобожденный чувствует блаженство радости как простую доброту, которую несет в каждую встречу, ибо это не его качество, а только живое движение его внутреннего блаженства радости. Четвертое блаженство, закрывающее двери всему личному и завершающее круг блаженств, в котором живет освобожденная душа, — блаженство бесстрашия. Нет высшего счастья для человека земли, как достичь такого раскрепощения и такого раскрытия Любви в себе, чтобы она слилась в круг Гармонии этих четырех блаженств. Все величие духа, до которого может

дойти человек земли, заключается в этом кольце самообладания, которое люди зовут гармонией. На самом же деле это только начало гармонии, ее первые составные части. Это только свойство, вводящее в преддверие храма, где стоят существа, не имеющие предрассудков добра и зла, и где можно постичь, что такое свет в себе и как его нести в путь встречным. Каждый из освобожденных хотя бы в малой степени людей приближается к труду вечному. Он понимает, что нет «дня» как такового его жизни. А есть только "день дежурства" человека на земле. Дежурства не подвига, а простого счастья вносить действенную энергию доброты во все дела и встречи.

Человек, закованный в тяжелейшую броню "добра и долга", точно так же не может двигаться к совершенству, как и отягощенный предрассудком зла. Только тот может войти в кольцо дежурящих учеников, кто забыл о себе хотя бы до такой малости, что перестал обижаться, кого-то и за что-то наказывать, кому-то угрожать или сам чего-то страшиться, с кем-то объясняться, оправдываться и ссориться. Шаткие, бесхребетные, ни в чем не уверенные люди напрасно ищут что-то читать или о чем-то философствовать, полагая, что в этом и состоит весь их труд и «искания» высокой человеческой жизни. Не говорю уже о тех, кто видит всюду только куплю-продажу. В эту минуту, здесь, не только тем, кто будет действовать, но и каждому, кто призван видеть, как действует любовь, раскрепощенная от первейших заноз страстей, надо сосредоточиться на тех четырех блаженствах, о которых я сказал. Пойдемте же, вы увидите, как совершится акт величайшего милосердия: развязка старинной злой кармы.

Франциск двинулся, взяв под руку Наталью и продолжая держать другой рукой меня.

Все пошли вслед за нами по небольшому отрезку дорожки, еще отделявшей нас от поляны больницы.

— Если указана и раскрыта человеку его карма с каким-либо человеком, близким или далеким, тут-то и надо приложить все усилия, всю любовь и усердие, чтобы выполнить небольшое количество радостного труда для развязки указанной кармы, хотя бы по слепоте своей человек очень мало думал о том, другом, с которым ему указана карма как самое важное и главное дело жизни, — продолжал Франциск, замедляя шаги. — Если человеку была указана деятельность подле его бывшего врага, а он упустил этот случай по той или иной своей легкомысленности и бывший враг умер без него, — не надо стонать и плакать или искать себе оправдания в том, что его собственное пребывание в другом месте в это время было необходимо и нужнее, полезнее. Так человеку кажется, ибо не знает. Если

же так с ним случилось, надо понять и узнать, что никакие сетования, мольбы и оправдания не помогут. Он остановился, а кольцо кармы, которое в неусыпных трудах передвигали владыки освобождающих карм, ушло в своем движении дальше. Никто не властен повернуть вспять речное течение, не только движение Вечной Жизни. Упустившему свое кольцо раскрепощения есть единственный путь: выработать в остающиеся дни жизни полную верность и вырваться из кольца собственных предрассудков. Не ждать, говоря себе: "Во мне еще не все готово", — ибо эта эгоистическая сосредоточенность не может привести к сознанию величия Милосердия. Только забыв о себе, может быть человек готов к труду, разделяемому Учителем. В полной радости, в благоговении входите к двум несчастным сейчас и храните блаженство мира в сердцах, — закончил Франциск свою речь, вводя нас в уже знакомую мне комнату, где раньше лежал Макса.

При нашем появлении оба карлика играли какими-то квадратиками, из которых они складывали домики. Увидев вошедших первыми Франциска и Алдаз, которых они хорошо знали и любили, карлики не выразили беспокойства. Даже наоборот, глазки их заблестели удовольствием. Но когда вошел И., за ним я с павлином, они вскочили на ноги, дико что-то замычали нечленораздельное, замахали руками и так напугали мою бедную птичку, что я едва удерживал Эту, стараясь всеми силами передать ему мое спокойствие. Но Эта дрожал и пытался убежать из комнаты. И. положил ему руку на спинку, чем сразу его успокоил.

Что же касается карликов, то, не найдя, куда бы им спрятаться от посетителей, они впились во Франциска, стараясь укрыться в складках его одежды. Оттуда они выглядывали, очевидно, чувствуя себя под верной защитой, и наблюдали за каждой из вошедших фигур очень пристально и внимательно: один глаз у них выражал испуг, а другой любопытство.

Это было необыкновенно потешно! Несмотря на явный страх и подозрительность, оба маленьких человечка собирали все свое внимание, чтобы не упустить из орбиты своих наблюдений ни одного из нас, которых они всем своим поведением объявили своими врагами.

И. подошел к Франциску, гладившему страшные головы прильнувших к нему уродов с такой любовью, как будто бы это были чудесные цветы, и раскрыл складки его одежды, в которых прятались карлики. Злой карлик, так ужасно сражавшийся в день своего раскрепощения и потом горько рыдавший на груди И., теперь доверчиво потянулся к нему. И. взял его на руки, он окончательно успокоился и стал быстро говорить ему что-то, указывая на моего Эту, которого я все держал на руках и который далеко не

был спокоен.

И., поглаживая кудлатую, безобразную голову карлика, все ближе подвигался ко мне. Зейхед, которого Эта очень любил и помнил как своего первого хозяина, подошел ко мне вплотную и, ласково глядя на мою птичку, протянул Эта кусочек красного сукна.

Какой-то неприятный запах исходил от этого лоскута, не особенно чистого и, видимо, бывавшего много раз под всеми невзгодами бурь и солнца. Эта смотрел очень внимательно на этот обрывок, жалкий и смрадный, я же узнал в нем кусок сумки злого карлика, в которой он держал свои ядовитые черные шарики, и отдал их и сумку только в тот момент, когда огонь охватил почти всю сетку, в которой он запутался, и ему угрожала смерть.

Я оглянулся на карлика, сидевшего на руках у И., потому что он стал громко кричать, тянуться к узанной сумке. Он, очевидно, умолял И. вернуть ему этот грязный обрывок, продолжая дорожить им до сих пор.

И. попросил Зейхеда отдать карлику остатки его имущества. Тот схватил лоскут руками, но Эта, чуть не вырвавшись из моих рук, в свою очередь издав пронзительный крик, с неожиданной силой выхватил из ручонки карлика его ветошь.

Вероятно, рука зрелого и сильного зверька-карлика была сильнее клюва не вполне еще выросшей птички. Но удар его клюва был так неожидан для карлика, с одной стороны, и бешенство придало Эта столько силы, с другой стороны, что победа осталась за ним.

Эта, как только овладел сукном, совершенно успокоился и подал свой приз Зейхеду.

Приняв величаво-гордую позу, он снова спокойно уселся на моих руках, точно никогда и не двигался.

Не меня одного, но и Бронского вся эта мимолетная сценка так поразила, что оба мы превратились в "лови ворон". Но из нашей рассеянности нас вывел злой карлик, злоба которого и кривлянья невозможно описать. Франциск с добрым карликом на руках подошел к нему и поднял перед его глазами свою руку. Злой карлик перестал пронзительно завывать и извиваться ужом, но выл тихо, напоминая раненого пса.

Добрый карлик улыбался во весь рот и протягивал ручонки к Эта. Несмотря на эти явные признаки дружелюбия карлика, я уже не доверял Эта и хотел отойти подальше во избежание какой-либо новой выходки птицы. Не успела моя мысль созреть, как я ощутил крепкое рукопожатие с правой стороны и увидел подошедшего ко мне вплотную Никито.

Он протянул карлику руку, взял его ручонку в свою и поднес ее к голове Эта. Тот, рассматривая очень внимательно и совершенно спокойно карлика, соблаговолил позволить маленькой ручонке погладить свою шею и спину. Карлик, прикоснувшись к птице, казалось, сошел с ума от радости. Он бил в ладоши, бил себя по щекам и коленкам, хохотал, обнимал Франциска, наконец перегнулся, охватил ручонками шею Никито и перепрыгнул к нему на руки. Не теряя ни минуты, так, что я и опомниться не успел, он перелез ко мне на плечо и затих в полном удовольствии от близкого соседства с пленившим его Эта. Я снова ожидал каких-либо эксцессов от моего ревнивого воспитанника, но он продолжал спокойно сидеть, храня свое величавое и горделивое положение на моем плече, точно царек на троне.

Франциск подошел к И. и взял на руки его злого карлика. Тот вел себя теперь очень странно. Его внимательные глаза ни на миг не отрывались от всего, что делал другой карлик. С Эта он тоже, что называется, глаз не сводил. И вместе с тем, как капризный ребенок, тихо выл, то замолкая, то снова возобновляя свой капризный вой. Когда он увидел, что добрый карлик уселся на моем плече и изредка поглаживает то шейку, то спинку Эта, то мою голову, он сжал кулак, погрозил им своему товарищу и уродливо двигал челюстями, как бы желая его разорвать на куски. Мне казалось, что он совсем не такой злой, но считает своей обязанностью выполнять какой-то свой долг, который он понимал как сопротивление тому добру, которое его окружало. Франциск нежно уговаривал его и указал снова на красный обрывок, который Зейхед продолжал держать в руке. Я не мог понимать, о чем говорил Франциск карлику, но понял по жестам Франциска, что карлик сам должен добровольно взять из рук Зейхеда остаток своей зловещей сумки и положить его возле порога. Карлик молчал, насупился и, сжав свои кулаки, как бы готовился к сражению.

Франциск опустил его на пол, И. очутился возле меня, точно буфер. И. подросел вовремя. Строптивый карлик готовился ударить меня головой и кулаками в живот, но вместо меня попал в И. Разумеется, он не смог даже коснуться его, а упал, заревев, на пол, сильно ударившись головой и своими сжатыми кулаками о кирпичный пол комнаты. Разъяренный этим падением, он еще раз ринулся на меня, теперь уже со стороны Зейхеда. И. вытянул ему навстречу свою руку, и финал был тот же: карлик лежал на полу с разбитым в кровь носом.

В третий раз он пытался атаковать меня со стороны Никито, но легкий жест руки И. опрокинул его навзничь, и карлик остался на полу недвижим. Я подумал, что он умер.

Франциск подошел и поднял несчастного. Злоба в такой степени

опустошила его, что он весь дрожал, еле стоял на ногах и был весь серый. Сердце мое разрывалось от жалости. Я молил всей силой любви Флорентийца помочь мне развязать несчастного от его вековой тьмы и злобы. И в то же время я понимал, что никто не может ему помочь выполнить его долг, как никто несколько часов назад не мог помочь мне отыскать алтарь с моей книгой жизни. Но я не переставал звать моего спасителя, неоднократно показывавшего мне свое беспредельное милосердие.

Внезапно я почувствовал блаженный трепет в сердце, я увидел чудесное лицо Флорентийца и услышал его голос:

— Сегодня ты можешь просить обо всем для людей. И я помогу тебе. О чем ты просишь?

— Разреши мне положить вместо него остатки его злого колдовства, куда приказывает И., - опускаясь на колени с обеими моими ношами, молил я.

— Ты не можешь коснуться этой злой силы, ибо тогда возьмешь на себя новую, неведомую тебе сейчас ношу, которая задавит на много лет все твои возможности разделять со мной и с другими милосердными их труд на земле. Но смирившийся карлик и твой павлин могут вместе дотащить маленький обрывок до порога. Он им покажется страшно тяжелым, но все же они дотащат эту ношу, ибо она — их ноша. Ты же иди за ними по пятам, ободряй их, помогай им любовью и внушай, чтобы они не боялись тяжелой ноши. Сам же раз и навсегда запомни: никогда не бери ноши, не набирай долгов и обязанностей, не спросив Учителя, должен ли ты их брать или нет. Думая сделать добро, можно закрепостить себя и целое кольцо людей в новых скрепах зла. Там же, где указал Учитель, действуй уверенно, легко, хотя бы все вовне говорило тебе о противном и угрожало опасностью.

Образ моего дивного друга исчез. Я поднялся с колен и, ни на минуту не задумываясь, как я объясню Эта и доброму карлику, что надо взять обрывок сумки и перетащить его к порогу, поставил обоих у ног Зейхеда и несколько раз указал им на тряпку и на порог.

Эта первый понял, что надо было сделать. Он подпрыгнул, схватил клювом сукно, но как будто оно весило пуд, бессильно опустил его на пол. Теперь и карлик под моим настойчивым взглядом понял, что надо было тащить сукно к порогу, что я пояснил ему и жестами. Он рассмеялся, ухватился за лоскут и с большим трудом, точно лоскут прирастал к каждому камню пола, протащил его на два своих маленьких шажка.

Подбодряемые мною, оба труженика то поочередно, то вместе дотащили свою ношу до середины комнаты. Казалось, и птицы, и

человечек уже дошли до предела изнеможения. А была сделана еще только половина труда.

С карлика пот лил ручьями, катясь по его улыбающемуся лицу, точно слезы. Сильные ноги и крылья Эта дрожали, клюв раскрылся, глаза, жалобно смотрели на меня. Я переживал нечто, пожалуй, похожее на подписание смертного приговора моим друзьям, но я так интенсивно жил в Вечном, так ощущал его гармонию в себе и вокруг, что радостно и весело побуждал моих дорогих к самоотверженной работе. И бедняги, еле держась на ногах, протащили свою ношу почти до самого порога.

Я славил Бога и великих слуг Его милосердия, помогавших спастись одному существу через труд огромного кольца невидимых и видимых людей. Поистине живое небо спускалось на землю и двигало руками и сердцами людей, окружавших меня сейчас. Я умилялся трудом крошечных созданий в такой же степени, как моих великих братьев, стоявших сейчас подле меня.

Франциск держал руку на голове своего злого карлика. Тот постепенно приходил в себя и теперь казался не столько заинтересованным работой птицы и своего товарища, сколько озадаченным. Он не мог сообразить, почему с таким трудом они тащат часть его сумки, легкость которой он хорошо знал. В его глазах сверкнула снова злоба, он хотел ринуться и выхватить свою драгоценность, но голос Франциска его остановил. Франциск говорил и теперь все на том же наречии, которого я не понимал. Но, к моему удивлению, я понял четко смысл его слов, который открылся мне в ряде образов по мере того, как говорил Франциск.

Я понял, что мой добрый друг снова объясняет карлику, что, если он сам не положит добровольно своего добра туда, куда указал И., он умрет и не успеет освободиться от власти своих злых и страшных хозяев, которые немедленно овладеют его духом, как только он покинет тело. Что в последний раз Любовь дает ему возможность вырваться из их страшных клещей, что, если другие положат сукно возле порога, ничья любовь уже не будет в силах спасти его от злых рук его хозяев.

Неописуемый ужас отразился на лице несчастного. В два прыжка очутился он у тряпицы и, с легкостью схватив ее, бегом добежал до порога, где ее и бросил. Он вернулся к Франциску, жалобно просясь снова к нему на руки, что тот и исполнил, улыбаясь и поглаживая безобразную голову.

Теперь настало время для изумления Эта и его сотрудника. Первый момент изумления привел их положительно к столбняку. Затем веселью обоих не стало, границ. Карлик хохотал, кувыркался, обнимал Эта, подбегал к каждому из нас и показывал на выполненную задачу.

И. взял меня за руку, посадил на одно плечо Эта, другое доброго карлика и подвел меня к Франциску, на руках которого сидел смилившийся теперь бунтарь. Сняв его с рук Франциска, И. посадил его на руки мне.

Зейхед и Никито переплели свои руки с моими, Франциск положил обе свои руки на мои плечи, а И. положил одну руку мне на голову, во второй у него сверкнула знакомая мне палочка, огнем которой И. очерчивал круг, вовлекая в него всю нашу группу. Все держа свою руку на моей голове, он обошел три раза вокруг нас, точно заплетая сеть огней своей палочкой: Затем он коснулся ею каждого из нас в отдельности и обнял каждого, крепко прижимая к себе и отдавая каждому поцелуй в голову. Теперь карлики превратились в простых, веселых детей, забыли обо всем и занялись оба обожанием павлина.

Франциск тем временем вышел и вернулся очень скоро, неся на руках что-то небольшое, закрытое покрывалом.

К моему удивлению, когда покрывало было снято, — это оказался Макса. В первую минуту он точно ничего не видел, кроме меня и И. Но затем взгляд его различил карликов, и он неистово закричал, весь дрожа от страха и цепляясь за Франциска.

Карлики, как и Эта, привлеченные диким криком Максы, с удивлением глядели на него, как смотрят на совершенно неизвестное существо. Макса же, крепко вцепившись во Франциска, плакал и бился на его руках. И. коснулся его палочкой, он вздрогнул, еще минутку плакал и затем затих, как бы уверясь в крепкой защите своих покровителей.

Для меня стало ясно, что все ужасные раны на теле Максы нанесены ему маленькими, только что раскрепощенными окончательно от зла моими вековыми врагами. Но я ошибся, предполагая, что все следы зла уже уничтожены. Карма моя с карликами была уничтожена совсем, но карма их с Максой требовала еще труда и любви наших великих защитников.

И. подошел к порогу, куда Франциск поднес Максу, поднял высоко над головой свою палочку, на кончике которой все еще горел огонь. Внезапно огонь сильно разгорелся в яркое пламя, которым И. коснулся лежавшей у порога тряпки. Смерд, который и раньше чувствовался в ней, распространился по всей комнате. Дым, темный, плотный, потянулся из комнаты через дверь. В моем воображении мелькнуло воспоминание о злом Джине из "Тысячи и одной ночи". Через несколько мгновений дым весь исчез, и воздух опять стал обычным, благоухающим розами и жасмином. Я еще не успел прийти в себя, как карлики уже мирно беседовали с Максой, показывая ему Эта и кубики. Теперь только я мог посмотреть на Бронского и Наталью. Если бы я не знал, что именно они вошли с нами сюда, — я не

узнал бы ни его, ни ее.

Бронский стоял навывтяжку, точно часовой на часах с примкнутом штыком, он точно охранял пороховой погреб. Его обычного живого лица не было. Это была совершенно белая маска с остановившимися стеклянными глазами. Наталья же, наоборот, вся сжалась в комочек, точно на пуд похудела. Лицо ее обострилось, все было залито слезами, и руки она сжала так судорожно, что на них было больно смотреть.

Как ни глубоко затронуло меня все здесь происшедшее, мое славословие Жизни несло все той же нескончаемой песнью торжествующей любви, с которой я вошел сюда. Я еще раз преклонился перед величием Силы и Любви, что были мне сегодня поданы.

И. коснулся Бронского палочкой, и он рухнул бы на пол, если бы Зейхед и Никито не поддержали его. Казалось, жизнь стала возвращаться к нему. И. снова подошел к нему и еще раз коснулся его темени палочкой. Бронский снова вздрогнул, на щеках выступил румянец, глаза засияли, он схватил руку И. и поднес ее к губам.

— То, что Вы видели здесь, — сказал ему И., обнимая его, — научит Вас нести верность тем делам и встречам, какие Жизнь будет указывать Вам. Не ищите облегчить людям их внешнюю жизнь. Ищите проникать в духовное царство каждого человека и стремитесь там очистить грубые ткани, мешающие каждому видеть свой путь Вечного Света на земле.

И. подошел к Наталье, коснулся крестообразно палочкой ее лба, груди, плеч и сказал:

— Неси, сестра, свой подвиг труда для счастья и блага людей до конца земной жизни в этом теле. Ищи полного самообладания, и не успеешь выйти из этого тела, как войдешь в новое, юное тело, чтобы снова учиться и учить. Ежеминутно помни, что для тебя не будет ни минуты отдыха от земного труда. И снова начнешь новый земной путь, только с тем духовным совершенством, что успеешь выработать сейчас.

Мчись как молния в своих духовных порывах, но всегда держи в сознании мысль, что каждый порыв духа, который ты замарала раздражением или слезой, увел тебя от возможности передать труд Али стонущей земле. Ты видишь здесь кольцо бывших убийц и грабителей, получивших развязку старинных карм, получивших освобождение.

Почему могла окончиться вековая драма? Только потому, что юноша, грешивший постоянно раздражением, нашел самообладание и силу такой чистоты в любви, которая сожгла в его сердце все нечистые, срастающиеся в жесткие, зубчатые крючья ткани страстей и злобы. При этой встрече юноши, над которым ты, сестра, так высокомерно смеялась, со своими

врагами, он открыл им ворота сердца. Он залил их жалостью и состраданием, забыв обо всем, кроме их несчастья. Одно мгновение полной отдачи себя труду Учителя, одно мгновение до конца отданной преданности и верности может создать тебе ту новую гармонию, которая в тебе необходима Учителю для его нового труда с тобою. Не печалься больше потрясениями, что тебе приходится приносить людям. Чем яснее будет твое сердце, видя горе и скорбь людей, тем скорее забудешь о своем «Я», так тяжело переживающем эти печали. И тем ближе войдешь в тесное единение труда с невидимыми никому, но видимыми тебе самоотверженными тружениками светлого человечества. Мало еще — для истинного ученика — слышать слово труда Учителя.

Надо еще иметь так настроенным весь организм, чтобы сила твоей мысли и точность передачи могли включиться в огонь тока Учителя. Забудь навсегда о слезах, смейся весело. Но бдительно следи, чтобы ни в одном слове не было язвительности, когда говоришь брату твоему. Возьми новое правило поведения: не говори никогда и ничего о братьях и сестрах твоих, когда их нет с тобою. И говори только то, в чем не участвует твое раздражение. Каждый раз, когда слово осуждения готово сорваться с твоих уст, вспоминай, как мало тебе остается еще жить в этом теле и как каждое упущенное мгновение разлагает не один только твой дух, но и дух каждого, с кем ты в это мгновение встретишься. И духовный путь от тебя к Учителю не может охранить невидимое кольцо твоих защитников и помощников. Чтобы твои защитники и помощники могли охранять твой творческий духовный канал, необходимо держать главный приемник — твой организм — в непоколебимом самообладании и верности. Будь благословенна. Иди любимая и любящая, радующая и радующаяся, творящая идвигающая к творчеству.

И. еще раз коснулся крестообразно своею палочкой Натальи, склонившей перед ним колена.

— Подойди сюда, дитя.

И я даже не понял, к кому И. обращался с этими словами. По направлению его взгляда я понял, что он звал Алдаз. Девушка, спрятавшаяся в самом отдаленном углу комнаты, вышла сконфуженная, вся зардевшись. Увидев ее, все три карлика бросили свои игрушки и окружили ее, всеми наивными способами выражая ей свое обожание. Франциск помог ей освободиться от ласковых, но цепких ручек карликов, увел их в дальний конец комнаты и приставил кровати, запретив переходить за их линию.

— Алдаз, — продолжал И., - ты хочешь дать обет целомудрия, хочешь

стать монахиней и остаться навеки в Общине. Ты любишь детей и хочешь стать наставницей в доме, где Община собирает сирот и беспризорных детей. В этом ты видишь подвиг наивысшей любви. Я не спору, это действительно подвиг: заменить сиротам мать. Но есть подвиг выше. Есть подвиг великой любви: забыть о себе, о своих желаниях и выборе. И выполнить тот урок и завет любви, в котором вся великая Жизнь вселенной нуждается в этот час. Каждый самоотверженный и честный труженик должен услышать и понять час его наивысшей мудрости, чтобы влить свой труд в мудрость бьющего часа его родины. И только тогда он выполнит, поймет и отдаст наивысшую ценность своего воплощения. Родина твоя, Алдаз, страдает сейчас больше всего от отсутствия чистой, честной и доброй, семьи. Все ее несчастья происходят от распада этой первоначальной ячейки мира и гармонии. Сейчас моими устами к тебе идет зов Жизни. Хочешь ли выполнить этот зов Мудрости и стать женой и матерью, центром семьи для новых людей? Если ты радостно возьмешь на себя этот подвиг материнства и воспитания, ты дашь возможность сегодня же завершиться бедствиям трех созданий, по несмышлености своей очутившихся в центре зла. Подумай, друг.

Не забывай, что ты совершенно свободна в своем решении, что тебя ничто не принуждает, что ты можешь идти своим подвигом заботы о чужих детях и даже не меньше будешь благословенна и здесь. Ты только не исполнишь в это воплощение наибольшего урока любви, какой выполнить ты бы могла, но об этом сказано: "Могий вместить да вместит".

— Мне выбирать не приходится. Учитель! — мягким, серебристым голосом ответила Алдаз. — Если ты думаешь, что я могу создать такую семью, какая сейчас нужна моей родине, да будет на то воля Бога и твоя.

— Счастлива твоя жизнь, смиренная сестра моя, кроме радости, ты ничего не принесешь тем душам, что будут даны тебе для спасения, рождения и воспитания. — И. склонился к прелестной девушке и обнял ее. — Иди теперь с миром по своим делам. Я укажу тебе жениха и все объясню о тех душах, которым предстоит счастье иметь тебя матерью.

Алдаз низко поклонилась И., так же низко поклонилась всем нам и тихо вышла из комнаты.

Ко мне подошел Бронский, и я снова был поражен его лицом и его фигурой. Я подумал, что таким он, по всей вероятности, выходит к толпе, когда играет роли великих героев. Блистающие глаза, энергия, брызжущая, точно искры, сила, уверенность, радостность. Я стоял, остолбенев от неожиданности этой перемены в нем, и привел меня в себя Эта, внезапно взлетевший мне на плечо.

— Что, Левушка, — услышал я смех Никито, — твой воспитанник уже не только не спрашивает разрешения для себя, но и всех новых приятелей привел к тебе.

Действительно, карлики пытались, подражая Эта, тоже взлететь на мои плечи, преуморительно подпрыгивая. Видя неуспешность своей задачи, они ловко, точно обезьяны, карабкались друг другу на плечи, лезли на меня, и первым, чуть ли не на голову мне, залез Макса. Мои друзья помогли мне освободиться от осады лилипутов, разобрав всех трех уродцев на свои плечи, чем они остались несказанно довольны.

Мы вышли из комнаты и направились в столовую сестры Александры. Здесь мы сдали наших маленьких друзей Алдаз и самой сестре Александре. Малютки не желали покидать своих мехари, на которых сидели с таким удобством и гордостью, но запах вкусной пищи и любовь Алдаз скоро заманили их к приборам у стола, где сидело сегодня много самых разнообразных людей, лечившихся в больнице.

Франциск, подойдя к Наталье и Бронскому, предложил им пройти к нему в комнату, мы же вернулись обратно домой, где И. предложил нам снова поужинать в отдельной комнате, чему мы все были очень рады.

Ужин наш был еще более скромнее, чем обед, и состоял из зелени и фруктов. Всегда отличавшийся большим аппетитом, я на этот раз даже не испытывал желания есть и не замечал, что мне накладывали на тарелку друзья. Все мои мысли, в противовес хаосу, который наполнял меня всегда раньше, когда мне приходилось испытывать много разнообразных впечатлений, были четки, ясны и ложились легко целыми рядами гармоничных образов и воспоминаний.

Встав из-за стола, мои дорогие поручители крепко меня обняли, поклонились мне, и Никито от лица обоих сказал:

— Благословен твой сегодняшний день, когда ты начал новый период жизни, друг и брат Левушка. Никогда теперь не ощущай себя одиноким. Ты и твой Господь — вас всегда двое. Ты и твои великие Учителя — вас всегда четверо. Ты и твои смиренные поручители — вас всегда трое. Кроме того, глаза твои открылись, ты видел сегодня бесчисленное множество тружеников живого неба. Не считай больше дня или ночи.

Считай только миг вечного счастья — дежурства у Учителя. Учись жить в труде с Ним, то есть жить в единении со всеми трудящимися неба и земли. Мы — твои слуги и помощники во всех делах и встречах, где ты пожелаешь нас позвать. Велико счастье тех людей, что могли, еще живя на земле, встретиться у ворот Вечности и познать в ней дружбу и верную преданность.

Оба друга покинули нас. Мы с И. возвратились в наш дом. На пороге моей комнаты И. обнял меня и напомнил, что меня ждет записная книжка моего брата.

Глава 7

Записная книжка моего брата

Войдя в мою комнату, где я был ласково и бурно приветствован проснувшимся Эта, я долго не мог собрать своих мыслей в полную сосредоточенность, так я был переполнен весь искрами радости. Мое восторженное настроение, наконец, вылилось в славословие Жизни, я почувствовал внутри тот великий мир, ту гармонию и Свет, с которыми я вышел из оранжевого домика после чтения зеленой книги моей жизни.

Я мысленно прильнул к моему дорогому другу Флорентийцу, попросил его помочь мне понять все то, что записал в драгоценной книжке мой любимый и дорогой брат, и не осквернить его святыни, но суметь разделить все те страдания и радости пути брата Николая, о которых мне предстояло прочесть.

Я ласково поцеловал Эта, глазки которого смешно слипались, хотя он хорохорился и встряхивал головкой, когда замечал, что я вижу, как ему хочется спать, уложил его в его постельку и вынул книжку брата.

Теперь, когда я вынул ее из футляра, она меня еще больше поразила своим, видом, чем в те два раза, когда я держал ее в руках. В первый раз, когда мне передал ее Флорентиец в комнате брата в К., она поразила меня как чудо ювелирного искусства. Второй раз, когда я держал ее в вагоне, разбираясь в вещах, присланных мне Али-молодым, она уже была для меня живой тайной, куском жизни брата-отца, к которому я не считал себя вправе прикоснуться.

Теперь же, держа ее в руках в третий раз, я точно трижды поразился и высочайшей ее внешней прелести, и свету того великого, что пережил брат Николай, и неожиданному дерзновению, которое чувствовал в себе сейчас, решаясь раскрыть то сокровенное, что записал брат.

Я взял чудесный ключик, изображавший тоже белого павлина, и не без труда отыскал замочек, которым служила одна из маленьких белых фигурок павлинов на бордюре.

Она сдвинулась с места, и я увидел под нею замочек.

Все это заняло немало времени. Но до чего же я сам себя не узнавал! Несколько месяцев тому назад я был бы в полном изнеможении от раздражения и нетерпения, бросил бы и книжку и футляр и, пожалуй, сорвал бы гнев топаньем ног и слезами.

Теперь же, чем сложнее казалась мне задача, чем больше я видел сложность замка, тем больше восхищался человеком, сумевшим так его сделать, чтобы никаких следов его сложности не ощущалось вовне. Я смеялся и радовался, когда открыл все тайны затвора, и вот книжка раскрыта и почерк, которым я так дорожил, почерк единственного в мире родственника, перед моими глазами.

Каково же было мое изумление, когда я увидел, что то не был мой родной русский язык, как я того ожидал, но что — страница за страницей — книжка была написана на языке пали.

Нечто вроде робости и неуверенности охватило меня. Я еще недостаточно хорошо знал этот язык и подумал, что, пожалуй, буду сейчас снова в роли слуги, который вытирает пыль с драгоценных книг, не понимая их смысла и значения. Но лишь один миг длилась моя неуверенность. Образы Флорентийца, И. и моего брата мелькнули передо мной, как мои величайшие помощники, и дерзновением снова загорелся мой дух.

СЛАВА ТЕМ, КТО ДОВЕЛ МЕНЯ ДО ЭТОГО ВЕЛИКОГО МОМЕНТА МОЕЙ ЖИЗНИ. СЛАВА ТЕМ, КТО, КАК И Я, ДОЙДЕТ ДО НЕГО Таков был заголовок первого листа. Он не носил ни даты, ни места, не указывал, где произведена была запись.

"Рождение мое, — читал я дальше, — совершилось недавно, хотя мне уже 24 года.

Если бы меня спросили сейчас, сколько мне лет, я бы ответил: год и семь месяцев.

Все, что было в моей жизни до этих пор, — все покрылось туманом. Все было преддверием жизни, а Жизнь я понял только родившись вторично год и семь месяцев назад.

Я сам спрашиваю себя: что случилось, собственно, особого? Вовне — ничего.

Заблудился в горах, встретил горца в его уединенном жилище и остался переждать внезапный буран.

Это был эпизод, какими пестрит жизнь каждого. Эпизод, каких были тысячи и, быть может, будет еще немало в моей скитальческой жизни.

Но рождение человека совершилось на этот раз не от встречи с хозяином сакли, а от встречи с его гостем. Когда я проснулся ночью, передо мной сидел индус. Что я могу сказать о нем? Его глаза прожигали, их можно было назвать пылающими угольями. Моему не знавшему до сих пор страха сердцу этот незнакомец внушал страх, граничащий с полным параличом тела.

Я не мог двинуть ни одним членом, у меня не было сил крикнуть, я не мог решить вопроса, кто передо мной: Бог, дьявол или видение моей собственной фантазии.

Минуту, которая показалась мне вечностью, минуту, которая остановила во мне биение сердца и ритм дыхания, длилось молчание этого необыкновенного существа. Я изнемогал и сознавал, что умираю от какого-то давящего на меня света.

Незнакомец внезапно улыбнулся, поднял руку ладонью ко мне, и точно в меня влилась сила бушевавшего за окном бурана. Лицо незнакомца, озаренное улыбкой, показалось мне лицом Бога, и я не мог отдать себе отчета, что было принято мною в нем минуту назад за дьявольскую, давившую меня силу.

Под действием его взгляда и жеста его большой, смуглой, прекрасной руки в меня вливалась и вливалась какая-то сила, содрогавшая все мое тело с головы до ног.

Точно электрические токи, пронзала меня эта сила.

Мне казалось, что я весь охвачен пламенем, сердце мое ширилось от радости. Эта радость подступала к моему горлу, заполняла весь мой мозг, и я думал, что сейчас, сию минуту, я улечу в экстазе неведомого блаженства.

"Сын мой, — услышал я голос незнакомца. — Ты ищешь знаний. Ты жаждешь ответов на пожирающие тебя вопросы: есть ли Бог? Какой Он? В чем Он? как Его постигали те, кто о Нем писал и говорил?

В эту минуту ты в Боге и Бог в тебе. Сейчас вся вселенная открылась тебе не потому, что в своих познаниях ты достиг вершины. Но потому, что чистота твоего сердца, чистота твоей жизни в простых действиях твоего обычного трудового дня помогла тебе вместить радость божественной силы и слиться с нею.

Если человек не живет в лени, стараясь назвать ее созерцанием, если он ищет выливать свою простую доброту во все дела и встречи, если он готов принять на себя слезы и скорби встречного, если он, хотя бы в чем-нибудь сумел развить свою верность до конца, если его искания Бога не были личной жаждой совершенства, а несли людям бескорыстный труд, мир и отдых — человек вошел в ту ступень духовной зрелости, когда мы, индусы, говорим: "Готов ученик — готов ему и Учитель".

Сегодня не я пришел к тебе, но я ответил на твой постоянный зов. Почему я мог подойти к тебе, и сила моя не сожгла тебя? Потому что сердце твое чисто. И пламень, что я пробудил в тебе сейчас, — твой пламень, он не спалил твоего тела, не вынес твой дух за грани земли, но закалил все твое сознание в ясности и силе.

Каждое летящее мгновение земной жизни — это не простая жизнь плоти и духа, слитых в одной земной форме. Это частица того вечного движения, которое влито, как частица творчества, в каждую земную форму. И потому нет иного пути к освобождению у человека, как его простой день труда, где бы ни жил человек.

Если люди заняты одним созерцанием, если сила их ума и сердца погружена только в личное искание совершенства, — им закрыт путь вечного движения. Ибо в жизни вселенной нет возможности жить только личным, не вовлекаясь в жизнь мировую.

Переходы в сознании человека не могут совершаться вверх, если сердце его молчит, и он не видит в другом существе того же Бога, что познал в себе.

Взгляд, критически осматривающий вошедшего к тебе, останется перегородкой крепче чугуна и железа между тобой и им, хотя бы за миг до этого ты был в порыве самого пылкого искания путей к Истине.

Только тогда, когда ты поймешь, что во всяком встречном сама Истина пришла к тебе, чтобы раскрыть тебе самому твои же закрепы, за стенами которых ты держишь мешки со своею любовью, совершенно развязанные, тогда бы только ты мог приблизиться к пониманию второй истины, ставшей поговоркой у нашего народа: "Никто тебе не друг, никто тебе не брат, но всякий человек тебе великий Учитель". И, поскольку ты прочел в себе свой урок, общаясь со встречным, поскольку ты раздражился, осудил, солгал, слицемерил, был недоброжелателен к человеку — постольку ты раскрыл самому себе свое ничтожество и отсутствие любви.

И чем выше была твоя простота, чем легче шла встреча, чем добрее ты был — тем больше ты забывал о себе и ставил интересы встречного на первое место свидания.

И свидание было действенным, оно вплетало в себя целые круги атомов доброты тех невидимых тружеников, что ежеминутно мчатся над землей, ища, куда пролить свой труд любви.

Нет на земле пути к совершенству без труда, единящего человека со всеми окружающими его людьми. Нельзя отъединяться ни от одного существа, пересекающего орбиту твоего движения по земле.

Если ты озлобился в той или иной встрече — ты раскрыл «пасть» и без того не завязанных мешков своих предрассудков. И ты привлек к сотрудничеству, с собой во всех делах дня мелких злодеев, духовных вампиров и развратников, ищущих жадно, куда бы прилепиться, чтобы утолить жажду и голод своих разнузданных и не умирающих вместе с плотью страстей. Мучительнейший из путей — путь отрицателей.

Их вековая карма ложится все новыми и новыми наростами на — и без того безобразное — их духовное тело.

Чем яснее тебе в твоём просветленном сейчас состоянии жизнь всей вселенной, жизнь, пульс которой ты чувствуешь горячо, ровно и сильно бьющимся в твоём сердце, — тем яснее тебе и путь любви через серый день труда к этой Жизни, что Сама трудится во всем и во всех.

У тебя до сих пор была одна задача: найти и понять самому. Теперь твоя задача усложнилась: не одному тебе надо найти и понять, но для огромного круга людей тебе надо стать слугою, чтобы в них пробудить сознание, деятельность, силу и стремление к труду для общего блага.

Ты любишь родину. Ежедневно, бесстрашно ты вступаешь в бой с ее врагами по первому зову набата, призывающего тебя к защите родины от врагов. Но этого мало.

Ты видишь толпы инертных, для которых слово «родина» — звук пустой. Ты видишь сотни и тысячи старающихся под всякими предлогами обмануть бдительность своих властей, чтобы избежать призыва. Ты видишь всюду трусов или лентяев, изображающих из себя больных, лишь бы подставить под угрозу другого и благополучно избрать лучшую дою самому.

Разве можешь ты проходить равнодушно мимо них? Разве можешь не призывать их к пробуждению? Разве надо сходить в ад, чтобы там раскрепощать темные создания?

Вокруг тебя кишат толпы заблуждающихся людей. Они думают, что живут в любви и правде, целыми днями живя в бездельи и наслаждаясь счастьем личного мира и славословий своему Богу.

Они поняли по-своему Бога и Его пророков и считают себя прозорливцами и избранниками, потому что прилепились к той или иной церкви и религии и славят их. Но их славословие — бездейственное, оно не становится силой ни их родине, ни для их встречных. Оно расслабляет их самих, вводя их в мелкие экстазы ложных видений и пророчеств.

Тормози их всеми путями: вводи в их день тысячи предлогов к труду и действию, выводи их из ленивого счастья.

В других встречах ты найдешь высокий дух скованным уродливой формой гордости и самолюбия. Вноси пример простой, нежной любви и докажи своим трудом Дня, как не нужно все знание человека, если оно подано высокомерно и нудно.

Еще чаще ты встретишь форму отрицателя, поносящего свою родину за ее беспорядок, неустроенность, пороки и так далее. Эти люди — всегда и неизменно — наиболее тяжело больные самовлюбленностью. У самих у них

в домах такая же грязь, смрад и неразбериха, как и в их перепутанных мыслях и желаниях. Их внешность, их манеры действовать и мыслить — антиэстетичны, как и их манера одеваться, сидеть, говорить, спать. Труднее задачи для них самих — задачи вылезти из слепоты отрицания — нет.

Здесь бдительно разбирайся, к кому из них прикасаться священной любовью и усердием, а где идти мимо, послав благословение их темному пути, который они сами сделали таковым.

Всякий темный путь начат с отрицания. Революционер, видя страдания своей родины под пятою деспотов капитализма, борется, неся в мир уверенность в лучшем будущем, неся общее благо на своем знамени борьбы. Он вдохновенно держит оружие в руке, зов его вырывает тысячи сознаний из спячки безволия и смерти. Он озарен сам призывом раскрепощенной Жизни в себе и зовет своих братьев к Свету и свободе. Его путь светел, и он ложится светом на пути встречных. Он трудится, ежеминутно видя миллионы несчастных и угнетенных перед собой.

И если он становится вождем народа — он освящен божественной силой любви, помогающей ему нести на плечах свой многомиллионный народ к свету и славе. Такой вождь живет, нося в своем организме все миллионы сердец своего народа. Он един в радости и боли с каждым тружеником своего народа. И он выводит свой народ на то место, которое Мудрость бьющего часа ему определяет.

Из отрицателей же создаются кадры слуг темных захватчиков власти, основывающих свое — отъединенное от народа — счастье и благополучие на личном капитале, накоплении от порабощения всего народа под пятой олигархии капиталистов.

Вождь, пробирающийся к власти, не зовет народ к свободе и раскрепощению. Он бросает ему мелкую кость собственности; ищет все возможности закрепостить в жажде наживы и кастовых предрассудках свой народ, чтобы пробраться легче к мировому владычеству.

Мимо таких людей иди, тщательно разбираясь, будет ли твоя помощь им своевременна и полезна. Ты можешь сам истратить великие силы усердия и любви; можешь иступить много мечей ума, радости, энергии — и не достичь ничего.

Отрицатели, если попадут в полосу несчастий, придут к тебе. Возьмут твою помощь и отвалятся, как сытые пиявки, чтобы снова заняться наращиванием жиров тела и духа, как только ты поможешь им пройти период временных неудач.

Подлинное усердие человека, вступившего на путь сознания в себе Света и мира, должно заключаться в бдительном распознавании, где, куда и

как нести свои духовные сокровища.

Совершенно бессмысленно остановиться в жизни на религиозном восхвалении своего Бога. Если не дошел до понимания, что Бог Един для всех и что путь к Нему, Единому, безразличен, — вся религиозная жизнь пропала. Человек совершенно так же закрепостился в своем добре, как отрицатель в своем зле. И тот и другой не поднялись в своем духовном понимании выше обид, объяснений, переживаний личных драм, самолюбия и бичеваний гордости.

В пути, которого ты ищешь, не может быть остановок. Сила, движущая вселенную, раскрепощаясь в человеке, дает ему возможность трудиться, трудиться и трудиться.

Иногда больной человек — былинка по своим физическим данным — тащит много лет воз с таким грузом на общее благо, что глядящим со стороны становится жутко. Ему же самому его жизнь кажется простой и легкой, ибо без включения в труд и жизнь своего народа он не понимает жизни на земле.

Раскрывающееся сознание человека постепенно сбрасывает с себя чешую предрассудков. Мелкий вздор наказаний и наград, условных подаваний "за добродетель", которую человек понимает как «отказ» себе в чем-то, чтобы принести «жертву» насилия над собой другому, спадает с сознания просветленного человека одним из первых. Он начинает понимать все величие Жизни. Он начинает ощущать радость жить в труде для другого. Он скучает, если сегодня в нем никто не нуждался. Понятие "быть нужным кому-то" становится ритмом его дня — как ритм дыхания, — неощутимым, если оно идет в гармонии и мире.

Проходя день, живи его как свой последний день. Но последний не по жадности и торопливости желаний или духовных напряжений, а последний по гармоничности труда и его бескорыстию.

Ты носишь в сердце вопрос: где личное «Я» и где "не Я"? Для тебя с момента твоего рождения к Единой Жизни уже нет возможности этого разделения. Для тебя все, с чем ты общаешься — все пути к Величию в форме временной. Для тебя палац, жертва и плаха — все та же Единая Жизнь, которой единица ты сам и которую видишь во всем вокруг себя.

Иди же свой день в мире и чести. Храни целомудрие и чистоту, и ты дойдешь до жизни в кругу тех, кто раньше тебя пришел к такому сознанию себя частицей Единой Жизни, единицей всей вселенной.

Твой путь — путь служения Богу в человеке. Твой труд — путь знания, приложенного в любви и труде простого дня".

Я внезапно почувствовал, что сила, та огромная сила, которая только

что наполняла меня, меня покинула. Место, где сидел незнакомец, было пусто".

Так кончалась первая запись брата Николая.

Я лег спать с рассветом, и мой друг Эта разбудил меня вовремя, чтобы догнать И. по дороге к озеру. Я весь еще находился под впечатлением записи, которую читал ночью, и, поздоровавшись с И., сразу же выпалил ему:

— Как я поражен, что брат Николай мог понять без посторонней помощи и руководства все то, что ему в первое свидание сказал Али.

— Почему же ты знаешь, что это был Али?

— Потому что описание глаз в книжке может принадлежать только ему. А ощущение, что в присутствии Али что-то тебя теснит и давит, настолько характерно, что не может быть спутано ни с чем и ни с кем. Именно какой-то свет, от него исходящий, слепит и подавляет. И это ощущение мне тоже очень знакомо, ощущение резко меняющееся, когда Али улыбается или прикасается. Тогда уплывает куда-то его давящая сила, и сердце наполняется блаженством. Никогда ни подле Вас, мой дорогой, милосердный Учитель, ни подле Флорентийца, ни подле сэра Уоми я не чувствовал этой силы, потрясающей весь организм. Поэтому в словах брата я сразу узнал Али. Достаточно раз его увидеть, чтобы навеки и всюду его узнавать.

— Быть может, ты и прав, так ощущая необычайную и никому другому не доступную силу Али. Но все же за годы жизни здесь, когда ты уже из неопита станешь сильным учеником, тебе надо приобрести такое высокое самообладание, чтобы сила Али не подавляла твой дух, а раскрывала его к труду и борьбе. Ты видишь, Левушка, что на земле все, что живет, все борется. Но, тот, кто понимает свой путь земли как величайшую ценность, тот борется и трудится, совсем забыв о себе. И, чтобы так раскрепоститься в своем сознании, надо каждый день распознавать в окружающих жизнях только одно: где человек прошел свое «сейчас» в любовном единении с людьми, а где он их критиковал, оставаясь бездейственным. Пойми, друг, что очень многие «понимают» высокие идеалы. Принимают религию и ее требования. Но религия единственно истинная — это любовь сердца. Религия — это не то, что "знают и принимают", а то, что умеют приложить к делу в действии дня.

Наш разговор был прерван встречей, напомнившей мне мой первый день приезда в Общину: мы столкнулись с Андреевой и леди Бердран. Но какая разница была сейчас в обеих приятельницах! Леди Бердран, с розами на щеках, веселая, смеющаяся и задорная, глядела сущей красавицей.

Наталья же Владимировна, все по-прежнему вращая своими властными глазами, стала вся точно восковая. И не только бледность вызывала это сравнение; от нее веяло мягкостью и лаской. Ее добродушная ирония, с которой она всегда прежде меня встречала, переплавилась в нежность. Ее голос, когда она ответила на мое приветствие, показался мне голосом матери и вызвал ответную волну любви и признательности в моем сердце.

— Мой чудо-граф, я чувствую себя Вашей, Вам очень обязанной ученицей. До сих пор думала, что ранги и ступени разделяют людей. Я принимала каждого, в первую голову оценивая его знания на том пути, к которому стремилась сама. Теперь, получив урок великого смирения через Вас, я прозрела к истинному знанию, которое сейчас считаю первым по величине и важности: дух, стремясь к познанию, должен развязать свой мешок с любовью и завязать накрепко мешок с предрассудками. В моей встрече с Вами я поняла, сколько было во мне самомнения. Я увидела в самой себе бездну условного, что мешало мне свободно общаться с людьми. Теперь же мне стало легко, потому что меня осенило и я увидела, в чем и где во мне самой сидят главные закрепы предрассудков.

Слова, употребленные ею, те слова, что я так недавно прочел в записи брата Николая, ошеломили меня.

— Неужели же все люди проходят одни и те же этапы в своем духовном развитии? — невольно воскликнул я, остановившись среди дороги.

— Все ли проходят по одним и тем же этапам, не знаю. Но что я в Вас нашла источник оздоровления, в этом я не сомневаюсь и приношу Вам величайшую благодарность.

— Моя дорогая Наталья Владимировна, Истина, живущая в Вас, не нуждается уже в раскрепощении. Она бьет из Вас чистейшим фонтаном. В Вас лежат еще плотным покровом только те условности, которые связаны с иерархическим устройством обществ людей и всей вселенной, — ласково сказал И. Владея огромными развитыми духовными силами, Вы поневоле движетесь в мире духовного больше и дальше, чем в мире земли. Отсюда идет некоторое Ваше внешнее высокомерие к тем формам людей, где мало понято, что нет одного только земного пути, или где людям кажется, что можно достигнуть знания неумелыми упражнениями йоги. Уроки последнего времени — и леди Бердран, и Левушка — помогли Вам сбросить с телесных глаз давящие покровы плотской любви или предубеждения и помогли понять личное бессилие в воздействии на человека. Вы научились вскрывать всю совокупную ценность встреч как монолитное творчество Жизни. Сейчас уже никто не помешает Вам выполнить миссию, данную Вам Али. Вы скоро уедете в Америку и в

Европу, там оставите часть Ваших трудов и вновь вернетесь сюда, чтобы получить силы еще раз передать людям речи звучащего голоса Безмолвия. Вам было очень странно пройти трудный путь духовного этапа с помощью юноши. Вы бунтовали и готовы были отрицать возможность движения вперед через помощь «ниже» Вас стоящих. Сейчас Вы ясно ощутили, что нет ни «ниже», ни «выше» стоящих. Нет ни добра, ни зла как таковых. Есть только то место во вселенной для каждого человека, в которое он может встать по силе своей раскрепощенной Любви. И здесь никакой роли не играет, грамотен он или нет; но звучание гармонии в человеке так огромно, что никакие самые колоссальные его силы не убивают встречного, а лишь бодрят каждого, кто подошел. С сегодняшнего дня действие Ваших психических сил не будет мешать кому бы то ни было жить. Вы сумеете справляться с ними так, чтобы сила Вашего такта раскрывала Вам сразу возможность служить помощью ближнему, стоящему рядом с Вами. До сих пор Вы умели служить только дальним, передавая им знания, продиктованные Вам Учителем. Теперь Вы сами, вливаясь любовью сердца, будете раскрывать во встречаемых их устойчивость своей гармонией.

Мы расстались с нашими приятельницами. После завтрака И. повел меня к выздоравливающему Игорю, которого я не видел со дня его болезни. У Игоря, который сидел на балконе, мы застали Бронского, Альвера и еще нескольких его друзей, которых он приобрел в Общине за время своей болезни. Игорь не узнал меня. Он был так поражен происшедшей во мне переменой, что сказал И.:

— Я был совершенно уверен в Ваших необычайных силах, доктор И., и испытал на себе их действие. Но чтобы можно было человеку быть волшебником — это я считал преимуществом сказок из персидской жизни.

— Если Вы, Игорь, находите, что я так разительно переменялся, то что же мне думать о Вас? Ведь я не только не мог бы узнать Вас, но не мог бы и поверить, что можно так измениться в короткое время.

Игорю, которого я видел в начале нашего знакомства, был бледным юношей. Сейчас передо мною сидело существо, отдаленно напоминавшее мне Андрееву. Черные глаза его загорелого лица вращались с такой энергией, что я невольно думал о Наталье Владимировне. Голос Игоря звучал сильно, все движения были быстры и властны.

— Я очень рад, что Вы оказались таким послушным пациентом, — смеясь, сказал И. и положил свою руку на плечо Игорю. — Я вполне понимаю, как трудно было Вам повиноваться и не выходить из комнаты, когда Вы чувствуете себя уже несколько дней совершенно здоровым. Зато сегодня Вы сделаете сразу довольно большую прогулку. Я приглашаю всех

здесь собравшихся в парк. Там мы найдем садовника, вооружимся лопатами и насадим новый питомник эвкалиптовых и хинных деревьев.

Затем я обещал взять Вас с собой в объезд дальних общин. Для этого Зейхед-оглы каждый день будет обучать всех вас езде на мехари. Кто уже умеет ездить и кто совсем не умеет — всем надо научиться владеть в совершенстве верблюдом, иначе вам не пробраться через пустыню. Предупреждаю, путешествие будет не из легких.

— Неужели вы не возьмете меня, считая, что я еще недостаточно здоров? — взмолился Игоро.

— Возьму, если и дальше Вы будете так же послушны в смысле режима, — засмеялся И. ему в ответ.

— Удивительно! Только сегодня я собрался опротестовать мой режим, и Вы точно прочли, что я держал под моей черепной коробкой. Разумеется, доктор И., теперь я буду кроток как ягненок и послушен как голубь.

Мы вышли в парк и вскоре принялись за чудесную работу, причем И. прочел нам целую лекцию по ботанике. Игоро, которому было приказано смирно сидеть в тени, выказал удивившие меня знания по ботанике и по геологии. Еще раз я был поражен своей невежественностью и невольно воскликнул:

— Когда же, Игоро, у Вас было время стать ученым? Ведь Вы всю жизнь отдали театру?

— Я отдал душу и сердце театру и человеку. Но мозг мой я не запечатывал. Я старался проникнуть в высший разум жизни и в разум моих бессловесных братьев земли — растений, животных. Много ли я в этом успел, этого я сам не знаю.

Его ответ меня поразил. Как мало я сам вникал в окружающую меня природу! Меня хватало только на человека, и то — хватало ли?

До обеда мы сажали деревья. Затем я пошел учиться в комнату Али и по обыкновению забыл время, место и текущие обязанности. Мой милосердный Учитель И. пришел за мной и после чая мы отправились в дальнюю долину учиться езде на мехари.

Много было смеха и шуток над нашей неловкостью, особенно туп оказался я, никак не умещавшийся в маленьком седле, где И. сидел как приклеенный.

Мне на помощь пришел Никито, и все же первый урок не был мною освоен. Я не мог вынести ни медленного, ни быстрого шага мехари и скатывался довольно благополучно, но преуморительно. Умное животное терпеливо и мгновенно останавливалось, хотя могло несколько раз наступить на меня.

Бронский обогнал всех, и я упрекал его, шутя, что он скрыл от всех свое давнишнее умение управлять мехари. Он же совершенно серьезно уверял меня, что единственный раз ехал на мехари, когда примчался в Общину, и что стоит мне почувствовать себя арабом, и я помчусь, правильно управляя собой и мехари.

Очевидно, огромная артистичность этого человека и здесь помогала ему.

После урока верховой езды, всех нас утомившего, мы отправились купаться, потом ужинать и вечером слушать музыку Аннинова.

По дороге к жилищу музыканта я вспоминал так ярко Константинополь, Анну, ее музыку и божественный, человеческий голос виолончели Ананды. Некоторое смущение было в моей душе. Я не мог себе представить, чтобы кто-либо был в состоянии играть лучше Анны и Ананды. Я боялся, что не смогу быть таким вежливым вовне, как меня учил И., чтобы не выразить человеку своего разочарования, человеку-артисту, чью жизнь заполняла только музыка.

Как примирить прямолинейную внутреннюю правду с внешним лицемерием, если мне не понравится его музыка? По обыкновению, я получил ответ от И., который без моего словесного вопроса сказал мне:

— Разве ты идешь сравнивать таланты? Ты идешь приветствовать путь человека.

Идешь найти в себе те качества высокой любви, которые могут принести другому человеку вдохновение. Люби в нем, в его пути все ту же Силу,двигающую вселенной. А в каком месте совершенства Она, эта Сила, в данный момент остановилась в человеке — это не должно тревожить тебя. Она должна будить твою энергию радости и помогать тебе нести человеку привет. Бросай цветок в его храм, как я тебе говорил не раз, а не критикуй, каков на твой вкус этот храм.

Вечером, оставшись один, я снова раскрыл книжку брата и стал читать вторую запись.

"Ты полон бурлящих мыслей от моих вчерашних слов. Ты не постигаешь, как можешь ты приветствовать в каждой текущей встрече Истину, вошедшую к тебе в той или иной временной форме. Многие встречи тебе отвратительны. Отвратительны тебе попойки твоих соратников, их вечные карты, их ссоры и мелочные интересы.

А между тем ты ни разу их не осудил. Напротив, ты сумел быть так беспристрастен к каждому из них, что все солдаты и офицеры неизменно идут к тебе со своими вопросами, выбирают тебя судьей чести и надеются получить облегчение в своем горе и недоумении.

Все, даже отъявленные буяны, стремившиеся поначалу задеть или запугать тебя, отходили, смирившись, после того как пытались вызвать тебя на личную ссору. Твоя храбрость лишала их всех поводов к раздорам, а сила твоей любви к человеку заставляла каждого уходить от тебя в уважении к тебе и твоему дому. Многие уходили с сознанием, что приобрели друга. Иные уходили примиренными, иные в недоумении, но никто не уносил желания повторить озорные выходки.

"Перейди теперь из понимания, что любовь и Бог — это только одно прекрасное.

Самое худшее, что кажется тебе таковым, ничто иное, как та же любовь, лишь дурно направленная в человеке.

Любовь вора к золоту — все та же любовь, лежащая под спудом предрассудка жадности и стяжательства. Любовь мужа к жене, любовь матери к детям — та же любовь, не имевшая силы развязать тугие ленты своей любви и увидеть Бога в человеке, за гранью личного предрассудка «моя» семья.

Переходи в своем теперь расширенном сознании в иные формы понимания окружающих тебя живых временных форм людей. В каждой встрече, в каждой из них прочти свой урок дня, пойми одно задание: Тот, кто пришел к тебе, — он главное и самое важное твое дело. То, чем ты занят в данное «сейчас», оно первое по важности, отдавай ему всю полноту сил и чувств и не оставляй каких-то частей духа и разума для дальнейшего.

Идя день, неси бескорыстие делам, мир и отдых трудящимся рядом с тобой. Ты ведешь жизнь целомудрия. Веди ее и дальше. Но если ты будешь думать, что целомудрие как таковое, как самодовлеющая сила может ввести человека в высокие пути жизни, — ты ошибаешься. Это только одно из слагаемых, многих слагаемых духовной жизни человека, которое ведет к гармонии и освобожденности, но само по себе не имеет цены.

Если человек полон предрассудков разъединения, все его целомудрие не двинет его с места в его стремлении к совершенству. И наоборот, если человек ищет общения с Учителем и не имеет сил стать на путь целомудрия, все его попытки пройти в высокое духовное слияние с Учителем останутся засоренными попытками, всегда грозящими попасть в смятенные круги астрального плана.

Не задумывайся о дальнейшем. Прими на данное «сейчас» задачу и урок целомудрия как необходимое для тебя на сегодняшний день звено самообладания, ведущего к гармонии.

Нет ничего неизменного в пути ученика, все течет и изменяется в единственной зависимости: развитие творческих сил человека-ученика

ведет его к совершенству, где его самообладание и гармония — первоначальные основы.

Они составляют верность ученика Учителю, они растят равновесие его духовных сил.

Но, повторяю, они движутся, и нет ничего мертво стоящего в жизни неба и земли.

Силы духа в человеке движутся и приводят его к бесстрашию.

Все твои мысли, приводившие тебя к радости, были мыслями, соткавшими мост от тебя ко мне. Если бы твое сердце молчало и один здравый смысл вел тебя по земле, ты не мог бы достичь этого мгновения, когда видишь меня перед собой.

Отныне все твои встречи имеют только один смысл: прочесть твой собственный, урок, раскрыть твоему пониманию, что мешало тебе начать и кончить встречу в радости.

Характер ученика не может складываться так, как его складывает обыватель.

Обыватель ищет наибольших внешних удач. А ученик ищет наилучших мыслей в себе, чтобы наполнить ими те сердца, что пришли с ним в соприкосновение в данное летящее мгновение.

Порывы мозговых центров не укладываются в духовном движении и не ведут к совершенствованию. Они составляют только путь к озарению и вдохновенному творчеству. Но сами по себе не составляют двигателей духа.

Вот почему люди малограмотные могут быть мудрецами и оказаться на голову выше миллионов ученых, постигающих лишь то, что можно доказать геометрически, физиологически и иными материалистическими способами. Но там, где дело идет о материи духа, то есть об интуиции, там творит только сердце. Поэтому не ищи отныне в книгах ответа на свои вопросы.

Читай книгу собственной жизни, живи по Евангелию собственного трудового дня, и ты постигнешь все йоги мира твоим — невозможным для другого — путем".

Я невольно опустил книжку, и мысль моя вернулась к Пережитому за сегодняшний день. Я снова и снова видел перед собой тех людей, с кем встретился сегодня.

Лица и слова выплывали передо мной, как на экране, и я четко видел, как мало я был истинным учеником.

Чем, какими наилучшими мыслями я наполнил сегодня вселенную? И с особой ясностью я остановился на проведенном у Аннинова вечере.

Музыкант встретил нас, весь горя желанием играть. Глаза его смотрели на нас, но точно скользили по нашим лицам, не различая, кому именно он подавал свою красивую, но такую огромную руку, что моя в ней совершенно утонула.

Очень странно я чувствовал себя в зале Аннинова. Я подмечал здесь все внешнее, все движения музыканта: как он подошел к роялю, как поднял крышку, как расправил складки своего европейского платья, садясь на табуретку, как, сидя, подвинтил винт табуретки, подняв ее на нужную ему высоту, как положил руки на клавиши, точно задумавшись и забыв обо всех нас.

Анна и Ананда заставляли меня забывать обо всем, кроме их лиц, казавшихся мне лицами сверхъестественными. Здесь же лицо музыканта казалось мне некрасивым, хотя я не мог сказать, что оно не было своеобразно и оригинально. Лицо аскета, сильное, жесткое, углубленное, не допускающее равенства между собой и окружающими.

Я посмотрел на И. и поразился доброте, с которой он смотрел на музыканта.

Аннинов вздохнул, посмотрел куда-то вверх, оглянулся кругом и встретился взглядом с И. Точно молния сверкнула по всей его фигуре, он вздрогнул, детски улыбнулся и сказал:

— Восточная песнь торжествующей любви, как понимает ее мое сердце.

Нежный звук восточного напева полился из-под его пальцев и напомнил мне Константинополь. Я однажды слышал там маленькую нищенку, которая пела, трогательно ударяя в бубен и приплясывая под аккомпанемент двух слепых скрипачей.

Эта картина рисовалась мне все ясней по мере того, как развивалась тема Аннинова. Я забыл, где я, кто вокруг меня, я жил в Константинополе, я видел его улицы, Анну, Жанну. Я жил снова в доме князя, я плавал среди стонов и слез, молитв и благословений, я ощущал всю землю Востока с его предрассудками, опытом, страстями, борьбой.

Вот толпа женщин-рабынь, закутанных в черные покрывала. Вот их стоны о свободе и независимости, о свободной любви. Вот унылые караваны; вот злобный деспот с его гаремом, вот детские песни и, наконец, выкрик муэдзина.

И все дольше лилась песнь Востока, вот она достигла дивной гармонии, и мне вспомнился мой приятель турок, говоривший: "Молиться умеют только на Востоке".

Внезапно в музыке пронесся точно ураган, и снова полились звуки неги

и торжества страсти, земля, земля, земля...

Аннинов умолк. Лицо его стало еще бледней обычного, он переждал минуту и снова сказал:

— Песнь угнетения Запада и гимн свободе.

Полились звуки «Марсельезы», звуки гимнов Англии и Германии гениально переплетались с печальными напевами русской панихиды. Вдруг врывались, разрезая их, песни донских казаков, русские песни захватывающих безбрежных степей, и снова стон панихиды...

Я весь дрожал от неведомых мне раньше чувств любви и преданности родине и своему народу. Казалось мне, я всегда любил родину, но тут через музыку Аннинова я понял первый долг человека, о котором говорил Али моему брату: о любви к родине.

Вот оно, свое место, особенное, неповторимое для другого, место каждого на земле; Аннинов лил в мир свою любовь к родине, хотя покинул ее давно и не возвращался много лет. И я понял, что дом его был не интернациональный, а русский. Дом, язва которого не заживала в его сердце.

Благоговение к его скрытым страданиям, только сейчас проникшим в мою душу, наполнило меня, и я преклонился перед этим страданием, как когда-то мой дорогой друг, капитан Джемс, поклонился предугаданному им страданию Жанны, которое он сумел прочесть в ней.

Я понял, как я далек еще от бдительного распознавания, от счастья жить в признании каждого создания божественной силой.

Мой дух был потрясен. Я не мог лечь спать и вышел в парк ждать рассвета.

Глава 8

Обычная ночь Общины и что я видел в ней. Вторая запись брата Николая. Мое бессилие перед «быть» и «становиться». Беседа с Франциском и его письма

Я возвратился в мою комнату, как только стало возможно читать. Но в эту чудесную, короткую ночь мне было суждено выучить еще один великий урок. Не успел я углубиться в аллею парка, как заметил, что я в нем далеко не один.

По дальним аллеям бесшумно двигались фигуры, и когда я спросил одного из встретившихся мне братьев, ходившего взад и вперед по аллее, ведущей за пределы парка к ближайшим селениям, не спится ли ему, как и мне, в эту ночь, он мне ответил:

— О нет, милый брат, сон мой всегда прекрасен". Но сегодня моя очередь ночного дежурства; и я буду очень рад служить тебе, если тебе в чем-либо нужна моя помощь.

— Ночное дежурство? Но для чего оно? Разве можно ждать ночного нападения на Общину?

— Нет, врагов у Общины нет, хотя звери иногда и забегают сюда. Дежурство братьев существует для того, чтобы подавать помощь людям во все часы суток, независимо от того, будут ли это часы дня или ночи.

— Но кому же нужна помощь ночью? — продолжал я спрашивать с удивлением.

— Кому, — засмеялся брат. — Ты, вероятно, очень недавно в Общине. Пойдем вон к тому огоньку, куда я сейчас провел трех спутников. Ты сам сможешь судить, был ли я прав, решив, что им нужна немедленная помощь, хотя сейчас и ночь.

Огонек, на который мы пошли, казавшийся таким крохотным, оказался на самом деле совсем не маленьким, но был так далеко от нас, что я и принял его за маленькую лампу.

Мой спутник подвел меня к домику, три окна которого были ярко освещены. По его знаку я подошел к одному из окон и увидел худую, истощенную женщину в туземном истрепанном платье, с младенцем на руках. Спinoй к окну стояла женская фигура, одетая в обычное платье сестры Общины, и подавала путнице чашку дымящегося молока, хлеб с медом и еще какую-то пищу, которой я рассмотреть не мог.

Внезапно сестра повернулась лицом к окну, и я едва сдержал крик: кормившая несчастную была леди Бердран. Стоявший подле меня брат, заметив, что я отшатнулся, решил, что я уже рассмотрел картину деятельности в этой комнате, взял меня за руку и осторожно, чтобы я не наступил на цветочные клумбы, перевел меня ко второму светящемуся окну.

Как раз в ту минуту, как я прильнул к окну, раскрылась дверь в глубине комнаты, и я увидел старика, очевидно, только что вышедшего из ванны, которому незнакомый мне дежурный брат помогал надеть чистое платье. Брат вывел старика из глубины комнаты и усадил к столу. По манерам старика я понял, что он слеп, хотя глаза его были широко открыты.

Дверь снова открылась, и молоденькая сестра ввела мальчика лет восьми, очевидно, только что умытого, причесанного, и посадила его рядом со стариком за стол. Я понял, что мальчик служил поводырем.

Через минуту та же сестра принесла обоим странникам по пиале дымившегося супа, а брат отрезал им большие ломти хлеба. Я давно не видел такой жадности, с которой накинудись на пищу дед и мальчик.

Мой спутник перевел меня к третьему окошку. Здесь сидела женщина, закутанная во вдовье покрывало. Она крепко сжимала руками свой живот и раскачивалась из стороны в сторону, время от времени издавая сдерживаемый стон.

В комнате были две сестры и знакомый мне врач. Все они хлопотали возле женщины, усиленно ей что-то объясняли, в чем-то убеждали, чего та не могла или не хотела понять.

— Я ее встретил у окраины парка и вытащил из петли ее собственных кос, которыми она хотела удавить себя. Она так отчаянно мне сопротивлялась, что я должен был позвать на помощь еще двух братьев. Мы втроем еле смогли довести ее сюда. Я подозреваю здесь одну из бесчисленных драм вдовьего положения. Не одна жизнь уже спасена Общиной из числа страдалиц невыносимого социального предрассудка — вдов Индии. Али и многие его друзья борются всеми силами и с этой скорбью Индии. В дальних Общинах, среди лесов, есть детские приюты, где несчастные вдовы-матери обслуживают своих и чужих детей. Суди теперь сам, дорогой брат, нуждается ли в ночной помощи этот кусочек мира.

Он вывел меня на одну из аллей, ласково простился и вновь пошел на дальние дорожки, продолжая свое ночное дежурство. Расставшись с ним, я остановился и стал осматриваться вокруг. Куда бы я ни повернулся, сколько хватало глаз, всюду я видел маленькие огоньки, значение которых я теперь

хорошо понимал.

Целые рои новых мыслей зажглись во мне. Я начинал понимать, что значит, не теряя ни минуты в пустоте, "быть бдительным" и служить встречному человеку, служа в нем самой Жизни.

Я возвратился домой и снова стал читать книжку брата.

"Мы с тобой прервали нашу беседу на том месте, где я характеризовал твою деятельность как служение Богу в человеке, — читал я продолжение второй записи, точно она была продолжением моих собственных мыслей. Это путь каждого человека, ищущего ученичества. Для ученика нет иных часов жизни на земле, как часы его труда; и весь его день — это радостное дежурство, которое он несет не как долг или подвиг, а как самое простое сотрудничество со своим Учителем.

Радостность ученика приходит к нему как результат его знаний. В нем до тех пор изменяются все его предрассудки тяжелых обязанностей, скуки добродетельного поведения и нудности долга, пока сердце не освободится от мыслей о себе, о своем «Я».

Как только станет легко, потому что глаза перестали видеть через призму своего эгоистического «Я», так ученик стал готов к более близкому сотрудничеству с Учителем.

Как ты представляешь себе эту взаимную деятельность ученика и Учителя? Думаешь ли ты, что Учитель ежечасно направляет весь день труда ученика, водя его на полотенце, как мать младенца, стараясь научить его ходить?

Нежность внимание и любовь-помощь Учителя превышают всякую материнскую заботливость. И характер их совершенно иной, чем заботливость матери, в которой на первом плане стоят бытовые, чисто эгоистические заботы.

Двигатель деятельности Учителя в его охране ученика лежит в самом ученике, в его порывах чистоты. Не в том забота Учителя, чтобы предложить ученику комплекс тех или иных условных возможностей и рецептов, как достигнуть совершенства, но в том, чтобы возбудить дух его к тем делам, что необходимы именно ему для его высшего развития. Где он мог бы сам найти весь тот Свет и истину, через которые сумел бы понять, что знание не есть ни слово, ни учение. Оно — действие. Оно означает: быть и становиться, а не слушать, критиковать, принимать, что нравится, выкидывать, что не подходит своему предрассудочному убеждению данной минуты, и принимать частицу, не видя целого. Дух Учителя толкает ученика к распознаванию, к умению свободно наблюдать за своими собственными мыслями.

День за днем все крепнет верность ученика, если он видит в каждом деле не себя, а ту любовь, что идет через него. Не «Я» становится его бытом, но через меня. Он освобождается с каждым днем от все большего количества предвзятых мыслей, которые коренились в его «Я». И его бесстрашие, бывшее раньше порывами его ума и числившееся среди его добродетелей, становится атмосферой его дня, его простой силой. Не имей предрассудка разъединения от Учителя только потому, что тебя разделяет с ним расстояние. Расстояние существует до тех пор, пока в сердце живет предрассудок жизни одной земли. Как только знание расширяет кругозор — исчезает и тень расстояния, как и тень одиночества.

Перед проясняющимся взором ученика не стоят горы мусора, мешающие ему видеть Гармонию. Но Гармония не зависит ни от места, ни от храмов, у которых молятся, и сама она не храм, которым восторгаются. Гармонию постигают постольку, поскольку носят Ее в себе.

Через внутреннюю самодисциплину человек начинает проводить в свой текущий день не только свое духовное творчество. Он, работая над новым пониманием, что такое «характер», по новому складывает и всю свою внешнюю жизнь. Если раньше он торопливо вскакивал с постели, в последнюю минуту покидая свою комнату, чтобы только поспеть к неотложным делам, и оставлял свою квартиру, как запущенное логово, — теперь ему становится ясно, что окружающая его атмосфера неотделима от него самого.

Если раньше он вел неаккуратную жизнь, оправдывая себя талантом, и принимал свою богему за неотъемлемую часть артистичности, то он ничем не отличался от любого «теософа-искателя», считающего свое внешнее убожество неотъемлемым бесплатным приложением к своим исканиям, к своей теософии.

Чем шире раскрывается духовный горизонт ученика, тем дальше и яснее ему, сколько красоты он может и должен вносить в свой быт, чтобы быть живым примером каждому, с кем столкнула его Жизнь.

Простой день ученика, бдительно проводимый в труде, внимании и доброте, перестают быть унылым, серым буднем, как только в задачу вошло не «искать», а "быть и становиться".

Перед глазами ученика перестает разворачиваться панорама одних голых фактов земли. Его дух льется во все и связывает ежечасно лентами любви все случающееся в дне, всегда сливая в цельное единство оба трудящиеся мира: мир живого неба и мир живой земли.

Чтобы тебе приготовить из себя то высокое, духовно Развитое существо, которое может стать учеником, тебе надо понять, принять и

благословить все свои внешние обстоятельства.

Надо понять, что тело и окружение не являются плодом одного настоящего воплощения. Они всегда карма веков. И ни одно из внешних обстоятельств не может быть отброшено волевым приказом. Чем упорнее ты хотел бы отшвырнуть со своей дороги те или иные качества людей или ряд обстоятельств, тем упорнее они пойдут за тобой, хотя бы временно тебе удалось их выбросить или от них скрыться.

Они переменяют форму и снова, рано или поздно, встанут перед тобой. Только сила любви может освободить внешний и внутренний путь человека, только одна она превратит унылый день в счастье сияющего творчества.

В начале духовного развития, каждому человеку кажется, что талант творчества — это выявленное вовне могущество духа. Он не принимает в расчет величайших неосязаемых даров: смирения, чистоты, любви и радости, если они не звучат для него как полезная земная деятельность.

Только длинный путь труда в постоянном распознавании приводит к целеустремленности Вечного, в каждом летящем действии его духовного и материального творчества. Порядок внешний становится простым отражением порядка внутреннего, точно так же, как каждое обдумывание протекающего творческого порыва не может выливаться в действие дня без базы диалектического мышления.

Если скульптор хочет отразить порыв к победе всего своего народа, он должен углубиться во всю его историю, должен духом прочесть невидимые страницы доблести и национальной мудрости своего народа, постичь сам, в собственном сердце, вековое самоотвержение народа, главные идеи, двигавшие его в целом к совершенствованию, — тогда только он сможет уловить ноту, на которой звучит для народа его современность.

Тогда скульптор может создать в своей глине живой порыв, когда пережил в своем сердце всю Голгофу, всю скорбь распятия, все величие движения своего народа по этапам исторических мук и возвышений к тому кульминационному моменту духовной мощи своего народа, который художник хочет отразить для истории.

Ни глина, ни полотно не выдержат экзамена и нескольких лет, если их творцы ухватили лозунг и пустили его в массу как ходкий и прибыльный товар. Их произведения займут место как плохая агитационная реклама среди случайно выброшенного хлама.

В порывах творчества ученика, как у талантливого доктора, всегда живет меткость глаза духовного, ведущая непосредственно к интуиции. Но

эта интуиция, не плод крохотного исследования, а синтез Мудрости, просыпающейся вовсе не в этот протекающий момент; она только видимое следствие многих невидимых творческих напряжений, имя которым Любовь.

Раскрепостить в себе Любовь и достичь возможности лить ее мирно и просто, как доброту, во все дела и встречи нельзя умственным напряжением. Свободно наблюдая свои порывы, неустойчивость, скептицизм или жадность, можно только прокладывать мелкие тропки, по которым со временем двинется сила, как кровообращение нового организма.

Что такое ученичество? Только, путь освобождения. Можно ли считать ученичеством жизнь, если в ней нет основ мира? Такого ученичества быть не может. Сколько бы, какими бы путями ни искал человек Учителя, он его не может найти, если все его мировоззрение полно легкомыслия и если он наивно ожидает, что у него внутри что-то само по себе изменится, раскроется, лопнет, как гнойный нарыв, или, наоборот, расцветет махровым цветом.

Скучнейшие «искатели» — это те, вечно оглядывающиеся назад и ищущие в настоящем оправдания или подтверждения тех бредней, что снились им в молодости. Величайший из путей труда — путь освобождения.

Нет ни одного мгновения, которое могло бы выпасть из цепи звеньев кармы, без самой величайшей обязанности человека: подобрать его немедленно, ибо оно всегда зов Вечности, всегда ведет к освобождению, как бы ни казалось оно легкомысленному человеку маловажным.

В ученике, оценившем путь не только свой, но и каждого другого, то есть понявшем важность воплощения, недопустимо легкомыслие. Это не значит, что надо двигаться по земле с важной физиономией выполняющего «миссию» и не умеющего смеяться существа. Это значит в каждое мгновение знать ценность летящего «сейчас» и уметь его творчески принимать и отдавать.

Плоть и дух, как нераздельные клетки, не могут сочетать небо и землю иначе, как развиваясь параллельно. И чем больше развязывается мешок духа, тем шире освобождаются клетки тела для впитывания в организм светоносной солнечной материи.

Смерть для очищенного организма — только порыв движения величайшей радости.

Смерть для человека, всю жизнь развязывавшего мешок предрассудков, — крестный путь очищения, хотя бы человек был очень

хорошим и добрым в своей обывательской жизни.

Быт, с его условностями, чаще всего скрывает собой те стены предрассудков, о которые разбивает себе лоб умирающий. Первая из заповедей твоего ученического поведения должна состоять в легкости дня как сложного конгломерата духовного единения с живой жизнью каждого встречного земли. Для тебя «день» — это всегда и во всем участие тех невидимых помощников, что окружают тебя, вне зависимости от места, времени и расстояния, во всех твоих делах и встречах. Ты никогда не один, ты всегда трудишься с ними.

Пока в ученике не разовьются его психические чувства, дающие ему возможность ясно ощущать присутствие высоких сил, верность его должна вырасти в огромную любовь. Любовь, к кому бы она ни была — к Богу, к Учителю, к любимому святому — только тогда приведет к желанному слиянию с теми, кому поклоняются и кого зовут, когда перейдет в служение видимым окружающим людям, которым ученик научается нести поклон любви.

Путь ученичества для всех один: если несчастные стучатся в твою дверь — ты на правильном пути".

Здесь вторая запись обрывалась.

Я невольно закрыл лицо руками и погрузился в великие мысли, которые читал. Боже мой! Как далек я был от всех тех этапов зрелого духа, о которых сейчас читал. Я невольно стал думать о дорогом брате-отце, двадцатичетырехлетнем юноше, офицере, почти ежедневно участвовавшем в стычках с горцами, постоянно жившем под угрозой ранения или смерти, всегда имевшем для крошки брата-сына нежность и ласковую, спокойную улыбку.

Я вспоминал это постоянное спокойствие брата Николая, передумывая по-новому всю жизнь его. И жизнь эта казалась мне теперь подвигом. Я не мог вспомнить ни одного женского образа, пересекавшего жизненную дорогу брата Николая, а он ведь был бесспорным красавцем.

Теперь я по-новому понял его скорбное, до неузнаваемости изменившееся лицо, когда я видел в первый раз, в аллее в К., Наль. Я понял и выражение муки во всей его фигуре в саду Али перед пиром. Я вспомнил и другого избранника духовного пути — Али-молодого. Слезы лились из моих глаз, но то были не слезы, оплакивавшие смертные муки дорогих мне людей, а слезы благоговения перед величием того, что только может вынести дух человека и каким примером сияющей помощи может стать такой человек. Моя мысль, мое сердце преклонились перед всеми, кого я встретил за последнее время. Я не мог найти достаточной благодарности

для И. и Франциска, я повторял первые слова записи брата Николая, "Слава Тем, Кто довел меня до этого великого момента моей жизни. Слава тем, кто, как и я, дойдет до него".

Я почувствовал, что Эта теребит меня за рукав, поднял мою чудесную птичку, прильнул к его головке и не мог сдержать слез. Эта охватил крыльями мою голову, точно разделял мои слезы и утешал меня, и так застал нас И., вошедший в комнату.

Рука моего дорогого Учителя и друга нежно легла на мою голову и неподражаемо ласковый голос ободрял меня:

— О чем же ты плачешь, мой милый друг? Ведь то, что там прочитано и так потрясает тебя в пути дорогих тебе людей и высоких друзей, оно только тебе кажется героизмом отречения. Для них же оно — героика творчества и созидания, героика величайшей, непобедимой творческой силы: Радости. Запомни то, что я тебе скажу сейчас, и постарайся ввести мои слова как действие, как заповедь в твою новую жизнь. Нам с тобой приходилось уже не раз говорить о слезах. И я каждый раз объяснял тебе, что слезы, всякие слезы, расслабляют человека. Ты же, вступив на путь освобождения, взял на себя радостную деятельность становиться силой слабому, утешением горестному и помощью безнадежному. Не задавайся сейчас задачей победить слезы волевым давлением на себя. Но каждый раз, когда слеза готова скатиться с твоих глаз, подымайся духом выше и вспоминай о всех несчастных, которых в мире — и без твоих слез — так много. Так много плачущих во вселенной, что ученик обязан осушать их слезы, а не увеличивать их потоки.

Как только мысль твоя поднимется выше твоих эгоистических мыслей, ты увидишь, что всякая слеза — всегда слеза о себе, как бы ты ее ни расценивал. В твоем теперешнем положении, когда ты и слышишь голос Безмолвия, и видишь образы дорогих тебе людей независимо от места и расстояния, каждая твоя слеза ломает какой-либо из тех мостов, по которым идет твое общение с ними. Начинай свой день благословенной радостью жить еще один день на земле, еще один раз имея возможность поклониться Богу в человеке и помочь ему. Чем выше идет твое собственное раскрепощение, тем яснее самому, как легок мог бы быть путь человека и какую каторгой он делает для себя свой день, а нередко и для своих близких. В окружающей тебя в эти дни семье людей, где ты раскрепощен от всех забот быта, от всех его условностей, созревай, друг, для тех лет, когда будешь брошен во все напряжение человеческих страстей. Только теперь ты можешь в полном спокойствии развивать все свое самообладание. Очень немногим дается это счастье: складываться умом,

сердцем и характером среди людей, лишенных эгоизма. Все твои встречи здесь — это встречи старых и новых карм. И чтобы не упустить ни одного звена, которые подаются тебе любящими и заботящимися о тебе, у тебя остается одна задача: не лить слез, которые темнят очи духа, но лить радость, которая помогает каждому существу, пройдя мимо тебя, всколыхнуть в себе красоту, а не уныние. Возьми Эта, мы пойдем с тобой купаться и не вернемся сюда, навестим Франциска. Мне надо переговорить с ним о многом и, главное, узнать, отпустит ли он меня сейчас в дальние Общины, куда меня настойчиво зовут. А между тем и здесь много дела и без меня Франциску будет трудно. Включись, мой милый, в сеть интересов нашего общего дела и забудь о возможности плакать, хотя бы и благоговей перед героизмом других. То, что сегодня тебе кажется недостижимым героизмом, то завтра становится просто трудным, а послезавтра — не трудным. И задача дня не в самой героике чувств, а в том, а чтобы все, чего ты достигаешь, не казалось тебе достигнутым через Голгофу, а достигалось легко, радостно, просто. Сегодня у тебя будет много труда. Ты спал ли ночь? — спросил И., пристально глядя на меня.

Я рассказал ему, как провел ночь, что видел и как был поражен, увидев леди Бердран на ночном дежурстве.

— И еще раз, дорогой И., я увидел, насколько незрелы мои понимания, как я слеп, судя о людях, как я ничего не распознаю среди окружающей меня жизни.

— У каждого свой путь, Левушка. Быть может, тысячи и тысячи хотели бы перемениться с тобой ролями. Но сцена театра жизни подчинена законам вселенной, и роли в этом театре не могут быть розданы по личному расположению директора или его режиссеров. Высшая режиссура приводит каждого к его мировому станку труда. А как каждый будет работать на нем, это индивидуальная неповторимость. И сколько бы ролей ни набрал человек, творить он будет только в той, где сумел добиться гармонии.

После купанья мы пошли в больницу к сестре Александре. В первый раз я был в больнице так рано. Картина, которую я увидел, меня умилила. В огромной столовой за детскими столами я увидел много выздоравливающих детей, обслуживаемых тоже детьми постарше и молоденькими сестрами, и снова поставил себе в укор, что до сих пор не знал ни размеров больницы, ни пределов ее помощи населению.

Многие из детей восхищенно приветствовали И., и опять я не знал, когда и где они могли познакомиться с ним. Карлики, не поддаваясь никакой дисциплине, бросились к И. и повисли на нем, как виноград. Из

дальнего угла прямо к нам шел Франциск и провел нас, со всеми нашими карликовыми ношами, к своему столу, где и усадил нас, заботливо предложив нам еду. Завтрак здесь состоял из холодных вегетарианских блюд, но каждый мог, если хотел, получить и горячий суп, и картофель, кроме всем полагавшихся фруктов.

Франциск, как и всегда при встрече со мной, долго не выпуская моей руки из своей, нежно улыбался.

— Так, так, Левушка, расти, красавец, расти. Скоро увидишь жизнь несчастных, копи радость, чтобы их облить ею. Таких увидишь несчастных, о существовании которых до сих пор и не знал. Пора, пора тебе мужать. Не беспокойся. И., бери их всех и поезжай. Здесь мне помогут. Флорентиец скоро пришлет сюда кое-кого.

Помощники мне будут.

— Ты всегда готов взять любую ношу, Франциск. Но позволяет ли тебе твоё здоровье сейчас так много трудиться? Ты иногда забываешь, что Флорентиец запретил тебе без дневного отдыха нести дежурство.

— Не беспокойся, друг. Я провожу регулярно три часа в день за книгами, и это составляет такой отдых, что меня хватает даже на ночной обход. Сегодня у меня была великая встреча. О, как я был счастлив, что мог спасти загнанную судьбой нищенку от верной гибели! Несчастливая уже приготовилась утопить своего новорожденного ребенка и последовать за ним сама. Сейчас и мать, и ребенок радуются жизни, и я уверен, что этот ребенок будет большим человеком. — Франциск весь сиял. Любовь так и лилась из него. Лицо, которое не загорало ни под каким солнцем, почти прозрачное, с розовыми пятнами на щеках, это лицо выделялось не только своей белизной среди загорелых и смуглых лиц. Оно выделялось бы и из тысячи белых лиц, такая высокая сила духовности озаряла все черты этого лица.

Еще раз я наглядно увидел, что такое Любовь, и вспомнил недавно сказанные мне И. слова: "Ты думаешь, что высокое поведение людей — это героика отречения. Для них же оно — героика творчества и созидания, героика величайшей, непобедимой творческой силы: Радости".

На живом примере я видел сейчас эти слова И., и двойственное чувство наполняло меня. С одной стороны, я признавал недостижимость для себя сейчас подобной психики; с другой сторону, я все же продолжал думать, что человек приходит к такому состоянию любви только через ряд отречений.

Точно подслушав мои мысли, Франциск положил на мое плечо руку и заглянул в глаза:

— Двенадцать было апостолов у Христа. Но один Иоанн шел путем беззаветной любви.

Все остальные шли путями самыми разнообразными. И если у каждого из них была своя Голгофа, то только потому, что сила их страстей должна была развернуться в непобедимость и полное бесстрашие, верность и уверенность. Я уже говорил тебе, что знамение креста — это сочетание четырех блаженств: блаженства любви, блаженства мира, блаженства радости и блаженства бесстрашия. Эти развитые до конца аспекты любви в человеке приводят каждого к гармонии. И, чтобы войти и утвердиться в гармонию, каждый идет своим путем. Но придет к этому результату только тот, кто нашел радость в пути совершенствования. Жизнь, вся жизнь вселенной — всегда утверждение. Строить можно только утверждая. Кто же не может научиться в своей жизни простого дня, в своих обстоятельствах, радости утверждения, тот не может стать светом на пути для других. Но, Левушка, нельзя примерять крест жизни другого. По собственным плечам придется только один: свой собственный. Сейчас тебе кажется невозможным мой путь. Поверь, что таким же невозможным мне кажется твой. Я не могу себе вообразить, как это я сел бы писать какой-либо роман или повесть. И, признавая все величие пути писателя, изобретателя и так далее, я не могу даже и представить себе, как я мог бы идти одним из этих путей. Кроме смеха, я бы ничего не вызвал. Еще меньше я могу вообразить себя в роли Бронского или Аннинова, хотя на себе испытал не раз, какая дивная сила — талант артиста и как действительно его влияние. Талант может мгновенно просветлить всего человека, тогда как иные пути духовного воздействия требуют долгого кропотливого труда. Да что искать сравнительных примеров. Если бы мне пришлось вести жизнь и труд нашего общего друг И., я бы не мог его нести, так как не мог бы кочевать среди толп народа и умер бы, не принеся никому ни пользы, ни радости. Крест, который несут плечи человека по его простым дням, всегда легок. Но зрение человека так засорено, что вместо гармонии, в которой он должен творить и которою должен облегчать жизнь всех рядом идущих, человек сам же вбивает гвозди страстей в собственный крест. И вместо четырех блаженств натывается на торчащие в кресте гвозди, причиняя себе Рваные раны. Сейчас мы пойдем ко мне. Я дам тебе несколько писем к моим друзьям, живущим сейчас в Дальних Общинах. Передавая им мои письма, присматривайся к ним. Быть может, тебе перестанет казаться таким страшным делом существование человека, затерянного в неизвестном кусочке мира, лишённого шумной арены деятельности.

Мы двинулись в комнату Франциска, и я не мог отделаться от

удивления, как мог Франциск так метко и правдиво разобраться в моих ощущениях и мыслях.

Действительно, я нередко задумывался о жизни людей, которых встречал здесь, людей высокообразованных и талантливых, живших безвыездно в отдаленных селениях.

Еще чаще во мне мелькало нечто вроде тоски, когда я представлял себе тысячи людей, не покидавших никогда своих глухих селений, из поколения в поколение довольствовавшихся скромной долей жизни в унаследованном от дедов труде и домах.

И все эти мои мысли подсмотрел Франциск и, точно пепел, разворошил их сейчас во мне кочергой своей любви.

Когда мы вошли в комнату, первое, что сделал Франциск, — поднял крышку своего мраморного стола, и я увидел под нею чудесную высокую вазу, как мне показалось сначала. Но то была чаша из красного камня, точно рубиновая, и в ней, переливаясь всеми цветами, кипела жидкость.

Теперь я понял, что то был жертвенник. И жертвенник Франциска не был похож ни на один из алтарей, которые мне приходилось до сих пор видеть.

Красная высокая большая чаша стояла посредине, а за нею полукругом стояли чаши гораздо меньше, самых разнообразных цветов. Сначала мне показалось, что чаш очень много. Но присмотревшись, я увидел, что кроме красной, чаш было еще шесть.

Три из них стояли справа и три — слева.

Белая, синяя, зеленая стояли слева, затем некоторое расстояние — и чаши желтая, оранжевая и фиолетовая, все разных форм и огранки, окружали красную чашу. Из каждой чаши поднимался небольшой огонек такого же цвета, как была сама чаша.

Я перенесся мыслями в оранжевый домик, где стоял недавно перед таким же алтарем.

Франциск прикоснулся обеими руками к красной чаше, ее пламя вспыхнуло ярче, и я услышал его шепот: "Да будут руки мои и дух мой чисты, как чисто пламя Твое, когда буду писать зов Твой слугам Твоим".

Постояв минуту в сосредоточенности, он подошел к письменному столу, достал бумагу и стал писать. Как и все люди, я часто видел, как пишут другие. Видел я и рассеянных, как я сам, и сосредоточенно внимательных людей пишущими. Но лиц и фигур, подобных Франциску за его письменным столом, я не видал ни до этого часа, ни во всю мою дальнейшую жизнь ни разу.

Помимо того, что он, казалось, забыл обо всем и обо всех, его лицо все

время меняло выражение. И так ясна была мимика этого прекрасного лица, что я как будто бы сам видел, кому он пишет, и понимал, о чем он пишет.

Я был так увлечен созерцанием Франциска и его труда, что даже не заметил, когда И. вышел из комнаты. Предо мной шел точно личный разговор Франциска с его корреспондентами. Проходила целая вереница лиц. А письма скопились целой стопкой, и мне казалось, что это не конверты сложены на столе, а кусочки души Франциска, которую он разрывал и запечатывал в них.

Но вот он особенно углубился, склонился над бумагой, писал медленнее других писем, точно лучи падали от его пальцев на строки письма, и мне чудилось, что я вижу женскую фигуру, с отчаянием прижимающую к себе мальчика лет семи.

Иллюзия была так ярка, что я хотел уже выйти из комнаты, чтобы не мешать женщине говорить с Франциском наедине, как он посмотрел на меня и сказал:

— Учись владеть пространством. Я все время присоединяю тебя к моему труду, чтобы тебе легче было передать мою помощь всем моим друзьям и присоединить к ней еще и твою собственную любовь.

Теперь я понял, что образы, которые мне казались плодами моей фантазии, были на самом деле результатами любви Франциска, включавшего меня в свою мысль.

Окончив последнее письмо, он задумался, погрузился в молчаливую молитву, встал, взял в руки письмо и подошел с ним к жертвеннику. Здесь он опустился на колени, положил письмо на огонь чаши, охватил ее обеими руками, прислонился к ней лбом и замер в экстазе молитвы.

Я был потрясен силой, энергией, каким-то вызовом и требованием, которые исходили из всего существа Франциска. И я тоже опустился на колени, потрясенный сазом любви и самоотвержения моего друга, в своей молитве забывшего обо всем, кроме того существа, о помощи которому он молил ведомые ему высшие существа.

Как огненное пламя пробежало по мне сострадание к той, о ком молился Франциск. И в первый раз в жизни я понял глубокую силу и настоящий смысл молитвы.

Как умел и мог, я тоже молился о чистоте моих рук и сердца, чтобы быть в силах передать письма Франциска и не засорить их мутью собственной слабости и страстей. Много усилий я должен был сделать над собой, чтобы слеза умиления и преклонения перед самоотвержением моего друга и его даже трудно переносимой доброты не скатилась по моим щекам.

Сердце мое расширилось, я еще раз пережил слова Али моему брату о нищенствующем Боге, которому надо служить в человеке, и еще раз остановился в бессилии перед барьером, где сияли слова: "Быть и становиться".

Я видел сейчас одного из тех, кому уже не надо было «становиться», но кто был воплощенной добротой. Франциск встал с колен и подозвал меня к себе. Когда я подошел и стал рядом с ним у жертвенника, он сказал мне:

— Если ученик вошел в общение с одним Учителем, он вошел в общение со всеми ими.

Перед взором Тех, Кто просветлел, не может быть разъединяющих пелен. В этот миг Учитель луча Любви дает тебе поручение, передаваемое тебе мною. Внимай всей чистотой сердца и осознай, как все связано во вселенной, как всюду идет круговая порука. Минуту назад ты не знал о существовании целого ряда людей. Сейчас они для тебя самые близкие и священные друзья, ибо несешь им помощь в их страданиях.

Я вложу в этот конверт кусочек хитона одного из чистейших и любвеобильных созданий. Если сумеешь сохранить в сердце Свет и благоговение, с которым стоишь сейчас у алтаря, в ту минуту, когда будешь подавать это письмо, оботри сам ребенка этой матери, которой я пишу, тем кусочком хитона, что я вкладываю в конверт. Если же почувствуешь, что ты рассеялся, что образ мой не горит перед твоим духовным взором, отдай матери, пусть сама оботрет им личико своего сына.

Постигни в эту минуту, что служение ближнему — это не порыв доброты, в которой ты готов все раздать, а потом думать, где бы самому промыслить что-нибудь из отданного для собственных первейших нужд. Это вся линия поведения, весь труд дня, соединенный и пропитанный радостью жить. Оцени эту радость жить не для созерцания Мудрости, не для знания и восторгов любви в нем, не для прославления Бога как вершины счастья, но как простое понимание: все связано, нельзя отъединиться ни от одного человека, не только от всей совокупности своих обстоятельств. Ценность ряда прожитых дней измеряется единственной валютой: где и сколько ты выткал за день нитей любви, где и как ты сумел их закрепить и чем ты связал закрепляющие узлы. Сохрани в памяти эту минуту и укрепись в нити труда со мною, а, следовательно, и с моим Учителем, Учителем Любви, чье имя Иисус. Мой узел нашей с тобою нити труда я скрепляю всей любовью и чистотой, что живут в моем сердце. Прими мои письма у алтаря любви и пронеси их в той гармонии, какою ты сейчас полон. Та помощь, что подана легко и радостно, всегда достигает цели.

Человек проходит в высшую ступень, и во вселенной все светлое говорит: "Еще один этап пройден нами". Ибо, как я уже тебе сказал, все едино, все связано, ничто не может быть выброшено из встреч жизни, хотя бы само оно и не предполагало о своей связанности со всей единой Жизнью.

Франциск вложил лоскуток в конверт, поднес к своим губам письмо, что лежало на чаше и не сгорело от ее кипевшей как огонь жидкости, перекрестился им, говоря про себя: "Блаженство Любви, блаженство Мира, блаженство Радости, блаженство Бесстрашия, летите Гармонией моей верности и влейтесь в сердце существа, о котором молю тебя. Учитель, друг и помощник Света и Любви".

Пламя в чаше вспыхнуло. Франциск, а за ним и я, еще раз преклонили колена перед жертвенником, и он опустил крышку стола.

Передав мне целую пачку писем, — некоторые из них состояли из нескольких слов, — он завернул их в красивый шелковый платок, напомнивший мне синий платок сэра Уоми, только платок Франциска был мягкого алого цвета.

Невольная ассоциация всколыхнула во мне воспоминание об этом чудесном человеке, и я спросил Франциска, знает ли он сэра Уоми.

— Знаю, знаю, дружок Левушка, а вот Хаву не знаю, не видел. Как ты думаешь, испугался бы я ее черноты? — Франциск весело смеялся, глаза его блестели юмором.

— Мне сейчас очень стыдно, Франциск, но должен сказать, что я был так испуган при встрече с ней, что до сих пор помню мои тогдашние чувства. Теперь, когда я долго пробыл среди людей, чувства и силы которых не знают ни страха, ни раздражения, я и сам изменился, и многие прежние мои понятия уже не существуют.

Раньше я не мог даже понять, не только перелить в действие, что каждый встречный — мой Единый. Я не понимал, что вовсе не важно, каков Единый в нем, а важно, как мой, во мне живущий Единый приветствует божественный огонь во встречном. Теперь же я не могу себе представить, как можно встретить в человеке одни его личные качества, а не огонь Единой Жизни. Я стал теперь понимать и другое, о чем мне часто говорил И., что здравый смысл земли и такт самого человека составляют неотъемлемые приспособления, без которых невозможно нести свое дежурство и уметь передать помощь Учителя людям. Мне совершенно сейчас ясно, что знать — это значит уметь. В эту минуту во мне исчезла какая-то часть помехи к тому, чтобы "быть и становиться".

— Это очень и очень большой шаг, Левушка, в духовном росте

человека. Раз или два каждый человек может поступить по-ангельски, и это, конечно, много. Но не эти поступки составляют путь освобождения, а только простой трудовой день. Когда будешь передавать мое письмо старцу Старанде, — внимательно присматривайся к нему. И не только к нему одному, но и ко всем тем старикам, которые живут с ним в одном доме. Весь этот уединенный большой дом наполнен людьми, всю жизнь усердно искавшими Бога и путей Его. Но ни у одного из них не было и нет до сих пор ни чувства такта, ни понимания истинной красоты. Всю жизнь их духовные искания были в противоречии с их действиями. Они все без исключения добры, готовы были отдать последнее, что имели, и все же ничего, кроме раздражения, не умели посеять вокруг себя. Даже пройдя через многие страдания и добившись приезда в Общину, они и здесь не могут быть гармоничны, и здесь их ауры вечно дрожат вспыхивающими огнями и нарушают мир в любой атмосфере, куда бы ни попали.

Для некоторых из них, в частности для Старанды, уже безнадежно достичь в этом воплощении такта и развитого чувства красоты. В нем закоренело и по старости одеревенело его самоутверждение. В него как ржавчина въелось представление, что прав только он один, а остальные судят поверхностно о великих истинах. Он считает, что если он понял слова Учителя именно так, по-своему, то истина тут-то и есть. И когда ты видишь и знаешь, что он понял все наизусть, — то все равно остаешься бессильным ему объяснить, потому что нудная одеревенелость его самости заставляет его молча тебя слушать и про себя думать: "Ладно, говори, я сам знаю, что мне нужно и как мне лучше". Знакомясь с этими людьми, будь бдителен.

Распознай яснее, что такое утверждение жизни в себе и вокруг, утверждение ее аспектов в себе и вокруг, и что такое пережившийся в организме эгоизм, принявший глупую и упрямую форму самоутверждения. Такой человек, не споря с тобой, якобы избегая внести раздражение, якобы оберегая твой дом или встречу, того не видит, что уже раньше встречи с тобой тебя осудил, уже вперед знает, что ты поступишь не так, как надо по его высшему пониманию. Он и до встречи с тобой, молясь о тебе, просил своего Бога «просветить» тебя. Но постараться развернуть из своего сердца луч радостной любви, собрать свои мысли в пучок Света и бросить их тебе под ноги, как ковер любви, он не подумал. Если с тобой случилось несчастье или большая неприятность, он скажет со вздохом: "Видно, ты так заслужил", но не прильнет всею большой любовью к твоим ногам, чтобы принести тебе в дар хотя бы свое утешающее слово, что ему подсказал такт, если не имеет драгоценного масла сострадания, чтобы омыть твою горе или

неудачу и помочь тебе их перенести. Если он вызвал тебя на раздражение, если он докучает тебе своими бестактными просьбами, часто выпрашивая у тебя нужные тебе вещи, и сам несет их другим, благотворя им за твой счет, то все же вся его благодарность тебе выразится в том, что он скажет тебе: "Нас как будто Учитель учит другому, а ты вот раздражаешься". Сам же опять-таки не поймет, что сердце его похоже на сухую губку и он не может внести мира, потому что никого не любит сам, да вряд ли когда и любил, хотя, несомненно, думал, что любит. Часто эти люди бывали много и горячо любимы. Но их внутренняя сухость под внешней ласковостью отдаляла от них всех. Все их друзья уходили в смерть или отходили в глубоком разочаровании. Люди эти оставались в полном одиночестве и все же не могли понять своей огромной виновности перед Жизнью. Но каждый из них имеет и свои большие заслуги, а потому эти люди наши. Сама Жизнь находит способы дать им возможность долголетия, чтобы они имели время сбросить с себя предрассудок внешнего смирения, под которым живет большая гордость. Жизнь ждет, давая время их старой иссохшей губке сердца наполниться вновь любовью, очищенной и радостной. И иногда она успевает в этом.

И старец добивается полного переворота в себе, достигает истинного смирения, которое помогает ему легко нести день лишений. Самое печальное в этих людях — их непримиримость. Всю жизнь они жаждут подвига. В их мозгу часто шевелится мысль: «Пострадать». Но когда им приходится переносить лишения холода и голода, они переносят их в высшей степени тяжело. Здесь выявляется, как мало нажил в духе своем настоящего героизма человек, всю жизнь стремившийся к подвигу и отказывавший себе в мясе и рыбе. А когда настала пора без мысли о «подвиге» вегетарианства просто перенести то, что переносит огромная часть людей-бедняков всю жизнь, у них не хватает силы даже улыбнуться такому пустяку, как внешние лишения. Присмотрись, Левушка, и вынеси урок не для пользы психологического анализа будущего писателя, а для широчайшего раскрытия любви и сострадания, для радости знания: как труден каждому его путь освобождения и как нельзя судить человека, но можно лишь учиться у него, раскрывая самому себе свои немалые пороки и слабости. Раньше, чем передать каждому из моих адресатов письмо, приготовь всего себя к этому священному поручению. Вспомни, как мы вместе с тобой стояли у горячей чаши любви, и, раньше, чем подать письмо, омой руки и сердце в ее огне. Иди, дружок. До твоего отъезда мы больше с тобой не увидимся. Но мысленно я буду с тобой всюду.

Франциск поцеловал меня и добавил, чтобы я шел домой один, а И.

придет, когда кончит дела, чтобы я о нем не беспокоился.

Я вышел с территории больницы, нагруженный драгоценными письмами. В первый раз я получил поручение от человека, так высоко превосходившего меня своим духом. Я мысленно приник к Флорентийцу, прося его помочь мне выполнить эту задачу в наибольшем самообладании, такте и любви. Я нес мой сверток как святыню, и мне не хотелось никого видеть, ни с кем говорить. Я выбрал самые уединенные тропки и пришел в свою комнату, никем не замеченный.

Спрятав пакет Франциска, я сел читать записную книжку брата. Мой растревоженный дух не мог сразу перейти к делам земли. Я должен был прийти к полному равновесию и самообладанию, и записная книжка брата Николая была как раз ключом к ним.

Глава 9

Третья запись брата Николая

В нашей последней беседе мы с тобой говорили о путях ученичества, о том, что нет путей легких, что совершенствование дается человеку всегда и во всех областях творчества большим трудом. И чем выше поднимается человек в своем творчестве, чем шире становится его горизонт, чем дальше он видит путь и возможность достижения, тем яснее сознает и беспредельность совершенства, и малую степень достигнутого им самим.

Это присуще всем истинно даровитым. Всем творящим, а не «мастерящим», всем вдохновенным, а не вертящимся в вихре ложной экзотерии и старающимся выдать свою кустарщину духа, плоти и расчета, пылающую пафосом, за истинное творчество огня вдохновения.

Но, среди всех трудных путей ученичества, есть три пути, в которых трудности так велики, что идти ими могут только те избранники, что стоят сами уже на грани совершенства.

Первый из этих путей — путь любви.

Второй, — путь скорби и Третий, — путь ясновидения, Я вижу на твоём лице великое изумление. Тебе кажется, что именно эти пути, свидетельствующие о высокой ступени духовного совершенства, должны быть легче других. Сейчас ты поймешь, в чем особая трудность каждого из этих путей и что должен победить в себе каждый человек, чтобы идти ими.

Путь любви — в том смысле, как его представляют себе люди, — не существует.

Человек, воображающий, что он понял, что такое любовь, понял только одно: Милосердие бесконечно, пощада не знает предела и отказа, а потому за все, им содеянное, он получит индульгенцию не только от папы Римского, но и полное всепрощение от живых небес. Обыватель не прекращает своих надежд на то, что его «отмолят» те святые, к которым он привык прибегать в своих молитвах. Но что такое молитва, как приготовить себя к ней, об этом он не только не думал, но даже и не предполагал этой необходимости.

Он отлично знает, как надо приготовить себя к еде, ко сну, к серьезному разговору, но к молитве отношение одно: поспешный крест, еще более поспешное бормотание или громкое рыдание и долгое бормотание и... выполнен необходимый для «святого» ритуал.

У обывателя представление о людях, идущих путем любви, сводится к требовательности к ним. Без всякого стеснения люди идут к ученикам, высыпают им весь короб своего мусора, вроде слез от обиженного самолюбия, ссор, недостатка средств и так далее, и бывают очень обижены, если встречают не распростертые объятия и поглаживание по голове, а спокойное отношение к их периоду сумятицы.

Они ведь пришли туда, где их должны выслушать и утешить! Находясь на ступени само- а не человеколюбия, они и представить себе не могут, что прочел в них ученик, уже давно перешедший из ступени самолюбия в истинное человеколюбие. Не видя сами, не сознавая в себе и потеряв чувствительность к той мути мертвящего потока эгоизма, который живет в них и вокруг них и который они втащили в жилище ученика, люди глубоко уверены в своей правоте и уходят раздраженными, уколотыми в своей гордости за ту якобы холодность, которую они встретили в ответ на свою «откровенность» в жалобах и столах.

Каждый из учеников, идущих путем любви, натывается десятки раз в своем трудовом дне именно на эти встречи. Как драгоценные перлы среди навозной кучи, находит он случаи истинного горя, где всею своею любовью спешит освободить и раскрыть человеку его собственные глаза на сокровища его живой Любви, им в себе носимой.

Ученик пути любви — это чистый, стоящий у грани совершенства, который победил в себе все страсти. Это тот, в ком уже нет его личных качеств и достоинств, но в ком ожили и движутся все аспекты его Единого. Такой ученик, поскольку в нем движутся все аспекты Единого, уже не только единица всей вселенной. Он — единица Вечного Движения, очищенная от самолюбия и несущая на землю радость одного человеколюбия.

Как ты представляешь себе, друг, какой устойчивости должна быть гармония такого существа? Что за силу должен нести в себе такой ученик, чтобы выносить ежесекундные удары встречных аур и не разбиваться от дисгармонии встреч?

Силы воли такой нет. Есть только одна сила: неразрывное слияние со всей Единой Жизнью. И так как у ученика на пути любви уже побеждено все от самолюбия и горит немигающим огнем все от человеколюбия, то никакие удары и наскоки эгоистических аур не могут разбить его гармонии. Дух его — огонь. И не только потушить, заставить померкнуть, но даже колыхнуть его пламя не могут все усилия злых, вся муть и жалобы ищущих земных благ и благополучия, но утверждающих, что ищут Света и путей его.

Таков дух ученика Любви. Но плоть его — живущая по законам земли скорлупа — нередко бывает раздроблена, страдает тяжкими болезнями, вбирая в себя злобные и раздраженные огни встречных.

Среди всех ученических путей есть много случаев заболеваний плоти. Среди пути любви они чаще. Только немногие люди, особенно подготовленные владыками карм для задач служения человечеству в течение веков, могут держать в повиновении плоть и проходят свой урок векового труда в полном здравьи. Но они и иначе воспитываемы и оберегаемы высшими способами знаний, которых тебе в эту минуту твоего развития не понять.

Итак, сейчас тебе ясно, что путь любви — это не сентиментальное коленопреклонение перед теми или иными грехами или бедами людей. Не утешение леденцами плачущих младенцев. Но великая миссия помощи раскрывания в каждом из встречных его страстных пелен, окутывающих грязными и мрачными пластами живые частицы Единого, в человеке живущего.

Путь любви был бы невыносимой пыткой и приводил бы к мгновенной смерти каждого ученика, если бы в самом ученике могла еще жить хоть капля эгоистического «Я».

Но уста любящего раскрываются улыбкой милосердия всюду, где он мог вобрать в себя мутную волну плачущего встречного и проколоть его плотные покровы до самого сердца, чтобы ввести туда каплю своего Света. И никогда безнаказанно для плоти ученика не проходит переливание его духа в другое сердце. В каждую из таких встреч он вбирает в себя — в свои нервы, в свою кровь, в свое сердце — поток грязи и скорбей встречного. Их тяжкий яд и смрад остаются в его теле, облегчив встречного.

Кроме этой тяготы, путь любви имеет и еще тяжелую сторону. Очи духа ученика давно прочли до дна все раны человека. Давно поняли среди его мигающих и коптящих огней все его возможности, всю правду и всю ложь, все величие и всю мелочность его существа, а многоречивый жалобщик все еще на все лады разливается, стараясь выказать себя, как можно чище и возвышеннее, описать красочнее свои страдания.

И здесь спасает ученика Его полная невозможность ощутить что-либо как раздражающее или возмущающее начало.

Ученик любви уже не может двигаться и жить по законам одной земли и ее человеческой, узко понимаемой земной справедливости. Он — как живая единица Движущейся Жизни — живет по мировому закону: Целесообразности.

В иные моменты, когда эманации людей делают чашу ежедневного

труда ученика чрезмерно тяжелой и дух его страдает под ними не менее плоти, к ученику всегда спешит на помощь один из ближайших к нему Учителей, хотя бы он и не был его личным Учителем или поручителем.

Эти мгновения особо отяжеленной чаши — всегда новая ступень пути ученика к Свету и совершенству. Каков бы ни был путь ученика, где и как бы он ни двигался в своем служении ближним, эти мгновения горестного прохождения ступеней совершенства неизменно сопутствуют всем ученикам.

Ты недоумеваешь. Ты уже понял важнейшее духовное правило: "Знать — это значит уметь". И рассуждаешь по земной логике, логически правильно. Раз ученик «знает», ему легко и действовать. Это будет правильным в том случае, когда все страсти ученика перешли в силу радости. Тогда и ступени, кажущиеся самыми тяжелыми, становятся все легче и наконец не замечаются и не ощущаются учеником иначе как особенно яркие приливы радости.

Но к этому состоянию духовной мощи, как я тебе уже сказал, приходят те ученики, в ком ожили и движутся все аспекты их Единого. Тогда духовное «знать» значит «уметь».

Путь любви несет каждому встречному примиренность — это его особая черта. И именно этой особенностью наиболее ценен путь любви среди всех путей ученичества.

Не ту любовь цени среди своих встречных, где люди будут петь восторженные гимны своему Богу, Учителю, друзьям или плакать и пылать преданностью к тебе. Такие любящие мало ищут на самом деле отдать, а ревниво следят, не мало ли им воздадут наград за их верность.

Цени и сей любовь ту, где встречный не нарушил мира чужого дома, не раздражил и не досадил чужому сердцу. Ты перешел сейчас из жизни стучащего и ищущего в ряды тех, кому открылось и кто нашел единственную тропу Жизни среди миллиона иллюзий.

Но не считай, что в психике ученика что-то меняется именно в тот момент, когда он видит и находит Учителя. Я говорил тебе нашу пословицу: "Готов ученик — готов ему и Учитель".

Давно уже я давал тебе знать о моем присутствии. Давно я прислал к тебе старика-странника, который обучил тебя языку пали. Но тебе и в голову не приходило прислушаться к его рассказам внимательнее и глубже.

Учился ты охотно, так как тебе хотелось прочесть старинные книги, случайно купленные в нищей горной хижине, предназначенные к уничтожению. Но скептицизм мешал тебе вникнуть в слова старца, в его рассказы об Индии. И ты, недооценив, не отдал должного внимания

встрече...

Рассказывая тебе теперь о трудностях пути, я обращаю твое особое внимание на черту скептицизма в человеке. Тот, кто не может верить, чувствовать, быть преданным своему Делу до конца, тот не может быть вовсе учеником. Сколько бы с ранней юности человек-скептик ни искал Бога и путей Его, Учителя и встречи с ним, раз он не умеет быть верным до конца, все его поиски напрасны. Одной рукой он будет искать книги, переписывать слова Мудрости, а другой — в своей деятельности простого дня — разрушать все доски моста, что ведет к этой Мудрости, к Учителю, к живому небу.

Мост, по которому идут к Учителю, каждый строит себе сам. Из собственного сердца он вырастает и тянется так далеко, как велика верность человека. Мост сердца каждого ученика обязательно коснется другим концом сердца Учителя. И связывает оба конца верность ученика.

Представь себе теперь образно, может ли человек-скептик выстроить такой мост из своего сердца, если дух его постоянно разъедается сомнением?

Я прислал тебе старика. Почему же ты ему не мог поверить до конца? Ты был полон иллюзий о необычайной пышности Учителя. Ты не мог понять первоначальной истины: "Никто тебе не друг, никто тебе не брат, но каждый человек тебе великий Учитель".

Предрассудок, когда ты желал видеть Учителя в славе и почестях, в чудесах магии и внешнем великолепии, мешал тебе увидеть в нищем старике моего гона. Ты пойми навсегда, что наш гонец не кричит на базаре. А нужно нам — и муравей гонцом будет.

Сейчас, в эту минуту, от твоего скептицизма не осталось и следа. В твоём сердце устойчиво горит энергия верности. Но разве это случилось именно в эту минуту?

Разве месяц назад, спасая девушку от пьяной ватаги бандитов, бросившись один на пятерых на плохом скакуне, ты не прошептал: "Учитель, ко мне"? И я услышал твой зов, я послал тебе мою помощь, ветер ногам твоего коня, мощь твоей разящей руке, робость и ужас в сердца разбойников...

Перед каждым из учеников луча Любви стоит не только дракон сомнений, но еще и дракон доброты.

Обычно, по обывательским понятиям, «добрый», то есть ложно добрый, не может пройти ворот испытаний, ведущих вообще к пути ученичества. Истинно же, по общим понятиям, «добрый» не победит ворот, ведущих к лучу Любви. Он победит дракона скептицизма и сомнений, но перед

драконом доброты остановится.

Чтобы нести по серому дню чашу любви, надо носить в сердце и переливать в действия дня не простую обывательскую доброту и даже не простую настоящую доброту, необходимую в каждом луче, но доброту ту, высшую, доброту-Мудрость.

Чем же разнятся эти две доброты? Что присуще каждой из них? Обе они — действие милосердия. Но там, где простая доброта будет искать возможности утешить и успокоить, доброта высшая прочтет весь путь человека: его вчера, его сейчас, его завтра — и будет искать наиболее активного приспособления пробудить в человеке его энергию не только земного восприятия фактов, но и связи их с двумя планами, со всею Жизнью, с Вечностью.

Высшая доброта пути Любви — это конгломерат такта, радости, самоутверждения и энергии, пробуждающих силы человека. Как кипиток кипит, дух доброго в чаше его Любви. И чем освобожденное его дух, чем большее число аспектов Единого движения в его организме, тем ярче — всеми цветами радуги — переливается дух его творящих сил в чаше, производя впечатление кипящей, огненной жидкости.

Доброту луча Любви можно было бы назвать добротой предвидения. Ибо ученик, ее несущий, в одно мгновение видит весь путь, по которому можно направить дух встречного к миру и самообладанию; читает возможности его силы и мудрости и...

редко гладит по головке, а чаще берет бич и гонит из сердца встречного робость, предрассудки самолюбия, рассекает узость его духовных горизонтов.

Проникая в святая святых человека, ученик любви разрывает нитку мелочных жалоб одним твердым указанием человеку на рубцы от ран, которые он нанес себе собственными предрассудками. Они легли, как горы мусора, вокруг него. Если человек может прозреть и понять, как сидит в кольце предрассудков, что сам создал, он оценивает, принимает и благословляет свои обстоятельства. И связь его с учеником пути Любви устанавливается на века. Он идет примиренный и проходит — рано или поздно — в тот духовный план, где живут в двух мирах. Если же мелочность его подавила раскрывшееся на миг Свету сердце и его порыв святой радости затухают, и встреча потухла, как фитиль от коптящего масла. И до новой драгоценной, действенной встречи могут пройти века.

На человеке такая встреча рубца не оставит. А на ученике? Была ли встреча действенной, была ли она пустоцветом, в обоих случаях на ученике остаются следы.

От встречи действенной — когда устанавливается связь и человек движется к освобождению, — в ауре ученика остается лишняя звезда как действенный знак слияния Любви.

Если же ученик принес безрезультатно свою чашу Любви к устам, ногам и сердцу человека и встреча осталась мертвой, на всю его дальнейшую жизнь легла связь этой неудачи. И на странице его книги Жизни появится вековая запись о невыполненном долге. И до тех пор, пока в новой встрече, а иногда и в целом ряде встреч ученик не достигнет творческого результата и не сумеет повернуть дух встречного к Свету и миру, листы его книги Жизни все будут оставаться склеенными его невыполненным обязательством.

Вдумайся во все то, что я тебе сказал, и никогда не набирай долгов и обязанностей, которых на тебя никто не возлагал.

Тебе не совсем ясно, почему так строг и неумолим в ученичестве закон добровольного послушания. Если бы этот закон не был беспрекословен и не оберегал бы учеников, они закабалили бы себя на века в совершенно бессмысленные обязательства, которых, по неведению, набрали бы сверх всякой меры.

Главное, без чего нельзя нести чашу Любви, — это мужество в сострадании.

Человеку кажется, что сострадание — это пуховая подушка под больную голову, а ученику видно, что это лезвие ножа. Боль временная спасает от верной и вековой гибели. Не слово нежности и слеза, но бесстрашие и слово, помогающее мужественному раскрытию духовной ошибки, указание на задачу веков, а не на крошечный кусочек земного воплощения. Задача «встречи» ученика — это умение найти в себе и встречном такие приспособления, которые помогли бы обоим зажечь в себе огонь мира и мудрости и слить их в один общий костер гармонии, куда нить Учителя льется неудержимо.

Ученик, всегда ставящий на творческом мосту сердца образ своего Учителя, должен победить в себе все личное восприятие вошедшего к нему человека. Только крепко держа руку Учителя, видя через Его глаза то Вечное, что облечено в форму данного мгновения и вошло к тебе как человек, ты — мой ученик — сможешь быть действительно полезным своему собеседнику.

Представь себе, что к тебе вошел старик, которого ты давно знаешь, с которым когда-то ты был близок и дружил. Но когда между ним и тобою легли годы твоего усиленного духовного роста, они прорыли между вами огромное пространство. Ты двинулся в совершенно иное колебание волн;

их частота и длина открыли тебе новые звуки, новые краски и формы. Но эти достижения пришли через твой — индивидуально неповторимый и недоступный для другого — духовный путь. Ты не можешь ни передать его, ни объяснить своему старому другу, который, быть может, тоже двигался по своему пути освобождения, но не мог вступить в фазу твоего раскрепощения и развития.

Унылая картина недовольства тобой твоего старого друга — почти всегдашний финал земных дружб, основанных на обоюдном непонимании до конца того, что такое дружба, во имя чего она заключается, в чем ее ценность для всех людей.

Дружба, заключенная только потому, что один одинок и не имеет сил нести свой день радостно и легко без физической подпорки своим духовным силам. А другой не может удержать в сердце своих восторгов от духовных движений и должен переливать в чьи-то уши и сердца поток «своего» света. Эта дружба всегда приходит к определенному финалу, ибо уже в самом зачатке носит в себе крах.

Не Свет в путь другого нес каждый из сдружившихся таким образом. Каждый из них видел не Единого огонь, не жажда вливать как можно больше спокойствия в день другого, чтобы в нем росла сила Света, не мигала и горела ровным огнем. Каждый из сдружившихся искал подкрепления лично себе, а Единый болтался как брелок среди тысячи таких и иных бирюлек, служивших манками этой дружбе.

Бывает и еще род дружбы, где преданность доходит до фанатизма. Один спешит выполнить желание другого, но всегда ждет, чтобы другой наградил его за эту преданность. Здесь так же очи слепы, и так же ни один из друзей не может встать в совершенно бесстрастное и беспристрастное отношение к делам и действиям другого. Здесь тоже не у ног Учителя бьются сердца, чтобы жить только в творчестве Вечного, в двух мирах, но в мире только одной земли.

Я совсем не говорю о тех бесчисленных случаях уродства, называемого дружбой, где главным звеном живет требовательность к людям. Об этом, как и о любви, основанной на требовательности, говорить не стоит. Это еще та низкая ступень духовного развития, где ни о каком ученичестве, ни о каком Свете на пути и речи быть не может. Это еще преддверие, где только начинают зарождаться высокие человеческие чувства самоотвержения и преданности, но которые выливаются в действие как эмоции и порывы и никак не переходят даже в силы, не только в Свет.

Что же такое дружба учеников? Это простая и высшая доброта, лишенная условностей и предрассудков. Если ученик принес другу своему

помощь в его трудном Дне, — он нес ее не ему как таковому. Не своею рукой, от своих щедрот, но нес как гонец Учителя, ибо был им послан и нес его дар встречному.

Если он брал на себя обязательство перед другим, он брал его не на себя, а на весь круг невидимых помощников и защитников, то есть он был гонцом двух миров и выполнял задачу живого неба на земле. Сам же он только таким гонцом живого неба себя и ощущал, забыв, что между ним и его другом была целая куча условных перегородок, называвшаяся социальным положением, годами, бедностью, богатством и так далее.

Дружба учеников не может состояться по заказу, потому что оба идут ученическим путем и «надо» развивать — от ума идущее — дружелюбие. Каждый из учеников, если он действительно стоит в своем дежурстве перед Учителем, понимает все неисчислимое множество путей Света. Поэтому он знает, что нет никакой возможности сблизиться с теми из учеников, что идут путями строптивцев.

Это совсем особый путь, и в данной точке твоего развития ты не сможешь ухватить, почему и как люди приходят к этому пути. И я упомянул о нем только для того, чтобы ты знал и понимал, как часто ты будешь наткаться на людей, очень высоко развитых, но с которыми сблизиться — не только сдружиться — ты не сможешь.

В начале ученичества и самому ученику, и очень многим из окружающих его, знающих о его ученичестве, кажется, что он должен стать чуть ли не святым по своей доброте, выдержке и такту. Но этого легкомысленно и самому от себя требовать, и другим с ученика спрашивать каких-то экстренных перемен.

Это так же легкомысленно, как вообразить, что смерть физического тела вносит какое-то ураганное изменение в дух человека и он становится или святым и идет в рай, или грешником и идет в ад, покончив в одно мгновение счеты с прежней жизнью. Нет ни рая, ни ада. Есть все та же Жизнь, продолжающаяся в облегченной форме, так же точно, как нет революционных толчков в пути ученичества. Все толчки, все взлеты и падения — это преддверие ученичества.

Каждое глубочайшее переживание вталкивает человека в ущелье, где он мечется во тьме, пока не увидит светлеющих ворот впереди. Увидя, он идет к ним по тропе той ровности, какую создал сам своею Мудростью в период метаний и страданий.

Что необходимо ученикам, чтобы между ними засияла дружба? обоим стоять в верности перед лицом Учителя. В верности до конца. Это единственное условие.

Остальное не играет роли.

Но путь строптивца и здесь исключение. Строптивец может быть верней всех верных, и все же он пройдет свой путь земли не приобретя себе ни одного друга, и по тем или иным поводам со всеми перессорится.

Проверяя свой день дежурства, бдительно — бдительнее всего остального — разбирай свои ошибки такта. Многое можно упустить в труде дня, многое можно не довести до конца, но есть три момента в поведении ученика, где ошибок допускать нельзя. Эти моменты — с первого дня ученичества — должны стоять в центре внимания: такт, обаяние манер поведения и отсутствие язвящего слова в речи.

Для ученика первой ступени уже не может существовать духовной розни, как разъединения с кем бы то ни было. Конечно, я не говорю об учениках луча Любви, где нужно уже высокое духовное совершенство, чтобы двигаться в этом луче, атмосфера которого выше и более давяща для людей, чем атмосфера прочих лучей. Но для каждого ученика уже нет возможности зацепиться за чужой грех или страсть, как бы он ни был внешне не выдержан. Внутренне каждый принятый в ученики непременно член слиянного тела Единой Жизни.

Но будучи вполне доброжелательным внутри, ученик может быть лишен такта. И тогда при его продвижении вперед со всех сторон, как цепи, сплетенные из шипов роз и акаций, встают внешние препятствия. И он может, раскрывшись во всю полноту сил Мудрости во многих отношениях, превосходя знаниями и внутренним совершенством многих и многих, все стоять на месте в своей первой ступени.

Что бы ни делал в своем простом дне ученик, — если он ежедневно не достигает успеха во внешней форме подаваемого дела; если такт его развивается плохо, вернее сказать, и не развивается и не повышается, он мало успел в дне перед Учителем, хотя бы наделал много дел, по мнению людей.

В манере внешней подачи своего дежурства ученик никак не может идти в сравнение с обывателем. Нельзя сразу дойти до обаяния, если оно не дано как дар природы.

Но можно бдительно следить за отсутствием неряшества в доме, безобразия в платье и белье, чавканья во время еды, за порядком пуговиц и тесемок, и так далее.

Каждая встреча, где была одна внешняя лицемерная вежливость, а в душе думал: "Скорей бы ты ушел", была таким же выпадом из дежурства, как и встреча, где ты подал ковш добра, но раздражился или был неприятен в общении.

Третий момент — язвящее слово, которое сорвалось с уст ученика, должно показать ему самому его неполное доброжелательство. Следовательно, надо понять, что в такой момент человек не только выпал из ученического дежурства перед Учителем, но и выпал из единения со всеми кольцами невидимых сотрудников.

Как развить в себе бдительное внимание к этим трем, наиважнейшим в самодисциплине приспособлениям?

Если ты будешь давать своему вниманию эти три задачи как таковые, то весь твой трудовой день пройдет еще более затрудненным, чем тебе подали его твои обстоятельства. Но если ты будешь просто стоять в своих мыслях рядом с Учителем и будешь действовать, все время ощущая себя в Его присутствии, то никаких специальных задач твоей бдительности тебе прибавлять не придется.

Кроме того, каждому неофиту в его первых шагах дается всегда такое большое количество невидимых покровителей, следящих за всеми его действиями, что ему проходить свои первые шаги сравнительно легко.

Перед тобой, мой друг, лежит еще много рубиконов, но один из них важнее всех.

Вот он: ты привык к полной независимости, к полной свободе передвижений, к поискам Истины без всяких направляющих тебя рук. Теперь, если беседы мои всколыхнули в тебе огонь творящего духа и сердца; если ты понял меня и поверил мне, иди за мной, но иди так, как буду видеть и указывать тебе я.

Я объяснял тебе, что закон беспрекословного повиновения, добровольного, не создан в ученичестве, чтобы давить волю ученика; но чтобы защищать его от чересчур рьяного его же желания служить всем и каждому и — по недостатку знания — набирать долгов и обязательств свыше меры. Этот закон ограждает ученика от разбрасывания. Он помогает ему стойко и радостно стоять у тех мест, где его поставил Учитель, и не бегать от одного места к другому только потому, что кто-то ему прокричал, что он нуждается в его помощи больше другого, и надо все бросить и бежать оказывать помощь именно ему.

Ученик в дне своего дежурства у Учителя должен сознавать себя стоящим на страже с примкнутым штыком именно у того порохового погреба, где его поставил Учитель.

Он не может перебегать с места на место. Если же получит указание Учителя переменить место, даже изменить весь метод или путь, — то здесь указаний мелочного характера ждать не должно.

Надо самому понимать, что у порохового погреба не годятся подошвы с

гвоздями, а по горам не карабкаются на резиновых подошвах.

В ученичестве нужна наибольшая самостоятельность в активных действиях простого дня. И в этой самостоятельности необходимо научиться развивать все свои качества и приспособления для действий на земле среди людей самых различных положений, характеров, развития.

Сейчас тебе ясно, что такое путь ученического освобождения. Доведи понимание до конца. Не обязанность или кабалу монастырского пострига берет на себя ученик. Но вступает в новую, широкую и радостную полосу знаний, которые ему подает чья-то любовь, услышавшая призыв его чистого сердца. В следующий раз я скажу тебе о пути скорби".

Запись брата снова обрывалась, и, очевидно, между прочтенными мною только что и следующими строками прошло какое-то время, так как и чернила и манера письма были разными.

Я был так поглощен словами записи, так глубоко поражало меня ее содержание в связи с пережитым мною самим, что я не замечал, как летело время, как Эта принимался самостоятельно утолять свой аппетит и как за окном стали спускаться сумерки. Я перевернул страницу и снова стал читать.

"Оставшись один, я не сразу пришел в себя. Мне все казалось, что я слышу низкий, с характерным тембром голос моего чудесного гостя.

Странно я себя чувствовал. Вокруг меня в комнате стояла тишина, даже буран за окном, казалось мне, выл как-то мелодично. Но тишина впервые в жизни показалась мне не мертвой и молчащей, а говорящей, поющей, сияющей!" О, как я понимал сейчас эти слова брата Николая! Для меня так недавно стало красноречиво говорящим молчание природы. Так недавно я понял голос безмолвия, так недавно ощутил жизнь цветов, трав, деревьев...

Моя мысль снова перенеслась к жизни брата-офицера. Я опять подумал, как трудно, вероятно, было ему жить среди духовно и умственно убогого окружения. И какими же необычайными духовными силами должен был обладать сам мой брат, чтобы дойти самостоятельно до встречи с Али. А что это был именно Али, в этом я теперь уже не сомневался.

Многое вспоминалось мне из слов и действий брата, что только сейчас я связывал в стройную нить образов, все яснее понимал, кто был брат Николай и как я подле него жил ряд лет, даже не предполагая, подле человека какой высоты я нахожусь...

Я не позволил себе улететь в воспоминания и стал читать дальше.

"Я стал вообще замечать в себе нечто новое: какое-то прозрение, — читал я. — Как будто бы все мои нервы стали восприимчивее, слух тоньше, глаза видят зорче. Это очень странно и удивляет меня самого. После бесед

с моим чудесным другом очертания его фигуры остаются надолго запечатленными в моей памяти, и мне все кажется, что я вижу какое-то светлое облако на том месте, где он сидел.

Я мало начинаю сознавать время моего пребывания здесь и замечаю только, что я вдруг прихожу в себя, точно с неба сваливаюсь, потому что немой слуга прикасается ко мне и дает мне понять жестами и улыбкой, что надо есть или спать, или пройти к коням или еще что-либо.

Странно — более странно, чем что-либо другое, — но я стал понимать совершенно точно, что мой слуга совсем не немой. И второе — я стал читать решительно все его мысли, точно его голова связана с моей нитью движущихся образов. В первую минуту меня это поразило, и я остолбенел, смотря в лицо немого. Но заметив искорки юмора в его глазах и плутовскую улыбку, с которой он смотрел на меня, я пришел в себя.

В эту минуту я отдаю себе отчет еще в одной новой, открывшейся во мне силе: я твердо знаю, когда придет «Он», мой чудесный друг. И не только знаю, когда придет, но когда он еще далеко и только идет. Но ни разу мне не удалось подметить самого момента появления моего гостя. То ли от слишком напряженного ожидания я утомлялся и засыпал, то ли я чем-либо рассеивался. То ли меня отвлекал своим говорящим молчанием слуга, но каждый раз я вздрагивал, совершенно неожиданно встречаясь взглядом с незнакомцем.

Огонь его глаз все так же приковывает меня, но теперь я уже не страдаю от невероятного давления его чистоты, которая так же превосходит меня, как недостижимая чистота и любовь Бога.

И на этот раз я не уследил, когда и как он вошел: я поднял глаза и увидел его сидящим на обычном месте, но еще более ярким и ясным, чем накануне. Он сразу стал говорить, очевидно, также не нуждаясь в условном приветствии, как не нуждался в нем я, ибо все мое существо не только жадно ждало его но я с ним и не разлучался, впитывая в себя брошенные им мне мысли.

"Сегодня я хочу тебе сказать о величайшем из путей ученичества, о пути скорби.

Прежде всего, что есть путь скорби? Это не самый способ проходить свое освобождение. Это великая самоотверженность тех людей, кто решается идти по земле вестником скорби, неудач и несчастья для всех тех, куда его пошлют владыки карм и рука их Учителя.

Какой смысл пути скорби для людей? По верованиям христиан, Христос сошел в ад, чтобы спасти души грешных от вековой гибели. Его сошествие в ад было прогнозом христианства, оно принесло новому человечеству

закон кармы и развеяло иллюзию добродушно-морального равнодушия к текущему моменту жизни, к тому «сейчас», которым живет человек, которое можно прожить бездейственно, положившись на Провидение.

Активная энергия, принесенная людям Христом, выдернула из-под ног невежд основную опору лицемерия и подала пример действия "до конца", действия личной Доброты и любви.

Принести грешным можно только весть пробуждения, и именно она одна и будет вестью спасения. Но принести кому-либо самое спасение, в котором человек будет только кулем, плохо поворачивающимся и жалующимся на неудобства своего положения, — эту иллюзию разбил Христос.

Его миссия — пробуждение человека к его полному духовному росту. Он живет и по сей час, живет, движется и творит руками и ногами человеческими. Каждый из учеников скорби — Его ближайший сотрудник, Его первоначальное орудие, через которое идет начало формирования духовного пути целого ряда людей.

Гонец скорби — это всегда одаренный огромным количеством талантов, никогда не средних способностей человек. Это последняя стадия перед новым воплощением в образе гениально одаренного.

В пути скорби, как и в каждом пути, есть много ступеней. Одни из учеников скорби, более развитые духовно, идут в полном знании своих сил и несут людям скорбь, не страдая сами от ударов, вестниками которых приходят, и приносят оливковую ветвь мира в руках. Такие ученики, ударяя встречных, льют им мир и силы не только пробудиться и прозреть, но и выйти в новую жизнь, научившись, любя побеждать.

Их младшие братья по труду идут, не зная сами, что идут путем скорби. Они замечают, что их приближение к людям, их любовь, их дружба разрушают благополучие людей. Путем больших страданий они научаются побеждать в себе страх нести горе людям. Их талант помогает им прорваться тем или иным, способом к знанию, они встречают Учителя, и тогда для них начинается путь Света.

Сознание их раскрепощается до конца, и входит успокоение в их потрясенный организм, и ученик скорби идет дальше уже легко свой путь. Он понял, принял и благословил все свои обстоятельства, которые считал раньше трагическими.

Благодаря полному пониманию, что нет отрезка жизни — воплощения, а есть только Вечность, влитая в данное «сейчас», как в форму воплощения, ученик начинает и всех своих встречных воспринимать только как отрезки Вечности.

Стоя сам на дежурстве у Вечности, ученик скорби начинает воспринимать все печали временных форм как радость, понимая, что внешние пути человека, весь смысл его текущего дня — скорее достичь освобождения. Короче, проще и легче сбросить мертвящие пелены восприятия жизни как формы одной земли и начать действовать как живое сознание двух миров.

Перед тобой мелькает ряд лиц, живущих в самых разнообразных условностях. Ряд, вереница рождений, вереница смерти. Ты живешь в атмосфере длительной, жестокой войны и знаешь, что из-за каждого уступа гор тебя может встретить вражья пуля.

Зачем, казалось бы, тебе, человеку высокого духовного развития и исканий, человеку огромного образования, чьей эрудиции нелегко сыскать равную, человеку ума и таланта исключительных, зачем тебе жить под постоянной угрозой смерти?

Среди кретинов и убийц, среди тупых и развращенных, с которыми тебе приходится встречаться несколько раз в день?

В ученичестве нет вопроса внешней справедливости, которая всегда спрашивает: зачем и почему? Между обывательской трактовкой «счастья» и трудом ученика — трудом любви и мира — такая дистанция, как между дикарем, не отходившим от своего поселка дальше десяти миль, и культурным человеком.

И даже это сравнение мало поможет тебе понять свои и чужие земные обстоятельства, если глаза твои не потеряли способности плакать, уши могут еще воспринимать оскорбления и язык может еще выговорить язвящее слово.

Пока эти свойства в тебе еще живы, ты не будешь иметь сил держать в руках чашу твоего Учителя, что взял на себя совместный труд на земле с тобою.

Перенесись теперь со мной из этой маленькой комнаты, где мы с тобою сидим, из твоих привычных обстоятельств, из забот о брате, из атмосферы войны и постоянных стычек с горцами с Кавказа в мировое поле деятельности жизни.

Что остается в тебе сейчас незыблемым? Что видишь ты в окружающем тебя свете? Ты видишь только две вещи, плодом которых является земля и все на ней: любовь и труд.

Любовь творит непрестанно. И ее труд, не отделимый от Нее, двояк. Она трудится, подымая людей в высокий путь и помогая им совершенствоваться. И она же переливается действием как их труд на земле, сближая людей, единя их, сращивая их, как цветы и плоды, для

будущих поколений.

Среди тысяч и тысяч движущихся в беспорядке и суете форм — мигающих, чадающих огней — ты видишь отдельные ровно горящие огни, видишь даже целые очаги, горящие кострами ровного огня.

Что это? Почему одни — большинство — огни мигают и наполняют смрадом все вокруг себя? Почему отдельные огоньки не гаснут среди этих болотных огней? Почему не сжигают все вокруг себя горящие столбы и костры пламени?

Дрожащие, мигающие огоньки — это трудящиеся в потоке страстей и пониманий одной земли. Все воплощения этих людей не идут в счет, ибо никто из них не понял, что стоит у Вечности. И труд их, совершенствуя их личность, не мог разбить перегородок условности и не вошел в их вечное, духовное творчество. Дух их оживотворяется личной любовью, редкими порывами самоотверженности, порывами к красоте, вспыхивает мгновениями и сейчас же погружается вновь в скорлупы личности.

Еще ты видишь совсем мелкие, едва тлеющие точки. Присмотрись: одни из них светятся слабо, но ровными крошечными огоньками, — это животные. Другие мечут молнии. Это дикие животные, а также потухшие человеческие сознания. Сейчас ты не сможешь отличить огней диких животных, брызжущих снопами красных искр, от темных, потухших сознаний, извергающих тоже искры и зигзаги молний. И те, и другие для твоего взора сейчас одинаково отвратительны и одинаково смрадны.

Смотри теперь на сияющее широкое поле этих ровных огней. Это кусочек земли, очищенной людьми от слез, скорби, страданий. Это место, где живут знающие.

Знающие, что земля есть жизнь труда, в котором изживаются все страсти и через который входят в Вечное. Это место счастливых, освобожденных от страстей, трудящихся в мире сердца.

Прожить на земле без труда — совершенно равносильно прожить без пользы и для себя, и для всей вселенной. Никому и никогда не надо бояться чрезмерного труда, потому что всякая тяжелая ноша вводит человека в привычку определенной дисциплины духа.

Есть целые массы людей, проходящих свои земные пути в чрезмерном труде. Никогда не сожалей об этих людях. Только через этот подневольный труд, труд куска хлеба, они могут выработать в себе привычку дисциплинированного подчинения. И эти зачатки дисциплины труда переходят со временем в их духовное зерно. Только тот человек может развить в себе всю духовную мощь, который сам, без посторонней помощи, смог заложить основу своего духовного зерна в своей текущей земной

форме. И для этого он должен непременно дойти до героического напряжения. Должен сделать его привычной формой труда для себя, затем привести свой организм в стойкость самообладания, чтобы его труд стал ему легок и, наконец, подняться к той гармонии в себе, что дает ощущение всего дня не трудным, но прекрасным.

Только с этого момента раскрывается человеку возможность понимать, что «день» — это то, что человек в него вылил, а не то, что к нему пришло извне. И чем устойчивее он становится на эту платформу, тем яснее его взор видит и понимает, что все «чудеса» он носит в себе. Он перестает ждать и начинает действовать.

Вернись снова к собственной жизни в маленькой комнате. Теперь ты понял, что никто не может быть забыт или оставлен, никому не может быть чего-то «недодано», ибо каждый — властнее всех властей, яснее всех стекол для огней и звезд — заявляет о своем духе. Каждый сам занимает свое место во вселенной — от зерна до полной его мощи, и никто не может его заставить ни гореть ярче, ни тухнуть, ни мигать, кроме самого человека.

Зачем же лично ты сейчас живешь в таком неподходящем для тебя окружении?

Помешало ли оно твоей встрече со мною? Замедлило ли оно нашу встречу?

Ты изумлен моими вопросами. Ты ни разу не только не высказал недовольствия, что живешь среди полукретинов, но даже и не спрашивал себя: почему ты заброшен в такую глушь? Тебя только и слышали небеса благодарным за красоту, в какой живешь, но ненависти, зависти или недоброжелательства твоего никто не слыхал.

Что могло бы мешать неустойчивому, то только крепило твою честь. Чем больше ты видел казнокрадов, разбойников, обманщиков и лицемеров, тем крепче ты сам понимал честь и честность, тем яснее тебе становилась ценность каждого слова, которое ты произносил, тем больше ты искал возможности пробудить во встречном понимание величия Жизни. Ты рос в своей пьяной, угарной и шаткой среде, а не разлагался в ней. И все, что был в силах, ты крепил и очищал своим живым примером.

Теперь тебе ясно, что твое смирение внутри самого себя и твое смиренное отношение к окружающему тебя, твое полное благословение всем своим обстоятельствам и целомудренное искание Бога не в созерцании, но в труде Дня ускорило нашу встречу, укоротило твой путь ко мне.

Разлука с братом, которого ты так любишь, не потому придет, чтобы тебе нанести рану, но потому, что ему должен открываться путь

ясновидения, которому ни ты, ни даже я, помочь не можем.

Он сам должен пройти свой огонь труда, и чем выше ему идти. — тем сгущеннее будет та завеса страданий, через которую он должен пройти. Его путь — путь ясновидения, третий тяжелый путь среди путей ученических. О нем поговорим завтра".

Запись снова прерывалась, и через несколько пустых строк я снова читал: "Ты понял меня правильно: в пути ученичества все идет строго логично, но логические законы духа совершенно не схожи с законами логики земли.

Земля, по мировоззрениям ее обывателей, несется в мертвом эфире. И этот эфир оживает для них только тогда, когда сама же земля переносит свои вести или ловит их по тем волнам, какие могут восприниматься физическими способами.

Что касается ученичества, то оно относится как таковое к тем феноменам, где физический способ восприятия и передачи играет одну из самых малозначительных ролей.

Взор ученика, даже лишенный возможности видеть дальше обычного, обладает внутренней эластичностью.

Он проникает сердечной теплотой во все существо встречного и откидывает личное свое впечатление, так как в нем огонь его собственного стремления к Высокому сжигает сразу условную суетность.

Ученик старается не слышать и не видеть тех ноющих и ранящих его стрел, которыми его осыпает встречный. Сначала ему трудно держаться на высокой волне. Потом создается привычка подставлять из своего сердца мост помощи, на котором ему сияет образ его Учителя, и, наконец, он научается, протягивая руку, всегда протягивать ее вместе с рукой Учителя. И тогда жизнь становится для ученика легкой и прекрасной.

В этой стадии у каждого ученика вскрывается какое-либо психическое дарование.

Или он начинает слышать, или он видит, или в его проводнике вскрывается новый художественный талант.

Таков путь развития высших сил в человеке, перешедшем огненную стену страданий и потерявшем в них свои личные страсти. Обретая духовную мощь, он разбросал все тряпье своих старых и вновь обретенных страстей и вновь вышел в жизнь деятельности и сотрудничества с Учителем таким же нагим, каким пришел в мир, родившись младенцем. Во всех путях ученичества путь освобождения для всех один.

Но третий из труднейших путей — путь ясновидения — не подчинен этому закону.

Этот путь созревает в веках. Он неоднократно бывает выносим человеком на землю и в каждое воплощение по-разному. В зависимости от вековой кармы человек или с младенчества несет дары слуха и зрения, или только под старость раскрывает в себе их, или неожиданно в юности поражает внезапностью своих даров.

В самых разнообразных формах льется дар человека. И тяжесть и ответственность дара всегда разделяет с человеком его Учитель. Высокая сила духа ясновидца далеко не всегда проявляется вся в каждое воплощение человека. В зависимости от того кармического звена, которое человек несет, в зависимости от связи с окружающими данного воплощения та или иная часть выражается яснее.

Идущему путем ясновидения неизбежно встречаются две труднейшие задачи: или ученик идет в гуще и пламени страстей и должен в них жить ежедневно, очищая с большим трудом самого себя и путь себе, или он воспитывается специально покровительствующими ему высокими помощниками.

В первом случае ученик предназначен для труда с Учителем на одной земле, для каждого серого дня среди трудящихся людей. В самые тяжелые дни через него устанавливаются очаги помощи тем, кто хочет и ищет освобождения и не может выбиться самостоятельно в свой час земных страданий.

Для ученика-ясновидца, не представляющего собой ничего особенного по сравнению со способностями и дарованиями всех его окружающих, наибольшая тяжесть состоит в том, что ему приходится общаться с людьми, неустойчивыми и туго воспринимающими жизнь в двух мирах.

Их постоянная требовательность к людям-ученикам, которых они считают себе слугами и обязанными быть внимательными к их требованиям двадцать четыре часа в сутки, нередко разбивает здоровье гонца Учителя, не имеющего физических сил выдерживать наскоки беспокойных аур окружающих. Беспрестанный трепет всей ауры ученика разрастается в столб огня только в том случае, когда Учитель защищает его своим плащом, становясь между ним и людьми как защитный буфер. В этих случаях Учитель тем или иным путем связан с учеником всегда.

Почему и для чего я тебе все это говорю? Чтобы ты был уверен и спокоен о судьбе своего брата. Он пойдет под покровительством высоких воспитателей. И твоя роль — роль брата-отца — была тобой правильно понята и выполнена. Теперь она кончена.

Когда Учитель говорит человеку, что роль его в том или ином месте кончена, что карма его в тех или иных отношениях закончена, надо

понимать, что ясновидению Учителя открыты до конца пути ученика.

Что представляет собой ясновидение Учителя по сравнению с той каплей знания, что имеет в своем распоряжении ученик?

Каждый из учеников, сосредоточиваясь в моменты своего духовного созерцания, отлично понимает огромность расстояния между сознаниями обоих и недостижимость для себя точки зрения Учителя. И тем не менее, получая весть через гонца, очень часто он непременно старается поправить те места, где ему хотелось бы видеть свой собственный образ иным.

Если надо, чтобы он узнал, что карма его с теми, кого он любит и предпочитает, кончена, и ему дается это знание, он все же упрямо будет настаивать на том, что карма его старая, что он связан вековыми нитями, как будто в старой карме есть нечто привлекательное и драгоценное. Все старые кармы, где поистине есть что-либо важное и драгоценное, всегда ощущаются только как сияющее счастье и не носят в себе никогда психических заболеваний.

Люди от ума, ищущие пути освобождения, не ищут Бога в людях, которым служат в простоте, но долг своего усердия прилагают к труду подле них. Потому они устают, раздражаются, убегают отдыхать и так далее. И они же, получая весть-зов, указание и задание, не имеют сил вступить сразу героически в указанное им новое дело или положение, ждут, чтобы в них что-то само созрело, а на самом деле проверяют весть гонца. И часто труд всего воплощения пропадает, указанная задача, не подхваченная мгновенно, остается не выполненной, и карма, в которой надо было освободить своего старого должника, закрывается плотнее раковины улитки.

Помимо обычных трудностей всякого ученического пути, путь ясновидения имеет несколько особенностей, не свойственных другим лучам. Перед ясновидящим даже самых малых форм, то есть когда ученик является только передающим током для речи Учителя, встают три креста земных предрассудков и заблуждений:

1. Страх в самом ученике. Если этот страх не побежден до конца, то есть если верность ученика не разлита по всему его пути до конца, он боится ввести кого-то в заблуждение.

2. Мужество ученика. Если его мужество не слито с мужеством Учителя до конца, оно будет и не мужеством и не милосердием, а слезливостью и сентиментальностью.

И в этой слезливости ученик не может ни видеть, ни слышать ясно того, что ему говорит Учитель. Ибо мужественное милосердие луча ясновидения всегда спокойно, нередко сурово.

3. Зрение, передаваемое ученику Учителем, сжигает в нем возможность общения в вульгарной форме обывательщины. Ученик обречен на одиночество, потому что не может нести руки Учителя по вульгарному дню, а встречные обыватели судят его как гордого и мало чуткого человека.

Эти три креста начального пути ясновидца усугубляются еще разрывом в понимании самых простых вещей с окружающими. Все те, кто приходит к ученику, живут в стадии личных чувств: "Мой дом", "Моя семья", "Мои дела и успехи" и так далее.

Ученик же молит об одном: "Разорви условность моих пониманий, мешающих общению моему в огне и духе. Сними с глаз моих телесных давящие покровы условностей любви и введи меня в силу духа, где живая Любовь сжигает всю возможность слез и страданий".

Разрыв между пониманиями ученика-ясновидца и его окружением лежит четвертым крестом на его пути. Но только до того момента, пока он не достиг полной верности. С момента его слияния и верности с Учителем жизнь его становится легкой, простой, радостной.

В твоём пути нет ясновидения как основного труда твоего дня. Но оно придет в форме чтения мыслей людей. Чем выше будут твоя чистота, честь и мир, тем яснее будет твоему взору момент духовного развития тех, с кем ты будешь общаться.

Способы передвижения людей-учеников в их духовных ступенях не зависят вообще от развивающихся в них или дремлющих сверхсознательных сил. Таких учеников, где бы выход сверхсознательным силам был закрыт, нет. Каждое духовное зерно, имеющее пламень тяготения к Свету, имеет в себе и силу пробуждения, вернее сказать, к пробуждению.

Но и здесь, как во всем пути освобождения, стоит на пути страх. Человек, проживший свою жизнь исканий в предрассудках, чаще всего сам захлопывает свою дверь к знаниям. Он боится "без Учителя" достигать каких-то новых этапов в своем развитии. Он читает в йогах о том, что можно повредить своему здоровью и мозгу в тех случаях, когда движутся без точных указаний. Но он забыл, что до того, как он сможет подойти к какой-либо ступени знания, где есть возможность раскрытия в себе сил, надо еще самого себя очистить, привести в порядок и гармонию хотя бы физический проводник, а там уже начинать думать о гармонии организма с духовными токами, которая поможет достичь первой ступени самодисциплины — самообладания.

Все в ученичестве упирается в первейшие правила самовоспитания: выдержка и такт.

Когда достигнута внешняя воспитанность, побеждено раздражение и на место встали все понимания бдительного контроля над собой, только тогда явилась возможность встать в поле зрения Учителя. Огонь лампы перестал мигать ежесекундно и может быть замечен.

Бдительный контроль над собой переводит все понятия «мой» в простое понимание своего смиренного места во вселенной. И чем выше восходит человек, тем все яснее видит, как далек путь, как трудно двигаться, как мало сделано.

Только с этого момента начинается очищение организма, подводящее человека всегда к Учителю.

Страхи, что можно от упражнений в йоге стать «одержимым», — это глупые сказки старых баб о домовых или помогающих и мешающих им духах. Если в пути человека уже были попытки использовать свои силы для черной магии, для которой он тоже не имел ни выдержки, ни самообладания, то в какие-то свои воплощения он будет психически больным. И ничто не сможет спасти его от ряда страданий, ибо никто и ничто не может освободить его из закона вселенной: причин и следствий.

В пути ясновидения, более чем в каком-либо ином, надо всматриваться во все встречи. Тот, кто идет этим путем, в какой бы период ни проснулось его ясновидение и в какой бы слабой степени он им ни обладал, всегда входит в то кольцо встреч, где его жизнь переходит в иное огненное кольцо. Цвет огненного кольца каждого человека — это результат его векового труда. Здесь все тот же закон причин и следствий расчищает перед человеком не кустарник его заблуждений, но выкорчевывает огромные пни от павших деревьев греха, сомнений, измен и пошлости.

Страх предрассудочно понятых «запретов», точно также, как и постоянное обращение к авторитетам, останавливают рост духа в человеке. И именно они-то, и бывают тем тупиком, куда упираются искания человека, становясь «исканиями» в кавычках.

Больше всего мешают человеку его привычки «обдумывать» всех своих встречных, их слова, их обстоятельства, а не их действия. Когда человек соприкасается с действиями другого, он сам вызывает в себе действенные эмоции. Но когда он передвигает с места на место только умственные клетки другого, он сам живет только той половиной своего организма, где царят эмоции ума.

Ум не защищает ученика ни от разложения нервной системы, ни от утомления, ни от безумной старости. Ум изнашивает клетки организма, который может жить только в гармоничном сочетании творчества с клетками сердца и духа. Тогда он истинно живет.

Раскрытие, тайна ясновидения — это Любовь, Дух, Мудрость, влитые в организм через Кундалины. Они вливаются по-разному, разными путями и в зависимости от последних раскрывают зрение или слух, или новые таланты. Но путь раскрытия всегда один: материя невидимого Духа достигает осязаемости через мозг.

Путь — прост, действия — легки. Но целомудрие мысли, как результат Света в себе, приходит к тем, кто не радости для себя искал, но верности Учителю..." Запись кончилась. Мне не хотелось переворачивать следующей страницы. Все, что я прочел,

было так необычайно глубоко и свято для меня. Я поглядел на спавшего подле меня Эта, и мысли мои вернулись к прошедшим векам. Теперь мне казалось, что я в первый раз понял, что это такое: действовать. Меня поразило, как я мало активен, как много моих мгновений уходит в пустоте, как много моих часов летит без смысла.

Эта встрепенулся и стал прислушиваться к чему-то. Я также стал вслушиваться в царившую вокруг меня тишину, но ничего не слышал, кроме легкого шелеста пальмы.

Вдруг Эта соскочил и побежал к балкону, оглядываясь на меня и точно призывая к себе. Я встал и увидел Франциска, подходившего к моему балкону.

Он улыбался мне и сделал знак рукою, чтобы я сошел к нему. Я был счастлив, увидев это чудесное светившееся лицо. Я забыл все печальное на земле, мне показалось, что само небо улыбается мне и зовет меня к миру.

Глава 10

Ночное посещение новых мест Общины с Франциском. Новые люди и мои новые встречи-уроки

Когда я сошел вниз, Франциск взял меня под руку и сказал:

— Пойдем, Левушка, я хочу показать тебе одну часть Общины, которой ты еще не видал.

Я предположил, что Франциск не знает, что я уже однажды провел ночь в парке и видел ночную жизнь Общины в дальних долинах и домиках, где подавали помощь странствующим страдальцам братья и сестры Общины. Но Франциск повернул в совершенно другую сторону, уводя меня по дороге к озеру.

— Уже наступает вечер, Левушка, ты пропустил ужин. Вот тебе немного фруктов и хлеба. Я захватил их для тебя. Путь наш не чрезмерно далек, но вернемся мы только к утру, и другого времени поесть у тебя не будет. Ты можешь удивиться, почему я взял тебе так мало и такой скромной еды. Но, видишь ли, в пути надо стараться есть мало. Вообще, если человек действительно ищет высокого ученичества, он должен приучить свой организм питаться так, чтобы не чувствовать постоянной и несносной потребности в пище. Нельзя думать, что, не умея покорить определенной дисциплине свой аппетит, можно достичь духовного совершенства или психического самообладания. Тот, кто не умеет уложить свой день так, чтобы питание — совершенно необходимое каждому телу, живущему на земле, — составляло строгий порядок обычного трудового дня, не может и в психике своей достичь стройной и строгой системы, ведущей к самообладанию. Человек, поддающийся соблазну постоянного ощущения голода, ищущий каждую минуту, чем бы занять свой рот и желудок, ничем не отличается от обжоры, жиреющего на изысканных яствах. В ученичестве нет особых строгостей в пище, как это ставят себе условием монахи. И воздержание в ученичестве не может составлять одного из ограничений для человека, стремящегося войти в тот высокий путь, где можно встретить Учителя.

Путь к Учителю до тех пор не может быть найден, пока в понятиях человека живут представления: ограничить себя из принципа, отказать себе из принципа. До тех пор, пока у человека живет мысль об отказе в чем-то себе, он не выше тех, кто ищет наживы для себя. Мысли его вертятся

вокруг себя, точно так же как и мысли ищущих наживы. И человек не движется Вечное, а только расширению и усовершенствованию собственной личности. Подвигами как таковыми не движутся вперед наши ученики, братья и сестры. В пути освобождения идут вперед только любовью. И тот, кто любит, не видит подвига в своем ограничении в пище в пользу своего ближнего. Он любит и радуется, поддерживая временную форму брата, как радуется, служа его Вечному. Перед тобой сегодня откроются двери дома, где живут люди, всю жизнь искавшие Истину. Ты увидишь людей, страстно стремящихся сюда, как миллионы людей, стремящихся поклониться гробу Господню. Будь бдителен. Не внеси в этот дом судящего глаза, судящего сердца. Несомненно, ты и здесь увидишь тех, чьи искания были «исканиями» в кавычках. Ты увидишь, что они объединены под иными крышами и не могли быть допущены в Общину не потому, что кто-то их выбирал или из них отбирал, чтобы их объединить в том месте, куда мы идем. Их всех объединила общая им всем сила: сомнение. Они не имели сил духа развить в себе верность до конца. В каждой поданной им вести им хотелось одно принять, другое отбросить, что-то поправить на свой лад, третьему придать свое толкование. Ни одного человека, который им подал весть от нас, они не сумели принять в свое сердце просто, легко и радостно. Каждый казался им легкомысленным, неустойчивым, вспыльчивым, не так их понимающим. Сами же они не замечали, как терзали своим непониманием тех, кто шел гонцом от нас. Не входи же, друг, сейчас к ним, закрыв хоть один лепесток сердца. Раскрой его, как ворота, чтобы сила радости в тебе могла разбить их предрассудочное самолюбование. Это последнее слово не пойми как влюбленность в самих себя. Нет, оно употреблено мною только как их основной признак: субъективность. Субъективно видящий вселенную не может войти в Общину, так как ему в ней нечего делать, нечем дышать. Для такого человека Община подобна воздуху высокой горы, где он сейчас же заболит горной болезнью.

Мы медленно проходили мимо селения за озером и вошли в пальмовый лес, которого я еще не видел и даже не предполагал, что он существует. Спустилась жаркая ночь.

Темное небо с низкими яркими звездами, какие-то особые ароматы неизвестных мне цветов и трав и дивные звуки ночи, чудесный, ласковый голос Франциска... Я шел, жил, дышал, и все — от бежавшего рядом Эта до голоса и руки моего друга — казалось мне нереальным, так оно было сказочно прекрасно.

Некоторые слова Франциска, совпадавшие со словами, только что

прочтенными в записи брата, поражали меня. Я не мог ответить самому себе, что именно волновало меня особенно, но я шел с сознанием, что сейчас увижу людей, потерявших напрасно целую жизнь, а думавших, что несут в руках светоч.

— Мы подходим, Левушка. Нет, ты не думай так трагически о людях, не имевших сил войти в Общину. Ты думай только, что высокий путь не может быть познан теми, кто не трудился на земле. Труд человека, проведшего большую часть жизни в постели, не знавшего в своем труде дисциплины, и не достигшего самодисциплины, не умевшего жить в чистоте, не может привести его мысль в то русло, где научаются раскрывать в себе психические силы. Раскрывать хотя бы настолько, чтобы своею волей-любовью дать им выход и возможность уловить вибрации высоких путей. Думай об их несчастье и об их желании достичь нас. Об их собственной дисгармонии, которой они не имели сил в себе заметить за всю свою жизнь, а именно она-то и составляла их препятствие в пути к нам. Люби, жалея их, Левушка, неси им мужество, чтобы помочь их разочарованию, их скорби о собственном невежестве, когда они его поймут.

Мы подошли к домикам, разбросанным в очаровательном садике. Кое-где в окнах еще мелькали огни, но людей не было видно. Два огромных дога, которых Эта ничуть не испугался, бросились к Франциску, приветствуя его как старого друга. Ответив им на их ласку, Франциск положил мои руки на высокие шеи собак. Животные вздрогнули, как будто я их ударил, но сейчас же склонили головы и лизнули мне руки.

— Ну вот, ты уже принят в число друзей этими чудесными сторожами. Теперь ты можешь свободно входить сюда и во все окрестные дома. Они уже сами оповестят о тебе всех собак здесь и дальше. Как они это делают — это их тайна. Но однажды подружившийся с ними получает дружбу всех наших собак, среди которых немало свирепых.

Франциск подвел меня к подъезду, вернее, к крылечку одного из дальних домиков.

Как только мы вошли в сени, ведущие в широкий коридор, несколько дверей сразу открылось, и выглянули лица старых людей. Довольно грубый голос с самого конца коридора неприветливо спросил:

— Кто это так поздно беспокоит нас? Разве мало было времени днем, чтобы нас навещать?

"Остальные фигуры хранили молчание, но я почувствовал совершенно иную атмосферу в этом доме, чем во всех других домах Общины, где мне случалось до сих пор бывать. Конечно, это не была враждебность к нам, но какая-то новая для меня настороженность, какой я нигде в Общине не

встречал.

— Не беспокойся, милый брат, мы пришли не к тебе и ни к одному из тех, кто сейчас выскочил из своих дверей. Ты в претензии на нас, что мы нарушили твой покой после того, как лично тебе было предписано твоим старцем молчание. Но для чего же ты его нарушил? Разве старец твой дал тебе в урок послушания караулить всех входящих в этот дом?

Франциск направлялся в конец коридора, откуда слышался голос, и теперь я мог рассмотреть говорившего. Это был высокого роста монах в обычной монашеской одежде. Лицо бледное, с четкими, довольно правильными чертами, с большими беспокойными черными глазами, с сильной, почти квадратной челюстью и подбородком, с тонкими сжатыми губами. В нем не было ничего особенного и неприятного, по всей вероятности, он был человеком добрым. Но раздраженностью и строптивостью он поразил меня среди мирных и светлых лиц, к которым я привык в Общине. Он сурово смотрел на нас.

"Искатель Истины", — мелькнуло в моем уме в связи с прочтенным мною в записи брата и со словами Франциска. Когда мы подошли вплотную к монаху и Франциск остановился подле него, улыбаясь ему, в том произошла молниеносная перемена.

— Ах, это ты, брат-спаситель, что мне обещал мой старец, — голос монаха прозвучал много мягче, и я еще раз почувствовал, что он человек добрый. — Я так ждал тебя, я прошел тысячу с лишним верст пешком только за тем, чтобы тебя увидеть. А меня заперли в этот дом, где я кроме одержимых глупцов никого не вижу. Подумай, как долго я тебя ждал, как мучился и уже отчаивался, что не смогу тебя найти. Хотел было уходить обратно. Подумай, целый месяц я уже здесь сижу взаперти, и только урывками, мельком, видал тебя несколько раз, и никогда еще не сказал с тобой ни словечка. — На этот раз в голосе слышались упрек и протест.

— Что ты, друг? Разве у нас кого-нибудь запирают? Дома открыты день и ночь, кругом идет неумолчная жизнь. И на все свои нужды каждый человек получает ответ.

По одежде твоей я вижу, что ты еще не успел и пыли стряхнуть. Ноги твои в песке, значит, ты выходил, был в горах, вернулся только что и, даже не совершив омовения, вошел в комнату. Разве старец твой не дал тебе трех зарок?

— Да разве старец мой писал тебе о них? Как можешь ты знать что-либо о моих зароках? Да и старец мой малограмотный и писать тебе он ничего не мог, — и монах впадал, говоря, все в большее раздражение.

— Старец твой сказал тебе, мой друг: "Пока не утвердишься в трех

вещах, не встретишь Тех, что служит Истине.

Первое — вставай с солнцем, улыбнись дню и начинай трудиться для первого встречного, что нуждается в твоей помощи. Все равно, в чем бы ни состояла твоя помощь, лишь бы первое дело твоего дня было трудом для ближнего.

Второе, что он тебе сказал, — каждую улыбку не подавай, как редкостное милосердие, но с нее начинай свой каждый день и каждый привет встречному.

Третье — раньше, чем пройти в келью, раньше, чем притронуться к пище, соверши омовение" Вот заветы твоего старца. Что же из этих заветов ты, друг, выполнил сейчас?

Отдал ли ты улыбку приветам нам? А сам говоришь, что ты меня ждал. Ужинал ли ты умывшись? Вошел ли ты в келью чистым?

Монах молчал, остро вглядываясь в Франциска, и беспокойство на его лице росло.

— Я тебя очень прошу, брат, сказать, пришел ли ты за мной или нет. Что я сделал и делаю, про то я сам знаю. Помощи я твоей не прошу, сил я сам в себе для всего найду. Я спрашиваю: идти ли мне за тобой сейчас?

Мне было ясно, что в сердце монаха боролись два чувства: гордость и заносчивость, что ясно звучало в его голосе. Гордость увлекала его в протест, а благоговение перед любовью Франциска, которая лилась на монаха ручьем, заставляло его сердце преклоняться.

— Я уже сказал тебе, друг, что я пришел не к тебе. Твое любопытство к чужой жизни, к чужому пути заставило тебя выйти и посмотреть на нас. Пойми, человек не меняется только потому, что переменил место. Ты всю жизнь ищешь Бога, ищешь святого пути, ищешь глубины правды, а не можешь ни одного дня прожить в мире, хотя переменил тысячу мест. Ты ждал меня, говоришь? Но что же ты приготовил, чтобы меня встретить? Где тот цветок радости и мира, что подают другу в привет и встречу? Ты не сможешь и десяти шагов пройти за мной, потому что душа твоя в бунте, и ты задохнешься, следуя, за мной. Здесь тебе не место, Сколько бы ты тут ни жил, ты не сможешь подойти ко мне. Вскоре придет за тобой мой старший брат.

Он увезет тебя отсюда в дальний скит. Там ты научишься как ввести в труд дня три завета, данные тебе в послушание старцем, и только тогда сможешь вернуться сюда, Вернешься, когда поймешь, что вся ценность жизни на земле в ее встречах, в умении отдать каждой из них не яд собственного «Я», но силу бодрости, забыв о себе и думая о тех, кого ты встретил. Научишься начинать встречу в радости и в радости ее окончить.

Успокойся. Не мечи молний из глаз и сердца, пойми кроткую силу Любви. Она одна может привести тебя ко мне, если ты искал всю жизнь пути Любви. Не считай силой напор воли. Считай силой одну радость.

Монах стоял бледный, потрясенный. Мне казалось, что в любую минуту он может перейти к бешеному протесту, вызванному глубочайшим разочарованием, постигшим его в его исканиях и ожиданиях здесь.

Мы сделали еще несколько шагов, и Франциск стал подниматься по лестнице, которой я сначала и не заметил. Наверху оказался такой же широкий коридор, как, и внизу, и единственным живым существом, встретившим нас здесь, был большой лохматый пес весьма свирепого вида и породы, каких я еще никогда не видал. Он, как тигр, вскочил навстречу нам, но, узнав Франциска, оскалил зубы, точно улыбаясь. На меня он смотрел враждебно до тех пор, пока Франциск не положил моей руки ему на голову и не погладил его лохматых ушей, улыбаясь и ласково ему говоря:

— Экой ты, братец, строптивец! Ведь уж я тебе сколько раз говорил, что надо всем улыбаться, кто со мной приходит. А ты снова только одному мне бережешь свои улыбки.

Пес, точно понимая упрек Франциска, лизнул мне руку. Погладив еще раз животное, Франциск постучал в одну из дверей, и слабый старческий голос просил войти.

Я был поражен, когда мы вошли в комнату. За это время я уже привык видеть во всех комнатах Общины образцовый порядок и не встречал случаев, чтобы люди лежали в постели, если они не спали и не были больны.

В этой же комнате царил полный беспорядок, и на постели лежала старенькая женщина, вся в глубоких морщинах, совершенно одетая и обутая. Несмотря на очень жаркий вечер, старушка была одета в нечто вроде ватной безрукавки, возле нее лежал теплый платок, рядом на стуле стояла чернильница. Старушка держала в руках кусок тонкой пальмовой доски с листом белой бумаги на нем и что-то писала. Она не сразу рассмотрела Франциска, и что-то вроде недовольства мелькнуло на лице, когда она его узнала.

— Ах, это Вы, брат Франциск. Как видите, у меня совершенно нет сил выполнить те требования, что Вы мне поставили в прошлое наше свидание. Я лежу работаю, и не имею ни времени, ни возможности убирать себе комнату. А девушка, которую Вы мне прислали, делает все не так. У нее свои понимания об аккуратности, и ничего из этого не выходит. Вы и представить себе не можете, до чего она ленива. При Вас и с Вами она

одна, а без Вас, со мной, ведет себя совершенно иначе. Я от ее услуг отказалась. И вообще должна Вас просить: если Вы желаете мне помогать, то уж, пожалуйста, давайте Вашу помощь лично мне самой, а не другим людям для помощи мне. Помощь через третьи руки — это не помощь, а недоразумение и может довести человека до отчаяния. Это создает только целый ряд неприятностей, которых у меня и без того много. Ну, впрочем, все это уж я повернула по-своему, и об этом не стоит и говорить. Скажите лучше, являетесь ли Вы сейчас ко мне вестником от Али?

Когда же он приедет? Когда я его увижу и спрошу обо всех моих вопросах, не терпящих отлагательства?

В голосе и лице старушки было какое-то не то негодование, не то пренебрежение, не то из нее вырывалась накопившаяся в сердце горечь. Она делала вид, что перед нею сидит человек, в чем-то перед нею виноватый, чем-то ей обязанный и что-то неправильно для нее делающий. Она как бы хотела показать Франциску, что он нелепо заботится о ней. Все поразило меня в ней больше, чем в монахе. Если тот показался мне искателем, искателем-строптивцем, все понимающим на свой лад, но все же ищущим Истину, то здесь душа человеческая показалось мне не ищущей Истину, но ищущей себя, своих сил личности и стремящейся учить каждого встречного своей мудрости. Гордость и ревность так и били из всех открывшихся в эту минуту пор ее духа, заключенного в бедное, слабенькое тело и неряшливую одежду.

— Мне очень жаль, сестра Карлотта, что так мало толка, как Вы выражаетесь, вышло из всех трех моих бесед с Вами. — Я не узнал всегдашнего голоса моего дорогого друга, который часто слышал. В нем звучали металлические ноты, которые я так хорошо знал в голосе Ананды в иные моменты. — Каждый раз, когда я приходил к Вам, я приходил послом Али. Не лично свои слова я Вам говорил, но передавал Вам весть Учителя. Вы же заботы его любви о Вас называете моими требованиями.

Требования, сестра, могут быть у судьи, у чиновника, у доброго знакомого.

Учитель не кум, не благодетель — Он сам гонец Тех, Кто идет Выше Его пути и Чьей верности Он следует. У него не может быть требовательности к людям. Он видит каждого человека и знает, что в данный момент его эволюции мирового развития человек может и способен пройти к высшей ступени знания только так, как Он, Учитель, видит. Я Вам все три раза передавал от Него, чтобы Вы изменили не только внешний образ жизни, но и весь внутренний Ваш образ мыслей. Кто сказал Вам, что Вам дано право судить человеческую личность? Вы каждый раз пытаетесь

дать мне понять, что моя личность, по Вашему мнению, не достигла той ступени совершенства, до которой дошел мой дух. И что слова Учителя, которые я несу людям, заставляют их делать усилия, чтобы побороть в себе судящее сознание, чтобы стараться не видеть моей личности, проходить мимо нее, как мимо огромного препятствия, за которым лежит слово Истины Учителя. С первой же встречи, по просьбе Али, я старался раскрыть Вам основу всякого совершенствования, первоначальную ступень пути освобождения. Каждый, стремящийся к Учителю, имеет одну молитву: "Да раскроются очи духа моего к Свету и Миру, что в человеке живут. Да прольется Любовь моя к ранам его, и милосердие Твое да залечит их. Да будет день мой Красотою, песнью действенной Любви, Мира и Радости". Что из этого Вы ввели в действие дня? Разве девушка, пытавшаяся помочь Вам, была Вами принята как Единый, как встретившийся Вам нищенствующий Бог, куда Вы принесли частицу Вашего радостного труда? Вы спрашиваете, когда приедет Али? И Вы почти в претензии на меня за то, что я Вам не устроил скорейшего свидания с ним! Если бы не имел приказания Али не входить в объяснения с Вами, я, быть может, и стремился бы объяснить Вам Ваши заблуждения. Но я иду так, как видит Ваш путь Али, и передаю Вам его приказ. Через день — два поедет партия людей в дальние Общины. Вы уедете с ними. Чтобы войти в Общину здесь, сейчас, у вас нет духовных сил. Свидание с Учителем может причинить вам только смерть, вынести его высоких и сильнейших вибраций вы не будете в силах. Вам уже указывался путь, в котором вы могли закалиться и подойти к свиданию, но вы его не приняли. Дважды зов не повторяется. Вы поедете в дальнюю Общину, там вы найдете то окружение, в котором сможете раскрепостить свой дух и найти выход из кольца пелен личности, что плотно охватывают вас сейчас. Вы думаете, что вы стары и слабы, что вам не вынести тяжелого пути, что в новом месте вас ждет смерть. Оставьте и этот предрассудок. Это предрассудок вашей неверности или, лучше сказать, вашей верности не до конца, что — перед Учителем — равно неверности. Человек живет до тех пор, пока может повышать свое духовное развитие, хотя бы этого никто не видел. Или пока есть надежда, что с него свалится тот или иной предрассудок, или пока он нужен, чтобы своим трудом поддержать других, кто идет свой духовный путь без материальной возможности содержать себя. У меня нет возможности обсуждать с вами ваше положение. Все ваши жалобы и протесты только отяжеляют вашу же жизнь.

Вы добрались сюда, значит, вам было оказано милосердие и внимание от нас. Но здесь вы продолжали ту жизнь, какую создали себе среди

обывателей, где жили раньше. В Общине же жить обывательски нельзя. Вам дается Милосердными еще одна возможность. Спешите воспользоваться ею. Перестаньте думать о себе, о нуждах своего угасающего тела. Не судите людей. Не требуйте ничего и ни от кого, но старайтесь научиться смирению и радости, жить свое «сейчас», не на словах благословляя людей, а на деле их любя. Путь к Учителю идет только через любовь к людям. Запомните это. Поезжайте просто и весело, благодаря и благословляя заботы Али о вас. Он знает весь ваш путь, а не тот кусок, что знаете вы сами.

Франциск встал и не дал старушке сказать ему ни слова в ответ, хотя та, бледнея и краснея, сбрасывая с себя и вновь надевая платок, много раз пыталась его перебить.

Тяжело было у меня на сердце. Я уже много раз видел, как люди были слепы в своих встречах, как они не имели сил увидеть, кто перед ними, как и сам я не видел не только брата Николая, но даже И., Флорентийца и Али, поняв их величие так недавно.

Но две встречи этого вечера, встречи-отрицания, здесь, в Общине, поразили меня.

— Возьми, Левушка, Эта на руки. Он еще птенец и может чего-нибудь испугаться в темноте.

Голос Франциска звучал обычно, точно ничего не случилось, был полон любви и ласки. И как же меня поразило его самообладание, его непоколебимая Любовь, тогда как я был разбит, взволнован, растерян.

— О каком самообладании во мне ты думаешь, Левушка? Разве Любовь умалется в человеке оттого, что она пролилась и кто-то ее не подобрал? То место, где ты пролил Любовь, всегда будет местом мира, хотя бы другой человек при тебе не утешился и остался в нем беспокойным. Твоя Любовь — если она была действительна, если Жизнь в тебе неслась вихрем радости к сердцу несчастного, что тебя не понимал, — всегда создаст вокруг него освежающую струю. И, оставшись один, он успокоится, приведет себя в порядок и скажет другим: "Я нашел решение своим вопросам". Поэтому, если встретишь в жизни положение подобное тому, какое было сейчас, неси только Свет и Мир, неси всю любовь сердца, стой перед Вечностью на дежурстве и не думай о последствиях встречи.

Не успел Франциск произнести последнего слова, как из-за куста выскочила какая-то тень и чья-то рука схватила крепкими тисками мою. В тот же миг огромный и свирепый пес, встретивший нас наверху в коридоре, поднявшись на задние лапы и упершись ими в грудь схватившего мою руку человека, зажал зубами обе наши руки.

Пес не причинял боли, но держал так цепко в пасти наши руки, что шевельнуть ими было невозможно. Глаза животного совершенно спокойно смотрели в лицо человека, в грудь которого он упирался лапами. Я разглядел темную фигуру и узнал в ней монаха.

— Что ты, Фриско? — послышался голос Франциска. — Это не злодей. Он просто ждал меня, а схватил не меня. Иди с миром, мой пес дорогой, все благополучно.

Пес издал рычание, которое, будь я один, принял бы за ворчание львенка. Из нескольких концов сада послышалось ответное встревоженное рычание.

— Что же ты наделал, брат Леоноре? Ты встревожил покой даже собак, не только людей. Неужели ты не понимаешь, что, пока ты весь в таких порывах и страстях, пока твои взлеты и ревнование о Боге могут доводить тебя до насилия над людьми или животными, ты не можешь трудиться рядом со мной.

— Отец, друг, прости меня! — завопил Леоноре, бросаясь к ногам Франциска. — Я не могу расстаться с тобой. Я нашел тебя. Ты один можешь привести меня ко Христу. Я только через тебя могу научиться служить Богу и найти спасение. Не отправляй меня. Я буду тих и кроток подле тебя. Прости мне мои дерзкие слова. Это только ревность моя. Я действительно хотел удавить павлина этого мальчишки, с которым ты ходишь и даешь ему счастье быть подле тебя. Не отвергай меня.

Леоноре все рыдал, обнимая ноги Франциска.

Снова послышалось рычание, и на этот раз рычание многих псов. Я разглядел целое кольцо собак, подходивших к нам ближе. Псы, очевидно, думали, что обожаемому ими Франциску грозит опасность, так я понял их маневр.

— Встань, мой бедный друг. Я ничего не могу сделать сейчас для тебя кроме того, что делаю. Можно принести кому-то весть пробуждения и спасения. Но само спасение живет в человеке, и только он один может достичь его своим собственным путем, победив в себе не только страсти тела, но и духовные порывы. В тебе чередуются ужас и восторг, подвиг и протест, своеволие и кротость. Но мира в тебе не бывает никогда. Ты все время думаешь о величии задач жизни, что ты сам себе поставил. А твой старец сказал тебе, что, пока ты не войдешь в простую жизнь обычного дня, пока не выбросишь из головы своих «исканий», не станешь простым, любящим человеком, трудящимся для людей, ты ничего не достигнешь. Только через труд серого дня ты сможешь понять величие и ужас путей человеческих. Ты обошел чуть ли не все страны мира и все сравнивал, как

и где люди в Бога веруют. Ты пришел наконец к русскому старцу, признал его веру и святую жизнь и снова ушел. Теперь ты к нам пришел. И здесь все так же критикуешь, отрицаешь, выбираешь. И не занимаешься ни одним из предложенных тебе трудов, а видишь, что все здесь трудятся и никто не живет в праздности.

— Отец мой, это только потому, что я тебя так редко вижу. Я буду в самом святом послушании у тебя, только не отправляй меня, позволь за тобой следовать.

— Говорю тебе, друг, и десяти шагов за мной не сделаешь, как станешь задыхаться в моей атмосфере. Тебе — один путь, если хочешь прийти ко мне со временем: поезжай с моим великим братом, что за тобой прийдет.

— Ах, отец, отец, зачем ты говоришь такие неподобные слова? Тебе ли говорить неправду? Сияешь, как ангел, и несешь нелепицу. Ну где же мне задохнуться там, где может идти с тобой этот младенец? Он, видишь, без куклы-то и ходить за тобой не может, а ты говоришь обо мне, как о слабом младенце. Если бы он сильнее меня был, нешто он за свою птицу держался бы, как девчонка за игрушку? Прогони его, возьми меня, и ты увидишь, как я буду служить тебе.

— Прощай, мой друг, все, что мог тебе сказать, я сказал. Научись не отрицать и не судить, и ты легко и просто разыщешь путь ко мне. Фриско, проводи гостя домой, — обратился Франциск к собаке, не отходившей от нас. — Помни, Фриско, гость — друг. Проводи и охраняй, введи в дом и до утра никуда не выпускай. Иди, мой брат, с миром. Иди, успокойся и жди моего друга. Перестань метаться, поезжай в дальний скит. Если найдешь силы усмирить в себе бунт, найдешь и мир и мудрость Истины.

Одно мгновение я думал, что монах снова бросится к Франциску. Глаза его сверкали как угли, он судорожно сжимал руки, зубы его скрипели... Но мгновение прошло, он низко поклонился Франциску, касаясь рукой земли, и глухо, с трудом выговорил:

— Ин быть посему.

Он повернулся было чтобы уйти, но подошел ко мне и добрым голосом сказал:

— Прости обиду, не со зла.

— О, я с первой минуты знал, что ты добрый, — и я, отдал ему такой же низкий поклон, какой он дал мне.

Когда я поднял голову, и человек и собака исчезли во тьме. Франциск взял меня снова под руку, я спустил Эту на землю, и мы двинулись в обратный путь в безмятежном молчании ночи, как будто ничего вокруг нас не происходило. Я думал, что мы идем домой, в темноте ночи не различая

точного направления, куда мы шли.

Из-за гор показался краешек огромной луны и через некоторое время вокруг нас стало светло, как днем. Я увидел теперь, что мы идем все дальше и ландшафт становится все пустынное. Мы вошли в небольшую рощу, тень от деревьев падала фантастическими пятнами на светлую дорожку.

— Теперь ты увидишь не мене несчастных людей. Это тоже наши, Божьи люди. Их долгая жизнь была посвящена Богу, постам, молитвам и толкованию священных писаний. Каждый из них стремился основать какое-либо общество, братство, отдавая всю жизнь разъяснениям, что такое Бог, каковы Его аспекты и какова задача человека в связи с деятельностью во имя Божие. Но каждый из них не видел одного: духа Божия в самом человеке — и не умел поклониться ему до конца. Вся задача исканий Бога состоит только в том, чтобы пронести полное уважения и доброты благословение той форме, в которой пребывает Единый в человеке. Чтобы труд твой для этой формы был тебе священной задачей дня. Чтобы Единый не формально был для тебя символом Любви, но живая временная форма сливалась бы для тебя в чудесный звук общей Гармонии, когда ты встретил человека. Если ты полон сияющей Радостью, ты сразу видишь в человеке чудо: он слит с Гармонией, он идет в Ней, несет в себе ее, хотя сам этого не видит. И каждый не видит по разным причинам. Один — потому что карма держит его цепко, и он никак не может освободиться от страха и мести, жадности и ревности, которым служил века. Другой не может вырваться из ряда предрассудков долга и личной любви. Третий уперся в барьер науки и не может вызволиться и вылезти в творчество интуиции, топчась по задачам узкого ума.

Пятый завалил себе выход к освобождению, бегая весь день по добрым делам, а дома сея муть и раздражение, и так далее. Сейчас мы войдем к ученому, всю жизнь решающему космические вопросы.

Франциск умолк и через несколько минут нам встретился старичок, видом вроде калмыка. Он ласково нам улыбнулся и погладил нежно Эта по шейке. Обычно не любивший прикосновения чужих рук, Эта потерся головкой о его колено.

— Что ты не спишь, Мулга? — спросил Франциск, ответив на приветствие старика.

— Не успел убрать остатки упавшего дерева, а утром поедут по дороге, будет нехорошо. Пользуюсь луной, только боязно, как бы профессор не стал браниться, что мешаю ему заниматься. Стараюсь тихо убирать, да все же кое-где ветка да трещит.

Добродушие, спокойствие так и лились из всей фигуры старика.

— Да что же это такое? Ни днем, ни ночью мне нет покоя от Вас, Мулга. Из-за Вас я должен труд мой бросать, открывать окно и напускать к себе всякую ночную нечисть в роде бабочек и мошкар. Можете потише разговаривать с Вашими несносными псами. Шагу ступить невозможно, чтобы не столкнуться с ними в любое время дня и ночи. И чего здесь караулить? Подумаешь, сокровища? Рваные домишки! Голос был раздраженный, и чувствовалось, что человек изливает на бедного Мулгу какие-то свои давнишние токи скопленной горечи и недовольства.

— И когда только я смогу втолковать в Вашу глупую голову, что Вы перебили мои мысли, от которых зависит, быть может, иное понимание жизни светил?

Голос доходил к нам из окна, окно захлопнулось, и в тишине ночи слышались только вздохи огорченного Мулги. Истинная печаль была видна на его лице. Покачивая головой, он говорил Франциску шепотом:

— Прости, дорогой брат, что я сделал тебя свидетелем немирной сцены. Всегда забываю, что голос мой так громок. Ах ты, Боже мой! Какой я глупый, опять я помешал бедному профессору и нарушил здесь общий мир. Беда, если молитвенничек тоже молился да выйдет сюда. Да вот он уже и вышел. Ну, теперь и мне, и псу моему бедному до вечера все будет доставаться.

Франциск улыбался, не трогаясь с места, хотя Мулга убеждал его уйти и избежать встречи с молитвенничком, который шел прямо на нас, опираясь на высокий посох.

Его белая полотняная одежда составляла резкий контраст с густыми черными, торчавшими шапкой во все стороны волосами, длинной черной же бородой и огненными черными глазами. Человек шел решительными шагами, в нем явно все негодовало.

— Мулга, прошлый раз я сказал тебе, что буду жаловаться на тебя в Общину. Теперь я не жаловаться буду, а требовать, чтобы тебя отсюда убрали вместе с твоими смердящими псами. Простлый раз ты помешал мне дойти до экстаза, а сейчас я уже был в экстазе, как раз видение уже готово было мне открыться, я уже слышал, как сходила ко мне великая Дева, и сердце мое сладостно замирало, как ты снова выбил меня на землю своими разговорами со смердящими псами.

Голос человека, громкий и властный, был резкого, неприятного горлового тембра тенор. Он казался слишком высоким и тонким для плотной фигуры человека и так же не гармонировал с его общим обликом, как его борода с белой одеждой.

— Прости, дорогой брат, — сказал смущенный Мулга. — Я никак не предполагал, что тебя может беспокоить в твоей святой молитве мой голос. Я был довольно далеко от твоей комнаты, и пес мой был рядом со мною.

— Нечего тебе Лазаря петь и оправдываться, нечего взывать к моему милосердию, — прервал его снова молитвенничек, — разве есть тебе прощение за то, что ты разбил мое видение? Небеса готовы были мне открыться, и на тебе преступление, что я их не увидел. Тебя надо убрать отсюда, я сейчас же иду в Общину, там расскажу старшему всю правду. Да и он-то хорош. Ваш старший! Ничего не знает и не понимает, что у него тут делается: ему докладывают, что пришел ясновидец, он шлет приказ мне задержаться здесь. Ну где видано подобное непонимание?

Ясновидец хотел еще что-то прибавить, но Франциск вышел из тени и, поклонившись незнакомцу, спросил его:

— Не ты ли брат Иероним, приславший в Общину крест со святыми мощами?

— Да, я послал крест с мощами и плат, которым обтер гроб Господень.

— Зачем же ты, если ты ясновидец, обманываешь людей? Ты ведь знал, что в кресте сухой хлеб вместо мощей, и ты сам лучше всех знаешь, что ты никогда у гроба Господня не был, не только его не обтирал. И платок твой, и крест я тебе возвращаю, возьми их. Я прислан тебе сказать, что и на кресте, и на платке положен зарок. До тех пор пока ты не выучишься говорить только одну правду, ты не сможешь снять с себя креста, который я на тебя надеваю, и не потеряешь платка, который я кладу тебе в карман. Где бы ты ни оставлял свой платок, кому бы ты его ни дарил, он все будет возвращаться к тебе, будет находить тебя повсюду. И только тогда, когда твои уста и сердце научатся славить Бога в тишине, в правде и в смирении, только тогда ты придешь сюда вновь и найдешь вход в Общину. Теперь же не только там, но и здесь тебе нет места. Иди отсюда, бедный человек, и чтобы речь твоя не смущала людей, иди молча, потеряй дар речи и обрети его тогда, когда на самом деле доберешься до гроба Господня. Постигни истину: чем ты лживо соблазнял, то ты должен сам же и искупить. Ты страшил людей, что призовешь на их головы наказание Божие. Сходи пешком в Иерусалим, выполни там весь обряд покаяния, через который ты заставил многих пройти, найди бесстрашие в своем трусливом сердце. Когда из него уйдет весь страх, тогда в нем проснутся любовь и правда. Вот тогда придешь сюда вновь. Я лишаю тебя дара речи не для того, чтобы причинить тебе унижение и боль, но чтобы спасти тебя от всех безумных слов, что в тебе клокочут. Иди же, друг. Здесь тебе сейчас не место. Ты

достиг Общины только для того, чтобы понять ужас заблуждения, в каком идешь, и найти путь к спасению. Вот этот благородный пес доведет тебя в целостности и сохранности до ближайшего места, откуда тебя увезут на верблюде и перебросят в заселенные места. Там дадут тебе немного хлеба и денег, а дальше иди уже сам.

Чем скорее сойдет с тебя гордыня, тем легче будет твой путь. Иди, Бог с тобой.

Ясновидец переживал невероятную борьбу с самим собою. Он краснел и бледнел, а луна, как назло, светила ему прямо в лицо, и под ее светом все ужасные гримасы, которые он делал в усилиях раскрыть челюсти, представляли печальное зрелище.

Наконец, видя что все его усилия напрасны, монах принялся теревить крест, рвать платок, ничего не мог с ними поделать и решил уйти. Вероятно, у него была мысль все же добраться до Общины. Он попытался сделать несколько шагов вперед и свернуть в сторону, но собака зарычала и преградила ему путь.

— Иди, друг, все время за собакой, она приведет тебя кратчайшим путем, куда я тебе сказал. Если ты попытаешься ее не послушаться, лично она вреда тебе не сделает, но и не сможет защитить тебя от диких зверей, которых ты не избежешь, если не слушаешься своего вожака.

Человек, пока говорил Франциск, повернулся к нему и пристально смотрел ему в глаза, как бы желая удостовериться в истинности и серьезности его слов. При последней фразе Франциска трусливая волна пробежала по всему его телу, он вздрогнул, как-то согнулся и пошел за собакой.

— Что же я наделал, что я наделал, — прошептал вконец расстроенный Мулга.

— Ты ничего ему не сделал, Мулга, как и тому профессору. Пойди и собери узелок с едой, одеждой и книгами. Ты уйдешь отсюда с нами, и я покажу тебе, где ты будешь жить и что делать. Жди нас на этом же месте, через час мы будем снова здесь.

Мулга поклонился и пошел к одному из домиков, а Франциск приказал мне:

— Возьми Эта на руки, Левушка. Я тебе еще раз напоминаю, чтобы ты держал сердце широко открытым. Следи, чтобы ни один его лепесток не закрылся. Молча лей Любовь и не приходи в отчаяние, если человек не подбирает твоей любви, остается беспокойным и не просветленным. Не думай о последствиях, но всегда действуй сейчас. Действовать далеко не значит всегда и молниеносно побеждать. Это значит только всегда вносить

пробуждение в дух человека, хотя бы вовне это имело вид, что ты не принес человеку мгновенного успокоения.

Франциск пошел к дому бранившегося недавно профессора, вошел в сени и постучал в дверь.

— Ну, это действительно становится невыносимым, — сказал голос за дверью, и поспешные мелкие шаги направились к нам. Дверь открылась, на ее пороге стоял высокий, худой, аскетического вида старик.

— Извольте, ночные гости, да еще в придачу с птицами! Я терпеть не могу птиц, оставьте Вашу ношу в коридоре, если желаете войти сюда.

— Я прошу равноправия для обоих моих спутников, — сказал Франциск. — Когда Вы, профессор, въезжали сюда с огромным количеством багажа. Вас ведь никто ни в чем не ограничивал. Напротив, Вам предоставили целый домик в пользование и ставили только одно условие: милосердие к людям, цветам, птицам и животным. Теперь я к нему взываю.

— Странные у вас здесь нравы. Я приехал сюда поделиться знаниями с вашими учеными, знаниями, которые могут мир обогатить. И вместо того, чтобы спешить ко мне, меня держат в совершенно не подходящем мне обществе, и первыми являетесь вы со своим призывом к милосердию. Какой толк из всех тех жертв, что я принял на себя, добираясь до вас? Для чего я ехал? Чтобы сидеть в лесу с москитами?

— Перед Вами был иной путь. Вам предлагали ехать в Америку. Вам говорили, что Вы можете там найти сбыт Вашей учености. Вы ведь знаете, что не поехали туда, боясь конкуренции и опасаясь, что не займете там первого положения.

— Потому-то я и приехал сюда, что верю в бескорыстие Ваших ученых. Верю, что они меня не надуют, как это могут сделать янки.

— Перед Вами сейчас очень серьезная проблема. И тот, кто основал Общину, прислал меня сказать Вам, что Вы заблуждаетесь, что все Ваши открытия, на которые Вы истратили жизнь, давно известны у нас, на Востоке. Вы подошли только к самому первоначальному источнику, а наши ученые уже давно решили все начальные задачи и пришли к окончательным выводам. Вы идете неверным путем, и для истинной науки Вам надо начать все с самого начала. Если Вы хотите, Вы можете остаться здесь и, начав все с начала, следуя указаниям наших ученых, на правах простого ученика учиться, руководясь заданиями, которые будут Вам указаны. Вы можете в наших библиотеках пользоваться всеми книгами мира, и Вам нет надобности таскать за собой свою небольшую библиотеку. Вы можете выбирать себе любые системы для разработки даваемых Вам

заданий. Но самые задания для первоначальной работы будут Вам даны. Это еще не все. В нашей науке не могут работать люди, пренебрегающие всеми другими свойствами в себе, кроме ума. В человеке есть еще душа и дух. Тот, кто, как Вы, не поинтересовался развитием в себе духовных сил, не может быть тружеником восточной науки. И не потому, что он недостоин этой чести, как саркастически думаете сейчас Вы, друг. Но только потому, что в нашей науке все начинается и кончается основой духа. Разъяснить Вам в столь короткой беседе этот огромный вопрос невозможно. Да и для Вас сейчас сила не в нем. Сила в Вашей любви к науке для пользы и счастья людей, или же весь Ваш интерес к науке лежит в Вашем собственном «Я», которое Вы желаете вознести на высшую ступень земной человеческой славы. Если Вы ищите славы, ищите ее где угодно, только не у нас. Если ищите науки для пользы и счастья людей, Вы можете располагать каждым из нас, равно как и всем тем, что есть у нас.

Лицо ученого, сначала саркастическое, стало очень серьезным.

— Я не мальчишка, мчащийся за славой. Если Вы говорите, что я не развивал в себе ничего, кроме ума, то, право, мне было некогда думать о чем-либо, кроме науки. Я голодал и холодал потому, что все, что мог заработать, уходило на мои книги. У меня не было времени заниматься проблемами любви и милосердия к людям, так как я и для личной своей жизни не имел времени. Тратить в пустоте драгоценные минуты, отрываясь от науки, я не мог. Но, если Вы говорите, что я шел неверным научным путем, что где-то я сделал неверные расчеты и выводы — о, это серьезно, это очень серьезно. Если кто-либо из Ваших ученых может мне это доказать, я готов начать все с самого начала и, можете верить моему слову, хныкать не буду. Я буду работать без ропота и разочарования. Никто, кроме меня, не виноват, если я сделал в своих вычислениях ошибку. И признак ума вовсе не в том, чтобы настаивать на своем, если ты понял, что ты не прав. Но это надо доказать. Кто же этот титан-математик, который мог бы понять работу всей моей жизни и указать мне мою ошибку? Во всем мире есть только один, равный мне по знаниям в этой области, и он — мой враг — признает мой труд.

Ученый, на мгновение допустив возможность своей ошибки, снова гордо поднял голову. В его глазах поблескивал сарказм.

— Этого титана, если хотите, Вы увидите завтра. Но, повторяю Вам, придется принять условие, о котором я Вам сказал, если Вы убедитесь, что Вы были не правы.

— Бог мой, странный Вы человек! Только что Вы толковали о любви. Да разве для моей любви к науке могут существовать какие-либо условия,

условности, препятствия? Чтобы достичь истины в том, что составляет для меня цель жизни, даже не цель, а самое жизнь, я пойду на все до конца, если бы на доску ставилась вся моя жизнь. Что значит для меня «жить»? Разве это дышать, есть, наслаждаться, богатеть? Это значит учиться, чтобы в вопросах, дивных для меня, найти верный и точный ответ. Не подвиг или долг для меня моя наука, но жизнь, Бог, вселенная — все. Ведите меня к Вашему титану, и я буду защищаться, как лев. Но если он меня положит на обе лопатки, я не умру, не воображайте. Я не возненавижу ни Вашего титана, ни мою науку. С Богом спорят, но его не ненавидят. Кто меня опровергнет, должен быть полубогом по крайней мере. Ведите меня к нему, и чем скорее, тем лучше.

Пока ученый говорил, его внешний образ менялся, а для меня раскрывался и его внутренний образ. Я увидел, как его старое лицо помолодело, а от всей фигуры веяло силой и энергией, и через все поры его существа лились благородство и мужество. Он остановился перед Франциском, пристально посмотрел ему в глаза и снова заговорил:

— Нередко в жизни меня обманывали люди, я не умел разбираться в них так хорошо, как в моей науке. Впрочем, Вы говорите, что и в ней я не разобрался толком. — Тон его голоса понизился, он горько улыбнулся, помолчал, вздохнул, снова пристально посмотрел на Франциска и продолжал:

— Я хотел от Вас, в свою очередь, слова, что если я окажусь правым, то получу всяческое содействие именно так, как я продиктую. Но... Ваше лицо и что-то такое особенное в Вас заставляет меня довериться до конца Вашей чести. Я ни о чем не спрашиваю, ничего не хочу знать, где будет мое свидание с Вашим гигантом, я повторяю: следую за Вами, ведите.

— Пойдем, дорогой брат, счастлив Ваш день сегодня. Великая радость ждет Вас. И все, чего Вы искали, откроется Вам.

Мы вышли из дома и встретились с Мулгой в условленном месте. Когда мы вышли из леса и очутились снова в море лунного света, ученый снял шляпу, вздохнул полной грудью и, смеясь, сказал:

— Как это ни странно, но первый раз в жизни мне приходится благодарить человека за то, что он оторвал меня от работы. Впервые в жизни я иду ночью в лунном свете свободным, без угрызений совести, что теряю время и оставляю мою науку. Я еще ни разу не выходил из комнаты с тех пор, как приехал. А приехал темной ночью и не знал, что здесь такая красота. Впрочем, в той части Германии, где я жил, было очень красиво, но мне было некогда заниматься природой и ее живописностью.

— Если бы Вы могли, профессор, нести все свои фолианты с собой, то

все равно Ваше сердце сейчас освободилось бы от Вашего постоянного страха потерять мгновение в пустоте от научного труда. Пришло Вам время по-иному понять не только что такое «пустота», но и что такое самая наука.

Профессор расхохотался, как будто он услышал от Франциска самую забавную из шуток.

— Право, я готов радоваться встрече с Вами. Простите, я не знаю, как мне вас называть.

— Меня зовут Франциск, зовите и Вы меня так.

— Значит, Вы не англичанин? Я готов был думать, что подобная железная выдержка может вырабатываться только у этого народа. Но это к делу не относится. Я хотел сказать Вам, что первый раз в жизни веселюсь и ощущаю совершенно новую силу в себе: я радуюсь тому, что светит луна, что бежит этот белый павлин, которого час тому назад я ненавидел, что рядом со мною идут люди, хотя они ничего в науке и не понимают, и меня не давит, что они не отдают себе отчета в силах природы. Я не представлял себе раньше возможности провести даже нескольких минут с людьми, не имеющими непосредственного отношения к науке. А сейчас рад, что пробуду с Вами несколько часов.

Тон ученого, его полное непонимание, кто был радом с ним, снова меня поразили. Я не мог уже теперь вспыхивать и угасать, как делал это раньше, но в сердце моем было возмущение, негодование и... сострадание. Я поражался грубой нечуткости человека, считавшего себя избранником и чуть ли не вершителем мировых законов жизни. Где же внимание этого человека? Как может он не чувствовать тех струй любви, что бежали к нему от Франциска и которые, несомненно, влияли на него, и от них-то он и чувствовал свое раскрепощение от условного долга.

Луна стала заходить за рошу, ночь становилась темной, но уже чувствовалось, что вскоре заря сменит короткую ночь. Мы все шли прямо, и мне казалось, что мы идем не к Общине. Но я потерял давно ориентировку и уже не мог ясно определить, куда мы шли. Внезапно ученый спросил Франциска:

— Скажите, брат Франциск, что это там, вдали так сверкает? Если бы это был пожар, то можно было бы видеть колебания пламени, чувствовался бы запах гари и дыма. Но я вижу совершенно неподвижный яркий огромный круг света. Этот феномен Вашей природы мне неизвестен. Что это? Впрочем, что же это я, глупец, спрашиваю Вас о явлениях природы? Вы, вероятно, кроме послушаний, налагаемых на Вас Вашей сектой, ничего и не знаете? До сил природы Вам столько же дела, сколько мне до дел Вашей секты.

Франциск оставил без ответа все выпады профессора, просто ответив:

— В том месте; где Вы увидели круг света, живут люди, владеющие силами природы и умеющие направлять их так, чтобы благо и счастье встречаемых ими людей не нарушалось от потрясений и нервных токов и толчков тех людей, что живут эгоистическими порывами и мыслят о себе как о первых и важнейших величинах. Если бы Вы могли освободиться от давящего Вас ложного долга перед наукой, Вы могли бы увидеть сейчас больше, чем простая внешность людей, к которым мы идем. Вы увидели бы сейчас это место светящимся не потому, что оно светится само по себе для всех. Я присоединил Вас сейчас к силе моей мысли, и Вам открылась возможность увидеть влияние мыслей людей, увидеть их действенную энергию. Этот огонь мыслей, видимый сейчас Вами, принадлежит людям бескорыстным, людям, ставящим не себя в центр вселенной, но отдающим от себя энергию на строительство вселенной, на творчество всем тем, кто может подхватить их энергию и передать ее дальше как вдохновение, озарение, мужество, гармонию мысли и сердца в ежедневном творчестве дня. У вас нет мира в себе. А для того чтобы достичь необходимой для творчества гармонии, надо найти мир сердца. Эти люди, приносящие свои мысли в мир, как свет, проходя свой день, не задумываются о долге. Они идут любя, любя побеждают и рассыпают искры своей любви каждому. И Вы можете вобрать в себя от них частицу гармонии. Но для этого Вам надо сбросить с себя предрассудок, что есть условные разграничения людей. Пока Вы будете видеть в человеке только ту или иную культурную единицу и ценить человека, как ум, а не как сознание — частицу Вечного, до тех пор Вы не сможете воспринять их гармонии, так как в Вас закрыты все пути к ней.

Мы подходили все ближе к сияющему полю света, и я радовался и отчетливо понимал, что все дома здесь светятся ровным огнем так же, как домики в дальней долине сияют разными цветами в зависимости от тех эманаций, которые истекают от живущих в них людей.

— Хорошо, что Вы сейчас ведете частный разговор, не требующий от Вас ни логических обоснований, ни доказательств, — саркастически звучал голос ученого.

— Вы вскоре получите столь яркий опыт ума и сердца, что вся потребность во внешней логике для Вас исчезнет, — спокойно ответил ему Франциск. — Мы подходим к целому ряду домиков. Какого цвета они Вам кажутся?

— Ваш вопрос очень странный. Из всех пор камня, со всех стен идут светлые лучи.

Но цвета их я определить не могу. Самый обычный беловато-молочный цвет, какой может испускать пористый камень. Обычно он не виден, но здесь очень ясен.

Ответ профессора был мне очень смешон, так как домики были совершенно определенного ярко-алого цвета и чудесно сверкали во тьме. Я посмотрел на умиленное лицо Мулги, шедшего рядом со мной, и понял, что и он также видит домики алыми и понимает смысл их цвета.

— Дайте мне Вашу руку, профессор, и разрешите мне коснуться Вашего затылка, — снова сказал Франциск, беря протянутую ему руку ученого и касаясь второй рукой головы ученого. — Что Вы сейчас видите?

Ученый молчал несколько минут, остановившись как пораженный внезапным параличом.

— Что же это за фокус Вы мне показываете? Дома пылают как огонь! — Смотрите дальше. Что Вы видите? — опять спросил Франциск, не отнимая руки.

— Я вижу насквозь, через пылающую стену. Вижу, что в комнате сидит пожилая женщина. Послушайте, ведь это ужас! Она же сгорит! Все стены внутри комнаты, все предметы в ней уже охвачены пламенем. Кричите скорее, чтобы она спасалась, я не в силах ни кричать, ни бежать ей на помощь, — все так же тихо говорил ученый.

— Не беспокойтесь, этот огонь не сжигает тела. Это духовная сила, которая может сжечь и испепелить Вас, если Вас ввести внутрь этого дома. Не будучи подготовленным к овладению теми силами огня вселенной, которыми полна эта комната, Вы задохнетесь в ней в течение нескольких минут. Не рассеивайтесь, соберите все свое внимание на фигуре женщины и сосредоточьтесь на желании увидеть ее мысли и прочесть их.

Ученый, стоявший очень близко к Франциску, тяжело и прерывисто дышал, точно бежавший к нему от Франциска ток был ему тяжел. Помолчав, он сказал:

— Женщина сидит перед раскрытой книгой, но мысли ее вовсе не у книги. Она думает о какой-то далекой дороге, о доме, наполненном детьми. Теперь в ее мыслях рисуются два образа девушек-красавиц, похожих друг на друга, как близнецы. Но — как это странно — одна из них совершенно седая. Очень смешно и странно: седа, как лунь, и юна, как Венера. Рядом с ними мужчина, статный, воинственного вида.

Но в каком это все сочетании, я разгадать не могу. Ах, вот я ясно вижу там Ваш образ, но тоже очень странно, у Вас в руках красная чаша, на Вас белая одежда...

Франциск отнял свои руки, ученый вздрогнул, слегка пошатнулся.

— Какого цвета теперь домики перед Вами? В котором из них Вы видели женщину? — спросил его Франциск.

— Дома все молочно-белые. И, если бы я не видел пылающего дома мгновение назад, я утверждал бы, что между ними нет красного дома. Ваш гипноз потрясающе силен, и я от него так устал, что не могу идти дальше.

— Хорошо, посидите здесь с Мулгой, он охранит Вас от ночных ящериц и скорпионов.

Не бойтесь ничего, посидите под этими пальмами, там есть скамья. Скушайте эту конфетку, она прекрасно Вас освежит. Уверяю Вас, что через четверть часа, когда мы с Левушкой вернемся к Вам, Вы найдете силы не только идти, но даже весело идти.

Франциск протянул ученому коробочку, где лежали довольно крупные квадратики, на вид вроде шоколада. Ученый молча положил квадратик в рот. Взяв меня под руку, Франциск повел меня к тому месту и дому, где профессор видел женщину и читал ее мысли. Он видел только ряд образов, не умея связать их, я же видел, что женщина страстно ждала Никито и обеих его племянниц. Мы приблизились к домику, и Франциск постучал в окно.

Через минуту на пороге открытой двери стояла женщина, которую ученый назвал пожилой. Теперь я увидел, что она не была пожилой, ей не могло быть более тридцати лет. Но отпечаток какой-то драмы, тяжело проехавшей по ее жизни и раздавившей ее, лежал на всей ее фигуре. Необычайная кротость и радостность, с какими она приветствовала Франциска, поразили меня, хотя я видал немало кротких и радостных лиц в Общине. Низко поклонившись Франциску, женщина пригласила нас войти.

— О, Учитель, ты сам пришел ко мне. Тебе вреден такой долгий и утомительный, путь. Разреши мне сходить хотя бы за молоком для тебя и твоего юного спутника, — говорила женщина, когда мы вошли в комнату, придвигая нам стулья.

— Не беспокойся, Терезита, я пришел за тобой. Я обещал тебе, что, если любовь твоя найдет силы вынести испытание три года, ты увидишь и Никито, и Лалию, и Нину. А ты прожила здесь пять лет и ни разу не спросила меня, почему откладывается свидание, почему ты все остаешься здесь и даже не едешь в дальнюю Общину к своим внукам.

— Я. счастлива была, Учитель, жить здесь. Все, что ты давал мне для исполнения, было так важно людям, что, пожалуй только сегодня в первый раз я думала о Никито и девочках. Ах, если бы можно было их спасти, я была бы рада прожить здесь до конца дней.

— Нет, друг, в деле любви не стоят на месте. Любовь — живая сила, и

ее надо все время лить по новым и светлым руслам. Ты созрела к действию. Новые силы очистились и развились в тебе. Держать их бездейственными в своей чаше нельзя.

Ты поедешь в дальние Общины, возьмешь с собой Лалию и Нину и пригодишь их к новой жизни. Нине, ищущей подвига целомудрия, ты объяснишь, что ей придется изменить свой путь, который ей так радостен и так ее пленяет. То материнство, что должна была нести Лалия и которого она не выполнила, не перенесла своего легкого испытания, ляжет на Нину. Придется ей идти в широкий мир и создать семью, где суждено родиться тому, кого владыки карм пригостили к воплощению и высокому подвигу Любви. Объяснишь девушке всю важность ее новой жизни. Скажешь, что подвига не выбирают, но легко несут ношу, от нас подаваемую, если хотят действительно служить Истине. Я уверен в Нине. Это будет тебе урок легкий. С Лалией будет труднее. Но... в тебе самой уже нет борьбы со своими страстями, а потому все новые повороты жизни уже не затруднят тебя и не будут чрезмерно тяжелыми.

Иди со мной, друг, оставь это место легко и просто, а не тяжело и мучительно, как ты покидала все те места, где жила до сих пор. Перед новыми поворотами в пути страдают только те, кто носит в себе еще не растворенным в любви свое «Я». Твое же все растаяло, все превратилось в Свет. И потому я веду тебя в то место, где ты будешь действенной силой для встречающих. Мир тебе, друг мой, передавай мой мир каждому и ощущай ежеминутно, что несешь в руках чашу красную, чашу Любви.

Приложи уста свои к ней и пей кипящую Любовь моего сердца. Неси ее как деятельность простого дня и передавай в труде не пот подвига и долга, но легкость знания.

Терезита опустилась на колени и смотрела на Франциска, держа его руку в своих.

— Идя по труду дня, никогда не иди одна, дитя мое. Но подавая руку встречающему человеку, подавай обе наши руки и отирай очи человека платком Любви. Пойдем, друг, нас ждут.

Много я видел чудесных лиц в экстазе за последнее время, но ни на одном из них я не видел такого счастья и мира, какие видел здесь сейчас на лице Терезиты. Лицо — далеко не красавицы — было прекрасно и так сияло, что даже моим глазам, уже привыкшим к сияющим аурам, хотелось зажмуриться.

Не взяв ни единого предмета из дома, Терезита вышла с нами. Ее привет профессору и Мулге меня поразил. Мулге она протянула обе руки, которые тот неловко поцеловал одну за другой, а профессору она

поклонилась и сказала:

— Много вопросов придется Вам еще решать. Но такого сильного негодования, какое Вы испытываете сейчас, в Вас уже не будет никогда. — Терезита рассмеялась таким милым и заразительным смехом, что я не смог удержаться и залился своим хохотом, а моему примеру последовал и Мулга.

Ученый вознегодовал на меня с такой страстностью, что даже не дал Терезите времени сказать мне что-то, о чем она думала и хотела обратиться ко мне. Он весь представлял собой комок раздражения, и мне стало очень горестно, что моя добродушная веселость была так неуместна. Излив на меня первый жар возмущения, он обратился к ней:

— Что Вы можете понимать в моем негодовании, весьма уважаемая дама? Уж не занимаетесь ли и Вы чтением чужих мыслей, как это практикует брат Франциск? Или Ваша дружба с Богом идет только в мечтах о тех фигурах, которые я видел в Ваших мозгах через гипноз Вашего друга? Надо надеяться, что ложных задач моего мышления Вам не решить, если бы даже Вы и оказались чтицей мыслей. Все же было бы весьма любопытно узнать, как поняты Вами причины моего негодования? — Профессор рычал с таким сарказмом, что Франциск бросил на него взгляд сострадания и сказал Терезите:

— Ну, вот, сестра, и начинай свой новый путь общения с бунтарями. Никогда не бойся раздраженного и не принимай его речей в свое сердце. Только стой крепко сознанием у черты Вечности. Стой ногами на земле так устойчиво, точно они к ней приклеены. Но мыслью и сердцем живи в высоком Свете и не нарушай моего завета: иди всегда со мною, протягивай свою руку вместе с моею, чтобы не мешать Свету проходить через тебя, как через новый и чистый путь.

Франциск подозвал Мулгу, шедшего все время сзади, ускорил шаги и стал разговаривать с ним на языке, которого я не понимал. Я невольно снова подумал, сколько же наречий на свете, которых я не знаю.

Между ушедшими вперед и нами образовалось некоторое расстояние, так как ученый идти так скоро не мог. Он тяжело дышал и шел с трудом. Я подумал, что он просто устал, но, когда расцветавший день осветил его лицо, я понял, что он почти болен, что ему трудна атмосфера не только Франциска, но и Терезиты. Незаметным маневром я постарался идти между ним и сестрой и уже собирался предложить ему опереться на мою руку, как Терезита сказала:

— Я очень опечалена, друг, что смех мой был понят Вами как насмешка, как мое самомнение и желание показать Вам какие-то феномены своих чрезвычайных сил. Я никакими особыми силами не владею. Но

действительно в ту минуту я думала, как может быть слеп человек, достигший величия в какой-то области знаний, которые он чтит выше всех сокровищ Жизни. Ваши неосторожные слова о моем великом Учителе и другие могли бы в другом месте соткать зло и принести Вам вред. Но здесь благодаря его присутствию, благодаря его всесжигающей Любви, которая льется из его сердца, Ваши слова развеялись прахом. Вы хотите узнать, прочла ли я причину Вашего негодования и раздражения? Да, я ее прочла. Но выскажу я ее словами только в том случае, если Вы сами еще раз скажете, что желаете услышать из моих уст столь неблагородные мысли, которые для Вас самого неожиданны, так как Вы человек верный и благородный.

— Это уже переходит границы всего серьезного и становится веселым фарсом. Я очень был бы Вам благодарен, почтенная дама, если бы Вы удостоили меня чести услышать все же Ваше мнение о причинах моего негодования, которого я, кажется, ничем Вам не выказал.

— Их три, тех причин, что так язвят сейчас Ваше сердце, друг, и заставляют Вас язвить меня не формальным смыслом Ваших слов, но тем едким тоном злобы, которым они произносятся. Я еще раз спрашиваю Вас: хотите ли Вы, чтобы я их сказала?

— Да, конечно, хочу. — Тон голоса профессора совершенно изменился, голос прозвучал неуверенно, даже недоуменно и вместо сарказма в нем слышалась растерянность, и весь его внешний вид показался мне озадаченным.

— Первая причина — это вообще раскаяние, что Вы сюда приехали. Вторая — оскорбление и унижение, что какой-то малограмотный монах, каким Вы считаете брата Франциска, мог заставить Вас подчиниться его гипнозу, с которым Вы спутали его дар прозрения и способность владеть силами природы. Третье — ревность к тому ученому, к которому Вы решились идти, ревность к его знаниям, если они есть, к его власти, если он действительно так образован, что может указать Вам Ваши ошибки.

Долго шли мы молча, рассвет сразу перешел в чудесное утро. Я взглянул в лицо ученого и был потрясен его видом. Он был желт, глаза провалились, и под ними лежали темные круги. Нос его заострился, весь он, казалось мне, еле держится на ногах.

Франциск остановился и поджидал нас. Когда мы подошли, он снова протянул ученому коробочку с шоколадными квадратиками.

— Это ничего, профессор. Вы только устали от непривычно долгого пути. Скушайте еще одну конфетку, и Вы сможете, позавтракав, переговорить с доктором И., что Вас сразу же — я уверен — успокоит.

Левушка, будь гостеприимным хозяином, отведи профессора в свою комнату и поручи его заботам Яссы. Ясса — это слуга Левушки, профессор. Он знает такой массаж и такие растирания в ванной, что Вы даже забудете, что провели ночь в бессонном походе. Будьте здоровы, друг и брат, мы с Вами еще увидимся. Ты, Левушка, скажешь И., что профессора я привел, а дальше исполнишь то, что тебе скажет И. Мы входили, наконец, в парк, и, признаться, и я, и мой друг Эта были порядочно утомлены. Я отвел профессора к Яссе, который уже о нем знал и ждал его с готовой ванной.

Я прошел в душ и, тщательно умывшись, переодевшись и еще тщательнее причесавшись, уложил спать Эта и только тогда отправился к И. По дороге я сам над собой посмеивался, вспоминая, сколько уроков истратил на меня И., чтобы привести меня к самообладанию в этом маленьком секторе простой воспитанности.

Глава 11

И. принимает ученого. Аннинов и Беата Скальради. Наставление мне и Бронскому

Когда я вошел к И. и посмотрел в прекрасное лицо моего дорогого друга, я внезапно почувствовал, что я все еще не знаю лица моего обожаемого наставника.

И. показался мне юношей, прекрасным воплощением силы, жизни, мудрости. Он улыбнулся мне и ласково сказал:

— Ты делаешь успехи, дорогой мальчик, ты почти не устал.

— Это сейчас я вдруг почувствовал себя сильным. Но не могу похвастать, что дошел обратно легко. И не могу, отдавая Вам отчет, сказать, что встречи, давшие мне в эту ночь уроки на век, не истощили моих духовных сил, пока я жил в общении с сегодня виденным и понятым страданием. Примеры слепоты людей временно ослепили и меня самого. Сегодня я понял, что самое начало страдания, как и развитие его, лежит в невозможности человека охватить в каждый летящий момент всю Жизнь. Чем прочнее привязана мысль к земле, к своей страстно любимой среде, труду, друзьям, тем больше ослеплен человек сиянием одной земли. И тем ему труднее — большее для него страдание — вырваться к Свету Жизни. В числе сегодняшних уроков не все были уроками от противного. Покорившие меня своим величием внутреннего мира и любви люди тоже по-разному проникали в мое сердце, о полном раскрытии которого дважды напоминал мне Франциск в эту ночь. Дважды ему пришлось сказать мне, чтобы ни единый лепесток, прикрывши вход в сердце, не помешал бы мне вобрать в него встречных. И в самом деле, ни один лепесток не помешал литься моей любви и сосредоточиваться моему вниманию. Но... мне была очень тяжела и трудна встреча с Терезитой. Я признавал и признаю сейчас, как дух ее высок, непоколебима верность, как вся она чиста и любяща, и все же что-то, чего я понять не могу и по сию минуту, отдаляет меня от нее. «Отдаляет» это даже не то слово. Между нею и мною я чувствую какую-то стену. Я преклоняюсь перед нею, но не могу чувствовать себя с нею легко и просто. И в то же время, как это ни странно, обуянный раздражением и слепотой профессор мне не тяжел.

— Я вполне понимаю тебя, Левушка. Путь Терезиты — религиозный путь. И ты еще не можешь подняться так высоко, чтобы обряд — всякий

обряд, всякий ритуал, — стал для тебя лишенною цепей благодатью. Для Терезиты труд ее жизни, труд веков, труд освобождения — все идет только через луч обряда и религии. Она пока живет в них, как в сияющем, но все же чехле. Если бы один из вас был уже раскрепощен до конца, стена ее сияющего чехла не могла бы стеснить вашего единения. Чем выше каждый из вас будет подниматься в своем освобождении, тем проще, ясней и ближе будут ваши отношения. Что же касается профессора, то там ничто в его ступени сознания не может коснуться тебя как начало недоумения, протеста или задержки для твоего доброжелательства. Поэтому ты и не ощущаешь его тяжелых испарений.

Тогда как эманации Терезиты, будучи очень высокими, давят тебя односторонностью. Мы поговорим еще с тобою об этом в пути. Надо собираться. Как только я усажу профессора за науку, мы уедем. Ты удивлен, что ученый, так мало совершенный вовне, может здесь жить, тогда как многим и многим, всю жизнь жаждавшим сюда попасть, ворота закрыты. Вглядывайся глубже во встречи, Левушка. Ученый, ничего не зная умом о жизни в двух мирах, на самом деле жил в них. Он до конца отдал свою преданность науке. Не задумываясь о благе людей, он вносил весь свой труд для них, мечтая о том, чтобы во вселенной ни один человек не знал ни страха, ни нужды. Он закрепощен в долге и любви к науке, но дух его чист и свободен. Он мечтал всегда, чтобы все люди могли учиться, как и чему хотел каждый, без помехи бедности. Иди, друг. Ясса уже, вероятно, отмыл профессора от ночной пыли, теперь он голоден. Окажи ему всю любезность и гостеприимство воспитанного человека.

Будь вежлив, как должен быть ученик, и приведи гостя ко мне. Не обращай внимания, если он будет не в духе. Приглядишься к нему. По всей вероятности, он сущий ребенок во всех бытовых вопросах.

Я пошел выполнить приказание моего любимого друга. Какое-то воспоминание, вернее, отголосок каких-то константинопольских переживаний вставал во мне. Мне вспомнилось, сколько раз в моей жизни я отрывался от дорогих мне людей, как часто, когда мне хотелось особенно сильно побыть с И. и выслушать от него ответы на беспокоившие меня вопросы, мне приходилось его покидать, чтобы выполнить то или иное дело.

Сейчас я как-то особенно ощущал необходимость побыть с И. -и снова должен был идти по делу другого человека. Но не вздох сожаления был в моем сердце, не раздражение, о котором я без улыбки над самим собой уже не вспоминал, — о нет, эти времена уже миновали. Но мне было как-то неловко перед самим собой, что у меня не было сию минуту ликования в

сердце, не было буйной радости, что я могу быть полезен человеку. Я шел мирно и спокойно, очень ровно и доброжелательно настроенный, но я сознавал, что активной, действенной радости во мне нет.

Подходя к ванной комнате, я услышал веселый смех. Я ожидал всего, но чтобы Ясса сумел привести ученого в такую веселость, не мог себе и представить. И смех профессора, чистый, детский и заразительный, тоже немало меня удивил.

Дверь из ванной открылась, и я увидел фигуру профессора. Его безукоризненный белый костюм, который Ясса вытащил, должно быть, из запасов И., сиял, лицо было свежевыбрито и выражало полное удовольствие, и... вдруг совершилось мгновенное превращение в. недовольную, кислую гримасу, как только ученый увидел меня.

— Ах, это Вы, юноша. Я ночью плохо Вас разглядел. Теперь я вижу, что Вы сущий Геркулес, только у того кудри были не черные. — Профессор говорил ворчливо, критически рассматривая мое индусское платье. — Вот как! Вы опростились, даже до сандалий на босу ногу, — прибавил он, дойдя в своем обзоре до моих ног. — Ведь Вы не монах, как брат Франциск, и обетов, очевидно, еще не успели дать никаких.

Для чего же эти босые ноги?

— Мне очень трудно объяснить Вам логически, для чего-то или иное во мне или на мне существует, профессор. Но я еще не привык к здешнему климату, и жара действует на меня так, что мне хочется поменьше носить на себе всякой одежды.

Кроме того, все живущие здесь одеты так. И я не составляю исключения в этом отношении. Доктор И. носит точно такую же одежду. Кстати, простите меня, что до сих пор я не спросил Вас о Вашем имени и не знаю, как мне представить Вас доктору И., - ответил я профессору, преспокойно стоявшему посреди коридора и рассматривавшему меня, как обезьяну в клетке.

— Мое имя, юноша, Ганс Зальцман. Для Вас оно ничто, но если Ваш доктор И. человек образованный, ему оно кое-что скажет. Вы меня ведете прямо к нему? — Да, доктор И. ждет Вас. Мы пересекли коридор, перешли в другую половину дома, и я ввел профессора Зальцмана к И. Мысли мои были крепко сосредоточены на том, чтобы всей силой своего доброжелательства помочь ученому воспринять И. не так, как он воспринял Франциска. Но с первого же движения И. навстречу входившему профессору, с его улыбки, с протянутой необычайно приветливо руки, с тона голоса, полных светскости, обаяния, любезности, я понял, что мои усилия были детски беспомощны и не нужны, что И. был действительно

титаном, и ученый почувствовал это мгновенно. Весь его облик, повадки — все изменилось. Он весь собрался в комок, точно тигр, готовившийся к прыжку, и я вспомнил его разговор с Франциском, как он обещал защищаться, как лев.

— Я очень рад, профессор, приветствовать в Вашем лице всю науку Запада. Примите мой глубокий поклон Вашему труду и Вашим знаниям, — сказал И., протягивая ученому обе руки и усаживая его в кресло. По всей вероятности, Ваше путешествие на Восток и все пребывание у нас Вас очень утомило. Но я надеюсь, что Ваша преданность науке будет вознаграждена. Книги, не только те, о которых Вы мечтали, но и такие, о которых Вы ничего не знали, ждут Вас в нашей библиотеке.

Я позаботился, чтобы Вам была предоставлена при одном из самых обширных филиалов библиотеки отдельная небольшая квартира. Полная тишина в той части парка, где расположен отдел библиотеки, который я Вам предлагаю, даст Вам гарантию, что ничто и никто извне не сможет нарушить Ваших занятий.

И. усадил профессора в удобное кресло. Незаметное ударение, сделанное И. на слове «извне», заставило профессора Зальцмана насторожиться.

— Если извне не будут мне мешать, то уж изнутри, наверное, ничто не нарушит моей устойчивости и трудоспособности в науке, — произнес он неожиданно для меня быстро, точно торопясь и волнуясь.

— Как знать, — улыбаясь сказал И., пристально глядя в лицо ученому.

— Я надеюсь, — снова торопясь сказал тот, — что Вы не замерены показывать мне феноменов гипнотизма, как это сделал по дороге ночью брат Франциск? Что мог себе позволить невежественный монах, обладающий магнетической силой, до того не может дойти ученый. Я хотел бы сразу же начать наше научное собеседование.

— Сейчас Вам, прежде всего, необходимо позавтракать и подкрепить свои силы. Если после завтрака Вы пожелаете немедленно отправиться в библиотеку, мы пойдем с Вами туда сейчас же. Но я советовал бы Вам подождать до вечера. Наше солнце существенного вреда Вам не причинит, но может утомить Вас так, что желанная беседа со мной отодвинется на несколько дней, — ласково говорил И., приглашая ученого в столовую.

— О, нет, я гораздо крепче, чем Вы предполагаете, доктор И, — перебил его Зальцман, следуя за нами в столовую. — Но вот разрешите мою загадку: когда Вы успели получить докторскую степень и где? Вы так юны, что можете позировать для статуи греческого бога, и у нас на Западе Вы, конечно, ее получить не могли. У нас детям ученых степеней не дают, а

скинуть с Вас лет шесть-семь, и Вы будете ровесником сему полуребенку, хотя он сложением и Геркулес, — прибавил он, смеясь и указывая на меня.

— Тем не менее степень я получил именно у вас в Германии одну, в Риме — вторую и в Лондоне — третью, — улыбаясь, ответил И. — Поразительно, — скорее фыркнул, чем сказал профессор.

— Я хотя и не так прекрасно читаю мысли людей, как мой брат Франциск, тем не менее вижу ясно, как в Вашем мозгу мелькает слово «шарлатанство». Потерпите немного, вскоре Вам предстанут факты моей неоспоримой учености, — весело смеялся И. Зальцман остановился, пресмешно уставившись глазами на И. и даже раскрыв от удивления рот. Но И. не дал ему времени оставаться в столбняке, взял его под руку и, представляя подошедшему к нам Кастанде, сказал:

— Вот, позвольте Вас представить. Это наместник нашего хозяина в Общине, брат Кастанда. Все, что Вам будет нужно, чем Вы будете недовольны, со всем обращайтесь к нему, все в руках всемогущего Кастанды. Он только по виду суров, на деле же это любезнейший и самый обворожительный хозяин.

— Я буду счастлив служить Вам, как и каждый из нас, дорогой профессор, ответил Кастанда, пожимая руку гостя. — Садитесь, пожалуйста, сюда. Если наша еда будет Вам не по вкусу, заказывайте себе все, что Вам захочется. Мы постараемся достать Вам все то, к чему Вы привыкли.

— Вы чрезвычайно любезны. Но я всю жизнь не замечал, что ел, и почти всегда был голоден. Думаю, что не доставлю Вам хлопот в этом смысле. Голод мне так же привычен, как сухой хлеб и вода, составлявшие почти всегда мое регулярное питание.

Профессор опустил в креслице между И. и мною и с удивлением рассматривал окружавшие нас фигуры и лица. Довольно долго он жевал то, что И. положил ему на тарелку. Я видел, что все его внимание поглощено людьми, а ел он, действительно, не понимая, что ест.

— Скажите, доктор И., откуда Вы здесь собрали такую уйму людей? С тех пор как я окончил университет, я ни разу не бывал в таком скопище, в такой культурной толпе. Здесь нет ни одного вульгарного лица. Что это? Это все ученые?

— Нет, профессор, здесь собрались люди не по признаку учености или талантов, хотя талантов здесь немало. Это те люди, сознание которых раскрыто не только как ум, но и как гармоничное целое, как творческое сочетание ума, сердца и духа.

Свет духовной жизни — вот отличительный признак объединенных

здесь людей. Силы их духа сияют Вам, а Вы, следуя Вашей западной привычке, хотите их осязать и расставить по графикам логических посылок и предпосылок. В Вашей жизни здесь Вы будете постоянно наткаться на затруднения, если духовная сила сознания не будет вами учитываться как первая сила человека.

Сидевшая на своем обычном месте Андреева внезапно пронзила Зальцмана своими электрическими колесами. Я внутренне съежился, так как ждал от не сейчас же какой-нибудь «штучки» бедному профессору. Но она перевела свои глазищи на меня, и вся штучка досталась мне. Я был рад, что бедный ученый, и без того испытывший немало «феноменов» за одни сутки, избежал еще одного удара по нервам.

— Да, Левушка, защитником и милостивцем быть, конечно, очень приятно. Но, это вовсе не Ваша роль. Вы помешали не только моему остроумию, но и скорейшему прозрению этого старца. И чего это Вам вздумалось играть роль милосердного самаритянина? — пронзая меня огнем своих глазищ, сказала Андреева.

— Или я не совсем понял Вас, или Вы не совсем поняли мою мысль, Наталья Владимировна. Должно быть, я уже научился немного защищаться от Вас. Но я убежден, что Вы не высказали того, что хотели, не только потому, что я Вам помешал, а больше всего потому, что И. Вам запретил, — ответил я смеясь.

— Извольте радоваться, во что превращаются невинные птенчики через несколько месяцев в обществе И:, - и Андреева тоже смеялась самым добродушным образом.

Ученый, не понимавший языка, на котором обратилась ко мне Андреева, смотрел пристально в ее глаза, потом перевел взгляд на меня и, повернувшись наконец к И., сказал:

— Если бы я встретился с этой дамой один на один, я бы, по всей вероятности, испугался. В Вашем обществе я чувствую себя точно в защитной сети, но все же думаю, что эта дама обладает не совсем нормальной психикой.

— Эта дама знает прекрасно все те языки, на которых говорите Вы, профессор. И, кроме того, обладает столь не нравящимся Вам свойством: угадывать мысли другого.

Я готов утверждать, что она отчетливо знает, о чем Вы сейчас думаете, — усмехаясь, ответил И. — О, это было бы ей весьма малопривлекательно, — беспечно улыбнулся ученый. — Но, слава Богу, она не угадает того, о чем я думал.

— Вы думали, что в моих глазах пляшут те огни, за которые

инквизиторы Испании приговаривали грешников к костру, — раздался добродушный голос Натальи Владимировны. Вокруг многие рассмеялись, профессор смутился и растерянно смотрел на Андрееву.

— Пейте Ваше какао, друг, и, если Вы настаиваете, вопреки моему совету, пойдёмте в библиотеку. Оставим эту саркастическую даму без удовольствия пиявить Вас дальше, — ласково сказал И. Очень мало евший, профессор от какао отказался, попросил разрешения взять в карман фруктов, и мы отправились в путь. И. приказал мне надеть шляпу с вуалью и принести такую же профессору. Протестовавший и возмущавшийся вначале ученый с восторгом напялил ее на голову, как только мы вышли из тени в палящий жар.

И. повел нас новой для меня дорогой. Мы не спускались по скатам в долину и не поднимались снова в горы. Каким-то неожиданным образом, перейдя по двум узеньким и дрожащим мостикам над глубокими пропастями, пройдя три туннеля, мы очутились в большом парке минут через сорок ходьбы.

Для меня это было большим сюрпризом, потому что мы вышли сразу на широкую кедровую аллею, очень близко от оранжевого домика И. Никак не обращая внимания профессора на чудесный домик, И. перевел нас через жаркую аллею в другую, тенистую часть парка, сделал несколько поворотов по дорожкам, и... мы оказались у входа в библиотеку, но совсем с другой стороны. Мы вошли непосредственно в круглый зал, за столами которого сидели, углубись в работу, люди, не обратившие на нас никакого внимания.

Профессор был так поражен видом зала, многих людей в нем и гор книг, что остановился, и И. пришлось взять его за руку, шепнув:

— Здесь можно только заниматься, но ни останавливаться, ни разговаривать нельзя.

Мы прошли еще одну комнату, где тоже было занято много столов, но где были и свободные столы и где также никто не оторвался от своей работы, чтобы посмотреть на нас.

Несмотря на то что И. вел профессора за руку, тот шел медленно, лицо его было умиленно и даже расстроено, и он шептал:

— Счастливы, счастливы! Избранники науки! Море света и книг. А я-то, я-то! За каждую книжонку должен был платить часами труда, отрывая время у науки! Мы вошли в тот зал, где Лалия и Нина выдавали книги. Теперь вместе с ними трудились еще три девушки, и мне показалось, что сейчас все делали именно они, а Лалия и Нина только руководили ими и проверяли их труд.

К моей огромной радости, за одним из столов я увидел Никито за грудками книг и, забыв все на свете, помчался к нему, к милому другу, которого я так давно не видел.

Не успел я подойти к столу и протянуть руку Никито, как услышал за собой сдавленный крик и шум сразу отодвинувшихся нескольких стульев. Повернувшись на шум, я увидел несколько фигур, быстро шедших на помощь И., державшему на руках бесчувственного профессора.

— Это ничего, друзья, — говорил И. трем братьям, бросившимся ему на помощь и выносившим тело ученого в прохладный холл. — Положите его сюда, на диван. Наше солнце несколько повредило северянину, но это не солнечный удар. Он вскоре очнется. Не беспокойтесь, идите к вашим занятиям. Со мной останутся Левушка и Никито. Если что-либо понадобится, я к вам обращусь.

Занимавшиеся в читальне братья, бросившиеся на помощь И., вышли с глубоким поклоном, и мы остались одни у тела бесчувственного профессора. Лицо его было совершенно зелено-бледным, нос заострился, у меня даже мелькнула мысль, что он, пожалуй, умер.

Лицо И. было сосредоточенно и серьезно. Он повернулся ко мне и сказал:

— Левушка, пройди навверх, в мою комнату, которую ты знаешь. С левой стороны от двери, на пятом шаге, ты найдешь стенной шкаф. Вот тебе от него ключ. Открой, подними вверх дверцу пятой снизу полочки, возьми там две аптечки и пузырек, что стоит между ними, и принеси все сюда. С величайшим вниманием и осторожностью открывай и закрывай шкаф. Помни все время, в каком месте ты находишься и что твое промедление или неаккуратность могут стоить человеку жизни.

Я поклонился, взял ключ и, побеждая свое волнение, собрав все внимание, пошел выполнять приказание моего Учителя. Теперь я не думал ни о красоте лестницы, ни об аромате цветов, ни о сходстве этой лестницы с лестницей в Б. в доме сэра Уоми — я шел, как идут, вероятно, воины в битве выполнять приказ своего главнокомандующего. Я знал одно: И. спасет профессора, если я немедленно подам ему нужные лекарства.

Трогательный шепот ученого, его умиленное лицо и несознаваемая зависть к счастливым, утопавшим в море книг и света, осветили мне еще ярче эту жизнь труженика, отдавшего все, каждое свое дыхание своему Богу — науке.

Мне удалось выполнить все приказания И. Шкаф открылся благополучно, несмотря на мою неловкость, я ничего не разбил и не превратился в Левушку "лови ворон", когда открылась дверца пятой

полочки. В прежнее время я непременно забыл бы обо всем, увидав сокровища, впереди которых стояли аптечки и граненый пузырек, в котором играла красная жидкость. Теперь я выполнил точно приказание и через несколько минут стоял перед И., подавая ему ключ и принесенные вещи. И. поставил их на стол, велел мне и Никито приподнять профессора и поднес к его ноздрям пузырек. Тело его вздрогнуло и снова омертвело.

Мы подняли старика еще выше, и И. снова поднес к его ноздрям пузырек. Тело профессора вторично вздрогнуло сильнее, он стал дышать. И. приготовил смесь какого-то порошка, положил его на кусочек мрамора, поджег и держал у носа больного. Дыхание его стало чаще и ровнее, челюсти разжались, и веки задрожали.

И. влил ему в рот лекарство, которое оказало магическое действие. Профессор закашлялся, открыл глаза, издал какой-то звук.

— Полежите спокойно профессор. Я предупреждал Вас, что наше солнце может подействовать на Вас плохо. Так оно и вышло. Если бы Вы пришли сюда вечером, Вы избегли бы того, что с Вами сейчас случилось, — сказал И. — Это не солнце, — ответил профессор, но таким слабым и больным голосом, что я понял серьезность его положения и снова подумал, что он умирает. Помолчав, тем же слабым голосом он продолжал: — Это те две женщины и мужчина, которых я видел в пылающем доме, когда шел с Франциском. Я был так поражен, увидев мысли женщины живыми, ходящими по земле, что почувствовал точно два удара: один в затылок, другой внизу спины. Это они свалили меня, а солнце здесь совершенно ни при чем.

Он еле договорил, закрыл глаза и снова стал дышать тяжело, заметно бледнея. И. взял каплю красной жидкости из пузырька на тончайшую стеклянную палочку и впустил ее в рот ученого в один из моментов, когда тот ловил воздух. Мгновенная судорога прошла почему его телу; и он впал в такой глубочайший сон, что я даже не слышал его дыхания.

— К сожалению, профессор немолод, организм его переутомлен, и проспит он не менее трех дней. Изнеможение всей его жизни сказалось сейчас. Я не могу его оставить, пока он не очнется. Очнется же он здоровым и крепким и даже помолодеет лет на двадцать, к своему удовольствию, — усмехнувшись, прибавил И. — Но оставить его сейчас я не могу. Когда он отоспится, я налажу его работу, и только тогда мы уедем. Ты, Никито, все время проводишь здесь. Я велю отнести твои книги в жилище, приготовленное недалеко отсюда для профессора. И ты убьешь двух зайцев: и труду твоему никто не будет мешать, и за больным ты присмотришь. Лалия и Нина будут носить тебе еду и менять книги. Быть

может, тебе трудно проходить снова урок молчания и уединения, хотя он и будет коротким?

Никито радостно улыбнулся и ответил, что будет рад отдать старый долг ученому и что встреча с ним раскрепощает его от последнего старого долга миру.

Я смотрел с удивлением на Никито. Я никак не мог предположить какой-либо связи между стариком, добравшимся сюда из центра Германии, и Никито, грузином, прожившим ряд долгих лет вблизи вершин Кавказа. Я едва удержался от изумленного восклицания. И еще больше я был рад, что не выразил своей просьбы остаться с больным и поухаживать за ним в его болезни, хотя меня очень печалила моя бесполезность.

— Тебе, Левушка, найдется немало дела в эти дни, — сказал мне И., по обыкновению прочитав мои мысли.

И. сам отыскал двух братьев, принес с ними носилки, сам уложил на них больного и, указав каждому из нас место и обязанности во время пути, стал в голове носилок, объяснив нам ритм нашего дыхания и сочетаний вдохов и выдохов с шагами.

Стараясь ступать как можно легче, мы пронесли больного по нескольким дорожкам парка. Внезапно, за одним из поворотов горы, нам открылась прелестная полянка, и за нею зеленел хвойный лесок. Среди него высился небольшой кирпичный, как мне показалось, домик, утопавший в зелени и цветах. Когда мы подошли к домику, с небольшого крыльца к нам спустилась женская фигура в большой белой шляпе, со спущенной на лицо синей вуалью. Вуаль была отброшена, и... я оторопел, узнав леди Бердран.

— Это тот больной, о котором я Вам говорил, леди Бердран, — сказал И. Леди Бердран поклонилась нам и радостно улыбнулась, заметив мое удивление. Мы подняли больного на крылечко и внесли его в просторную, тенистую комнату, где его уже ждала белоснежная постель и под потолком работал сильно и быстро вращавшийся веер.

Когда больной был уложен, И. поблагодарил помогавших нам братьев, отдал им носилки и отпустил их обратно.

— Никито, это сестра Герда. Ты поступаешь в ее Распоряжение как рабочая сила на ближайшие три дня. А это, сестра Герда, тот Учитель, которого я Вам обещал. Если в эти дни Вы сможете быть прилежной и Ваша духовная сила поможет Вам понять все, что расскажет Вам Ваш Учитель, Вы сможете поехать с нами в дальние Общины. До свидания, друзья. Больному нужен только полный покой, но оставлять его одного нельзя ни на минуту. Я буду навещать Вас каждый день. Будьте

благословенны.

Мы вышли из домика ученого и прошли обратный путь снова по новой для меня дороге. Мысли мои были несколько спутанны. Чаще всего мелькало, неожиданно для меня самого, немного горькое чувство, что лично мои труды никак не прикладываются к делу. Все трудятся с пользой для своих братьев, а я один вроде как только наслаждаюсь жизнью.

— Труды, Левушка, бывают разные. И то, что вонне кажется людям бездельем или жизнью в свое удовольствие, то нередко бывает огромной ступенью труда того человека, о котором думают как о наслаждающейся жизнью единице. Все то, что ты должен увидеть и узнать раньше, чем поедешь со мною в дальние Общины, все это не только труд, но и преддверие того самообладания, которое необходимо твоему творчеству. Тебе суждено стать мировым писателем. Тебе дан талант такой великой силы и наблюдательности, такой дар изобразительности, которые должны воздействовать; перерождают и учить людей жить по высокому идеалу Мудрости.

Чтобы выйти в широкий мир с проповедью Мудрости, надо понять и знать все тайные щели страданий и страстей человека. Уча учись. Ты уже был однажды великим писателем. Ты имел власть вносить Мудрость в смятенные сердца. Но в тебе самом не было ни одного свойства духа, развитого до конца. Ты не знал ни верности, ни преданности, ни веры до конца. Ты никого не любил до конца. Ты взлетал в восторге лицезрения Бога сегодня, а завтра ты шел, плакал и во всем сомневался.

И где вчера тебя пленяла природа, деяние Бога, там сегодня ты видел море собственных сомнений и отворачивался от вчерашних побед в себе. Здесь, в эти короткие годы, что тебе суждено прожить в Общине, тебе надо понять и вынести весь мир новых сил, новых знаний сердца человека. Опыт этих лет, которые сейчас кажутся тебе отсутствием настоящего полезного труда, — он-то и есть тот великий твой труд, вековой урок, который ты понесешь от нас для блага и счастья людей.

Однажды ты уже пытался пронести людям весть освобождения. Но сам ты не имел сил раскрепостить себя от влияния и власти страстей. Твое окружение подавляло тебя.

Любовь, отдаваемая тебе детьми и женой, расхождения во вкусах и склонностях с ними — все лишало твой дух цельного устремления к Истине. Оставь теперь мысли мелкие, к которым приучила тебя психика понимания жизни как плоскости одной земли. Вглядывайся пристальнее во встречи и людей, думая только о них. Не примешивай к каждой встрече мыслей о себе и не примеривай на себя пути каждого другого человека, как

платья. Нельзя носить все фасоны платья и нельзя изжить все формы труда. Можно только в данной тебе вековой форме труда пронести свое «сейчас» в таком величии знания тончайших струн человеческого сердца, в такой любви и сострадании к путям их совершенства, что в каждом слове, что выбросит в мир твой труд, для людей найдутся новые и более легкие возможности любя побеждать.

И. замолчал, так как мы очутились у дома Аннинова, что для меня было снова неожиданностью.

Домик музыканта, когда мы вошли в него, показался мне совсем другим, чем тогда, когда мы слушали в нем дивную музыку. Мне почудилось, что комнаты заполнены какой-то грустью, точно живущий в них человек много и часто тосковал.

Я всем сердцем пожалел музыканта-гения, не находившего счастья и света в своем великолепном даре. О, если бы я умел так играть! — Твоя игра, Левушка, — речь. Твой дар — перо, твоя правда — мир сердца. Свое "если бы" побереги для тех часов труда, когда великие помощники будут окружать тебя. Тогда проникай в обстоятельства каждого так, как если бы ты сам в них жил, сам страдал и любил за каждого из своих героев. Сейчас, здороваясь с Анниновым, помни слова Франциска и держи сердце широко открытым, протягивая ему руку вместе с рукой твоего великого друга Флорентийца. Не наблюдай сейчас страданий духа человека, но твори великое моление Любви, сострадая душе, мощь которой не соответствует той силе гигантского дара, что ей приходится нести по миру, — сказал мне И. Он встал с места, где мы присели было на минуту под огромной пальмой, занимавшей почти ползала, и пошел навстречу входившему Аннинову. Лицо музыканта было, как всегда, бледно, придавая ему вид аскета; но выражение глаз, что-то неуловимое во всей фигуре, несмотря на радостную улыбку, с которой он встретил И., говорило о его большом страдании. Если бы И. и не сказал мне ничего, я воззвал бы к Флорентийцу, как привык уже делать это всегда в тяжелые моменты встреч с духовным разладом людей.

После первых радостных слов приветствия Аннинов поглядел на меня пристально и сказал:

— Как исключительно счастливо Вы переменились. На моих глазах совершилось живое чудо, как из Золушки Вы превратились в сказочного принца. Жаль, что я так печально настроен, и мне под стать писать сейчас только Реквием, не то я написал бы сонет, как проснулся очарованный лебедь.

Он ласково держал меня за руки, я же всем сердцем творил то великое

моление, о котором говорил мне И. Внезапно я почувствовал знакомое мне содрогание во всем теле. Я понял, что моя мысль достигла Флорентийца, что Его сердце видит Аннинова, что помощь и поддержку Он ему пошлет.

— Удивительное в Вас свойство, доктор И., - сказал Аннинов, выпуская мои руки и поворачиваясь к И. — Стоило Вам войти — точно живой водой всего меня Вы сбрызнули. В моей душе царил такой хаос, такой раз, лад, что я готов был убить в себе или сердце, или ум. Я думал, что не сумею примирить их никогда больше. А вот увидел Вас, и какая-то мгновенная тишина охватила меня. Я думал, что не только написать больше ничего не сумею, но даже и играть не смогу. И вдруг почувствовал сейчас страстное желание написать прелюд и воспеть в нем мир и гармонию, что Вы несете в себе.

— Вам пришла эта мысль только потому, что мир и гармония вдруг охватили Вас. И Вы их поняли, оценили и сразу же захотели осчастливить ими всех тех, кто может понять Ваш язык — язык музыки. Нельзя дать кому-либо того, чем не владеешь сам, чего не имеешь сам. Потому-то среди проповедников новых идей так мало тех, кто проповедуют их успешно, что проповедь их чисто формальна. Призывая к жертвам и лишениям ради высоких идей свой народ, проповедники чаще всего издают законы и обязательства, исключая из них самих себя и оставляя себе все привилегии и преимущества. Те же из них, кто несет проповедь не словом, а собственным живым примером, всегда достигают успеха. Вам хочется отдать людям всю красоту, какая вскрылась в Вас сейчас. Что же может быть прекрасней такого пути, где одному человеку дана мощь пробуждать к действию благородство тысяч, мчать их дух к желанию творить в своей области только потому, что творчество одного пробудило их?

— С Вами, доктор И., я не могу быть лицемерен. Вы думаете, что все творчество, всю свою жизнь я несу для блага и счастья людей? О, если бы действительно я мог сказать, что это так! Правда, у меня бывают длительные периоды, длительные порывы, когда я живу в мыслях красоты. Когда я рад, что имею что сказать на моем языке звуков. И тогда, в эти блаженные периоды, я счастлив. Я сознаю, что служу своим братьям-людям, как могу и умею. Меня не волнуют вопросы политики, социальных рамок, лжи, воровства, нищеты и обманов. Я весь живу в космической жизни, я стою у порога Вечности, вижу и ощущаю ее величие. Мои личные силы замирают для жизни земли, я шлю тогда звучащее мне небо любимой земле. И тогда я понимаю мое место во вселенной и знаю, что сила Любви несет меня и несется во мне для земли, для людей, для священного труда: поднимать выше дух человека. В эти периоды я сознаю себя человеком, то

есть человеком, несущим века и века частицу Бога...

Аннинов ходил, широко шагая, по залу. Его лицо аскета было вдохновенно. Глаза зажглись, он глубоко дышал, казалось, он слышит, как движется вокруг него красота, как она поет и летит в Свете, звуча и животворя. Он довольно долго молчал, потом остановился перед И. и продолжал:

— Но... краткими мгновениями кажутся эти периоды, когда я сознаю, что я человек, что во мне живет дыхание Бога. Каждый раз какая-нибудь мразь земли кладет конец всей моей песне торжествующей Любви. Не великое и мощное выбивает меня из священной литургии, где я живу. Но какая-нибудь низкая сплетня, ничтожная мерзость, как гнусная клевета, ревнивая страсть, заставляют меня покидать мое небо, мою музу. Я начинаю видеть людей не человеками, какими я их видел и любил в моем счастье творчества, но гадами, смердящими ядом, наполняющими им несчастную землю. Жало впивается в мое сердце при виде тюрьмы, арестанта, нищеты и унижений, а я живу с царской роскошью, в то время как стонет и бедствует мой народ. Кнут бьет тех, кто несет в себе Бога. Кнутом бьют те, что носят в себе Бога!.. Несчастливая, рожая в позоре, вне брака, прячась под забором, тоже несет в себе Бога? Несчастные крепостные, продаваемые за жалкие рубли врозь с детьми, несут в себе Бога? И... Вы живете на земле, говорите о силе Любви и мира... И помощь Ваша, ощутима ли она для несчастных земли? Мне Вы помогали и помогаете.

Не будь Вас и священного места Вашей Общины, где я нахожу силы приходить в норму, я не мог бы прожить и года, я умер бы от ужаса тех страданий, что вижу, что видеть не хочу... Вы говорите, что у меня есть свой язык, которым я вещаю людям порывы к Свету. Ах, если бы Вы могли прочесть тот мрак, что царит в моем мозгу! Я не в силах был пережить мук моего народа, я бежал в Америку, чтобы там найти сил жить. Я их не нашел. Я видел то же страдание, правда, на иной лад, но страдание, нищету и рознь не менее страшные, чем на моей родине... Я встретил Вас. Я понял многое. Я нашел силы жить. Но мой дух, вернее мой мозг, не имеет сил выносить тех адских распятий, через которые мне приходится идти. Сердце говорит мне: "Любя побеждай", а мозг говорит мне: "Ненавидя борись". Где же истина? Где, какой путь? Я снова готов писать Реквием, от которого отказался, пожимая руку этого юноши, этой дивной расцветающей жизни. Но для чего жить и ему? Семья? Слава? Путешествия? Труд? Наука и творчество?...

Аннинов махнул рукой и снова стал шагать по залу, Теперь он

напоминал фанатика.

Взор его блуждал, глаза горели, он сжимал до боли свои прекрасные огромные руки, он не то готов был поднять их в мольбе и любви к Богу, не то в угрожающем жесте спора и проклятий.

— Помните ли Вы, друг, как однажды в Нью-Йорке весь зал ждал Вас на концерте более сорока минут, а Вы все не выходили на эстраду? Помните, как я пришел к Вам, в Вашу артистическую комнату? Как мои несколько слов, переданные Вам от Флорентийца, подняли Вас над всем личным, что Вам казалось обязанностью гражданина и высшей честью человека-джентльмена. Помните ли Вы, как изменилась тогда Ваша психика, как весь Ваш личный бунт, которым Вы были заняты, показался Вам сразу мелким и недостойным человека-творца и как, наоборот, Вы поняли свою преступную небрежность к ждавшей Вас терпеливо, боготворившей Вас публике? Тогда Ваша духовная жизнь, жизнь творца и музыканта, висела на волоске. Вы могли остаться в артистической комнате и совсем не выйти к ждавшей Вас толпе. И тогда Вы сами сожгли бы плоды всех своих вековых трудов в искусстве в своем личном, эгоистическом бунте. И в этот миг сгорел бы для Вас весь путь красоты. Не только единить людей Вы не смогли бы больше, но для Вас закрылось бы звучащее небо. Вы говорите, что нет Ваших сил выносить распятия, через которые Вы проходите этапами Вашего искусства? Но искусство, каждый шаг в нем вперед, приходится выносить с трудом лишь тому человеку, который выхватил кусок красного огня с неба и не выработал того самообладания, где чистота сердца равна мощи духа. Если бы Вы в Вашем сером дне каждое мгновение жили у черты Вечного, Вы бы знали, что у человека нет двух миров, разъединенных во вселенной, нет двух мест для его творчества и для его служения людям. Вы не различали бы людей от тех сияющих гениев, которых видите в часы творчества, но знали бы твердо, что каждое мгновение только и может быть дыханием Вечного. Я спрашиваю Вас, что заставляет Вас страдать от тех или иных людских пороков? Вглядитесь, вдумайтесь, и Вы увидите: только те трещины неуверенности в вашем собственном мирозерцании, которые Вы сами расширяете, выливая и прибавляя к яду людей свое раздражение.

Посмотрите, жизнь в этом доме была нерушимо спокойна, когда Вы сюда вошли.

Первое, что Вы сказали: "Наконец-то! Наконец я нашел мирный угол! Здесь я буду творить!" Много ли прошло для Вас здесь мирных трудовых дней? Родина тревожит Вас? Смута и нищета народная? Мелкие люди, обман и фальшь? Но ведь сейчас все это от Вас так физически далекое

клокочет бурно в Вас самом. Если бы Вы могли видеть себя, видеть то кольцо огней, в котором Вы движетесь, как в костре, и которое Вы же сами создали, Вы пришли бы в ужас и отчаяние и, пожалуй, Ваш Реквием был бы готов завтра. Принося земле звуки, которые помогают людям жить, Вы забыли о силе дисгармонии, которая бьет людей, как кнут, всегда, когда Вы творили, измученный своим собственным разладом. Задумайтесь, дан ли Вам дар, чтобы им бить людей? Кроме знания своего места во вселенной, у гения есть еще и обязанности, разнящиеся от обязанностей прочих людей. Гений, неся свои дары земле, не может выбиваться из легкой радости: быть гонцом. Света. Для гения нет пути, обычного для средних дарований. В его труде всегда сотрудничество неба и земли. Но труд-счастье переходит для него в наказание, если он перенес центр тяжести так, что душа его слабее мощи его дара. И в этих случаях, друг, помощь может быть только одна: надо забыть о себе и думать о тех, для кого Вам дан дар.

Вы сказали мне прошлый раз: "Я не могу безнаказанно спускаться на землю". Да, если Вы спускаетесь на землю, то это будет всегда трагедией. Лично для Вас это будет наказанием и проклятием, для дара Вашего — потерей, а для людей — лишением, ибо гений — это человек, не разъединяющийся с Теми, Кто с ним вместе творит. Творить... О, это не значит всегда побеждать или неустанно заниматься своим ремеслом и его деталями. Это значит крепить своей верностью искусству связь людей с Теми старшими братьями, что приняли на себя сотрудничество земное с Вами. Каждый раз, когда гениальное вдохновение было задержано Вами или растрчено зря, не достигнув цели, Вы оставляли энергию Любви неиспользованной.

И она возвращалась к своему первоначальному источнику, не принеся пользы и счастья людям, так как Вы, ее приемник, были не в силах ее принять и передать встречным, Вы возмущаетесь ложью, обманом, воровством. Подумайте глубоко, встаньте в космическое понимание своей жизни и решите сами: чем отличалось Ваше поведение в этих случаях от поведения любого вора, обворовывающего свой народ?

Ведь Вы, имея все возможности, не передали им сокровище, которое было послано через Вас им. Не Вам оно было дано, но через Вас им назначалось. И Вы лишили их не только красоты, как таковой, но и знания новых сил в себе, новых восторгов, которые могли и должны были пробудить в них энергию Света для труда и действия в их простых днях и отношениях с людьми. Не стойте пораженным, друг. Сделайте выводы и учтите их в будущем. Чем выше человек, тем больше он должен думать о тех своих братьях, что мало имеют духовных возможностей. Не нищетою

материальной потрясайтесь. Но нищетой их духовной, которую Вы много раз делали еще беднее.

Ваш путь — не путь политика и устроителя земли, но путь ускоренного пробуждения духовного Света в людях через музыку. Не путайте этих путей. Можно и должно быть патриотом, честным и деятельным гражданином своего отечества. Но путь, каким несут свое гражданство, свою любовь к родине и свой труд для нее, остается индивидуальным путем, и перепутывать секторы труда вовсе не значит расширить свое собственное сознание или сделать свой труд более полезным для сознания встречающих. Пойдемте с нами. Вам необходимо пройти по воздуху. Кстати, Вы посмотрите новые картины синьоры Скальради. Не стойте же в такой недоуменной, рассеянной позе, — прибавил И., улыбнувшись артисту. — Можно подумать, что Вы вывели из моего разговора заключение, что музыканту, кроме его музыки, закрыты все другие пути знания и деятельности. Это неверно, и я этого не говорил. Не суживать горизонт дел и мыслей, но ширить его так, чтобы вся вселенная вошла в Ваше сердце. И чтобы Вы стали сыном ее, а не только сыном родины. Гению все пути открыты, но только тогда, когда он не бьется между небом и землей, а когда мира слиты в нем воедино, ибо в нем самом Гармония кончила счета своего «я» с единой землей.

Взяв под руку растерянного Аннинова, И. вывел его из дома и пошел по направлению к Общине.

— Я опомниться не могу! Я мог себе представить себя в разных ролях. И чаще всего, признаться, я мнил себя великим музыкантом, просветителем, благодетелем и джентльменом. Но чтобы я оказывался в конце концов вором!.. Слуга покорный! Этого только недоставало на мою бедную голову.

Аннинов был так комичен в своих жестах, изображая, как он представлял себе свое величие и куда попал, поверженный словами И.; он так уморительно размахивал руками и делал такие громаднейшие шаги; голос его взлетал до высоких нот, и падал вниз. Забыв о нашей пыли, он поднял целое ее облако, в котором казался огромным привидением. Я не выдержал и залился своим хохотом.

Музыкант остановился, точно громом пораженный. Он смотрел на меня во все глаза, очевидно крепко забыв о моем присутствии. На его подвижном лице боролись разные чувства, но все казалось мне так смешно, что я не был в силах остановить своего глупого смеха.

— Вот она, комедия человеческой жизни! — сказал, наконец, Аннинов. — Я распят, а ему смешно! Каково же, действительно, должно

быть, Величайшим из людей наблюдать мелкого воришку, расточающего без пользы их духовное добро! О Господи, только сегодня, сейчас я уразумел, что это такое "Вечное Движение" и кто — его носители на земле и над нею. Носители Его на земле только те, что могут понять — внутренней, интуитивной верностью — силу в себе не как собственный дар, выработанный своими достоинствами, а как движущееся во времени слияние с Силой, живущей вечно. Ах, если бы мне больше никогда не забыть ни на минуту, что моя земная жизнь — не простое чередование дней, удач или неудач в них. Но Движение силы, вечно живущей и вечно творящей, движение ее в творчестве, к которому я только и могу присоединиться, сливаясь в спокойствии и чистоте с Нею в музыке.

Как легко и просто было бы мне тогда жить! Каким озаренным и наполненным казался бы мне мой каждый день, вереницы которых я пропускаю сейчас так бессмысленно, тоскуя по небу, ворюя его дары у несчастной земли и жалуясь на свое одиночество.

Мне было глубоко жаль Аннинова, голос которого теперь звучал глухо и скорбно. Я чувствовал себя виноватым и хотел уже обратиться к нему с извинением, как снова заговорил И.:

— Друг, дело не в том, что в эту или другую минуту Вы помните или забываете, что Вы гонец высших Сил на земле. Но дело в том, чтобы Вы, человек гениально одаренный, помнили, что на Вас лежит еще и долг небу. И долг этот заключается в том, чтобы сердце Ваше не мрачнело так легко, подпадая влиянию чуждых Вам эманаций. Удары этих чужих мыслей только тогда разбивают психику человека, когда он слаб в своей верности Тем, Кого он признал высоким источником своего благоговения, чьи идеи его пленяют, чье озарение он считает счастьем своей жизни. Много творческих восторгов Вы вызвали в толпах людей, передавая им плоды своего счастливого дара. Не одну Голгофу Вы прошли, чтобы войти в ту ступень творчества, где могут отдавать люди-гении своим братьям Свет слышимой или видимой ими Гармонии. Вы часто задумывались о встречах с отдельными людьми. Вы не раз поражались, почему Вы не дали счастья ни одному живому существу подле себя. Но Вы никогда не задумывались о Ваших встречах с толпами людей. Почему Вы ни разу не подумали, как велико Ваше счастье, что Вы можете вводить в храм Света, в блаженство Любви и мира толпу тех, кто пришел слушать Вас? Как же Вы представляете себе Ваш подвиг пробуждения к высоким чувствам и силам толп людей?

Можете ли Вы безнаказанно для Вас проносить по земле молчание этих толп, их умолкание к мелочи земли и их слезы благоговения, восторга и

благодарности их ощущения великого сияния неба, когда Вы играете? Восторг, вызванный в человеке, как и ужас, и скорбь, и страдание, все ткет нить связи, за которую гений несет гораздо больший ответ, чем простой человек. Если гений вытащил людей из болота страстей в сияющее благородство, хотя бы только на те часы, когда они его слушали, читали, смотрели, то море их благородства и благодарности ляжет стеной вокруг гения, если его гордость и сознание своей власти над ними было преобладающим чувством. В этих случаях связь гения с толпами людей может стать тяжелой рамой, упругой перегородкой между ним и его окружением, между ним и его Учителями. Я не говорю о тех печальных случаях, когда гений вводит тысячи людей в заблуждение, прививая им самые разнообразные пороки и затемняя им путь к Гармонии всякими видами собственных изломов, выдавая их за новые искания Истины, к какой бы отрасли творчества эти изломы ни относились. Восторги, вызванные в людях, все слезы, скорби, страсти, подобранные Вами, исцеленные или утешенные Вашей музыкой, если Вы не радовались, что можете подбирать их усердно, благоговейно в чашу Вашего сердца, с тем чтобы подать ее как слезу Вашей радости — слезу кристальной чистоты, как Господне вино — Вашему Учителю; если Вы не молили Вашего Учителя сжечь все эти страдания в огне Его пламенного духа, они лягут вокруг Вас, строя только еще новые перегородки условного между Вами и ближними, между Вами и Вашими Учителями. С этого дня, подходя к роялю, выходя к толпе, не думайте больше о той или иной форме своей передачи, о силе и степени своего темперамента и возбуждения. Но думайте о величии момента, в котором принимаете участие: о пробуждении в людях новых сил к жизни, о раскрытии в них совершенно иного пути для действий в жизни только потому, что через Вас шел им толчок. Вам, выходя на эстраду, надо помнить одно: руки Ваши ударяют вместе с рукой Вашего Учителя по клавишам; звуки Ваши — это пули, летящие и светящиеся, метко бьющие каждого в толпе. Кик они бьют, что ранят и пронзают в сердце человека, об этом Вам не дано задумываться. Ваше дело — знать, что нет пустою пространства между Вами и Теми, Кто сходит в своем духовном образе творить вместе с вами.

Мы подошли к нашему дому и встретили Бронского и Скальради. Артист нес огромный зонт-палатку и ящик с красками, а в руках художницы, прятанной под зонтом вместе с Бронским, было целое ведерко со всевозможными кистями.

— Мы успели как раз вовремя, чтобы полюбоваться Вашими новыми картинами, синьора Беата, — сказал И. художнице.

— О, что Вы, доктор И., - беспокойно воскликнула та. — Одну картину я пишу по памяти, без модели, как Вы хорошо знаете, и показать ее совсем не могу. Это только еще жалкий набросок. Другая, хотя модель служит мне усердно и тратит для меня очень много времени, все же еще не закончена. Я не могу ее показать, так как разочарование Ваше и Ваших друзей может убить во мне всякое желание работать дальше. А Вы знаете, сколько раз уже разочарования в моей работе доводили меня почти до психического расстройства нервов.

— Однако вещи, о которых Вы много раз уже говорили, что они не готовы, покупались лучшими картинными галереями и были признаваемы великими художниками как законченные и первоклассные ценности. Ведите нас, синьора, в свое "святая святых". Пора уже Вам утвердиться в верности своему гению, а не ломать линию творчества, все время делая зигзагообразные дорожки и заставляя целый круг Ваших помощников и спутников распутывать петли, создаваемые Вашей неуверенностью и сомнениями. Если бы Вы могли себе представить Ваш путь искусства в виде каната, Вы увидели бы на нем целые тысячи узлов и узелков, которые связаны любящими руками Ваших милосердных друзей. Идемте сейчас же. Хоть в эту минуту соберите энергию радости и не отрицайте, а утверждайте и ведите нас смотреть Ваши новые победные достижения.

Скальради стояла в нерешительности, и только сейчас я заметил, как много в ее фигуре, взгляде и, главное, в движущихся все время руках и пальцах неуверенности. Никаким счастьем и не веяло от этой фигуры женщины, которую И. назвал сейчас гением.

— Если бы на моем художественном пути не было связано так много узлов Вашими руками, Учитель, я бы не послушалась Вас. Но Ваше слово для меня закон, и я повинуюсь Вам, не отвечая за последствия, какие будет иметь этот преждевременный, по-моему, просмотр, — тихо и печально ответила художница.

Она повернула обратно, миновала несколько аллей и вышла к гроту, войдя внутрь. Я никак не мог сообразить, куда мы шли. Я знал несколько гротов, однако в этом не был ни разу. Здесь было темно и прохладно, но рисовать здесь было совершенно невозможно. Между тем Бронский не закрывал зонта и шел в темноте уверенно вперед, где было еще темнее.

Через несколько времени ходьбы по широкому, прохладному и полутемному коридору грота мы вышли на большую площадку, где росли три высокие пальмы в сыпучем песке и у выступа одной из скал лежал прелестный мехари.

— Ну, уж мехари-то Вам совершенно не нужен больше, — смеясь,

сказал И., - Нельзя сказать, чтобы Вы были очень милосердны, синьора Беата, и спешили возвратить мехари Зейхеду.

— Вы сами увидите сейчас, Учитель, что картина еще не окончена. Тогда и решите, нужен ли мне еще чудесный мехари, — все с тем же волнением ответила снова художница.

Она поставила на землю свое ведро и прошла к самой дальней скале. Только теперь я увидел там нечто огромное, вроде движущегося шкафа, который Скальради с помощью Бронского поворачивала к нам лицом. Большущее плотное покрывало было отдернуто, и моему взору представилась картина — нет не картина, а живой Бронский в одежде бедуина, на живом мехари. Поза его, лицо, руки — я так и ждал, что сию же минуту Бронский прыгнет с мехари и скажет мне: "Левушка, где Вы все пропадаете? Я соскучился". Я вскрикнул от восторга, не мог сдержать порыва радости, бросился к художнице и, обхватив обеими руками ее шею, горячо поцеловал. Только когда раздался общий смех, я понял, какую мальчишескую выходку я снова устроил, и переконфузился совершенно.

— Простите меня, синьора Беата, — сказал я, целуя обе руки художницы. — Я не мог сдержать восторга и благоговения перед таким совершенством. Ведь это не портрет Бронского, о котором я мечтал для него, — это сама жизнь. И увидеть такую картину — значит понять совершенство гения, для которого «знать» значит «уметь».

— Я также прошу Вас простить Левушку за его восторженное и непрошеное объятие.

Он выразил и за нас восторг в своем поцелуе. И я, целуя эти руки, воздаю только должное силе чистого сердца, которое сумело обогатить мир такой красотой, — сказал И. — Уверьтесь же наконец в силе своего таланта. Отдайте себе отчет, что не сомнение заставляет Вас прятать свои картины от глаз людей, а страх, претворившийся в Вас в ложное самолюбие. Начинайте с этого момента освобождаться от страха. Представьте себе, что Вы живете сегодня свой последний день. Неужели у Вас не хватит сил сбросить плесень страха и сомнений? Неужели не сможете воспеть Жизнь без язвы отрицания и страха? Начинайте новый этап творчества, крепко возьмите мою руку и в полном самообладании покажите нам вторую картину, — говорил И., держа обе руки художницы в своих руках.

Ручьи слез катились по прекрасному лицу Беаты. Теперь это лицо было очень бледно, но совершенно спокойно.

— Я знаю, Учитель, что мне надо или вступить в новую фазу жизни моего духа и в искусстве, и в делах дня, — или смерть должна наступить. Я

знаю и чувствую, что я остановилась всем своим сознанием; я начинаю понимать, что в этой стадии развития больше ни жить, ни творить не могу; что ни духу моему, ни творчеству нет дальше развития, пока я не двинусь дальше по пути освобождения. Но...

открыть перед Вами сейчас мою новую картину — это и значит умереть Беате — той, что жила до сих пор. Да будет Ваша воля выполнена. Хватит ли у меня сил родиться вновь у полотна, которое я открою Вашим глазам, я не знаю. Быть может, я там умру, но я иду.

Художница направилась к противоположному выступу скалы, где я только теперь заметил большую раму, закрытую полотном. Как медленно она шла! Казалось, ей вдруг стало сто лет и на каждой ее ноге висят пудовые гири. Я подумал, что она не дойдет, — такие усилия она делала, чтобы пересечь небольшую сравнительно площадку.

Наконец руки ее коснулись шнура, который она с трудом потянула. Первые ее усилия не привели ни к чему. Я уже хотел броситься ей на помощь, как взгляд И. остановил меня и одновременно напомнил мне о творческом действии сердца и мольбе к Флорентийцу. Я почувствовал, как сам И. помогал Беате, вливая ей уверенность и мощь. Я сосредоточил все мои мысли на призыве в помощь ей Флорентийца и не отрывал моих глаз от художницы.

Она все продолжала тянуть шнур, и когда уже, так мне показалось, силы ее иссякли, а она все же не выпускала шнура и почти падала, полотно вдруг дрогнуло сразу раздвинулось. От чрезмерных усилий и внезапно подавшегося полотна художница упала на одно колено не могла подняться, оставшись в коленопреклоненной позе, с тяжелым шнуром в руках.

В маленькой группе вокруг И. мне послышалось сдержанное рыдание. Я повернулся туда, оторвавшись глазами от лица Беаты, и увидел Аннинова. который, закрыв лицо руками, весь вздрагивал от тяжелых рыданий. У меня еще не было времени взглянуть на полотно, так как лицо Скальради притягивало меня, как магнит. Теперь, взглянув на И., который смотрел на картину и, казалось, забыл все окружающее, я узнал в его лице то необычайное выражение мира и благословения, с которым он стоял на корме парохода после бури, в тот момент, как за нами пали два столба смерча на Черном море.

Я почувствовал, что сейчас совершилось нечто великое, повернулся к полотну и отскочил в полном смущении. На меня шел, неся на плече Эта, я сам. То ли игра света, то ли на картине действительно была ухвачена экспрессия, почти невероятная для кисти, но мне показалось, что Эта собирается спрыгнуть с моего плеча и я ему улыбаюсь. Я попробовал, нет

ли на моем плече моей дорогой птички.

Но на этом картина не кончалась. Из-за прозрачной завесы между двух колонн видна была фигура И., к которой мы с Эта спешили. Но что творилось с этой фигурой, — я понять не мог. Фигура И. на моих глазах становилась все четче, хитон его делался все яснее оранжевого цвета, а в руках его были те оранжевые цветы, что росли и цвели на дереве в его домике в скале. Одна рука была вытянута по направлению к Эта, как бы предлагая птице цветы.

Я обернулся к И. Лицо его все сохраняло то же выражение мира и благословения Жизни. Он держал свою левую руку вытянутой, подняв ладонь к полотну; я повернулся снова к картине, и фигура И. на ней показалась мне еще законченной.

Лицо его на картине сохраняло в точности то выражение, что сияло сейчас на его живом лице.

Я терялся в догадках, не понимая, что за игра света совершается на полотне, и думал, не исчезнет ли четкость образа И. на полотне так же внезапно, как сказочно быстро она там проявилась. Но фигура сохраняла свою законченность. И. опустил свою руку, и в ничем не нарушаемой тишине раздался его голос, голос такого очарования, такой ласки, каких я еще никогда не слышал.

— Не плачьте, мой друг и брат. Вы присутствовали сейчас не только при первом крещении картин художницы. Вы видите и новое ее рождение. Дух человека — на Ваших глазах — принял новую сферу влияния в себя. Человек-творец не может стоять на месте. Как нет двух нот, имеющих одинаковое количество колебаний в физическом мире, — что Вам, музыканту, хорошо известно, — так нет и двух планов, которые может отражать художник, оставаясь включенным только в план физических колебаний. Дух, не имеющий мощи держаться в атмосфере своих невидимых сотрудников, не может двигаться и повышаться — как провод, как гонец неба — для помощи людям земли. Вы сейчас наглядно видите помощь, сотрудничество наше с людьми. Силой творческой Любви я привел в образ мечты Беаты, мечты всей ее жизни: изобразить кистью Учителя и ученика. У нее не хватало уверенности и спокойствия. Но, когда верность ее победила даже страх смерти, помощь пришла гораздо скорее, чем ее руки могли бы закончить картину и написать ту фигуру Учителя, о которой она мечтала. Взгляните на синьору Беату. Разве это та женщина, которую Вы только что видели? Это вновь рождение к жизни и творчеству существа совсем иного. Это уже жизнь после смерти всего личного; жизнь нашего гонца для труда на земле, для единения людей в красоте.

Перестаньте страдать.

Поймите, путь Голгофы у каждого свой. И этот путь на земле — путь единственный для каждого, чье сердце предназначено быть источником знания. Только умирая страстями, творец-человек начинает путь творца-слуги и помощника Учителю.

Дышите, не яд пошлости вбирая в себя; но дышите, сжигая вокруг себя то несчастье, что выносят люди на поверхность как показное и условное, думая, что оно лучшее. Дышите так легко, чтобы каждый Ваш звук мог проносить ноту сердца Вашего Учителя. Чтобы он звучал не только как Вашего сердца нота, но всегда, как нота того аккорда, что родился у сердца Учителя.

И. обнял Аннинова, подал его руку мне и подошел к Скальради. Она все еще стояла на коленях, он обнял ее, поднял с колен и прижал к своей груди. На мгновение мне показалось, что оба они исчезли и только пламя-огромный шар сияющего оранжевого цвета, со всевозможными языками и полосами всех цветов, — пламя дрожащего огня колеблется и движется в том месте, где они стояли.

Через несколько минут пламя рассеялось, и я снова увидел И., державшего за руку художницу. Но Боже мой! До чего она преобразилась. Ее глаза сияли, вся фигура отражала силу и волю, движения, походка, когда она решительно подошла к полотну, были быстры, гибки.

— Так ли я помог отразиться на полотне твоей мысли, друг? — спросил И., улыбаясь художнице.

— Так, Учитель. Только моя рука не могла бы никогда изобразить подобного образа.

Он отражен здесь гениально. Но не я изобразила его, и пусть эта картина остается навеки в Общине как драгоценный дар Вашего милосердия.

— О нет, мой друг, — ответил ей И. — Картина пойдет в широкий мир, пойдет под твоим именем. Я только собрал твою мысль, твой труд и усердие. Ты все равно сделала бы сама мой образ таким же, только не так скоро. Смирись и иди по жизненному пути так, как вижу и указываю тебе я. Становись в ряды тех наших гонцов, где уже нет «Я» и «меня», но простая радость: «через» меня. Тому легка жизнь, кто знает, что каждый миг, каждое его дыхание — только простая, чистая доброта. Не стремись выше, пока земля нуждается в тебе. На этой картине будут учиться толпы людей, ты же забудь о себе и думай о них.

И. поцеловал высокий лоб художницы и подозвал нас с Анниновым. Обратившись ко мне, он сказал:

— Левушка, ты видишь себя здесь красавцем. Куда же ты смотришь, друг? — рассмеялся И., увидев, что мой взгляд прикован к его лицу. — Я кажусь тебе красивее тебя? — продолжал И. смеяться.

— Ах, И., дорогой мой Учитель. Я действительно заслуживаю, чтобы Вы надо мной смеялись, потому что я снова стал Левушкой "лови ворон". Но я весь так активно живу сейчас в том моменте, когда мы плыли с Вами на пароходе и когда кончилась чудовищная буря. Ваше лицо тогда и Ваше лицо сейчас — одинаковы. Выражение неземное было на нем тогда — оно лежит на нем сейчас, оно живет и на картине.

Мне хочется стать на колени и молиться, не говоря уже о красоте и жизни всей Вашей фигуры на полотне. Поистине можно сказать: счастлив тот, кто увидит Вас хотя бы только на картине. Он будет знать, что такое человек, чем он может быть и каким счастьем может быть жизнь для тех, кто знает, кто живет на одной с ним земле.

— Хорошо, Левушка, но в данную минуту я прошу тебя обратить внимание на твой собственный портрет. Ты должен быть джентльменом и кавалером и поблагодарить синьору Беату за прекрасное изображение тебя.

— О, Учитель, я глубоко, более чем глубоко благодарен синьоре Беате. Я никогда не ожидал такого счастья, такой ничем не заслуженной чести, как быть изображенным рядом с Вами. У меня нет слов, чтобы благодарить Вас, синьора. Но, если когда-либо сила и красноречие моего пера смогут быть равны таланту Вашей кисти, я воспою Вам славу в романе. И постараюсь по памяти так же точно отобразить Ваш портрет, как Вы, по словам нашего Учителя, отразили мой. Все, чего я желаю — чтобы люди так же много пережили великого и трепетного у Вашей картины, как пережили подле нее все мы.

Аннинов поцеловал руку художницы и тихо сказал ей:

— Если бы я был так же молод, как этот пробужденный лебедь, я написал бы Вам сонет "Волшебница-Освободительница". Как много я понял из Ваших полотен сейчас.

Я пришел сюда несчастным и ухожу счастливым и утешенным.

Художница, поцеловав прекрасный лоб Аннинова, сказала:

— Как странно слышать от Вас слова о Вашем несчастье. Человек, порывами звуков вырывающий целую толпу людей из какого угодно уныния, даже из предельного отчаяния, и пришивающий ей крылья восторга, уверенности и энергии, вдруг говорит о собственном разладе. Мне всегда казалось, что у Вас может быть недовольство собой, потому что Вы слишком далеко видите и искусстве, слишком высоко слышите его, и средства земного выражения его для Вас уже недостаточны, чтобы

передавать людям все то, что Ваш дух постигает. Эту неудовлетворенность в художнике я хорошо понимаю. Но чтобы Вас, такого гиганта, грызли сомнения и личный разлад, чтобы Вы- утешитель — нуждались в утешении, этого я никак предположить не могла.

— Вот этот случай, мой друг, пусть будет тебе примером, как мало люди задумываются о душе другого, встречаясь на пути с человеком, — сказал Беате И. — По всей вероятности, ни один из вас во всю свою жизнь не останется заполненным только своими собственными мыслями и чувствами. В каждом из вас великий художник и слуга Учителя, как путь для помощи людям, будут на первом месте в земной жизни. И тем не менее при всем знании величия человеческого пути на земле ни один из вас не может найти такой освобожденности, чтобы быть радостным и счастливым. Почему в каждом из вас нет удовлетворенности? Почему нет спокойствия? Потому что, по своему, каждый из вас приписывает качества своего дара себе, труду именно данного воплощения. Мысль, что каждый из вас заслужил свое положение, что всем, что он имеет, он обязан самому себе, стоит отправным и основным пунктом жизни каждого из вас. Между тем в помыслах освобожденного человека не живет понятие «заслужил», как там не живут понятия страха, самолюбия, любопытства, ревности, зависти и так далее. Это понятие «воздаяния» за какие-то доблести — понятие одной земли, живущей по закону справедливости. Во вселенной все движется закономерно и целесообразно, все подчинено закону причин и следствий. Во вселенной нет суеверия; там все следует точно закону вечного движения. Ни одно светило не может засиять ярче или раньше времени, хотя бы ему самому и миллиардам жизней на нем казалось, что оно заслуживает большего. Но в его окружении могут произойти катастрофы распада ближайших к нему миров; и, если оно окажется гармоничным в колебании своих волн жизни тем мирам, что погибли близ него, оно притянет к себе свет гнущих светил и засияет ярче. Все вековые труды человека-гения это труды освобождения его духа в бесчисленных земных жизнях. Это его бескорыстная преданность тому роду искусства, которое он принес с собой. Мир его неугасимого духа, заключенный в тленный чехол, который должен был много раз гибнуть и снова воссоздаваться, возвращался на землю как повышенный тип сознания. Достигал той или иной ступени совершенства через неустанное освобождение и соединялся со все более высоким кольцом невидимых помощников, в гармонию духа которых он становился способным проникать. Он соединялся с их гармонией, чтобы переносить Свет их сияния через свой проводник на землю. Вы видите сейчас, как тяжело гнетет

одаренного человека каждый из тех моментов, когда он думает о себе: когда он забывает о радости жить, служа людям источником Света и Любви, которые ему шлют его сотрудники трудящегося неба.

Пойдемте, друзья. Скоро я покину вас на некоторое время. Не тоскуйте, не делайте таких печальных лиц. Каждый из вас уже вырос за эти несколько месяцев жизни здесь настолько, чтобы снова идти в мир и быть там действенным проводником людям. Тебе, Беата, надо самой отвезти свои картины в Париж, где они произведут немалый переполох. Тайна той манеры, в которой изображен мой образ на картине, тайна прозрачных красок завесы, за которой он виден, — эта тайна умрет с тобой.

Она не для широкой публики. Тебе послушание: молчать об истинном происхождении моей фигуры на полотне. Ласково улыбаясь, отвечай на все просьбы открыть секрет для преуспевания потомства, выдать тайну красок, что ты ни у кого не просила помощи в раскрытии тайн и секретов, когда достигала побед в своем искусстве.

Отвечай, что ты хорошо помнишь те штыки, какими тебя встречали при первом появлении в залах выставок. Пусть каждый сам достигает совершенства в своем творчестве. Есть вещи, которых не указывают, до которых талант доходит сам. И чем меньше ему мешают указаниями, чем больше ему предоставляют самостоятельности, тем выше и скорее талант может развиваться. Не смущай своего сердца тем, что ты вынесешь в мир якобы ложь. Ты не можешь еще так ясно видеть, чтобы знать, для чего надо твоей картине увидеть свет именно в таком виде. И потому я даю тебе в послушание охрану тайны, но не могу открыть тебе сейчас больше того, что сказал. Иди, друг, весело, легко, без смущения в мир. Ты здесь не только отдохнула, но и переродилась. Теперь пора влиять на встречных не только полотнами, но и собственным живым примером.

Я видел, как была поражена художница тем, что ей надо ехать в Париж, оставить Общину. Я читал на ее лице страстную борьбу и желание умолить И. отдалить ее отъезд. Но лицо И. было теперь твердо: точно стальной клинок, лился какой-то блеск из его глаз. Беата поклонилась и попросила Бронского помочь закрыть полотна.

И. взял руки Аннинова и сказал ему:

— Вам тоже, мой друг, я даю послушание: уезжайте обратно в Америку и не теряйте там времени в пустоте. Не занимайтесь спорами, так или не так идет момент исторической жизни Вашего народа. Все Ваши споры не принесут пользы ни одному человеку. Но один аккорд, взятый Вашей рукой, может двинуть десятки и сотни людей к новому росту, к новой силе. Уезжайте, Вы здоровы. Живите эти годы так, чтобы не упрекнуть себя в

последний час, что мало сделали в своем отрезке вечного труда за это воплощение. Не забывайте, что человек сам прокладывает себе путь к следующему воплощению; сам творит свое «завтра»; сам притягивает свое окружение следующей жизни той энергией, в которой он живет свое «сегодня».

Изжитая сегодня вся полнота чувств мчит дух к цельным чувствам завтра. Только этим путем изживается компромисс. Поезжайте, и вот Вам мой подарок.

И. снял с руки прелестное кольцо с топазом и надел его на безымянный палец левой руки музыканта. Я никогда раньше не замечал на руках И. никаких драгоценностей и не знал, что сегодня на его руке был этот перстень. Еще раз я должен был убедиться в своей рассеянности.

Я посмотрел на лицо Аннинова. Слезы текли по его щекам. Но какая разница была между его слезами сейчас и час тому назад. Весь он представлял из себя одну благодарность, когда благоговейно целовал данное ему кольцо.

— Я сделаю все, Учитель, чтобы руки мои были чисты; чтобы я мог достойно нести Ваш дар до конца жизни. Я не буду говорить Вам, как мне грустно расставаться с Вами. Я даже не знаю, что во мне сейчас сильнее: радость, что я получил дар от Вас, или грусть, что я покидаю Вас. Я буду стараться трудиться так ревностно, чтобы не оказаться больше ни разу в роли вора, утаившего частицу тех сокровищ, что мне дано постичь в музыке. Я буду жить так, как Вы сказали, думая, что в каждый новый день я живу свой последний день. И если проживу какой-то отрезок времени достойно, буду надеяться, что перед смертью я еще раз увижу Вас.

— Я Вам это обещаю, мой милый друг, — ответил И. Он обнял еще раз каждого из присутствующих, сказал Бронскому, чтобы он шел с нами, а Аннинову предложил помочь художнице, прибавив, что пришлет еще на помощь Зейхеда.

Простившись с Беатой и музыкантом, лица которых, несмотря на разлуку с И., сияли энергией и радостью, мы вернулись в парк и прошли прямо в комнату И. Усадив нас, он взял большой фолиант с полки и сказал Бронскому:

— И Вам, и Левушке надо прочесть вот эти страницы книги, которые заложены здесь лентами. Вы языка пали не знаете, но Левушка им владеет уже настолько, что может перевести их Вам. Здесь вам обоим будут даны указания, как вести себя в пути, который будет частично не особенно легким. Кроме того, вы поймите, как вести себя с теми людьми, к которым мы поедem. В тех домах Общины, где вам необходимо побывать, вы

увидите людей, идущих очень тяжело свой земной путь. Среди всей массы людей, собранных в этих частях Общины, вы не увидите ни одного счастливого лица, за исключением тех, кто пришел туда отсюда, из нашей Общины. Чтобы вам понять, как труден день несчастного, все мечтающего о каком-то дивном «завтра» и не умеющего прожить в радости свое «сегодня», вам надо быть в полной освобожденности самим. Все эти остающиеся короткие дни жизни здесь и то время, что мы будем в пути, трудитесь над выработыванием самообладания. Чтобы мог в человеке раскрыться его внутренний, духовный глаз, сам человек должен войти в иное понимание собственной жизни. Это данное мгновение для обоих вас не составляет только внутреннего минутного раскрытия духа и разрешения мучительных вопросов творчества и бытия. Это мгновение — мгновение рождения новых сил для дальнейшей повышенной формы вашего труда. Если человек призывается к более высокому труду с Учителем, то в его внешнюю и внутреннюю жизнь входит полное раскрепощение, освобождение от всех пут условного, поглощавшего до этого часа его духовные силы, вернее сказать, связывавшего его чехол тугими тесьмами условностей. Вновь наступающий период раскрытия «Я», высшего сознания в каждом из вас должен быть подготовлен сознательно. Нет в ученичестве таких ступеней, куда можно было бы войти чужим опытом, чужими знаниями. Каждая искра нового Света в себе раскрывается самим человеком, его трудом. Но это вовсе не значит, что указания и опыт тех, кто пришел к освобождению раньше, не нужны ученику. Они ему более чем нужны. Но нужны не как менторское указание, не как воспитательный прием, а как сила любви и доброжелательство, которые помогают человеку вскрывать в себе и легче находить свой собственный путь в той гармонии, что ему льют старшие братья. Те в ученичестве «старшие», в ком сила гармонии звучит громче.

Учителем может быть повар на черной кухне, а учеником его — настоятель в игуменских палатах. Раскрепощению от условностей помогает Любовь старшего к своему младшему брату совершенно так же, как нежная мать своей любовью оберегает сына на войне. Бодрость ее, мужество и жизнерадостность спасают ее сына, пришивая ему крылья находчивости и бесстрашия. Мать неумная держит сына у своей юбки, мало задумываясь о полете его духа. Она воображает, что своими хлопотами, протекциями, кривозигзажными обереганиями его от всяких тяжелых повинностей она спасает его для своего и его счастья. Мать умная и самоотверженная мчит сама свой дух во всю широкую Жизнь, забывая о себе; готовит из своей Любви ковер-самолет сыну к счастью и победе. Ее освобожденная любовь

сливается с его лучшими порывами героических сил, и помощь ее, не навязанная, как жернов плоти на шее духа, несет его мимо всех бед и пропастей в то место, где звучит гармония, близкая его собственному звуку, его ноте сердца. Прочтя эту книгу, — на что у вас уйдет не менее трех дней, — придете ко мне; и мы отправимся к профессору. Помните же, друзья, ищите в книге не примеров к подражанию, не фабулу ставьте во главу смысла, а ищите понять собственное закрепощение в условных понятиях. Ищите в себе пути своих собственных сил любви и мира, чтобы выйти из сети условных тисков предрассудков и приготовить своему сердцу новую возможность: излучать навстречу человеку улыбку мира. Ту улыбку мира, где нет двойного счета: "Ты мне причинил боль и зло, я тебе воздаю добром". Ибо такой "счет от ума" может держать в себе только скованный условностью.

Раскрепощенный же действует, выливая в молчаливой улыбке не мысль о действии, но самое действие. Идите теперь. Я пришлю за вами. Будьте прилежны. Я разрешаю вам обоим учиться в комнате Али. Не ходите к общим трапезам. Ясса будет приносить вам все в мою столовую, сюда, где никто из вас еще не бывал.

Мы в глубоком благоговении внимали словам Учителя. И. подал мне книгу, принял наш глубокий поклон, отдал нам его, и мы немедленно пошли в комнату Али. К нашему удивлению, в коридоре наверху нас ждал Ясса, провел нас в комнату омовений, подал нам чистую одежду — белое платье и сказал: — Я знаю, когда прийти за вами.

Глава 12

Мы читаем книгу в комнате Али. Древняя сказка

Когда мы вышли из комнаты омовений, я взглянул на Бронского и был тронут необычайным для него выражением лица. Вместо всегдашней бодрой энергии и радости, которые сменили теперь его прежнее скорбное выражение, на лице его лежал отпечаток полной растерянности. Он, этот огромный человек, напоминал сейчас ребенка и старался держаться ближе ко мне, со страхом ступая по белым плитам коридора. Очевидно, не только внешний вид домика Али, но и самая его атмосфера сильно действовала на чуткую и тонкую организацию артиста.

Я вспомнил, как я сам был поражен, когда И. ввел меня сюда в первый раз, как страдала Андреева в комнате Али, и всем сердцем воззвал к Флорентийцу, прося его помочь мне облегчить моему другу его первые шаги здесь. Я знал милосердие Флорентийца, знал и мужество Станислава; и я не сомневался в успехе нашего сегодняшнего дела, если буду мужествен и чист я сам.

Когда мы приблизились к заветной двери комнаты Али, я вложил в замок ключ, распахнул широко дверь и увидел на пороге сияющие огненные знаки.

— Видите ли Вы огненное письмо, мой друг? — спросил я Бронского.

— Нет, Левушка, я совсем не вижу никакого письма, но двинутся вперед я не в силах. Ноги мои точно прилипли к полу, и сам я как будто весь налит свинцом. Мне не победить притяжения земли и не пройти в тот свет, что сияет за дверью. Идите один, дорогой мой мальчик, я буду, как в карауле, стоять здесь и ждать Вас, сколько бы Вы там ни пробыли. Верьте, если бы я здесь должен был бы даже умереть, истощенный силой этой невероятной тяжести, я не сдвинулся с места. Я буду Вас ждать. Если бы мне случилось у этой двери умереть, передайте И. мое ему благословение, мои ему верность и благоговение. Идите, я чувствую, что через несколько минут я упаду.

Голос Бронского, хотя очень глухой, звучал ласково, от него веяло миром и все той же детскостью. Я ему сказал:

— Вот какие здесь горят слова, Станислав: "Только мужественный, до конца верный и умеющий молчать о тайне своего пути может войти сюда".

Над дверью сверху сияло: "Входи, путник, не испугавшийся тяжелой

ноши. Входи, учись, будь благословен.

Уйди отсюда с новым знанием и приложи его к своему творчеству так, и там, и теми способами, что подскажут тебе твои дары приспособления и твоя интуиция. Помни, путник, что ученику не даются знания, чтобы они лежали под спудом втуне. Но даются для того, чтобы он, понимая и учитывая здравый смысл земли, нес их ей.

Чтобы он встречал в них каждый свой день, как чудесное счастье просить свое «сегодня» как благословенный день мужества, мудрости и единения с трудящимися неба, и земли, в неугасимой любви Великой Матери".

Я увидел мелькнувшее на мгновение, улыбнувшееся мне лицо Флорентийца и услышал его голос, приказывавший мне подать руку моему брату.

Я повернулся к Бронскому, подал ему руку и спросил, хорошо ли он понял и запомнил все, что я ему перевел, что надписи еще горят и я могу ему прочесть их вторично. Тяжело опираясь на мою руку, он мне ответил:

— Я понял и запомнил. Мне теперь гораздо легче, если Вы позволите мне опираться на Вашу руку, быть может, смогу пройти в комнату.

Письмена погасли, мы вошли в комнату и подошли к столу Али. Я усадил Бронского в кресло возле стола, и, пока я открывал крышку стола и разворачивал книгу, что я делал умышленно медленно, артист собирался с силами. Но я все еще читал на его лице растерянность от невероятного изумления. Я помолчал немного у раскрытой книги, и наконец он сказал:

— Я готов, читайте, Левушка.

И это был уже обычный бодрый голос моего друга. Я стал сразу переводить ему текст.

"Люди, ища ученичества, стараются соединить в своей обычной жизни идеи высокого духа с самыми простыми делами дня. До тех пор пока они ищут «теоретически» соединить небо и землю, их время пролетает бессмысленно, не принося плодов творчества ни им, ни их встречным.

Только с того момента, как дух их освободится от гнета постоянной мысли: "Что говорит и чему учит тот или иной Учитель человечества" и сам человек начнет понимать, что «путь» — это и есть он сам, — с этого момента его жизнь земли обретает смысл и он перестает тратить время в пустоте.

Передвигаясь день за днем, постепенно усваивая из опытов труда, в чем застревал его собственный дух, где он мог поступить по высокому зову, а поступил по зову плоти и самолюбия, человек приходит к первому знанию: Он движется или останавливается только потому, что входит в волну

движения всех его окружающих любя, или проходит свой день, стараясь отстраниться от серых дел земли и взвалить их на плечи тем, кто не ищет высот духа и доволен материальными буднями.

Просыпаясь к духовной жизни, надо помнить, что встреча с Учителем есть всегда результат радостно и легко проживаемой земной жизни. Только тот, кто умеет нести свое тяжкое бремя дня, улыбаясь встречному и помня, что чужая скорбь священнее своей, — только тот найдет Учителя. Ибо путь к нему ведет через любовь к людям.

Страстное желание быть учеником и такое же страстное и бурное изживание своего дня не приведут к встрече до тех пор, пока страсть не перейдет в радость.

Без сомнений в самом себе, без измен и колебаний никто на земле не может выработать верности до конца. Но однажды путем распознавания поняв, как шатка верность в себе, человек устремляет все свое внимание на укрепление этого качества. Когда такой момент пережит, человек, постепенно расширяясь сознанием, вступает на путь освобождения и мира, то есть на путь ученичества.

Однажды поняв, что сила собственного раздражения и требовательности к людям составляет главные крючки собственного закрепощения, ученик начинает сбрасывать с себя условные ценности и вскрывает в себе источник Вечного, ту Любовь, что таит в себе все чудеса и дает силу для чистого и бескорыстного действия".

Лицо Бронского было совершенно спокойно и радостно. Я стал переводить дальше.

СКАЗКА ДРЕВНЕГО СТАРИКА

Жил на свете мудрый старик. Жена его умерла рано и оставила ему трех сыновей да маленькую дочь.

Росли мальчишки легко, не знали ни болезней, ни слез, ни зависти. Мудрый отец никогда их не бил, не наставлял длинными и умными наравоучениями, но собственным примером научил трем правилам:

1. Никогда ничего не бояться.
2. Не думать о будущем, а трудиться изо всех сил сейчас.
3. Не брать чужого и быть милосердным, не осуждая людей.

Сыновья выросли и применяли правила отца в своей жизни. Девочка же росла, всего боясь, никогда и ничем не была довольна, не замечала, как проходило ее «сейчас», но все мечтала; когда наконец начнется для нее настоящая, блестящая и заманчивая жизнь, шумная и прекрасная. На вопросы отца и братьев, о чем она мечтает, почему не наслаждается жизнью, красотой гор и ручьев, реки и чудесной зелени, девушка отвечала:

— Да какая же это жизнь? Живем мы в глуши, точно медведи. Правда, красиво здесь, ах, как красиво! Даль широкая открыта, луга и сады, цветы и певчие птицы, песни людские — все красиво. Но людей здесь мало, люди серые, одеты кое-как! Разве это жизнь? Жизнь, наверное, там, где шумят в городах толпы народа, где люди много чего-то знают, где песни иные, где наряды цветные, где вещи золотые.

Братья смеялись, не корили сестренку за ее детские мечты, но добродушно шутили, что всех краше живет где-то принц, и он-то непременно за нею приедет, пленится ее красотой и увезет в свое далекое и шумное царство. Один из братьев принес ей однажды зеркальце, чтобы она могла любоваться собой не только в зеркале реки.

Возмужали сыновья, вошли в силу, и сказал им однажды их мудрый отец:

— Вот что, дети мои, должен я вам передать. Приходил ко мне старец из дальнего монастыря и велел мне отпустить всех вас троих в широкий мир. Сказал он мне, будто воспитал я вас в твердых правилах чести и доброты и что надо вам нести их в мир, чтобы людям было легче и радостнее жить рядом с вами. Идите, дорогие мои.

Каждый из вас пусть идет один; не берите много вещей и пищи с собой. Вы молоды, здесь и там зарабатывая, дойдете до шумного города. Там разойдетесь в разные стороны, и каждый найдет себе город, где будет жить среди людей, им служа, как сумеет. Так просил сказать вам старец.

Опечалились сыновья, что надо покинуть отца, родной дом, любимые места, леса и горы, красоту которых они так ценили. Но утешил их мудрый отец, напомнив им, что нет ничего вечного на земле, кроме тех любви и мира, что носит человек в себе.

Рано или поздно расстаться придется, смерть непременно разлучит. Ну, а любви и мира, вероятно, людям в шумных городах не хватает; и служить ими людям — долг каждого, кто дошел до такой радости, что сумел их обрести в себе.

Сыновья если и не сразу утешились, то примирились со своей судьбой, а вскоре и успокоились, поняли, что не одна их деревня на свете, не один их дом или улица в мире, но всюду люди, всюду жизнь, и надо все единить в любви.

Девушка же оставалась безутешна. Не разлука с братьями огорчала ее. Но то, что братья пойдут в широкий мир, будут жить в блеске и шуме городов, а она останется в глуши и неизвестности, в серых буднях. Ее душило раздражение на старца, что велел уходить братьям, — правда, они статные, всеми признанные красавцы, — а ей, самой первой по красоте не

только в собственном доме, но и во всей округе, велит сидеть дома.

И чем дальше шли дни, тем все пуще ее разбирала досада; не захотела она даже помочь братьям в их сборах. Не верила она, что им тяжело расставаться с любимым отцом и с нею. Много раз пыталась она просить их всех вместе взять ее с собой, но братья ей отвечали, что дали слово отцу и должны его выполнить. И не потому они не хотят взять ее с собой, что не дорога она им, а потому, что они верят отцу, любят его и счастливы выполнить его волю.

Каждый из них говорил ей, что охотнее всего остался бы дома, в благословенной тишине, и переменялся бы ролью с ней; но приказ отца — закон для их собственной любви и воли; и, как ни трудно расставанье, все побеждает его радость желанья служить людям так и там, как и где хочет их мудрый отец.

Раздраженная девушка возмущалась; без всякой сдержанности обвиняла братьев в фальши и лицемерии; уверяла их, что отец давно перестал быть мудрым, что от старости он лишился здравого смысла и все путает; вероятно, перепутал и слова своего старца, который, впрочем, тоже не очень нормален.

Натыкаясь каждый раз на непреклонную стойкость своих братьев и видя бесплодность своих усилий добиться чего-либо от всех братьев вместе, девушка решилась попытаться разжалобить их каждого поодиночке.

Старший брат дал сестре суровую отповедь с первых же ее слов и указал ей на ее святой долг: оберегать отца, если она считает его слабым и немощным. Много суровых и горьких истин высказал он ей и прибавил, грозно поглядев на нее:

— Дитя безжалостное, немилосердное, недовольное своим домом, не могущее оценить уюта, радости и чистоты его, не сможешь ты нигде ужиться с людьми. Не ждоть надо, чтобы кто-то тебя приветствовал миром, но надо самому держать в руке ветвь мира и протягивать ее каждому, с кем встречаешься. Если будешь так поступать, то будешь видеть, что все вокруг тебя утешаются и успокаиваются, потому что ты им вносишь свою ветвь мира. Жаль мне тебя, сестра, но помочь тебе нечем. Только ты сама должна утихнуть, и тогда ты увидишь, какое дивное чудо — наш отец и наш дом.

— Не нужны мне твои наставления, — раздраженно ответила сестра. — Воображаешь, что ты старший, так можешь мне и проповеди читать. Я все равно отсюда уйду, и способ вырваться в светлую и блестящую жизнь я найду. Я прекрасна, хочу жить в богатстве и известности, а не работать, как батрачка.

— Бедная, бедная сестренка моя. И кто смутил твой дух? Когда ты видела среди нас ссоры или недовольство? Откуда явилась в тебе эта страсть к богатству? Разве блестящая жизнь, это та, что вовне блестит? Я не знаю, какая жизнь в городах, куда меня посылает отец. Но я твердо знаю, что более блестящей жизни, чем жизнь моего мудрого отца, я не встречу, хотя бы я увидел тысячи внешне блестящих жизней. Ты же, бедная сестренка, останешься самой несчастной, пока всякая чужая жизнь будет тебе казаться заманчивой, пока ты не полюбишь трудиться и не найдешь мира в своем собственном простом труде. Может быть, будешь и богата, но всегда тебя будут беспокоить люди, чья жизнь будет богаче и будет тебе казаться более блестящей.

— Замолчи, пожалуйста, — с досадой перебила его сестра. — Не разоряйся на наставления, я тебе уже раз об этом сказала. Я здесь всех красивей, а здесь много красивых. Наверное, всюду я не осрамлюсь с моей красотой. Не желаешь мне помочь и не надо. Только нечего прикрываться мудростью отца да твоим сыновним послушанием. Об одном себе думаешь! Как пришло испытание твоей любви ко мне, вот я и увидела, чего она стоит. Того же стоит и твой пресловутый мир. Уезжай, пожалуйста, и без тебя обойдусь.

Хлопнула сердито сестра дверью, убежала от старшего брата и пошла искать брата среднего, что всегда старался чем-нибудь ее побаловать, всегда был к ней особенно добр и приветлив. Сидел этот брат под деревом и прилаживал ремни к кожаной сумке, что велел ему отец взять с собой в дорогу. Подойдя к нему, ласкаясь, нежно сказала доброму брату сестра:

— Милый братец, всегда ты был добрее всех в доме. Наверное, ты не откажешь мне теперь в последней просьбе.

— Конечно, не откажу, дорогая моя. Разве может быть у тебя такая просьба, чтобы кто-нибудь мог тебе отказать? Говори скорее, сейчас все сделаю.

— Ну, так я и знала, что в твоей доброте ошибиться не могла. Вот что я хочу, братец. Я хочу тихонько уйти с тобой в шумный город, и именно в тот, куда ты пойдешь. Я буду жить с тобой и все для тебя делать. Кроме того, ты ведь такой добрый, тебя все будут обижать и обирать, а я тебя в обиду не дам. Здесь я всего боюсь, а там ничего бояться не буду. И тебе со мной не будет страшно.

Усмехнулся брат добрый детскости своей сестры и ответил:

— Ты еще совсем ребенок, сестренка, хоть лет тебе уже пятнадцать лет. Что значит твое всегдашнее слово «Страшно»? Этого я никогда не понимал и сейчас не понимаю.

Всякие пустяки тебя всегда пугали, о которых и говорить-то не стоило бы. Я для тебя жизнь отдаю, если надо тебя защитить или трудом своим тебя содержать в довольстве. Но о чем ты сейчас просишь? Ведь я тебе могу простить твою просьбу только потому, что ты сама не понимаешь, о чем просишь. Ты хочешь, чтобы я нарушил приказ отца? Да разве ему легко отослать нас всех троих и остаться одному, старенькому, и нести весь труд по дому, хозяйству и полю? Разве ты ему помощница? Он и о тебе заботу должен будет нести теперь один. Но он не боится своей тяжелой ноши. Он хорошо понимает, что расставание с нами когда-то неизбежно. Потому что он мудрый и нежный, он легко отсылает нас в даль, чтобы еще при его жизни мы начали жить самостоятельно, и, быть может, его любовь поможет каждому из нас выйти на верный путь, если мы заблудимся. Если бы ты не была так занята одной собою, ты сумела бы быть просто доброй, чтобы лаской и нежной заботой помочь отцу переносить тягостное молчание дома без нас, где всегда было так многолюдно, так много смеха, песен и веселья, к которым он привык и которые он так любит.

— Ах, так вот чего стоят твоя доброта и любовь ко мне! Вот так доброта и любовь! И ты проповеди мне читать вздумал? Вот так верный брат, — едко рассмеялась сестра.

— Бедная сестренка, — еще раз ласково сказал брат. — Ты по неведению и неразумию своему упрекаешь меня в неверности. Нет, мой друг, я не только верен до конца тебе и твоей дружбе. Я и отцу моему верен и буду верен всю жизнь. Потому что и он, и я — мы одинаковы, как два пальца одной руки. И дружба моя с ним — наша единая любовь, единое сердце, единая мудрость. Братьям же и тебе я верен, как руки одного тела. Пути наши могут быть разные, а остов один и тот же. И не могу я двоиться в моей верности, могу только свято нести каждому свою чистую нежность, любя истинно каждого из вас. Доброта моя, которую ты коришь и называешь лицемерием, не может им быть, ибо она — вся моя жизнь. Нет мне выбора, пойми, если отец сказал, как должен я дальше жить. Видит Бог, как жаждал бы я поменяться местом с тобой, остаться здесь, в этой благословенной тишине, в этом дивном воздухе. Где еще есть такие луга и цветы? Где еще есть такие леса и горы?

Ведь это очаровательный край, столько здесь мира и чистоты. И покинуть все это чудо блеска и света для мути и грязи шумного города!.. Но мудрый отец видит яснее моего. И плоха была бы моя доброта, если бы я только об одном себе думал.

Здесь всех я люблю, здесь нет злых, здесь легко быть добрым. Видно, знает отец, как нужна в шумном городе усталым людям доброта...

И этого брата прервал едкий смех сестры. — Видно, вы со старшим братцем одним миром мазаны, пальцы и руки одного тела. Ну, нечего сказать! Твоя пресловутая доброта стоит его проповедей о мире. Ну и братцев же послала мне судьба! Можешь успокоиться, больше тебя просьбами не побеспокою. А только думаю я, что когда-нибудь сам приползешь ко мне с просьбами, как я в славе и силе буду.

Придется тебе с заднего крылечка попроситься ко мне в мой чудесный дом.

— Несчастливая сестренка... Как бы я был рад твоей славе! Но, видит Бог, славу-то и блеск ты странно понимаешь. Будь благословенна, бедняжка. Тяжко человеку в такой тьме, как твоя, жить.

Еще раз рассмеялась сестра, сделала несколько нелестных замечаний о доброте-глупости брата и пошла прочь. Долго ходила девушка по большому саду отца, где росли прекрасные цветы, но ни на что не обращала она внимания. Сердце ее грызла тоска, ей хотелось людей, людей и людей, хотелось, чтобы все восхищались ее красотой, хотелось первенствовать, не быть никогда одной, видеть балы, зрелища, богатство домов и нарядов. Переходя с дорожки на дорожку, добрела девушка до высокого обрыва и увидела сидевшего там на высоком камне третьего, младшего брата. Печален, ах, как печален был юноша! Глаза его с тоской смотрели в безбрежную даль, открывавшуюся с высокого обрыва, и слезы текли по его прекрасному лицу.

И удивилась сестра. Никогда она не видела слез в своей семье, кроме своих собственных, когда плакала, злясь и капризная или чего-нибудь боясь. Особенно веселыми легким характером отличался этот третий брат, и смех его звенел целыми днями, наполняя дом весельем, точно в нем звенели колокольчики.

Поняв всю глубину скорби брата, тосковавшего о разлуке с родными местами, задумала сестра коварный план. Тихо подкравшись к брату, она обхватила его шею руками, губами своими осушила и выпила его слезы и, усевшись к нему на колени, нежно к нему прильнула.

— Милый, милый братик. Мы с тобой ближе всех друг к другу. Не тоскуй и не бойся.

Ты не уедешь отсюда. Я придумала план. Вечером, как станут братья собираться в путь, я переоденусь в твое, платье, а ты в мое. Ты покроешься моей шалью, будто у тебя болят зубы, а я спрячу косы под твою шапку, как делала это не раз в шутку. Похожи ведь мы с тобой, что близнецы, часто и отец нас не различал. Все будут заняты каждый собой, никто не обратит внимания на наш маскарад. Ты только смотри не рассмейся, потому что

смехом-то мы с тобой очень разнимся. Темнеет теперь быстро, подделаться под твою походку я сумею. Лишь бы из дома выйти, а там уж я найду, как мне устроиться. Да и братья увидят, что все их наставления ни к чему не привели, и бросить меня среди дороги они не решатся. Но ты будь спокоен, обратно уж я, наверно, не вернусь, и ты останешься дома вместо меня.

Тебе ведь так нравится наш дом и вся здешняя жизнь.

— Господи, какое же ты еще дитя, сестренка. Я, признаться, думал, что ты уже больше понимаешь жизненные обязанности дочери и единственной хозяйки дома, а ты еще сущий ребенок. Мы с тобой часто и теперь забавляемся детскими играми, меняемся платьем и хохочем, когда отец не различает нас сразу. Но чтобы ты в делах серьезных была еще таким ребенком, этого я даже себе и представить не мог.

— Что же тебя так удивляет? При чем здесь мое ребячество? Я ведь так тебя люблю, что готова за тебя уйти отсюда. Тебе будет хорошо здесь, а обо мне не беспокойся, мне будет хорошо всюду, — нежно прижимаясь к брату, весело говорила сестра, наученная горьким опытом двойного провала у старших братьев.

— Бедная, любимая сестреночка, — отвечая на ласки сестры, сказал третий брат. — Ты даже не понимаешь, по своей чистоте и невинной наивности, что уговариваешь меня пойти на ложь и обман. Ну как же можно солгать отцу и братьям и начать новую жизнь без правды? Какая же это будет жизнь? Ведь жизнь — это радость. Вся сила дня в том, что можешь радоваться красоте без угнетения в сердце, в том, что ты свободно и спокойно любишься красотой мира и людей. Тогда и песня поется радостно, потому что в сердце легко и свободно. Тогда и ценишь семью и любовь, когда ложь не давит. Всякое твое действие правдиво и свободно и радостью своей ты каждому человеку можешь украсить жизнь, если не давит тебя лицемерие. И надо мне идти в мир, раз отец так говорит. Мало в городах, вероятно, радости у людей, и надо мне ее приносить каждый день, сколько смогу.

Вскочила сестра с колен брата, как ужаленная, пуще прежнего досадуя на неудачу.

Топнула своей хорошенькой ножкой, уперлась красивыми ручками в бока и закричала:

— И ты с наставлениями лезешь? Кто-кто бы ни читал мне проповеди, да уж, наверное, не от тебя мне их выслушивать! Под носом у себя не видишь! Не понимаешь, как я тебя всегда надувала, сколько и как только хотела! А туда же! Лезешь со своей правдивостью да радостью. Да что вы все разом с ума, что ли, мигом сошли? Что вы, сговорились надуть меня?

Поверю я вам, что вам люди дороги и вы им служить хотите. Подумаешь, праведники выискались! Рады из глуши убежать, а стыдно признаться, что рады бросить отца и от сестры избавиться, которая правду видит да обличить в любую минуту может. Радость дурачок проповедует, — не унималась она, все пуще хохоча, все больше приходя в гнев и азарт и видя по лицу брата, что ничего от него не добьется ни лаской, ни злобным криком. — Радости твоей — копейка цена, если ты безжалостный эгоист. Чужой старец сказал, видишь ли, ну и давай бежать к чужим, пусть свои погибают, как хотят, гниют в глухом углу. Зато мы уж в городах повеселимся! О, лицемеры, злые, бессовестные лгуны, что для вас свои кровные родные! Поднялся юноша с камня, где сидел, и темнее тучи стало его прелестное лицо.

— Да, действительно, права ты, несчастная сестренка, что я был до сих пор сущим дурачком. Но ты помогла мне в эту минуту раскрепоститься от слепоты, раскрылись мои глаза. Помогла ты и сердцу моему мгновенно постареть на много-много лет.

Знало мое сердце одну радость и видело оно одно счастье — правдивость в людях.

Не видело оно в них лжи, и не было в нем печали. Легко мне было быть всегда радостным и веселым при этих условиях. Сейчас поняло мое сердце страшное в человеке: его ложь и зависть. И понял я теперь, как трудно сохранить радость, как стойко надо держаться, чтобы не меркла радость в сердце, когда ложь бьет и зависть раздирает все самое прекрасное, что только дано человеку от Бога. Еще понял я сейчас, что жив Бог в человеке, когда может он устоять и не впасть в уныние, если увидит в другом, как гниение внутри точит чудо его внешней красоты.

Урок твой мне, дурачку, был необходим. Всю жизнь свою буду славить Милосердие, открывшее мне глаза и освободившее меня от иллюзии прекрасного. Я понял, что есть самое прекрасное в человеке и что — его оболочка. О Господи, что было бы со мною, если бы я не здесь узнал правду, а там, в шумном городе. Я думал бы, что только там живет в человеке все плохое, что только там люди гниют во лжи и соблазнах, а здесь живет все святое, чем я считал тебя. Теперь я понял, что все живет в человеке, и не окружение делает его, а он творит свое окружение. Я понял, каким стойким и мужественным надо быть, как спокойно надо идти по делам и встречам, как тих должен быть внутри человек, чтобы радость его не меркла никогда. Я только что был так печален, так тосковал о разлуке с родным домом и всего больше о разлуке с тобой. Сейчас я понял, что для одной тебя остается еще жить здесь отец, а нас посылает, чтобы мы

закалились и, служа людям, служили Богу и великим Его. Я умею только песни петь и ими радовать людей. Какое счастье, что здесь, через тебя, я понял, что может жить в человеке и как он может быть далек от чистоты. Как мог бы я петь, если бы этот удар сразил меня и раскровянил мне сердце там? Моя песня остановилась бы в горле. Теперь я имею время закалиться. И верь, не дрогнут больше ни мое сердце, ни мой голос. О тебе пролил я здесь сейчас мою первую в жизни слезу. Да будет она последней! Я буду петь во славу жизни и радости, я буду стараться будить в человеке его лучшее, его любовь и милосердие, его неосуждение и кротость и никогда больше не буду ждать от встречного его даров, но буду нести ему мою твердую, верную всему светлому радость. Пойдем, сестра, Бог тебе судья, но не я. Будь благословенна, какая ты есть. Если подле отца ты не выросла светлой, видно, тебе самой искать свой собственный путь. Никто тебе указать его уже не сможет. Но помни, дорогая, не начинай никакого нового пути с обмана. Ты ничего на нем не добьешься, во лжи счастья нет не потому, что она греховна. Но потому, что лгуций сам себя засаживает в крепость, сам себя приковывает к столбу цепями.

Брат хотел взять ручку сестры и еще что-то сказать ей, но девушка вырвала руку, резко захохотала и крикнула:

— Вот и еще явился проповедник. Три праведника шествуют в город просвещать людей и обучать их новой жизни. Небось, как засадят тебя за решетку, в крепость, за твою дурацкую правду, пришьешь ко мне гонцов просить о свободе, да я припомню тебе этот час. Все тебе припомню и поиздеваюсь над тобой не меньше, чем ты надо мной сейчас.

И убежала девушка, скрылась от всей семьи и не пожелала ни проститься с братьями, ни проводить их за околицу, хотя вся деревня, от мала до велика, пошла проводить трех молодых путешественников.

Шли братья долго. Зарабатывали на пропитание работой. Всюду охотно принимали трех статных молодцов, прекрасных работников, всюду радовались их обществу и песням младшего брата и с благословением отпускали дальше, изредка только кое-кто покачивал головой, говоря: «Далеконько», когда братья называли большой город, куда послал их старец.

Долго ли, коротко ли, но дошли братья до большого города и в самом центре его, на базарной площади, нашли домик, где и сняли комнатку у двух бездетных стариков.

Поотдохнувши от дальнего пути, стали братья думать, как им идти дальше. Впервые приходилось им разлучаться. Впервые решать самостоятельно каждому свои жизненные дела, без мудрых советов отца.

Печально было на сердце у каждого, вспоминался чистый и радостный родной дом, где так беззаботно жилось, где не вставали на каждом шагу вопросы: как поступить, что отвечать на слова встретившегося, чем утешить скорбящего.

И чем глубже думали братья о прежней своей жизни и о протекшей сейчас минуте, тем яснее видели, как много Счастья дал им их отец, развив в них уверенность в своих силах и понимание, что лежит остоном и хребтом в человеке и на чем создается весь его характер.

Первым стряхнул с себя печаль брат меньшей, рассмеялся своим смехом — переливчатым колокольчиком — и сказал:

— Чего это мы затосковали перед разлукой? Разве не несем мы в себе образ нашего дорогого отца? Разве не держим руку его милую в своей? Разве не слышим голоса его благословляющего? Все наши слова и поступки теперь должны идти не от нас самих, но от высоты той чести, что передал нам отец. И как радостно нам теперь, что мы поняли его, поняли и оценили его стойкость, мир и спокойствие, и теперь можем сами, своими действиями доказать ему свою беззаветную верность. Не будем же сидеть в тоске — возьму я свою лиру и пойду первым на юг искать тот большой город, где будет мне суждено служить людям своими песнями и, как сумею, делами любви. Прощайте, братья мои дорогие, верю я, что мы еще свидимся на земле счастливыми и благословляющими друг друга. Если же не суждено встретиться, то я буду в каждом встречном видеть одного из вас и передавать ему весь мой привет, как я его подал бы вам. Проста моя задача, легко мне идти, и не подвиг тяжкий несу я на плечах, но одну радость. Прощайте, дорогие, родные, будьте благословенны. Ни вы, ни отец, ни бедная сестра не в разлуке со мною, но живете в сердце моем. Куда бы ни бросила меня жизнь, все славословие моих песен будет звучать для вас и через вас, потому что понял я одно в каждом из людей благодаря вашей любви и помощи.

Взял младший брат свою лиру, поклонился своим братьям и пошел из города, хотя вечер уже спускался.

Проводив брата, поужинали оставшиеся и осиротевшие путники, помогли хозяевам в их домашних делах и сказали, что завтра на рассвете уйдут и они. Покачал старик головой, пожалел о таких прекрасных постояльцах и спросил:

— Вы знаете ли, куда идете и чего ищете?

— Чего ищем, очень хорошо знаем. А куда идем, о том Бог один знает, — ответил старший брат.

— Везде есть люди, — прибавил средний, — была бы охота их любить

да с ними в мире жить.

— Да, это верно. Если не за счастьем вы гонитесь, то много можете людям помочь, — снова задумчиво сказал хозяин. — Вот на север от нашего богатого города, верстах в двухстах, есть очень большой город на чудесной широкой реке. Там у меня живет сестра с мужем, я мог бы рекомендовать ей одного из вас. У нее умер сын, точь-в-точь как вот ты, — обратился он к среднему брату. — Такой же добряк, такой же статный и здоровый. В одну ночь унесла его чума, и больше половины города съела она в самое короткое время. С тех пор город захирел, бедность в нем повсеместная. И живут в том городе люди, как в городе слез и проклятий, пожалуй, даже забыли, как и имя-то Божье помянуть. Все бранятся и ссорятся друг с другом, а некоторые, как сестра моя, оставшиеся кроткими и смиренными, впали в такую тоску и уныние, что и не передать словами. Сестра моя в наше последнее свидание, печальное свидание говорила мне, что ясно сознает, как глубоки ее грехи перед жизнью, что потеря сына пришла по ее огромной вине. Я знаю, что она только тогда успокоится, когда милосердное небо пошлет ей человека, который захочет стать ей сыном вместо утраченного. Но кто захочет войти в унылую семью, живущую в погибающем городе? Знаю я и тайную мысль моей сестры, что если придет к ней юноша тех же лет, каких был ее сын, и станет жить у нее в семье как родное дитя, то это будет ей знаком, что ее грех прощен и приняты труды ее жизни. Если ты, друг, — обратился он к среднему брату, — не на словах, не в мечтах и обетах, а на деле простого дня ищешь возможности подать помощь и доброту людям, иди в несчастный дом и город, отыщи мою сестру, которая теперь, вероятно, впала в бедность, и принеси ей в своем сердце, в своей доброте прощение небес.

Ничего больше не спросил средний брат, взял свою котомку, поклонился хозяевам, обнял старшего брата и сказал ему:

— Я нашел свой путь, дорогой брат. Постараюсь заменить чужой матери ее сына и буду чтить ее, как чтил бы родную мать. Проста моя маленькая задача. Постараюсь помнить мудрость и честь нашего дорогого отца и действовать по его примеру. Будь благословен.

Расспросил он про дорогу в гибнущий город и, не смущаясь наступившей ночью, пошел на север.

Оставшись один, много дум передумал старший брат. Не было у него чувства одиночества, не было тоски и неуверенности, а было на сердце его спокойно, и сознавал он, что его задача сложнее и больше, чем задачи братьев.

Долго он думал, как ему разыскать свой путь, как распознать свою

тропу среди бесчисленного множества дорог, как вынести в люди не зов к миру, а самый мир.

Впервые оглянулся он назад и пересмотрел всю свою жизнь. Ни одного раза он не вспомнил, чтобы ему пришлось с кем-то ссориться, в ком-то разбудить его злобу, кого-то раздражать, но всегда подле него все утихали и каждое чужое сердце находило примиренность.

Только одна его прекрасная сестра, очаровательнее всех лесных фей, никогда не жила в мире. Всегда ее желания превышали все ее возможности. Что бы ей ни подарили, куда бы ее ни пригласили, ей всегда казалось, что можно было сделать лучше, чем сделано для нее, и радость ничто в ней не будило.

Крепко задумался старший брат, почему же не могла его сестра воспринять ни мудрости отца, ни мира старшего брата, ни доброты брата среднего, ни радости младшего спутника ее жизни...

Куда же теперь надлежало ему идти? В какой стране искать возможности служить людям, зовя их к примиренности со своими обстоятельствами. И решил он не загадывать о дальнейшем, о том, что будет завтра, а жить только всею полнотою сердца и мысли каждое мчащееся мгновение, каждую свою встречу. Он осознал свою полную освобожденность сейчас от каких бы то ни было цепей, какой бы то ни было давящей или стесняющей любви, какого бы то ни было страха, сомнений и беспокойства за близких или далеких людей.

Мудрость отца, пославшего всех их в далекий мир раскрепощенными от всяких долгов и обязательств, еще раз пронзила сердце старшего сына. Он решил идти в новый путь, не задумываясь, куда он пойдет и что будет делать, но как он пойдет, что будет жить в нем самом и как он будет протягивать людям свои дощечки мира. За окном светало. Он оглядел комнату, где расстался со своими любимыми братьями, благословил ее и заботливых хозяев и тихо вышел из дома, стараясь никого не разбудить.

Не зная шумного города, спавшего еще в этот ранний час, он долго шел из улицы в улицу, пока не выбрался на широкую дорогу, которая вела на запад.

Через некоторое время ему стали попадаться возы и телеги, груженные сеном, хлебом, овсом, овощами и фруктами, гурты скота и всевозможная птица, что поедал огромный город. Но не размеры товаров, еще не виданные молодым странником, поразили его, а мрачные, угрюмые и деловитые лица мужчин и женщин, а иногда даже и детей, сопровождавших их.

Несколько раз его задевали озорники-парни и насмешливые девушки,

спрашивая, откуда взялся такой умник, что уходит из города от самой большой ярмарки и самых веселых балаганов. Но юноша не обращал внимания ни на насмешки, ни на обидные слова. Ничто не нарушало мира в его сердце. И чем злее было брошенное слово, тем яснее было ему, что плохо и темно живут здесь люди и трудно им увидеть красоту вокруг себя, не только в себе или в другом.

Долго он шел. Вот кончились возы и телеги, стали попадаться красивые экипажи с дорогими упряжками и разряженными людьми. А лица и этих людей, — судя по их нарядам, не имевших забот о хлебе насущном, — все так же были угрюмы, злобны и неприветливы.

Все дальше шел путник, много прошел деревень, немало встречал людей, а ни одного приветливого слова еще не услышал, никто даже не взглянул на него ласково.

Уж и солнце стало склоняться, стада возвращались к своим хозяевам, а юный путник все шел так же одиноко, и мир, живой и шумный, был для него как бы мертвой пустыней, где он брел одиноким и отверженным. Точно тень холода стала забираться в сердце юноши, как вдруг уши его пронзил страшный крик о помощи и увидел он страшную картину: женщина с двумя маленькими детьми, прижавшись к камню, в ужасе кричала, а прямо на нее неся разъяренный бык. Казалось, спасения ни ей, ни детям нет.

В одно мгновение сбросил с себя котомку путник, побежал наперерез быку, легче орла вспрыгнул ему на спину и схватил кольцо, вдетое в ноздрю дикого животного.

Взревев от боли, бык пригнул голову к земле, как тянула рука смельчака кольцо, и стал извиваться и бить копытами, стараясь сбросить и ударить непрошеного гостя.

Но могучая рука держала кольцо с такой силой, что бык не мог выдержать боли, остановился, в своем бешенстве дико ревя.

— Уходите скорее, — крикнул женщине путник, — скройтесь в доме.

На свирепый рев быка уже бежали со всех сторон люди, и через несколько минут укрощенный бык был благополучно водворен в свое стойло, откуда он вырвался неожиданно для своих надсмотрщиков.

И еще раз поразился путник мрачным и неприветливым лицам людей. Никто не только не поблагодарил его за спасение женщины и ее детей, но даже не счел нужным спросить его, кто он, не голоден ли, не нуждается ли в крове на эту спускающуюся ночь.

Вздохнул усталый юноша, решил пройти еще и эту деревню, где его помощь была так плохо принята. Вот уже и последний домик виден вдали,

решил он заночевать голодным возле дороги, как открылась дверь последнего домика и на пороге показалась спасенная им женщина.

— Войди, пожалуйста, быть может, не побрезгуешь моим бедным ужином да отдохнешь под моей крышей. Ты, видно, издалека идешь, усталый у тебя вид. Не побрезгуй моей бедностью, зайди. Я и слов не подберу, как мне тебя благодарить за твою услугу. Ведь ты мне и детям жизнь спас, — говорила женщина, утирая слезы и приглашая путника в свой бедный домик.

Вся хижина состояла из одной комнаты, но пол был чисто вымыт, на столе лежала чистая скатерть и стояла простая, но чистая посуда. Перепуганные дети были тоже чисто вымыты и не менее чисто одеты.

Введя гостя в дом, женщина пригласила его во внутренний дворик, где у колодца был пристроен раковина, подала ему мыло и чистое полотенце, попросила умываться не стесняясь, так как в доме никого, кроме нее и детей, нет, и возвратиться в комнату, где будут его ждать привет и ужин. Лицо женщины, молодое и очень красивое, носило следы тяжелого труда и переутомления. Голос ее, печальный и слабый, звучал уныло и на всей ее фигуре лежал отпечаток не только уныния, но и безнадежности. Сейчас в голосе ее звучала беспредельная благодарность человеку, спасшему ей жизнь. Когда гость вернулся в комнату, женщина посадила его в деревянное кресло и поставила перед ним белую тарелку с дымившимся супом, очень вкусно пахнувшим, и подала большой ломоть хлеба.

— Кушай, друг. Это место и тарелка моего дорогого мужа, — сказала хозяйка, и слезы покатались по ее щекам. — Как тебя звать, наш дорогой спаситель? Ведь если бы не твое бесстрашие да не твоя гигантская сила, лежать бы нам теперь убитыми быком. На мои крики эти люди, что прибежали к тебе на помощь, и не подумали бы с места двинуться. Мой муж, женись на мне, привел меня издалека, а здесь такой обычай, чтобы парни женились только на своих. Вот мы и попали в опалу.

Тесть выделил мужа, дав ему самый плохой кусок земли, и пришлось нам кормиться ремеслом, с трудом добывая средства к жизни. Все было ничего, сводили концы с концами. Да вот ушел он в город больше года — и нет от него вестей. Кто говорит, в больнице умер, кто говорит, по дороге убили его в пьяной ссоре. Да не похоже это на него, был он тихий и приветливый, никогда не пил и ссориться ни с кем не мог.

И снова полились по щекам женщины слезы. Она почти ничего не ела, кормила детей да подливала супа своему голодному гостю, рассказывая ему, как, выбиваясь из сил, старалась поддержать свое убогое хозяйство, но не успела еще сжать целой полосы хлеба да трава так и остается

нескошенной на лугу. Чем будет кормить корову, как сама с детьми проживет зиму, Бог один знает. Задумчиво и печально говорила хозяйка, радуясь, очевидно, редкой возможности поговорить о своих бедах с доброжелательным человеком.

— Звать меня, сестра, Александр. Считаю, что я тебе брат, твоим детям — дядя.

Буду я у тебя жить и служить тебе как работник, а звать и считать меня ты будешь братом. Спешить мне некуда. Куда иду — туда поспею. Покажи твою косу, надо ее хорошенько наточить да наладить. Скошу траву, высушим сено, — за рожь примемся.

Не тужи, ободрись. Вернется твой муж — тогда я дальше пойду. Верь, не моя рука тебя от смерти спасла, а рука отца моего милосердного и мудрого, что велел мне в мир идти и людям мир нести. Если же от мгновенной смерти его рукой тебя я спас, так же его руками и хозяйство твое спасу, и тебя с детьми от голодной смерти избавлю. Уверься, утвердись в спокойствии. Смейся весело, встречая каждый новый день, и живи его так, как будто бы муж твой любимый рядом с тобой ходит. Детей к радости приучай, а не к слезам своим постоянным. Ну, пойдем же, покажи косу.

Чудны показались женщине слова гостя, и вместе с тем почудилось ей, точно светлее стало в избе, и на ее усталом лице, а в изможденном сердце будто вдруг стало не так холодно и безнадежно. Провела она Александра в сени, где были аккуратно прибраны все хозяйственные инструменты, и вернулась в избу к детям. И дети как будто стали живее и тянулись к матери, спрашивая, будет ли большой дядя с ними жить.

Укладывая детей спать, мать радовалась каким-то новым звукам в доме, где давно уже ее да детей шаги и голоса были единственными звуками жизни.

Долго возился Александр, налаживая косу, наконец привел ее в полный порядок и возвратился в избу. Дети давно уже спали, а хозяйка сидела за вышиванием у крошечной лампы.

— Коса готова, теперь спать пора. Нет ли у тебя горенки, где бы мне поселиться у тебя? Да и звать тебя как, не знаю, милая сестра, — сказал он, весело поглядев на спящих малюток.

— Есть у меня светелка наверху, да не знаю, будет ли тебе там удобно. Она очень маленькая, но постель там удобная. А имя мое — Марта, — ответила женщина, подметив ласковый и нежный взгляд, брошенный Александром на ее детей, и на сердце ее стало еще теплей.

Взяв с печки вторую крошечную лампу. Марта проводила гостя в светелку, поблагодарила его за доброту, еще раз благословила за свое и

детей спасение от смерти и спустилась вниз.

Впервые темная ночь не видала слез Марты, впервые со дня исчезновения ее мужа на сердце ее было тихо и мирно. Перекрестив детей, послав любовь своему отсутствующему мужу, легла спать Марта и задумалась о словах Александра: "Начинай весело свой новый день и думай, что муж твой рядом с тобой ходит". Как же это так представлять себе, что он все время рядом, когда его нет и даже неизвестно, где он, все думала Марта, но утомление и пережитый страх сломили ее мысли, и вскоре в маленьком домике не спал один Александр. Он потушил лампочку, открыл в душной светелке небольшое окно, сел подле него и, наблюдая игру облаков и сияющего месяца, крепко задумался о своем отце.

— Хотел бы я знать, что и как мыслит отец мой о моем поступке. Так ли я поступил, оставшись работником этим беспомощным детям и Марте? Или не должен был я здесь останавливаться, а идти в шумный город, где велено мне мир проливать?

Юноша вспоминал, как поступал его отец, никогда не оставляя без внимания нужд своих соседей, как он их, сыновей, посылал иногда в соседние деревни помогать тем семьям, где почему-либо было трудно справиться с необходимейшими работами. И чем глубже он думал, тем легче становилось у него на сердце, тем проще и правильнее казалось ему его поведение.

— Ах, если бы я мог услышать словечко от тебя, отец, как счастлив был бы я, — в последний раз подумал юноша, поднялся, оставив окно открытым, и лег спать.

Утомленный долгим путем, борьбой с быком, трудом над кое-какими хозяйственными делами Марты, а также всем пережитым за последние дни, заснул Александр мгновенно. И приснился ему чудной и чудный, такой живой сон, точно наяву он все видел и слышал. Слышится ему голос отца, и видит он, будто сам отец стоит у открытого окна светелки, говоря:

— Что же ты сомневаешься, мой сын? Ведь не тот день важен, что настанет, а тот, что сию минуту бежит. Разве плохо ты поступил, что спас жизнь трем душам? Разве ты не внес мира в осиротелый дом? Чем выше поднимается дух человека, тем проще его поступки и тем легче он забывает о себе для счастья других. Ни о чем не заботься, кроме одного: что бы ты, ни делал, делай до конца, где бы ты ни жил, не поступайся честью ни на минуту. И с кем бы ты ни общался, не суди людей.

Здесь люди угрюмы и злы, о себе одних помнят. Им непонятно, как можно жить свой день, не ища себе наживы. Не суд им неси, но улыбку мира. Не просвещать их я тебя послал, но показать им чудо в человеке, его

живой свет, на своем собственном примере труда и чести. Не задумывайся, что будет дальше. Живи и трудись, пока ты здесь нужен. Жизнь сама укажет тебе и день и час, когда тебе больше здесь оставаться не будет надобности. Живи и не жди благодарности за свои труды, ибо они мои. Я тебя послал, чтобы ты был моими ногами и руками, моею головой и моим сердцем на земле. Живи же на ней до тех пор, пока мне твой труд на ней нужен.

Только хотел Александр поблагодарить отца за его слова, вскочил с постели, как видит, что уже светает, и слышен голос Марты, зовущей его вниз завтракать.

Удивился Александр и никак не мог взять в толк, куда же девался отец и каким образом уже утро, когда минуту назад светил месяц. Вторично раздался голос Марты.

— Вставай, Александр. Ты ведь сам наказал будить тебя с рассветом. Мне так жаль тебя тревожить, но я не решаюсь нарушить твой приказ, — говорила Марта, стоя на лестнице.

— Иду, иду, Марта, через минуту буду, — весело ответил юноша и побежал к колодцу.

Вскоре, оставив детей под надзором верного пса, вышли Марта с Александром на луг. Дорога была не дальняя, все еще спало, и даже стада еще не выходили из деревни. Когда Марта привела Александра на луг, где у всех было не только все скошено, но и срезано, из глаз ее снова полились слезы.

— О чем же ты плачешь, Марта? Тут мне работы не больше, чем на три-четыре дня. Я косарь первоклассный, — улыбаясь несчастной женщине, сказал юноша.

— Ах, Александр, ты ошибаешься. Тут и в неделю не скосить тебе одному. Да кроме того, как вспомню радость бывшего, как весело мы с мужем косили да убирали сено, так в сердце точно игла кольнет, — все еще плача ответила Марта.

— Это нехорошо, сестра моя, вспоминать прошлое слезами, если говоришь, что мужа ты любишь. Это большая неблагодарность к нему. Ты все о себе думаешь, что у тебя было да чего ты лишилась. А я тебе говорю: не трать времени попусту на слезы.

Живи бодро, зови мужа и каждую минуту думай, что он рядом с тобой. Старайся так поступать, чтобы ему нравились твои поступки, чтобы не ложилась тень скорби твоей на его лицо, но чтобы свет твоей улыбки ему облегчал путь во всякой темноте, куда бы он ни попал. Не теряй и сейчас времени зря. Иди домой, приготовь обед, возьми детей и приходи с ними

сюда. К обеду я накошу травы уйму.

Принеси вторые грабли, часть пересушим, часть сложим вечером в копны. Беги весело, да смотри, чтобы слез я больше не видел. Стерла Марта слезы, постаралась улыбнуться, но у нее вышла гримаса вместо улыбки.

— Нехорошо, уж как нехорошо, — снова сказал Александр Марте, начиная косить богатырским размахом. — Неужто дети, такие милые дети, тебе даны на то, чтобы ты их жизнь своими слезами темнила? Думай о них. Старайся их рассеять и обрадовать каждым словом. Особенно сегодня, когда они недавно так напуганы быком. Старайся, чтобы они забыли страх перед стадом. Беги скорее домой и возвращайся с обедом.

Давно не слышала Марта ласковых слов. Давно никто не интересовался ее делами, ее детьми, ее жизнью. Горячая волна благодарности наполнила сердце женщины, она радостно улыбнулась и сказала:

— Прости, милый Александр. Так ты меня утешил, так ты меня ободрил, что и высказать тебе не умею. Счастливый то был день в моей жизни, когда бык меня чуть не убил. Всю жизнь буду быка того благословлять и благодарить судьбу за пережитый ужас. Бегу, друг. — И засмеялась Марта, как давно не смеялась, чистым, радостным смехом и побежала, как бегала в былые годы взапуски с мужем.

Остался Александр один в благодатной тишине цветущего лета и снова стал думать о словах отца, что приснились ему ночью. Только стал он их передумывать, как снова почудился ему голос отца, и слова его будто ясно зазвучали:

— Ты никогда не один, сын мой. Всегда я с тобой, если сердце твое спокойно, мысли чисты и радостно идешь по своим делам дня. Всякие бывают дела дня. И простые, и очень сложные. Но все они важны постольку, поскольку творил ты их со мной, для меня и нес в них каждое мгновение одно знание, все, что живет в видимой форме, — все есть вечное, размноженное по каплям. И каждая капля Вечного — целый отдельный мир. Человек — одна из форм Вечного, и в нем живет весь мир страстей, как и весь мир красоты. Нет людей, обладающих преимуществами духовных сил. Но есть люди, великие труженики, отдавшие много сил на труд разыскивания и распознавания, как войти в тропу любви и как саму любовь так подать своим ближним, чтобы она не была им тяжела. Много есть людей любящих, но мало таких, что умеют подать свою любовь, не требуя взамен себе благ и благодарности за нее.

Много есть матерей и отцов, любящих своих детей, но мало кто из родителей не давит детей своей любовью. Редко родители умеют уважать

своих детей и себя в них настолько, чтобы быть с ними дружными и радостно воспитывать их. Мало кто из родителей понимает связь между живыми тружениками земли, которых они видят, и такими же тружениками неба, которых они не видят, и потому воспитание ими детей не может быть ни правильным, ни радостным. Ты пойми эту связь. Неси свой труд дня и создавай, что ты связан со всей вселенной не только мыслями и делами, но и каждым вздохом. Если утром ты проснулся и уныло вздохнул, так ты уже начал свою связь с людьми плохо. Каждый, кого ты встретишь, хотя и ничего не знает о твоём унынии или раздражении, но он уже не так весело и просто ответит на твоё приветствие, как мог бы это сделать, если бы сердце твоё было чисто от забот о самом себе и твоя простая доброта была бы легкой и спокойной. Запомни слово мое и воплоти его в дела земные: нельзя себя отъединить от людей, можно только или способствовать миру и счастью людей своим спокойствием и выдержкой, или можно ещё больше засорять пути людей своими страхами, неводержанностью и постоянными мыслями о самом себе. Не сомневайся. Действуй просто и спокойно в каждую текущую минуту до конца, со всею полнотою чувств и верности, и ни одно мгновение твоей жизни не пропадет в пустоте, хотя бы тебе казалось, что ты делаешь самые маленькие дела.

Александр увидел издали подходившую из-за поворота дороги Марту с детьми, и голос отца перестал слышаться. Улеглось волнение, вызванное сомнением, так ли он поступал. Он мысленно благодарил отца за поданные ему помощь и просветление и понял, что нет дел малых или больших, что не так важно, скоро ли он доберется до города, где ему назначено жить, а важно, как соединить в себе понимание истинной чести и доброты с умением передать это понимание каждому встречному.

"Только бы всегда помнить, что в каждом человеке живет огонь Жизни, и Ему служить, к Нему обращаться, а не к тому, что видишь как внешнюю форму", — подумал Александр.

Марта, приведшая детей и принеся обед, даже с некоторым испугом смотрела на количество скошенной Александром травы.

— Что ты так удивляешься, Марта? Мы были приучены у отца ко всякой работе, и всегда он учил нас искать способы самые легкие и удобные в каждой работе. У меня свои приемы, вот я и работаю скорее других. Чем стоять попусту в удивлении, бери-ка грабли да начинай ворошить подсохшую траву. Ишь, солнышко-то жарит! Я дойду полосу до конца, приду тебе помогать. А там и обедать сядем, — сказал Александр оторопевшей женщине.

Усадив детей в тени под деревом, Марта пошла к дальним кустам,

откуда Александр начал косьбу. Много лет работала она на лугах и полях, видела и прекрасных косцов, но такого чудо-богатыря не могла себе и представить. Из всех сил старалась она сейчас работать скорее, но все ее усилия не могли идти ни в какое сравнение с работой Александра, который уже и полосу докосил, и, также взяв грабли, уже догонял ее на соседней полосе.

Переходы в мыслях Марты совершались без всякой логики. Сейчас ей казалось, что все ее прошлое куда-то провалилось, точно и не было тяжелых лет одиночества, непосильного труда и слез, точно Александр был с нею всегда, так уверенно и спокойно она себя чувствовала подле него. То снова скачок мыслей бередил сердце ее страхом, что станет с нею, если Александр вдруг так же внезапно уйдет, как пришел, а муж не вернется. Как поднимет она детей? Что будет с коровой и домом?

И мысли ее бежали назад, к пережитым горю и слезам, а сияющего солнца, радостно щебетавших птичек, аромата травы и всей красоты природы Марта не видела.

— Что ты все хмуришься, Марта? — вдруг услышала она голос догнавшего ее Александра.

— Да так, что-то на сердце нелегко, так много выстрадано, а впереди что? Одна неизвестность, — вот страх и сжимает сердце.

И понял Александр, к чему говорил ему отец о летящей минуте. Понял, что живет человек на земле и все думает, что было и что будет, а идет его «сейчас» кое-как, даже и не замечает он этого летящего «сейчас». Мысли не полные, не ценные и не цельные давят его дух, и не только не живет человек счастливым, радуясь, но боится даже того, чего еще и нет или что уже было.

— Ты радуйся, что трава косится, что дети играют, что сено у тебя теперь будет хорошее, Марта. Чего вперед забегать? Вороши веселей, вот дойдем полосу, да и сядем обедать.

Марта покачала головой, видно было, что непонятно ей, как это такое жить сейчас и не думать, что будет завтра, но слов она никаких не нашла. Не успела она дойти свою полосу, как Александр уже сидел с ребятишками, и все вместе звали ее обедать.

До позднего вечера косил Александр, отправил загодя Марту с детьми домой встречать корову, сказав, что придет поздно, прямо к ужину. Не успели затихнуть голоса уходивших детей и Марты, как снова послышался голос отца, и на этот раз еще яснее разбирал Александр слова:

— Сын мой, милый и близкий. Где бы ты ни был, я с тобой. Что бы ты ни делал, если мысли твои чисты, я с тобой. Старайся выбирать свои

мысли, храни и удерживай мысли светлые и бодрящие и прогоняй мысли унылые. Нет ни болезней, ни злой судьбы человека, есть одна та судьба, что он сам себе создал, судьба — следствие, судьба — результат его собственных мыслей и дел. Не смущайся, если долго не будешь слышать моего голоса. Действуй дальше, как начал, и в один из дней вновь услышишь мой голос.

Запомни твердо: ты и я, луна и солнце, травы и деревья, всякий человек и всякое животное, все — он, единый великий мировой разум, проявленный по-разному в каждой форме. Нет смерти, не бойся ее и каждому объясняй, что он бессмертен, что его Я есть Бог, неумирающий и вездесущий. Если к кому-то приходит смерть тяжелая, в болезни мучительной, значит, мысли злые, себялюбивые и унылые владели человеком и привели его к такому концу. Радуйся, выбирай мысли чистые, не отделяйся от вселенной, и ты не будешь знать болезней. Всем им начало — страх и себялюбие. Береги сердце от мусора, и тело твое останется крепким и свежим.

Замолк голос. Постоял на лугу Александр, благословил отца еще раз за его заботу и проработал до темноты, не заметив, как она спустилась. Возвратился Александр домой, поужинал, приласкал детей, и покатила с этого дня жизнь его в труде, всем озаряя день улыбкой. И даже хмурые и угрюмые соседи стали заговаривать с братом, работником Марты.

Забывшие обо всем на свете Левушка и Бронский были внезапно, точно от сна, пробуждены стуком и голосом Яссы, который звал их ужинать. Ясса снова провел их в комнату омовений и предложил каждому опять вымыться в бассейне и переменить одежду, чем очень удивил обоих. Им казалось, что они только что мылись и надевали чистые одежды. Но когда Левушка посмотрел на свою бывшую утром белоснежной одежду, то увидел, что вся она была в темных пятнах. Невольно он взглянул на одежду своего друга и с удивлением воскликнул:

— Станислав, где же это мы с Вами так выпачкались? У нас такой вид, точно оба мы измазались в черной краске.

Еще не совсем вернувшийся к действительности Бронский, весь под впечатлением комнаты Али и прочитанного в ней, посмотрел на Левушку, потом на себя, покачал головой и ответил:

— И мы могли такими грязными сидеть в божественной комнате Али? Как же мы не заметили, что надевали грязное платье?

— Нет, платье вы надевали безупречно чистое, — смешался в разговор Ясса, — но каждое пятно на ваших одеждах выдает ваши мысли, в которых не было достаточной устойчивости в чистоте и самоотвержении. Каждый

раз, когда в вашем уме проскальзывала мысль полноценная, но в ней не было достаточной сосредоточенности, когда в вас проносился отголосок прежних суеверий и предрассудков, страха или внезапного уныния, — из ваших тел проступал липкий пот, который давал на ваших платьях эти грязные пятна. Когда вы станете умываться, то и вода будет мутной и нечистой, так как теперь вы оба поднялись к той степени освобождения, где безнаказанной не остается даже неполноценная мысль, не только дело. Вот вам ясное и неопровержимое доказательство, что не Учитель держит ученика в той или иной ступени, не пуская его дальше или скрывая от него какие-то тайны высшей жизни. Но собственная атмосфера ученика не дает ему возможность жить всею полнотой силы и Света его Единого. И только это составляет препятствие в пути, — говорил обоим друзьям Ясса, помогая им вымыться и одеться. — Пойдемте же, дорогие мои. Теперь вы уже хорошо отмыты. И. ждет вас в своей столовой, — прибавил он ласково, видя растерянность новых учеников.

Им обоим казалось, что есть они совсем не хотят, и даже мелькала мысль, что не напрасно ли Ясса потревожил их в самом важном и интересном месте сказки. В первый раз Левушка шел к И. без торжествующей радости о предстоящем с ним свидании, так ему было трудно расстаться сегодня с комнатой Али, с чудесной книгой, с какой-то еще не испытанной новой жизнью, которой он прожил все часы, проведенные сегодня в божественной комнате. И возврат к жизни обычного дня был ему сию минуту труден.

Глава 13

Беседа с И. Мы продолжаем читать сказку. Отъезд Беаты и последнее напутствие ей И. и Франциска

Войдя в комнату И., Левушка очутился в объятиях Эта, которого И. приказал перевести к себе. Что-то вроде угрызений совести кольнуло его в сердце. Он даже позабыл о существовании своей дорогой птички, не только не подумав о ее нуждах, но даже позабыв попросить кого-либо о ней позаботиться. Обняв Эта, Левушка подошел к И. — Мой дорогой Учитель, мой милосердный друг. У меня язык не поворачивается признаться Вам в своем эгоизме. Я не только забыл об Эта, которого не забыли Вы, но я и к Вам возвращался, разрываясь между желанием читать дальше драгоценную книгу, желанием поскорее постичь мудрость того, что читаю. Я даже не подыщу слов: но вроде того, что был недоволен зовом Яссы. Найду ли я когда-нибудь то равновесие сил в себе, которое введет меня в полное самообладание?

— Полное самообладание, Левушка, это не что иное, как полная трудоспособность организма при всех обстоятельствах жизни, — обнимая горячо прильнувшего к нему Левушку, ответил И. — В каждой болезни человека есть тот высший смысл, которого люди не видят. Всякая болезнь есть освобождение человека, всего его организма, от мусора страстей, накопленного в мыслях и действиях. Даже смерть, всякая смерть: смерть в страданиях, смерть без мучений, смерть в страхе, смерть благословляющая, смерть в бою, в борьбе с врагом на поле битвы — все есть тот единый, в Котором застряли иглы страстей человека и который очищается им в каждой земной жизни особенным и неповторимым путем. Садитесь, друзья, будем кушать. День поста напомнит вам об аппетите.

— Когда я шел сюда, доктор И., я был так поглощен прочитанным, что забыл начисто о том, что я из плоти и крови и что на свете существует еда и потребность в ней.

В голове моей была тысяча вопросов, о которых я хотел спросить Вас. Теперь я вспомнил не только о том, что на свете есть еда, но очень хорошо знаю, что я хочу есть. А весь миллион моих вопросов я, к моему отчаянию... забыл, — сказал Бронский, растерянно глядя на И. — Не огорчайтесь, мой друг, — рассмеялся И., глядя на детски растерянное лицо артиста. — Кушайте, и уверен, что и Левушка не менее Вашего вспомнил о

плодах земных. Пока оба вы будете утолять свой аппетиты, я расскажу вам о некоторых приготовлениях к нашему отъезду. Во-первых, Зейхед привел целый караван мехари, уверяя, что между отъезжающими будет немало неопытных ездоков, которые будут, быстро утомляться и утомлять животных, и их придется часто сменять. Затем, вместо одного дня пути до первого оазиса пустыни каравану придется идти не менее двух, так как женщины, которых мы с собой берем, не будут в силах проехать так долго без остановки, — так утверждает Зейхед вопреки торопящейся Наталии Владимировне, спорящей, что день пути в пустыне — пустяк и каждый здравомыслящий сумеет справиться с такой несложной задачей. По существу, как вы знаете, нас здесь держит профессор. Через некоторое время, когда вы прочтете книгу, мы пойдем его будить. Он спит сейчас здоровым, крепким сном, отсыпаясь за лишения всей своей прежней жизни, и уже начинает отдыхать и даже молодеет.

И. все время удерживал мысли своих учеников на вопросах окружающей жизни, давая им отдых от всех пережитых ими напряжений в комнате Али. Окончив ужин, собеседники вышли на балкон, где И. усадил их и сказал:

— Сегодня вы оба имели вещественное доказательство, как выглядят мысли человека недостойные в сочетании с другими его творческими, полноценными и жизнедеятельными мыслями. Почему до сегодняшнего дня ни один из вас не ощущал, не видел и не предполагал даже, что на его одежде могут отражаться его малоценные, или ничтожные, или даже грязные мысли? Потому что сегодня впервые вы оба достигли той ступени, где уже стал вашей атмосферой ваш Свет в себе. А негармонирующие и беспокойные, нарушающие Свет этой атмосферы мысли лишь прорезают ее, как молнии, отражая вдруг порыв страстей; порывы страстей бороздят уже устойчивую, точно плотная масса, слившуюся в цельное кольцо, светящуюся материю Любви, Мира, Радости и Бесстрашия. Когда вы в своей атмосфере достигнете незыблемо устойчивых сил такта, чистоты и света, ни одна мысль уже не оставит темного следа на вашей белоснежной одежде. Ни одно пятно ядовитого пота не сможет выделиться из ваших тел, так как его не будет в ваших мыслях. Что такое внутренний человек? Только частица Бога, проявленная в той или иной форме и степени. Если мысли человека — сплошной ком злых змей, где страсти кипят и выше земли не поднимаются, то заметить какое-то пятно на этом ужасающе безобразном клубке, который зовет себя «человек», можно, пожалуй, только тогда, когда оно кроваво-красное и кровоточит среди общего зловония, в месиве едких, жадных мыслей. Если атмосфера человека,

которую он создал в себе и вокруг себя, полна мыслями о себе, о семье, наживе для них и себя, заготовках для одних собственных животов, разрезана завистью к более удачливой судьбе ближних, к их блеску, цветам и фруктам, — такой клубок мыслей не может подойти к Учителю, хотя бы жаждал, звал Его имя и искал путей к скорейшему освобождению. Если человек дошел до той ступени, где нашел слово Учителя, непосредственно ему данное, — это не значит, что он получил гарантию встречи с Учителем, гарантию правильности своего поведения в пути. Путь — это непрерывное движение, где не может быть ни момента остановки. Как только в путь, то есть в действие самого человека, ворвались гнев или раздражение, так весь путь остановился. Перестала звучать его гармония, и снова надо искать, как включиться в симфонию вселенной, ушедшей в своем творчестве вперед, пока человек стоял на месте. Нет ни для кого возможности двигаться по ступеням вселенной, если он тяжел своим встречным, если его раздраженный окрик или нравоучительная, недовольная речь не помогают человеку встречному успокоиться, но вызывают в нем протест и оскорбление. Только тогда человек может встать в число учеников, когда его помощь людям, его милостыня делаются его молитвой, его приношением Богу, которого он видит за лохмотьями убожества и скорби. Простой день жизни прожит учеником только тогда как день пути, как день движения во вселенной, когда радость знания стала не ароматом и приправой, но неизбежной атмосферой, вне которой ему нет возможности дышать, а внутри которой сияет простое: там, где я — Он, там, где Он — я, там, где каждый встречный — Он. Идти по ступеням совершенства в том смысле, как идут по ступеням мастерства, — это бред безумных. Творчество сердца не рождается как следствие произнесенных или не произнесенных формул. Оно не приходит от натуги и тяжелодумия, от сознания, что я — веская и великая величина общества. Оно выливается светом и бодростью во всякое мгновение, потому что движется весь человек в звучащей атмосфере вселенной. И это совершается не тогда, когда осознано, что такое Жизнь в человеке и человек в Жизни, но когда звук сердца слился со звучащей силой Радости и жизнь стала не рядом фактов и встреч, но активной молитвой, святой песнью, где не может быть выпадений в мелочь суеты и раздражения, но где вся суета только та неизбежная каждому своя условность, куда человек должен внести примиренность. Наиболее страдают те, что не научились терпеть и отдавить, но лишь требуют и ждут. Идите теперь, друзья мои, каждый к себе. Не обменивайтесь мнениями, не ищите поделиться светом духовных достижений.

Старайтесь научиться слушать Безмолвие и радуйтесь каждому мгновению свободы, когда можете утихнуть для внешнего и крепить ту атмосферу Чистоты, слабость которой вы наблюдали в себе сегодня.

И. отпустил своих учеников и пошел к домику профессора. Левушке, добравшемуся как в тумане с Эта в свою комнату, легшему в постель в каком-то восторге, когда ему казалось, что он ощущает, как в его сердце выстроились и настежь открылись в своем приветствии любви каждому встречному не двери, но ворота, показалось, что не прошло и пяти минут с тех пор, как он лег, а между тем голос Яссы звучал настойчиво и предлагал ему поторопиться, потому что Бронский уже ждет его в столовой.

Мигом вскочив, недостаточно соображая, как это так быстро мелькнула ночь, Левушка развил максимальную быстроту и через несколько минут просил прощения у Бронского за свое промедление.

— Ах, что Вы, Левушка! Какое тут промедление с Вашей стороны. Это мое нетерпение, моя жажда гонят меня. А так как без Вас я только жалкий созерцатель книги, то мне надо просить Вас простить мою поспешность. Не раз у меня мелькала мысль в эту ночь о чуде моей встречи с Вами, о безграничной моей благодарности Вам.

— Станислав, дорогой, Вы не пугайте меня. О чем Вы говорите? При чем я здесь?

Что же тогда говорить мне об И. и других, столько сделавших для меня? Оставим эти разговоры, иначе снова на наших белоснежных одеждах пойдут пятна. Я со вчерашнего вечера не чувствую, что у меня есть сердце, но на его месте ощущаю ворота, точно дыра во мне насквозь. Мне кажется, что ничто больше не могло бы заставить меня волноваться и огорчаться, даже если бы И. велел мне сделаться зрителем сумасшедшего дома или содержателем злющих обезьян.

Бронский весело рассмеялся, ярко представив себе Левушку в обеих этих ролях, и сказал:

— Я не только не чувствую в себе дыры, Левушка, но я себя-то почти потерял и не знаю, где мои границы.

Пошутив насчет своих ощущений, друзья, предводимые Яссой, снова отправились в комнату Али. И снова поразило их при омовении, что вода, скатывавшаяся с их чистых тел, была мутной и темной, точно они целые часы брели в ураганной пыли пустыни. Левушка с удивлением поглядел на Яссу, и тот, точно поняв немой вопрос, ответил:

— Что же тут удивительного? Ведь Вы еще сравнительно так недавно были очень раздражительны. Почти во всех Ваших нервных узлах образовались сцеplения вроде склеенных жестких узелков. Теперь они

расходятся, а вся скопившаяся в них энергия раздражения сейчас выходит наружу, вроде того как раздавленный старый гриб-дождевик выбрасывает из своей скорлупы темный порошок. Вода с Вашего тела только мутная, так как Вы еще очень молоды и большая часть Ваших скорбей и слез — только детские печали. Взгляните на воду, катящуюся с Вашего друга. Она почти черная, так как его печали — глубокие застарелые скорби и огорчения. Они смываются трудно, потому что вся прожитая в печали жизнь сложила эту печаль в твердые камни, которые теперь с трудом лопаются и пробиваются через кожу вон из организма, по мере того как радость движет Вашего друга в его труде дня.

Пока Ясса говорил, вода становилась все чище, и, наконец, оба вышли из прозрачных бассейнов. Снова переодевшись в чистое платье, друзья пошли по коридору к заветной двери. Бронскому казалось, что он помолодел на много лет, дышалось ему легко, шел он быстро и в его сердце не было ни одной капли печали.

В первый раз за всю жизнь он не ощущал в себе тяжести и понял, что значит быть свободным, что значит легко начать свой день жизни.

Как и в первый раз, их остановила огненная надпись у порога двери. Бронский ее не видел, но должен был остановиться, так как внезапно почувствовал какое-то неодолимое препятствие, которое его не пропускало дальше. Теперь он уже сам понял, что его не пропускало то огненное письмо, которого без помощи Левушки он понять не мог, но смысл которого ему необходимо было понять раньше, чем он войдет в божественную комнату Али. Мысленно преклонившись перед безграничным милосердием высокого покровителя, посылавшего им свои заботы и любовь, Бронский стал слушать слова, которые ему переводил Левушка: "Братья и друзья! Не то считайте милосердием, что даете сами или дается вам как долг, обязанность, тяжелая ноша. Ибо то еще стадия рассудочная, стадия самая близкая к полуживотному существованию.

Но то считайте милосердием, что даете в радости, в сияющем счастье жить и любить.

Не тот любит, кто несет свой долг чести и верности. Но тот, кто живет и дышит именно потому, что любит и радуется, а иначе не может.

И любовь сердца такого человека не брага хмельная и чарующая, создающая красоту условности, но ими чистая Красота, несущая всему примиренность, успокоение.

Там, где ты — ныне призываемый мною в ученики и сотрудники друг, прочел мое слово, там, где ты претворил его в примиренность в сердцах людей, — там ты основал новое колесо для жизни сердца человека, ибо там

ты помог двинуться в новом вихре чакрам человека.

Вступайте в день, поняв на себе, как освобождается человек от застарелых ран и пятен. Как пробиваются к новому пониманию и восприятию дня борозды в мозгу. Как могут они проложиться, развернуться, стать действием только тогда, когда закрепощающая сила, жившая в организме как старый предрассудок сгнила и вышла из него, освободив место для радости.

Радостью ткется светящаяся материя духа, радостью вводится человек в единение с людьми, а следовательно — с нами и со всей вселенной".

Сила, державшая, ноги Бронского приклеенными к полу, внезапно исчезла, и он легко вошел в раскрытую Левушкой дверь. Впервые Станислав ощущал счастье, полное счастье, горячая волна которого заливала все его существо, сияла ему из каждого предмета комнаты, показавшейся ему сегодня особенно прекрасной и белой. Когда он взглянул в сияющее лицо Левушки, то не смог удержать возгласа:

— Левушка, Левушка, как Вы прекрасны. Я даже не думал, что Вы можете быть так нечеловечески прекрасны! — Если бы здесь было зеркало. Вы бы и себя увидели нечеловечески прекрасным и совсем молодым, Станислав, — ответил Левушка, и даже голос его был новым, звучнее, ниже и мелодичнее того, к которому привык Бронский.

Большое удивление обоих вызвала книга, уже раскрытая на столе, которую вчера так тщательно и осторожно убирал Левушка, закрывая стол Али. Чьи же заботливые руки открыли ее? Чье любящее сердце посетило и благословило своим милосердием их рабочее место? Но думать об этом было некогда. Принимаясь за чтение, Левушка с удивлением заметил, что целая пачка листов книги была точно склеена после того места, где они остановились в сказке вчера, и в заголовке стояло: Путешествие, жизнь и уроки второго сына Переведя Бронскому заголовок и показав ему склеенные, вернее сказать, слипшиеся листы, Левушка снова стал переводить ему книгу:

"Ушел второй сын, полный энергии, долго шел, разыскивая путь в страшный город. С кем ни встретится, кому ни скажет, все со страхом смотрят на путника и говорят ему: "Что ты, друг, аль жизнь тебе надоела? Ты ведь там не только от чумы умрешь, но если даже выживешь, то от вражды тех горожан зачахнешь. Оставайся лучше с нами. Работы у нас сколько хочешь, земля хорошая. Мы тебе поможем дом построить, женишься, заживешь в свое удовольствие. Девушки у нас одна другой лучше. Оставайся, брось думать об этом несчастном городе, никому ты там не поможешь, только себя погубишь".

Но не слушал путник заманчивых предложений. Он всем своим существом стремился в дом несчастной женщины и, еще не зная и не видя ее, мысленно говорил ей: "Милая мать, будь спокойна. Я иду к тебе, как только могу и умею быстро. Не лей слез.

Жизнь посылает тебе прощение и утешение в той форме, как ты просила. Как хотел бы я подобрать все твои слезы и заменить их радостью. Верь мне, я буду видеть в тебе мать и служить тебе так, как я служил бы своей родной матери".

И много, много новых дум передумал средний брат за свое долгое путешествие. Не раз смущали его люди, которым он рассказывал, куда и зачем идет, своими разговорами. Особенно сильно повлиял на юношу разговор с одним стариком. Узнав, что целью путника было стать сыном неизвестной ему женщины, старик сказал:

— Ох, и горькое же дело ты затеваешь. Взять дитя чужое на воспитание — и то дело трудное. Надо любовь в себе к нему найти, будто к родному. А этого почти невозможно сделать. А уж мать человека взрослого, как же ты, не видев ее, можешь чтить и любить перед Богом? Вдруг она тебе не понравится? Перед людьми-то ты сможешь это скрыть, а перед Богом и своей совестью как?

Задумался юноша и не знал, что ответить старику. Действительно, он видел и слышал не раз, что хорошие люди стремились облегчить другим жизнь и брали к себе их детей. Но часто приходилось им возвращать детей родителям, так как дети их раздражали, заставляли постоянно повышать голос, и кроме обоюдного недовольства и даже детских слез из их воспитания ничего не выходило.

Чем дальше шел путник, тем слова старика все сильнее въедались в его сердце, как ржавчина. И не мог он найти разъяснения, но твердо знал, что он задачи своей не оставит, от нее не отступится. И взмолился средний сын своему мудрому отцу, прося помочь ему понять свой мучительный вопрос и указать, как же ему поступить.

Прилег он отдохнуть в тени деревьев, и снится ему, будто пришел к нему отец и говорит:

— Сын мой добрый. Доброта — это качество твое, человеческое, как тебе это кажется и каким ты его считаешь. На самом же деле это не твое качество, но качество Бога, в тебе живущего. Оно не может изменяться в зависимости от качеств тех людей, которым ты подаешь свою доброту. И подаешь ты ее не потому, что так хочешь или не хочешь; и подаешь ее не тому, что есть видимый глазами человек, но тому Свету, что живет внутри каждого встречного, что вечен и неизменен, как твой собственный Свет, что

ты знаешь в себе как Доброту. Если Доброта твоя шла из сердца, как частица Бога в тебе, то она и подавалась той частице бога, что ты мог увидеть. И тогда нет и места рассуждениям, что люди, будь то дети или взрослые, могут быть для тебя «своими» или «чужими». Что они раздражают, мешают, нарушают гармонию твоего дневного труда и дома. Ты не их видел, когда их брал или им помогал, но ему, единому, молился, когда с ними входил в общение. И сейчас ничем не смущайся. Иди смело и легко к той, что сердце твое назвало матерью. Доверься мудрости сердца и миру его, неси радость Тому, что живет в оболочке женщины. С этого дня перестань думать, что есть разобщенные, отдельно существующие люди. Есть единая мировая душа, что живет во всех формах земли. Не зри своей особой задачи в том, чтобы поклониться своим трудом всем этим формам.

Но легко и просто молись Единой Душе во всех встречаемых ее воплощениях. В минуты смущения и неуверенности всегда зови меня, чтобы скоро кончались эти минуты. Каждая такая минута засоряет выход чистой силе из твоего сердца, и нарастают вокруг твоего сердца корочка и узелки. И какими бы короткими и поверхностными ни казались тебе мелькнувшие минуты сомнений, трудность выхода из сердца доброте так ощутима, как будто между тобой и человеком легла перегородка.

Иди весело. Не отталкивай людей, не отказывайся выслушивать их мнения, но улыбайся им, как детскому лепету, когда видишь их неразумие, их полное незнание истинной сути вещей. Доброта, поданная тобою как молитва, как поклон Единому в человеке, проникает не в те видимые оболочки, что доступны разложению и смерти, но в то Вечное, что неизменно и что ты восхваляешь, радуясь, что мог подать встречному свою Доброту. Проходи свой день труда легко всюду, где остановит тебя встреча, и знай, что день был, если твоя улыбка привет помогла расшириться и светлее засиять Единому во вселенной от твоей встречи с человеком. Не важно, как засветился круг Единого шире на земле. Не важно, чем помог ты людям шире проявить его, — важно, что твоя Доброта вызвала к деятельности Доброту соседа.

Живи же отныне не в границах одного места или времени, где все подвержено изменению, разложению и смерти. Но во всей вселенной, всюду поклоняясь Неизменному, что живет внутри всякой видимой формы. Будь благословен, сохраняй спокойствие при всех обстоятельствах жизни и передавай каждому — без слов и наставлений, — свою молитву к Его Единому. Перед тобой бесчисленные миры, которых ты не видишь. И во всех этих мирах бесчисленны формы, на них живущие.

Никогда не забывай благословить все миры и послать привет каждому

светлому брату, где бы он ни жил и какова бы ни была его форма труда и действия. Твоя молитва, твой поклон огню человека не зависят ни от места, ни от времени, но только от твоих чистоты, бесстрашия и доброты.

Проснулся средний брат, точно живой росой его сбрызнуло, так ему стало легко и весело. Все его сомнения показались ему смешными, и пошел он дальше, глядя на встречаемых людей иными глазами. Должно быть и люди стали воспринимать юношу иначе, ибо никто не зазывал его к себе и не называл его больше ни чудачком, ни странным. Никто не уговаривал остаться и отказаться от замысла идти в страшный город. Признавали его задачу и только еще внимательнее становились к нему люди, и все чаще чья-то милосердная рука совала ему скромный узелок, а губы застенчиво шептали: "Прими, Бога ради. Не обессудь, что мало, может, пригодится". И чаще всего то были цветущие девушки и дряхлые старики.

Наконец дошел до города средний сын, разыскал дом, где решил служить помощью и радостью своей названной матери. Вошел он в этот дом, твердо помня слова своего отца, явившегося ему во сне.

Едва войдя в дом, он увидел в сенях женщину, еще не старую, красивое лицо которой было измощено болезнью и скорбью.

— Здравствуй, мать, я пришел к тебе вместо сына, которого ты потеряла. Прими меня вместо него и разреши помогать тебе в работе.

— Бог с тобой, юноша, понимаешь ли ты, что говоришь? — с испугом отвечала женщина. — Дом мой заражен, болезнь перебросилась на наш квартал. Правда, на этот раз умирает мало народа, но болезнь тянется много недель и истощает людей все равно до смерти. Уходи скорее. У меня нет сил даже говорить с тобой. Я ничего не могу тебе дать, потому что там, куда пришла болезнь, все опасно, все грозит заразой.

Говоря, женщина тяжело дышала и с последними словами так сильно пошатнулась, что едва не упала. В одно мгновение сбросил юноша котомку с плеч, подхватил женщину на руки и сказал:

— Ничего не бойся, мать. Скажи только, куда тебя отнести, и будь спокойна. Я вовремя пришел, чтобы выходить тебя.

С трудом подняв руку, женщина молча указала юноше на дверь в комнату. По лицу ее катились слезы, когда неожиданный гость укладывал ее на смятую постель, очевидно, давно не перестилавшуюся. Воздух в комнате был тяжелый и спертый, на полу, также давно не метеном, валялось много сора. Юноша открыл окно и, улыбаясь плачущей женщине, сохранял полное спокойствие.

— Не плачь, мать, я сказал тебе, что пришел выходить тебя. Вот я сейчас накормлю тебя. Точно знали добрые люди, как скоро понадобятся

мне их дары. Сейчас я тебе сварю молочной каши и яичко. Скажи только, есть ли у тебя печь? — спросил он, оглядываясь по сторонам и не видя никакого намека на печь.

Женщина указала ему на тяжелый пестрый занавес в дальнем углу комнаты. Отдернув его, юноша увидел маленькую печь, рядом дрова и кучу мусора. Быстро разведя огонь, он сварил пищу, накормил больную, которая поела и тотчас же заснула.

Воспользовавшись ее сном, гость убрал комнату, вынес мусор и ведра с застоявшейся водой, привел все в порядок в сенях и сел у кровати, ожидая пробуждения своей названной матери.

Мысли его вернулись к словам отца. Он вспомнил свой родной дом, сравнил слова отца с его собственной жизнью, год за годом внимательно рассмотрел поведение своего отца и убедился, что сам отец жил именно так, как говорил ему во сне. Он силился вспомнить хоть раз раздраженное или сердитое лицо отца, хоть одно слово, сказанное в повышенном тоне, но ничего, кроме всегда приветливых слов, иногда добродушно-юмористической улыбки, вспомнить не мог.

Он стал внимательно вглядываться в лицо спящей. Как много страдания и беспокойства лежало на этом стареющем лице! Юноша от всего сердца пожалел бедную женщину и мысленно сказал себе: "Я буду любить тебя всем сердцем, я буду жить у тебя, как будто отец мой рядом со мной, как будто самое главное дело моей жизни — заменить тебе сына и пробудить в тебе радость. Я буду жить подле тебя так, чтобы сердце твое отдохнуло, чтобы расширился Свет в тебе. Я буду стараться передать тебе твердость и уверенность, что отец мой рядом, что он видит, слышит все, что делаем мы.

Я буду усердно служить тебе, и ты убедишься, что не только кровная связь радует людей. Убедившись, ты и сама найдешь новую цель жизни в отдавании людям простой доброты. Тогда я пойду дальше, и не будут тебе нужны ни костыли, ни подпорки.

Они нужны человеку до тех пор, пока он думает о себе. Как только перестанет о себе думать и при всякой встрече первой его мыслью будет нужда встреченного человека, так легко и весело побегут дни и радость зазвенит в сердце".

По мере того как углублялся так в самого себя сын, мысль его все теснее сливалась с отцом, и ему стало казаться, что не сам он говорит себе, но снова отец его посылает ему свое благословляющее слово. И такой радостью, таким спокойствием наполнилось существо юноши, что, как ему показалось, счастливее дня он за всю жизнь еще знал. Он улыбнулся мнениям встречавшихся ему по дороге людей, говоривших ему о тяжелом и

страшном подвиге, что он берет на себя. Не подвигом он ощущал свою настоящую жизнь, но торжествующей радостью.

Он снова поглядел на лицо спящей и заметил, что выражение его стало иным. Вместо скорби и беспокойства лицо дышало примиренностью и спокойствием, тем спокойствием, которое дает начало радости. Не успел юноша удивиться такой перемене, как женщина шевельнулась, открыла глаза и, улыбнувшись, протянула руку.

— Неужели же это действительность? Неужели ты подле меня, мой сын?

— Я давно уже караулю твой сон, мать. В последнюю минуту мне показалось, что ты лучше себя чувствуешь, что болезнь тебя меньше мучает.

На лице больной мелькнуло какое-то разочарование, снова облако печали легло на него, но она сделала над собой усилие, приподнялась, протянула гостю обе руки и сказала:

— Прости меня, глупую. За все время со дня смерти сына я в первый раз видела его во сне. И так живо он не представился, что я спутала его с тобой и, проснувшись, не сразу поняла, где кончалась иллюзия сна и где начинается действительность.

Поэтому я не сразу улыбнулась тебе, такому доброму и ласковому. Но ты ведь сам понимаешь, что такое для сердца матери собственный сын. Я постараюсь в дальнейшем быть тебе благодарной, как только смогу.

— Полно, мать. Не думай о благодарности мне, как не думай и о смерти сына. Ты только представляй себе, что он живет и думает о тебе точно так же неотступно, как ты о нем. Ну каково же ему видеть твои слезы, твое беспокойство, твои муки?

Ты не сознаешь, а если вдумаешься, то выйдет, что сын твой виноват в твоей муке.

Оплакивая его, ты его обвиняешь в своих мучениях. И все твои слезы так струями и бегут по его сознанию, по его теперешним делам и кладут на все отпечаток скорби.

А между тем тебе бы следовало свидетельствовать перед всеми, как чист и свят он был в своей любви к тебе, как оберегал тебя, как старался наполнить каждый твой день весельем и миром. Старайся теперь доказать всем, что он недаром жил подле тебя, что в твоём сердце осталась вечная память о его трудах для тебя и что не слезами и унынием ты хочешь поблагодарить его за его жизнь с тобою, но своим трудом для близких. Тем счастливым и спокойным трудом, который он недоделал, уйдя так рано. Но который за него доделаешь ты. Думай о его освобождении, о том, что

помогаешь ему освободиться, а не о своей печали. Сколько бы ты ни спрашивала мать-Жизнь и всех мудрецов, почему, зачем умер твой сын таким молодым, — ты не можешь получить ответа, потому что глаза, которые плачут, не могут увидеть истины. Плачут всегда о себе, хотя бы и искренне думали, что плачут о других.

— Мне никогда не приходила в голову мысль, что мои слезы могут беспокоить и мешать моему сыну, друг мой. Но сейчас меня точно озарило, как молния пронзила мысль, что между людьми существует живая связь, хотя они и не видят друг друга.

Спасибо тебе. Будь же мне сыном, что мне послала судьба. Не раз я думала, что, если бы Милосердие послало мне юношу, который захотел бы быть мне сыном, я знала бы, что я прощена, что я могу надеяться искупить всю неправду моей жизни. Я по-новому старалась бы любить посланного сына, по-новому передавала бы ему все силы сердца и мыслей, в его лице я благословляла бы Божий мир. А сейчас, когда ты пришел, я ничем, кроме тоски и слез, тебя не встретила, — все плача говорила женщина.

Нежно погладил сын протянутые ему руки и ответил:

— Как бы ты ни поступила, — уже улетело время и унесло твой поступок. Если в эту минуту говоришь, что поняла духом, как надо действовать в жизни, зачем же нам с тобой так много говорить о прошлом? Вставай, выздоравливай, и будем оба каждый день приносить во все дела уверенность, что именно данное текущее дело и есть самое важное и самое главное. Будем его делать со всем полным вниманием и добротой, а остальное пусть складывается как возможно легче для всех. Не будем тратить время на слова. Я вижу, у тебя нет дров и воды. Скажи мне, где их взять, чтобы было на чем сварить пищу.

— Я все тебе объясню. Но скажи, как мне тебя звать? Моего дорогого сына звали Борис.

— А меня зовут Глеб. Вот и выходит, что я сыну твоему брат, — смеясь ответил юноша.

— Как странно, мой новый и дорогой сын Глеб, — задумчиво сказала мать. — С самого детства часто говорил мне мой Борис, что у него непременно будет брат Глеб. Но не родила я ему брата, а Жизнь-матушка послала ему Глеба, да только тогда, когда его уже нет. — И снова покатились ручьем слезы по щекам женщины.

— Снова ты плачешь, мать. А ведь уж как ему, Борису, наверное, больно сейчас. И желание его исполнилось, и не одна ты сейчас, а все не можешь послать ему улыбки радостного приветя, чтобы ему было легче. Как думаешь? Мы с тобой только что решили, что будем жить весело, чтобы

каждому было возле нас проще, легче и веселее. А вот тому, кого зовешь самым первым, самым близким и любимым, его ты сейчас снова огорчила, ты отяжелила его путь, создав из своих слез новое болото вокруг него и себя.

— Не буду больше плакать, Глебушка. Вот видишь, там, подальше, сарай. В нем дрова сложены, только наколоть надо помельче. А как обогнешь сарай, увидишь ручей с маленьким водопадом. В нем чудесная вода. И вид с того места — просто загляденье, его Борис очень любил.

Глеб взял ведро и сделал вид, что не заметил, как при последних словах украдкой отерла мать слезу...

И потекли тихие дни Глеба. Через несколько дней он привел весь дом в порядок, починил крышу, наладил все хозяйство, и день за день все здоровее становилась мать. Все реже и реже лились ее слезы, все веселее становилась ее лицо, все бодрее звучал голос. Но привычка бояться людей, создававшаяся за годы несчастий, выпавших городу и лично ей, все так же крепко держала ее в цепях...

Немало усилий положил Глеб на борьбу со страхом матери. Но все же одолел и это препятствие и уговорил ее раскрыть ворота, раскрыть постоянно запертые двери и окна дома и позволить людям приходить к ним.

— Подумай, мать. Зачем ты прожила сегодняшний день? Чтобы бояться? Тогда ты смело могла и не занимать места на земле. Ты боишься, значит, ходишь в смерти, а не в жизни. Ты не подала привет доброты ни одному человеку — значит, только одна смерть жила в тебе и ты в ней. А должен быть твой привет людям: Жизнь с Богом и для Бога. Если не было людям привет, ничего кроме смерти для тебя и не было в дне, чего тебе ее бояться? Бояться ее тебе нечего, потому что ты и не жила в этот день.

Постепенно, пережив все стадии страха, доходя не раз до отчаяния от смелого поведения своего нового сына, входившего без страха в больные дома, упрекая Глеба, что судьба послала его ей в помощь, а он и не думает о ней, с большим трудом и страданиями сбрасывала с себя мать жгущие кольца страха.

— Я и вообразить себе не могла, какое счастье жить на земле, когда сердце свободно от страха, когда легко и спокойно работаешь, — сказала однажды Глебу мать. — Когда ты мне говорил, что важно только то, что и как ты делаешь сейчас, мне казалось, что ты просто еще дитя и в голове твоей живут одни детские мысли.

Что самое важное для человека серьезного и практичного — это позаботиться о своем и близких «завтра». Недавно я поняла, о чем ты

говорил, утверждая, что жизнь — это «сейчас». Только твое «сейчас» объяснило мне, как надо освобождать сердце и мысли, очищать их именно сию минуту, потому что следующая минута рождается из текущей.

— А текущая темнит те глаза, что плачут, и не дает им видеть ясно, — рассмеялся Глеб, обнимая мать.

— Нет, сынок, глаза уже не плачут и видят все яснее, как им трудиться, чтобы становиться силой для радости.

Дни текли, и в городе завелось много друзей у матери и ее приемного сына. Не было просьбы, в которой отказал бы соседям приветливый дом. Не было сердца, которое не унесло бы утешения из дома прежних скорбей и слез, ставшего теперь домом мира. Каждый, уходя из него, думал: "Вот, наконец нашел я себе верных друзей".

И в сердцах многих новых знакомых Глеба точно таяли какие-то перегородки, мешавшие им до сих пор быть простыми с людьми. Одни прежде всегда думали, как сохранить свое достоинство во встречах с людьми; другие старались всеми силами быть полезными своим близким; третьи верили твердо в Бога и хотели учить всех встречных, как им надо жить, их собственными идеалами меряя каждого; четвертые, стремясь, чтобы их время не пропало в пустоте, в каждом своем слове и движении стремились воспитывать людей, думая, что именно в этом наибольшая заслуга, а простая и легко даваемая доброта не шла из их сердца. Все что-то мешало ей литься. И только со встречи с Глебом многие поняли, что не люди встречные мешали им быть добрыми, а в них самих лежали пластины условности, на которых они сами записывали так или иначе образы своих встречных, видя в них не Вечное, но преходящее.

В каждом сердце становилось светло и радостно, как только оно видело, что мешало в нем самом простоте его отношений с людьми. Многие, многие, говорившие прежде: "Да откуда ее возьмешь, радость-то?", — теперь улыбались своему прежнему невежеству, которое было единственной причиной их неполноценно прожитого дня.

Мысли Глеба часто возвращались к моменту разлуки с братьями. О старшем брате он не беспокоился. Он в прежние годы видел его неизменное спокойствие во всех обстоятельствах жизни, сам чувствовал и на других наблюдал, как в каждом человеке укреплялся его мир сердца подле Александра. Он был уверен, что тот не только выполнит, но и превзойдет заданную ему задачу. Но мысли о брате меньшом, красавце-певце, бередили сердце, составляя его единственное волнение. Как будет жить красавец-мальчик в огромном городе один? Будет ли его дивная песня достаточным оружием для его единения с людьми? Ведь не все любят

песни, не всем они нужны и не все могут откликнуться на этот язык любви.

А младший брат, ушедший первым, последним пришел в незнакомый огромный город.

Шел он всех дольше, так как в первую же ночь встретил трех бездомных спутников, к которым и присоединился.

Не успел он отойти и пяти верст, как услышал в темноте спустившейся ночи чей-то тихий плач, как показалось ему, детский. Остановился путник, послушался и пошел, свернув с большой дороги, к кучке деревьев. Ему навстречу выскочила небольшая собачка, обнюхала его, подпрыгнула, лизнула ему руку и, заскулив, побежала вперед, как бы приглашая его следовать за собою. Идя за собакой, под кущами какого-то цветущего ароматного растения он увидел девочку лет десяти, державшую на коленях голову ребенка и горько плакавшую.

— О чем ты плачешь, милая девочка? — спросил он, наклонившись к девочке и ласково касаясь рукой ее головки.

Очевидно, во всей полноте своего горя ничего не слышавшая и не видевшая девочка вздрогнула, открыла свое заплаканное личико, по которому катились ручьем горькие слезы, освещенные лучом проглянувшей среди туч луны и сказала:

— Мой братик умирает, взгляни, он уже ничего не отвечает мне. А без него и я, и наша собачка Беляночка тоже умрем. Мы только тем и жили, что братик мой играл на скрипке, я пела и танцевала, а Беляночка прыгала и делала фокусы, которым мы с братом ее научили. Сегодня нам не посчастливилось. Мы ничего не заработали, и никто нас не оставил ночевать. Я думала, что мы доберемся до города засветло, но братик мой так ослабел, что едва шел, и ночь застала нас здесь.

Все это говорила девочка, рыдая, и едва можно было разобрать ее лепет. Путник сел на землю рядом с ней, расстелил свой теплый плащ, положил на него бедного мальчика, подложив ему под голову свою маленькую подушечку, что велел ему отец взять с собой из дома и которой брат он не хотел, считая себя выше предрассудка нужды в дорожной подушечке. Теперь он улыбнулся, укладывая на нее голову ребенка, и мысленно поблагодарил отца, которому пришлось дважды повторить это свое распоряжение.

Прислушавшись к слабому, но ровному дыханию мальчика, он ласково сказал все продолжавшей плакать девочке:

— Не плачь, девочка, твой брат не умер, он просто устал от голода и труда. У меня есть молоко, хлеб, яйца. Сейчас все вы будете сыты. Ты выпей пока молока холодного, поешь хлеба и покорми Беляночку. Я

попробую собрать сучьев и веток, разведем костер, сварим твоему брату и всем вам кашу. Забудь о своем горе.

Теперь я с вами, и все будет хорошо. Ты ведь девочка мужественная, вот и не подавай примера слез никому. А то проснется брат твой и тоже начнет плакать, а Беляночка и без того, видишь, скулит. Мужайся, оботри слезы и покорми скорей собачку да сама кушай.

Юноша встал, чтобы пойти за сучьями для костра, но его удержала за платье маленькая детская ручонка.

— Ты ведь от Боженки к нам пришел? Ты ведь Ангел спасения? Ты ведь теперь не уйдешь от нас? Не оставишь нас одних? — робко спрашивала девочка.

Весело засмеялся юноша наивности ребенка, пожал трепетную ручку, поласкал головку ребенка и ответил:

— Верь, верь всей душой, крепко, до конца, что нет брошенных людей на свете. Все найдут свое счастье, если будут идти, честно трудясь. Верь, как умеешь. Это не важно, кто я сам по себе. Важно, чтобы встреча со мной принесла тебе радость и чтобы ты и твой брат стали бодрее, веселее и счастливее. Кушай, корми собачку и ни о чем больше не думай. Раз я сказал, что иду за дровами, я их найду, и мы будем варить ужин. Смотри же, не плачь.

Вскоре ночной покровитель вернулся с дровами, весело запыхавшись, согрел детей и собачку, и когда проснулся мальчик, ему была готова теплая каша.

От удивления голодный ребенок долго не мог понять, что видит горячую кашу с маслом не во сне. А сам Ангел спасения, отказавшийся было взять в дорогу запасы, был благодарен своим братьям, настоявшим на этом, и радость его была не меньше, чем счастье его голодных спутников.

Когда согретые и сытые, завернутые в теплый плащ бедные бродячие музыканты заснули вместе со своей собакой, прильнув к своему спасителю, сам спаситель стал обдумывать свой дальнейший план действий. Как кстати пришлась первая встреча! Никому не сумел бы он быть так полезен своей лирой и песнями, как этим нищим бедняжкам.

Вспомнил он о своем доме, о своем отце, веселом детстве, о своей сестренке. Как часто он стремился научить и развлечь ее своими песнями! Но каждый раз она с досадой обрывала его, говоря, что детские развлечения ей надоели, что в их доме так много поют и смеются, что ей уже опротивели и песни, и смех.

Вспомнились ему и слова отца, которые он нередко говаривал, поглядывая на хмурое личико дочери: "Бедное дитя! Только злые не ведают

ни песен, ни смеха".

И сейчас припомнил путник, как томился отец, видя вечно нахмуренное лицо дочери.

Сейчас он вспомнил, окруженный успокоенными и утешенными им бездомными сиротами, свое последнее свидание с сестрой, свою скорбь и слезы о разлуке с нею, любимой, и свою боль сердца, разочарование и удар, что причинили ему ее слова.

— Ах, если бы я мог всю свою жизнь нести людям успокоение и радость, как в эту минуту. Если бы в мыслях людей оставались уверенность и бодрость от встреч со мной, как в этих маленьких сердцах, что прильнули ко мне в эту первую ночь. Да будет благословенна моя встреча! Встает солнце! Я воспою эту первую встречу, пусть мое славословие летит в мир, быть может, кому-то станет легче от моей песни. Услышь меня, мой мудрый отец, благослови и наставь к новой жизни! И, взяв свою лиру, взглянув на мирно спавших у его ног детей и собаку, юноша запел, неся свой привет расцветающему дню. Обо всем он, казалось, забыл. Он жил только всей силой мысли в этот момент в красоте, он молился об одном: жить, объединяя людей в красоте, будить в сердцах необходимость в ней, необходимость трудиться в гармонии.

Окончив песнь, путник оглянулся вокруг и увидел, что с обеих сторон возле него стоят на коленях дети, сложив ручонки, как для молитвы, а у самых ног его стоит собачка, поднявшись на задние лапки и умильно помахивая передними. Веселый путник готов был уже рассмеяться, как услышал голос девочки:

— Теперь я уже совсем знаю, дядя, что ты Ангел спасения. Только ангел и может так петь. Ах, если бы мне перенять от тебя эту песню! Уж, наверное, люди всегда давали бы нам хлеба и не выгоняли бы нас на ночь из дома. Как ты думаешь, Монко, смогу я перенять песню? — обратилась она к брату.

— Нет, Фанни, так ты спеть никогда не сможешь, — ответил мальчик. — Но ты не огорчайся, я всю песню запомнил, я буду ее играть людям на скрипке, а дядя скажет тебе слова, и ты будешь петь ее по-своему. Дядя, ангелы не рассердятся, если мы будем твои слова петь? — с большой серьезностью спросил он их нежданного спутника.

— Глупенькие мои детки, не вбивайте себе в голову сказок, — весело смеясь, ответил тот Монко. — Жизнь не сказка, и вы очень хорошо это знаете по собственному опыту, хотя короткому, но печальному. Я такой же человек, как и вы, у меня также нет дома, как и у вас, и я иду таким же бродячим музыкантом, как и вы, без денег и хлеба. Жизнь, которая всегда

знает, что она делает, послала вам меня, а мне вас, чтобы нам легче и проще было жить на свете. Выбросьте из своих милых головок всякие бредни о путешествующих и спасающих ангелах и крепко верьте, что все ваше спасение, как и вся ваша жизнь, в ваших собственных руках.

Если вы будете бодры, не будете плакать от тяжелого труда, а будете радостно трудиться, ваша жизнь будет самая счастливая. Не будем тратить попусту времени, наберем дров, у меня есть еще кофе и немного молока, сварим завтрак и решим, как нам жить дальше. Сегодня Монко должен еще отдохнуть, но завтра мы пойдем по большой дороге. Я уверен, что мы кое-что заработаем и не будем голодать. За этот день отдыха мы составим новую программу, после завтрака подумаем внимательно о ней; а сейчас — за работу.

Весело стала новая музыкальная артель собирать шишки и хворост для костра, так как деревья оказались небольшим леском. Время для детей и носившейся по лесу Беляночки мелькнуло, как самый веселый праздник. Им казалось, что минут счастливее этого утра они не знали. Накормив свою новую семью, юноша сказал:

— Ну-ка, братишка, сыграй мне мою песню на своей скрипке, я увижу, хвастал ли ты или ты взаправду артист.

— О, дядя, если бы ты знал Монко, ты бы так не сказал, — укоризненно прошептала Фанни.

Мальчик молча вынул свою скрипку, оказавшуюся настоящей большой скрипкой для взрослого человека, настроил ее особенно нежно, точно живое существо, погладил ее и сказал с необычайной серьезностью, поразившей юношу:

— Это скрипка отца. Он играл прекрасно, но говорил мне, что я играю лучше него.

Иногда, когда я играл, он плакал и говорил: "Боже мой, чем же я так согрешил перед Тобою, что не имею возможности послать учиться это гениальное дитя?" Но, так как Фанни говорит, что ты Ангел спасения, то уж ты сам поймешь, прав ли был мой отец и надо ли мне где-нибудь учиться.

Монко заиграл, и путник узнал в звуках ту песнь, что он пропел утром навстречу солнцу. Но для его ушей она звучала странно. Он как автор ее почти не узнавал.

Песнь была та и не та. Мальчик передавал ее так своеобразно, что она показалась певцу гораздо лучше в его передаче. Трудно было поверить, что поют ее маленькие пальчики ребенка, а не волшебное существо, у которого особая свирель, умеющая петь человеческим голосом. Только слов не

хватало песне Монко и все сердце юноши она заполнила. Он сидел очарованный, не сводя взора с серьезной, углубленной, хрупкой фигурки ребенка, углубленного в самого себя.

Когда маленький музыкант кончил играть, он робко посмотрел на своего покровителя и снова тихо спросил:

— Как же ты думаешь, Ангел спасения? Достоин ли я учиться? Послал ли мне Бог встречу с тобой, чтобы ты стал нашим общим покровителем и помог нам с сестрой сделаться артистами? Если бы ты только слышал, как поет и танцует Фанни, ты бы, наверное, был милостив к нам. Ты молчишь. Разреши, я еще сыграю, а Фанни споет и станцует. Быть может, хоть ее ты сочтешь достойной учиться, дорогой, милосердный Ангел спасения.

До глубины сердца растроганный, юноша вскочил, поднял, как перышко, мальчика, прижал его к груди и несколько раз горячо поцеловал:

— Ты не только отличный скрипач, ты чудесный музыкант, дорогой мой мальчик, моя радость, незаслуженно посланная мне жизнью чудесная встреча. Я даю тебе слово, что ты будешь учиться у самого лучшего учителя, хотя бы для этого пришлось море переплыть.

Он опустился на землю, усадил мальчика и девочку с Беляночкой к себе на колени и, лаская всех троих найденышей, продолжал:

— Прежде всего, родные мои детки, запомните твердо, раз и навсегда: я такой же человек, как и вы, и ровнешенько так же, как и вы, никогда не видел ангелов и не бывал в их обществе. Теперь я ваш старший брат и должен заменить вам отца, как смогу и сумею, и этот вопрос кончен. Жизнь не сказка, все на земле трудятся, будем трудиться и мы. Надеюсь, что вместе со мною вам будет легче и веселее.

Сейчас мы обдумаем, какую нам приготовить программу, чтобы нравиться людям и иметь всегда хлеб и ночлег под крышей. Здесь проходит большая дорога, мы дойдем до ближайшего городка, где останавливаются проезжающие, и там дадим наше первое новое представление, которое сейчас обсудим и придумаем.

Довольно скоро сыгрались и спелись три артиста, но на четвертого — Беляночку — пришлось потратить немало труда всем троим. В конце концов, усердный пес понял свою роль во всех деталях, и вновь сформированная труппа, дав отдохнуть Монко, двинулась в путь.

— Дядя, постой, — остановила всех Фанни. — Если ты говоришь, что ты не дядя Ангел и не хочешь, чтобы мы тебя так называли, то скажи нам свое человеческое имя, а то нам никто не поверит, что ты нам брат.

— Мое имя Аполлон, зовите меня братом Аполлоном, как меня всегда звали в моей семье, — ответил юноша, торопя своих спутников, так как

солнце уже было высоко.

В ближайшем городке новая музыкальная семья имела большой успех. Был базарный день, многие были хорошо настроены из-за удачных сделок и щедро одарили за песни и пляску красивых детей и их молодого опекуна.

Давно уже дети не были так веселы и сыты, как в этот день, давно не спали на чистом белье и постелях, на которых сегодня радостно отдыхали, так как их заработок позволил им снять отдельный номер. Через несколько дней они уже щеголяли в новых платьях и башмаках, всегда теперь сытые и уверенные в себе. Все три маленьких артиста души не чаяли в Аполлоне. Иногда только, робко прижавшись к своему покровителю, лаская его своими ручонками, они застенчиво шептались:

— Ты ведь, брат Аполлон, никогда нас не оставишь? Без тебя мы теперь уже не можем жить.

— Я вас приведу в большой город. Там вы оба будете учиться, а я буду петь людям и зарабатывать деньги вам на ученье. Вот пока для всех нас и программа. Зачем вы так часто думаете о том, что будет дальше! Ваша короткая и тяжелая жизнь должна была научить вас, что ни одно «завтра» нам неизвестно, а есть только «сегодня».

Радуйтесь, пойте и играйте, учитесь прилежно, вот и все.

Погода благоприятствовала юной труппе, не раз им делали заманчивые предложения всякие предприимчивые люди, многие старались сманить детей у Аполлона, суля им исподтишка золотые горы, но никто не смог оторвать их сердец от Аполлона, да и жила в них одна мечта — учиться. До большого города оставалось все меньше верст, у каждого из артистов завелся тугой кошелек, потому что они усердно работали, все больше расширяя свою программу, всюду имевшую успех.

— Знаешь, брат Аполлон, — сказал однажды Монко. — Хотя я и убедился, что ты никогда не говоришь неправды, но все-таки я не могу тебе поверить, что ты не Ангел. Ты такой добрый и так поешь, что весь человек тонет куда-то, слушая тебя.

Вспомни, пожалуйста, ну, наверное, кто-нибудь, какой-нибудь дедушка или бабушка твои были в родстве с ангелами. Ну вот хоть столечко, такое маленькое-маленькое родство да было у тебя с ними. Вспомни, я тебя очень прошу, наверное, ты забыл, — умилительно показывая крошечный кончик своего мизинца, говорил Монко.

Аполлон, шутя и весело смеясь, отвечал:

— Видишь ли, когда ты играешь песни своего отца, то не только весь человек куда-то тонет, но и вся вселенная вместе с ним точно исчезает. Твои звуки заставляют всех умолкать: и птиц, и собак. Но я тебя не

подозреваю в скрытности и не думаю, что ты прячешь от меня свое ангельское происхождение.

— О, я-то человек, самый простой человек. Как помню себя, отца и мать, — всех нас всегда преследовали люди за нашу веру. Только я тебе не могу объяснить, какая такая наша вера и почему за нее нас люди обижали. Иногда отец утешал нашу бедную маму и говорил ей: "Не горюй, Гарань. Это слепцы, полные суеверий. Иди честно, не сворачивая с дороги, и жизнь воздаст если не нам, то детям нашим. Ты до конца верь и, вместо того чтобы плакать, улыбайся невежеству тех сердец, что, преследуя нас, думают угодить своему Богу".

Помолчав, Монко робко прибавил:

— Я думаю, что отец не ошибался. Мы тебя встретили, значит, жизнь вознаградила нас вместо них. Я верю, что ты устроишь меня учиться, и я буду артистом, как говорил мне отец.

— А я буду учиться танцевать. Ничего на свете я не хочу, только танцевать, — сказала Фанни, бросаясь на шею своему названому старшему брату Аполлону.

— Не знаю, правда ли это, что ты хочешь только танцевать, милая моя сестренка, потому что ясно вижу, как сейчас ты хочешь только сладко спать, — укладывая смеющуюся девочку в постель, сказал Аполлон. — Спите, детки, завтра у нас трудная программа. Не забудьте, что завтрашнее представление — наша репетиция перед большим городом. Там мы должны привлечь к себе внимание, чтобы хорошие учителя захотели вас учить. Отдыхайте, наберитесь сил, чтобы завтра быть бодрыми и свежими, а я пойду пройтись.

Поручив своих детей надзору коридорной женщины, Аполлон вышел из дома и присел в саду на одной из самых отдаленных скамеек. Ему хотелось побыть одному, подумать обо всем, что с ним за это время произошло. Только что он начал вспоминать о своих братьях, которых так давно не видал и о которых не имел никаких вестей, как послышались шаги, и к нему быстро подошла укутанная в шаль женская фигура.

— Я не видела, как наконец ты вошел один, без твоих несносных ребят, вечно на тебе виснувших. Не вздумай меня обманывать. За тобой я слежу уже целый месяц и узнала всю твою историю. Люди рассказывали мне, что дети пристали к тебе в дороге, а вовсе они тебе не родня, как ты всем говоришь. Я хочу поговорить с тобой очень серьезно о твоей судьбе. По всем твоим манерам видно, что ты очень хорошего происхождения и никак не можешь быть бродячим музыкантом. Я не знаю, что тебя толкнуло на этот путь, но думаю, что не ошибусь, предположив, что неудачная любовь

заставила тебя скрываться и скрыть свое имя. Но возможно, что твоя неудачная любовь и не так неудачна, как тебе это кажется. Ты не мог не заметить, что я и мой отец всегда, когда можем, стараемся бывать на твоих представлениях и сидим на самых ближних скамьях, и мы бываем самыми щедрыми из всех твоих слушателей. Я умышленно задерживаюсь повсюду, чтобы дать тебе возможность нас догнать. Мой отец меня обожает и сделает для меня все. Но мое внимание к странствующему певцу, внимание богатейшей невесты в округе к человеку неизвестному ему не по вкусу, как и мне самой. Я пришла, чтобы сказать, что интересуюсь твоей судьбой. Поступай приказчиком к отцу, хотя он характера и гордого, но я его заставлю приглашать тебя к нашему столу, и мы с тобой будем часто видаться без помехи. Послужишь приказчиком, выразишь усердие к делам отца, станешь старшим, тогда я дам тебе потихоньку от отца денег, ты сделаешься компаньоном, ну, а тогда можешь просить меня в жены. Но я требую, чтобы ты оставил своих противных найденышей. В нашем огромном городе есть много монастырей, можешь их туда определить. Денег на их воспитание там я тебе дам.

Теперь отвечай скорее, согласен ли ты на мои условия. Твой пылкий взгляд я много раз ловила на себе, я знаю, что я прекрасна и не влюбиться в меня трудновато. Не смущайся огромностью расстояния между нами. Если я чего захотела, я всего добьюсь. Предоставь все мне в нашем вопросе. Я знаю, как тебя должно было поразить это свидание. Понимаю твое смущение и молчание. Но не бойся, хотя я и царица здешних мест по красоте и богатству. На то я и царица, чтобы презирать общее мнение и поступать как мне нравится. Отвечай скорее, отец может каждую минуту вернуться из кабачка, где он любит посидеть вечером с приятелями.

Девушка сбросила шаль и придвинулась ближе к Аполлону. Аромат ее черных кос и сверкающие перстни на руках, черные глаза, вся гибкая фигура, даже голос, резковатый и властный, как все было похоже на его сестру! Юноша, в течение речи своей собеседницы несколько раз красневший и бледневший от оскорбленного мужского достоинства, вспомнил о своем отце, вспомнил, зачем и куда он шел, встал, поклонился незнакомке и в полном самообладании ответил:

— Я очень тебе благодарен за твое внимание к моей судьбе. Но ты ошиблась во всем. Я ушел из дома не от неудачной любви, а по делу и поручению моего отца. Я не оставляю детей, так как дети эти мои самые настоящие брат и сестра, и их судьба — моя судьба, а от своей судьбы уходить не приходится. Я плохой торгош вообще. А любовью торговать и вовсе не сумею. Кроме того, не женщины занимают мой ум и мое сердце,

но тот Божий путь, о котором ты, очевидно, и понятия не имеешь. Я тебе наименее подходящий из всех мужей, кого ты только могла выбрать...

Девушка вскочила как ужаленная, снова закуталась в шаль и свистящим, бешеным шепотом перебила Аполлона:

— Жалкий нищий! Фигляр! Я отомщу тебе жестоко. Ни гроша не заработаешь в нашем городе, подымай с голоду. Я отомщу тебе так, что до смерти помнить будешь.

— То воля Бога надо мной твоими руками свершится, если я такой кары заслужил. Но в моем сердце нет к тебе зла и не будет. Живи, всегда благословляемая мною, сколько бы зла ты мне ни сделала. Бог живет и в тебе, как во всяком существе, и рано или поздно ты Его в себе узнаешь непременно.

Что-то вроде удивления мелькнуло на лице девушки. Но она ничего не сказала, резко засмеялась, чем снова напомнила ему сестру, и скрылась во тьме.

Аполлон прошел еще дальше в глубь сада и сел в самой густой тьме, где его никто не мог увидеть. Какой-то разлад он чувствовал в себе. В нем не было тоски или уныния, но мысли об отце, о своем одиночестве без него, точно стон и жалоба, неслись из его сердца..." Унесшиеся мыслями за героями сказки, Бронский и Левушка вздрогнули от раздавшегося в дверь стука. Голос Яссы говорил:

— Я уже вторично вас зову. Пора в столовую.

С удивлением закрыл книгу Левушка и, взглянув на Бронского, прочел и на его лице не меньшее удивление.

— Как странно, Левушка, я только что сосредоточился, а выходит, что надо кончать. Куда же девался день? — удивленно сказал Станислав.

— Очевидно, я так медленно перевожу. Хотя только сейчас чувствую, что у меня затекли ноги и одеревенела спина.

Друзья подошли к двери, и Бронский внезапно остановился, точно стукнулся о невидимую стенку. Левушкино лицо просияло, и он сказал:

— Нас задерживает огненная надпись. Вот теперь она сложилась вся: "Мир в сердце — не принесенный с собою на землю дар самообладания. Но из самообладания и бесстрашия выросшая мудрость человека.

Раскрыть в себе какое-либо свойство или талант — значит освободить в себе тот или иной участок Любви от страстей.

Если слово встречного задело тебя — значит, твое самообладание не было в тебе частью Мудрости веков, но лишь внешней выдержкой. Разберись бдительно, что есть внешнее приспособление условной вежливости и что есть внутреннее самообладание Любви, знающей

человека-, а не самолюбие".

Когда друзья, умытые и снова сбросившие с себя потоки мутной воды, вошли в столовую, И. уже ждал их там. Ласково здороваясь, он пригласил их к ужину. Он весело рассказывал им о жизни и делах, Общины, о здоровье все еще мирно спавшего профессора и о нескольких вновь приехавших людях.

— Сегодня мы пойдем проститься с Беатой, которая на рассвете уедет, увозя свои картины. На ваших лицах печаль, мои друзья. Особенно вы, Станислав, имеете огорченный вид. Но о чем же вы печалитесь? Если Беата выросла и созрела, чтобы жить среди жаждущих и ищущих счастья людей, если она может послужить людям путем к раскрепощению и утешением в их скорби и беспомощности, — неужели в вашем сердце вы находите только печаль о личной разлуке с нею и только эти чувства можете послать ей как свой привет ее новой жизни?

— Я понимаю, Учитель, что высокое благородство, если бы оно стояло у меня на первом месте, заставило бы меня думать о ней, о ее жизни, о ее светлой и новой дороге, — ответил Бронский. — И этот случай доказывает мне, как я эгоистичен, как много во мне личных чувств и привязанностей. Я очень полюбил Беату, еще больше Левушку и... окончательно влюблен, отдал всю свою душу, сердце, труд, словом — всю жизнь я отдал вам, Учитель И. Жить дальше, не имея связи с вами, не следуя за вами, не ища вложить в каждое свое движение прославление вас, для меня больше невозможно. Жить для меня — это значит участвовать в той жизни, делах и трудах, что исходят и окружают вас. И дышать — это значит принимать от вас определенные указания для каждого дня. Мелькнула во мне мысль, что и я, как Беата, получу в какой-то день указание покинуть Общину, должен буду расстаться с вами, — и в сердце мое пробрался холод, точно я услышал отдаленный погребальный звон колокола.

— Мой бедный друг, по этой минуте резкой боли, когда одна мысль о разлуке вызывает в вас такую скорбь, вы можете судить, насколько вы еще живете, общаетесь с людьми и воспринимаете жизнь текущего дня как жизнь конечную, жизнь разложения и смерти, а не всю Жизнь, Единую и Вечную, живущую в каждом за его внешней формой. Ваша привычка единения с людьми остается еще привязанностью плоти и крови, а единение Духа и Света занимает второстепенное место в ваших встречах. Отсюда, из Общины, уходят люди, раз они так или иначе сюда попали, только тогда, когда они готовы к новой жизни, то есть когда они привыкают жить, поклоняясь в человеке Тому, что живет за внешней формой. Никто, раз он принят Учителем, не может быть им оставлен без каких-либо

особых, даже ужасных причин.

Никто не может быть отослан в новую жизнь, пока он к ней не готов. Другое дело, через какую внешнюю форму вскрывается его готовность или не готовность к той жизни, которой он восхищается в своем Учителе и которой активным членом он хочет быть в своих мечтах, в своих размышлениях и идеалах. Мысль человека — это еще не действие, но только подготовительный период. И пока ученик не созреет до конца, то есть когда его мысль и сердце сольются в действие, тогда только для него наступает момент нового слияния с Учителем, когда его не печалят уже ни расстояние, ни разлука, потому что их больше для него не существует. Как никто не может умереть ни раньше, ни позже времени, но только именно тогда, когда он все сделал, что мог в данное воплощение, так и ученик может быть принят или отослан Учителем только тогда, когда он готов. Перестроить ход всего своего организма — задача для ученика непосильная. Но приготовить в своем организме те или иные основные пути и иметь возможность выполнить те задачи, что дает ему Учитель, — это не что иное, как ежечасное, полное, бдительное внимание ко всем делам и встречам, вернее сказать, к тому поведению в полном самообладании, которое ученик проявил в них. Вам и проверять себя нечего. В эту минуту вы сами ясно видите, насколько ваш талант, ваши любовь и труд еще задавлены личным восприятием дня. То, что вы только что читали, что так волновало вас как проявление высшего героизма самоотверженных чувств людей, сейчас потухло в вас только потому, что земная привязанность оказалась еще такой силой, что наносит раны сердцу. Не страдайте сейчас, не рыдайте сердцем. Я ведь вижу, как капли крови сочатся из него, хотя глаза ваши сухи. Вспомните слова огненной надписи, что вы читали сегодня: "Если слово встречного задело тебя — значит, твое самообладание не было в тебе частью Мудрости веков, но лишь внешней поддержкой".

Разберись бдительно, что есть внешнее приспособление условной вежливости, а что есть внутреннее самообладание Любви, знающей человеко-, а не самолюбие". Еще только один день остался вам, чтобы прочесть все то, что вам надо знать перед отъездом. Не теряйте времени в пустоте. Становитесь требовательнее к самим себе и не ослабляйте внимания, проходя этот трудовой день. Простая сказка, которую вы оба читаете, зачем она нужна вам сейчас? Что скрыто в ней, без чего вам, таким далеким от нее по времени и по вашей внешней деятельности, нельзя выйти из ворот Общины, даже под моей охраной и защитой? Мудрость в переживаниях простых людей древней сказки, как и Мудрость ваша, идет

по вечному и единственному для всех людей руслу: простой чистоте, не знающей компромисса в верности. Древняя Мудрость, как и Мудрость человека сегодняшнего дня, движется не по искривленному пути зигзагов, метаний в стороны, страстных исканий и остываний, взлетов в порывах и падений в уныние, но по прямому пути того самообладания, что раскрылось не как результат воли, а как результат раскрепощенной любви, перелившейся в Радость жить. Вы не представляете себе счастливого дня вдали от меня. А разве люди в сказке, думали о себе, когда оставались в полном одиночестве в чужом краю, в темноте окружающего зла? Вечное Движение Жизни есть результат тех активных духовных сил, что выливают в день люди. И иного двигателя духовной жизни человечества нет. Вот сюда подходит человек, взгляните на него, дайте себе отчет, почему еще на расстоянии вы уже ощущаете его влияние на вас. Ваше дыхание ровнее, ваши лица просветлели, ваши позы легче, ваши мысли и сердца освободились от всяких зажимов.

Раздался стук в дверь, и мы увидели чудесное, улыбающееся лицо Франциска, который сказал, приветливо здороваясь со всеми нами:

— Я, пожалуй, пришел слишком рано, брат И. Но я так спешил, чтобы Беата не подумала обо мне плохо и не увезла с собой впечатления, что я не был рыцарски вежлив в последнюю минуту. Я помню, как однажды, давно, Али мне сказал: "Можно быть занятым очень сложными делами. Но если напутствуешь человека в новую жизнь, надо быть рыцарски вежливым и напутствовать человека, сообразуясь с его временем, надо так обдумать свои дела, чтобы не внести ни капли волнения своим опозданием". Иногда я бываю рассеян, но, провожая людей из Общины, вспоминаю слова Али, — прости, если я пришел рано и нарушил вашу беседу.

— Мне не приходится тебе ничего отвечать, брат Франциск, ты видишь лица этих неофитов, ты читаешь их восторг, который ты пробудил в них сейчас. Но пойдёмте.

Ты дал мне очень хороший урок, Франциск. Я рад, что мы придем к Беате раньше назначенного срока и облегчим ей начало ее новой жизни.

Мы вышли молча и так же молча дошли до домика, где последнее время жила Беата.

Трогательную картину мы застали там. Беата была не одна, возле нее среди уложенных вещей на маленьком, низеньком кресле сидел Аннинов, и его высокая худая фигура с аскетическим лицом казалась особенно нескладной среди баулов и маленьких изящных сумок и сумочек художницы.

Лицо музыканта было так печально, точно он навеки расставался с

ближайшим другом. Мы услышали последнюю фразу его разговора с Беатой.

— Я чувствую, что это наше последнее свидание, больше я не увижу вас. И никто не будет утешать меня в моих припадках отчаяния, когда я не смею взывать к милосердию И. — Вот я вас и застал в вашем миноре, мой милый друг, — улыбаясь сказал И. — Как вы думаете, ваша любовь к Беате много посеяла сейчас зерен светлой бодрости ей в ее новый путь? Если бы я был на ее месте и меня так провожали бы мои добрые друзья, вероятно, мои крылья повисли бы в бессилии за моей спиной, и я представлял бы из себя жалкое зрелище как новый воин для мужественной жизни.

Беата, Франциск привел нас сюда немного раньше назначенного часа, и я понимаю, как любовь его провидела, что нам надо было вытащить вас из сетей уныния, которые наш великий музыкант развесил здесь по всему дому. Дайте ваши руки, мой дорогой друг, моя новая помощница и сотрудница в борьбе за счастье и мир людей.

Идите смело вперед. Звук моего сердца не может умолкнуть для вас нигде.

Начинайте каждый рассвет вечной памятью, что этот день — мгновение, одно короткое мгновение вашего вечного труда. И что теперь уже нет только вашего труда, но есть труд мой и ваш, ваш и Франциска. Куда бы вы ни ехали, что бы вы ни делали, даже очень далеко от вашего обычного труда и таланта, — важно не то, что вы делаете и где вы это делаете, но как вы делаете все, что встречается в дне. Вам важно помнить, что ни единого мгновения уныния для вас быть не может, что вы идете не от себя, не за свой страх и риск, но идете по дню гонцом мира и Света людям, гонцом, которого Община послала им. Несите не труд-послушание, ибо это больше не ваш личный труд. Это уже слияние в труде-радости со мной и Франциском. Чувствуйте в своей руке всегда, всегда, всегда его или мою помогающую руку. Будьте благословенны. Не поддавайтесь вибрациям уныния или скорби. Твердо стойте. Помните о нас, и вся муть, которой будут заливать вас люди, будет рассеиваться вокруг вас.

И. пожал руки художницы, нежно поцеловал ее в лоб и передал ее дрожавшие руки Франциску. Как ни старалась сдержать свое волнение Беата, крупные слезы текли по ее лицу, и видно было, что никакие усилия не остановят этого потока.

— Бедное дитя мое, — нежно сказал Франциск, отирая платком слезы Беаты и прижимая ее к себе. — Как трудно рождаться новому человеку, как трудно освобождать в себе свое Святая Святых от предрассудка привычки любить плоть, видеть плотью, быть счастливым в пределах времени и

места. Раста, мой друг, раста легче. Поверь мне, пройдет не так много дней, и ты уверишься, что я всегда буду подле тебя, как только ты будешь звать меня всей Любовью в себе и будешь обращаться к Любви во мне. Нет преград для такого единения, но надо знать одно твердо и незыблемо: если сегодня ты жила в компромиссе, то именно потому, что ты так жила, моего ответа не будет. Любовь-Жизнь может отвечать на зов, посланный во всей мощи верности. А верность Учителю — это тот день, что прожит без страха и сомнений, в полной вере, а не в частице ее. Возьми с собой этот платок. Ты найдешь на нем мой портрет, который я даю тебе на память. Но его воспроизводить для кого-либо ты не должна, он дан лично тебе одной.

В комнату вошел Кастанда, говоря, что их проводники предлагают не дожидаться рассвета, так как ночь светла и прохладнее обычного. Видно было, что Беате не хотелось уезжать несколько раньше положенного срока, что ей была дорога каждая минута, но, посмотрев в лицо И., она вытерла слезы и тихо сказала:

— Я готова, как скажет Учитель.

— Поезжайте, друг. Вы готовы к новой жизни. Начинайте ее немедленно, — ответил ей очень ласково И. Бронский, растерянный, по-детски светящийся добротой и лаской, нежно целуя руки художницы, торопясь шептал:

— Благодарю вас за все. Хочу одного: стать готовым к деятельности и, уезжая, увозить такое же напутствие, какое получили вы.

Левушке, подошедшему проститься, Беата сказала:

— Юность ваша пленила меня. То чудо, что случилось с вашей внешностью здесь, заставило меня глубоко задуматься о чуде, что должно было совершиться внутри вас. Я навек останусь благодарной вам за ту картину, что теперь увожу. Я постараюсь быть достойной того портрета, который вы обещали мне изобразить в одном из ваших романов когда-нибудь. Я верю и надеюсь, что мы еще встретимся.

Никто не слышал, что говорили И. и Франциск художнице, когда она собиралась сесть на опустившегося на колени мехари. Но лицо ее, освещенное луной и факелами, было так необычайно счастливо, что Бронский и Левушка забыли обо всем, забыли, что надо что-то пожелать Беате в последний раз, что они провожают человека куда-то далеко, что они стоят среди других людей.

— О чем же ты мечтаешь, Левушка, ведь мехари уже далеко, — услышал я голос И. — Я, я... я даже забыл о мехари. Я видел чудо: человека, в котором вдруг внезапно проглянул на минуту Бог. Видеть высшее совершенство в вас, Франциске, Али я уже привык. Но увидеть

Бога в человеке, в Беате, было для меня потрясением.

— Идите оба спать, через два часа вас разбудит Ясса, и вы снова отправитесь в комнату Али читать. Подкрепитесь сном, времени мало.

И. обнял каждого из нас, мы с Бронским простились с Франциском и расстались, разойдясь по своим комнатам, до нового скорого свидания.

Глава 14

Мои размышления о новой жизни Беаты. Мы кончаем чтение древней книги. Профессор Зальцман

Войдя в свою комнату и приласкав вскочившего мне навстречу Эту, я уговорил уснуть снова моего белоснежного друга, сам же сел на балконе, не будучи в состоянии справиться с целой бурей мыслей и чувств, наполнявших меня.

Каким далеким казался мне сейчас тот день, когда я приехал в Общину и впервые увидел прекрасную седую голову Беаты. И вместе с тем точно вчера это было, точно вчера я увидел впервые это лицо. И почему я ни разу не подумал, сколько лет Беате Скальради. Молода она или стара? Я осознал, что за время своего пребывания здесь я перестал воспринимать человека как возраст, как тело, вообще как внешность.

В данную минуту духом своим я был не на балконе, мысль моя неотступно следовала за Беатой. Я летел в тишине пустынной ночи вместе с ней в новую, далекую, шумную жизнь. Я ощущал в сердце какую-то еще мне неведомую боль, точно я не мог примирить две жизни: жизнь здесь и жизнь среди суеты и страстей.

Но разве здесь нет суеты и страстей? Я вспомнил дико сверкавшие глаза монаха, вспомнил оспаривавшую в беседе с Франциском свою правоту старушку, профессора, несколько тяжелых сцен Аннинова, Андреевой и понял, что двух жизней нет, что нечего и примирять их, так как вся суть вещей в самом человеке, в его освобожденности и готовности, в его умении вынести из себя чистоту и всюду устоять в ней.

Мыслимо ли представить себе И. скорбящим о том, что ему надо покинуть то или иное место в мире или оставить тех или иных людей? И кто же больше, ярче и тоньше него мог ощущать окружающую атмосферу, слабость и неустойчивость людей?

Тем не менее он, иногда утомленный, никогда и нигде не воспринимал окружения болезненно, каким бы напряженно- и тяжело- страстным оно ни было. Я вспомнил лица И. и Франциска в моменты борьбы со злыми карликами. Какая необычайная мощь лежала на этих лицах, какое величавое, сосредоточенное спокойствие...

Я летел мыслью все дальше и дальше за Беатой, мне хотелось еще и еще повторить ей слова Флорентийца и И.: "Самообладание — это

трудоспособность организма при всех, даже ужасных, обстоятельствах жизни".

Я представлял себе, как тяжело будет Беате очутиться в Париже, утонуть в гуще города, в зависти и сплетнях, в интригах и происках ее коллег, которые будут потрясены ее картинами и попытаются сделать все, чтобы их не пропустить. Но тут же вставало понимание, что Беата теперь уже не та, которую я знал и к колебаниям которой привык.

Надпись, горевшая нам с Бронским, говорила, что каждый идет в путь гонцом Учителя только тогда, когда он готов. И. послал Беату, говоря ей в последнем напутствии, что она готова к труду среди людей, к труду его через нее, — надо быть только счастливым и радоваться ее новой жизни, но не тревожиться за нее.

И еще раз я увидел, как во мне много остается условного. Еще жили, активно пронзая меня, такие понятия, как разлука, расстояние, время, отсутствие известия о человеке. Как же тяжело должно житься людям, в чьей жизни главное место занимает земля и все ее условности, в ком живут лишь изредка мелькающие порывы к небу и его Мудрости. Я понял, как далеко мне еще до простых подвигов тех людей, о которых я читал в древней книге.

Постепенно моя печаль проходила. Меня всего обнимал новый Свет, по мере того как я сосредоточивал свою мысль на Флорентийце и просил его благословить отъезжающую Беату, и мысль моя переходила в ликование, в радость и полное мира спокойствие.

Я всем сердцем пел Беате песнь торжествующей любви, желая, чтобы ее путь никогда не разрывался в труде с путем И. и Франциска. Я старался перелить всю энергию моей чистой любви и уважения к художнице в ее новый путь, чтобы он крепился от моих мыслей, а не вбирал в себя еще и их неустойчивость. Внезапно я ощутил знакомое мне содрогание всего организма и мгновенно услышал голос моего дивного друга:

— В первых ступенях ученичества нет большего подвига, как разлука ученика со своим Учителем. Каждый ученик проходит эту неизбежную для каждого ученика ступень. Но лишь тот ученик восходит в своем знании высоко, кто уже в первой разлуке не думает о себе как об отъезжающем и печальном сердце, но видит тот труд Учителя, который он для Него может выполнить и тех людей, которым может перенести Его помощь.

Иди вперед, не думая, что ты идешь, но иди, зная, как несут в себе Единую Великую Жизнь во все места и как учатся развивать в себе и окружающих все дары приспособления, чтобы легче, проще, выше, веселее выполнять урок вечного среди внешних условностей.

Мужайся и помни: друг — тот, в ком ты знаешь Вечное. Поэтому у ученика не может быть личного врага. Ученик может быть послан даже орудием смерти. Но он не будет слепым орудием, а будет освободителем земного мира от безнадежно скованного на земле в данной форме зла.

Мне казалось, что я и часа еще не провел на балконе, как Ясса уже стоял передо мной и покачивал укоризненно головой.

— Учитель И. приказал передать вам эту укрепляющую пилюлю, и теперь я понимаю, почему он посылает ее вам. Он велел вам лечь спать, а вы не выполнили его распоряжения, — с укором покачивая головой, подал мне Ясса пилюлю Али.

— Ясса, миленький, мне казалось, что два часа — это уйма времени. А оно улетело вместе с моими мыслями буквально в одну минуту.

— Идите, идите, господин летящая минута. Бронский, отлично выспавшийся и сильнее тигра, ждет вас с нетерпением. А вас, как младенца, пришлось подкреплять в самый важный для вас момент. Ну как же на вас вообще положиться? Подумайте, вы рассеялись от врезавшейся в вашу жизнь разлуки. Что же будет с вами, если в момент, когда надо будет выполнить великое задание Учителя, в ваши личные чувства врежется смерть близкого вам человека, или случится пожар, или еще какое-либо бедствие преградит вам путь к исполнению задачи Учителя? Вы все бросите и побежите спасать тех, о ком вам не сказано, и забудете всех тех, о которых сказано именно вам?

— Сейчас я не сумею ответить на ваш вопрос, Ясса. Но он для меня и чрезвычайно важен, и более чем своевременен и серьезен. Спасибо вам за него, я в нем усматриваю нечто вроде предостережения.

Мы быстро вышли из комнаты и увидели внизу Бронского, мощного, светлого; мне показалось, что из него шли лучи силы. Весело поздоровавшись со мной, он внимательно посмотрел мне в лицо и сказал:

— Как это странно, у вас, Левушка, сегодня лицо менее обычного спокойное. У вас случилась какая-нибудь неприятность?

— Нет, Станислав, я очень счастлив, я был немного слаб, но И. прислал мне пилюлю, и я чувствую себя прекрасно.

Мы прошли в комнату омовений, и на этот раз вода с меня текла гораздо чернее, чем с Бронского. Он и шел сегодня совсем легко, фигура его за эти дни поста стала гораздо стройнее. Его глаза сейчас пристально искали светящуюся надпись.

Он подошел к самой двери и только на пороге ее остановился. Я понял, что его остановило огненное письмо, но я его сегодня не видел на пороге, где оно обычно сияло прежде всего. Удивленный, я поднял голову вверх и

высоко на двери прочел: "Мучения любви — плод суеверия земли. Жажда близости ощутимой — сила закрепощения человека в его собственных желаниях. Ученичество — наука освобождения. В ученике любовь его не сохнет оттого, что он освобождается и развивается. Он не останется равнодушным к ближним. Но в нем рассеивается туман страстей, и он видит ясно и всегда всю жизнь окружающих, а не один момент личной их жизни и своей связи с ними.

Не забывай, ученик, что указания твоего Учителя даются тебе сейчас, даются тем, кто знает и видит и твой, и всех окружающих тебя пути. Иди в законе вечного, добровольного и нерушимого повиновения, ибо оно ничто иное, как верность твоя, в которой следуешь за ведущими тебя".

Надпись погасла. Но мы не проходили в распахнутую дверь, нам обоим хотелось сегодня особенно крепко сосредоточиться, призвать чудесное имя Али, комната которого стала для нас таким святилищем, и послать Ему нашу благоговейную благодарность. Внезапная дрожь потрясла все мое тело сильнее обычного, и я услышал голос Али, такой громкий и ясный, точно он был рядом с нами:

— Помните, друзья мои, что радость знания, даваемая вам, — это не сила наших забот о вас, но возможность создать через вас новые пути помощи людям, показывая им на живом примере, где путь к нам и как он достигается. Каждый, общающийся с вами, должен освободиться от суеверия и предрассудков: что вы, ученики и сотрудники, — святые или особо счастливые избранные. Но в поведении вашем, в вашем сером трудовом дне они должны видеть нерушимую верность вашу нам — ваше единение вечное с нашим трудом и путями.

Я передал Бронскому, что сказал нам Али в ответ на наше благоговейное приветствие Ему. Он пожал мне руку, впервые назвал меня дорогим братом Левушкой и сказал еле слышно:

— Я без вашей помощи не мог понять, что говорил Али. Но что Он говорил нам, это я ощущал всем своим существом. Впервые сегодня за всю мою жизнь я испытал чувство бес предельной, ликующей радости, в которой не было ни единого момента памяти о земле, времени, пространстве.

Мы вошли в комнату и снова были поражены, что стол был открыт и лежавшая на нем книга была развернута не на том месте, где мы остановились вчера. Перед нею в высокой белой, сияющей, точно внутри ее был белый огонь, вазе стояли никогда не виданные мною цветы, схожие с розами и лилиями, совершенно белые, с изумительной тонкости и красоты лепестками, издававшие не сильный, но чарующий аромат.

Обоих нас поразило довольно большое количество склеенных листов, отделявших место нашей вчерашней остановки в чтении от места, раскрытого для нас сегодня.

— Очевидно, нам не нужны или недоступны в данное время истины склеенных листов, — сказал Бронский, и я начал переводить:

"Помнишь, Аполлон, как несколько лет назад ты сидел на этой самой скамье, полный скорбных дум и печали от разлуки со мной? Тогда мой голос ободрил тебя, я указал тебе путь, как идти вперед мужественно, не показав ни разу детям своего уныния, как вселить в них уверенность в себе при всех неудачах и крепить в них радость своим спокойствием. Верность твоя моим заветам не поколебалась. Ты не сокрушался, что я, дав тебе заветом широкий урок служения людям-толпам, связал тебя на целый ряд лет двумя нищими сиротами и их спутником-псом.

Теперь дети твои самостоятельные и большие величины в их искусстве, и тебе настало время их оставить, предоставив им, в свою очередь, служить путями красоты людям, как сами смогут и сумеют.

Не ущемляйся сердцем, покидая детей, которых любишь, как самых близких родных.

Оставь последнюю условность личной привязанности и иди в те места, что тебе укажу.

Нет на земле суеверно благословенных мест. Но есть места, где много праведников, самоотверженных и чистых, долгими годами чистой радости очистили на много миль вокруг атмосферу земли.

В несколько таких мест ты пойдешь и оставишь там Зеркала Мудрости, что я тебе скажу, что ты сам запишешь. Часть их, что укажу тебе, ты вынесешь в песнях и молитвах людям, встречаясь с ними повсюду. Особо же священную часть укроешь в земле и камнях. Сила их Света будет видна тем, чьи сердца будут чисты. И много веков там будут селиться ищущие Истины и путей Ее.

Не думай, что, обходя мир, ты оставишь заветы мои для определенных сект и людей, узко видящих Бога в одних обрядах людей. Не для праведных, но для грешных, ищущих и жаждущих освободиться, ты пойдешь.

Здесь сидел ты несколько лет назад юношей, не знавшим всей бездны греха и скорби, всей тьмы падений и лицемерия людей. Здесь ты простил и благословил женщину, обрызгавшую тебя ядом лжи и проклятий за отвергнутую любовь плоти. И как твое сердце сумело вынести ей не приговор осуждения, но подать дар любви Единого, так мое сердце слилось с твоим в Любви Единого, для труда твоего в каждом простом дне.

Не осудивший и простивший врага, простивший не от ума, но от всей великой, смиренной Любви — свободен, и Бог живет и сияет в нем.

Не принявший великолепия внешних даров, но отдавший жизнь убогому, узрев в нем Меня, — свободен, и Бог живет и сияет в нем.

Отошедший от семьи и понявший любовь как ядро Вечного в каждом встречном, не жалеющий о блаженстве прошлого, не печалющийся в настоящем, не ужасающийся будущего — свободен, и Бог живет и сияет в нем.

Иди в те места, что укажу тебе, бесстрашно, легко, весело. Заложи в них путь для встреч и раскрепощения обремененных, чтобы могло приблизиться время понимания, как душу свою за друзей-ближних отдавший кладет зерно' Света, и рождается новая сила для раскрепощения людей.

Не иго я возлагаю на плечи твои. Не игом вплетается труд мой в твои дни, но красоту чаши Любви понесут руки твои, чтобы мог я разделить иго и скорби людей.

Из чаши Жизни пролей Огонь в те места, где зароешь Зерцала Мудрости, чтобы легче было людям раскрыть в себе чистоту сердца и услышать озарение мое.

Не звал ты меня, верный сын мой, но действовал на земле, как я тебе указал. Не в мечтах и обетах была твоя верность мне, но в простых делах будней. Раскрыта теперь Радость в тебе. Иди, выполни урок мой и жди дальнейших указаний".

Не тот Аполлон, почти мальчик, сидел теперь на скамье, вспоминая сцены далеких дней, дней первых бродячих представлений, когда встретил маленьких сирот.

Мальчик-скрипач, много с тех пор работавший и учившийся, теперь изумлял мир.

Девочка, певица и танцовщица, стала знаменитостью. Сироты не забыли и своего постаревшего пса, видели в нем и сейчас одного из своих лучших друзей и баловали его, как могли, украшая ему существование. Они упросили Аполлона посетить то место, где когда-то с ним встретились, и дать концерт в том городе, где их так жестоко приняли семь лет назад.

Теперь на скамье сидел молодой зрелый мужчина, широкоплечий, высокого роста и с сияющим лицом. Но что-то было в этом молодом лице, что не позволяло людям держать себя с ним развязно, говорить в его присутствии о пошлых вещах и браниться. Каждому хотелось укрыть свои скотские стороны и выказать побольше красоты и благородства, когда сияющие глаза Аполлона смотрели на него.

Сейчас, услышав голос отца, которого он не слышал с тех давних пор, как сидел здесь впервые и сердце его исходило кровью, он весь точно преобразился. Ему теперь казалось, что именно этого зова отца он только и ждал уже несколько дней.

Он понял, что задача его, задача, задерживавшая его перед более широким планом действий, сейчас окончена.

Он тогда сожалел, что у него не было семьи, что он одинок и бесприютен, — и Жизнь послала ему семью, дом, уют. Он узнал все личное счастье семьянина и понял, что и это иллюзия, что Вечность не там, где проходящее счастье, но там, где живет Она Сама. А живет Она там, где человек творит.

Мысли Аполлона пронеслись вихрем сквозь весь прожитый за этот период времени опыт. Он понял, что людям необходимо искать пути к творчеству, иначе они задохнутся в той атмосфере смерти, которая делается владычицей всюду, где кончается искание свободы и мира.

Он понял, зачем нужны отцу его очаги Света, зачем нужны места, где живут освобожденные от страстей, и новая волна счастья и ликования залила его сердце.

Какой легкой и маленькой показалась ему его личная разлука с детьми, такими близкими и любимыми, и еще яснее он понял, почему отец его не плакал и не тосковал, посылая всех своих сыновей вдаль. Понял Аполлон, что видел отец в пути каждого сына и Кому он служил, отрывая их от своего сердца и родного гнезда.

Аполлон собирался уже встать со скамьи и отправиться в выросшую вместо прежнего заезжего дома большую гостиницу, как его остановила закутанная в шаль женская фигура.

— Господин, сжался, пойдя со мною. Здесь недалеко дом моих господ. Я старая мамка моей теперешней госпожи. Вот уже скоро семь лет, как госпожа моя чахнет и изнывает в никому не понятной болезни. Ни один доктор не может ей помочь. Нам сказали, что со скрипачом приехал его доктор, что ты очень учен в больших городах. Не сердись, что я нарушила твой покой. Муж моей госпожи отблагодарит тебя большими деньгами. Я же во имя Бога вечного, молю тебя, последуй за мной.

Госпожа моя ни во что не верит и, когда я ей говорю о Боге, бранит меня и спрашивает, почему же мой Бог не освободил меня от рабства, почему я не вымолю ей у Него помощи и здоровья. Смилуйся, господин, — рыдая и опускаясь на колени, говорила женщина. — Нет, не поднимай меня, позволь мне быть у ног твоих. Точно благая теплота вливается в раны сердца моего, и старый грех не так жжет меня. Во всем виновата я одна,

господин. Была я красоты необычайной, и купил меня мой старый господин своей дочери, которой я понравилась, в приданое. Добра была моя молодая новая госпожа, жалела меня и ласкала. Все шло некоторое время хорошо, да стал на меня все чаще и чаще взглядывать молодой хозяин. Дошло дело до того, что сделалась я беременна и родилась у меня дочь, теперешняя моя госпожа. Не знаю я, что произошло между моими господами, только на второй день родов взяли от меня дочь, а к вечеру перевели и меня в барский дом, и поселена я была рядом со спальней моей доброй госпожи. Долго, очень долго я ее не видала. Уже стало девочке моей два года, как позвали меня однажды к моей госпоже. Ох, господин, долгая с тех пор прошла жизнь, а минуты того ужасного свидания все стоят передо мной. Исхудалая, почти один скелет, желтая, как воск, лежала она на постели, и глаза ее светились, точно лучистые лампы.

— Подойди ближе, бедная раба неверная, — тихо, тихо сказала она мне. — Возьми это ожерелье. Никто не знает, какова будет его старость, оно драгоценно. Многими слезами, стонами и жалобами я его оплакала, но и величайшим прощением моим оно пропитано. Мне его дала моя бабка, сказав: "В нем твое счастье". Ах, как плакала я, когда ты отняла у меня мужа. Прижимая мое ожерелье к груди, я все спрашивала: где же мое счастье? От слез и горя разбилась грудь моя, и чем больше я страдала, тем яснее понимала, что всякое счастье не вечно, а вечна одна доброта. И простила я тебе, велела дочь твою записать своей родной дочерью. Живи с нею вместе в моем доме, возьми ожерелье, пусть оно будет счастьем твоим и научит и тебя прощать и любить так, чтобы видеть не одно только свое счастье, но и счастье других. Смерть уже возле меня. Она не страшна мне, и ты ее не бойся. Она освободит меня от страданий и освободит тебе место для лучшей жизни в этом доме.

Только одно запомни: будь верна до конца тем людям, которых ты сама выбрала, и научи их святости любви. Она подала мне ожерелье и упала навзничь. Я думала, что она уже умерла. Ужас объял меня. Я хотела бежать, как вошел хозяин и с ненавистью взглянул на меня. Увидев на мне драгоценное ожерелье, он бросился на меня с криком: "Уже обокрала? Подай сию минуту!" Но вдруг госпожа поднялась и каким-то не своим, свистящим голосом сказала: "Не она, а ты обокрал меня и ее. Отдай ей ожерелье. Храни тайну рождения дочери, и пусть раба моя живет при ней мамкой и нянькой столько, сколько будет жить на земле". С этими словами она вторично упала, чтобы уже не подняться больше. "Ступай к себе и не смей сюда входить. Живи, как приказала твоя госпожа, но не попадайся мне на глаза", — сурово сказал мне хозяин. С тех пор живу я мамкой у моей

молодой госпожи, но любви, о которой говорила покойная, я ее научить не сумела. Жизнь моя и всегда была ужасна в доме, я боялась выйти лишней раз из комнаты, а с тех пор как больна моя теперешняя госпожа, я молю только о смерти и стараюсь найти в ожерелье силу любви, что передала ему моя добрая умершая госпожа. Пойдем, господин, может быть, ты спасешь жизнь больной. Я не потому прошу тебя, что боюсь, как бы отец ее не убил меня. В смерти, верно, легче, чем в моей жизни. Но потому, что страшно мне, если не найдет успокоения души несчастная дочь моя.

Черный демон злобы, злой любви, я уверена, держит ее крепко в лапах, как держал и держит и по сей час меня. Не откажи взглянуть на больную, пойди со мной, — рыдала женщина, цепляясь за ноги Аполлона.

С трудом подняв женщину, он усадил ее на скамью рядом с собой, взял ее руку в свою и ласково сказал:

— Успокойся, друг. До тех пор пока ты не придешь в полное спокойствие, мы с тобой не двинемся с места. Чем скорее ты хочешь, чтобы пришла помощь к человеку, тем скорее ты должна быть в полном самообладании, забыть о себе и думать только о нем. Сейчас ты молишь о дочери. Оглянись на свою жизнь. Перестань плакать и подумай, почему ты не сумела выполнить завета твоей умершей госпожи, которой ты была любимой подругой, которая доверяла тебе все свои тайны и которую ты так жестоко обманула. Если бы ты призналась ей во всем, она простила бы тебя. И в вашем доме, если бы не жило счастье, жил бы мир. Если бы ты так не ревновала своего господина и дочь, в вашем доме если бы не жило счастье, жил бы мир. Если бы ты не скрывала в своем сердце лжи и не оговорила бы покойную перед ее мужем, в вашем доме жил бы мир.

Ты любила и любишь дочь, но она впитала в себя с твоим молоком и лицемерие, и зависть, и ужаленную гордость, и чрезвычайно чувствительное самолюбие — качество рабов. Пойдем. Прижми к себе свое драгоценное ожерелье и призови всю силу любви отошедшей, все простившей тебе души. Почувствуй себя в этот единственный час жизни освобожденной от всей лжи, от всех цепей, что ты сама и люди надели на тебя, и стой перед Богом, перед Ним одним, как будто все исчезло, а ты уже умерла и стоишь во всей вселенной, во всей своей правде перед Ним.

Аполлон поднял женщину, которая стала совсем спокойной, и пошел за нею в темноте спустившейся ночи. Путь оказался не длинным. Женщина ввела его в дом, который спал мирным сном в глубокой тьме, провела его с зажженным светильником в большую роскошную комнату, еле освещенную и пустую, и ушла за тяжелый занавес, отделявший часть комнаты.

Через несколько минут она снова появилась, пригласила гостя идти за

собой, приподняв перед ним тот же занавес, и молча пропустила его в другую половину.

Сильный аромат носился в комнате, воздух был спертый, тяжелый, жаркий. Несколько светильников с ароматным маслом горело в комнате, убранной роскошно, по-восточному. И несмотря на свет, горевший во многих местах, комната казалась еле освещенной. Аполлон разглядел лежавшую на высоком диване неподвижную женскую фигуру.

— Мамка, это ты? — раздался голос с дивана.

Голос был слаб, и Аполлону показалось, что он уже где-то слышал этот голос, суховатый и резкий.

— Я привела к тебе нового доктора, господа. О нем все здесь говорят, что он очень ученый и многим помог, — необычайно нежно и ласково ответила мамка.

— Ты становишься все глупее с каждым днем, не только с каждым годом, — ответила с большим сарказмом господа. — Сколько раз мне повторять тебе, что я не желаю видеть никаких докторов и имею достаточный опыт, чтобы знать их близорукость в моей болезни. Ведь ясновидца ты привести мне не можешь. Извинись перед своим доктором и уведи его обратно. За беспокойство проси мужа уплатить, — не открывая глаз, продолжала больная.

Аполлон подошел к одному из светильников, взял его в руки и поднял высоко над изголовьем больной. Внезапно освещенная ярким светом, больная широко открыла глаза и резко приподнялась на постели. По злomu выражению ее лица можно было ожидать резкого выговора вновь явившемуся доктору, осмелившемуся нарушить заведенный в доме порядок. Но первый же взгляд, брошенный на лицо вошедшего, оборвал ее речь. Уставившись в его лицо неподвижным взглядом, больная вскрикнула:

— Ты? Ты? Возможно ли это? Ведь вся моя болезнь — это ты, злой демон! Как осмелился ты переступить мой порог? Ступай вон, старая дурища! — крикнула она мамке, указывая ей на дверь. — Не смей входить сюда, пока я тебя не позову. И если кто-нибудь войдет сюда, пока я говорю с этим человеком, тебе не сносить головы.

Покорно поклонившись своей грозной госпоже, мамка бросила молящий взгляд на гостя и тихо вышла из комнаты.

— Ты для чего пришел сюда? Ты знал, куда тебя ведут? — обратилась больная к Аполлону.

Поставив светильник на место, последний вернулся к постели женщины и сказал:

— Я не знал, куда меня ведут и кого я здесь найду. Но я знал, что иду к

страждущей душе, потому и пошел.

— Ах, вот как! Ты, наверное, ждал увидеть молоденькую красавицу, мечтал прочесть ей проповедь, — едко рассмеялась больная. — Можешь полюбоваться на дело своих рук. Где моя юность? Где мои краски? От тоски, от колдовства, которым ты меня околдовал, я вся иссохла.

Любуйся теперь результатом своего поведения! Ты бросал на меня пламенные взгляды, очаровывал ими, а в последнюю минуту струсил и бежал, бросив меня.

Хорошо, что ты явился сам. Я все равно решила тебя отыскать и засадить тебя в тюрьму за твое колдовство.

— Мне очень жаль, бедная женщина, что ты все остаешься в том же зле и ненависти, в которых ушла из сада семь лет назад. Целая вечность прошла с нашей первой встречи, а ты не двинулась вперед, и все вокруг тебя говорит о ненависти.

Подумай, кому, начиная с тебя самой, стало веселее или легче жить оттого, что ты свою ошибку стараешься приписать мне или моему колдовству. Если бы я имел целью сделать себе карьеру с помощью богатой семьи и дома, то и тогда я не мог бы разделить твоей любви, так как ты хотела построить свое счастье на несчастье сирот, встречу с которыми послала мне жизнь. Я далек от мысли упрекать тебя в чем-либо. Еще дальше я от желания копаться в прошлом, которого уже нет. Если я сейчас заговорил о нем, то только для того, чтобы объяснить тебе, что я ни разу не видел тебя во время моих представлений. И мои пламенные взгляды, если они тебе такими казались, относились к тем песням, что я пел, к тем действиям, в которых я принимал участие вместе с моими маленькими артистами, и у меня не было времени заниматься рассматриванием публики. И в песнях, и в представлениях я воспевал любовь и радость отцу моему, пославшему меня выполнять одну из его задач. Если бы я попытался объяснить тебе, какова эта задача, ты в этом ничего бы не поняла. Но понять, что для выполнения какой бы то ни было задачи в жизни человек должен знать на опыте своих дней, что такое самоотверженная любовь, — это ты можешь и должна.

Резкий смех прервал Аполлона.

— Продолжение проповеди у скамейки? Глупец, был жалким фигляром, выбился в ученые докторишки и стремишься теперь стать не менее жалким и фальшивым моралистом?! Так для этого жизнь дала мне вторую встречу с тобой! Яд в сердце ты "лил мне, отравой твоей налились все мои вены, ни пища, ни роскошь, ни красота моя, которую я так любила, ничто не может ни развлечь меня, ни утешить, ни избавить от твоего несносного образа.

Твоя ненавистная фигура днем и ночью выжигает мой мозг, сушит мое тело, вынимает волосок по волоску из моих кос. И ты осмеливаешься разговаривать о самоотверженной любви? Если такова твоя установка, ты должен был оставить все и жить подле меня. Ты фальшивый человек, все твои слова любви и помощи не что иное, как испорченные старые монеты, которыми ты гремишь, соблазняя глупцов.

— Я буду спорить с тобой. Каждый день человека — это его действия в нем, а не слова. Смотря на тебя, видя твое несчастное положение, я вижу и твои действия за эти годы, и им я не судья. Если ты хочешь видеть мои действия за эти годы, хочешь судить хотя бы о некоторых плодах моей самоотверженной любви, приходи завтра на концерт и послушай моих маленьких сирот. Если ты вообще следишь за какими-либо новыми величинами в искусстве, ты, наверное, слышала имя Монко, под которым выступает мой найденыш, теперь знаменитейший скрипач, со своею сестрою, не менее известной певицей и танцовщицей. Если бы ты на самом деле решила послушать их концерт, мой тебе совет: прикажи вынести себя из этой ужасной духоты в чистый и свежий воздух и прими в течение суток шесть раз вот эти порошки. Это тебя укрепит, даст тебе сон, а свежий воздух унесет часть яда, которым ты себя отравила, вдыхая удушливый аромат твоих духов.

Аполлон положил на стол небольшую коробочку с порошками, которую вынул из кармана, поклонился хозяйке и сделал несколько шагов к двери, как больная снова заговорила:

— Постой, я не могу поверить, чтобы судьба привела тебя ко мне снова для проповеди. Ты должен мне помочь. Сними с меня свое колдовство, я под ним умираю.

Неужели и в эту минуту ты не понимаешь, что не ненависть к тебе меня губит, но безумная, ничем не заглушаемая любовь. Нет мгновения, нет дыхания, нет кусочка солнечного света и хлеба, которые не были бы напитаны жаждой видеть тебя, желанием, чтобы ты любил меня...

— Подумай, есть ли смысл в твоих словах? Если бы ты любила меня так, как говоришь, цельно, верно, до конца, могла ли бы ты выйти замуж за другого? Если любишь, есть один и нет других. Если говоришь, что любишь одного, а живешь с другим, проверь себя, и ты поймешь, что никого, кроме самой себя, ты не любишь. И так оно и есть, бедный друг. Ты всегда любила и любишь только себя и потому нигде и ни в чем не можешь найти ни счастья, ни примирения. Если и дальше ты будешь так же упорно настаивать все на том же, все так же будешь продолжать свой спор с Богом и судьбою, ты только уморишь себя, прожив всю жизнь без смысла и толка

для вселенной, бичом и скорбью для самой себя и окружающих.

Перестань думать, что ты больна. Ты задавила себя мыслями об одной себе, а человек так создан, что в яде одного себялюбия он жить не может. Человек должен иметь возможность любить что-то помимо себя, чтобы освободить в своем организме место от эгоистических мыслей; иначе он задохнется от яда, который носит имя самолюбия, страха, самовлюбленности, сомнения. Прости. Сейчас я должен уйти.

Ты все равно пока меня не поймешь. Но если слушаешь концерт и захочешь еще увидеть меня, пришли свою несчастную мать-рабу, которой тебе давно следовало дать свободу.

— Хорошо, пусть будет по-твоему. Попробую принять твои порошки и послушать твою музыку. Вряд ли есть такая волшебная музыка, чтобы люди от нее выздоравливали.

Но пусть, я приду. А раба моя мне мамка, простая нянька, а не мать-раба, как ты выражаешься, хотя предана она мне до смерти.

— Попытай счастья сразу в нескольких направлениях. Присмотрись к своей рабе, лица которой ты даже хорошенько не знаешь, хотя всю жизнь она подле тебя. Быть может, и здесь освобожденными от себялюбия глазами, подумав пристально о ней, а не о себе, ты откроешь нечто для себя неожиданное и новое.

— Загадки ты мне загадываешь, — устало сказала больная. — Иди, я постараюсь выдохнуть яд, если он мой собственный, а не твой. Боюсь только, что все это твои фантазии и, по всей вероятности, твой музыкантишка ничем не лучше любого нищего фигляра.

Она ударила молоточком в маленький гонг, и мамка вошла в комнату, закрывая шалью свое лицо.

— Проводи гостя и возвращайся с четырьмя рабами. Я хочу спать сегодня ночью на плоской крыше, — нервно засмеявшись, сказала она слуге.

Выйдя от больной, Аполлон прошел снова в сад. Мысли его понеслись к его сестре, голос и жестокость характера которой ему ясно напомнила и в первый, и во второй раз эта ночная встреча.

Снова мысли его вернулись к отцу. Почему отец отправил в широкий мир всех своих сыновей, без которых жизнь его стала пуста и бедна, и оставил дочь, чьи мысли, поведение, идеалы и намерения не совпадали ни с одной минутой его труда для людей? Почему отец, почти совершенный человек, имел такую жестокую, преследовавшую только одни личные цели дочь?

Аполлон вновь передумывал свои встречи за эти годы. Как много

монастырей он видел! Как много сект и религий разного рода он встречал! И всюду все говорили, что ищут Бога, ищут Его путей, но слова их летали, точно назойливые мухи, не отражая в себе действий сердца.

Редко встречал он людей, не говоривших пышных слов, но умевших подать каждому приветливую улыбку. И, встречая таких, Аполлон всегда знал, что их любовь — живая сила, что люди бодрятся возле них и несут дальше эту их улыбку как свою доброту.

Почему дочь жестокая живет у доброго и мудрого отца? Что значит такая встреча в жизни?

И Аполлон не мог найти ответа. Он все шел вперед и не заметил, как вышел из парка на поляну, увидел невдалеке костер и пошел на огонек. У костра сидел старый-старый дед и ласково уговаривал своего пса не лаять попусту на прохожего, потому что он человек добрый.

— А как ты можешь знать, дедко, что я человек добрый? Может быть, я очень злой, даже разбойник?

— Нет, дружок. Я стар и уже почти слеп. Но людей перевидал я много. Когда идет добрый, он весь светится. И дышать подле него легко. А идет злой — тьма вокруг него, и все гады его сердца, вся ложь, так и ползут за ним и вокруг него, даже смрад от них в нос ударяет. Будешь стар, сам их увидишь, гадов-то человеческих.

Ты молодой, и судите вы все, молодые так: красив — хорош. Нет, ты не смотри, молодой, что девушка красива, значит, и душа ее хороша, и правда живет в ней. Не смотри и на то, что живет она подле высокого и мудрого отца и хороших братьев.

Бывает, живет дочь в мирной семье только для того, чтобы гады ее сердца не задушили ее же, и от мудрости отца да от света братьев становились бессильными попытки окончательно погубить девушку.

Чудно показалось Аполлону, что не мог он найти ответа на свои вопросы, а вот случайно встреченный старик, нищий дед, ответил ему, хотя вопроса своего он ему не задавал. Присел Аполлон возле деда, захотелось ему узнать, почему старый человек одинок и бездомен.

— Садись, садись, браток. Вот поспеет моя кашка — не обессудь, подели ужин, — приветливо говорил дед, подстилая Аполлону свое ветхое одеяльце и освобождая место поближе к огоньку.

— Спасибо, дедушка, я не голоден, но посидеть подле тебя, если позволишь, посижу с радостью. Уж очень ты меня удивил. Шел я и думал: почему девушка, красавица видом, а сердцем жестокая, живет у мудрого и доброго отца? А ты взял да без моего тебе вопроса и ответил.

— Видишь ли, сказал я тебе уже, что большая старость, если ты

старался Богу служить, раскрывает мысли встречного. Только ты подошел, увидел я девушку, о которой ты думал. Увидел и дом твой, и отца твоего в нем. Да уж девушки там нет, убежала из дома, богата теперь, но покоя в ней нет и сейчас.

Еще больше удивился Аполлон и спросил:

— Как же это пришло к тебе, дедушка, что ты на расстоянии видеть можешь?

— Да, по порядку-то тебе и не расскажу, браток. Жил я долго служкой в одном монастыре. И монах, которому я служил, никогда ни с кем не разговаривал, а все четки перебирал да молитву тихонько шептал. Да и молитву все одну и ту же. И так он ее постоянно шептал, что привык я под нее работать. То ли дрова колю, то ли кашу ему варю, то ли одежонку его да свою ветхую чиню, все его молитва простая, как волны припев, в ушах журчит. И стал я замечать, что монашек мой стал мне чаще улыбаться. Но, как говорить он не любил, молчал и я. Бывало, он улыбнется, ну я ему поклонюсь, он еще шире улыбнется и кивнет мне головой. Иногда замолкнет да целыми часами как застылый и сидит. Ну и я утихну, возьму его четки да повторяю его молитву. Раз очнулся он после такого сидения, да и говорит мне: "Завтра я умру. Но ты знай твердо, что смерти нет, только люди ее так звать выдумали. Возьми мой посох, мои четки и иди отсюда. Если будешь жить чисто, я всегда буду с тобою, и каждому человеку ты будешь знать, что сказать. Я тебе буду показывать мысли тех, кому тебе надо будет что-либо сказать. И будешь ты слышать мой голос — как, кому и что сказать. Иди, не ищи себе прочного жилища, помни, что смерти нет. Есть Жизнь вечная, Единая. Ей служи в каждом человеке."

Когда придет тебе время оставить землю, увидишь меня, если будешь верно служить Богу в каждой живой душе". Долго я странствую, и нигде еще не приходилось мне передать неправильно слова моего доброго монашка, он мой верный спутник всюду.

Чуть где остановлюсь — всегда, всегда придет человек и, не спрашивая сам, получит свой ответ. Тебе велит сказать мой наставник: "Если пошел верностью, дойдешь любовью. Думал ты, умеешь только петь, а понял, что и песня твоя — Любовь. Не размышляй, зачем ведено тебе в особые места Мудрости закон положить."

Знай, что в тех местах наиболее свирепые войны людей будут не раз, и там же Мудрость создаст очаги спасения людям. Перед тобой лежат три дороги: мир, доброта, радость. Но все они соединяются в Любви. И тот, кто может идти путем любви, — тот все великое горе земли на себе испытает. Но он же и самый чистый огонь в чаше своей людям подаст. Уходи отсюда.

Не задерживайся. Не думай, как дальше будут жить дети твои. Жизнь для каждого — только его собственная форма. И никто не может ей помочь до тех пор, пока в человеке живут его страсти выше любви. Иди, мужайся. Не думай теперь о временных встречах, ибо задача твоя сейчас иная. А к детям своим и к злой женщине пошли дедушку моего, я ему все скажу, как с ними говорить. Он им поможет".

С удивлением смотрел Аполлон в лицо говорившего деда, и лицо это было совсем иным — светлым, сияющим. Ни мгновения не сомневаясь, Аполлон посидел еще подле деда, пока он поел свою кашу, помог ему сложить его немудрящее добро в мешок и отвел его в свою комнату в новой гостинице, где все спало крепким сном. Уложив спать деда, Аполлон набросил на плечи плащ, взял лиру, немного хлеба и денег и вышел из дома".

Снова листы книги крепко склеивались, и на развернувшемся новом месте Левушка стал читать:

"Долго шел Аполлон с караваном, высадившись с итальянского корабля, и пришел наконец к реке Ганга. И еще дальше пришлось ему идти, пока не нашел он нужного ему места среди лесов Индии. Здесь он внезапно услышал голос отца: "Последнее Зерцало Мудрости положи в яму у подножия скалы, укрой камнями и возвращайся ко мне. На этом месте будет Община, что поддержит людей в страшные минуты. И к этой Общине смогут подойти люди разных путей, религий и исканий, но только те, чьи сердца и ум сольются в гармонии. Те же строптивцы, что не смогут дойти через века и века своих жизней до гармонии, те будут жить в дальних местах отсюда, где уже не твой урок класть мои заветы. Возвращайся домой, будь благословен. Как был ты верен мне в этой жизни, так укрепитя верность твоя и в жизни следующей, где чаша Огня будет для тебя равносильна земной смерти".

Весь обратный путь Аполлон совершил в великой задумчивости, и никто сейчас не узнал бы в исхудалом, оборванном путнике того веселого красавца юношу, что вышел когда-то с лирой из дома отца.

Но аскетическое лицо путника сияло необычайным, светлым спокойствием, его Ласковый голос ободрял даже отчаявшихся, и добрался он до дому, идя в благословениях людей, как в сияющем шаре".

Снова склеенные листы перевернулись целой пачкой, и Левушка, с трудом разбирая, перевел:

"Читающий, чем дальше ты идешь в своем знании, тем легче ты должен понять, что ведет тебя по пути и как ты можешь принять участие в общей жизни вселенной.

Только тот входит в жизнь вселенной, кто научится не только видеть Бога в каждом человеке, но и чтить его в своих буднях.

Тот же, кто научится поклониться Огню встречного, войдет в общение с идущими впереди своего века как руководители и вожди своей современности.

Дошедший до этой ступени не возвращается больше в заурядное воплощение, но переходит в путь гениев и идет дальше, руководимый Теми, Кто невидим людям, не умеющим покорить свои страсти и стать господином самого себя, не теряющим полного самообладания ни в какие минуты жизни земной.

Прочитавший эти строки, пойми еще раз: нет тайн, нет рангов, нет условных делений на высших и низших. Есть только освобожденная Воля-Любовь, освобожденное от условностей зрение, освобожденная от скорбей Радость".

Ясса стучал в дверь. Мы уложили книгу, закрыли стол и, полные чувства благодарности, вышли из комнаты Али.

На этот раз надпись нас нигде не задержала, но, когда мы вышли в коридор, перед комнатой омовений точно висела в воздухе огненная надпись: "Храм не там, где сияют лампы. Храм — сердце человека; и куда бы он ни пришел, он может видеть только то, что в его сердце выросло.

Учитесь, неофиты, не судить людей, в каком бы виде они пред вами ни предстали. В тех местах, где живут грешные, — грешнее всех тот, кто грех, а не Бога в грешнике увидал".

Слова погасли. Мы совершили обычное омовение и прошли за Яссой в столовую И. гораздо раньше, чем приходили все эти дни.

Встреченные, как всегда, приветливой улыбкой И., мы не могли не заметить, что сегодня на его лице была какая-то особая серьезность.

— Как только вы поужинаете, — сказал он нам, не прикасаясь сам к еде, — мы отправимся будить профессора. Читая сказку древнейших времен, вы поняли, что ни в какие времена не было иных принципов движения людей к совершенству, как именно те, с которыми вы встретились в вашей современности. Древнейшая Мудрость, как и мудрость наших дней, говорит об одном: о раскрепощении в себе зерна Вечности от давления собственных предрассудков, суеверий и страстей. Об укреплении освобождающихся частиц любви в себе умением жить во всей полноте чувств и сил, не поддаваясь компромиссам. О достижении этой цельности, вскрывающей внутреннее зрение и слух, через ряд путей, облегчающих человеку это достижение. И наконец о главных условиях,

приводящих каждого человека к самому легкому, самому короткому и самому простому его пути: верности до конца, послушанию до конца. Сейчас вы будете присутствовать при пробуждении человека, не знавшего компромисса в своем служении науке. Наука была его Богом, которому он поклонялся, не будучи в силах даже представить себе возможности отойти от нее на одну минуту. Перестаньте думать, что путь человека к совершенству — это только духовное искание, религия, искусство или проповедь любви, где все отдано прямой своей цели: служению людям. Эти пути редки.

Чаще люди стремятся по ответвлениям, даже не нося в себе идеи служения человечеству, вроде профессора. И тем не менее путь их велик, они живут в той гармонии, которая делает их движущимися точками вселенной. Их самолюбие, их личные желания не закрепощают их. Они видят своего Бога и поклоняются Ему без тех перегородок, которые выстраивают между собою и Богом узкие религиозники или искатели, мечтающие войти в новое царство добра и любви, оставаясь сами в старых шкурках собственных страстей. Сосредоточьте свои мысли, думайте о Профессоре со всей широтой вновь открывшихся или, вернее сказать, еще раз осветившихся для вас древней мудростью знаний, несите всю чистоту и мир ваших сердец, и двинемся к домику профессора.

Сегодня вы оба поймете на деле, что такое действенная встреча. Не присутствие ваших тел, наблюдающих тот или иной факт, мне нужно. Но активная сила вашего творческого духа, Любовь — действие, Любовь — полное внимание к жизни другого, Любовь — забвение себя как единицы плоти, Любовь — единение в Духе и Огне как Свет вселенной.

Раскрыв широко руки, И. прижал нас обоих к себе, и на миг я точно утонул в блаженстве. Когда И. отодвинулся от нас, я был ослеплен, мне казалось, что в одну минуту я проскочил целую вечность. Я ощущал себя необычно сильным, бодрым, счастливым. Такое спокойствие царило во мне, точно вся земля и все небо поют мне песнь привета и я отвечаю им, не зная, где граница моей возможности их любить и им поклоняться.

Я взглянул на Бронского и подумал, что до сих пор вовсе не знал этого человека, что только сейчас я понял, как он гениально талантлив, — таким огнем сияли его глаза, такой силой веяло от его богатырской фигуры.

Молча, в благоговении, точно три шара любви, мы шли к домику профессора. Но мне казалось, что мы не идем, а мчимся, таким легким я себе казался и такими же легкими казались мне мои спутники.

В домике профессора мы нашли полную тишину. На крыльце нас встретил Никито, провожавший от себя Лалию и Нину, поклонившихся нам

и быстро Скрывшихся во тьме.

— Привет, Учитель, привет, друзья, — сказал Никито, здороваясь с нами. — Все сделано, как ты приказал, Учитель. — обратился он к И. — Хорошо, отпусти сестру Герду и прикажи ей сейчас же лечь спать в своей комнате. Ей нужно успокоить и подкрепить свой организм. Оба вы были все эти дни так усердны, что ты не учел, сколь хрупок организм женщины и повел ее слишком скоро и далеко в ее новых знаниях и опыте. Ей было достаточно тех рамок, которые я тебе наметил, для полной подготовленности к путешествию. Теперь же, пожалуй, придется задержаться нам всем и обождать, чтобы ее организм пришел в равновесие.

В словах И. не звучало ни упрека, ни выговора. Но каждый из нас остро почувствовал, что Никито неточно выполнил то послушание, которое на него возложил И. — Прости, Учитель, вновь моя неустойчивость, которую я счел добротой, ввела меня в заблуждение. Сестра Герда так молила меня помочь ей пройти дальше указанного тобою в знаниях. Она уверяла меня, что еще никогда не была так сильна и не чувствовала себя здоровее и увереннее. И я не устоял против ее мольбы. Я предполагал, что помогу ей крепче закалиться и лучше подготовиться к ее путешествию. И только в эту минуту я понял, что принес ей вред, а может быть, повредил и всему твоему делу, задерживая твой караван здесь. Прости, Учитель, только на один миг я выпал вниманием из орбиты данного тобой поручения, на один миг поддался личному восприятию текущей минуты, подпал под его влияние — и совершил непоправимую ошибку, поддавшись личной мольбе человека. Да будет мне это вечным уроком, который я прочно знаю в теории и мечте и плохо выполнил в простом действии обычного дня. Теперь я всегда буду бдителен и буду помнить: зрение и слух, знание и милосердие Учителя моего больше и яснее моих. Я должен идти только так, как видит, знает и ведет меня мой Учитель.

Сестра Герда жаждет видеть тебя и говорить с тобой. Можно ее позвать к тебе?

— Это было бы возможно, мой дорогой друг, — с необычайной нежностью сказал И., - если бы Герда, удержавшись в границах, указанных ей мною, продумала, прочувствовала полученные ею знания и привела себя в полное и устойчивое самообладание. Теперь же она похожа на бурлящий самовар, выбрасывающий кипяток и пар из всех своих щелей и пор. Отведи ее домой, передай ей мое приказание, научи в эти короткие минуты понять ее собственные и твои ошибки и, кроме того, так перелей любовь и мир своего сердца в нее, чтобы она поняла, что надо забыть о себе и своих желаниях, а думать об общем великом деле, которому она хочет служить и

ради которого хочет ехать в дальние Общины. Это не пикник или прогулка в оазис с роскошной растительностью, которую можно встретить только в оазисах пустыни. Это великая сила Любви, которую несет каждый из намеченных к путешествию путников для радости и примиренности тех, к кому едет. И чтобы суметь принести и подать свои дары встречным, надо самому стоять в полном самообладании и беспристрастии к тем, кто живет и дышит вокруг нас. Я предупреждал и тебя, и Герду: ленивый не всегда может быть принят в Общину, но только тогда, когда его лень происходит от физической слабости, которая легко читается в его ауре. И такой ленивый никогда не бывает неряшлив. Чрезвычайно же суетный и тормозливый, воображающий, что он очень усерден и темпераментен, не сможет продвинуться в ступенях Общины дальше первой, так как его самообладанию мешает его собственная неряшливость духа: ничего до конца, все в мировом масштабе — и в результате мыльный пузырь. Иди, друг, мы тебя подождем.

Возвращайся.

О, как я сочувствовал Никито, молча поклонившемуся и ушедшему в дом. Всем сердцем я понимал, как рыцарски героичен был Никито по отношению к Герде, как он желал помочь женщине и, тронутый ее мольбами, увлекся и вышел из указанных ему И. границ. Всем сознанием я молил моего милосерднейшего друга Флорентийца помочь Никито найти нужные в эту минуту леди Бердран слова, провести ее к высшей радости: понять свою ошибку, благословить Свет, показавшийся ей, и творчески, любя и побеждая, смиренно принять идущий урок.

— Ты, Левушка, — вдруг услышал я голос И., - сосредоточься еще глубже, и Вы, Станислав, также желайте Герде и Никито принять данное мгновение не как наказание или раскаяние, но как радость освободиться от иллюзорного "расширения сознания". Не космическое сознание расширялось в Герде, не ему помогал Никито, но расширялась ее личность, и она ослепила их обоих. Этот маленький урок вместе с тем, что вы прочли в комнате Али, пусть будет вам освещением многого, что вы увидите сейчас и кого увидите в дальних Общинах. Там живут люди жаждущие, всегда приподнятые в своих духовных желаниях и достижениях и не имеющие сил забыть о них для общего блага.

И. взял каждого из нас за руку, и я снова ощутил блаженство Любви, мира, радости и бесстрашия, в которых я несея за Гердой своими мыслями, точно между мной и ею не было перегородок пространства, времени, пола, формы... Теперь мне показалось, что все мы трое понесли вместе над Никито и Гердой, о чем-то говоривших. О чем-то плакала Герда, но я знал,

что все мы поем им песнь торжествующей Любви...

Сколько прошло времени, я понять не мог. Для меня снова мелькнула целая вечность. Я почувствовал какой-то толчок и увидел себя и Бронского стоящими на том же крылечке, с которого мы вошли в дом, и услышал слова И., обращенные к Никито:

— Аминь, мой друг. Да будет вовек в тебе знание, что и доброта может не только вредить движению человека, но может даже и погубить его, низведя его из высшей формы в низшую. В данном случае еще не совершилось ничего ужасного. Но могут быть случаи, где доброта, ложно понятая, мешает развиваться самообладанию другого человека. Если твой друг не может сдерживать своих страстей и своего раздражения в твоём присутствии, если ты не содействуешь его умиротворенности и не видишь успехов в его самообладании, Ты виновен. И виновен не только перед тем, что видишь, то есть перед временной его формой, но виновен перед его вечной жизнью, в которой твоя любовь помогла ему понизиться в его ступенях вечного совершенствования. Твое иллюзорное милосердие, твоя призрачная любовь к другу в данном случае могли быть причиной даже того, что ему в следующее воплощение пришлось бы нести тяжкий урок зависти и к знаниям, и к положению других. Могут быть и такие случаи, если поведение твоего друга в твоём присутствии часто идет в напряженном раздражении и бешеных порывах несдержанности, что ему придется начать следующее воплощение не в человеческой, а в животной форме, — и ты будешь нести ответ и за него, и за себя. Путь духовного общения — не обычная форма обывательской дружбы, в нем или славится Единый, или опошляется Вечное.

Сосредоточьте сейчас все свои мысли на пути той великой души, что вы встретили в оболочке профессора. Отдайте ей все свое цельное внимание, чтобы она могла продолжать свою жизнь земли, вынести в мир свою преданность науке не как личное свое дело и достижение, но как великую радость труда на общее благо. Профессор всю свою жизнь забывал о себе, но и не думал о людях, которые населяли мир рядом с ним. Он забывал о себе, но помнил все свои лишения, нес их как тяжкое бремя, добавочный груз к науке. Теперь надо помочь этой душе узнать свободное служение своему Богу, свободному потому, что часть Его — вечно свободная — живет в нем самом и не может быть никогда и ничем связана. Надо приложить все наши усилия ума, духа и сердца, чтобы профессор это понял и создал себе жизнь освобожденного существа.

И. вошел в дом, мы прошли за ним. Никито осветил комнату и... я едва не превратился в "Левушку — лови ворон". На постели лежал человек,

профессор и не профессор, если не совсем юный, то во всяком случае настолько молодой, что я годился ему в товарищи. И воспоминания не было о том изможденном старике, которого я увидел ночью, не говоря уже о том полутрупe, который мы уносили из библиотеки.

И. подошел к кровати больного, — но теперь это слово совсем не вязалось с видом нового профессора, — указал нам с Бронским, где нам стать, чтобы ясно видеть лицо Зальцмана, и положил свою руку на его голову.

Я пристально вглядывался в лицо ученого, и чем больше я смотрел, тем четче видел, что это действительно тот же профессор, но кожа его гладкая, нигде ни одной морщины, рука красивая, с длинными тонкими пальцами, не рука старика, а рука молодого человека в расцвете сил. Я был так поражен, что потребовалось прикосновение Никито к моему плечу, чтобы я вернулся в самого себя, вспомнил, где я и зачем я здесь.

От прикосновения руки И. профессор улыбнулся, лицо его стало счастливым, но он продолжал спать. И., не отнимая руки от его головы, сказал:

— Проснитесь, мой друг. Вы уже вполне отдохнули, вам надо приниматься за работу.

Профессор вздрогнул, сразу гибко, по-молодому сел на постели и с удивлением посмотрел на И., на меня, на никогда не виденных им Бронского и Никито.

— Что за чертовщина, — пробормотал он, протирая глаза. — С тех пор как я добрался до этой проклятой страны, жара помутила мои мозги, иссушила меня хуже любого голода, а сны хотят, кажется, свести меня со всякого ума.

— Напрасно, профессор, вы в претензии на нашу милую и гостеприимную страну. Не трите ваши глаза, а скажите нам лучше, как вы себя теперь чувствуете? Помогла ли вам наша медицина? — улыбаясь, спрашивал И. Профессор имел вид упавшего с неба и, раскрыв рот, уставился ничего, кроме испуга, не выражавшими глазами на И. И. взял его бессильно свесившуюся руку и спросил, ласково нагибаясь к нему:

— Разве вы не помните, что Франциск привел вас в Общину, что вы заболели здесь от нашего Солнца?

Некоторое время Зальцман молчал, потом вздрогнул и сказал:

— Да нет же, не солнце, а женщина, которая горела в доме со своими мыслями-образами, и эти живые мысли меня убили. Где же я теперь? Да, да, я вас знаю и... вот этого Геркулеса. Остальных никогда не видел. Но пощадите! Неужели же вы предельно надоедливые гипнотические опыты

вроде Франциска?

— Я был бы по меньшей мере полубогом, если бы мог оставить вас в гипнозе столько часов, сколько вы мирно проспали, и сохранить вам жизнь. Понаблюдайте себя. Вы называете Левушку Геркулесом. Но, по-моему, Геркулес — это вы, если судить по той силе, с которой стучит ваше сердце и переливается в жилах кровь.

— Да, я действительно точно вернулся к тому давно прошедшему, когда мне было двадцать лет. Я чувствую совсем необыкновенный для меня прилив сил.

— Вот поэтому не тратьте времени напрасно, вставайте и начинайте новую трудовую жизнь. Левушку вы уже знаете, а это мои близкие друзья — Никито и Бронский. Пока этого довольно для первого знакомства. Вы будете еще иметь время узнать о них больше. Сейчас знайте о них, что они такие же близкие вам, доброжелательные люди, как и все те, с кем я познакомлю вас здесь. Влезайте в халат, что вам дает Никито, и бегите в ванную.

— Все это более нежели странно, доктор И. Что вы — доктор И., это я ясно сознаю.

Что я силен, точно молодой, мне не менее ясно. Что... я хочу есть, как будто я дня три не ел, а не вчера вечером лег спать, это мне тоже более чем ясно. Но вот почему во всем моем теле зуд, точно меня обглодали москиты, почему я весь такой липкий, точно я всю жизнь не мылся, этого я не постигаю, просто возмущаюсь, — разводя руками, говорил Зальцман, и голос его, точно голос оперного певца, гремел.

Он сам это заметил, снова с удивлением взглянул на И. и продолжал: — Что же это такое будет дальше? Я говорю сейчас, как привык говорить всегда, а выходит у меня какое-то львиное рыкание. Я не смог удержаться и залился смехом. Бронский, очевидно давно сдерживавший смех, раскатился пуще моего.

— Извольте видеть, этот Геркулес со своим приятелем Зевсом меня на смех поднимают, а я уверяю вас — дайте этому великану бороду, и выйдет подлинный Зевс.

Никито, улыбаясь, предложил профессору пройти скорее в ванну. Я и Бронский, поклонившись Зальцману, просили у него прощения, уверяя, что нам и не снилось над ним смеяться, но что моей смешливости еще не положен конец, и она, охватив меня, заражает всех.

Зальцман пристально посмотрел на меня, точно забыл обо всем, и со вздохом сказал:

— Вы юны. Ах, как вы юны! Если бы мне было столько лет, как вам!

Как много я бы мог еще сделать, как ужасно, что жизнь так коротка. Только едва подумал всерьез, что-то понял, как уже все кончено, пришла старость, и труд не выполнен до конца.

— Полноте, вам ли говорить о старости, когда сердце бьется и вопит: "Я молод, силен, хочу трудиться". Идите же в ванну, смойте с себя пыль пустыни, как вы думаете, и липкий пот ее жары. Ваши новые друзья помогут вам одеться по-нашему, что вам будет гораздо удобнее. Возвращайтесь омытым и переодетым и ешьте ваш ранний завтрак. Оглянитесь, наша короткая ночь уже минула, уже занимается заря, — сказал И., и лицо его ласково улыбалось, но улыбались одни уста, а взгляд был глубоко сосредоточен и серьезен.

Мы вышли вместе с Зальцманом из комнаты, Никито шел впереди, указывая нам дорогу. Когда я судил о домике по его внешнему виду, я никак не предполагал, какой он поместительный и комфортабельный внутри. Дойдя до комнаты с круглым бассейном, куда бежала вода из пасти льва прямо через стену, профессор, оглядывая комнату, прошептал:

— Как все не по-европейски, как не по-европейски.

Он нехотя сбрасывал с себя одежду, но, как только вошел в теплую воду бассейна, рассмеялся в полном удовольствии и принялся плескаться в прозрачной воде.

— Никогда не воображал, что ванна может быть таким блаженством.

Это его последнее слово напомнило мне о духовном блаженстве, так недавно испытанном мною, и я подумал, скольким людям я глубоко обязан за те духовные ванны, в которые я погружался за это долгое время, начиная с моего знакомства с Али и пира у него.

— Бог мой! Что такое? Почему вдруг вода бежит такая грязная? Где-нибудь в этом водопроводе что-то случилось! — вдруг услышали мы вопль профессора.

Но вода продолжала бежать такой же чистой и прозрачной, как и сначала, вокруг же профессора она действительно была неприятного бурого цвета. Заметив это, Зальцман снова возмущенно сказал:

— Это не водопровод, это мыло ваше восточное такое безобразное.

Никито подошел к бассейну, взял из рук Зальцмана мыло, намылил им свои руки и показал их ему в белоснежной пене.

— Это не вода и не мыло, профессор. Это ваше собственное тело выбрасывает свой липкий пот. Наверное, И. объяснит вам, что влияние нашего климата, наших лекарств и того очищения всего вашего организма, которое совершается со всеми, кто живет в нашей Общине вблизи таких совершенных людей, как Франциск, И. и многие другие, приводит именно

к тому, что организм человека выбрасывает из себя нечто вроде духовных отбросов, — сказал он, приглашая профессора выйти из ванны и убеждая его, что не только сегодня, но и в течение многих ближайших дней, а может быть, и лет он не сможет смыть со своего тела отживающих страстных эманаций. Эманаций, которые будут освобождать его мысль только постепенно, по мере того как очищающийся организм будет выбрасывать их все больше. Соответственно этому очищению всего организма будет расширяться и очищаться вся его мысль.

Профессор был возмущен до крайности словами Никито.

— Ах, я не чистый? — воскликнул он. — И мои мысли не чисты? А вот эти Голиафы чисты? — называя на нас с Бронским, негодовал он.

— Нет, — ответил Станислав. — Мы гораздо менее чисты, чем вы, профессор, и вода с нас текла и течет почти черная, особенно с меня.

Нисколько не успокоенный таким заявлением, профессор вышел из воды, бурля сам не менее, чем бассейн. Помогая ему одеваться, я был поражен, как молода и свежа стала его кожа, как гладки и молоды были его руки. И я удивлялся своей рассеянности, почему же он показался мне таким дряхлым и бессильным, когда шел по библиотечному залу, освещенный ярким светом восточного дня.

Все еще негодуя на всех и вся, с досадой надевая восточный костюм, профессор завязывал сандалии, как я ему говорил, в свое время обученный этому искусству Яссой. Вдруг он остановился в своей усердной работе над левой сандалией, опустил на пол ногу и поднял на меня такие детски недоумевающие глаза, что я готов был прижать его к сердцу, как самое маленькое дитя, забыв, что это великий ученый Европы.

— Скажите, дорогой Геркулес, что же это такое со мной творится? — обратился он ко мне доверчиво и ласково, хотя бурлил минуту назад. — На этой ноге у меня уже лет двадцать была незаживающая ранка, всегда причинявшая мне нудную боль вроде зубной. Сейчас от нее и следа нет. И сам я не только не чувствую утомления, но полон сил и энергии. Точно молодость ко мне вернулась. — Он посмотрел на свои руки и продолжал, все так же беспомощно спрашивая у меня ответа глазами: — Руки мои всегда были красны, так как я вечно их отмораживал, теряя свои перчатки. На них были мозоли и шишки, сейчас они гладки так же, как ваши. В чем дело? Я, правда, очень рассеян во всем, кроме науки. Я не обратил внимания ни на ногу, ни на руку, когда входил в воду. Неужели этот бассейн нечто вроде Силоамской купели, и вода в нем может так исцелять человека, чтобы уничтожить все его раны и даже возратить силы молодости?

— Мы сейчас пойдем к доктору И., — ответил за меня Никито, — и вы

убедитесь в беседе с ним, что в мире нет чудес, а есть та или иная ступень знания. Позвольте вашим новым друзьям — Голиафам, как вы их называете, одеть вас поскорее. И. ждет нас, да и вам пора кушать.

— Да, есть я хочу. Но я так озадачен всем происходящим, что ничего не могу сообразить, ничего не связывается в моих мыслях в логическую связь, точно в моем сознании вдруг открылся ряд дыр, — задумчиво отвечал профессор.

— Разрешите мне взять вас под руку, дорогой профессор, — сказал я. — Я ни в коем случае не могу идти с вами в сравнение как зрелая и дисциплинированная мысль. Но я перенес очень много горя, и мне понятна та растерянность, в которой вы находитесь сейчас. Здесь все поражает. Но такую огромную духовную силу, как вы, ничто не может расстроить, с чем бы вы здесь ни встретились. Эта полоса раздражения, которая мучит вас сейчас, минует и приведет вас к новой гармонии, в которой вы иначе увидите И., чем видели и понимали его до сих пор.

— Беседа с И. стала для меня теперь кульминационной точкой всего существования.

Дальше или я должен что-то понять, что было недостаточно для моей мысли и недоступно ей, или он должен убедиться в легкомыслии всего того, что он мне говорил.

— Не сомневаюсь, профессор, — смеясь сказал Никито, — что сила юности, которую вы с удивлением ощущаете во всем своем организме, перелилась также и в ваш мозг. И все, что вам казалось прежде конечным результатом, может оказаться теперь только началом ваших дальнейших достижений. Идемте же, оставьте все сомнения, не думайте ни о прошлом, ни о будущем, а только об этой текущей минуте, о вашем свидании с И. Ведь только для этого вы совершили одно из самых труднейших путешествий, следовательно, только для этого была прожита вами вся ваша трудовая жизнь, со всей ее преданностью науке и лишениями для нее.

— Да, да, конечно, все это так. Надо оставить мысли обо всех этих бесконечных вопросах и не искать сейчас на них ответов. Надо всю мысль сосредоточить на главном, когда буду беседовать с вашим мудрецом И., которого вы мне сулите увидеть по-новому, — лукаво улыбнулся Зальцман, кинув взгляд в мою сторону.

Он взял меня под руку, к чему не особенно был склонен несколько минут назад, шел со мной, весело улыбаясь, как будто что-то знал особенное, о чем никто, кроме него самого, и не подозревает. Никито провел всех нас в другую половину дома, где был приготовлен завтрак, но где мы И. не нашли.

Глава 15

Первые опыты новой жизни профессора. Его беседа с И. Сцены из его прошлых жизней. Франциск и еще раз карлики

Я видел много очень хороших аппетитов, и мой собственный заслуживал не раз ироническое одобрение И. Но как уплетал блюда профессор, этим я был так удивлен, что сидел истуканом, совершенно неприлично уставясь на него. И., говорил, что профессору было необходимо отоспаться за всю жизнь лишений. Я сейчас думал, что если он будет и дальше так есть, то, пожалуй, наестся на три жизни вперед.

Наконец он отодвинул тарелку с последним куском дыни и сказал:

— Если бы я не собственным мозгом наблюдал, что это именно я так ел, я разорвал бы на куски каждого, кто решился бы мне сказать о такой для меня возможности.

— Я рад, что вы убедились на этом пустяке, как многое, кажущееся невозможным, оказывается реальнейшей действительностью, — войдя незаметно для всех нас, сказал профессору И. Он протянул обе свои руки окончательно сконфуженному ученому, весело улыбнулся ему и нам и пригласил нас всех в следующую комнату. Здесь, к полному удивлению Зальцмана, были разложены в полном порядке все его тетради и записи, карты, книги и словари, которые он оставил в домике отдаленной Общины, в своем первоначальном жилище, откуда его увел Франциск в памятную для меня ночь.

— Мой Бог, все, все в порядке, ничего не забыто, ничего не разбросано. Кто же все это сделал? — нервно рассматривая свои научные материалы, спрашивал профессор, бросаясь от столов к полкам, к другим столам и табуретам, поражая нас гибкостью и молодостью своих движений.

— Это сделал Никито со своими племянницами, опытными библиотекарями, которых вы видели в большом зале библиотеки — ответил И.-Которых я видел не только в большом зале, доктор И., но и еще кое-где, о чем вам хорошо известно, но чего вы не желаете уже вторично заметить, — стоя посреди комнаты сказал Зальцман, и нечто вроде укора И. прозвучало в его голосе.

— Присядьте, друг. Для вас лично и для всех, кто сейчас здесь, не бесполезно будет прислушаться кое к чему в нашей с вами беседе, — обратился И. к ученому, пододвигая ему к столу большое, удобное кресло и

сядаясь сам в другое. — Хотя вы и чувствуете себя очень сильным, хотя пища подкрепила вас, как вам кажется, на много дней, все же скушайте эту бодрящую пилюлю. Ваши отдохнувшие мысли получили возможность быстроты и новой точности движения. Ваши обновленные нервы освободили в вас теперь так много скованной прежде духовной энергии, что ваше тело, как бы оно ни казалось вам обновленным, не будет в силах повиноваться вашей воле и поспевать за работой вашей мысли. Оно будет уставать. Эта пилюля даст ему возможность следовать за вашей энергией духа, не отставать и не мешать ей своим бессилием.

И. подал Зальцману оранжевую коробочку, из которой тот вынул, усмехаясь, небольшую пилюлю, иронически на нее поглядел, держа ее в руке, проглотил и заявил:

— Если бы мысли моей вздумалось в беседе с вами летать не только на земле, но и над землей, ей хватило бы сил моего тела на много лет, а не только на тот час, который мы будем беседовать с вами. Да и вообще впервые слышу, чтобы духовная материя двигала мыслями человека. Тело, материя плоти, выделяет силы для невидимой материи мысли и дает ей первоначальный источник и пределы, за которыми ничто не существует. Если я иногда необдуманно говорю привычное с детства слово «Бог», то я говорю его совершенно так же, как сказал бы «ветер», которого не вижу, или «эфир», о котором предполагаю, или о любой иной гипотезе, мало нужной и вообще совершенно бесполезной в науке, где нужны талант и знания, точные и неподдельные, то есть отнюдь не метафизические разглагольствования.

— В этом и состоит ваша первая ошибка, что вы рассматриваете вселенную, как оператор разглядывает распростертое перед ним тело, где его нож может быть конечным хозяином и чудотворцем. Чудо знания постигает как действительность тот, кто смог проникнуть и осознать в себе часть Бесконечного, не подлежащего измерению, разложению и времени, что составляет основу его жизни, неизменную и вечную. Подойдя к источнику духовных сил в себе, ученый постигает, где вход в тот мир сверхсознательного знания, которое он хочет путем сознательно приложенных знаний, из математического расчета выведенных формул подать людям. А также он открывает путь к новому, облегченному для них достижению знаний в своей отрасли науки. Если геометр истратил половину своей жизни на чистый труд исканий многомерных пространств и оставил в стороне все формы движения механики, он не дойдет до той гармонии, где два начала, два движения: тело и энергия могут достичь новой точки слияния. Ибо новая отправная точка каждой дисциплины, —

это его собственное духовное видение, которое выражается человеком в знаках, ухваченных его интуицией. Вы, в вашем труде, сделали все, что мог сделать ум.

Теперь вам надо ухватить новую силу озарения и пройти за ту черту, за тот барьер, где вас держит ум. Ваша задача: ввести в умы людей не только усовершенствованный метод и облегченные способы, как сделать науку прикладным ремеслом для жизни данного момента. Ваша задача еще и раскрыть в умах людей новую щель. Чтобы каждый приближающийся к науке человек мог сознать в ней не только проходящее течение потребностей человечества в данное сейчас. Но понять в ней то творческое начало, что вводит в единение людей, дает еще одну новую возможность постичь Единство всей жизни вселенной. Конечная материя, с которой вы привыкли иметь дело, выведенная вами формула нового сцепления частиц открытых вами же новых веществ, не что иное, как все та же Единая материя, о которой вы не желаете ничего слышать, атомы которой расположены в своем вечном движении иначе. Вы открыли не новые вещества как таковые, а новые способы вращения атомов, которого в этом случае не могли подметить другие, менее внимательные и менее верные в своей преданности науке ученые. Ваша интуиция, гармония всего вашего существа, ваша преданность науке до конца дали вам возможность проникнуть в это звено Мирового Разума. Но это не значит, что на нем заканчивается цепь тех знаний, что смогут дальше открывать люди и выносить их в мир. Вам надо понять, что не материя тела вела, ведет и будет вести вас к откровениям. Но те порывы интуиции, которые вы сможете раскрыть в себе как озарения для вашей мысли. Ваше сознание — только путь к сверхсознательному творчеству. И на этом пути, допущенные вами ошибки ничтожны. Вы это сами сейчас увидите. Ваш труд может стать великим сдвигом в истории человечества. Но «может» еще не значит «будет». Для этого вашей мысли, вашему сердцу надо уловить ритм не останавливающегося Движения всей вселенной. Материя видимых вещей не составляет основного фона всей Жизни. Вся Жизнь не может изменяться в зависимости от формы. Изменяется временная, земная форма в зависимости от той части Жизни, которая в ней раскрыта, тех пределов, в которых свет может быть постигнут человеческой формой как свое собственное основное ядро. И чем яснее, точнее, шире эта форма постигла, в какой мере и степени она связана со всей Единой материей вселенной, тем дальше она может проникнуть в законы этой вечной Материи своей интуицией. Тем шире форма может ввести эти законы вечного Движения в русло обыденных человеческих пониманий как ту или иную отрасль науки

или искусства и вылить в толпу малотворческих и малоодаренных людей как простые знаки формул, слов, нот или красок для нужд обычного серого дня людей. И чем выше верность человека своей отрасли творчества, тем выше его служение людям, тем большей толпе людей он создает не серый, а сияющий день жизни. Вы стоите сейчас в тупике. Вы запутались в сетях материи и считаете, что бредни о Боге, заигрывания с Ним в виде церкви и религии — все судьба узколобых, чьи силы малы, чтобы дерзать строить жизнь без глуповатой гипотезы Бога. Если бы по вашему пониманию могла идти счастливо творческая жизнь народов, зла давно бы не существовало в мире. Зло искоренялось бы теми принципами ограниченного разума, который вы зовете знанием. Выгода и практичность каждого существа держали бы его крепче всего в пределах добра, и ни один человек не мог бы быть вором или убийцей, так как знание наполняло бы в нем все. Но в человеке не все конечно, и за всем тем, что в нем конечно, живет часть вечной материи, которая не подлежит влиянию конечного знания, конечного пространства и времени. Эта Вечная часть формы подлежит только законам Вечности: причине и следствию. Если бы вы не имели в себе этой частицы вечности, если бы вы уже много раз не приходили на землю как форма конечная, вы не могли бы быть здесь сейчас, где один из нас вам многим обязан в своем прошлом, в одной из своих прошлых жизней, прожитой возле вас.

— Доктор И., помилосердствуйте, — сказал профессор, и лицо его носило злое, саркастическое выражение. — Я ехал сюда для великой науки, я шел сейчас для важнейшей беседы с ученым, и вдруг... Я даже не знаю, как мне выразиться о ваших словах. На мой взгляд здравомыслящего человека, это все бред, то, что вы мне сейчас говорите. Простите, но все это отдает плохим душком шарлатанства.

И. улыбнулся, как улыбаются глупеньким детям, остановился возле негодующего профессора и сказал:

— Чтобы что-либо утверждать или отрицать, надо иметь веские данные, опытом вынесенные в жизнь дня. Все то, что я вам сказал, — это опыт моей жизни. Хотите ли вы, чтобы я помог вам сейчас вспомнить маленький факт одной из ваших предыдущих жизней? Но предварительно скажите мне: верно ли, что вы великолепный пловец? При всей вашей занятости вы находили время заниматься плаванием и доведи его до совершенства. Почему?

— Что у меня была всю жизнь страсть к плаванию, это вы угадали. Что я довел эту страсть до совершенства и даже до науки, это точно. Не менее точно и то, что я желаю приобрести с вашей помощью опыт воспоминания

чего-либо из моего прошлого, если только и вам удастся меня одурачить, как это удалось однажды Франциску. Но в эту минуту я уже не тот бессильный старик, который еле плелся ночью в пустыне. Я крепок и силен и надеюсь, что ничья воля не согнет теперь моей.

Профессор говорил с большим вызовом и уверенностью, И. улыбался ему мягко и снисходительно, Никито укоризненно и грустно покачивал головой, а лицо Бронского выражало полное расстройство, точно он хотел крикнуть Зальцману: "Замолчи!" И. положил свои руки на голову профессора, и мгновенная перемена произошла во всей его фигуре. Лицо его выразило блаженство, он мягко прислонился к спинке кресла и застыл в позе человека, прислушивающегося к чему-то далекому и радостному.

Вдруг в полной тишине, водворившейся в комнате, раздался слабый, удивленный голос:

— Я вижу странный, неевропейский город у моря... Это Япония! — воскликнул он вдруг после некоторого молчания. — Боже мой, неужели этот юноша, самоотверженный и чистый, этот японец, который научил меня так прекрасно плавать, должен утонуть только потому, что мне вздумалось получить приз и неосторожно броситься в воду?

Я выплыл благодаря его трудам. Я подзадорил его тоже оспаривать приз, и он не выплывет?! Я, правда, устал, очень устал, — сказал он, вдруг изменившимся, слабым голосом. — Но оставить его одного в минуту опасности, после того как я его вовлек в эту глупую игру, я не могу. Простите мне, боги, покровители наук, что я не dokonчил посвященный вам труд. Оправдайте меня перед судьбой, но бесчестным я быть не могу. Юноша так много сделал для меня. Я сейчас устал, ох, устал, вряд ли ему помогу. Но все же поплыву ему на помощь.

Вновь наступило полное молчание в комнате, слышно было только усиленное дыхание профессора, лицо его выражало все стадии напряжения и борьбы, наконец ужаса.

Дыхание стало похоже на свист. Несколько мгновений мне казалось, что профессор переживает агонию, что сердце его не выдержит неистовой борьбы, в которой он бьется, но внезапно он выпрямился и почти шепотом сказал:

— Ну вот мы и выбрались, друг. А я уже думал, что от акулы не уйдем и в последней волне захлебнемся. Слава богам, теперь мы на земле. Полежим спокойно...

И. сделал движение рукой, точно отодвигая какую-то картину в воздухе, посмотрел на Никито, и тот, повинаясь его взгляду, подошел вплотную к креслу ученого. И. взял руку Никито, положил ее на сердце Зальцмана и,

продолжая держать свою руку на его голове, сказал:

— Вы пережили сейчас сцену одной из своих жизней, происшедшую несколько веков назад. Не узнаете ли вы вашего бывшего друга, которому вы спасли жизнь, в одном из нас?

Зальцман открыл глаза, в первые минуты он как бы ни чего и никого не узнавал, потом оглядел всю комнату, послал нам с Бронским улыбку, шепнув: «Голиафы», и только тогда посмотрел на стоявшего с ним рядом Никито.

Необычайное изумление выразилось на его лице. Он поднял голову, посмотрел на И., еще раз на Никито и пробормотал:

— Я не могу узнать в этом внешнем виде моего старого друга. И вместе с тем я вижу движущуюся, светящуюся ленту, которая связывает тело у моря с фигурой этого человека. Теперь там, на берегу, не лежит тело, но там сверкнуло нечто вроде огня, а сейчас я вижу этот огонь возле сердца Никито, у его горла и у его бровей. Что же это значит? Я ничего не понимаю. Но всем своим сознанием знаю, что тот японский друг и Никито — одно и то же лицо.

— Вы увидели суть, вечную и неизменную, ту частицу Вечности, что живет во временной форме человека и остается в каждой его форме неизменной. Будете ли вы теперь, убедившись опытом в своей предыдущей жизни, пережив еще раз уже однажды испытанное вами героическое чувство, отрицать, что вы уже жили на земле и знаете не впервые кое-кого из нас? — спросил И. — Нет, я не решусь больше ничего отрицать. Но я не имею права и ничего утверждать, поскольку я убежден, что вы пробудили во мне какие-то силы вашим гипнозом, — ответил Зальцман.

— Если вы думаете, что силой моего гипноза я мог унести вас в далекую страну, то вы настолько большой ученый, чтобы твердо знать, что из ничего не бывает ничего. Чтобы воскресить в вас воспоминания, я должен был увидеть их в вашей подсознательной памяти. Вы, глядя на Никито, испытывать не раз нечто похожее на волнение, вызывавшее в вас непонятные вам самому нежность и удовольствие. Верно я понял ваши чувства?

— Определенно и точно. Но как могли вы их угадать?

— Об этом после. Увидев ваши мысли и чувства, я проследил ход ваших предшествовавших жизней и жизней Никито. Я нашел в них — по светящимся и скрещающимся линиям вечной материи духа — ту сцену, которую вы только что пережили здесь. Есть ли у вас мужество и хотите ли вы увидеть вашу связь со мной? Я спрашиваю, есть ли у вас мужество, так как в прошедших жизнях каждого человека есть такие страшные страницы,

перед которыми замирают в ужасе даже самые бесстрашные сердца. Страница вашей связи в прошлом со мной — одна из горестных и ужасных страниц вашей жизни.

— Если бы вы сказали мне, что я могу увидеть нечто прекрасное, совершенное мною в жизни, или нечто великое, сделанное мною в науке, пожалуй, я остался бы равнодушным к этим фактам. Я мог бы себе представить, что совершить их я, конечно, должен был. Но чтобы поверить, что я мог сделать нечто недостойное по отношению к вам, совершенно чужому мне человеку, — это так же глупо, как уверить меня, что я мог убить ребенка, — расхохотался Зальцман. — Пожалуйста, доктор И., показывайте мне страницы моих преступлений, — прибавил он, саркастически поглядывая на И. и хохоча еще громче. Он мне показался озорником в эту минуту, но я понял его полную невежественность, и сердце мое глубоко сострадало ему и не осуждало его.

Я посмотрел на И. Лицо его было очень серьезно. Он ничем не ответил на веселость профессора, но, печально глядя на него, тихо сказал:

— Я еще раз предупреждаю вас: вам придется увидеть одну из самых ужасных страниц вашего прошлого, и для этого вам надо собраться в полной сосредоточенности и в огромном мужестве. Призовите все самое высокое и ценное, во что верите, и ответьте еще раз, хотите ли видеть вашу связь со мной в одной из ваших жизней, несмотря на то что она приведет вас в ужас?

— Ваше лицо так сурово, ваш голос так серьезен, что они могли бы спугнуть даже очень храброго. Но я так убежден, что никогда не мог бы быть бесчестным, что желаю знать свою связь с вами. Должен вам сделать одно странное признание: когда я увидел вас в первый раз нечто вроде какой-то вины перед вами мелькнуло во мне.

Я почувствовал себя перед вами очень неуверенно и только ваша поистине рыцарская вежливость меня успокоила.

— Смотрите же, мужайтесь и запомните навеки то, что сейчас увидите. Унесите из этого урока, урока ужасного, более расширенное сознание. Поймите роль любви в движении духа человека по векам. Оцените истинную силу любви во встречах людей и милосердие их друг к другу. Поймите и запомните, что такое "встреча людей".

И. положил снова свою руку на голову профессора. Лицо моего дорогого друга и Учителя стало прекрасно той красотой, которую я не раз уже видел, начиная с первого случая на пароходе после бури, когда он стоял со мной на корме. Держа руку на голове Зальцмана, он сказал так нежно и ласково, как могла бы говорить только родная мать:

— Я давно простил вам все, мой бедный брат. Все, что совершает человек в своем пути, все делит его дни на горе и радость, на мощь и слабость, на печаль и улыбки. Нет просто текущего благополучия, но есть законы Вечности: закономерность и целесообразность. Нельзя уйти от следствий содеянного, но можно найти в себе пламя великой Любви, и все следствия станут только счастьем узнать, как перелить из себя силу, величайшую силу-радость, чтобы все злое от страстей и пороков стало миром и помощью, предостережением и защитой встречным.

Снова водворилось полное молчание в комнате. Я слился сердцем и мыслью с Флорентийцем, моля его помочь профессору в его страшный час, а что он будет страшным, я не сомневался после слов И. Еще никогда не слышал я от него подобных слов...

Крик, сдавленный крик переживающего ужас человека заставил меня вздрогнуть. Я взглянул в лицо Зальцмана и вздрогнул еще больше. Я увидел как бы панораму, целый ряд постепенно разворачивавшихся и гаснувших картин. Я видел дом у моря, видел долину, где он стоял, видел уютную обстановку комнаты, где за ужином сидела зажиточная семья. Я видел гостя, вошедшего во время ужина и особенно ласкавшего небольшого красивого мальчика. К ужасу моему, я понял, что доверчиво ласкавшийся к гостю ребенок был И., а гость... Зальцман, хотя ничего общего с теперешним обликом в нем не было.

То был грубого вида грек, очевидно, имевший большое влияние на всю семью. Я понял, что хозяева, особенно мать, боятся каких-то врагов, а гость их успокаивает и убеждает спать спокойно, насмехаясь над их страхами. Гость просил отпустить с ним мальчика, но мать категорически ему в этом отказала, чем вызвала его огромное неудовольствие.

Довольно неискусно скрывая свою злобу за отказ, гость удалился, оставив в семье тяжелую атмосферу какого-то предчувствия беды и страха. Вскоре, помолившись Богу, вся семья легла спать, и дом погрузился во мрак.

Гость, выйдя из большого и красивого сада своих друзей, подождал, пока погас последний огонек в доме, тихо свистнул и прошел за угол улицы. Навстречу ему вышел маленького роста человечек в темном плаще и по указанию первого нарисовал какую-то фигуру черной краской на белых воротах дома.

Через короткое время на улице показалась ватага разбойников; бросившихся к воротам, указанным краской. Появившийся на шум сторож был тут же убит, но крик его предостерег хозяев в доме, и они бросились через сад к морю, надеясь спастись в лодках. Но в долине, у самого моря,

разбойники настигли их, и... случайно упавший с головы плащ обнажил лицо одного из разбойников. То был недавний гость дома, теперь занесший меч над хозяйкой и убивший ее. Мальчик бросился на помощь матери, но и его настиг удар меча, и он упал бездыханным на тело матери...

— Остановите этот ужас, или я сойду с ума! — раздался раздирающий вопль профессора.

— Мужайтесь, друг. Моя любовь не знает предела в своем милосердии. Я счастлив служить вам сейчас и навсегда помочь вам выйти из круга тех жутких жизней, где человек колеблется в своей верности, ищет истины, хочет войти в Свет, но вновь и вновь впадает в раздражение, лицемерие и ложь, ища только жизни личной в той или иной форме, а не жизни на общее благо. Встаньте, пройдите со мною в следующую комнату, там вы будете иметь силу прочесть одну запись веков. Она положит конец вашим колебаниям и вместе с тем введет вас в новый ритм движения, который теперь необходим вам, чтобы окончить ваш прекрасный труд. И труд ваш — не одной этой жизни задача, но результат многих вековых жизней, ваших исканий и страданий в них.

— Я пойду всюду, куда прикажете, но только тогда, когда вы простите меня, — падая на колени и рыдая отчаянным образом, сказал ученый. — Я понял, что мальчик, которого я убил, — это вы. О, ужас, — продолжал он рыдать.

— Успокойтесь, вы не убили мальчика, он только упал в обморок. Он очнулся, остался жив и попал в такие руки, в такую дивную встречу, которой не смог бы так скоро достичь без вашей ужасной помощи. Будьте же благословенны. Пойдемте, время не ждет, не надо тратить его попусту в слезах и унынии.

И. поднял Зальцмана, отер его заплаканные глаза, отдернул тяжелый занавес, за которым оказалась дверь, существования которой никто из нас и не предполагал, и вышел вместе с Зальцманом. Я взглянул на Бронского. Артист сидел, закрыв лицо руками, из-под которых градом катились слезы. Никито подошел к нему и сказал очень тихо, положив ему руку на плечо:

— Нельзя плакать в великие моменты чужой страдающей души, как нельзя плакать и в великие моменты своих собственных страданий в жизни. Чтобы чье-то сердце вышло очищенным и освобожденным из скорби, при которой вы присутствуете, надо, чтобы ваше сердце не теряло творческих сил и способностей. А это возможно только в полном самообладании. Каждый раз, когда вы сами сильно страдаете или жизнь ставит вас свидетелем чужих страданий, — помните:

Плачут только те, кто не имеет силы любви и мужества думать о других

и думает о себе.

Плачут только те, дня кого земля и ее обитель, ее привязанности, ее встречи составляют первую и главную основу жизни.

Плачут только те, кто не может вскрыть в себе огня Творца, той Его частицы, которой человек общается со своими близкими, которая служит ему единственным путем красоты и которая составляет весь смысл жизни человека на земле.

Плачут только те, кто в слезах видит доблесть и не может проникнуть в центр Любви в себе, в тот центр, откуда идет связь человека с человеком, с Учителем, с Богом. Бог есть Любовь, и слезы несовместимы с Его Светом.

Через некоторое время дверь раскрылась, в ней показался И. и поманил к себе Никито. Оставшись наедине с Бронским, мы ближе придвинулись друг к другу, и я спросил артиста, что он видел и о чем он плакал.

— Я ничего не видел, Левушка. Я только понял, что ужас каждого из нас держит его в своих когтях, называемых «прошлое». И я действительно плакал о Зальцмане, о каждом из нас и о себе, о том грубом невежестве, которое так трудно сбросить с себя.

— Никито объяснил нам сейчас, Станислав, как надо героически напрягать все силы мысли, чтобы профессор легче вошел в новое творчество духа. Перестаньте волноваться, соберите внимание, и я расскажу вам все, что я видел из истории жизни И. и ученого.

И я рассказал ему все, что я сейчас видел, прибавив, что печально историю детских лет И. знал давно от него самого. Оба мы глубоко сосредоточили наши мысли на Флорентийце, и, когда профессор вышел в сопровождении И. и Никито, мы низко поклонились его страданию в прошлом и его сверкающему огню Радости в настоящем.

Лицо ученого сияло. Молодость, поразившая меня еще в ванной, теперь делала его красивым, он весь был полон приветливости, и такой мир лежал на всей его фигуре, как будто ничего, кроме счастья, он в жизни не видел и не знал.

— Я отпускаю вас к Зейхеду, друзья мои, — сказал мне и Бронскому И. — Возьмите у него мехари и слетайте за Франциском, попросите его ко мне в Общину.

Мы поклонились Учителю, разыскали Зейхеда, уселись на мехари и не без буйного удовольствия, как школьники, рады были мчаться вихрем к домику Франциска.

Мы застали его окруженным целой кучкой маленьких карликов, усердно работавших над какими-то мелкими предметами. Так как мы с Бронским ворвались вихрем в комнату, увидев в окне Франциска, карлики,

которых мы не видели, погруженные в работу, весьма неодобрительно поглядели на нас, и некоторые из них прикрыли свою работу ручонками и зелеными передниками, которые были на них надеты.

— Вы испугали моих малюток, — ласково улыбаясь, сказал нам Франциск, — а также спугнули и птичек, которые им позируют. Эти малютки — лучшие в мире ювелиры и достигают тончайшей художественности в своей работе. Но, к сожалению, глаза их устроены так, что они могут делать только одно: собирать способом мозаики на любых вещах белых павлинов. Но коробочки они куют из любых металлов, с фоном из эмали любого цвета.

И Франциск показал нам несколько изумительных работ, образцы которых я видел уже на книжке брата Николая, в руках И. и Али и имел сам. Рыцарская вежливость Франциска, который старался не показать нам, что замечает, как мы сконфужены нашим глупым мальчишеским поведением, помогла нам овладеть собой, и я сказал ему:

— Просить у вас прощения, когда мы уже прощены вами, дорогой Франциск, язык не поворачивается. Я думаю, что правильно выражу свои и Станислава чувства, если поблагодарю вас за снисходительность к нашему мальчишеству. Мы были счастливы мчаться за вами, предвкушая удовольствие увезти вас с собой к И. в Общину.

Каждый из нас мечтал, что именно его мехари будет иметь счастье нести вас на себе.

— Спасибо, дорогие мои. Ваши мехари пригодятся сегодня очень и очень, но только не мне, а двум несчастным людям. Как нельзя более кстати прислал вас сюда И. Подождите меня в моей комнате несколько минут. Я успокою моих малюток, отдам распоряжение о ваших мехари и моих путниках и вернусь к вам.

Мы прошли в комнату Франциска теперь уже так сдержанно, как будто мы ступали по священной и зеркальной земле.

— Экий я невожатый человек, — с досадой сказал Бронский. — Мои нервы, точно старые клавиши, пляшут от легчайшего прикосновения.

— Ваши хоть с клавишами могу быть сравнимы, Станислав. Я же хуже старой гитары.

Трону одну струну — все загудят, не разберешь и строя.

Каждому из нас захотелось помолчать. Мы сели на маленькие креслица Франциска и через несколько мгновений какую же тишину, легкую, благодатную, особую тишину его комнаты, мы ощутили! Мне казалось, что в этой комнате все говорит: "Любите, и благо вам будет".

— Левушка, все в этой комнате мне говорит: "Ищите, ищите, трудитесь

любя — и придете к знанию, что все благо", — раздался вдруг голос Бронского.

Я не успел ему ответить — в дверях стоял Франциск, улыбаясь нам. Пристально посмотрел он на Бронского и сказал ему:

— Да, да, друг. Для вас не одна эта, но еще несколько жизней пройдут все в исканиях. И все ваши искания — все будет Любовь, которую вы понесете людям в искусстве. Ищите не только приспособлений, как вынести людям новые методы понять и передать гениальные произведения великих творцов. Но ищите как расширить сердца толпы, увлечь в такую гармонию, чтобы каждый своим сердцем проникал в то слово, что вы говорите, в те действия, что вы творите. Пусть двери вашего сердца откроются так широко в каждой встрече, как я сейчас открываю вам двери моего сердца.

Франциск подошел к Бронскому, обнял его, подвел его к своему красному столу и поднял крышку. Как и в первый раз, я увидел на нем полукругом стоящие высокие чаши, среди которых возвышалась красная чаша с горящим в ней огнем. Взяв в руки эту чашу, Франциск опустил ее на голову преклонившего колени Бронского.

— Много раз лилась слеза твоя, сын мой. Много раз приходилось тебе приносить черные жемчужины в ожерелье Матери Жизни. Но не смущайся духом. И розовая и черная жемчужина — все единая Жизнь, единая Радость. Сейчас перед тобой новая жизнь. Много труда, здоровья и усердия вложил ты в течение своих жизней, чтобы нести и выносить в толпу зерна благородства и помочь человеку искать искусство в себе, а не себя в искусстве. Твое искусство пробило во многих людях новые борозды знания, помогло им, ища искусство в себе, найти Бога в себе. Путь твой да будет отныне освещен и моей помощью. Поедешь в дальние Общины, чтобы увидеть бездну человеческого горя, бездну человеческой слепоты. Там поймешь, что можно ходить у Света, искавши его всю жизнь, прийти к черте его — и все же не достичь освобождения от предрассудков, и не иметь силы видеть там, где много ниже стоящий по достоинствам и знаниям не только видит, но входит и действует.

Перенеси в себе не муки и радости героев, что изображаешь на сцене, чтобы их высочайшим благородством побуждать людей к новым достижениям в красоте. Но любя вне пределов формы и времени, неси огонь своего Бога и разрывай условное в человеке. Пусть рождается скорбь от свиданий с тобою людей. То только их форма, их путь, ибо иначе разорвать своего условного они не могут. Форма же твоего пути — не земля, не ее законы, а Беспредельное, где труд не условность, но путь

веков, и в нем звук-слово не знак внешнего призыва, что ты даешь людям, но действие сердца, огонь которого я беру в свою чашу, и переливаю тебе в сердце мой огонь.

Я услышал как бы стон Станислава, упавшего к ногам Франциска, точно его сразила пуля. Но через минуту, поднятый сильной рукой Франциска, он коснулся губами красной чаши, которую держал в руках Франциск.

Бог мой, что за лицо было у Бронского! Я вторично видел Бога в простом человеке, как видел Его недавно в лице Беаты. Не сознавая, что я делаю, я подошел к Бронскому и поклонился ему до земли.

Я точно провалился куда-то, увидел на мгновение Флорентийца, ощутил его мощное объятие — и очнулся на руках Бронского, укладывавшего меня на диван.

— Это ничего, вы напрасно встревожились, это вовсе не припадок, — услышал я голос Франциска, — это его награда за самоотверженную любовь к вам, за преклонение перед вашим страданием и вашими трудами веков. Вот он уже и глаза открыл, смотрит весело, как не могут смотреть больные.

Я понимал, что Франциск видел все, что со мной произошло, но так как он не сказал об этом ничего Бронскому, я понял, что и мне надо сохранить в тайне все сейчас пережитое.

— Теперь мы зайдем к детям в трапезную, немного поговорим с ними и только тогда пойдем к И. Вы не беспокойтесь, мои дорогие, мы будем вовремя и никого не заставим ждать, — прибавил он, подметив в Бронском некоторое беспокойство о нашем промедлении. — Вас беспокоит, что И. послал вас сюда на мехари, и вы думаете, что быстроходные животные предназначались именно для того, чтобы скорее доставить меня в Общину. Вас беспокоит, Станислав, что вы неточно выполняете приказ И. - снова обратился Франциск к артисту. — Сосредоточьтесь, думайте об И., и, когда мы пойдем в Общину, по дороге я постараюсь помочь вам разобраться в ваших мыслях, которые к тому времени накопятся в вас обоих, и найти правильное решение беспокоящего вас сейчас вопроса.

Мы вошли в трапезную, где дети и карлики пили молоко со сладким хлебом.

Неожиданное появление всеобщего любимца вызвало восторг не только детворы и карликов, но и всех сестер и братьев Общины, несших свое дневное дежурство.

Где бы и когда бы ни появлялся неожиданно Франциск, никакая дисциплина не могла удерживать маленьких людей — они мгновенно бросали

все, кидались к нему, и через минуту он буквально исчезал под грудой виснувших на нем тел. Много раз я видел эту картину неудержимого влечения людей к Франциску, испытывал его сам, трепетал, что больное тело его не выдержит натиска лилипутов, и всегда развязка бывала одна и та же: прикинувшись к своему другу, маленькие люди складывали в умилении ручонки, становились полукругом вокруг него и ждали в полной тишине, когда он заговорит. И на этот раз повторилась та же сцена, но сегодня она на меня подействовала особенно сильно.

Глядя на умиленные личики детей и на не менее умиленных карликов, из которых некоторые встали на колени, что-то про себя бормоча, иные, раскрыв свои уродливые рты, тяжело дышали, точно бежали десяток верст, третьи, вытянув моляще руки, старались обратить на себя внимание Франциска, я подумал: какое это было бы ужасное зрелище, если бы можно было рассматривать его как одно внешнее явление! Толпа прелестных детей, перемешанных с самыми уродливыми карликами, которым ум едва соглашался приписать человеческие имена! Каким же духовным великаном должен был быть этот человек, чтобы, не употребляя никакой власти, побеждая одной любовью, овладевать той крошечной искрой Божества, что тлела в этих несчастных, более чем полуживотных существах, и увлекать их в красоту, слов о которой они не слыхали за всю свою несчастную жизнь.

Я старался вникнуть в самую глубь этой встречи Титана Любви с лилипутами. И красота, величие героического подвига этого человека, отдавшего всю свою жизнь, не только душу, на помощь и просветление этих духовно немощных, поражала меня как совершенно невозможный и невообразимый для меня феномен героизма.

— Здравствуйтесь, мои маленькие друзья, — прервал мои размышления голос Франциска.

— Отчего вы сегодня так возбуждены и не слушаетесь своих заботливых наставников?

Неужели все мои слова вчера я бросил попусту? Вчера вы обещали мне сохранять мир и спокойствие в столовой до тех пор, пока я к вам не приду. Вот я пришел, а слова своего вы не сдержали.

— Это все наделали вот эти злющие, — шепелявя и коверкая слова, сказал один из наиболее уродливых карликов, показывая на маленького, с приятным и добрым лицом карлика, державшего на своих крохотных, но, должно быть, очень сильных руках небольшого прелестного мальчика с кротким и болезненным личиком. Рядом с карликом стояла малютка-девочка, похожая на мальчика, и пыталась помочь карлику-няньке держать

мальчика. Во всем ее существе была видна ранняя забота о чужой жизни и ноше, и я был поражен, что на них, таких невинных видом, таких бессильных и кротких, могло пасть обвинение карлика.

Франциск молчаливо смотрел на карлика-обвинителя, и тот, еще наглее и злее, глядя прямо в глаза Франциску, завопил:

— Ты глупый, ты воображаешь, что кто-нибудь здесь тебе верит. Они все говорят, что ты притворщик и лгун, что ты всех нас обманываешь. Ты нам обещал, что сегодня мы увидим чудо, а сам пришел поздно и никакого чуда не показываешь.

Он гнусно захохотал и стал кривляться до того невыносимо, что я едва находил сил сохранять спокойствие. Точно молния, сверкнул огненный взгляд Франциска, когда он посмотрел на уroda.

— Я тебе много раз уже говорил, чтобы ты не лгал и не доносил на своих товарищей, несчастный человек. Ты обвиняешь самых кротких детей и их друга, которых ты обокрал, у которых ты отнял их кукол и сломал игрушки. Они на тебя мне не пожаловались, а ты в благодарность за это их же еще и оболгал?

— Кто тебе сказал, что это я взял их дурацкие игрушки? Это вот те мальчишки, обыщи их кровати, там все и найдешь.

Обвиненные уродом два мальчика лет восьми-девяти, были оскорблены и готовы уже заплакать, как Франциск протянул им руку, улыбнулся и поставил их подле себя.

Точно так же он подозвал и обвиненного милого карлика с его детьми, которые со счастливыми лицами уселись у его ног.

Возле злого урода сгруппировались пять таких же уродливых карликов, как он сам, и говоривший вначале Франциску от себя лично урод теперь крикнул еще более вызывающим тоном:

— Чего ты нас здесь держишь? Мы здесь, в твоём вонючем царстве, жить не хотим.

Мы хотим опять в свое, откуда ты нас забрал, хотим к себе, на волю, к нашим совам и змеям. Нам надоели твои противные цветы и все твои притворщики. Выпусти нас на волю, наши хозяева уже три раза нас звали, а мы все не можем уйти отсюда.

— Кто же вас здесь держит? Здесь нет ни запоров, ни оград, ни злых сторожей. Вы все можете идти, куда только хотите. Я сегодня же отправлю вас к вашим хозяевам в тот дальний лес, где вас сторожат змеи и совы.

Не успел Франциск договорить своих последних слов, как все пять карликов, группировавшиеся вокруг буяна, бросились прочь от него с ужасными воплями, моля Франциска не отправлять их, обещая больше

никогда не лгать, не воровать и не лениться. Для меня было ясно, что и сам злодей перетрусил, но озорное упрямство завело его так далеко, что отступать он уже не хотел.

— Хвастаешь всех отправить, хватит ли у тебя умения меня одного отправить? — точно вызывая Франциска на бой, орал буян.

— Нет, несчастный, бедненький дружок. Я не одного тебя отправлю, но вместе с твоим приятелем, приказания которого ты так охотно выполняешь. Выйди сюда, трусишка, прячущийся за чужую спину, — сказал Франциск; как мне показалось, куда-то в пространство. — Повинуйся немедленно, — и на этих словах голос его напомнил мне звенящие мечи Ананды.

Из-под стола в противоположном конце комнаты вылез карлик, страшнее которого нельзя было себе вообразить живое человеческое существо. Да и был ли он человеком, решить было трудно. Он скорее походил на ужасную собаку, по ошибке природы ходящую на двух ногах.

Чудовищной величины брови нависали над маленькими кроваво-красными глазами.

Огромная всклокоченная борода и усы закрывали все лицо и рот почти до ушей.

Вдобавок и уши-то были огромны и по-собачьи свисали вниз.

Меня поразило, что дети совершенно не боялись уроды, но карлики трепетали и прятались за Франциска. Оставался только буян, похожий сейчас на снежную бабу, истаявшую на солнце, так с него скатились его озорство и наглость.

Маленькое чудовище приближалось медленно и точно приказывало своим ногам бежать обратно, а взгляд Франциска заставлял ставить грубую ногу вперед. Адская злоба и ненависть сверкнули в его глазах, когда он проходил мимо своего приятеля. Он вытянул руку и хотел ударить его по голове, но Франциск сделал едва заметное движение рукой, и вся сила удара пришлась по собственной голове страшного уроды.

Взвыв от боли, он хотел кинуться на Франциска и приготовился ударить его головой в живот, но в тот же миг лежал на полу, разбив свой нос в кровь.

— Бедный ты, бедный, жаль мне тебя очень. Но ничего больше сделать для тебя я не могу. Бери своего приятеля, который предпочел служить тебе, а не мне, и иди с ним к своим хозяевам.

На лице первого забияки мелькнуло нечто вроде ужаса, но через момент он оправился и заорал:

— Как это ты нас отправишь отсюда, когда сам не знаешь дороги? Да и мы желаем ехать в другое место, а вовсе не к прежним хозяевам. Мы

желаем ехать в пещеры, к свободному племени.

— Вы оба поедете туда, откуда я вас взял. Я ведь брать вас не хотел. Вы умоляли меня вас спасти, говорили, что замучены, что вам грозит смерть. Я видел вашу ложь, но думал, что Свет, в который вас привезу, поможет вам пробудиться. Ваши товарищи все стали добрыми, только вы двое не смогли освободиться от демонов злобы. Много бы отдал я, чтобы спасти вас от ужасов вашего существования, но насильно никого освободить от его цепей нельзя. Вы не дети. На вашей совести не один десяток загубленных жизней. И несмотря ни на что, Милосердие предоставило вам все возможности пройти в радостное существование. Вы же и здесь не могли жить без лжи, измен и предательства. Все невинное, что здесь общалось с вами, не боялось вас, потому что в них самих не было и намеков того зла, что живет в вас.

И вы были бессильны перед ними. И сейчас все эти маленькие люди бесстрашно молятся за вас, посылая вам свою посильную помощь и защиту. Боятся вас, прячутся за мою спину от вас только те, кого зло касалось, ибо сердца их носили в себе зло и притягивали к себе зло ваше. Учтите это. Быть может, урок бесстрашия детей пред вами поможет вам в вашей жизни у ваших злых хозяев. Не будьте трусами, и жизнь для вас будет легче. Не просите меня еще раз оставить вас здесь. Вы уже дважды обещали мне, что будете бороться со своими склонностями ко лжи, воровству и предательству. Сегодня должен был совершиться ваш третий заговор, вы решились даже посягнуть на мою святыню и, когда вам это не удалось, обокрали детей и сестер, где и как могли. Единственное и последнее милосердие я могу оказать вам: когда вам будет неважно, назовите имя мое и защищайтесь моим образом от ваших врагов. Вызывайте в памяти мой образ, и, если в сердце вашем не будет лицемерия, а будет оно полно чистой мольбы ко мне, вы увидите, как образ мой встанет между вами и вашим врагом, и все его усилия причинить вам вред будут напрасны. Это все, что я могу еще для вас сделать. И все ваши мольбы, которые я вижу, будут напрасны. Всему есть мера — вы исчерпали Милосердие. Отойдите к окну и ждите там, пока настанет ваш час и вас посадят на тех же мехари, на которых я привез вас сюда.

Франциск повернулся к жавшимся вокруг него карликам, так недавно воинственно группировавшимся вокруг уроды, и сказал:

— Вы слышали слова мои: "Всему есть мера". Будьте осторожны и бдительны, чтобы не исчерпать Милосердия. Будьте внимательны, когда сближаетесь с людьми, так как каждый из вас знает, сколько раз в жизни он был предателем, сколько раз давал себе и другим слово — нести всю

верность в своих делах и встречах и сколько раз эта верность оказывалась пылью, которую уносит легчайший ветерок. Идите к своим делам. Еще раз поблагодарите Жизнь за свет и мир, в которых живете. Еще раз убедитесь, как трусливость свойственна лицемерам, а бесстрашие живет всегда в чистом и правдивом сердце.

Отпустив повеселевших и успокоившихся карликов, Франциск благословил детей, помог некоторым из них встать с коленей, перецеловал наиболее маленьких и сказал им:

— Запомните, как сегодня вы видели, что вор, укравший ваши игрушки, сам себя наказал, ударив себя же по голове собственной вороватой рукою. Всю жизнь помните это время и это зрелище и всегда знайте: чужое добро ничего, кроме зла, вам не принесет. Любите друг друга, прощайте друг другу, не доносите друг на друга.

Помогайте друг другу во всех тяжелых вещах, старайтесь облегчить каждому его тяжесть дня, и радость будет жить в ваших днях.

Отпустив всех детей и карликов, кроме двух, которым он велел раньше ждать себя, Франциск оставил нас в трапезной вместе с сестрами и братьями ждать его возвращения. Он вышел один.

Мы с Бронским сели на скамью, откуда нам было хорошо видны оба маленьких преступника. Какая это была жуткая пара! Где угодно, в любой кунсткамере, я не мог ожидать подобного отчаяния, какое лежало на этих двух лицах, если это слово можно было применить к этим двум ужасным маскам-пугалам.

Озорник сел на пол, обхватив свою голову руками, он тихо выл и раскачивался, выл, как собака по покойнику. Злющий же метал молнии из глаз; полный ненависти, он делал попытки рукой или ногой ударить своего врага, недавнего приятеля, но каждый раз наносил удары себе самому, что его приводило в совершенное неистовство.

Наконец, потеряв всякое самообладание, он стал буквально бешеным, схватил со стола нож, которым резали в трапезной хлеб, и со всей силы ударил карлика в спину. Но нож скользнул по спине, не причинив карлику вреда, и врезался в собственный сапог поскользнувшегося злодея, разрезал его безобразную, огромную обувь и впился в пол. Сколько ни пытался злодей вытащить нож, все его усилия были напрасны, нож сидел плотно в полу.

Этой сценой были потрясены все присутствовавшие, кроме все так же продолжавшего выть и раскачиваться первого карлика. Он, казалось, никого и ничего не замечал, кроме своего горя.

— Посмотрите, Левушка, какой ужас. Злодей не нож старятся

высвободить, а он руки своей не может оторвать от ножа, точно невидимая сила гнет его всего к земле.

Это приводит его не только в бешенство, но и в неистовый ужас, — шепнул мне Бронский.

Я пригляделся к действиям злодея и действительно заметил, что он прилагает все усилия, чтобы оторваться от ножа. Разогнуться он никак не мог и наконец с воем упал на пол, колотя ногами.

На этом месте представления дверь открылась и вошел Франциск. Раскачивавшийся и вывший карлик мгновенно перестал и раскачиваться и выть, встал и робко заковылял через всю комнату к Франциску.

— Я понял, все понял, святой отец, я знал и раньше, что ты святой, но уж очень я был зол на тебя. Теперь уж совсем знаю, что ты святой, а я пропал. Сейчас ты защитил меня, — он указал на нож и валявшегося на полу карлика. — Там, — он махнул рукой куда-то в пространство, — меня никто не спасет. Я пропал. Вот возьми, это дал мне старик, которому ты велел учить меня грамоте. Он мне надел, сказал, что это крест и он спасет меня от беды. Да, видишь сам, не спас. Пришла беда, и не спас, — почти прошептал несчастный.

Он был истинно, глубоко жалок, и у меня даже слеза была готова скатиться из глаз.

— Меня не спас этот амулет, он, наверное, не для злых сделан. Он для добрых — ты добрый, возьми, спасет, — совал он своими дрожащими ручонками крест в прекрасную руку Франциска. — Ах, мне бы амулет для злых: змею с глазом, тогда бы я не пропал, она бы защитила. Но тот амулет дорогой, его мне не достать. Пропал я. Прости, если можешь. Понял я, о чем ты говорил про верность. Только уж поздно теперь, все равно там убьет, если здесь не убил, — снова показал он на лежавшего на полу злодея.

— Бедный брат мой, — тихо сказал Франциск, так нежно, ласково, столько нечеловеческой доброты и любви было в его словах, что слезы покатались по моим щекам, я готов был броситься к ногам Франциска и молить его о пощаде карлику. — Не один ты виноват, что жизнь здесь оказалась трудной для тебя, — чуть помолчав, продолжал Франциск. — Я не устоял против твоих молений и взял тебя сюда, хотя видел, что ты еще не готов. И всю твою вину я беру на себя. Вот тебе тот амулет, о котором мечтаешь. Но не думай, что то амулет злых. Это амулет Великой Любви, которая посылает его тебе в помощь и спасение. Если будешь носить его на руке и будешь чист сердцем, ни один злой не сможет ни ударить тебя, ни подчинить твою волю злу. Но для этого ты должен помнить обо мне,

оставаться мне верным. И если будешь верен, я часто буду тебе помогать в твои тяжелые минуты. Три вещи ты должен помнить:

Ничего ни у кого не воровать.

Стараться всюду пролить мир, неся мой образ в сердце.

Не только не убивать людей, но и никогда не бить ни людей, ни животных.

Тогда мой браслет защитит тебя. Если проживешь, как я сказал тебе сейчас, не только увидишь меня, но и вернешься ко мне.

Франциск вынул из кармана красный платок, развернул его и вынул из него прелестный детский браслет, изображавший змею, кусавшую собственный хвост. В голове змеи сверкал крупный рубин. Франциск надел браслет карлику на руку, и пределов его счастью не было. Он целовал ноги Франциска, лнул к его рукам, смеялся и плакал одновременно.

— Помни же, то Великая Любовь посылает тебе свой дар верности и помощи. То амулет добрых, побеждающих зло своей чистой любовью. Встань и подойди сюда, — приказал Франциск звенящим голосом лежавшему на полу карлику.

— Видишь, не могу, нечего больше и пытаться. Чуть спину не сломал и не могу разогнуться, — отвечал тот, точно выплевывая проклятия.

— Встань, я сказал, — раздался снова голос Франциска, и я еще раз вспомнил Ананду и его "звон мечей".

Точно пружиной поднятый, карлик вскочил с земли и ни минуты не медля подошел к Франциску. Странная происходила с ним вещь. Первые шаги он шел в полном бешенстве, кривляясь и как бы стараясь сбросить с себя какие-то стягивающие его плечи и руки веревки, потом на его лице стало меньше гримас, на половине дороги гримасы исчезли и появилось какое-то робкое выражение, совсем неожиданное у этого зверя. Когда же он подошел вплотную к Франциску, то нечто вроде мольбы, восхищения и удивления застыло в его ужасных глазах. Это выражение делало даже этого уроды более достойным человеческого имени.

Минуту-другую молча смотрел на него Франциск, держа в руках тот красный платок, из которого он вынул браслет-змею первому карлику. Потом внезапным и резким движением он бросил свой платок на голову карлика, и, не отрывая взгляда от маленькой фигуры укрощенного злодея, сказал тихо и четко:

— Левушка, оботри моим платком лицо и руки несчастного.

Я так был не приготовлен к обращению Франциска ко мне, так «наблюдал» сцену действий, вместо того чтобы действовать самому в своем духе, что не сразу сообразил и потому несколько коротких мгновений

промедлил, что заставило Станислава одернуть меня.

Я бросился выполнять приказ моего дорогого друга, отер лицо и руки карлика, усердно призывая на помощь Флорентийца. Карлик не только не протестовал, как я ожидал, но, поняв, что я хочу вытереть его руку повыше, оттянул сам рукав своей куртки до локтя, подставил вторую руку и, когда я кончил, засмеялся в полном удовольствии. Он робко посмотрел на Франциска и потянул из моих рук его платок.

— Оботри ему шею и верх груди и повяжи платок на шею, — снова сказал так же тихо и четко Франциск.

Когда я выполнил и это приказание, он обратился к карлику, державшему концы платка обеими своими руками. Мне казалось, что сейчас для карлика нет сокровища драгоценнее этого красного платка. Глаз своих он с Франциска не спускал и ловил каждое его слово, стараясь вникнуть всеми силами в смысл того, что слышал.

— Я даю тебе этот платок, чтобы ты понял, что я тебя не отвергаю и сейчас, как не отверг твоих просьб, клятв и молений в первый раз, когда увез тебя с собою от твоих ужасных хозяев, их сов, заклятых троп и змей. Ты утверждал, что умен, умнее всех карликов, что тебя, как самого умного, ловкого и хитрого, твои хозяева сделали вожаком целого звена. Ты доказывал мне, что умом понял выгоду быть честным, что ты хочешь жить в мире, среди мирных, а не злых. Я знал, что ты не сможешь жить в мире добрых, но я пожалел тебя, пожалел всем сердцем, хотя ум говорил мне, что я не прав, что я тебя не спасу, но, преступив положенную мне черту действий, возьму на себя тяжелую ношу, которой на меня никто не возлагал, наберу себе еще долгов и обязанностей, которых мне никто не предписывал. Так и случилось, как думал мой ум. Любовь моя действовала не в гармонии с ним, и я должен принять от тебя тот удар, которого мне никто, кроме меня самого, не готовил. Ты этого понять не можешь, так как любовь твоя еще спит и ты не смог ее пробудить и освободить среди мирных и добрых, доброжелательных к тебе братьев.

Теперь ты от злых отстал и к добрым не пристал. Твое положение тяжелое. Чтобы облегчить тебе его, я дал тебе этот платок. Помни, зови меня сердцем, всем сердцем, если тебе будет тяжело. А тяжело тебе будет, потому что лгать и бить безнаказанно, как ты это делал раньше, воровать и грабить, как ты делаешь до сих пор, ты уже не сможешь. Каждый удар, который ты нанесешь живому существу, вернется к тебе с удвоенной силой и будет бить тебя по тому месту, где у людей бьется сердце. Так как у тебя любовь спит и ты не знаешь, в каком месте она живет у человека, то удары твои по другим будут сыпаться в твое сердце, показывая тебе, где то место,

которым люди любят, скорбят, жалеют других и помогают им. Этот платок береги. Все твои злые дела и мысли будут оставлять на нем пятна и дыры. Все твои добрые дела будут помогать тебе сохранять его целым и новым. Помни, пока хоть обрывок платка будет на тебе, связь твоя со мною будет крепка. Если весь платок истлеет и даже на твой маленький кулачок не хватит твоих добрых дел, связь твоя со мною, твоя последняя надежда на спасение, пропадет. И только один ты будешь в том виновен.

Ты поедешь в свой ужасный лес. И если не выполнишь трех зарок, что я тебе сейчас дам, то не проживешь и года среди своих змей и сов, они ослепят и задушат тебя, чему ты не раз был свидетелем и радовался страданиям других.

Первый мой тебе зарок — когда тебя пошлют соблазнять какого-либо сомневающегося в добре и шатающегося в чести человека обещаниями богатств и могущества через науку твоих темных хозяев, ты объяснишь ему все: и куда ведешь, и к кому ведешь, и по какой тропе, усеянной гадами, поведешь.

Второй мой зарок — если человек не послушает твоих предупреждений и все же пожелает идти к твоим хозяевам раздобывать себе блестящий путь бесчестия и богатства, доведя его до змеиной тропы, остановись и, держась крепко руками за мой платок, думая обо мне и об этой минуте, думая о минуте твоего собственного освобождения от рабства и возврате сюда, предупреди еще раз человека, которого ведешь, и скажи, что никому, вошедшему на змеиную тропу, возврата нет в свободную и светлую жизнь. Что змеи пропускают внутрь леса, но не выпускают никого обратно, не поработив его воли, не убив в нем последней возможности возврата к добру.

Третий мой зарок — переверни не в своем уме, но в своей душе, которая затеплилась в тебе сейчас еле видимым огоньком, все представления о счастье и мощи человека. Запомни, что силен не тот, кто ловко лжет, но тот, кто мужествен и может жить в правде. Силен не тот, кто знает, как сковать и заговорить на дымящейся крови защитный амулет, но тот, чья любовь может защитить против всех злых амулетов, ибо сердце его чисто.

Иди с Богом. Не плачь. Впервые слеза не бешенства, а сожаления и раскаяния течет из твоих ужасных глаз, бедняжка. Впервые ты понял, где живет в человеке хранилище его Любви. Я подаю тебе силу моей Любви в помощь. Строй каждый день дорогу, по которой когда-нибудь сможешь возвратиться сюда. Старайся понять, что день человека и все его счастье или несчастье строит он себе сам. Иди теперь.

Мои друзья помогут вам обоим сесть на мехари. Не беспокойся, умные

животные дороги в лес не забыли. Тебя же предупреждаю: если попытаешься задргать животное, оно тебя сбросит, и звери пустыни растерзают тебя. И в этой позорной и бесславной смерти ты потеряешь все возможности вернуться сюда обратно и когда-либо получить спасение на земле. Ты уйдешь на планету злых и будешь судим там по ее законам, как по ее законам ты жил на земле.

Франциск приказал нам с Бронским усадить несчастных на мехари, подать им уже собранное для них в путь продовольствие и дожидаться его на дворе, куда он к нам выйдет.

К нашему полному изумлению, когда мы вышли с карликами из трапезной, у самого порога стоял Зейхед, уговаривая и лаская волновавшихся животных, которые при появлении карликов стали еще больше беспокоиться. Не без труда удалось Зейхеду уговорить и успокоить верблюдов. Мы усадили на них карликов с их багажом, Зейхед прошептал что-то каждому верблюду на ухо, те испустили нечто вроде вопля, сразу помчались галопом, и вскоре мехари исчезли из наших глаз, унося на себе двух еле видных крошечных человеческих существ, с огромным количеством их невидимых дел и задач.

Зейхед ласково разговаривал с нами, говорил, что каждому из нас уже выбрал великолепного и опытного скакуна, не раз носившего людей по пустыне. Он всячески старался рассеять наше тяжелое состояние, которого мы не могли, да и не хотели скрывать от него.

Через некоторое время к нам вышел Франциск. Боже мой, как он был непередаваемо прекрасен! Точно сияние шло от его головы, лучи лились из его глаз! От всего его существа, как нечто живое, как движение нагретого воздуха, распространялась доброта. Как только я взглянул в это лицо, вся тяжесть моего сердца растаяла.

Вместо скорби, которая тяжелым грузом только что давила на меня, всего меня залила радость.

Что я понял, вернее, осознал еще раз, когда смотрел в сияющее лицо Франциска?

Прежде всего я понял, что весь он был одна молитва, что он и вселенная были едины.

Я понял величие и ужас человеческих путей на земле. Я понял, что все, в чем участвует человек на земле, доброе и счастливое, злое и несчастное, — все, вплоть до последней встречи, только действия самого человека. Я понимал это и раньше, но сегодня я точно прозрел, как будто сразу увидел длинную ленту записей, развернувшуюся, как древний свиток пергамента, перед моими духовными глазами.

— Пойдемте, друзья, — обратился к нам Франциск, беря меня под руку. — Вот видишь, Левушка, какая сложная вещь самообладание человека. Только что ты несишь ко мне на своем мехари, полный радости жить, полный юношеского подъема и влюбленности в меня. Следующее твое "только что" было полно опасения "не так" выполнить приказ И. и промедлить с порученным делом. Не успела мелькнуть эта забота, как жизнь приковала сердце и мысль к созерцанию ступеней чужих жизней.

Подумай, приведи себя к полному пониманию и бдительно распознай: был ли ты, уж не говорю, в полном самообладании, но был ли ты хотя бы в полном спокойствии?

Думал ли ты, мой дорогой мальчик, о тех людях, с которыми тебя сталкивал текущий момент, или ты думал: "Как бы мне не проштрафиться перед И.?" Есть в ученичестве такие ступени, когда человеку уже некогда думать о своем «я» даже в такой форме, как это делаешь ты, то есть ему невозможно больше думать: "я делаю", "я не делаю", "я могу", "я не могу", потому что это самое его «я» больше не существует. Не существует и его плоть как нечто отграничивающее его от всей вселенной. Все дела для ученика — только акты божественной Любви того Единого, через которого, в котором он живет, в котором общается и в котором сливается со всем окружающим. У него нет дня, как актов мысли и движения. У него есть день — молитва Жизни. Не потому исчезла его отграничивающая плоть, отъединявшая раньше ученика от остального мира, что он ее уничтожил, ее отрицал и терзал. Но потому, что он утверждал Любовь, побеждал Любовь, защищая всякое встречное существо, видя в нем не плоть, но ту же вечную Любовь. Значит ли это, что надо нарушить вовеки все законы земли, распустить всех встречных, уничтожив всякую дисциплину, и открыть всякому свою точку духовной силы и свои понимания? Ничуть не бывало.

Чем выше твоя ступень, тем яснее ты видишь и понимаешь невозможность перетащить в свою духовную ступень другого человека. Но и тем проще ты понимаешь ту несравненную доброту-пощаду, в которой можешь вознести свою чистую чашу творческой Любви к человеку. Чем выше ступень самого ученика, тем ему яснее, в каком месте вселенной стоит тот, с кем он общается. И при каждом общении не человек-форма составляет цель ученика. Его цель — человек-Жизнь, человек в его ступени во вселенной. И действие ученика — первое, священное — его молитва о человеке к Тем, Кто его направил к встрече, Кто дал ему сил сердца и мысли прочесть вековое «сейчас» встретившейся временной формы. Самая частая ошибка начинающих свои вселенские ступени учеников — это

чрезмерное старание привлечь человека к тому откровению, которым озаряешься сам. Не тот истинно верный до конца ученик, кто только и думает, где, кому и как подать знание, которое он считает истинным. Но тот верен до конца, кто закон Учителя, закон верности Ему, закон полного и добровольного послушания своего не преступил, хотя бы внешние факты шли вразрез с кажущимся и понимаемым обывательски милосердием. Я пожалел этих карликов, когда был послан спасти других, хотя видел, что их ступень во вселенной так тяжела, что вся окружающая доброта не сможет удержать веса их страстей в высоких ступенях. Давая мне поручение, Учитель видел лучше меня, Его доброта была выше моей, Его дальнзоркость дальше моей, я же понадеялся на энергию сил собственного сердца — и был бит. Ибо нет отъединения, нет моих сил, моей плоти, есть только та жердочка вселенной, где в данный миг происходит встреча двух движущихся точек Единого. Запомни виденное сегодня и учти как вековой урок: если Учитель велел тебе ограничить свой труд теми или иными рамками, если он дал тебе указание — из чьих бы уст оно для тебя ни прозвучало, раз эти уста несут тебе вообще слово Учителя, — не входить в духовное общение с людьми, которые внешне кажутся тебе такими высокими, выполняй, не спрашивая, сохраняй верность Ему до конца и не ищи компромиссов, как бы всунуть им то или иное из своих знаний, что считаешь великими и истинными.

И наоборот: как бы ни была низка видимость внешней оболочки человека и его условий, если дал тебе приказ Учитель, неси туда все знание, что он тебе велел, выполняй, не спрашивая, неси верность до конца.

Франциск умолк на несколько минут, показавшихся мне вечностью, так я жаждал слушать этот нежный и мужественный голос, и снова продолжал:

— Кажущаяся преданность ученика нередко — при проверке его деятельности — оказывается рядом неверных поступков, среди которых можно найти даже неосознанное предательство. Всякий раз, когда ученик преступил указание Учителя, хотя бы сам он даже ставил себе это в заслугу, считая, что кому-то активно помог, он не только не был в гармонии с Вечным Движением вселенной, но, наоборот, затруднил тому человеку, которому думал решительно помочь, его движение в эволюции Вечности.

Мы приближались к Общине, и я издала узнал шедшего к нам навстречу И. Я сам не мог дать себе отчета, точного и ясного, что в эту минуту так ошеломило меня в словах Франциска. Казалось бы, я все то знал, что он говорил мне. Но только сейчас я твердо, четко отдал себе отчет, что наибольшим врагом человека в его пути к совершенствованию стоит

его «я». И не потому, что может быть он влюблен в себя, что он может ставить себя в своем самомнении выше других, а только потому, что ступень, когда это «я» перестает человеку мешать, начинается там, где одиночество человека кончается. Он никогда уже не бывает один, он всегда вдвоем: человек и его Единый. Быть может, по слабости ума и сердца, по узости кругозора, в котором не может уместиться Беспредельное, редко человек может дойти до такого слияния с Богом. Но до такого навеки неразделимого слияния с Учителем может дойти каждый ученик, если он верен до конца.

Точно молния осветила мне все таинственные уголки моей совести, моего ума, моего сердца, и я понял, как мне казалось навсегда, счастье того ученика, у которого упали закрепощающие перегородки между ним и его Учителем.

Не менее ясно мне стало, почему такие люди, как И., Ананда, сэр Уоми и Франциск, не ищут никаких путей, как обучать своих учеников, а просто живут рядом с ними и помогают им своим примером деятельности в простом трудовом дне.

Мне вспомнились Генри, Анна, Жанна. Я поймал о той гигантской силе доброты, которую нес людям Ананда, никогда не оставлявший людей, не имевших сил жить в самообладании и верности благодаря своей строптивости, без полной помощи, без своей им верности до конца...

— Что ты так задумчив, мой мальчик? — услышал я ласковый голос И. и только в этот миг понял, что И. уже поздоровался со всеми, что я один стою столбом на месте, а все уже двинулись вперед.

— О, дорогой мой И., мой милосердный Учитель, как я туп, как медленно входит в меня понимание всего великого, что я узнал от вас. Я сейчас точно вновь на свет родился и сию минуту только понял ясно, что такое освобожденность человека и где начинается его жизнь в ступенях вселенной.

— Ты еще сотни раз будешь так озаряться и просыпаться к новым пониманиям и к новому осознанию своего места во вселенной. Дело не в том, что ты ощущаешь, будто в тебе озарился твой дух. Дело в том, что ты видишь, как движется в тебе Жизнь, которой ты освобождаешь все больше места для Ее действий. Те моменты, когда ученик, живущий на земле, ощущает как свои переходные и переломные грани, представляют из себя не более как спадание высыхающих его суеверий, предрассудков и всевозможных скорлуп его «я», которым нечем уже питаться в его сердце, и они рассыпаются пылью. В тебе ничего не произошло сейчас, чего в тебе не было за эти дни, чего бы я не видел в тебе уже сияющим. Но в твое

собственное сознание оно дошло только сейчас, после того как сердце твое нашло силы еще раз поклониться страданию человека, по внешнему виду хуже животного. Завтра рано утром мы уедем в дальние Общины. Возьми эту маленькую книжечку, мой мальчик, и прочти ее леди Бердран. Постарайся найти слова утешения для бедной женщины, жажда к знанию которой чуть не лишила ее возможности поехать с нами. Никито легко было отдавать ей свои силы и помощь, и он не рассчитал, что и сколько может вместить хрупкий организм женщины. Он повторил ошибку Андреевой, которая тоже, горя любовью, чуть не разрушила всей нервной системы сестры Герды. Иди, друг. Сосредоточь крепко мысли на твоём вечном наставнике Флорентийце и неси мне помощь в этой встрече. Прочти Герде всю книгу, но ни одного из приложений к ней — а их здесь три — ни ей не читай, ни сам не смотри. Они и тебе, и ей еще не по плечу.

Я был счастлив выполнить поручение моего дорогого друга, вдвое был счастлив быть полезным милой леди Бердран и,

взглянув в лицо И., увидя в его глазах столь знакомое мне ироническое выражение, весело рассмеялся:

— Вы снова подловили мои мысли, дорогой И. Конечно, я проштрафился, так как думал: "Я рад, я счастлив служить вам и сестре Герде". Неужели когда-нибудь я, наконец, пойму и пойду по ступеням вселенной и для меня зазвучит иная нота в сердце: Мир несу, Любовь пою, красоту творю, живу, дышу, ибо верностью моею иду за Учителем моим. И нет меня, есть только мое счастье жить, единственное счастье — верность до конца Учителю и творчество в ней.

— Неси Свет в путь каждого, дитя мое, и Свет этот не ищи в книгах, но в себе.

Если несешь книгу и свой Свет, книга дойдет, ибо твой Свет — верность твоя Единому, ты им общался с человеком и с Учителем. Эта нота сердца звучит, и не срывается с нее человек, ибо она не им рождена, а он рожден ею.

Первый раз рождается человек, когда выходит из чрева матери, неся в себе плод своего вечного творчества на землю.

Второй раз он рождается, когда осознает, что он и его Единый живут вместе в его земной форме.

Третье рождение человека — его встреча с Учителем.

Четвертое рождение человека — его земная смерть.

Периоды между этими рождениями — периоды развития творческого духа — идут только по неизбежным и нерушимым законам причин и следствий. Иди же, милый, храни полное самообладание, в каком бы виде и

состоянии ты ни нашел Герду. Ничем не поражайся, если надо, сражайся и приготовь ее к путешествию, забыв о себе и думая только о ней как о деле Учителя.

И. обнял меня. Я понесся сокращенными тропами к Герде, забыв, что я из плоти, таким я ощущал себя легким и счастливым. Я нисколько не задумывался над словами И.: "В каком бы виде и состоянии ни нашел ты Герду". Не все ли равно было мне: светило ли сейчас солнце, рычала ли буря, грохотала ли битва, — я несся в верности моей. Она была моею жизнью, моей песней, моим дыханием. Иначе жить я уже не мог. Каждое мое дыхание хвалило Бога и пело Ему славословие трудом для людей, поклоном их страданию и радости, их бунту и слабости, их миру и мужеству, всему их пути земли, составляющему неминуемую точку в эволюции Вечного для каждого из нас.

Глава 16

Я читаю маленькую книжку Герде. Наш отъезд из Общины. Первый день путешествия по пустыне. Оазис, встречи в нем. Ночь, проведенная у костра. Прощание И. с профессором. Последние его наставления ученому

Я долго пробыл у леди Бердран. Когда я вошел в ее комнату, бедная женщина уныло сидела на низеньком креслице, обхватив голову обеими руками. Бледное, исхудавшее личико казалось постаревшим, Герда совсем не походила на ту чудесную красавицу, с которой я встретился в доме И. после того, как она прожила под его наблюдением довольно долгое время.

Волна необыкновенного счастья, которое я испытывал, когда вошел в комнату, была так огромна, я чувствовал в себе столько сил, что даже не ощутил ни малейшего колебания в своей ауре от столкновения с тяжелыми эманациями скорби Герды.

— Левушка, как давно я вас не видела, — встретила она меня, печально и равнодушно произнося слова, точно для нее в жизни оставалась одна безнадежность.

— Это почему вы, дорогая сестра Герда, в таком миноре, точно все перед вами развалилось? — спросил я.

— Вот уж правильное слово вы употребили, Левушка. Действительно, все, что я с такими усилиями завоевывала, — развалилось. Вы уедете с И., а я останусь здесь.

— Как странно мне слышать от вас такую личную установку. Наш последний разговор с вами показывал мне совсем другую сторону вашей души. Но об этом после. Меня прислал к вам И. Не успел я договорить своей фразы, как Герда вскочила, на щеках ее заиграли краски, вся она точно ожила и, всплеснув руками, вскрикнула:

— Неужели И. меня не забыл?

— Забыл? Хорошего же вы мнения о верности нашего дорогого друга. И. прислал меня к вам, чтобы прочесть, вернее, перевести вам эту маленькую книжечку. Прежде всего выполним его приказание, а потом уже поговорим о чем-либо другом, если слов книжки окажется недостаточно, чтобы ответить вам на все ваши вопросы и осветить в вас снова вашу энергию. В чем, впрочем, я очень сомневаюсь, так как знаю, как до конца любит И. всех нас и как его сердце, отдавая заботу, отдает ее во всей

полноте сил и чувств.

Я развернул книжечку и стал переводить: "Раскрытие в человеке его внутренних сил есть путь каждого — неизменный и неминуемый — для людей земли, ищущих освобождения".

Герда села ближе ко мне, точно ей казалось, что в физической близости она яснее уловит всю мудрость книжки.

"Сомнение и жажда знания лежат неизбежными этапами на пути развития духовных сил начинающего свой путь освобождения человека. Оба эти качества имеют общее начало: борьба со своим «я».

Чем выше в человеке его понимание своего смиренного места во вселенной, тем меньше у него и сомнений, и жажды знания. Ибо ясно понимает Беспредельность, окружающую его со всех сторон. Ясно ощущает, что вокруг него нет пустого пространства, но все заполнено Жизнью.

Чем больше в человеке инстинктов самости, то есть чем сильнее он сосредоточивает свою мысль на своем «я», тем больше и глубже его сомнения, тем чаще катятся слезы из его глаз, тем яростнее его борьба со своей плотью, со своими страстями, со своими буйными, жаждущими, не знающими спокойствия мыслями.

В борьбе с самим собою еще никто и никогда не обретал спасения. Ибо идут вперед только утверждая, но не отрицая. Не борьба со страстями должна занимать внимание человека, а радость любви к Жизни, благословение Ее во всех формах, стадиях и этапах бытия.

Чем смиреннее принял человек свой час жизни на земле, чем глубже и радостнее он прожил день, созерцая жизнь в каждом живом существе, в каждой форме труда, тем больше он сделал для духовного развития сил в себе. Он провел свой день, радуясь всякому достижению ближнего, и в его сердце созрела за этот день сила, продвинувшая его к знанию и Мудрости.

Нет ни покоя, ни мира в тех существах, что ищут все новые и новые источники откровения. Все, что они подхватывают из попадающихся им записей и книг, — все это они всасывают верхними корками ума, но мало что проникает в их Святая Святых, составляя зерно их сердца.

Простые слова, возносимые с радостью, слова благоговения и мира, произносимые в мире собственного сердца, достигают цели скорее, чем сотни переписанных истин, выловленных из разных «источников».

Не имеет смысла жажда знания без наличия сил духа приложить эти знания к действиям дня.

Истина, прочитанная глазами, которые плачут, не озарит путь человека в его сером дне. И день его с его прочтенной истиной останется днем

серым, днем сомнений и терзающих желаний.

Истина, прочтенная глазами, что перестали плакать, озарит серый день человека.

Она построит в его дне несколько храмов, так как человек ввел ее в дела своего дня. И день его стал сияющим днем счастья жить, а не днем уныния и разложения всех духовных сокровищ, что он собрал раньше.

Печаль сердца, трепет и мука о собственном недостоинстве живут в человеке до тех пор, пока он идет свой день в ступенях обывательской земной жизни. Когда раскрылось в сердце зерно Святыни, заботы о своих достоинствах и недостатках умерли, о себе забыл человек — он вступил в великий путь освобождения, где люди идут по ступеням вселенной.

Мир сердца не потому является признаком великого шествия по ступеням вселенной, что он сам по себе есть цель земной жизни, но потому, что он растит и укрепляет всем рядом идущим их ступени освобождения и помогает строить те храмы Света, где отдыхают от страстей ими одержимые.

Мужество — не качество, которого должен добиваться человек как такового.

Мужество — аспект Божества в человеке. Оно может сиять, как храбрость в великом грешнике, и все же оно будет аспектом, двинувшимся к Действию, хотя бы во всем остальном человек не светился ничем. И человек с одним двинувшимся аспектом Единого будет выше сотни «праведников», закутанных в покрывала трусливой богобоязненности. Ибо в них ни одно качество духа не вскрыто до конца, но все утонули в серой массе спутанных представлений обыденности. Они снизили все свои героические напряжения до тепленькой, внешне ласковой приветливости, коей цены в Вечности нет никакой. В масштабе вселенной эти люди равны паразитам.

Жажда движения вперед, любви во встречном его энергию. И чем больше ты поможешь его энергии развиваться, тем дальше пройдешь ты сам, даже не заметив, как ты прошел. Ибо, растя энергию встретившегося тебе сердца, ты строил храм Жизни, и Свет Ее залил тебя и путь твой, как и пути встречных твоих".

На этом кончалась крупная печать маленькой книжечки. Дальше следовали приложения, написанные мелким шрифтом. Я закрыл книжечку и положил ее в карман.

— Как, — воскликнула Герда, — ведь вы прочли только треть. Зачем же вы спрятали книжечку, раз И. велел вам мне ее прочесть?

— Я прочел вам все то, что И. приказал. Дальше ни сам не прочту, ни

вам не переведу, — ответил я. — Если вы желаете, — я могу еще раз прочесть вам все то, что уже прочел, но не больше.

Герда хотела прослушать еще раз все, что велел прочесть И" и я снова перевел ей все записи книжки, где иногда было только по одной записи на целой страничке.

— Я поняла, как я была ужасающе неправа. Я жаждала знать все больше и больше, а приложить к делу дня не сумела и капли. Я все ношусь с собой, со своими недостойнствами, а сейчас поняла, что вовсе не смирение, а скрытая гордость живет во мне. Левушка, не знаю — сила ли слов книжки, сила ли вашей радости, но мое уныние прошло. Если даже И. не возьмет меня сейчас с собой, я постараюсь не думать о себе, но найти радость и крепить ею энергию тех, с кем буду встречаться. Боже мой, каким потоком лились мои слезы эти дни! Я раскаивалась, что ввела Никито в неприятности. Но сейчас в сердце моем мир. Мой дорогой Левушка, примите мою благодарность за тот Свет, что вы мне принесли, за те ласку и мужество, что вы мне влили.

— Я очень хотел бы приписать себе силу вашего исцеления, дорогая сестра. Но, увы, то только И. шлет вам свою помощь и свой привет. Сейчас уже поздно. Мы рано выедем завтра. Я нисколько не сомневаюсь, что И. возьмет вас с собой. Ложитесь спать, и я побегу домой. Мне надо еще состряпать нечто вроде гнезда для моего спутника Эты. Он теперь так огромен, что это задача не маленькая, — сказал я, смеясь и целуя ручки леди Бердран.

— Ваш Эта так же огромен, как и вы, Левушка, — задумчиво произнесла Герда, провожая меня.

— Давно ли я был «заморышем», по чьему-то меткому определению, а теперь заслуживаю упрека в огромности. Недоставало только, чтобы и вы, как профессор, окрестили меня Голиафом, — смеялся я в ответ.

— Как далеко то время моей глупости, когда я подшучивала над вами. Теперь мне даже не стыдно, точно это не я была та глупенькая женщина. Но теперешняя моя глупость много более тяжела по своим последствиям и для меня, и для Никито.

— Не возвращайтесь больше мыслью к тому, что было. Ваше «сейчас» так прекрасно.

Пойте ему славу, поблагодарим еще и еще раз И. и постараемся в пути и в дальней Общине хоть чьей-либо энергии помочь нашей любовью.

На этом мы с Гердой простились, и я помчался домой строить гнездо для путешествия своему птенчику. Войдя в свою комнату, я был удивлен, найдя в ней свет. Оказалось, что Ясса — всеумелый, всезаботливый, обо

всем всегда думающий Ясса — уже смастерил прелестную клетку-гнездо, где важно восседал сейчас Эта и не желал сойти со своей новой постели, несмотря на уговоры терпеливого Яссы. В момент этого комического спора я вошел в комнату.

Увидев прелесть, которую соорудил Ясса, я бросился на шею моему чудесному няньке-наставнику, благодаря его от всего сердца за его усердие и заботы.

Достаточно было мне обнять моего друга, как мгновенно мы оказались втроем, ибо ревнивый Эта не привык, чтобы первое объятие после моего возвращения домой предназначалось не ему, и закрыл нас обоих крыльями, прыгнув на мое плечо.

Пошутив над ревностью птички и успокоив ее, я сказал Яссе, горячо тронутый его любовью:

— Я положительно не знаю, как я буду обходиться без вас, дорогой мой Ясса, и в дороге, и в дальней Общине. Сколько замечаний я буду получать от И., который и не предполагает, кто заботится обо всем моем виде и вещах.

Ясса усмехнулся, кивнул на стол, где приготовил мне ужин, и сказал своим смешным говорком:

— Мне уже и список вещей прислал И., которые я должен взять для вас и Бронского.

А вы сомневаетесь, как поедете без меня! Хотел бы я видеть вас обоих без меня.

Вот был бы смех! Наверное, Эта три раза умер бы с голоду, имея такого ветрогона хозяина! Конечно, я еду и, вдобавок к своей нагрузке, еще и леди Бердран взял на себя. Что же касается остроглазой — так он всегда называл Андрееву, — я сказал Кастанде, что мне ее опекать бесполезно. Одеваться аккуратно я ее не научу, а вещи ее все равно соберет очень аккуратно американский лорд.

Пока Ясса, пришивая последнюю ленту к корзинке Эты, разговаривал, я поужинал и так захотел спать, что немедленно отправился в ванную, принял душ и через несколько минут уже спал.

Как это очень часто со мной бывало, и на этот раз часы сна мелькнули как одна минута. Меня разбудили усердное дерганье моей подушки Эты, шаги Яссы и его смех.

— Скорее, скорее, ванна готова, все уже идут завтракать. Остроглазая чуть дышит от нетерпения, чуть ли не на мехари сидит, а вы еще в постели, — говорил мой друг-нянька, подавая мне совсем другую одежду, чем та, к которой я привык.

На мой удивленный взгляд он ответил мне, что путешествовать в обыкновенной одежде по пустыне нельзя и что сверх всего того, что я сейчас должен был надеть и что мне казалось таким несносно жарким, когда я вернусь из ванной, он наденет на меня еще два халата и сверху нет на моей голове тюрбан. А когда я сяду на мехари, поверх всего он набросит на меня нечто вроде арабского плаща, так как иначе меня сожжет солнце пустыни и осле пит ее свет.

Я пришел в истинный ужас от этой перспективы, но делать было нечего, надо было повиноваться. Невольно у меня мелькнуло воспоминание о пире у Али в К. и о том безобразном старике, черном и хромым, которого я увидел в зеркале, в тюрбане и с палкой, и в котором никак не мог узнать себя. Смех, мой вечно неуместный смех положительно давил меня, когда я думал о той минуте нестерпимого раздражения, когда я готов был стучать ногами об пол и чуть не плакать от досады, видя свое уродство. Хорош я буду и сейчас в ватном халате, под солнцем пустыни, которое, конечно, сделает меня черным, как араб, и уродливым, как старик в зеркале.

Недоставало только его неудобной туфли, которая заставила бы меня хромать.

Полный смеха над самим собой и своей недавней детскостью, я предал свою голову в распоряжение Яссы, который безжалостно обкорнал мои кудри и в момент свернул из длиннейшего куса мягкого прозрачного зеленого шелка на моей голове большой тюрбан. Затем он подал мне чашку молока и две небольшие, на вид малозавидные, но оказавшиеся превкусными лепешки, говоря:

— И. не приказал ни вам, ни Бронскому сытно завтракать. Артист сейчас придет сюда и получит такую же еду. И. просил вас объяснить, что в путешествии надо есть мало — только, чтобы поддерживать организм, но не более.

В эту минуту вошел Бронский, обливаясь потом и ворча на свой ватный халат и высокие сапоги. Ему был дан такой же завтрак, как и мне, и так же немедленно его голова была коротко острижена и покрыта тюрбаном. Но его тюрбан был из оранжевого шелка, чем я был и удивлен, и восхищен, так как он ему очень шел, я же казался себе зеленой лягушкой.

Ясса надел на меня бледно-зеленый халат, подал Бронскому оранжевый, и, изнемогая от жары и непривычной тяжести одеяний, мы спустились вниз, где нас уже ждал Зейхед с нетерпеливо стоявшими мехари. Как только мы были усажены на маленькие седла и укутаны, вернее сказать, завернуты, а кое-где буквально зашнурованы в плащи, вышел И. - в одну минуту был на мехари, и караван двинулся.

Мы ехали отдельными партиями. Во главе каравана мчался И., по обеим его сторонам — я и Бронский, за нами еще пять укутанных фигур, в которых я никого не мог узнать, так как не мог поворачиваться, и замыкал наш отряд Ясса. На некотором расстоянии — как только давала возможность разглядеть пыль — несли еще так же построенный отряд, во главе которого ехал Никито, скакуна которого я хорошо знал, и замыкал отряд Зейхед. Я понял, что нас немного, и думал, что это уже все, кого взял с собой И., но я ошибся. Когда мы свернули круто влево и выехали в голую пустыню, я увидел еще один отряд, гораздо многочисленнее двух первых. Я узнал во главе его Кастанду, а в самом конце увидел совсем неизвестного мне человека, ехавшего без всякого прикрытия, в одном халате и белом тюрбане, с совершенно темным, почти черным лицом и длинной седой бородой. На коротком повороте я мог заметить очень немного, но отчетливо понял, что третий отряд движется гораздо медленнее нас, и расстояние между нами, даже при обманчивости прозрачного воздуха пустыни, очень большое.

— Левушка, не вертись в седле, ты ослабишь все свои ремни и завязки, и к концу первого рейса тебе будет очень трудно держаться в седле. Держи поводья осторожно. Хорошо дрессированные животные очень чутки к каждому движению всадника. Первый день путешествия в пустыне, хотя оно и будет таким коротким, как только возможно, заставит каждого из вас, совершающих его впервые на верблюдах, очень утомиться. Закрой плотнее плащ на лице, как бы тебе ни казалось под ним жарко, иначе сгоришь, и придется тебя оставить в оазисе.

Несмотря на то что верблюды шли галопом, И. говорил совершенно спокойно, даже не повышая голоса. Лицо его было открыто, так же как лица Яссы, Никито, Зейхеда, Кастанды и уже упомянутого старика, замыкавшего шествие.

— Тебя удивляет, что некоторые из путников не боятся солнца и блеска пустыни.

Тут нет ничего чудесного. Кожа и тело у всех людей одинаковы, но внутреннее управление ими у всех разное. Тебе пора яснее понять, что между телом и духом так же не должно быть двойственности, как между умом и сердцем. Все слито в человеке в одно гармоничное целое. Чем выше его духовная чистота, чем дальше он проходит в своих знаниях, тем проще, легче и правильнее он управляет всем своим организмом. Если на земле встречаются такие случаи, когда чистые праведники болеют и даже умирают в больших страданиях, то это те исключительные единицы по своему самоотвержению, единицы вселенной, которые строят усиленный

рост своих встречных, своих учеников или даже всего человечества. Они вбирают в себя мусор грешных эманаций людей за счет разорения своей плоти. Они, зная, нарушают гармонию своего организма, перенося через себя, как через фильтр, чрезмерную для их физических сил силу Жизни в план земли. Тыходишь теперь в ту стадию обучения, когда тебе надо выработать из себя шар полной гармонии, то есть научиться полному овладению телом, всеми его мускулами и функциями. Человек, знающий до конца работу своего организма, умеющий всегда перелить в ту или иную часть его поток энергии, не болеет никогда. Всякая болезнь тела — это только та или иная стадия духовного разложения, но никогда не наоборот. Человек, замыкающий караван, поразивший тебя своим видом и ростом, — хозяин оазиса, где мы остановимся вечером и останемся на ночь. Он глава целого небольшого племени, которое он привел сюда давно, выведя его с острова, погибшего в страшном землетрясении. Он вывел не так много народа, выбрав наиболее чистые создания из развращенной расы, но теперь он глава уже многочисленного народа. В большом оазисе, плодородном и живописном, вы увидите жизнь, культурную во всех смыслах, так как Али много помогал им всеми средствами устроиться в новой жизни. Вы встретитесь с народом, где нет не только неграмотных, но где все образованны, знают европейские языки, где нет ни богатых, ни бедных, где нет личного имущества, но все добывается коллективным трудом, и где каждому предоставляется все необходимое. Люди оазиса понятия не имеют о воровстве, хотя выведены из страны, где их предки много страдали от злого, развращенного и вороватого окружения. Я говорю вам об этом не для того, чтобы вы думали, что я везу вас в страну мечтаний, где лучшая человеческая жизнь введена как опыт, методами насильственно принимаемых мер. Нет, культура и живой пример нескольких сотен истинно любящих своих братьев людей помогли их потомкам сохранить мир в себе, и этот мир создал прочные устои доброжелательства друг к другу. Этот маленький, по масштабам вселенной, оазис не знает первого камня преткновения в духовном совершенстве: радости о падении ближнего своего. Доброжелательство друг к другу помогает всему их народу жить защищенным от всякой возможности проникновения к ним зла. Было сделано несколько попыток разрушить в них мир и посеять вражду друг к другу. Но все эти попытки потерпели фиаско только потому, что «просветители» были смешны просвещаемым и должны были удалиться, ужаленные смехом жителей оазиса. Владыку племени зовут Рассул Дартан. Когда мы остановимся в оазисе и он освободится от своих обязанностей хозяина, я вас познакомлю с ним.

Теперь же старайтесь приготовить в себе самые чистые мысли. Думайте о нашей конечной цели, куда мы едем, о несчастных людях, к которым едем, и о не менее несчастных, которых туда везем. Подъезжая же к самому оазису, думайте о безмерных трудах любви, положенных в жизнь оазиса неизвестными, затерянными в пустыне людьми, создавшими на никому не известном клочке земли кусочек царства мира. Несите в это царство все самое высокое, что в себе имеете, чтобы струи вашей любви-энергии омыли песок под ногами тех, кто будет ходить там в бунте и скорби.

Мы продолжали мчаться еще более часа, затем И. замедлил ход своего скакуна, и также не менее часа мы шли шагом, чтобы животные отдохнули, затем снова помчались.

Когда верблюды шли шагом, для меня наступали полосы очень мучительные. Я никак не предполагал, что меня будет так мутить, хуже морской качки, медленное движение животных. Кроме того, солнце и песок стали казаться мне огненной печью, а мой белый павлин Эта, который спрятался под мой плащ, вылезши из своей корзины, — пятипудовым грузом.

И., видя, что я изнемогаю, посоветовал мне дышать в ритм с шагами верблюда, что меня очень облегчило, и, подозревая Яссу, приказал ему взять от меня птицу. Это было не так легко, так как мой избалованный товарищ не желал меня покидать.

Наконец под взглядом И. он смирился и, недовольно отвернув от нас голову, вместе со своим гнездом был взят Яссой и покрыт белым плотным холстом.

Много раз переходя с карьера на шаг и обратно, причем периоды отдыха были все короче, а скачка все длиннее, мы стали приближаться к оазису, который заметили издали по высившимся пальмам. Солнце было еще высоко, когда мы въехали на территорию самого оазиса, и верблюды ступили на твердую землю. Довольно долго мы ехали через редкий пальмовый лес, который мне казался не лесом, а пальмовым садом, вернее, целым рядом пальмовых аллей.

Откуда-то пахнуло свежестью, пронесся ветерок, зашумела вода, точно журчало несколько ручейков, но их не видели мои жаждущие глаза.

— Мы сейчас остановимся у водопада, — сказал И. — Но воды его пить нельзя. Она очень полезна для почвы, насыщена минералами, но вредна людям. Вы можете намочить ладони, что вас очень освежит, но не более. Здесь мы сойдем с наших запыленных животных, снимем с себя верхнее, наиболее пропыленное платье и отправимся купаться в озеро с прекрасной водой недалеко отсюда.

И. сошел первым с опустившегося на колени мехари, а меня с Бронским Ясса и И. буквально сняли, так как все члены тела у нас онемели. Я едва стоял на ногах, не лучше был и Бронский. И., смеясь над нашей немощью, сказал:

— Профессор несколько ошибся, называя вас Голиафами. Но все ваше недомогание скоро пройдет. Старайтесь ступать по земле, пользуясь всею ступней до самых кончиков пальцев. Пойдемте, хозяйева идут нам навстречу.

Я был настолько утомлен своим одеревенением, если можно так выразиться, что даже не имел сил интересоваться, кто шел за мной, кто впереди меня. Если бы я не опирался на Яссу, я не смог бы и шагу ступить. Я просто был чурбаном без мыслей и сил. Я признавал, что вокруг меня люди, что слышится говор и даже смех, но самому мне казалось, что у меня вырывается из пересохшего горла нечто вроде стога. Я не помнил, как свалился и как Ясса унес меня на руках.

Я пришел в себя и почувствовал, что вернулся к жизни, когда сидел в ванне с теплой водой, и Ясса, все тот же милый Ясса, растирал меня.

— Ну, теперь вы отделаны в лучшем виде. Надевайте это платье, выпейте это питье и помогите мне привести в порядок Бронского. Ему еще хуже вашего, — говорил мне Ясса, отирая градом катившийся с него пот.

Мне было мучительно жаль Яссу, так много истратившего на меня сил. Но я не решился высказать ему ни своей благодарности, ни своего сочувствия, так как он этого очень не любил.

— Неужели же Станиславу еще хуже, чем мне — ведь это значит, что он умирает? — сказал я, стараясь как можно скорее одеться и бежать на помощь артисту.

Я оглядывался во все стороны и недоумевал, где я нахожусь. Нечто вроде большой палатки с каменным полом, в котором была выдолблена квадратная ванна, откуда я только что вышел. Все было очень грубо, но очень удобно и даже комфортабельно для жизни в пустыне. Вода лилась прямо в ванну, теплая, прозрачная, и уходила в два отверстия с противоположной стороны так, что уровень воды оставался все тот же и вода на пол не проливалась. По полу были разбросаны циновки, тонкие и красивых рисунков. Но где был выход из этой палатки-купальни и где мог быть Бронский, я угадать не мог.

— Я готов, — сказал я отдохнувшему Яссе, — но где искать мне Бронского и как отсюда выйти, я не соображу. Мы точно в склепе.

— Хорошо бы, если бы из всех склепов на свете так же легко было выбираться, — ответил мне отдохнувший Ясса, встал со скамьи и отодвинул

одну стенку из циновки, которую я считал неподвижной.

Не успела отодвинуться стенка, как я был потрясен открывшейся мне за ней картиной. Бронский, бледно-зеленого цвета, лежал на спине, вытянувшись во весь рост на полотняной походной постели.

Я был уверен после слов Яссы, что он не умер, но все же сердце мое больно сжалось, хотелось скорей помочь ему. Учтя прежние опыты своих порывов, никогда не дававшие плодотворных результатов, я собрал все свое внимание и спокойствие и ждал приказаний Яссы. Протекавшие мгновения казались мне часами, и приготовления Яссы, которых я не понимал, я переживал как мучительное промедление.

Ясса вынимал целый ассортимент щеток, щеточек, мочалок и грубых рукавиц из жесткой материи, которыми он делал свой знаменитый массаж в воде. Наконец, надев пару таких рукавиц, он подал мне такую же и сказал:

— Наденьте, Левушка, плотно застегните и делайте точно все, что я вам буду говорить.

Как только я надел перчатки, Ясса велел мне стать у ног Бронского и помочь ему опустить тело артиста в кресло из камня, выдолбленное низко в полу, окруженное большой ванной, тоже каменной. С большим трудом я поднимал грузное тело, никак не предполагая, что художавый человек может быть так тяжел. Я все время поддерживал туловище и голову Станислава, пока Ясса тер его ноги и колени, руки и спину. Через несколько минут, вероятно минут через пятнадцать, Бронский с трудом вздохнул, но глаз не открыл и сидел все в том же положении.

Ясса открыл где-то кран, приподнял заслонки с обеих сторон ванны, и через минуту полилась теплая вода, постепенно заполняя ванну. Ясса теперь усердно растирал грудь и шею артиста. Вода поднималась все выше и дошла ему до колен. На лице больного появилась легкая краска, он зевнул, открыл глаза и с удивлением сказал слабым голосом:

— Неужели, Ясса, все уехали без меня?

— Уехали? Да, если вы часто будете так богатырски спать, то, пожалуй что, апельсины и пальмы успеют вырасти до неба из крошечных черенков. Сходите, синьор соня, в воду, мне иначе неудобно вас растирать.

Станислав намеревался сразу встать, но это ему не удалось. Ноги его совершенно не держали; трижды он пытался встать и сойти в ванну и только с моей и Яссы помощью смог это сделать, причем мне пришлось самому сойти в нее, чтобы почти на своих руках опустить его в воду. Он был беспомощен, все его тело болело, и под ловкими руками Яссы он с трудом сдерживал гримасы боли и стон.

Долго возился с ним Ясса. Потом велел мне помочь Станиславу снова

сесть в кресло, что тот сделал уже много легче, растер все тело Бронского ароматной водой, и после этого нового растирания Станислав вздохнул как лев, усмехнулся и сказал:

— Теперь я снова Голиаф.

— В этом я еще не уверен, выпейте это молоко и перейдите в ту ванну, — ответил ему Ясса, подавая питье и указывая на ванну в первой комнате, где я пришел в себя.

Легко и ловко, как всегда, Бронский поднялся, перешел в мою ванну и в восторге сказал:

— Ванна — чудо, вы, Ясса, — два чуда. Но уж молочко ваше, простите, такая мерзость, что хуже и придумать трудно.

Жизнь, силы и энергия возвращались к Бронскому, точно он и не походил на мертвого час тому назад. И все же еще и еще школил его маленький Ясса своими железными руками, под которыми морщился и кряхтел богатырь Станислав.

— Ну, теперь скорее одевайтесь оба, — снимая перчатки, сказал Ясса, отодвигая еще одну стенку. Когда мы вошли в комнату, которая перед нами открылась, оба мы замерли от восторга. Над нами сияло звездное небо, так как у комнаты крыши не было, вокруг нас росли пальмы в огороженном циновками довольно большом квадрате.

Судя по небу, был уже поздний вечер, а в загородке-комнате было светло как днем от каких-то ламп, горевших ярко и бесшумно в нигде не виданных нами не то горшках, не то светящихся колонках. Тут стояли плетеные из соломы диваны и стулья, на которых мы нашли наше обычное платье.

— Чудеса не прекращаются для нас с вами, Левушка, — кивая на лампы и небо, сказал Станислав.

Я ничего не успел ответить ему, так как очутился в объятиях И., смеявшегося моей растерянности.

— Чудеса только еще начинаются, дорогие мои страдальцы. Но вы можете твердо знать, что такого мучительного путешествия для вас уже не будет. Возможно, и даже наверное, вы будете совершать путешествия много более тяжелые и опасные, но ни одно из них не будет для вас таким мучительным. Только первое путешествие на мехари доводит до смертельного изнеможения, если всадник едет без отдыха в пути, как скакали мы. Пойдемте же, дети мои, чудеса ждут вас.

Счастливо сияя от близости к И., я попросил его подождать минутку, бросился к Яссе, горячо поцеловал его несколько раз, благодаря за помощь от лица обоих.

— Ясса, Ясса, — шепнул я ему. — Что бы мы делали без вас? Как мы вам благодарны.

— Не за что, дорогой Левушка. Благодарите И. и себя самих. Я только возвращаю вам мой долг. Не забудьте взять Эту, он в корзине, в темном уголке направо.

Когда я возвратился к И., Эта уже был на его руках, необычайно довольный и забывший все свои обиды в пустыне. Взяв птицу, которая не желала сама идти по незнакомому месту, я шел сзади И. и Бронского, который все не мог прийти в себя окончательно от ряда пережитых потрясений и неожиданностей.

Мы шли по прелестной аллее, отовсюду лился аромат цветов, культурно посаженных в цветники и клумбы. Во многих местах видны были освещенные окна домов. Кое-где женщины укладывали детей спать, кое-где были видны картины уютной и мирной домашней жизни. Мне все казалось сном, сказкой, я каждую минуту готов был «слови-воронить». Вероятно, поэтому И. взял меня под руку, говоря:

— Будь внимателен, будь воспитанным джентльменом, мой сынок. Постарайся вспомнить наставление Флорентийца о такте и обаянии. И кого бы ты ни встретил сегодня в ночь, будь мужествен и доброжелателен до конца. Забудь о себе, о своем удивлении, всем сердцем стремись растить энергию тем, кого увидишь.

Слова И. перестроили на иной лад ход моих мыслей. Я перестал восхищаться и наблюдать. Перестал жить в одном внешнем мире, я погрузился в глубокое и мирное состояние активного действия. Я перестал думать, что, кого и как встречу, но в сердце своем ощутил силу быть и становиться той Любовью, когда видишь только духом своим Единого в оболочке каждого.

Мы подходили к большой беседке из частой-частой проволоки, защищавшей от ночных бабочек, летевших со всех сторон на яркие лампы, которыми она была освещена.

Когда мы подошли к самой беседке, тот человек, что замыкал наш караван, вышел из нее нам навстречу. Теперь я мог его узнать только по длинной седой бороде и темному, точно из камня высеченному лицу. Я имел возможность, пока И. представлял нас, рассмотреть лицо хозяина оазиса. Оно поразило меня тем, что на нем не было ни одной морщины, кожа была совершенно гладкая, молодая, но в самом лице молодости не было. Какая-то вековая мудрость лежала на нем, точно он жил сотни лет на земле.

Но у меня не было времени размышлять о Рассуле Дартане. Он подвел

меня к двум женщинам, молодым и очень мило одетым в своеобразные длинные, узкие платья, с распущенными волосами, множеством красивых браслетов на обнаженных руках и ожерельями на шеях, представляя меня им как своим правнучкам. Только я подумал, на каком же языке я буду с ними говорить, как одна из них, младшая, сказала мне, хорошо произнося по-французски:

— Мы привыкли называть дедушкой нашего дорогого владыку. Но на самом деле он не только не дедушка нам, но прапрапрадед.

— Вот редкостное счастье иметь живым прапрапрадеда, — ответил я. — Я впервые видел бы и прадеда, не только прапрапрадеда живым, — говорил я, усаживаясь на указанное мне место за столом между двумя женщинами.

Обе мои соседки очень заинтересовались судьбой Эты и спрашивали, почему я везу его по пустыне. Обе предлагали свои услуги поухаживать за моим птенцом, пока я не вернусь обратно, уверяя, что я могу совершенно спокойно доверить им уход за Этой, пока не возвращусь.

— Ведь ни один караван не проходит через пустыню, не заехав отдыхать к нам в оазис. Часто у нас живут подолгу люди, отправившиеся в путешествие через пустыню, здоровье которых не позволило им ехать дальше, — сказала старшая. — В частности, француз, обучивший нас своему языку, должен был прожить у нас более двух лет, пока дедушка помог ему восстановить свое здоровье, чтобы вернуться на родину. У нас живут люди почти всех национальностей, всех профессий. Наши бани, прачечные, ванны выстроены по плану лучшего инженера Америки, который прожил у нас более трех лет и ни за что не хотел уезжать. Он очень полюбил мою дочь и умолил дедушку разрешить ему на ней жениться и отпустить ее с ним на его родину. Как я ни протестовала, дедушка убедил меня отпустить старшую дочь. Мне остались еще четыре в утешение.

Старшая дама была так моложава на вид, что я с удивлением спросил:

— Во сколько же лет у вас выходят замуж? Я представляю себе с трудом, что у вас может быть пятеро детей. Но если даже и можно это себе вообразить, то все же старшей из них не может быть больше восьмидесяти лет.

— Это климат нашего оазиса и свойства нашей воды таковы, что мы живем долго и долго сохраняем молодость. Моей девочке было семнадцать лет, когда она вышла замуж. Дедушка не позволяет жениться раньше двадцати одного года и выходить замуж раньше семнадцати.

Разговор наш шел о быте и жизни оазиса и не мешал мне слушать о

новой, неизвестной мне форме существования целого культурного племени, с одной стороны, и бдительно присматриваться ко всему совершавшемуся вокруг меня с другой.

Я не видел за столом никого из нашего каравана, кроме И. и Бронского. Последний сидел также между двумя молодыми женщинами, разговор их шел по-английски о театре, насколько я мог уловить из долетавших до меня отдельных слов.

— Разве у вас есть театр? — спросил я своих собеседниц.

— Театра в истинном смысле слова, у нас, конечно, нет. Но дедушка увлек детей, помог им самим написать пьесу, был их первым режиссером долгое время. Теперь дети повзросли, развились, и некоторые из них стали заправскими актерами, писателями и режиссерами. Они мечтают хоть раз увидеть игру настоящего артиста.

Дедушка им это обещал. Не знаю уж, откуда он возьмет здесь артиста, да еще настоящего. Разве когда-нибудь заблудится в пустыне караван с артистом и забредет в наш оазис.

— Уж раз дедушка обещал — значит, будет, — вмешалась в разговор младшая. — Вы можете верить или не верить мне, но дедушка знает все. Знает, когда будет набег зверей, и как от них защититься, и когда надо выезжать в пустыню на помощь заблудившимся, и когда будет недород, и когда близко пройдет чума, — все, решительно все знает дедушка. Он точно в земле и в небе видит, не то что всего человека насквозь видит. Если он что-нибудь сказал, можете быть уверены, что именно так оно и будет. Ни разу не случалось, чтобы душа нашей жизни, душа нашей радости — дедушка — сказал нам неправду.

Ужин кончился, хозяин встал, омыл руки и рот в струе лившейся воды над большой раковиной в конце беседки. Все последовали его примеру, взяв со стола большие бокалы, назначение которых только теперь мне стало ясно. Вся группа сидевших за столом людей, человек около двадцати, большая часть которых группировалась вокруг И. и хозяина в продолжение ужина, двинулась по темной аллее.

После светлой беседки аллея показалась мне еще темней. В конце ее, довольно далеко, горел огонь большого костра. Я понял, что к этому-то костру мы и идем.

Вскоре глаза мои привыкли к темноте, звезды сияли ярко, и на лету я поймал взгляд И., как бы говоривший мне: «Помни».

Бронский взял меня под руку, точно желая защититься от своих словоохотливых собеседниц. Мне и самому хотелось сейчас помолчать, хотя жизнь оазиса очень меня интересовала. Довольно долго мы шли по

аллее, дошли до перекрестка и увидели ряд домиков.

— Вот здесь живем мы, — сказала моя старшая собеседница. — Сейчас всем нам необходимо быть дома. Если завтра ваш караван двинется в путь не так рано и у вас будет время, я и вся моя семья будем рады увидеть вас у себя, — любезно прибавила она, протягивая мне и Бронскому руку на прощание. Не только дамы, но и все шедшие впереди мужчины простились с нами и разошлись по своим домам. С нами остался один Дартан, и из темноты вынырнул Ясса, которому мы очень обрадовались.

Настроение всех оставшихся сразу изменилось. Я почувствовал какое-то облегчение и понял, что волна эманаций И., которые всегда и всем помогали жить энергично в его присутствии, шире и глубже охватила меня.

Костер, и издали казавшийся небольшим, вблизи оказался огромным и высоченным.

Он был сложен на высоком постаменте из черного камня и освещал широкий круг пространства, как большущий факел. Горели в костре огромные куски дерева, почти не давая дыма. Когда мы подошли к самому костру, хозяин низко поклонился И. и сказал:

— Будь благословен, Учитель, за все то, что ты уже для нас сделал и делаешь.

Будь дважды благословен за то, что ты заехал к нам сегодня в этот великий для меня день. С тех пор как много лет; назад Али прислал тебя в этот день ко мне с драгоценным для меня письмом, ты ни разу не забыл тем или иным путем дать мне знать, что помнишь и приветствуешь меня. Особенно сегодня я ценю твой приезд, так как чувствую усталость от трудов и необходимость увидеть тебя, труженика Вечности, не знающего ни усталости, ни тоски. Садись, Учитель, разреши представить тебе двоих моих внуков, возвратившихся на днях домой. По твоему приказанию я отправил их в университеты. Один из них учился в Гейдельберге, другой в Оксфорде.

Он усадил И. в плетеное кресло, указал нам с Бронским места за креслом И., где стояло нечто вроде плетеного диванчика, и подвел к нему двух красивых, молодых, рослых мужчин, одетых в белые длинные платья из полотна, как носили жители оазиса, но с коротко остриженными волосами и с гладко выбритыми лицами.

И. ласково поздоровался с каждым из молодых людей, несколько дольше задержав руку каждого из них в своей, чем это делал обычно, здороваясь с людьми. Новых знакомых, очевидно, стесняло присутствие стольких незнакомых им людей. Я понял, что они, как, бывало, и я в первое время знакомства с И., почувствовали себя вдруг прочтенными в своем

духовном мире, точно стояли обнаженными, со всеми своими духовными сокровищами в руках.

И. сказал им несколько приветливых и ласковых слов, после которых они стали увереннее и спокойнее, посадил их на наш с Бронским диван и просил Рассула занять место рядом с ним. Несколько колеблясь и застенчиво улыбаясь, великан не решился протестовать и сел рядом с И., фигура его возвышалась как монумент над всеми нами. Я подумал, что он еще огромнее Али и Флорентийца. Если тех я видел гарцующими на конях, то уж Рассул был невозможен ни на чем, кроме верблюда или разве кентавра.

Только мелькнула в моей голове картина: Рассул на кентавре, как он обернулся в мою сторону и послал мне такой лукаво-поддразнивающий взгляд, которого на его каменно-мудром лице я не мог себе и представить. Я вспомнил слова моей собеседницы за ужином о «дедушке» и решил быть осторожнее в вольном полете своих картинных мыслей, и как раз сделал это вовремя.

— Ясса, приведи спутников наших двух отрядов и Кастанду, — сказал И., не поворачивая головы и рассматривая толпу людей перед собой, которая была довольно многочисленна.

Пока Ясса отправился исполнять его приказание, И. употребил свое время на разговор с некоторыми пожилыми и молодыми людьми, мужчинами и женщинами, подходившими к нему из темноты за советами, и всех их И. оставил в свете костра.

Послышались шаги многих пар ног, и первое, что я увидел... был сияющий Франциск, рядом с ним шел профессор. Оба были свежи, юны, сильны, точно и не ехали по пустыне.

Я и прильнувший ко мне Бронский были до того поражены, что превратились в соляные столбы. Никого и ничего больше я уже не видел, кроме этой пары. Сверх обычной одежды на плечах Франциска был накинута алая плащ, казавшийся огненным.

Свет игравшего костра, падая на это единственное алое пятно среди моря белых фигур, делала его живым, движущимся. Мне положительно казалось, что я вижу какие-то струйки, бегающие по блестящей и легкой материи плаща. Голова его не была ничем покрыта, тогда как на голове ученого был тюрбан, менявший его до неузнаваемости. Рассул встал навстречу Франциску, уступая ему свое место подле И., но тот ответил:

— Сиди, сиди, родной, подле твоего заботливого Учителя. Я сяду здесь, буду всем виден, и сам буду видеть всех, а также усажу своих новых питомцев подле себя.

Он сел на довольно высокий и широкий каменный диван, на котором были положены подушки и циновки, усадил подле себя профессора, по другую сторону — Андрееву, дальше Лалию, Терезиту, Нину и Никито, а у ног его сел милый Ольденкотт, не спускавший с него глаз. Взглянув в лицо англичанина, когда он на момент перевел свой взгляд на И. и Рассула, я был поражен сходством выражения его глаз с глазами Франциска. Из глаз Ольденкотта лилась такая доброта, такой мир и счастье, что я сразу понял, какой высоты должен быть дух человека, чтобы его лицо могло отразить хотя бы на миг божественную доброту.

Боже мой, я понял еще раз, как мало я вдумывался и вглядывался во встречи.

Человек, служивший чем-то вроде вечного уборщика у Андреевой в его внешней жизни, кем же был на самом деле этот человек, если лицо его по своей доброте могло быть сравнимо с Франциском?

Не успел я прийти в себя от изумления, как почувствовал легкий толчок и сообразил, что Ясса берет из моих рук Эту, которого я, по своей рассеянности, далеко не элегантно держал.

— Дайте мне птицу, Левушка. Это далеко не по-джентльменски так обращаться с Этой, — шепнул он мне, беря от меня павлина.

Слова Яссы напомнили мне приказ И. Я постарался снова влезть в самого себя и держать себя в крепкой дисциплине. Только тогда я увидел леди Бердран и Игоро, севших недалеко от И. Господи, сколько времени я не видел Игоро, даже забыл, что ведь он тоже жил в Общине! Сколькими качествами мне еще надо обладать и учиться! Я, имевший такое ограниченное количество друзей и знакомств, забыл об Игоро. И И., имевший тысячи людей в своей памяти, не забыл ни разу одного какого-то дня в жизни заброшенного в пустыне хозяина оазиса!..

— Мои дорогие друзья, — раздался голос Франциска, — как я рад, что в эту чудесную ночь, ночь такую значительную для многих из присутствующих здесь, я могу напомнить вам, что нет ни рангов, ни чинов, ни условных путей для каждого из тех, кто ищет мира и счастья. Кто может достичь их в своей земной жизни? Тот, кто выполняет слова Евангелия? Тот, кто служит ежедневно по несколько церковных служб? Кто совершает путешествия по святым местам? Нет, только тот, кто в своем сером дне пронесет доброту своим встречным. Доброту в условиях и пониманиях его современности, а не по кодексу условных правил, которые определяют, что такое доброта, придерживаясь всех своих предрассудков. На самом деле, можно ли дать наставление каждому отдельному человеку, как ему действовать среди людей, если основное его качество, которым он

понимает и воспринимает дух своих встречных, есть доброта? Такая доброта, которая идет не от ума человека, то есть когда человек не успевает спросить свой ум: как мне поступить, а мгновенно, любовно обнимает всего встретившегося человека, со всеми его пороками, скорбями, слезами, упрямством и муками, составляет не личное, человеческое качество, но является действием аспекта его Единого, оживотворенным и движущимся в путь его единения с людьми. Тут не форма управляет действиями человека. Тут непосредственно Единый согревает форму человека своей Любовью так, что она становится мягкой, как воск, и отогревает слои условных корок на встречном. Они размякают от такой встречи с добрым, поры их расширяются и дают возможность собственной доброте просочиться в верхние слои формы и соприкоснуться с Добротой-Любовью доброго. Но случаи путешествия по земле этой категории людей добрых редки. Чаще люди, проходящие свой путь земли добротою, несут ее в себе закутанную во многие покрывала разума, скептицизма и даже некоторого рода отрицания. Таким людям приходится постоянно выбиваться из компромиссов, и если они достигают творческого результата в своем единении со встречными, то только в тех случаях, когда через все перипетии сознательных рассуждений попадают в бессознательное творчество, то есть в полную гармонию своего собственного организма. Что такое гармония человека? Можно ли достичь ее знаниями, добываемыми извне? Может ли привести человека к гармонии культура и все дары цивилизации? К большому огорчению множества людей, гоняющихся за знаниями, — употребляю сейчас это слово в самом широком смысле и значении, как силу даже космического значения, — нет такого знания, которое могло бы привести к гармонии. Иная сила, иная культура приводит человека к гармонии: культура сердца. Почему в большей части человечества все несчастья идут от разлада ума и сердца? Чем особенным обладает культура сердца по сравнению с культурой ума?

Чего не может приобрести сердце, что так легко вбирает в себя ум? Ум, как всеядное животное, подбирает весь опыт чужих достижений. И чем меньше творчества в собственном уме человека, тем он более блещет эрудицией чужих достижений, тем ярче он выделяется среди своей среды и носит название «умный». Редкие умы-творцы почти всегда малозаметны в толпе, и суд над ними, признание их величиной того или иного порядка, происходит по их делам и произведениям, а не по талантливости их умения жить с людьми. Умы-творцы всегда достигают гармонии, потому что все великое, что сотворили люди, может быть сотворено только в гармонии. Культура сердца — путь индивидуальной неповторимости человека.

Никакой чужой опыт помочь в достижении этой культуры не может. Чтобы завоевать ничтожное звено в своей культуре сердца, надо сбросить огромную цепь предрассудков и суеверий. Чтобы выбросить в мир одну истину Любви, надо отдать несколько воплощений завоеванию культуры сердца. Как проходят первый этап пути к культуре сердца? Для всех людей земли, без всяких исключений, он заключается в одном: "Люби ближнего, как самого себя". Казалось бы, эта истина не мешает уму действовать и достигать своей культуры, не лишает его сил для самых высоких напряжений. Но на деле в жизни обычного, простого дня мы видим обратное. Культура сердца с ее словами Любви, как надоедливая муха, мешает ученому в его делах и встречах. Первое, от чего желает отделаться умный, первое, что он желает забыть и вне чего хочет себя поставить, есть проблема любви к человеку. Ни как таковую, ни доброжелательство к другому, ни сострадание и заботу о ближнем он не принимает в свой серый день как творчество радости. У него делается сплин от людей, занятых проблемами сердца, если он лично в них не заинтересован. Культура сердца, начиная с доброжелательства, переходя в сострадание, становится молитвой, когда каждое действие сердца есть привет ума и сердца, поклон всего целого в человеке огню его встречного. Дорога — от начальной до высшей ступени в пути культуры сердца, — это ряд раскрепощений человека, где с него спадают целые серии обветшалых пониманий и понятий. В каждой ступени характер встреч человека бывает разный. Но причина этого разнообразия всегда одна: он сам. Дойти до полного понимания, что все обстоятельства жизни и все встречи — только твое собственное творчество, не менее трудно, чем перестать осуждать человека. Заметить действие закона причин и следствий в своей собственной жизни так же трудно, как сбросить со своего организма всю нечистоту, прилипшую к нему за века жизней. Когда человек сходит на землю, он точно знает, какое новое качество он должен приобрести и какие старые силы страстей он должен перековать в силу радости, то есть в ту энергию, единственную, которая вводит человека в творчество, в гармонию. Те люди, что начинают свой новый урок воплощения от культуры сердца, вводят в действие свое гармоничное Начало, достигают тех или иных ступеней откровения. Иногда, будучи даже неграмотными, они имеют такую высокую силу верности Любви, что их духовное видение переносит их далеко за границы обычных пониманий их среды. Начинающему жизненный путь с культуры сердца не приходится становиться в постоянной нерешительности перед каждым вопросом, останавливаться перед каждым встречающимся в дне повышением или

понижением почвы, с трудом решая, как обойти или перепрыгнуть препятствие. Что такое препятствие? Только неготовность самого человека к тому действию, которое он взял на себя сам, сходя на землю.

Представим себе, что перед двумя людьми — ума и сердца — встает одна и та же задача. Скажем, к умному, который ищет жить в служении ближним, и к доброму, который ничего не ищет, но живет в доброте, держа в полной верности руку своего Учителя, пришел друг и просит крова и отдыха. Оба — и умный, и добрый, стеснены в обстоятельствах. Кров их уже заполнен другими, больными, требующими постоянного ухода и забот, — сил физических у обоих мало. Добрый, держа руку Учителя своего, верный ему до конца, просто подумает: у меня нет места, дом не мой, а Учителя моего. Если возьму еще ношу, не снесу ни одной. Знаю, что этот несчастный найдет себе кров, а те, кого опекаю сейчас, нигде его не найдут и без меня погибнут. Пусть рука Учителя моего поможет мне пронести сейчас Его ношу, как сумею лучше. И он скажет просящему без всякого разъедающего сердце компромисса: "Сейчас не могу принять тебя, друг, даже помня хорошо твое гостеприимство". Умный же, раньше чем отказать, измучится сам и долго будет чувствовать рану в сердце, потому что отказал, поступил эгоистично, неблагородно и т. д., вместо того чтобы подумать об одном: есть мера вещам. И какую бы мерою я ни мерил, сила, во мне живущая, переносится и мною, и моим встречным в ту меру, какую каждый из нас отмерил в себе Вечному. Нет моего личного отношения к другу, в котором тоже не вижу личного. Есть только те обстоятельства, в которых каждый из нас ищет нести Единого и служить Ему. Сохраню полное спокойствие и буду нести смиренно Света и служения столько, сколько моя мера вещей позволяет.

Признаков культуры сердца, по которым можно было бы делить людей, не существует.

Нельзя сказать, что такое или иное действие принадлежит только тем, кто идет путем доброты. Каждый должен понимать, что важно не то, оценен ли поступок так или иначе, а важно, чтобы поступок был действием сердца человека. Что побудило, как воспринято окружающими это действие сердца, значения никакого не имеет. Все это относится только к временным формам. Весь смысл каждого действия только в том, сколько отразилось в нем Беспредельного, что человек очистил и пролил в путь своих встречных. Едкий яд условностей, овладевающий людьми, не является привилегией больших городов, как шелуха именно тех толп народа и его суеты, среди которых живет человек, ищущий раскрепощения. Не надо путаться в понятиях.

Не то важно, что вы ищете, но важно, чего вы ищете и как вы ищете. Если ищете, ясно понимая свое место во вселенной, ищете ступать весело и просто по ступеням вселенной, ваше искание идет от Вечного в вас, и для вас не существует хаоса страстей. Ваша мысль не застревает в кипящей массе условностей, в которых живет окружающая вас толпа, — вы возвращаетесь среди тех вибраций, где творит мысль, не спускающаяся к суете и тлению временного. Вокруг вас носятся толпы молящихся, вечно молящих о помощи. И вы видите ежедневно, как все эти мольбы, возносимые куда-то, в какие-то вне человека существующие небеса, остаются всегда без ответа. Почему? Только потому, что нет инертной энергии — Бога, сидящего в мертвых небесах, а есть творящая, вечно движущаяся Энергия, живущая во всем, как и в каждом человеке. Чтобы пришел ответ мольбе человека — если уж можно говорить о мольбе, называя этим словом личную просьбу, — надо, чтобы весь человек был одним чистым славословием Жизни. Но когда он достигает того мира в сердце, который делает его звучащим славословием Жизни, он не возносит личных молитв, так как он сам перестал быть личным. Он ясно знает, по действию духа в себе, Безличное, что живет в его форме. Временная форма дает силу и радость вносить Свет Жизни, которая для него и Личное и Безличное в одно и то же время. Все, в чем он живет, идет для него как Целое в миллиардах жизней земли, то есть Ее — Жизнь — он видит в этих миллиардах форм. В эту чудесную ночь, когда в каждом из ваших сердец особенно сильно звучит его нота Энергии Света, оставьте навсегда позади все сомнения, как надо разрешать вопросы быта, чтобы они не выбивали вас из чуда радости быть единицей Бытия и становиться отражающими Его доброту и помощь силами. Надо жить всею полнотою чувств и мыслей каждую минуту и помнить только одно: Мгновение — и конечно воплощение. Мгновение — и нет возможности перенести в плотной форме времени и пространства звучащее Безмолвие, наполнив день серой земли вокруг себя миром, радостью, уверенностью и добротой.

Раскрепостите в себе сегодня ум от его постоянной жажды прочесть все новое и новое слово Истины. Усвойте, что только те кусочки Истины могут стать действием в дне человека, которые он вскрыл в себе, омыв их своими трудами на общее благо, закрепил, их полною верностью своего благоговения и преклонения перед ужасом и величием путей человеческих. И сколько бы он ни читал Истин, если сам живет в полуусловных компромиссах, ни крупницы Истины не введет в свое единение с людьми.

Тучи кружащихся и жалящих самолюбие человека комаров и мошек — все только собственная его самостоятельность. Зачем жаловаться, что друг

не особенно внимателен к вашим нуждам? Зачем ставить другу в укор его разрыв с вами? Если вы идете к другу, идите — так же как и к врагу — только тогда, когда вы можете принести в его дом, в его сердце, в его условности величие и силу собственной доброты. С этой ночи перестаньте думать и действовать, ходить и говорить, как ходят и живут обыватели в мире суеты, условности, страха. Двигаясь по миру времени и пространства, несите Силу Света, не считая своим подвигом такой образ жизни, но живите так, легко улавливая всюду и во всем Звук Вечного.

Франциск умолк. Над всеми людьми, собравшимися у костра, носился точно не теплый воздух пустыни, но теплота Любви, которую Франциск вылил нам из своего сердца.

Как незаметно мелькнула короткая ночь! Я совершенно забыл, где я, что еще час тому назад ярко горел огонь, а сейчас уже занималась заря, от костра осталась только груда пепла, и в новом, сразу сменившем ночь рассвете ясно были видны лица людей. Франциск поднялся со своего места и, обратившись к Рассулу, сказал:

— Прими мой прощальный привет, дорогой владыка этого округа. Не говори, что ты утомлен, еще не настало время окончания твоей деятельности на земле. Ты видишь сам, что смена тебе еще не пришла, хотя ты вырастил уже несколько поколений.

Твоя мера вещей еще не исполнилась, ты еще не полностью воздал Жизни все то, что Ею тебе было поручено выполнить. Моменты, когда ослабевает дух, когда сердце не имеет сил мужества до конца, бывают у всех, кто приходит на землю выполнить свои задачи Вечного. Но эти минуты мелькают, как капли росы, высыхающие под солнцем, и подают новое мужество сердцу для задач еще более высоких. Прощайте, друзья и братья. Примите все привет сердца моего. Перед каждым из вас лежит далекий, беспредельный путь труда. Но не забывайте: как бы ни манило вас далекое, сверкающее царство Любви, оно достигается каждым человеком постольку, поскольку его «сейчас» наполнено его творящим духом.

Франциск обнял каждого из нас и, подойдя к И. последнему, сказал: — Проводи нас и благослови в обратный путь, Учитель.

И. велел мне и Бронскому помочь Зейхеду оседлать мехари для Франциска, Кастанды и профессора. Пока мы занимались этим делом, я все думал о чуде сил в больном теле Франциска. Мы с Бронским стали полумертвыми от одного, даже не полного, дня путешествия по пустыне, а он поедет обратно, не сомкнув глаз ночью, без всякого отдыха. Поистине Титан духа, он мог управлять своим организмом, заставляя его до сверхъестественности служить и повиноваться своей могучей воле.

— Все, Левушка, знание, а не чудеса, — шепнул мне Зейхед, заправлявший седло на мехари рядом со мной.

Я чуть не выронил ремней, которые держал, так поразил меня Зейхед, прочитавший мои мысли. Но я не успел ему ничего ответить, потому что к нам подходили И., Франциск и Кастанда, беседуя с профессором. Лицо последнего носило явные признаки раздражения и недовольства. Он говорил очень возбужденным тоном:

— Что же тут особенного, если в эту минуту я не вернусь в Общину? Отчего мне нельзя поехать с вами, доктор И.?

Ведь все равно перерыв в моей работе уже совершился. Будет ли он длиннее или короче на пять-десять дней или недель, не все ли равно? Я так силен сейчас, что сил моих хватит еще на много лет.

— Кто вам сказал, что мое отсутствие продлится пять — десять недель? Оно может продлиться много больше. Но дело не во времени. Где же ваша преданность науке?

Неужели вы всю жизнь боялись потерять зря одну минуту, упрекали даже бедного Мулгу в том, что он вам мешал своими разговорами и молитвами, только для того, чтобы сейчас, когда вам предоставлены наилучшие условия, когда вы полны сил, изменить вашей богине-науке и нарушить верность ей из-за любопытства к внешней жизни пустынной Общины? Подумайте обо всем том, что вы слышали за короткое сравнительно и такое богатое событиями последнее время вашей жизни. Неужели опыт этих дней не умудрил вас настолько, чтобы понять, что может увидеть человек, если он готов, и чего не может увидеть, если он не готов, хотя бы чудо Жизни стояло рядом с ним?

— Я все понимаю, доктор И. Но я хочу непременно ехать с вами. Я не буду в силах заниматься моей наукой вдали от вас. Все, что хотите, я буду выполнять в путешествии, только разрешите мне быть подле вас, — упрямо, с чисто немецкой назойливостью говорил Зальцман.

— Мой бедный друг, пусть эта минута будет для вас вековым уроком. Вглядитесь в собственное сердце. Подумайте о том великом мире, который в нем царил после вашего пробуждения от сна в Общине. Подумайте о великой Любви к науке, которая жила в вас в течение всей вашей жизни. Вспомните о жертвах и лишениях, которые вы всю жизнь приносили только для того, чтобы дать миру великое открытие. И каприз, одно мгновение иллюзорного счастья, сносит, как ураган, всю ценность вашей жизни: верность до конца. Так недавно вы прочли кое-какие страницы ваших прежних жизней, где пережили и свое вероломство, и... мою безмерную любовь.

Неужели все было напрасно и сердце Ваше вновь изменит?...

Не успел И. договорить, Зальцман бросился к его ногам и тихо, горестно сказал:

— Простите безумному старику! Так много Света вы влили ему в сердце, так много любви там родилось к вам, что мне показалось невозможным расстаться с вами...

— Если так много родилось в вашем сердце любви ко мне, друг, то пусть она еще больше копится там, пусть выливается целым потоком во все, что окружает вас, и помогает всему встречному богатеть в мужестве и красоте. Это неважно, каков будет первоначальный, тайный источник вашей накопившейся любви. Любя одного человека до конца, вы — именем его — будете служить миллионам. Точно так же, любя науку до конца и побеждая верностью своею все препятствия в ней, вы будете служить примером живой верности всему человечеству, создавая для него новый этап развития. Возвращайтесь обратно. Я взял вас сюда, чтобы вы увидели воочию, как можно трудиться для общего блага и что можно создать даже в песках безвестной пустыни, вам показали музей мироздания, которым вы были поражены, вы видели оазис, вы видели школы и библиотеки, от которых пришли в восторг, видели театр, в котором с трудом верили, что вы не спите. Поезжайте обратно. Пристально вглядывайтесь в свое сердце и запомните мое последнее вам слово: чем ближе вы будете к Богу в себе, тем ярче и яснее будете видеть Бога во встречном. Я уверен, что Бог во Франциске заговорит с вами очень скоро. И так же скоро вернется ваша поглощающая любовь к науке. Занимаясь ею, как я вам указал, используя людей, которых я вам назвал, вы не успеете дойти и до половины необходимого, как я уже вернусь обратно.

И. обнял ученого, стихшего, умиленного и доброго, такого доброго, что даже трудно было себе представить таким самомнящего профессора. Вся его немецкая самоуверенность исчезла — перед нами было кроткое и нежное существо, с восторгом глядевшее на И. — Много раз в жизни мне было трудно. Много раз охватывала меня безнадежность, — все так же тихо говорил Зальцман. — И всегда преданность науке побеждала все. Но тогда она была для меня целью, возлюбленной, жизнью. Теперь не она стала целью, но... через нее, через преданность ей я надеюсь завоевать ту ступень мира и силы, когда стану достойным следовать за вами. Тот Зальцман, что прожил столько лет, умер в эту минуту. Для сердца того человека разлука с вами невозможна, она равна, если не тяжелее, смерти. Только новый человек, который заново начинает строить свою жизнь, с новыми надеждами и пониманиями входит в нее, повинуется вам. Да, вы

правы. Бог во Франциске первым говорит мне. И Он говорит: ища Света в себе для науки, ты найдешь меру вещей, где плоть перестанет давить на космос в тебе. Иду, Учитель. Помните обо мне. Я же буду верен вам, как был верен науке.

Профессор поклонился И., отер слезы, бежавшие по его щекам, концом плаща, поклонился всем нам и легко сел на мехари, почти без помощи Кастанды.

И. простился с Франциском и Кастандой, те сели на мехари. Франциск повернул свое животное ко мне и Бронскому:

— Голиафы, помните о той бездне человеческого горя, которую вы видели в трапезной, и знайте, что она ничто пред той бездной, куда теперь едете, по силе отчаяния и уныния людей. Мужайтесь. Ищите мужества в любви к Единому в человеке и не забывайте: не для праведников посылает Жизнь на землю своих избранных, но для грешных. И из всех грешных — грешнее всех тот, кто увидел в человеке грех, а не Бога его.

Быстро помчались три мехари по аллее оазиса и вскоре исчезли в облаке пыли пустыни.

Глава 17

*Наш отъезд из оазиса. Второй день путешествия, по пустыне.
Зловещая встреча в ней.*

Мы стояли, смотря вслед умчавшимся всадникам. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что мысли и чувства всех провожавших были одинаковы. Каждый из нас — как мог и умел — посылал свои благословения уезжавшему профессору и его новой жизни. В который раз я присутствовал при начале новой жизни человека, в которую его провожали И. и Франциск. И каким диссонансом звучало для меня то, что каждый раз — был ли то убогий карлик, был ли то одаренный или даже гениальным человек — все начинали эту новую жизнь с печали, слез и тоски. И я еще ни разу не видел той духовной мощи человека, когда бы он шел в свою новую жизнь, радуясь и торжествуя, что пришел его момент внести свою часть труда в широкий мир.

Я подумал о брате Николае, вспомнил его записи в книжке, вспомнил пир у Али, Наль, Али-молодого и его страдания, и: впервые закралось в мою душу сомнение, умел ли брат Николай начать свою новую жизнь с Радости:

— Не пытайся решить уравнение со столькими неизвестными, мой дорогой следопыт, — весело сказал мне И., возвращая меня к месту и времени. Тебе надо искать не ответы, как идут жизни со столькими неизвестными для тебя величинами. Тебе надо растить в своем движении, в своих перемежающихся «сейчас» Любовь-энергию в геометрической, а не в арифметической прогрессии. И первое, что ты для этой цели сделай, помоги Игорю собрать все вещи Натальи Владимировны. Когда мы будем уезжать, усади ее с Зейхедом на мехари и оставайся, вместе с Игорю, в роли рыцаря-охранника во все время путешествия при нашей «молниеносной» даме.

Станислав и мистер Ольденкотт поедут рядом со мною, а вы сзади нас. Если я доверяю твоему вниманию охрану этой женщины, это значит, что ты так же должен забыть о себе и думать только о ней, как ты делал это в те часы, когда помогал ей читать книгу в комнате Али. Обязанность, возлагаемая мною на тебя в это мгновение, так же священна, как и та. Забудь же о себе, думай о ней и не забывай слов Франциска о бездне человеческого горя, — прибавил И., ласково потрепав меня по плечу.

Я был несколько пристыжен и в то же время умилен деликатностью и любовью И., умевшего всегда и все понять и сделать легкой и священной всякую задачу, которую он давал и которая казалась трудной. Когда он приказал мне собрать вещи Андреевой, стать ей рыцарем в пути, нечто вроде протеста и даже возмущения, нечто вроде горечи от расставания с И., — точно я был недоволен, что кто-то другой займет в пути мое место рядом с моим дорогим наставником, — вихрем пронеслось во мне. И все это сразу же схлынуло, стоило ему вызвать в моей памяти ту Наталью Владимировну, которую я вводил в божественную комнату Али.

Я поклонился низко-низко моему чудесному воспитателю, понял по его ответному поклону и взгляду, что я не только прочтен до дна, но и прощен до конца, и радостно бросился к Игорю звать его к новому делу. И тут же поймал себя: ведь и мне сейчас указали нечто новое, и я это новое начал с печали. "Неужто же это закон для всех?" — думал я, собирая в плетеную корзинку вещи Натальи Владимировны и поражаясь тому, какое количество их она набрала с собой. И чего-чего тут не было! И кружевные косынки, какие она обычно носила на своих непокорных волосах; и детские игрушки, и бусы, и зеркала, маленькие и побольше, точно она собиралась дарить их каким-нибудь заброшенным жителям пустыни; и книги, пряники, и финики. Дойдя до этих последних, я уже готов был прийти в отчаяние, как ко мне подошли мои вчерашние собеседницы за ужином.

— Ну, это Вы делаете совсем не так, — сказала мне старшая, выбрасывая на высокий каменный стол из корзинки все, что я с таким трудом туда запихал и что было похоже на багаж коробейника. — Сейчас мы разложим Вам все по сортам и уложим в пальмовые корзиночки. А финики и пряники положим в специально для этой цели сплетенные мешочки, которые Вы привяжете сбоку корзинки. Тогда можно будет их доставать, не делая беспорядка в большой корзине.

Не успел я оглянуться, как вся работа была закончена. Я представил моим дамам Игоря, которого они очень сердечно приветствовали.

— Теперь пойдете, Вас ждет у нас завтрак, — сказала старшая.

— Не сомневайтесь, — прибавила младшая, заметив мое колебание, — доктор И. и дедушка уже у нас. Вас вместе с Вашим приятелем, приглашает дедушка. Он желает угостить вас нашим обычным завтраком, чтобы ваше представление о нашей жизни в пустыне было полнее. Кроме того, у него, кажется, есть надежда упросить вашего великого друга-артиста показать нам всем, как надо читать великих поэтов.

— Тебе не поручали, дорогая, ничего передавать, — перебила ее старшая. — Дедушка очень просит вас обоих сейчас к нам. Пойдемте же, а

то кофе остынет, — улыбнулась она нам.

Мы с Игоро посмотрели на свои запыленные руки и одежды, наши дамы мгновенно подметили наш взгляд, без слов нас поняли и отвели к тому домику-ванне, где нас приводил в себя Ясса. Мы и сейчас нашли его там. Наши спутницы прошли в сад, взяв с собой Эта. Через несколько минут мы к ним присоединились, соперничая с ними в белизне их туалетов.

Я был рад, что обе дамы щебетали с Игоро с особенным интересом, узнав, что он тоже артист и нередко выступал вместе с Бронским в его спектаклях. Я несли мыслями за профессором.

Как разны были мои чувства сейчас, когда я мысленно летел по пустыне за Зальцманом, и тогда, когда мчался за Беатой. Тогда я не сознавал ни себя, ни ее деленными от всей жизни, я составлял одно целое с нею, с пустыней, со всей вселенной, с Богом; там я пел со всем окружающим песнь торжествующей Любви: Здесь я видел отделенное бедное сердце, не имевшее еще сил осознать себя единицей всего мира. Я понимал, что профессор не видел еще в человеке частицы Единого, но читал только его внешнюю форму и по ней судил о ближнем. Давно ли и я думал так же?

Не знаю, долго ли мы шли, но когда неожиданно передо мной выросла громаднейшая фигура «дедушки», я точно с неба свалился, не сразу сообразив, где я, чем насмешил всех, а особенно Андрееву, которая, не удерживая веселого смеха, сказала мне:

— Ну и пожалела бы я тех, кого бы Вам поручили в пустыне, Левушка. Вы, наверное, забыли бы, что в пустыне бывают внезапные бури, очень опасные, и, унесясь в Ваших мечтаниях. Вы предоставили бы силе стихий всех Ваших подопечных.

— Это очень грустно, дорогая Наталья Владимировна, что именно Вам дал И. такого немудрящего рыцаря, как я, в охранники по пустыне. Вся моя надежда на то, что Его же высокая любовь не позволит мне на этот раз выбиться из глубокого благоговения и сосредоточенности, в которых я служил Вам в комнате Али. В данном же мне сейчас поручении, узнав о Вашем недоверии к моим силам, я постараюсь удвоить свое усердие, — ответил я, впервые ничуть не смущаясь сарказмом ее глаз — электрических колес, которыми она меня пронзала, и едкостью тона, хотя она и прикрывала его добродушием.

Ко мне подошла леди Бердран и, радостно пожав мне руку, сказала:

— Я так счастлива, Левушка, И. сказал мне, что я поеду в одном ряду с Вами.

Когда я подошел к «дедушке», он положил мне на плечи свои могучие

руки, и я мгновенно убедился, что Голиаф подвергся превращению в Давида, ибо я был ему ниже плеча и мог на него смотреть, только подняв голову кверху.

— Мой милый гость, я не так давно получил книги от моего друга, сэра Уоми, и прочел Ваш рассказ. Я едва поверил, когда И. сказал мне, что автор — юноша, почти мальчик. Если бы Вы много раз в жизни были рассеянны в отношении к внешним вещам, то та глубина, куда Вы проникли в Вашей книге уже сейчас, несмотря на Ваш возраст; говорит одно: Вы идете вожакom, и для Вас нет меры обыденности.

Примите мою благодарность. Если бы я мог выпустить во вселенную такую цельность устремления, какую обладаете Вы, я был бы счастлив.

Великан усадил меня — теперь совершенно сконфуженного — рядом с собой перед дымящейся чашкой кофе.

— Не смущайтесь, мой дорогой. Здесь, в пустыне, мы привыкли свободно оценивать таланты друг друга. У нас нет предрассудка зависти, как нам не свойственна и ревность. Мы нередко соревнуемся друг с другом и всегда честно и просто признаем себя побежденными, если противник побил нас талантом. И Вы не смущайтесь моим восхищением. Я просто счастлив приветствовать в вас ту силу одаренности, которая поможет многим и многим выйти из кольца их предрассудков и понять, что значит иметь глаза и уши открытыми.

Он придвинул ко мне несколько маленьких корзиночек, очень изящно сплетенных из пальмовых волокон и наполненных хлебцами, коврижками и печеньем. Я понимал, что все это хлебные продукты оазиса, разнообразно сделанные из муки, но форма хлебцев то напоминала картошку, а цвет вызывал представление о сахаре, то походила на морковь. Я не знал, что к чему подано, и смотрел на все корзиночки сразу, и не мог решить, с чего мне начать. Хозяин пришел мне на помощь, говоря:

— Нам приходится приспосабливаться к ежедневной потребности, живя в пустыне. Мы не можем рассчитывать, что идущие к нам и от нас караваны всегда будут в срок возвращаться и снабжать нас мукой из пшеницы, которая, как и рожь, у нас не родится. Наши хлебцы всегда с подмесом муки из плодов хорошо рождающихся у нас манговых и мучнистых деревьев. Поэтому внешний вид наших хлебцев неказистый и слишком бел для глаз европейцев. Не было еще ни одного человека, впервые видевшего наш хлеб, который не задумывался бы над ним, как это сделали сейчас Вы. Но точно так же не было ни одного европейца, который, попробовав, не одобрил бы нашего хлеба.

Рассул был ласков, в его глазах не было ни искорки юмора, он смотрел

на меня с отеческой нежностью. Великан сам положил мне на тарелочку из пальмового дерева несколько хлебцев, придвинув красивую небольшую масленку из слоновой кости, полную свежего масла, и подал широкий и короткий нож, также из слоновой кости.

Я обратил внимание не только на красоту вещей, на белоснежность скатерти, но и на руку самого великана. Это была огромная, темная, но красивая и необычайно пропорциональная рука. На среднем пальце ее сверкал древний перстень, изображавший голову сфинкса, в которой сиял желтый бриллиант. Я подумал, что клафт на голове самого хозяина был бы в полной гармонии со всей его фигурой, и в нем Рассул был бы похож на египетского жреца. Я не успел додумать своей мысли.

Рассул снова посмотрел на меня и на этот раз в его взгляде было то же озорное, подшучивающее выражение, с каким он глядел на меня за ужином, когда я рисовал себе его мчащимся на мехари.

— Нет, — сказал он мне, улыбаясь. — Знатные египтяне не ездили на верблюдах. Они любили лошадей и слонов. Если уж, по-Вашему, я не умещусь на коне, надо меня посадить на слона. На белом я, темный, был бы особенно эффектен.

Рассул весело рассмеялся, я же, заметив улыбку И. и его ласковый мне взгляд, вспомнил, что мусором мыслей засорил текущую минуту, вздохнул и сказал Дартану:

— Опять проштрафился.

— Нисколько, — ответил мне он. — Но надо усерднее кушать, так как время не ждет, скоро Ваш караван двинется.

Он поручил меня одной из своих внучек, приказав накормить меня досыта. Но, зная наставление И. перед отправлением в путешествие много не есть, я не выполнил желания моей милой дамы и не съел половины того, чем она меня потчевала.

Первым из-за стола поднялся хозяин, за ним встал И. и все остальные. Когда мы вышли к концу аллеи усаживаться на мехари, то оказалось, что оставалась в оазисе только часть нашего отряда. Весь караван, шедший вчера сзади нас, уже давно ушел вперед, руководимый Никите. Я был очень удивлен и подумал, как совершает это трудное путешествие сестра Карлотта, которая и в Общине большую часть дня все лежала в постели.

— Не беспокойся о тех, кого я тебе не поручал, но будь собран и до конца бдителен с теми, кого я тебе поручил и от обязательной заботы о ком еще тебя не освободил, Левушка, — сказал мне И. — Старушка преблагополучно спит и не испытывает никаких тягот пути. Смотри, — и он указал мне на Андрееву, нетерпеливо топтавшуюся у своего мехари,

которого держал Зейхед.

Я быстро подошел к ней, подозвав Игорю, и мы втроем с большим трудом усадили ее в маленькое седло так, чтобы ей было удобно и чтобы с нее все не спадало. Пот катился градом со всех нас, и все же, если бы милосердный и ловкий Ясса не вмешался в наше дело, мы не смогли бы покрыть ее плащом и зашнуровать как следует, так как она спорила и сбрасывала с себя все, разрушая нашу работу. Мне помогло сохранить полное спокойствие мое воспоминание о белой комнате Али. Но оно помогло мне, а не делу. Ясса же, точно укротитель непокорной львицы, что-то бормоча на непонятном мне диалекте, который, казалось, понимала Андреева, ласково-ласково, как заботливая нянька, укутывал грузную женщину, и она подчинялась, даже не думая протестовать.

Еще и еще раз я понял, до чего многому должен еще учиться. Я ясно понял, что и самообладание может быть бессмысленно, если оно акт чисто личный, а не действенная сила. Та сила, что вбирает в себя эманации раздражения встречного и тушит их, как глухая крышка, плотно покрывающая горшок с красными углями и сдерживающая их огонь. Я понял сейчас, почему влияние И. и других моих высоких друзей так освобождает людей и дает им блаженное чувство облегчения. Их мудрое самообладание, лишенное всякой памяти о себе — этой назойливой требовательности собственного «я», льет энергию своей любви во все дела человека, с которым они общаются. Я понял, что виновен в том, как прошла встреча с человеком, какие чувства в нем пробуждались при встрече со мною. В эту минуту, как никогда, мне была ясна пропасть между той ступенью, где жил я, и между величием Света, где жил И. Я снова вздохнул и услышал нежный голос И.:

— Мой мальчик, привыкни делать каждое текущее дело как самое важное. Привыкни не пересыпать перцем своих благих мыслей действия своего дня. Этим ты затрудняешь не только одного себя, но и всех тех, кто живет вокруг тебя. Иди простись с хозяином. Я займу твое место рыцаря на это время подле Натальи Владимировны.

И. подошел совсем близко к Андреевой и что-то стал говорить ей, но так тихо, что никто разобрать его слов не мог. Мы с Игорю пошли прощаться с Рассулом. Я везде искал глазами Бронского, недоумевая, где бы он мог быть, так как он раньше всех вышел из-за стола и в сопровождении двух мужчин, жителей оазиса, куда-то ушел. Я нигде не видел артиста, стал было уже беспокоиться о нем, но: вовремя вспомнил о «перце» своих мыслей:

Когда я подошел к Рассулу и, кланяясь, благодарил его за

гостеприимство, он взял обе мои руки и, глядя верху вниз мне в глаза, сказал:

— Радостно мне сегодня. Радостно на много дней вперед, что встреча с Вами дает мне возможность вернуть Вам мой старый долг. Когда-то Ваша белая птица была Вашим врагом, — показал он на Эта, прижавшегося к моей ноге. — В одно из воплощений этот враг убил Вас. Но, умирая, Вы защитили меня от него. Я остался жив, помнил о Вашей защите, помнил о своем долге Вам, но в течение многих веков не имел возможности возвратить Вам хотя бы свою благодарность. Примите от меня эту вещицу. Это очень древняя вещь. Она принадлежала одному египтянину и напоминала ему о неизбежной ступени в пути совершенствования каждого человека: о гармонии. Возьмите ее от меня. Редко бывают в жизни вещи, не оплаканные слезами, не напитанные вибрациями скорби и стонов. Если иногда людям и попадают в дар вещи великих, имевших души чистые и свободные, они делают себе из них талисманы, прибегают к их помощи в своих мольбах и передают им невидимые токи своих страданий. Эта вещь чиста. Она принадлежала существу такого высокого духа, радость которого не омрачалась ни на единый миг за всю жизнь, хотя видимых причин для этого было немало. Все, чего я хотел бы пожелать Вам из глубин моей благодарной памяти, — сохраните ту цельность верности до конца, в какой сейчас живете. И великая Жизнь поддержит Вас — вожака человечества — в том месте, к которому она теперь подвела Вас. Никто не может выполнить величайшей задачи, которую на него возлагает великая Жизнь, в одно воплощение. Целый ряд их, следующих друг за другом, поднимает в человеке на высоту совершенства таящиеся в нем силы, вначале как качества, потом как аспекты Единого, постепенно создавая из человека-формы человека-огонь. Огонь Ваш, горящий уже теперь костром, должен принять форму шара, чтобы стать гармоничным путем для Истины. Пусть же эта вещь высокого радостного духа поможет Вам в этой великой и трудной работе.

И он подал мне небольшую пластинку на золотой цепочке из звеньев в виде головок сфинкса, на которой было изображено солнце и его лучи, причем само солнце представлял большой желтый алмаз и такие же камушки сверкали в глазах сфинксов.

Я был так потрясен его словами, восхищен подарком и в то же время огорчен: опять у меня ничего не было, что бы я мог дать любезному хозяину взамен его дара. Он прочел мою мысль и сказал:

— Жизнь, которую Вы когда-то подарили мне, — Ваш вековой подарок. А теплота сердца, которой Вы обласкали меня сейчас, ценнее всех даров,

которые Вы могли бы мне дать. Но, если бы Вы желали, если бы у Вас было радостное желание оказать мне услугу, я обратился бы к Вам с одной просьбой.

В ответ на мой восторг быть ему полезным он продолжал:

— В дальней Общине, куда Вы теперь едете, есть несколько домиков, где живут люди нашего оазиса. Несчастных, которые нигде не могут достичь мира в сердце, везде много. Им кажется, что не их собственная строптивость гонит их от людей, заставляя их самих отъединяться от своих близких, но что окружение не дает им возможности развиваться в том духовном богатстве, которое они в себе носят.

Такие и наши строптивцы, объехавшие чуть ли не весь мир и не нашедшие себе нигде покоя, живут в дальней Общине. Время от времени мы посылаем им вести и посылки с родины. Но чтобы можно было послать им весть, надо, чтобы вестник был верен до конца, целен до конца и добр до конца. Только через такого вестника поданная весть не причинит нового бунта и нового пароксизма отрицания этим несчастным. В Вашем лице мы могли бы иметь такого гонца. Согласны ли Вы им быть?

— Вы слишком хорошо читаете в моем сердце, чтобы задавать мне этот вопрос, — ответил я. — Если считаете меня гонцом достойным, я готов.

Рассул вынул из кармана своего плаща объемистую пачку писем, перевязанную тонкой лентой из пальмовых волокон, вложил ее в красивый мешочек, сплетенный, как циновка, и подал мне, говоря:

— Все эти письма я прошу Вас передать лично людям, которым они адресованы. Но не сразу передавайте их. Сначала Вам надо познакомиться с каждым из тех лиц, кому я прошу Вас отдать письмо. Важно в этом случае общение со строптивцами, чтобы гонец знал и помнил не только о любви и заботах тех, милосердие и дары которых он вообще несет в серые дни жизни земли. Но важно, чтобы его собственная активная сила доброты жила и, действуя в гармонии с их любовью, сумела внести мир в сердце строптивца, хотя бы на тот краткий миг, пока совершалась передача вести. Гонец должен найти в себе то истинное самообладание, от которого затухает раздражение во встречном. Вы сами прошли мучительный путь постоянного раздражения, и Ваша верность помогла Вам выйти в ступень цельной доброты. Ваш новый путь бдительного внимания к каждой встрече дает Вам возможность подниматься выше к ступени гармонии Учителя. Не каждый ученик может продвигаться в высоту тех путей, где действует Учитель. Туда проходит только тот, кто сумел дойти до самообладания как действенной силы, помогающей освободиться встречному от его давящих страстей. По внешности, по суду людей недалеких и нечутких, ученик

может обладать большим темпераментом, чем им бы это казалось уместным для ученика. И, по неразумию своему, они считают такого ученика раздражительным или плохо воспитанным. Не раз в жизни Вам придется столкнуться с этим. Но на суд людей Вы никогда не обращайтесь. Они судят по степени своего ума, а Учитель судит о Вас по действию Вашего сердца, культуру которого может видеть лишь тот, чье сердце бьется в ритме вселенной. Таких сердец на земле не так много, и отсюда идет некоторая внешняя обособленность учеников. Этим смущаться нельзя. Надо глубже разрывать внутренние перегородки между собой и людьми и вводить в каждое общение силу энергии Тех, Кто ведет Вас, никогда не давая Вам чувствовать огромной пропасти между Их и Вашим духовным миром. Познакомьтесь лично с каждым из моих адресатов. Научитесь овладевать их эманациями себялюбия и самоуверенности. Научитесь тушить огни их чрезмерно развитого астрала. Научитесь вводить в действие в каждой встрече с ними энергию Вашего высокого друга Флорентийца как такт и обаяние. И только тогда подайте каждому его письмо. Вас поражает, что Франциск, также давший Вам письма к строптивцам в дальней Общине, ни о чем Вас не предупреждал, а просто велел Вам передать их его адресатам, неся Его чашу в руках. Вы молоды, мой друг. Вы еще не можете ни воспринять, ни охватить полностью мощь и высоту Любви Франциска. Его освобожденная Любовь несет всем такую непобедимую силу, что рука, подающая Его весть, может быть только чиста. Сила Франциска, Радость его сокрушают все условное в людях сами по себе, не нуждаясь в содействии гонца. Если гонец может подать Его весть, значит, он чист сердцем. Если бы гонец вздумал кого-либо обмануть, он сгорел бы мгновенно, превратившись в груды пепла. Или же стал бы безумным, если бы его преступление было легче обмана, но все же несло бы встречным себя, а не Человеколюбие.

Закончив этими словами свою речь, Рассул обнял меня и велел своим двум внукам подать мне ряд посылок, предназначенных тем же людям, к кому он дал мне письма.

Я был очень глубоко взволнован словами Рассула и его доверием к моим силам. Я мысленно не расставался с моим великим покровителем Флорентийцем и молил Его помочь моим рукам сохранить чистоту и держать чашу а, ставя Его прекрасный образ между собой и каждым встречным, пока буду в дальней Общине.

Едва я справился со своим волнением, как увидел Бронского, подходившего к нам в большой группе молодых мужчин и женщин. По виду Станислава, излучавшего необычный энтузиазм, я понял, что он

пережил и еще переживает момент творческого вдохновения. Из долетавших к нам отдельных слов его речи можно было понять, что он дает наставления о какой-то театральной пьесе.

Когда вся группа приблизилась к нам, артист остановился, как бы слетел с неба на землю, сразу же, как в сказке, лицо его приняло обычное выражение, и он беспокойно сказал:

— Неужели я опоздал и задержал Вас, Левушка? И Вы один ждете меня здесь?

— Не беспокойтесь, — ответил ему за меня Дартан. — Учитель И. распорядился дать Вам время осмотреть наш театр и прочитать моим артистам несколько бессмертных произведений. Караван ушел вперед, а И. по обыкновению не потерял ни одной минуты времени в пустоте. Я же приношу Вам мою благодарность за то, что Вы помогли моим внукам и внучкам понять, как выйти из тупика в искусстве, куда они забрались. Конечно, Ваши советы, как молния, помогли им увидеть, что такое истинное искусство. Но: одно дело понять, а другое дело — суметь. На Вашем языке, как Вы сказали мне вчера, знать — значит уметь. Не откажите нам в более длительной помощи, поживите с нами и поучите нас, если такая самоотверженная задача не кажется Вам слишком низкой для Вашего гения.

— Я опускаю Ваши последние слова, считая их просто одной из форм и фраз восточной вежливости, с которой я не раз уже сталкивался в жизни и никогда не был настолько находчивым, чтобы найти подходящий ответ. Не допускаю мысли, что Вы не видите, как глубоко я поражен достигнутыми в пустыне успехами, пониманием и преданностью искусству; я хочу пожить у вас и поработать с вашим театром. У меня есть и блестящий режиссер, мой ученик Игору, преданность делу которого, пожалуй, превосходит даже мою. Но в эту минуту перед нами обоими стоит иная задача. Мы не можем оставить нашего великого друга, Учителя И., за которым мы сейчас следуем; но, если он разрешит нам, возвращаясь, мы останемся у вас в оазисе и поработаем столько времени, сколько сам Учитель И. найдет нужным нас здесь оставить.

Ясса подал знак к отъезду, и мы, сопровождаемые целой толпой людей, смотревших на Бронского, как на Бога, отправились к мехари. Здесь мы увидели, что И. и мистер Ольденкотт уже уехали. Станислав, который должен был ехать рядом с И., растерялся, увидев своего мехари одиноко стоявшим в тени пальм.

— Не волнуйтесь, друг, — ласково сказал Дартан. — И. распорядился, чтобы я помог Вам догнать его. Я велел оседлать Вам моего, особенно

быстроходного мехари и сам довезу Вас до И. Не пройдет и часа, как Вы будете с И., а я возвращусь обратно.

Мехари же мой, имя которого Отчаянный, пусть станет Вашим. Он назван так по некоторым своим озорным качествам. Но если он понял, что ему вручается забота о жизни того, кого он несет на себе, он верностью своей будет стоек и тверд, до последнего дыхания отстаивая всадника в опасности, и доставит порученного ему в надежное или нужное место. Сейчас Отчаянный понял свою задачу. Он принесет Вас целым и невредимым к нам обратно, хотя бы самому ему пришлось пасть мертвым у моих ног. Садитесь, друг. На прощанье прочтите еще что-нибудь Вашей будущей пастве.

Бронский сел на подведенного ему огромного мехари, Ясса набросил ему белый плащ — и я увидел ожившей картину Беаты. Таким же блеском энтузиазма сверкало сейчас лицо артиста, каким она изобразила его на своем полотне. На мгновение он как бы призадумался, а затем... я даже не сразу понял, что он декламирует прощание с народом римского вождя перед дальним и опасным походом. Речь его была так проста и естественна, обращение к отдельным лицам и заветные прощальные слова звучали так подходяще к случаю, что вернуло меня к действительности только последнее обращение: "Римляне, вернусь ли я, или весть о гибели моей дойдет до вас, — помните одно: я был верен вам, и не мне, но вам, отечеству будет принадлежать вся слава, если я вернусь покрытый ею. Вы же живите без меня так, как будто каждый день вы приносите богам клятву верности охранять мир внутри отечества, как я иду завоевывать ему славу вовне. Прощайте, мир вам".

Это были последние слова Бронского. И как они были сказаны! Передо мной выросал Рим, я забыл, кто и что я, что я только Левушка "лови ворон", я был римским гражданином, я возвращал клятву верности своему вождю. О, сила искусства, сила сердца человека и его таланта, где же предел твоей мощи?! Ясса тормозил меня, говоря, что пора ехать, что «остроглазая» совсем рассердится. Я не мог сразу перескочить какой-то границы, с большим трудом влез в самого себя, увидел вдали облако пыли, скрывавшее Бронского и Дартана, и подошел к своему мехари, рядом с Андреевой.

Я приготовился выслушать ее недовольный выговор и был крайне поражен, встретившись с ее огромными глазами, в которых еще сверкали слезы и выражение которых было кроткое, умиленное, точно ей было пять лет.

— Понимаю Вас, Левушка, — ласково сказала она мне. — Как часто в

жизни я понимала свое ничтожество, встречаясь с силой истинного гения. Если бы я навеки запомнила эти дни, этот миг особенно, я научилась бы действенному самообладанию.

Когда И. уехал, я разрывалась от нетерпения и досады на Вас и Бронского, на ваше промедление. Сейчас я благословляю артиста. Сказанные им слова, сотни лет назад написанные, мертвые, когда их читаешь, разрезали во мне моими же страстями сотканые веревки и помогли мне раскрыть крылья — единственные крылья ученика, если он хочет двигаться вперед: безоговорочное послушание.

Ничего больше не прибавила Наталья Владимировна, но я понял, что огонь гения Станислава разбил в ней что-то, мешавшее ей достичь в себе гармонии. Еще раз, я пораился, как разнообразны и неожиданны поводы, ведущие нас к раскрепощению. И как неповторимы и долги пути каждого до того момента, пока борьба в самом себе подведет сознание к такой степени гармонии, где озарение может проникнуть в святая святых собственного сердца.

Мы не одни двинулись в путь. Довольно большая группа всадников и всадниц, обитателей оазиса, на маленьких хорошеньких лошадах арабской породы окружила нас, заявив, что проводят нас так далеко, как позволит «дедушка», то есть пока они не встретят его возвращающимся после встречи Бронского с И. Мне было забавно наблюдать, как мчались легкие лошади, казавшиеся игрушечными рядом с нашими мехари; как они отфыркивались от пыли и были к ней, казалось, гораздо более восприимчивыми, чем сидевшие на них дамы, перекидывавшиеся словами с нами и между собой.

Мы весело ехали версту за верстой. Я не ощущал усталости и немало удивлялся, что всегда веселая и остроумная в каждом обществе Наталья Владимировна была на этот раз очень серьезна, задумчива и молчалива. Не могу сказать, как долго мы ехали по пустыне, но думаю, что проехали уже более трех часов. Я начал несколько уставать и чувствовать жажду, как с нескольких сторон сразу раздались возгласы: "Дедушка!" Я положительно ничего не видел, что я мог бы принять за дедушку, особенно учитывая размеры великана. Я видел один однородно блестящий песок. Но ехавшая подле меня дама указала мне маленькое облачко пыли, которого без ее указания я бы и не заметил. Я отнесся с недоверием к ее дальнзоркости, но через некоторое время и сам стал различать в центре пыльного облачка, становившегося все больше, смутный силуэт всадника. Мы ускорили аллюр и через непродолжительное время окружили Рассула.

Еще раз попрощавшись с нами, он сказал, что в полчаса езды И. ждет

нас у одного кочующего бедуинского племени в крошечном оазисе. Послав благословение нашему пути, Дартан, окруженный своей семьей, продолжал свой путь домой.

Действительно, минут через сорок мы увидели маленький оазис и вскоре благополучно соединилось с И. и его спутниками.

Снова волна новых впечатлений охватила меня. Я понимал речь этого полудикого племени, чему очень обрадовался, впервые имея возможность применить к жизни один из языков, выученных в Общине. Меня поразили бедность, грязь и полная некультурность этого небольшого племени. Попав сразу в оазис Дартана, очутившись в кусочке почти европейской цивилизации среди пустыни, я ожидал, что все, встречаемое в ней, будет похоже на этот оазис. Сейчас мне стало ясно, сколько труда должен был положить на свое дело Дартан и какую огромную поддержку и помощь он, несомненно, получал от Али. Мне было странно, как возможна в нескольких часах езды от Дартана такая тьма, в какой жило это полудикое племя.

Увидев И., разговаривавшего с кем-то, я подошел и прислушался к его разговору с несколькими стариками, очевидно, вождями племени. Сначала мне показалось, что они на что-то жалуются и в чем-то стараются оправдаться перед И. Но затем я понял, что старики дают И. отчет в сумме израсходованных ими денег, объясняя ему свои неудачи в тех начинаниях, которые он им рекомендовал.

— Неудачи ваши не оттого произошли, что вы применяли новые способы обработки слоновой кости и пальмовых волокон, которые я вам указал. А только оттого, что вы, делая по-новому, не до конца применяли новые способы. Вы все старались соединить новое и старое; а я вам в самом начале говорил, что надо делать или по-вашему — и тогда оставаться нищим бродячим племенем, — или осесть в оазисе, в той его части, что отвел Дартан. Там надо было выстроить себе хижины и маленький завод и стать зажиточным племенем. Посмотрите, как вас мало осталось. Неужели вы, старейшие вожди, какими себя считаете, не понимаете, что все молодое и лучшее у вас вымирает, потому что вы не умеете заботиться о подрастающем поколении, а не потому, что судьба с ее неудачами преследует вас. Вы утверждаете, что ваше новое поколение растет злым, не повинуется вам и разоряет вас, нарушая солидарность вашего народа. А я утверждаю, что вы мало любите свой народ и не заботитесь о его будущем. Ваша лень заставляет вас искать случаи сбывать сырье, вместо того чтобы обрабатывать кость, делать из нее прекрасные вещи, образцы которых я вам дал. Ваше молодое поколение не может

больше жить в той тьме и грязи, к каким привыкли вы. Я еще раз предупреждаю вас: присоединитесь к оазису Дартана, или вы все вымрете. Когда я говорил с вами в последний раз, я вам объяснял, что каждое племя может сохранить жизненность только в том случае, если его кровь освежается притоками иной крови, имеющей в себе зародыши главной силы к победе: мужества. Вы вялы, и мысль, которая пробудилась у вашего молодого поколения, не видит перед собой пути, куда направить энергию. А люди, не знающие, к чему приложить свою энергию, прикладывают ее к ссорам и разврату. Вы говорили мне, что вы поняли необходимость культуры для вашего племени. Но все это были одни слова, заботы о людях вы не проявили. Не думайте, что небеса, которым вы учите молиться детей, пошлют вам помощь, а вы будете, ожидая ее, бродить по пустыне и равнодушно смотреть, как вымирает ваше юное поколение. Если вы любите свой народ — действуйте, как я вам указал, и запомните: дважды вы получали зов и помощь от меня. Дважды я вам указывал путь к труду и свету, и оба раза вы горячо уверяли меня в своей готовности трудиться. И оба раза, истратив попусту время и деньги, вы возвращались к своей первобытной лени и тьме. В последний раз я предупреждаю вас: нельзя стоять на месте. Вы поняли, что вы не можете отъединяться от людей, что в отъединении для вас гибель и смерть. Жизнь для вас возможна только в единении с людьми, у которых вы можете научиться труду и найти защиту. Если и на этот раз вы не послушаетесь моего совета, первая же буря в пустыне погребет вас, так как вы слишком малочисленны, чтобы защититься от нее. Прощайте. Не ищите оправдания себе. Вы взялись вести свой народ, а никакой любви к нему в вас нет.

Вы стараетесь только обмануть самих себя, уверяя меня, что новые способы не подходят в пустыне. Вы не подходите к новым способам, так как не видите ясно черед собой русла, куда должна вливаться новая сила вашего потомства. Гибель молодых лежит на вас и ни на ком больше. Ответ за них вы будете держать, так как нет Бога, карающего ваше племя, а есть только ваши лень, отсутствие забот и любви. Не нужна великая наука, чтобы действовать правильно для пользы и счастья своего народа. Но нужна великая любовь, которая учит беречь человека. Не Бог, а вы поставлены беречь своих людей. Не старайтесь сбросить с себя ответ на Бога.

Только тот может видеть Бога в небесах, кто научился видеть и любить Его в человеке. Помните, что я сказал вам сейчас, и не ждите помощи извне. Только в себе найдите любовь. Любовь ваша родит энергию, а энергия откроет вам новый путь труда. Трудясь, найдете вновь здоровье.

И. повернулся к своему мехари, велел нам всем садиться, и через несколько минут мы были снова среди пустыни. На этот раз все мое внимание сосредоточилось внутри меня. Я смотрел в свое сердце и, казалось мне, сам читал в нем свои промахи и видел разрывы внимания, когда целые куски жизни, а не маленькие мгновения ее проходили в пустоте.

Среди мыслей и слов, подобранных мною за эту ночь, наиболее сильное впечатление произвели на меня прощальные слова Франциска, обращенные к нам с Бронским, о дальней Общине, о бездне страдания и отчаяния людей, перед которыми муки бедных карликов в трапезной он считал пустяком. Кто же жил в дальней Общине? И почему люди могли впасть в такое море страдания? Этот вопрос неустанно звучал в моем сердце, я старался выбросить из него все личное и думать только, как пронести в себе чистый храм в тот кусочек мира, где собрано столько страдания.

И. умерил ход своего скакуна, через несколько минут мы перешли на шаг, и он сказал нам:

— Все вы сейчас сосредоточены, и каждый по-своему старается собрать все лучшее в себе, чтобы въехать в место печали во всей чистоте и мужестве. Я хочу обратить ваше внимание, ваше особенно бдительное внимание, как приготовить себя к встрече, если вам известно, что встречный — великий страдалец. Я употребил это слово — «страдалец» — потому что с этой ночи ни для одного из вас уже не может быть понятия «грешник». Все, совершенное человеком в его воплощениях, если бы оно для понимания обывателя было смертельным грехом, для вашего понимания может быть только той или иной формой страдания, в которое вы должны внести мужество и энергию Света. Значит ли это, что вы должны покровительствовать вору, обласкать предателя, содействовать убийству, покрывать лицемерие? Не распознавая, протягивать свою помощь каждому преступнику, рассматривая его как страдальца, которому вы должны влить утешение? Нет, наоборот, вдвое бдительнее вы должны обращать внимание, насколько данный встреченный человек одержим темными силами.

Бывают случаи связи человека с темной силой, не оставляющие надежды для данного воплощения. Это случаи потухших сознаний, где эгоизм и жадность разложили в человеке те нервы и мозговые центры, через которые в организм поступает чистая солнечная энергия. Они живут, иногда даже обладают сильными физическими проводниками, но светящейся материи, непременным элементом которой должна быть активная любовь, они выработать не могут. Они живут, следовательно, в их

проводники проникает солнечная материя; но проникает она в них лишь настолько, чтобы дышать, есть и пить, действовать, но не творить. Для творчества, для жизни в ступенях вселенной у них этой светящейся материи не хватает. Они, ухватывая кое-что из сил стихий, перерабатывают все только для личных потребностей и открывают в себе все двери источникам темного оккультизма. По каким признакам вы можете разобрать, одержим ли ваш встречный темной силой или он только болен, не имея возможности найти в своем сердце любви, чтобы погасить собственное кармическое звено, преследующее его в это воплощение? Человек, не умеющий найти достаточной силы любви, чтобы погасить свою карму, может быть неустойчивым, неумным, самомнительным, но у него всегда есть Святая Святых, с которой он движется по делам дня. Он может падать и вновь подниматься, доходить до дна в своих порывах раздражения, но в своем сердце он знает божественное место и понимает, что такое благоговение и доброта. И если в вас самих эти силы живут, когда вы подходите к человеку, трепет их в вас дает вам знать, что перед вами страдалец, раздираемый страстями, а не темный оккультист.

Он мог даже совершить преступление, но его сознание не потухло. Оно просто не раскрыто, забитое силой собственных страстей. Такой человек может освободиться от выросших на нем корок предрассудков и суеверий, еще может найти узкий ход в путь освобождения. Какова же ваша роль в этих случаях? Вспомните то, о чем говорил ночью Франциск: "От доброты и любви ученика размякают, как воск, корки застарелых страстей и пороков человека, расширяются его поры, и через них в вашего встречного может проникнуть солнце вашей Любви". Еще и еще раз уложите во все складки вашего сознания не раз сказанные мною вам слова: "Если сердце ваше чисто, никакое зло не может коснуться вас. Перед вашей чистотой оно бессильно"... Чем и как можете вы распознать, что перед вами темный оккультист?

Имеют ли все темные оккультисты отвратительную внешность, которая сразу же давала бы вам знать, что отталкивающая вас от человека сила, вызывающая ваше отвращение, выявлена вся вовне? Среди темных оккультистов есть много красивых людей, имеющих даже чарующую внешность. От этого признака зародилась легенда о падшем ангеле, которого никто и никогда не рисовал себе уродом. Во внешности этих людей такое же разнообразие форм, как и среди остального человечества. Есть и гиганты, есть и карлики, есть и самые обычные формы, нормальных размеров и психики. Но что неизменно присуще всем людям, так или иначе попавшим в лагерь темных? У каждого из них на первом месте —

эгоистическое стремление овладеть волей встречного. Раньше, чем вникнуть в смысл встречи, темный выпускает свою силу гипноза, в какой бы мере она ни была у него развита. Он стремится поставить своего встречного в подчиненное положение. Он отлично знает, что вцепиться в человека он может только через те или иные страсти, прочесть которые не составляет труда ни для одного наблюдательного человека. А темные оккультисты обучаются с самых первых шагов читать признаки человеческих страстей и разбираться в степени раздражительности человека. Раздражительность — первый и главный козырь темных в системе овладения людьми. Всякими способами они пытаются нарушить равновесие человека, затем будят в нем страх и жадность, зацепляются бульдожьей хваткой за эти страсти и постепенно — с железным самообладанием и выдержкой — втягивают человека, его волю, в орбиту собственного сознания. Это первое общее всем темным правило их евангелия серого дня... Второе неизменное правило поведения — проносить в каждую встречу ложь, лицемерие и путать так сознание и внимание встречного, чтобы человек думал, что встретил великую, доброжелательную силу, которая окажет ему протекцию и помощь в той или иной его карьере жизни. Насколько светлая сила учит каждого человека понимать, что все в нем, что только он — независимый и абсолютно свободный творец и мастер всей своей жизни, настолько темные стараются внушить каждому, что он бессилён и немогущ без внешней помощи и опеки, которые только и могут раскрыть двери к удачам, богатству, славе и почестям. Светлая сила говорит каждому человеку, что он никогда не одинок, что он всегда вдвоем: он и его Единый. А потому мощь его не имеет предела как частица Беспредельного, которую он носит в своей форме и которою единится с людьми. В речах же темного всегда звучит призыв к отъединению. Обещая за полное послушание все материальные блага, какие только существуют на земле, темный говорит встречному: "Не ищи разделить свои блага с кем бы то ни было. Все, что я дам тебе, — все сложи в склады и держи про себя.

Если это материальные сокровища — копи их, ибо они сила и ими завоевывается мир.

Если это знания — помни, что ими приобретается умение овладевать волей людей. Ни с кем ими не делись, старайся всегда становиться в позицию силы и борьбы. Друзья тебе не нужны, а врагов победить надо, ссоря их между собой. Никаких других возможностей побеждать нет. Можно только в их ссоре и вражде вырывать себе удачи и богатства. И чем жестче ты обращаешься с людьми, тем больше твоя сила, тем выше ты

поднимаешься как владыка жизни"... Эти наставления составляют третье правило евангелия темных. Действуя по этим трем правилам, темные овладевают огромным количеством людей инертных и слабовольных, завистливых и жадных, раздраженных и отрицающих, жаждущих внешних благ, карьеры и славы. Отрицание человека, его самость, его стремление всегда в жизни танцевать от своего «я» и всюду выдвигать это «я» часто приводят к встрече с темными. Человек может быть очень добрым и честным по существу. Его сердце может быть полно любви и благородства. И все же в его уме может бурлить протест против современности, узких рамок, которые ему предоставлены в каком-либо деле, или он может протестовать против участия в его работе каких-то ему неприятных людей; или же он бунтует против тех людей, от которых он получает вести Света... И темной силе готов новый раб, даже не заметивший, когда и как он попал в цепь железных лап темных. Повторяю, темные могут быть обворожительны по внешности, их манеры могут пленять мягкостью и их уговоры могут походить на журчание горных ручейков для людей, мало распознающих, не собранных в своем внимании. И только несколько раз попив этой горной водички, неосторожный человек сможет разобрать вкус ее горький, запах ее, пьянящий его страсти, осознать, куда он забрел, какое сам, своею неосторожностью соткал зло. Зачем я говорю вам об этом и почему Франциск сказал вам, что бездна горя и отчаяния карликов в трапезной была ничто в сравнении с несчастьем тех людей, которых мы встретим в Общине? Я говорю вам об этом, чтобы вы овладели всеми силами Жизни, что пробудилась в вас, и вылили ее потоком радости из ваших сердец в привет и встречу новым знакомым. Чтобы поток этой непобедимой Радости помог легче вздохнуть, глубже вобрать в себя Свет тем страдальцам, что не знают всю жизнь мира в сердце. Франциск сказал вам о них потому, что знал в вас чистоту и верность, знал, что вы можете освободить в каждом из новых встречных какую-то щель, куда вольете мир и доброту. Строптивцы, живущие в дальней Общине, все без исключения, так или иначе столкнулись в своем бунте с темной силой и послужили ей, даже и не подозревая этого. Их самость в большинстве случаев была целью для темных; и они проводили в мир свои дела и идеи через бедных строптивцев, которым и в голову не приходило, что именно они идут проводниками злу. Все, кого вы увидите в дальней Общине спасенными и устроенными в ней, спасены Белыми Братями милосердия и охранены, защищены целой сетью добрых, через невинные сердца которых злым прохода нет. Вступая в зону этих охраняющих, несите им свою помощь, свою чистоту, мир и радость. Ни на одну минуту не думайте о себе, но

только о тех страдальцах, к кому приехали. Если в ком-либо из вас есть сомнение, что он не сможет так забыть о себе, чтобы ни разу не дойти до раздражительности, поверните своих мехари обратно в оазис. Здесь, — прибавил И., остановив своего верблюда, — , живет пустынный, среди этой маленькой группы пальм. Кто в себе не уверен, кто не имеет безграничного самоотвержения, чтобы служить проводом энергии своему Учителю для помощи несчастным, чья верность дрожит перед необходимостью полного внутреннего самообладания и слияния с деятельностью Учителя, останьтесь здесь и подождите первого случая вернуться обратно в оазис Дартана. Сосредоточьтесь, воззовите каждый к своему Учителю и слушайте беспрекословно, что бы ни сказал вам Он. Если прикажет возвратиться, знайте, что, нарушив Его приказ, поступив так, как Вам кажется прекрасным и нужным, вы не только не сотворите добра, но соткете еще одну нить зла. Вы отрежете себе самим надолго возможность продвинуться вперед по пути освобождения...

И. замолк. Мы остановились в пустыне, вокруг царила полная тишина, даже дыхание животных ее не нарушало. Я воззвал так глубоко к Флорентийцу, как еще ни разу не звал Его.

"Тки сеть защитную вместе со мною вокруг всего каравана, — услышал я Его голос.

— Тки сеть защитную вдвое бдительнее вокруг себя и порученной тебе в пути женщины. Помни, что рыцарь Мой не может стоять один в своей задаче земли, но всегда стоит со Мною. Чаша в Моей руке — это твои дела и поведение в дне. Мужайся и сплети Огонь Моей чаши с Огнем сердца той, чьим рыцарем тебе ведено быть в пути. И. велел тебе опекать ее только в пути, я же велю тебе опекать ее и в Общине. Не размыкай сети защитной между тобою и ею во все время пребывания здесь, вплоть до возврата домой. Будь благословен, следуй за Моей верностью".

На этот раз я особенно пережил мгновенное слияние моим дорогим Учителем. Я не ощутил никакого содрогания в теле, меня наполняло ликование, границ между «я» и "не я" я не сознавал...

Когда я опомнился, мехари И. стоял перед нами, И. у нас улыбаясь. У меня нет слов описать эту улыбку. Это была улыбка Бога и младенца, невинности и Мудрости, доброты и силы.

— Аминь, дети мои. Несите же смело и радостно, радостно и просто дары своей Любви. Первое испытание Ей уже идет.

Мы снова двинулись в путь. Я не понял, о каком испытании говорил И., но очень скоро мне пришлось это узнать. Не успели мы перейти в галоп, как навстречу нам издали понеслось маленькое облачко пыли.

— Вот, Левушка, первое испытание, о котором говорил И., - указывая на пыльное облако, сказала мне Андреева, которая продолжала быть молчаливой, и это были ее первые слова.

Я с удивлением взглянул на нее, считая пыльное облако внезапным порывом ветра, очень неприятного, сухого, забивающего песком глаза и ноздри, с которым мы уже несколько раз встречались в пути.

— Это не ветер, а человек, — прибавила она, так серьезно и пристально взглянув на меня, что я в сотый раз был удивлен выражением ее огромных глаз.

Все ее лицо, обычно носившее в себе нечто от иронии, точно она знала так много, что внутреннее содержание каждого казалось ей забавным пустяком, не заслуживающим серьезного внимания, теперь было не только строго, но какая-то неумолимая суровость на нем меня поразила. Больше она не прибавила ни слова, точно вдруг забыла обо мне и обо всем, кроме приближавшегося к нам облака, с которого не спускала глаз.

Подчиняясь приказанию Флорентийца, я приблизил своего мехари к животному Андреевой. Умные животные пошли совсем рядом друг с другом, так что я мог наблюдать за всеми оттенками выражения лица Натальи Владимировны. Через некоторое время вдаль стали вырисовываться верхушки пальм. И. сдержал ход своего верблюда, и вскоре весь караван перешел на шаг. Облако пыли было уже близко к нам, и теперь я различаю в нем ясно фигуру всадника на коне.

Всадник бешено мчался к нам. Не замедляя бег, он подскакал к самому каравану, остановив своего коня шагах в пятидесяти от нас. Он поставил коня поперек нашего пути, точно приказывая нам остановиться. Пыль еще не улеглась, я не мог рассмотреть лица всадника. Но конь его был великолепен, и сам он сидел на нем как классически вылепленная скульптура. Его дерзостное намерение остановить наш караван всем нам было ясно. Но И. ни на минуту не замедлял шага своего верблюда, мы приближались к всаднику, и мне показалось, что неминуемо верблюд И. столкнется с конем всадника. Когда мы были не более чем шагах в пятнадцати от всадника, он поднял руку и прокричал:

— Разве вы не понимаете языка пустыни? Если я стал поперек дороги, караван должен остановиться.

Голос незнакомца был груб и резок. Теперь я видел и его фигуру, и его лицо совершенно отчетливо. Он был молод и довольно красив. И при всей своей сравнительной красоте он был отвратителен теми наглостью и вызывающей дерзостью, которые лежали на всем его облике. У меня мелькнула мысль, что это разбойник, хотя его внешность была скорее

элегантной, чем небрежной.

И. все так же двигался вперед, а всадник все так же держал свою руку вытянутой по направлению к нему. Вот-вот, казалось мне, должна была произойти стычка животных. Не доезжая шагов пяти, И, слегка подняв правую руку и сделал едва заметное легкое движение, как бы стряхивая что-то с кончиков пальцев, по направлению к коню и всаднику. Рука всадника мгновенно упала, как плеть, на шею его коня, конь, точно бешеный, взвился на дыбы, закружился, вмиг вынес всадника прочь с нашей дороги, и довольно долгое время всадник не мог справиться с взволнованным животным.

Я вспомнил приказ Флорентийца, усердно призывал Его имя, строя защитную сеть вокруг всего нашего каравана и особенно вокруг Андреевой и себя. Она, очевидно, почувствовала мое духовное напряжение, отвела глаза от всадника и очень тихо сказала мне:

— Спасибо, Левушка. Когда Али несколько минут приказал мне быть под Вашим покровительством не только в пути, но и во все время пребывания в Общине, у меня был момент почти протеста и негодования. Ваша любовная забота тронула меня. Я поняла, что Вы именно та сила самообладания, которая может быть тушителем моей раздражительности. Спасибо, мой верный рыцарь, я совершенно спокойна. Этот человек только и рассчитывал на возможность вызвать в ком-либо из нас страсть и воспользоваться ею, чтобы найти брешь в нашей воле. Но он не знал, что И. Ему не соперник. Будьте, друг мой, и дальше так же внимательны и защищайте весь караван своей сетью. Я буду Вам помогать слева, Вы защищайте правую сторону, спереди И. - непроницаем, а сзади Ясса — защита верная.

Всадник успел наконец справиться со своим конем и резко закричал:

— Что такое? Почему Вы не остановили караван и перепугали моего коня, не привыкшего к такому невежливому обращению? Ведь Вы не дикарь и не дикарей ведете за собой? Мне надо с Вами говорить, потому я и остановил Ваш караван.

В голосе незнакомца меня удивила гамма очень разнообразных оттенков. Начал он дерзостным выкриком, а последние его слова были сказаны несколько извиняющимся, примирительным тоном.

— Вы не остановили моего каравана, — ответил ему своим обычным тоном И. — И если бы Вам вздумалось повторить Ваш дерзостный маневр, он стоил бы Вам жизни.

— Вот как Вы разговариваете в пустыне, где я являюсь владыкой, — снова дерзостно закричал незнакомец, однако резко дернул своего, коня и

отъехал от нас подальше.

Это меня так рассмешило, что я не в силах был удержать смеха. Но тут же был очень наказан за свою; смешливость. Всадник поднялся на стремянах, пронзил меня своим взглядом — глаза его были черные и выпуклые — и в бешенстве закричал:

— Щенята Вашего каравана оскорбляют меня, а Вы молчите! — Перестаньте кривляться, несчастный человек, и говорите, что Вам нужно? О чем Вы просите? — ответил И. -Я ни о чем не намерен Вас просить, я при... при... я напомнить Вам хотел, что въезд в эту Общину охраняю я и я никого туда не пропущу. Вы можете отдохнуть в моем доме, если хотите. В моем саду хватит места для всех вас, но вы обязаны вернуться назад, — говорил всадник, точно он чем-то давился и с трудом выговаривал слова.

— К Вашему сведению должен заметить, что охранник въезда Вы плохой, так как наиболее многочисленная группа моего каравана уже в Общине, а Вы даже не видели ее, несмотря на всю Вашу воображаемую власть над этой частью пустыни. Я уже сказал Вам, что еще одна попытка остановить мой караван будет стоить Вам жизни.

Постарайтесь собрать свое самообладание хоть сколько-нибудь и просите о том, о чем давно обращаетесь с просьбами к Али.

— Али — это Али, а Вы... пф... Вас я не знаю и с Вами разговаривать о важнейших для меня вещах, да еще в присутствии Ваших спутников, и не подумаю. Али в древнем долгу у меня, и он должен меня выслушать.

— Али уже много раз выслушивал Вас именно потому, что Вы обращались к нему, упоминая этот старый кармический долг. К сожалению, Али выплатил Вам свой долг десятирицею, и больше он не имеет права ни спасать Вас, ни даже слушать. Мера его вещей относительно Вас исчерпана. Если хотите обратиться лично ко мне, Милосердие открывает для Вас эту новую возможность. Но помните, дважды она не повторится.

— Это мне нравится! Да на каком основании Вы вмешиваетесь в мои дела с Али? Али был когда-то мне Учителем, естественно, что в трудную минуту я обращаюсь к нему.

В посредниках я не нуждаюсь.

— Я уже сказал Вам, что всякая возможность для Вас быть выслушанным Али кончена.

Я запрещаю Вам двигаться дальше. Вы свили себе гнездо среди этого сада, уверяя всех, что Али дал Вам на это свое разрешение. Но сами Вы лучше всех знаете, несчастный человек, что Али не давал Вам его. Сегодня для Вас последняя возможность быть защищенным мною и спасенным в тайной Общине, так как в этой дальней Общине Вам, сознательному

злодею, места нет. Сегодня Вы еще можете быть спасены Светлой силой. Но завтра будет уже поздно. Много раз обманутые Вами Ваши соратники темных сил завтра настигнут Вас. И спасения Вам от них, милосердия, которого Вы в жизни своей не проявили ни к кому, Вам от них не ждать.

Во внешности и манерах дерзкого всадника произошла разительная перемена. По мере того как И. говорил, вся его фигура, лицо, глаза становились олицетворением не только страха, но ужаса. Все же он старался овладеть собой, заставить свои зубы перестать стучать и придать своему голосу подобие сарказма и дерзости.

— Вы воображаете, что можете запугать меня? О каких таких моих врагах Вы говорите? Я понимаю, что Али мог бы меня кое в чем упрекнуть, так как он предупреждал меня. В последний раз даже поставил кое-какие условия. Я дал ему слово, что их выполню, и не сдержал. Но при чем здесь Вы? Быть может, Вы скрываете, что Али послал Вас ко мне? — с некоторого рода подозрительностью и в то же время с затаенной надеждой закончил свою речь всадник.

— Если бы Али имел все возможности спасти Вас, лживый и лицемерный человек, то и тогда он не остановил бы приближающейся к Вам руки возмездия. Ибо эта рука соткана вами и может быть отведена тоже только вами. Кроме того, я уже сказал Вам: Али не имеет ни одной возможности приблизить Вас к себе, так как единственную узенькую тропку старинного кармического долга Вы густо засеяли ложью, воровством и обманом. Через эти выросшие выше Вашего роста стены Вам не пробиться к Али никогда. Еще раз — и последний — я предлагаю Вам свою помощь.

Соглашайтесь немедленно отправиться в тайную Общину. Где она и что она, Вы отлично знаете. Вы дали слово Али, что сами отправитесь туда, и вместо этого поселились в этом саду, считая себя защищенным от прежних своих друзей, которых Вы обманули и ограбили. Вы выдали их тайны и тем превратили их в своих смертельных врагов. Я сказал — завтра они настигнут Вас, и Вы точно знаете, какого рода муки и невообразимые пытки ожидают Вас.

— А разве в тайной Общине, где день и ночь надо трудиться, где нет никакого простора собственной воле, где все только и делают, что стараются очистить с себя пятна грехов, где царит скучища, не такая же мученическая жизнь? Где там разгуляться на просторе смелой воле человека? Где там научиться подчинять себе волю людей и делать их своими рабами и слугами? Хорошенькое предложение Вы мне делаете! Уж лучше...

Всадник не договорил. Очевидно, мелькнувшее в его уме представление о реальной встрече со своими врагами заставило его опять пережить неописуемый ужас, отражением которого снова стала вся его внешность.

И. спокойно сидел на своем огромном мехари и с высоты его смотрел на всадника, который корчился под его взглядом. Изо рта его забила пена, шею сводила судорога, глаза выражали бешеную злобу. Он силился поднять руку, но вместо этого ударил ею по шее своего коня, который взбесился и пытался сбросить своего жестокого господина.

— Я был бы согласен спрятаться там, так как знаю, что туда враги мои проникнуть не могут.

Всадник вдруг вскрикнул и на некоторое время замолчал, точно сердечная спазма не дала ему договорить фразы, и только через несколько минут продолжал:

— А вдруг Вы обманываете меня, чтобы заманить в свои сети такую силищу, как я? И если я соглашусь, примете ли Вы мои условия, на которых я сочту возможным жить в Вашем тайном месте?

И. рассмеялся и ответил тем голосом, звонким, как клинок, которым говорил очень редко:

— Что Вы за «силища», в этом Вы могли убедиться уже полчаса назад, не только сейчас, когда вся Ваша игра смешного колдуна с побрякушками, которыми обвешаны Вы и Ваш конь, не помогает Вам, ибо ни Вы, ни Ваш жеребец не можете двинуться с места. Полчаса назад у Вас был мой гонец и предупредил Вас, уговаривая смириться и образумиться. Сейчас Милосердие моими устами говорит Вам: "В последний раз предоставлена возможность отойти от зла. Если в эту минуту не примете решения, Ваша жизнь в веках окончится в страданиях только с жизнью планеты, а затем исчезнет из вселенной, сожженная огнем Вашей лжи и всей той кровью, что на Вас.

Выбирайте, времени нет, враги Ваши уже близко".

Снова ужас потряс человека. Мне было ясно, что он теперь понял слова И. вполне и правда их его ошеломила.

— Я согласен, — еле слышно прошептал он.

И. приказал ему отъехать в сторону и присоединиться к Яссе до тех пор, пока мы не встретим надежного конвоя, который проводил бы его в безопасности в далекую тайную Общину.

Надежный конвой? За два года жизни в этом саду караван первый, который я увидел.

Кто может проезжать здесь? — говорил всадник, стоя в стороне, пока мы проезжали мимо него.

— Да, вы видели первый караван. Так же, как Вы не видели в повстречавшемся Вам пять месяцев назад купце ничего, кроме нищего бедуина. Но он видел Вас и оповестил о Вас пославших его на поиски за Вами Ваших врагов. Он искал Вас усердно, ибо иначе ему не миновать было ужасной судьбы вроде Вашей, — ответил И. Проехав еще около получаса, мы поравнялись с прекрасным садом, и внезапно из-за густых низких пальм навстречу нам выехали пять всадников на маленьких арабских лошадках. Все они, встретясь с нами, сошли с лошадей, встали на колени и поклонились И., коснувшись земли своими тюрбанами.

— Встаньте, друзья, — сказал им И. — Ваш грех давно прощен, и больше никогда не кланяйтесь мне в землю. Последнее, что вы можете еще сделать, чтобы окончательно освободить себя от власти злых, — отвезите этого человека в ту тайную Общину, где вы сами нашли себе спасение. Не бойтесь сейчас преследования злых, которые гонятся за этим своим рабом. Поезжайте спокойно и уверенно, между вами и ими встанет песчаная буря. Она укроет ваши следы и погубит весь труд тяжелого путешествия преследователей. Везите поручаемого мною вам спутника так, как будто бы я был неотлучно с вами.

И. повернулся к Яссе и сказал:

— Ясса, дай этому человеку узел с одеждой, что я велел тебе взять из оазиса, и отдай ему весь тот провиант, что тебе оставил Кастанда.

— Переоденьте платье, что Вам подали, — обратился он к буйному всаднику. — Отдайте своего утомленного коня Яссе и возьмите его мехари. На коне Вы не доедете и до скал в пустыне, не только до тайной Общины.

Я не видел лица незнакомца, но каждым нервом чувствовал его протест и недовольство. Только страх заставлял его повиноваться. Довольно долго с помощью Яссы, ворча, он переодеваются, пока И. разговаривал с вновь встреченными пятью всадниками. Я присмотрелся к их лицам, и был ими очень поражен. Мне казалось, что за их теперешним кротким и ласковым выражением, точно за кисейной занавесью, лежит другое — дерзостное, злое. Казалось, вот-вот мелькнет на каждом из этих лиц неуловимое движение мускулов и вспыхнет на них тот огонь ненависти и раздражения, которым было залито лицо первого всадника. Но сколько я ни вглядывался, лица бедуинов оставались неизменно спокойными и ласковыми.

Наконец бешеный всадник взгромоздился на мехари Яссы и подъехал к И. Посмотрев на него пристально, И. обратился к бедуинам:

— Вот, друзья, ваш спутник. Вспомните, как в этой же пустыне много лет назад я спасал вас от преследовавших вас врагов, в каком диком ужасе были вы тогда и как ваши следы укрыла буря, намывшая непроходимые

холмы песка между вами и преследователями. Десять лет вы не могли разорвать связи со своими темными врагами. Ненависть и страх вы посылали в ответ на их зло, и потому-то они и держали вас в своей власти крепче железных канатов. Только следующие десять лет научили вас простить ваших врагов, и, наконец, последние пять лет раскрылись ваши сердца, как широкие ворота Любви. Любовь пролилась из них, и вы простили и благословили ваших мучителей. Теперь перед вами встала последняя черта самоотвержения Любви: верните Ей сына зла. За этим я вас сюда и вызвал. Иди, друг. Верный конвой охранит тебя. Призывай силу мою к себе на помощь во все время пути и жизни в уединении, — обратился И. к всаднику. — Думай не о трудностях этой минуты, не о тяжелом дне, когда твои страсти раздирают тебя и мешают тебе видеть что-либо, кроме самого себя. Но думай, что вся жизнь твоя до сих пор, когда ты казался себе могучим, не дала тебе ни одного часа радости.

Думай, как тебе понять, что такое радость. И в первый же раз, как ты ее испытываешь, ты прорежешь непроходимую для злых пропасть. Радость ведет к победам Любви, а злое уныние — к упорству воли. Упорство же воли — меч зла. Этот меч не может разить там, где живет радость.

Ни слова не ответил человек. Сидя высоко на мехари, окруженный своей стражей на маленьких лошадках, он был похож на преступника, ведомого на казнь, так был зол его взгляд, такое безнадежное отчаяние выражала вся его фигура.

И. сделал знак рукой, бедуины поклонились ему по-восточному, молча окружили всадника на мехари, поехали рысью вправо, огибая сад, и исчезли так же неожиданно за лесом низких пальм, как и появились.

Постояв несколько времени и все время пристально смотря вслед исчезнувшей группе, И. тронул своего мехари, повернув неожиданно для меня круто влево.

Только теперь, когда мы двинулись снова в путь, я отдал себе отчет в своем поведении во все время встречи. Я должен был себе признаться, что и на этот раз «наблюдал», а не «действовал» в том смысле, как учило меня евангелие серого дня жизни в Общине, то есть быть и становиться. Я переживал очень ярко все чувства несчастного, заблудившегося в жизни человека. Но я не нес ему из себя той силы самообладания, которую я сам же понял как действенную силу помощи, дающую возможность встречному гасить в себе страсти, хотя бы на время встречи освобождаться от них.

Почему же я не мог этого сделать, раз я понял, как надо действовать? Почему я не смог переливать в несчастную страдающую душу своей

энергии любви? И снова я сам себе дал ответ: знать — значит уметь, а я только знал, но не умел. Я забыл обо всем и обо всех, забыл время, пространство и место, я все думал о бешеном всаднике...

— И теперь, Левушка, самое подходящее время для тебя вспомнить о задаче, что дал тебе Флорентиец, и точно приняться за свою роль рыцаря подле Натальи Владимировны, — вдруг услышал я голос И. Я вздрогнул от неожиданности, посмотрел на моих спутников слева и справа, еще более удивился тому, что голоса И. никто, очевидно, кроме меня, не слышал, и перенес все свое внимание на Андрееву.

С первого же взгляда я понял, что Наталья Владимировна пережила встречу далеко не так, как я. Глаза ее блестели энергией, лицо было бледно, точно осунулось и похудело, губы были плотно сжаты, и вся ее обычно тяжеловатая фигура представляла из себя какой-то кулак силы. Иными словами я не могу определить своего впечатления. Я воспринимал всю ее как заряженную пушку, из которой вырывались снаряды целым потоком. Ни о чем ее не спрашивая, я точно знал, куда летели ее снаряды, знал, что она посылала свои огромные духовные силы не только несчастному бешеному всаднику, но и всем его спутникам.

Я преклонился перед ее духовным величием. Я понял, как была высока ее культура сердца и как никто и никогда не может проникнуть в святая святых другого человека, пока его собственное сердце живет манерой воспринимать встречного как конгломерат тех или иных качеств.

Мы мчались еще минут двадцать, и перед нашими глазами стали вырисовываться контуры стен с башнями, за ними верхушки деревьев, кое-где крыши домов. Мне показалось, что мы подъезжаем к целому городу. Я никак не ожидал, что дальняя Община расположена на такой большой территории.

— Я здесь никогда не была, Левушка, — сказала мне Андреева. — Несмотря на то что Али сам учил меня многому, что составляло запретную зону для других, он много лет подряд запрещал мне приближаться к этому месту. Я не могла понять, почему он налагал здесь свой запрет. Я никогда не спрашивала его об этом, так как давно поняла, что только обыватели рассуждают, получая те или иные указания Учителя.

Ученики же, получая их, знают, что им надо немедленно повиноваться и исполнять указанное. Сегодня я получила ответ на свой незаданный вопрос. Встреча, только что пережитая, разъяснила мне все. Мира в сердце, полной примиренности со своими собственными обстоятельствами, не было во мне до этой самой последней минуты.

Сейчас, прочтя жизнь не только этого несчастного, запутавшейся

добровольно в сеть зла, но и тех пятерых страдальцев, что послужили злу невольно, по неведению и принуждению, я нашла силу в своем сердце постичь закон мудрости в каждом явлении жизни человека. Горе и страдания невинных — по всем видимым, внешним признакам людей — меня возмущали. И вообще весь путь людей, в огромном большинстве идущих страданиями, меня выводил из всякого равновесия. Я готова была всем и вся раскрывать свои объятия, желая всем и каждому помочь. Главное, чего я не понимала, — мира не было во мне самой. И потому помощь моя сводилась к бунту, к вызову, к осуждению той или иной манеры действий людей, выше меня стоявших и обладавших всеми силами и возможностями помощи, как мне это казалось.

И это главное открылось мне сейчас. Я поняла, что не всегда можно помочь человеку, потому что в нем самом лежит первое препятствие к помощи. Человек бывает так закрепощен в своих предрассудках, что считает свою, на свой манер понимаемую верность какой-либо дружбе, любви или вере незабываемой, незыблемой истиной, величайшим светом и целью своей жизни. И такому упорно лично воспринимающему добро, лично воспринимающему всю жизнь человеку вся остальная Вселенная, с ее законом Жизни, кармой и следующими за ней по пятам закономерностью и целесообразностью, представляется мертвым хаосом, где на его долю выпадают не заслуженные им горести и муки. Али помог мне сейчас прочесть жизни только что встретившихся людей. Первый служил темным; отлично зная их цели и ища от них наград и возможности выхватить себе ряд ценностей жизни, как он их понимал. Устрашенный трудностью пути подле Али, он пожелал легкого достижения блеска, власти и богатства. Когда же понял, что у темных наука не только трудна, но еще страшна и ужасна, он бежал, обманул и дорого продал часть их дешевеньких секретов, которые ему удалось узнать. Час его расплаты с ними был бы более чем ужасен, если бы не милосердие И. Спасти его Али не мог, потому что в самом человеке нет больше ни одного аспекта Чистоты, дорогу к которому был бы в силах расчистить Али. И. поместит его в тайной Общине, где живут только такие же несчастные, связанные с темными, но бывшие когда-то в белых ложах Светлых Братьев Любви. Пять всадников, лица которых до сих пор хранят на себе следы пережитых ужасов, не могли быть спасены вовремя от злой силы. И. старался сделать это много лет назад. У этих безумцев был еще один друг, которому они верили, чтили его своим старшиной и во всем следовали за ним. Старшина объяснил им однажды, что его вызвал великий духовный владыка, чтобы дать ему высокое посвящение. На самом же деле он отправился к темным,

обещал им привести пять новых рабов, если они откроют ему свои великие тайны. Путем огромных страданий, путем полного убийства в себе всех человеческих чувств: милосердия, доброты, любви, жалости, сострадания — он добыл у темных часть их тайн. Настало время уплаты. Он должен был привести к ним пять обещанных рабов — слуг беспрекословного повиновения всей шайке темных, по всему миру содержащей своих соглядатаев. Встреченные нами пять людей пылали верностью и любовью к своему старшине. И. предупреждал их через своих учеников о вероломстве их друга. Не один раз посылал он к ним гонцов, старавшихся раскрыть им глаза на истинное положение вещей. Наконец он нашел возможность сам увидеться с ними, рассказал им, что все призывы их друга — ложь, что он завлекает их в ловушку, где их ждет гибель у темных. Но и личное свидание с И. не помогло. То, что они в своем темном заблуждении называли верностью другу, заставило их служить темным по указанию их друга, якобы для его спасения. Страшный путь прошли несчастные, все больше и больше давая темным возможность овладевать ими, пока они на опыте не поняли, что были игрушками в руках изменника и отступника. Тогда, полумертвые от пыток и ужаса, они воззвали к И., моля его о смерти, если спасение для них уже невозможно. И милосердный И. спас их. Как много надо сил сердца, Левушка, чтобы человек понял Истину и Ее божественный Закон, который наш дерзостный язык пытается судить, даже не понимая, о чем говорит. Все сейчас стало мне ясно. Все слова Франциска сложились в стройную систему творческих сил, где все, что творит, может творить только в мире собственного сердца. Никакое искание Истины, пути освобождения или самоотверженной жизни в любви невозможны для человека, пока в нем нет полной примиренности...

Я не замечал ничего, что делалось вокруг меня. Слова Андреевой наводили на меня ужас, до какой степени личные страсти и восприятие закрывают глаза условными повязками. И потому, когда мой мехари внезапно остановился, я точно с неба упал от нарушенного вдруг ритма движения.

Мы стояли у самой стены, высокой, сложенной из белого гладкого камня, напомнившего мне стены домика Али. Несколько братьев в белых одеждах отворяли широкие ворота, за которыми был виден целый ряд фигур в белых, коричневых и серых одеждах. Когда мы въехали в ворота, я понял, что мы едем по короткой и широкой аллее сада. С трудом, с помощью Яссы и подоспевшего Никито, я сошел с седла, но И. немедленно своей рукой вложил мне в рот конфету, и я сразу почувствовал себя крепко стоящим на ногах.

Я бросился к Наталье Владимировне, с помощью дорогого Яссы помог ей выпутаться из всех ее покрывал и тесемок, предоставив Никито снять с седла леди Бердран.

Бедная женщина была так разбита, что Лалия и Нина, подбежавшие на помощь, увели ее, почти неся на своих плечах. Что касается Андреевой, то она была крепка и свежа, точно и не ехала весь день по пустыне.

К И. подошел старец в белой одежде, с посохом в руках, с таким светлым, сияющим лицом, точно весь он двигался в облаке света.

— Добро пожаловать, Учитель, вовремя, ах, как вовремя ты приехал, дорогой, — говорил он, обнимая И. и целуя его руку. И. отдал глубокий поклон старцу, поцеловал его руку, в которой тот держал посох, и ответил:

— Мир тебе, Раданда. Пославшие меня шлют тебе новые задачи, но не раскрепощение от них.

Как бы легкое облачко мимолетной грусти промелькнуло на светлом лице старца, но через мгновение оно снова засияло радостью, он оглядел всех нас чудесными синими глазами.

— Задачи новые, значит, и Свет придет новый. Мир тебе и пославшим тебя. Я думал, что выполнил меру своих вещей. Значит, я ошибся. Придите, друзья, в мои объятия.

Он обратился ко всем нам. Каждого из нас он обнимал и благословлял. Каждому он заглянул в глаза, каждому улыбнулся и каждому шепнул какое-то слово, но так тихо, что его слышал только тот, к кому оно было обращено. Мне он сказал: — Пиши о людях просто.

Хотя я и привык уже к тому, что многие и многие люди обладали способностью читать не только мысли, в данный момент обуревавшие человека, но могли, почти мгновенно, прочесть весь его характер и все его способности, меня поразило, что старец ответил мне на вопрос, который уже много времени тревожил меня.

Многие давали высокую оценку моему произведению. Рассул — последний, кто говорил со мной о нем, — еще больше раздул во мне огонь творческого беспокойства, который сводился, в общем, к двум словам: как писать? И вдруг старец в пустыне разрешил мои тревоги одним словом: «Просто». Да, он указал мне путь. Его слово объяснило мне главную силу писателя в его изображении типов людей, но... какая бездна мудрости должна звучать в сердце человека-писателя, чтобы сказать о жизни другого или о своей — «просто».

Мои размышления были прерваны. Старец Раданда оказавшийся настоятелем, лично повел нас в глубь прекрасного сада, где было много цветов и даже огромных еще не виданных мною цветущих деревьев. Он

привел нас к скромному беленькому домику, напоминавшему своим видом монастырские гостиницы.

— Вот дом в твое полное распоряжение. Учитель. Здесь разместить всех, кто приехал лично с тобой. Тех же, что ты прислал раньше, я разместил так, как ты приказал Никито.

Старец поклонился низко И., потом всем нам, улыбнулся и, прошептав: "Благословенны будьте", — ушел. Пока глаза мои могли его видеть, мне все казалось, что он не шел, а катился, как огромный шар, переливавшийся всеми цветами радуги.

И. приказал всем мужчинам устроиться в верхнем этаже. Лично ему оставить угловую комнату, а женщинам предложил занять нижний этаж.

Помня свои рыцарские обязанности перед Натальей Владимировной, я помог ей устроиться и разобраться в ее многочисленных вещах в той маленькой комнатке, которую она себе выбрала. К моему удивлению, она прошла мимо нескольких больших комнат, довольно комфортабельных, и выбрала себе маленькую, беленькую келейку, где едва умещалась узенькая кровать, небольшой стол, шкаф и стул. Устроив свою даму, я поднялся наверх, где встретился с И. у дверей его комнаты, расположенной совсем особо от всех остальных. Я хотел его спросить, где мне расположиться, как он предвосхитил мой вопрос и сказал:

— Левушка, настоятель предложил мне выбрать себе келейника для моих сношений с членами Общины, так как размеры ее порядочны. Не согласишься ли ты, — он засмеялся, — занять этот высокий пост келейника-секретаря при моей особе? И не желаешь ли поместиться рядом со мной? Имей в виду, что бегать по Общине и тренировать свою память тебе придется немало.

И. не пришлось сказать мне еще что-либо, так как восторгу моему не было предела. Я бросился на шею моему дорогому наставнику и немедленно ощутил блаженство и легкость на сердце от его ответного объятия.

В ту же минуту я почувствовал на своих плечах тяжесть моего белоснежного друга, который не замедлил проделать свой обычный фокус, даже прибавив к нему на этот раз пронзительный крик, что у него выражало наивысшую радость.

На крик Эта выскочили Бронский и Игоро, и под общий смех я получил первое приказание И. как келейник.

— Оповести всех, приехавших с нами, что через час будет общая трапеза, в которой все мы, без исключения, примем участие. Все должны быть в белых, чистых одеждах.

Каждый в своем шкафу найдет такую одежду. Ванна женщин — направо от дома, мужчин — налево. Предупреди всех, чтобы через сорок пять минут все были готовы и ждали у подъезда дома. Я сам поведу всех в трапезную, где надо сохранять полное молчание. Смотри, не опоздай сам.

Я отправился выполнять свое первое поручение в Общине, конечно, в сопровождении своего друга Эта. Через три четверти часа я был первым на условленном месте.

Глава 18

Трапезная. События в ней. Мое новое понимание жизненных путей человеческих

Не успел я присесть на ступеньку крыльца и пригладить перышки на белоснежной спинке Эта, как послышались быстрые шаги и в дверях появилась Наталья Владимировна. Она всегда была одной из тех, кого ждут, если, конечно, ее не интересовало что-либо особенно, но сейчас меня удивила не только ее поспешность, но и легкость всех ее движений и походки. Я положительно не узнавал эту женщину с тех пор, как мы выехали из оазиса Дартан.

— На этот раз, Левушка, — сказала она мне без всякой иронии и юмора, — я хотела опередить всех и все же пришла позже Вас, хотя видела, как Вы мчались куда-то с Эта по аллее. Мне бы очень хотелось разделить Ваш труд и хоть чем-нибудь маленьким выразить Вам свою огромную благодарность за Ваше джентльменское поведение не только по отношению ко мне, но и ко всем нам. Я не видела еще ни одного раза на Вашем лице недовольства и не слышала ни одного слова осуждения кому-либо. Одеваясь и готовя себя к трудному моменту общей трапезы, я особенно ясно отдала себе отчет в достигнутом Вами, ребенком, и устыдилась своей отсталости в некоторых вопросах.

— Почему Вы думаете, Наталья Владимировна, что новыми людьми в трапезной — такой тяжелый момент? — спросил я ее, пораженный этой мыслью, так как мне это первое свидание казалось привлекательным и более чем интересным.

Наталья Владимировна не успела мне ответить. В дверях показался И. Часто я видел его прекрасным, но никак не мог привыкнуть к его лицу. Каждый раз оно казалось мне новым. На этот раз я вдруг понял, что не у И. менялось лицо, а моим глазам открывалась все новая возможность видеть в этом лице что-то большее, чем я мог видеть в нем раньше. Точно так же не особенно давно я понял, что я не знаю и тысячной доли того, над чем трудится И., и могу видеть только то, с чем непосредственно сталкиваюсь в его работе, да и ее вижу далеко-далеко не всю.

Почти мгновенно я пережил в памяти весь этап жизни с момента пира у Али. Мои слезы в вагоне и беседу И. со мною. Разлуку с Флорентийцем в Москве. Мое отчаяние первых минут. Бурю на море... И я низко

поклонился И., не имея иного способа выразить ему глубочайшую благодарность и благоговение за все проявленное ко мне нечеловечески высокое милосердие. Поистине только сверхчеловек мог отнестись к маленькому существу, каким был я, так, как он относился ко мне.

Когда я выпрямился после моего глубокого поклона, я встретил приветливую улыбку и услышал невыразимой доброты голос:

— Все в сборе и в полном порядке. Блистательные одежды, которые мы надели, должны соответствовать тем миру и радости в наших сердцах, с которыми мы войдем в дом скорби. Быть может, никто из вас не увидит никаких внешних признаков скорби на лицах людей. Возможно, что некоторые из вас не смогут проникнуть в великую внутреннюю скорбь сердца отдельных людей. Но каждый из вас почувствует, вне всяких сомнений, в какую тяжелую атмосферу он вошел, и каждому из вас будет даже физически трудно дышать в атмосфере трапезной. Идите же туда, героически неся радость бедным страдальцам, и несите каждый волю-Любовь своего Учителя им в помощь. Еще раз напоминаю вам: по закону жизни этой Общины в трапезной надо хранить полное молчание. Говорить в ней может только настоятель или тот, кому он сам предложит говорить.

И. всех нас оглядел, всем улыбнулся, посмотрел на Эта — мне показалось, что он прикажет мне оставить Эта здесь, — но он сказал:

— Возьми птицу на руки. Ты оставишь ее у привратника при входе в дом настоятеля, к которому мы предварительно зайдем.

Я исполнил приказание, чем Эта остался очень доволен, и мы пошли по широкой аллее, вдыхая в спустившейся уже темноте чудесный аромат цветов. Шли мы минут пятнадцать и пришли к островку, отъединенному от общего сада большим рвом с водой, как мне показалось сначала. Потом я узнал, что островок был образован ручьем, вытекавшим из озера, расположенного довольно далеко и выше этой части сада. Мы перешли мостик и остановились на лужайке перед небольшим, очень старинным домом из белого камня.

И. шел впереди, за ним шли я, Андреева, Игоро и. Бронский, дальше леди Бердран, Никито, Лалия и Нина, присоединившиеся к нам. Последними шли Ясса и Терезита.

Больше я не видел никого из нашего каравана. Я подумал о сестре Карлотте, о неистовом монахе и обо всех тех, кого вывез И., ехавших не в нашем отряде. Будут ли они в трапезной или их жизнь здесь начнется иначе? Я вовремя вспомнил о «перце» мыслей, собрал свое внимание и сосредоточился на текущем «сейчас».

И. один вошел в дом настоятеля Раданды. Мы же все молча стояли на

лужайке.

Взглянув на лица моих спутников, я понял, как глубоко все они были сосредоточены и как старались быть действительно добрыми в глубине сердца. Я устыдился своей рассеянности и последовал их примеру. Через несколько минут в дверях появился И., держа под руку древнего настоятеля.

Оба они на миг остановились, окинули взглядом всю нашу группу, и, к моему удивлению, настоятель ничего не сказал мне про Эта. Снова Раданда показался мне Радужным шаром, но было ли то влияние света взойшедшей луны, была ли то игра огромных звезд, отражавшихся в дрожащей воде, я не знаю. Но показалось мне, что и И. шел в сияющем шаре, включив в свое сияние весь шар Раданды, казавшийся теперь по сравнению с сиянием И. тусклым и небольшим. Глаза мои были прикованы к этому новому и непонятному для меня явлению, от которого я был не в силах оторваться. И не только внешним зрением я не мог оторваться от этого дивного зрелища, я весь утонул, точно расплавился в счастье, в радости жить. Доброта и сила наполняли меня. Мне казалось, что доброта и сила льются ко мне из шара И. и заливают все мое сознание. Раданда, радостно улыбаясь, поднял руку и благословил всех нас. Мы, счастливые, бодрые, в полном бесстрашии и жажде деятельно любить и служить своим ближним, пошли вслед за нашими наставниками. Говорю «мы», а не «я», потому что в эту минуту ни у кого из нас не осталось перегородок личного — мы слились воедино в той гармонии, которую нам излучали наши высокие братья.

Необычайное спокойствие сошло в мою душу, такие же спокойствие, мир и свет, какие наполняли меня после чтения записей в моей зеленой книге, которую я нашел на своем алтаре...

Трапезная была не так далеко. Подойдя к привратнику, настоятель остановился, обернулся и, улыбаясь, поманил меня пальцем. Когда я подошел к нему, он сказал мне:

— Передай, друг, твою птицу этому привратнику. Он, хотя на этом месте устроен мною очень недавно и не успел еще узнать всех правил нашей Общины, но человек добрый. Да и знаком он тебе и твоей птице.

Удивлению моему не было конца. Кого мог я знать в этой дальней Общине? Да еще такого человека, которому был бы знаком мой птенчик? В темноте я не видел лица привратника. Когда свет от И. и старца упал на вышедшего из Своей сторожки привратника, я невольно вскрикнул: "Мулга!" Эта сам перепрыгнул на руки Мулге, издавая нечто вроде воркования. Мулга, улыбаясь во весь рот и поглаживая спинку Эта, приветливо кивнул мне, точно желая дать знать, чтобы я не беспокоился о

птице.

— Подержи птичку у себя во время трапезы. И выполняй свои обязанности привратника строго и неумолимо точно. Приказ мой тебе на сегодня таков: никого, ни единой души не пропускай больше в трапезную. Никто не имеет права — по нашему закону внутренней жизни — опаздывать к трапезам или беспокоить кого-либо вызовом из-за стола. Тех, кто сейчас опоздал, как бы они тебя ни молили, какие бы доводы тебе ни выставляли, не пропускай. Если бы даже кто-нибудь из них говорил тебе, что человек умирает и зовет кого-либо из тех, что находятся в трапезной, помни мой приказ и неумолимо выполняй его. Чтобы тебе было легче и сердце твое не наполнилось сомнением, знай, что глазам моим ничто не мешает видеть в каждую минуту всю мою Общину и все, что в ней делается. И если будет нужда, я сам первый выйду или вышлю помощь. Помни же, друг, стой, как часовой на часах, охраняй мир и покой трапезников. И. взглянул на меня.

— Я предупреждал тебя, Левушка, что надо сохранять полное молчание. Собери внимание еще глубже, мой мальчик, поставь между собой и всеми, кого увидишь, образ Флорентийца и действуй, действуй, действуй, любя и побеждая в полном творческом самообладании. Помните все, мои друзья, что такое «добрый», — прибавил И. ласковым, нежным голосом, точно выливая на нас поток доброты из своего великого сердца.

Мы миновали высокую толстую стену, вошли во внутренний дворик, залитый светом высоких фонарей и освещенных окон, больших и многочисленных, и подошли к большой двери, напоминавшей вход в храм.

Пройдя в дверь, мы попали в широкий коридор, хорошо освещенный, но я не понял, чем и как он освещался и откуда лился свет сверху. Мне показалось, что наверху тоже были освещенные окна, но я боялся рассеиваться на внешние наблюдения, стараясь хранить в сердце образ великого покровителя Флорентийца. Кто-то взял меня за руку. Я увидел подле себя Наталью Владимировну. Она снова показалась мне, как в пустыне, пушкой с тысячью снарядов.

— Левушка, я рядом с Вами. Не забудьте включить в свое защитное звено, — шепнула она мне.

— Я не знаю, как это сделать, — ответил я ей, пожимая ее горячую нервную руку.

— Между мной и собой поставьте образ Флорентийца. И в каждое действие Вашей мысли и сердца включайте меня, думая «мы», а не «я», — ответила она, продолжая держать меня своей горячей рукой и точно сливая свою силу с моим существом.

Так мы и вошли в трапезную рука об руку. Я ощущал ее сейчас как сестру, ближе которой не имел, как мать, покровительницу и защитницу, которой в жизни своей не знал.

Сердце мое билось сильно, радостно, точно я шел не в дом страдания, о котором говорил Франциск, но на пир Жизни и Света. Перед И. и настоятелем два старых брата в длинных белых одеждах распахнули настежь высокие и широкие двери трапезной, и мы вошли в огромный зал, заставленный длинными и узкими столами, за которыми сидели люди, вставшие с мест при нашем появлении и приветствовавшие нас глубоким поклоном. Первый от входа стол был наполовину пуст. Остановившись подле него, настоятель поклонился И., приглашая его занять первое место справа. Нас с Андреевой он усадил подле И., остальных разместил так, что Никито и Ясса были последними, соприкасавшимися непосредственно с обитателями Общины и представлявшими из себя как бы барьер между ними и нами. Пока мы размещались по указанным нам местам, все наполнявшие трапезную продолжали стоять.

Настоятель поднял правую руку, благословил всех, отдал свой посох келейнику и занял свое место за узким концом стола, с которого ему были видны все находившиеся в зале.

Когда Раданда и И. опустились на свои места, все присутствующие еще раз поклонились им, сели и несколько братьев стали одновременно подавать пищу на все столы. Как все здесь разнилось от Общины Али! Там слышались смех и веселый говор, здесь царила гробовая, торжественная тишина. Там на столы, покрытые белоснежными скатертями, уставленные благоухающими цветами, подавалась разнообразная пища, которую каждый брал себе сам, сколько и как хотел. Здесь столы были тоже белоснежны, из пальмового дерева, чисто вымытые и отлично отполированные, но ничем не покрытые. Возле каждого человека стояла деревянная тарелочка с хлебом вроде хлебцов Дартана, лежала деревянная ложка и небольшая бумажная салфетка. Братья-подавальщики ставили каждому мисочку, не особенно большую, глиняную, с похлебкой.

Пока настоятель не взял ложку в руку и не начал есть, никто не прикасался к пище. Боясь совершить какую-либо бестактность, я смотрел на И., рядом с которым сидел, и ел только тогда, когда видел, что он ест. Признаться, когда мы шли в трапезную, у меня разыгрывался аппетит. Но сейчас, увидев столь непривычную для меня обстановку, я был бы рад не отвлекаться совсем вниманием на еду. Мне теперь казалось, что я совсем не хочу есть, так я был поглощен морем необычайных человеческих фигур, среди которых очутился.

Лица сидевших за столом людей сразу поразили меня двумя противоположными признаками: одни из присутствующих пристально смотрели на нас, точно хотели запомнить каждого из нас. Другие сидели, опустив головы и глаза, точно протестуя против нашего вторжения в их царство. Я почувствовал легкий толчок со стороны Андреевой, спохватился, что я не только не строил защитной сети, о которой она мне говорила, но что я снова наблюдал. Я посмотрел на нее и чуть было не сказал «спасибо», как почувствовал удар в лоб, пришедший ко мне от Раданды. Я невольно взглянул на него и вдруг — не знаю и не сумею даже сказать, каким способом, — понял, что он велит мне запомнить все, что я здесь вижу, и особенно обратить внимание на ближайший от нас стол с левой стороны.

Опять-таки не могу объяснить, каким образом я понял, что за этим столом сидят именно те строптивцы, к которым мне дал поручение Дартан. Впервые в жизни я понимал немой разговор, будто из шара Раданды летели ко мне его мысли, кусочки его световой радуги, и сливались точно и ясно с моим сознанием, складываясь в образы.

Мало того, я чувствовал силу, которую вливала мне Андреева, помогая сосредотачивать мои мысли. Я собрал все внимание на указанном мне Радандой столе. Там сидели мужчины и женщины самого разнообразного возраста, от очень молодых до глубоких стариков. Особенно поразила меня одна фигура. Это был высоченный человек, размерами и темной кожей похожий на Дартана, но выражением лица, дерзостным, буйным и вызывающим, напоминавший мне монаха Леоноро, нападению которого я подвергся в памятную ночь, когда ходил с Франциском к профессору и Терезите.

На этот раз я не раздумывал о типе и характере этого человека. Я молил Флорентийца помочь мне сохранить всю чистоту сердца, чтобы иметь силу выполнить данное мне Дартаном поручение. Невольная робость овладела мною при мысли, что я ответствен за все предстоящие встречи, удача или неудача которых лежит только в любви и чистоте моего сердца.

Уже подавальщики подали кашу на столы, а настоятель не брал еще ложку в руку, и все трапезующие сидели в глубоком молчании. Но вот он взял ложку и сделал глоток, и все руки поднялись с ложками.

Раданда, мне казалось, только делал вид, что кушает. На самом же деле в его мисочке, ничем не отличавшейся от всех прочих, было едва видно на дне ничтожное количество каши. Сделав еще один глоток, он оставил ложку в своей мисочке и сказал:

— В прошедший раз я говорил вам, братья и сестры, о том, что такое

терпение, для чего оно нужно всякому человеку и как без него никто не может выработать самообладания. Я говорил вам и о гостеприимстве. Говорил и о приветливости, с какими должен человек встречать гостей. Особенно тех гостей, которые приезжают в вашу Общину, делая тяжелый, нудный путь через пустыню. Каждый из вас пусть сам ответит себе, был ли он приветливым хозяином сейчас, нес ли он любовь в привет и встречу гостю. Среди нас сейчас великий Учитель. Большая часть из вас подобрана им, водворена здесь его милосердием, обязана ему своим спасением и... кроме нескольких, благоговейно приветствующих его всей душой и сердцем, большинство из вас занято критическим рассматриванием его спутников или бессмысленным бунтом за якобы нарушенный мир вашего существования. Бедные вы, бедные мои страдальцы! Много лет сердце мое носит вас, мир мой окружает вас, радость моя движет вас вперед, и все же на первом месте ваших духовных волн идет отрицание. Отрицание ваше, так много раз уже понятое вами как бессмысленное заблуждение, как пелена условности, покрывающая ваши глаза, все же сегодня опять стоит на первом месте, мешая вам найти самообладание. Наш высокий гость, Учитель И., скажет вам о самообладании. Из его слов вы еще раз поймете, что только тот, кто нашел в себе силы привести в полное самообладание весь свой проводник [Человек — это проводник различных Сил Природы и Сознания, началом и источником которых является Единое Существование, включающее в Себя весь Космос как малую часть, и называемое философами Абсолютной Реальностью, а верующими — Всевышним Прим. Ред.)], может разыскать тропу к творчеству. Вы же — за малым исключением — все гордитесь своими творческими талантами, не понимая, что творчество человека начинается с того момента, когда он может попадать в русло гармонии хотя бы на короткие минуты. Слушайте же, мои дорогие, мои любимые дети, слово великого Учителя. Не скоро, ох, как не скоро услышите вы снова его зов. Не пропустите летящего мгновения, когда Милосердие шлет вам свое озарение. Не то важно, что, проводив Учителя, вы будете вспоминать его слова, обдумывать их и раскаиваться.

Важно в эту минуту суметь победить в себе мелочь условного и ухватить слово Величия, спустившееся к вам. К вам, все ищущим, все пытающимся доказать самим себе, что горе ваше не в вас, а вне вас живет и что жизнь, какую живете, не ваших рук строительство, но извне подошедшая к вам волна скорби. Не откажи, великий Учитель, в своем чудесном слове нам.

Раданда встал и низко поклонился И., И. отдал старцу поклон, поклонился всем присутствующим и, стоя, начал свою речь:

— Мои дорогие друзья, мои близкие братья и сестры. Много лет я не видел вас.

Много лет я не расставался с вами в моих мыслях. Не было дня, чтобы я забыл послать привет моей любви, как и не было такого случая, чтобы кто-либо из вас, взывавший ко мне всей своей верностью и верой, не получил от меня ответного приветов и помощи. Мы будем иметь еще время переговорить о делах каждого из вас в отдельности. В эту же минуту первого свидания вызовем каждый из глубины освобожденного сердца все то радостное, что там затаено. Эта минута, как и каждая минута творческой Любви, пусть разрежет все путы условностей, мешающих общаться в огне и духе. Мир, который я привез вам сегодня, не мир одного моего сердца. Но мир всего Светлого Братства, которое поручило мне передать вам свой привет, любовь, признание и помощь. Наибольшим вашим страданием, страданием, переведшим вас в ряды бунтарей, строптивцев и отрицателей, было то, что вы не были признаны вашей современностью, вашей средой, соотечественниками или теми людьми иных государств, где вы искали себе популярности и признания. Но разве это есть цель и смысл жизни выдающегося человека на земле? Единственной целью человека, проснувшегося к жизни, то есть к творчеству, является деятельность по развитию и укреплению Божественного плана на земле. Каждый из вас не только знает, но слишком много знает, как идут пути мировой эволюции людей. Что же сбивало вас с тех троп, по которым идут, служа Светлому Братству, помогая ему выполнять мировые задачи, для помощи и роста человечества? Если вы внимательно взглянете в свое сердце, вы увидите, что вовсе не отсутствие любви, не отсутствие самопожертвования или энергии заставило вас сойти с пути правды и добра, но отсутствие в вас радости и самообладания. Подумаем, что такое самообладание? Есть ли это умение владеть всеми своими телами, чувствами, мыслями, словами? Нет. Хотя для большинства обычных людей и это самообладание недоступно и является идеалом и мечтой. Но для ученика — для человека, желающего стать членом Светлого Братства, — такое самообладание даже не начальная часть пути, где разыскивают тропу. Оно только младенческий период подготовки к встрече с Теми, перед которым нельзя стоять в страстях и бунте... В чем же проявляется первая черта самообладания человека, стремящегося к пути в ногу с Братьями Светлой Общины? Первая ступень ученического самообладания — простое признание себя и каждого равными величинами вселенной. Равными носителями Единой Сущности, проливающей во вселенную свои Силу, Свет и Мир. Если сердце человека свободно от предрассудка неравенства, он не придает никакого значения

тому, что в нем больше талантов, чем в его встречном. Он не чувствует своих талантов. Он мчит свой день, выливая во все дела и встречи силы Единого, что ожили в нем. И потому он не только не ждет наград и похвал, но он раскрывает из себя сноп Света и втягивает в него всякого приближающегося к нему. Поэтому он носит в себе незыблемый мир — аспект Единого. Ему не приходится ежеминутно поправлять мигающий светильник, насильно, от ума, уговаривая самого себя вновь и вновь быть спокойным, мудро терпеливым и принимать свой день легко. Вы сами понимаете, что при таком неустойчивом самообладании, когда во всех нервах стягиваются болезненные, судорожные узлы, человек не имеет возможности думать о том, кого он встретил, так как мусор его собственного мигающего светильника сбился в плотную перегородку между ним и встречным. Признание, которого вы так добивались от современности, которого не получили, что и создало большинству из вас кровоточащие раны, вам шлет Светлое Братство. Оно признает вас равными себе. Оно принимает вас под свою защиту. Оно посылает вам свою Любовь, свою энергию, свою радость, чтобы в вас раскрылась доброта в сердце. Самая простая доброта к людям, которых вы признаете равными себе, как Светлое Братство признает вас равными себе и благословенными. С того мгновенья, как однажды человек поймет, что он составляет центр встречи, что он ведет тот аккорд, в котором звучит весь его день, самообладанию его раскрывается новая сила и новый, укрепленный со всех сторон путь, так как своими эманациями доброты и самоотвержения он призывает и сливается с путями вибрирующих лучей Светлых Братьев. С этого момента он может подпустить их к себе как защитное кольцо, в котором пойдут вер его дальнейшие действия и встречи. Мысль, что данный человек так еще далек от знаний, которыми обладаете вы, от тонкости чувств и мыслей, в которых живете вы, не дает вам ни права отъединяться от него, ни оправдания вашей деятельности, какой бы высокой вы ее ни считали в свое данное «сейчас». Если бы Светлое Братство, вплоть до самых вершин своей величайшей иерархии, думало так, то человечество никуда и никак не продвигалось бы в своей мировой эволюции. Вы же, наоборот, видите, что никто не лишен внимания, никто не оставлен без помощи Светлым Братством. А каковы мощь и радость этой помощи, все мы, здесь находящиеся, можем судить по собственному примеру, по тому спасению, что подало каждому из нас, так или иначе пострадавшему или запутавшемуся в жизни, Светлое Братство. Гениальные черты в отдельном человеке никогда не могут прийти в тот организм, в котором глубина Любви не создала святая святых в

сердце. Только из этих глубин льются потоки творящей Силы, и только из них видит и слышит человек высокие эманации Творца, посылающего через миллионы каналов Свою силу на землю. Приказать себе творить так же невозможно, как невозможно обучить творчеству другого человека системой подражания самому себе. Чтобы вообще учитель мог обучать ученика, надо, чтобы он сам понимал, на собственном опыте, источник, из которого льется творящая волна. Кроме того, учителю надо суметь приспособиться к манере мыслить и воспринимать текущую жизнь самого ученика. Тогда только он может стать в его положение и попытаться найти для него такую систему преподавания, где бы тот сам мог понять, как ему освободить в себе волю и силу от личного зажима мелких и низменных страстей и мелькающих ломаных мыслей. Если вы проверите вашу жизнь до прихода в эту Общину, первые годы жизни в ней, годы последующие и даже до самой последней минуты пребывания в этой комнате, можете ли вы сказать, что первым и важнейшим делом вы считали и считаете единение с людьми? Можете ли вы сказать, что первой мыслью при вашем пробуждении вы несли мысль расцветающему дню: разделить труд Светлого Братства, внести маленькую часть своего самоотвержения в общий план труда Светлых Братьев? Имея знания, вы увлекались одной личной жизнью. Вы говорили — и внешне якобы так и действовали, — как вы интересуетесь трудами общего просвещения. Но на самом деле вы интересовались ими постольку, поскольку в этих трудах расширялась и развивалась ваша собственная личность.

Настал час — для всех вас без исключения — двинуться теперь к более высокому самообладанию и раскрыть себе путь к единению, тесному и радостному сотрудничеству со всем Светлым Братством. Неужели до сих пор так плотно закрыты ваши глаза телесными покрывалами, что вы все еще не понимаете ясно, где, откуда и как раскрывается путь к этому высокому и светлому сотрудничеству? Неужто повторять вам азбучные истины, что путь к Учителю ведет через серый день, через деятельное единение с окружающими людьми, через внимание и милосердие к ним?

Взгляните внимательно вокруг себя. Почему половина из вас и сейчас хранит резкий протест друг против друга? Почему часть из вас ревниво отгораживается от своих сожителей в Общине? Почему только отдельные единицы идут, дружелюбно улыбаясь ближним? Только потому, что некоторым из вас самообладание кажется их личным вопросом, то есть: "Никому, кроме меня самого, нет дела до того, как я себя веду, если я его не трогаю". О нет, друзья! Вы не только не правы в подобном заключении. Но и вся система выстроенного вами мироздания на подобных началах —

мыльный пузырь. Ибо начальный фундамент, на котором вы его строили, ваше «я», ваша личность, не может вливаться в труд Вечного. Пока сила вашего раскрытого Духа не свяжет ваш труд дня земли с огнем Жизни, до тех пор вы не войдете в сотрудники Светлого Братства. А эта связь ткется самим человеком, только теми частями сердца и сознания, в которых не бушуют страсти, но царит радость. Когда я был здесь в последний раз, а это было сравнительно давно, я сказал вам: "Будьте бдительны каждый день своей жизни здесь, чтобы, когда мы встретимся в следующий раз, не было поздно. Чтобы ваши глаза имели силу смотреть весело и радостно на окружающую вас Жизнь, чтобы ваши сердца начали себя чувствовать ее частицей". Половина из вас все так же сидит, мрачно нахмурившись и опустив глаза в землю. Разве мало источил вам любви ваш настоятель? Разве мало внимания отдают вам те братья, кому был поручен надзор за вашими нуждами? Дерзнет ли кто-либо из вас обвинить служителей этой Общины в малой доброте к вам? Существует ли здесь уклад наказаний и взысканий? А между тем сколько раз каждый из вас провинился в грубости перед многими из братьев этой Общины, так самоотверженно обслуживающими вас. Перед тем как выйти из этой комнаты, поднимите ваши головы и взгляните мне в глаза.

Как только И. произнес эти слова, почти все головы поднялись и взгляды людей устремились к И. Я содрогнулся столько сарказма, злобы и даже ненависти прочел я в этих внезапно поднявшихся вверх глазах. И. На каждом лице остановил свой взор.

И точно волшебная ласка стирала на лицах под его пристальным взглядом их возбуждение. Выражение менялось, смягчалось, успокаиваясь, и по щекам некоторых покатились слезы, резко изменив весь облик людей.

Глаза же тех, кто сразу при нашем входе в трапезную впился в лицо И., и тех, кто встретил нас дружелюбно с самого начала, сейчас выражали полный восторг и мир.

Но три человека оставались склоненными к своим столам, и казалось, никакая сила не заставит их распрямиться, такое упрямство выражали их фигуры. К моему удивлению, одним из низко склонившихся оказался человек, напомнивший мне сходством Дартана. Он до этого момента все время сидел прямо и зорко наблюдал за каждым движением И. и за всеми нами. Но как только И. встал и начал говорить, он опустил голову и все ниже склонялся к столу, что при его колоссальном росте ему давалось плохо.

Две другие не поднявшие голов фигуры сидели также не особенно далеко и резко выделялись черной одеждой среди белых платков и платьев.

Меня уже давно поразило, что среди белых одежд за этими двумя столами сидело по черной фигуре.

Что касается человека, похожего на Дартана, то он был одет в нечто вроде рясы голубовато-дымчатого цвета и на груди его была крупная голова сфинкса, вырезанная из опала, висевшая на цепочке из мелких головок сфинкса такой же работы, как подаренная мне Дартаном цепочка, только все головки на его цепи были опаловые, чудесно переливались голубыми, дымчатыми, кроваво-красными огнями, очень красиво подходившими к его переливчатой рясе.

Я, пожалуй, понял теперь, что взгляды ненависти и вызова, которые он несколько раз бросил лично мне, относились не ко мне, а к моей цепи и пластинке. Нечто вроде мимолетного опасения за свое бессилие выполнить поручение Дартана снова мелькнуло во мне, но толчок от Натальи Владимировны вовремя вернул меня к сосредоточенности. Не знаю почему, но в памяти моей встала картина обеда у Строгановых в Константинополе, Браццано, борьба его с сэром Уоми и все последовавшее за нею. Мне показалось, что данный момент не только так же важен, но еще много серьезнее для И. и трех склоненных фигур. Я, стремительно собравшись весь в комок мольбы, воззвал к Флорентийцу и почувствовал Его мгновенный ответ. Мало того, я понял, что Андреева знает в эту минуту много больше моего, что она зовет Али, и я увидел Его высоченную фигуру рядом с И. и настоятелем, вставшим со своего места и благоговейно сложившим крестообразно руки на груди. Я отчетливо видел чудесное лицо Али, его прожигающие глаза, чувствовал необычайную силу, исходящую от него и наполнявшую весь зал его особенным магнетизмом; но я не был уверен, что все видели Его фигуру. И в то же время не сомневался, что все чувствовали присутствие особой силы, так как решительно все вытянулись в струнку, казались собранными в своем внимании, в подъеме и вдохновении, каких в них не было раньше.

Три склоненные фигуры, которым, казалось, уже нельзя было больше сторбиться, съезжились в сплошные комки, напоминая уродливые, огромные грибы, и закрыли головы полами своей одежды.

Улыбнувшись всем глядевшим на него теперь счастливым и радостным людям, И. сказал:

— Мои дорогие братья и сестры, мои любимые друзья, когда-то спасенные Светлым Братством через встречу со мной. В эту великую минуту совершился для вас поворот в вашей внешней судьбе — параллельно повороту в вашей внутренней жизни. Вы долго боролись с темными силами, которым когда-то послужили, долго не могли вырваться

из их власти. И не потому, что темная сила могла проникнуть сюда. Нет, сюда, в это защищенное, место, она проникнуть не могла. Но вы носили память о ней, как оттиск каленой печати в ваших сердцах. Вы не могли простить до конца тем лицемерам, что, прикрываясь дружбой и преданностью вам, использовали ваше простодушие для своих гнусных и даже ужасных целей. В эту минуту, окруженные любовью высоких Светлых Братьев, вы нашли силу не только простить им, но и благословить их, принять их несчастье как урок себе в свое доброе сердце, помолиться за них, и мгновенное озарение совершило чудо: вы стали радостными, а ставши радостными, нашли и новый путь к освобождению — творчество вашего сердца.

В эту минуту ни один из вас не сидит, вы встали, потому что сила радостной гармонии в вас подняла вас. Вы чувствуете, как все существо каждого из вас вбирает в себя новые вибрации силы, до сих пор недоступные вам. Вы испытываете счастье жить, вы ощущаете величайшую из радостей человека: невидимое единение Духа с видимыми формами окружающих людей. Вы много лет боролись и разыскивали тропу — каждый свою собственную, индивидуально неповторимую, к пути творчества или освобождения, и вот в единое мгновение совершился поворот вашей судьбы: вы нашли тропу и вошли в нее. Запомните навсегда тот покой, тот благодатный мир, какие наполняют вас в эти минуты. Эти минуты счастья и есть минуты полного самообладания, то есть в вас раскрылась и двинулась к действию ваша Любовь в себе. Теперь вы свободны Духом. А потому вы свободны и телами. Вы больше не нуждаетесь в тех внешних обстоятельствах, в которых вы жили здесь. Вас больше не надо защищать, теперь вы будете защищать всюду встречаемых. Вы свободны. Каждый из вас может выбрать себе любую форму внешней жизни в любом месте вселенной или оставаться здесь. Любая форма труда будет вам предоставлена и в любое место земли, в какое пожелаете, вы будете доставлены. Мой вам последний завет: где бы вы ни жили, каким бы трудом вы ни занимались, каких бы людей вы ни встречали, никогда не думайте, что тяжелые внешние обстоятельства давят и губят людей.

Врежьте себе в сознание, в сердце, в вечную и вечную память, что все внешние обстоятельства каждого человека, какие бы они ни были, как бы тяжелы они ни казались вам и самому поставленному в них человеку, все — повторяю — его обстоятельства защищают его вековую жизнь, а не подавляют или губят ее. Помните вечно о величии и ужасе человеческих путей, благословляйте их, не делая в них разницы. Ибо и те и другие отныне одинаково священны для вас. Примите благословение Любви,

посылаемое всем вам Светлым Братством, примите мир, радость и помощь его как привет вашей новой жизни и не забывайте: оно признало вас равными себе, и да не огорчат вас больше никакие отрицания ваших доблестей и талантов, никакое непризнание вас людьми да не нарушит вашей устойчивой гармонии. Будьте благословенны именем Светлого Братства — мир вам.

И. благословил всех и низко, касаясь земли рукой, поклонился всем.

— Идите, друзья и братья, радуйтесь счастьем возратить Жизни те дары и таланты, что Она дала вам в веках, и, очищенными, проносите не себя в талантах, но таланты в себе несите во все дела и встречи.

Глаза стоявших людей сияли, точно лампы. Казалось, им жаль было отрываться от сверкавшего красотой и мощью лица И. Медленно они поклонились ему и стали выходить из трапезной. Только сейчас я понял, что дверь в трапезной была одна, именно та, широкая, через которую мы вошли.

Люди выходили поодиночке, и каждый отдавал два поклона: настоятелю и нам всем, на который, вслед за И., мы все отвечали. Я видел, как рука Али благословляла каждого выходявшего, я слышал, как каждому Он говорил одно или несколько слов. Я понимал, что в этих словах Али определяет каждому предстоящий ему труд и место для его новой жизни. Но я понимал это духом, а не своей телесной формой. Мне казалось, что Флорентиец дает мне это понимание и приказывает передавать каждому Его благословение, Его такт и мир.

Трапезная пустела. Столы, где сидели согбенные фигуры и откуда братья-подавальщики бесшумно сняли посуду, передав ее через окошечки в левой стене в кухню, теперь блистали белизной и чистотой, мгновенно бесшумно вымытые братьями-столовниками. За этими блистающими пальмовыми столами, среди уже почти пустой трапезной, ярко залитой светом ламп внизу и светом из окон наверху, где, как я понял, были кельи братьев и сестер Общины, оставались только три фигуры.

Последний сияющий счастьем и радостью брат вышел, отдав свой поклон благоговения и любви. Я заметил теперь, что три фигуры вовсе не добровольно оставались сидеть, что они делают попытки выпрямиться, желают уйти вслед за остальными, но не могут этого сделать, как не мог несчастный карлик оторваться от пола в маленькой трапезной детей в Общине Али перед Франциском.

— Встаньте, несчастненькие, любимые детки мои, которых не смогло и не сумело выносить сердце мое, и в том вина моя, а не ваша, — раздался голос настоятеля. И был этот голос до того нежен и ласков, столько было в

нем любви и трогательной защиты, что слезы невольно покатались по моей щеке, и я воззвал всеми силами к божественному милосердию Флорентийца.

"Мужайся и твори действенную Любовь, только так могу помочь через тебя", — услышал я его дивный голос и устыдился своей слабости. Я мгновенно овладел собой.

— Не защитила и не раскрыла сердец ваших моя Любовь, и в том вина моя, а не ваша. Не приобщило вас к деятельности мира и радости усердие мое, и то вина моя, а не ваша. Я не сумел найти путей и приспособлений для вашего освобождения, я был вам примером слабым и малым, да будут небеса взыскательны ко мне, благи и милостивы к вам. Простите мне, родные мои, дети мои любимые, что я не смог, не сумел защитить вас, мне порученных. Да будет сердце мое века и века местом успокоения и защиты вам постольку, поскольку небеса, справедливые и чистые, могут утвердить нашу связь.

Голос настоятеля, весь его вид, весь шар Света, обвивавший его сейчас, точно огромный сноп огня, потрясали мой организм, через который, как я это четко сознавал, шла колоссальная сила Флорентийца, вливаясь в шар Раданды.

Я ясно видел, как в его шар лилась сила Али и еще несколько струй, огненных, алых и синих, образуя чудесную громадную пятиконечную звезду. Зрелище это было величественное и торжественное, ощущал я себя не только в великом храме, но точно силы Самой Жизни вошли сюда.

Неожиданно для меня Раданда, все держа руки скрещенными на груди, опустился на колени и поклонился в ноги трем сидящим фигурам. Я забыл обо всем, я точно вышел из тела и слился с огнем Флорентийца. Я видел не только тела фигур, я видел их горящие ауры и понимал разницу их трепетавших огней.

От великана с опалами шли бешено, зигзагами багровые, черные и грязно-серо-зеленые молнии, которые он направлял прямо в центр шара Раданды. Но огни, не достигая шара, катились обратно с удвоенной силой к сердцу и мозгу великана.

Вторая черная фигура, высылала, точно целое море змей, молнии, такие же багровые и черные, к ногам Раданды. Но и эти струи возвращались обратно, обвивая кольцами всю фигуру несчастного, должно быть, сильно от них страдавшего и задыхавшегося.

Последняя, более далекая фигура посылала нежные мольбы о прощении. Огненные линии, шедшие от нее, были испещрены черными и багровыми пятнами и кольцами. Я видел, что несчастное существо

старалось вылить из сердца остатки своей чистоты, благословляло старца, благодарило его за любовь и заботы и старалось встать. Но от двух других фигур летели к этому несчастному молнии багровых проклятий и приказаний, угроз и ужасных ругательств, мешавших ему высвободиться и разорвать горькую связь греха со своими поработителями.

— Встань, мой друг, — раздался голос И., вытянувшего руку по направлению к боровшейся фигуре.

Я увидел, как грязные молнии вернулись к своим хозяевам, заставив их обоих вздрогнуть, а третья фигура, мгновенно от них освобожденная, засветилась голубыми и розовыми тонами и легко встала. Вся укутанная, она вышла из-за стола и стала приближаться к Раданде, защищаемая от пламени своих врагов рукою И. Когда фигура подошла к Раданде, натянутый на ее лицо плащ упал, и перед нами предстала женщина, нестарая и красоты редкостной. Она чем-то, каким-то дальним и неуловимым сходством напомнила мне Лалию. В тот же миг я услышал заглушенный стон за собой и увидел упавшую ниц перед Радандой фигуру красавицы, все тело которой сотрясилось в рыданиях, среди которых она выкрикивала:

— Прости, святой отец, прости великой грешнице. Безумная любовь и ревность свели меня с ума, и я поддалась чарам этого ужасного человека. Но я не проклинаяю его больше. Да будут ему прощены мои страдания и проклятия, как ты прости нас всех.

Сказал ты, что на тебе грех наш. О нет, святой отец, на нас святость твоя, на нас печать Любви твоей, дающая нам надежду на спасение. К тебе же, святому, не может пристать ничто злое и грешное. Спаситель, заступник, помоги несчастному, сковавшему меня страшной клятвой. Пусть вся моя жизнь пойдет на труд для его спасения. Пусть любовь моя, над которой он так жестоко издевался, будет мостом к спасению. Не отвергай его, подай ему еще раз, в последний раз, благую руку помощи.

Женщина снова склонилась к ногам Раданды. В тот раздалось ужасное рычание, громадная фигура великана распрямилась, он сорвал с себя цепь, на которой висел сфинкс, и бросил ее, ловко рассчитав удар так, чтобы вся тяжесть цепи попала женщине в голову. По свисту в воздухе, который вызвала летящая цепь, я понял, что металл, соединявший длинный ряд головок сфинксов, был необычайно тяжел и что женщина будет неминуемо убита.

Рука И. протянулась навстречу летящей цепи, в воздухе мелькнула огненная молния, что-то треснуло, и я увидел цепь, ударившую по голове своего владельца. Он рухнул на пол, задел стол и опрокинул его на себя.

Длинный стол схоронил под собой его фигуру.

В тот же момент, когда И. остановил полет цепи, я почувствовал, как силой Флорентийца из моей пластинки, данной мне Дартаном, вылетело несколько желтых молний, соединившихся вокруг головы женщины, образуя венец.

Раданда склонился, поднял женщину, обнял ее, подозвал Лалию, Нину и Никито.

— Отведите ее. У привратника уже ждут носилки. Помогите отнести ее в больницу и оставайтесь при ней, пока я не приду. Она будет в беспамятстве, не смущайтесь этим. Я приду.

Раданда оглянулся, улыбнулся леди Бердран, поманил ее пальцем.

— Иди и ты с ними, Беляночка. Да и вы, друзья, помогите им, — обратился он к Бронскому и Игорю. — Там ваша помощь будет нужней и важней.

Я впервые увидел Герду за все это время. Она была бела как лилия и, несмотря на темный цвет волос, слово «Беляночка» как нельзя больше подходило к ней. Мне казалось, что она не дойдет даже до порога, не только до больницы, так была она хрупка, так слабы и неуверенны были ее движения. Когда она поравнялась с Али, я видел, как Он положил ей на голову свою чудесную руку, но я знал, что она не видела Его. От прикосновения руки Али она вздрогнула, но тотчас же выпрямилась, вся засветилась, на бледных щеках заиграл румянец, и Герда стала неотразимо хороша. Когда вся партия наших друзей вышла, уводя еле двигавшуюся красавицу, красоту которой можно было сравнить, пожалуй, только с красотой Марии Магдалины, на несколько минут в трапезной водворилась гробовая тишина. Я почувствовал, что Андреева собирает свое самообладание и все свои силы, и последовал ее примеру. Я весь ушел в молитву Флорентийцу о помощи несчастным, наступающий грозный момент жизни которых я предчувствовал. У меня снова сделалось такое ощущение, точно я вышел из тела, как некоторое время тому назад. Я не успел отдать себе отчета в этом, как увидел возле лежавшего на полу великана стоявшего Рассула. Я хотел точнее убедиться, что это именно он, как увидел еще одну новую сияющую фигуру, в которой без труда узнал Франциска.

— Мой бедный брат. Милосердие дает мне последнюю возможность еще раз обратиться к тебе с увещеваниями, — раздался снова, на этот раз полный мольбы, голос старца. — Встань, дружок. Убедись в бессилии злобы и лицемерия. Ты запуган своим грозным приятелем, но ведь ты видишь, к чему привела его строптивость.

Постепенно — от строптивости к гордости, от гордости к надменности и сарказму — он пришел к постоянному раздражению, отрицанию и злобе. Он завладел твоей волей.

Теперь он бессилен, лежит и не страшен тебе. Подойди к великому Учителю, не бойся. Ты еще можешь найти прощение, можешь трудиться, в труде очиститься и войти в великое Светлое человечество. Но поспеши, дитя мое несчастное. Мгновения идут, судьба твоя еще в твоих руках. Но ты у последней черты, поспеши.

Не успел отзвучать голос старца, как черная фигура резко выпрямилась, капюшон с головы был сброшен и перед нами появилось лицо... Хватит ли у меня умения описать это лицо? Чертами оно, пожалуй, было даже красиво. В раме черных, иссиня-черных волос бледное лицо, узкое, дерзкое. Вся фигура, тоже узкая, стройная, была нечеловечески тонка и, завернутая в какую-то плотно облегающую одежду, похожа на огромную змею больше, чем на человека. Глаза тоже были змеиные, узкие и ярко-желтые. Они поражали неприятным выражением со странным сочетанием угрюмости, дерзости, лживости и страха. Что этот человек был трусом и опасным злодеем, лицемером и лгуном, для меня не оставляло сомнения. Но почему он и великан были здесь, этого я понять не мог. Человек стоял молча, глаза его бегали от лица И. к лицу старца и обратно, точно ища лазейку, за которую ему было бы возможно зацениться. Мгновения все шли в полном молчании. Вдруг я увидел еще одну сияющую фигуру и чуть не вскрикнул от изумления, узнав в ней сэра Уоми.

— Подойди сюда, несчастный человек. Тебе в последний раз устами твоего доброго наставника предоставляется возможность выйти из кольца лжи и предательства, — раздался голос И. Человек, очевидно, хотел снова сесть, а не идти. По лицу его скользнула судорога, он извивался всем своим тонким телом, что еще больше подчеркивало его сходство со змеей.

И. пристально смотрел на него. Наконец он поднял руку и грозно сказал:

— Повинуйся.

Человек-змея задрожал с головы до ног, хотел накинуть на себя свою черную рясу, но руки его тряслись так, что он не смог сделать этого. Ряса упала у его ног, которые он с трудом высвободил, и стал медленно приближаться к нам. На лице его, бледном и раньше, теперь не оставалось никаких признаков жизни. Бледно-трупного цвета, оно было лишено всякого выражения, точно это была маска, вылепленная художником, но не одухотворенная. Ни единой мысли, ни даже признака страха, так незадолго отражавшегося на нем, — ничего не мог я уловить на этой маске. И шел он,

как автомат, точно все, что составляло суть его жизни несколько минут назад, сейчас покинуло его, оставив ему одну его скорлупу. Как ни медленно он шел, но все же настала минута, когда ему пришлось подойти к И. и встать перед ним.

Я увидел, как сияющие фигуры Франциска и сэра Уоми встали сзади несчастного человека, настоятель и И. стали рядом по обе стороны от них, образуя полукруг, а на их месте возвысилась огромная фигура Али, от которого потекла высокая стена огня. За спинами всех высоких братьев она образовала полный круг и подошла к Али с другой стороны, как бы горя за ним и в нем.

Я понял, что человек видит Али, видит огненную стену перед собой. Когда стена сомкнулась возле Али, человек точно проснулся. Ужас отразился на его лице, он пробовал несколько раз метнуться в сторону, но его что-то точно отбрасывало обратно.

— Стой спокойно, или ты сгоришь, — сказал ему Раданда. — Ты уже потерял все возможности выйти отсюда. Я предлагал тебе, вернее, я передавал тебе несколько минут тому назад зов Милосердия. Я предупреждал тебя, что то последний зов спасения. Но ты отверг мою помощь. Прими теперь свой час возмездия, будь мужествен и старайся найти в себе хотя бы самую крошечную долю милосердия, чтобы Великое Милосердие могло сохранить тебе человеческую стадию существования.

Невероятная злоба исказила лицо человека.

— Зачем я не задушил тебя, когда имел тысячу возможностей к этому, — прошипел он в ответ Раданде. — Подумать только, что эта глупая предательница, которую ты отправил в больницу, украла мой талисман; и я попался в твои лапы, тогда как помощь мне могла бы теперь идти со всех сторон.

— Твой талисман болтается на твоём поясе, несчастный, — раздался голос Али.

Если бы я не видел, как шевелились уста Али, я не понял бы, что это говорит он.

Голос его был похож на гром небесный, а не на властный, но ласковый голос дивного Али, приветствовавшего всегда каждого человека так невыразимо внимательно, что каждому, к кому он обращался, казалось, что именно его ждал Али, что именно ему хотел помочь.

— Если я не введу тебя сейчас же внутрь защитной горячей стены Светлых Сил, твои, как ты полагаешь Друзья, а на самом деле твои злейшие и беспощадные враги настигнут тебя. И ты навеки очутишься в их власти. И никакое самоотвержение и мольба твоего усердного защитника

Раданды не помогут тебе. Ты будешь выведен за стены Общины и там примешь путь вечной муки в кругу темных сил. Муки твои будут удесят�яться воспоминанием о жизни здесь, где тебе — поверив им мольбам и клятвам, забыв о моем предупреждении о тебе — предоставил возможность спастись Раданда, Он взял на себя великий подвиг любви, он был уверен, что любовь его поможет тебе проснуться к Истине.

Но ты, лицемерно обманывая его, ткал грязное дело разложения каждой души, к которой подходил. Благодаря святой чистоте Раданды, носившего тебя много лет в сердце, теперь перед тобой последний выбор, ты у последней черты. Спаянные великой любовью, мы пришли, чтобы подвиг твоего защитника не пропал даром.

Милосердие моими устами предлагает тебе: или войди, моею силой и волей введенный, внутрь защитной стены — и тогда, принеся полное покаяние, простив всем и прощенный сам до конца, ты умрешь как эта жалкая оболочка и войдешь в великий поток Жизни, начав свои новые воплощения очищенным Вечностью. Или ты будешь выведен за стены Общины и попадешь в руки своих бывших сотрудников, давно тобою недовольных. Выбирай. Еще несколько мгновений мы можем предоставить тебе выбор, ибо любовь Раданды соткала тебе мост, остатки которого, уже еле держащиеся, еще могут простоять короткие мгновения. Когда мгновения эти истекут, ты будешь выведен за стены Общины, и там совершится твоя судьба.

Наглое бешенство, с которым слушал вначале слова Али змееподобный человек, теперь сменилось на его лице такими отчаянием и ужасом, слов для описания которых я не подберу. Оно снова превратилось в маску, совершенно мертвую. Мне казалось, что ничто — ни мысли, ни чувства — не работает больше в нем, что он даже и решения никакого принять не может, так парализовал его ужас. Но я ошибся.

Руки человека стали судорожно шарить вокруг пояса, где, как Али сказал ему, застряли его талисманы. Он, наконец, нащупал один, хотел поднять его вверх, но рука его выронила талисман — я не мог разобрать, что это была за вещь, — он упал на каменный пол трапезной и разбился на мельчайшие кусочки. Человек издал стон, но не принял никакого решения.

— Мгновения истекают. Враги твои у стен Общины. А защитная стена становится так высока и широка, что ни мне одному, ни всем нам вместе будет скоро не по силам спасти тебя внутри ее. Спеши, выбирай. Не жди третьего зова, его не будет.

Голос Али звучал ласково, но твердо. Я увидел, что огненная стена уже достигла ушей Али и быстро поднималась вверх. Я взмолился всей мощью

любви, какая была мне только доступна, Флорентийцу и просил его помочь несчастному понять, что решается его вечная судьба, а не судьба его временных несчастных оболочек, в которых он согрешил. Я увидел, что Раданда протянул в мольбе свои руки к Франциску, что Франциск повернулся лицом к несчастному, облил его любовью своих глаз, улыбнулся ему своей улыбкой божественной доброты и протянул ему обе свои руки.

Раздался крик, какого я еще в жизни не слышал, не предполагал, что так может кричать человеческое существо, и дай Бог никому не слышать в жизни подобного вопля. Это был не крик, а целая гамма, целый аккорд чувств, мыслей, и переживаний человека. Это была вся жизнь, о которой можно было бы написать целую книгу. Я прочел в этом вопле, что впервые взгляд Франциска достиг сердца этого несчастного человека. Я прочел, как дрогнуло все злое, налипшее на этом сердце, как раскаяние и сожаление вырвались бурными волнами из сердца человека. Я видел уже не мольбу, не борьбу, но полное понимание, что смерть в огненной стене остается единственной защитой.

Человек схватил руки Франциска. Я знал огромную силу этих рук и был поражен: под тяжестью человека Франциск согнулся и не мог поднять его, чтобы ввести внутрь стены. Я не успел броситься к нему. Как молния, Али очутился там и, как молния, перебросил человека внутрь стены. Я думал, что человек упал и разбился, такой бурей силы показалось мне движение Али. Но на самом деле я увидел, как руки Али осторожно поставили человека в центре круга. Теперь он дышал сильно и учащенно, точно бежал по лестнице. На лице его играла краска, уста улыбались, он смотрел на Раданду и говорил:

— Прости, я ненавижу не тебя, но свою собственную слабость. Я хотел быть добрым, ценил твою святость, но зависть к тебе бросала меня от зла к злу. Я понимал твою искренность, но нарочно взвинчивал себя на отрицание твоей доброты.

О, какое счастье, какую легкость я испытываю сейчас! Впервые я знаю, что такое радость. Какими словами мне благодарить всех вас за то просветление, в каком сейчас умираю. Примите мою благодарность. Я прощаю моим врагам, как вы простили меня.

Он хотел сказать еще что-то, но схватился за сердце и упал к ногам Раданды. На лице старца играла улыбка счастья, глаза его были устремлены на лицо лежавшего человека с выражением такой любви, точно это было самое дорогое его дитя.

Стена продолжала гореть, теперь поднявшись до самого потолка. Цвет ее был уже не огненно-красный, она переливалась всеми цветами радуги с

преобладанием голубых и розовых тонов.

— Левушка, — услышал я голос И. — Выйди к привратнику и скажи ему впустить братьев с носилками. Приказ передай именем настоятеля.

Минуту назад мне казалось, что я не в силах владеть своим телом, что я даже двинуться не могу с места. Сейчас же, получив приказание И., я совершенно легко вышел из трапезной и, дойдя до привратничьей, услышал разговор Мулги с кем-то, кого он не пропускал во дворик. Я передал ему приказание Раданды относительно носилок, он поклонился мне и сказал:

— Не удивляйся, брат, что я повысил голос в эту минуту. Но весь вечер ко мне приходили люди, прибегали даже от ворот, требуя, чтобы я пропустил каких-то вновь прибывших. Помня приказ настоятеля, я никого не впускал, хотя некоторые, вот только сейчас, угрожали мне чуть не смертью. Заслышав твои шаги, они быстро скрылись во тьме, а подошли вот эти братья с носилками, которые ты требуешь.

Он открыл ворота, и четыре брата в белых одеждах прошли из темноты сада в освещенный дворик. Я провел их в трапезную, где картина теперь была совсем другая. Раданда стоял на коленях подле головы умершего, произнося какую-то молитву, и рядом с ним, тоже на коленях, стояла Андреева. Огненной, сиявшей стены уже не было вокруг них, но на месте упавшего стола, точно плотная завеса тумана, переливалось и дрожало разноцветное облако. Раданда поднялся с колен, поднял Андрееву и обратился к братьям:

— Унесите бедного, внезапно почившего брата. Умойте его, оденьте в белые одежды и поставьте в мою часовню. Молитесь о нем так, как вы хотели бы, чтобы молились о вас.

Благословив тело покойного и всех его уносивших, Раданда повернулся к нам с Андреевой:

— Дети мои, гости мои дорогие. Не думайте никогда о встречном человеке как о постороннем вам. Но запомните все, чему вы были и будете свидетелями здесь.

Знайτε твердо: до последнего момента надо верить и надеяться пробудить в человеке его святая святых. До последних сил сердца надо молить Жизнь о помощи заблуждающемуся, заблудившемуся или оступившемуся брату, ибо в каждом живет Она, а для Ее пробуждения нет ни законов логики человеческой, ни законов времени человеческого. Источайте в полном забвении себя, как вы это делали сегодня здесь, и дальше ваши любовь и доброту. Какими бы слабыми и маленькими вы ни считали себя по сравнению с великими братьями, знайте, что самая малая

Частица доброты, идущая для утверждения радости и помощи, необычайно важна в труде Светлых Братьев. Мужайтесь, и помощь ваша сейчас будет еще нужнее и важнее, чем была час назад.

Он улыбнулся нам с особенной, ему одному свойственной снисходительной ласковостью, взял каждого из нас за руку и повел по направлению к туманному облаку. Облако теперь тоже изменило свой вид: стало прозрачным, и по всем направлениям в нем летали рубиновые звездочки. Звездочки то складывались в причудливые фигуры, то вытягивались как бы в ряды строчек. Зрелище было очаровательное. Но я понял, что это не только зрелище, но что это надписи, которые я не умел прочесть, Андреева их читала четко, быстро и точно. Теперь наши роли переменялись — не я мог помочь ей, а она мне.

Подведя нас к самому облаку, старец остановился, еще раз нам улыбнулся и, обращаясь к Андреевой, сказал:

— Помоги младшему брату разобрать язык огня, как он помогал тебе сдерживать огонь твоего сердца. Подождите оба здесь, вас позовут, когда будет можно. — Он оставил нас и скрылся за облаком, которое вблизи было гораздо плотнее, чем казалось издали.

— Слушайте, Левушка, я читаю знаки огня, — сказала мне Наталья Владимировна: "Перед великими моментами рождения и смерти нет ничьей власти, кроме власти самого человека. Нет и предела, положенного извне, для часа смерти. Нет силы, выбрасывающей обратно в мир земли дух человека. Закономерным движением действий самого живущего на земле или в иных планах совершается воплощение или развоплощение.

Природа телесных или духовных материй каждого идет по кругам того труда, что сам человек выстроил в веках. Нет внезапных переходов, какими воспринимают люди события земных жизней, проходящих перед их глазами. Все течет закономерно по кругам, а не по ломаным линиям. Но только знающему открывается полный Свет, в котором он видит все звенья своего и чужих путей.

Величие и. смысл жизни и смерти не в видимых телесными очами фактах состоит, но в силе тех взрывов любви, что может человек из себя источить или в себя вобрать".

Рубиновые звездочки перестали кружиться. Мы стояли молча, исполненные благоговения, думая о том огромном человеке, что лежал за облаком. Мы старались вылить из себя всю любовь, какая жила в нас, ему в помощь.

Время как бы перестало для меня существовать. Я ощущал снова полное блаженство, радостное состояние. Близкое присутствие

Флорентийца настолько сливалось со всем моим существом, что я не мог различить, где был «я» и где "не я". Я весь слился с моим обожаемым другом. Не испытанное еще ни разу мною мужество охватило меня.

Уверенность и радость, что я буду в силах пролить помощь Флорентийца так, как Он этого захочет, ввели меня в круг полного спокойствия. Я понял на деле, что значат слова: "забыть о себе и думать о других". И не менее ясно понял я, что такое «освобожденность». Ничто личное не давило на меня. Я был совершенно свободен от всякого личного восприятия текущих событий, я видел и понимал по-новому жизненные пути человечества.

Я не удивлялся и не сравнивал откровения этой ночи ни с какими событиями, свидетелем которых я был раньше. Я благоговел перед новыми, открывшимися мне страницами труда высоких Светлых Братьев и радостно присоединял все свои силы к их труду. И. подошел к нам. Облако рассеялось совсем. Картина за ним резко изменилась в сравнении с той, которую мы запомнили вначале. Огромный, похожий на Дартана человек не лежал теперь на полу, а стоял рядом с Рассулом, присутствия которого я не мог себе объяснить, простившись с ним так недавно в пустыне.

Дартан держал в руках тяжелую цепь человека и пристально смотрел в глаза своему двойнику.

Видя их обоих рядом, я еще раз убедился в их разительном сходстве, только второй был чуть поменьше и волосы его были темные. Несомненно, это были близнецы. Но я понял, почему мне показалось сначала, что человек этот только напоминал Дартана.

Выражение лица и возбуждение во всей фигуре, бешеное движение глаз и мускулов лица очень нарушали сходство с Дартаном, лицо которого в первые минуты знакомства показалось мне каменным. Когда же я присмотрелся к нему, то увидел, что оно хранит твердое спокойствие и Печаль. Из Великих Братьев теперь я видел только Али, Раданду и Флорентийца. И. подвел нас ближе к группе и поставил между Али и собой.

— Друг мой, мой бедный брат, — снова заговорил Раданда. — Я всем сердцем прощаю тебе все то оскорбительное, что ты говорил здесь обо мне. Ты не повинен в том, что не можешь видеть иначе, потому что страсти заполонили тебя и закрыли твои глаза духа. А разве может понимать что-либо человек, если смотрит на дела и вещи одними телесными глазами? Все, все я прощаю тебе и молю Великую Мать и всех Ее служителей защитить и помиловать тебя от всех печальных последствий, что ты пробудил и вызвал к жизни за годы пребывания здесь. Не ты виновен, что я

был слаб и допустил своею излишней добротой разлад в тебе. Я должен был своею строгостью защитить тебя и помочь тебе внешней дисциплиной, раз я видел, что ты не способен достичь внутренней самодисциплины. Я же все верил и надеялся, что, живя в полной свободе, в атмосфере мира и любви, ты найдешь путь к самодисциплине легче и проще. Я ошибся и не выполнил приказания Али быть с тобой строгим. Я виновен. Да будет твой грех на мне перед лицом Великой Жизни. Я ответствен за то, что не нашел нужного тебе приспособления в жизни дня. Ты был мне поручен, и я не сумел быть тебе пастырем добрым. Прости, будь снисходителен и милосерд, сын мой.

Лицо человека выражало сарказм, он, видимо, не верил ни единому слову настоятеля, ядовито улыбался, но молчал.

— Брат мой, мой несчастный Беньяжан, не в первый раз, а в третий стоишь ты перед Белыми Силами и вступаешь с ними в борьбу, — заговорил Рассул. — Первые два раза я мог спасти тебя, мог поручиться за тебя перед Белым Братством, которое укрыло тебя здесь, предоставив тебе все возможности к труду и деятельности, какие ты хотел бы избрать себе по вкусу и склонностям. Но, окруженный доверием и любовью, ты занимался тем, что искал недостатки в окружающих. Перечисляя их пятна, ты обманом ввел сюда свою несчастную жену и мертвого теперь своего друга, которых ты сделал предателями, ворами и рабами своими. Я не буду перечислять все твои гнусные поступки здесь, ты их сам хорошо знаешь. Скажу тебе только одно: бессилен в этот третий раз помочь тебе, больше не могу взять тебя на поруки. Ты можешь надеяться лишь на милосердие Раданды и И., можешь рассчитывать только на собственные силы. В последний раз я, грешный Рассул, могу еще умолить великое Светлое Братство об одном: защитить тебя от темных сил после смерти, предоставив тебе такой угол на земле, где бы ты в непрерывном труде и суровой дисциплине мог приготовить свой дух к смерти в чистоте сердца и мире, ибо иначе никакие силы Света не смогут вырвать тебя из вековой власти злых. Нет для тебя свободного выхода отсюда, как ты об этом мечтаешь, не потому, что тебя кто-либо здесь держит. Нет, твои вечные раздражение и злоба, осуждение и лицемерие парализовали сейчас твои руки и ноги. Ты не можешь ни с места двинуться, ни взять руками этой дивной цепи, которую ты запяtnал злодеяниями и кровью. Выбирай сам свою судьбу.

Или ты поедешь в тайную Общину, спасенный в последний раз Милосердием. Там будешь вылечен и пригодишься долгими годами тяжелого труда к чистой смерти, как я тебе уже сказал. Или...

Дартан умолк на минуту, лицо его стало символом печали, по темной щеке медленно скатилась крупная слеза. Он ее смахнул и продолжал голосом таким слабым, нежным и скорбным, услышать который от великана я не ожидал. Мне казалось, что мощи этого великана и предела нет.

— Или ты умрешь здесь, сейчас, и темные силы завладеют твоим духом. Ты сам хорошо знаешь, что это значит.

Дартан умолк, и гробовая тишина в трапезной нарушалась только тяжким, свистящим дыханием Беньяжана. Он стоял неподвижно, точно статуя, и всю его борьбу отражало только лицо. При всем мужестве, которое я ощущал в сердце, я пал на колени и молил Флорентийца, самого милосердного из всех милосердных, спасти, ободрить, поспешить на помощь к несчастному.

Я увидел божественно прекрасный образ моего великого друга рядом с Беньяжаном.

Он взял одну его, лишенную движения руку, и положил ее ему на сердце, поддерживая ее своей чудесной рукой. Другой своей рукой он положил вторую руку страдальца ему на лоб.

— Взгляни на стены. Там ясно видна картина, что ждет тебя, если умрешь сейчас.

Колоссальная фигура Беньяжана вся задрожала, из горла его вырвался хрип, и, если бы сила Флорентийца его не поддержала, он рухнул бы снова на пол.

— Не медли, — сказал Али. — Еще минута, и милосерднейший брат Флорентиец не сможет спасти тебя. Решай! Еще одна судорога потрясла тело несчастного, еще один раз, показалось мне, он увидел что-то ужасное, и он выдавил из себя хрип:

— Я согласен ехать в тайную Общину.

Рассул пододвинул брату скамью и с помощью Флорентийца усадил его. Флорентиец выпустил руки несчастного из своих, и они рухнули, бессильно повиснув до самого пола. Но руку свою на голове Беньяжана он оставил, и под влиянием силы Флорентийца лицо страдальца приняло спокойное выражение, глаза перестали бегать и дыхание стало легче.

— Тебе, нарушителю покоя всюду, где ты ни селился, дает Великая Жизнь в последний раз Свою защиту: ты будешь немым и глухим до тех пор, пока в сердце своем не найдешь добрых и чистых сил, пока в сознании твоём не возродятся благородные мысли, пока труд твой не станет полезен другим людям, к которым станешь доброжелателем сам. Постепенно, как только будет светлеть дух твой, начнут возвращаться к тебе речь и слух, —

заговорил снова Али, и голос его походил на гром.

— Встань, найди силы выйти отсюда, сесть на мехари и доехать до нового места жизни. Помни, все время помни картину, что показал тебе Флорентиец, и да поможет она тебе выбраться на светлую тропу. Не бойся, тебя довезет надежный конвой, и в новом месте тебя никто преследовать не будет. Живи, мною благословленный, призывай имя мое в минуты невыносимого разлада, и я разделю бремя твоё, облегчу тяжесть твоих страданий.

Али благословил Беньяжана и сказал Рассулу: — Надень на шею брата твоего его прекрасную цепь. Ты испортил ее, — обратился он к Беньяжану. — Она принадлежала великому, радостному существу, гармония которого была устойчива и помогала Светлому Братству передавать его энергию земле. Ты украл цепь у своего брата, но, видишь сам, она потеряла свои могучие свойства, а камни — прежде желтые — стали похожи на опалы. Чем больше ты грешил, тем больше менялись камни, походя на слезы, дрожащие под лучами солнца и переливающиеся всеми цветами радуги. По цвету этих камней сможешь судить, близишься ли ты к освобождению. С каждым малейшим поворотом к доброте и высокой мысли к камням будет возвращаться их прежний прекрасный желтый цвет. Левушка, возьми мой плащ и укутай им Беньяжана, — закончил свои слова Али, протягивая мне свой белый плащ.

Я выполнил приказание Али с большим трудом. Плащ его точно жег мне руки и казался таким тяжелым и огромным, что я еле мог накинуть его на плечи Беньяжану, для чего мне пришлось встать на скамейку. Когда я возвратился на свое место, весь обливаясь потом, точно я таскал камни, то едва мог стоять, так дрожали мои ноги и стучало в голове.

— Ясса, — услышал я опять четкий и сильный, уже не громоподобный голос Али. — Ты поедешь начальником конвоя и отвезешь в тайную Общину этого человека. Возьми десяток братьев и поезжай немедленно. Люди уже ждут у ворот. Возьми за руку этого великана и все время в пути будь рядом с ним. Укутай его хорошо в мой плащ и, когда приедешь в Общину, сдай порученного тебе настоятелю, брось мой плащ в костер, отдохни сутки и возвращайся со всем конвоем обратно. Обратно иди через скалы в пустыне и через маленький оазис черных людей.

Маленький Ясса казался игрушечным возле Беньяжана. Он взял его висевшую беспомощно руку, обернул плотно плащом громадную фигуру и пошел к двери, уводя за руку автоматически двигавшегося за ним великана, тяжело ступавшего, точно шла рота солдат.

Это были страшные минуты. Мне казалось, что тяжелые шаги человека

были прообразом тех лет муки и искупления, на которые он себя обрек.

— Подойдите ко мне, — услышал я голос Али, но не понял, что он относится ко мне и Андреевой.

Я почувствовал, что она взяла меня за руку, повернулся к ней и обомлел. Лицо сверкающей силы, уверенности, светлой доброты, с глазами, метавшими молнии Света, смотрело на меня. Наталья Владимировна ласково улыбнулась мне и потянула меня за собой. Я снова почувствовал, что она мне близка, ближе чего быть невозможно, мать и сестра. Если бы она вела меня в пустыню, а не к Али, я шел бы за ней всюду в полном доверии и радости.

Мы опустились на колени перед Али, но он ласково поднял нас, сел на скамью и посадил нас по обе стороны от себя. Я осмотрелся кругом и увидел, что в трапезной никого, кроме Али и И., Натальи Владимировны и меня. Я не успел удивиться, как заговорил Али:

— Теперь ты поняла, мой друг, почему я не вводил тебя в эту Общину и какую часть труда моего ты могла разделить только теперь. Все, что открылось тебе здесь, открылось только тебе одной, об этом помни. Если при встречах дня почувствуешь, что можешь, — действуй. Но никогда превышай сил. И где указана граница — не переступай ее никогда. Учись понимать, что вместо помощи, рассчитывая на свои силы, на свои благие намерения, внесешь лишние бедствия и страдания в мир всегда, если выйдешь за рамки, указанные тебе. Переходи быстро в новое знание, ибо мир не ждет. Тебе надо ехать и выполнить свою миссию в нем.

Али обнял Наталью Владимировну, она точно утонула в его снопе огня, который так ослепил меня, что я должен был закрыться от него руками. Я почувствовал, что И. нежно обнял меня, и услышал голос Али, обращенный ко мне:

— Когда ты гулял со мною в парке, я указал тебе на группы розовых магнолий и черных кленов. Я говорил тебе, что люди несут в ожерелье Матери Жизни розовые или черные жемчужины. Будь благословен, счастливый человек, кому великий Свет определил нести в мир розовые жемчужины радости. Иди, мой друг, будь благословен и рассыпай людям драгоценные перлы своего таланта. Как бы ни казалось тебе, что знаешь мало, неси слово свое, ибо то всегда будет слово Светлого Братства.

Али потянул меня к себе, я точно лишился чувств на мгновение, невыразимое блаженство охватило меня...

Я очнулся на руках И., который вносил меня в мою комнату нашего дома.

Глава 19

Первый завтрак в новой столовой. Щкола. Я передаю письмо Франциска матери больного ребенка. Помощь И. в моем знакомстве со скитом трудных строптивцев. Старец Старанда и встреча с ним

Несмотря на то, что я пришел в себя еще на руках И., я не помнил, как заснул, как миновала ночь. Я проснулся утром от каких-то непривычных мне звуков и толчков.

Несколько минут я не мог прийти в себя от изумления, увидев себя в совсем незнакомой комнате. Наконец с трудом сообразил, что я в дальней Общине, что звуки, неожиданно для меня новые, — гудящие удары большого колокола, а толчки — усердное торможение меня моим дорогим Эта.

Птичка явно беспокоилась, перебегала от моей кровати — узенькой деревянной койки с натянутым куском грубого холста, без матраса — к дверям И., как бы желая дать мне понять, что мне пора туда заглянуть. Я быстро вскочил, в одно мгновение четко вспомнил все происходившее прошлой ночью. Должно быть, мой физический организм был еще недостаточно закален, так как я чувствовал слабость, неуверенность в равновесии и ощущал даже нечто вроде легкой тошноты. Как мне не доставало моей доброй и ласковой няньки, моего чудного Яссы, который, конечно, привел бы меня к полному выздоровлению через полчаса своим чудодейственным массажем в воде.

С некоторым напряжением я стал соображать, чем прежде всего начать мне свой день, как вспомнил, что я келейник и секретарь. Не решаясь войти к И. неумытым и плохо одетым, я схватил полотенце и хотел бежать в душ, как дверь комнаты И. открылась и в ней показался он сам, сияющий, мощный, в белой одежде, которая, как и он сам, показалась мне блистающей. Никаких следов утомления или болезненности не было в его лице. Он был юн, прекрасен и ласков, как всегда.

— Что, мой дружок, тебе неможется?

— Что мне неможется — это верно, мой дорогой И., но это пустяки, — ответил я. — А то, что я келейник-секретарь, проспал и встал позже своего господина, вот это я уже проштрафился. Простите, Учитель, я постараюсь в будущем быть усердным слугой. В это утро я еле сообразил, где я. Но что значит гудение колокола? Я принял было его за удар гонга. Имеет ли это

гудение какое-нибудь отношение к моим обязанностям?

— Колокол ударит тридцать раз, и это будет равно получасу времени. За эти полчаса, все обитатели Общины должны привести себя и свои кельи в полный порядок и с последним ударом направиться к трапезной для участия в первой общей еде. Но не к той трапезной, где мы ужинали вчера. Там собираются только для обеда и последней еды. Завтракают же и полдничают здесь в нескольких столовых. Вся Община разбита на много отдельных участков, и в каждом из них своя утренняя столовая. Беги в душ, возвращайся обратно, приberi обе наши комнаты, надень чистое платье и тогда обойди всех в нашем доме. Оповести каждого, чтобы через десять минут все были в сборе у крыльца. Я сам поведу вас в столовую нашего участка и там познакомлю с начальником нашего участка.

И. ушел к себе, я же побежал с Эта в ванную. У меня был большой соблазн переставить несколько порядок данных мне поручений. Я опасался, что все наши друзья, так же как и я, не знают распорядка дня в новом месте и могут опоздать привести себя в порядок к указанному сроку. Но приказания И. были для меня законом любви, и я не решился внести в них никакой отсебятины.

Возвращаясь из ванной и торопясь к себе, я натолкнулся на Андрееву, которая вместе с леди Бердран возвращалась с утренней прогулки с букетами цветов. Я удивился свежему виду обеих женщин, отсутствию всякой усталости на их лицах.

Поздоровавшись с ними, я постарался как можно скорее убежать. Но мне показалось, что зоркие глаза Натальи Владимировны, так много подмечавшие, подметили и мою усталость, и мое общее недомогание.

Когда я возвратился к себе и, быстро убрав свою комнату, постучался к И., я увидел его за письменным столом, углубленным в какую-то работу. Стараясь как можно бесшумнее двигаться, я убрал его комнату, в которой, кстати сказать, и убирать-то было нечего, так все в ней было блестяще чисто. К моему удивлению, в комнатах совсем не было пыли, к которой я испытывал нечто вроде ненависти и убирать которую терпеть не мог. Справившись с задачей уборки, я тщательно оделся и помчался оповещать всех о месте и сроке сбора.

Как я и предполагал, некоторые из друзей еще благословенно спали и приказ И. был для них словно гром и молния. Особенно огорчился Бронский, не умевший ни в чем торопиться. Игорю всячески ему помогал и уверял, что они успеют вовремя быть на крылечке.

Обежав оба этажа, я еще раз пригладил свои непокорные кудри перед небольшим зеркальцем в коридоре, проверил все свои завязки и вышел на

крыльцо первым, ожидая сбора всех обитателей домика. Я чувствовал себя ответственным за опоздание моих друзей, но, вместе с тем, не знал, как и чем помочь. Слава Богу, Бронский и Игору пронесли бурей обратно из ванной, и сердцу моему стало спокойнее. Вдруг Эта сорвался с места и радостным криком помчался за угол дома.

Я не понял, куда и зачем он убежал, но через минуту увидел его на плече у Никито, позади которого шли Лалия, Нина и Терезита. Обрадовавшись неожиданному свиданию с ними, я не заметил, в каком порядке собрались все друзья нашего отряда, но к последнему удару колокола, когда в дверях показался И., все были в сборе.

— В трапезной, куда мы сейчас пойдем, разговаривать нельзя, как и в большой трапезной. Входите туда, радостно думая об окружающих вас людях. Не несите в сердцах сострадательного смущения. Несите радость утверждения, уверенности, что Жизнь защищает живущих здесь людей, давая им все возможности достичь совершенства именно в тех обстоятельствах, какие необходимы им. Какими бы трудными и тяжелыми ни показались эти обстоятельства вам, не по себе меряйте, но по любви сердца ищите прозрения в вечные пути людей. В этих внешних условиях лежит вся забота тружеников Вечного Милосердия о каждом человеке. Старайтесь не умом раскидывать, что из обстоятельств здесь Вы хотели бы облегчить, выкинуть, изменить. Но вдумайтесь глубже в слова Франциска, что такое добрый человек, и действуйте, любя и побеждая, в соответствии с этим понятием. Живите в невидимом Вечном и несите привет сердца Ему в видимых формах мелькающего перед вами «сейчас».

Едва закончил И. свои слова, как к крылечку подошел брат, довольно пожилой, в белой одежде, и поклонился, коснувшись земли рукой.

— Мой настоятель шлет тебе, Учитель, привет любви и мира. Благоволи следовать за мной. Я прислан проводить тебя и твоих друзей к утреннему завтраку, который ты обещал, оказав нам честь, разделить с нами.

Лицо этого брата, как и его голос, показались мне примечательными. Он улыбался, а мне казалось, чему хочется плакать. Он говорил о самой простой вещи, хотел быть любезным, а в звуках его голоса слышалась какая-то трагедия, точно сердце его разрывалось от боли. Я взглянул на Бронского и увидел на его лице не только напряженное внимание и удивление, но даже полное забвение всего окружающего, так впился он сердцем и глазами в говорившего брата. Взгляд И. скользнул по фигуре артиста, и он еще раз громко сказал:

— Помните о том, что я только что вам говорил.

И. отдал поклон присланному брату.

— Спасибо за привет, друг. Спасибо за то, что ты побеспокоился прийти за нами. Веди, друг, мы за тобою следуем.

Брат еще раз поклонился нам и пошел вперед, прямо по аллее. Шли мы довольно долго. Я все больше поражался размерам Общины. Она действительно была громадна.

А сад походил больше на лес, чем на сад, хотя цветов в нем было очень много. Мы шли по густым аллеям, часто пересекали горбатые мостики над ручейками, не встречая людей.

Но вот вдаль мы увидели лужайку и за нею длинный одноэтажный дом, как мне показалось, без стен. Когда мы подошли ближе, я увидел, что стены были из стекла, очень тонкого и прозрачного, вправленного в узкие белые полосы дерева и образовывавшего нечто вроде больших рам. Я не понимал, как могло держаться столько стекла в таких тонких переплетах, но раздумывать было некогда. Подойдя еще ближе к прозрачному домику, я заметил много-много фигур, двигавшихся с разных сторон к столовой. Когда мы подошли совсем близко, из дверей ее вышел навстречу нам высокий человек в черной монашеской одежде, с четками на руке и с большим серебряным крестом на груди. Он был молод. Каштановые, слегка рыжеватые волосы падали красивыми волнами и локонами до плеч. При очень стройной фигуре походка у него была ковыляющей, так как одна его нога была короче другой. Он улыбался И. во весь рот, обнажая прекрасные белые зубы. Низко кланяясь И., он сказал:

— Какое счастье для нас, дорогой Учитель, что ты приехал к нам и что именно в этот день ты войдешь в столовую моего участка. Будь благословен. Ты, конечно, не можешь помнить всех дат и обстоятельств, когда, где и как ты спасал людей, такую бездну ты их спас. Но я, как и каждый, помню день своего спасения, благословляю встречу с тобой и счастлив приветствовать тебя на том деле, которое ты приказал мне выполнять. Добро пожаловать, — обратился он к нам, окинув всех нас приветливым взглядом и кланяясь нам.

И. обнял монаха. Я заметил, что руки его красивой формы, но грубы от физической работы, покрыты мозолями и ссадинами.

— Мир тебе, брат мой Всеволод. Светлое Братство прислало меня к тебе с приветом и уполномочило сказать, что срок твоего пребывания здесь окончен. Ты уедешь отсюда со мной. Мир нуждается в радостных лугах. Ты созрел как деятель. Пора тебе послужить человечеству среди страстей и суеты.

Лицо Всеволода точно засветилось изнутри, глаза его засияли, и он тихо

ответил:

— Так пойду, как поведешь. Но не скрою некоторой печали расставания с теми несчастными твоими детьми, что ты мне здесь поручил. В самом начале тяготился я тяжелым трудом. Но теперь уже давно все понял, принял и благословил. Я думал здесь окончить свои дни. Но, да будет воля твоя и пославших тебя.

Он еще раз поклонился и ввел нас в зал — стеклянную галерею. Усадив нас за стол, во главе которого сел И., он сел рядом с ним, и только тогда многочисленные, раньше нас вошедшие в столовую люди опустились на скамьи у своих столов. По знаку Всеволода десять сестер и братьев, несших свое дежурство для всего участка, стали подавать еду на все столы сразу. Я сосчитал, что длинных узких столов, точно таких же, как столы в большой трапезной, было пять. Стол, за которым сидели мы с Всеволодом, стоял так же первым у входа, как стол Раданды в большой трапезной. С места Всеволода все сидевшие в столовой были ему видны так же, как с места Раданды. В этом зале, как я уже сказал, больше всего походившем на галерею, было много стекла. Стекла, обрамленные узкими полосками дерева, создавали иллюзию, что сидишь на палубе корабля, так были они прозрачно чисты и так широка была видимая панорама.

С первого мгновения, как только я очнулся от новизны впечатления, меня окружила радость. Без всякого напряжения, легко, просто, весело я слился с эманациями, которыми была наполнена комната, и сразу же почувствовал, как из моего сердца льется и им же втягивается волна доброты и действенной энергии. Мне так и хотелось обнять всех сидевших за столами и поблагодарить их за то доброжелательство, с каким они нас встретили. Ни с чем не мог я сравнить этого приема. Все молчали. Но каждый из нас был счастлив и сознавал себя братом, родным и близким всем собравшимся здесь людям.

Были здесь молодые и старые. Были и дети — подростки лет восьми-двенадцати, сидевшие возле своих матерей. У всех были лица веселые и добрые, глаза радостно и спокойно светившиеся. Я взглянул на брата, подававшего еду к нашему столу. Это был тот брат, что приходил за нами послом от Всеволода. Его лицо все также сохраняло печать скорби, но скорби какой-то былой, давно пережитой. Оно напомнило мне лица бедуинов, которых И. направил конвоирами буйному всаднику, встреченному в пустыне.

Некоторое время все молча ели поданную кашу, за которую принялись только тогда, когда взял ложку в руки их настоятель. Я заметил, что сам Всеволод ел не больше Раданды, но делал вид, что ест очень усердно,

чтобы не мог смутиться никто с хорошим аппетитом и поощрялся тот, чей аппетит был плох. Хотя каша была вкусная, сладкая — из чего она, я разобрать не мог, да, пожалуй, никогда такой и не ел, — я должен был констатировать, что мой отличный аппетит исчез. Я с трудом мог проглотить несколько маленьких кусочков хлеба и ложек каши, и то каждый раз под пристальным взглядом И. Есть мне было так трудно, что на последний настойчивый взгляд И. я мысленно ответил ему его же фразой: "В пути не надо много есть". Он понял меня, улыбнулся и положил свою ложку на стол, разрешая мне последовать его примеру. Вслед за кашей было подано нечто овощное, напоминавшее видом рагу из моркови и цветной капусты с картофелем, с большим количеством сливочного масла.

Но к этому блюду я не мог заставить себя притронуться и удивлялся удовольствию, с которым его ели все, не исключая и наш стол. Сидевшая рядом со мною Андреева так же, как и я, почти ничего не ела, что мне показалось странным, так как она нередко говаривала, смеясь, обо мне в Общине Али, что единственное наше с ней сходство — прожорливость.

Убрав все следы предшествовавших блюд, на столы подали прекрасный кофе или, по желанию, чай и поставили большие кувшины с молоком. Несмотря на то, что руки подававшего за нашим столом брата были изуродованы — на правой не хватало мизинца, а на левой — средних пальцев, он делал все быстро и ловко, без всякой торопливости и даже опережал другие столы, где было по два подавальщика.

Невольно посмотрев на чашку, в которой мне подали кофе, я залюбовался простой и красивой ее формой. Высокая, из тонкого фарфора, как мне показалось вначале, она на самом деле была стеклянной и переливалась желто-голубыми, розовыми и фиолетовыми красками. На ней ярко выделялся рисунок — роза и несколько небрежно брошенных фиалок. Посмотрев на чашки соседей, я увидел, что форма у всех одинакова, но рисунок разный. Я восхитился талантом мастера, который мог достичь в пустыне такой высокой художественности.

Завтрак кончился, Всеволод поднялся с места, поклонился И., поклонился всем нам и, повернувшись лицом к другим столам, поклонился всем присутствующим.

— Друзья и братья! Сегодня среди нас тот дорогой Учитель, всем нам друг и спаситель, к приезду которого я вас подготавливал. Для многих из вас его приезд не только радость и счастье свидания с человеком, которому почти все мы обязаны спасением жизни. Это также и зов к новой жизни, к новой форме внешнего труда.

Для многих из нас настало время перелить в действие те сокровища

духа, которые мы выработали и скопили здесь в своих сердцах. Здесь мы закалились, пора трудиться среди суеты для общего блага людей. Не огорчением от разлуки с теми, к кому мы здесь привыкли, кого здесь полюбили как ближайших друзей и сотрудников, должны мы ответить на призыв Учителя к новым формам труда и к новым местам жизни. Но радостью, что можем призванные им, а в его лице всем Светлым Братством, начать в иных местах жизнь единения с ближними в красоте, в действенной любви и доброте сердца. Слушайте же сейчас в полном мире и цельном внимании слова нашего дорогого, великого друга, брата и Учителя.

Всеволод еще раз поклонился И. и сел на свое место. И. встал, окинул взглядом всех, не исключая и нас, и я снова испытал под этим взглядом необычайное состояние. Состояние, когда кажется, что речь идет только и именно к тебе одному. Взглянув на лица окружающих, я понял, что каждый испытывает точно такое же чувство — словно все внимание И. направлено только на него одного.

— Мои добрые друзья, мои верные сотрудники. Давно, очень давно имела место первая моя встреча с каждым из вас. С одними раньше, с другими позже, но со всеми без исключения очень давно встретился я впервые. Каждый из вас знает сам, как тяжело он страдал до момента встречи со мной. Каждый помнит хорошо, из какой адской муки он был вырван и укрыт мною здесь. Но, друзья мои, мои дорогие дети, так горячо посылающие свою благодарность и любовь сейчас мне и посылавшие их мне все время, я ли причина вашего теперешнего достижения или вы сами, своим трудом, нашли в себе силы и умения освободить свое сердце, раскрепостить свой разум от предрассудков и тем помочь духу своему загореться и сжечь все условности, все иллюзии, мешавшие, как путы, общаться в огне и духе? Не я, но вы сами, друзья мои, причина вашего освобождения. Вы сами золотоискатели, откопавшие в себе груды сокровищ, на первом месте среди которых стоит незыблемый мир как следствие вашего умения жить в Вечном,нося Его в своей временной форме и приветствуя Его же в каждом встречном существе. Сейчас для многих из вас пришла новая радость: поделиться добытыми сокровищами с теми несчастными детьми земли, что не имели ни сил, ни возможности — ибо воля их молчала — обратить свой взгляд внутрь себя.

Ваша новая задача — при всякой встрече с новыми людьми, где бы и при каких обстоятельствах эта встреча ни происходила, — вовлекать их в свою ауру, приносить их страданию успокоение и развивать в них самостоятельность в труде дня, самостоятельность цельную. На чем

должна основываться эта самостоятельность? Я призываю пробуждать и закалять в людях самостоятельность, основанную на полной чести и честности, примером которых вы уже имеете силы быть. На полной правдивости, которую можете вносить в ваши новые отношения с людьми. На полном бесстрашии, которое развилось в вас как результат привычки жить в Вечном, и эту привычку старайтесь в них развить и укрепить. Перед вами дорога гигантов, дорога Вечного, зовущего вас к труду и действию с Ним. Не поддавайтесь же мелочи чувств. Не давайте сердцу обрастать плотью и кровью временного, но действуйте теми сторонами ваших проводников, где каждая клетка так пропитана и напитана светоносной материей солнца, что плоть и кровь стали лишь остовом ей, а не сутью, стержнем вашей энергии. Для каждого человека наступает момент его испытания. И для каждой материи вселенной есть момент испытания прочности и сопротивления как пригодной к тому или иному роду мирового строительства. Исключением из общего закона вселенной не может быть человечество Земли, как и всяческая ее материя, одухотворенная или еще ожидающая одухотворения. Момент испытания ученика — это момент величайшей радости.

Самоотвержение его — это не та или иная форма отречения, это утверждение Жизни, утверждение ее сил в каждой встрече. Дошедший до такого самоотвержения несет всюду радость, ибо уже прошел все те стадии, когда личное восприятие момента могло нести горечь. Для вас нет уже ни времени, ни пространства как таковых — для вас есть чудо Жизни, идущей по земле, славить которую, раздувать ее искры и очищать в каждом встречном вы призываетесь. Я приветствую вас в этот миг вашей жизни, в великий поворотный момент, когда моей рукой Светлое Братство вручает вам ключ для новых дверей. Им сможете раскрыть двери сердца встречного, помогая ему выйти из жизни узкой — в законах условных одной Земли — и перешагнуть в жизнь широкую всей вселенной, в единение с трудом всего человечества, неба и земли, живущего в законах вселенной — в законах закономерности и целесообразности. Не судите отныне ничью видимую жизнь. Вы знаете, что величие вашей жизни составляет и составляло то, что невидимо, неосвязаемо и невесомо, но что заставляло сиять все плотное, видимое и весомое в вас и вокруг вас. Идите же в мир суеты, мои дорогие. Идите весело, просто, легко. Идите, бесстрашные, уверенные, и вы всюду и все победите, ибо будете побеждать, любя и зная. Мир вам моими устами шлет все Светлое Братство. Будьте благословенны.

И. высоко поднял руку и благословил всех стоя слушавших его слова.

Мне показалось, что во всех направлениях, куда шел жест И., вылетали большие снопы огня, прирастая к аурам людей и зажигаясь в них огненной звездочкой. Несколько минут длилось чудесное молчание. Оно захватило всех, точно мощь великой торжествующей песни. Я снова испытал незабываемый момент слияния со всей Жизнью, со всеми ее видимыми формами. Я еще раз понял, какую мощью обладал И., раскрывая людей к прекрасному.

Всеволод приказал братьям отворить дверь, и все стали выходить из столовой, отдавая поклон И., Всеволоду и нам. Когда последний брат вышел, Всеволод обратился к И.:

— Не желаешь ли, дорогой Учитель, осмотреть мастерские, швальни, ремесленные училища и школу, а также больницу моего участка? Быть может, я недостаточно высоко поднял ремесла и образование, хотя я и старался точно придерживаться указанных мне тобой образцов и путей. Некоторые из цехов, вроде цеха стеклянной небьющейся посуды и оконных стекол, мне пришлось перенести в оазис темнокожих, так мне приказал Раданда. Быть может, ты соблаговолишь съездить и посмотреть их там?

— Непременно, мой друг, в ближайшие же дни. Но сегодня я разделю свою группу людей. В школу твою я пойду сам и возьму с собой только моего келейника Левушку да приближенного ученика Али Наталью. Остальные мои друзья, среди которых позволь тебе представить артиста мировой славы Бронского, пройдут в твои ремесленные мастерские и заводишки. В них Бронский, Никито и все остальные спутники найдут, что посоветовать твоим мастерам, продвинув их в изяществе и тонкости вкуса, и кое-чему поучатся сами. Вот, представляю тебе двух специалистов библиотечного дела, знаю, что ты отстаешь в этой работе. Они помогут тебе разобрать новый караван с книгами, который тебе уже послал Али. Не ужасайся, они все уладят, дай им только помощников, лучше всего старших школьников. И старые книги разберут, и новым место найдут. А эта сестра привезена мною специально для основания детских яслей и домов. Придется совсем по-новому организовать это дело. Она останется здесь и получит и помощников, и указания. Сейчас дай ей провожатого, чтобы она могла обойти часть детских помещений.

Всеволод распорядился, как ему указал И., мы отделились от наших друзей и пошли за Всеволодом. Дорога шла долгое время садом, который становился все более похожим на лес и, несомненно, когда-то им и был. Тут и там встречались дома, люди и группы детей. Разнообразие пород деревьев не только меня удивило, но я даже и не предполагал, что этакие чудища могут расти в садах. Мы дошли до озера, и здесь картина природы

и жизни людей резко изменилась. Лес перешел в кустарник, зеленой травы не было. Среди глубокого, блестящего и мелкого песка, напоминавшего песок пустыни, в котором рос этот кустарник, были проложены утрамбованные дорожки, ведущие к разным домам, напоминавшим своим видом бараки или мастерские. Слышится стук молотков, лязг пилы, кое-где люди в легких рабочих костюмах стругали доски. Кое-где несли мелкий камень, собирали деревянные столы и кресла, стругали колонны из дерева. Кипела самая разнообразная жизнь.

Мы свернули, оставляя за собой озеро и площадку, и вышли на довольно большой островок, где рос молодой кедровый лес и было выстроено несколько красивых домов. Мы вошли в одно из зданий, оказавшееся школой, как раз в ту минуту, когда раздался удар гонга и из многочисленных дверей в широкий коридор выскочили со смехом и шумом дети лет восьми — тринадцати.

Увидев Всеволода, они чинно выстроились у стен, но их сияющие, веселые мордочки, видимо, ждали только разрешения изменить своей чинности и броситься к своему любимому настоятелю.

— Нет, нет, на этот раз «вольно» не будет произнесено, — смеясь, сказал Всеволод. — Будьте любезными хозяевами, вежливыми и приветливыми, познакомьтесь с гостями, которые проделали трудное путешествие по пустыне, чтобы навестить вас. Вот я и посмотрю, хорошо ли мы сумели вас воспитать и насколько вы вежливые кавалеры и дамы, — все смеялся Всеволод.

Личики детей стали необыкновенно серьезны. Они тихо и быстро разбирались на группы, по десятку в каждой, и во главе каждого десятка выдвинулись мальчик или девочка, как я понял, нечто вроде старосты десятка.

Одна из девочек вышла вперед, подняла в знак приветия руку и поклонилась нам. Ее примеру последовали все дети. Глазенки их горели, они с любопытством уставились на нас. Та же девочка, выступив еще вперед, сказала:

— Я дежурю сегодня и приветствую Вас, дорогой отец-настоятель, и вас, любезные гости. Добро пожаловать! От лица всех детей приветствую дорогих гостей, оказавших нам честь своим посещением. Все, что мы сможем сделать для вашего развлечения, мы сделаем с радостью. Но, — девочка слегка замялась, — мы еще маленькие и мало умеем. Но все же мы умеем петь, плясать, делать гимнастику и изображать жизнь кукол и зверей.

Всеволод весело засмеялся, погладил девочку по ее кудрявой головке и ответил поклоном на приветствие детей.

— Пожалуй, все ваши артистические фокусы вы покажете дорогим гостям после.

Сейчас постарайтесь блеснуть своей ученостью. А пока, так и быть: "Вольно!" Что тут поднялось! В один миг Всеволод исчез под грудой детских фигурок, напомнив мне, как исчезал под фигурами детей и карликов Франциск. Высокий посох Всеволода, как драгоценное сокровище, держали чуть ли не десяток ребят, с головы был снят клобук, и с величайшей осторожностью дети держали его в руках, пока остальные висели на своем настоятеле, наперебой рассказывая ему последние новости из своей детской жизни.

К И. подошла группа детей, внимательно и осторожно рассматривая его, точно они не могли оторвать глаз от его лица. Он ласково гладил их по головкам, задал им несколько вопросов — и лед их чинности растаял мгновенно.

— И с Вами тоже можно "вольно"? — спросил премилый мальчуган, боязливо подходя вплотную к И. И. рассмеялся так весело и заразительно, что я не мог не залиться смехом и тут же сам потерял всю свою чинность.

— Вольно, вольно, — продолжая смеяться, ответил И. и взял мальчугана на руки. — Но я ведь уже старый дядя, а вот мой келейник Левушка очень любит быть верблюдом. Садитесь на него и поезжайте в сад, — указывая на меня, сказал он окружавшим его детям.

Я не успел и опомниться, как целая орава ребят оседлала меня. Всеволод до некоторой степени облегчил мою верблюжью ношу, и я был утащен детьми в сад. Там они показали мне свое маленькое хозяйство. У них были крольчатник и псарня, где жило несколько щенков какой-то очаровательной породы, красивых и пушистых. Тут же, немного поодаль, был сооружен теплый домик, где жили щенки африканской породы, черные, совсем без шерсти. Несмотря на жару, им было холодно, и дети укутывали их в ватные попонки.

Время перемены промелькнуло быстро, раздался удар гонга, и вместо шумной ватаги ребят, где каждый, перебивая другого, спешил вылезти вперед и рассказать что-то особенное, интересное, передо мной появился стройный отряд дисциплинированных маленьких людей, в полной тишине входивших обратно в двери школы.

Я не видел Андрееву и не знал, как совершилось ее знакомство с детьми. Но повернувшись назад, заметил ее в группе детей, мордочки которых были особенно радостны. Я подумал: чем могла так привлечь к себе детей обычно резковатая в своем обращении Наталья Владимировна? Я заметил в ее руках красивый мешочек из пальмовых волокон, в который я

так усердно старался упихать ее коробейные товары в оазисе Дартана. Девочки с восторгом гляделись в маленькие зеркала, мальчики с не меньшим упоением разглядывали свои свистульки, барабанчики и прочее. Но заниматься наблюдениями было некогда, раздался второй удар гонга, по которому дети должны были привести себя в полный порядок, а третий удар должен был заставить их уже сидящими за партами.

Я нашел И. в коридоре, окруженного учителями и учительницами. Он все еще держал на руках того же малыша. Когда я к нему присмотрелся, то узнал в нем того самого мальчика, матери которого я должен был передать письмо Франциска. Я видел ее в тот час, когда Франциск писал свои письма и соединил меня со своею мыслью.

Малютка прильнул головкой к плечу И., нежно гладил его по щеке и говорил:

— Дядя, миленький, хорошенький, скажи, отчего ты такой самый, самый красивый? Ну совсем как у мамы ангел на картинке. Знаешь, я ведь тебя часто видел во сне, — бормотал мальчик, точно засыпая.

И. ласково прижал к себе ребенка.

— Мальчик, Левушка, уже болен. Но пока это еще мало заметно. Скоро болезнь резко проявится. Возьми его, он уже засыпает. Отнеси его сам к матери. Там и письмо Франциска ей отдашь, и выполнишь сам его приказание. Ты пойдешь мимо своей кельи и захватишь письмо. Пожалуйста, Всеволод, дай Левушке провожатого, пока я буду наслаждаться мудростью твоих детей и твоими воспитательными и методическими талантами.

Я взял ребенка. Всеволод дал мне в провожатые одну из сестер-уборщиц с добрым, еще молодым и приятным лицом, одетую в очень милое коричневое платье, белый чепец и белый же передник безукоризненной чистоты. Сестра пошла со мной, захватив для заболевшего ребенка его завтрак. Ноша моя была тяжела: жара уже ощущалась сильно, и тело мальчика казалось мне огненным. Мы дошли до нашего домика, я положил мальчика на свою постель, достал пакет с письмами Франциска и сказал сестре-провожатой:

— Как Вы думаете, сестра, не повредит ли мальчику, если я немного задержусь и побегу в душ? Мне кажется, я весь горю от знойного воздуха.

— Нисколько не повредит. Я его постерегу и буду махать над ним пальмовым листом.

С непривычки вначале наш климат всем тяжел, потому-то у нас и устроены души в очень многих местах. Пока мы будем идти, встретим их немало. Вы сможете еще несколько раз освежиться холодной водой, если

захотите. Все, кто приезжает к нам, не могут выдержать первое время нашего зноя, но постепенно втягиваются и перестают его замечать.

Не медля, пока сестра еще договаривала последние слова, я схватил полотенце и помчался в душ, в сотый раз вспоминая мою дорогую, нежную няньку, моего друга Яссу. Где Ясса? Как он едет? Скоро ли вернется? Мысли мои, любовные и благословляющие, мчались за ним, а сердце мое гордилось оказанным ему высоким доверием, сострадало его тяжелому пути по пустыне...

Душ меня воскресил, и мы вскоре бодро зашагали по тенистой аллее. Теперь ноша моя не казалась мне такой тяжелой, хотя тело мальчика было очень горячим. Раза два сестра указывала мне на небольшие домики-души, очень мило сложенные из белого камня. Она предлагала мне еще раз освежиться. Но я еще не изнемогал, шел бодро и не мог понять, где же конец моему путешествию. Лес стал гуще. Мы шли уже более получаса, встречали стоявшие одиноко и группами домики. Я нигде не видел ни стен, ни ворот, через которые мы въехали в Общину. Также не видел я ни конюшен, ни фермы, а ведь где-то здесь они должны были быть. Мои размышления прервала сестра, указывая на небольшой, отдельно стоящий домик.

У открытого окна я увидел женскую фигуру, склоненную над шитьем чего-то крупного, белого. Женщина, заслышав мои шаги и голос моей спутницы, подняла голову, и я сейчас же узнал в ней ту самую, которую видел в мыслях Франциска.

Увидев своего сына у меня на руках, она торопливо отбросила работу и вышла нам навстречу, распахнув настежь дверь своей комнаты, большой и светлой. Она впилась глазами в личико своего ребенка. Беспокойства, страстной любви и отчаяния такой силы, как были написаны на лице женщины сейчас, не было на лице, которое сохранилось в моей памяти. Не поддаваясь ни на миг силе волнения женщины, я звал всем своим усердием Франциска. Я помнил его наставление, в каком состоянии должен быть я сам, чтобы иметь и силу и дерзновение прикоснуться к личику ребенка тем священным лоскутом материи, который он вложил в свое письмо.

Уложив ребенка на постельку, я поблагодарил свою провожатую и отпустил ее, уверив, что найду обратную дорогу сам, в чем, впрочем, был далеко не уверен.

— Перестаньте плакать и волноваться, дорогая сестра, — сказал я матери, стоявшей на коленях у изголовья сына. Я привез Вам письмо и привет от Франциска.

Не успел я произнести имя этого чудесного человека, как женщина вся

преобразилась. Слезы еще катились по ее щекам, но глаза засияли и губы улыбались.

— О, какое счастье, значит, все будет хорошо и мой дорогой сыночек выздоровеет.

Будьте дважды благословенны: и за то, что Вы доставили мне моего дорогого мальчика — а я хорошо знаю, какая это тяжелая ноша в такую удушливую жару, — и за то, что Вы принесли мне весть, которую я считаю божественным милосердием. Никого милосерднее и добрее великого Учителя И., спасшего меня от злодеев, и брата Франциска, помогшего мне понять смысл всей моей многострадальной жизни, научившего меня своей добротой примириться со всеми несчастьями, благословить их и освободиться от их давящей муки я не встречала и не знаю. Встреча с ними — вся моя жизнь. Я не только поверила их святой жизни — я захотела следовать за ними всей верностью моего сердца. Их помощь, их милосердие, их любовь — это вся святость, которую я имею в жизни. Я приветствую Вас, дорогого вестника, благодарю Вас за счастье, потому что выше радости, чем письмо Франциска, Вы мне подать не могли.

Я вынул из своего большого кармана сумку, в которую Франциск вложил красный платок с письмами. Я взял в руки этот священный для меня пакет и молча сосредоточил все мои мысли на том моменте, когда Франциск молился у красной чаши о чистоте своих рук прежде, чем сел писать письма. Я старался мысленно соединиться с его сердечной добротой, призвал имя моего великого покровителя Флорентийца и только тогда достал его письмо с лоскутом.

— Франциск приказал мне обтереть личико Вашего больного сына тем лоскутом, что он вложил в конверт, если я буду в силах слиться с его добротой и любовью. Я всеми силами собственного сердца стараюсь соединить свою волю и бесстрашно зову его мощь, моля его присоединиться к моим слабым силам. О, если бы вместо моей слабой руки Вашего сына коснулась рука Учителя И., как был бы я счастлив! Я был бы уверен, что миссия Франциска будет выполнена, что Ваш милый мальчик будет не только здоров сейчас, но здоров навсегда.

— Дорогой брат, что же мечтать о несбыточном? Учителя И., благословенного моего спасителя, не может быть здесь сейчас. Если бы он здесь был, всем сердцем верю, он навел бы меня. Когда он привез меня сюда более семи лет назад, он приказал мне жить в полном-уединении и даже не выходить к общим трапезам. Я так и делаю.

И все эти годы я была счастлива, спокойна. Все шло хорошо. Но вот стал подрастать мой сынок и теперь часто спрашивает меня, почему мы не

ходим в трапезную, как делают его сверстники. И я не знаю, что ему отвечать. Все годы моего безмятежного счастья и мира здесь теперь сменились днями сомнения и слез.

Неужели мой грех падет на моего ребенка? Неужели его невинное детство омрачится какой-то отъединенностью от всех других? Он такой впечатлительный и нежный мальчик. Он часто бывает молчалив и задумчив, печально смотрит куда-то вдаль, точно пытается разрешить в своей детской головке недетские мучительные вопросы... Не будем же мечтать о чуде, которое невозможно. Мой дорогой брат, будем делать. Чисты Ваши руки, чисто Ваше сердце, если Франциск послал Вас своим гонцом. Соединим наши молитвы, и бодро, в полном бесстрашии и радости оботрите моего сына. Нет счастья выше той помощи, какую один человек может оказать другому, являясь для него вестником радости от великого Светлого Братства.

Мы опустились на колени у изголовья больного мальчика. Я старался понять великую силу материнской любви, забывающей страх и сомнения, забывающей совершенно о себе и помнящей только нужду бьющего часа жизни ребенка и интуитивно проникающей в Мудрость, указывающую путь к помощи.

Я погрузился в мысли о Флорентийце, я звал И., я молил его услышать мой зов. Не знаю, долго ли длился мой экстаз мольбы, но очнулся я оттого, что женщина схватила меня за руку и испуганно вскрикнула:

— Что это? Может ли это быть? Или я брежу?

Лицо ее было бледно, встревожено, рука, которой она меня схватила, была холодна.

Весь вид ее, взволнованный, растерянный, даже несчастный, вызвал в моей памяти образ бедной беспомощной Жанны, когда я впервые увидел ее с двумя маленькими детьми, которых она обнимала, сидя на палубе парохода. Вытолкнутый внезапно из моего глубочайшего экстаза, точно сорванный с вершин и брошенный на землю, я не мог сразу понять ни ее слов, ни причины ее расстройств. Повернувшись по направлению ее неподвижного взгляда, я увидел И., стоящего в дверях и ласково улыбающегося нам.

— О, И., дорогой мой друг и учитель, Вы слышали мой зов, мою мольбу, — бросился я к нему и обнял моего милосердного покровителя.

— Я пришел, Левушка, чтобы навсегда объяснить тебе первое ученическое правило: "Всегда будь готов". Оно неизменно для всех веков, всех миров Вселенной и для всех человеческих сознаний, в какой бы форме и в какой бы атмосфере, в какой современности они ни жили, если они

идут ученическим путем. В полном бесстрашии, в полной уверенности надо выполнять задания учителя, как бы и кто бы тебе их ни передал. Сосредоточь мысль свою, как тебя учил Франциск, возьми его лоскут и оботри мальчика. Исполняя всякое поручение Учителя, можно выполнить его только совсем забыв о себе, о своих личных качествах и думая только о том человеке, к которому послала тебя любовь Учителя. Возьми в руки письмо, слей свою энергию с добротой Франциска и оботри мальчика. Помни, что только радость и уверенность могут составить тот чистый мост, по которому прольется исцеляющий ток силы того, кто послал тебя своим гонцом.

Я взял конверт из рук безмолвно стоящей женщины, прижал его к устам и сердцу. Я ощутил необычайную теплоту и аромат, исходившие от письма, и самое письмо показалось мне светившимся. Я вынул из конверта лоскут, вид которого я отлично помнил, — он был красновато-оранжевого цвета, когда его подавал мне Франциск, — теперь он казался мне пылающим. Как бы кусок огня держал я в руке. Но в моем состоянии восторга, высшего вдохновения и счастья я едва обратил на это внимание.

Вновь став на колени у изголовья больного, я обтер его личико пылавшим лоскутом, перекрестил им его, произнес: "Блаженство Любви, Блаженство Мира, Блаженство Радости, Блаженство Бесстрашия да обнимут тебя". Я взял ручки мальчика и протер его ладони, обтер его тельце и ножки и заметил, что кусок огня становится все меньше и меньше, и, когда я вытирал второй маленький следок ножки, он окончательно растаял в моей руке. Окончив свой труд, я встал с колен.

И. осторожно закрыл мальчика легкой кисеей и, повернувшись к матери, сказал:

— Почему ты так удивлена, мой милый друг Ариадна, моим появлением? Разве я не обещал тебе, что приеду? Разве ты забыла, что я обещал тебе встречу, если ты выполнишь все условия, которые я тебе поставил, не как иго и бремя, а как радость, видя в них защиту тебе и твоему сыну? Ты выполнила все, даже плакать было перестала, вспомнив об этом милом занятии только в самое последнее время.

И. Ласково улыбался, и в глазах его поблескивали те юмористические точки, которые были мне так хорошо знакомы. Ариадна все еще стояла в столбняке, очевидно считая просто появление И. в ее комнате величайшим чудом из чудес, объяснения которому она не находила.

— Полно, друг, приди в себя. Нет чудес на свете, есть только ступени знания и ступени духовного развития человека. Чем выше в нем любовь, тем дальше он видит и тем ближе ощущает свою тесную связь с людьми и

их путями. В первое свое свидание со мною ты также считала чудом нашу встречу. А между тем, она была тогда, как и теперь, только результатом твоего созревшего духа, который мог тогда и может сейчас продвинуться в новую, высшую ступень откровения. Очнись и выслушай внимательно все, что я тебе скажу.

И. отвел женщину от постели ребенка, посадил ее на стул в глубине комнаты, велел мне сесть рядом и сам сел на скамью.

— В эту минуту, дорогая сестра, ты стоишь на перекрестке дорог. У каждого человека земли бывают минуты, когда он подходит вплотную к скрещивающемуся перед ним узлу дорог. Чем ниже сознание человека, тем этих дорог больше, тем иллюзорные краски ярче и сильнее увлекают его. И внимание его разбрасывается по многим путям, он не имеет сил выбрать себе те пути, по которым могло бы идти его высшее духовное «Я». Когда начинается внутреннее раскрытие сердца человека, его желания перестают быть грубыми и многочисленными, он становится способным признать в другом важность и ценность его жизни. Дальше он думает уже о равенстве своем с окружающими, и число дорог все уменьшается. Наконец, каждый человек — рано или поздно, тем или иным путем — приходит к перекрестку четырех дорог: жажды-счастья, жажды радости, жажды славы, жажды знания. Но все огни, на всех дорогах горят одним ярким и коротким словом: «Я». Здесь зарождается первое индивидуальное творчество человека, свойственное ему одному, переносящее его иногда в моменты гармонии, то есть вдохновения. Здесь изредка он слышит голос высшего своего «Я» и находит счастье в творчестве. Дальнейший путь приводит каждого к перекрестку трех дорог: Счастье, Знание, Мудрость. К этому моменту каждого человека приводит самоотверженная любовь. Самой разнообразной может быть эта форма любви. Не важна форма, важен дух человека, поднявшийся в высоту самоотвержения и пролитый в труд дня. Мать ли то, герой ли, отдающий жизнь за Родину, деятель ли, создающий политику любимой Родины, вождь ли народа, лекарь или повар, швея или художник — все не имеет значения. Лишь суть порывов самоотверженного творчества сердца важна, ибо только она остается в записи вечного труда человека. Двигаясь дальше, человек видит уже две дороги: Счастье и Мудрость. И в конце пути все, что он выработал, все, что он вынес из костра борьбы и мук своего «Я» сливается в одно счастье знания, Мудрость. Путь твоих страданий и трудов подвел тебя сейчас к перекрестку трех дорог. Не думай, что кто-нибудь или что-нибудь извне может указать тебе, на которой из них горит Свет. Сами по себе, все дороги темны. Их освещает только Свет в тебе. И этот Свет не признак, по

которому тебя избирают, но сила, раскрывающая двери, которые не могут устоять под напором струй твоего сердца. Та дорога, на которую вступает каждый, имеет невидимую дверь, вводящую в высшую ступень дух человека, и видимые всем крушения его внешнего благополучия. Что же говорит надпись над твоей дверью, видимой четко мне и невидимой никому другому? Надпись над дверью, закрывающей вход на твою высшую дорогу, гласит: "Пройдена Голгофа, где стопы ног омыты кровью сердца. Входи в общение с людьми, ибо дух твой устойчив и энергия твоя созрела к общему труду и благу, то есть к труду на общее благо". Теперь в течение нескольких дней мальчик будет болен. Тебе придется посвятить ему все внимание. В уходе за ним изживется твоя последняя заноза: страх за жизнь сына. В эти дни поймешь, что какой-либо страх — это недостаточная верность Учителю. Будь спокойна, лекарств ребенку не надо никаких. Он будет почти все время спать. И что бы с ним ни происходило, даже если бы тебе казалось, что он спит мертвым сном, что он не дышит, помни одно: Учитель сказал, что сын твой будет жив. Пока ребенок болен, ты меня не увидишь, но когда он поправится, я приду и сам поведу вас обоих в трапезную. Помни же, храни мир и будь бесстрашна, ибо от твоего состояния в значительной степени зависит урок, проходимый твоим сыном.

И. простился с Ариадной, но предварительно велел мне пойти в ближайший душ и возвратиться к Ариадне. Я был рад этому приказанию. Я изнывал от жары и пота, катившегося с меня струями. В душе я увидел брата, поразившего меня тем, что он точно ждал меня. Он безмолвно взял мое платье и подал мне свежее, также как и чистые сандалии. Я только сейчас заметил, что безукоризненно чистые, когда я их надевал, сандалии мои были сейчас серыми от пыли. Мне казалось, что я уже научился ходить, не поднимая ногами пыли; но, очевидно, под тяжестью я еще не умел ходить легко.

Когда я возвратился к домику Ариадны, она стояла в дверях и смотрела сияющими глазами на И. Я никак не мог бы признать в этом молодом и очаровательном существе ту женщину, которой я принес ее сына, если бы И. не стоял рядом с ней.

И. простился с Ариадной, взял меня под руку, и мы быстро зашагали по аллее.

— Надо торопиться, Левушка, сейчас мы пройдем прямо к Раданде, у него пробудем немного и вместе с ним отправимся в трапезную. Там я поговорю еще с некоторыми братьями и сестрами, а по окончании обеда помогу тебе разнести письма Франциска.

Если успеем, доберемся и до старца Старанды.

Идти рядом с И. было блаженством. Я и раньше замечал, что с него никогда не катился пот, что внешний вид его был всегда прекрасным, и того безобразия катящихся струй пота, от которого я так страдал, я на нем никогда не видел. Но сегодня, в эту нестерпимую жару, когда, казалось, каждое дерево жжет, а не посылает прохладу, от И. шла ко мне, точно от ручья, охлаждающая струя. Только я было приготовился спросить его об этом чародействе, как нам повстречался тот брат-подавальщик, что приходил за нами, приглашая нас в первый раз в трапезную Раданды.

— Отец-настоятель послал меня к тебе, Учитель, спросить — не нужен ли я тебе? Не надо ли помочь друзьям твоим в чем-нибудь? Быть может, я могу заменить уехавшего слугу Яссу?

Я пристально смотрел на него, и снова для меня был сюрприз: все трагическое исчезло с его лица. Он улыбался ласково и весело, точно волшебная палочка унесла все печальное с его лица. Я протер глаза, чем насмешил все подмечавшего И., и должен был убедиться, что лицо брата-печальника стало веселым лицом доброго человека.

— Спасибо, друг, что ты поспешил выполнить приказание отца-настоятеля. Я и Левушка уже привели себя в полный порядок. Но вот, о чем попрошу: зайди к нам в дом, оповести всех, чтобы прибрались и через двадцать минут собрались на крыльце. Скажи им, чтобы меня не ждали, но шли за тобой к настоятелю, где я буду их ждать.

Брат поклонился и свернул в боковую аллею. Я понял, хотя не мог отдать себе отчета, как именно, что причиной радости брата и перемены в нем был И. Но я уже научился не задавать таких вопросов, стал думать, не упустил ли я сам чего-нибудь из своих обязанностей, и вдруг... вспомнил об Эта.

— Боже мой, где же моя бедная птичка? Неужели голоден до сих пор мой птенчик? И где он сейчас? И., миленький, пустите меня, я побегу его отыскивать.

— Успокойся, твой Эта провел отлично ночь с Мулгой, а утром его взял к себе Раданда. Твой неблагодарный птенчик увлечен сейчас новым другом. Раданда хорошо понимает птичий язык, и Эта это кажется пленительным. Поэтому он не только не скучает, но даже и забыл о тебе.

И. смеялся, глаза его искрились юмором, а... у меня сердце шевельнулось нечто, похожее на огорчение.

— Почему же ты вдруг глядишь таким печальным постником? Неужели тебя огорчает, что птенчику твоему без тебя хорошо и весело? Ты предпочел бы, чтобы проливал слезы в разлуке с тобой?

— Нет, И., мой дорогой наставник. Я бы, конечно, не хотел, чтобы кто

бы то ни было пролил хоть одну слезу обо мне или из-за меня. Но... но... если бы мне пришлось расстаться с Вами, я не ручаюсь, что у меня хватило бы сил не плакать, как я когда-то плакал, расставаясь с Флорентийцем.

— Это было бы очень печально, дорогой мой сынок, это значило бы, что время и пространство физические еще владеют тобой, а духовная близость не стала твоим дыханием, твоею жизнью серого дня, твоим трудом в нем. Для тех, кто слил свое сердце и сознание со своими любимыми, кто видит не облик, физически близкий самому себе, но вечный путь того, кого любит, уже не существует ни разлуки, ни разъединения. Для него существует только радость сотрудничества, радость полной гармонии, не зависящей от того, видят ли друзья физические глаза или их видят очи духа, очи Любви. Если ты еще стоишь у того перекрестка, где есть иллюзия осязаемой формы любви, ты не сможешь найти устойчивого мира. Потому что мир сердца растет на единственном основании: все, вся Жизнь в себе. И в каждом человеке, кто бы он ни был — муж, жена, брат, дитя, друг, — надо научиться поклоняться этой жизни, чтить ее и освобождать своею любовью путь к ней в каждом любимом существе. И нет исключения из этого правила ни для одного человека, в какой бы форме бытовых отношений он ни жил.

Я всем существом внимал словам И., но... впервые мне казались его слова недостижимыми для человека, простого смертного, каким был я...

И. ласково посмотрел на меня и по обыкновению прочитал до дна мои мысли и чувства.

— Мера вещей, Левушка, меняется параллельно крепнущему духу человека. И то, что кажется нам недостижимым сегодня, становится простым действием серого дня завтра. Это «завтра» растяжимо для каждого человека по-своему. Оно также индивидуально неповторимо, как и весь путь человека. Для одного — мгновения, для другого — века. И в течение этого «завтра» вся жизнь делится на этапы героических напряжений духа человека. Но сила каждого, та сила, что продвигает его самого и через него энергию Учителя в его окружение, достигается человеком тогда, когда всякое героическое напряжение, трудное, воспринимаемое как подвиг, становится легким и простым, привычным трудом. Не допускай никогда, дитя мое, унылого чувства «недостижимости» перед чужим величием духа. Всегда радостно благословляй достигшего больше твоего и лей ему свою радость, чтобы ему легче было достигать еще больших вершин. Проще, легче, выше, веселее. Эти слова Али — целая программа для каждого. В этих словах усматривай, что высота духа не иго, не отречение и не подвиг, а только полная гармония. Она

выражается в постоянной, ни на минуту не нарушаемой радостности. Радостности именно потому, что человек живет в Вечном. А живя в Вечном, он видит это Вечное во всех мирах, где он сам гостит в тот или иной момент своего духовного и физического роста.

Мы подошли к сторожке Мулги, который радостно приветствовал нас и немедленно доложил мне, что Эта живет у настоятеля в его покоях и трапезной и бегают за ним, с трудом разлучаясь. Когда же, подчиняясь приказанию Раданды, должен остаться дома, то усаживается на кресло настоятеля, к полному смущению келейников, и никого к себе не подпускает, обнаруживая весьма строптивый нрав. Я представил себе эту картину борьбы Эта с келейниками, это нарушение тишины в чинных покоях настоятеля, и мне представилась в таком виде вся эта сцена, что от комизма ее я залился смехом, сам забыв о чинности места. С трудом я совладал со своим мальчишеством, и то не без укоризненного взгляда И. Не успел я стать воспитанным, как услышал радостные вопли Эта, мчащегося ко мне через дворик. Во многих окнах появились лица, но, к моему счастью, ласково улыбающиеся. Никто не посылал мне упрека ни за мой смех, ни за беспокойное поведение моего белоснежного Друга. Я ждал, что Эта немедленно очутится на моем плече, но, видно, ряд удивляющих сюрпризов на сегодня еще не закончился.

Не добежав до нас шагов трех, проказник остановился, распустил свой хвост, — кстати сказать, я впервые увидел, как вырос, какой царственной красоты и великолепия этот хвост, — высоко поднял свою прелестную головку, затем низко-низко склонился к земле, почти касаясь ее своим хохолком.

Пораженный этим невиданным фокусом моего друга, я, конечно, не замедлил вспомнить прежнее время и превратился в полном смысле слова в Левушку "лови ворон". Эта отдал свой первый поклон И., затем выпрямился и точно так же поклонился мне. Затем, сочтя, что он достаточно познакомил меня с новым воспитанием, которое получил в Общине, закричал довольно пронзительно и тут уж дал волю своей радости свидания со мной. Он бросился на меня, я исчез под его крыльями, он скакал по моим плечам и рукам, тормошил клювом мои кудри, словом, он добился желанного результата: я был растрепан, весь в поту, одежда моя была мокра и измята, а вокруг меня образовалось кольцо смеявшихся людей. Я был совершенно смущен и бессилён унять темпераментные восторги Эта. Наконец, натешившись вволю и, очевидно, утомившись сам от гимнастических упражнений, Эта уселся на мое плечо. Я стоял весь красный, но не успел подумывать о своем внешнем виде, так как увидел

Раданду, от души смеявшегося проделкам Эта, и услышал его слова:

— Ну, брат Эта, и осрамил же ты меня. Я хотел похвастать своими воспитательными талантами, а ты вон что преподнес! Кто же теперь поверит, что я хороший воспитатель?

Голос Раданды звучал ласково, от него шло во все стороны сияние, и снова он казался мне шаром. Не знаю, что понял Эта из слов Раданды, но он соскочил с моих плеч, подбежал к Раданде и отдал ему глубокий поклон.

— Ну, хорошо, это мне благодарность за то, что я обучил тебя хорошим манерам. Но надо извиниться перед хозяином за то, что ты его растрепал, — протягивая руку над головой Эта, сказал Раданда.

Эта повернулся и, жалобно глядя на меня, не распуская хвоста, поклонился мне, точно моля о прощении. Его поведение вызвало новый взрыв веселого смеха окружающих и новую реплику Раданды:

— Теперь отправляйся и покажи своему хозяину дорогу в ванну. А как ударит гонг, ступай к Мулге, води себя прилично и жди, пока Левушка за тобой не придет. — Раданда говорил и поглаживал спинку приникшего к нему Эта. — Скоро будет удар гонга, спешу.

Мне показалось, что какие-то искорки бегали под рукой Раданды, я подумал, что это его мысли, которые понимает Эта. Повернувшись ко мне, павлин подергал меня за платье и побежал через дворик, следя, иду ли я за ним.

Несколько оправившись от конфуза, я пошел за Эта и очутился в таком же душе, каких видал немало в саду. Но вода здесь была не так прохладна и обстановка несколько комфортабельнее. Келейник Раданды дал мне свежее платье и обувь и удивлялся, как это я мог справляться с такой своенравной птицей и даже научить ее кланяться. Я не успел ему ничего ответить, так как раздался удар гонга. Эта вскрикнул и убежал к Мулге, дверь соседнего со мной душа открылась, и оттуда вышел И. Должно быть, занятый своим конфузом, я не заметил, когда И. вошел в душ. Мы вместе вошли и прошли в покои Раданды, где я был в первый раз.

Комната, куда мы вошли, была большая и светлая. В ней стояли высокие застекленные полки с книгами. Кое-где стояло с десяток небольших изящных белоснежных столиков, так чудесно отполированных, что казались костяными. На некоторых из них лежали стопочками книги и тетради, точно за ними только что занимались и сейчас вернутся продолжать свой труд. У меня мелькнул в памяти образ профессора Зальцмана, которому так хотелось поехать с И. Я понимал его печаль от разлуки с И., хотя хорошо запомнил последний разговор, состоявшийся по дороге от Ариадны.

Раздался второй удар гонга. Вместе с ним все друзья нашего отряда — те, с которыми мы расстались утром, и те, кого я покинул в школе, — вошли в комнату, введенные братом, что превратился в веселого. Бронский и Игоро пришли возбужденные. Поздоровавшись с Радандой, они сразу подошли ко мне, и Бронский сказал:

— Если бы я хотел описать Вам, Левушка, все то, что мы с Игоро видели, то мне пришлось бы написать целый толстенный том. Кто мог бы себе представить, что в пустыне есть жизнь, что это не жизнь дикарей, но жизнь величайшей культуры, до которой еще не дошло человечество городов.

Раздался еще удар гонга, к нам подошла Андреева, и мы слышали четкий, спокойный голос И.:

— Я напоминаю вам, друзья, что в трапезную надо войти в полной сосредоточенности, соблюдать в ней молчание и думать о вековых путях людей.

Старайтесь вникать в ту суть человеческих судеб, которую не видите, и не рассеивайтесь на наблюдениях внешних форм. Не оставайтесь созерцателями «чужих» жизней. Сливайте все самое лучшее, на что вы способны, с сердцами тех, кого видите в труде достижения высшей ступени духовной культуры.

Раданда напомнил нам, чтобы мы заняли те же места, что были нам указаны в первый раз.

— Левушка, — шепнула мне Андреева, — у меня так много нового понимания Вашего пути за это утро, что я еще раз должна просить у Вас прощения за мое прежнее ироническое отношение к Вам.

— Дорогая Наталья Владимировна, во-первых, я уже давно забыл все то, что было, а во-вторых, с тех пор Вы проявили ко мне так много ласки и внимания, что они покрыли с лихвой все неприятные минуты, если они и были. Все, чего бы я желал сейчас, — стоять так высоко в своем самоотвержении и силе внимания, как это делаете Вы.

Раздался третий удар гонга, келейник подал Раданде его посох, и мы пошли в трапезную, как и в первый раз. Братья распахнули широкие двери, мы вошли в зал, уже наполненный людьми, и сели на свои места. Я сразу же увидел Всеволода и узнал многих из тех, кого приметил утром в его столовой. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы собрать свои мысли. Во мне все вспыхивало воспоминание о трех фигурах, о виденном здесь их страдании и обо всем здесь пережитом. Это привело меня к совершенно новому пониманию и преклонению перед величием и ужасом человеческих путей. Я должен был констатировать факт, что все новое

знание не помогло моей мысли стойко фиксироваться на чем-то до конца. Мысль, как плохая нитка, ежеминутно рвалась. Наталья Владимировна почувствовала мои усилия, несколько раз слегка меня толкнула и прошептала:

— Постарайтесь не мешать И. сосредоточиться.

Она попала в точку. Я сразу понял, в какой бездне эгоизма и самонаблюдения я кружился, вместо того чтобы действовать и прибавлять свои маленькие силы к великому труду И. Я взглянул на моего дорогого воспитателя и поразился: опять я видел И. новым.

Он был глубоко сосредоточен. Он точно молился или призывал какие-то высшие силы себе на помощь. Невольно я посмотрел на Раданду, смеющееся лицо которого осталось последним впечатлением о нем в моей памяти. Сейчас глаза мои наткнулись на неведомого мне Раданду, хотя за это короткое время я видел самые разнообразные чувства на этом лице.

Раданда сидел неподвижно, шар его цветных огней играл ярче, но лицо было лишено всякого выражения, точно он напряженно слушал что-то, приходившее издали, да так и застыл.

Как я ни старался оторвать взгляд от этих двух лиц, глаза мои снова и снова обращались к ним. Вдруг Раданда слегка вздрогнул, лицо его ожило и засияло обычной ласковой добротой, цветные огни его шара засияли еще ярче. Глубочайшая сосредоточенность сошла с лица И., от него побежали точно струйки Света во все стороны, и даже в зале, мне показалось, стало светлее.

Я и не заметил, что дело дошло уже до фруктов, что первые два блюда были унесены с моего стола нетронутыми. Веселый брат-подавальщик пододвинул мне тарелку с фруктами, на которой принес мне еще и кусок сладкого пирога и фиников, думая, по всей вероятности, что еда была мне не по вкусу. Через минуту он подал мне чашку дымившегося какао и сопровождал ее таким молящим взглядом, что я кивнул ему и сейчас же принялся есть. В мгновение ока все мои тарелки оказались пусты, и только сейчас я понял, что голоден и был бы не прочь начать теперь с каши.

Усердно подбирая последние крошки пирога, я встретился взглядом с Радандой. Бог мой, как я переконфузился! В глазах старца было столько ласкового юмора, что я чуть не подавился взятыми в рот крошками. Точно школьник, накрытый на месте преступления, я опустил глаза и не решался больше их поднять.

Тем временем в трапезной воцарилась мертвая тишина. Я почувствовал движение И., посмотрел на него и увидел его стоящим.

— Сегодня, друзья, для многих из вас последний день жизни в Общине.

Не поддавайтесь той печали, которая закрадывается некоторым из вас в сердце. Гоните страх и опасения, что не сможете приспособиться к жизни мира, от которого давно отвыкли. Оставьте всякие колебания и опасения и унесите с собой три простых завета. Первое, что должно лечь в основу каждого дня, каждого вашего дела, — это мысль о Светлом Братстве. За что бы вы ни брались, вы должны ясно и точно отдать себе отчет: являетесь ли вы помощниками в выполнении трудового плана Светлых Братьев или ваш собственный эгоизм руководит вашими побуждениями к труду. Второе — цельность до конца, до конца отдача внимания каждой задаче, какую вам укажет Светлое Братство. Есть миллионы путей, которыми оно может прислать вам свои задания. Никогда не смотрите на путь, примчавший к вам весть, внимайте вести и выполняйте ее. Но что значит, по мнению Светлого Братства, выполнить весть?

Поверить, что задача указана вам и методически выполнять ее? Нет, это значит отдать такую любовь указанному заданию, чтобы дух человека жил в упоении, чтобы не было простого серого дня, где с напряжением вы будете героически выполнять трудное дело, все время думая, как много забот выпадает на вашу долю. Только тогда вы останетесь верными Общине и Светлому Братству, когда задача дня будет вам легка как радость, а не как беспокойство и забота. Третье, что унесите с собой как завет — мужество и такт. Никогда не произносите слова, пока полное самообладание не приведет вас к мысли: человек, что жалуется или сетует мне, стоит на той точке своей эволюции, где ему еще не открылось, что все — в себе.

Что он сам сотворил всю свою земную жизнь прежде творит ее и сейчас. И только тогда ищите мужества себе дать самый благородный ответ на самый низкий вопрос, самую недостойную жалобу. Сегодня все те, кого настоятель ваш оповестил, соберитесь к пяти часа в его домике на острове. А как взойдет луна, вы уедете. В оазисе Дартана вам дадут платье и все необходимое для дальнейшего путешествия.

Пока же не тратьте времени на прощания и сожаления о разлуке, соберите самое малое количество вещей, чтобы не быть рабами их в пути.

И. поклонился и сел, а Раданда встал, благословил широким крестом всех присутствующих и сказал: — Тем, кого я оповестил, я скажу свое прощальное слово в пять часов. А вы, дорогие братья, вспомните, что многие из вас уже не раз провожали партии своих друзей в далекий мир, не раз сознавали, что многие опередили вас в готовности к труду и действию, и все же вы лениво дремлете в духовном сне. Пробудитесь, друзья! Лень и медлительность много хуже торопливости. Они подобны смерти, так как в

них не дух растет, освобожденный, самоотверженный, но личность, ищущая себе той или иной формы, того или иного оправдания, чтобы расти и закрепощать дух в желаниях и страстях. Идите, дети мои, и подумайте еще раз, сколько вы упустили случаев встать в ряды самоотверженных слуг творящего в мире Светлого Братства.

Снова все братья стали выходить, отдавая поклон Раданде и нам. На этот раз трапезная опустела быстрее. Одни торопились, чтобы поспеть к пяти часам закончить дела в Общине и уложиться, другие спешили, чтобы помочь уезжавшим, и только немногочисленные фигуры, унылые и понурые, не разделяли общего возбуждения и равнодушно шли, точно ничего не замечали и не слышали.

Когда все вышли, Раданда пригласил нас к себе. Но И. ответил ему, что сам он пойдет со мной по делам Франциска, Бронский и Игору должны сейчас же пойти домой и записать все то, что они видели утром, Лалии и Нине необходимо спешить с разборкой книг, Терезита не выполнила и трети своей дневной программы и только Никито, Андреева и Герда могут пойти с ним в его чудесную библиотеку, где он сам даст каждому из них работу.

Снова расставшись с друзьями, в сопровождении Бронского и Игору мы пошли в наш домик за письмами Франциска. Пачка писем была довольно большая, объемистый пакет старцу Старанде лежал в самом низу. Я стал сомневаться, чтобы мы могли обойти всех до пяти часов, когда — я был уверен в том — И. должен был присутствовать в домике настоятеля. Но вопросов я не задал, завернул платок Франциска в салфетку, вложил в сумочку и стал ждать на крылечке И. Снова только сейчас я вспомнил об Эта, но на этот раз уже беспокоился не о его судьбе, а скорее о настроении бедных келейников, которые попадали, вероятно, в положение вроде моего во дворе трапезной.

И. вскоре вышел и повел меня по густой аллее, параллельной той, по которой мы въехали в Общину. Шли мы по ней довольно долго, она стала отклоняться вправо и привела нас к широким воротам и высокой ограде. Ворота были заперты. И. ударил молотком по железной плите, вделанной в ворота. Через окошечко старческий голос спросил, кто не вовремя идет. И. ответил ему что-то, чего я не расслышал, окошечко захлопнулось, и торопливые шаркающие шаги направились к калитке, которая тотчас и открылась.

Монах, открывший нам дверь калитки, был очень стар. Лицо его, все в морщинах, было беспокойно. Глаза, суетливые жесты и протестующие нотки в голосе — все наводило меня на мысль, что перед нами строптивец.

— Как это необыкновенно удачно, друг Старанда, что сегодня ты дежуришь у ворот.

Именно тебя нам и надо.

— Именно меня Вам и надо? Хотел бы я знать, почему это Вы входите именем великого Учителя, а не знаете, что в нашем отделении сейчас мертвый час и все отдыхают. Что же Учитель Вам не сказал нашего распорядка? Да и мало того, что Вы сами пришли не вовремя. Вы и младенца привели. Это что же, Ваш любимчик? Или Вы вообразили, что я буду разговаривать с Вами о священных для меня вещах при таком неосмысленном мальчугане? Чудно, право, лет Вам, пожалуй, около тридцати, а такта ни на грош не приобрели.

Голос старца и вся его повадка напоминали школьного учителя младших классов, распекающего провинившегося школьника.

— Ну, чего же Вы молчите? Ведь не для того, чтобы в молчанку играть, Вы сюда явились? — Он не предложил И. сесть, но уселся сам на деревянную скамью у круглого стола. — Никакого почтения к старости и ее покою! Ну, времена, ну воспитание! — Все бормотал он себе под нос, однако достаточно громко, чтобы быть услышанным.

Мне казалось, что я уже забыл, как люди раздражаются. Но в эти минуты я готов был по-старому закричать, затопать ногами, чуть ли не расплакаться. Я прилагал все усилия, чтобы сдержаться, обливался холодным потом, но, по всей вероятности, из моих усилий ничего бы не вышло, если бы не помощь И. Он положил мне руку на плечо, взглянул — точно просветил мне мозг и сердце, — и я сразу опомнился. Я понял, что я думал о себе, о мнимом унижении моего дорогого учителя, а не о несчастном старце, не имевшем сил увидеть, кто был перед ним. Я осознал, что и я застревал в эти минуты в тупике духа, поддаваясь личному восприятию момента, а не глубочайшей любви, в которой я поклонялся Вечному в человеке.

— Бедный, бедный Старанда! Когда Франциск спас тебя и прислал сюда, ты дал ему клятвенное обещание, что не нарушишь мира в Общине. Мало того, ты обещал ему вносить мир в каждую встречу, в каждое дело, что тебе дадут. Первые три дня все шло хорошо...

— Постойте, постойте, молодой человек. Вы откуда это знаете? Не верю я, чтобы Франциск Вам рассказывал тайны моей жизни. Вернее, настоятель Вам насплетничал на меня. Ну и хорош!.. Стоять во главе, да этак вести себя...

Старанда, вероятно, еще продолжал бы свои излияния, но глаза И. сверкнули, голос был тих, но так властен, что старец выпучил на него свои

злые глаза.

— Сиди молча и не прерывай моих слов до тех пор, пока я не разрешу тебе говорить. Слушай внимательно, несчастный человек. Вдумайся в ужас своего поведения и измени его, или тебе придется покинуть и этот скит, как пришлось покинуть Общину и как до Общины приходилось покидать все места мира, где ты только ни жил. На три первых дня жизни в Общине хватило твоей мудрости и доброты, чтобы не спорить и не ссориться с окружающими. Дальше ты изводил своими нравоучениями каждого, с кем имел дело. Будучи полным невеждой, нахватавшись вершков и корешков каких-то знаний, ни в одном из которых ты не умел соединить того и другого, ты всех учил, к какому бы труду тебя ни приставили. Результат твоих рационалистических предложений, несмотря на все разумные советы и даже запреты людей знающих, был всегда один: ты ломал дорогостоящие станки, портил великолепные стволы пальм, вредил посевам, целые чаны краски для циновок и ковров превращал в негодное месиво и так далее. И во всех делах ты уверял себя, что ищешь, как проще, легче и веселее жить. Ты не видел, как лица всех, к кому ты — приближался, становились печальными и озабоченными, как всюду водворялась нудная скука. И только три человека тебя ласкали... Ты сам знаешь, какой страшный урок ты прошел здесь, в Общине, какой ценой своей высокой любви тебя спас Раданда и заключил в этом недоступном покровительствовавшим тебе трем фигурам скиту...

И. помолчал, точно ему было тяжело продолжать. Старец, сидевший вначале выпучив глаза — глаза протестующие, дерзко глядевшие на И., — теперь сидел сгорбившись, избегал взгляда И. и напомнил мне своей согбенностью три зловещие фигуры в трапезной Раданды...

— Разве сейчас ты не отдаешь себе отчета, как ты катишься все ниже? Неужели ты дойдешь до пределов меры вещам, и, несмотря на все усилия любви Франциска, Светлому Братству придется прибегнуть к последнему средству спасения и укрыть тебя в тайной Общине?

Бедный старец вздрогнул, закрыл лицо руками и еще ниже склонился над столом. Я понял, что он впервые за долгое время отдает себе отчет, правильный и точный, в своем истинном поведении. Огромная жалость залила мое сердце, мелькнуло воспоминание о Генри, Строгановых. Я взмолился Флорентийцу и приблизился к. И., стараясь слить свои маленькие силы доброты самоотвержения с его мощью.

— Бедный Старанда, — еще раз повторил эти слова И. Но как по-иному они для меня зазвучали! Точно музыка всепрощающей любви, бодрящей, как привет доброты, донеслись до меня они и проникли до самого дна

сердца. И, несомненно, так же воспринял их Старанда. Он отнял руки от лица, моляще, благодарно взглянул на И., и несколько крупных слезинок скатилось по его морщинистым щекам.

— Франциск говорил тебе о двух вещах. Первое, что он старался тебе объяснить, — что каждый видит только то, что дух его — чистый или засоренный — позволяет ему видеть. Второе, чего ты не мог усвоить, — что действия человека куют его связь со всем миром. Как бы ты ни жил, отъединяться от связи с людьми ты не можешь. Ты можешь только своим поведением труда в дне ковать ту или иную связь, ткать ту или иную сеть, в которую ловишь людей или ловишься сам. И такова твоя сеть — будет ли то сеть добра и любви или самоотвержения и красоты, будет ли то сеть эгоизма и раздражения — в нее тыходишь сам и вводишь встречного. Тобой ткется та или иная атмосфера, атмосфера добра или зла. Нет ни добра, ни зла самих по себе. Существуют они лишь тобой, как и другими людьми, сотканные. Как и нет для каждого Бога, помимо того Величия, что дух его может постигнуть. Франциск говорил тебе, что все твои дела будут отчетливо видны Светлому Братству. Что полная запись твоих дел будет отражаться в хронике Вечного. Милосердие Франциска посылает тебе выписку из этой хроники за все время твоей жизни здесь, то есть за весь тот период, что протек с минуты твоего с ним свиданья. Он говорил тебе, что ты должен каждый день жизни начинать благословением Вечного в человеке, ты же начинал его, составляя себе список, кого и чему ты должен «поучить», кого и как ты должен «пробрать». Иными словами, живя среди людей, всю жизнь «искавших» Бога, ты действовал с теми, кто видел только человеческие качества в людях, видел пятна на них, но ни разу не поднял очей духа к их Святая Святых. Потому ты и в себе не смог расширить свою Святыню, а все суживал вход в собственный храм сердца. Юноша, чистоты рук и сердца которого ты не заметил, принес тебе письмо и выписки Франциска. Уйди в уединение на семь дней. Постарайся радостной мыслью понять глубину любви Франциска и заботы Светлого Братства. Очисти налипшие на тебя привычки воркотни и раздражения и пойми, что они довели тебя до последней черты. У тебя есть еще сейчас время. У тебя есть еще выбор. Ты можешь еще завоевать свое освобождение. Тебе дано долголетие, чтобы ты смог еще сбросить с себя кучу предрассудков, которые закрепили твою мысль и волю. Оставь свои навыки всех исправлять и воспитывать. И кривое деревце может доставить людям радость своей листвой и помочь своей тенью. Не на том сосредоточивай внимание, чтобы его выпрямить. Но чтобы ему, кривенькому, подставить палочку твоих радостных забот. Какой толк,

встретив чужую жизнь, все читать ей нравоучения?

Кто может поверить, что ты любишь человека, воспитываемого тобою, если он видит в тебе постоянное раздражение, обидчивость, требовательность к себе? Разве слова могут убедить? Только живой пример может увлечь и пробудить в человеке его высшее желание следовать за тобой. Бессмысленны все попытки «воспитать» в человеке то, чем ты сам еще не владеешь. И каждое твое слово пронзит пулей сердце и мысли человека, если их посылала твоя истинная доброта.

— О, Учитель, теперь я узнал тебя. Ты тот чудесный брат, что спас нас в пустыне от песчаной бури. Боже мой, почему же я не узнал тебя сразу? Ведь я обещался по гроб жизни молиться за тебя, и я не молился. Даже не вспоминал тебя. И это, значит, я найду в выписке Франциска?

— Не огорчайся чрезмерно. Не теряй времени на раскаяние и уныние. Действуй, твори Духом своим, не старое, как факты, вспоминай. Но помни только, что подход твой к людям был неверный. Ты мог радовать и утешать, мог мирить и щадить, а ты огорчал и раздражал, высчитывал вины и наказывал.

Не укором звучал голос И. Но такой лаской сострадания, точно не было в этом вины Старанды, а была беспомощность человека, не имевшего дальнозоркости духа. И. подошел к Старанде, беспомощно стоявшему и утиравшему с трудом удерживаемые слезы.

— Этот юноша подаст тебе пакет. Ты найдешь в нем письмо Франциска и письмо Али, которое я приложил туда, — И. обнимал старца и нежно гладил по голове.

И как изменился Старанда! Старенький-старенький, весь дрожавший, приникший к И., точно слабый ребенок, он был кроток... и добр. Под ласкающей рукой И. он становился все добрее и кротче, все милее и спокойнее.

— Простите мне оба. Я все смешал, все перепутал, все забыл, что знал. А сейчас мне кажется, будто я и не жил, так пусто в моем сердце. Тяжесть недовольства из него ушла, а доброта еще не пришла. Ох, пойму ли я ее, доброту-то?

— Не только поймешь, если будешь добр, но я уверен, что еще при мне выйдешь из скита обратно Общину и многим украсишь жизнь своей добротой. Ступай к твоему настоятелю, попросись в уединение и там прочти много-много раз все то, что найдешь в пакете Франциска. Передай пакет, Левушка.

Я вынул пакет. Всей доступной мне мощью мысли я звал Франциска и молил его помочь Старанде. Я просил его оставить старцу его платок, я

верил, что святая доброта Франциска перейдет с этой реликвией к мыслям Старанды и поможет его сосредоточенности. Я задрожал. Я увидел Франциска стоящим с красной чашей в руках, улыбавшегося и шептавшего мне: "Отдай, отдай".

Видение исчезло. Я стал уверенно разворачивать салфетку, вынул из платка все письма, кроме пакета Старанды, завернул их в салфетку и вложил в сумку. Свернув аккуратно платок, я поклонился низко старцу и подал ему пакет. Я взял его старенькую, маленькую ручонку и вложил в нее пакет.

— Платок этот Франциск приказал мне передать тебе, дорогой отец. В минуты самые трудные утирай им лицо, шею и руки и Воля-Доброта Франциска немедленно поможет тебе. Прости. — Я снова низко поклонился несчастному, всем сердцем сострадав ему.

— До свиданья, Старанда. Я буду навещать тебя в твоём уединении.

И. обнял старика, и через минуту мы шагали по аллее. Мне казалось, что прошел не час времени, но целая вечность протекла, так я был разбит и бессилен.

— Соберись с силами, дружок, вот тебе пилюля Али. Давненько не приходилось тебе к ним прибегать. Из сегодняшнего опыта крепче осознай, как необходимо оберегать себя от раздражения. Твой дух и твоё тело уже слились в одно гармоничное целое.

И раздражение выталкивает тебя из атмосферы выше тебя стоящих, к которой ты прирос. Невидимая тебе и только ощущаемая как мир и радость в минуты гармоничного состояния, эта атмосфера разрезается твоим раздражением, проводник твой опустошается, и ты смертельно страдаешь. Запомни этот опыт и больше ни к одной встрече не подходи лично. Думай всегда, зачем надобно Жизни, чтобы встреча твоя состоялась, ибо только Жизнь видит ученик перед собой, только её зов слышит во встрече.

И. усадил меня на скамью среди тенистых деревьев и сел рядом со мной. Довольно скоро моя слабость и головокружение прошли, пилюля Али восстановила мои силы и жара перестала мне казаться такой нестерпимой. Заметив, что дыхание мое нормально, что сердцебиение мое прошло, И. приказал мне омыться в душе, в пяти шагах от которого мы сидели.

Возвратившись из душа, где мне снова молча брат подал свежее платье, я чувствовал себя Голиафом. Все же И. продержал меня в тени ещё минут десять, и только тогда мы двинулись дальше.

— Несмотря на то что сегодня тебя следовало бы пощадить, мы все же выполним миссию Франциска до конца. Вскоре возвратится Ясса из своего

более чем тяжелого путешествия, и оно будет его последним подвигом в той ступени знания, в которую он посвящен. С его возвращением тебе прибавится дела: ты должен будешь ему переводить книги, которые я тебе укажу. Ясса не знает тех языков, которые ты изучил в Общине. Времени ему их изучить уже нет. Его рост за последнее время совершился так сказочно быстро, что следующая ступень посвящения сама открывает ему дверь. Сегодня ты закончишь миссию Франциска, а завтра начнешь передавать письма Дартана. Я освобождаю тебя сегодня от вечерней трапезы. Вместо нее снесешь мой привет двум сестрам из оазиса Дартана, познакомишься с ними, и они будут помогать тебе в деле передачи приветов и посылок из оазиса. Держи в памяти сегодняшний опыт и слушай только зов Жизни, в какой бы внешней форме Она ни предстала перед тобой.

Мы довольно долго, вероятно около двух часов, путешествовали по Общине. Много разных фигур запечатлелось в моем сердце. И как я был счастлив видеть их! Это все были лица радостные, ласковые, спокойные. Были и старые, и молодые. Были люди очень высокой культуры, поразившие меня своими манерами и образованностью, сквозившей в каждом слове, были и совсем простые люди, научившиеся грамоте и ремеслам в Общине.

Весь этот калейдоскоп лиц снова меня утомил, но утомил радостно, наполнив счастьем удачно выполненного поручения. Что меня особенно поразило — все эти люди благоговейно благодарили И. за совершенное когда-то их спасение.

Невольно я задумался, когда же и как успевал И. делать столько дел и удерживать в памяти образы людей в Индии, в Европе и Азии и, быть может, еще в тех странах, о которых я и понятия не имел...

Мы возвратились домой. И. вызвал молодого брата, данного нам Радандой как проводника по Общине, назвал ему имена тех сестер в оазисе Дартана, о которых сказал мне, и велел через час зайти за мной, чтобы проводить туда. И. провел со мной этот час в своей комнате, где усадила удобное кресло и кормил прекрасными фруктами.

— Сегодня, когда ты так разбил все функции своего проводника, ничего кроме фруктов не ешь. Если, возвратясь, почувствуешь голод, подожди меня, я захвачу тебе хлебцев от Раданды. Об Эта не беспокойся, я его приведу. Он ведь теперь элегантно воспитан.

В комнату постучал брат-проводник, И. дал мне письмецо и пакет сестрам. Он ласково со мной простился, и я вышел в сад, думая всем сердцем, что Жизнь зовет и движет меня по своей великой Мудрости.

Глава 20

Мои новые знакомства в Общине. Первая неудача во встрече с жителями из оазиса Дартана. Раданда. Часовня Радости. Выполнение поручения. Дартана с помощью Раданды

Все люди, которым я относил письма Франциска, поразили меня своею жизнерадостностью. Но не только одним удивлением этим их свойством запечатлелись мои встречи с ними. Каждый из адресатов активно окружал меня сетью своей простой доброты. И я на деле понял, каким образом человек сам куёт сеть связи со своим окружением. В моем сознании проявилось новое действенное зерно: жить — значит выливать из себя эликсир Жизни — радость.

Я присмотрелся к брату-проводнику. Это был совсем молодой человек, на вид лет восемнадцати, стройный и довольно красивый, хотя все отдельно взятые черты его лица были неправильные. В нем была веселость, жизненность и полная уверенность.

Шел он легко и несколько раз принимался мурлыкать песенку; но каждый раз, поглядев на меня, он точно извинялся за нарушенное молчание, улыбался и умолкал.

Я спросил его, давно ли он живет в Общине.

— Давно, здесь родился. Мать моя лет десять уже как ушла в скит уединенных. Как только увидела, что я хорошо учусь в школе и больше, не нуждаюсь в ее опеке, так и ушла.

— А что Вы делаете сейчас?

— Сейчас я готовлюсь к сдаче государственного экзамена в каком-нибудь из университетов, куда меня отвезет Учитель И., если найдет мои знания удовлетворительными.

Я остановился на месте как вкопанный и мгновенно превратился в Левушку "лови ворон". Всего я ожидал. Но такой ответ не снился мне и в лучшем сне. Своим видом я насмешил брата. Он раскатисто расхохотался, заразил и меня своим смехом — я залился, мальчишески забыв все и вся.

— Бог мой, — отдышавшись наконец от смеха, сказал я ему. — Ваш ответ встряхнул меня, и даже вся моя усталость слетела. Еще раз я вижу, что абсолютно не умею разбираться в людях, не умею читать их глубокие силы. Я ожидал всего, только не такого ответа. Я должен просить у Вас прощения: я даже не спросил Вас о Вашем имени, считая свою встречу с

Вами случайной, мелькнувшей на один миг в стенах Общины. Я думал только об исполнении данного мне Дартаном поручения и... забыл поклониться Единому в Вас. Простите меня.

Брат остановился, лицо его стало очень серьезно, что изменило его почти до неузнаваемости...

— В Вашем невнимании ко мне лично нет ничего удивительного, — сказал он ласково.

И даже голос его изменился, стал глуше и теплее. — Каждый из нас пропускает мимо без внимания сотни встреч, потому что не выработал привычки гибко и всецело переключаться полным вниманием от одного предмета к другому. Несмотря на то, что нас здесь с детства воспитывают, развивая точное внимание, я научился ему только тогда, когда Раданда стал заниматься со мной древними языками. Ах, какой он замечательный учитель, какая радость проводить с ним время! Ответ брата еще больше сразил меня. Я думал, что Раданда полусвятой. Но чтобы Раданда был ученым, знатоком греческого и латыни, чтобы он мог их увлекательно преподавать! — Вы ведь многих здесь посетили в сопровождении И. Я был как раз у старого графа, когда Вы отдавали ему письмо Франциска. Граф — знаток истории и выдающийся лингвист. С ним я проходил специальный курс истории и литературы всех народов. Он дал мне так много знаний, что я не сомневаюсь в успешности экзамена по истории и языковедению.

— Скажите, как Ваше имя?

— Меня здесь зовут Славой. Имя мое Вячеслав, а фамилия Силько. Вот мы и у цели.

Обе сестры считаются у нас лучшими математиками. Я слышал, что у них есть дипломы из каких-то университетов, но так как они очень замкнуты и ничего о себе не говорят, кроме дела данной минуты, то точно о них я ничего не знаю. Они живут здесь не так давно, не более десяти лет.

Мы подошли к хорошенькому домику, первому оранжевому по окраске, который я увидел здесь среди белых домов Общины. На балконе сидели две еще не старые женщины. По их одежде я сейчас же узнал, что они из оазиса Дартана. Заслышав шаги, они подняли головы от книг, над которыми склонялись, и одна из них вышла нам навстречу.

— Ты что, Слава, ко мне?

— Нет, я привел к Вам келейника и секретаря Учителя И. - ответил Вячеслав, кланяясь сестрам и пропуская меня вперед.

Лицо женщины вспыхнуло ярким румянцем. Ее сестра подбежала к ступеням балкона, почти вскрикнув:

— Учитель И. здесь? Когда приехал? С кем он? Где он? Слава

улыбнулся быстроте ее вопросов.

— Вот этот брат все Вам толком расскажет. Я оставляю его у Вас и через час зайду за ним.

Сестры пригласили меня к себе на балкон. Я рассказал им, с какой миссией прислал меня к ним И., и подал его письмо. Каждая из сестер прочла письмо, и каждая реагировала на него совершенно по-своему. Старшая, молчаливо приветствовавшая меня, очень просветлела от радости. Лицо ее выражало теперь счастье, почти экстаз. А младшая, засыпавшая меня вопросами, имела вид удрученный и скорбный.

— Я думала — конец, — прошептала она едва слышно, садясь в кресло у стола и впадая в апатию.

— Милая Рунка, перестань быть ребенком. Разве ты не видишь, что Учитель дает нам поручение? Неужели ты можешь принять в унынии первое поручение дорогого Учителя, спасшего нам жизнь?

— Да, конечно, ты права, Роланда. Но у меня нет больше сил жить здесь. Я хочу домой, в оазис, а оттуда в широкий мир. Я больше здесь не в силах жить. Я хочу учиться и видеть людей. Можно же наконец нас пощадить, — разбитым голосом, со слезами говорила Рунка, перейдя на французский язык.

Роланда нежно обняла ее, гладила ее чудесные черные волосы и ласково, тихо отвечала ей на том же языке:

— Ты ведь сама знаешь, что припадок раздражения пройдет. Никого добрей тебя нет, усердная моя сестричка. Вспомни, в каком состоянии ты была, когда Учитель И. вывез нас сюда. Здесь ты окрепла, здесь ты многим принесла помощь. Утешься сейчас. Посмотри, как ласково и дружелюбно глядит на тебя юноша. Он подает тебе пакет. Возьми. Он никак ведь не ожидал встретить здесь драматическую сцену вместо помощи, которую ему обещал в нас Учитель И. Рунка отерла слезы и жалобно, точно ребенок, сказала мне:

— Простите, брат. Я десять лет не могу примириться, что оторваны от всего родного и близкого. Все вспоминаю разлуку с любимыми. Но... в этой разлуке виновна я сама. Мне очень стыдно, что я Вас заставила быть свидетелем такой неприятной сцены. Я готова выполнить то, чего желает Учитель И., со всей любовью и усердием. Поверьте, это доставит мне одну радость... Я протянул ей пакет, данный мне И. для сестер.

— Я очень хорошо понимаю, как скорбит сердце человека, когда ему приходится отрываться от самого дорогого в жизни, что кажется кому-то единственным смыслом и красотой. Страдание, пережитое от такого разрыва, оставляет надолго следы.

Даже тогда, когда уже раны личной скорби зажили, когда уже понимаешь, что смысл жизни в Вечном, которое ты отыскал в человеке, а не во временной его форме, и тогда еще живет сердце память о пережитом страдании, хотя само страдание уже кажется только эхом прошлого.

— Я много раз достигала на время этой мудрости за прожитые здесь десять лет. Но достаточно какой-нибудь внешней искры, чтобы я поняла всю неустойчивость своего внутреннего мира. Ваши слова еще больше устыдили меня. Какое счастье, что Учитель И. не сам пришел, а прислал Вас! У меня есть время прийти в себя. Если бы Вы знали, как милостива ко мне Жизнь, послав мне такого нежного и заботливого друга в моей сестре Роланде. Роланда добровольно оставила мир и науку, которой она предана как своей единственной страсти, оставила и оазис, куда я ее увезла с собой. Роланда живет всюду в Вечном. Если бы не было ее подле меня, я бы уже не существовала.

Рунка могла бы и не говорить мне всего этого. Я сам понял — точно по книге прочел — жизнь и взаимоотношения сестер.

— Быть может, нам не стоит терять времени? Если хотите, начнем сегодня же знакомство и пройдем к кому-либо из жителей оазиса, — Роланда старалась дать иное направление нашему разговору. — Здесь, рядом с нами, живут мать и сын. Оба очень добрые, но неуравновешенные люди. Знакомство с ними будет для Вас приятно тем, что в их доме постоянно собирается много друзей, из оазиса. Вы сразу попадете в гущу этих людей и поймете их интересы и настроения, уровень их культуры и вкусов.

Я был очень рад пройти в ближайший домик. Мы оставили Славе записку на столе, прося его зайти за мною в соседний дом. Когда мы подходили к дому, в который меня вели сестры, то уже за несколько шагов был слышен шумный разговор, похожий скорее на спор, чем на обычный мирный разговор. Комната, куда мы вошли, больше походила на гостиную восточного стиля, чем на обычную приемную комнату, какую я рассчитывал увидеть в Общине. По стенам стояли широчайшие диваны и висели ковры, в середине комнаты были расставлены маленькие круглые столы с низкими креслами, и все это было занято людьми, громко смеявшимися, которые, разбившись на группу, интересовались только своими ближайшими соседями,

не обращая внимания на всех остальных.

— Бог мой! Наши ученые затворницы! — вставая с места и подходя к нам, сказала седая элегантная женщина, прекрасно одетая по моде оазиса Дартана. — Какой же это рыцарь нашелся на земле, сумевший вытащить из

башни заколдованных принцесс? — женщина смеялась, обнимая сестер и хитро поглядывая на меня.

— Этот рыцарь — спутник Учителя И., - ответил Роланда.

Как только она произнесла эти слова, в комнате воцарилась гробовая тишина. Точно по мановению волшебной палочки речь каждого оборвалась на полуслове, фигуры застыли, точно в живой театральной картине.

— Позвольте познакомить Вас, сестра Леокадия, это секретарь Учителя И. брат Левушка, как называет его Учитель в своем письме, — нарушила гробовое молчание комнаты Роланда.

Сестра Леокадия оказалась хозяйкой дома. Она любезно приветствовала меня, но за ее внешней любезностью я почувствовал острое беспокойство. Не менее резко ощутил я и токи окружавших теперь нас кольцом людей, лица которых были растеряны. Все веселье точно ветром смело, в комнате повисло какое-то печальное уныние.

— Деметро, сынок, где ты? — обернувшись к дверям соседней комнаты, довольно громко позвала Леокадия.

Много пар глаз пристально рассматривали меня. Я уже начинал было чувствовать смущение, как в дверях комнаты появилась рослая фигура красавца-мужчины. Это был в полном смысле слова безукоризненный красавец. Черные как смоль волосы, черные глаза и прямые сросшиеся брови, алые губы, безукоризненной правильности черты.

На плечах его был красиво задрапированный ярко-красный плащ, такого яркого цвета и блеска, что казался огненным. Красавец подошел к нашей группе, очень вежливо поздоровался с сестрами и с нескрываемым сарказмом посмотрел на меня. В его взгляде что-то слегка напомнило мне Браццано, хотя злой, животной злобы глаз Браццано в этих черных глазах не было. Я читал в них презрение ко всему, что не соответствовало его личным удовольствиям и шло вразрез с его вкусами и мнениями.

— Ты, мать, так поражена необычным визитом сестер-ученых, что даже забыла познакомить меня с их кавалером, — улыбаясь, но холодно и надменно сказал он матери.

— Это секретарь Учителя И., Деметро, — очень тихо сказала Леокадия. — Позвольте Вас познакомить с моим сыном, — обратилась она ко мне. И снова за внешней ласковой любезностью я ощутил ее беспокойство. — Мой сын художник. Здесь он не участвует в общих работах, но в его мастерской уже много прекрасных картин.

Я понимал, что женщина говорит первые приходящие на ум слова, чтобы оттянуть время и найти самообладание. Деметро же, услышав слова матери, рассмеялся довольно деланным смехом и, здороваясь со мной,

старался быть развязным.

— Узнаю Учителя И.! Всегда выберет себе спутников самого неожиданно разнообразного вида и характера, что мне, художнику, исключительно интересно.

Скажите, пожалуйста, на этот раз все его сопровождающие так же молоды, как Вы?

Он дерзко рассматривал меня, бесцеремонно отодвинул какого-то человека, несколько закрывавшего от него мою фигуру, и, рисуясь своей красотой, поправлял красивой рукой свой огненный плащ. Я не успел ему ничего ответить, как услышал голос Рунки:

— Мы привели сюда посла Учителя И. не для того, чтобы Вы красовались перед ним в своих театральных позах, Деметро. Он их много, вероятно, видел, пока жил в мире.

Но для того, чтобы в доме Вашей матери он мог увидеть все лучшее, что здесь живет из нашего оазиса. С ужасом я вижу, что десять лет Вашей жизни здесь оставили Вас все таким же.

Голос Рунки, взволнованный, глубокий, прервала Роланда:

— Деметро, гость в доме — первый человек, которому отдают все внимание. Таков завет бабушки Дартана. Гость же — посол Учителя — священный человек для каждого обитателя Общины. Почему Вы хотите казаться хуже того, что Вы есть на самом деле?

Деметро резко повернулся к Роланде, лицо его вспыхнуло, сравнившись в краске с плащом, он готов был уже дать грубый ответ моей благородной защитнице. В моем уме пронеслась картина встречи со старцем Старандой. Я вспомнил, как билось негодованием и обидой мое сердце, когда я переживал мнимое унижение Учителя. Я почувствовал себя рядом с моим дорогим наставником, по всему моему организму пробежал ток знакомого мне содрогания — я стал совершенно спокоен и ласково сказал хозяйке дома:

— Я очень виноват перед Вами, что пришел неожиданно и помешал Вашим друзьям продолжать их интересные беседы. Я должен был сначала узнать, желаете ли Вы и Ваш сын видеть меня у себя, такого скромного слугу Учителя.

— Ах, что Вы! Мы чрезвычайно рады Вам. Мы много лет не имели никаких известий от Учителя И. Но нам не так давно говорили, что он путешествует где-то в России, поэтому Ваш приход так поразил нас неожиданностью. Мы не смогли даже сразу прийти в себя. Прошу Вас, садитесь. Расскажите, пожалуйста, как Вы ехали? Не заезжали ли Вы в оазис к нашему близкому родственнику Рассулу Дартану? Где и когда Вы

расстались с Учителем?

Леокадия сменяла вопрос вопросом, усаживая меня и сестер возле одного из столов так, чтобы сын не мог подойти ко мне. Очевидно, она опасалась новой вспышки в нем и не особенно рассчитывала на мою воспитанность.

— Не знаю, с чего начать свои ответы. Если начать с самого последнего Вашего вопроса, то должен сказать, что я расстался с Учителем И. не более часа назад.

Целый рой возгласов: "То есть как?" "Что Вы хотите этим сказать?" "Каким образом?" "Это невероятно!" — и тому подобных ахов и охов раздался по всей комнате. Все эти возгласы покрыл мощный голос Деметро:

— Уж не желаете ли Вы сказать, что сам Учитель И. здесь?

Я посмотрел вокруг и увидел на лицах гостей, таких беспечных и веселых несколько минут назад, невыразимый страх. Я никак не мог взять в толк эту панику, так как за долгое время жизни подле И. привык видеть расцветающими людские лица при упоминании имени моего дорогого друга и Учителя.

— Да, Учитель И. здесь.

Точно вопль пронеслись новые возгласы по комнате: "Да как же!" "Разве уже прошел срок?" "Что же нам теперь делать?" — и под эти возгласы комната опустела, в ней остались только мы и хозяева. Теперь вновь в комнате воцарилась мертвая тишина, которую подчеркивало тяжелое дыхание Деметро. Он стоял все так же у стола, опустив голову, совсем бледный и мрачный, похожий в своем огненном плаще на падшего ангела.

Первой нарушила это тягостное и непонятное для меня молчание Леокадия.

— Не удивляйтесь, что Ваше появление произвело такое сильное впечатление на всех. Все мы, видите ли, приехали сюда по указанию Учителя И., тем или иным путем доставленные. У каждого из нас есть те или иные обязательства перед ним.

Но мы здесь так весело и беззаботно жили, что совсем забыли о неприятной стороне взятых на себя обязательств. Мы:

— Брось разговоры, мать. Возможно, что приезд Учителя И. вовсе не относится к нам. Мало ли какие у него могут быть дела в Общине? Мы, видите ли, господин секретарь, живем здесь на средства дедушки Дартана, а не на средства Общины. У нас здесь своя часть в парке, где, кроме выехавших из оазиса, никто не живет. Я не отрицаю, что и я, как и все, взял

на себя некоторые обязательства, но я, как и все, совершенно независим. У Вас есть какие-либо поручения лично к нам от Учителя И.?

— Нет, Учитель только приказал мне выполнить поручение Дартана: передать письма и посылки из оазиса.

Лица матери и сына просветлели, оба вздохнули облегченно.

— Ах, вот как! Ну, мы здесь ни в чем не нуждаемся. Дедушка Дартан мог бы о нас и не беспокоиться. Впрочем, мы, конечно, рады будем видеть Вас и получить свои подарки, — переходя снова на надменный тон и, подымая высоко свою красивую голову, сказал мне Деметро.

Я посмотрел на сестер и постарался всеми силами влить мир в их сердца, негодование которых сказывалось на их возбужденных и расстроенных лицах.

Раздался легкий стук, и я увидел в дверях фигуру Славы — Вам что? Вы ко мне? Я сейчас занят, придите потом.

Тон Деметро был невыносимо высокомерен.

— Нет, это за мной, — поспешно вставая, сказал я, огорченный неприязненным тоном, который пришлось вынести моему любезному проводнику из-за меня.

— Куда же Вы так спешите? Оставайтесь, пожалуйста, поужинать, — просила меня сестра Леокадия.

— Да, да, — поддержал ее сын. — Ведь Вы были невольной причиной, что мы с матерью остались в одиночестве. Как видите, все друзья разбежались. Теперь Ваша прямая обязанность развлечь нас.

— Простите, я лишь скромный келейник своего господина и могу только выполнять очень точно его приказания, но не больше. Я должен немедленно возвратиться домой. Я могу понадобиться Учителю И. Мать и сын очень настойчиво протестовали, уверяя, что ужин на столе, что у них в Общине не в обычае уходить от накрытого стола, что это считается даже невежливым. Но я еще раз ответил, что не могу превысить данных мне полномочий. С большим трудом, употребив всю свою настойчивость, я вырвался из дома чрезмерно гостеприимных хозяев.

Когда я прощался с сестрами у их балкона, Роланда задержала мою руку.

— Я всему виною. Это все добрые люди, но их легкомыслие ни с чем не сравнимо, разве с их любовью к праздности. Мне надо было раньше предупредить их, тогда Вам не пришлось бы наблюдать всей этой тягостной сцены. Впредь я постараюсь готовить людей к встрече с Вами.

— Я очень рад, что видел и слышал людей, не ждавших известия.

Теперь мне ясно, как много надо нести в себе мира и радости, чтобы выполнить успешно данное мне поручение. Не стремитесь оправдать Деметро. Мое сердце уже его оправдало. Дело не в Деметро или ком-нибудь другом, но во мне — насколько я найду такта и обаяния, чтобы выполнить, а не испортить порученное мне дело.

Мы расстались с сестрами, пожелав им покойной ночи, которая уже спустилась. Над нами светило яркое от многочисленных и крупных звезд небо, изредка встречались возвращавшиеся по домам люди. Мы молча проходили дорожку за дорожкой. Вдруг Вячеслав остановился.

— Брат, я не знаю, как живут люди в далеком мире. Поэтому прости мне, если я совершаю бестактность, нарушая сейчас твоё молчание. Но Раданда не раз говаривал мне: "Если ты видишь, что встреча людей не началась и не кончилась в радости, постарайся хотя бы одному из неудачно встретившихся отдать теплоту и мир твоей души, твоей любви". Ты печален, и мне хочется объяснить тебе непонятное, на взгляд свежего человека, поведение всех тех, кого ты только что встретил. Вся та часть Общины, которая занята выходцами из оазиса, почти не сливается с общей жизнью всех трудящихся в Общине. Приехали они сюда, получив указание самостоятельно выбрать себе одну из отраслей труда в Общине. Долго они ничего не выбирали. После неоднократных бесед с ними Раданды они решились осмотреть все отрасли труда здесь. Но им ничего не понравилось. Только пятьдесят — шестьдесят человек, в том числе уже знакомые тебе сестры, вошли в трудовое единение с нами, многому научили нас и кое-чему научились у нас. Остальные все забраковали, решили трудиться отдельно, завели себе свои мастерские, школы — в результате даже дети их если обучаются, то только в наших школах. Сами же они живут в праздности и ничего не создали для своих собственных нужд, не говоря уже об общем благе для всей Общины. Некоторые, как Деметро, стараются показать видимость труда. Что-то рисуют, шьют, сажают, но плодов своего дела никому не показывают. Жестокая критика на всех нас от них сыплется как горох. Не огорчайся своим первым неудачей. Сам Раданда им не раз напоминал об обещаниях Учителю И., о том, что годы летят быстро, что надо будет показать результаты работ, и я помню одну его замечательную фразу, которую он им сказал в моём присутствии: "Мстит человеку лень его. Лень сжигает в человеке инициативу. А лишенный инициативы человек не многим выше животного. Чем длиннее период лени, тем горше распад энергии в человеке. Ряд лет, прожитых в лени, закрывают все возможности для человека войти в одну из троп Света. Ибо войти в одну из них может тот, в ком жива гибкая воля к труду". Ты

видишь, как глубоок здесь вопрос. И можно ли было тебе найти сразу подход к единению с ними?

— Что вопрос об общей их жизни огромен, в этом ты, Слава, прав, это несомненно. И не мне его разбирать. Но тот крохотный кусочек их жизни, к которому прикоснуться послали меня — передать привет с родины, — должен быть выполнен в наивысшей радости и благородстве, на какие только я способен. Я буду молить моих великих друзей помочь мне в этой задаче.

Мы подошли к крылечку нашего домика, и первое, что я увидел, была Наталья Владимировна, державшая на коленях сонного, тяжелого Эта. Картина эта была так необычна, так несвойственна Андреевой. Она не питала никакого пристрастия к Эта.

Даже некоторую долю брезгливости подмечал я в ней не раз по отношению к моей чудесной птичке. Теперь же она нежно и заботливо держала птицу, ласково прильнув головой к мягкой спинке Эта. Казалось, необычайно чуткая к шагам и всякому движению, Наталья Владимировна на этот раз не слышала нашего приближения. Только когда мы уже встали на первую ступеньку, и она и Эта одновременно подняли головы. Эта не замедлил перебраться ко мне, а бедная Наталья Владимировна, хотя и весело смеялась, но с трудом поднялась и расправила затекшие руки и ноги.

— Левушка, мне так хотелось побеседовать с Вами, что я попросила у И. разрешения доставить Вам Эта. И. очень хитро поглядел на меня, исполнил мою просьбу, но сколько хлопот доставил мне Ваш каверзный друг. Понадобился весь авторитет Раданды, чтобы Эта соблаговолил подчиниться и отправился со мной. И, как только мы скрылись из глаз И. и Раданды, он вскочил мне на руки, не пожелал идти пешком. Так и пришлось мне тащить его на руках до самого дома. А пришли сюда — заставил меня держать его на коленях. Хитрец так уморительно вознаграждал меня за обслуживание нежными взглядами и кокетливыми поворотами головки, что я ему простила все утомление.

— Я очень огорчен, дорогая Наталья Владимировна, что Эта выявил свой деспотизм на Вас. Совершенно не понимаю, как у Вас достало сил нести его. Он даже мне становится тяжел.

Мы оба приглашали Славу побыть с нами, но он ушел к себе, сказав, что его ждет еще работа. На мои укоры Эта, зачем он заставил Наталью Владимировну такую тяжесть, она весело сказала:

— Ну, ноша моя была мне легка! Я слово такое знаю. А вот хотела бы я Вам рассказать, как поразил меня сегодня Раданда. В его библиотеке я

нашла всех великих писателей древней Греции и Рима в подлинниках. А когда я его спросила, кому же здесь нужны подобные произведения, он мне ответил: "Мне были нужны раньше, пока я не знал их наизусть. А теперь нужны всем образованным людям Общины, приготавливающим из себя слуг ближним в том широком мире, куда вскоре поедут. Вот, позвольте Вас познакомить с некоторыми из них", — радостно прибавил он, идя навстречу группе людей, совсем молодых, входивших в комнату, где мы сидели. Вы, Левушка, можете себе представить, в какой соляной столб я превратилась и как глупо было мое лицо, когда я здоровалась с представляемыми мне людьми, входившими в комнату. Раданда смеялся надо мной не меньше, чем тогда, когда Эта тормозил Вас, о чем он нам рассказал с необычайным юмором. Но, Левушка, не думайте, что я смеялась над Вами. Я всей душой Вам сочувствовала, а смеялась только комизму положения.

— Я именно так и думаю, дорогая Наталья Владимировна, и в данную минуту очень тронут Вашим вниманием ко мне. Если Вас поразило своею ученостью и своими молодыми людьми Раданда, то меня поразило не менее один из его учеников, наш брат-проводник по Общине.

И я рассказал ей обо всех впечатлениях вечера, подробно передавая разговор с Вячеславом. Мы сидели вдвоем, зачарованные волшебной тишиной и сияющими звездами. Наталья Владимировна говорила тихим, задушевым голосом:

— Как не похоже мое мироощущение этих минут на все то, что приходилось мне переживать раньше. За короткие дни моей жизни здесь какая-то новая освобожденность родилась во мне. Когда, бывало, прежде мне выпадали минуты, не наполненные спешным, напряженным трудом, нечто вроде тоски выступало из каких-то подсознательных недр духа. Дивная ночь, если я проводила ее без труда и без сна, навевала мне не очарование божественного мира, но мысли о своем одиночестве, о том, что на земле у меня больше ничего нет, что на ней я стою нагая среди миллионов людей, одетых во все страсти и привязанности временной любви. От них я отстала, а к небу еще не поднялась... Я чувствовала себя как бы висящей в межпланетном пространстве, не имея незыблемой точки опоры. В эту минуту я сознаю в себе и небо, и, землю. Примиренность и полное понимание рождения и смерти несутся для меня в каждом шорохе трав и листьев, в каждом смехе и рыдании, в каждой песне птицы и крике животного. Я знаю в себе великий Свет, независимо от формы окружения, от времени и места. И мир мой, обретенная новая примиренность — мое постоянное Славословие Вечному, моя верность Ему уже непоколебимы.

Все, что в моем сердце оставалось от условностей и предрассудков, все, что еще могло причинить раны разлуки или лечь холодом на сердце от смерти любимых, от страданий и заблуждений близких и дорогих, — все оторвалось, распалось прахом, освободив мысль и приготовив дорогу духу к более широкому восприятию Жизни. Ваш опыт сегодняшнего дня, когда Вы увидели на деле, как погибает жизнь людей, если они не поняли значения труда на Земле, совпал с моим новым пониманием, как должен жить человек на Земле. В том, что вообще Земля — арена труда, я никогда не сомневалась. Но как? Для чего идет труд каждого? Каково его значение в текущем дне для вековой арены человека? Точную слиянность всего этого я поняла только здесь. Величайшая схема: рождение, труд, смерть — вылилась для меня в три новых слова: сила, выносливость, самообладание. И все эти три слова зависят от самых простых истин. Эти истины каждый человек сам создает и из них строит себе и другим путь радости. Эти три начальных истины звучат мне теперь в словах: доброта, любовь, верность. Совершенно не важно, в чем и как человек выявит эти три силы. Не важно, монах ли он или светский человек, дикарь или просвещеннейший писатель; встретил он в своей жизни великих людей или прошел весь свой путь в совершенно элементарном по развитию обществе, важно только, что он их выявил и на них единился с людьми. Если он на них строил свой простой день — он достигнет встречи с Учителем. Он войдет не в одно только понимание вечности жизни умом. Он войдет в полное знание сердцем, что нет ни смерти, ни разлуки. Человек, умом понявший, что не надо оплакивать отошедшего друга, все же будет плакать, когда друг ушел. Своими слезами он непременно будет притягивать друга к земле. Будет бить его картинами своих мучений и создавать ему тысячи препятствий, нарушая его первейшую обязанность в новом мире, куда он попал. И эта единственная первейшая обязанность в новом мире, — единственная, как вечная память, которой провожают с земли в церковном обряде, — есть трудоспособность человека. Вот почему так тяжел в своем общении праздный человек, не создающий себе вековых путей для единения с существами во всех мирах. Труд земли, как и труд неба, индивидуально разный.

Труд одного может казаться бездельем другому. И это неважно. Важен тот Свет, что вскрылся в человеке как результат его труда. Важны навыки, привычка мыслить в гармонии, то есть в сочетании доброты сердца и гибкости ума. Они ведут к примиренности. Любовь неотделима от гармоничного сочетания всех этих качеств в человеке, она и есть путь живой жизни в нем. Сегодня спали с меня последние оковы личного. Ушло

горестное ощущение, что я стою нагая над одетой веселой землей, что все порвано между мною и ею, нарядно цветущей. Напротив, я одета в Свет, сияющий Свет доброты. Вся Земля лежит в храме моего сердца, и больше нет для меня ни иллюзии смерти, ни разъединения с Землей. Во мне родилась и утвердилась примиренность. Земля и я, равно как и то, куда уйдет мой ух, покинув дорогую, многострадальную Землю, — все едино. Радость жить, бесстрашие жить, бесстрашие умереть — все слилось для меня в одно священное понятие: трудиться для блага людей.

Эта поднял голову, слегка вскрикнул и побежал по темной дорожке. Я догадался, что мой чуткий птеник издали почувствовал приближение И. — Покойной ночи, Левушка. Я пойду к себе. Запишу кое-что из впечатлений дня.

Наталья Владимировна простилась со мною, оставив меня под глубоким впечатлением от ее слов. Слова эти проникли мне в сердце. Не раз в моем сердце зажигалась тайная горечь от разлуки с моим братом-отцом. Как ни был я окружен величайшей любовью, как ценил и благоговел перед моими дивными и великими моими покровителями, иногда в сердце просыпался стон. Хотелось почувствовать ни с чем не сравнимое нежное объятие брата Николая. Плоть от плоти моей и кровь от крови моей. Я хотел было пойти навстречу И., но решил подождать его на крылечке. Быть может, и был погружен в великие мысли и нуждался в минуте отдыха и одиночества.

Я не успел додумать своих мыслей до конца, как послышался разговор, и вскоре на полянке перед домом резко выделились две белые фигуры, а рядом с ними чинно шагал Эта. Я никогда не удивлялся, если видел И. в обществе неожиданных людей. Я уже привык видеть рядом с ним самые необычайные фигуры. Но на этот раз я удивился, так как И. шел с седовласым Радандой, весело рассказывавшим ему о новых изобретениях, достигнутых в производстве стекла. Когда же спал Раданда? Я слышал, что настоятель вставал раньше всех, что целый день он был занят самыми разнообразными делами. Когда же он отдыхал?

— Что, Левушка, усталое тело отдыхает, просит? — Раданда положил мне руку на плечо и быстро, совсем не по-стариковски, опустился рядом со мной на ступеньку. — Ты замечай, дитя, все. Тебе дан неспроста путь писателя. Ты пиши о человеке «просто», как я тебе с первого взгляда сказал. Путь писателя бывает разный. Один много вещей напишет, будто бы и нужны они его современности. Ан, глядишь, прошла четверть века, и забыли писателя люди, хотя награждали его и жил он на земле в знатности. Другой мало или даже одну вещь написал, а живет его вещь века, в

поговорки войдет. В чем же здесь дело? В самом простом. Один писал — и сам оценивал свои сочинения, думая, как угодить современникам и получить побольше благ. Он временного искал — временное ему и ответило. Другой в себе осознал единственную силу: Вечного Огонь. Он и в других его старался подметить. Старался видеть, как и где человек грешил против законов этого Вечного и страдал от распада гармонии в себе. Замечал, как иной человек был счастлив, сливаясь с Вечным, и украшал жизнь окружающим. И такой писатель будет не только отражать порывы радости и бездны скорби людей в своих произведениях. Он будет стараться научиться так переживать жизнь, как будто сам стоит в обстоятельствах того или иного человека. Но мало стать в обстоятельства того или иного человека, надо еще найти оправдание каждому в своей доброте, и только тогда поймет писатель, что значит описать жизнь человеческую «просто».

Голос Раданды звучал сейчас совсем по-иному. Бог мой, в скольких аспектах я увидел этого человека за самое короткое время! И я ясно почувствовал, что совершенно не знаю, кто такой Раданда. Не отдавая себе отчета, можно ли так запросто говорить с ним, я мальчишески заявил:

— Представляю себе, в каком более чем жалком положении, гораздо более жалком, чем когда меня трепал Эта, был бы я, если бы кто-либо приказал мне описать Вашу Общину и, главное, Вас.

Раданда улыбнулся, положил мне свою крохотную ручку на голову и близко посмотрел мне в глаза, — Велик и далек твой путь, дитя мое. Сейчас ты еще дитя, и то уже многое можешь. Но будет время, и не обо мне, а о многом большом напишешь. Теперь же иди спать. Завтра я сам пойду с тобою по колонии Дартана. Там многому научишься и многое-многое из векового страдания людей прочтешь. Не жди И., ложись спать. Мы с ним обойдем еще кое-кого, кто в эту ночь нуждается в утешении.

Раданда перекрестил меня. Мне стало необычно легко радостно. Я точно в сказке, все забыл и, взявши Эта на руки, пошел к себе. Как я был благодарен Раданде! И, с другой стороны, как я понимал свою детскость! Еще и еще раз я увидел, как устойчива должна быть гармония в человеке, чтобы он мог чего-либо достичь в деле дня, и какое мужество должна нести в себе сила мужчины.

Уложив спать Эта, я благословил все живое во Вселенной, благословил милосердие моих наставников и лег на свою полотняную постель, впервые ясно сознавая, что стою на грани от детства и юности к зрелой молодости.

Ночь минула быстро. Я проснулся от гудения колокола и толчков Эта. На этот раз я уже ясно и твердо помнил, где я, кто и что вокруг меня.

Первым, что бросилось мне в глаза, была записка И., лежавшая на стуле рядом со мной.

"Как только встанешь и приведешь себя в порядок, приходи в покои Раданды возле трапезной. Эта оставь у Мулги. Раньше, чем уйдешь из дома, зайди к Андреевой и передай ей, что я поручаю ей на сегодняшний день Бронского, Игоро и Герду. Пусть до самого ужина проведет с ними день и распределит в нем занятия как сама найдет нужным".

Записка И. окрылила меня. Быстро справившись с делами, я полетел в покои Раданды. По дороге я несколько раз возвращался мыслью к Наталье Владимировне и не мог разгадать почему, когда я передавал ей поручение И., она пристально вглядывалась в меня и сказала: "Счастливец, Левушка". Мысли мои перескочили с нее на ее близкого и неразлучного друга в Общине Али — Ольденкотта. Только сейчас я сообразил, что я его нигде не видел с самого въезда в Общину Раданды, что он не жил в нашем домике, не бывал с нами в трапезной и что я о нем ничего не слышал все эти дни. Я решил немедленно же спросить у И. об этом милом и чудном добряке, но, пока шел, поостыл в своем решении, вспомнив, что любопытство во мне не может порадовать И. Должно быть, для Ольденкотта, как и для Зейхеда, которого я тоже не видел в Общине, предназначался особый путь уединения. Весь под впечатлением этих мыслей, я сдал Мулге Эта, что было принято обоими новыми друзьями более чем благосклонно, и постучался в дверь Раданды. Он сам открыл мне и, хитро оглядывая меня с ног до головы, сказал:

— Беги скорее в душ, пока И. тебя не видел. Где это ты так запылится, точно по пустыне бежал?

Я посмотрел на свои сандалии, которые так недавно усердно чистил и завязывал, переконфузился и даже расстроился: и сандалии, и весь подол платья — все было серым от пыли. Увлеченный размышлениями и жаждой поскорее свидеться с И., я забыл об осторожности и легкости походки. Извинившись перед Радандой, я помчался в душ. Тут уж я сам прочел себе предлинную нотацию и, наконец, очутился в приличном виде перед И. Мой снисходительнейший наставник ни единым словом не дал мне заметить, что знает о моей неловкости, не укорил за опоздание, но ласково со мной поздоровался. Пройди, Левушка, на балкон, там тебе оставлена еда. Кушай не спеша и вернись сюда. Ты пойдешь с Радандой, как он тебе обещал, по сектору Дартана. С ним же возвратишься обратно и поедешь со мной навстречу возвращающемуся Яссе.

Навстречу дорогому, любимому Яссе! Тут я понял, почему сказала мне Андреева: "Счастливец, Левушка!" Да, действительно, я был счастливцем.

Широко раскрылись двери моего сердца не только для Яссы, который — я был убежден — возвращался победителем, но для всего мира, точно вместившегося во мне. Открылось мне, как глубоко надо проникать в сознание встречного человека. Я ощутил живыми и действенными вечерние слова Раданды, что надо уметь не только встать в обстоятельства человека и отразить их в слове, но и оправдать каждого, понимая это слово не как быт его произносит, но как чистое сердце может воспринять в себя вечный путь ближнего. Я шел, и радость пела во мне, хотя я отлично понимал: того, что я достиг сегодня, завтра будет уже мало. Все же я был счастлив, не мог не улыбаться, и все, кто встречался мне, отвечали мне улыбками.

"Путь радости — путь счастливых избранных", — вспомнил я слова И. И впервые я оценил свое величайшее счастье, осознал на опыте дня, что иду путем творческой радости, внутри меня живущей.

Я быстро покончил с завтраком, и это казалось мне сегодня скучной необходимостью. Я возвратился к И., где меня уже ждал Раданда с посохом в руках.

Когда мы вышли на яркое солнце, я в первый раз имел возможность рассмотреть лицо настоятеля на полном свету. Я увидел, что старость Раданды, которая так поразила меня в момент первой с ним встречи, выражалась не в морщинах, а в какой-то особенной серьезной мудрости. Кожа была гладкая, темная, как древний пергамент.

Добрые глаза, ясные, светились как лампы. И цвет их все время менялся от голубого к фиолетовому. Вся его фигура, как всегда окруженная светящимся радужным шаром, была прямой, и я теперь не понимал, почему Раданда в первую минуту встречи и в трапезной показался мне таким древним. И вместе с тем я и сейчас воспринимал его необычайно древним, точно он жил уже века.

— Не углубляйся в преждевременные вопросы, друг. Думай только о поручении Дартана. Оно составляет твое главнейшее «сейчас».

Неожиданно для меня Раданда свернул в тенистую аллею.

Голос его звучал добротой. Но если перевести на язык музыкального восприятия, то интонация его была для меня неожиданностью. В тоне его не было строгости, но такая огромная серьезность, которая сразу напомнила мне, к какой священной и ответственной задаче я готовился приступить. Лицо Раданды, когда он посмотрел на меня, было похоже на лик одного из святых, которых так любят изображать русские живописцы светящимся. Из его глаз, лба, горла точно выскакивали искры рубинового цвета и кололи меня, как маленькие электрические разряды. Сначала они

только кололи меня, но через несколько минут я стал чувствовать такую бодрость и радость, такая сила мира окружила и проникла в меня, что я невольно прильнул к Раданде и поцеловал его сухонькую ручку. Он ответил мне пожатием и притянул к себе.

— Мы с тобой подходим к часовне радующихся, дружок. Ее происхождение очень, очень древнее. По преданиям, она была основана Божественной силой в незапамятные времена. Тогда, когда пустыня была морем, а место, где теперь Община, — островом. В противоположном конце, за уединенным скитом, есть такого же древнего происхождения вторая часовня — часовня плачущих. Когда созрешь, окрепнешь духом, чтобы нести утешение и оправдание плачущим, мы с тобой пройдем и в ту часовню. На этот раз мы припадем к стопам дивной статуи Великой Матери, высеченной из никому не ведомого камня. Говорят, она высечена из белого коралла, но я знаю, что не так называется этот материал. Ты сам увидишь, что сияние статуи, ее пропорциональность и красота, все линии, создающие одно гармоничное целое, не могли быть созданы рукой простого ваятеля. Скульптор обладал не только даром артиста, но и дух его должен был гореть Огнем Вечного. Поэт, ее сотворивший, не знал ни одного мгновения меркнувшей Радости, иначе он не мог бы создать подобной красоты. Надо было носить ее в себе, чистую, неомрачаемую Радость, чтобы каждое сознание, преклоняющееся в чистоте перед этим отражением его духа, его живого Единого, укреплялось и собиралось в непобедимую силу Радости. Сама жизнь одухотворяла ваятеля и одухотворяет до сих пор его произведение. Преклоняясь перед хранимым здесь изображением Великой Матери, которую мы зовем Радостью, надо самому звучать всей полнотой счастья жить, всей верностью заветам своего Учителя, чтобы слиться с той силой, что изливает Великая Мать на каждого склоняющегося пред Нею в своей полной гармонии. Я связал тебя с моей аурой и отдавал тебе искры моей Любви, чтобы ты мог войти в часовню, неся в сердце песнь торжествующей Любви. Возьми мою руку. Слейся с моим Единым.

Проси Великую Мать помочь тебе отдать всю силу преданности чудесному делу служения Жизни, в Ее форме современного тебе человечества, как писателю — слуге своего народа. Склоняясь, благодари, благословляй Величие, давшее тебе частицу Своего гения. Склоняясь, проси Мать принять в свою защиту твой дар, чтобы никогда сомнение или колебание не овладели тобой. Склоняясь, отдавай Ей хвалу и проси легкости твоей мысли, силы твоему слову, образности твоей фразе, мощи твоей проникновенной фантазии. Той творческой фантазии, что черпает

свое начало в интуиции, но не в эмоциях чувственности. Склоняясь, проси понимания, где лежит путь к Вечному в каждом и как в каждом оправдать его топкое болото слез и страстей. И тогда найдешь путь писать просто.

Раданда взял меня за руку и свернул на маленькую, еле заметную тропочку, ведущую в густые заросли кривых кустарникообразных деревьев, никогда мною не виданных.

Без него я и не разглядел бы тропочку. Она извивалась, и много раз мне казалось, что она упирается прямо в стену густого высоченного кустарника. Но каждый раз Раданда находил узенький, едва заметный проход. Сделав много поворотов в этом лабиринте, мы вышли на небольшую площадку, где полукругом росли мощные кедры и в самом их центре стояла часовня.

Как описать мне это дивное зрелище? На темном фоне кедров, под синим небом, под знойным, сверкающим солнцем пустыни, высоко над белой, резной, как тончайшее кружево, лестницей стояла такая же белая, легкая — казалось, дуновения ветра довольно, чтобы унести ее с места, — часовня. И внутри ее высилась статуя, изображавшая женщину, на очаровательную голову и плечи которой ниспадало розовое покрывало.

Я стоял как зачарованный, не в силах оторвать глаз от дивного зрелища. Руки статуи, руки божественно прекрасные, были полны цветов самой разнообразной окраски, что делало их еще более похожими на живые. Вся статуя, ее покрывало, цветы, все переливалось разноцветными красками дрожавших под солнечным сиянием огней, мягкими, как краски венецианского стекла. У меня была полная иллюзия, что статуя вырезана из гигантских жемчужин белого и розового цвета.

— Собери силы духа, сбрось с глаз покровы телесные, друг, и неси славословие Жизни. Путь красоты и единения в ней может нести тот, кто сольет свою чистоту и Радость с этой сияющей Живой Красотой.

Раданда оставил посох и сандалии внизу у лестницы. Я последовал его примеру, снял сандалии и вынул из кармана сумку с письмами. Раданда снова дал мне руку, и мы стали подниматься по восхитительным кружевным ступеням. По первым ступеням лестницы я шел легко. Они казались мне даже прохладными. Но чем выше мы поднимались, тем тяжелее мне было идти. Сердце мое билось, точно молотом стучало в висках. Ступени жгли мне ноги, как раскаленный песок пустыни. По всему моему телу пробегала дрожь. Пот катился ручьями по лицу. И чем выше мы шли, тем все сильнее были мои мучения. Но я крепко держал руку моего милосердного водителя, и теперь она казалась мне железной по своей силе и лила прохладу в мои огненные члены.

Мы взошли на последнюю ступень. Я стоял точно в огне костра, но вся физическая пытка казалась мне пустяком. Я глядел на улыбавшееся мне божественное лицо статуи, забыл обо всем земном и не мог оторвать взора от сиявшей фигуры. Она действительно была воплощением Жизни в Ее аспекте Красоты. Освободив свою руку из руки Раданды, я поднял обе руки вверх и воскликнул, опускаясь на колени:

— О, Великая Мать, сгореть в огне и отдать жизнь хочу я в этот миг, ибо я видел Тебя, я постиг счастье и радость понимания, что значит Свет Вечности. Если мне суждено жить, прими меня в слуги Твои, в певцы твоей красоты и радости. Жить, не нося Тебя в сердце, я больше не могу. Пусть придет мгновение смерти, если я недостоин восхвалять Тебя каждым своим дыханием! Не помню, что было дальше. Мне казалось, что руки Раданды поддержали мое готовое рухнуть тело. Мне мерещилось, что Великая Мать мне улыбнулась и подала розовый цветок, сказав, что то цветок радости. Огненный столб ослепил меня...

Когда я очнулся, Раданда, стоя на коленях, обнимал меня одной рукой и говорил:

— О, Великая Мать, цветок твой подан верному и бесстрашному сыну. Прими меня, его поручителя, и его самого в Огонь утверждающей и освобождающей Радости Твоей.

С необычайной силой Раданда поднял меня с колен. Мы еще раз склонились перед дивным ликом, и мой покровитель насильно увел меня из часовни, откуда я не хотел уходить.

Спустившись вниз, я стал сознавать, что я весь изменился, точно стал другим человеком. Как когда-то в тайной комнате Ананды в Константинополе я плакал последними слезами детства и перешел в возраст мужчины, так сейчас с меня сошли последние остатки духовной юности — я осознал себя действенной единицей Всего творящего. Когда по дороге я наклонился, чтобы поправить сандалии, из-за моего пояса выпал чудесный розовый цветок. Я на лету подхватил его, не дав ему коснуться земли, и с удивлением уставился на Раданду — хотел спросить его, что это значит. Но он, положив руку на мой цветок, тихо сказал:

— Ни слова, друг. Есть вещи столь великие и священные, что о них не говорят.

Вовеки помни, где был, и, если будешь верен данному тебе завету: радости — еще придешь. Но храни полное молчание обо всем, что здесь испытал.

Он взял меня за руку, и мы пошли дальше по молчаливому парку. Достав из своего кармана маленькую коробочку, Раданда подал ее мне.

— Возьми вот эту вещицу и вложи в нее твой цветок. Храни его всегда при себе, и пусть священная эмблема, данная тебе сегодня, вырастет во многотомное, необходимое людям творчество писателя.

Коробочка была зеленая, продолговатая, куда легко лег мой цветочек, и на крышке ее был изображен белый павлин, ну, точь-в-точь мой красавец Эта. Я уложил мой цветок и любовался им.

— Теперь подумай, какое счастье для тебя и всех, к кому ты сейчас идешь, встретиться именно в этот день и час твоего великого озарения. Неси им Свет, трепет которого коснулся тебя.

Не дав мне времени поблагодарить его, Раданда быстро пошел вперед, а мне хотелось пасть ниц перед ним и произнести в его лице славословие всей Вселенной.

Мы шли довольно долго и скоро, но я не ощущал ни зноя, ни усталости. За плечами у меня точно крылья выросли, мне даже казалось, что я ощущаю их движение.

Первыми, кого мы посетили, были сестры Роланда и Рунка. Они поразили меня тем, что сидели на скамеечке возле своего дома готовыми в поход и ждали нас, несколько не удивившись Раданде. Я не смел спросить, каким образом они могли знать, что я приду не один, но по мимолетной улыбке на губах Раданды, по беглому взгляду, брошенному мне, я понял, что он прочел мою мысль, хотя она едва мелькнула. Этот маленький инцидент снова ввел меня в сосредоточенное внимание.

Еще раз я увидел, как неустойчива моя мысль, как достаточно малейшего предлога, чтобы я рассеялся. Я погладил рукой мою коробочку, где сохранялся божественный дар милосердной Матери, и стал внутренне снова перед Нею, моля моих великих защитников Флорентийца и И. помочь мне жить и действовать в Ее атмосфере.

— Нет, Дети. С Деметро и его матерью мы встретимся в одном из соседних с ними домов. Они ведь без дела сидеть не любят, поэтому непременно пойдут куда-либо обсуждать принципиальные вопросы, чтобы провести с людьми время до обеда, — услышал я юмористический голос Раданды. — Пойдемте, прежде всего, к художникам фарфорового завода, таким же усердным труженикам, как вы обе, милые сестры. Они только что возвратились из оазиса темнокожих, где добились новых успехов в росписи. Они полны энтузиазма, сейчас отдыхают и будут рады нас видеть.

Раданда шел впереди, и шел он так быстро, что поспевать за ним было трудно ногам, но весело сердцу. Неожиданно для меня он свернул к красивому домику с палисадником с очень художественно рассаженными цветами и быстро поднялся по ступенькам прелестно декорированной

террасы. Все — от малейшей складки белого холста, драпировавшего широкое окно, до гармонично подобранной цветовой гаммы декоративных и цветущих растений — все говорило, что красота здесь не внешнее приложение к существованию, но необходимость, простое выражение потребности духа жить в ней. На звук наших шагов на террасу вышел высокого роста человек в белом хитоне, надетом на греческий манер, и, увидев Раданду, весело воскликнул:

— Какая радость, отец, видеть тебя и твоих спутников в нашем доме! И еще большая радость, что ты пришел именно в тот час, когда я так стремился к тебе. Мне не терпится показать тебе наши достижения.

Человек этот, в котором каждый мог бы признать артиста, напомнил мне Бронского некоторыми характерными чертами манер и внешности. Какая-то до сих пор только в Бронском подмеченная мною освобожденность движений придавала всей его фигуре легкость и элегантность.

— Здравствуй, друг! И я очень рад, что пришел к тебе вовремя. Вот, познакомься с нашим гостем, молодым другом И. Он привез тебе письмо из оазиса, а также посылку от Дартана. Но за посылочкой ты сам к нему придешь, а письмо получи сейчас.

Зовут твоего милого письмоносца Левушкой. Наверное, он уже оценил все то, что из твоих трудов в Общине видел. Он писатель и чуток к красоте. Вы, наверное, подружитесь. Это, Левушка, тот художник, формой чашек и рисунками которого ты так восхищался. Зовут его Грегор.

Грегор очень любезно поздоровался со мной, поблагодарил за похвалу его произведениям, которую я не замедлил повторить, но лицо его, как только Раданда упомянул об оазисе, из сияющего, радостного стало серьезным, глаза отразили печаль и даже боль.

Я вынул сумку с письмами и на самом верху увидел большой конверт, где было написано по-латыни: "Другу, брату и сыну Грегору Стафилион, художнику".

Я подал ему письмо, всем сердцем призывая Великую Мать помочь мне внести мир и облегчение в сердце художника. Душа моя, мои внутренние очи духа, как и внешние мои глаза, были так полны обликом Великой Матери, Ее атмосферой живой Радости, что, подавая пакет, я жил у Ее ног, моля Ее стать заступницей и оправданием печали этого человека, талант которого сквозил во всех его движениях, как горящий внутри мраморной вазы светильник.

— Спасибо за письмо и за то доброжелательство, с которым оно подано. Он пожал мне руку, и от его пожатия волна теплоты еще больше

прилила к моему сердцу, я был тронут, что Грегор почувствовал несущуюся к нему любовь и ответил на нее.

— Какая радость! Ты здесь, отец, редкостный гость, и даже со спутниками! Оглянувшись на раздавшийся сзади меня голос, я увидел человека среднего роста, одетого так же, как Грегор, слегка напоминавшего его родственным сходством в лице, но совершенно разнившегося фигурой, волосами, манерами и движениями. Он весь был сплошной темперамент. И речь его была быстрой, слова сыпались четко, точно скороговорка. Все его члены были точно ртутью налиты. Но вместе с тем суетливости в нем не было. Каждое движение было точно, ловко. Бросалось в глаза, что у этого человека был совсем особенный глазомер, то он нигде не споткнется, ничего в своей стремительности не заденет, а, наоборот, может и умеет сделать на практике все, о чем думает и чего хочет. Человек поднялся на террасу, Раданда обнял его.

— Тебя, Василион, без горшка с цветком увидеть трудно.

— Да ты посмотри, отец, что за цветок! — поднося к глазам Раданды горшок с прелестным розовым цветком, сыпал словами Василион. — В последний раз, когда Дартан был здесь, он привез мне два жалких цветочка этого вида. С таким трудом я вывел эти горные лилии в оранжерее оазиса, а без меня никто не смог их там разводить. Я не надеялся вывести их вновь здесь, и вот, посмотри, что за чудо природы. Что за цвет, розовый, переливчатый! Что за радужное сияние! Ведь это будто из розового и белого жемчуга божественная рука вырезала цветы. Этакая красота. — Василион высоко вверх поднял руку с горшком. — Грегор, первая проба этого цветка, воспроизведенного на чашках, — отцу и его сегодняшним спутникам.

О, как я буду стараться, дорогой отец, чтобы цветочек на чашке казался живым и отливал своим радужным жемчугом.

Василион, казалось, забыл обо всем и обо всех. Вся его фигура выражала порыв восторга. Глядя на него и его цветок, я подумал, до чего целен этот человек в своем порыве, и что часовня Великой Матери была бы лучшим местом для его цветка, почти в точности отображавшего цвета дивного сияния Ее статуи. Мимолетный взгляд и улыбка Раданды снова дали мне понять, что и эту мою мысль он прочел. Я же вспомнил его слова: "Есть вещи столь высокие, священные, что о них не говорят".

Мысленно я еще раз преклонился перед статуей, из атмосферы которой выйти уже не мог, и послал благоговение труду артиста, в таком восторге созерцавшего красоту цветка — Брат, цветок очарователен, но: твоя любезность хозяина далеко не очаровательна. Познакомься с новым гостем,

поблагодари сестер-затворниц, которые ради нас нарушили свое домоводство. — Грегор взял цветок из рук брата, подвел его к нам, стараясь свести на землю с его цветочного неба.

— Тем более будь внимателен, что этот юноша не только посол Дартана, но друг и секретарь Учителя И.,- прибавил Раданда, пристально глядя на здоровавшегося о мной и радостно мне улыбавшегося Василиона.

Потрясающая перемена произошла с его смеющимся и радостным лицом. Оно побледнело, бледность сквозила даже под сильным загаром. Рука, пожимавшая мою, за мгновение теплая, стала ледяной. Человек пошатнулся и грузно оперся о мое плечо, которое я поспешил ему подставить.

— О, Боже, мой! Уже! — шептал он, опустив голову мне на плечо. — О, я не готов, не готов. Неужели так быстро промчались десять лет?

Он еще сильнее сжал мою руку, еще грузнее теперь опирался на меня. Я впервые почувствовал в себе огромную физическую силу, которой раньше в себе не знал.

Впервые понял, как я стал высок ростом, ибо голова Василиона приходилась на уровне моего плеча. Что я рос очень сильно, это я и сам замечал и видел в этом только чудо воспитательных талантов И. Что же касается новой и внезапной силы, то для меня сомнений не было: она пришла в момент моего посещения часовни. И еще яснее я понял, как все в человеческом организме должно быть в полной гармонии. Я не мог бы вынести той мощи волн Радости и Света, что влились в мой организм, ослепив меня, на мгновение почти убив и превратив в одну из нот божественного аккорда Великой Матери, если бы я не превратился в Голиафа: Василион, за минуту весь воплощение энергии и действия, сейчас был инертен и безнадежен. Я усадил его в кресло и встретился взглядом с Грегором. Бог мой! Какой полной противоположностью своему брату был он сейчас. В его лице и помине не было той печали, какая скользнула по нему при упоминании имени Дартана. Оно точно солнцем светилось от радости. Имя И. вызвало на поверхность все благоговение, таившееся в его сердце. Он был уверен, спокоен, прост. Он подошел ко мне.

— Каким гонцом счастья входите Вы в этот дом! Более великой минуты, чем свидание с нашим спасителем, Учителем И., не могло наступить для нас. Не обращайтесь внимания на расстроенность моего брата. Его первые слова — слова отрицания — только грубая внешняя отрывка старых-старых привычек мышления. Давно уж, как это хорошо знает наш любящий и любимый отец, друг и защитник Раданда, он оставил губившее его жизнь отрицание. Он всеми силами стремится утверждать Жизнь и

разделять Ее труды в своем сером дне. Не судите его и меня строго, — голос Грегора звучал проникновенно.

— Мне судить Вас? О, друг, что Вы говорите? Мне, такому несовершенному человеку, к которому так незаслуженно было проявлено столько милосердия, судить пути достижения людей? Чем больше сближаюсь с людьми, тем все глубже вижу и ощущаю, что такое милосердие и как далек я сам от возможности и умения проносить его в свое общение с людьми.

— После прочтешь письмо свое, Грегор. И Василиону Левушка подаст его письмо позже. Никогда не надо приступать к чтению ответственных бумаг и к каждому большому делу, пока не привел весь свой организм к полному спокойствию. Что же это такое, дети мои дорогие, полное творческое спокойствие? Для каждого ученика это слияние его Единого с Единой Творящей Жизнью и в Ней общение с людьми и делами. И к такому общению всегда надо подготовиться человеку. Тебе, Василион, мое особое слово. Вот получил ты весть, которую искал и ждал более половины жизни. Надеялся, к ней благоговейно стремился и старался приготовить дух свой. А пришла весть — и первое твое слово ей в привет и встречу было словом отрицания.

Запомни навсегда эту минуту, чтобы больше не повторить своей ошибки. Милостивый провидец, Учитель И., не дал тебе внезапной встречи с собой, чтобы ты не нанес себе и всему своему пути непоправимого вреда. Он послал к тебе нас с Левушкой, подкрепив нас предварительно своею любовью и Радостью Великой Матери, чтобы в Ее атмосфере милосердия мы, грешные, имели силу любви принять на себя твой удар отрицания. Чтобы мы могли найти тебе оправдание и ввести тебя в атмосферу Ее мира и успокоения. Восстань, оправься, передай своей внешней форме внутреннее ликование твоего духа и неси новый день счастья жить легко. Вдумайся, что побудило тебя сказать: "Я не готов". Страх. Только один страх великой ответственности перед Вечностью заставил уста твои высказать движение ума и опередить творческую работу; сердца. Вот о чем говорит Учитель: "Убей ум". То есть дай время всему себе войти в гармонию, установи в себе тишину, чтобы ждущее тебя на пороге озарение могло встретить в тебе волну тех вибраций, которые ему необходимы, чтобы быть воспринятыми тобою. Ум, работающий не в гармонии с творчеством сердца, не может работать в Мудрости. А потому не может и ухватить вибраций Мудрости, хотя бы Она стояла рядом. Друзья и дети, — снова обратился Раданда ко всем нам, — вынесите из данной вашей встречи вечную память о двух ученических правилах:

1. Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но каждый человек тебе великий Учитель.

2. Важно точное и цельное действие человека сейчас, а не десять минут спустя.

Пойдемте дальше.

Раданда взял Василиона за руку, встряхнул его с такой силой, что тот покачнулся, ласково его к себе притянул.

— Забудь теперь о себе и думай о других. Полчаса назад ты умел думать только о деле красоты для блага людей, стараясь единиться с ними в прекрасном. Десять минут назад ты думал только о себе, забыв обо всем окружающем. Ни то, ни другое, мой милый. Любя побеждает тот, кто живет в Вечном. Тогда он не скачет мыслями и настроениями от личного к безличному. Но трудится в ровной радости, в труде своем подавая каждому то зерно Вечного, которым живет сам. Живи отныне не в кажущемся смирении, а в истинном. Тогда всякий дар Милосердия воспримешь в благоговейной радости. И благодарность твоя Истине выразится в труде дня — легком, бесстрашном, уверенном и простом. Ты не будешь думать, избранник ли ты, достоин или не достоин поданного тебе милосердия. Ты будешь счастлив в усердии сливать со своей жизнью и знанием каждое: встреченное сознание. Это не значит, что каждому ты будешь предлагать разделить твое Святая Святых. Это только значит, что, храня тайну твоего откровения, ты будешь стремиться вовлекать каждого в результат твоего живого труда, в твою любовную радость. Будешь, стараться видеть во встречном его святыню. В благоговейной радости будешь отыскивать нем Свет и в своем оправдании помогать его равновесию укрепляться.

Рука об руку с Василионом Раданда стал спускаться со ступеней террасы. Все в природе и в сопровождавших старца людях казалось мне сегодня прозрачным и сияющим. Шар же самого Раданды на этот раз казался мне переливающимся кругом розового и белого цветов, которые были так густы и плотны, что закрывали не только все другие цвета его обычно радужного шара, но даже и фигуру шедшего рядом с ним Василиона. Мы прошли несколько аллей и остановились у очень банального двухэтажного дома, в архитектуре которого сквозило много претензии на утонченность вкуса. На самом же деле дом был воплощением бездарности и буржуазности. Это здание здесь, в Общине, меня несказанно удивило. Оно было ярко-зеленого цвета, с белыми колоннами и напоминало неуклюжее подражание древним венецианским домам. Тут же красовался греческий фронтон и простое, как у французских вилл, крылечко, увешанное раковинами и разрисованное букетами цветов. Затейливые

балконы и террасы лишали последней грации это создание чьей-то фантазии.

И на этот раз, как тогда, когда мы подходили к дому Деметро и Леокадии, до наших ушей еще издали долетал говор многих голосов. Мне казалось, что я улавливаю могучий голос Деметро, покрывавший общий шум.

Раданда обошел парадный вход и террасы, которых здесь было три, и подошел к описанному мною крылечку. Пропустив нас всех в сени, где шум голосов был сильнее и явственнее доносился из дальних комнат, похожий на гомон базара, Раданда отдал свой посох Василиону.

— Сядь здесь на стул и никого не выпускай, если захочет кто, по глупости, тайно скрыться. Если же кто будет ломиться напролом, поставь ему, Василион, мой посох поперек дороги. Тогда он отойдет от тебя и возвратится обратно. Никакими словами нарушителей запрета не устрашай и не угрожай, просто говори: "Выхода нет".

Сосредоточь свое внимание на том, что я тебе сказал, сын мой. Не суди этих несчастных людей за их тупое отрицание Истины так же, как Истина нашла оправдание твоему отрицанию и послала нас, гонцов своих, возвестить тебе о нем.

Василион поцеловал руку старца, голос которого был добр и кроток, как тогда в трапезной, когда он говорил трем фигурам в незабываемую ночь: Я заметил, как слеза Василиона упала на темную руку старца и как тот нежно погладил по седой голове приникшего к нему человека.

— Уверен будь, — еще ласковее шепнул ему Раданда и жестом пригласил нас следовать за ним.

Мы прошли через три пустых, роскошно и безвкусно обставленных комнаты, миновали огромную столовую, где на столе неэстетично оставались разбросанными остатки пищи, и вошли в заполненный азартно спорящими людьми большой зал. Никто вначале не заметил нашего присутствия. Мы тихо и молча стояли у дверей. Я видел глубоко сосредоточенное лицо Раданды. Он точно молился. Внезапно от его блиставшего шара побежали розовые и белые лучи во все стороны. В комнате стало даже светлее.

Голоса смолкли вдруг, точно все сразу заметили Раданду. Десяток людей оглянулись на него и на нас, и из разных углов послышалось: "Ах!", "Отец!", "Боже мой!", "Как же мы не слышали!" и тому подобные возгласы растерянности и удивления.

— Так, так, дети мои дорогие. Недаром сказано, что не знаете ни дня, ни часа, когда сын человеческий придет. Если вы знали точно день и час,

когда придет к вам Учитель И., и не смогли подготовиться к встрече с ним, что же будет с вами, когда подойдет ваша смерть к вам? Часа ведь ее не знаете. Смерти нет для тех, кто в себе жизнь вечную открыл и ее носит. Когда вы ехали сюда, вы давали обет: до смерти все остающиеся дни трудиться. Вы обещали Учителю И. к его приезду в Общину приготовить образцы своих трудов, показать результаты новой жизни.

Каждому из вас была предложена вся трудовая жизнь Общины — от самых низких форм труда до наивысшей ступени художественной и научной работы. Вы все отвергли.

Тогда я предложил вам самим создать себе новые формы, трудиться каждому по собственному вкусу и усмотрению. Не раз я приходил к вам, напоминал, торопил, молил не терять времени попусту, а приниматься за труд. Только немногие из вас, не больше сотни людей, вошли в трудовую жизнь Общины. Они слились с нею, своими талантами и любовью двинули многое в Общине вперед и двинулись сами в во много раз более расширенном сознании. Они — вами критикуемые и презируемые труженики, труженики на общее благо — ныне освободились от необходимости жить в уединенной Общине, им не нужны более рамки, помогающие дисциплине. Они уже обладают устойчивой самодисциплиной, они могут выйти в широкий мир как новые, полезные единицы вселенной, в которых Жизнь найдет верных слуг, содействующих выполнению Ее плана Вечности. Что же имеете вы предъявить Учителю, мои бедные дети? Результатов ваших споров и разговоров нет. А десять лет вашей жизни минуло.

Учитель здесь, и вы непременно должны дать ему ответ обо всем сделанном вами, что из ваших обетов вы выполнили.

Пока Раданда говорил, люди старались отойти от него как можно дальше в глубь комнаты, точно лучи, исходившие от него, их жгли, хотя я был уверен, что они их не видели. Но с моими глазами творилось что-то странное. Я не видел теперь — как раньше — человека в плотной форме. Я видел в каждом несколько пластов мутной или светящейся материи, как бы облекавшей и проникавшей одна в другую, в самой глубине которых сверкали движущиеся центры. У тех людей, где оболочки были светлы и прозрачны, центры эти были больше, сияли и двигались с вихревой быстротой. Там, где оболочки были похожи на пласты вязкой тины мутно-серых ли зелено-черных тонов, центры эти еле виднелись и едва заметно двигались. Я взглянул на Раданду и понял — то, что я принимал за его светящийся шар, было сиянием его вращающихся центров, расположенных, как сверкающие цветы, среди массы светящейся материи,

которой было окружено его тело. Сливаясь в своем движении, сверкая и переливаясь, эти центры и производили впечатление шара.

Люди, наполнявшие комнату, — как это и предполагал Раданда, — пытались выйти из дома через крылечко, но возвращались обратно, не выпущенные Василионом. Из зала еще одна дверь вела, очевидно, к террасам, но сейчас она была заставлена каким-то громоздким шкафом, наподобие готического, тоже довольно безобразным по форме. Мимо же Раданды никто не решался пройти, все сгрудилось у окон, растерянно, уныло, а некоторые, злобно поглядывая на нас.

Случайно взгляд мой упал на тоненькую женскую фигурку, одиноко стоявшую у окна.

Это была совсем юная девушка лет четырнадцати, смотревшая на Раданду сияющими глазами, и, когда лучи Раданды добежали до нее и совсем ее окутали, она быстро пробежала через весь зал, упала на колени перед старцем, схватила обеими руками его руку и быстро заговорила:

— Отец, дорогой, спаси меня, помоги мне. Я так хочу учиться, я так люблю людей. Дедушка Рассул велел мне ходить в школу, но ни мама, ни брат об этом слышать не хотят и не позволяют мне даже выходить из дома. Я много раз пыталась добраться до тебя, каждый раз меня ловили и запирали дома. Помоги мне, научи меня разобраться, где правда. Я ничего не слышу вокруг себя, кроме злой критики Общины, и понятия не имею, что такое ты и Община на самом деле и зачем мы живем здесь, если моим родителям и всем их друзьям так не нравится Община.

Не успел Раданда поднять девушку с колен и поставить рядом с собой, как из толпы вышла величественная женщина, очень красивая, и с чрезвычайной надменностью обратилась к Раданде:

— Пожалуйста, отец, не обращай внимания на истерические выходки нашей дурно воспитанной дочери. Все это плод ее фантазий, которым с самого детства потакал дедушка Дартан. Прости, пожалуйста, я так растерялась, что даже забыла первый долг вежливости и не предложила тебе сесть. Но выпад моей ненормальной дочери меня потряс.

— Так, так, Анитра, друг. Тебе танцевать фантастические танцы, которые ты считаешь верхом искусства, ничто не мешало. И ты никогда не терялась и не смущалась, нарушая ими чей-либо покой. Как много раз я к тебе приходил, и ты, занятая каким-либо замысловатым па, не имела ни времени, ни возможности предложить мне сесть. И все, чем ты провожала меня, была небрежно кинутая какому-нибудь свидетелю твоих балетных упражнений фраза: "Слава Богу, отделалась от назойливого старикашки". Бедная Анитра. Ты не подумай, что я упрекаю тебя.

Нет, нет. Видишь ли, друг, ничьи глаза нельзя раскрыть насильно. На земле очи каждого раскрываются только тогда, когда он долго и много трудится: На земле нельзя жить без труда, в праздности. Это место среди всех мест вселенной — путь труда. Если бы ты училась танцам, чтобы достичь в них искусства и передавать его другим, вдохновлять им твоих ближних, пробуждать в них стремление к благородству и красоте, твой путь плясуньи был бы священен и благословен. Но ты думала не о людях, а о самой себе, о своих собственных прелестях, пленять которыми — без белил и румян — становилось уже трудно. И потому ты потратила время даром. Ты забыла самый первый закон тружеников земли: оставь себе заместителя. Ты не только никого не привлекла к делу красоты, но каждого, кто подходил к тебе, желая учиться, отталкивала, опасаясь соперничества. Попробуй сейчас, хоть один раз за всю жизнь, радостно подумать о другом человеке, а не о себе одной.

Предоставь дочери своей свободу жить, как она хочет и понимает, учиться чему хочет:

— Да что ты такое говоришь, отец! — резко перебила Анитра Раданду. Она краснела и бледнела во время его слов и теперь едва сдерживалась, чтобы не сказать грубости. — Ведь ты в своей, — она чуть запнулась, — житейской неопытности не можешь понять желаний моей дочери. Если завтра ей дать разрешение жить по ее воле и вкусу, то она завтра же и поступит сиделкой в твою больницу, оправдываясь тем, что ничего иного, как ходить за больными, делать не умеет. Она своенравный и злой ребенок.

Анитра резко повернулась к окружавшим ее людям и резко выкрикнула:

— Адам, Рамза, мужчины! Что же и на этот раз вы, муж и сын, оставите меня, женщину, сражаться одну? Вы слышите, что меня оскорбляют, говорят, что я никогда не была доброй, и вы молчите? Что ты подразумеваешь под словом «труд», это я; отец, хорошо знаю. Довольно посмотреть на Роланду и Рунку, которые всем своим видом доказывают, что они забыли, что они женщины. Довольно посмотреть на Грегора, вечно испачканного глиной. Уж не говорю об остальных, поддавшихся твоим проповедям о труде на благо людей. Я уверена, что Учителю И. и в голову не приходило понимать труд так, как ты его понимаешь. Сделай одолжение, верни мне дочь, по своей глупости прячущуюся за твоей спиной.

Видя неподвижность и молчание Раданды, Анитра вытащила из толпы пожилого человека, у которого был очень растерянный и несчастный вид. Он кротко смотрел на свою мучительницу, которая тащила и подталкивала его по направлению к Раданде.

— Проси, Адам, требуй обратно дочь. Хоть раз докажи, что ты

мужчина. Не смей отказываться, иди.

— Анитра, милая, приди в себя. Ведь ты же добрая женщина, не выказывай себя хуже, чем ты есть.

Адам моляще, ласково глядел на свою мучительницу, которая несколько не внимала его мольбам. Тогда неожиданно ловким и сильным движением, что совсем не соответствовало его слабому сложению, Адам вырвал свою руку из руки жены, сделал несколько быстрых шагов к Раданде и упал перед ним на колени.

— Дорогой, святой отец, я так долго мечтал встретиться с тобою. Но каждый раз, когда ты приходил сюда, меня не бывало дома. А тебя искать, идти к тебе сам я боялся. Прости нас. Я осознал уже давно, что мы живем не так, как обещали Учителю И. Я уже начал работать. Грегор — втайне от жены моей — взял меня к себе на завод, и, кажется, он не недоволен мною. Молю тебя, спаси дочь, спаси прекрасную девочку Санну. Она добра и трудолюбива. И если в нашем доме есть хоть какой-нибудь мир и порядок, то она их источник. Не сочти мою просьбу за жалобу, но:

— Прекрасно, отец, мало того, что ты вечно портил девчонку своим баловством, ты сейчас публично срамишься своей сценой коленопреклонения! Да еще признаешься, что работаешь на заводе у Грегора. Что же ты там, глину месишь, что ли? — выступая из-за спины матери, произнес тонким и неприятного тембра голосом молодой человек высокого роста. Он был так толст, что казался весь налитым жиром. Верхняя губа его обнажала крупные зубы большого рта, и что-то хищное проскальзывало в его лице. Голова его была так мала по отношению к размеру его широких плеч, что казалась булавочной головкой на ките.

— Рамза, Рамза, одумайся, вспомни последний разговор с дедушкой Дартаном, — повернув к нему голову, ответил Адам. Он снова обратился к Раданде. — Отец, не оставь нас твоим милосердием, помоги мне понять, как я должен служить своей жене и сыну, чтобы любовь моя была им помощью и силой. Как мне раскрыть им глаза, чтобы они увидели, как глубоко я им предан, как велико мое к ним уважение и желание внести в их жизнь мир и счастье. Я готов день и ночь трудиться и взять на себя всю тяжесть повседневного труда, лишь бы они были довольны, чтобы на их лицах заиграла улыбка, а не постоянное уныние и раздражение.

— Встань, друг, подойди к дочери твоей, что в слезах молится о тебе. Утешьтесь оба и мужественно старайтесь думать о ваших родных не как о близких вам телесных формах, но как об отдельных частицах Единой Жизни, заключенной в формы близких вам людей. Несите ваши мольбы и заботы не этим внешним формам, но тому Величию, вечному и

неугасимому, что они несут в себе.

Раданда обнял отца и дочь, погладил их по головам и поставил сзади себя. Мне и Грегору он велел встать по обеим сторонам от себя. Из разных концов зала теперь стали выходить одинокие фигуры и, приблизившись к Раданде, становились полукольцом вокруг него. Плотнo прижавшись друг к другу, они точно боялись нападения остававшихся в дальних концах комнаты людей.

— Отец, мы все работаем тайно от наших семей в твоих мастерских и школах. У нас не хватает сил бороться с нашими родными, которые не позволяют нам вливаться в жизнь Общины, а работать таясь нам очень тяжело. Мы много раз хотели прийти к тебе, открыться тебе. Но не хватало мужества. Мы боялись, что ты отвергнешь нас, и тогда наша жизнь в семье станет нестерпимой.

Это говорил юноша с кротким и болезненным лицом, боязливо оглядываясь назад и подходя к Раданде. Ему, очевидно, хотелось еще ближе подойти и спрятаться за Раданду, но он не смел.

— Так, так, все я знаю, дети мои, не может быть тайн в Общине. Работали вы хорошо, и я не мешал вам. Пока же вы сами не преодолели страха и не заговорили, не мог я ответить вам. Идите, идите, становитесь за мной, никто вас не тронет.

Раданда пропустил людей в глубь нашего кольца. Увидев такой результат речи юноши, еще десять фигур бросились к Раданде, и он, молча и улыбаясь, впустил и их в наше кольцо.

— Так, так, вот и произошло отделение козлиц от овец, — покачивая головой и ласково глядя на хмурых, сбившихся в кучу у окон возле Анитры людей, сказал старец. — Что же вы молчите? Неужели, дети мои, не найдете ласковых слов, в которых поручите мне выпросить для вас у Учителя И. оправдание и извинение?

— Какие слова нам тебе сказать? — грубо выкрикнул Деметро. — Ты ведь сам первопричина той розни, что пошла в наших семьях. Почему ты так вознес Грегора и Василиона? Почему у тебя первый человек всегда Ясса? Почему ты Яссу и Зейхеда отправил давным-давно отсюда? А нас держишь, точно рабов? Мы расскажем завтра Учителю И. о твоей возмутительной несправедливости в оценке каждого из нас. Ты не мог не видеть восхитительных картин моей мастерской, конечно. Но оценка им, как и труду моему, с твоей стороны — нуль. Ты оскорбил самолюбие в каждом из нас. Ты подговаривал Дартана и представлял его глазам нас в том свете, как тебе хотелось.

— Бедный, бедный Деметро, истинно, глаза твои видят, что могут

видеть. Да будет Великая Мать милосердна к тебе и к тем, кто с тобою, — тихо сказал Раданда. Он перекрестил широким крестом всю комнату и ласково прибавил: — Помоги вам Бог завтра. Я буду молить Великую Мать о вас.

Повернувшись лицом к нам, Раданда жестом велел нам выходить. Сзади нас послышался шум какой-то борьбы, я оглянулся и увидел, что Рамза задерживает вырывавшуюся из его рук Анитру. Несколько времени назад ее надменное лицо было не особенно приятным, но в красоте ей отказать было нельзя. Сейчас оно от охватившего ее бешенства стало безобразным. Вдобавок к этой перемене с ее головы со звоном выпал высокий и тяжелый золотой гребень, поддерживавший косы, фальшивые, длинные, змеями скатившиеся на пол. Кое-где послышались злые смешки, но сама Анитра уже ничего не замечала и, вырываясь как кошка, кричала:

— Верни сейчас девчонку! Я тебе не рабыня! Как смеешь уводить мужа и дочь? По твоим глупым правилам прислуги иметь нельзя, так не воображаешь ли ты, что я сама буду убирать дом и заниматься стряпней? Не отдам я тебе их, несчастный старик.

Раданда остановился. Он глубоко вздохнул.

— Тебе, Анитра, как и всем вам, были созданы здесь и в оазисе Дартана наилучшие условия для полного раскрепощения от всякого добавочного труда. И пища, и уход за жильем, и сами жилища — все было предоставлено вам. Все свое время вы могли отдавать любому творческому труду. Дело не в моих умных или глупых запретах, а в готовности каждого человека к раскрепощению, к пониманию, что есть временное и условное, то сгинет, а что останется с человеком во всех его обстоятельствах. В любой, дорогая, форме социального положения можно быть закрепощенным или свободным, если сам живешь в страстях. Тот, кого не треплют гордость, зависть и самолюбие, как злая лихорадка, всегда сумеет внести мир в свое окружение.

Вспомни, бедняжка, где только ты не жила! Где ты только не кочевала, и все тебе казалось, что все тебя ненавидят и преследуют. Теперь, в эту минуту, когда твои преданнейшие слуги покидают тебя, слуги, отдавшие тебе всю жизнь и труд, хоть теперь подумай: кем была ты для них и чем заставила их уйти от тебя? Одна минута полной доброты, одна минута настоящей самоотверженной любви могут ввести тебя и их в новое неожиданное счастье: жить в любви неугасимой Великой Матери. И тогда, поверь, бедняжка, все представится тебе в ином свете, Ты будешь благословлять величайшее из счастья человека: жить в труде.

— Опять проповеди! Опять слова! — закричала Анитра, которая теперь

походила на фурию. — То ты запрещал нам бить детей, уверяя, что таков закон Светлого Братства. То ты вторгался во взаимоотношения между собой наших семей, напоминая нам о наших обетах Учителю И. жить в нравственной чистоте. То ты убеждал нас полоскаться в твоих душах, уверяя, что они куда лучше наших ароматических притираний и лучше охраняют здоровье и молодость. Не перечить всех твоих предписаний. А все это ты делал для того, чтобы сеять между нами рознь, отлавливать в свои сети отдельных членов наших семей. Все, все скажу завтра Учителю И. — Утихни, несчастная, — тихо, но так властно сказал ей Раданда, и такие искры брызнули на Анитру от всей его фигуры, что она опешила и попятилась назад. — Молчи до самого того момента, пока Учитель И., перед которым предстанешь, не разрешит тебе говорить, — все так же властно произнес Раданда, снова повернулся к нам и на этот раз вышел из дома, не обращая внимания на шум и гам, которые поднялись в зале за нашими спинами, как только мы переступили порог.

Взяв в сенях посох у Василиона и опершись вновь на его руку, Раданда сказал Грегору:

— Отведи, дружок, всех, кто с нами сейчас идет, в мои покои у трапезной. Там объясни келейникам, чтобы всех отвели в душ и подали каждому чистое платье да поставили всем приборы за моим столом. И Василиона возьми с собой. А я с Левушкой зайду еще кое-куда. Мы поспеем к трапезе.

Простившись со всеми общим поклоном, Раданда быстро пошел вперед; я поклонился окружающим меня спутникам и помчался за старцем. Какую огромную разницу я должен был констатировать в своих силах сейчас! Ни малейшей слабости, никакого головокружения, ни намек на раздраженность или нервное расстройство от пережитой тяжелой сцены во мне не было. Точно железный, я шел рядом с Радандой, и, как только мы остались с ним вдвоем, меня снова охватила атмосфера счастья, которую я вынес из часовни Великой Матери.

Шагая за Радандой, я перестал ощущать себя как такового, меня наполнял Свет, и все окружающее перестало существовать как мое отдельное, индивидуальное восприятие, но существовало как одно, неотделимое целое.

Мы вошли в узкую аллею высоких цветущих белых акаций. Я взглянул вверх, откуда несся ошеломляющий аромат, и увидел белое море цветов, через которое сквозило синее-синее небо. Жужжание пчел, шмелей, цикад — все сливалось со мной в одну симфонию, я жил, благословлял все живое, и впервые Жизнь была — я и я был — Жизнь. Впервые я охватывал

мыслью и духом все: я понял, где идет граница сознания личного и сознания космического; что такое распад устарелых предрассудков и понятий и как освобождающаяся Мысль льется из человека в действия земли. Я понял великое значение слов: Гармония есть счастье. Понял, что тот в своем счастье непоколебим, кто ощутил Свет в себе как живой импульс жить.

Мы подошли к простому, милому, небогатому дому. Перед ним был разбит скромный палисадник, свидетельствовавший о незатейливых вкусах хозяев. Навстречу нам выбежала небольшая собачка, а следом за ней двое детей — мальчик и девочка лет пяти-шести. Увидев Раданду, дети бросились к нему с визгом и смехом, и я еле успел взять у Раданды посох, чтобы освободить его руки для ребят. Издали к нам почти бежала женщина в простом чистом платье, а из дома вышел мужчина в рабочем костюме. Это, очевидно, была семья. Лица взрослых просияли не менее детских, когда они увидели Раданду. Не давая им времени вымолвить слов привета, старец сказал:

— Ну, вот и пришел я вестником к вам, дети мои. Дедушка Дартан письмо вам прислал и посылочки всем. И вам, пострелята, посылки есть, — глядя прильнувших к нему детей, продолжал он. — Из письма узнаете, как доволен вами и вашей жизнью Рассул, а за посылками придете ко мне сами в трапезную нынче к вечерку. Это не все, подождите благодарить. Учитель И. здесь. Завтра его увидите. Чего же вы испугались? Разве вы не наготовили на всю Общину нового материала для обуви?

Разве где-нибудь еще есть такие прекрасные подметки, как у вас? И кто же догадается, что они из стекла, а гибки и прочны, что тебе кожа. Будьте спокойны и уверены, захватите детей и приходите вечером. Я с вами еще поговорю. Подай, Левушка, письма этим добрым труженикам.

Я был в затруднении, как найти мне письма для новых знакомых, имен которых Раданда мне не назвал, но он чуть улыбнулся и прибавил:

— Ищи надпись рукой Дартана: "Внукам моим Адриану и Наталии".

Я отыскал быстро письмо и подал его Наталии. Впервые в Общине я видел такое лицо. Бледная, вся покрытая веснушками, она смотрела робкими, детскими глазами, из которых, казалось, так и брызнут застывшие в них слезы. Что же касается ее мужа, то он производил странное впечатление. Если бы я встретил его вне данной обстановки и не слышал бы слов Раданды, что он рабочий, я счел бы его за полководца. Его осанка, манеры, взгляд — все говорило: "Я воин". Он смотрел весело, уверенно, и в каждом движении чувствовалась непобедимая воля.

Не успел я подумать о судьбе этих людей, как Раданда уже простился и

повернул к домику, видневшемуся в самом конце белой дорожки. Прощаясь с новыми знакомыми, я старался передать им все счастье своего поющего сердца и помчался за старцем, которого нагнал у входа в дом. Этот дом был совсем простым, вроде того, в котором мы только что были, но много больше.

Войдя в сени, я увидел, что из широкого коридора шел ряд дверей в комнаты. Одна из них открылась, и человек в рабочей блузе бросился к Раданде:

— Отец благословенный, ты пришел к нам! Господи, а наши-то не все еще дома. Ах, как будут жалеть те, что не увидят тебя! Войди, дорогой, в нашу приемную. Мы точно знали — решили устроить себе одну общую приемную, и ты будешь первым в ней гостем.

Человек открыл одну из дверей и пропустил в нее Раданду.

Комната была небольшая. Стены выложены прекрасно отполированным деревом.

Скромная, удобной формы мебель, пол, застланный циновками, как в оазисе Дартана, и несколько шкафов с книгами составляли все ее убранство. Но аромат свежего дерева и поразительная чистота радовали сердце и глаз.

— Здесь все, отец, сделано нами самими. Мы мечтали пригласить тебя, мечтали о твоём визите, как о самом лучшем празднике, а ты взял да сам пожаловал! Ах, как будут огорчены все мои товарищи, которые не увидят, тебя сегодня.

— Никто огорчен не будет, друг Василий. Пойди кликни, кто есть, — письма вам Дартан прислал. — Раданда сел на стул и указал мне место рядом.

Когда Василий вышел, Раданда велел мне отыскать письма, называя имена одно за другим. Оставалось у меня в сумке уже не так много писем, о которых Раданда мне сказал:

— А эти храни. Их пока отдавать нельзя. А как возвратишься из поездки за Яссой, так и передашь. Они тем, кто сегодня последовал за мной, их надо еще приготовить.

Дверь открылась, и человек десять, очевидно, наспех переодевшихся, вошло в комнату. Каждый из них почтительно и радостно целовал крестившую его руку Раданды, и каждому старец возвращал его поцелуй голову.

Ну, дети мои, вот и настал час вашего освобождения. Завтра увидите Учителя И. и пойдете за ним работать в широкий мир. Радуйтесь вдвойне, что срок ваш короче положенного вам Учителем вышел. Не один Учитель

будет вас приветствовать завтра, но все Светлое Братство примет вас в свои члены и отдаст вам свой поклон признания и радости. Полноте, други, не лейте слез.

— Отец, отец, не хочу покидать тебя. Здесь я Свет нашла, оставь меня в нем утвердиться, — говорила одна из женщин, особенно горько плакавшая.

— Вот попроси у Левушки письмо к тебе Дартана. Завтра поговоришь с Учителем, тогда и решишь. Не тебе знать, готова ли ты к труду более широкому или нет. Про то Учитель знает. Тебе, дружок, одно помнить: до конца страх и сомнения победить, верной до конца своему обету быть. Вдумайся: первая твоя мысль сейчас была, что ты не готова, страшна тебе ответственность: А ведь не раз ты от меня слыхала, что жизнь всюду идет на утверждении. Новый приходит к тебе зов Жизни, но в утверждении ли ты этот зов встречаешь?

Раданда приказал мне передать письма каждому лично, и, пожимая руку каждому из подходивших людей, я чувствовал волну Великой Матери, проникавшую в пожимаемую мною руку, как волну теплоты и счастья. По выражению глаз каждого я видел, что волна достигала сердца. Необычайно просто, как будто бы они меня давно знали, они говорили мне слова благодарности, и я знал, что благодарность относилась не к письму, а к тому неосозанному, что приходило к ним через пожатие моей руки.

Прощаясь, Раданда и этих людей пригласил к себе вечером, и, как только мы вышли в парк и направились к трапезной, раздался первый удар колокола.

— Ну, вот, дитяtko, мы вовремя и поспеем. Только тебе нынче в трапезной со мной не быть. Тебя И. уже ждет, чтобы ехать за Яссой. В душе ты встретишься с И., и там он даст тебе подходящую для такого путешествия одежду. Ну, а есть до вечера тебе и не надо сегодня. Пожалуй, железный ты нынче, — усмехнулся Раданда.

Все сбылось, как он мне сказал. В душе я встретил И., который приказал мне надеть платье, охватывавшее меня с головы до ног, как плотный футляр, плащ, высокие сапоги со шпорами и шлем, сплетенный из пальмовых тесемок, закрывавший лоб и затылок. Длинные перчатки с широкими крагами довершали мой туалет.

Сам И. был одет точно так же и походил на рыцаря. Я же не умел приспособиться ни к сапогам со шпорами, ни к плащу, ни к перчаткам с крагами и походил, вероятно, на опереточного разбойника.

Когда мы вышли, к ограде, чтобы садиться на маленьких лошадок, мне суждено было еще раз обомлеть: Зейхед и Ольденкотт, точь-в-точь в такой же одежде, как мы, ждали нас у лошадей.

Глава 21

***Мы едем встречать Яссу. История его жизни, рассказанная нам И.
Встреча с Яссой и необычайное видение в пустыне. Возвращение в
Общину и посвящение Яссы. Трапезная. Разговор с Грегором. Две речи И.
в трапезной и на балконе***

От массы новых неожиданных впечатлений и переживаний, которыми были полны дни жизни в Общине, у меня по сравнению с прежними моими ощущениям была полная ясность мыслей, не сворачивавшихся в клубок, как раньше, когда трудно было уловить логическую связь. Теперь она тянулась ровной линией. И не только эту разницу в себе я заметил. Моя новая огромная физическая сила не покидала меня.

Ни зной пустыни, ни плотно облегавший тяжелый костюм, ни пыль — ничто не только не показалось мне трудным, но я даже перестал все это замечать, точно все это было в порядке вещей. Я совсем иначе осознавал теперь себя самого. Я чувствовал в себе и другую, совсем особую, силу не только физического существа: я ощущал силу мысли зрелого мужчины, которая лилась из меня во все, что я видел, делал, наблюдал. Когда я приподнялся на стремени, чтобы сесть в седло, как делал это обычно, лошадка слегка пошатнулась подо мной.

— Садись осторожнее, Левушка. Ты теперь силен и тяжел. Соразмеряй движения ловко, чтобы не отяжелить животное и не повредить ему. И мысль свою сдерживай, потому что и она обладает теперь в тебе иной, более огненной силой, — сказал мне очень тихо И. Когда я здоровался с Зейхедом и Ольденкоттом, мне показалось, что оба они приветствовали меня тоже по-иному, точно за дни нашей разлуки я вырос и стал с ними на равную ногу, а не был для них прежним мальчиком.

Мы отъехали от Общины довольно далеко, когда милый, ласковый Ольденкотт придержал свою лошадку и подъехал ко мне близко, чтобы можно было разговаривать.

— Я очень рад, Левушка, видеть Вас таким великолепным вовне и мощным внутри. И я, конечно, теперь уже не спрашиваю, не обижает ли Вас Наталья Владимировна, так как ни для чьих добродушных насмешек Вы уже не можете представлять удобной мишени, — улыбнулся он юмористически. — Если бы в моем обиходе еще могло существовать такое определение, то я сказал бы, что соскучился по Наталье Владимировне и по

Вас. Мне не хватало ее в некоторые моменты моего нового обучения, она всегда умела облегчить мне все трудные для моего понимания феномены. А Вас мне не хватало как постоянного примера цельной верности, без малейших колебаний и сомнений. Я не встречал еще человека, который умел бы так прямо без компромиссов двигаться по раз намеченному пути.

— Ваши слова меня очень удивляют. Сегодня у меня такое чувство, точно только сейчас я и понял, что такое цель и смысл жизни, и только теперь я знаю, каким путем радости двинутся к Истине.

— Это ощущение мне очень и очень хорошо знакомо. Не мало раз в жизни я его испытывал, двигаясь по пути знаний. И каждый раз в моем новом мироощущении я останавливался в раздумьи, какими же силами должен обладать Учитель, если Его милосердие не знает границ в своих отношениях с нами, идущими и ищущими с таким напряжением и неустойчивостью. Каждый из нас, сумевший подойти к той стадии развития, когда Учитель берет его в ученики, знает в своей жизни три неизбежные ступени психологического созревания. Эти три неизменно повторяющиеся ступени за долгую свою жизнь я наблюдал у всех людей, начинавших свой ученический путь.

Первое — человек начинал тяготиться всем тем в своей жизни, что составляло для него смысл и прелесть прежних дней. То есть он начинал распознавать ценность Вечного и нереальность условного. Второе — приходило сознание себя не членом одного общества, но мировой единицей. То есть человек включался в цепь дел Жизни и начинал действовать в невидимом, а видимое принимал целиком, проходя его только как необходимый этап для самого себя, как свою ступень опыта и самообладания.

Третье — и самое великое в переворотах человеческого творчества — в каждом открывалась сила преданности и верности тому делу, которому он служит. И тут, в зависимости от того, что — по своему масштабу пониманий и возможностей, он проводил в жизнь как верность до конца, — он начинал видеть Вечность во всем. И люди становились для него равными по путям движения к этому Вечному.

Эти три ступени сознания я наблюдал во всяком подходившем к Истине человеке. И они ведут так высоко, как его самоотверженная любовь к встречному человеку раскрывает его внутренние глаза. Здесь нет ни штампов, ни условий, одинаковых для всех. Здесь все индивидуально.

Я хотел задать моему чудесному собеседнику несколько вопросов о его личном пути, как услышал голос И.:

— Только я и Зейхед знаем всю историю жизни Яссы. В данную минуту,

чтобы понять огромный подвиг этого человека, я считаю нужным рассказать вам часть этой сложнейшей и труднейшей истории его жизни. Конечно, я расскажу вам только главные этапы, необходимые для понимания того, сколько надо знать о человеке, как надо быть внимательным к своим встречным, раньше чем решиться высказать свое мнение о том или ином человеке. Из данного рассказа каждый из вас вынесет новый урок о ценности сказанного слова, а иногда и неисправимости нанесенного им зла.

"В одном из глухих, мелких городов Китая жила бедная, обремененная детьми семья. Один из младших мальчиков, которого теперь вы знаете как Яссу, но которого тогда звали иначе, всегда выделялся самоотверженной любовью к своему старому отцу.

Сначала ребенок, едва ковыляя на кривеньких ножках, старался незаметно пробраться всюду, где работал отец. Часами, голодный, иногда в холоде, он молча сидел в сторонке, глядя на тяжелую работу дорогого отца, и неизменно возвращался с ним вместе домой, к бедному и плохому ужину.

Как только окрепли его ножки, он стал среди дня исчезать, бежал к базару и, выпрашивая мелкие подаяния, возвращался к отцу с куском хлеба, а в более удачные дни и еще с чем-нибудь, суя в руки измученного труженика-отца свои убогие дары, казавшиеся обоим царским обедом.

Прошло еще немного времени, а уж маленький Ясса стал помощником отцу. Не буду говорить об усталости и переутомлении ребенка, старавшегося своим детским усердием и преданности не только разделить, но и облегчить труд взрослого человека. Это вы сами можете понять, зная сегодняшнего Яссу.

Часто отец, работая на рисовом поле, чтобы облегчить сыну труд, рассказывал ему сказки. Внимательно слушал их мальчик и поражал отца тем, что слово в слово их запоминал и, возвратясь домой, пересказывал их братьям и сестрам.

Однажды ребенок поинтересовался, откуда отец его знает такие чудесные сказки. На ответ, что ему рассказывал их старый дед, деду — его мать, а матери — ученый дядя, мальчик любопытствовал, что значит «ученый». Отец объяснил, что ученый, — это очень важный человек, который может читать по книжке, а самый большой ученый может даже и писать.

"А кто же делает ученых? Их рожают ангелы?" — спросил ребенок. Узнав, что это обыкновенные люди, которым Бог послал счастье учиться, ребенок не мог больше расстаться с мечтой сделаться ученым. Неоднократно поверял он отцу свои мечты, говорил, что день и ночь

молится Богу только об одной милости: учиться.

Время летело, но для Яссы, нетерпеливо ждавшего от Бога чуда, оно ползло черепахой. Не один раз заставлял отец своего сына стоявшим на коленях с глазами, устремленными в небо, в экстазе мольбы; и знал бедный отец, о каком, чуде молит небо его Ясса.

Тяжелые годы труда и борьбы убили в отце надежды на чудо. Он с горечью думал, что мертвое небо не отметит на мольбы сына, как не ответило ему во всю долгую страдальческую жизнь.

В один из моментов экстаза Яссы из-за густых зарослей бамбука внезапно вынырнула высокая фигура мужчины, в котором отец узнал важного школьного учителя из ближайшего городка. Репутация его была не особенно хорошей, и особенно болтали о нем как о злом колдуне.

"Ха, ха, ха", — остановившись возле стоявшего на коленях мальчика и толкнув его ногой в спину, приветствовал милый учитель Яссу. — "Хочешь ученым стать? Кто это тебе набил голову подобной глупостью? Нищим учиться не для чего. Чтобы стоять по пояс в воде и грязи и растить рис да чтобы очищать всякую дрянь с дорог и жилищ богатых людей, вам, нищим, ученость не нужна. А способностей, памяти, необходимых для ученья, у нищих быть не может".

"Прости, великий человек, — вмешался отец. — Я не могу противоречить твоей учености. Но сыну моему небеса дали память за нас всех. Он любую сказку повторит за тобой слово в слово, как ты ему скажешь. Он даже нашему высокому мандарину понравился, и тот обещал его учить. Но плата, назначенная им, так высока, что всей нашей семье вместе ее не заработать. А мать не хочет продать свои браслеты, потому что, как и ты, считает, что нищим труженикам знаний не надо. Я сам когда-то тоже был способным, но мне жизнь не послала счастья учиться. Вероятно, и мечтам моего сына не сбыться".

"А вот я сейчас проверю таланты твоего сына. — Учитель удобно уселся на кипу срезанного бамбука и заявил: — Ну, становись передо мной, смотри мне в глаза и слушай, что я буду тебе говорить. Старайся все решительно запомнить и повторить.

Смотри, если хоть раз ошибешься, учение пройдет мимо твоего носа. Внимание собери, во всем подражай".

Восторженно глядя на учителя, как на посланника небес, мальчик слушал речь, смысла которой не понимал. Но так как он был одарен не только необычайной памятью, но артистичностью и музыкальностью, то запомнил не одни слова непонятной ему речи, но и все интонации, завывания и закатывания глаз учителя.

Теперь изволь повторить все до мельчайших подробностей, что я тебе сказал", — хохотал во все горло учитель.

Ясса улыбнулся, улыбнулся также и отец, потому что оба они были уверены в том, что маленький человечек не упустил ни единого произнесенного учителем звука, что он сумеет передать все, до последней мелочи. И действительно, думавший озадачить тружеников оказался более, нежели озадачен сам. Мальчик воспроизвел все поведение учителя с таким искусством, так комично были переданы все завывания и закатывания глаз, дрыганье ногами и руками, что отец не выдержал этого испытания и упал на землю от хохота.

"А, так ты вздумал издеваться надо мной?" — в бешенстве заорал учитель. Он вскочил с места, выхватил из-за пояса ремень и высоко занес руку, целясь ударить мальчика по нежной голове. Мгновенно унялся смех отца. Как тигр, он бросился к сыну, схватил нож для резания бамбука, лежавший у ног Яссы, и закричал таким громовым годовом, какого Ясса и не предполагал в своем добром и всегда кротком отце.

"Попробуй ударить моего ни в чем не повинного сына, и я разрублю твою руку, как бамбуковую трость. Ты сам велел мальчику повторить все — он из всех сил старался. А если у него, маленького, вышло мне смешно то, что у тебя, великого, считается признаком учености, то ты отлично знаешь, с кем имеешь дело. Мы ученых не видали и не можем понимать, что считается в вашем обществе признаками хороших манер. Тебе надо нас, невежественных, простить, нам объяснить нашу отсталость, а не бить за усердие. Мальчик понял, что надо все представить, как ты представлял.

Вот и все. Мы слишком голодны и утомлены, чтобы развлекаться представлениями или смеяться над людьми. И я смеялся от восторга, восхищался способностями сына".

За всю жизнь не слышал Ясса, чтобы так много слов сказал кому-либо его молчаливый отец. Рука с ремнем еще была поднята вверх, так же как и рука отца все еще защищала голову сына.

"Ну, ладно, — опуская руку вниз и делая вид, что он убежден доводами отца, сказал учитель. Но лицо его охраняло все признаки бешеной злобы и раздражения.

Поворачивайся спиной ко мне, слушай, что я буду говорить, и повторяй снова точь-в-точь все, что я скажу".

Мальчик послушно повернулся спиной, но отец не двинулся с места, продолжая держать нож в руках.

"Сын повернулся, а ты, что? Так и будешь стоять тут с ножом? Что ты, соковище караулишь, что ли?" — отталкивая отца, рычал учитель.

"Ты меня не толкай, я не труслив. А сын мой такое же сокровище для меня, как твой — для тебя. И защищать его от всякого зла я буду так же, как и ты своего, хотя бы мне грозили смертью".

"Ха, ха, ха, подумать только, до чего эти нищие сентиментальны! Да я тебе своего сына, лодыря, негодяя и идиота, даром отдам, не только защищать не стану от злых сил. Беда только, что никаким злым силам дураки не нужны".

Учитель стал сыпать китайские скороговорки одну за другой так быстро, что отцу показалось под конец, что у него в голове отбивает дробь барабан. Когда учитель смолк, Ясса стал отбивать ту же дробь, и под конец отец снова не выдержал и повалился на землю от смеха.

Лицо учителя было теперь темнее ночи. Он дико вращал глазами, судорога передергивала его губы и щеки, руки конвульсивно вздрагивали, сжимая ремень.

Повернувшись к учителю, ребенок бесстрашно смотрел ему в лицо. Очевидно, в своей невинности он полагал, что все эти признаки — неизбежные атрибуты учености.

Замер мгновенно смех отца, пропала вся его веселость, когда он поглядел в невинное личико своего ребенка и понял надежды, мольбу его детского сердца, желание услышать одобрение своего мучителя, желание угодить ему, лишь бы сделаться ученым.

"Ну, сколько можешь платить за обучение сына?" Огромная борьба в сердце отца не отразилась на его лице, только капли холодного пота покатались по худым, темным щекам и лбу. Отдать Яссу этому зверю? Видит Бог, с какой радостью он отдал бы сына в ученики к доброму человеку! Но как объяснить невинному, одержимому страстью к науке ребенку, что одно только горе придет к нему от подобного учителя? Как отказать ему, возможно, в единственном случае приобрести знания? И все же интуитивная сила любви заставила сказать: "Если бы ты был человеком добрым, я, может, просто сказал бы тебе, как мандарину, что не могу тебе платить. Но, так как с первого момента ты хотел бить его, то я отказываюсь отдать тебе его вовсе. Велик Бог, он пошлет нам еще возможность исполнить единственное желание моего чистого, усердного сына. Иди с Богом, да будет прославлена и велика Его наука в тебе".

"Ха, ха, ха, еще мудрец нашелся! Дурак ты, дурак. Сказал бы, что будешь каждую неделю два дня приходить всей семьей исполнять мои домашние работы. Я, может быть, смилостивился бы и стал учить твоего сына".

"Что сказал — сказал", — тихо ответил отец, принимаясь за работу.

Учитель стал кричать, ругаться, упрекать в невежестве и неблагодарности, уходил, снова возвращался к бамбуковой роще, где не обменявшись ни единым словом, работали отец и сын. Надрывалось сердце отца, незаметно следившего за любимым сыном, видя героические усилия мальчика сохранить полное спокойствие и скрыть от отца набегавшую слезу.

Много раз уходил и возвращался учитель к роще, все понижая свои требования.

Наконец, злее злого глядя на отца, тысячу раз обругав его дураком и идиотом, он запел медовым голосом: "Я понял, что ты очень умный человек, мой друг. Я согласен платить тебе за мальчика хорошую сумму ежегодно с тем, что, когда он будет ученым, он вернет мне втрое большую сумму, чем та, что я тебе выплатил.

Кроме того, я буду его кормить и одевать, но видаться с ним всей твоей семье я запрещаю. И он сам, — тыкая пальцем грубо в грудь Яссы с такой силой, что тот пошатнулся, — должен сейчас же здесь произнести мне клятву на моем ремне, которым ты не дал мне его ударить, в своей верности, послушании, усердии и службе до гроба мне одному, видя во мне своего полного господина, царя и Бога".

Неужто, любимый, кроткий сынок мой, хочешь ты уйти с этим ужасным человеком? Хочешь клясться ему как Богу?" — "Отец, мне надо быть непременно ученым. Я должен достичь этого, какая бы цена учености ни была! Отдай меня. Как бы несчастлив я ни был без вас всех, особенно без тебя, я буду счастливее, чем жить мне без науки. Я буду клясться ему в верности и послушании, но верность моя и любовь к тебе и Богу от этого не могут измениться".

Ясса клялся, как велел учитель, ни слова не понимая из того, что он говорил.

Вечером отец возвратился домой один.

Драма, пережитая отцом, сделавшая его стариком, больным и слабым, после разлуки с сыном и ежедневной тоски по нем, была ничто по сравнению с той трагедией, что переживал сам Ясса. Учитель не бил его, так как понял, какое драгоценное сокровище и орудие своей злой воли он может выковать из талантливого мальчика.

Сам он, кроме грамоты да затверженных навеки нескольких формул зла, ничего не знал. И мальчик в один месяц перегнал его в познаниях.

Тогда он отвел Яссу в мужской монастырь в пятидесяти верстах от города, и здесь началось обучение Яссы темному оккультизму. Ничего не понимал мальчик в том, чему его обучали. Новые же его учителя видели в

его невинности лучшую защиту своей школе.

Три года провел Ясса в науке, и только тогда, когда учителя сочли возможным начать нравственное развращение своей жертвы, понял Ясса, на какой путь он вступил, кем он окружен и что ждет его дальше, страшную борьбу с самим собой выдержал не по летам развитый двенадцатилетний ребенок. Результатом всех его страданий явился побег, которому я помог. Долгое время укрывал я его в одном из тайных скитов Белого Братства, затем увез его в оазис Дартана. Но и там следы его были открыты. Мне пришлось укрыть его тайной Общине в пустыне, и затем в течение нескольких лет он жил здесь, у Раданды.

Овладев силой полной защиты от темных сил, Ясса переехал в Общину Али, где вы его и видели, одни впервые, другие как давнего друга".

Едва закончил И. свой удивительный рассказ, вдали показалось облако пыли, в котором я различил силуэты лошадей. — Я вам рассказал историю одной человеческой жизни. Каждый из вас понял, почему Ясса был избран для проводов в тайную Общину другого человека, павшего также под влияние зла. Верность Яссы Богу любви и добра сложила ему защитную сеть, пробить которую не могут теперь никакие натиски злых. И эта же устойчивая сеть помогла ему вырвать из рук преследователей Беньяжана, доставить его благополучно в указанное место и возвратиться сюда.

Этим подвигом борьбы с темными силами в пустыне и защиты от них другого человека Ясса освободился от последних обязательств по отношению к темному оккультизму, бессознательно взятых им на себя в своей детской клятве. Тяжелым трудом изживал Ясса страшную связь, взятую в своем детском бесстрашии и мужестве ради завоевания единственной драгоценной для него формы жизни — науки. Теперь Ясса может вступить в освобожденные, чистые и действенные члены Светлого Братства и начать свое ученичество. На этом примере вы еще раз видите, как индивидуально разнообразны пути людей, как невозможно достичь чего бы то ни было в ученичестве подражанием и как разны ступени, с которых начинает свое официальное ученичество человек. Раньше, чем подойти к Учителю, каждый человек уже шел замеченным, отмеченным и получающим помощь от тех или иных Светлых Братьев, помощь-ответ на свой зов. Не поддавайтесь же иллюзиям помощи извне. Если вам попадаются те или иные источники, ведущие вас к знанию, знайте, что к встрече с Учителем вас ведут только те силы, что ожили в вас, силы-аспекты Единого, через которые — только и единственно — каждый человек может общаться с Жизнью, в каких бы Она ни была формах. Принимая сейчас Яссу в свои горячие объятия, принимайте в его лице

Самое Жизнь, не различая Ее величия от принятой Ею на себя формы. И в этом вашем объятии, Ей раскрытом, поднимайтесь на ту высоту Красоты, которую каждый постиг в эти дни в часовне Звучащей Радости Великой Матери.

Мы проехали еще немного. И. остановил своего коня, мы все выстроились позади него полукругом, благоговейно наблюдая приближающуюся шагом кавалькаду во главе с Яссой.

Немало торжественно-высоких минут пережил я подле моего великого друга И. за последнее время. И все же, если бы не преобразование мое в Голиафа у ног Великой Матери, я уверен, что не смог бы удержать слез и волнения моего бешено бившегося радостью сердца.

Не доезжая шагов пяти до нас, Ясса сошел с лошади, подошел к И. и опустил на колени, сняв с головы шлем, с рук перчатки и расстелив свой плащ под ноги коня И. Спрыгнув с коня, И. ступил на плащ Яссы, поднял его с колен, обнял, прижал его к себе. В течение нескольких минут не было ничего видно, кроме огромного сверкающего шара, в лучах которого, мне казалось, померкло жгучее солнце пустыни и исчезла сама пустыня. Мне было трудно выносить этот свет, точно блистание непрерывных молний дрожавший вокруг. Я увидел, как между небом и песком пустыни засияла огромная алая звезда, испускавшая лучи такой длины и силы, что на восприятие человеческого глаза казалось, будто половина вселенной должна была тонуть в этих лучах.

Я не знаю, сколько времени длилось это божественное видение. Когда я смог что-либо различать своими ослепленными глазами, я увидел И. сверкающим не менее солнца, увидел Яссу, преображенного, сиявшего точно ангел, увидел всех его спутников стоявшими на коленях на песке пустыни и закрывавшими свои лица плащами, точно они не могли выдержать слепящего Света. Я еще раз понял, что только Великая Мать дала мне силы выдержать это видение, не закрывая лица, и не ослепнуть.

Несколько мгновений вокруг царила такая глубокая тишина, что, казалось, все — и люди, и кони, и сама пустыня — замерло в одном порыве благоговения, в беззвучной песне славословия.

— Встаньте, друзья мои, откройте ваши лица, — услышал я голос И. И снова для меня этот голос был новым, так он был добр, кроток, такое в нем было новое для меня звучание. — Запомните эту минуту нового для вас счастья. Не только вся ваша жизнь отныне — того, как вы присутствовали при сиянии самой силы Бога, — но и жизнь всех тех, с кем каждый из вас встретится, будет иною. Вы поняли, ощутили на деле, нет иной руководящей нити в жизни человека, как его собственная, в нем вечно

живущая, вечно свободная искра Бога. Вы поняли, что ничто, нигде и никогда не может задавить вашей свободы, ибо свобода каждого из вас — Вечность, в вас живущая. Перед поворотами во внешней судьбе человека всегда оживает или меркнет его внутренний человек. Нет возможности перейти из одного состояния внутреннего совершенства в другое, более высокое, пока все препятствия вовне не сумел человек благословить. Теперь вы все пойдете в широкий мир, забудете о песках пустыни, но запомните навек эту благословенную минуту пережитого счастья. Здесь вы были более раскрепощены от условностей человеческих предрассудков и суеверий.

Здесь вам легче было оберегать свои проводники от мелких страстей и алчных желаний, окружающих вас. Но с того момента, как Жизнь выбросит вас в необходимые Ей потоки суеты, вы будете со всех сторон окружены страстями. И эти страсти для вас, преображенных, будут чувствительнее огненных бичей. Навсегда сохраните в памяти непоколебимые устои в вашем общении с людьми, которые я вам сейчас укажу как заветы вашего вечного труда среди людей:

1. Никогда не слушайте пересудов, обрывайте всей вашей силой радости и доброты все жалобы людей, говорящих вам злое о людях своей страны, о самой своей стране, о своем народе, о своих правителях. Осознайте глубоко, что вы, поддерживая или допуская при себе подобные отрицательные разговоры, содействуете злу и раздражению земных созданий и астрального плана. Вы помогаете устами осуждающих в вашем присутствии уничтожению или разрыву тех путей, которые намечены планом Единой Силы, ведущей всю вселенную сообразно карме наций, стран и всего живого человечества. Не только тот грешит, кто своим осуждающим словом мешает осуществляться плану Божественной Силы, но и тот, кто не сумел разорвать нить подобного разговора и всей своей любовью пролить мир в сердце бунтаря.

2. Пронесите день как мгновение Вечности и остерегайтесь внести в него хотя бы малейшую жестокость. Твердо распознавайте, что есть жестокость. Если вы видели, как бьют беззащитного ребенка, и не заступились за него, вы столько же согрешили перед Вечным, сколько и тот жестокий, рука которого била ребенка.

Если вы слышали жестокое слово, бывшее как злобный мяч невинного человека, и вы не сумели защитить его, увести его прочь от злого, вы виновны перед Вечностью не менее самого ругателя.

Если вы присутствовали при том, как причиняли физические страдания беззащитным существам, и вы не протестовали и не защищали несчастные

бессловесные существа, вы виновны даже более, чем те, кто их причинял.

3. Суеверия людей, с которыми вам придется сталкиваться на каждом шагу вашей жизни, не только не должны ложиться на ваше восприятие и огорчать вас, но бодрость ваша должна возрастать от каждой встречи с человеком, суеверие которого мешает ему широко раскрыть глаза на мир.

Проходя день, вбирайте в себя все то скорбное, с чем сталкиваетесь, и радостно передавайте его мне. Не расставайтесь со мною ни в каком дневном труде и общении с людьми. Живите и действуйте, имея в сердце и уме мою энергию, и наше сотрудничество не позволит вам отойти от сознания, что вся сила вашей жизни дней на Земле и весь их смысл — в труде для Вечного. Еще и еще раз закаляйтесь в мужестве и всегда проверяйте себя, все ли свое мужество вы подали человеку и чему в нем вы его подали? Вечное ли в нем вы видели? Распознали ли вы при встрече, в чем ваш долг и ваша обязанность Любви по отношению к человеку?

Старались ли вы помочь ему нести мир в его день? Ибо самое малое, что вы можете сделать для помощи Вечной Эволюции, — отпустить от себя человека с миром. Только отошедший от вас с миром будет менее вреден единственному делу, для которого живете вы: выполнению плана Жизни. Идите же с миром, мои дорогие друзья, несите радость всем встречам, бескорыстие всем делам, что встретятся вам на новом пути, мир и отдых всем трудящимся рядом. Несите в себе силу и старайтесь убедить людей, что слезы не только не облегчают собственной скорби, но еще сильнее сковывают их в панцире слепоты и суеверия, мешая их глазам увидеть ясно, ибо глаза, которые плачут, не могут видеть ясно. Что же касается тех, о ком они плачут, то этим они мешают освободиться и проходить Путь Света, обременяют их жизнь, в каком бы из миров в данный момент они ни жили.

И. обнял еще раз Яссу и всех его теперь открывших свои лица спутников. Каково же было мое удивление, когда в их числе я узнал всех тех встреченных нами в пустыне по дороге в Общину всадников, которым И. приказал проводить в тайную Общину дикого бунтаря, пытавшегося вступить с ним в единоборство. Мысленно прильнув к стопам Великой Матери, я благоговейно молил Ее облечь мантией Своей Радости выходящих в новую форму служения Ей людей.

Через несколько минут мы снова ехали по пустыне. И теперь веселое фырканье лошадей, точно узнавших Друг друга и стремившихся скорее обратно к своим стойлам, и спадавший зной, и ликование моего сердца от счастья и победы Ясы — все вливалось в меня как Звучащая Радость, атмосфера которой все больше и больше охватывала меня. И я молился о

моей чудной няньке — Яссе, благословлял жестокий и дивный путь мальчика-избранника, благоговевшего перед одним Богом своего детского сердца: «Знать».

— Спасибо, Левушка, спасибо, верный друг, — услышал я тихий голос Яссы. Он незаметно подъехал ко мне и пожал мою руку, инертно лежавшую на шее моей лошадки. — Если бы ты мог видеть, какое необычайное чудо совершилось во мне, то вся твоя новая сила вылилась бы в слова: "Благословен час смерти человека".

Потому что теперь уже умер тот Ясса, Левушка, которого ты знал, и живет Ясса иной, преображенный, которого коснулся Огонь Божий. Я не смог бы рассказать словами, в чем заключается преображение, которое я сейчас испытал. Выразить это я не сумел бы никакими словами. Я могу только сказать тебе, что в один миг я увидел всю Жизнь, все века жизни Вселенной: от огненного потока лавы до камня, от первобытного зверя до человека, от насекомого до птицы и звезд. Я увидел Жизнь в центре Земли, я понял связь каждого живого с землей и небом. Я увидел живой Труд, величие и мощь которого не имеют границ. Теперь для меня уже нет голого слова, за которым не скрывалась бы та или иная сила Огня. Нет действия в разъединении от опытов жизни всего человечества. В одну минуту перестали для меня существовать слова порицания или отрицания, слова осуждения или печали.

Осталось понимание слов только как символов бодрости, пощады и оправдания.

Ясса умолк. Я не хотел и не смел прерывать его молчания, но старался запомнить каждое его слово, чтобы возвыситься самому к великой силе духа преображенного человека.

— Мы скоро въедем в ворота Общины, мои дорогие друзья и дети, — раздался снова чудесный голос И. -И еще скорее мелькнут для вас волшебные дни счастья и полного раскрепощения, в которых вы проживете эти дни в Общине. Не считайте их наградой вам за те или иные подвиги. Они приходят к вам как естественное следствие вашего собственного труда. Не передышки посылает Жизнь своим верным слугам, но Сама оживает в сердцах тех, кто несет Ее чашу в чистых руках. Вы уедете в мир, приметесь за тот или иной труд в суете, в пожаре страстей, в лавине борьбы за все блестящие условности культуры и цивилизации, которыми так дорожат современные люди. Вы же, мудрецы, вы будете ценить только те блага жизни, которые невесомы и не осязаемы. Вы будете радостно принимать всю внешнюю жизнь современности, но служить вы будете Реальному, скрытому во всех условных формах.

Могут ли ваши слова, хотя бы в самых тяжелых случаях, быть словами осуждения или порицания? Помните, друзья, что я уже сказал вам: распознавайте, улыбайтесь чужому суеверию и несите всему оправдание. Для вас, слуг Вечного, уже нет условностей личного. Для вас есть Жизнь в ее бесчисленных формах, служите Ей день и ночь, и путь ваш и ваших встречных будет благословен и радостен.

И. замолчал. Солнце близилось к горизонту. Кончался день пустыни. Вдали уже вырисовывались стены Общины, уже слышался отдаленный колокольный звон, я и не заметил, как пролетел день, как промчались часы, проведенные на спине лошади. Я был силен, я мог еще и еще трудиться, мне казалось, что я только что покинул часовню Великой Матери.

Когда мы подъезжали к воротам Общины, И., ехавший впереди, придержал своего коня и поздравил меня к себе. Когда я к нему подъехал, он сказал, окинув меня ласковым взглядом:

— Не забывай, что теперь снова надо вступить в обязанности моего секретаря и келейника, Левушка, и не отлучайся от меня.

Как ни велики и торжественны были пережитые мною минуты, я не смог сдержать улыбки радости, что снова буду иметь право сопутствовать моему обожаемому другу.

У ворот Общины, в которые мы въехали, когда уже спускались сумерки, нас встретил Раданда с братьями. Он всех нас приветствовал с обычной теплотой, приказал братьям увести наших усталых коней. Он всех нас обдал своей теплотой, но Яссу долго не выпускал из своих объятий. Он что-то тихо говорил ему на ухо, чего никто из нас не мог, да и не хотел слышать.

Мы остановились в некотором отдалении от Яссы, И. и Раданды, ожидая дальнейших распоряжений. Я был тронут вниманием ко мне Зейхеда, познакомившего меня со спутниками Яссы, которых сам он знал давно. Помимо того, что они были спутниками моего дорогого Яссы, они глубоко проникли в мои мысли и сердце с самой первой встречи с ними в пустыне, когда лица их так поразили меня. Я уже готов был отдаться увлекательному разговору с ними, как случайно взгляд мой упал на лицо Ольденкотта, и: я снова увидел в его глазах то выражение божественной доброты, которое впервые поразило меня во время беседы Франциска у костра. Казалось, этот человек забыл обо всем. Ни время, ни место, ни люди не существовали для него.

Единственно, что он видел перед собой, — подвиг ученического пути, совершенство духа брата-человека, которому он нес свой поклон, свой восторг, свое благословение.

И еще раз я преклонился перед ним, человеком, который мог всегда видеть перед собой одну цель, один смысл, одно понимание: жизнь в Вечном:

— Левушка, сходи в мою комнату, оставь там мои вещи, переоденься и передай Наталье Владимировне эту записку. А также проводи Зейхеда и Ольденкотта в наш дом и помести их в тех двух свободных комнатах, что рядом с твоей. Славе поручи проводить их в душ и приготовить им свежее платье. Когда сам будешь готов, проводи всех в трапезные покои Раданды.

Отдавая мне приказания, И. одновременно писал записку, что меня теперь уже несколько не поражало, так как я неоднократно видел, как И. делал несколько дел одновременно: с одним вел разговор, другому диктовал, третьему указывал ошибку в сложнейшем математическом вычислении — и ни одно из дел не страдало, а наоборот, каждый из его сотрудников еле за ним поспевал.

Взяв записку, я пригласил Зейхеда и милого американца идти за мной, в то время как все остальные ушли за Радандой. Мне пришлось не только дважды повторить Ольденкотту свое приглашение следовать за мной, но и прикоснуться к его руке, чтобы он понял, о чем я ему говорю.

— Простите, Левушка, я, кажется, задержал Вас своей рассеянностью, — мягко сказал он мне, с трудом влезая в действительность из того мира счастливых грез, где носились его мысли. — Я все еще не могу окончательно спуститься на землю, почувствовать тяжесть свод его плотного тела, после того как видел наяву признание Богом человека, признание великого подвига, которого достиг в одно воплощение обычный человек. Я так счастлив духовным величием Яссы, такая радость наполняет меня оттого, что Милосердие позволило мне видеть новое рождение человека, что мне даже трудно, болезненно трудно нести свое грузное тело.

Ни я, ни Зейхед не прерывали слов добряка. Мы благоговейно слушали его голос, и лично я мчал мои мысли к Великой Матери, моля Ее окутать Своей атмосферой чистое сердце моего собеседника и облегчить ему столь резкий для него переход от небесного Света к обычному трудовому дню. Я не мог понять, почему в душе его, такой светлой, чистой и всегда мирной, в эту минуту идет трудная работа примирения себя с текущим «сейчас». В моей собственной душе все ликовало: Взглянув на меня, он точно понял мой немой вопрос и еще добрее ответил:

— Не в тех трудах дня, которые мы делаем, смысл, но в тех героических напряжениях, которые мы легко проливаем во все дела. Все, что делает Ясса, — он делает легко. А все, что делаю я, я делаю,нося в сердце сознание долга. Но путь ученика не долг, а радость. Не труд, а отображение

своей Любви. И только тот, кто стал, а не «понял», тот приходит к завершающему моменту счастья, свидетелями которого мы сегодня были.

Мы подошли к нашему дому. Я передал моих спутников Славе, указал им их комнаты и, сказав, что зайду за ними через полчаса, помчался к Наталье Владимировне.

Необычайно тепло встреченный ею, я передал ей записку, объяснил, что мы возвратились с Яссой и что друг ее, как и Зейхед, будет теперь жить в одном доме с нами. Я не знал содержания записки И. Но когда спустя полчаса я зашел за моими друзьями, то нашел в комнате только Зейхеда. Он объяснил мне, что Ольденкотт будет ждать меня на крыльце, что он пошел к Андреевой. Мы вышли с Зейхедом на крыльцо, где сидели, оживленно разговаривая, оба старинных друга. Предполагая, что Наталья Владимировна должна отправиться вместе с нами, и найдя ее в несколько помятом платье, я был крайне удивлен.

— Дорогая, Вы еще не одеты? Ведь мы опоздаем. Вы знаете, как точен И. в указании сроков.

— Если бы мне было указано идти с Вами, можете быть спокойны, то я торопила бы Вас. — Внешне она говорила совсем спокойно, но бунт в ее душе был мне ясен, не говоря о нервном движении рук, которыми она сворачивала и разворачивала поданную мною ей записку — Моя роль гувернантки при младенцах еще не окончена, — совсем уже раздраженно прибавила она.

Блестки юмора сверкнули в глазах Ольденкотта, и ничего смешнее следовавшей за этим сцены я в жизни не видел.

— Воображаю, какими счастливыми чувствуют себя порученные Вам воспитанники, если Вы применяете к ним Ваши обычные методы воспитания, так хорошо знакомые мне, — галантно приподнимая шляпу и любезнейшим образом раскланиваясь перед Натальей Владимировной, произнес он.

Как вихрь пронеслась целая гамма выражений на дрожавшем от внутреннего волнения лице Натальи Владимировны. В первый момент я положительно думал, что она, по меньшей мере, вырвет из его рук шляпу и швырнет ее на землю, если ничем более энергичным не выразится ее вспыхнувшее, как молния, раздражение. Затем в ее глазах мелькнул острый сарказм, растаявший, как льдинки, и сменившийся веселым юмором, и: она разразилась таким веселым, добрым и заразительным смехом, что и мы все, вторя ей, покатались со смеху и, простившись, продолжали смеяться, уходя к Раданде.

Путь показался мне как никогда коротким. Мысли, точные, образные, до

конца додуманные, двигались новым для меня плавным ходом, ничего общего с прежним сумбурным способом моего мышления не имевшим. Раданда, особенно ярко сегодня сиявший, встретил нас сам на пороге своих ярко освещенных комнат и, ласково улыбаясь, сказал мне так тихо, что я еле уловил его слова:

— Через много, ах, как много ступеней идет каждый человек. Не считай, что сегодня ты закончил какой-то один период и начал другой. Для духа человека нет разрезанных на прямые куски ломтей пути, вроде кусков хлеба. Чтобы мог человек слышать и понять более высокие вибрации, которые всегда жили вокруг него, но он их не слышал, его сознание должно смешать в себе все свое настоящее понимание с новым пониманием Жизни так плотно, как смешиваются вода и молоко, неотделимые друг от друга без особых мер. А чтобы стать действенным в новом понимании, необходимо, чтобы в человеке отделилось старое от нового, как вода от масла.

Помни, что ты еще молоко и вода. Найди в себе более пристальное распознавание и способствуй скорейшему разделению в себе воды и масла, то есть твоей личности и индивидуальности. И войдешь в постоянную привычку жить в Вечном.

Когда я сейчас пытался передать словами речь Раданды, я должен был сказать много слов и все же, вероятно, не сумел раскрыть сознанию других людей всей глубины смысла. На самом же деле вся речь Раданды длилась несколько коротких мгновений, ложась в душу, сердце и мозг как ряд гармонических моментов-молний, которые я схватывал с той же быстротой, как они мелькали. Теперь, когда разговор образами и красками для меня не представляет трудностей, я понимаю, что тогда Раданда помог мне пробудить в себе эту способность, в то мгновение во мне дремавшую и неотделимую от слов.

Взяв за руки Ольденкотта и Зейхеда и приказав мне следовать за собой, Раданда свернул в узкий и слабо освещенный коридор, которого я до той поры не видал, и вывел нас в большой светлый зал, о существовании которого я тоже не имел понятия. Зал был очень высокий, без всяких окон. Стены показались мне мраморными, но, присмотревшись, я увидел, что они сделаны из такого же прелестного стекла, как чашки Грегора и Василиона.

Посреди зала находился высокий стол-жертвенник, как в комнате Франциска, только гораздо больше, и на нем стояло семь чудесных чаш, горевших теми же волшебными-прекрасными красками, что и на жертвеннике Франциска. Восьмая высокая чаша, пустая, стеклянная, совершенно белая, стояла впереди всех по самой середине стола. Вокруг всего зала стояли

многочисленные сестры и братья в белых одеждах, в руках их были самых разнообразных цветов и оттенков розы, которых в Общине была вообще масса. Очевидно, Раданда или его садовники особенно любили эти цветы. Во многих местах сада они росли, как мелкорослый лес, поражая ароматом и величиной цветов.

Высоко под потолком вертелись огромные веера, наполняя комнату относительной прохладой. Раданда прошел к самому жертвеннику и, остановившись невдалеке от него, так и остался стоять, держа за руки Ольденкотта и Зейхеда, мне же велел стать впереди себя. Раздалось тихое пение, звуки неслись как будто издали, откуда-то справа, но, сколько я ни глядел на правую стену, я не мог рассмотреть никакого подобия двери.

— Сосредоточьте мысли свои, мои дорогие дети. В эту великую и торжественную минуту, все вы присутствуете при акте рождения нового духовного человека. И этот великий акт не менее важен, чем само физическое рождение человека на земле.

Молитесь сейчас, чтобы приходящий к своему новому рождению человек вошел в этот зал нагим от страстей и личных чувств. Выливайте навстречу идущему сюда брату все самое великое и чистое, что знаете в себе, и помогайте ему переступить порог в Радости. В Радости, Свет которой ожидает в нем для того, чтобы новое сознание его не могло уже жить, как живет человек одной Земли, как живут еще многие из вас. То есть живя на Земле, вы еще кованы своею личностью. Посылайте мысли счастья приближающемуся человеку, чтобы его мыслями на земле руководило Вечное.

Думайте в эту минуту, что и вы достигнете когда-то великого освобождения от страстей, желаний, от мыслей о себе как о личности и перейдете ту атмосферу, где трудятся вместе с живою Жизнью, сознавая Ее одновременно в себе и вне себя и зная себя только как Индивидуальность, свое высшее «Я». Тот, в ком ожила Жизнь, идет не для тех или иных мест, дел, людей, он идет по вселенной, для вселенной, со вселенной, как бы с внешней стороны ни казался узким сектор его труда.

Раскройте сердца ваши, дышите Красотой и в Ней встречайте брата своего.

Раданда умолк, пение зазвучало совсем близко, и вдруг по самой середине стены открылась широкая, высокая дверь, через которую вошел И., ведя за руку Яссу. Их окружал большой хор сестер и братьев в таких же белых одеждах, в каких были мы все. Среди прекрасных голосов певцов и певиц особенно выделяла красотой тембра и силой один мягкий тенор, покрывавший весь хор, служивший ему как бы аккомпанементом. Как ни

был я собран и высоко настроен, мне захотелось поблагодарить певца за его усердие для Яссы, и я устремился взглядом по направлению голоса, лившегося как лава. Я не мог разглядеть певца, так как рослые фигуры, среди которых я заметил Грегора, закрывали его от меня. Но вот шествие приблизилось, фигуры людей переместились, и я увидел Василиона с устремленными куда-то вдаль глазами, со сложенными на груди руками, в которых он зажал цветок. Одухотворенное лицо его и вся его фигура, поглощенная всецело пением, напомнили мне, как видел я этого человека державшим цветок в руке на своем балконе. Я вспомнил краски прелестного растения, перенесся в часовню Великой Матери, прижал данный мне Ею цветок к сердцу и произнес мой первый перед Нею обет:

— О, Мать Великая, помоги мне навеки помнить о братьях Земли, навеки приносить к Тебе печали всех друзей и врагов, чтобы Ты, Звучащая Радость, послала им помощь и оправдание.

Я забыл о месте и времени. Я почувствовал знакомое мне содрогание, услышал голос Флорентийца и увидел его по ту сторону жертвенника.

— День посвящения Яссы — и твой день радости, ибо сегодня увидишь, как побеждает человек темные силы, если по невинности своей дал им обязательства. Нет условностей как таковых, которые стояли бы барьером на пути человека. Если же на них указывает человеку Учитель, то только потому, что этому человеку они мешают в нем. Смотри и запомни, учись жить свой день в силе и мощи. И сила, и мощь приходят как аспект Свободы, в себе носимой.

Голос умолк, и образ моего великого друга исчез.

И. подошел к жертвеннику, ведя Яссу за руку. Теперь я мог рассмотреть, что И. и Ясса были в оранжевых одеждах, причем одежда И. сверкала феерическими огнями, а сквозь одежду Яссы я отчетливо видел сияющие и движущиеся центры, какие заметил впервые у Ананды. И. поставил Яссу перед жертвенником так, что лицо его и половина фигуры были видны всем. Сам И. встал с правой стороны от Яссы. Окинув взглядом всех собравшихся, И. подал знак певцам умолкнуть. В водворившейся тишине раздался его голос:

— Сегодня в этом зале нет ни одного человека, в жизни которого эта текущая минута не играла бы огромной роли как минута прохождения той или иной силы духовной зрелости. Все, кто сейчас присутствует здесь, связаны нитями старых карм или только между собой и мной, или между собой и Радандой. Вы присутствуете на высоком зрелище, из которого вы должны унести в сознании ту или иную новую форму знания духовного мира затем, чтобы быть и становиться. Не часть ваших духовных сил

должна здесь укрепиться и обновиться, чтобы выйти отсюда новой мощью, но вся мощь каждого из вас должна быть вложена в творческое дело созидания новой ступени духовного роста для всех.

Не о себе думайте. Не за «счастье» присутствовать при великом обряде посвящения благодарите. Но творите радостью сердца ту чистую атмосферу, куда могла бы спуститься струя Божественного Света. Каждый раз, когда собравшиеся вместе люди — для чего бы они ни собрались — раскрывают сердца и несут из себя одну мысль: "Жизнь истинная в нас светит миру", — Свет Жизни спускается и отвечает на славословие собравшихся. В те минуты, когда вы думаете только о деле Единой Жизни, когда вы трудитесь, забыв, что за труд вас могут наградить, вы творите атмосферу чистоты. Сумма таких минут, когда вы забывали о себе, создаст каждому из вас тропу соответствующей длины и ширины, которая приводит вас дальше или ближе к Светлому Братству. Вы сейчас здесь. Почему? В каждом из вас бьется сердце только миром и радостью, вы не несете бунта и отрицания, вы научились утверждать, то есть творить Жизнь. За стенами этого зала немало высокодостойных людей, сделавших для своих земных братьев гораздо больше, чем многие из присутствующих здесь. Значит ли это, что они менее вас достойны? Нет. Но по их масштабу гармонии их примиренность мала. И потому их освобожденность еще недостаточно созрела, чтобы привести их сюда. Хотя бы в своем пути они иногда могли проходить в такие высоты, о которых вы и не подозреваете. Но их присутствие может разбивать гармонию окружающих людей. Соберите радость в сердце. Пусть те цветы, что держите в руках, будут эмблемой вашей радости.

Бросьте свои цветы под ноги входящему сегодня в новый круг знаний брату. Пойте ему песнь приветия и помощи в его новом пути, в его новых понятиях.

По многим лицам катились слезы, пока говорил И. Но, когда он призвал всех к творческой радости, когда предложил всем как эмблему ее бросить цветы под ноги Яссе, не осталось ни одного плачущего лица. Точно вспыхнул костер, раздалось снова пение, и весь пол покрылся розами и миртами. И. перевел Яссу по ту сторону жертвенника, где стоял Раданда с нами, и встал рядом с ним. Пение смолкло, все братья и сестры опустили на колени, и в торжественной тишине раздалось два голоса — И. и Раданды. Теперь Раданда стоял по другую сторону Яссы, и возгласы И. чередовались с его возгласами.

И. поднял высоко над головой какой-то предмет, как мне показалось, нечто вроде булавы. Но от него шло такое сияние, точно от грандиозного

алмаза сыпались во все стороны мириады сверкающих искр. Поэтому я не мог хорошо рассмотреть, что именно держал в руках И. Голос его становился все громче. Голос Раданды утратил все оттенки старости, отвечая И. силой и полнотой вдохновения. Голоса перекликались все чаще и быстрее, мне казалось, что я чувствую содрогание всего организма при каждом взмахе руки И. Я слышал и понимал речь обоих из посвящавших, ясно сознавал, что это древний язык пали, но все эти слова проникали в меня не через мои физические уши, а через тот особый слух, через который я понимал слова Флорентийца и Али, через слух моего второго сознания, раскрывавшегося во мне в минуты отрешенности от физических вибраций, в которых жило мое тело. Смысл слов обоих посвящавших был разный.

— Слышишь ли нас. Великая Мать? Мы приводим к Тебе сына Твоего, — говорил И. И искры осыпали дождем его и Яссу.

— Милосердие, Жизнь Вечная, я свидетельствую Тебе, что сын Твой ныне очищен от зла. Ясен дух его, прими его, — молил Раданда. И искры осыпали его и Яссу.

— Имеет ли все Великое Светлое Братство силу милосердия и доброты принять нового брата в свои объятия и подать ему помощь в его трудах? — взывал И. И искры осыпали его и Яссу.

— Свидетельствую всему Светлому Братству, что труд нового брата, его человеколюбие и мир непоколебимы и бескорыстны. Ничто отрицающее не может проникнуть через него в великий путь труда Братства, — снова взывал Раданда. И искры осыпали его и Яссу.

Но вот И. протянул Яссе оранжевую чашу, стоявшую впереди всех цветных чаш, которая была совершенно белой, когда мы вошли в зал, как я это отлично помнил.

Ясса опустил на колени, держа чашу в руках. И. поднял над его головой руку с булавой, второй конец которой взял в руку Раданда. Раздалось громкое пение хора, все засияло вокруг, множество цветных звезд, как чудесные бабочки, замелькало в воздухе.

Раданда и И. говорили теперь оба, но за громким торжественным пением слов их разобрать я не мог. Внезапно весь зал наполнился таким слепящим светом, что я невольно закрыл глаза. Я опустил на колени:

Мне казалось, что прошло очень мало времени, но, когда я нашел в себе силы подняться с земли, Ясса уже был не у жертвенника, братья с пением выходили из зала, а возле меня стоял Ольденкотт, помогая мне встать. Он очень тихо говорил:

— Нет ни единой мысли у ученика о себе. Есть только мощь Любви, посылаемая брату в его новый путь. Все, что может сделать один человек

для другого в его величайшие минуты жизни и смерти, — внести свою собственную любовь в его святиню, чтобы еще ярче светил ему Свет, чтобы скорее он мог проходить по узким стыкам лежащих перед ним новых путей.

Он взял меня под руку. Я чувствовал в себе огромную физическую силу, но продолжал быть ослепленным и оглушенным еще несколько минут. Когда все братья и сестры вышли, Ольденкотт оставил мою руку и подошел к Яссе. Я не слышал, что он ему говорил, но по счастливой улыбке, осветившей лицо Яссы, я понял, что слова его проникли глубоко в сердце нового посвященного и принесли ему радость. Я видел, что и Зейхед подошел к Яссе, что и он сказал ему что-то значительное, — я же все стоял на месте, не имея сил двинуться к моему дорогому Яссе и выразить мою любовь и счастье моей нежной няньке, другу и помощнику. Я воззвал к Великой Матери, коснулся Ее цветка, и какая-то новая сила прозрения озарила меня. Я увидел себя где-то далеко, в давно прошедшем, ребенком, рядом с ребенком Яссой.

Я подавал ему деньги, хлеб и молоко... Я бросился к моему Яссе, обнял его с совершенно новым чувством старой-старой дружбы и любви и, вне себя от счастья, воскликнул:

— Ясса, Ясса, я вспомнил, как ты был когда-то наказан колдуном и я пришел к тебе с пищей. О Ясса, если бы я мог чем-нибудь отслужить тебе за все твои милосердные заботы, проявленные мне теперь. Прими мою верность, я постараюсь больше никогда не забыть, как давно я тебя знал и любил.

— Ах, Левушка, не только пищу и деньги ты мне принес, но и бежать помог. Я еще в большем долгу у тебя, — отдавая мне поцелуй, сказал Ясса.

К нам подошли И. и Раданда, поздравили Яссу и увели его в покои настоятеля. И. приказал всем нам идти в трапезную, где его и подождать.

Мы прошли в трапезную. Она была почти пуста. В ней были только те братья и сестры, которым Раданда велел сюда прийти. Некоторые из них присутствовали на посвящении Яссы и вошли вместе с нами, другие же уже ждали здесь.

Сразу же, как только мы вошли в трапезную, ко мне подошел Грегор. Лицо его было внешне спокойно, но я прочел и его волнение, и его внутренний подъем. Я ощущал, что внутри у него целый вулкан; но только мое новое прозрение помогло мне проникнуть за его внешнее самообладание. Грегор без всяких вводных фраз стал говорить со мною так, как будто мы только минуту назад прервали давно начатый разговор.

— Левушка, я должен рассказать Вам обо всех своих новых знаниях,

так как только благодаря Вам я их открыл. Первое мое откровение: не нужно особых условий, непременно сопутствующих человеку, для того чтобы быть близким Учителю. Второе: человек может быть юн, может в данное воплощение ничего не помнить о своем прошлом. И все же он должен был высоко стоять в своей подготовке к ученичеству в прошлом. И в этом прошлом пройти его начальные ступени. Третье: все попытки насильственно проникнуть в высокий духовный путь, через умственные проблемы вдвинуть в себя высоту пути не могут достичь успеха.

Я с удивлением слушал Грегора, не понимая, при чем же тут я, но он не дал мне времени удивляться и продолжал:

— В первую мою встречу с Учителем И., которой я страшно добивался, я был более нежели разочарован. Я был тогда одним из известнейших художников, решил, что иду путем красоты, что я ею служу просвещению и улучшению человечества и имею право быть членом Светлого Братства. Вы можете себе представить, с каким великим мнением о себе, избалованный поклонением и обожанием людей, я явился к Учителю просить его принять меня в члены этого Братства. И. не стал объяснять мне, какими достоинствами должен обладать человек, желающий стать членом Великого Светлого Братства. Он просто спросил меня: "Вы считаете, что идете путем красоты и ею служите человечеству? Можете Вы припомнить хотя бы одну работу, которую Вы начали и кончили в радости? Можете ли Вы сказать мне, что, приступая к творчеству, Вы забывали обо всем, кроме тех душ, которым Вы стремились раскрыть в своем труде красоту? Что такое красота? Это гармония творящего с его окружением. Это его поклон Божественной Силе, которую он оживил в себе и стремится вынести вовне. И это единственный путь служить людям красотой. Ибо, если Вы творили, наполненный личными чувствами, Ваше создание затронет в каждом только его личное и больше ничего. Творец красоты несет Ее людям, забыв о себе.

Он творит там, где кончается личное. Он любит и чтит людей, а потому и может единиться с ними в красоте и единить их в ней. Он не одержим страстями. Ваш путь не был таким, и он не может привести Вас к единению со Светлым Братством". Но И. мог бы и не прибавлять последних слов, Пока он говорил, передо мной как вереница видений ясно проносились картины всей моей жизни, всего моего творчества. И я, конечно, понял, как глубоко и глупо я заблуждался.

Грегор замолчал. Глаза его снова как бы пробегали по раскрытым страницам прошлого, он глубоко вздохнул, провел рукой по лбу своего печального лица, посмотрел мне в глаза, улыбнулся и продолжал:

— Я вижу, что Вы ждете от меня объяснений: как, поняв, я исправил свою ошибку? Вы думаете, что я просветлел, поблагодарил Учителя за его мудрые слова и начал трудиться по-новому все для той же цели, которую я называл священной? Увы, Вы ошибаетесь. Я понял все. Я уж Вам это сказал. Понял до дна и, по всей вероятности, не без помощи И. Но бунт, который вызвали во мне его слова, оскорбленная гордость "мировой знаменитости", удар по самолюбию — весь этот букет носимой в себе пошлости так ослепил меня, что я ушел раздраженный до последней степени. Целую неделю я рвал и метал, изливал свое горе — поверьте, это было для меня истинным, огромным горем, — на всех окружающих меня людей, так преданно меня любивших. Я забросил работу. Начал пить и курить, чего раньше никогда не делал. И чем больше я признавал абсолютную правоту Учителя, тем больше я раздражался и искал внешней аргументации для обвинения в жестокой несправедливости его и оправдания себя.

Снова Грегор помолчал, и на этот раз на его лице мелькнуло скорбное выражение, точно боль от судороги, затем тише прежнего он сказал:

— Дальше идет много страниц, о которых я немало лет старался не думать. Сегодня я вкратце пробежу их, ибо без этого мой вывод о том, как многим я обязан Вам, будет неясен.

"Я уехал из того города, в котором встретился с Учителем, и где, как я знал, он должен был прожить довольно долго. Несколько лет я вел жизнь бурную и беспорядочную, отбрасывая от себя как можно дальше его дорогой образ. Но чем больше я старался вышвырнуть воспоминание о встрече с И., тем глубже оно проникало в мое сердце. Дошло до того, что образ И. стал моим двойником. Я уже готов был вернуться к нему, искать новой встречи и просить извинения, как вдруг у меня произошла странная встреча, всего ужаса которой я ни тогда, ни много спустя после не признавал.

На одном из вернисажей моя картина имела такой ошеломляющий успех, что подле нее все время стояла густая толпа народа, оставляя другие залы пустыми. Я приехал к самому разгару аристократического съезда и был немедленно встречен громом аплодисментов. Энтузиазм публики еще больше убедил меня, что я и есть именно тот, кто может единить людей в красоте. Увы, я старался себя в этом убедить, но в сердце я слышал тихий голос, который мне говорил: "То не путь красоты, а твое тщеславие. Ты не великую любовь несешь людям, а радуешься тому, что тебя прославляют. Ты ищешь себя в красоте, а не красоту в себе". Вам понятно, с каким остервенением я стремился заглушить в себе этот голос...

Среди объяснявшихся мне в любви восторженных женщин была одна

особенно красивая, можно даже сказать, безупречная красавица, красота которой была не меньше ее настойчивости. Но то ли эта самая настойчивость мешала мне любить ее, то ли нечто в ней, чего я не мог даже объяснить словами, ну вроде как аромат цветка.

Не всякий аромат прелестного цветка вызывает желание поднести его к устам. Так и здесь. Это невыразимое словами «нечто» мешало мне переступить границу обычного галантного ухаживания, хотя злые языки, вероятно, принимали нас за близких людей.

Подойдя ко мне, окруженному большой толпой поклонников и поклонниц, она, бравируя своей короткостью со мной, сказала мне со смехом: "Грегор, Вы не только Европу покорили, но даже Гималаи хотят поклониться Вам. Это уж как будто немножко слишком".

Несчастный безумец! Я весь восторжен, сердце мое зажглось огнем, я подумал, что И. здесь. Конечно, вечно носимая в себе мысль о нем только и могла ввести меня в такое заблуждение. Ведя разгульную жизнь, окруженный самыми страстными эманациями да еще оповещенный женщиной, которая и мне-то была неприятна...

Жалкий безумец! За нею стоял высокий темнолицый мужчина в индусской, вернее сказать, в тибетской одежде ярких цветов, которые мне, художнику, резали глаза полным отсутствием вкуса и гармонии. Взгляд его был пронизательный, неприятный, и нечто такое же, как в приведшей его даме, еще сильнее отталкивало меня от него. Вся его фигура и лицо дышали физическим здоровьем, силой и, если хотите, даже мощью. Но духовного очарования "священных Гималаев" в нем не было и в помине.

Глубоко запрятав свое разочарование и тщетно стараясь скрыть от всех свое смущение и перемену в лице, я низко ему поклонился и спросил даму, на каком языке говорит ее друг.

"Я говорю на всех языках, которые вы знаете, великий художник, я не был в силах устоять перед соблазном познакомиться с таким мировым гением. Простите, если встреча со мной не ко двору пришлась. Если же мое общество не слишком неприятно Вам, не откажите в моей нижайшей просьбе, поедemте ко мне обедать. Я умею очень хорошо лечить сердечные раны и избавлять людей от назойливых воспоминаний", — последние слова новый знакомый произнес так тихо, что слышал их я один. Он крепко держал мою руку в своей, прижимая мою мягкую и тонкую ладонь к своей грубой, твердой и толстой. Ладонь эта в восточном человеке поразила меня, так как такую ладонь я наблюдал только у дельцов-спекулянтов.

Не знаю, что со мной случилось в тот миг. Я хотел ответить очень вежливым и сухим отказом на его преувеличенно восхвалительное

восточное приветствие. Хотел выразить даже возмущение его навязчивым и наглым залезанием в мою внутреннюю жизнь и: вместо всего этого, еще раз поклонившись, ответил согласием. Этим я очень обидел моего близкого друга, в семье которого я обещал провести вечер и где звали гостей "на меня".

Черные глаза незнакомца, точно пара мышей, бегали по мне, рот его улыбался, а глаза искали, беспокоили, приказывали. Моя знакомая взяла меня под руку, и мы, провожаемые снова аплодисментами, спустились вниз, сели в прекрасную коляску моего нового приятеля и покатали по шумным улицам города.

"Вы не удивляйтесь, я ведь маг очень высокой степени и потому легко читаю мысли людей. Если у Вас есть затаенные и невыполнимые для Вас желания, я могу привести все и всех к Вашим ногам".

Слишком долго было бы рассказывать Вам историю трех лет моей жизни. Скажу кратко. Как только я вошел в его дом — нечто вроде восточного музея, безвкусного, провинциального, пошлого, — я перестал существовать как Грегор. Я стал тенью, отражением этого человека, завладевшего моей волей и мыслями. Он обучал меня магии, которая оказалась черной, показывал мне всевозможные чудеса, и... образ И. исчез из моей памяти, как будто я его никогда и не знал. Если когда-то у меня были порывы служить людям красотой, то теперь я жил только одними мыслями о наживе, жаждой роскоши и славы. Женщина, прежде не любимая мною, была моей женой и всячески помогала своему другу завязывать веревки на моем мешке страстей. Слава моя все возрастала. Спрос на мои картины был огромен, но характер их резко изменился. Они были отражением земли, страсти которой горели в них соблазнительными огнями, выставляя пороки, приглашенные добродетелью. Вероятно, не одна душа была соблазнена мною в тот период. Мой новый покровитель помогал мне вкладывать в мои творения бесовскую силу красок и выражений. Короче говоря, он оказался тем темным оккультистом, которых на Востоке называют «дугпа».

Я катился все ниже, в полном забвении небес, чистоты и доброты. Все прежние друзья отшатнулись от меня, один Василион остался мне верен, и я тянул его за собой.

Время шло, и однажды дугпа объявил мне, что вскоре состоится собрание их ордена и что я буду принят и посвящен в его члены. Тут жена моя заболела, дугпа должен был уехать по делам своего ордена. Считая меня прочной жертвой своей воли, он решился уехать, и я один отправился на выставку проследить за установкой моих новых картин. Погода была

прекрасная, я велел кучеру ехать одному к выставке, сам же решил пройти пешком.

Выйдя на мост чудесной широкой реки, я залюбовался блеском солнца, игрой воды, отражением в ней облаков и зелени и вдруг отдал себе отчет, что несколько лет я не видел солнца, природы, неба. Мысли, точно облака, помчались бурно одна за другой. Я стоял, ошеломленный этим открытием, не понимая, что такое случилось с моей жизнью, где я, как вдруг подле меня выросла дивная фигура И. Не смею передать Вам всего того, что было мне казано. Но все, что я мог сказать, было: "Спасите меня".

Благословенное сердце не отвергло меня. И. открыл мне глаза, над какой пропастью я стоял и куда вел собой Василиона:

Через два часа, в числе еще десяти человек, мы ехали на пароходе на Восток: " — Но вижу, что Вы все так же недоумеваете, какая же связь между рассказанной мною Вам жизнью и Вам. Очень, очень глубокая, Левушка. В последнем разговоре, который вел со мной И. уже здесь в Общине, куда он привез нас после некоторого периода жизни на родине, то есть в оазисе Дартана, потому что мы с Василионом родились и выросли там, он мне сказал: "Не думай, друг, что преданность и самоотверженность, а главное, цельная верность и служение Истине приходят к человеку с годами. Когда ты настолько освободишь свой дух, что перестанешь думать о себе и сможешь видеть окружающих тебя людей такими, как они существуют в действительности, то есть кусками Истины, ты убедишься, что Истина может быть открыта совершенно юной форме, без всяких непременно существующих условий земного бытия. Ты увидишь и убедишься, что древний дух, много потрудившийся для своего освобождения, может быть включен в совершенно юную форму. Ты поймешь, что от ума служить идее нельзя, что надо достичь простоты в своем обращении с людьми. Простота откроет сердце для уважения каждого встречного в его точке эволюции, а уважение к ней раскроет сердце к простой доброте, и ты сам легко постигнешь, что только верность, цельная до конца, приводит человека к гармонии ума и сердца. В первый же раз, как ты увидишь эти три истины в человеке, ты прочтешь и первое ученическое правило: будь готов. Ибо в тот миг ты сам будешь готов к труду Светлого Братства, ты сможешь выполнять его задачи в широком мире". Первый человек, Левушка, в котором я прочел и постиг мои три истины, были Вы. Теперь Вы понимаете, как я тронут и благодарен Вам, первому человеку, на котором я осознал, что вижу, что могу жить свободным, что буду творить на благо и пользу людей. Я счастлив. Мне хочется обнять весь мир и, прежде всего, Вас.

Грегор ласково обнял меня. Нечего и говорить, какой радостью дышало мое ответное объятие.

Едва окончился наш разговор, как широкие двери трапезной открылись и в них показались: И., Ясса, Раданда впереди, Зейхед, Ольденкотт и еще много незнакомых мне людей за ними, а в самом конце, к моему удивлению и огромной радости, я увидел Наталью Владимировну, Бронского и всех остальных ее питомцев сегодняшнего дня. Слава с несколькими молодыми братьями замыкали шествие.

Как обычно, И. сел за стол Раданды, рядом с ним по другую сторону настоятеля сел Ясса. И., оглядывая зал, несколько задержал свой взгляд на нас с Грегором, улыбнулся и поманил нас к себе. Он приказал мне занять место подле себя, Грегор сел рядом со мной. Когда все заняли указанные им места, я очутился напротив Натальи Владимировны, Ольденкотт и Бронский сидели рядом с ней. Мне показалось, что лицо Андреевой печально, что она чем-то расстроена и недовольна. Это было странно, сердце мое так ликовало за Яссу, за всех собравшихся здесь людей, достигших новой ступени в своем освобождении, я никак не мог понять, как можно сосредоточить внимание на себе и быть не в духе. Но мне не пришлось размышлять о моей дорогой подруге, так как Раданда, сделавший братьям знак подавать кушанья, встал и обратился к присутствующим:

— Привет вам, дорогие друзья мои. Сегодня великий день жизни почти для всех, кто здесь присутствует. Мир, великий мир сердца, радость как напутствие в дальнейшие путь — вот что должен испытывать всякий человек сегодня здесь, провожая своих близких в далекий путь нового служения людям. Все, кто еще не смог в эту минуту настроить свой дух на высокий путь мысли о помощи и благословении уходящим отсюда братьям и сестрам, переключите свои мысли, забудьте лично о себе и думайте только о том, чтобы не нарушить общей гармонии токами своей колючей ауры. Проходя день, человек больше всего должен думать, как пронести в себе наибольшее количество мира в дела и встречи. Мир, который проливает одна душа другой, — это тот клей, который стягивает раны раздражения, согревающий компресс к синякам бушующих страстей и бальзам на огорченную душу собеседника. Никогда не забывайте, что вся ваша деятельность, как бы высока она ни была, будет в большинстве случаев трудна нашим встречным, если вы сами будете в бунте и разладе. Наиценнейший труд не будет доступен массам, если выбросивший его в мир труженик был одержим постоянной ломкой в своем самообладании. Его труд, даже гениальный, останется достоянием немногих, так как

продвинуть великую или мелкую идею в массу народа может только тот, чьи силы живут в устойчивом равновесии.

Все, уходящие отсюда или остающиеся здесь, установите в себе теперь полное спокойствие, чтобы проведенные здесь минуты были минутами служения Истине, а не только мыслями «о» служении Ей.

Раданда сел. В тишине зала можно было различить даже дыхание отдельных людей.

Братья-подавальщики сменили второе блюдо. Я взглянул на лица людей, сидевших напротив меня, и был поражен, насколько разными были их выражения. Неизменно доброе лицо Ольденкотта сейчас казалось мне вырезанным из камня, так оно было спокойно, решительно, точно раз и навсегда данная клятва, которую никто, ничто и нигде не может поколебать. Андреева, щеки которой были багровы, глаза метали молнии, делала над собой нечеловеческие усилия, чтобы привести себя в равновесие. Зная ее доброту и огромную доброжелательность к людям в серьезные моменты, помня, как она говорила мне на крылечке о вновь найденной примиренности, я диву давался и не мог понять, что привело ее в такое возбуждение. Переведя взгляд на Бронского, я удивился не менее. Артист, казалось, не существовал в эту минуту здесь, или, вернее, все окружающие не существовали для него. Глаза были устремлены куда-то вдаль, минуя всех сидевших вокруг, фигура вытянутая, напряженная. Приподнятая верх голова, точно он слушал нечто вне комнаты такое значительное и прекрасное, от чего не мог оторваться. Я понял, что его захватил высокий экстаз, что о нем мне думать нечего, что он и Ольденкотт, каждый по-своему, несут Истину в себе и служат Ей всецело, как умеют и могут.

Я вернулся к Андреевой. Посылая ей самую глубокую любовь, я тихонько коснулся цветка Великой Матери, моля Ее пролить мир моей чудесной сестре, похожей скорее на глубочайшее море, чем на земную плоть.

Я ощутил легкий электрический ток, шедший от И. мимо меня, и увидел, как огромное количество рубиновых звездочек летело от него через стол к ауре Натальи Владимировны и мелькало вокруг ее головы и беспокойно двигавшихся рук. Почти мгновенно руки ее успокоились. Еще через мгновение краска отлила от щек, искры огромных глаз превратились в мягкие и ласковые лучи, и, наконец, на устах мелькнуло нечто вроде улыбки. Она посмотрела на И., глубоко вздохнула и благодарно — смиренно благодарно — склонила голову в сторону И. В зале стояла все та же тишина. Только откуда-то издалека — казалось, из очень большой дали — доносилось стройное, прекрасное пение. Точно большой хор,

необыкновенный и неземной, пел Гимн Жизни. Спустя несколько мгновений, как проникло в тишину зала это пение, И. встал, поднял руки вверх, как бы призывая Высшие Силы благословить всех собравшихся, затем перекрестил всех широким крестом и заговорил. Боже мой, как много раз слышал я уже речи И. При каких самых разнообразных обстоятельствах я видел его чудесное лицо, и никак не мог привыкнуть к этой красоте, к этой мелодии чудесного голоса и положительно божественной гармонии всего его существа. Всегда поражали меня его речи, но на этот раз его слова пролили особенное успокоение и мир в мое сердце, жаждавшее приобщиться к труду моего дорогого Учителя и друга, снисходительнейшего из наставников.

— Дорогие мои братья, дети, сотрудники и друзья. Не в первый раз я встречаю многих из вас на своем пути. Большая часть из присутствующих здесь сегодня связана лично со мной старинными кармами. Другие из присутствующих связаны не менее крепко с иными членами Светлого Братства, и это не имеет особого значения.

Поскольку человек связан с одним членом Братства, он связан со всеми его членами. Ибо в Светлом Братстве нет условностей, оно живет и действует только на основах Реального, основах Вечного. В эту минуту, великую минуту жизни каждого из здесь присутствующих, я приветствую вас от имени всего Светлого Братства как его младших братьев и верных сотрудников в общем деле Великой Любви. Вы раскрепостились от целой тучи предрассудков и тем самым освободили себя для труда в широком мире как утвердившиеся в верности служению единой цели — благу людей. Вы поедете в Америку, в ту Общину, что сейчас организует один из величайших наших Братьев, Великий Учитель Флорентиец. Вы станете ему радостными помощниками, столпами духовного и физического труда, вы внесете в новую Общину все то, чего достигли и чему научились здесь. Что для вас, друзья, теперь представляют из себя люди? Что для вас Земля? Имеет ли значение тот или иной кусок Земли, где вы будете служить людям? Люди для вас — части Единой Жизни.

Земля для вас — путь вечный, короткий этап той же Единой Жизни, благословенный этап труда в тех собственных условиях, которые каждый сам для себя создал своими предшествовавшими существованиями. Не все доходят в своем пути Земли до такого состояния освобожденности, чтобы относиться отрешенно, без пут личного к месту, времени и окружению. Вы же дошли. Вы стали путями Светлому Братству. Вы можете нести его задачи, можете быть передаточными точками Огня творчества для счастья людей. Каковы же ваши ближайшие задачи? Кончается ли ваш труд над

собой, над неустанным повышением ваших духовных достижений только потому, что вы стали станками — Божьими арфами, на которых могут играть, то есть трудиться высоко духовные существа? Подумайте сами. Есть ли предел человеку в развитии какого-либо творчества? Кончается ли когда-нибудь работа гениального артиста над собой? Чем выше он поднимается в работе над собой, тем шире его влияние в этой роли, влияние, для которого он готовит свое рабочее место, свой творческий дух.

Так же и вы. Чем выше ваше самообладание, честь, чистота и любовь, тем полезнее вы в своем служении самоотверженным труженикам Светлого Братства. Чем выше ваша верность, чем яснее в вашем сознании, что для вас нет ни похвал, ни наград, что вы сжигаете этот мусор условностей на огне Вечного, тем шире та помощь, которую могут Светлые Братья проносить Земле через вас. Мужайтесь. Вы все, конечно, из плоти и крови, но вы же и из духа и Света. Не всегда ауры ваши могут быть устойчиво непоколебимы под давлением ударов встречных аур, вам враждебных. И такие встречи в кипучей суете жизни, куда вы идете, для вас неизбежны. Но не теряйте мужества и самообладания именно в эти минуты. Не допускайте раздражения в сердце. Охраняйте мысли, памятуя, что никто из вас не один, что он идет вместе с миллионами самоотверженных тружеников двух миров, посылающих вам ежеминутную помощь. Умейте только ее подбирать. Не огорчайтесь, если будете сталкиваться с узкими религиозниками, с грубыми сектантами, не видящими во встречном человека, если он не в их форме чтит Бога. Старайтесь в этих случаях своим примером показать, что безразлична, а чаще и не нужна религия для тех, кто чтит Истину, Ей служит и Ей поклоняется в живом человеке. В новом месте вы встретите величайшего из Учителей, обаятельнейшего и милосерднейшего из великих руководителей земного человечества. Вы, тоскующие сейчас, что вам надо покинуть место, где вы нашли в себе силы войти в вибрации Гармонии, осознайте, что не место помогло вам их найти, а сила Жизни, развернувшаяся в вас. Ее аспекты подняли вас на тот уровень, где живут волны этих вибраций. Поднявшись духом к этому уровню, вы стали способны слышать эти вибрации, чувствовать их сердцем, а потому вы и вошли в Гармонию. Можете ли вы потерять обретенную в себе силу только потому, что перемените место? Сила человека может быть потеряна потому, что та или иная страсть, от которой он считал себя освобожденным, на самом деле оказалась живой и при первом же удобном случае дала о себе знать. Как оживающая змея, она подняла свою ядовитую голову и нарушила вашу гармонию. На что надо вам устремлять внимание в вашей новой жизни? Что надо ставить себе

задачей дня? Если ваше окружение — Сама Движущаяся Жизнь, то и вы сами — Она. Устремляйте внимание не на то, кто и что делает, но как вы сами на все реагируете. Под мудрым и милосердным руководством Учителя Флорентийца вы еще легче и проще поймете свой урок земли. Поезжайте радостно, легко, весело. Запомните, как Раданда учил вас начинать всякое дело только тогда, когда вы радостно настроены. Сохраните это правило и в вашей новой жизни, и да будут дни ваши легкими вам и радостными для всех вас окружающих. Идите с миром отсюда и внесите его в каждое новое дело и встречу.

И. снова перекрестил всех широким крестом, и в трапезной точно свет вспыхивал каждый раз, как он поднимал руку.

В благоговейной тишине люди стали выходить из зала. Каждый подходил к Раданде, низко ему кланялся, и почти каждый выражал ему свою благодарность одинаковыми словами:

— Благослови, отец, своей любовью в дальний путь. Тебе я обязан своим возрождением. Благодарю тебя за доброту и заботы. Я здесь понял, что такое доброта, любовь, радость. Твой образ поможет мне и дальше, не забывая меня, отец.

Раданда каждого нежно обнимал и отвечал:

— Унеси в сердце верность и утверди ее во встречах. Будь благословен. Сердце мое тебя не забудет вовеки.

Кланяясь И., почти все говорили:

— Ты меня спас. Будь благословен, Учитель. Хочу отслужить тебе. И. отвечал всем:

— Ты путь, и я путь. Нет ни спасающих, ни погибающих, есть любящие и колеблющиеся. Мужайся, расти, любя побеждай.

Когда все вышли, И. собрал всех нас вместе возле себя, ласково посмотрел на Андрееву и сказал:

— Что по масштабу одного чрезвычайно много, то по масштабам другого губительно мало, и никакого значения для вечного пути человека не имеет, на каких церемониях он «бывает», куда он «допущен». Но огромное значение имеет, как он всюду бывает, что с собой приносит в окружающую среду. То есть насколько у него хватает такта, выдержки и прозрения, чтобы мгновенно распознать силы окружающих, оценить их возможности и степень духовной зрелости и не нарушить, а укрепить гармонию окружающей среды. Пока человек, идя по земле, забывает закон такта и утверждения, он все еще в личном, он думает, прежде всего: «я», — и, неся в себе бесценное сокровище знания, похож на электрическую батарею, вокруг которой надо строить защитную сеть, чтобы она по нечаянности не

убила кого-нибудь. А между тем, носитель сокровенного знания духа есть строитель защитной сети для всех его окружающих.

— Я знаю, я все поняла, — тихо и кротко ответила Андреева, так тихо и так кротко, что Ольденкотт посмотрел на нее в полном изумлении. И. крепко пожал руку Наталье Владимировне, и так, рука с рукой, и вышел с ней из трапезной в покои Раданды. Всех нас, сидевших за его столом, И. пригласил следовать за собой.

Мы вышли на широкий балкон зала Раданды. Ночь давно уже спустилась над чудесным садом Общины, на небе мерцали звезды, к красоте и необычности которых я никак не мог привыкнуть. Я знал, в каком месте я увижу то или иное сочетание звезд, и все же каждый раз я точно ждал, что увижу небо России, с которым сроднился с детства. Я думал о силе привычек в человеке и как бы наново понял слова И. о необходимости создавать в себе новые привычки, чтобы двигаться скорее и легче в пути совершенствования. Свет звезд то вспыхивал, то бледнел, точь-в-точь как дух человека, неустойчивая гармония которого загорается или меркнет под давлением встречных огней человеческих аур.

Точно отвечая на мои мысли, И. сказал:

— Вскоре мы уедем отсюда и вернемся в Общину Али. А когда вернемся туда, для некоторых из вас настанет время снова отправиться в мир трудиться, где трудились, и продолжать нести людям творчество сердца в той форме, какая дана каждому из вас Жизнью. Сила прежних привычек, хотя и ослабленная, все еще владеет вами. Чем больше вы сознаете, какая мощь — укоренившаяся в организме привычка, с каким трудом вырвали вы каждую из них из себя, тем с большим усердием вы должны стремиться создать себе новые привычки, новые навыки, помогающие единиться с людьми. Новые навыки должны стать привычными сначала и неизменными, единственными впоследствии способами вашего обращения с людьми. У людей того мира, среди которых вам придется жить, слугами, помощниками и друзьями которых вы готовитесь быть, нет расширенного понимания себя и всей вселенной Единой Материей, Единым Творчеством. Поэтому условность владеет ими.

Они, как ширму, выдвигают ее при всяком общении, стараясь прикрыть ею красоту своих душ, боясь обнажить свои души перед встречным. Они считают, что все богатство их души только им принадлежит, только их сокровище и владение, которое они вправе подавать и утаивать, как им заблагорассудится. Вы же, знающие, что такое истинная жизнь человека на Земле, не только не можете обособляться в кружки и секты, где одним несете, других отталкиваете, но вы всем одинаково братья и слуги. Вся

разница в вашем поведении та, что, распознавая, вы знаете, где можно подать Свет Мудрости, а где надо помнить: "Не мечите бисер перед свиньями".

Руководящей нитью ученика в его встречах неизменно должна быть радость. Только на этом фоне могут развиваться в ваших встречах ответные симпатизирующие и сродные вам вибрации. Чтобы вызвать во встречной душе творческие элементы жизни из-под пудов налипших личных, эгоистических побуждений, надо в самом себе раскрыть первый аспект Бога, а он и есть радость. Тот, кто стоит перед Учителем в печали, не может услышать самого ценного в протекающей встрече, так как его печаль как дымное покрывало окутала в нем первую силу восприятия Величия — радость. Человек может быть очень высоко развитым духовно. Ему могут быть даже подвластны некоторые силы природы, и все же, если он печален, неуравновешен или раздражителен, он меньше вынесет из встречи с Учителем, чем самый обычно одаренный человек, проводивший свою встречу в сияющей радости. Не поддавайтесь же печали, как это делаете почти все вы сейчас. Утвердитесь в привычке жить вне времени и пространства, вне разлук и свиданий. Живите в Вечном, понимая, что для Него нет этих мизерных условий. Труд вечный, труд радости, неизбежный как самое дыхание Земли, становится легким и милым по мере того, как разворачиваются в вас силы духа и ваши мысли перестают вращаться только в футлярах тел и домов, но парят во вселенной, где каждый из вас имеет свое творческое место. Как только созревает привычка жить в космическом, человек сбрасывает со своих глаз условные путы телесной любви и входит в единение с теми, кто живет во всех футлярах. Одни из вас грустят, что уедут из Общины Али. Как туманная страна неприятных шумов и духовного убожества встает перед ними далекая новая страна, где оставлено вами когда-то старое мировоззрение. Вам чудится, что здесь легче вы продвигались вперед. Проверьте каждый себя. И вы увидите, как часто в этом «здесь» вы были в раздражении, нетерпении и в тоске. Не идеализируйте этого места, как места «близости» к Великому Светлому Братству. Я уже не однажды говорил вам, что можно поместить человека среди ангелов, и он будет проводить свое время в усердных поисках пятен на их одеждах. Близость к Богу, близость к Учителю всюду и всегда одна и та же для человека: все в нем. Ваши труд и примиренность — вот, что может помочь вам достигнуть освобожденности, и ничто больше не поможет вам в этом. Вам могут указать способы достичь внутренней самодисциплины, чтобы помочь вам развить в себе новые начала для благих привычек. Вам могут указать, что эти новые привычки необходимы

вам, чтобы сорвать с места старые, как липкие листы, мешающие вам развивать в себе силы Великой Жизни. Но действовать, творить свой путь можете только вы. В эту минуту одно из бьющихся здесь сердце имело бы больше всего оснований желать уехать в новую страну, к своему великому другу-Учителю и к своему другу, брату-отцу. Но в этом сердце не только нет ни на миг такого желания, но даже мысль о таком желании не мелькнула в нем. Сердце это не подало ни стоны, ни вздоха о разлуке. Это верность до конца. Это сердце моложе вас всех. Каждый из вас метался в молниях тоски и сомнений во все время своего «сегодня», а это сердце только лило свою радость.

— Я давно уже поняла на примере этого сердца, что значит достигать самодисциплины путем верности. Это значит обскать всех на крылатом коне, — громко сказала Наталья Владимировна.

— Я же понял совсем иное, — возразил Ольденкотт. — Я понял, что путь человека, из каких бы слагаемых он ни суммировался, вводит каждого в то место где живут созвучные его радости вибрации. Я понимал это всегда одним умом. Мысль, логика говорили мне, что это так. Теперь я понял это всем своим существом. Я увидел, что так же, как радость есть первый аспект пробужденной Жизни в человеке, верность есть первый стимул человеческого существования, через который должны идти все. И успешность в достижении гармонии есть именно верность, Ею все начинается и Ею все кончается — А еще вернее выразиться: верность есть полное знание, что каждое «сейчас» не что иное, как славословие Богу, славословие всем существам, до конца, — сказал Раданда. — Идите, мои дорогие, мои любимые, усните сейчас в мире, в мысли о Вечности и приготовьте себя к новым встречам и проводам завтра так, чтобы ваше поведение было прямым результатом Света, зажегшегося в вас сегодня по-иному.

Раданда ласково простился с каждым из нас. И. остался еще с Яссой и Радандой, мы же все вышли вместе в темноту жаркой ночи. Я захватил спящего Эта, который взгромоздился мне на руки, делая вид, что очень устал и хочет спать. На самом же деле хитрец преуморительно наблюдал за мной и старался головкой прижаться к моему лицу. Я ласкал моего друга, делая вид, что вполне верю его слабости и желанию спать, но он так же отлично понимал мои чувства, как я его.

Никому из нас не хотелось говорить, каждый уносил в сердце ту Любовь, которой был окутан в покоях Раданды, как самое драгоценное сокровище. Грегор и Василион простились с нами молча у своего домика, мы также дошли до собственных комнат молча, уважая переполненность

каждого.

Глава 22

*Последний утренний завтрак отъезжающих. Напутствие детям.
Еще раз Ариадна. Рассказ Мулги о Раданде. Уединенный скит
строптивцев. Старанда и Георгий. Беседа И. с Андреевой и
Ольденкоттом*

Возвратившись к себе, я долго еще не спал, и мой дорогой Эта, не желая расставаться со мной, дремал у меня на коленях, засунув головку в мой широкий рукав. Отдавая себе отчет в своем поведении за день, столь богатый впечатлениями и встречами, я чаще всего останавливался вниманием на Наталье и посылал ей самую нежную любовь, на какую было способно мое сердце.

Впервые я ощутил всем сознанием, как труден путь постоянно взволнованного человека и как точно определяли слова Раданды, что такое верность и то, что ее в первую очередь надо утверждать человеку в самом себе и во встречном. Всякое волнение вызывается и вызывает в другом обостренную личную жизнь. Личность покрывает индивидуальность, и, следовательно, та часть человеческого существа, где живет верность, меркнет. Верность как таковая перестает временно существовать. Вся индивидуальность отступает в тень, покрываемая блистательным светом личности.

За этими размышлениями застал меня И., легко вошедший в мою комнату, как только он один и умел входить — почти бесшумно и всегда заполняя все пространство дивным светом и силой своего существа.

— Довольно решать философские проблемы, мой милый секретарь, завтра раньше обычного тебя разбудит Слава. Ты пойдешь со мной к раннему завтраку провожать отъезжающих. Ночь мелькнет очень быстро, еще затемно надо встать к проводам.

Тебе и спать-то не больше двух часов. Ложись, завтра поговорим о том, как подавать помощь людям, неся им мир и успокоение.

И. погладил спинку Эта, обнял меня и прошел к себе. Чтобы не мешать ему в его делах — я был совершенно уверен, что спать он не будет, а будет заниматься, — я поспешно лег в постель, оберегая его спокойствие и потребность в полной тишине.

По обыкновению, я не заметил, как заснул, и, когда Слава меня будил, я не сразу понял, что часы сна уже прошли, что пора снова начинать день. Я

убежал в душ.

Эта, конечно, меня сопровождал, и через самое короткое время мы с ним явились убирать комнату И. К моему удивлению, комната была уже прибрана, и в ней, кроме И., сидел еще Ясса.

Оба уже ждали меня, и мы немедленно отправились в покои Раданды. Там мы встретили Грегора и Василиона. Радостно встреченные всеми, мы вошли все вместе в трапезную. Сегодня она представляла из себя совсем особое зрелище. Все отъезжавшие были в костюмах для дальнего путешествия по пустыне и походили на фигуры с древних гравюр, изображающих кочующие племена. Все были укутаны в широчайшие халаты и покрывала, облекавшие их с головы до ног. Наскоро позавтракав, все вышли на площадку, откуда вела аллея к воротам. И. вышел с нами, и здесь его окружила целая толпа детей, сопровождающих своих родителей в далеком пути.

Часто я видел И. окруженным детьми и разговаривающим с ними. Но еще никогда я не видел в беседах с ними его лицо таким сосредоточенно-внимательным. Он так всматривался в лица детей, точно хотел на весь век запомнить лицо и внутренний образ каждого ребенка.

— Мои милые, дорогие дети. Запомните эту минуту, когда уезжаете отсюда. Запомните, как безмятежно счастливы вы здесь были. Запомните мой образ и мою последнюю беседу с вами.

Вы еще дети, но в вас уже живут все качества взрослых людей. Все, что я скажу вам сейчас, будет коротко. Постарайтесь запомнить и, что бы вы в жизни ни делали, где бы вы ни жили, руководствуйтесь теми тремя короткими правилами, которые я вам сейчас скажу: Первое, о чем помните больше всего: внимание к каждому человеку, с которым говорите, к каждому делу, которое делаете. Вся жизнь человека — только внимание.

Это первая необходимость в жизни. Тот, кто не разовьет своего внимания в жизни каждого дня, не сможет ни в одной области достичь чего-либо большого. Вы еще маленькие люди, дел больших делать не можете, но ко всем вашим делам вы уже можете прилагать все свое внимание. Как вы встали с постели, как умылись, как сели за стол кушать, как перешли заниматься — решительно все делайте с полным вниманием. И в каждое бегущее «сейчас» думайте только об одном этом деле, которое делаете в эту минуту, и делайте его до конца хорошо.

Второе: когда разговариваете с человеком, вдумывайтесь и вслушивайтесь в его слова. Посмотрите ему в глаза, заметьте, спокоен он или расстроен. Не бросайтесь делать что-то, пока человек еще не договорил, но дослушайте до конца, что он говорит вам. Если ваше ухо

улавливает, что человек раздражен, старайтесь ответить так, чтобы он почувствовал, как вы его любите и хотите ему помочь. Не о себе думайте при разговоре, а о том человеке, что говорит с вами.

Третье: никогда не плачьте. Если только одна непобедимая сила в жизни, и эта сила — Радость. Каждый раз, когда что-то вам не удастся, когда вы хотите победить все препятствия и добиться результатов, побеждайте любя и радуясь.

Каждая ваша улыбка ускорит вашу победу и развернет в вас силы. Каждая слеза и слова уныния скомкают то, чего вы уже достигли в своих способностях, и отодвинут вашу победу далеко от вас.

Третье правило, как и первое, составляет для вас программу деятельности на всю жизнь, во всех делах, учении, искусстве. Второе же правило — ваша вечная работа над собой. Запомните, что, если вы начали день и несли друг другу любовь, все ваши дела, сколько бы вы их ни сделали, были делами радости и созидания. Если же вы не несли любви, самые ваши усердные и трудные дела не стоили ничего. Ибо все, что вы делаете любя, вы делаете для общего блага. А все, в чем вы не пролили любви и радости для всех людей, вы делали только для одних себя, и это не имело никакой ценности перед лицом Вечной Жизни. Вы едете далеко. Вы увидите огромные города, реки и горы, долины и пропасти. Но знайте, что всякое место, где бы вы ни жили, не имеет значения, как то или иное места. Важно то, что вы туда принесли в себе. Старайтесь принести новым местам и новым друзьям те любовь, мир и радость, которые вы здесь поняли и в которых вы здесь жили. Несите всюду в своих сердцах именно их, и вы будете приносить счастье и показывать людям, что вы знаете, как живут люди, если они передают друг другу привет любви.

Каждого ребенка И. благословил и обнял, каждому повесил на шею изображение часовни Великой Матери чудесной работы на тонкой цепочке, и еще раз мне показалось, что его пристальный взгляд как бы навеки запечатлевал в своем сознании образ каждого ребенка.

Когда все расселись на спинах верблюдов, причем для женщин с детьми было сооружено нечто вроде огромных гнезд с подушками и балдахинами на высоких шестах, ворота Общины открылись, и И. еще раз благословил весь караван, напутствуя его прощальными словами:

— Поезжайте, друзья мои, весело, легко. Не уносите лишнего груза печали на сердце, чтобы оно было пусто и свободно от личного. Вы едете в мир не для того, чтобы искать себе блеска и расширения собственной личности в новых знаниях и новом творчестве. Вы едете в мир, чтобы помочь людям принять их день таким, каков он есть. Чтобы они, ваши

новые встречные, поняли, что нет дня, выпавшего им на долю как боль и мука. Но что каждый день и все его обстоятельства — все соткано самим человеком. И если день тяжел, то он только спутанный клубок из покрывал собственных предрассудков и суеверий. Живите не мудрствуя. Ищите установить с каждым человеком максимум простоты. И опять-таки не от ума ищите эту простоту, а от сердечного вашего тепла. Каждый раз, когда вас будет постигать неудача в отношениях с ближними, проверьте себя: были ли вы совершенно свободны в чистоте вашего сердца? Стояли ли вы вне рамок условностей земли? Вели ли вы вашу встречу в присутствии Учителя? Мчались ли вы в законах Вечности или, поддавшись очарованию личности, подпали его печалям и радостям и делили с ним не Вечное, но то текущее, в чем жил он. Бдительность, самую пристальную бдительность распознавания несите в своем дне не как палку, не как костыль, но как огромную силу радости знания, единственного знания, ценного и необходимого: жить каждое летящее мгновение как мгновение протекающей Вечности. До свиданья, друзья. Со многими я еще встречусь на Земле, с иными в других мирах, но каждому из вас я обещаю еще раз встречу со мною. Будьте благословенны, мир мой да будет с вами.

Под радостные пожелания и благословения всех провожавших караван вышел из ворот и вскоре скрылся в едва серевшей мгле занимавшегося утра. И. отпустил всех, кроме меня, Грегора и Василиона. Мы прошли в другую половину парка, где я был только один раз, когда нес больного мальчика женщине, к которой Франциск дал мне письмо. Я очень скоро понял, что И. идет именно туда, в дом Ариадны, имя которой я ясно вспомнил. Шли мы молча. Я только сейчас точно отдал себе отчет, как много времени мы уже живем Общине Раданды. Все мелькнуло, будто только вчера мы ехали по пустыне, и вместе с тем и сейчас я воспринимал прожитые здесь месяцы как целую длинную жизнь.

— Мы войдем сейчас в жилище женщины, которой — тогда девочке-нищенке — ты, Василион, был однажды спасителем и наставником. Без тебя ей грозили бы нищета и разврат, ты спас ее от них, хотя тебе самому было немногим больше лет, чем ей.

Сейчас ты ее увидишь, вспомнишь многое из своего прошлого и узнаешь ее. Хочешь ли ты, чтобы и она тебя вспомнила и поблагодарила за оказанные ей благодеяния?

— Пощади, Учитель. Если воля твоя благая считает нужным, чтобы я узнал женщину и пожелал ей еще раз дальнейшего счастья твоей опеки, то будь милосерд, избавь меня от ее благодарности. Ты не приказываешь высказывать тебе нашей благодарности, а уж сам знаешь, чем мы обязаны

тебе. Мне же было бы очень совестно принимать благодарность за оказанную пустяковую помощь. Молю тебя, да минует меня чаша сия, — ответил Василион таким молящим тоном, что И. рассмеялся, обнял его и вновь сказал:

— Однажды у меня была встреча с мальчиком, который поражал всех своей способностью ясновидения болезней. Он точно видел места боли в человеке и так хорошо определял врачам характер заболевания, что ни одного смертельного исхода не было, как бы ни сложна была операция. Но мальчик жаловался на людей не в тех девяносто девяти случаях из ста, когда люди были неблагодарны и забывали о нем на следующий день выздоровления, мальчик жаловался на тех, кто высказывал ему свою благодарность, отнимая у него время «попусту», как он выражался. Не сродни ли ты этому мальчику, Василион?

— Ах, Учитель, что ответить мне на твою шутку? Я действительно старался избегать благодарности людей за то небольшое добро, что могу для них сделать. Но не потому, что это значит терять время попусту, хотя это в отношении меня, конечно, так и есть. И не потому, что моей застенчивости это очень трудно, а потому, что сознаю себя столь тяжко грешным, что все мои труды вряд ли могут покрыть Светом мой путь к людям.

Голос Василиона теперь звучал так печально, что я с удивлением взглянул на него.

Мною он воспринимался как очень чистое и светлое существо, и я не мог понять, почему в его сердце так много горечи и скорби. И. сел на скамью, пригласил и нас сесть возле него.

— Я уже говорил тебе, мой друг, не живи прошлым. Ты не виноват в смерти твоей жены. Ее час пришел бы в то же время, даже если бы твоя любовь не двоилась между твоей женой и Грегором и если бы ты не разделил его скорбного пути. Оставь горькие мысли о прошлом, перестань упрекать себя в том, что ты чего-то не выполнил перед твоей женой и не помог ей жить на земле в полной удовлетворенности. Каждый раз, когда ты воскрешаешь в скорби ее образ, ты забываешь, что такого ее образа, каким ты его создаешь, давно уже нет. Сияющее существо, каким она живет сейчас, меркнет в своем сиянии каждый раз, как ты окутываешь его своими мыслями скорби, горечи и раскаяния. Мысли печали, слезы личного восприятия к давно отошедшей форме невыносимо тяжелы для каждого из развоплощенных существ, живущих в том из миров, где еще связь с Землей не порвана. Запомни это. Пойми, что печаль прошлого стоит на твоем пути освобождения. Она один из самых больших барьеров к свободе духа, и она же мешает тебе стать Светом на пути встречаемых людей.

И. сказал еще несколько слов каждому из нас как руководство на ближайшие дни, а затем мы молча продолжали начатый путь и вскоре подошли к домику Ариадны. Уже совсем рассвело и раздался первый удар колокола, когда дверь отворилась, и пораженная неожиданным появлением И. Ариадна застыла на пороге своего дома.

— Здравствуй, Ариадна. Я обещал тебе прийти и лично проводить тебя с сыном в трапезную, куда теперь вы будете ходить всегда. И жить здесь вы больше не будете. Раданда укажет вам помещение в ближайших к его покоям домах. Отсюда далеко ходить и в школу, и в мастерские, где ты будешь теперь работать. Ничего с собой не бери. В чем есть, в том и иди с нами.

— Увы, Учитель, сынок мой еще не в силах пройти так далеко. Лекарство, что ты прислал, вчера кончилось. А ребенок все еще слаб и так бледен, точно и не было целых месяцев лечения.

— Это пустяки, Ариадна. Собирайся живей. Левушка сына твоего сюда принес, и он же его донесет и до трапезной. Раданда даст ему новые капли, и завтра же твой мальчик будет неузнаваем. Войди, Левушка, помоги матери одеть мальчика, заверни его в одеяло и догоняй нас. Мы пойдем вперед очень медленно. Не торопись, нам будет о чем поговорить без тебя, а к последнему удару колокола поспеем.

Когда я вошел в комнату Ариадны, то поразился виду мальчика. Нес я сюда совсем малыша, а теперь лежал в постельке вытянувшийся подросток, точно его, как тесто, хорошо раскатали валиком. Он был бледен и худ, и ему было холодно, несмотря на уже сильную жару. Я помог матери одеть ребенка, что, несмотря на мою помощь, она сделала с большим трудом. Затем она на некоторое время вышла и возвратилась в другом платье. Я взял ребенка на руки, и мы пустились в путь догонять И. с его спутниками. Какой легкой казалась мне теперь моя ноша, хотя сильно выросший за это время мальчик был много тяжелее прежнего. Он лежал на моих руках, прикинувшись к моему плечу, равнодушный ко всему вокруг него происходившему.

— Я никак не ожидала, что Учитель зайдет сегодня к нам. Я не теряла ни веры, ни надежды, что Учитель И. вспомнит о нас. Но в глубине души я думала, что мне предстоит разлука с моим дорогим сыном, и собирала все силы, чтобы встретить эту минуту разлуки героически. Это мне плохо удавалось.

Голос Ариадны дрожал и прерывался. Мы вышли на прямую аллею, и очень далеко впереди я увидел три мужские фигуры. Я ускорил шаги, чтобы сократить расстояние между нами и ими, и стал держаться в таком

отдалении, чтобы никакие обрывки разговора до нас не долетали. Когда мы стали подходить к трапезной, И. остановился и подождал нас. Не успел я поравняться с ним, как колокол ударил в последний раз, и я в числе других вошел в трапезную. И. прошел прямо к столу Раданды, указал мне на мое обычное место рядом с ним и велел посадить мать и ребенка возле меня. Я выполнил его приказание, но мальчик сидеть был не в силах и почти лежал на моем плече, поддерживаемый мною за талию. Раданда подошел к Ариадне, бледное и измученное лицо которой выражало полное расстройство, и слезы готовы были брызнуть из глаз. Он ласково положил ей руку на голову и несколько раз нежно погладил густые гладкие волосы, сбросив прочь с ее головы платок, под которым она скрывала свои чудесные толстые косы.

— Зачем же, друг, ты сомневаешься? Тебе ведь Учитель И. сказал, что твой сын будет здоров, что беспокоиться не о чем. Если бы ты, ухаживая за сыном, все время твердо помнила об этих словах Учителя, твой сын выздоровел бы гораздо скорее. Твои сомнения, скорбь, колебания очень и очень мешали ему. Ты уверена, что ты любишь сына со всей силой самоотвержения. На самом же деле все время его болезни ты думала о себе и только о себе, а не о нем. Ты искала силы в себе не для того, чтобы утверждаться в верности Учителю и помогать своей энергией сыну выздоравливать. Ты искала возможностей приготовить себя к разлуке с ним. Будь хоть сейчас действительно преданной матерью и думай только о сыне, забудь о себе.

Раданда поднял головку ребенка и ловко влил ему в рот несколько капель из маленького, похожего на игрушечный чайник стаканчика, который он держал в руке.

Мальчик слегка вздрогнул, через минуту открыл глаза, потом выпрямился, оглянулся кругом.

— Мама, ты здесь? Где это мы? Почему здесь так много людей и так жарко?

Вместо матери ему ответил Раданда:

— Ты, детка, в трапезной, куда теперь, как и все дети твоего возраста, будешь ходить каждый день. А жарко тебе стало потому, что ты поправляешься. Сейчас, чтобы скорее выздороветь и снова бегать в школу, пройди с мамой в мои покои. Там тебе будет специальная пища и уход. Еще несколько дней я тебя полечу, а там переедете с мамой в новый дом. Иди, дитя, в моих комнатах тебе будет прохладно.

Раданда подозвал к себе одного из своих келейников, велел ему проводить мать и сына в одну из своих комнат и передать их попечению

доктора, который уже был оповещен об их приходе. К моему удивлению, мальчик сам вышел из-за стола и, подав руку матери, бодро зашагал за келейником Раданды. Заняв за своим столом обычное место, Раданда приказал подавать пищу, и завтрак прошел обычным порядком. Я заметил в столовой много новых лиц, но ни Андреевой, ни Бронского с Игорю за нашим столом на этот раз не было.

Привыкнув теперь не предаваться размышлениям, где и кто может находиться, поняв однажды и навсегда, что раз человека нет в Общине там, где он бывает обычно, значит, он трудится в другом месте, я спокойно ждал распоряжений И. о дальнейших делах дня. Я понимал, что мы скоро отсюда уедем, и не сомневался, что у И. есть несколько очень важных и неотложных встреч. Мелькала у меня мысль, что мы пойдем к Старанде и к старушке Карлотте, и моя интуиция меня не обманула. Как только завтрак кончился, И. шепнул мне:

— Выйди к Мулге и подожди меня там. Мы пойдем к Старанде и Карлотте.

С большим удовольствием я встретился с Мулгой, по обыкновению хранившим моего Эта. Цельность и преданность этого человека, как и его доброта, уже давно меня пленили. Но мудрость этого сердца я увидел только сегодня. В каждом слове Мулги было столько мира и уверенности, что я задал себе вопрос: где обрел их простой человек Мулга? Были ли они ему свойственны еще в Общине Али или же он нашел их здесь, в тишине своей сторожки, стоявшей в самой глубине сада, где росли лучшие цветы. Мулга на своем типичном восточном наречии ответил на мой невысказанный вопрос:

— Много мест, много людей видели мои глаза. Много плача слышали мои уши. Много слез утешало мое сердце. Но нигде не встречался я с такой добротой, чтобы забыть сразу все, что до сих пор видел, чтобы понять: все, что видел и слышал, все не настоящее. А настоящее — правда, вечная, как Бог, — то, что делают и говорят Раданда и Учитель И. Я и раньше слышал много проповедников, и великих проповедников, но всегда чувствовал, что это проповеди. Здесь же я понял слово дело и сложил в сердце своем такой мир, что, как башня, из сердца и головы прямо в небо смотрит. Я не дышу иначе, как через сердце свое прямо в небо, к Богу, и Бог в моем сердце живет. И все это случилось сразу. Слышал я раз ночью, как Раданда вышел один и пошел к воротам, что ведут в пустыню. Испугался я. Как же он один, такой старенький, идет к воротам? И пошел я поодаль за ним. Только вижу, открывает он калитку и выходит прямо в пустыню. Я не утерпел и вышел следом за ним. Луна светила, и ночь казалась мне даже холодной.

Должно быть, шибко привык я к зною. А Раданда все идет да идет, уже, почитай, с версту от ворот отошел. И пожалел же я, что хоть палки не взял, ведь шакалов много ночью здесь бродит. Чем же мне старца защитить? Только это я подумал так, смотрю, Раданда остановился над чем-то, вроде как упавший верблюд лежит, и плач чей-то слышен. Я побежал со всех ног и подоспел как раз вовремя, когда Раданда вытаскивал из седла упавшего верблюда привязанную к нему женщину с ребенком. У меня был небольшой нож, мигом перерезал я ремни, взял у женщины ребенка, передал Раданде и помог ей высвободиться. Была она молодая, сама почти ребенок, и от долгих часов, что провела на верблюде, так закоченела, что мне пришлось принести ее сюда на руках. Верблюд уже издыхал, и спасти его было невозможно. "Эта женщина — невинная жертва клеветы, — сказал мне Раданда, когда мы вошли обратно в калитку. — Здесь, в пустыне, есть оазис воинственного и жестокого племени.

Провинившихся жен они наказывают, привязывая их к седлу одного из самых крепких верблюдов, хорошо откормленного и сытого. Гонят его так далеко, чтобы обратного пути он не нашел. А чтобы он не мог прекратить своей бешеной скачки, пока не упадет, обессиленный, и не издохнет, они втыкают ему под седло несколько острых игл кактуса. Сначала иглы незаметны животному, потом едва щекочут ему спину, но по мере бега вонзаются все глубже в спину и приводят его в бешенство. Когда животное, выбившись из сил, падает, оно умирает от истощения быстро, почти сразу. Но другая жертва человеческой жестокости, туго к нему привязанная, испытывает все ужасы палящего солнца и жажды или же ее заживо разрывают звери пустыни. Мы с тобой успели вовремя. Этот верблюд был когда-то, не так давно, украден, вернее сказать, отбит этим племенем у одного из караванов Общины. Он вспомнил дорогу к месту своего рождения, принес сюда своих несчастных седоков, чем спас жизни матери и ребенка". — "Спасла им жизнь, по-моему, твоя доброта, святой отец". — Ничего нет во вселенной, Мулга, что мог бы сделать человек в одиночестве. Все в мире связано нитями любви. И внимание, если человек выработал его в себе до конца, открывает каждому непрерывное свершение человеческих судеб.

Будь внимателен к живущим вокруг тебя людям, и ты будешь расширять свое внимание все дальше и дальше. И ты будешь видеть на много верст кругом, как и где нужна твоя помощь. Внимание человека утомляется и суживается потому, что он много и долго обращает его на самого себя. Когда он перестает сосредоточиваться на себе, внимание не знает усталости. Это для многих долгая и трудная работа. Человеку начинает

казаться, что он только и делает, что думает о других. А на самом деле он имеет только более талантливую природу и ищет более широкого применения собственным талантам. И тут есть два пути: путь ума и путь сердца. Идущие путем сердца не спрашивают себя: хорошо или плохо будет то, что я делаю. Они идут и делают. Их ведет простая доброта, вроде того, как она повела тебя сейчас за мною. Пожалел ты старика, что пошел один ночью в пустыню, и только уже после подумал, что и палки-то у тебя нет, чтобы защититься от зверей. Не конфузся, — прибавил старец, точно видел, как я весь вспыхнул за свою глупость, что хотел защитить святого, который сам был защитой и шел спасать людей. — Твоя доброта откроет твои глаза скорее, чем книжная мудрость придет к тебе. Пойдем в больницу и передадим наших несчастеньких в надежные руки сестер. Не бойся, твоя ноша не умерла. Она скована усталостью и ужасом всего пережитого. Она поправится, и судьба ее и ее ребенка будет великой и светлой". Больше Раданда не прибавил ни слова. Мы передали наших найденышей на руки сестрам больницы и вернулись в покои Раданды. У моей сторожки он остановился, посмотрел мне в глаза и улыбнулся.

Веришь ли, брат Левушка, всю-то жизнь свою, с детства, как себя помню, все у меня было одно желание: "Хочу жить подле Бога". Своему отцу, сначала смеявшемуся причудам ребенка, я так надоел, что он гнал меня от себя. А добрая мать моя ласково мне улыбалась и отвечала: "Далеко до Бога, дитяtko. Люби людей, и будешь ты жить подле Бога". Я тогда не понимал ее слов. Ушел из дома. Ходил по святым местам. Дошел до Общины Али, где ты меня встретил, и все слов матери не понимал.

А как улыбнулся мне Раданда, как перекрестил он меня, все я сразу понял. Понял, что все и всюду Бог, потому что в сердце своем Его носят люди. И повалился я ему в ноги. "Иди с миром, сын мой, — сказал старец, поднимая меня с земли. — Ты путь Божий, и я путь Божий. И каждый человек — все пути Господни. Не ищи понять, как, куда и откуда идет человек, если он встретился тебе. Ищи подать ему помощь в эту минуту встречи. Ибо ничего нет важнее на земле, чем протекающая сейчас встреча.

Если сумеешь внести в свою встречу мир, Милосердие примет в свои объятия и тебя, и твоего встречного. И вся твоя задача выполнена. Бдителен будь в своем внимании, и вся жизнь ни на одну минуту не пройдет мимо тебя". Благословил меня Раданда, обнял, прижал к себе, — и не смогу я высказать тебе словами того восторга, того счастья, что испытал я тогда. С тех самых пор точно крылья завертелись у меня за плечами. И тогда-то и выросла над головой моей башня.

Едва кончил Мулга свой рассказ, как возле сторожки остановились

Раданда, И. и Ясса. Эта не замедлил проделать церемонные поклоны перед каждым из подошедших.

Хотя я уже не раз видел эти грациозные фокусы с отставлением одной ноги и распусканием хвоста, но все же не мог удержаться от смеха. Мой друг счел мой смех нежелательным и недостойным себя, взлетел мне на плечо и хотел приняться за свое обычное озорство над моими кудрями. Но, увы, был сжат, как клещами, моими выросшими руками и спокойно уложен на скамью Мулги. С непередаваемым удивлением взглянул на меня мой павлин, не так давно переставший быть птенчиком, и, кажется, впервые мы перешли на положение товарищей, в котором старшим оказался я. Что и пришлось Эта признать как форму нашего совместного существования на данное сейчас.

— Что, братишка, пришлось тебе попасть в подчиненные? — поглаживая спинку Эта, смеялся Раданда. — Ничего не поделаешь, зато я научу тебя еще одному фокусу, тогда ты снова покоришь своего хозяина. А пока придется тебе пожить у него в служках. Ходи за ним чинно, выражай ему великое почтение и защищай не на жизнь, а на смерть, если встретится опасность.

Что понял Эта из всей этой речи, я не знаю. Но факт то, что он поспешно прыгнул со скамьи, поклонился мне и степенно зашагал рядом, вслед за И. и Радандой. Ясса шел рядом со мной, немного позади наших великих друзей, говоривших на незнакомом мне языке. Речи их я не понимал, но по интонациям сознавал, что дело касалось очень важных вопросов. Я мысленно приник к Великой Матери, коснулся Ее чудесного цветка, с которым не расставался, и молил Ее помочь мне внести мир и радость в предстоящие встречи дня. Мы шли по еще незнакомой мне части парка, и вдали я увидел несколько очаровательных маленьких коттеджей, аккуратненьких и окруженных прекрасными лужайками, палисадниками, огородами, как бы представлявшими собой отдельные маленькие владения. Это было так не похоже на общий вид и тип жилищ здесь, что я с удивлением взглянул на Яссу. Он понял мой немой вопрос и улыбнулся.

— Ты еще молод, Левушка, и не мог заметить некоторых качеств и свойств людей. Есть множество людей, у которых под старость остается масса неизжитых желаний, от которых у них не перестает болеть сердце. Впереди всего у них стоят эти не исполненные в жизни желания и мешают им ясно видеть свое истинное положение.

Всю жизнь они ищут Бога и путей Его, но не могут подойти ни к одной из тропок, ведущих к путям, так как на каждом шагу их слепит одно из тысячи неисполненных и мутящих душу желаний. Здесь живут люди, у

которых когда-то в жизни была собственность, к которой они были привязаны и благодаря которой считали себя независимыми. Пришлось им все потерять, вести жизнь санньясинов, но тем не менее воспоминание о прошлом, о мнимой своей независимости мутит их души до сих пор.

Здесь каждому из них даны отдельные владения, чтобы они могли вполне удовлетворить свои инстинкты собственности. Ведь войти в единение со Светлым Братством не может ни один человек, пока его держит в закреплении инстинкт собственности. Ты сам сейчас увидишь, как труден путь человеку, даже очень хорошему и доброму, пока в его мыслях живут разъединяющие воспоминания прошлого, желание самостоятельного существования без возможности добыть его собственным трудом, помимо жажды вообще жить, «поучая» других.

Мы миновали довольно много домиков и наконец вошли в один особенно красивый, увитый цветущими растениями и утопавший в целом море прелестных цветов.

Несколько кошек и собачонок лежали мирно на солнце, выставив туловища и спрятав в зелени головы. Животные и не думали тревожиться при нашем появлении, продолжая свое ленивое, сонное мечтание.

Никем не встреченные, мы вошли в сени домика, прошли через две уютные, но малоаккуратные комнаты, где во многих местах стояли блюдечки с кошачьей и сдой и немалым количеством мух над ними. Впервые я видел здесь неряшливость и такое множество мух. От постоянного и быстрого движения вееров мух в Общине не было. Я их не видел нигде, кроме этой части парка. Эта вспрыгнул мне на плечо, косясь на новую для него обстановку.

Чувство какой-то еще не испытанной мною жалости к тому, кто здесь жил, закралось в мое сердце. Я связал все окружавшее меня со словами Яссы и подумал, что живший здесь человек должен был быть прежде всего бесконечно одиноким. Его должна была томить тоска по привязанностям Земли, жажда быть постоянно окруженным любящими его существами, пусть животными, но чтобы иллюзия любви жила вокруг. Меня точно озарило понимание глубоко несчастных людей, мечущихся по жизни в вечной жажде любви и привязанности, вместо того, чтобы нести каждому мир и посильную помощь.

Мы вышли с противоположной, теневой стороны дома и услышали два спорящих старческих голоса, мужской и женской. Голоса долетали из густых зарослей цветущих, огромнейших, как кусты сирени, гортензий ярко-голубого цвета.

— Нет, нет, это далеко не так просто, как Вы воображаете, — слышался

мужской голос. — Как же это, по-вашему? Впереди головы сердце идет? Тогда всякий глупенький и простенький, если только он добр и верен, может дойти до Учителя?

Да ведь сколько надо знать, чтобы Учитель мог взять человека в ученики.

— Я не знаю, чего и сколько надо знать. Но что надо любить, а не быть сухим, как Вы, это я знаю, — отвечал женский голос.

— Не думаете ли Вы, что, любя Ваших кошек и собак, Вы достигнете цели? Разве может быть поставлена в заслугу такая любовь? Это Вы себя в своих кошках любите.

— Вот Вы опять ссоритесь, я ведь не говорю, что Вы себя любите, когда обучаете китайской грамоте своего несчастного садовника. Если бы Вы учили его английскому языку, его родному языку, это было бы понятно. Он англичанин и еле грамотен. А Вы вот — подай Вам китайский. Ну на что ему это? Он ведь до смерти едва три буквы выучит. Это Вы не себя любите?

— Ну, где же Вам втолковать? Он будет в следующем воплощении миссионером, и мы поедem с ним в Китай. Понятно Вам? Я для его будущего работаю.

— Нет, уж лучше я для настоящей жизни кошек поработаю. Нам с Вами не сговориться, — совсем раздраженно прозвучал женский голос.

Неизвестно, чем бы окончился этот классический спор, если бы раздраженная старушка не покинула своего места в тени кустов и не вышла на дорожку к дому, на которой мы все стояли. Увидев нас, узнав Раданду, она до того растерялась, что выронила из рук кошку, которая, очевидно, спала на ее коленях. За нею вышел из кустов старик высокого роста, видимо еще сильный, с крутым, упрямым лбом и не гармонизировавшими с общим видом его лица и фигуры кроткими голубыми глазами.

— Здравствуй, сестра Карлотта, — сказал старушке Раданда, и я только теперь вспомнил, что это та женщина, к которой я приходил однажды с Франциском в ту памятную ночь, когда неистовый монах Леоноре напал на меня и когда мы привели в Общину Али профессора и Мулгу. Сейчас я с трудом узнал ее. Она пополнела, посвежела, сказал бы, помолодела, если бы в ее древние годы это слово могло что-либо означать.

— Отец Раданда! Я никак не ждала Вас так рано, — растерянno сказала сестра Карлотта.

— Неужели рано, друг мой? Я ведь вчера специально присылал Зейхеда сказать тебе, что сегодня буду к тебе с Учителем И., которого ты так меня умоляла позволить тебе повидать, чтобы лично с ним поговорить.

— Да, да, я забыла. Мой сосед всегда отвлекает меня от дел, и я не успела подготовиться.

— Иди, друг Александр, к себе. Мы придем к тебе позже.

Старик, поклонившись Раданде, поспешно скрылся в кустах.

— Ну, присядем здесь, на крылечке, — снова обратился Раданда к сестре Карлотте.

— В комнатах у тебя, друг, плохой воздух и не прибрано. Оставь свою кошку, авось она найдет себе на время приют где-нибудь в другом месте, кроме твоих колен, — прибавил он, видя, как сестра Карлотта старалась подобрать в подол юбки кошку, пронзительно мяукавшую и рвавшуюся на свободу.

— Прости, отец Раданда, ты ведь не знаешь, кошка моя нездорова. Я сейчас отнесу ее в комнату и вернусь, — поспешно засовывая дрожащими руками кошку в подол, сказала Карлотта. Но кошка с визгом вырвалась и стремительно убежала.

Старушка обескуражено смотрела ей вслед, а все мы молча смотрели на нее. Я взглянул на И., и сердце мое невольно сжалось. Лицо его не было сурово, оно было по обыкновению милосердно. Но... неприступная стена величия окружала всю его фигуру. Я понял пропасть между ним и Карлоттой, которую она не была в силах переступить.

— Разве ты не понимаешь, сестра Карлотта, кого я к тебе привел? Почему же ты стоишь, опустив глаза в землю, и молчишь? Ведь в течение месяца бесед со мной ты настаивала, что ни Франциск, ни я не понимаем и не знаем тебя. Что мы можем ошибаться, не знать ни твоей природы, ни твоего существа. Я пытался растолковать тебе, что до тех пор, пока ты будешь занята собой, свидание с Учителем не может принести тебе ни мира, ни пользы. Вот ты сейчас стоишь перед ним и не решаешься поднять глаза от земли. Дерзай же. Мгновения встречи идут. Учитель не сможет долго ждать, пока ты будешь обдумывать, с чего начать и как выложить перед ним накопленный за долгую твою жизнь мусор обид и горечи.

— Я не могу говорить в Вашем присутствии, отец Раданда. Да Вы еще привели и совсем незнакомых мне людей.

Улыбка непередаваемой доброты осветила лицо Раданды, и он ласково ответил ей:

— Ну, эти милые люди не совсем чужие тебе, дорогая сестра. Мы отойдем. Прости еще раз, Учитель, что моя доброта привела меня к ошибке и тебе приходится перенести лишние тяжелые минуты.

— Останься, Левушка, — коротко приказал мне И., видя, что и я собираюсь отойти с Радандой и Яссой.

— Не трать времени, сестра, на мысли суетные, как и с чего начать мне объяснять, почему не дошла ты до той степени высокого мужества и радости, которых достигали люди, истинно ищущие встречи с Учителем, истинно забывающие о себе, чтобы жить для блага людей. Не называй мне имен «мешавших» тебе жить в подвиге людей. Ты и Раданду, ежедневно посещавшего тебя и убеждавшего заняться трудом хотя бы самообслуживания, расточавшего тебе любовь целыми ковшми, считала неправомерным разрешить твои проблемы жизни. Кого из людей, прошедших перед твоими глазами, ты любила не потому и не за то, что они были тем или другим хороши для тебя? Кому ты внесла мир и отдых своим существованием? А если и внесла его единицам, почему не люди, а животные имели счастье завоевать твою преданность и дружбу? Единогое в животных ты предпочла Единому в людях? Не омрачай своих дней глубоким осуждением и горечью, что живут на дне твоего сердца. Люди, которых ты не раз осуждала, считала неправыми по отношению к тебе, ушли из этого мира, и ты больше не имеешь возможности принести им свои извинения и помочь их миру. Найди теперь им оправдание и себе осуждение. Но не мертвое осуждение-раскаяние, а живое, активное действие любви: в каждой новой встрече ищи видеть Вечное. Франциск много раз говорил тебе, что такое добрый человек.

Он, как и Раданда, говорил тебе, что достичь встречи с Учителем можно только единаясь в труде с людьми. И труд бывает разный. Можно иметь мало физических сил, но, просыпаясь ко дню, стремиться вместе со всеми людьми своего народа к его великим задачам дня, их видеть, им духовно нести помощь любви. Мужество рождается из всех факторов духа, мозга, сердца. Они вливаются в труд Дня, и ими светится день человека. Думаешь, что своему неряшеству найдешь оправдание в старости и слабости? Нет. Они отражение твоей слабости духовной и застарелой привычки сваливать уход за собою на руки других. Думаешь, что силы тоски, одиночества и горести выросли от печальных внешних обстоятельств? Нет, они тоже отражение внутренней раздробленности. Цельность твоя формальна. Повторяешь слова данного тебе указания, а Жизнь в тебе не разворачивает Своих аспектов. Благодаря доброте в далеком прошлом к тем людям, которых ты назвала чужими, ты достигла Общины Али, ты здесь. Но страшишься продолжать свое убогое внутреннее существование. Твое отрицание действительно. Ты в каждом видишь сегодня плохое, завтра — хорошее, вместо того, чтобы всегда видеть вечное. Твой день — день набегающей тоскливой слезы, которую стараешься развлечь случайными встречами, случайными услугами, случайным уходом за животными.

Мечтаешь пойти куда-то "в гости". А рядом, через несколько домов от тебя, живет женщина, мать которой долгое время больна. Предложила ли ты хоть раз свои услуги подежурить у постели больной и сменить замученную дочь? Одумайся, друг. Сосредоточься. Отвлекись мыслями от «себя» на деле, внутри, а не вовне. Перед последними месяцами жизни на Земле подумай, приготовь дух свой к великому переходу в труд волн иной длины, которые теперь не ухватываешь. Но не забывай, что это будет труд, к которому ты здесь не выработала в себе строгой и точной привычки и дисциплины: Проследи: вместо того, чтобы всюду утверждать вокруг себя расцветающую жизнь, ты в каждом месте отъединялась, ничего не признавая и никого не считая себе учителями и наставниками. А между тем, первое изречение, даваемое ученикам: "Никто тебе не друг, никто тебе не брат, но каждый человек тебе великий учитель", — ты хорошо знала. Знала и знаешь формально, как и многое другое. Очнись, действуй. Завтра же ты отправишься в скит уединения, где живут строптивцы. Там старайся не мутить ничей покой, не вносить разлада ни в чью мысль, ни на одну минуту не раздражить или не влить в чье-то сердце печаль о твоём горьком существовании. Навеки пойми: стремление видеть Учителя — пустая суетность, сложившаяся из грубейших предрассудков и суеверий. Кто готов, тот может увидеть Учителя, тот годами жил и трудился в радости мире именно потому, что в сердце своем носил образ, действовал в его невидимом присутствии, и потому выросли его мужество и бесперебойная честь. По опыту этого дня видишь, что говорить в присутствии Учителя может тот, кто жил в его обществе, укрывая в сердце никому не видимый его образ. Когда поймешь, как найти истинные самоотречение и смирение, поймешь и любовь к людям, поймешь, как трудятся те, кто хочет содействовать планам труда Светлого Братства. Иди в скит, там сосредоточься и перестрой все свои понимания, что такое живая Жизнь в себе, протягивающая любящую руку такой же Жизни во встречном человеке.

Карлотта, молча и все так же с опущенными глазами слушавшая слова И., упала на колени, закрыв лицо руками. И. перекрестил ее, подержал свою руку на ее голове, дрожавшей от бурных рыданий, и прошел к тому месту, где сидели Раданда с Яссой.

Я бросился к старушке, поднял ее, легкую как перышко, и усадил в кресло на крылечке. Если бы не мое новое мужество и голиафова сила, я бы сам разрыдался от скорби за нее и сочувствия к ней. Но сейчас в сердце моем было так много мужества, самообладания и радости, что я коснулся судорожно утиравших слезы рук цветком Великой Матери, поцеловал обе

эти старческие руки, низко ей поклонился и тихо сказал:

— Не плачь, дорогая сестра, завет мужества дал тебе Учитель. Призывай имя Великой Матери. Она поможет тебе найти истинный путь. Никогда не поздно, пока человек жив. Я приду завтра, я умолю Учителя разрешить нам с Яссой проводить тебя в скит. Мы будем навещать тебя там, пока не уедем отсюда, и будем всячески служить тебе со всем усердием, как только сможем. Милосердие Учителя безгранично. Если бы он не читал для тебя возможностей найти истинный путь, он не говорил бы с тобой сегодня.

Я еще раз поцеловал обе ее узловатые руки, еще раз поклонился ей и пошел догонять И., подхватив на руки Эта, терпеливо меня дожидавшегося, как будто бы он понимал всю важность утешающих слов для старушки.

Я нагнал И. как раз в тот момент, когда он разговаривал со стариком, которого Раданда назвал Александром.

— Сколько раз тебе, друг, Раданда повторял, что вовсе неважно, кем ты в жизнях своих был или кем будешь. Важно только одно: кто ты сейчас. Избитая и старая истина, что Жизнь — это твое летящее сейчас; все же это остается для тебя не реальным знанием, а формальной проблемой. И, наоборот, призраки прошедшего и будущего занимают твои мысли, заставляя тебя попусту терять драгоценное время жизни на Земле. Свое время, которое ты обещал Раданде посвятить обучению детей, ты проводишь в бессмысленных спорах и беседах и в еще более бессмысленном обучении малограмотных людей таким знаниям, которые не могут быть им полезны ни в этом, ни в еще нескольких следующих поколениях. Довольно возиться с самим собой, со своей независимостью и вечной мыслью о жизни твоих детей и внуков.

Ступай сегодня же в школу и скажи ее начальнику, что я прислал тебя в помощь старому учителю для обучения детей греческому и латинскому языкам. Учи их весело, радостно, чтобы они не потом обливались, как твой садовник, но смехом заливались и запоминали азбуку по комическим фигурам, которые ты так прекрасно умеешь рисовать. Поселись в самой школе и будь первым слугою, а не только наставником детям, с которыми тебя сегодня столкнет жизнь.

И. поклонился Раданде.

— Благоволи, отец, присмотреть, чтобы отданные мною сегодня распоряжения были выполнены в точности обоими членами подчиненной тебе Общины. Ясса и Левушка, вы пойдете со мной.

Мы расстались с Радандой. И. круто повернул назад, вышел на одну из самых широких аллей и пошел по направлению к скиту строптивцев. Мы

долго шли молча, и только когда стали подходить к воротам скита, И. сказал мне:

— Постучи в калитку, именем моим прикажи открыть и оставь старику, дежурящему у ворот, Эта.

Я все исполнил, как приказал И., и мы вошли в большой двор скита. Здесь тоже было много цветов, вокруг дома и вдоль дорожек сада стояли красивые скамейки. Мы шли мимо домов все дальше в сад. К моему удивлению, там протекал ручей вроде маленькой речки, а сад незаметно перешел в лес из смеси каких-то игольных деревьев, очень занятных и красивых на вид, мною никогда не виданных. В лесу дорожки прекратились и цветов не было, только узенькая, едва заметная тропочка вилась по земле, и по ней мы шли за И. Сначала мы шли по ровному лесу, потом тропа стала пускаться вниз. Некоторое время мы шли по самому дну оврага и, выбравшись на другую его сторону, очутились у ряда белых домиков, обнесенных низкой деревянной оградой. Я понял, что овраг и горюшки не что иное, как дно моря, некогда покрывавшего всю пустыню.

Никого не было у калитки, которую И. открыл, и никто не выходил нам навстречу.

Все дома казались вымершими. Так дошли мы до небольшой церквушки и здесь увидели первое живое существо. Оно копошилось, вытряхивая циновки. Это был худенький человек в монашеской одежде, трудившийся спиною к нам и, очевидно, не слыхавший наших тихих шагов. К нему-то и направился И. — Здравствуй, Старанда, — громче обычного сказал И., подходя к человеку.

Тот вздрогнул, выронил из старческих рук циновку, быстро оглядываясь на приветствовавший его голос. Бог мой, как изменился Старанда! Он был все тот же старенький монах, к которому мы однажды приходили: Но я видел его в двух фазах: грубым отрицателем, упрямым строптивцем и жалким, несчастным человеком, понявшим всю глубину своего заблуждения и горько страдавшим от этого сознания. Теперь же перед нами, после первого пароксизма неожиданности и удивления, стоял радостно улыбающийся человек, лицо которого светилось приветливостью и нежной любовью. На шее его был повязан платок Франциска, концы которого были аккуратно запрятаны под бедный, выцветший подрясник.

— Господи, ты помиловал меня, Учитель! Не ожидал я, что так скоро милосердие твое приведет тебя ко мне, грешному, — счастливо и бодро улыбаясь, говорил Старанда, поправляя свои седые вьющиеся волосы, падавшие на плечи и, очевидно, сплетенные до работы в косицы. — В каком неряшливом виде застал ты меня, Учитель! Да еще и гости с

тобой, — застенчиво продолжал старик, обтирая свои пыльные руки о длинные полы подрясника. — Не пройдешь ли ты с дорогими гостями к настоятелю? А я мигом приберусь и прибегу туда.

— Не волнуйся, мой милый друг. — И я, уже привыкший к божественно ласковому голосу Учителя, был тронут его особенной добротой и нежностью при обращении к Старанде. — Мы пройдем в твою келью.

Старец, чутко воспринявший дивный голос Учителя И., сразу стал точно сильнее, увереннее, улыбка еще ярче засветилась на его лице, он хотел поклониться И. в ноги, но тот обнял его и пошел с ним к ближайшему домику, держа руку на его плече.

— А платочка-то я не снимаю ни днем, ни ночью, — касаясь концов платка Франциска, тихо сказал Старанда, вводя нас в свою крохотную келью.

Чистые стены из пальмового дерева были так же прекрасно отполированы, как столы в трапезной. Небольшой аналой с раскрытым Евангелием, перед которым висело белое большое распятие и горела лампада, топчан с откидной крышкой, небольшой стол, табурет — вот и все убранство комнаты. На окошке стояли чернильница, графин с водой и кружка.

— Я пришел за тобой, Старанда. Что ты мне скажешь, если я предложу тебе переменить место и труд?

— Да будет воля Божья и твоя, Учитель. Я рад: мой убогий труд тебе понадобился.

Здесь я, кроме уборщика при церкви, ни на что не нужен. Мало сил, только с этой работой и могу справляться. Но все, что прикажешь, постараюсь выполнить с Божьей помощью. — Старанда снова коснулся рукой платка, посмотрел на распятие, вздохнул, перекрестился и поклонился И., как бы ожидая его дальнейших приказаний.

— Ты даже не интересуешься, Старанда, куда я тебя поведу? — пристально поглядел на старца и улыбнулся И. — Умер тот Старанда, Учитель, что спорил и считал себя всезнающим и во всем правым. Живет теперь Старанда, одну истину знающий: что всю жизнь мало любил человека и не о нем, а о себе думал. И было прежнему Старанде трудно жить всюду.

И всюду, невежда, учить хотел. Нынешний Старанда полюбил человека. Вся тоска с него спала, нагой он перед Творцом стоит, как нагой и на Землю пришел. Одна любовь его покрывает, и легко ему жить свой день. Одно иной раз сердце томит, что не понял я тебя, гонца Божия. Думал, что не хватит твоего милосердия простить мне скоро мой грех. Приют мой

посетил ты ныне, и последнее звено тяжкое с сердца спало. Будь благословен, великий отец, да пойду по стопам твоим до смерти и после нее.

Старанда опустился к ногам И., который его обнял и посадил рядом с собой. И ничего я не увидел, кроме радужного облака, которое наполнило всю келью и в котором исчезли и старец, и сам И. Когда плотное облако рассеялось, я снова увидел И. и Старанду. Оба они уже стояли на пороге кельи, и Старанда, обернувшись ко мне, говорил:

— Не прошу я у тебя прощения, дорогой брат, ибо платок, тобою мне данный, все мне сказал. Он сказал мне, что сказка — волшебная сказка — сердце человека. И что жизнь каждого и есть эта сказка, которую рассказывает сердце человека. Не осуди меня ни на единый миг. И Великая Мать Жизнь не осудит тебя и вовеки подаст тебе Своей Доброты покров. Да хранит тебя радость в твоих долгих-долгих днях.

Старанда вышел вслед за И., мы с Яссой окинули взглядом бедненькую келейку, где нашел свое раскрепощение Старанда, и, пожелав следующему ее обитателю счастья и мира, поспешили за ними.

Как только мы покинули келью Старанды, мы увидели со всех сторон спешивших к И. одетых в монашеские рясы братьев. Впереди всех, с трудом передвигая ноги, старчески не сгибавшиеся, опираясь на посох, шел высокий монах со следами редкостной красоты на лице. По почтительному расстоянию, которое соблюдали остальные братья между ним и собой, я понял, что это был настоятель скита. Не доходя небольшого расстояния до И., он хотел опуститься на колени, как и все, следовавшие за ним монахи, но И. предостерег их от этого:

— Я уже говорил вам, что не разрешаю кланяться мне в землю. Преклоняйтесь перед Богом, если так хочет ваша душа. Учителю же видно ваше смирение и без земного поклона, как видна и ваша строптивость в самом глубоком преклонении. Мужайтесь, дорогие мои братья. Не падайте духом от того, что не можете сразу освободить сердце от вьевшихся в него привычек к спору и мудрованию. Расширяйте действенную любовь в ваших сердцах в труде простого дня. Не думайте так много о себе, о своих грехах, о подвиге своего спасения. Думайте чаще и больше о Мире-Вселенной, о живущих в ней людях, ищущих любви, зовущих и молящих о помощи и спасении.

Посылайте каждому сердцу вашего сердца привет. Это ничего не значит, что здесь вы не видите людей и мира. Вы — люди, вы — мир, вы можете так широко любить и благословлять людей, печальных, неустойчивых и несчастных в своей широкой 225 жизни, что волны вашего

доброжелательства долетят до них и принесут им мир и успокоение. Каждая страсть, что вы победите в себе, от которой освободите сердце, полетит лучом радости и энергии в дальний мир. Никакая энергия, посланная человеком в доброте, не может пропасть в мире. Энергия зла окутывает только тех, в ком встречает раздражение. Тогда она может угнездиться в человеке.

А энергия доброты не минует ни одно существо в мире, и если не освободит, то облегчит каждого страдальца, мимо которого мчится.

— Прости меня, Учитель, что я так мало сделал для скита с тех пор, как ты определил меня сюда настоятелем. Болезнь почти ежедневно держит меня прикованным к постели, и братья все делают сами, получая в моем лице еще добавочную тяжесть ухода за мной. Я несколько раз просил Раданду освободить меня от обязанностей настоятеля, доказывал ему, что я калека, а какой же калека может быть настоятелем, если он трудится меньше всех?

— Не огорчайся, Матвей, ведь и огорчение оттого, что ты не можешь трудиться так и столько, сколько, по твоему мнению, должен трудиться настоятель, тоже не признак освобожденности. Разве, когда ты прикован к ложу, ты, дух твой, твоя мысль, твое сердце инертны? Разве не шлешь ты ежеминутно далекому миру, всяком живому брату, в каком бы месте вселенной он ни жил, свою любовь, свое благословение, свою радость и мир? Неси смиренно свои обязанности. Братья твои по скиту растут, как растешь и ты сам, единаясь с ними без предрассудков и суеверий. Ты хотел поговорить со мной о строптивом брате Георгии, которого никак не можешь победить своей любовью. Где же он?

— Он, вероятно, в оранжерее. Раз он услышал, что ты здесь, Учитель, и что все мы счастливы тебя видеть и получить твои наставления и твое благоговение, значит, ему надо поступить на свой манер и убежать в самый дальний угол. А на самом деле он умирает от желания увидеть тебя, Учитель, и, если случится так, что твоя доброта не найдет возможности его увидеть, глаза его распухнут от слез и сердце отяжелится истинным горем. Он добр, Учитель. Он очень мил и ласков по природе.

Это только его внешний характер строптив.

Не он, а я виновен, что до сих пор не сумел раскрыть сути в порученном мне брате и что он так много времени потерял в пустоте. — Настоятель говорил с большой проникновенностью, и чисто отцовские интонации снисходительной любви звучали в его голосе. — Разреши мне сходить за ним, я постараюсь сделать это возможно скорее и не задержать тебя, Учитель, — прибавил настоятель, с мольбой глядя на И. — Побереги свои

больные ноги, мой друг. Посиди здесь с Яссой, у вас найдется, о чем поговорить. Он недавно возвратился из тайной Общины и привез тебе оттуда немало благодарных приветов и писем. Не волнуйся, прими спокойно благодарность многих обязанных тебе спасением людей. Вспомни, как хорошо бегали твои ноги, как точно разили врагов твои защищающие руки, и не огорчайся, что теперь проходишь урок омертвления тела, несущего в себе живой и деятельный миротворящий дух.

И. сделал мне знак следовать за ним, взял за руку Старанду, и вскоре, миновав дома и густые заросли, мы очутились на большой поляне, на которой был разбит целый ряд прекрасных оранжерей и парников, закрытых темными занавесями, укрывавшими редкостные фруктовые деревья от чрезмерного солнца. Теперь я понял, откуда в Общине так много прекрасных и редкостных Фруктов. И. приказал нам остановиться у одной из самых больших оранжерей. Он показал нам человека, одиноко тоскливо стоявшего под большим цветущим деревом неизвестной мне породы.

Человек в монашеской одежде стоял, опустив голову вниз, держа в руках лопату.

Время от времени он тоскливо взглядывал в окно и смахивал со щеки катившую слезу. И. постоял некоторое время, как будто вслушиваясь в разговор человека с самим собой, потом улыбнулся и, сделав нам знак следовать за собой, вошел в оранжерею.

— Где здесь садовник Георгий? — громко сказал И., подходя к огромной, раскинувшей листья пальме, такой широкой, что мы все трое скрылись за ней.

— Я садовник Георгий. Кто здесь? Кому это я понадобился? Теперь время отдыха, кому какое дело, где я? — Голос раздался издалика, мягкий, приятный, голос, несомненно, певца, что мое ухо научилось хорошо распознавать. Несмотря на грубость ответа, я сразу понял, что говоривший был, безусловно, человеком культурным, что он добрый и, по всей вероятности, глубоко несчастный.

— Ты очень нужен одному больному человеку, — ответил И. — Разве в уходе за больными можно соблюдать свое время отдыха?

— Чудно, право. Да кто ты такой? Я такого и голоса-то здесь не знаю. Почему ты берешься учить меня моим здешним обязанностям? Я своему больному все приготовил, — и шаги направились прямо к пальме, за которой мы укрывались.

Дойдя до дерева, Георгий наткнулся прямо на меня и в удивлении воскликнул:

— Батюшки, да ты скоро в потолок оранжереи упруешься. Я судил по

твоему голосу, такому необыкновенному, что ты, должно быть, и создан Богом, как сама гармония. А ты, видишь-ка, скоро до неба достанешь, хотя у тебя и ребячье лицо.

И. вышел ему навстречу, и тут произошло то, чему я бывал уже тысячи раз свидетелем. Георгий выронил из рук лопату, уставился в лицо И., точно не мог оторвать взгляда, и стоял, меняясь в лице, бледнея и краснея. Это был еще молодой человек среднего роста, но плечи и грудь его были так широки, точно приставлены от совсем другой фигуры. Большие светло-серые беспокойные глаза и крутой, упрямый лоб — все говорило, что человек этот настойчив, своенравен, самолюбиво быть может, грубоват, но добр и чист.

— Что же ты, Георгий, не вышел со своими братьями встретить меня? Или самолюбие стоит у тебя выше человеколюбия? В последнюю нашу встречу ты мне обещал, что будешь думать о людях и забудешь о себе. Видно, тебе трудно перемениться ролью с твоим братом, который слишком много думает о людях и совсем не помнит о себе, хотя живет все там же, в миру, в Москве.

Георгий вздрогнул, точно И. его ударил, и прошептал:

— Брат? При чем здесь брат? Я не думал о нем много лет. Что хочешь ты этим сказать?

— Я хочу напомнить тебе, как грубо ответил ты брату, заменившему тебе отца, на его мольбы не покидать мира. Он стремился доказать тебе, что всюду можно быть чистым и честным человеком и преданным гражданином своей родины, всюду можно любить людей и служить им. Ты ушел сюда. И все время борьба твоего сердца, борьба-протест против каждого высказанного другим человеком мнения стоит на первом месте в твоих мыслях. Что же такое твой день здесь? Чем он разнится от твоей мирской жизни? Чем облегчаешь ты встречающих? Чем помогаешь им жить в доброте? Матвей говорил тебе много раз, что, не имея мира в собственной душе, нельзя подать его другим. Дать можно только то, чем владеешь сам. Помнишь ли ты единственный данный тебе мною завет? Я сказал тебе: неси мир всем, особенно неси мир-отдых трудящимся рядом с тобой. Почему же и здесь, в обители тишины, ты все тот же немирный Георгий, что не мог ужиться в мире нигде и ни с кем? Только потому, что у тебя и здесь на первом месте само-, а не человеколюбие.

Георгий закрыл лицо руками, и я увидел, как на его рясу, бедную, поношенную, выцветшую, потекли ручьи слез.

— Не плачь, мой друг. — И. подошел к монаху и провел рукой по его длинным черным волосам. — Успокой свою блуждающую в мечтах о

недоступном мысль. Ты только и делал, что мечтал о встрече со мной. А пришел я, и ты трусливо бежал от этой встречи. Любовь моя нашла тебя здесь, где ты укрылся, жаждая видеть меня. Сердце твое отягощено грузом скорби и жаждой высказать мне ее, а уста твои молчат, не имея сил передать в слове жалобы сердца.

Георгий упал к ногам И., поднял свое залитое слезами лицо и страстно сказал:

— Благословенный, снял ты меня весь мой бунт. Пропало в ласке твоей все мое возбуждение, мир принес ты мне. В одну минуту понял я, что такое истинная любовь к человеку, в одно мгновение просветлело сердце мое, узнало мир. И теперь я его понесу всюду, потому что дал ты мне его навек. Прости меня за глупую детскую строптивость, — целуя руки И., говорил монах.

Встань, друг, пойдем с нами, поживи еще здесь. Утешь своим миром и любовью Матвея перед его близкой кончиной. Возврати ему все его заботы о тебе, и, когда отдашь последний долг его праху, Раданда возьмет тебя к себе. У него будешь учиться, приготовишься к государственному экзамену в университете, и, когда будешь готов, я пришлю за тобой. Станешь профессором — и твоя тоска по науке будет удовлетворена. Успокойся, найди самообладание, чтобы подойти к Матвею со спокойным и радостным лицом.

И. нежно обнял Георгия, благословил его. Лицо его теперь сияло, и мы возвратились снова к Матвею и его братьям, которых застали за оживленной беседой с Яссой. Пробыв еще некоторое время в скиту, обнял каждого из братьев и каждому сказав что-то ласковое и чрезвычайно для него важное, И., взяв с собой Старанду, вышел из скита и пошел прямо в наш домик. В одной из комнат он приказал Славе поместить Старанду. Приняв душ и переодевшись, он приказал мне позвать к нему Андрееву и Ольденкотта.

Никого из них я не нашел в комнатах. Не зная, куда направиться на поиски их, я вышел в сад, где Слава сказал мне, что видел только что обоих друзей сидящими в белой беседке за чтением книг. Я помчался по аллее и действительно нашел их за совместным чтением большущей книги. На мое приглашение отправиться со мной к И. оба друга реагировали совершенно разное. Лицо Натальи покрыла густая краска, точно вся кровь бросилась ей в лицо. Она заспешила, стала суетливо собирать по обыкновению разбросанные в беспорядке вещи, и во всем было видно ее внутреннее волнение. Что же касается милейшего американца, то ни одной черточки волнения не мелькнуло на его прекрасном лице. Он спокойно закрыл книгу,

помог Андреевой собрать ее вещи, минуту постоял в раздумье, как бы сосредоточивая свой мысль на предстоящем свидании, и сказал мне:

— Мне неудобно войти к Учителю с этой книгой. Он приказал мне ее прочесть, а я еще не успел. Не будете ли Вы так добры, Левушка, взять ее в Вашу комнату, пока я буду у Учителя И. Я возьму ее у Вас по окончании беседы.

— И это я не дала Вам возможности выполнить приказание И., так как непременно хотела читать книгу вместе с Вами. Как часто я бываю виновной в невыполнении порученных Вам дел! Я подметил несколько удивленный взгляд, добрейшую, застенчивую улыбку Ольденкотта, которыми он ответил на торопливое замечание Натальи. Я взял из его рук тяжелую книгу и поспешил вперед, напомнив друзьям, что нашел их не сразу, что И. ждет. Проводив обоих друзей до комнаты И., я хотел тихо выйти, но он меня удержал:

— Поддай мне пачку писем с ночного столика и разбери еще вот эти письма по числам.

Когда я подал требуемую пачку писем И., он велел мне сесть рядом с ним и пододвинул мне еще несколько писем, написанных четким и характерным почерком Али, который я мгновенно узнал.

— Ты разбирай письма и, раздвоив внимание, вникай в смысл разговора. Как моему секретарю тебе придется знать и держать в памяти многие мои дела. Вернее сказать, не мои, а дела и труды Светлого Братства.

Я занял указанное мне место и впервые учился совмещать два дела, что показалось мне необычайно трудным, и что вскоре стало для меня привычным, а потом и легким.

Но в этот первый раз я все время ловил себя на том, что или я разбирал письма — и разговор выпадал из моего внимания, или, наоборот, я старался уловить нить разговора — и письма переставали существовать. Наконец я покончил с письмами и собрал всецело внимание на разговоре.

— Многое из того, что Вы сейчас сказали, Наталья Владимировна, верно. Но верно только по смыслу быта Земли, а вовсе не по здравому смыслу, мужеству и целесообразности мирового закона: неустанного движения вперед. Ваш опыт прошлого, давший печальные внешние последствия, то есть расчленение на мелкие секторы того большого общества, которое поручил Вам основать Али, не остался только трудом одной Земли. Все, кто искренне, без всякого тщеславия или корыстолюбия принимал участие в трудах основанного Вами общества в сотрудничестве с Ольденкоттом, нашел раскрепощение от многих давящих личных чувств и суеверий. Что же касается глубокого, вечного смысла, который вложили

Али и сэр Уоми через вас обоих, то он будет жить и изменяться по тому закономерному порядку, которому подчинено все, живущее в двух мирах. Есть ценности, невидимый смысл которых не открыт даже взору тех, кто своими руками вынес их в широкий мир из глубины сокровенной сокровищницы Духа. Все, что вам надо усвоить раньше, чем отправиться в мир еще раз с той же Истиной, — это непоколебимое самообладание. Только в таком самообладании возможна жизнь человека постоянно в двух мирах. И только такая жизнь гарантирует безошибочность выбора людей-сотрудников, с одной стороны, и утверждение ежеминутное Жизни и в ней той небольшой части Истины, передать которую людям вы посланы, с другой стороны. Имеете ли Вы лично, Наталья Владимировна, все качества для порученного Вам труда? Нет. Поэтому Вам дан помощник и сотрудник, духовные и физические качества которого частью восполняют пробелы в необходимых для труда Али силах. И вы, оба вместе, все же не имеете всего необходимого для гигантской работы. И недостающее вам восполняют собою Али и сэр Уоми. Сейчас запомните твердо одно: если вы отрицали одну каплю в деле, вы пролили в него сорок бочек яда, который непременно подобрали окружавшие вас люди. Они могли даже и не слышать от вас ни единого слова, но ваше отрицание впилося в окружающие вас вибрации и помогло проникнуть близко к вам отрицателям. Если вы видите, что дело, которое вас послали утвердить на Земле, вместо монолитного шара расчленилось на отдельные мелкие ячейки, то в этих ячейках будет именно столько отрицателей, скольким вы открыли дверь своею не цельной верностью. Там, где Али и сэр Уоми смогли, они уже связали людей в крепкие узлы, послав вам устойчивых помощников, верность которых могла положить заплатки на щели и дыры духовной немощи главных основателей и носителей новой идеи, то есть вас обоих. Не поддавайтесь мучениям сомнений и раскаяний. За это время Вы, Наталья Владимировна, не раз говорили мне и самой себе, что поняли так много, освободились от такого количества гнетущих личных сил суеверия и предрассудков, что нашли примиренность. Это верно только до некоторой степени. Чтобы найти полный мир, по масштабам Вашей духовной лавины, Вам надо еще пройти несколько ступеней. Ждать, пока Вы найдете гармонию и приведете в полное самообладание весь свой организм, огромный и взрывчатый, Жизнь не может. Жизнь никого и нигде не ждет. Она ежеминутно движется и движет за собой все, что Ей необходимо в данное «сейчас». Совершенно ли оно, по мнению окружающих, достойно или недостойно, по их понятиям, для Жизни значения не имеет. Ее целесообразности отвечающих Она и движет как роковой ход событий,

изменение которых совершается Ею в закономерном движении, а не по суждениям или воле временных форм. Последнее, чему Вы должны здесь обучиться, — полная точность в исполнении данных Вам указаний. Готовьтесь выехать из Общины через месяц. Вы увидите Али в его Общине и там лично от него получите последние наставления... Что касается лично Вас, мой друг Ольденкотт, то Вам предстоит за это оставшееся короткое время быть неразлучно при Раданде. Он научит Вас многому в сфере лечения людей, и на этот раз Вам придется заняться больше детьми, чем взрослыми. Вы шли всю Вашу жизнь по прямой линии. Но чрезмерная скромность мешала Вам развить в себе большие дарования. Вам надо понять, что способности и дарования не приходят к человеку случайно. Они задолго до того момента, когда человек их может вынести в действие, живут в его Эго, и оберегает их целое кольцо невидимых помощников. Чрезмерная застенчивость человека мешает не только ему самому действовать как мировой энергии, но она мешает и всему округу Духа и Света, к которым принадлежит оберегаемый человек. Скромность, переходящая в истинное смирение, не имеет самолюбия. А застенчивость движется именно самолюбием и мешает гонцам Жизни — Светлому Братству — направлять и использовать людей с наивысшей силой ценности. Сейчас ударил колокол, мы встретимся с вами в трапезной.

Отпустив своих собеседников, И. приказал мне связать разобранные письма и, когда мы вышли в парк, по дороге в трапезную сказал:

— Скольких путей человеческих ты был наблюдателем за это время. Во многих случаях ты действовал по приказанию того или иного Учителя, в иных твоя любовь вела тебя к той или иной доле участия в судьбе встречного. Ты понял за это время, что нет людей своих и чужих, что все жизни связаны и каждая встреча — это ты. Ты научился в каждой встрече активно действовать. Дальше с каждым днем ты будешь развиваться в своих психических силах и прозревать все больше. Если ты встретишься с людьми пожилыми или даже совсем старыми, которые не только не нашли мира в себе, не только не научились приносить утешение окружающим, но все время нуждаются сами в чужом утешении, — знай, что эти люди не нашли ничего, что вводило бы их в труд Вечного. Подходя к концу земной жизни, человек должен так ввести себя в два Начала мира, так расширить рамки своего духовного кругозора, чтобы вся мелочная накипь условностей, вроде обид, объяснений, настойчивых исканий, желания заставить людей признать его авторитет, его волю, его понимания, перестала существовать. Только тот, кто понял, что роль, сыгранная им в данное сейчас, была крохотным моментом отрезка Вечности, в труде своем

спустившейся в его форму, может стать Светом на пути встречающих. Если мать не постигла, что встреча ее с детьми была не случайным эпизодом, но закономерным, величайшей важности движением вперед, она не только не сможет создать гармоничного окружения своей семье, но разобьет в большой степени силу в своих детях. Горести и неприятности ее детей не сами извне войдут в их жизнь. Они придут логическим следствием ее эгоизма и полной уверенности в непогрешимости своих действий. Ты до их пор ни разу не задумался о своей личной жизни, Левушка. Как представляешь ты себе дальнейшие годы?

— Жизнь — Вы меня учили — это «сейчас». Мое сердце мне ясно. Я знаю, что все ближайшее будущее — ряд лет ученичества. Я не закончил университет, я вижу каждый день, как далеко мне до десятой части Ваших знаний. О чем мне думать? Я выбрал мой путь. Я иду за Вами. Вы обещали мне, что я пойду в свою жизнь за Флорентийцем. Я пойду так, как будет нужно ему, Али, Вам. Я счастлив жизнью подле Вас и ни о чем, кроме знаний и служения Светлому Братству, не думаю.

Мы подошли к трапезной и здесь встретились со всеми обитателями нашего домика, а также с Грегором и Василионом. Поздоровавшись с теми, кого он еще не видел, И. сказал:

— Завтра мы поедem в оазис темнокожих, выедем к концу ночи. Приготовьтесь все к этому путешествию. Оно не будет слишком длительным, но все же не из легких.

Ясса, тебе придется позаботиться обо всех и приготовить все необходимое. Ты же, друг Старанда, после трапезы пойдешь со мной к настоятелю, и он тебе укажет твои новые обязанности.

Старанда, который был одет в обычную для братьев Общины белую одежду, поклонился, и снова такая радостная и детская улыбка мелькнула на его лице, что я сам себе поверить не мог, что так недавно видел на этом лице угрюмое упрямство и желание спорить о каждом слове, не только деле.

Мы вошли в трапезную, где все шло обычным порядком и где атмосфера мира и радости от присутствия И. передавалась всем сердцам.

Глава 23

Беседа И. с Бронским и Игоро. Наставление им к труду в оазисе Дартана. Неожиданная встреча с леди Бердран. Доктор. Ариадна, ее сын и ее трагедия. Вторая беседа И. с Андреевой и Ольденкоттом об их миссии в миру. Последние сборы и отъезд в оазис темнокожих. Первые впечатления от оазиса. Мать Анна

Когда по окончании трапезы все братья и сестры с обычными поклонами И. и Раданде вышли из зала, И. велел всему нашему столу следовать за ним в покои Раданды.

Здесь в одной из комнат, где по стенам стояло несколько больших диванов, И. сел рядом с Радандой и предложил всем нам разместиться, кто где хочет. Мы с Бронским пододвинули себе низенькие скамеечки к дивану И. и уселись на них у его ног.

Посмотрев на нас, огромных на низеньких скамеечках, И. улыбнулся и пошутил, заметив, что вкус Раданды к прочным и устойчивым вещам помог нам на этот раз не раздавить несчастных скамеечек. От легкой и милой шутки, что Голиафам больше расти не полагается, а мы все растем, И. перешел к общей беседе. Хотя она всецело, как я уяснил для себя дальше, относилась к Игоро и Бронскому, но каждый из нас, слушая, думал, что все, что говорит И., относится именно к нему.

— Скоро мы покинем это чудесное место, в котором каждый из нас так много получил за это время. Я говорю, не "из вас", а "из нас", чтобы вы не думали, что между Учителем и учениками может быть какая-либо разница в отношении вечного движения вперед. Ни на одну минуту не может остановиться в своей работе духа Учитель. Он включен в труд Самой Жизни. Он один из Ее винтов, и вся его земная жизнь представляет собой только один из аспектов Жизни, оживших и развернутых в телесной форме Учителя. Если бы дух Учителя выпал на одно мгновение из всей энергии Движения, вся вселенная; к которой принадлежит его форма, почувствовала бы катастрофический толчок, как это было бы с любым сооружением, заводом или фабрикой, приводящими в действие через систему огромных машин труд людей, если бы с одной из машин соскочил приводной ремень, сломалась гайка или свернулся винт. Что же касается всего Светлого Братства и всех Учеников остановившегося на миг Учителя, то все они набили бы шишки на своих проводниках-телах и духе, а многие

— наиболее слабые — остались бы лежать мертвыми. Некоторые из вас задавали мне вопросы: "Почему так затруднен доступ в ученичество? Почему Светлое Братство не принимает более широкой волны людей, жаждущих служить ему и человечеству?" Думаю, что за время пребывания здесь вы получили ответ на эти вопросы, увидев на живом примере, к чему приводил более снисходительный выбор учеников или чрезмерная доброта и снисходительность к ним. Та круговая порука, та связь, которую ничем нельзя разорвать, которая сливается в одно целое дух Учителя и ученика, существует и между всеми людьми без исключения. Люди грубо физические чувствуют ее как кровную связь, как «своих» и «чужих». Люди высшей культуры сознают ее как необходимое духовное единение, выбирая себе друзей по вкусу. Люди же, освобожденные от страстей и предрассудков, несут Свет всем существам, не ведая выбора, не отъединяясь от массы людей, но вливая во все живое энергию Великой Жизни. Чем выше и шире культура сердца человека, чем яснее видит его взор Лик Жизни, тем проще и легче ему вносить свой труд в массы людей.

Как бы ни казались вам тяжелыми и сложными жизнь Учителя и труд его, Ему они легки, радостны, веселы и просты. Вся разница в восприятии людьми земной жизни и их действий в ней заключается только в силе верности, до которой развилось сознание человека. Верность Учителя, не знающая колебаний и сомнений, приводит его к тому моменту, о котором я вам сказал: Учитель становится живым аспектом Жизни, которая Его несет в себе по дням и труду земли. Творя в Ней, Учитель не знает ни трудностей, ни разлада от нарушенного в себе мира, ни беспокойства от тех или иных случайностей в условностях земли. Верность Учителя не может поколебаться от тяжелой жизни земных существ, знающих закон только одной земли, живущих только в нем и именно поэтому живущих в скорби, слезах и разладе.

Учитель движется не сам по себе, но как один из приводных ремней Единого Движения, неумолимо двигая в жизни земли все по законам целесообразности и закономерности всей вселенной. Он не может считаться с суеверием и предрассудком земной справедливости, существующей только для тех сознаний, что отяжелены и закрепощены личным. Огромное расстояние между учеником и Учителем сокращается или увеличивается, смотря по тому, растет или уменьшается верность ученика.

Почему именно на верности основывается вся система ученичества? Потому что верность, выметая духа мусор колебаний и сомнений, помогает короче и, скорее всего, раскрываться ясному взору человека. И он начинает

видеть во всяком встречном Жизнь. Привыкает общаться с Нею и входит, сам не замечая, в иные волны, вибрации которых Жизнь посылает каждую минуту во вселенную. Чем выше верность ученика, тем к большему количеству высоких вибраций он становится чувствительным. Не менее важным фактором в сближении Учителя и ученика является труд человека. Как только верность ученика ввела его в жизнь иного колебания волн, так труд становится для него необходимостью. Взор его начинает читать, как вся вселенная трудится, и его время, потраченное в пустоте, давит дух человека тяжелее самого упорного труда. Праздность становится ему непосильным бременем не только как таковая, как лень или разнузданность, но как ощущение своей остановки в следовании за Учителем. Он еще не видит и не понимает, что Учитель есть аспект Самой Жизни, но он ясно чувствует, что труд Учителя неустанен. И верность ученика страдает, интуитивно давая его сердцу знать, что единственный путь следования за Учителем в законе вечной верности есть труд. Радостью наполняется весь человек, когда начинает понимать, что он всегда не один, что труд его, часто не признаваемый на земле, имеет иное, вечное значение, которого не могут ни умалить, ни возвысить земные признания, награды и похвалы. Очень хорошо, и это большое счастье для человека, если труд его был признан и оценен современным ему человечеством. Тогда духовно развитой человек мог в полном мире уйти из воплощения, так как каждое из воплощений, в которое человек мог служить массам народа, сократило его вечный путь независимо от того, сознавал или не сознавал он сам себя членом Светлого человечества, трудящегося на общее благо. Довольно и того, что он сознавал себя слугой народа и бескорыстно любил его. Ты, Станислав, вместе с Игором останетесь в оазисе Дартана, как вы сами добровольно обещали «дедушке». За время жизни здесь, учась в библиотеке Раданды, вы нашли немало новых знаний, которые перевернули все ваше отношение не только к искусству, но и ко всей жизни. У обоих вас с самого детства все интересы дня сосредоточивались на театре. Никакие блага мира не увлекали и не манили вас, если они не соприкасались так или иначе с театром. До пребывания здесь театр составлял смысл всей вашей жизни, цель дня, форму единения с народом. Он один был необходимостью. Он диктовал, как и где вам жить и учиться. Он воплощал в себе весь смысл жизни, и дух ваш без театра был мертв. Он — театр — животворил день, вносил интерес, мир или разлад в ваши сердца и мысли. Вся ваша личная жизнь и качества были только следствием того, что требовал театр. Вы были его жрецами, а он был солнцем, вокруг которого вы вращались. А что же теперь? Что сейчас ведет вас по дням? Какая сила

разворачивает весь костер ваших талантов? Поняли ли вы, что ваши таланты и составляют ваши аспекты Жизни? Что сейчас стоит на первом, вернее, единственном месте в вашем духовном мире? Где ваши печали и скорбь? Вы и не заметили, как вся ваша преданность театру, освободившись от личного, перешла в верность самой Жизни. Теперь вы уже не театр несете в сердце, а аспект самой Любви, принявший форму служения людям через театр. Разве теперь вас интересует количество и качество полученных аплодисментов? Разве вас тянет на подмостки, чтобы показаться перед толпой в ореоле славы и поклонения? Вас интересует, вернее сказать, теперь вам приказывает ваш новый, живой аспект Жизни — единить людей в Ее вечной красоте. Вы уже не ищете своей расширенной личности и ее перевоплощений в манящих, развивающих самолюбие образах. Вы ищете привлечь манками Вечной Красоты окружающих вас людей. И люди эти не чужие вам формы, но ваши братья, куски Вечности, как и вы сами. И вы видите Ее в них, к Ней обращаетесь, и иного единения с ними в труде театра для вас не существует. Скоро мы будем вновь в оазисе Дартана. Что нового сможете вы вложить в свое искусство, в свои методы преподавания? Каждое слово, которое вы говорили людям раньше, было только словом бескорыстия и дружеского им сочувствия. Все же «я» каждого из вас тяготело в каждом разговоре и вносило характер печали, скорби и неудовлетворения во все то, о чем вы говорили, но чего слушатели ваши не понимали. Вы же сами не могли понять, что истинное сострадание — это такая сила мужества, такая полная верность закону целесообразности Вечного, в которых развивается и закаляется радость. Эта радость, приходящая в сознание человека как ожившее в нем гармоничное Начало, не может ни меркнуть, ни ослабляться от грозных или страшных, печальных или мучительных событий окружающего в переживаемый вами на земле момент Вечности: Мгновение — и кончено воплощение. И нельзя больше человеку внести в пролетевший момент его Вечности никакой поправки. Ушел он из земной плотной формы и больше не может помочь своим мужеством оставшимся людям.

Об исключительных случаях двойной жизни я сейчас не говорю. Я говорю о массовых явлениях, о жизни обычных земных форм, слугами которых вы идете свой путь. Через обычное расширение сознания вы сейчас вошли в совсем новое понимание своей роли на земле. Каждый, кто идет гонцом Учителя, неся какую-либо из его задач, стоит выше обычного уровня своих современников в целом ряде способностей и психических дарований. Но это не значит, что он обладает совершенством и лишен возможности грешить. Это только значит, что для его духа открыт путь к

тем волнам и вибрациям, которые недоступны большинству его встречных. В оазисе Дартана, а затем и на родине, куда вы оба вернетесь, как только выполните свою миссию у «дедушки», вы — по внешнему виду — будете все теми же обаятельными артистами.

Мало кто заметит огромную перемену, которая совершилась в вас. И тем не менее оба вы войдете сейчас к людям по совершенно иной тропе и будете ими восприняты иначе. Ваша новая духовная тропа, тот аспект Жизни, что развернулся в вас, неведомо для них, привлечет их внимание, и влияние ваше будет несравненно больше прежнего. Для вас теперь театр не идея существования, но Сама Жизнь. Теперь Она движет вас к сердцам людей, и по Ее откровениям вы будете рисовать людям образы и эпохи на подмостках сцены. Не внешние ваши формы и действия будут привлекать к вам сердца зрителей. Но та Любовь, живая и мощная, которая будет захватывать в свой Свет все подошедшие к Ней через вас сердца. На живом примере собственной жизни вы видите, как совершается в человеке его внутреннее преображение. В вас это был долгий и мучительный процесс. Все горе земли вы должны были пережить и постичь в своих сердцах. Долгие годы пришлось вам прожить носителями печали, вестниками неудач и горя всем встречным. Теперь вы будете гонцами Мудрости, и ни одно встретившееся вам существо не отойдет от вас неутешенным, не прикоснувшись к той Жизни; что действует через ваши таланты. Закон Вечности для всех один: мгновение — и кончено воплощение. Миссия, возлагаемая на вас Светлым Братством, огромна. Не теряйте времени не только в пустоте, но в каждом, даже чисто внешнем, необходимом вам визите или свидании не отходите от главной задачи: пробуждения красоты в человеке. В оазисе Дартана вам будет легко работать, так как «дедушка» вырастил поколение людей, раскрепощенных от самолюбия и зависти, от ревности и трагического восприятия внешней судьбы. Там вас ждет целая группа, очень многочисленная, пламенно желающих знать путь к истинному искусству. Вы придете как научные исследователи к людям, не понимающим тщеславных побуждений, предрассудка обидчивости от «маленьких» ролей и жажды первенства в «больших» ролях. Вы поведете сразу внутренне свободных людей к той радости творчества, которая в вас ожила как аспект Жизни. Эта внутренняя освобожденность поможет им не только бескорыстно слиться с вами в труде и творчестве, но и пробудить в себе животворящую Силу. Но когда вы вернетесь к себе в Америку, ваше новое внутреннее состояние будет тяжело страдать, так как не только встречные волны эманаций людей, но и ваши физические проводники с утонченными и обостренными нервами с целым рядом новых,

раскрывшихся к действию узлов в мозговой и нервной системах будут мучительно воспринимать то грубое окружение, которое раньше переносилось вами относительно легко. Чтобы ваши физические и в духовные страдания сократились до минимума, чтобы они не мешали вашей работе, вам надо закалить организмы целым рядом систематических физических и духовных упражнений. Для этого вам нужен постоянный земной руководитель. В качестве такового с вами поедет Ясса, которому вы оба уже многим обязаны. Я читаю в ваших мыслях вместе с глубокой благодарностью к Яссе большое к нему сострадание, потому что ему придется оторваться от меня и жить в тяжелой, плотной и страстной атмосфере рядом с вами, в суеде. Не жалейте Яссу. Каждый брат, идущий путем выполнения задач Светлого Братства, охотно и радостно живет там и так, где и как это нужно всему Братству и как видит его ближайший Учитель и наставник. Яссе будет легок его путь, который для вас был бы непосильным, потому вы и печалитесь за него, а он улыбается и радуется. Начинайте свое новое закаление и обучение немедленно. С этой минуты вы поступаете в ученики к Яссе, выполняйте все его указания так, будто я присутствую рядом и будто в этом сосредоточены вся цель и весь смысл летящего вашего «сейчас».

Бронский и Игоро встали со своих мест, поклонились и подошли к Яссе, отдав ему низкий поклон. Тот, улыбаясь, стал, отдал им такой же глубокий поклон и обратился к И.:

— Благослови нас, Учитель, выполнить твоё поручение со всем усердием и самоотвержением и снова когда-нибудь прийти к тебе, к твоему мудрому руководству — Аминь, Ясса, будь им наставником, как я был тебе, если считаешь, что я был тебе наставником добрым.

И. встал и отдал поклон всем трем вновь спаянным для одной цели нашим друзьям.

— Еще немного остается мне сказать. Сегодня в ночь мы поедем в оазис темнокожих. Не только стеклянный завод, где вырабатывается небьющееся и цветное стекло по системе, изобретенной Грегором и Василионом, является целью вашей поездки, но главным образом сами темнокожие люди, которых вам надо увидеть, чтобы понять безмерную мудрость, по которой совершает свой путь вечная эволюция человечества, и как Сама Жизнь готовит ступени высшего развития каждой ветви людей, побеждая стихии там и так, где и как Она находит нужным. Это племя поражает всех, впервые его наблюдающих, своею кротостью, миром и человеколюбием.

У них нет неграмотных, нет нищих. Они не знают собственности и

раскрепощены от многих страстей личного, что давит европейские и американские народы, считающиеся передовыми по своей культуре. Эти темнокожие люди живут годы под наблюдением и покровительством Раданды. Это он и его Община приготовили этому немногочисленному племени тот небольшой оазис, в котором вы их теперь встретите.

У каждого из вас мелькает вопрос: кто эти люди, о которых так заботился и заботится Раданда? В лице Раданды о них заботится сама Жизнь. Они выходцы из тайной Общины. Их предки провели там много лет. Там они были укрыты милостивым и могучим Али, который долго боролся с темными оккультистами, из-под власти которых он вырвал этих несчастных людей. Али дал задачу Раданде приготовить им оазис в пустыне, вблизи от своей Общины, указал ему источник подземной воды, годной для людей, растений и животных, — и вот завтра вы увидите, что может сделать любовь человека, что сделала любовь Раданды из пустыни и из простых человеческих душ. Сейчас все могут идти, куда хотят, до самой вечерней трапезы.

Останутся только Левушка, Наталья Владимировна и Вы, мистер Ольденкотт.

И. улыбнулся Яссе и его новым ученикам, затем со всеми нами и Радандой перешел в ту комнату настоятеля с балконом, где уже однажды беседовал с нами ночью. Здесь он оставил Наталью и Ольденкотта, прося их подождать и обещая скоро вернуться, а мне велел идти за собой и Радандой.

Мы прошли через несколько комнат — вроде небольших рабочих кабинетов, заставленных шкафами с книгами и свитками, где работало по два, три человека, иногда и больше. Никто из них не оторвался от своей работы и не обратил на нас никакого внимания. Я поражаюсь поместительности этого дома. Комнаты были сравнительно маленькие, но сколько же их было! Пожалуй, без провожатого тут пробираться было очень трудно. Наконец мы вошли в длинный коридор, где по обеим сторонам тянулся ряд дверей. Мне показалось, что это позднейшая пристройка, так свежо, чисто и ярко блистало здесь пальмовое дерево.

Остановившись у одной из дверей, Раданда постучал три раза, и на стук вышла женщина в белой косынке в белой одежде, и я мгновенно узнал в ней леди Бердран.

Губы мои невольно раздвинулись в радостную улыбку.

— Пойдем, сестра Герда, — сказал Раданда. — Сегодня ты очень нужна одной матери и ее ребенку. Только твоё терпение, точность в выполнении приказаний и доброта могут помочь быстро выправиться от болезни

ребенку, а главное, дать матери пример полной верности и мужества. Ребенок будет жить, но мать потеряла уверенность в этом и потому не может не только ускорить процесс его выздоровления, но всем своим поведением ему мешает. Надо ее отстранить от непосредственного влияния на сына, но так, чтобы не нанести раны и без того израненному материнскому сердцу. Ты, моя умница, сумеешь, — ласково глядя по голове сестру Герду, говорил Раданда и, указывая на меня и мое улыбающееся лицо, прибавил: — А вот и Левушка ждет, не дождется пожать тебе руку. Пожалуй, поговори с ним, пока мы с И. зайдем еще в одну комнату.

Мы сели с Гердой на пальмовый диван, я хотел ее спросить, как она живет, но она не дала мне и слова вымолвить и сыпала фразами, внешне как бы и имевшими связи, но внутренний их смысл я отлично понимал.

— Нет на свете чудес, Левушка, и это я на деле поняла здесь. И еще поняла: когда сердце раскрывается как самая простая и маленькая доброта, то самая обычная, серая, будничная жизнь становится чудом, песней и радостью, потому что в груди не просто сердце, а молот бьется в каком-то светящемся бездонном мешке.

Кого туда ни впусти, мешок все растягивается. Сегодня кажется, будто дошел до какой-то предельной точки понимания, ан встал завтра, и уж ничего от вчерашнего нет, а все новое, все легкое, что недавно казалось невозможным. Сначала я все точно математические задачи решала и каждый день все думала: как мне подойти к человеку? Как влить ему из своего сердца доброту? Теперь же, когда я не думаю, а просто делаю для человека самые простые дела, даже не задумываясь, что у него в глубинах, а просто призываю в помощь образ Раданды и поступаю, как сердце скажет, — все у меня выходит легко. Недавно у меня начался приступ тоски, все казалось, что мало делаю и ничего не умею. Я вспомнила, как Вы читали мне книгу от И. Дочитали до места, где он приказал остановиться, и дальше, хоть Вас распни, ничто не заставило бы Вас перевернуть страницу. Как только я об этом вспомнила, поняла, что хочу раньше времени перевернуть в книге моей жизни страницу, до которой еще не созрела, — улыбнулась, подумала о Вашей верности, и от моей тоски ничего не осталось, как от растаявшего инея: Левушка, да как Вы выросли! Бог мой, чем же это кончится? Да и красавец Вы, просто загляденье! Ну куда девался тот заморыш, которого мы с Андреевой встретили у купальни? Ведь это точно в сказке? Впрочем, о чем я говорю? Сейчас моя жизнь — самая настоящая и невероятная сказка! Я так и не успел ничего ответить Герде, так как во время ее веселого смеха, которым она закончила свою малосвязную тираду, в конце коридора показались И. и Раданда, и мы

пошли им навстречу.

— Ну ты, Левушка, наверно, и слова вымолвить не успел, — улыбнулся И. — Не смущайтесь, Герда. Ему полезно помолчать. Ему придется так много в жизни своей говорить, что каждая минута молчания, как драгоценный перл, будет ему мила. Я уверен, что он все понял из того, что Вы сказали, если даже Ваши слова и не особенно точно выражали Ваши мысли. Но сейчас мы пойдем к женщине, очень много пострадавшей именно потому, что точности в ее словах, делах и поступках было чрезвычайно мало. В общении с нею и ее сыном будете проходить двойной урок. Не только Вы будете помощью ей, но и она будет помощью и великим уроком Вам. Подле нее Вам все время придется думать, пристально собирая внимание, о каждом слове, которое Вы произнесете. Есть такие люди, подле которых высокой стеной собираются их страдания. Таких людей много, и доступ к ним для каждого человека труден. Но между ними есть такие, чьи стены страданий утыканы, как булавками, их раздражением и неточностью мыслей. В этих стенах мысли насккивают одна на другую. Брошенные, исковерканные, они окостеневают, как сталактиты, и не дают самой жертве вырваться духом на простор из построенного самому себе каземата.

Вам целым рядом усилий к полной точности мыслей и слов, а также гармонией духовных, творческих толчков надо постепенно приучить женщину давать Вам самые точные ответы на Ваши вопросы. Старайтесь, чтобы внутри у нее утвердилась уверенность, что надо жить каждое сейчас всею полнотой чувств и мыслей, чтобы второе чувство не настигало еще не изжитого первого. И переводите ее мысли не на сына и его болезнь, а на ту недостаточную жизнерадостность, которой она окружала его детство, и на ту собственную унылость, в которой заставляет его жить теперь.

Пойдемте. Брызжущая из Вас сейчас жизнерадостность поможет Вам разрушить все невидимые стены, в которых, как в темнице, сидит несчастная мать.

И. разговаривал с Гердой у одного из широких окон коридора, сплошь закрытого цветущими розами, не позволявшими солнцу проникать в здание. Обменявшись с Гердой радостным взглядом, точно мы вместе будем выполнять ее поручение, мы поспешили за нашими наставниками, свернувшими в такой же широкий коридор, где двери были чаще и, очевидно, комнаты меньше. У одной из дверей Раданда снова постучал. На стук вышел старик в белом халате, как я понял, доктор. Его милое доброе лицо было озабочено и расстроено.

— Вот я привел сестру больному мальчику, о которой Вы просили,

доктор. Не беспокойтесь, — сказал Раданда, видя, что лицо доктора слегка нахмурилось. — Сестра молода, но опытна и не легкомысленна. Мы все войдем ненадолго и не разбудим спящего мальчика.

— Спящего? Если бы в его диком возбуждении ему удалось заснуть, то тогда можно бы было думать о его спасении. Но, к сожалению, я три часа бился над тем, чтобы привести его хотя бы к относительному спокойствию, и ушел в досаде, нисколько не преуспев в моих стараниях.

— Все же, доктор, Ваше усердие, если и не так скоро, но дало желанные результаты. Мальчик уснул, и Вы можете успокоиться за его жизнь, — улыбаясь, перебил доктора Раданда.

— Да когда же он мог уснуть, отец Раданда? — вскричал доктор. — Я ведь только что оттуда и совсем расстроен, что в первый раз за много лет мое лекарство, которое я считал безупречным, не помогло человеку. Меня мучает совесть еще и за то, что я напросился к Вам, уверяя, что могу быть Вам полезен. И вот — на сотом случае — осечка.

— Полноте печалиться, доктор. Говорю Вам, мальчик спит, в чем Вы сейчас и сами убедитесь. Это тот доктор, о котором я говорил тебе, Учитель И., а Вам, доктор, я говорил об Учителе И., как о бесподобном докторе-врачевателе. Мы войдем к мальчику, и Учитель И. расскажет Вам подробно, какой, режим надо будет применить к нему.

— Режим? Чудеса! Если в эту минуту борьбы жизни со смертью, где смерть уже почти победила, можно говорить о режиме для больного, то Учитель И. должен быть не бесподобным, а богоподобным доктором.

Взглянув пристально в лицо И., доктор гораздо тише и менее возбужденно продолжал:

— Кому выпало счастье взглянуть в Ваше лицо, Учитель И., тому остается только следовать за Вами, хотя бы он так же мало, вернее ничего не знал о Вас, как я.

— Благо Вам, доктор, следуйте за мной, и Вы найдете не дорогу чудес, но дорогу нового знания, — пожимая руку доктора, улыбаясь ему и проходя первым в комнату, сказал И. Когда мы подошли к постели мальчика, у его изголовья с другой стороны постели, уткнувшись в подушку сына, рыдала несчастная Ариадна. Подавленная своим горем, она ничего не слышала и не видела, и ее рыдания разрывали сердце Герды, которая, сжав руки, моляще смотрела на И. Он кивнул ей утвердительно головой, и в один миг Герда очутилась на коленях рядом с Ариадной.

— Разве можно так беспокоить уснувшего сына? — нежно обняв рукой несчастную мать, сказала Герда.

— Он умер, умер! — воплем вырвалось из груди Ариадны, напоминая

вой насмерть раненого существа.

— Он спит, уймись, — властно сказала Герда. — Возьмите его ручку. Чувствуете ее тепло? Вы не любите сына, если так кричите подле его головки. Встаньте, придите в себя, посмотрите, кто в комнате, — продолжала Герда, поднимая Ариадну и подбирая ее упавшие косы.

— Учитель И., - прошептала опомнившаяся Ариадна. — Учитель И., я снова не выполнила данного мне урока.

— После переговоров с Учителем, отойди пока в сторону и не мешай вернуться к жизни сыну, — сказал Ариадне Раданда, делая знак Герде увести Ариадну к окну.

Довольно долго И. молча смотрел на спавшего мальчика. Сначала мне показалось, что малютка спит спокойно. Но, присмотревшись, я заметил, как временами судорожно поднималась грудь ребенка и как, жилы на его висках и у горла сильно надувались. Наконец И. вынул из кармана маленькую коробочку, достал из нее крошечный пузырек с ярко-красной, как бы кипевшей жидкостью и, велев мне приподнять головку мальчика, выпустил каплю жидкости в открытый мною рот малютки.

Тот мгновенно вздрогнул всем телом, и я, не ожидавший такого сильного толчка и державший ребенка лишь слегка на руках, едва не уронил его на кровать. Я так перепугался, что только благодаря своей новой голиафовой силе смог осторожно опустить худенькое тельце на постель.

— Когда ты возле постели больного, надо быть всегда готовым ко всяким сюрпризам и держать все внимание собранным очень бдительно, запомни это, Левушка.

Затем И. обратился к доктору и, указывая ему на совершенно неподвижно, как бы в обмороке лежащего ребенка, продолжал:

— Лекарство, одну каплю которого, как Вы видели, я влил в рот больного, действует так обновляюще на все клетки организма, что человек точно заново рождается к жизни. Обычно это лекарство действует в течение трех дней. Но в данном случае, так как надо еще победить тот вред, который принесло больному Ваше лекарство, организм мальчика будет обновляться медленнее. После обычного трехдневного срока больной должен будет пролежать еще два дня, побеждая яд, развившийся в организме от Вашего впрыскивания. Наблюдая этот случай, учтите, что людям с повышенной нервной организацией, предрасположенным к развитию сверхсознательных, психических сил, нельзя вообще делать уколов. А особенно Ваших, вводящих такое количество белковых веществ, которые могут отравить некоторые организмы смертельно. Это и случилось

бы сейчас с мальчиком, если бы не подоспело на помощь мое спасительное лекарство. Раданда предупреждал Вас, чтобы Вы воздержались от укола, а Вы не послушались.

Разговор велся по-латыни, очевидно, для того, чтобы несчастная мать, не сводившая глаз с разговаривающих, не могла понять грозного положения, в котором находился ее сын.

— Я понял по симптомам сразу, как вошел, что песенка мальчика спета. Но теперь, как Вы, Учитель, говорите, мальчик, пройдя временное сонное забытие, снова вернется к жизни от одной капли Вашего красного кипятка. Не могу ли я получить от Вас Ваш пузырек, чтобы исследовать Ваше красное чудо?

— Увы, мое красное чудо, чтобы быть им, нуждается не только в материальном исследовании, не только в физически видящих глазах, но еще и во внутренней силе духа, рождающей психическое око, которое видит и читает не только самую болезнь, но весь организм больного. Вы пытаетесь лечить болезнь, а надо лечить больного, к чему уже давно пришли передовые представители медицинской науки. Кроме того, «чудеса» существуют только для невежественного, сознания. Вы не обижайтесь, доктор. Предела развитию человека и его знаний нет. И тот, кто, по мнению умных земли, мудрец, по мнению мудрецов вселенной — только начинающий учиться. Я сказал Вам, что Вы можете следовать за мной, если хотите, и найдете знания.

— Я хочу следовать за Вами, Учитель И., даже не для того, чтобы обрести знания в моей науке. Мне кажется, я впервые в жизни понял, что есть Бог не только в милосердном спасении через науку людей. Но что Он есть и в человеке. Не знаю, в каждом ли человеке Он есть, но что Он есть в Вас, это я чувствую каждым нервом, и: впервые, гордец, я преклоняюсь перед Богом в человеке, вернее сказать, перед Богочеловеком! Голос доктора дрогнул, в глазах, сурово глядевших в начале разговора, заблестели слезы, и вся фигура выражала полную растерянность.

— Пойдемте с нами, доктор. Здесь Вам пока делать нечего. Вы займитесь матерью, для которой я Вам дам лекарство и которую надо будет полечить несколькими физическими методами. Но соблюдайте строго тот режим, который я ей назначу. О сыне я Вам все скажу после. К нему я пришлю опытного брата, который вместе с приведенной Радандой сестрой будет ухаживать за малюткой. Ты, Левушка, останься здесь, пока тебя не заменит Никито. Как только он придет, он скажет тебе, где меня найти. Теперь же побудь здесь один и клади на голову больному примочки из этой жидкости.

И. подал мне пузырек и обратился к Ариадне:

— Ты пойдешь с нами, Ариадна, и не увидишь своего сына до его полного выздоровления. Когда я говорил тобой в последний раз, ты давала мне и себе обещание быть мудрой и мужественной и принимать свою внутреннюю и внешнюю судьбу в полном спокойствии. Ты уже начинала жить в Вечном, и вот на первом же испытании, которое тебе послала Великая Мать, ты — мать — проявила слабость, а не героизм. Если ты не могла найти ни мужества, ни самоотвержения, чтобы не думать об одной себе, а помочь сыну перенести его момент Вечности, постарайся теперь найти в себе самую простую доброту к сыну, чтобы не нарушать атмосферу спокойствия и мира, в которых нуждается не только его тело, но и, главным образом, его дух. Постарайся понять, как мешает ему твое страстное отчаяние, и не затягивай его выздоровления. Кроме того, и тебе, и ему не назначено прожить всей жизни здесь. По этому случаю, в котором проявилась неожиданная для тебя самой слабость твоего духа, пойми, как поверхностно было достигнутое тобой самообладание, не говорю уже о гармонии. Чтобы быть готовой сопровождать твоего сына в далекий мир, чтобы оберегать в нем его трудоспособность и радость, надо вырасти самой в твердое, жизнеспособное, не теряющее самообладания ни при каких обстоятельствах существо. Начни воспитывать в себе полное самообладание и только тогда сможешь помогать ребенку воспитать себя к жизни. Сумей вырасти в полноценное, трудолюбивое и боеспособное существо. Жизнь — борьба. Это вечный труд и вечная борьба. А ты и в самых лучших уровнях, под защитой любви Раданды, не научилась бороться. Иди и начинай труд самовоспитания. Верности твоей я даю урок: ни одного вопроса о сыне до той минуты, как я пришло за тобой Левушку. Чем скорее окрепнет и углубится твоя верность, тем скорее пойдет выздоровление твоего сына.

Через несколько минут комната опустела, и я остался один у изголовья больного ребенка. Немедленно я развел жидкость, данную мне И., как он велел, нашел широкий полотняный бинт и стал менять охлаждающие компрессы на голове малютки.

Меня поразило, что холодная жидкость, не делавшаяся теплой, а, наоборот, как бы больше охлаждавшаяся, чем дольше она стояла в тазу с водой, мгновенно согревалась на голове ребенка. Я полагал, что менять компрессы надо будет редко, а на деле выходило, что я едва успевал положить один, как он становился совершенно теплым и надо было класть другой. Я было приготовился провести время в размышлениях, но увидел, что надо собрать все внимание к текущей работе.

Нечаянно я замочил наволочку на подушке больного, хотел подложить ему другую подушку, но заметил нечто вроде судороги на его лице, как только я хотел приподнять его головку. Пришлось с большими трудностями закрыть мокрое место полотенцем и сказать себе, что я плохой брат милосердия.

Отказав себе в удовольствии думать о чем-либо, кроме моей непосредственной задачи, я совсем не сознавал, сколько прошло времени, когда раздался легкий стук в и в комнату вошел Никито.

— Ступай, Левушка, И. ждет тебя на балконе у Раданды, куда он уже пошел. Тебе он велел пройти в душ, омыть руки вот этим составом и переодеться в чистое платье. И. так и думал, что ты весь измажешься, он забыл предупредить тебя, что жидкость оставляет желтые пятна, но отмывается легко.

Никито заметил, как я был обескуражен, когда увидел свои шафрановые руки и платье, и ласково мне улыбнулся. Простившись с Никито и расспросив его точно об обратной дороге, я старался, сколько мог, добраться незамеченным до душа и чисто отмытый явился на балкон к Раданде. И. был уже здесь. Он держал в руках два крупных пакета и, очевидно, только что вошел, так как Ольденкотт придвигал ему кресло. Сев в него, И. передал мне свои пакеты, сказав, чтобы я передал их Яссе, что они поедут с нами в оазис темнокожих, и, улыбаясь, обратился к ожидавшим его Андреевой и Ольденкотту:

— Я непростительно долго задержал вас, мои дорогие друзья. Но я надеюсь, вы оба поняли, что только очень важные и непредвиденные обстоятельства могли заставить меня быть неточным. Сегодня в последний раз перед вашим выездом в мир вторично с той же миссией я хочу поговорить с вами о том, на что более всего оба вы должны обратить внимание в предстоящем труде. За время, прошедшее между вашей первой поездкой и сегодняшним днем, оба вы выросли так, что все перенесенные страдания, неудачи и разлад в отношениях людьми, огорчавшие вас в первую поездку, кажутся сегодня вам не горем, а детскими недоразумениями. Но не только вы выросли и изменились. И те люди, среди которых вы трудились, росли тоже от ваших для них трудов, какими бы маленькими ни казались вам те кусочки Истины, которые вы были силах открыть и оставить людям. Не важно, что и как думали о вас люди, пока вы жили и трудились среди них. Важно, что дело, как результат ваших бескорыстных трудов, утвердилось. Утвердилось устойчиво, несмотря на его абсолютную и новизну и на несоответствие с общим течением умственных проблем современности.

Утвердилось и захватило сердца и мысли людей так, что без брошенных вами новых идей люди больше жить не могут. Если бы в каждом из вас были и остальные качества характера — главным образом самообладание — развиты так же цельно, как верность, вам не пришлось бы сейчас ехать вновь с той же миссией к людям. Вы, делая все, чтобы объединить людей, чтобы разрушить между ними перегородки условностей и влить в их общение клейстер Любви, оставили после себя не цельное, монолитное ядро, спаянное Единым стержнем, но целую сеть ячеек, по-своему сражающихся за истину и по-своему заблуждающихся в Ней, поскольку личное восприятие Ее стоит у них на первом месте среди всех их предрассудков.

Отсутствие в вас полного самообладания положило начало этому дроблению. Теперь для вас, выросших, окрепших и раскрепощенных настолько, что вы нашли примиренность, во главу угла должна стать не сама Истина как таковая, но сеть путей, ведущих и направляющих к Ней окружающих вас людей. Теперь вы должны не защищать Истину среди людей, но создать им ряд условий, которые помогали бы каждому сосредоточивать внимание на самовоспитании и на воспитании каждого встречного — безразлично, ребенка или взрослого — своим собственным примером. То есть указать первый путь к Истине в раскрепощении самого себя. Сейчас вы сильны не только своей верностью. Но и уверенностью в единственной действенной форме влияния на встречного: видеть в нем Вечное, к Нему обращаться и Его вызывать к жизни в момент обращения. Это не значит, что вы будете вести пропаганду идеи Вечности среди мало- или среднекультурных людей. Это значит только, что вы будете, действуя, общаться с Вечным в человеке, а не с его видимой формой. В вашей первой миссионерской задаче вы не умели трудиться в постоянном присутствии Учителя. Вы трудились с Учителем в его защитном кольце, но отдыхать вы уходили от его волн. Теперь же не только труд или отдых вы проводите в вибрациях Светлого Братства. Вся ваша жизнь составляет нераздельное существование с Ним, и нельзя разделить или различить, где ваше «я» или «не я», ибо все — что и как вы делаете — все только пути ваших Учителей к Единому в ваших встречных. Вы и Светлое Братство — одно тело, одно дыхание, один путь. Вечность поглотила все животное в вас и возвратила вам все прежние ваши таланты, потому что героическое напряжение, духа перестало быть моментами творчества, а стало постоянной атмосферой труда. Идите же бодро и никогда больше не знайте сомнений. Вы не будете знать их, и идущие за вами не будут множиться как ячейки, но будут жить как одно свободное, радостное целое. Сейчас не так много времени

остается до выезда в пустыню. Колокол уже бьет к вечерней трапезе. После нее немедленно ложитесь спать. Ясса разбудит вас и укажет, как кому одеться.

Мы прошли все вместе в трапезную, где встретились с остальными обитателями нашего домика. По окончании трапезы все мы получили еще раз приказание И. лечь спать сейчас же и спокойно отдыхать, пока Ясса не прикажет вставать.

Я очень жалел, что не могу помочь Яссе в его труде по приготовлению для всех одежды, но он улыбнулся и ответил мне, что Грегор и Василион, свои люди в оазисе темнокожих, сделали за него больше половины работы.

Захватив с собой моего дорогого Эта, которого я так мало видел сегодня и который ждал меня у Мулги, я с грустью подумал, что бедная птичка будет скучать без меня завтра еще больше. Точно понимая мои мысли, Эта потерся о мою ногу, высоко поднял свою очаровательную головку и важно зашагал рядом со мной, давая мне понять, как вырос в своем мужестве и силе мой дорогой белоснежный друг.

Войдя в свою прелестную тихую келью, я призвал благословение Великой Матери на все встреченное мною сегодня, на все плачущее и радующееся во вселенной и мгновенно заснул рядом с Эта.

Проснулся я не от стука Яссы, а от торможения Эта, чуткость которого необычайно возросла со времени его более близкого знакомства с Радандой. Я отлично понял, что Эта хотел дать мне знать о приближении Яссы. И действительно, вскоре раздался легкий стук в дверь, и, когда я ее открыл, передо мной стояли две фигуры. В одной, несмотря на сильно менявший внешность костюм, я мгновенно узнал Яссу. В другой же, только пристально приглядевшись, угадал неузнаваемо преображенного костюмом Славу. Он подал мне целую пачку тяжелых, как мне показалось, одежд, улыбаясь, что так озадачил меня своим видом. Ясса дал мне бутылку с жидкостью, говоря:

— Не ходи в душ, а натри тело этой жидкостью, Левушка. Мочи в ней губку и сильно растирайся. Только не забудь, что у тебя сейчас голиафова сила, действуй осторожно. Что для обычных людей будет сильным, тебе может показаться совсем слабым движением.

— Ну, Ясса, это уж преувеличено. Вчера я так слабо держал ребенка, что чуть не уронил его, когда он неожиданно вздрогнул. Так что мое «слабо» и «сильно» ничуть не больше и не меньше обычного.

— Не в силе дело, а в ловкости и внимании. Сегодня ты будешь иметь возможность наблюдать работу, очень тяжелую, людей, которые будут казаться тебе силачами. На самом же деле ловкость и внимательность этих

людей заменяют им силу, в которой они далеко не первые.

Ясса отправил Славу к Бронскому и Игорю с такой же жидкостью, какую дал мне, велел ему помочь им растереться и одеться, а мне снова сказал:

— Ну-ка, Левушка, нянька Ясса по старой памяти поможет тебе растереться и одеться. — И он принялся растирать меня, причем я, смеясь, не раз говорил ему, что его «сильно» можно, пожалуй, причислить к лексикону Голиафа.

Вскоре я был готов, и, к моей радости, вся одежда и высокие сапоги со шнуровкой, принесенные Славой, оказались из легкого и плотного шелка, были легки, приятны.

Тяжелым был только огромный зеленый плащ, который Ясса велел мне взять на руку.

В таком виде, со шлемами на головах, мы вышли на крыльцо. Здесь еще никого не было. Ясса, не теряя ни минуты, отдал мне свой шлем и плащ и побежал вверх, велел дожидаться его возвращения. Через несколько минут спустились вниз Бронский и Игорь со Славой, затем вышел Ольденкотт, сказав, что с трудом закончил свой сложный туалет, а Натальи и Яссы все не было. Я боялся, что с минуты на минуту сойдет И. и наши друзья опоздают. Я не сомневался, что Ясса побежал к Андреевой, у которой что-нибудь не заладилось. Меня так и подрывало побежать ему на помощь.

Но тут же я вспомнил, как Ясса говорил мне о ловкости, которой я отличился у постели больного. Я вздохнул, поняв, что помогу мало, послал мысленно помощь Наталье Владимировне и принял всем сердцем к Великой Матери, прося с благословения на предстоящий всем нам путь.

Наконец послышались поспешные шаги, вышли на крыльцо Наталья с Яссой, а следом за ними показалась стройная фигура И. Остановившись перед Андреевой, он посмотрел ей в глаза и тихо сказал:

— Как Вы думаете, дорогая, если бы Вы были нужны Али в эту ночь, он не нашел бы лучшего способа сообщить Вам об этом, как заставить Вас нарушить отданный мною приказ и продержать Вас без сна именно тогда, когда надо было собрать все физические силы, чтобы слабость тела не мешала предстоящей работе? Вы и Ольденкотт были предупреждены мною, что вам больше других придется отдать силы и внимания в оазисе темнокожих. Я предполагал в течение пути приготовить вас к встрече с новыми людьми, часть которых вам придется увезти отсюда в Америку и переправить в новую Общину Флорентийца. Вы же, не спавшая, когда я велел, и заснувшая, когда надо было уже вставать, не сможете со всем вниманием выслушать и точно запомнить все, что я должен Вам сказать.

Из-за этого по приезде в оазис придется сделать остановку на целый час, чтобы я мог с Вами переговорить. Вы сейчас поедете не верхом, а в клетке для женщин и будете в ней спать, пока Вас не разбудят. Неужели столько лет труда Али и других с Вами все еще не научили Вас точно выполнять сказанное Вам, а не поправлять указания Учителя, как Вам они кажутся ближе к здравому смыслу? Остерегитесь в будущем отступать от точности даваемых Вам указаний. Это может повести к полной катастрофе лично для Вас и к большой потере для всего Светлого Братства.

И. прошел вперед, мы все двинулись за ним. Я не мог видеть в царившей еще тьме лица Натальи, но по ее поникшей голове, тяжелому дыханию и неверной походке я мог себе вообразить, как болело ее сердце за совершенный ею промах. Рядом со мной шел Ольденкотт, и я чувствовал глубину его сострадания и волнения по отношению к своему верному другу и товарищу. Я понял моей новой способностью видеть некоторые сцены прошлого, что благородный человек убеждал Андрееву подчиниться распоряжению И. лечь спать, но она упрямо твердила, что знает наверное, что именно в эту ночь Али будет с ней говорить.

Некоторое время все шли молча, поддавшись влиянию горести одного из нас, но И., не дойдя до трапезной, остановился и сказал:

— Друзья мои, я не раз говорил вам, что все люди связаны друг с другом невидимыми, нитями любви. Я понимаю, что вы сострадаете друг другу в удачах и неудачах вашего труда. Но разве сострадать — значит впадать в уныние? Это значит так любить друг друга, чтобы вся бодрость сердца строила вокруг него защитный мост. Включитесь вместе со мной в радость, что у нас есть возможность внести свою удвоенную энергию в дело дня и вынести на своих плечах ошибку брата. Мы сократим время еды, ускорим посадку, не будем заезжать к пустынным, оригинальный способ жизни которых я вам хотел показать, — и наверстаем то время, которое мне будет нужно для разговора. Легче, проще, выше, веселее, без постных лиц и тяжких вздохов.

По всем нашим существам пробежала очищающая волна энергии И., и мы легко вошли в знакомый дворик трапезной, где нас уже ждал Раданда. Быстрее обычного покончив с едой, мы вышли на площадку, куда, для сокращения времени, И. велел привести верблюдов. Первым подвели огромное животное с большущей клеткой под балдахином на спине Наталье Владимировне. Я прочел многое в ее душе в эту минуту. Она, презиравшая слабость, ненавидевшая путешествие на манер восточного гарема, должна была влезать по лестнице в гнездо и ехать, отъединенная от всех нас! — Ничего, друг, — услышал я нежный голос Раданды. — Лев

остается львом, хотя его и впихнут в заячью клетку! Ты — львица. Была, есть и будешь ею. Но, пока живешь на земле, надо жить по законам земли: есть, спать и заботиться о телесном проводнике настолько, чтобы быть всегда трудоспособной. Нельзя тебе жить с комарами, и бороться с ними львиными когтями мудрено. Но жить в братской семье Светлого Братства льву можно только тогда, когда у него вместо упрямой львиной воли появится радость послушания тому, кого сердце льва признало Учителем и господином. Это послушание — признак раскрепощения и освобожденности от давления собственной личности... Вот тебе, дорогая, конфетка. Ты такой еще и не видала.

Она сразу принесет тебе и мир в сердце, и сон телу. Ну, полезай веселее. Видишь, все уже сидят в седлах и кутаются в плащи, а тебе этого не надо. Закроют плотнее занавески — спи себе.

Наталья Владимировна очень легко взобралась в свою башню, юный брат сел в крошечное седло почти у самой шеи верблюда. К полной неожиданности, этим братом оказался Слава. По знаку И. он тронул своего верблюда и поехал головным к воротам в пустыню. Последнее, что я мог разглядеть в предрассветной тьме, был Раданда с Эта на плече, посылавшие мне прощальные приветы.

Мы мчались по пустыне несколько часов. Солнце было уже высоко, и, если бы не огромный грубый плащ, сквозь который не жгло даже солнце пустыни, моя кожа, наверное, была бы сожжена. Под плащом, которым меня укутал Ясса, как мумию, мое натертое жидкостью И. тело оставалось относительно прохладным. Все, даже Ясса, спрятались под плащи. Один И. ехал не прикрытым, спустив лишь синюю вуаль со шлема, чтобы защитить глаза от нестерпимого сверкания солнца и песка. Нигде, сколько хватал глаз, ничего, кроме песка и солнца. Я вспомнил слова И. о том, что сделала любовь Раданды для порученных ему людей из этого моря смерти и песка, сжигающего всякую жизнь.

Вопросы, так часто мелькавшие в моей голове, снова завертелись штопором: кто же такой Раданда? сколько ему лет? давно ли он в Общине? кто был ее первым основателем? Все эти вопросы вовсе не были предметом моего любопытства. Но в этих вопросах было для меня так много непонятного, что я сознавал, как мало я знаю и понимаю, если в одном человеке для меня была тысяча загадок.

Мысль моя перенеслась к Али, ко всему пережитому от первой встречи с ним — от чудесного лица Наль и до этой минуты. Наль была первой женщиной, которую проводили при мне в далекий мир. Я вспомнил, как уезжала из Общины Беата, как я мысленно сопровождал ее в пустыне.

Сколько поэзии, красоты, высокого искусства увозила в себе эта женщина! И тот же великий, неразгаданный, все обогащающий при встрече с собою И. возвращал ее миру раскрепощенной, энергичной, с огромным внутренним богатством по сравнению с той нищетой духа, в которой она жила до встречи с ним.

И вот сейчас впереди нас едет женщина, которую тот же И. возвращает миру, давая и ей миссию нести огромный Свет людям, но по тропе совершенно иной, по тропе, ясновидения и знания сверхсознательных сил в себе и людях. И Бронский, и Аннинов, и Ольденкотт, и профессор, и еще тысячи неизвестных мне людей, уходят творить в мир по самым разнообразным тропам человеческого духа, провожаемые теми же И., Али, Радандой. О, Великая Мать, просветившая мой дух, кто же И.? Кто же такой И., подле которого я живу каждый день? Богочеловек, как выразился вчера доктор?

Я еще глубже понял, что, несмотря на свое новое преображение, напоминаю слугу, который может только отирать пыль с драгоценных книг и не может прочесть ничего, даже заглавного листа, в величайшей сокровищнице человеческого духа. Так и я перед И. Я мог чистить ему сандалии и разбирать по числам его письма, но на вопрос, кто такой И., я мог дать только один ответ: безмерно милосердный друг каждого человека. Этим исчерпывалось все мое знание об И. — А кто ты такой сам, Левушка, ты можешь ответить мне? — услышал я смеющийся голос И. рядом с собой.

Оказывается, я так ушел в свои размышления, что превратился в доброго старого знакомого — Левушку "лови ворон". Мой мехари, воспользовавшись моей рассеянностью, очутился на довольно большом расстоянии от остальных.

— Не так давно, мой милый мальчик, у постели другого мальчика, ты убедился, как необходимо собирать все свое внимание и быть готовым ко всевозможным неожиданностям текущей минуты. Еще несколько раньше ты пытался соединить в своем внимании два дела. И в обоих случаях ты вынес опыт: какой настойчивости и самообладания требует работа внимания, — продолжал И., заставляя моего верблюда перейти на аллюр и наверстать расстояние. — В эту минуту ты снова видишь, что все упирается в рассеивающееся внимание или, что вернее, в односторонне концентрирующееся, упускающее из поля зрения все, кроме привлекающих дух мыслей.

Всякий человек состоит из духовных и материальных сил и, пока живет на земле, должен жить в равновесии тех и других, никогда не

перекочевывая всецело в один или другой из этих миров, в себе носимых, и постоянно вводя между ними гармонию.

Ученик, хорошо усвоивший, что он живет не на одной земле, будучи носителем двух миров — своей личности и своей индивидуальности, — а в двух мирах, должен создать, выработать и укрепить привычку к вечной памяти о жизни каждую минуту в двух мирах. Только тогда верность ученика может привести его к неразрывному слиянию с Учителем, когда его внимание, то есть альфа и омега его вечной жизни и труда, приучится действовать так, чтобы разделение его между небом землей не вызывало усилий. Чтобы не после поступка шел вопрос: "Так ли я поступил?" — но чтобы перед поступком рядом с учеником стоял сияющий образ Учителя как контроль и радость его действий. Твоя рассеянность этой минуты людьми одной земли, судящими обо всем через сеть предрассудков и условностей, была бы сочтена большой углубленностью, качеством почтенным, которым обладают немногие, в ком внешняя рассеянность признается даже одним из признаков великого ума. На самом же деле это еще зачаточное состояние самодисциплины. В ученике это несносная мигающая лампа, мешающая и Учителю посылать Свет людям, и людям воспринимать его через такие провода. И, к сожалению, даже очень высокие задачи приходится Учителям выполнять через такие меркнущие и вновь вспыхивающие лампы, постоянно вводя коррективы в их действия. Старайся, мой друг, поскорее избавиться от этого мигания. Ты понимаешь, как оно задерживает труд Учителя. У тебя есть все, чтобы ускорить свой процесс внутреннего роста. Только никогда не забывай: никто, кроме тебя самого, не может выполнить твоей духовной работы. Об этом ты прочел в одной из первых огненных надписей, и это составляет основной закон Всей Жизни. Ни высокие могущественные друзья, ни Сама Великая Мать не могут выполнить за тебя того труда любви и мира, которыми определяется место каждого человека во вселенной. Тебе могут указать путь те милосердные, что забыли о себе и идут только для блага людей. Но идти можешь только ты сам.

Мы нагнали нашу кавалькаду, и... я не мог понять и разобрать, перед чем мы остановились. Стена? Стена и не стена. Нечто вроде огромной зеленой стены, как бывает во французских садах, но вышиной с самое высокое дерево. Когда я подъехал ближе, то увидел, что стену составляли переплетающиеся крест-накрест, кривые стволы, утыканные длинными, острыми колючками. И сколько мог проникать в чащу этих колючих стволов глаз, создавалась такая густая клетка, что не только зверю пустыни, но и птице не было возможности пробраться сквозь нее.

Чем выше шли стволы, тем переплетения становились реже, а в самой вышине они не только выпрямлялись, но и сплошь были покрыты красными и белыми цветами вроде крупного шиповника. Я глядел, очарованный, и на обращенный ко мне взгляд И. и его улыбку мог только сказать:

— Что могла сделать любовь Раданды! Мне хотелось поклониться до земли этой зеленой стене, приветствуя в ней дар любви Раданды и чтя его труд как не человеческое, а божественное проявление сил человека.

Проехав несколько минут вдоль стены, мы поравнялись с воротами, высокими, выкрашенными в зеленый цвет и сделанными все из тех же колючих стволов так искусно, что сразу их даже трудно было различить. Ворота открыли нам два привратника — молодые, стройные, рослые и красивые люди. Одеты они были своеобразно. Короткие белые панталоны кончались выше колен, а блузы, оставляя голыми руки и шеи, пристегивались к панталонам на талии. Ноги были почти босы, только для защиты от горячего песка к ним хитро было привязано нечто вроде сандалий, с одним большим пальцем и коротким задником. Один из привратников протрубил в рожок, издавший очень приятный звук, какой-то сигнал, вероятно не обычный, так как со всех сторон к нам стали подбегать люди и помогать всем сходить с животных.

Думая, что Наталье Владимировне будет не особенно приятна помощь посторонних людей, я спрыгнул со своего высокого мехари, чем немало удивил людей, собиравшихся помочь мне сойти с него, и вызвал у них знаки одобрения.

Как я ни спешил, но, когда я подбежал к верблюду Натальи Владимировны, так и шедшему головным всю дорогу, милый Ясса был уже тут, лестница была уже приставлена и грузная фигура Натальи Владимировны уже спускалась на землю. Мне хотелось хоть чем-нибудь разить ей свою любовь, и, когда она спустилась настолько, что я мог охватить ее руками, я в один миг поставил ее на землю. Это вызвало бурный восторг в целой толпе зрителей и веселый смех самой жертвы моей любви.

Я понимал язык, на котором здесь говорили. Его я выучил в Общине по приказанию И., считая его языком давно вымершего древнего племени и никак не ожидая, что увижу живых людей, на нем говорящих.

В толпе, собравшейся вокруг нас, были люди и старые, и молодые, и дети всяких возрастов. Все они, без различия пола и возраста, носили одинаковые одежды, какие, мы видели на привратниках. Только на пожилых женщинах было накинута сверху нечто вроде туники,

спускавшейся ниже колен. Кожа у всех была темная, но далеко не коричневая, нежная. Черты почти у всех правильные, с отпечатком культуры и благородства. Глаза и брови очень красиво очерченные. Бросились мне глаза и мелкие, очень белые зубы.

Не успели мы опомниться от первого впечатления, как увидели подходившую к И. высокую, необыкновенно стройную, пожилую, но моложавую женщину. На ней было длинное белое платье, подпоясанное черным шелковым шнуром. По рукавам и подолу платья тоже шли широкие черные каймы, по которым бежала золотая вышивка. Ничего особенного, кроме стройности и поразительно легкой походки, в наружности женщины не было. Но приветливость лица, доброта улыбки и сияние глаз — с одним Радандой я мог их сравнить.

Подойдя к И. и приветствуя его низким поклоном, женщина заговорила. Боже мой! Где же я мог слышать этот дивный, глубокий контральтовый голос? Я был так поражен, что забыл все на свете и «ловиворонил», силясь вспомнить, где я слышал этот голос. Ведь я его знал, знал наверное. И вдруг как живая встала в моей памяти Анна — и, ничего не сознавая, я вскрикнул: "Анна!" На мой крик женщина вздрогнула, быстро оглянулась и подошла ко мне.

— Да, я Анна, друг. Но как можете Вы знать мое старое имя, которым никто больше меня не зовет?

Музыка ее голоса перенесла меня в Константинополь, в зал Анны, я увидел ее и Ананду у рояля, вспомнил их песни... Голос не повиновался мне, я не был в силах ей ответить, хотя и признавал всю невежливость и нелепость своего поведения.

— Прости, мать, моему секретарю его растерянность, — сказал И., подходя к нам и кладя руку на мое плечо. — Тебе ведь не впервые видеть, как люди не могут оставаться спокойными, слыша твой чарующий голос, равный которому трудно встретить во всем мире. В Константинополе мы виделись с твоей правнучкой, о которой тебе писал Ананда. Ее голос очень похож на твой. Ее-то имя и выкрикнул мой энтузиаст-секретарь. Имя его — Левушка, позволь тебе его представить, прости ему его слабую выдержку и прими его в свое обширное сердце.

Когда я склонился к довольно большой, но прелестной руке той, кого И. назвал «мать», она обняла мою голову и поцеловала меня в висок. Я почувствовал целый поток нежной любви, лившейся мне от этой женщины. Она меня окружила любовью, как гармоническим кольцом.

— Дитяtko мое, если Ваше сердце несло Анне любовь, если Вы так восхищались ею, что даже сходство наших голосов взволновало Вас, что

же, кроме благодарности Вам за преданность моей правнучке, я могу испытывать к Вам? Ананда писал мне, что ты, великий Учитель, привезешь ее с собой. Где же Анна? — держа меня за руку, поглаживая ее и тем меня успокаивая, говорила мать.

— Об этом, мать, после. Я не имел в виду начать с тобой сразу разговор об этом. Но... по некоторым новым указаниям, полученным мною в пути к тебе, мы не возвратимся сегодня обратно к Раданде, а проживем у тебя не менее трех дней. Мы еще будем иметь время для беседы об Анне. Позволь тебе представить остальных моих спутников, кроме твоих друзей Грегора и Василиона. Появлению похвальных листов за их работу у тебя они всецело обязаны тебе.

Представив всех нас матери, И. обратился к нам:

— Это мать-настоятельница Общины, имени которой до сих пор никто здесь не знал.

Левушка разбудил к жизни давно забытое имя матери. Будь же, мать, отныне не просто мать-начальница, но свети всем встречным как мать Анна, Анна-Благодать.

— Да будет по воле твоей, Учитель, — склоняясь перед И., ответила мать Анна.

Когда она выпрямилась, по щекам ее катились слезы, а лучистые глаза казались сияющими озерами.

— Нет больше ни одной песчинки прошлого, мать Анна. Говорят, устами младенцев глаголет Истина. Младенчески чистое сердце выкрикнуло твое имя. Вспомни, что сказал тебе твой наставник в тайной Общине, когда провожал тебя и твоих немногочисленных спутников на жизнь и труд в этом оазисе. Пусть же имя твое звучит для новых радостей и побед людям, для нового понимания ими свободы. Пусть каждый, кто подойдет к тебе, радуется и поймет, что всю Свободу-Жизнь он носит в себе.

Мать Анна смахнула слезу, улыбнулась мне и, снова взяв мою руку, сказала:

— Мил ты мне, мой мальчик, за любовь твою к моей правнучке. Но еще ты мне милей за великую радость, о которой сам ничего не знаешь. Много лет назад, отправляя меня сюда к Раданде, сказал мне мой наставник: "Когда чистые, впервые встретившиеся тебе уста назовут тебя Анной, тогда освободишься". Ты — мой вестник радости. Прими же мою благодарность и будь моим дорогим гостем.

Мать Анна поклонилась мне, поклонилась всем гостям, выразив им радость приветить их у себя в оазисе, и попросила следовать за нею. Она

подвела нас к красивому домику, обсаженному прекрасными цветами и деревьями, и здесь сдала нас, мужчин, на попечение двум братьям, а к Наталье Владимировне приставила очаровательную девушку. Мать Анна хотела увести И. одного с собой в другой дом.

— У меня, мать Анна, будет много работы. Не разрешишь ли ты мне взять моего секретаря с собой?

— Как благоволишь. Учитель. Я буду рада иметь ближе к себе это дитя радости. Я только думала, что ты нуждаешься в полном внешнем покое. В домике, где я помещу тебя, только две комнаты, а самое место, где стоит дом, — островок, как приказал устроить Раданда. Только недавно деревья там поднялись высоко и окрепли, а кустарники разрослись стеной вокруг всего островка. Никому, кроме старика-сторожа, я туда входить не разрешаю. Ваши ноги первыми пройдут в этот священный домик с тех пор, как он окончательно отстроен и меблирован, сколько хватило моих возможностей и усердия, красиво и комфортабельно.

Мать Анна шла впереди нас своей необычайной походкой, она точно плыла, едва касаясь земли. Шли мы минут двадцать, сначала среди разбросанных, поэтично выглядевших домиков, крытых пальмовой соломой, потом мимо белых домиков, казавшихся мраморными, с прелестными крышами, точно из розовых лепестков, оказавшихся сплошь из стекла Грегора и Василиона, приспособленного для домов.

Стекло не пропускало жары внутрь комнат и было непроницаемо для песка.

Я и не предполагал, слушая эти пояснения матери Анны, что буду иметь случай убедиться на опыте, как во время песчаной бури в пустыне, несмотря на высоченные зеленые стены, тучи песка проникают в этот оазис, и только плотные стеклянные дома являются единственными местами спасения для людей и животных, когда бушует буря.

Как я расскажу дальше, буря на Черном море была мало чем страшнее ужаса песчаной бури, которую И. дал мне возможность наблюдать со специально выстроенного матерью Анной огромного маяка с огнями и колоколом, дававшего спасительные сигналы караванам, случайно застигнутым бурей в окрестностях ее оазиса.

Домики кончились сразу, и мы перешли в сад из финиковых пальм и громадных хлебных и кокосовых деревьев, плоды которых составляли основное питание темнокожих. Возле домов был шум и движение, возня детей и взрослых, а здесь была полная тишина и уединение, а еще через несколько минут мы подошли к островку, окруженному небольшим рвом с чистой водой, через который был перекинут чистенький, беленький,

пальмовый, точно вчера выстроенный, мостик. Возле него мать Анна остановилась.

— Этот дом для меня, Учитель, — святыня, алтарь. Приготовив в нем все, я больше туда не входила. Благоволи войти один со своим келейником, как ты того желал, и, если что будет нужно, пришли его ко мне. Я живу вот здесь, на поляне, рядом.

— Принимаю от тебя — по восточному обычаю уступать право войти старшим впереди себя — эту привилегию. Но прошу тебя по этому же праву старшинства следовать за мной как моя гостья, друг и сотрудник Светлого Братства, давшего мне большое поручение для тебя.

— Радостно повинуюсь твоей воле, Учитель, — ответила мать Анна.

Но она не желала пройти впереди меня, чем меня так смутила, что я все стоял у мостика, хотя И. уже перешел на островок. Как всегда, выручая меня во все минуты неловкости, И. повернулся и сказал мне:

— Мать Анна как хозяйка оазиса лишает тебя привилегии кавалера. Проходи сейчас первым, ты сумеешь доказать ей еще не раз за время пребывания здесь, что ты кавалер и рыцарь духа и что твоя юная внешность несет в себе древний и не чуждый ей дух.

Ободренный моим дорогим другом, я смело пошел по мостику, забыв об условной неловкости. Так мы дошли до домика и поднялись вверх по чистой пальмовой лестнице в прелестный холл с панелями из пальмы, украшенный цветами, а оттуда вошли в комнату.

Что-либо прелестнее трудно было себе вообразить. Все, до последней вешалки, было сделано руками обитателей оазиса. И все казалось мне предметами искусства, а не простого обихода. Я уже был расположен к «ловиворонству», но И. не дал мне для этого времени, велел придвинуть два обворожительных кресла к окну, открытому в глубь сада.

— Пока я буду беседовать с матерью Анной, Левушка, ты сходи к Яссе и возьми у него те пакеты, что я велел тебе передать ему. Кроме того, из сумки, что я дал Грегору, вынь письмо, которое я передал тебе при выезде из Общины Раданды. Неси все сюда, но неси осторожно, так как все, что ты будешь нести, представляет очень большую ценность для матери Анны. И только чистые руки и чистые мысли должны доставить их сюда. Будь внимателен, мой мальчик, помни, что ты был вестником радости и освобождения для другой души, будь же до конца достойным гонцом Светлого Братства.

Поклонившись И., я вышел из комнаты и подумал, как ничтожна была моя верность в глазах И., если я нуждался в этом напоминании. Еще раз мысленно поблагодарив И., я дал себе слово думать только о текущем

сейчас, таком важном для другого человека. Я прикоснулся рукой к цветку Великой Матери, легко прошел обратный путь, без затруднения отыскал дом и в нем Яссу.

Ясса встретил меня так, точно ждал моего прихода. На его кровати лежало для меня свежее платье, он проводил меня в душ, сам смыл с меня оставшиеся кое-где следы жидкости, помог мне одеться, сам расчесал мои кудри, особенно красиво уложил их и только тогда подал мне завернутые в белый шелк пакеты.

— Здесь чудесное платье, Левушка, а здесь вуаль. Все это драгоценно не только как символ для матери Анны, но и как дар Али. А ты сам знаешь, с какой царской щедростью одаривает этот Учитель своих избранных, если они имели счастье ими стать.

Да, я хорошо это знал, и слова Яссы, никогда не говорившего ничего зря, заставили меня быть еще внимательнее. Мы вместе прошли к Грегору, у которого я спросил письма. Подавая их мне, Грегор на минуту остановился, отступил на шаг назад, вглядываясь пристально, по манере художника, во всю мою фигуру.

— Эх, написать бы Вас так, Левушка! Никто бы не поверил, что Вы живой человек, а не вымысел художника! И кто так уложил Вам сегодня волосы?

— Ну, вот еще, Грегор, с чего это Вы взяли, что я вымысел? — обиженно сказал я, чем насмешил всех, бывших в комнате. — Я самый настоящий человек-мужчина, а не забава для художественной фантазии. Лучше пожелаю бы Вы мне благополучно донести мои пакеты, зная, какой я разиня.

Ясса проводил меня до самого мостика, нежно мне улыбнулся на прощание и повесил мне на плечо платье для И., которое нес в чехле вместе со всеми остальными принадлежностями для туалета.

Соблюдая все возможные предосторожности, чтобы ничего не смять и не растерять, я вошел в комнату. Я был горд, как кули, благополучно исполнивший поручение. И. взял пакет побольше, передал его матери Анне. Второй пакет он подержал несколько минут в руках, как бы призывая на него особое благословение, и тоже передал ей.

Письма же, взятые мною у Грегора, он положил на стол и сказал:

— В пакетах, что я тебе передал, Светлое Братство посылает тебе платье, какое носят все его представители, Учителя-Наставники. Настал твой час освобождения, мать Анна. Пока я отправлюсь в душ и переоденусь с дороги, перемени и ты свое платье. Больше черных полос — скорбных воспоминаний о собственной поколебавшейся верности — на

нем быть не должно. Пакеты, что лежат на столе, не вскрывай, я сам их для тебя открою.

С этими словами И. вышел из комнаты, я понес за ним его платье и помог ему снять одежду путешественника. Я хотел немедленно отнести ее обратно к Яссе, но И. велел мне сложить ее, аккуратно вложить в чехол и унести в небольшой чуланчик под лестницей, где стоял пальмовый ларь, и уложить все вещи туда.

Пока я возился с этим делом, хоть мне казалось, что я сделал его очень быстро, И. уже был готов, когда к нему вернулся, и подвязывал сандалии. Надев золотой пояс, И. стал подниматься наверх, приказав мне идти за ним.

Войдя в комнату, мы увидели мать Анну в новом платье. Что же это такое с ней случилось? Разговор с И. или новое платье так изменили ее? Я, правда, был слишком занят своей миссией кули подать порученные мне вещи такими же безукоризненными, какими мне дал их Ясса, и смотрел, войдя, на И., а не на мать Анну, но все же я отлично помнил ее лицо, когда уходил. Оно было по-прежнему кротко и напоминало по доброте Раданду. Но теперь вокруг ее головы, плеч, рук я видел сияние, которого не было, когда я уходил. Платье на ней было длинное, белое, из такой же точно материи, как Али прислал перед пиром в К. моему брату Николаю. Вокруг шеи, рукавов и широко по подолу шла великолепная золотая вышивка. Талию матери Анны стягивал такой же, как у И., золотой пояс.

Лучистые глаза ее сияли еще больше, и мне показалось помолодевшим все ее лицо от тех потоков радости и счастья, что лились из него. Как воплощение энергии, стояла эта женщина перед И., и, если у стены оазиса я понял, что могла сделать любовь Раданды, то сейчас я понял, что все, что создано в самом оазисе, создано руками и любовью матери Анны, что только ей одной обязан этот угол вселенной всей своей культурой. Но только на следующий день, когда разразилась буря в пустыне, я понял всю высоту и огромность роли матери Анны как слуги и спасительницы людей.

И. взял один из пакетов, которые не велел без себя вскрывать, вынул из него плоский, довольно большой футляр из слоновой кости, раскрыл его и достал большой зеленый крест, весь как бы высеченный из цельного изумруда, на тонкой золотой цепи. Он надел его на шею матери Анны.

— Это посылает тебе Флорентиец с тем, чтобы, уходя со своего поста настоятельницы, ты передала его тому, кого сочтешь достойным заменить тебя. А это, — прибавил он, вскрывая второй пакет и доставая из него чудесную коробку, черную, с изображением золотого павлина на крышке, — посылает тебе твой великий Друг Али.

И. достал золотой обруч и длинную тончайшую вуаль, которую накинул

на голову матери Анны и прикрепил обручем к волосам. Вуаль упала ей на плечи и спину, вся засияла переливчатыми тонами — от золотого и розового до фиолетового. Она представляла такое чудесное зрелище, что я загляделся и опомнился только тогда, когда И. поднимал мать Анну с колен, благословляя ее.

— Великое Светлое Братство поручило мне ввести тебя в разряд посвященных настоятелей и послало тебе вещественные знаки великих, созревших в тебе сил.

Прими через эти вещи, освященные любовью и силой Великих Братьев Али и Флорентийца, благословение всего Братства и его вечную помощь. Все твое прошлое исчезло из хроники веков. Следы его стерты твоими верностью и трудом для общего блага. Ты превысила данные тебе указания и усовершенствовала жизнь порученного тебе племени выше указанных тебе рамок. Будь благословенна. Вот тебе письма от старших братьев.

И. подал матери Анне письма, мне же дал прежнее ее платье, футляр и коробку, приказав отнести их за настоятельницей в ее дом. Солнце стало уже опускаться, когда мы покинули островок. Дом настоятельницы был очень близко, и через несколько минут мы стояли в ее комнате. Пока шли, мы встретили несколько человек, которых так поражал новый туалет и новый сияющий вид их матери, что они роняли все из рук и, раскрыв рты, сопровождали ее удивленными взглядами. Меня это так сместило, что я с трудом удерживал серьезный вид достойного келейника Учителя.

Комната матери Анны была очень скромна по своей обстановке, но блистала чистотой и была наполнена ароматом прелестных цветов. Небольшой, очень изящной работы письменный стол, два кресла, несколько стульев, шкаф с книгами, киот с горящей перед ним лампадой, диван, заменявший кровать, все из белого полированного пальмового дерева, несколько прекрасных ваз работы Грегора — вот и все убранство ее небольшой комнаты, в которую мы вошли через две большие приемные, где ждали мать ее подданные.

— Вот, дитя мое, какого счастья был ты для меня вестником. Будь благословен и возьми от меня на память эту пряжку, пристегни ее к поясу и молись обо мне Великой Матери, — сказала она мне, как только за нами закрылась дверь ее комнаты.

Я поблагодарил настоятельницу, выразил ей, как умел, свои поздравления и благодарность, и возвратился на островок. Здесь меня встретил старик-сторож и объяснил, что через полчаса будет сигнал к окончанию работ, его проиграют на рожке. Затем второй такой же сигнал будет за четверть часа до ужина и, наконец, удар набата к сбору в столовой.

Он рассказал мне, как найти дорогу в столовую, и я вошел к моему дорожному И. Я настал его за письмом. Он велел мне сесть в кресло и подождать его распоряжений.

Окончив письмо, И. велел мне отнести его Ольденкотту, сказать Яссе, чтобы он привел всех в столовую по удару набата, а Андрееву сию же минуту привести к нему.

Я помчался, памятуя, что до удара колокола остается мало времени. Выполнив все порученное и отыскав Наталью Владимировну на ее половине, я так торопился скорее возвратиться к И., что бедная женщина еле поспевала за мной. Всю дорогу она посылала малолестные эпитеты удушающей жары оазиса.

Добравшись до островка, она вздохнула легче и объявила, что только здесь можно дышать. Не знаю, правильно ли я чувствовал ее настроение, но мне казалось, что моя спутница чем-то раздражена и в чем-то разочарована. Я остановился при входе в дом, коснулся цветка Великой Матери и всем сердцем молился Ей, чтобы эта женщина вошла в гармонии и мире в комнату, где только что другая получила священный привет высокого признания и счастья освобождения.

Как не раз бывало, Наталья Владимировна сейчас же почувствовала мое состояние, взяла меня за руку, несколько раз глубоко вздохнула, прикрыв другой рукой глаза, улыбнулась мне и кротко сказала:

— Спасибо, верный друг. Ни разу не забыли Вы меня в своей молитве. Я готова. — И мы вошли к И. И. встретил нас улыбкой, придвинул кресло для Натальи Владимировны ближе к столу, за которым продолжал сидеть, а мне велел сесть в кресло у окна.

— Не время, моя дорогая, заниматься мыслями о себе. Многое изменилось за те часы, что мы ехали сюда. Если бы Вы не нарушили моего приказания и спали ночь, Вы были бы в курсе надвинувшихся на нас обстоятельств. Теперь же выслушайте меня внимательно, времени для добавочных пояснений не будет. В эту ночь в пустыне разразится буря, какой не только это племя темнокожих, но даже и Община Раданды не видела. Самое место оазиса будет охраняться кольцом невидимых защитников. Но люди будут переживать страх от ужасных явлений стихии тяжело. И всем нам надо разделить труд по их успокоению с наибольшей мудростью. Вам я поручаю детей и самых слабых женщин, которые по приказанию настоятельницы соберутся в одном из больших домов, наиболее прочном и устойчивом. Вам будут помогать келейницы матери Анны — женщины сильные, мужественные, закаленные. Бронский и Игоро под началом Яссы с наиболее сильными людьми оазиса будут дежурить у

ворот, впускать и вносить тех, кого удастся спасти из застигнутых бурей в пустыне. Слава и Ольденкотт соберут вокруг себя старых, слабых и больных, а также наиболее трусливых мужчин и подростков, хотя должен сказать, что племя матери Анны вообще храбро и мужественно. Но, как я уже сказал, картина игры стихий будет страшна и храбрым. Только воистину верные не испытают страха в эту ночь. Я рассчитываю, что сила Вашей верности даст успокоение тем, кто будет окружать Вас.

— Если бы Левушка был со мной, я могла бы больше ручаться за успех поручения, — начала Наталья Владимировна, но И. улыбнулся и не дал ей продолжать.

— У Левушки, силача, будет иная миссия в эту ночь. Я только что сказал Вам, что надо распределить силы с наибольшей мудростью. Грегор и Василион будут отстаивать завод. Они здесь свои и очень любимые люди. Вам же в эту ночь представляется возможность проявить всю ту любовь к братьям-людям, пример которой может оставить след в сердцах всех, кто проведет с Вами эту ночь.

Возьмите эту коробочку и помните, точно помните наставление, которое я Вам сейчас даю. Ее содержимое предназначается только Вам. Когда будете доходить до полного изнеможения, берите в рот один шарик. Туземцам пилюль не давайте, хотя бы Вам казалось, что кто-либо умирает. Как вести себя в толпе безумствующих от ужаса женщин и детей, соображайте сами. Старайтесь предупредить панику.

Действуйте примером собственного спокойствия и утверждайте в них уверенность, что рядом с Вами они в полной безопасности.

Рожок прозвучал, И. велел мне свести Наталью Владимировну к Яссе немедленно возвращаться к нему.

Я возвратился с ударом набата и нашел И. уже поджидавшим меня на пороге дома.

Глава 24

Первый ужин в круглом доме в оазисе матери Анны. Зал и наши сотрапезники. Речи матери Анны и И. Работа И, его наставления и приготовления к встрече бури всего населения оазиса. Маяк. Страшная ночь бури. «Чудо», совершенное И. Мы сходим с маяка. Ясса, его мертвый сон и мое отчаяние. Моя работа у ворот. Собаки-искатели. После бури. Мы посещаем Ольденкотта и Андрееву

Мы немедленно пустились в путь, обогнули островок и прошли во вторую часть оазиса, которой я еще не видал. Миновав такие же тихие пальмовый и фруктовый сады, через какие вела нас на островок мать Анна, только здесь они были гуще и напоминали больше лес, мы неожиданно вышли на поляну. Здесь были устроены утрамбованные площадки. Это я их считал таковыми, на самом же деле они оказались из матового стекла. Площадки предназначались для всевозможных игр детей и взрослых. Тут были сетки для игры в мяч, и крикет, и трапеции, и качели, и гигантские шаги — всего я даже не мог и взглядом окинуть.

В данную минуту на площадках двигалась только одна фигура старика, который собирал мячи и кегли и убирал их в большой сарай. Сарай был такой очаровательно чистенький, изящно выстроенный, беленький, с красивым орнаментом, что немало европейцев пожелало бы жить в таком прекрасном доме.

И снова я подумал, что может сделать любовь человека для своих ближних и в какой красоте помогал Грегор матери Анне воспитывать свое племя. Как ураган, пронеслись мои мысли: сколько лет живут у Раданды Грегор и Василион, молодые сравнительно люди? Каков их истинный возраст? Где здесь их завод? Голос И. вернул меня к равновесию:

— Мы подходим. Не рассеивайся. Не так много времени прошло между бурей на Черном море и той песчаной бурей, что тебе предстоит испытать сегодня. Но тогда ты был несведущим и слабым мальчиком, сегодня же ты взрослый и закаленный мужчина. Все мысли сосредоточь на той помощи, что придется оказывать людям сегодня. Думай неотступно о Флорентийце и проси Великую Мать благословить наш общий труд.

Забудь о себе и обо всех вопросах, которые могли бы интересовать тебя лично. В великие минуты жизни, когда тысячи людей стоят перед лицом смерти или бедствий, надо выйти из всего условного и жить только

Вечным, перед Ним складывать свой труд и Его спасти в формах временных, смертных.

Я глубоко вбирал в себя слова И. Они будили мой дух, но что касается моего внимания внешнего, то оно спало: я совсем не заметил, по каким дорожкам мы поворачивали теперь, хотя, когда старик сторож растолковал мне дорогу в столовую, я, казалось, ее хорошо понял. Я вздохнул: хорош секретарь! Но времени не было для жалостных мыслей. Я постарался еще глубже сосредоточиться и вошел вслед за И. в большой двухэтажный, совершенно круглый дом.

Меня очень удивила эта форма дома. Зал, куда мы вошли, тоже был совсем круглым.

Окна, вроде люков, были наверху, многочисленные, в данную минуту плотно закрытые. Под потолком вертелись веера, как в Общине Али, но как-то иначе устроенные. Вокруг всего зала шел широчайший коридор, где помещались кухни и множество комнат. Мать Анна встретила нас у порога и проводила к своему столу, где было только три прибора.

Хотя в зале было множество столов, но всех обитателей оазиса эта комната не вмещала. Над нею, во втором этаже, был точно такой же зал, но много больше, и столов он вмещал больше, так как не имел опоясывающего коридора. Даже нижний зал был похож на огромный театр, я представил себе, сколько же народа вмещал в себя верхний зал.

Усадив нас за свой стол, мать Анна рассадила всех наших друзей, поручив их заботам Грегора и Василиона — хозяев оазиса, как она выразилась. Возвратившись к нам, она тотчас же приказала подавать кушанья. Немедленно много молодых девушек и юношей стали передавать на столы подаваемые им из окон-ниш коридора миски и блюда с едой. Другие, поставив еду на небольшие подъемные машины, тянули веревки, переправляя ее на второй этаж.

Первым блюдом оказалась превкусная похлебка с большим количеством хрустящих пирожков. Того строгого молчания, какое царило в трапезной Раданды, здесь не соблюдалось. Все, кому хотелось, разговаривали. Но разговаривали тихо, и того гула голосов, который раздавался в столовой Общины Али, тоже не было. Полную непринужденность поведения я наблюдал за всеми столами. Но как здесь все были воспитаны и культурны! Атмосфера полного мира и удовлетворенности окружала нас со всех сторон.

Одеты все были сейчас совсем не так, как при первой встрече у ворот. На женщинах были платья самых разнообразных цветов, короткие, не достигавшие пола, но много ниже колен, фасонов хотя и самых простых, но

разнообразных. Старые женщины все были в темно-серых или коричневых платьях, почти все с длинными пелеринами.

Мужчины были в блузах, сплетенных из шелковых ниток, тоже самых разнообразных цветов. Панталоны на всех были темно-синие, застегивавшиеся под коленом. Ноги и у мужчин, и у женщин очень красивые, почти у всех босые. Только немногие носили тот же род сандалий, что мы видели на привратниках у ворот.

Детей здесь вовсе не было. Их жизнь шла в детских домах, как мне ответила мать Анна на мой вопрос. Здесь были люди, начиная с пятнадцати лет, что считалось возрастом зрелости и давало право вступать через год в брак.

Вторым блюдом были поданы овощи в самых разнообразных сочетаниях, потом фрукты и горячее какао с вкусными сладкими финиковыми хлебцами.

Подтрунивая над моим аппетитом, И. уговаривал меня есть как можно больше, так как потребность в моих физических силах будет очень большая. Я смеялся и с большим удовольствием старался.

Во время ужина я не мог не заметить тысяч восхищенных взглядов, обращенных на И. и на мать Анну. Она, очевидно, была не только душой, но и божеством своего оазиса. А сегодня, в новом платье, она привлекала к себе всеобщее внимание и вызывала восторг. Покончив с едой, мать Анна встала и заговорила своим необычайным музыкальным голосом.

Ее голос точно был сигналом. Люди бесшумно передали через окнаниши большую часть столов в коридор, а образовавшееся пустое пространство заняли люди, спустившиеся с верхнего этажа, где они ужинали. Быстро, без суеты, точно перемена театральной декорации, зал наполнился стоящими людьми, оставался только ряд ближайших к нам столиков, за которыми сидели старики.

— Братья и сестры, только некоторые из вас видели великого нашего друга и всегдашнего милосердного помощника, Учителя И., сейчас присутствующего среди нас. С тех пор как мы живем здесь, с той минуты, как впервые привез нас сюда Раданда, ни одно великое событие нашей жизни не проходило без помощи Светлого Братства. Время от времени Милосердные посылали нам того или иного из своих великих избранных, и они спасали нас или помогали нам проходить тяжелые, а иногда и гибельные моменты нашей жизни.

В царивший тишине, среди которой лилась музыка голоса матери Анны, пронесся, как шелест ветра, взволнованный шепот толпы, и снова воцарилась та же тишина. Я понял, что сердца присутствующих забились

предчувствием какой-то скорби, и уста многих прошептали молитву. На меня же лично этот очаровательный голос производил такое успокаивающее и укрепляющее действие, что, если бы мать Анна читала мне смертный приговор, я и тогда думал бы, вероятно, не об ожидавшем меня ужасе, а о силе очарования и Света, которые исходили от нее.

— Соберите всю силу вашего духа, всю отвагу сердца и докажите в эту минуту, когда будете слушать весть, которую принес вам Учитель И., что недаром пропали труды, положенные для вас Светлым Братством и Радандой, что вы выросли в мужественное и храброе племя, готовы во всякую минуту стойко встретить опасность и твердо, решительно ее отразить. Мне нечего напоминать вам, мои любимые, о том беспрекословном повиновении, с которым надо выполнять все распоряжения Учителя И. Слушайте со вниманием, чтобы точно выполнить все им указанное.

Мать Анна поклонилась И. и попросила его сказать присутствующим все то, что Учитель имел им передать.

— Милые мои друзья. В эту минуту сжались ваши сердца предчувствием бедствия. Но взгляните на вашу мать, на вашу воспитательницу и руководительницу. Разве вы заметили в ней волнение или тревогу? Видите ли вы в ее лице какое-либо потрясение, если даже вам и всему вашему оазису угрожает бедствие? Сегодня в ее жизни великий день. Светлое Братство прислало ей новое платье, такое, какое носят все наставники, посвященные Им и признанные достойными стать в ряды руководящих братьев всей Светлой Общины мира. Вы больше не видите на ее платье черных полос, напоминавших о смирении, о путнике тайной Общины, откуда вышла мать-родоначальница вашего племени. На ее платье золотое шитье, сливающееся — в стежках своего рисунка — всех людей вселенной, отдавших жизнь труду для блага людей, в одну семью. Ваша мать, имени которой вы до сих пор не знали, с нынешнего дня становится для вас матерью Анной, что, как вы, вероятно, и сами знаете, значит «благодать». Сегодня этим именем окрестило вашу мать Светлое Братство. Не для того Братство послало вам в ее лице благодать, чтобы на вас, ее детей, и на ваше дело обрушилась гибель. Она вас вырастила и воспитала не для гибели. Послезавтра, когда минует ваш оазис гроза стихий, я поговорю с вами о задачах вашего племени в жизни современного вам мира. Сегодня же я призываю вас к героическому напряжению всех ваших чувств и мыслей. Не раз говорила вам мать Анна, что жизнь есть борьба. Она собственным примером учила вас выносливости, настойчивости и полному самообладанию в борьбе за жизнь. Пришел ваш час радости и

счастья показать на деле, как вы умеете защищать дело вашей матери, защищать вашу родину. Это великий и благословенный для вас час: забыть о себе, о страхе и муках, и принести спасение многим путникам, что будут сегодня застигнуты бурей невдалеке от вашего оазиса. Готовьтесь, счастливые братья, к жертвенному труду спасения своих близких за стенами оазиса, к спасению животных и завода в стенах его.

Разбейтесь, женщины и мужчины, начиная с шестнадцати и до тридцати лет, на десятки, и выберите себе старшину в каждой десятке. Заботу о детях, слабых и больных женщинах, не входящих в этот возраст, возьмут на себя мои спутники. Они получают точные указания, как им работать. Мужчины старше тридцати лет будут охранять сады и животных. Грегор и Василион будут спасать завод, так как буря сильнее всего обрушится на восточную часть оазиса. Животных соберите немедленно в конюшни и стойла. Ни одной собаки не оставляйте под открытым небом, так как в сегодняшнюю бурю они будут бесполезны как искатели гибнущих в пустыне, стихии их убьют. Когда для их работы настанет час, вы получите указание их выпустить.

Люди, к которым привыкли животные, должны запереться с ними в их помещениях уже сейчас, и рассыпать на полу листья того растения, что я им дам. Животные будут скованы сном, который не позволит им прийти в бешенство от ужаса бури. Этот зал вы сейчас же очистите и принесите сюда циновки, подстилок и подушек. Назначьте сотню людей, сильных и ловких, для дежурства в обоих залах. Сюда будут приносить спасенных. Через час я снова приду сюда — соберитесь все выбранные старшины десятков.

И. велел Грегору и Василиону идти сейчас же на завод и дал им все указания, как поступать с машинами и зданиями, сказав им, чтобы они отобрали себе человек двести для помощи во всех плохо защищенных местах завода. Он дал каждому из них по пузырьку жидкости, назначение которой объяснил только им. Грегору он дал еще небольшую палочку в руки, которую тот принял с большой осторожностью и благоговением, опустившись на колени.

Затем вместе с матерью Анной И. развел всех наших друзей по указанным им для ночного дежурства местам. Последними он оставил у ворот Яссу, Бронского и Игоро с несколькими десятками туземных великанов-силачей, велел Яссе одеть всех в сплошное теплое трико, которое ему дадут в кладовой матери Анны.

— Там же возьми и шлемы с небьющимися стеклами для глаз, иначе вы все ослепнете.

Перчатки пришиты к рукавам трико, а сапоги придется вам поучить надевать здешних людей. Они о них и понятия не имеют, — улыбнулась мать Анна.

Пока мы обходили те дома, где оставались дежурить Наталья Владимировна, Ольденкотт и Слава и где И. и мать Анна отдавали последние приказания, прошло больше часа. В атмосфере ничем еще не выражалось приближение той грозной бури, к которой так лихорадочно готовился оазис. Всюду бегали садовники и привязывали к большущим кольцам, ввинченным глубоко в землю, какие-то плотные чехлы, которыми они покрывали особенно ценные плодовые и пальмовые деревья, цветы и оранжереи.

Возвратившись в обеденный зал, мы нашли в нем большую группу ждавших нас людей — старшин десятков, которым И. велел собраться. Поручив каждому из них различные пункты оазиса, И. еще раз повторил, чтобы ничто живое не оставалось на воздухе и чтобы все старшины сейчас же заперлись со всеми теми обитателями оазиса, которые им поручены, в назначенных домах. Он напомнил старшинам, что необходимо проверить количество воды, заготовленной в домах, сараях и оранжереях. Он выделил особые группы для охраны водопровода и машин, дававших свет.

Только теперь я обратил внимание на освещение зала. Свет сосредоточивался в лампах, похожих на лампы в оазисе Дартана, только там он был ярко-белым, а здесь голубым. Но времени для этих мыслей не было, я твердо помнил наставление И. и не рассеивал внимания. Вскоре И. простился со всеми, благословив на успешный и усердный труд, и, выходя, сказал мне:

— Теперь начинается наша часть работы. Пойдем к воротам.

И мы направились к выходу из оазиса. Здесь И. проверил всех, подчиненных на эту ночь Яссе, и еще раз подтвердил им задания. Он не упустил ничего, вплоть до сигнальных знаков, которые будут им подаваться с маяка в сторожки. Объяснил, как надо будет готовиться к выходу к воротам, как открывать, чтобы буря их не сорвала, как и куда вводить караваны или их отбившиеся части, куда передавать спасенных людей.

Простившись с Яссой и его подкомандными, мы вошли в гущу зеленой стены, и только теперь я увидел в высочайшей, непроходимой толще зеленой стены выстроенную из зеленого же невероятной толщины стекла круглую башню. Размеров ее я сообразить не мог, но понял, почему в маскировавшей ее зелени я не видел этой башни, въезжая в оазис.

Мать Анна повернула какой-то руль, башня засветилась внутри, и я увидел, что она — колоссальная не только вширь, но и вверх — вздымалась

выше живой зеленой стены. Отойдя на шаг вправо, мать Анна нажала еще какую-то едва заметную кнопку, и послышался играющий звук пружины, точно что-то с силой и звоном отскочило в сторону, и через несколько минут между землей и плитами башни стала образовываться щель. Кусок стекла, толстого, точно целая скала, плотно прилегавший к соседним слоям башни, медленно пополз вверх. Не дойдя и до половины высоты человеческого роста, он остановился, пружина снова издала точно такой же звук, как в начале подъема стекла. Мать Анна хотела вторично нажать пружину, но И. остановил ее.

— Времени терять не приходится. Проползем в эту щель, уже пора подавать сигналы набата и света, чтобы сюда поспешили не догадывающиеся о приближении бури путники.

И действительно, внезапно один за другим пронеслись два порыва ветра, от которых зашумели и задрожали все деревья оазиса. В воздухе пронеслись вой и пыль, точно пролетела темная стая зловещих ведьм. Мы проползли в щель, мать Анна нажала пружину с внутренней стороны, стекло-камень поползло вниз, и через несколько минут мы очутились в таком мертвом молчании, точно мы были в могильном склепе в глубине земли. И. стал подниматься по лестнице, довольно широкой, винтовой, сделанной из белого стекла, как чашки Грегора. Лестница чудесно сверкала, точно чисто вытертые фарфоровые тарелки, над нею вились круглые поручни такого же зеленого цвета, как сама матовая башня. Я насчитал сто семьдесят ступеней, а мы все еще не были на самом верху. Оставалось пройти еще два пролета. Каждый пролет имел небольшую площадку, и кверху башня не уживалась. На каждой площадке был кран с водой и маленький бассейн. Мать Анна на всех площадках открывала краны, и вода бежала не только из самого крана, но и из нескольких тонких труб, сплошь в дырочках, сбегая в бассейны, а оттуда, переполняя их, в землю. Только потом я понял, как благодатна была для нас прохлада этой воды, спасавшей нас от удушливого жара раскаленного песком воздуха. Хотя стекло и не пропускало жару внутрь, но самые стены башни с внешней стороны накалялись, как утюг. Бежавшая сверху донизу вода наполняла относительной прохладой наше заключение.

Наконец мы поднялись на последнюю площадку. Стекланные стены здесь были так же толсты, но совершенно прозрачны. С последней площадки вела узенькая лесенка в самый купол, и по ней мы поднялись гораздо выше зеленой стены оазиса.

Здесь было четыре руля. У двух из них, расположенных рядом, И. поставил меня.

— Ты видишь надписи: «Набат», «Свет». Здесь указано, сколько поворотов руля тебе надо сделать, когда я буду говорить тебе: "двойной набат", "один набат", "непрерывный набат". По последней команде закрепляй руль на этой цепи. Точно так же поступай по команде матери Анны, которая будет управлять световыми сигналами.

И по ее команде "непрерывный свет" будешь закреплять на вторую цепь световой руль. Понять это несложно, но закреплять рули очень трудно, да и для самих поворотов руля тебе придется расходовать большее количество физических сил.

Здесь на стене две небольшие кнопки с надписями «Приготовиться», «Выходить». Это сигналы в сторожки. Я тебе эти слова так и буду говорить, и ты будешь нажимать одну из этих кнопок. Будь внимателен. Что бы ты ни увидел из феноменов природы или из явлений в самой башне, что покажется тебе сверхъестественным «чудом», не теряй присутствия духа и действуй точно у аппаратов, помня, что от твоего внимания зависит жизнь многих людей.

Сам И. и мать Анна стали у двух других рулей. Их назначения мне И. не объяснял.

Я поглядел сквозь прозрачную стену, кусок которой приходился против моих рулей.

Сколько я мог охватить взглядом, в освещенном светом нашего маяка пространстве песок пустыни начинал колебаться. Пустыня, неподвижность которой я так хорошо знал, начинала походить на море.

— Один набат! — услышал я внезапно команду И. Я повернул руль и от неожиданности даже вздрогнул. Где-то близко, точно над нашими головами, ударил такой мощный колокол, что мне показалось, будто все вокруг вздрогнуло.

— Двойной свет! — сказала мать Анна.

Я повернул руль света, и волны белого и красного света, испуская длиннейшие лучи, осветили все вокруг, как солнце. Песчаные волны теперь колебались в пустыне выше и сильнее, но все же не достигали вышиной и четверти аршина.

"Двойной набат!" — услышал я. "Непрерывный свет!" — подала команду мать Анна. И, хотя обе команды раздались почти одновременно, я их успешно выполнил.

В те несколько свободных минут, что выпадали мне между командами, я успевал наблюдать изменения в пустыне. Сейчас волны песка, несколько минут тому назад ползавшие по земле, уже были гребнями выше аршина и плыли в столбах пыли.

"Непрерывный набат! Приготовиться!" — командовал И. Я мгновенно закрепил руль набата, отчего послышался даже в нашей мало проницаемой для звуков коробке сильный гул, и нажал кнопку Яссе. Только что я успел выполнить это приказание, услышал: "Выходить!" Подойдя к стене, чтобы дать сигнал Яссе, я заметил караван, мчавшийся к оазису на обезумевших животных, бившихся и спотыкавшихся. Последнее, что я увидел, как Ясса с товарищами открывал ворота, а дальше столбы пыли покрыли все.

"Непрерывный набат!", "Отпусти свет!" — сказали оба мои командира.

Так, под непрерывные команды моих командиров, я работал рулями и сигналами в сторожке, не имея мгновения взглянуть за стену. Но в первый же минутный перерыв я поглядел в пустыню и был потрясен новой картиной. Волны песка достигли уже высоты более двух аршин. Они кочевали с какими-то перерывами. Вой и свист ветра достигали даже нас, молнии сверкали, но звук грома к нам не доходил. Быть может, за воем ветра я не мог его различить.

Снова, довольно долго, шли непрерывно команды. Вдруг мне показалось, что свет погас. Но это не свет погас, а на нас шел колоссальный столб кружившегося песка, вихрь которого обрушился, к счастью для башни, на зеленую стену, а нас только засыпал рикошетом, отчего за стенами и стало темно. Свистящие порывы ветра сдули слои песка с круглой башни, и я понял, зачем выстроили ее круглой. Снова и снова шли команды моих начальников. Мои руки и ноги работали уже с трудом, пот катился с меня градом, в глазах рябило. И. перебросил мне пузырек, не отрывая глаз от пустыни, сказал:

— Выпей.

Воспользовавшись мимолетным антрактом, я выпил содержимое пузырька и сразу почувствовал облегчение и прилив новых сил. Глаза мои теперь снова видели ясно, руки и ноги опять стали точно железные. В пустыне был ад, хаос, где ни песка, ни самого пространства — ничего уже не существовало. Сплошная кружившаяся тьма, в ней вой и молнии.

"Непрерывный набат!", "Непрерывный свет!" — услышал я почти одновременно. Я подумал, что в этой тьме ада, в этом смертельном верчении песка и ветра уже никого нельзя спасти, как услышал: "Приготовиться!" Я содрогнулся, так как был уверен, что все живое, что дерзнет выйти сейчас наружу, будет немедленно убито и сожжено горячим песком. Увы, я тогда не знал худшего: холод внезапно сменил палящий жар и превратил песок в режущие, холодные колючки.

"Выходить!" И я всем сердцем молил Великую Мать помочь моим друзьям и пощадить их жизни и жизни спасаемых. Я нажал кнопку с таким

чувством, как будто я сам подписывал им смертный приговор.

Я взглянул сквозь стену и увидел, как по узкому проходу между двух огромных гор волнующегося песка из последних сил мчится караван верблюдов. Бог мой, я звал Флорентийца, хотел крикнуть И., молить его спасти несчастных, которые сейчас погибнут во все суживающемся коридоре между двумя высоченными хребтами песка, как увидел у руля совершенно без движения самого И., с рукой, вытянутой к страшному коридору.

Я подумал, что И. умер. Мгновение, и я бросился бы к нему, как возле меня выросла фигура матери Анны. Она пристально взглянула мне в глаза и приложила палец к губам, приказывая мне молчать. Повернув меня лицом к пустыне, она указала мне рукой на приближавшийся караван, впереди которого... шел весь светившийся И. Еще мгновение, караван достиг ворот, а оба песчаных хребта слились в одно высоченное море песка, которое тот же час стало снова волноваться и уноситься вихрем дальше...

Сзади меня послышался глубокий вздох. Я оглянулся. И. стоял на своем месте, как будто минуту назад я не видел его мертво-неподвижным. Лицо его радостно улыбалось, и он сказал матери Анне:

— Главные и самые страшные циклоны уже прошли.

Хотя главные циклоны и прошли, не это не мешало нашему маяку время от времени содрогаться под ударами песчаных столбов, точно в нас палили из пушек. Еще долгое время я работал под команду обоих моих начальников, и наконец стал вырисовываться горизонт в слабом-слабом свете. Что за зрелище открывалось по мере возрастания света! Вместо чистого, белого и ровного песка пустыни, к которому уже привык мой глаз, расстился словно нарисованный ландшафт раскопок какого-нибудь старинного города в самый разгар исканий.

Еще долгое время шли команды моих начальников. Ветер все еще выл и свистел, но уже несколько раз я мог различить в слабом свете, как открывались ворота, удерживаемые двумя десятками рук сильнейших людей, и как верблюды, сами искалеченные и полумертвые, вносили на себе свешивавшиеся к их шеям неподвижные человеческие фигуры. Постепенно свет становился ярче, И. дернул какой-то шнур, и свет внутри башни погас.

— Скоро наше дежурство кончится. Не беспокойся, мать Анна, те, кого ты ждешь, спаслись в гроте. Теперь они уже едут сюда. Не пройдет и двух часов, они будут здесь. Надо только держать непрерывно сигналы набата и света, чтобы они могли сориентироваться и сообразить, как обратиться

среди наметенных бурей гор песка.

Думаю, что прошло более указанного И. срока, прежде чем я получил приказы: «приготовиться» и «выходить». Но, быть может, так только казалось мне от одолевшей меня вновь усталости. В последний раз И. отдал приказ, ворота открылись и закрылись, и он велел нам покинуть маяк.

Я привел рули в их первоначальное положение и стал спускаться за матерью Анной и И. вниз по лестнице. Только сейчас я понял, до какой степени я устал. Ноги мои дрожали, руками я еле держался за поручни. Чем ниже мы спускались, тем слышнее становился вой ветра. Я видел, что на зеленой стене, вся верхняя часть которой при нашем въезде была покрыта такими дивными цветами, не было ни единого лепестка. Во многих местах, куда обрушивались столбы песка, в самой стене зияли широкие бреши без листьев, в которых среди обнаженных, переломанных стволов, как жуткие черные зубы, торчали здоровенные иглы. Уже по одной этой картине я мог судить, как должны были пострадать цветы и сады матери Анны.

Путь вниз казался мне бесконечным. Даже голова у меня кружилась, чего со мной теперь никогда не случалось, и о чем я забыл и думать. Но всему бывает конец, и мы очутились у входа.

— Приготовься не только к сильному ветру, Левушка, но и к резкому холоду. Вон там лежат плащи. Укутай в один из них мать Анну, другим укройся сам. Ну так и быть, чтобы у тебя не было тревоги за меня, я тоже надену плащ, — прибавил И., накидывая плащ.

Плащи были мягкие, легкие, теплые. Мать Анна снова заставила играть пружину, и глыба стекла поползла вверх. На этот раз И. попросил вторично нажать пружину, объяснив, что мне надо несколько привыкнуть к резкой перемене температуры.

И каким же холодом обдало нас, когда глыба-дверь поднялась высоко. Резкий ветер, неся холодный песок, сразу засыпал мне глаза, нос и рот, и я не мог двинуться с места, как вдруг чья-то рука надвинула мне плащ на лицо и потянула меня за собой. Я шел, дрожа от холода, спотыкаясь, и не соображал, ни куда ведет меня мой поводырь, ни кто он. Но вот ноги наши застучали по дереву, через несколько минут рука моего провожатого ввела меня через порог в теплый дом, сдернула покрывавший меня плащ, и милый голос Яссы сказал:

— Не открывай глаз до тех пор, пока я не спущу тебя в ванну. Тогда их промоешь.

Ясса велел мне вымыть чисто-начисто руки и налил мне полные ладони приятно пахнувшей жидкости. Я довольно долго промывают глаза, раньше,

чем он разрешил мне их открыть. Тогда он подал мне таз и большой кубок с водой. Я с восторгом полоскал зубы и рот, с трудом отделяясь от скрипевшего на зубах песка. Наконец суровые команды Яссы, указывавшего мне, как и чем растираться, кончились, я выполоскался под свежим душем и мог теперь хорошо рассмотреть самого Яссу.

Я нередко видел Яссу слегка утомленным, но никогда не предполагал, что мой дорогой заботливый нянька может быть утомлен до такого полного изнеможения, в каком Ясса находился в данную минуту. Мертвенно-бледное и осунувшееся лицо Яссы едва напоминало его обычный вид.

— Ясса, что с тобой? Ты болен? Разреши мне поскорее отплатить тебе за твою постоянную помощь и заботу. Не протестуй, умоляю тебя. Я мигом приготовлю тебе ванну и разотру тебя в ней. Ведь ты едва жив.

— Нет, Левушка, не поможет ванна. И. дал мне пузырек и велел выпить его содержимое только в случае полного изнеможения. Я все считал, что такое положение еще не наступило и, кажется, опоздал. Пожалуй, теперь уже и поздно.

Ноги меня уже не держат, и ванна меня не спасет.

Ясса говорил едва слышным голосом, с трудом достал из кармана маленький пузырек и выпил его содержимое. Несколько минут он лежал, вытянувшись в кресле, в полной неподвижности, в позе смертельного утомления. Я бросился к нему, поднес к его губам цветок Великой Матери и, опустившись на колени, молил Божественную Заступницу помочь моему умирающему другу. Я молил Ее возвратить ему жизнь, такую полезную и необходимую на земле. Я полагал, что Ясса опоздал выполнить указание И., хорошо помня, как в момент полного истощения сил на маяке И. бросил мне пузырек с укрепляющим лекарством. Я взял беспомощно свесившиеся руки Яссы, вложил в них чудесный цветок и всеми силами звал И. прийти спасти Яссу, не умышленно промедлившего выполнить его приказ, но из величайшего уважения к его распоряжению.

Долго ли я стоял так на коленях, рыдая и отчаиваясь, я не знаю. Руки Яссы, становившиеся все холоднее, я пытался согреть своим дыханием. Потоки слез лились из моих глаз на эти дорогие трудолюбивые руки.

— Сумасшедший мальчик, — услышал я издали дорогой, знакомый голос. Поспешные шаги направлялись ко мне, и через минуту фигура И. стояла рядом со мною. — Когда же ты войдешь в полную зрелость, мой Голиаф? Ясса спит и очень счастлив в этот момент. Нам с тобой надо позаботиться, чтобы охранить его тело и никак не мешать трудиться и совершенствоваться его духу. Это очень хорошо, что последнее, что унес Ясса в своей памяти с земли, были твоя забота и любовь, твоя мольба о нем

Великой Матери. Путь его будет легче и выше ровно настолько, насколько твоя чистая любовь свидетельствовала о его полезном и любовном служении земле. Я думал, что ты сам поймешь, что Ясса от выпитой жидкости будет спать, как спал профессор, и выйдет из сна таким же обновленным, как тот. Перестань огорчаться, заверни Яссу в плащ и отнеси наверх в свою комнату, которой ты, кстати сказать, еще и не видел. Уложи Яссу на диван, задерни окно, хотя солнца сегодня и не будет, и сиди подле него в полном самообладании, пока я не пришлю тебя сменить на твоём дежурстве. Своим зовом ты заставил меня бросить очень горячее дело. В следующий раз, если тебе придется наблюдать такой случай, знай, как поступить, никогда и ничего не пугайся, и ни одной слезы чтобы не уронили твои глаза. Я пришлю двоих. Один останется сменить тебя здесь, другой проводит тебя ко мне.

Каждый сильный человек сейчас на учете, спешу ко мне на помощь.

И. вышел так же поспешно, как вошел. Я завернул Яссу в плащ и бережно понес его в комнату, которую И. назвал моею. О, как я радовался этой возможности оказать моему другу хоть какую-нибудь услугу, выразить ему всю бесконечную благодарность за его заботы и внимание. Мне никогда не приходилось просить о чем-то моего друга-няньку. Он наперед все знал и всегда встречался в пути, как только у меня была заминка. Ясса, Ясса, я всем сердцем свидетельствовал не только о его полезной деятельности, но и о его самоотверженной преданности каждому из тех людей, что попадали в орбиту его внимания.

Поднявшись в мою комнату, я нашел диван, уложил на нем Яссу, как умел удобнее.

Тело его было едва теплое, но гибкое. Задернув окно, я придвинул к дивану кресло и сел подле моего друга, спавшего таким чудесным сном. Ветер все еще продолжал выть за окном, но порывы его были уже редки. Через опущенную занавеску я видел тени качающихся пальм. Слова И. внесли полное успокоение в мою душу за судьбу Яссы, но: немало тоскливых чувств пробудили во мне о моей собственной слабости.

Но тут же я спохватился, что не о себе мне надо думать, а о неведомом мне пути Яссы, где моя любовь и радость могут быть ему свидетельством и помощью к более легкому и высокому прохождению к свету. Я хорошо знал, что не одна моя любовь, не одни мои молитвы и мысли несутся в благодарных благословениях этой душе. Тем не менее я вновь опустил на колени рядом с Яссой, вынул божественный цветок его мертвых рук, приник к цветку и... почувствовал, что я точно отошел от своего тела, что я стою у ног Великой Матери в Ее белой часовне Радости. Я услышал голос:

"Много детей у меня, верных тружеников Вечности. Но мало таких, что знают путь прямой и цельный, путь без колебаний и сомнений, без двойственности и расхождения между идеей служения и собственными действиями на земле. Иди, сын мой, не твердостью характера утверждая на земле те или иные идеи. Но носи их в себе, верностью своей следуя за верностью Учителей твоих. В живом примере выноси в мир новые идеи в слове своем, не как плод одного ума, но как откровение сердца и культуру его..." Я очнулся на коленях, рядом стояла мать Анна и тихо ждала, пока я окончу мою молитву. Я поднялся с колен, поклонился ей, удивившись, как она свежа, точно и не простояла всей ночи на маяке.

— Я привела брата, что будет здесь, дежурить вместо тебя, ты же пойдешь со мною на помощь И., - сказала она мне.

Подойдя к дверям, она ввела в комнату старца с длинной седой бородой, в тюрбане и восточной одежде, опиравшегося на высокий посох. Темное лицо с суровым выражением, темные красивые руки, высокая фигура с воинственной осанкой делали его похожим на старого вождя. Я так и подумал, глядя на него: "Такие умирают стоя".

Старец улыбнулся мне, и улыбка изменила его лицо — оно стало добрым и ласковым, радостным. Он отодвинул мое кресло, взял стоявший в углу табурет, сел на него, оперся обеими руками на свой высокий посох и замер, точно это было изваяние, а не живой человек. Мать Анна сделала мне знак, и мы вышли из комнаты.

На скамье у площадки она указала мне на трико и шлем с очками, сказала, что И. рассчитывает на мою работу у ворот, куда собаки-искатели приводят теперь из пустыни всех, кого находят в ней живыми. Платье переодеть необходимо, так как иначе я буду нетрудоспособен. Остатки бури в пустыне еще очень чувствительно дают о себе знать в оазисе.

Подождав, пока я переодевался, мать Анна вывела меня с островка, поручила юноше, одетому в такое же трико, ожидавшему ее у мостика, и тот повел меня к воротам. Я не мог бы один отыскать туда пути, так как дорожек сейчас не существовало, всюду было одно песчаное море по колено высотой. Ориентироваться было не по чему, и тучи пыли периодически покрывали нас. Песок, как град, стучал по стеклам, вделанным в шлем. Юноша, видя, что я часто останавливаюсь, — как только меня окружает песчаное облако, — взял меня за руку и потащил с силой вперед. Я удивился силе этой стройной фигуры, совсем маленькой и детской по сравнению со мной, пожал руку юноше в знак благодарности и согласия спешить за ним, и так, держась за руки, мы добрались до ворот.

Здесь несколько рослых фигур как раз выходили из сторожки, чтобы

открыть ворота.

У самых ворот я увидел И., помогавшего привязывать к спинам собак бутылки с вином и водой, уложенные в небольшие корзиночки из какого-то непроницаемого материала, похожего на клеенку. Собаки стояли спокойно, не выражая никакого страха перед отправлением в пустыню. Очевидно, дело это было им привычно.

Правда, собаки могли быть легко названы маленькими тиграми, так они были огромны и страшны.

Ворота открылись, и одновременно свежие собаки пошли в поиски, а к воротам подходили три измученные, тяжело дышавшие, за которыми едва плелись несколько верблюдов без седоков и поклажи и несколько животных пободрее, с седоками. За третьей собакой, держась за ее ошейник, шла полуживая от изнурения женщина, поддерживая на спине собаки две детские фигурки. Переступив порог, и женщина, и собака упали, как я подумал, мертвыми. Я бросился к женщине, а детей подхватил И., собаку подняли двое туземцев.

— Ты с женщиной пойдешь за мной, а вы внесите пса в сторожку и отпоите его сейчас же молоком с той смесью, что я вам дал, — бросил И. на ходу мне и своим сотрудникам. — Ты же беги к дежурному сторожу и вели ему от моего имени ударять в набат каждые три минуты, — прибавил он юноше, приведшему меня к воротам.

Мы дошли до круглого здания столовой, сдали там женщину и детей матери Анне, хлопотавшей среди массы лежавших и стонавших людей. Многие, большинство, пораненные в эту ужасную ночь, были тщательно перевязаны. Иные держались бодро на ногах и помогали братьям и сестрам оазиса в уходе за своими более несчастными товарищами по бедствию.

Быстро передав наших спасенных, И., уже поворачиваясь к выходу, сказал что-то матери Анне, и мы снова пошли к воротам. Набат громко бил в нескольких местах сразу, поддерживая главный колокол, висевший у ворот, удары сливались в один громкий, даже оглушительный звук. Много раз еще открывались и закрывались ворота, собаки приводили все большее количество уцелевших каким-то чудесным образом и отрытых в песке людей. Мне казалось, что и конца нашей работе не будет, как И. сказал:

— Теперь бить в набат и посылать собак уже бесполезно. Буря перекечевала за пределы наших возможностей. Сигналы звука и света, а также собаки не могут идти в такую даль, где в эту минуту люди могли бы нуждаться в их помощи. Буря несется к Общине Раданды, и там уже все готовы к спасению застигнутых бедствием в пустыне. Думаю, что предупреждающие призывы колоколов Раданды заставили немалое

количество караванов изменить намеченные пути и поспешить укрыться у него.

Ступайте все отдыхать. В кухнях вас ждет походная еда, отправляйтесь в души, кушайте и ложитесь спать. Вы, Бронский и Игоро, идите за мной.

Только теперь, когда две рослые фигуры отделились от остальных, я узнал своих друзей. Все вместе мы прошли до того дома, где дежурил ночь Ольденкотт. Все у него было в порядке, младшие дети спали или играли в придуманные им для них игры. Сам он был бодр, успевал за всем наблюдать и все организовать, как считал наиболее целесообразным, и все порученные ему мужчины и старшие дети готовили, по его указаниям, перевязочные материалы, мази и примочки, запасов которых не могло хватить в оазисе для этого экстренного случая.

Не было сомнений, что Ольденкотт не только сумел избежать общей паники, но и создал атмосферу полной трудоспособности в порученном ему деле. Я сразу почувствовал полное доверие и любовь, которые он утвердил в эту ночь вокруг себя. Слава, немало помогший ему в этом, еле держался на ногах, хотя и бодрился.

И. велел ему и Ольденкотту, как и всем в доме, немедленно лечь спать, оставив только нескольких дежурных. И. объяснил всем, что пищу им принесут сюда, что выходить из дома пока нельзя без специальной одежды, так как можно повредить зрение. Надо выждать несколько часов, пока буря не утихнет. Здесь мы оставили Бронского и Игоро, поручив их заботам туземцев.

Покинув Ольденкотта, мы прошли в дом, порученный Наталье. Здесь, уже подходя к дверям, мы были удивлены шумом. Двухэтажный дом походил на бурно проходящую большую перемену в мужской гимназии, когда классные наставники отвлеклись другим делом и предоставили школьников самим себе. И. остановился у дверей, прислушался, улыбнулся и тихо сказал: «Выдумщица». Когда мы вошли в большую комнату нижнего этажа, я чуть не закричал от изумления.

— Сними шлем, удивляться будешь дальше, — сказал мне И., смеясь.

Комната представляла из себя, в лучшем случае, цыганский табор. Все, что только могло служить как занавески, перегородки, было использовано для постройки шалашей. Кровати были опрокинуты набок, заменяя стены, тюфяки лежали на полу, и на них, кто на корточках, кто лежа друг подле друга, дети и взрослые вместе, разыгрывали сцены путешествующего племени, застигнутого бурей в пустыне. Одни выли, другие трубили в рожки, третьи изображали из себя собак-ищеек, приносящих спасенных, четвертые были докторами и сестрами, а большая часть перебегала из

палатки в палатку, как в оазисы спасения. Увидев нас, и дети, и взрослые с одинаковым энтузиазмом бросились к нам с криком:

— Спасенные, спасенные, готовьте им места! — Спасители, а не спасенные, — раздался громкий голос Натальи Владимировны. Она вылезла из какой-то клетки, вся увешанная разноцветным тряпьем, долженствовавшим изображать драгоценные украшения вождя племени.

— Замолчите все, вы ведь знаете, что по закону нашего племени, создавшегося в эту ночь, все племя молчит, когда говорит вождь. Кланяйтесь вашему спасителю, благодарите его за избавление от смерти в эту ночь и спойте ему песнь прославления, которой я вас научила.

Дети и взрослые мгновенно выстроились и запели радостную песнь величания. Откуда взяла Наталья Владимировна этот гимн великому вождю, я не знаю. Но он сейчас прозвучал такой неожиданной мощью и красотой, что рассказал нам все, что делала эта необычайная женщина в не менее необычайную ночь.

Видя, как при первых же порывах бури паника начинает проникать в сердца ее подначальных, Наталья Владимировна перевела их внимание и любовь на тех несчастных, что были застигнуты бурей в пустыне. Она влила такую энергию сострадания во все свое окружение, затеяла с ними интересную игру в племя, посланное Богом спасти блуждающих по пустыне, ввела закон беспрекословного повиновения вождю и твердо увлекла их внимание за собой. Каждым особенно сильным раскатом грома и ударом ветра она пользовалась, чтобы усилить прилив сострадания и героизма в своем окружении. Силой своей громадной воли она уводила людей от страха, применяя свои гипнотические силы. В обычной жизни она ими никогда не пользовалась для влияния на людей. Но в эту ночь — сама стихия — она употребила их в деле спасения людей, порученных ей, от страха и мыслей о себе.

Окончив песнь, все присутствующие поклонились ей и, вместе с ней, И. Только теперь люди, прошедшие с ней ночь, начали отдавать себе отчет в своем поведении и в том, что буря миновала, что жизнь в безопасности, радостна и им улыбается.

— Спасибо за прелестную песню. Буря кончена, друзья, — сказал И. — Если бы в эту ночь и нашлось среди вас такое сердце, которое не возмужало, то песня, которую вы выучили, осталась бы для него воспоминанием о женщине, которая не только своим примером вывела вас из страха, но на опыте показала, как мысль о ближнем и о его страданиях и скорби помогает забыть себя, страх и тоску и уверенно действовать при самых грозных обстоятельствах. Вы убедились, что сила сердца изменяет

окружающие обстоятельства, а не обстоятельства давят дух. Поблагодарите вашу гостью-вождя, так самоотверженно служившую вам в эту ночь, и помните: если в вашей жизни встретится нечто страшное, надо думать о помощи другим, действовать, искать труда на общее благо, а не искать спасения только себе.

И. простился со всеми, сказав Наталье Владимировне, что надо надеть теплое платье, принесенное ей девушкой, и идти в свою комнату отдыхать, там же будет ждать ее пища.

К моему неописуемому удивлению, девушкой Натальи Владимировны оказался тот юноша, которому мать Анна поручила проводить меня к воротам и который с такой силой тащил меня к ним. Девушка смеялась моему удивлению и коварно спрашивала, не надо ли меня еще раз проводить.

Выйдя из дома, И. прошел в свою комнату на островке. Здесь нас ждало известие, что у Грегора и Василиона все сошло относительно благополучно. Слуга подал нам горячее какао и сухарики. И. велел мне поесть и отправил меня спать в его комнате на диване. Не успел я положить голову на подушку, как все для меня куда-то провалилось.

Глава 25

Мое пробуждение. Как я ищу И. И. на заводе в роли рабочего. Первый обед в оазисе после бури. Беседа И. с сотрапезниками. Владыки оазиса

Проснулся я точно от какого-то толчка, также внезапно и сразу, как и заснул. Под впечатлением необычайно яркого сна в первые мгновения никак не мог взять в толк, где я, что же со мной на самом деле происходит.

Снилось мне, что я вместе с И. и Яссой в Общине Раданды. Мы дежурируем у ворот.

Вокруг нас ревет и бесится буря. Но мы стойко работаем и то и дело открываем ворота и впускаем, и вводим, и вносим с помощью братьев и самого Раданды караваны, несчастных, полуживых людей и даже зверей.

Сон до того был реален, с одной стороны, и впечатления бури так властно засели во всем моем организме — с другой, что прошло немало времени, пока я окончательно отдал себе отчет, что я не у Раданды, что Ясса спит в соседней комнате, что я в оазисе матери Анны и что И.: Вот где же И.? Он должен ведь быть здесь, со мной. Но комната была пуста, никаких следов того, что И. здесь спал, не было. Вскочив со своего дивана, я хотел бежать в душ, как заметил на стеле записку: "Не медли, приводи себя в полный порядок. Сторож даст тебе какао и скажет, где меня найти. Дела много, помни, что я тебе говорил, что каждый сильный на учете. Помни об этом и не рассеивайся".

Я спешил, как только мог. Старик-сторож принес мне еду и сказал, что И. на заводе и чтобы я шел туда сейчас же. Нечего и говорить, как я торопился выполнить это приказание.

Выйдя из дома на островок, я увидел, что наметенные горы песка на дорожках уже аккуратно убраны, но цветочные клумбы еще в жалком виде. Сторож растолковал мне дорогу на завод. Я шел через тихие фруктовый и пальмовый сады. Даже если бы я и не видел их раньше такими густыми и прелестными, то все же был бы поражен разорением и печальными остатками леса. Уцелела только половина деревьев, и именно те, которые были укутаны чехлами и пригнуты к земле канатами. Сейчас здесь работало много людей, внимательно осматривавших вырванные с корнем и сломанные деревья. Некоторые из деревьев люди сажали обратно в удобренную наново землю, иные спиливали и уносили прочь, тут же засаживая пустые места новыми деревьями.

Несколько рослых людей пытались поднять грандиозную пальму, всю в созревающих плодах, но не могли справиться с тяжелым деревом. Я поспешил им на помощь, и здесь я мог без осторожности применить мою голиафову силу. Через несколько минут общими усилиями дерево было поднято и сидело в своей обновленной и удобренной яме. Трудившиеся с деревом очень меня благодарили за помощь, удивляясь моей необычайной силе и ловкости. Они застенчиво попросили меня помочь им поднять еще одну не менее громадную и тяжелую пальму. Я был в восторге от того, что мог оказать помощь, и не в меньшей радости, что впервые был признан ловким. Но новое дерево задержало меня довольно долго, так как пальму надо было еще раскутать от ее чехлов и канатов, обновить ее яму, и все это вместе заняло не менее часа. Я ни на минуту не забывал своей главной цели: найти скорее И. Но в это утро все было против меня, все меня задерживало.

Не успел я, напутствуемый тысячами благодарностей и благословений садовников, выйти на площадку для игр, как услышал у красивого сарая для хранения игральных принадлежностей жалобные стоны и причитания старенького сторожа. Оказывается, он хотел открыть ворота сарая, загнанные ветром глубоко внутрь, не рассчитав своих сил, упал, опрокинутый воротами, и сломал себе ногу. Пришлось отнести беднягу в больницу, что было тоже не очень близко.

Боясь причинить боль его сломанной ноге, я нес его на руках, как малого ребенка, что его крайне смущало. По дороге мне встречались люди, предлагавшие взять мою тяжелую ношу, но я помнил, что у всех дела по горло, помнил и наставление И.: "Не бойся тяжелой ноши". Пока я донес бедненького сторожа до больницы и сдал его сестрам, времени прошло немало. Определить, который теперь час, я совершенно не мог. Солнца не было видно, царил серый свет, о котором можно было сказать, что он и предрассветный, и с одинаковым правдоподобием он мог сойти за преддверие вечера, так внезапно здесь всегда наступающего. Зная дорогу на завод только так, как мне рассказал о ней сторож на островке, я теперь, проблуждав по оазису, никак не мог разыскать нужный путь. Юноши и девушки расчищали дорожки и увозили горы песка. У них я расспрашивал о дороге на завод и, наконец, добрался туда.

Еще не доходя до целого ряда больших зданий, я услышал стук молотков, громкие голоса, лязг пилы и громоподобное тащивших огромные двухколесные телеги с песком и еще с чем-то блестящим, что я принял за железные

опилки, но что на самом деле оказалось стеклянным порошком.

У самого большого здания суетилось много всякого народа. Каждый был занят своим делом, никто не обращал на меня внимания, и я не знал, у кого спросить об И. Случайно я поднял глаза вверх и увидел Грегора, стоявшего высоко на узкой деревянной лестнице, у широкого окна второго этажа. Он подавал команду в глубь комнаты, держа в руках какие-то инструменты. Боясь помешать его работе, я его не окликнул, а прошел в широкие ворота завода, думая оттуда пробраться к нему наверх. Меня остановила женщина, предупреждая, что в ночь произошли большие повреждения в стенах и крыше завода, что сейчас поднимают новые куски для заделки брешей и проходить небезопасно. На мой вопрос об И., она улыбнулась и, выведя меня вновь наружу, подвела к такой же узкой лесенке, на какой я видел Грегора, ведущей к верхнему балкону. Женщина объяснила мне, что по этой лесенке, через балкон, я попаду в зал, где работает И. То, что женщина называла балконом, было на самом деле довольно широкой галереей, опоясывавшей все здание с этой стороны. И лесенка, по которой я поднимался, принятая мною за деревянную, оказалась стеклянной. Я влезал по ней вверх, несколько сомневаясь, выдержит ли она мой голиафов вес, так как она имела вид изящной детали украшения, а не предмета для подъема таких тяжелых и громоздких тел, как мое.

Как бы то ни было, сомнениям моим суждено было кончиться очень скоро, потому что я благополучно достиг галереи. Не успел я на нее взобраться, как сразу ощутил прохладу по сравнению с жарой внизу и услышал голос И.:

— Ты бы, Левушка, еще дольше собирался, — смеялся он, видя, как я опешил, что не могу отыскать его среди хаоса нагроможденных кучами стеклянных кирпичей самых разнообразных размеров. — Сюда, сюда, там ты или сам провалишься, или провалишь еще незакрепленные куски в полу и стене, — кричал мне И. И я наконец увидел узкий проход, в конце которого стоял. И.: в одежде туземца, распоряжаясь и лично помогая нескольким рабочим в такой же одежде укладывать кирпичи в зияющие бреши пола и стены. — Одевайся скорее, вот одежда. Мне нужны точный и верный глаз и очень сильные руки, — продолжал он, снова смеясь, видя, как я превратился буквально в Левушку, "лови ворон".

Боже мой, до чего же И. был прекрасен! Если в первые дни знакомства я хотел возложить на его голову венок из цветов и видел в нем греческого Бога, то сейчас моя душа наполнилась благоговением и восторгом. Все я мог себе представить. И., спасавшего людей во всяких обстоятельствах, с

риском для своей собственной жизни, вплоть до чудесного спасения в ночь бури гибнущего каравана! Но И. в одежде туземного рабочего, ворочающий камни, полунагой, измазанный глиной или каким-то серым порошком... и все же он был прекраснее всего, что можно было вообразить себе среди живых земли.

Мигом переменив свое платье на короткие панталоны и блузу, я занял указанное мне рабочее место и, под команду И., с одной стороны, и команду Грегора — с другой, помогал рабочим аккуратно и точно укладывать стеклянные кирпичи.

Много времени прошло в напряженной работе, но зато бреши в стене были заделаны полностью, а в полу оставались еще большие дыры. От кирпичного хаоса не осталось и следа, когда раздался рожок и И. приказал всем окончить работу и отправляться приводить себя в порядок, готовясь к обеду. Весело шла работа, еще веселее все понеслись в душ. К нам пришел Грегор, откуда-то с крыши слез Василион, и все мы вместе закончили кое-какие мелкие и несложные штрихи в работе.

И., никогда и ничего не упускавший из вида, задержался несколько, чтобы указать Грегору, как закончить важные детали в полу, чем я воспользовался и сбегал в замеченный мною внизу душ. Мигом приведя себя в порядок, я возвратился наверх, отыскал платье И. и, подавая ему его, сказал:

— Яссы нет, Учитель, разреши мне напомнить, что пора переодеваться, звучит второй рожок.

И. весело смеялся и уверял, что никак не ожидал, чтобы оазис матери Анны привел меня в такую дисциплину. Грегор и Василион проводили И. в свою ванную комнату, находившуюся тут же, возле мастерской. Через самое короткое время мы шагали по саду и с ударом колокола вошли в столовую. Здесь не только не было уже никаких следов пребывания больных и раненых, но все так блестело и сверкало, точно все заново вымыли и покрыли блестящим лаком. Мать Анна показалась мне и моложе, и еще обаятельнее в своей сияющей вуали и чудесном белом платье. Пригласив нас за свой стол и указав всем нашим друзьям их прежние места за соседними столами, мать Анна заняла свое обычное место, приказала подавать кушанья и обратилась к И.:

— В твоем присутствии, Учитель, все идет чудодейственно. Никто из тяжело изувеченных не умер. И даже мать с двумя детьми, которых откопала собака в песке пустыни, как и сама собака, живы, хотя никто из нас не надеялся спасти их жизни.

Только данная тобою капля жидкости спасла и мать, и детей, и

животное. Кроме того, наиболее ценные деревья и оранжереи, укрытые по казанному тобою способу, уцелели. Нам не грозит голод. Спасибо тебе.

— Голод вам не грозит, мать Анна. И главное, караван с зерном и мукой, а также с новыми удобрениями, которые дадут вам возможность обработать орошенный вами кусок пустыни под пшеницу, благополучно достиг Общины Раданды, как я получил об этом сведения, — ответил И, — Али посылает твоему оазису и новую породу ослов, чрезвычайно выносливых, и машины, вроде нескольких соединенных плугов, которые глубоко вспашут пустыню. Караван, услышав колокола-набаты Раданды, поспешил к его Общине и не понес никакого урона ни в людях, ни в животных, хотя пережил тяжелый час бури в пустыне. Едет к тебе и агроном, оказавшийся мужественным и отважным человеком. Благодаря ему, его личной помощи вся поклажа на бесновавшихся животных уцелела.

Я был потрясен. Ведь во время моего сна я живо, ясно видел белого человека, на вид ирландца, сидевшего на шее огромного животного, бесновавшегося, ревавшего, несшего вьюки и извергавшего пену изо рта. Белый человек гладил шею животного, стараясь передать ему свое спокойствие. Я сам бросился ему на помощь и ввел верблюда, уже ничего не соображавшего и не видевшего ворот, охваченного ужасом.

Что же это такое? И. снился точно тот же сон?

И. посмотрел на меня, улыбнулся, сверкнул своими юмористическими искорками глаз.

— В духовной мощи человека — все «чудеса», Левушка, и все сны сбываются тогда, когда мощь духа и сердца равны. Признать часть науки и отрицать ее вывод может только невежда. Если человек пошел по дороге знания, он не должен поддаваться суеверию или останавливаться на полпути только потому, что ему кажется «невероятным» то или иное из действий или событий, им наблюдаемых. Как сон Яссы, когда ты видишь спящим его тело и не видишь его трудящегося сознания, так и твой сон, когда ты не видишь своего физического тела, не помнишь работу сознания, — не зная, что и как делало тело, спало ли оно или было дано тебе в новой, еще тебе пока непонятной форме, — все это только маленькие этапы к великому знанию.

Есть разные пути. Одним сначала объясняют, точно указывают, и тогда они действуют. Другим ничего не объясняют, как действовать. Они духовно готовы. Лишь высшее их сознание и действия в нем не спускаются в их физическую орбиту жизни, и потому они не сохраняют в своей памяти работы сознания на высших мирах. Выведи сам следствия из всего, что я тебе сказал, вспомни точно свой «сон», отчего ты проснулся — и ты не

будешь нуждаться в моем подробном объяснении. Не один раз ты уже видел помощь, невидимую для других. Тебе стоит припомнить ночь бури на Черном море, образ Флорентийца, которого ты видел, но не видел его капитан. И, по всей вероятности, многое из пережитого и виденного тобою раньше ты теперь поймешь и воспримешь по-другому. Но сейчас — кушай. Учи урок полного внешнего самообладания, хотя бы внутри бушевала буря.

Ответ моего дорогого друга и Учителя действительно поднял в моем сознании целую бурю вопросов, удивительно острых и недоуменных. Я почувствовал крайнюю необходимость получить ответ на них немедленно, с одной стороны, и тут же, сразу, как бы молниеносно сообразил, что должен сдать урок полного самообладания, с другой. Оба эти мои противоположные чувства — немедленно привести все в ясность и ждать, пока настанет для этого возможность, — утонули в совершенно новом счастье: я понял, что мой сон был не сном, а реальностью, где я трудился с И. и Яссой. Но как? Как могло это быть? Я не мог взять в толк, только всем существом знал, что это было действительностью.

Все это, как хаос в пустыне, пронеслось во мне в одно мгновение, и над всем возносилась одна задача: задача текущего «сейчас», в которое я должен выполнить урок полного самообладания. Мысленно сложив к ногам И. свое огромное благоговение, я сделал усилие, собрал внимание и начал жить жизнью окружающих меня людей. Лица туземцев, в огромном большинстве, носили следы тяжелого утомления. Многие были ранены, с перевязанными руками и ногами. Кое у кого повязки были на головах и глазах. Как я узнал потом, несколько человек были очень тяжело ранены бесившимися животными, которых удавалось вводить из пустыни под крышу только благодаря листьям И. Обезумевшие верблюды и несколько слонов не слушали даже самых опытных вожаков.

Из присутствовавших в зале, сегодня гораздо менее многочисленных, чем обычно, весьма немногие были склонны к разговорам. Царила тишина, почти равная тишине трапезной Раданды. Лица были сосредоточенны, решительны и мужественны, но суровости в них не было. Я так же, как и в первый раз, ощущал льющие вокруг доброжелательство и удовлетворенность как две главные волны эманаций присутствовавших людей. Ничего похожего на протест или возмущение пронесшейся бурей, принесшей столько скорбных событий оазису, здесь не было. Точно каждый из присутствовавших был мудрецом и вливал мудрость и культуру сердца в общий чан любви.

Неожиданно для меня встал И., и его чудесный бодрящий голос полился, точно свежая струя. Никогда еще не ощущал я так сильно прилива

бодрости и радости от этого голоса.

— Я обещал вам, мои друзья и дети, переговорить с вами о задачах вашей жизни среди современного вам человечества. Это обещание я дал вам накануне той ночи, когда разразилась буря. Я призывал вас к мужеству и сохранению полного самообладания. Что значит полное самообладание в страшные минуты? Это значит сохранение полной трудоспособности организма. Это значит иметь такую силу верности, чтобы тушить волнение трудящегося рядом и даже вливать ему мир и уверенность. Сохранили ли вы силу самообладания в эту ужасную ночь? Были ли вы до конца мужественны и преданны вашему общему делу, тому строительству и утверждению жизни, к которым готовила, воспитывала и звала вас мать Анна?

Ответили ли вы героическим напряжением всех ваших сил в наступивший момент испытания, когда надо было действовать, а не колебаться?

И. сделал маленькую паузу. Сам он походил на Божью грозу по той силе и сиянию, что наливали волнами, шедшими от него, весь зал. А люди, слушавшие его стоя, с благоговейно сложенными руками, глядели в его лицо, точно глаза их были прикованы к этой силе. Они как бы окаменели, ожидая его решающего слова об их поведении. У меня мелькнула мысль, что так, вероятно, должны ждать люди решения своей участи в последний час вечного суда.

— О да, вы выполнили задачу вашего текущего страшного мгновения. Решающий час борьбы вы перелили в час Творящей Жизни. Вы защитили оазис, вы утвердили Жизнь.

Как тих, как нежен был голос И. в этих последних словах. Если бы не та мертвая тишина, в которой он раздавался, пожалуй, трудно было бы его услышать.

И вдруг, точно ворвавшийся стон бури пролетел по зале, так мощно вырвались благословения из груди многочисленных слушателей. Боже, как изменились лица людей! Такие за минуту до того напряженные, они сияли сейчас счастьем и радостью, какие я наблюдал только у безмятежно счастливых людей.

— Все что могло в эту ночь ответить задаче текущей минуты, все было мужественно, боролось любя, победило любя и достигло утверждения Жизни на земле. Моими устами все Светлое Братство шлет вам свой поклон и привет благодарной радости. Вы разделили его труд и пронесли на землю, выполнили на ней Его задачу. Будьте благословенны! Проявленными мужеством и отвагой вы слились с огромным количеством

невидимых помощников, которые могут теперь ближе и легче помогать вашим трудам, так как в эту ночь, бесстрашные, вы стерли грани условностей между собою и ими. В каждое воплощение каждый духовно развитой человек несет в себе ту или иную задачу, а иногда и несколько, смотря по тому, сколько талантов ожило в его костре сил и какие из них перешли в творческие аспекты Единого. Первая, наиважнейшая грань условности, мешающая развиваться талантам человека, — страх.

Вы не только его победили, вы раскрыли мужество и отвагу как действия, где вы забыли о себе и думали только о родине. Благо вам! Переступив эту первую грань, вы должны идти дальше. Вы знаете, что Жизнь есть Вечное Движение, в котором никто и ничто не может остановиться. Люди, достигшие бесстрашия, уже не могут жить в одной узкой полосе пути, пути личного созревания и совершенствования.

Они, как маяки, должны быть привлекающим огнем в единении людей. Ваш час настал.

Многие из вас оставят свой любимый оазис, где они думали провести всю жизнь и лечь рядом с отцами и дедами в песок пустыни, под шелест могучих пальм. Вам — тем из вас, в ком созрело мужество, настал час покинуть этот кусок земли. Кто готов героически отречься от тишины и красот природы, от радостей простой и чистой жизни в любимом поэтическом месте земли, кто может жить во всей вселенной, видеть в ней не места и людей, но пути вселенной к Единому и его труду, — те уедут отсюда со мною. Уедут прежде всего в Общину Раданды, о которой они слышали. Там увидят иную моду условного приспособления к внешнему общению с людьми. Со мною же они уедут в оазис Дартана, где будут наблюдать еще одну моду внешней и фазу внутренней жизни людей, и тогда уже отправятся в Америку, к Великому Учителю Флорентийцу. Там, усвоив внешнюю культуру передового народа, они внесут в нее весь огонь своей верности, всю глубину чести, благородства и честности, всю высоту духовных знаний и освобожденность в единении с людьми, в которых вы закалились здесь, под руководством матери Анны. Я счастлив, что среди всех собравшихся здесь людей не нашлось ни одного сердца, которое страдало бы от мысли, что надо покинуть все родное и привычное и отправляться на край света вносить свои действия любви и мира на благо людей. Готовьтесь же, друзья мои, к далекому путешествию. Одним из вас суждено больше не вернуться сюда, иные возвратятся седыми стариками, но с сердцами такими же юными и чистыми, с какими покинут родину. Они принесут сюда ту повышенную внешнюю культуру, которую усвоят в дальних странах, чем придадут еще большее значение в мировом движении

человечества своему оазису. Вашему небольшому безвестному островку, затерянному среди зыбучих островков пустыни, суждено играть роль духовной лаборатории в переживаемый вами момент эволюции мира. Вашим потомкам суждено быть первыми пионерами новой расы, высоко одаренной психическими силами, которую готовит Жизнь на смену сходящей с исторической сцены, ныне еще цветущей расы. Мужайтесь же. Творите любви и радости ваш день и не отходите от единения со всеми невидимыми помощниками, труд с которыми для вас отныне будет так же ясен и легок, как и труд с живыми земли. Небо и земля для вас — едины. Вечером мы еще раз поговорим с вами, а завтра в ночь уедем в Общину Раданды. Буря к тому времени окончательно уляжется. Сегодня идите заканчивать приводить оазис в полный порядок, чтобы к моменту отъезда уезжающие оставили его таким же великолепным и в таком же порядке, как он был до бури.

Радости присутствовавших я описать не берусь. Все повскакали с мест, обнимали друг друга, прыгали, смеялись, точно отмечали день великого праздника. Зал быстро опустел, остались только наши друзья, лица которых выдавали их внутреннее волнение.

— Благослови нас, дорогая мать Анна, на продолжение труда, — обратился И. к матери Анне.

Лицо матери Анны сейчас поразило меня. Я подумал, что до этой минуты вовсе и не понимал, кто такая мать Анна. Не живое ее лицо, которое быстро обернулось ко мне, когда я крикнул "Анна!", я видел сейчас перед собой. Это — как мгновениями у Раданды — был древний лик слоновой кости, с иконы незапамятных времен. Что-то столь мужественное вышло на поверхность этого лица, что заслонило собой и доброту, и женственность, и обычную ласковость этой женщины настолько, что можно было принять эту голову за голову мужчины.

— Бог благословит, Великий Учитель. Ты ведь хочешь не только окончить чинить завод, но и познакомить твоих близких друзей-учеников со старейшинами моего оазиса и их лабораторией, — тихо ответила мать Анна, и даже голос ее показался мне несколькими нотами ниже обычного, точно отзвук какого-то неземного колокола был ему фоном.

— Ты угадала, мать Анна, сегодня в первый раз за все время уединения в твоём оазисе Владыки его должны войти в общение с белыми людьми, присланными к ним Светлым Братством. Как ты знаешь, таких свиданий хранимым тобою Владыкам предстоит семь, и только тогда они и ты освободитесь от труда земли. Я обещал тебе сказать об Анне. Сегодня, в начале ночи, я скажу тебе о ней. Сейчас же прибавлю только одно: не жди

себе смены в ней. Ее верность поколебалась, а ты сама знаешь, что хотя бы раз усомнившийся, хотя бы раз отдавшийся личным чувствам и их владычеству над собой после того, как был призван к служению Эволюции Вечного, не может быть тебе преемником... Сейчас мы уйдем работать. На заводе дела, самого необходимого, где нужно мое руководство, не более чем часа на три. Благоволи зайти за нами к этому времени и проводить нас к Владыкам. Я возьму всех своих учеников с собою.

— По воле твоей, Учитель, быть, — снова тихо ответила мать Анна, и снова в моих ушах точно прогудел какой-то колокол вселенной.

Глубоко погруженный всем вниманием в речь И. и его разговор с матерью Анной, я только теперь, когда мы вышли из круглого зала и молча шли все вместе И. на завод, имел возможность посмотреть пристально на моих дорогих друзей, которых я только мельком видел в ночь бури.

Как все они изменились! Я не сказал бы, что кто-нибудь из них постарел за одну эту ночь. Но на лице каждого появилась новая решительность и зрелость, как будто бы ночь бури вырвала из их сердец полное бесстрашие и утвердила их в нем. Я читал в них новое понимание слитости данного «сейчас» со всей Вечностью и неотделимость каждой текущей минуты от Жизни всей вселенной.

Лица моих друзей и всегда, сколько я их знал, был мужественны. Но теперь я наблюдал на них как бы отражение некоторой части силы лица И. Как будто только сегодня они, через свой бесстрашный труд ночи, смогли слиться с ним гораздо теснее.

Вскоре мы были на заводе и погрузились в горячую работу, причем не только нам, но и Наталье Владимировне И. нашел подходящий и полезный труд. Сам же он, хотя и не переодевался в рабочий костюм, но руководил всем, и голос его раздавался в самых неожиданных местах, всюду выправляя малейшие заминки и рассеивая недоумение.

Я работал рядом с Бронским и Игором. Все мы под команду Грегора и самого И. усердно и очень аккуратно укладывали подносимые нам кирпичи. Работа была тяжелая, так как приходилось поднимать и прилаживать кирпичи огромной величины и веса, и меня то и дело отрывали во все стороны, где была нужна особенно большая физическая сила. Я был счастлив оказывать всем помощь и не скрою, что довольно гордился своей репутацией «силача». Для меня самого это свойство было так ново, что я, спеша куда-либо на помощь, все еще сам опасался, не убежала ли моя голиафова силушка.

Пот лил со всех нас градом, времени мы не замечали, нам казалось, что прошло едва полчаса, поэтому мы обомлели, когда раздался голос И.:

— Ну, терпеливые мои работники, теперь все ответственное сделано. Остальное сделают и без вас. Важно было сохранить машинное отделение так, чтобы ничто не нарушило хода машин. Скоро придет за нами мать Анна.

Когда груды стеклянных кирпичей легли на должные места и туземцы, все время убиравшие мусор в зале, почти очистили помещение, я увидел несколько огромных ящиков, привязанных канатами к кольцам в полу. Я понял, что это были какие-то ценные машины, укрытые Грегором и Василионом во время бури от песка и ветра.

Канаты, державшие ящики, проходили через пол в нижний этаж и там тоже крепились к кольцам в полу.

Как ни быстро мы приводили себя в порядок, все же мы пришли позже матери Анны, которая сидела между И. и Натальей Владимировной и разговаривала о чем-то с горячо спорившей, как мне показалось, Андреевой. Я услышал только последние слова матери Анны:

— Еще долго будет вам труден путь земли и работа на ней, мой друг, потому, что земля, в каком бы месте ее Вы ни жили, требует развития всех приспособлений человека, если он идет по ней носителем духовных откровений. Нельзя иметь в сердце Божественную доброту и — при ней — не развить до такого же масштаба в себе приспособления такта. Нельзя владеть огненной силой духа и не развить в себе приспособлений для полного понимания сил и характера встречного, чтобы всегда знать точно, до какого предела Вы можете и должны вовлечь его в свой огонь силы. Нельзя прикасаться к жерновам мельницы Бога иначе, как пронося в перемолотом виде все дары Истины людям. Если подать непонимающему самое заветное Сокровище, он может умереть от неумелого обращения с Ним, не принеся пользы ни своему окружению, ни себе. И даже в развоплощении он может пострадать, так как поймет, оставив тело, чем владел, и от раскаяния и сожалений задержится в мире страстей гораздо дольше, чем сделал бы это, даже ничего не зная. Приспособления бдительности внимания не имеют ничего общего с трусливой возможностью, как Вы поняли вначале мои слова. Но я думаю, что знакомство со старейшинами моего оазиса даст Вам больше, чем кому-либо другому. И Вы на деле поймете весь вред, приносимый людям земли и созданиям надземных миров отсутствием полного самообладания в человеке, одаренном развитыми психическими силами, если Жизнь посылает его Своим гонцом.

— Готовьтесь, друзья мои, — обратилась мать Анна ко всем нам, — к одной из величайших встреч вашей жизни. Те, кого вы увидите, сошли с

иной планеты на Землю в незапамятные времена по счету и понятиям Земли. Вам не дано пока знать об их жизни. Все, что я могу сказать вам о них, — что они вместе со мною были вывезены Радандой из тайной Общины, где их укрыл спасший их Али, тогда еще юный мальчик, по приказанию своего Учителя. Старейшины, или, как их называет Учитель И., Владыки оазиса, кончают здесь свои обязательства Земле. Вы слышали, что сегодня состоится их первое свидание с белыми пришельцами. Вы начинаете ряд их свиданий, которых всего должно состояться семь, и тогда они освободятся от обязательств перед Землей, и я вместе с ними. Я — тот гонец, которого выбрала Жизнь возвестить Владыкам ваш приход — начало их освобождения. Вы — те гонцы, что выбрал Учитель И., чтобы передать в широкий мир результаты их трудов первого кольца. Учитель И. — тот гонец, кого избрало все Светлое Братство, все Великие Сущности, для проведения новых задач культуры духа, сердца и материи в серый день, в земную атмосферу условностей времени и места. В Учителе И. развиты все его приспособления, ибо все аспекты Единого ожили в нем; поэтому для этой великой миссии он и избран Светлым Братством. И один единственный закон держит всех нас в высокие и мелкие моменты труда и действий: закон верности. Ныне, в этот важнейший момент, соберите ваши силы духа, мысленно вознеситесь и прильните ко всему самому высокому, что знаете, и, утвердись в верности, помните: нет чудес, есть та или иная ступень знания. Вы не в мир сказок и чудес войдете, но в мир величайшей реальности. Читите Вечность, протекающую в этот миг.

Мать Анна сошла вниз и пошла рядом с И., к зеленой стене оазиса. Стена отстояла довольно далеко от завода, шли мы быстро не менее двадцати минут. Странно было здесь видеть игру проходивших ночью ураганов, оставивших неприкосновенным довольно большой кусок стены. Рядом было все исковеркано и изломано, а на большом протяжении даже цветы на высоченных деревьях цвели, и их гроздь показались мне среди общего разорения еще роскошнее и ярче.

Я не мог понять, куда же ведет нас мать Анна. Мы подходили уже к самой стене, и дальше идти было некуда. Как вдруг я увидел, что И. открыл перед нею нечто вроде калитки, точно так же плотно и незаметно вделанной, как ворота оазиса, в самую гущу кривых стволов стены. Калитка вела в нечто похожее на каменный грот, что на самом деле оказалось туннелем из такого же стекла, из какого был сделан маяк.

Когда мы вышли из туннеля, то попали во внутренний дворик, совершенно очаровательный по цветущим роскошным цветам и царившему в нем порядку. Я видел только на гравюрах испанские патио, но мгновенно

ощутил во всем окружавшем меня какие-то черты древне-мавританского стиля и культуры. Все здесь было не от современности, даже учитывая, что вообще мы были за тридевять земель от цивилизации Европы. Посредине бил фонтан, чистый и высокий, и вода тихо журчала в водоеме. Зеленая стена была здесь двойная, а весь дворик был обнесен еще высокой стеной, сплошь утопавшей во вьющихся цветущих растениях с цветами самой сказочной формы и красоты.

Мне так и думалось, что я в мире грез, несмотря на предупреждение матери Анны.

Очевидно, И. побоялся, что я возвращусь к старому доброму другу Левушке "лови ворон", взял меня под руку, возвращая к действительности. Я вошел в полное внимание.

Теперь мать Анна, не менее похожая на видение из сказки в своей сияющей вуали, шла одна впереди всех и, подойдя к узкой, едва заметной черной резной двери, постучала в нее три раза молотком. Дверь немедленно отворилась, точно нас ждали.

Мы прошли светлую, тоже всю в цветах галерею и очутились в просторном вымощенном дворе.

Здесь было несколько зданий, выстроенных так своеобразно из какого-то непонятного камня, что, если бы не рука И., я обязательно «словиворонил» бы снова.

Главное здание, самое большое, было круглое, со стеклянной крышей, сверкавшей даже сейчас, в тусклом свете. Надо было себе представить ее нестерпимое сверкание при солнечных лучах пустыни. Стены этого здания были белые с тремя широкими черными полосами вверху и четырьмя такими же внизу. Окон совсем не было. По черным полосам шел золотой орнамент, но, быть может, то были непонятные мне надписи.

В отдельных местах двора стояли семь небольших, но высоченных домов, совсем темных, почти черных, однако, из чего они были сделаны, я понять не мог. В них были резные двери такой художественной работы, что они могли бы занять почетное место в любом музее.

Пока я собирался рассмотреть получше ближайший домик, двери всех семи открылись сразу, и из них вышли семь фигур. Бог мой! Я уже видел поразительный рост людей.

Я видел необычайную высоту Флорентийца. Видел высоченного Али, потрясавшего своей высотой, но те, кого я увидел сейчас, только и могли быть великанами из сказки.

И. остановился, остановилась возле него мать Анна, остановились и все мы.

Фигуры, одетые так же, как была одета в момент нашего приезда мать Анна, с высокими посохами в руках, сошлись все у круглого здания, выстроились в ряд и молча поклонились нам.

— Добро пожаловать, — сказал на языке пали человек, стоявший в середине, на груди которого висела на цепи пятиконечная сверкающая звезда. — На каком языке можно говорить с твоими учениками, Учитель, чтобы все они понимали нашу речь? — продолжал он, обращаясь к И. — Некоторые из моих учеников знают язык, на котором ты говоришь сейчас, Владыка.

Но если ты желаешь быть понятым абсолютно всеми, то благоволи избрать один из современных европейских языков, — отвечал И. — Хорошо ли будет английский? — переходя на этот язык, ставший, кстати сказать, нашим обиходным, снова спросил Владыка.

— Этот язык хорошо знают все мои ученики. Если благоволишь объясняться на нем, затруднений не будет.

Взяв за руку Наталью Владимировну, И. подвел ее к старшему Владыке и сказал:

— Этот ученик хорошо знаком тебе по иным местам и в иных телах. Сегодня Али посылает его к твоей мудрости и просит тебя обучить его в твоей лаборатории всем оккультным знаниям, о которых он говорил с тобою и которые Светлое Братство нашло необходимым и своевременным вынести в широкий мир... Этот брат, — подводя к нему Ольденкотта, продолжал И., — будет верным спутником первого, земным его помощником в делах и воспитателем его детства. Оба они пройдут новое кольцо жизни в полном целомудрии. Ему дана сила лечить людей, помоги ему своими знаниями и дай те камни, что суждено передать Земле и открыть их на ней как новые вещества в химии. Так судило Светлое Братство... Это — Грегор. О нем я тебе уже говорил. Передай ему новые краски и помоги закрепить их на своих картинах, с тем, чтобы вынести их тайну в мир для широкого пользования. Помоги ему в твоей лаборатории постичь жизненность изображения и новую обработку холста под масло, чтобы сделать и их достоянием масс, а не индивидуальным достижением.

Он должен создать новую эпоху в искусстве... Это — брат его, Василион. Все, что ты ему передал относительно стекла и фарфора через мать Анну, он уже выполнил.

Через него Светлое Братство просит тебя вынести в мир все новые способы обработки, создания цвета и формы стекла и фарфора, а также новой эмали, открытых тобою.

Старший Владыка взял за руку Василиона и поставил перед своим

соседом справа, а Грегора — перед своим соседом слева. Андрееву он оставил перед собой, а Ольденкотта отвел к самому крайнему Владыке слева от себя.

— Четыре устроены, — улыбнувшись, сказал он И. И от этой улыбки точно сверкнул луч солнца. — Еще трое. Что через них?

— Это два носителя печали в прошлом, — взяв Бронского и Игоро за руки, сказал И. — Эти тоже идут вместе. Ныне Светлое Братство ввело их в кольцо носителей радости. Через них должна влиться в мир новая сила воздействия красотой в протекающем во времени искусстве. В твоей лаборатории открой им все тайны творчества Вечности, чтобы могли сразу проникать в новые узлы нервной системы людей, действуя сознательно на огонь толпы слушателей и, видя ясно, как и что привлекает человека в их искусстве. В твоей лаборатории открой им путь к исцелению безумных людей путем звука и слова.

Владыка отвел Бронского и Игоро к двум своим товарищам справа. Седьмым из учеников оставался только я, и только один из Владык, средний с левой стороны, еще не имел ученика.

— Этого ученика посылает тебе, Владыка, Флорентиец. Он просит тебя вспомнить, как неоднократно в течение нескольких жизней на Земле, ты передавал свои щедрые знания оккультных миров нескольким писателям и как все они использовали эти знания на личные свои цели, чем навлекли на тебя и твоих сотрудников толпы мелких темных сил, создавших даже вокруг тебя самого большущее войско со стойкими крепостями. Твои многократные усилия и помощь самого Флорентийца освободили тебя от жуткой связи с темными силами. Но сведения, которым Жизнь судила проникнуть в мир людей в поэтической и литературной форме, остались не вынесенными в толпу. Этот мальчик, на которого ты смотришь сейчас такими печальными глазами, точно читаешь его будущую судьбу среди людей, всегда отрицающих тех великих пионеров, что разрушают их устойчиво сохраняющие быт условности, обладает достаточной силой духа, чтобы не потерять своей радости и не впасть в уныние. Он также несет в себе непоколебимую верность, за которую тебе ручается Флорентиец. Вторым ему поручителем прими меня. Вскрой ему все внутренние пути познания духовного творчества надземных миров и проводи его по всем планам, чтобы понял на опыте всю слитность творящих земли и неба. Его ближайшая подготовительная задача: сорвать с сознания людей все закрепощение в условной религии, в условностях позволенного и непозволенного в ней. Путем могучего дара писателя он должен помочь человеку утвердиться в жизни земли на собственном

стержне чести и бесстрашия. Другие твои сотрудники передадут остальным ученикам все для той же цели раскрепощения человека свои великие знания. И так начнется и создастся первое кольцо передачи части ваших знаний и трудов Земле. Светлое Братство хранило вас, всех семерых Владык, как ему было указано свыше. По сознательной или бессознательной вине, но при активном участии всех семи Владык пострадала, в конечном счете, раса Атлантиды. Ныне наступил новый период приготовления к созданию следующей расы. Всем вам назначен огромный круг из семи свиданий с выдающимися людьми Земли, которые будут выносить накопленные вами знания в мир по частям, как найдет своевременным Светлое Братство. В это первое свидание оно просит вас передать моим ученикам все то, о чем вам сказано вчера. Как только эта ваша задача будет выполнена, одна из черных полос на вашей лаборатории, которые не вами были проложены, но появились, как только вы приступили к занятиям в ней, исчезнет. И это будет значить, что задача ваша выполнена в совершенстве и последний круг вашего освобождения — он же круг вашего последнего служения Земле — начат. Ваше непослушание в далекие времена было началом гибели цветущего государства и одной из одареннейших психически рас. Теперь настало ваше время помогать созиданию новой, освобожденной расы, с не менее сильно развитыми психическими свойствами. Примите привет Светлого Братства и его поздравления и радость о новом вашем — Владык мощи — включении в мировой труд созидания новой расы и ее утверждения на Земле.

Он поклонился самому высокому Владыке, и все семеро ответили ему глубоким поклоном.

— Я сам займусь с твоим учеником, писателем и будущим проповедником освобождения, — ответил Главный Владыка, беря меня за руку и ставя перед собой рядом с Андреевой. — Но, пока я буду занят со своим старинным и буйным приятелем, — указывая на Наталью Владимировну, продолжал он, — писатель будет учиться со знаменитейшим писателем древности, которому давно уже открыты творческие пути многих миров. — И он подвел меня к единственному остававшемуся свободным из семи Владык.

Как только мы все были распределены среди наших новых Учителей, старший Владыка еще раз поклонился И., приглашая его и мать Анну войти вместе с нами в лабораторию, но И. ответил:

— Как у вас есть своя мировая задача и в эту минуту вы служите проводниками Жизни, чтобы зарядить новые приемники для Нее, так и у меня есть задача, полученная от Светлого братства, не терпящая

промедления. Рядом с вами, служа вам проводом для всего, что Светлое Братство поручало ей передать вам, а также через вас этому месту Земли и его населению, равно как и дальним Общинам пустыни, идет мать Анна. Путь ее, хотя и тесно связанный с вами, все же не ваш путь. К ней Светлое Братство направляет меня сегодня. Оставив вам семь моих учеников, я возвращусь с нею на островок, чтобы передать ей ее задачи ближайших и дальнейших дней. Будьте благословенны. Учащие и Учащиеся! Да сойдут мир и усердие в ваш взаимный труд. Перед лицом Живого Бога совершается эта значительнейшая минута в жизни каждого из вас, и начинается величайшая минута новой мировой задачи всего Светлого Братства.

Простившись общим поклоном, И. и мать Анна исчезли в цветущей галерее, и тихий звук закрывшейся вскоре за ними узкой двери сказал нам, что они теперь отделены от нас недоступными для нашей власти препятствиями.

Молчание и неподвижность, точно Владыки стали статуями, длилось довольно долго в этом внутреннем дворе. Тишина, мертвая тишина пустыни — вот что я услышал в первый раз в жизни. Во всю мою жизнь дальше я уже никогда не слышал подобной тишины, хотя много бывал в одиночестве, в самых тихих и пустынных местах.

Владыки все так же стояли, как статуи. Я еще чего не сказал об их внешности, кроме их роста. Цвет их кожи был медно-красный, но очень приятный, матовый, похожий скорее на кость, обработанную в этом цвете, чем на кожу живого человека.

Волосы были у некоторых черные, у других темно-рыжие и у всех спадали до плеч красивыми волнами.

Лица?.. Но их и назвать-то лицами было невозможно. Это были огромные лики, изображавшие собою Древнюю Мудрость. Это были символы, но никак уже не люди. И если, как сказала мать Анна, они пришли на Землю с другой планеты, то ничего не было удивительного, что на Земле они и казались мне символами Вечности.

Боже, как много вопросов снова пронеслось бурей через мою голову. Как хотел я знать об их жизни и делах, но все эти мысли прервал старший Владыка, сказав своим тихим, но таким четким, какой невозможен на Земле, точно стеклянным голосом:

— Войдемте в дом знания, пришельцы. Вы — первые люди за долгое время, которых приказано впустить в лабораторию стихий. Неожиданного в ней для всех вас будет много. Но, входя туда, помните одно: нет религии выше Истины. Истина одна, путей Ее бездна. И вы войдете в дом знаний,

чтобы людям легче было понять, как сбросить с себя владычество вековых условностей и дать возможность Творящему Началу в себе подняться на поверхность. Ни одного обета никто из нас не спрашивает с вас, ибо входите сюда не для того, чтобы молчать, но для того, чтобы говорить людям о новых, входящих в действие массы людей началах жизни.

Если вас сюда привели, значит, вы готовы. Только бесстрашный и чистый сердцем может переступить порог лаборатории стихий. Лжец и лицемер умрет, сожженный на пороге огнем стихий. Вам суждено передать людям новые знания, говорить и писать о них.

Но говорить на нашем языке значит вносить силу, утверждать в действии то, что дерзнул сказать. Каждое слово должно раскрывать слушающему его путь к действию в новом знании. Говоря, оценивайте не только самое знание, как таковое, но ищите новых начал в себе — пробужденных аспектов Единого, которые все раскроются в вас, когда войдете в дом знания. Оценивайте теперь по-новому слово, и только такие просветленно понятные слова ваши взойдут как семена, а не плевелы. По жатве понимайте силу и чистоту собственного посева. Ибо для путей Бога — препятствий нет.

Каждый из Владык взял своего ученика за руку, и двинулись мы за Владыкой-Главой к дверям лаборатории не так, как стояли, а по той очереди, как И. передавал нас.

Поэтому я очутился вновь седьмым и шел со своим Учителем последним.

Глава 26

Лаборатории стихий. Лучи путей человеческих. Их возглавляющие Великие Учителя, Светлые сонмы невидимых помощников, Их труд для человечества земли. Неожиданное видение в седьмом луче

Место, где выстроились в ряд Владыки, оказалось дверями лаборатории. Самые двери ее были, очевидно, или ловко пригнаны к стенам, или открывались особым образом, потому что, хотя они и были высоченными, соответственно росту своих властелинов, но я заметил их только тогда, когда они широко открылись. Открылись они сразу, вызвав треск, точно много мелких электрических батарей разрядилось одновременно.

И — что еще более странно — вокруг всего отверстия, которое образовывали эти двери-ворота, засверкала узкая полоса сине-красного огня, создавая овальную раму.

Я вспомнил слова Владыки-Главы, что лжеца и лицемера на пороге дома знаний сожжет огонь стихий.

Все Владыки шли с левой стороны, правой рукой держа ученика за руку. Так как я был выше всех своих друзей то, хотя шел последним, видел отлично всю внутренность здания. Оно было ярко освещено и вмещало в себе второе круглое здание, сплошь белое, как мраморное, с единственной лестницей, довольно узкой, с огромными и крутыми ступенями. Лестница насчитывала семь этажей, кончаясь в каждом этаже балконом и снова подымаясь вверх. Лестницы все были прямые, а балконы опоясывали все здание. Окон и в этом также не было.

Хотя мой новый Владыка-Учитель был не из самых огромных, но я приходился ему едва выше пояса и, держась за его руку, чувствовал себя совершенным ребенком. Он немедленно прочел мою мысль и молниеносно ответил мне на нее улыбкой, слегка пожав мою руку. Так много теплоты и дружелюбия было в его улыбке и пожатии, что я перестал чувствовать всякую неловкость первых минут знакомства и в моем сердце сразу все встало на свое место. Единственное, во что я весь погрузился, — в понимание великой задачи, перед которой я стоял. Я молил Великую Мать и Флорентийца поддержать меня в эту величайшую минуту жизни, чтобы суметь вынести во всей чистоте сердца новые знания для моих братьев-людей.

Еще одно нежное пожатие моего Учителя-великана дало мне понять, что он снова прочел меня насквозь, и помогло моей сосредоточенности еще более углубиться.

Владыка-Глава, подняв руки вверх, произнес какие-то слова на совершенно не известном мне языке. Он держал руки поднятыми до тех пор, пока огонь рамы не сконцентрировался в большой шар в самом верху дверей, а затем сложился там же в чудесную пятиконечную звезду, сверкавшую такими невообразимо чудесными красками, каких мой глаз не мог себе представить существующими на земле.

Все Владыки стали на колени и запели гимн. Не могу сказать, что именно так подействовало на меня в эти минуты. Сияние ли необычайной звезды или потрясающая гамма звуков, стеклянно-прозрачных, неземных, далеко не человеческих голосов, или же сам гимн, музыка которого не имела ничего общего со всем мною слышанным до сих пор на Земле; но я пал на колени и еще раз пережил то состояние блаженного небытия, в котором я очнулся в часовне Великой Матери. Я точно видел сразу всем сознанием, видел все насквозь, видел через толщу грозной двойной башни стихий всю пустыню, всю землю, все небо, — и все было населено живыми существами, посылавшими нам свои благословения, мир и помощь.

Я увидел Флорентийца, благословлявшего меня широким крестом, я услышал его голос:

— Прижми к сердцу мой черный камень. Если сердце твое чисто, все зло, совершенное людьми, им несправедливо владевшими, закончит свое существование. Его сожгут огни стихий, а самым злым будет легче проходить свои страшные ступени искупления, если сердце твое подберет их слезу, а уста произнесут за них мольбу.

Мужайся, сын мой, входи в бесстрашии и благоговении. И то, что вынесешь отсюда, перестанет быть тайной, только как твои знания и действия. Но самый факт, где взял ты свои знания, кто посвятил тебя в них, ты должен хранить в полной тайне до тех пор, пока не укажу тебе открыть ее людям.

Владыки кончили свой гимн, встали с колен, и звезда снова слилась в шар, а шар разлился огненной рамой по всей двери. Как только вся рама засветилась, Владыка-Глава, держа за руку Андрееву, переступил порог, а вслед за ним вошел в здание Ольденкотт со своим Владыкой. Хотя Владыки были худы, но так громоздки, что только двое могли одновременно подниматься по относительно узкой лесенке друг за другом.

Владыка-Глава, поднявшись на первый балкон-галерею, сейчас же открыл дверь первого этажа и скрылся в ней с Андреевой. Второй Владыка

дошел до второй лесенки и скрылся с Ольденкоттом во втором этаже башни. Так постепенно все Владыки вводили своих учеников в свои этажи дома знаний. Последними поднимались Бронский и я.

По мере того, как мы поднимались все выше, зрение мое все больше меркло, и, когда мой Владыка подвел меня к своей двери, я видел уже только своими обычными физическими глазами. Дивное состояние полного зрения насквозь, когда я видел не один крошечный кусочек места Земли и света в ней, но всю вселенную, и понимал, что живу в Свете Жизни, теперь исчезнувшее, оставило во мне впечатление, точно я стал совершенно слепым. В первый момент это ощущение слепоты показалось мне печальным, но тут же я вспомнил слова И. который был уверен в моей устойчивой радости, я улыбнулся моему новому Учителю, который все продолжал держать меня за руку. Он обратил мое внимание на то, что над нами возвышался еще один балкон и лесенка вела в самую высь купола, который так нестерпимо сверкал снаружи, даже в том сумеречном свете, что оставила после себя буря.

Когда я поглядел на крышу изнутри, она показалась мне не только не сверкающей, но даже матовой и непрозрачной. Но решить, в действительности ли она такова или это результат моего ничтожного зрения, я не мог. Целый ряд вопросов замелькал в моей голове: что представляет из себя восьмой этаж? Не маяк ли здесь, вроде того, на каком я провел ночь бури с И. и матерью Анной? Или там какие-нибудь мастерские? Или общий зал отдыха Владык?

Мой Владыка улыбнулся всем моим мелькавшим мыслям, как улыбаются детям. Я уже перестал поражаться его разговору, в котором он не нуждался в таких приспособлениях, как слова, и почтительно выслушал его ответ:

— Наверху обсерватория. О ней позже. Войдем в мой зал. Сохраняй полное спокойствие. Тыходишь в мир новых идей. Эта комната для тебя — самый священный храм, в каком ты мог быть на земле, в своем физическом теле.

Он открыл — я не заметил как — дверь, она отодвинулась бесшумно в сторону, и мы вошли в большую круглую, залитую ярким светом, как солнце пустыни, комнату. В первое мгновение, быть может, от чрезвычайной яркости освещения, которое несколько ослепило меня, комната показалась мне как бы пустою. Только привыкнув к освещению, собранному под самым потолком в несколько светящихся шаров, на которые просто глазами и смотреть было нельзя, я заметил, что в комнате много узких больших столов, чрезвычайно высоких по моему росту и

необыкновенно низких по росту моего Владыки.

Я мог хорошо видеть все, что было на столах, так как они приходились мне ровно по плечи. Но если бы я захотел работать за таким столом, пришлось бы мне карабкаться на какие-либо подставки.

Осмотревшись, я увидел, что весь зал заполнен не только столами и круглыми табуретами к ним, но по стенам, выложенным плитами из какого-то металла, блестящего, как золото, висит очень высоко множество стеклянных шкафчиков самого разнообразного размера и формы. В них стояли и лежали всевозможные пробирки, инструменты, пузырьки и еще много предметов, каких я никогда не видал и даже не знал слов для их наименования.

Каждый шкаф, каждый стол и столик, каждая полка с книгами, которых тут тоже было немало и размеры которых говорили, что они только и могли служить людям роста и сил Владыки, — все носило надписи столь необычайного письма, что я вздохнул и окончательно присмирел. Если меня подавляла разнообразием своих языков комната Али, то что же сказать об этой комнате? Здесь и жизни не могло хватить, чтобы только запомнить, где лежат предметы и книги в этом храме науки, где — на мой рост — в одной комнате была, по крайней мере, трехэтажная высота. Мне было досадно, что из такого высокого пункта, как седьмой этаж лаборатории, который превышал маяк, я не могу увидеть пустыни и узнать, что делается во внешнем мире.

Владыка улыбнулся, провел рукой по моей голове и глазам, коснулся моего лба между глаз, моей шеи у самой груди-и я вдруг увидел не то что сквозь стены, а точно стен и вовсе не было. Вся пустыня, еще взъерошенная, но уже тихая, без воя ветра и пыли, лежала передо мной. Мне не надо было поворачивать головы назад или в стороны, я видел не только глазами, но всем сознанием. И не одну голую пустыню видел я. Я ощущал в ней, за ней и под нею Жизнь. Я видел, что все — Свет. И Свет лился не только на все видимые предметы, но он шел и от них во все стороны, связывая все между собою светящимися нитями, независимо от того, были ли это существа одушевленные или неодушевленные. Только нити первом случае были ярко-красные, во втором — сияюще-голубоватые, напоминавшие лунный свет.

Я увидел среди общего Света и Общину Раданды, и оазис Дартана, и светящиеся фигуры Флорентийца и брата Николая, стоявшие рядом и посылавшие мне свои благословения. Я ощущал себя слитым со всей вселенной, и блаженное чувство неизмеримой радости охватывало меня. Владыка еще раз слегка коснулся моей головы, зрение мое возвратилось в

рамки нормального человеческого, и я опять почувствовал себя нищим, заключенным в темницу...

Попривыкнув к необычайной яркости освещения, освоившись, что мне приходилось двигаться среди общества ножек от столов и табуретов, а для того, чтобы положить руки на стол, требовалось некоторое напряжение, я перенес все свое внимание на моего Учителя.

Заметив, что я освоился со своим положением малого ребенка в комнате великана, Владыка подвел меня к одному из самых высоких и широких столов. Не успел я даже сообразить, в чем дело, как уже сидел на высоченном стуле, посаженный на него моим наставником. Если бы я сажал трехлетнего ребенка, то это заняло бы у меня больше времени. В его руках я точно не имел вовсе веса: вроде пера, которое переключивают с места на место на своем письменном столе.

— Здесь ты видишь несколько аппаратов, которые еще не известны на земле. Не думай, что их изобрел я. Они поданы моему сознанию из высших миров. Их творцы соединили силы природы так, чтобы стихии планеты Земля могли проявиться на ней как ряд новых физических явлений, химических элементов и психических свойств.

Наблюдая мою работу за этим столом, раз и навсегда уничтожь в себе предрассудок разделенности в труде между небом и землей. Не менее трудная задача стоит перед тобой, чем та, что дали мне братья мои — Владыки мощи, выше меня стоящие. Моя задача состояла в том, чтобы приспособить одно твое сознание к пониманию части тех новых откровений, что Светлое Братство признало своевременным послать на землю. Для этой задачи я должен был развить в себе целый ряд новых приспособлений, так как твое и мое сознания должны слиться в полной гармонии, чтобы творить с пользой для миллионов сознаний Земли. Тебе же придется перескочить через целый век, опередить твоих братьев Земли и вынести — в своем таланте — в массы много новых идей. Для этого тебе самому надо не только вскрыть в себе новые пути сознания; тебе надо еще выработать целый круг совсем новых приспособлений, чтобы суметь влить в массы людей силу Света, предназначенную не только для разрушения старых предрассудков, что легче, но и для созидания иной, раскрепощенной психики свободного и могучего нового человека, что составляет одну из труднейших задач. Ты видишь, сколько слов мне пришлось наговорить тебе для самой простейшей из твоих задач. Посмотри сюда, и ты увидишь точно, в одном мощном аккорде, работу развоплощенного человечества, Владык стихий и Братьев мощи. Вся картина дальнейшей жизни человечества предстанет перед тобой в этом

маленьком аппарате...

Мой Учитель пододвинул меня на моем огромном стуле — опять-таки так, как будто и стул, и я были невесомыми перьями, — ближе к аппарату, который он назвал маленьким, но на который я смотрел с опаской, такой башней он мне казался.

Правда, он много не доставал до потолка, тогда как на других столах приборы почти упирались в него. Учитель притронулся, к шнуру, вложил его в стеклянную головку в стене, и немедленно по всей башне побежали огни всех цветов. Внутри башни лежал, как мне показалось, стеклянный шар, но Владыка сказал:

— Этот шар — миниатюра Земли. В нем живут все свойства, которые будут открыты учеными планеты в течение семи предстоящих кругов ее движения в вечности. Смотри сюда. В живой картине на стене перед тобой пройдет вся история Земли до этой минуты и далее потечет та часть жизни человечества, пионером которой в поэзии и литературе тебе суждено стать.

Владыка произнес какие-то слова — думаю, что они походили на те, какие произносил Владыка-Глава внизу у дверей лаборатории, — и на самом верху стены, у того места, где он стоял, вспыхнуло несколько красных пятиконечных звезд. Тогда он ударил по золотой поверхности стены — но, быть может, она только сверкала, как золото, — раздался удар такой мощи, что я едва не упал со своего стула. На стене появилась дымка, точно клубящийся в горах туман с красноватым оттенком.

Когда он рассеялся, я увидел огромное количество светлых образов, прозрачных, как бы сотканных из светящейся материи, сохранявших человеческие формы, трудившихся над шарообразными кусками более плотной, чем они сами, материи.

Светящиеся фигуры вкладывали в эти шарообразные формы материи по куску Огня Вечности, трепетно сиявшего внутри каждой формы.

Владыка снова ударил по стене своим молотком (нежно выражаясь), что равнялось, в нормальном человеческом понимании, пудовому молоту. Картина вновь застлалась туманом, и когда он рассеялся, я увидел более ясно очерченные и более плотные человеческие фигуры, такие же лучезарные, несшие шарообразные массы с трепетавшим в них Огнем вниз. Бесчисленное количество этих фигур мчалось с быстротой урагана.

После нового удара Владыки появилась картина, где еще более ясно очерченные человеческие фигуры вносили в огромнейшие залы все те же куски материи с Огнем и передавали их четко обрисованным фигурам, в которых я понял Владык карм.

Снова последовал удар, картина изменилась, и я увидел, как Владыки

карм, записывая что-то в громадных книгах, передавали духам, еще более плотным, куски материи, ставшей уже сжатыми комочками, но Огонь трепетал в них с прежней силой.

Удары Владыки сменяли картины. Я отчетливо увидел незнакомое мне место земли, увидел дома — и в них духи Света вносили будущие эмбрионы людей — начала воплощения.

В следующих картинах изображалась жизнь развоплощения. Дух умершего возносился сначала один, потом соединялся с самыми различными светящимися духами, соответственно своей карме и духовной высоте.

— Ты видишь сейчас только пути творцов, имеющих в сознании полное понимание своего служения современному человечеству. Внимательно следи, и ты осознаешь непрерывный круг Вечного Движения, вечно творящую Жизнь, — произнес Владыка, вновь ударяя молотком.

Я увидел, как светлые духи вводили в громадные залы светившиеся тени развоплощенных людей. Здесь, точно в обширных рабочих кабинетах, люди-тени склонялись над книгами, всевозможными приборами, изысканиями, записями.

Снова по сменявшимся ударам Владыки сменялись картины, люди-тени кончали свою работу, поднимались выше, становились все светлее, и, наконец, ставши совершенно светлыми, они достигали лучезарных высот, исчезали в них и вновь спускались в тот план, где в массы материи труженики неба вкладывали куски Огня. Исчезая в новом куске материи с большим куском Огня, они снова проходили весь круг жизни, труда Земли и смерти на ней.

Владыка вынул шнур, башня погасла, и сам он сел рядом со мной.

— Ты видел схему действий и труда Вечности. Теперь, когда ты знаешь весь цикл, проходимый человеком Земли в его духовном пути, займемся рассмотрением индивидуальной жизни человека, получающего миссию от Владык неба.

С этими словами мой Учитель пересадил меня к другому столу, у самой дальней от нас стены, и заставило гореть башню совсем иной формы, оканчивающуюся пятиконечной звездой, пожалуй, несколько меньших размеров.

— Тебе было дано наглядно убедиться, что смерти нет, а есть только путь вечной жизни и вечного труда. Рассмотрю еще путь вечного совершенствования отдельных людей... Великих Учителей, управляющих при помощи всего Светлого Братства совершенствованием всех людей Земли, — семь. Это только главные этапы, неминуемые в эволюционном

движении для каждого человеческого сознания. Весь мир разделен на семь величайших секторов. И в каждом секторе горит неугасимым планетным Огнем своя башня. Башня заключает в своем секторе не только дух людей, но и дух всего живого — одухотворенного и неодухотворенного, выражаясь по современной терминологии, что движется активно или относительно Земли.

Ты уже знаешь, что не только в мире Земли, но и во всей вселенной таких мест, где царил бы абсолютный покой, нет. Все движется, независимо от того, воспринимают ли твои чувства это движение или нет. Сейчас ты увидишь одну из башен земной вселенной и там различишь те световые лучи, которых обычно глаз твоего физического проводника воспринимать не может.

Владыка дал мне в руку какую-то, вроде стеклянной, пластинку, объяснил мне, что я сижу на стуле, не проводящем энергии Огня, и строго приказал не двигаться и не выражать ни в каких восклицаниях своих чувств, если я даже буду чем-либо поражен.

Я собрал все свое внимание. Владыка ударил небольшим, но, вероятно, очень тяжелым молотком по самой башне. Посыпались снопы самых разнообразных искр, многоцветных и многоформенных, стены самой лаборатории исчезли для меня, и я снова стал видеть всю вселенную и сознать себя слитым с ее Светом. Я увидел — не могу сказать вдали, так как расстояние и время для меня исчезли — башню, горевшую белым огнем на Земле и уходившую в огне в небеса, всю сплошь залитую трепетавшим Светом. Величина ее превосходила все человеческие представления.

Эльбрус Кавказа, не раз мною виденный, был просто крошечной бородавкой по сравнению с гигантской белой башней.

Среди могучего белого огня вкрапленные, будто небольшие лучи в мощном белом сиянии, сверкали прозрачные полосы и круги синего, зеленого, желтого, оранжевого, красного и фиолетового огней. Но что это были за лучи! Никогда я не предполагал, что в таком огромном количестве могут гореть лучи света! Если бы я мог с чем-либо их сравнить, то только с теми огнями в разноцветных высоких чашах, что я видел на столах-престолах И. и Франциска.

— Ты взглядишь внимательно, — сказал Владыка, притрагиваясь к моему темени. — Быть может, ты увидишь кое-кого хорошо тебе знакомого.

Мое зрение еще более прояснилось, и я увидел гигантских размеров образ Али, как бы возглавлявший всю башню. От его изображения, тонувшего в белых огнях башни, на огромное расстояние, сколько мог

охватить мой глаз, распространялось сияние.

Оно скользило лучами и громадными кругами, вибрации которых были безмерно прекрасны. Многочисленные, подчиненные и соподчиненные Али прозрачные духи мчались по всем направлениям лучей, всюду внося деятельность и гармонию.

Чем ближе к Земле спускались светлые тени, тем кольца их становились темнее и плотнее и, наконец, совсем близко к Земле они располагались устойчивыми каналами, через которые вливались и распределялись по бесчисленным точкам молнии мыслей Али, вдохновлявшие людей-творцов, выработавших в своем духе дар мужества и силы. Все мысли Али, мчавшиеся к Земле, имели вид сияющих, пленительных, самых разнообразных форм прекрасных молний.

— Ты видишь Владыку мощи земной вселенной, непосредственными слугами которого мы теперь живем на Земле. Потому и назвал нас Учитель И. Владыками мощи. Этот великий самоотверженный слуга Истины начинает первое кольцо нашего освобождения.

От его луча мощи будут даны каждому из вас дары и просветление, с каким уйдете отсюда в мир помогать создаваться его новой расе, водителем и хранителем которой будет этот слуга-гигант Истины. В этом луче живут те трудящиеся Земли, чьи верность и любовь достигли незыблемой силы и стали непоколебимы. Только такие существа могут выдержать огонь его мощной мысли, летящей на Землю как палящие молнии. Смотри сюда, — продолжал Владыка, перенося меня к новому столу, где стояла почти такой же величины башня. Прodelав снова тот же ритуал, подождав, когда на стене вспыхнул ряд рубиновых звезд, Владыка направил мое зрение в поле огромного синего столба света. Приглядевшись, я понял, что это тоже была башня, такая же широкая и огромная, как и белая. Она так же изливала лучи и кольца всех цветов среди громадного моря живого, трепетавшего, глубокого синего огня.

Не успел я освоиться с этим дивным сиянием, как увидел возглавляющим синюю башню чудный образ сэра Уоми. Я был так поражен, так неожиданно для меня было увидеть эту парящую в небесах фигуру, что я уже приготовился протирать глаза, не веря чудесам, которые одно за другие я видел.

— Нет чудес, есть только степени знания, как повторяли тебе не раз твои наставники, — услышал я голос Владыки. — Это ближайший спутник, друг и сотрудник Али, имя которого тоже не Али, о чем узнаешь позже. Это вековой его соратник, Учитель, направляющий все воспитание народов Земли. Он движет мудрость и науку воспитания вперед. Его

заботами о нарастающих поколениях Светлое Братство периодически посылает в каждую современность соответствующих ей великих вождей и воспитателей. Они заботятся о подготовке новых кадров людей, обладающих более повышенной, по сравнению с уходящим поколением, психикой, более тонкими и разнообразно развитыми приспособлениями в духе и теле. Все, видящие свое призвание в воспитании и обучении, входят во влияние и Мудрость, спускающуюся через этот луч, если служение их бескорыстно. Всмотрись пристально, в чем именно заключается труд подчиненных этому лучу духов и живых людей.

Я увидел, что от всей фигуры сэра Уоми шли глубоко синие лучи, но все они были не только пронизаны великолепием лучей разных цветов, но и в самой гуще синей бездны сверкали разнообразной формы роскошные яркие цветы.

Владыка слегка притронулся к моему темени, и я стал видеть еще ясней. То, что я принимал вначале за цветы, качающиеся на длинных стеблях, оказалосьмыслеобразами, исходившими от всей фигуры сэра Уоми. Все этимыслеобразы были связаны с его фигурой и между собой тончайшими золото-сине-красными переливающимися нитями.

Мыслеобразы, спускаясь все ниже, несколько меняли свою форму, и в яркости их первоначальных тонов появлялась некоторая матовость. В этом виде они подхватывались сияющими духами и переносились вниз, где передавались более плотным формам.

Такмыслеобразы совершали свой путь, несколько раз спускаясь все ниже и, наконец, останавливались у громадных воронок, сияющих, с большим отверстием вверху и узким выходом внизу. Но, конечно, когда я говорю «широким» или «узким», то все это относительно, так как размеры планов вселенной не умещаются ни в какие земные представления о масштабах. Да и самые слова человеческие не вполне отвечают тому, что видели мои глаза.

Очаровательно-прекрасные духи, оставаясь все время на одном и том же уровне, принимали сверкающиемыслеобразы от спускавшихся сверху тружеников и подносили их к отверстиям воронок, двигавшихся кругообразно с быстротою вихря. Они вбрасывали в воронку иногда одну, иногда несколькомыслеформ. Сама воронка, появившаяся мне вначале сконцентрированной туманной материей, теперь ясно увиденная, состояла из бесчисленного количества почти прозрачных очертаний тонких человеческих форм, отбрасывавших от краев хранимой ими воронки все, что не должно было туда проникнуть, и принимавших только предназначенное ей.

Быстрота волн и вибраций каждой воронки могла втянуть в себя только то, что отвечало колебаниям ее волн, а хранители воронки бдительно следили, чтобы вихрь не подхватил чего-либо ошибочно притянутого. Несшие мыслеобразы духи часто миновали десятки и сотни и воронок, отыскивая гармоничные их мыслеобразам колебания.

— Ты — математик, и Учитель И. открыл тебе немало механических законов движения, потому ты так ясно и понял, что ошибок здесь, как правило, быть не может. Тут действует закон притяжения, но не так преломленный, как на Земле. Здесь сила тяжести не физическая, а духовная. Она, невесомая, неосязаемая, невидимая, живет и движет все по законам причин и следствий, — говорил мой Владыка, пока я как зачарованный смотрел на дивный труд сподвижников сэра Уоми. — Те ошибки, в которые могут быть вовлечены трудящиеся неба, как и трудящиеся Земли, происходят — вернее, могут произойти — только от нарушения кем-либо из тружеников все того же, единственного и главного из главных закона верности. Доброта личная в духовных отношениях, ложно понятое сострадание, то есть желание ввести кого-то в мир новых идей и духовного творчества, не ответ на запросы чьего-то духа, а настойчивый зов неготовому человеку в те высоты, где требуются уже вся мощь и вся гармония организма — приводят всегда к катастрофе. Как бутон цветка, насильственно переставленного на чересчур яркое солнце, засыхает вместо цветения, так и дух человеческий, введенный в более высокий план ранее, чем гармонично развитые силы всего его организма сами вызовут и притянут вибрации и частоту волн высшего плана, не дает не только плодов творчества Огня, но и идет в искривление. Даст одну какую-либо огромную ветвь, оставляя весь остальной организм убогим и уродливым. Так, нередко можно видеть абсолютно глупого тщедушного человека, который, считая в уме, потрясает толпу зевак огромнейшими вычислениями. Такой человек может сказать почти тотчас же, какой день был такого-то года и такого-то числа, рассказать о датах открытия тех или иных памятников чуть ли не с сотворения мира, перевести на язык любого племени цитаты Цицерона, высчитать число войск у Юлия Цезаря и прочие, никому и ничего творческого не открывающие феномены. Эти ошибки преждевременного вовлечения кого-либо в духовный подъем совершает доброта людей неба и земли. "Просите и дастся вам", — это слово не только Евангелия христиан. Это один из вечных и неизменных законов вселенной. Но он не значит, что всякому попросившему надо немедленно дать в руки священное откровение и ввести его в Святая Святых. Для человека, поставившего себе священной целью служить людям, выполняя план Бога, это значит:

вникнуть глубочайше в ту ступень духовной культуры, в которой живет просящий человек. Стать самому на его место, в его обстоятельства, учесть все его возможности и, с величайшим тактом и любовью, подать просящему ту часть знаний, которыми он может овладеть в полной гармонии своего существа. И этим свойством — умением развить в себе такт и все приспособления для полезного служения человечеству — заведует во вселенной третий луч, к рассмотрению которого мы сейчас перейдем.

С этими словами Владыка пересадил меня к одному из самых высоких столов, на котором возвышалась почти под самый потолок башня особенно мелкого и красивого рисунка. Прodelав все ту же церемонию удара молотком по башне, Владыка подошел совсем близко ко мне, говоря:

— Я предупреждал тебя, что полная выдержка тебе необходима. Что бы ты ни увидел — храни полное молчание и самообладание. Не рассеивайся мыслью ни на секунду, чтобы ни одно мое слово и ни один из видимых тобою фактов не выпал из твоего внимания. Не только в твоей дальнейшей земной жизни, но и в твоей жизни небесного, векового труда этот луч будет играть главную роль и помогать твоему дару раскрывать людям суть и смысл их земной жизни.

Владыка положил свою огромнейшую руку мне на плечо. Казалось бы, я должен был ощутить тяжесть этой ладони, занявшей все мое голиафово плечо, и пальцев, почти касавшихся моего пояса. Но я ощущал только прохладу и легкое-легкое покалывание, будто бы электрический ток шел по мне. Стены, и раньше исчезнувшие для моего зрения, теперь точно слились с прозрачным воздухом, в котором я увидел клубы зеленого огня, стремительно вращавшиеся вокруг зеленых громадных столбов.

Прошли короткие мгновения, и я увидел, что то были не столбы, а башня, огромная, изрезанная по всему зеленому фону огненным рисунком все тех же тонов, которые я видел на двух первых башнях. На зеленой башне, пожалуй, было больше белого и оранжевого, чем других цветов.

Мчавшихся здесь огромных, больших, средних и самых крошечных духов-тружеников, сияющих, прозрачных и особенно быстрых, было гораздо больше, чем в предыдущих башнях. Я не понимал, почему Владыка так исключительно предупреждал меня об этой башне. Правда, она была много красивее, и какое-то радостно-нежное чувство любви влекло меня к ней. Я хотел бы ринуться в глубину зеленого огня к труженикам и предложить им свою помощь. Но все же, какое это имело отношение к стойкости моего самообладания, я не понимал.

Вдруг я почувствовал, что рука Владыки сильнее сжала мое плечо,

электрический ток, шедший от него ко мне, усилился. Я поднял глаза вверх... и с большим трудом удержал крик радостного изумления. Сохраняя самообладание под влиянием моего Владыки, я глядел в благоговении на дивную фигуру Флорентийца, возглавлявшего зеленую башню. Мой дорогой обожаемый друг сохранял здесь всю свою земную красоту и стройную пропорциональность фигуры, и, вместе с тем, ничего от земного Флорентийца, каким я привык видеть моего Учителя в жизни, в этом величественном и мощном образе не было...

Я различал в тишине пустыни громоподобные шумы от взлетающих зеленых шаров.

Сначала я только их видел. Постепенно я стал наблюдать, как шар, отделяемый от башни бесчисленным количеством светящихся тружеников, с шумом грозного раската уносился в определенном направлении кольцом духов. Они разрывали его на части, далее он еще и еще делился, и, в конце концов, крошенные светлые существа мчались, как млечный путь, многочисленные и сверкающие, с зелеными кусочками вниз, к Земле.

И куда бы ни мчалось со своим зеленым кусочком крохотное существо — нить золотисто-зеленая, огненная тянулась к фигуре Флорентийца. Казалось бы, мириады нитей должны бы были спутаться так, что никакая сила их не расплетет. На самом же деле все нити переплетались в тот стройный и дивный рисунок, какой я видел на башне Владыки в лаборатории стихий.

— Этот луч не только необходим, но неминуем для всего человечества. Два первых луча доступны только творцам человечества. Чтобы идти ими, надо влиться в те или иные творящие стихии планеты и вынести их в своем труде земным братьям. Только мощно одаренные мудростью и духом могут проходить свой путь по двум первым лучам. И для таких духовно одаренных все остальные лучи — лишь гармонично развивающаяся оккультная гамма. Для всего же человечества третий луч есть Начало выявления тех божественных свойств, что каждый носит в себе. И пока человек, обычно одаренный и культурно развитый, не разовьет в себе такта, умения точно понимать современные ему обстоятельства его окружения, пока он не поймет дружелюбия ко всему, что окружает его в его эпоху жизни, он не может двинуться к следующему пути совершенствования. Не рисуй себе значения этих путей как отдельно существующих стихий природы, направляющих людей обособленными тропами, которые они могут сами себе выбрать. В природе все слито, все проникает и пронизывает друг друга. И люди идут по тем лучам, к которым созрел их дух, то есть вибрация, ими выбрасываемые в Мир-Вселенную, увлекают

их в круги вращения себе подобных. Пока человек не пройдет третьего луча, он не может двинуться в своем совершенствовании дальше. Ибо следующий луч, луч гармонии — кульминационный пункт в духовном созревании. Эти два луча, третий и четвертый, тесно связаны между собой. Если третий луч — пропускной пункт всего человечества к движению вперед в вековой Эволюции, то луч четвертый — ограждающая сеть для всех тех, кто вносит малейшее творческое Начало в свой труд. Самый многочисленный по количеству идущих в нем людей — третий луч. Много и много раз люди возвращаются сюда, пока достигнут высоты такта и развития приспособлений, которые помогут им двинуться дальше в своих Творческих Началах. Смотри сюда — вот луч гармонии.

Снова Владыка перенес меня к другой, не из самых высоких, совершенно желтой, круглой башне. После обычного удара башня залилась сверкающим желтым пламенем. Я увидел как бы несколько дальше, чем видел первые башни, море разноцветных огненных языков, сплетавшихся феерически прекрасным зрелищем на желтом фоне. Из них вырисовывалась совершенно круглая башня с куполообразной желтой горящей крышей, вверху которой я увидел фигуру в желтом одеянии египетского стиля, державшую нечто вроде скипетра в руке. Лица такого или ему подобного я никогда не видел. Не то чтобы оно подавляло своей красотой — оно было прекрасно, конечно, но оно выражало такой божественный мир, такое нерушимое благоволение, что от одного взгляда на это лицо я понял, что такое гармония.

Чем больше я смотрел в лицо неведомого мне Учителя, тем яснее узнавал и понимал это выражение нерушимого мира, любви и доброты, припоминая это выражение на лицах хорошо знакомых мне моих великих друзей Али, сэра Уоми, Флорентийца, И. — Толпы тружеников подводят и подносят сюда свои шары материи, а также отдельных развоплощенных и воплощенных людей в их астральных оболочках, как ты видишь.

Разница между движением в этом луче и другими состоит в том, что здесь все идут к нему, а не от него. Сюда идут только сознательно, и никто не может пройти, принесенный другими, без собственного активного участия. Здесь: "Толците, то есть действуйте — и отверзется вам", — ты видишь в действии. Смотри на Землю.

Владыка перевеют мой взор на земное пространство, как уже делал это раньше, и я увидел толпы суетливо трудившихся людей. Вся атмосфера вокруг них была туманна.

В каждом отдельном существе тлела искорка огня, в одних еле видная, в других — ярче. Кусок земли двигался передо мной, точно на экране

сменялись картины. Вот атмосфера стала яснее, я увидел отчетливо людей в огне, их творческие мысли сияли вокруг них, образуя блестящую движущуюся ауру. Атмосфера стала почти прозрачной, и я увидел брата Николая, писавшего в книге, рядом Наль, рисовавшую анатомический атлас, а невдалеке, в комнате, за роялем женскую воздушную фигуру, пальцы которой бегали по клавишам. И клавиши, и рояль, и пальцы, и комната — все светилось желтым светом, как тетрадь брата Николая, как атлас Наль...

— Я показал тебе людей во всех фазах труда, идущих к гармонии и уже живущих в ней, — продолжал Владыка, переводя мое зрение снова на желтую башню. — Каждый, кто может в результате работы над собой дойти до четвертого луча, начинает свой путь с понимания, что труд есть не необходимость, но радость. Поняв, что без труда на общее благо жить нельзя, человек выбрасывает волны новых для него вибраций примиренности, он начинает на деле, в действии простого дня, понимать, что все обстоятельства земли — именно его обстоятельства. Тогда он приходит к вратам луча гармонии, где его, как ты видишь, встречают светлые братья-духи и вводят в огонь башни. Однажды побыв здесь, человек уже никогда более не может вернуться к духовной суете, хотя бы жизнь его внешняя и продолжалась все в тех же условиях суеты и напряженности. Духовный кризис каждого человека, перенесясь через луч гармонии, вводит его в новый круг рождений и смерти, он уже никогда и понижается в фазах своего духовного развития, но идет, все повышаясь в нем.

Какими бы богатыми дарами ни был одарен человек, — в соответствии с его кармическими данными, — он будет совершать свои ошибки и держаться личного понимания жизни и ее ценности до тех пор, пока не созреет духом настолько, чтобы перейти рубикон гармонии. Только после этого второго крещения человек становится, целиком и полностью, творцом для вселенной и может проходить тот круг рождений, где входят в непосредственное слияние с Жизнью. Пути и способы, которыми люди сливаются в своем труде с Жизнью, неисчислимы по своему разнообразию. Светлое Братство стоит стражем-хранителем каждому существу, перешедшему рубикон четвертого луча. Задачи, даваемые Жизнью людям, передаются сонмами Учителей и учеников. Их ставит Светлое Братство водителями и поручителями людей Земли, помощниками их труду и, нередко, защитниками их быта.

Имя великого Учителя гармонии — египетское, ибо здесь он прошел свой путь знаний. Его зовут сейчас Серапис. До этой минуты ты видел труд

людей Земли и неба слитым в монолитных огнях башен. Земля и небо, путь труда в мире физическом и духовном, действовали через один провод — Огонь планеты. Теперь ты подходишь к одному из лучей величайшего труженика, заведующего пятым лучом в человеческой эволюции. Учитель пятого луча проносит свой труд Земле по двум проводам планетного Огня. И башня его — двойная, вернее сказать, раздваивающаяся на некоторой высоте как бы на две самостоятельные башни, слитые воедино только верхушками. Собери еще глубже все свое внимание, сам поймешь, что этому Учителю ты уже многим обязан и в дальнейшем будешь связан с ним в веках, ибо все, имеющие ту или иную степень ясновидения, хотя бы самую слабую, тесно связаны с лучами этой исключительной по работоспособности башни.

Владыка пересадил меня к следующему, особенно большущему столу, где я увидел необычайной формы оранжевую башню. Вверху она была совершенно круглая и несколько выше середины разделялась на две восьмиугольные башни, расширявшиеся книзу. Каждая из башен имела много этажей. И что меня особенно поразило, на каждом этаже шел орнамент, ну точь-в-точь из таких цветов, какие окружали тайный домик И. на скале, в дальнем парке Общины Али.

— Не раздумывай и не отдавайся догадкам, но действуй внутренне. Зрей духом. Твоя выдержка и самообладание уже не те, с которыми ты сюда вошел. И тем не менее они недостаточны, чтобы поднять на плечи мировую задачу, — подымая молот, также имевший на одной ручке два молотка, сказал Владыка. — Никто не выполняет мировой задачи один, как и вообще никто не живет и не трудится во вселенной в одиночестве. Каждому помогают, как ты уже видел; но сейчас тебе предстанет на опыте узнать беспредельность милосердия Мудрости и Ее слуг.

Владыка ударил по башне своим двойным молотком, башня залилась оранжевым огнем, и в ту же минуту я увидел между небом и землей море оранжевого огня, стремительно кружившегося в пространстве.

Владыка снова положил руку на мое плечо, передавая мне свое неземное самообладание, которое сделало в это мгновение и меня мощным, точно я стал частью его самого. Я заметил, что клубы огня вращаются равномерно, и, присмотревшись, различил, что они охватывают две башни, необычайно стройные, грандиозные, сливающиеся в один круглый ствол вверху, как я видел на столе у Владыки.

Не могу сказать, зрение ли мое попривыкло к морю огня или близость Владыки, слившего меня особой, помогла мне, только теперь я мог разглядеть все этажи башни, чудесные орнаменты-цветы на них,

бесконечное количество легких прекрасных тружеников, трудившихся на всех этажах. Чем ниже был этаж, тем все плотнее были тени, чем выше поднимался труженик неба, тем форма его была прекрасней и прозрачней.

— Смотри, прежде всего, на великого Учителя, возглавляющего эту двойную башню.

Еще раз пойми, что нет чудес — есть только та или иная ступень знания. На опыте убедись, как беспредельно и необъятно может быть знание каждого живого во вселенной — и границ ему нет. Убедись, как даже очень близко стоящий к физической форме Учителя человек мало знает о необъятности — по своим масштабам понимания действий, знаний и трудов Учителя. Смотри на верх башни.

Я устремил взгляд, как приказал Владыка, и на некоторое время потерял всякое понимание: где я, кто я, кто со мной и что со мной. С самой высоты башни на меня смотрело лицо И. Если я в обиходе Земли говорил, что И. недоставало только венка на голове, чтобы быть греческим богом, то... здесь на его голове лежал огненный оранжевый венок... и действительно И. здесь был Богом.

Но то был не только бог красоты, в нем было еще что-то столь духовное, мощное и вместе с тем гармоничное, что никакими словами нельзя описать этого богочеловека. И этот И. приблизил меня к себе на земле! Вёл, как может воспитывать снисходительнейший и милосерднейший воспитатель малого ребенка! Помогал моему прежде ужасному характеру выработаться, превратил меня из тщедушного юноши в Голиафа!.. Слезы благоговения не скатились из моих глаз, но всем сердцем я склонился перед Великой Жизнью, не зная, чем выразить свою благодарность, прославление Ее! Я понял, что такое милосердие и как надо к нему готовить сердце в сношениях с братьями-людьми. Я понял, что такое Любовь-действие, Любовь-труд, Любовь-радость...

От всей фигуры И. шли сияющие мыслеобразы, как от фигуры сэра Уоми. Только здесь они определенно и точно неслись по двум направлениям, никогда не переходя из одной башни в другую.

Владыка крепче сжал мое плечо, и я стал различать, что в одну башню духи, более прозрачные, носили только оранжевые, желтые, красные и фиолетовые мыслеобразы. В другую — белые, синие, зеленые, тонувшие в оранжевом огне.

— Перед тобой два пути одного луча. Тебя поначалу может поразить, что такие на первый взгляд несоизмеримые величины, как точные науки и ясновидение, венчаются одной главой, возглавляются одним Учителем. В далекой-далекой древности это было не так. Но во времена и по планам

Божественных Сил, сейчас тебе не доступным, произошли изменения в управлении человеческими путями так, как современность требовала и как по плану целесообразности нашли Силы Жизни необходимым. Каждая точная наука может расти и достигать творческих результатов только тогда, когда интуиция или внутреннее прозрение одухотворяют ученого. Все изобретатели, великие путешественники, открывающие человечеству новые земли, все великие астрономы, математики, химики, вносящие в науку плоды своих трудов, — все в значительной степени ясновидящие, хотя бы лично они и не признавали своего ясновидческого дара. Но речь идет здесь только об ученых-творцах, хотя бы их творчество выражалось в самой маленькой доле. Вторая башня, где мыслеформы только оранжевого, желтого, красного и фиолетового цветов, — башня ясновидчества по существу, она включает человечество, одаренное обратно пропорционально тем, кто мчится в вековом труде по первой башне Учителя И. Здесь только те ясновидящие, чей дух развился в каком-либо труде до творчества. Безразлично — наука, поэзия, литература, музыка, живопись, скульптура ли, но преобладающее в них ясновидение приводит их к этому лучу. Их силы проносят в мир Земли всегда новые идеи, так как их бескорыстие уже непоколебимо, их верность не может отклониться ни в какую сторону. Они видят, и их верность есть духовное прозрение. Эти творцы могут быть сожжены на костре невеждами и глупцами-ханжами своей современности, но они — столпы Вечного Движения, Его слуги, не рабы, но освобожденные и просветленные сотрудники в вечности. Этот путь — труднейший, так как ни одному ясновидящему не может быть легок путь в быту его современности. А между тем именно для нее-то и посылаются в гущу суеты люди-творцы, сливающиеся с этой башней.

Владыка умолк. Я продолжал смотреть на И. и заметил теперь, как руки его двигались, употребляя нечто вроде рулей, на которые он иногда нажимал то на одной, то на другой башне. Тогда сверху башни вылетали целые шары светящихся разноцветных мыслеобразов, духи растягивали их в гирлянды, гирлянды складывали в букеты все более мелких размеров, иногда подбирая один крошечный цветик и мчась с ним вдаль. Но никогда шары по расцветке не смешивались стаями тружеников, а точно разносились по этажам именно той башни, для какой предназначались.

Здесь не было воронок, и духовные каналы, по которым мчались духи, были односторонними. То есть труженики неба, нагруженные мыслеобразами, мчавшиеся послами в точное место башни И., мчались по очень ясно очерченному и хранимому миллиардами духов каналу. Но возвращались все, выполнив свою задачу, по свободному пространству к

верхушке башни. На миг исчезая в ней, они снова мчались к тому этажу, который обслуживали, вновь подхватывали подаваемый им Владыками кармы их этажа мыслеобраз и снова улетали с ним через определенный канал.

— Ты видишь, что среди огромного количества ясных и светлых каналов, — снова заговорил Владыка, — есть каналы совсем темно-оранжевые. Присмотрись. По ним — правда изредка, но все же в довольно большом количестве — возвращаются опечаленные светлые духи, которым не удалось подать человеку предназначенного ему мыслеобраза. Или мать изгнала плод из своего чрева, или рожденный ребенок окружен таким отсутствием покоя и радости, что труженик неба не мог в достаточной степени успокоить элементаря, строящего в течение первых семи лет тело ребенка, чтобы вручить ему свой мыслеобраз для вплетения его в организм маленького человека. Или когда по кармическим данным человеку мог быть вручен его дар только после тяжелых испытаний, героически вынесенных, — у несчастного не хватило сил радости, чтобы вести творческую жизнь, он впадал в уныние и не мог уже понять подаваемого ему нового мыслеобраза. Или же человек проживал свою жизнь в отчаянии и разврате вместо чистоты и героизма, или же впадал в эгоизм, приводивший его к связи с темными оккультистами, — тогда опечаленный брат его, труженик неба, возвращается обратно по одному из этих плотных оранжевых каналов.

Такие опечаленные труженики берут на себя добавочный труд: они разыскивают, через Владык карм, злейшего врага того несчастного, кому не смогли вручить свой мыслеобраз. Иногда они много лет помогают этому врагу очиститься от злобы и ненависти, доводят его до мысленного примирения с бывшим своим врагом и тогда передают ему новый мыслеобраз, крепко связывая его в сознании человека с образом его бывшего врага. Дух последнего постепенно оживотворяется и очищается трудом одного за двоих и доходит — через новое воплощение — до момента, когда уже получает сам предназначавшийся ему ранее мыслеобраз. Работа здесь, как видишь, не прекращается с земной смертью человека. Всякий, начавший трудиться на Земле в этом луче, может потом перейти к лучам иным, если его карма или его духовное совершенствование требуют этого. Вся вселенная движется закономерно и целесообразно, и отдельные частицы ее — люди — не составляют исключения из этих, общих для всей планеты, законов. Духи последнего этажа башни работают в ментальном плане. Они направляют в огромных духовных мастерских труд всех развоплощенных, а также тех

воплощенных, чье сознание они выносят в этот план для его скорейшего совершенствования. Мастерскими своего луча заведует сам Великий Учитель, принимая ту форму и тот образ, в которых он всего легче, проще и короче может помочь учащимся и облегчить им восприятие форм Огня. Перейдем теперь еще к одному из самых трудных путей человеческой эволюции — к Любви.

Так говоря. Владыка перенес меня к одной из самых больших башен в комнате, чашеподобной, тонувшей в прелестных орнаментах красных цветов. Здесь была целая гамма оттенков только одного красного цвета — но что это были за сочетания тонов! Так распорядиться красным цветом — казалось бы, невысказанно багрово-ало-розовых сочетаний, гладких и с прожилками, с фигурным рисунком и с полосками, ни в одном месте не режущими глаза, — могло только небо. Владыка ударил молотком по башне, красные огни вспыхнули на ней пожаром — я увидел далеко в пространстве стройную, чашеподобную башню, горевшую красным огнем, уходившим высоко в небо. Чаша, совсем такая, какую видел я на столе-престоле Франциска, горела, выбрасывая красный огонь лавиной вниз через свои края.

Переливаясь, огонь лился вниз по охватывавшему винтовую подставку чаши красному орнаменту. Но и орнамент был живой: Его составляли труженики неба, передававшие струи Огня друг другу сверху вниз. Радость светилась здесь через светло-розовых духов, как бы возвышавшихся над всеми остальными, много темнее их.

— Ты видишь живой орнамент, — подходя ко мне, вновь сказал Владыка. — В бесчисленном количестве слоев течет Любовь к земле, обновляя и возвышая сердца людей и животных. Если бы не было этого луча, перестала бы существовать и вся планета, так как Жизнь, милосердная ко всему, уничтожает только те формы, что не могут раскрыться для Любви. На этом орнаменте — от самого дивного цвета Любви-радости, до темно-красной любви-плоти зверей и человекоподобных, но еще не людей духовно развитых — ты видишь все оттенки любви эгоистической. Здесь же ты найдешь любовь со всеми национально привитыми суевериями и предрассудками.

Обрати внимание на очень ясно заметные линии красивого темно-алого цвета в орнаменте. Ты видишь, что вся эта линия состоит из поникших головами печальных тружеников. Их ровно столько, сколько духов — розовых, прелестных носителей радости. Теперь не время объяснять тебе смысл этого явления. Его получит тот из вас, кому судило Светлое Братство принести новые идеи любви на землю и новое понимание, что такое

любовь. Ты же и здесь выведи следствие — как во всем, что необходимо знать тебе, — что во всей вселенной царит закон сохранения энергии.

Полное равновесие сил сохраняется во всем, созданном Мудростью. Радостники и печальники, то есть приносящие встречам земли радость или скорбь, совершенно такие же равноценные слуги Жизни, как все остальные Ее сотрудники. Никто не провинился и никто особенно не выслужился, ибо этих понятий о наградах и наказаниях у Жизни нет. Люди же судят, любя или устрашаясь, наказывая или награждая, — и вот, смотри на несчастных, вечно колеблющихся в своих компромиссах с совестью. Труженики Любви, защищающие в своих кругах трусливых и сомневающихся, не имеющих в себе верности до конца, разьедаемых вечной половинчатостью, носят на себе отражение грехов своих подопечных. Их воздушные тела все изъязвлены и проколоты до дыр теми ударами, которые им наносят опекаемые ими братья-люди. Великая Любовь, изливающаяся из башни-чаши Любви, заливает раны своих сотрудников все новыми потоками своего огненного милосердия и превращает дыры их воздушных тел в чарующий рисунок Любви, который ты видишь в орнаменте. В своих произведениях, где должна вылиться вся новая мощь твоего просветленного новым знанием сердца, дай понять людям, что всякая любовь хороша, даже эгоистическая, лишь бы она была чиста и бескорыстна. Как новая нота должно звучать твое дарование, показывая людям величайший грех, не менее греха убийства — грех преступления против любви, грех любви проданной и купленной. Инквизиция — грех проданной и купленной любви — тем и страшна миру по своим последствиям, что, прикрываясь преданностью Богу, растлила миллионы человеческих душ. Видишь темный бордюр на ярко-розовом фоне орнамента? То царство животное и птичье, их любовь и кровожадность. Это единственный луч, где ты видишь мир животных вплетенным в жизнь людей. Здесь вред и польза сосуществования мира людей и мира животных ясно выражены. Только этот луч любви может единить все самое противоположное, что живет на планете. Объединяя людей и зверей в луче любви, Жизнь дает возможность низшим формам восходить, подниматься в вибрации любви человека, выше них стоящего. Но, имея величайшее значение в эволюции животного царства, любовь людей поднимает зверей только тогда, когда она истинно духовна и мудра. Ничтожная, личная привязанность к животным, неряшливая, разбросанная, без преданности идейной жизни животного, без постоянного внимания к его внутреннему сознанию, ничего не стоит в мировой эволюции и не имеет места в этом случае.

Здесь живет только одухотворенное, творческое стремление любви к единению в Красоте со всем сущим на земле. Перенеси свой взгляд выше, прикинь всем сердцем к Великой Матери и взглядишь в сияющий лик Учителя этого шестого луча.

Владыка обнял меня за плечи и совершенно слил меня со своим сознанием.

Необычайное чувство мощи охватило меня всего, точно весь мой позвоночный столб стал насыщен электричеством, я ощущал его как огненный стержень всего моего существа. Огонь башни стал теперь для меня прозрачным. И я увидел незнакомое мне лицо в темных волнах волос, с огромными глазами, выразившими такую доброту, для определения которой на человеческом языке слов нет. То выражение мира, доброты и любви, которое казалось мне не так давно пределом возможности на лице Франциска, теперь было понято мною только как намек на то, что я видел сейчас. И с этой неизреченной добротой, любовью и милосердием сочеталось такое мужество, что я понял, как в любви этого Богочеловека не могло быть ни одной капли сентиментальности или слабости, компромисса или нерешительности. Я понял, что любовь ясно видящая не может совершать тех заблуждений и попустительства, которые введут человека во временное улучшение его внешних обстоятельств в ущерб его вечному пути и труду. «Доброта» в кавычках, доброта — "слезливая сентиментальность" не имела ничего общего с мужественной добротой этого лица.

— Многое ты понял сейчас и без моих объяснений, — все держа меня за плечи, сказал вновь Владыка. — Одно мне остается сказать тебе об этом луче. Здесь нет никаких ограничений и заграждений, никаких условий или особенностей в отыскании путей к этой величественной, гигантской башне. Люби — и ты непременно найдешь путь к Владыке этого луча. Человек может даже ничего не знать о Боге. Он может быть совершенно невежественным в смысле условной культуры своей современности, но сердце его может быть полно чистой любовью, и выбрасываемые им вибрации — по самому элементарному закону притяжения — привлекут его сюда. Имя этого Владыки — Иисус... Теперь тебе остается узнать о последнем луче — седьмом. После третьего луча, где, как я тебе объяснил, люди группируются, не однажды возвращаясь обратно, луч седьмой — самый многочисленный. Добрая половина людей Земли идет этим лучом. Это луч религии и обрядов, но он же и луч многих отделов науки, особенно техники и механики. Величайшие изобретения и открытия сходили на землю при непосредственной помощи этого милосердного помощника и

заступника рода человеческого. Перенеся сам — в своих земных воплощениях — много преследований и будучи не раз сам заключаем в темницу, он — ближайший заступник и помощник всех гонимых и заключенных. Немало труда своего он положил на то, чтобы расширить мировоззрение правящих Земли и внести свет в жестокий мрак буржуазного строя людей. Почти нет человеческих революций, где бы мудрость и культура этого Учителя не помогали людям отыскивать новые формы общежития. Это мудрец из мудрецов, в сознании которого развито такое огромное количество знаний, что нет ни одной отрасли труда всего современного человечества, которой бы он не знал.

Его имя Сен-Жермен. Популярность этого Учителя много больше среди людей, чем популярность остальных Великих, труд которых — в их лучах — я тебе показал. Все религии — если возглавляющие их чисты сердцем и бескорыстны в своей преданности Богу, исповедовать которого учат свою паству, — имеют непосредственную связь с Учителем этого луча. Самое большое количество истинно и крепко связанных со Светлым Братством идет через этот луч. Взгляни сюда.

Владыка перенес меня к последнему из своих самых больших столов и указал на высокую, относительно узкую, необычайно стройную фиолетовую башню. Она казалась легкой. Вся изрезанная, кружевная, она совсем удивила меня своим необычайным стилем. Весь ее низ был круглый, а этажи чередовались: то они были совершенно круглые, то восьмиугольные, то крестообразные, а в самой вершине сиял крест, и над ним пятиконечная звезда. Владыка ударил золотым молотком по стене и башне почти одновременно. На стене за клубился туман, а башня загорелась прелестным, нежным фиолетовым огнем самых разнообразных и чудесных оттенков.

— Смотри на стену, иначе ты не поймешь сокровенной сути религии, живущей в огне этой башни, — произнес тихо Владыка.

Туман на стене рассеялся, и я увидел три юные, божественно прекрасные фигуры, составлявшие треугольник. В центре треугольника стояла четвертая, еще более юная, прекрасная, прозрачная фигура, соединявшая в себе мощь, божественную красоту и такое величие, что я не мог вынести ее сияния и уже хотел закрыть лицо руками, как Владыка взял меня на руки, опустил на колени и склонился до земли.

Оставаясь коленопреклоненным, поджав голову, он прижал меня к своей груди, как делают матери со своими больными детьми, и сказал, обращаясь к сиявшим нестерпимым Светом фигурам на стене:

— Вечность есть закон Бога, и этот закон движет вселенную и все

живое в ней.

Прими рабов Твоих, Тебе трудящихся. Помоги ясно видеть Лик Твой, Его не забыть и с Ним, в Нем и для Него трудиться на Земле на благо и счастье людей.

От стены отделилась маленькая пятиконечная фиолетовая звездочка и утвердилась на волосах Владыки. От центральной, божественно прекрасной фигуры отделилась золотая нить, соединив между собою три стоявшие треугольником фигуры. От первой из, них, бывшей вершиной треугольника и стоявшей лицом к нам, полетел к башне сноп золотых лучей. Лучи золота пронизали всю башню. Как только вся башня погрузилась в золотое сияние, картина на стене исчезла. Владыка поднялся с колен, посадил меня снова в кресло и стал рядом со мною.

— Ты видишь, как фиолетовая причудливой формы башня вся утонула в море золотого Света, промчавшегося ней от Божественной Силы, охраняющей, защищающей, созидающей и правящей Землей. Эти Божественные Владыки — выше всего существующего на Земле. Они завершили круг величайшего творческого пути на иной, много более высокой планете и сошли на Землю, движимые непостижимым для сознания земли подвигом милосердия и самоотвержения. Их сознание настолько выше всех земных сознаний, что достигнуть его и приблизиться к нему не могут не только воплощенные, обычные люди, но и не все высочайшие из развоплощенных могут постичь его. Эти Владыки, вечно юные, — центр Божественных Сил на Земле. Но это все, что в данную минуту я могу сказать тебе о них. Божественная Сила, показавшая тебе Себя, благословила твой труд, признав твое бескорыстие, самоотверженность и верность. Ты же помни, чему был свидетелем; трудясь, неси в сердце Божественный Лик, признавший в Своей Любви тебя достойным Его лицезрения, и развивай в людях новые идеи о Божестве. Очищай от суеверий и предрассудков представления людей о Боге и вливай в них уверенность, что все и вся в жизни Земли живет под бдительным и непрерывным, милосердным и спасительным покровом Живого Бога, трудящегося во всех отделах жизни на Земле. Эти Владыки сотворили все сущее на Земле, принеся с собою на «Землю-хаос» злаки, людей и Животных.

Все, что ты видишь на земле, под землею, — все труд милосердия этих Божественных Владык... Обрати теперь внимание на башню. Что обозначает ее необычайной причудливости форма? Эта форма — еще одно из подтверждений высочайшего милосердия Божественных Владык. Люди, впадающие во всевозможные предрассудки и суеверия, хотят молиться

Богу так, как им кажется всего милее и целесообразнее.

И вот ты видишь в отдельных этажах этой башни все формы религий, населяющих в данный момент Землю. Лишь бы религия людей базировалась на любви, чистоте и бескорыстном самоотвержении — и она принята Божественной Силой, она отражена здесь, в башне Религий и Обрядов. Священное — истинно Священное людям — находит здесь не только одно голое отражение, но и получает Божественное Озарение и Очищение, как ты видишь в пронизывающих насквозь башню золотых лучах, посылаемых Божественными Владыками. Я уже сказал, что Учитель Сен-Жермен, мудрец из мудрецов, в своей милосердии и долготерпении, в своей снисходительности и помощи, стоит на первом месте по близости к Земле и выносит на своих плечах много больше тяжести вибраций людей, чем остальные Милосердные Учителя. Поэтому очищающая сила Бога и горит здесь неустанным золотым Светом, помогая нечеловечески трудному подвигу этого благого Учителя. Нет большей трудности, как исправлять кривизну религиозных заблуждений, ибо в этом секторе религий человеческое сознание наиболее лично и упрямо. Вглядишься, какое разнообразие видишь ты здесь среди слуг Учителя. Многие из светлых духов, даже пройдя свой путь надземного служения человечеству, достигнув радости полного духовного освобождения в остальных секторах творческого сознания, остаются закрепощенными в узкой тропе любви к своему Богу. Одни из них прозрачны, но на своих формах сохраняют сутаны католицизма, монашеские рясы своих орденов, иные — священнические облачения, жреческие одеяния, мусульманские и китайские отличия.

И только на самом верху ты видишь единство всех без различия религиозных форм под эмблемой нашего Божества Земли — пятиконечной звезды. Язык пали ты знаешь.

Над звездой сияет надпись, прочти ее.

Владыка обнял меня за плечи, и я совершенно явственно различил выше звезды светящуюся фигуру, державшую в руке золотые скрижали, на одной створке которых сияло огненными буквами: Мир-Вселенная есть часть Истины Истина одна — путей к Ней много. На другой створке письмо было фиолетовое, и оно гласило: Нет религий выше Истины. Раскрепощенный от узкой религии, чистый сердцем встречает Любовь Живую. Познав Ее, уносит в Вечность свое знание и проходит весь дальнейший путь как творческий сотрудник Истины.

Когда я окончил чтение надписей, Владыка снял меня с моего высокого кресла, открыл дверь в стене здания, существования которой я и не

предполагал, и вывел меня через закрытый внутренний туннель на маленький наружный балкон, как он о нем выразился. Но этот «маленький» балкон, изображавший своей формой лодку, был грандиозен, как и все вокруг Владыки. Мы находились выше Гималаев, как сказал он мне. После его лаборатории, где было относительно прохладно, здесь было так холодно, что Владыка закутал меня в звериные шкуры, висевшие на парапете балкона. Шкуры были неведомого мне зверя, легкие, мягкие, пушистые и серебристые.

Читавший все мои мысли, как открытую книгу, Владыка улыбнулся и объяснил мне что это шкуры прелестных серебристых лис очень древней и теперь уже очень редко встречающейся на земле породы.

— Я вывел тебя сюда, чтобы ты ясно понял, каким зрением — насквозь — ты обладаешь сейчас. Сквозь толстенные стены, толщину которых ты хорошо мог оценить, так как сейчас прошел их сам обе, ты видел горящую башню седьмого луча не менее ясно, чем видишь теперь. И фигуру Учителя, и его скрижали с надписью — все видишь, читаешь также прекрасно. Что значит фиолетовая звездочка, которую послал моей голове Великий Божественный Владыка? Если бы она была символом только того, что Божественный Властелин принял и признал наш с тобой взаимный труд, признал наше Ему славословие в труде бескорыстия, то звездочка была бы золотой, ибо то цвет Божественного Сияния. Если же Он послал труду твоему фиолетовую звездочку — это значит, что ты должен получить специальное слово-наставление от Великого Мудреца, Учителя седьмого луча. Призови все благоговение сердца и читай свое слово. Образование этого Учителя так универсально, что ты получишь свое наставление на самом близко тебе знакомом языке.

— Неужели возможно, чтобы на мировой вековой башне загорался огнем французский шрифт, Владыка? — не смог я удержать даже в эту минуту своего темперамента.

Владыка погладил меня по голове, улыбаясь мне столь нежно, что я и предположить не мог такой доброты на этом суровом лице.

— Смиранный мальчик мой, — прошептал он. — Даже не предполагаешь, что милосердие Учителя Сен-Жермена может наградить тебя русской речью, если указание предназначено только тебе одному? Читай. Храни всю свою жизнь все те же верность, чистоту и смирение, и Жизнь примет тебя в свои вековые сотрудники.

Он прижал меня к себе с той же нежностью, и я увидел, как прекрасная рука перевернула страницу на скрижалях. Сначала страница оставалась совершенно чистой, затем на ней за клубился туман, как на стене в

лаборатории Владыки, и наконец стали проступать огненные знаки:

Однажды, в столетие приходит сюда человек, чтобы получить указание Бога к труду на земле.

Надпись погасла, была она на русском языке.

Переходов от неба к земле, искусственно сотканных и поддерживаемых вымышлениями и условностями, — нет. Есть Единая Жизнь во всем сотворенном, и Она пронизывает, связывает и животворит все сущее.

Твои искания в веках, твоя преданность Любви возвращают тебе Любовь. Дар твой — не твой, но Жизни Движение. Перенеси то, что видишь и слышишь здесь, в образы земли и приспособь к пониманию своей современности.

Расширь сознание людей. Способствуй его гибкости.

Для создания новой расы, которой суждено обладать высокой духовностью и утонченной психикой, необходимо разбить предрассудок разделенности трудов неба и земли. Не менее необходимо победить предрассудок смерти и страх ее.

Надпись снова угасла, и чудесная рука еще раз перевернула страницу. На ней снова, после рассеявшегося тумана, загорелись слова, еще более четко горевшие огнем: Мир-Вселенная — не путь уничтожения и возрождения, но путь вечной Эволюции, где нет иного принципа, как неумолчное совершенствование.

Идущий в творчестве, полезном для масс людей, идет не одиноким самобытным талантом, но звеном Единой Жизни, отметившей данное звено как путь для массы людей, для их освобождения, самого легкого, самого простого и самого короткого.

Вноси не свой труд и не свой талант в среду серой посредственности, но разбивай новую тропу для Жизни, чтобы Она могла пробивать в сознании людей бреши к освобождению, через твой дар.

Освобожденный — это тот, кто мог так постичь Любовь, чтобы забыть о себе и служить только Ей, так и там, где укажет Светлое Братство.

И эта надпись угасла. Я думал, что все указания лично для меня окончены, как Владыка указал мне на крест, сиявший под звездой розово-сиренево-золотым Светом, говоря:

— Милосердие не знает пределов, когда дает своим избранныкам поручения. Читай еще одно, последнее указание лично тебе.

Я прочел загоревшуюся надпись: Крест — не символ страдания. Он символ кармы, символ вечного закона Вселенной: причин и следствий. Твоя карма — не только с теми, кого ты лично знал, но и со всеми теми, чьих сердец коснулось и еще коснется слово твоего дара.

Отдавая слово миру, не в эмоциях и наблюдениях ищи ему вдохновения. Но в той Силе Света, что видишь и слышишь, что читаешь сейчас. Ее находи в людях, Ее вливай в изображаемые образы. Ею едины людей.

Так гласила последняя надпись, и, когда она погасла, прекрасная рука вновь повернула скрижали на те страницы, где горели надписи на языке пали.

— Взгляни теперь в сверкающие тона фиолетового цвета всех этажей. Ты видишь, что нет ни одного этажа башни, где бы не было лучей всех тех цветов, в расцветке которых ты видел светящиеся башни остальных лучей. Каковы бы ни были отрицатели, как ни упорны были бы они в своих предрассудках отрицания — Бог у них всегда в сознании есть. Если они даже отрицают для самих себя искренне, но дух их чист — они непременно имеют связь с этой башней. Все чистое, все доброе и все бескорыстное — от великого героя до скромного труженика — все вовлекаются, теми или иными путями, в огни этой башни. Нет ни одного самоотверженного поступка человека или зверя, который бы не отразился здесь и не был бы передан в вечную хронику слугами-духами этого луча. Со сказочной быстротой совершается здесь отражение земного поведения человека, если он действует во имя Бога. Подвинься ближе ко мне и рассмотри, что найдешь ты общего между всеми столь причудливо разнообразными этажами башни?

Я пододвинулся ближе к Владыке, в моем сознании наступило еще более высокое просветление, и я заметил, что сколько бы ни мчалось светозарных теней от башни или к башне, все они имели золотую звездочку, горевшую на лбу между глаз.

— Ты видишь у всех трудящихся здесь светящейся чакраму духовного развития. Ни одно существо, не дошедшее в своем пути до просветленности, до понимания Вечности и служения Ей, не может войти в повышенные круги творческой жизни трудящихся здесь духов. Если даже люди прожили с пользой для своей современности, они остаются в цепи кругов того же развития, пока их дух не завоюет понятия "вечное сейчас". Проноса свой день, люди-отрицатели постепенно, с большим трудом освобождаются от своих предрассудков. Каждый отрицатель, в какую бы форму ни вылилось его отрицание потом, начинал с отрицания вечности.

Приняв Ее, он уступал — под натиском просветляющегося духа — одну позицию отрицания за другой и, наконец, уже мог быть вовлечен в огни этой башни. Обряд, его великое укрепляющее и животворящее значение, спускается через огни этой башни к людям. Только для тех он несет свою животворящую силу, кто чистыми устами призывает в бескорыстии сердца

имя Божие. Молитва действенная — это не просьба о себе, а славословие. Славословие, поданное человеком в полной радости, возносящееся в религиозном обряде, — это непобедимая сила. И такая молитва всегда достигает Бога через тех Его слуг, в кругах которых она возносится.

Теперь взгляни пристальнее на самого Великого Учителя этого луча. Не найдешь ли ты и в его окружении чего-либо особенного по сравнению с другими башнями?

Владыка взял обе мои руки в свою могучую ладонь, склонился к моей голове, и я увидел ниже фигуры Учителя целое кольцо светлых фигур, большинство из которых я не знал, но в самом центре кольца мгновенно узнал Ананду и Раданду.

— Это кольцо — ближайшие сотрудники Учителя Сен-Жермена, его помощники, выносящие отсюда силу Любви и Божественной Доброты и помогающие людям приспособиться в их обстоятельствах Земли к служению Истине и выполнению Ее планов. Это все, что должен ты передать людям о лучах. Силы твои приходят к концу, несмотря на всю мощь, какую тебе дают твои высокие покровители и лично мой магнетизм. Вот тебе пища. Мы уже давно не едим злаков Земли, но добываем себе пищу из эфира и электрических волн в пространстве. Всегда питаться нашей пищей ты бы не мог, но на некоторое время это тебя вполне поддержит.

Владыка дал мне нечто вроде огромного боба, на вкус приятного и такого питательного, что я и половины съесть не мог. Затем он дал мне запить прозрачной, как бы газированной водой из стакана, похожего на добрый кувшин, и вывел меня в комнату через другой балкон-туннель.

В комнате стоял диван гигантских размеров, Владыка уложил меня на него и закутал шкурами все тех же серебристых лис. Последнее, что я запомнил, — предобрая улыбка Владыки, его благословляющая рука и слова, сказанные куда-то вверх, смысла которых я не разобрал. Только теперь, улегшись под теплые шкуры, я понял, как я устал.

Глава 27

Мое пробуждение в комнате с диваном. Возвращение в лабораторию. Беседа в ней с Владыкой. Божественное видение

Я проснулся внезапно, точно от толчка, как это нередко бывало со мною. В комнате разливался мягкий свет, но я никак не мог понять, откуда он шел. То мне казалось, что где-то стояла задекорированная лампа, то я начинал думать, что сюда проникает свет пустыни, но источник света оставался загадочным, а внимание мое отвлекали другие предметы необычайной комнаты.

Вопреки почти утвердившейся во мне привычке плохо разбираться в обстоятельствах при пробуждении, я сейчас отлично понимал, где я и что со мной, и точно помнил все, о чем говорил со мной Владыка-Учитель и что он мне показывал. Одно только исчезло из моего понимания — время.

Я рассматривал углубление, напоминавшее алтарь, в противоположной от меня стене.

При входе в комнату — это я отлично помнил — этого углубления я не видел, и теперь понял, почему я его не заметил: тяжелый, из необычайной золотой парчи занавес, скрывавший от моих глаз алтарь, был в эту минуту отдернут.

В углублении, на высоте трех огромных ступеней, стоял престол такой же формы, как у Франциска, только громадный и весь белый. На нем возвышалась чаша, граненая, сверкавшая, как гигантский алмаз. И чаша, и престол переливались разноцветными огнями. По росту Владыки все это были небольшие вещи, но я сомневался, чтобы руки мои смогли удержать подобную чашу, даже при моей новой голиафовой силе.

Не успел я насмотреться на дивное алмазное сверкание престола и чаши, как внимание мое привлекла сверкавшая под самым потолком пятиконечная звезда. Она сияла ярко, и через некоторое время я стал замечать складывавшееся над нею огненное письмо. Сначала я думал, что на такой высоте ничего не разберу, даже если буду знать язык письма. Но, встав во весь рост на диване, легко прочел огненные слова на языке пали:

Тот, кто проявил героическое напряжение и чистоту сердца, — вошел в пламя Вечности.

И Вечность сожгла все его животное, возвратив ему все прежние его таланты.

И человек, став слугою-другом людям, станет слугою и Самой Истине и принесет людям Ее Новое Евангелие.

Слугою Истине может стать только тот, кто научился любя побеждать.

Надпись погасла. Я сошел с дивана и склонился до земли перед престолом Владыки, моля Великую Мать помочь мне сделаться достойным слугой людям и выполнить волю Единой Истины, любя — побеждать и любя — творить только одну Ее волю.

В этом положении меня застал Владыка, поднял меня с земли и, крепко прижимая к себе, сказал:

— За все время моего существования на Земле никому еще не возвестила Истина своего избрания огненным письмом над этой чашей. А чаше этой — не мною сотворенной, но мною полученной от выше меня стоящих, — эоны лет. Только истинно смиренный и ясно осознавший место свое во вселенной мог получить здесь указание Огня. Оно равносильно второму крещению, крещению Духом и Огнем. Иди же путем, здесь, брат мой, тебе указанным. Будь смирен до конца и пойми в своем смирении, что ты избранник Божий. Помни: тяжел путь каждого пророка. А путь пророка, возвещающего Новое Евангелие, — вдвое тяжелее. Пойдем теперь отсюда, из этого "Святая Святых", но посмотри еще на стену, у которой ты спал, быть может, тебе откроется лик Владыки мощи, покровителя и защитника всех идущих полною верностью до конца в его луче мощи. Величайшее милосердие этого Учителя мощи не знает пределов; и только слабые духом воспринимают этого вождя суровым. Его внешняя суровость — защита именно тем слабым, что не имеют силы вынести его мощи. Ибо и мощь Милосердия должна быть встречаема мощью мужества человека, чтобы быть понятой.

Обнимая меня, Владыка подвел меня к дивану. Он отдернул тяжелую занавесь у изголовья, и я увидел на белой стене светящийся чудесный портрет Али. Он стоял во весь свой гигантский рост как живой. Черные кудри выбивались из-под белого тюрбана, в руках он держал сверкавшую чашу, точь-в-точь как на престоле Владыки, только несколько меньших размеров, с клубившейся в ней огненно-белой жидкостью.

Это был тот Али, что гулял и беседовал со мною в своем парке; тот же Али, которого я видел в аллее в К., на пиру в его доме, наконец, тот же Богочеловек, лик которого сверкал с высот белой башни. И... в тоже время это был другой, новый Али, которого я никогда не видел, и даже не мог предполагать, что его лицо может носить такое выражение ликующей радости, счастья, любви, кротости и той божественной доброты, что я видел на лице Великого Учителя Иисуса. О, как он был прекрасен! Я

невольно опустился на колени и прошептал, склоняясь к земле:

— Славословлю имя Твое, Али, посланник Бога! Да будет славен каждый, кто, даже не зная Тебя, произнесет с надеждой и любовью имя Твое.

Владыка поднял меня, отер душистым платком катившиеся по лицу и не замечаемые мною слезы благоговения и сказал:

— Узнай истинное имя этого великого слуги Бога, Его воина мощи. Его зовут Мория, и, обращаясь к нему, отныне зови его так. Этот покровитель всего творящего не оставит и тебя в пути, и в доказательство его милосердия и помощи тебе он показал тебе здесь свой лик, которого не видел еще ни один человеческий глаз.

Пойми крепко: нет чудес, есть только ступень знания. И сообразно этой ступени каждый видит то, что дух его видеть может.

Он вывел меня из комнаты, и мы снова вошли в лабораторию, пройдя внутренний туннель.

Я не мог бы с точностью описать, что произошло со мною внутренне. Но какой-то переворот снова совершился во мне. Не говорю уже о том, что зрение мое стало совсем ясно. Я видел все насквозь без помощи Владыки, видел горящие башни, всю деятельность на них, всю Жизнь, движущуюся в разнообразных формах и живущую в формах без движения. Я снова был слит со всей вселенной, с ее Творящим Началом.

Я был в Нем, Оно было во мне.

И в то же время я точно сознавал, что был только крошечным колесиком Вечного Движения, гармонично вплетенным в Него, с сохранением полной самостоятельности мышления, движения, трудоспособности. В этой тесной связи со всем я был отдельной, свободной точкой сознания. И свобода моя была именно те легкость и пустота сердца, о которых мне говорил давно и часто И.: я жил освобожденным от страстей, от личных привязанностей.

Только сейчас я стал понимать счастье жить освобожденным, счастье быть творящей единицей Всей Гармонии. Радость звучала в моем сердце, и я понял великое название часовни, к которой привел меня Раданда, часовни Великой Матери: "Звучащая Радость".

Мне казалось, что божественно прекрасный и милостивый лик Али-Мории сопровождает меня сейчас и в этой комнате, и он помогает моему новому сознанию усваивать уроки Учителя-Владыки.

"Мир-Вселенная есть часть Истины", — прочел ты в огненном письме. Эта кажущаяся недостижимо высокой знанию человека Земли часть Истины теперь раскрывается тебе как маленькое поле труда мировой божественной силы. Проследи эту свою последнюю жизнь. И ты увидишь, что в твоей

интуиции с самого детства все время жило глубоко запрятанное чувство, что тебе готовится путь иной, чем пути всех, тебя окружающих. Ты ничем внешне не отличался, кроме исключительных способностей, от пестрой толпы окружавших тебя людей. И все же ты знал, что какую-то миссию для этой окружающей тебя толпы ты должен будешь выполнить. То же знали и все пришедшие сюда с тобою братья твои... Почему мог ты об этом знать, вернее выразиться, почему в тебе жило именно это предчувствие? Почему лицо Мории поразило тебя при первом же мимолетном свидании? Почему тот, кого ты привык звать Флорентийцем, но чье имя на самом деле Венецианец, привлек в самое короткое время твою любовь не меньше, чем это мог бы сделать родной тебе отец?

Да просто потому, что все эти великие слуги и самоотверженные сотрудники Истины давно уже готовили тебя к твоей миссии и учили тебя понимать Жизнь во всех Ее формах, видимо и невидимо трудящихся в двух планах: земли и неба. Но твой характер, склад твоей кармически изживаемой в это воплощение личности мешали тебе уносить — до времени — память о труде твоей вечной индивидуальности, память о ночных уроках на Землю. Самоотвержение И., оставившего для тебя и всех твоих спутников свои высоты, спустившегося в гущу бытовой жизни, чтобы скорее, проще, легче и веселее вывести вас, избранных Светлым Братством, для подвига труда и помощи современному человечеству, помогло вам всем найти, развить и укрепить в необходимой мере Гармонию между личностью и индивидуальностью, между текущей формой и Вечным, в ней заключенным. В своих произведениях откроешь людям в ряде художественных образов не только то, что смерти нет. Но и всю необходимость его личности для каждого, кто сходит жить на Землю. Личность — не зло, от которого можно отмежеваться или отмахнуться. Не навязанный кармический груз, от страстей которого можно стонать и жаловаться. Личность человека — это величайший из даров Милосердия, Свет, подаваемый каждому в той наичистейшей лампаде, которую все невидимые помощники округа могли соткать Вечному Огню человека, слив свои заботы и помощь Любви с его собственным трудом и любовью. Многие миллионы сознаний, где еще закрыт выход Духу, идут в материалистических идеях ума и живут в его крепости, не менее надежно запертые, чем те миллионы, что всю жизнь «ищут» духовных путей, а живут в узких рамках личного. Первые, отрицающие дух, часто бывают цельнее и находят выход к Истине скорее и легче. Вторые — «искатели» — чаще всего так и умирают в двойственности, ища в идеях и фантазиях, а в земном, сером дне живя в железных лапах личных желаний. Взгляни сюда.

С этими словами Владыка посадил меня у подножья зеленой башни, в высотах которой сверкал дивный образ того, кого я привык звать своим другом и покровителем Флорентийцем, но кого теперь призывал сердцем как Великого Учителя Венецианца.

— Видишь ли ты в узкой полосе белых цветов постоянно обновляемое движение, тянущееся к самой груди Учителя и кончающееся огненно-зелено-красными нитями?

Ряд белых, прекрасных цветов вносят труженики белой башни Мории. Присмотрись...

Целая толпа сияющих белых духов, видимых отчетливо тебе, но даже не всем братьям Светлого Братства известных, ждет своей очереди, чтобы вложить в совершенно определенный, гармонически точный белый рисунок свой цветок. Почему ждут эти самоотверженные труженики? И чего они ждут? Они ждут своей — вернее сказать, того, кому несут, — очереди и места. Вот из зеленого поля огня башни Венецианца отлетел труженик с белым цветком — силой мысли Мории — обратно к белой башне.

Проследи его путь. Цветок на зеленой башне казался совершенно белым. Теперь, вброшенный в белый горн огня, он вплелся в него зеленоватым рисунком и поплыл дальше, сияя и расширяясь, то есть принимая форму активной силы, как действие Мудрости, в Ее сочетании Силы и Такта. Дух новый созрел в человеческом существе для нового, повышенного служения своей отрасли труда. В образовавшееся пустое место зеленой башни очередной невидимый помощник вносит свой белый цветок — неустанно. Идет Жизнь — Вечное Движение в формах и без форм. Если ты понаблюдаешь все открывшиеся твоему взору башни Труда, ты увидишь тот же целесообразный и закономерный труд Гармонии на них на всех. Может ли быть хоть кто-либо забыт? Может ли хоть один человек быть обойденным? Может ли помощь к нему опоздать? Может ли небесный труженик остановиться в пути? Изменить по своему усмотрению путь несомого им человеческого сознания? Все движется в строго определенных каналах Мудрости, Ее полном милосердии. И все перемены внешней и внутренней судьбы человека — есть ответ ему на его зрелость. Готов человек — готов ему ответ Жизни. И этот ответ всегда целесообразен, хотя бы на бытовом языке он и оценивался «незаслуженным». Все люди молятся, взывают к Богу и Его святым, но большинство этих молений — пустая, суетная возня людей со своими собственными слепыми личностями, потому они и остаются неслышанными, без ответа и помощи. Наибольшее поношение получишь

ты от этих неготовых, но считающих себя центром, умом Земли, людей. Ни одной катастрофы в жизни человечества не бывает попусту. Все они вызываются чрезмерным развитием конечного ума, нередко вступающего в сотрудничество с темными оккультными силами. Вступив в такое содружество, значительная часть людей начинает мечтать о подчинении мира своей власти, старается выбросить в современность грубейшие из идей материализма, убить дух и живой Огонь в человеке — и катастрофа на земле назрела. Великая Жизнь вводит снова Свои формы в русло закономерности и целесообразности. То есть те слои человечества, где окостенение их духа столь велико, что в эти их временные формы уже нет возможности вдвинуть какую-либо цивилизацию и более высокую культуру, Жизнь уводит в иные слои Своих форм, давая им отдых, озаряя их окостенелое сознание новыми духовными волнами и снова возвращая на Землю как более гибкие и светлые формы, целесообразно соответствующие своей и общечеловеческой вечной эволюции. А люди, судящие все с точки зрения справедливости только одной Земли, говорят: война, эпидемия, голод, землетрясение, погром и так далее. Взгляни теперь сюда, присмотришься пристальнее к красной башне. Уже в первый раз, как ты рассматривал и наблюдал работу невидимых ее помощников, ты понял, что отличительной чертой шестой башни — неповторимой больше нигде — было неустанное излияние самых разнообразных слоев и волн Любви на Землю через тружеников неба — слуг этого луча Любви. Их деятельность сплетается в орнамент, полный красоты и гармонии. Но в чем, собственно, состоит труд невидимых помощников луча Любви в отличие от труда всех остальных лучей? Почему этот путь — один из самых трудных для человечества? Все, кто достиг такой освобожденности, чтобы трудиться на этой башне-чаше, уже прошли те центральные круги духовного совершенствования, где живут понятия осуждения братьев-людей. И не только осуждения или пересудов не знает сознание тружеников этого луча, оно не знает и временного благополучия, не знает закона справедливости — измышлений одной земли. Их сознание воспринимает только Вечное в человеке. К этому Вечному оно обращается и только этому Вечному помогает в каждой форме. Мужественная Любовь Владыки этого луча изгнала всю слабость из сознания своих сотрудников. Помощь этого луча — героическое напряжение, которое и сам этот Учитель, и все его сотрудники пробуждают в людях, закаляя их характеры в нем. Только те люди, которые перестали жаловаться на свою судьбу, перестали в своем сером дне возлагать надежды на помощь со стороны, свалившуюся им как протекция или опека, которых они считают себя «достойными», а дающих

— «обязанными»; только те люди, которые достигли силы жить свой серый день в героическом напряжении, считая эту форму жизни самой простой и естественной радостью для себя, — идут лучом Любви. Одной из отличительных черт этих людей всегда бывает то, что они всюду вносят с собою мир: умиротворяя своим примером героизма в сером дне, прерывая в своих встречных братьях-людях их, казавшиеся такими тяжелыми, драмы. Стихают не только все бури страстей, но даже недоброжелательство друг к другу стихает в их присутствии. В своей будущей литературной работе, к которой готовит тебя сейчас Великая Мать Жизни, пронеси сознанию людей в ярких чарующих образах — образах безвестных героев серых будней — эту новую героику чувств и мыслей. Шаг за шагом указывай на мощь духовного развития в простых, обычных людях, что строят новые формы быта только потому, что их собственная в них живущая Любовь не знает разъединения, не знает смерти, а знает твердо и непоколебимо вечную смену форм Единой Вечной Жизни. Теперь взглядишь в кузнецов мощи духа первого луча и разберись, чем и как они отличаются в своем труде от кузнецов духовной мощи шестого луча.

Владыка посадил меня так, что я увидел точно приближенными друг к другу башни — белую и красную. Обе они как бы выступали на первый план, а все остальные горели ярко за ними. Но я понял, что на самом деле никакого изменения в размещении башен не произошло, а просто Владыка — силой своей неземной воли — помог мне фиксировать так мое внимание, что оно сосредоточилось на первой и шестой, оставив остальные башни, как и всю остальную вселенную, только существующими в моем сознании.

Этот опыт — по-новому фиксированного внимания — проходил тоже впервые. Где-то во мне мелькнула мысль, как многим я обязан помощи Владыки, но голос его прервал всякую возможность рассеяться.

— Ты видишь, что небесные труженики обеих башен, помогающие людям ковать силу духа, идут путями разными. В белой башне они идут по ярко-розовому лучу. А в красной башне они идут по лучу бледно-розовому, испещренному белыми прожилками, сложившимися в сложный и прекрасный рисунок из белых молний — мыслей Мории. Все духовно мощные, идущие лучом первой башни, как ты уже знаешь, — творцы. Эти творцы имеют всегда определенную миссию: вести, пробуждать, организовывать толпу. Это вожаки земного человечества, устроители государств и политические реформаторы. Но это только те вожди человечества, те мудрецы, которые трудятся на благо своего народа или всего человечества. Их расширенное сознание не тонет больше в мутных

волнах личного. Их любовь превращается в такую силу, когда они, не бросая якоря спасения сотне самоотверженных, имеют Дух-Огонь-Волю-Любовь обречь на смерть — смерть временного — сотни, если знают, что самоотвержение этих сотен вынесет в своем героическом смертном стоянии в высшую волну Жизнь в формах новых миллионов. Верность этих вождей не знает сердечного содрогания от ужаса временного. Они трудятся для Вечного, для его повышающихся форм, для неустанного выявления в массах новых, единящих людей идей труда и Света. Владыки и главы государств, вожди политических партий, преследующих цели общего блага, — все идут здесь. Это луч сил исключительных, выдающихся. Все ведущие — будь то деятели искусства или литературы, просвещения, авторы изобретений или открытий, охватывающие огромные массы людей своею деятельностью, — идут здесь. Их Любовь-Силу несет всегда Огонь. И нет для них лично никакого значения в том или ином быте. Они не умещаются ни в какой «быт». Напротив, они почти всегда разрушители обывательских, привычных норм существования, потрясатели плесневеющей психики. Они, лично не заинтересованные в быте, являются необходимыми разрушителями для созидания обстоятельств, полноценно соответствующих своей современности. Что касается огненной Верности-Любви деятелей мощи шестого луча, то у них на первом месте быт, труд серого дня, семья и устои нравственности. Но этика этих деятелей не мертвая мораль, «принципиально» основанная на сухом велении мозга, где и доброта идет от ума, суха и до мелочи «обоснована». Этих тружеников мощи, любящих миротворцев мира, ведет Огонь их сердца по делам простого дня. Не суди о них по бытовым понятиям земли. Не думай, что они не годны для дел широких возможностей. Но их любовь так велика, что они немедленно спасают каждого, в данный текущий момент, в данных его обстоятельствах, прилагая все очищающие силы своей Любви-Мощи на то, чтобы помочь раскрепоститься человеку от его протестов против тех внешних обстоятельств, в какие он попал в это свое «сейчас» Вечности. И эта их деятельность, как избравших себе самый простой день, так заполнена мыслями о встречном, вернее сказать, о каждом из них, что для потрясающих и созидających переворотов масс они быть использованы Жизнью не могут. Эти труженики несут на своих плечах всю тяжесть обыденщины, превращая серый день, убогий и бледный, в сияющий Свет своим встречным. Эти смиренные — истинно смиренны. Они точно знают свое место во вселенной. Потому-то мир их сердец переливается во все места, где они живут, как переливается через края огненная Любовь той чаши-башни, лучом которой они идут. Их правдивость, как и их Любовь, не

принцип, а Огонь сердца. И творчество их, маленькое по масштабам, огромно по силе их помощи. Фиксируй свое внимание на том, что я сказал тебе: они помогают встречному сейчас, в его обстоятельствах, становясь на уровень его понятий. К какому же лучу стоят они ближе всего этой стороной своего труда? "К третьему", — без слов отвечаешь ты мне. Быть может, и к третьему. Но я задал тебе этот вопрос только с той целью, чтобы ты твердо усвоил: нет в труде жизни отъединения, и быть его не может.

Задачи шестого и первого лучей в их выковывании мощи ты проследил. Задачи шестого и третьего лучей ты сам назвал общими. А разве задачи второго, шестого, третьего и первого лучей не связаны? Разве задачи пятого и седьмого лучей стоят в стороне? Я тебе говорю все это для того, чтобы ты более не удивлялся и не потрясался, в каком облике увидел ты Владыку того или иного луча. Все слито воедино в каждом из этих совершенных людей, которых ты зовешь Богочеловеками и так воспринимаешь их в своем сознании. В гармонии их мощи, в гармонии их Огня они так освобождены от всяких страстей, что могут быть видимы одновременно многим сотням сознаний, каждому именно так, как ему это наиболее целесообразно, по его возможности. Тебя потрясает, что ты, считающий себя слабым и недостойным, избран для миссии столь великой. Не тебе судить, сын мой, тебе — повиноваться.

Неси в смирении подаваемый тебе Жизнью вновь дар. Неси радость и легкость в своих встречах и мужайся в них. Все то из своей кармы, что было бы в тягость твоему новому таланту, что не могло бы позволить тебе внести Новое Евангелие серого дня в современное тебе общество, сожжено самой Жизнью. Жизнь дала тебе Великих в непосредственные наставники. Тех Великих, путь к которым люди ищут веками и находят редко. Еще раз повторяю: не тебе судить. Тебе — повиноваться. Ты не можешь еще понять всей закономерности и целесообразности труда Жизни. Но ты можешь до конца понять, что только радость — твой меч победы. Только с ним в руках ты можешь выполнить даваемую тебе миссию, заветом которой для тебя будут всегда слова, что ты сам прочел в огненном письме: "любя побеждай".

Владыка умолк. Взглянув на него, на всю его громадную фигуру и светлый лик, я увидел, что он как бы окаменел со сложенными на груди руками. Я боялся шелохнуться, чтобы не прервать его экстаза. Глаза мои, все время сохранявшие полное и ясное зрение, видели все ярко горевшие башни и непрерывный труд на них небесных тружеников.

Долго ли продолжалось молчание Владыки, я не знаю. Я уже говорил, что время для меня кончилось, как исчезло и пространство. Я жил только в

Вечном, а сейчас только так и мог понимать и воспринимать все творившее и творившееся вокруг меня.

Внезапно я услышал тихий вздох и, подняв глаза на Владыку, был потрясен сияющим видом не только его лица, но и всей его громоздкой фигуры. Владыка сиял весь.

Сияли его волосы, плечи, руки, глаза, лоб, шея, ноги. Я отчетливо увидел в вихревом вращении его чакрамы, своим объемом отвечавшие пропорциям его сложения.

Но по расцветке и блеску они показались мне еще невиданными.

— Встань, друг, — еле слышно сказал мне Владыка. — Милосердие не знает предела, когда готовит детей своих к подвигам любви на общее благо. Смотри за башни. Там увидишь и услышишь предназначающееся тебе для вечной памяти. Много жизней изживает человек. И вовне ничем святым эти жизни не отличаются от окружающих их.

Не потому, что в них на самом деле нет святого. Но потому, что святость человека малодоступна зрению обычных людей. Видят то, что могут. Чаще всего проблемы ума и морали, а не Истину, живую и вечно движущуюся в Святая Святых сердца избранника, видят люди. Приготовься принять в свое Святая Святых то Евангелие серого дня, что понесешь на землю людям как ряд новых, чарующих образов.

Владыка стал на колени, расстелил край своего хитона и помог мне опуститься на него подле себя на колени.

Я весь ушел вниманием, точно перенесся за башни, и увидел пустыню, глухую и мертвую. Через некоторое время в глубине пустыни за клубился туман, как я видел на золотой стене в лаборатории Владыки. Туман слился в огромный шар, шар постепенно стал золотиться и принимать грандиозные размеры, закрыв собою все.

Став совершенно золотым, он начал переливаться всеми цыетами радуги, испуская лучи и кольца такой мощи и яркости, что вся земля и небо оказались охваченными ими, очутившись в самом центре колец и лучей. Шар становился все прозрачнее, от него отделилось несколько больших пятиконечных звезд, а самая гигантская из низ взлетела высоко и замерла в своем ослепительном сиянии. Туман теперь совсем рассеялся и под сиявшей гигантской звездой я увидел нечто вроде сказочно прекрасного сада. На площадке в центре его — те же божественные, юношески прекрасные фигуры, которые видел впервые на стене Владыки.

Но теперь самая из божественно прекрасных, сиявшая, как солнце, фигура, стоявшая тогда в центре треугольника, стояла впереди, а три фигуры, тогда образывавшие треугольник, стояли теперь в ряд сзади.

Первая фигура, несмотря на помощь Владыки, поставившего меня на свой хитон и покрывшего мне голову своим рукавом, сияла такой нестерпимой для меня мощью Света, что я сознавал себя на грани смерти. Ощущение у меня было такое, точно сам я умер и жило только мое сознание.

Рука Божественной фигуры протянула мне — точно выбросила в меня сноп Огня, который меня опалил, — свиток древнего папируса. Три стоявшие сзади фигуры развернули его, и я прочел, легко и просто, три сверкавшие на нем надписи.

Первая надпись гласила:

Ряд жизней не вскрывает сознанию человека его связи с Мудростью. Ее вскрывает всегда катастрофа, сжигающая животное в человеке. Он входит в Гармонию.

Эта надпись сверкала ярко-желтым огнем. Вторая, ярко-ало-огненная, говорила:

Вошедший в Гармонию принимает дар посвящения. Ибо стал сам частью Любви.

Третья надпись, горевшая совершенно белым огнем, гласила:

Став Любовью, человек поднимает крест распятия на свои плечи. Идет в гущу жизни и несет людям Новое Евангелие, такое, так и там, где верность его следует за верностью ведущих его, где верность ведущих его следует за верностью Моею.

Идет человек, неся Новое Евангелие Земле, ибо стал Силой.

Надписи все погасли, фигуры Божественной Красоты закрылись туманом, туман снова слился в гигантский шар.

Я дрожал и был близок к смерти, как мне казалось.

Последнее, что я запомнил: Владыка укладывал меня на диван и укрывал шкурами.

Глава 28

Второе пробуждение в необычайной комнате Владыки. Что говорит мне живой портрет на стене. Еще одно Божественное видение. Последнее наставление моего Владыки-Учителя. Посещение Владыки-Главы, беседа с ним в его комнате и беседа в "Святая Святых

Я проснулся сразу, с чувством такой силы, радости и счастья, каких я, казалось мне, еще де знал. Насколько изнемогающим, в смертной усталости и бессилии, я был сюда внесен Владыкой, настолько же гигантски сильным я чувствовал себя в своем пробуждении. Так как время исчезло из моей жизни, то я не мог отдать себе отчета, который теперь час, утро или вечер, день или ночь. Не знал я также, сколько времени я спал, и еще менее понимал, как долго я нахожусь вообще во владениях Владык Мощи.

Я быстро вскочил с дивана, по ассоциации вспомнив, как поразил меня когда-то дорогой мой друг Венецианец, поднявшись мгновенно, упруго, как кошка, после своего непробудного сна в вагоне. Благословив то дивное время, когда я ничего не знал о Венецианце, а жил, спасаемый, ласкаемый и утешаемый, подле друга моего Флорентийца, послав благоговейное ему мое приветствие, я взглянул на стену у изголовья дивана, надеясь увидеть там дивный портрет Али-Мории, так поразивший меня в первый раз сиянием счастья и мира, которыми я сам был переполнен сейчас.

На стене клубился туман, прикрывавший облик Мории; но его прожигающий взгляд достиг меня даже через эту завесу. На этот раз я воспринял молнию глаз Мории как луч радости. Еще шире раскрылось сердце мое к счастью, еще ярче я понял Божественные слова: "Звучащая радость". Я опустился на колени, в порыве любви и благодарности протянул руки к портрету и воскликнул:

— Мория, Мория, Мория! Я молил Жизнь, чтобы спасся каждый, кто с верой и надеждой произнесет имя твое. В эту минуту радостью сердца моего я благословляю тебя, Великий Учитель, за те слова, что сказал ты мне у озера, мне, жалкому, несчастному мальчику, каким был я для всех. Твоя же любовь, как и любовь Венецианца, как милосердие И., подобрили меня и помогли выйти на ту тропу, где я увидел радость и счастье на лице твоём, понял радость и счастье жить для блага людей. Да будет благословенно Светлое Братство! Да откроются пути радости жить и

творить всем тем, к кому меня посылает Великая Мать. О, Мория, будь мне примером и вечной памятью о том, как я должен научиться одному: забыть о себе и думать о других.

Благословляя имя моего божественного друга, я склонился до земли перед клубившимся туманом, скрывавшим его портрет. Когда я поднял голову, на меня смотрело чарующее лицо Мории, уста его счастливо и ласково улыбались, чаша в руках сверкала всеми цветами радуги, и тихий голос, точно прямо в ухо мне, говорил:

— Мужайся, сын мой. Сказало тебе огненное письмо: "Идет человек, неся Новое Евангелие, ибо стал силой". И там, где встал ты на путь силы, там скрестился путь твой с моим. Никто не идет в одиночестве, а менее всего тот, кто несет людям завет новый. Но людей таких, чтобы приняли безоговорочно в цельной верности новый завет своей современности, мало. Большинство старается примирить слово новое на компромиссах со старыми предрассудками. И выходит у них халат из старой затасканной мешковины с новыми яркими заплатами. Они не чувствуют этого уродства, не страдают от дисгармонии, потому что их понятия о гармонии — детски.

Устойчивости в них нет; и Вечным — в Нем полагая весь смысл своего текущего сейчас — они не живут. Страдает от бурь и отрицания толпы больше всего тот, кто принес завет новый на землю. Крестное распятие предлагает гонцу неба невежественное человечество, вместо и благодарности и радости награждающее его презрением и вульгарными насмешками. Мужайся, сын мой. Путь твой скрестился с моим — я пойду с тобою, неся свою силу в помощь тебе. Я опускаю чашу силы моей тебе на голову, и отныне, где бы ты ни был, что бы ты ни делал, как бы ни шли и куда бы ни вели пути твои, я всюду с тобою. Зови имя мое и помни: каждый труд твой — Я разделяю, в каждом деле дня — Я твой сотрудник. Никто не одинок и ты менее всех, хотя лишь ничтожная доля современников приняла труды подвига твоего.

Единясь с людьми, важно помнить одно: не личность людей и ее истерзанные осколки подбирать, но заставлять — силою своей устойчивости и радостной верности — таять личность встречного человека. Пробуждать в нем мир и мысли о Вечности; стирать грани условного и единить его в высоком благородстве не только с собой одним, но так много пролить мира и удовлетворения в его сердце, чтобы он мог сам принять встречаемых им людей в свои братские объятия, ведя свое братство с ними от Единого в себе и в них. Подойди к алтарю. Тех, кого Истина посылает Своими гонцами, Она закаляет в единении с Нею. Моя любовь будет поручителем и помощью тебе в твоей последней беседе с

Владыками Божественной Мощи.

Голос Мории затих, а рука указала мне на ступени алтаря в углублении противоположной стены. Я поднялся с земли, еще раз низко поклонился живому портрету Мории и взошел на ступени алтаря, радостно улыбаясь смешным усилиям, которые проделывали мои руки и ноги, чтобы влезть со ступеньки на ступеньку.

Рассчитанные на рост Владыки, для обычного человека ступени были громоздки, как огромные обломки скал.

Остановившись на верхней ступени, я сосредоточил все свое внимание на белой чаше и воззвал к образу того божественно прекрасного Владыки Мощи, что бросил мне драгоценный свиток в снопе опалившего меня Огня.

Чаша, сверкавшая и раньше, теперь залилась вся золотым светом. Над нею, на стене алтаря, за клубился туман, вверху сверкнула звезда, и я увидел окруженную необычайно прозрачным светом фигуру юного Владыки Мощи, фигуру живого Бога, ибо я не умел назвать иначе этого покровителя Земли. Но не изнеможение, не желание закрыться от сверкания Божественного Света в Нем наполняло меня сейчас. Восторг, тишина Духа, какой я еще никогда не испытывал, тишина, которую могу определить только как Божественный мир, как желание выполнить все, что велит мне этот Образ живого Бога, выполнить до конца, быть верным до смерти, до смертного распятия, если оно закрепит в сознании людей то новое слово, что определила мне Жизнь передать им.

Вся стена, вся комната засияли, точно сюда ворвались лучи солнца. И в этом свете, который шел от дивной сверкающей фигуры, я мог теперь разглядеть лицо, точно сотканное из самых прозрачных лучей, улыбку уст, доброту и сострадание которого не описать никакими словами, и услышал голос.

Но как описать этот голос? Он был нежен и мягок, музыкален и обворожителен, как свирель; и он же был мощен и звонок, будто вся вселенная должна была наполниться его раскатами.

"Строители Жизни — только те, что духом созрели и вышли из детских понятий страха смерти.

Каждый, дошедший до такого состояния, входит в число сотрудников Моих, независимо от внешних условностей, в которых живет на земле.

Избранники — не те, кого отмечает славой и почестями условность земная, но те, кто Дух свой слил с Трудом Бога.

Труд Бога и сотрудников Его имеет один признак, не всем людям видимый, но всегда видимый Светлому Братству: бескорыстие. По этому признаку Светлые Братья отыскивают сотрудников Моих в море лицемерия

и страстей и берут их под свою опеку. Воспитывая их в законах Вечного, Светлые Братья вводят каждого из сотрудииков Моих в ступень его, им самим сотканного избранничества.

Нет «способов» стать избранником. Духа высота горит в человеке видимо для Светлого Братства и часто невидимо для окружающих Моего избранника людей.

Владыки карм, зная силу Огня в человеке, соединяют в нем иногда в одном воплощении все «хвосты» прежних его карм; и идет человек-избранник умышленно закрытым от взоров окружающих его людей. Видят в нем личность, грандиозную и поражающую, и не видят Меня в нем.

Тебе — путь иной. Вне очередных посвящений и ритуалов неси Евангелие Новое, будоражащее и закаляющее дух людей. Властью чистой радости расчищай костры мусора и предрассудков труда и работы, в которых, как муравьи, засели и погрязли люди, думая, что трус их есть неизбежное закрепощение, пока живут на земле.

Трудиться должен каждый, не привязываясь к труду, не ища в нем результатов, за которые награждают. Но славя в своем труде Бога и ближних. Труд человека есть славословие дню.

Внеси ясность и понимание, что труд есть радостная основа и свобода жизни. Внеси понимание нераздельности труда неба и земли, как и нераздельности жизни земли и неба.

Вся помощь, которую ты вместить можешь, дается тебе от Меня через Светлое Братство. Внимая Мне и слугам Моим, Братьям Милосердия, неси день не как подвиг горя, но как счастливый человек, понимающий, что день жизни легок, что он есть сила сердца, то есть ни мысль, ни чувства не ощущают тяжести героического напряжения, но живут в ней легко и радостно, ибо видят меня и трудятся со Мною".

Не знаю, сколько времени сиял Свет, когда застлалась фигура Живого Бога туманом, — я не жил на Земле, я влился в струи Света — и счастьем прожитых в блаженстве минут нет названия...

Когда я очнулся. Владыка стоял за мною, держа обе руки на моей голове, и тихо говорил что-то, обращаясь к чаше, но я не мог еще ничего разобрать...

Владыка поднял гигантскую чашу с престола. Чаша вся горела золотом, кипевшим в ней и вокруг нее как огонь. Подняв ее высоко, Владыка сказал: — По велению Твоему.

С этими совами, произнесенными на языке пали, он опустил чашу мне на голову. Я ощутил невероятной силы толчок и треск; как от удара грома сотряслось все мое тело, я был оглушен и ослеплен. Но это продолжалось

одно мгновение, вслед за которым во мне и вокруг воцарилась та божественная тишина, которую я уже испытал у этого алтаря, когда увидел на стене сияющую божественно прекрасную фигуру.

— Тебе от Твоих, — тихо произнес Владыка, все еще держа чашу на моей голове.

Через мгновение он поставил чашу на престол, сошел со мною со ступеней и, остановившись перед ними, точно повинуюсь неслышному и непонятному мне приказанию, так же тихо произнес:

— Да будет воля Твоя.

Я не знал, кому говорил Владыка, ибо в комнате сверкала только великолепная звезда, от которой бежали к Владыке мелькавшие в лучах светлые, золотые, менявшие форму мыслеобразы, которых читать я не умел.

Поклонившись низко все еще сиявшей звезде, Владыка приблизил меня к себе и сказал:

— Нет чудес, есть только ступени знания. И это знают все мудрые. Но, кроме ступеней знания, есть еще ступени Милосердия; и о них не знают не только обычные люди, но не знает и большая половина мудрых. Ступени Милосердия не открываются людям земли, ибо они редко доходят до истинной силы Духа, то есть редко на самом деле, в активной деятельности серого дня, живут в двух мирах, стоя в них в полном бескорыстии и славя минуту текущей вечности. Через каждую ступень Милосердия ведет человека, если Божественные Владыки дают на то Свое повеление, кто-либо из высоких членов Светлого Братства. Неисчислимо количество ступеней Милосердия. И, однажды открытое человеку как восхождение к Истине, оно не прекращается для него никогда. Вступивший однажды на первую ступень Милосердия дойдет и до последней, кончающейся у ног Живого Бога на той планете, где человек живет. Для ступеней знания человеку нужны какие-то усилия, чтобы вскрыть в себе живущее уже там, но не сознаваемое еще ясно знание. Для ступеней Милосердия никаких усилий человеку не нужно: в нем читают очи Бога его чистоту и полное бескорыстие, и по этим признакам отдается Божественный приказ — всегда определенным членам Светлого Братства — ввести человека в ступень Милосердия, то есть помочь ему войти в путь труда и общения с Богом. Я сказал: ступеней Милосердия, неисчислимо количество. Если ступени знания людей всегда совпадают с трудом невидимых помощников семи лучей человечества, то ступени Милосердия никогда не идут для человека, подчиненные каким-либо законам, установленным для человечества. Очи Бога той планеты, где живет человек, обращая взор Своей силы на

человека, вырывают его из всех условий его бывших карм, сливают его с Собой и кладут на него венок Своего сотрудничества, а люди говорят о нем: святой, мученик, угодник, герой. Чтобы очи Бога почтили на человеке, он должен обладать, при своем бескорыстии и чистоте, еще и полным самообладанием. Если видишь людей, владеющих в полной мере своими органами и своим характером, то есть людей, совершенно освобожденных от давления личности, то всегда точно знай: это люди, идущие ступенями Милосердия. Перед каждым человеком раскрыты все дороги Жизни.

Ты понял, что нельзя избрать человека по его кажущимся признакам добродетели.

Его можно только ввести в те слои вибраций Гармонии, что в нем живут, невидимо для людей и видимо для очей Божественных. На какую из ступеней Милосердия ступит нога человека — то определяется силою воли человека. Сила воли Христа или Будды зависела от их полной освобожденности, и очи Бога могли вызвать их для жизни и действий на последней ступени Милосердия, где настало их полное слияние с Богом.

Вникни еще в одно указание, что повелел мне растолковать тебе Великий Бог, Господь нашей планеты — Санат Кумара.

Владыка стал на колени и коснулся челом первой ступени престола. Вся фигура его выражала благоговение и счастье, в которых он произнес Божественное имя. Я последовал его примеру, шепча чудесное имя и славя Его всем сердцем за все излитое мне Милосердие. Поднявшись с колен, Владыка, сияя всей своей фигурой, продолжал:

— Никогда, нигде и ни перед кем не произноси этого Божественного имени без особого на то указания. Настанет время, и все, что ты испытал здесь или вообще в своей жизни, будет указано тебе передать людям. Только для этого шла, идет и будет идти вся твоя жизнь, только для этого пришел ты сюда. Но тот, на ком почтили Очи Бога — выведя его из всех общих законов движения людей, взяв его в Свои непосредственные сотрудники, — должен жить не на земле, а в двух мирах, четко понимая, что живет в мире неба, а трудится мире земли. Имя, открытое тебе здесь, носи всегда живым в своем сердце, обращай к Нему свои молитвы и, держа за руку Учителя, ближайшего наставника и помощника, с ним идя в труде земли, знай, с Кем, где и как сотрудничаешь. Это все, на что получил я веление открыть, вернее сказать, растолковать тебе. Лично же от себя прибавлю: будь благословен не только как человек, с которого начинается круг наших — Владык мощи, так долго зажившихся на земле, — освобождений. Будь благословен как избранник Божий, как часть Силы, подаваемой людям для их ускоренного освобождения. Прими мое

благословение, друг и брат. Все, что было мне определено передать тебе, я сделал. Сейчас я получил приказ отвести тебя к старшему брату моему, к тому, кого ты зовешь Владыкой-Главой, — закончил он, и на устах его скользнуло нечто вроде юмористической улыбки, преобразившей неожиданно это всегда серьезное лицо, серьезное даже при улыбке и выражении чрезвычайной доброты, столько раз проявленной мне за время моего пребывания у Владыки.

Поблагодарив моего Милостивого Учителя за его благословение и за все, что он для меня сделал, я только хотел обратиться к нему с просьбой разрешить мне войти еще раз в его лабораторию и взглянуть в последний раз на горящие башни, как он, прочтя мое желание, сказал:

— Войди, друг. Ты можешь еще раз посмотреть на башни и их Владык. Можешь еще раз принести им и их труду благословение и благодарность, но ты ошибаешься в одном: для тебя — как и для всех тех, кто вошел в этот дом с тобою, — нет больше нигде и ни в чем "последнего раза". Если Божественный Владыка Санат Кумара вводит кого-либо в Свое сотрудничество, то все знание и откровение, которое дается человеку по Его приказу, остается в сознании человека навеки. Человек, посвященный Им Самим, идет по ступеням Милосердия и уносит Огонь Знания с собой всюду, где и как ему будет определено жить. Башни всегда будут гореть перед твоим ясным взором, и ты все дальше и больше будешь постигать величие Труда Бога и Его сотрудников на земле. Но войдем... Сердце твое так переполнено благодарностью и благоговением, что даже от святых чувств ему надо освободиться, чтобы в нем громко звенела "Звучащая Радость", и только таким, совершенно свободным, устойчивым, уравновешенным, в полном самообладании и уверенности, можешь ты войти для свидания с Владыкой-Главой.

Со своей предоброй улыбкой Владыка ввел меня снова в лабораторию. Я видел все ясно: башни сверкали, казалось мне, еще ярче, чем когда я видел их впервые; за ними я видел беспредельную пустыню и... знал уже, что в центре ее лежит дивный остров с садами, знал, Кто обитает там... Я преклонился, благословляя всю вселенную, благословляя Труд Бога и людей, благословляя их скорби и радости, их любовь и слезы, их веру и надежды, их труды и разочарование...

— Пойдем, друг, Владыка-Глава ждет нас, — чуть юмористически произнес Владыка, делая ударение моем названии «Владыка-Глава».

Я обвел взглядом грандиозную комнату, и поневоле чувство прощальной грусти вырвалось в моем вздохе.

— Чудной мальчик, — тихо сказал Владыка. — Ты поистине дитя и

даже не понял, что для тебя нет «прощания». Я буду с тобой всегда, так как нас с тобой связало То, выше Чего на земле нет ничего, и Оно благословило наш нераздельный труд для блага братьев земли. Ты будешь приходить сюда часто и здесь будешь пополнять свои знания и закалять свои силы. Как ты будешь приходить сюда о том скажут тебе твои ближайшие наставники. Не упреждай событий. Живи и действуй так активно, как если бы ты жил свои последние часы, и неси людям всю полноту чувств, не думая ни об одной следующей минуте, зная, что есть только одна протекающая минута Вечности.

Владыка прижал меня к себе, я горячо прильнул губами к его огромным, прекрасным рукам, еще раз оглянулся на всю необычайную комнату, и мы вышли на лестницу, чтобы спуститься в нижний этаж, к Владыке-Главе.

Я поразился сам, как легко я шагал по грандиозным ступеням. Когда я поднимался в седьмой этаж, несмотря на помощь Владыки, мне было трудно: сердце мое билось и пот градом катился по щекам. Теперь же, хотя спускаться по всякой круче гораздо труднее, я прыгал легко, чувствуя в себе силу льва. Мне казалось, я мог до бесконечности совершать это прыжкообразное путешествие, и был удивлен, когда Владыка остановился и сказал:

— Мы пришли. Вспомни в одно мгновение все, что ты унес в сердце и в сознании за время своего пребывания у меня. И в полном самообладании, о котором ты читал в Огне и о котором я тебе говорил, войди к старшему брату моему.

От слов Владыки огромная волна радости, точно вал океана, прокатилась по мне.

Еще раз я осознал, какая грандиозная перемена совершилась во мне. Зрение, слух, физическое тело — все было легко, гибко, ни в чем я не испытывал затруднений и даже представить себе не мог, чтобы слабость закралась в какой-либо орган моего проводника. Поразило меня только то, что я видел все вовне сквозь стены здания, но внутренняя стена, охранявшая лабораторию Владыки, была для меня непроницаемой. Читавший мои мысли, как открытую книгу, Владыка сказал мне, улыбаясь:

— Ты встретился на опыте с главнейшим из духовных законов: нет тайн и преград в делах движения духа. Есть только сила духа и его чистота, в самом человеке живущие. Ты видишь все там, где духом поднялся и овладел. Но там, где сила духа твоего ниже сил встречаемых тобою факторов, ты ни видеть, ни слышать не можешь.

Будь готов! Предостерегающие слова Владыки не успели отзвучать, как

дверь бесшумно отодвинулась, открывая перед нами зияющее пространство, все охваченное огненной рамой. Через такую же огненную раму я видел вошедшими сюда Владыку-Главу и Андрееву, когда мы впервые входили в лабораторию стихий. Только теперь, мне казалось, огонь дверной рамы бушевал гораздо сильнее. Мне самому было удивительно и странно, что огонь рамы не устрашал, а радовал меня, возбуждая во мне энергию. Мысль об этом мелькнула, я произнес имя: «Мория» и одновременно с Владыкой переступил страшный порог. При первом же шаге в комнату Владыки-Главы я услышал треск и как бы раскат дальнего грома; но все вокруг было заполнено туманом, и я не понимал, ни откуда идет гром, ни где я, не знал даже, тут ли мой Владыка-Учитель. Я остановился, полный радости и силы, и еще раз тихо произнес: «Мория».

— Почему тыходишь ко мне, друг, произнося это имя, когда ты знаешь имя более могущественное, имя Великого, пославшего тебя сюда?

Передо мной в рассеянном тумане стоял Владык Глава, и это его голос я услышал среди густого тумана.

— Привет тебе, Владыка-Глава, — ответил я, — Прости, что я называю тебя так, но иного имени твоего я не знаю. Я назвал священное для меня имя Мории, имя Учителя, так много помогавшего мне в жизни, только потому, что имя Божественное — навсегда живущее теперь во мне — не смел произнести громко. Прости, если я поступил не так, как следовало.

— Войди, друг, будь здесь не гостем и не учеником, но четко сознавай себя частицей Единого, для труда и служения которому ты сюда вошел, и во мне зри тоже только частицу Единого. Все те, кто мог увидеть Божество Земли, приносят Его труд не только в те места, где они сами живут, но и во все души человеческие, готовые принять новое слово, посылаемое им Богом через своих гонцов. Во имя Единого Бога я приветствую тебя, и да сойдет Его благословение на наш взаимный труд.

Владыка-Глава взял меня за руку, и я увидел, что комната, где я стоял, была вовсе не похожа на лабораторию моего Владыки. В ней не было столов с башнями, а стояло множество шкафов с книгами, несколько письменных столов и какой-то один грандиозный прибор, пожалуй, по своим размерам тоже напоминавший башню.

Не успел я оглядеться, как Владыка-Глава снова спросил меня:

— Что же ты не приветствуешь свою подругу? Ведь ты немало думал о ней, когда спускался сюда?

Я недоумевающе оглянулся на Владыку, так как не видел нигде моего дорогого друга, Наталью Владимировну.

Звонкий смех донесся ко мне откуда-то сверху, и, наконец, я различил

ее, тучную и плотную в моей памяти, — казавшуюся сейчас крохотным ребенком. Зарывшись в горах книг, она сидела на одной из высоченных полок, куда ее, очевидно, посадил Владыка-Глава. От всей ее фигуры шел свет, которого я раньше в ней не замечал, и даже смех ее показался мне особенно мелодичным, лишенным всякого сарказма, так свойственного ей прежде.

Владыка-Глава подошел к полке — и в один миг Андреева стояла рядом со мной.

Посмотрев в ее лицо и глаза, я застыл от удивления и не мог произнести ни слова.

Перемена в ней была для меня не переменной, каких я в ней уже немало видел, но целым переворотом.

Все в ней как будто было то самое, что я хорошо знал; и вместе с тем все было незнакомое, высокое, святое. Глубочайший серьез, доброта и свет мира лились от всего ее образа. Я смотрел на нее во все глаза, она, в свою очередь, молча глядела на меня и покачивала головой.

— Подойдите сюда, друзья мои, — раздался снова голос Владыки-Главы, который сидел на широком кресле и указывал на места возле себя на высокой скамье, которая была для него крошечным возвышением, вроде порожка. — Скоро все вы, вместе вошедшие в этот дом, также вместе и выйдете из него, чтобы рассыпаться по земле для блага и счастья людей. Каждый из вас знает точно свою миссию; и для каждого из вас было сделано все, как повелела Божественная Сила. Одного тебя было угодно Провидению, — Владыка обратился ко мне, — посвятить не только в знание Труда Вечного, но и в полное понимание психологических задач современного тебе человечества. За этим последним ты и пришел ко мне. Что первое из великих истин, данных тебе для новой проповеди, ты должен раскрыть людям, помимо того, что тебе уже растолковал Владыка — брат мой?

"Первая истина, которую проповедуй в своих новых произведениях: только тот человек может войти в полное понимание своей роли на земле и смысла своей земной жизни, кто в своем куске хлеба не видит горечи, то есть в ком исчезло окончательно чувство зависти.

Тому, кому еще свойственны сравнения своей судьбы с судьбами других, нет места в предстоящей деятельности людей будущей расы. Полная радостная самостоятельность и независимость каждого есть осто́в будущего человечества.

Как к этому приходят? Через полное освобождение от страстей, что ты опознал не только умом, но и в активном действии. Проводи практически,

на чарующих образах, в жизнь разума и духа людей эти понятия.

Второе: Нет места двойственности в земной жизни человека, когда он разбивается между служением Богу и мамоне.

У освобожденного — нет места компромиссам. Есть кусок хлеба и труд, которые всегда славословие дню. Разрыв в психике, вопрос: "Как соединить то и другое?" — это только личности одной земли зов.

Ты же вноси понятия единственной возможности: радостно жить: войти духом и мыслью в неразрывную жизнь двух миров.

Третье: Нет религий как навязанных устоев морали, жердей и подпорок, костылей и палок Света, чтобы ими подпирать быт земли: этим путем идут только в еще большее закрепощение.

Есть неизбежное и для всех вечное правило: определить свое отношение к Богу и религии как к единственному закону Жизни, который каждый устанавливает для себя сам. Помогай сбросить предрассудок, что закрепостившись в материалистической башне, можно составить себе свободное существование. Свобода — сам человек, его вскрытый Бог. Извне свобода не добывается — Она есть Гармония.

Четвертое: Не проповедь неси, но Евангелие Новое. Какая и в чем здесь разница?

Проповедь есть знание, не подкрепленное собственным примером. Она может быть велика, но она не является словом Бога, передаваемым гонцом Земле.

Со словом Бога, передаваемым Земле, то есть с Евангелием Новым, идет гонец, получающий силу жить самому так, как звучат передаваемые им Слова.

Даже смерть не может остановить или поколебать гонца Бога. Он в человеке и человек в нем — все слито воедино.

Пятое: Слово мира и любви ты понесешь людям не как возобновленный догмат. Ты будешь учить людей жить без догмата, имея Живого Бога мира в сердце.

Пытайся разъяснить тягчайшее заблуждение: жить духовно по указке другого.

Человек будущего должен жить в полной свободе, то есть в полном раскрепощении.

Как самостоятельность в хлебе и труде, так и самостоятельное развитие в Духе и Огне необходимы будущему человеку, психические чувства и силы которого будут легко развиваться. Но условием для их цельного и истинного развития должна быть полная устойчивость в своей самостоятельности, что равносильно непоколебимой верности.

Через определенные периоды времени, Самой Жизнью устанавливаемые, выбрасываются ею новые лозунги людям, по которым — как по ступеням лестницы — люди поднимаются к высотам, которые кажутся им приходящими извне. На самом же деле Любовь, зорко следящая за развитием сил людей, видит тот момент, когда человечество может двинуться вперед, и шлет ему своих пионеров, помогающих сжечь предрассудки старого и начать новый цикл восхождений".

Окончив говорить, Владыка-Глава встал, подошел к Наталье Владимировне и, положив ей на курчавую голову свою огромную руку, продолжал:

— Кончай теперь изучение тех последних томов, что тебе еще остались, и не забудь данных тебе записей, — с этими словами он посадил ее снова на полку, где я застал ее при входе в комнату.

Движения Владыки-Главы были при этом совершенно такие же, какими мой Владыка-Учитель пересаживал меня, — точно она была без веса, как перышко или орех.

— С тобою же, друг, у меня будет особая беседа, которая не только предназначается одному тебе сейчас, но о которой ты никогда и нигде не упомянешь. Ни один человек не услышит от тебя ни единого слова из нашей беседы, как бы высоко он ни стоял в твоём мнении и в его месте во вселенной, если на то тебе не будут даны особые указания. Молчание, указанное ученику, есть та же верность, через которую он подходит к своему посвящению. То не тайна, но тот огонь Духа, что может быть пролит с пользой только так и там, где указан. При нарушенном послушании ученика он может сжечь и разрушить задачи Жизни вместо созидания.

Владыка быстро прошел через свою огромную комнату, открыл дверь в стене, в том месте, где находилась комната с диваном у моего Владыки-Учителя наверху, и пропустил меня перед собою в ярко освещенную комнату. Она ничем не напоминала той комнаты, где я дважды спал под шкурами серебристых лис.

Престол-алтарь находился здесь прямо против двери. Он был огромен, во всю высокую стену, и на нем стояли семь громадных чаш, горя и сверкая всеми цветами горящих башен. Над каждой из чаш, точно живой, сиял вделанный в стену портрет Учителя того луча, цвет которого она отражала. И в руках каждого из Учителей сверкала чаша его цвета.

Все так сверкало, переливалось в дрожащих лучах, представления о трепете которых не мог бы дать самый драгоценный волшебный фонарь, что я, пораженный дивным величественным зрелищем, упал на колени,

славя имя Бога.

— Ты прав, сын мой, здесь обитает Сама Жизнь, и в непрестанном трепете лучей ты видишь воочию Ее вечное движение.

Владыка поднял меня с колен, прижал меня, дрожащего и ошеломленного, к себе и продолжал:

— Много раз уже Жизнь выбирала человека для миссии Своей любви, помощи и спасения людям. Многим подавался Ее зов, но не все могли его принять. Некоторые из тех, кто его принимал, не имели сил верности поднять его как крест радости на свои плечи. В эти минуты, когда ты стоишь в Ее Святая Святых, не думай о том, хватит ли твоей верности, чтобы пронести Ее крест. Не думай о предстоящем подвиге, о том, что будет, когда ты выйдешь отсюда. Думай только о высочайшем счастье: внимать сию минуту голосу Бога. Внимать Ему, забыв о себе, раскрыв всю сердца чистоту, всю радость, чтобы каждое слово Его могло запечатлеться в сознании твоём навеки.

Владыка опустился вместе со мною на колени, и началась его со мною беседа. Я еще не получил указания рассказать кому бы то ни было об этой беседе, а потому здесь я опускаю занавес моего благоговения.

Глава 29

Башня стихий природы в лаборатории Владыки-Главы. Его объяснения мне и башня стихий в пространстве. Стражи стихий, их труд и роль в передаче творческого вдохновения. Великий Учитель Маха-Чохан. Его роль в мировом труде. Последнее наставление Владыки-Главы мне и Андреевой. Наш выход из лаборатории стихий и новая встреча с И.

Окончив беседу, Владыка-Глава снова пропустил меня впереди себя в свою лабораторию. Дверь священной комнаты закрылась, стена слилась в одно целое, и никто не сказал бы, что она открывалась и пропускала нас.

Подведя меня к единственному во всей его лаборатории прибору, башнеподобному и грандиозному, Владыка сказал мне:

— Ты видел горящие башни Энергии и Любви. Ты видел на них сотрудников — тружеников неба и земли, видел неразрывную связь неба и земли в труде вечного.

Тебе предстоит увидеть еще труд Единой Жизни в Ее слиянии со стихиями природы. И здесь, как во всем Труде Вечного, нет чудес; есть только знание. Ты видишь на этом приборе семь этажей. Четыре нижних этажа отражают в себе Жизнь в Ее четырех стихиях: огня, воды, воздуха и земли. Самая яростная и действенная из стихий — огонь. Эта стихия, весь труд ее Владык, отражены в самом нижнем этаже башни, который ты сейчас видишь золотым и спокойным, так как деятельность его скрыта от твоих глаз. Гляди на эту часть башни, и ты увидишь ее просыпающуюся для твоих глаз деятельность. И еще раз пойми и запомни: можно стоять у источника Жизни — и не видеть его. Поэтому в предстоящих тебе встречах Земли никогда не удивляйся, когда люди будут слушать твои слова и не слышать, то есть не понимать их смысла.

Будут читать твои произведения, выбирать то, что им будет нравиться, и пожимать плечами на все остальное, что они будут связывать с твоим, им не нравящейся или им непонятной личностью и говорить: "Мало ли кто и что выдумывает?" В этих случаях ты помочь людям ничем не сможешь, так как их глаза еще не пробудились — и потому видеть не могут.

Владыка взял один из семи небольших молотков, лежавших на столе у башни. Молотки все были одной формы, одного размера и по виду одного золотого цвета. Но как только Владыка взял крайний молоток в руку, он

показался мне куском горящего огня в форме молота, во много раз превосходившего размерами виденный мною незадолго перед этим на столе молоток. Я поразился, как мог Владыка держать в руке такой грандиозный горящий молот, одно прикосновение к которому, казалось, грозило немедленно испепелить человека, как вдруг услышал его изменившийся громкий голос:

— Только бесстрашный может приблизиться к престолу труда Твоего, Великий Владыка. Бесстрашного защищает чистота его верности Тебе, и Огонь Твой не сжигает его, но вводит в Вечное знание, Тобою Одним открываемое.

Еще звучали в ушах моих слова Владыки; еще я весь был под обаянием его изменившегося голоса и особенной силой дышавшего взгляда, как рука его коснулась моей, вложила в мою ладонь горящий молот. Указывая мне на выступ в стене, к которому в одно мгновение он меня перебросил, он властно приказал мне:

— Бей молотом Любви и радуйся счастьем жить еще одну минуту в полном действии чистого сердца, в сотрудничестве со мною, пред лицом Живого Бога.

Я не ощущал ни палящего огня, ни тяжести молотка, я весь был воплощением радости, залившей меня всего, как в часовне Великой Матери. Сколько было сил моих, я ударил по указанному мне выступу стены, прошептав: "Великий Живой Бог Санат Кумара, во имя Твое жить и действовать — да будет единственной целью моей жизни".

От своего удара по выступу стены я содрогнулся сам, дрогнула вся комната, искры закрыли все вокруг меня. Рука Владыки взяла у меня молот, который я теперь держал двумя руками. Искры рассеялись, вся стена горела ярким огнем. За мною на столе нижний этаж башни также весь горел красным пламенем.

Положив руку мне на темя, Владыка молча указал мне сквозь стену. Я увидел пустыню, в самой мертвой части ее увидел прекрасный сад и в глубине его — на одно мгновение — увидел Того, Чье имя произнес, ударяя в стену, увидел Его благословляющую руку...

— Вот горит в пространстве башня стихии огня, — услышал я голос Владыки и увидел в пространстве высокий и широчайший столб огня, вырвавшегося из земли, точно из гигантского кратера. — Видишь ты движущиеся огненные фигуры? То духи стихии огня, труженики, весьма редко видимые людям, но четко видимые всем освобожденным. Они крепко связаны в своем труде со всеми тружениками неба. В каждом округе Вселенной есть свой Владыка округа, всегда высокий член Светлого

Братства. Ему подчинен труд всех людей, животных округа и всех тружеников четырех стихий, как и вся жизнь растений Земли и весь труд невидимых помощников округа. Ты видишь, что из глубоких недр Земли труженики огня выносят куски пламени. Вглядишься, куда прежде всего несут они куски огня Земли?

Я внимательно рассмотрел горевший нижний этаж башни. Он был, в свою очередь, разделен на четыре этажа и во всех четырех я видел деятельность трудящихся человекоподобных духов.

Я стал следить за работой огненных существ и увидел, что все они были разные.

Были более яркие и более бледные. Были больше и меньше по размерам; были яростно рвавшиеся, неукротимые, все в пламени, и были нежно и осторожно несшие огонь.

Наиболее яростные, самые большие труженики, выбрасывали целые костры огня, который не поднимался наверх. Он пылал и клочкотал, как взбаламученное море на Земле. Сбросив огонь с себя, точно отряхивая горящие струи у основания пламеневшей башни, самые большие духи ныряли в недра Земли. Они определенно периодически скрывались в них и вновь подымались к основанию башни, нагруженные снопами бушевавшего огня.

Вся их деятельность состояла в добывании огня в недрах Земли и в сбрасывании все новых и новых снопов его в клочущее огненное море. Лица их были мрачны и действия сосредоточены, сами они багровы.

Духи меньшего размера и более легкой формы в первом этаже башни разбирали струи пламени. Они точно граблями расчесывали его, растягивали в правильные ленты и доводили эти огненные ленты до второго этажа. Там духи формы еще более легкой и прозрачной, размеров меньших и менее багровые, с большей примесью фиолетового, розового, оранжевого и желтого цветов в своих телоподобных формах, свивали ленты в нечто вроде канатов — снопов красного цвета, вплетая в них упомянутые мною тона огня, сверкавшие в их формах.

Еще этажом выше ловкие, легкие огненные служители вплетали в канаты нити зеленого, синего и белого огней всех тонов и оттенков. На самом же верху очаровательные, веселые, смеющиеся духи, прелестного огненного, мягко сверкавшего цвета с большой примесью золота отрывали от продвинутых в их этаж канатов крошечные кусочки и мчались с ними, высоко поднимаясь над своей башней к горевшим в пространстве башням лучей.

В работе чудесных огненных тружеников наблюдалась строгая

закономерность.

Некоторые брали кусочки огня только с одной стороны башни, другие — с другой стороны, никогда не переходя границ, кем-то установленных для их труда.

— Не раз повторяли тебе и за время пребывания твоего в этой лаборатории, и раньше, за время жизни у И., что в труде Жизни нет отъединения — все слито, все в гармонии. Ты видел, как трудятся для блага и спасения людей на башнях лучей.

Теперь ты видишь, что башни лучей — уже дальнейшая фаза труда Творца, защитника нашей планеты и Его сотрудников. Выбрасываемый Огонь Творца подбирают Его сотрудники стихий и несут к башням лучей, уже сотканным их руками так, как указали Владыки карм. Мы, Владыки мощи, живем в тесном творческом единении с ними и помогаем им создавать психическую силу для каждого из людей, читая их Вечную Хронику. В каждом этаже башни стихий есть свой сонм Владык карм. Они получают непосредственные указания от Верховного Владыки, заведующего всеми пятью лучами, от третьего до седьмого, по которым идет все человечество свой земной, восходящий путь. Здесь, на башне стихий, вкладываются по их указаниям в сознание будущих людей именно те силы природы и огня Земли, которые определяют свойства людей. Люди зовут их в будущем мореплавателями, военачальниками (если они используют истребительный Огонь), воздухоплавателями, испытателями и бесстрашными исследователями природы, неба, звезд и морей. Отсюда — по первоначальным указаниям Владык карм с башни стихий — переносят духи стихий элементы Начал к башням лучей, и там, руководимые Владыками карм текущих циклов жизней людей, труженики неба подбирают и проносят элементы Начал с башни стихий.

Их труд ты уже не раз видел, теперь видишь его яснее в связи с трудом башни стихий и понимаешь ясно: связь всех начал жизни воедино заложена в каждом живом существе.

Владыка помолчал некоторое время, как бы давая мне глубже вникнуть во все происходящее передо мною.

Уже созерцание грандиозных башен лучей, показанных мне первым Владыкой-Учителем, наполнило меня благоговением и трепетом перед Мудростью. Величие же того, что я увидел сейчас, — глубочайшая закономерность и целесообразность Труда Жизни, Любовь и забота о каждом существе, сонмы беззаветно любящих, бескорыстных тружеников, имевших одну цель: благо людей, — заставило меня застыть в благоговении, и я невольно воскликнул:

— О, как прекрасна Жизнь! — Да, сын мой, ты прав, прекрасна Жизнь! — тихо сказал Владыка-Глава. — И несмотря на неусыпные заботы Жизни о людях, ты сам знаешь, как редко на земле человек бывает счастлив. Как редко в его сознание проникает мысль, что единственная непобедимая сила — это радость. И еще реже ты можешь встретить на земле освобожденное существо, утвердившееся в знании, что каждый верный сын жизни должен нести встречному радость и оправдание в своем сердце. В безумии своем, отъединяясь в своем эгоизме от людей, человек чувствует себя одиноким; а сливаясь с ними в личных связях, называет жизнь свою полноценной. Ты же сейчас понимаешь, что ни те, ни другие не могут найти пути к освобождению, то есть пути к Истине. Ибо лишь те его найдут, кто на самой Истине, в себе носимой, ищет единения с трудящимися земли и неба. Взгляни теперь на труд Владык стихий воды, воздуха и земли.

Владыка взял тройной золотой молоток, лежащий на столе, и в его руке он принял вид огромного трехголового молота, сверкающего фосфорным, золотым и белым дрожащим огнем, сплетавшимся в змеевидные кольца и клубни. Вложив мне и этот молот-трезубец в руку, Владыка передвинул меня несколько правее, указал мне на нечто вроде наковальни, горевшей как золото, и сказал:

— Бесстрашному и верному до конца — Твой призыв до конца. Прими сына, Тобою призванного.

С этими словами он указал мне еще раз на наковальню. Я ударил по ней, призывая великое имя Живого Бога Санат Кумары. Раздался треск, как бы подземный грохот, шум, точно буря на море, и вой ветра, напоминавший мне содрогание маяка матери Анны в самые страшные минуты бури в пустыне.

— Все во славу Твою, Господи, ибо все — Ты, — прошептал я, едва устояв на ногах от своего удара.

— Да, сын мой, ты еще раз прав. Все — Он, Всеблагий. А весь Труд, все творчество Земли, все — любовь величайшего Защитника и Покровителя Земли — Санат Кумары — продолжал Владыка. — Посмотри на башню на столе. Что пробудил в ней твой удар?

Я посмотрел, как он приказал мне, и увидел, что еще три этажа башни, бывшие дотолы спокойными, зажглись самыми фантастическими огнями. Рядом с этажами огня теперь клокотал и пенился огонь, белый, точно морская пена. Над ним переливался этаж золотого, жидкого, прозрачного огня, похожего на солнечные лучи. Он завывал, точно откуда-то гнал его ветер. То был этаж стихий воздуха.

И последний из горевших этажей, отображавший стихии Земли, весь был взъерошен, покрыт дымом, из-под которого вырывались клочья коричнево-красного огня. И сверху, точно отображая молнии неба, в дым Земли вплетались струи яркого огня, смешиваясь на взъерошенной поверхности, как на спине чудовища.

Этаж стихии Земли казался тяжелым прессом, давившим собою все остальные стихии.

— Смотри в пространство и наблюдай, — приказал мне Владыка.

Я повернулся к прозрачной теперь для меня стене лаборатории Владыки и увидел ожившие этажи башни стихий. Боже мой, что это было за зрелище! Все то, что я только что описал оживотворенным в лаборатории на башнеподобном приборе Владыки, увеличенное в сотни раз, трепетало передо мною в пространстве.

Башня стихий — не в пример тому, что я видел до сих пор, — вся расширялась вверх. Земля, как гигантский гриб-сморчок, покрывала собою все остальные стихии.

Я был подавлен и ослеплен и почти не мог овладеть собою.

Владыка-Глава стоял молча рядом со мной. Наконец он положил руку мне на голову и заговорил:

— Много, много раз земля и небо твердили тебе о полном и совершенном самообладании. Не только тот, кто призван Единым для высокой миссии сотрудничества с ним, но и каждый простой человек, начавший свою истинно человеческую, а не получеловеческую стадию жизни на Земле, должен достичь полного самообладания. Ты же, как и каждый гонец Светлого Братства, не можешь выпадать из самообладания ни на одну минуту. Ни при каких феноменах, ни при каких обстоятельствах, ни при каких встречах ты не можешь стоять растерянным, потеряв собранность внимания хотя бы на один миг. Каждое мгновение — мгновение летящей Вечности, — в которое ты выпал из полного самообладания, оставило не только тебя за бортом корабля, но и всех тех, с кем ты связан мыслями, делами, трудом, перепиской и даже временно случившимися встречами. Все, связанное с гонцом Единого, вступает через него в связь с Вечным и лежит на его карме, на его сознании, на его активной деятельности, как пелена. Эту пелену пронизывает Свет через чакры и внимание гонца. Чакры встречающих людей движутся и очищаются через чакры гонцов, с которыми они вступили в духовную связь, еще ближе и сильнее, чем очищаются чакры людей через чакры Владыки округа. Тебе предстоит вернуться в общество людей, неся им великую миссию. Поэтому твое самообладание не может выходить из

рамок полной радости.

В чем сила твоего, как и каждого человека, самообладания? В полном знании, в ежеминутном ощущении в себе живой Жизни. Ты чувствуешь каждую минуту влияние, связь непосредственную с Единым. Чувствуешь ее и через всех членов Светлого Братства, и через каждое стихийное явление, и через каждое встречаемое сердце, куда ты вводишь ток Любви, идущий к тебе всеми путями из первоначального источника, Представителя Единого на Земле, Великого ее Защитника и Властелина Санат Кумары. До сих пор ты жил, не зная этого великого имени. И Жизнь твоя текла по всем гармоничным тебе ручьям, всюду защищая тебя, открывая тебе все новые и более высокие ступени священной иерархии. Что теперь составляет обязанность твою перед людьми и небом? Быть живым примером того, как передается в простую жизнь серого дня могучая сила помощи и забот Любви. Тебе предстоит счастье развернуть людям великую и ослепительную панораму деятельности и забот всех светлых сил Земли о каждом живом и умершем человеке. Тебе предстоит счастье вскрыть в человеке не мысль, не одно сознание постоянного сожительства и сотрудничества со всеми Светлыми земли, но расчистить каждому человеку путь к его собственному сердцу, чтобы он там мог почувствовать вечную связь — в активности действий серого дня-с Божественной Силой Санат Кумары. Ты должен вернуться в общество людей не только закаленным бойцом, в полном бесстрашии и самообладании, но и в полной мира верности. В той верности, что не знает колебаний и растерянности ни при каких катаклизмах природы, событий и людей.

Весь твой день серого труда, как и величайших подъемов, — все только прямой, как электрический канат, путь передачи людям в слове сил, знаний и помощи Светлого Братства. На одном из первых мест в твоих произведениях должно стоять втолковывание людям — постоянное, упорное, на все лады доказываемое, — что такое обязанности обычного человека по отношению к семье, к соседу, к встречному. Не менее важно человеку, переставшему быть слепым, понять, почувствовать и проводить в жизнь обязанности перед встречным и перед самим собою в данное ему воплощение. Обязанности человека в его быту — не карма и ее давящий гнет.

Обязанности его — радость передать сердцу встречного каплю облегчения и мира.

Это — не пассивное восприятие текущей жизни как результатов прошлого; но активная борьба за свет в ежедневном труде без компромиссов и утомительной нравственной раздвоенности в нем.

Подробно обо всем этом будешь не раз еще наставляем И., Венецианцем и главным твоим водителем, великим братом и мощным другом человечества — Морией. Теперь, когда ты снова, вошел в полную силу самообладания, смотри внимательно на башню стихий. Почему земля имеет такой взъерошенный вид? Почему ее атмосфера дымчато-серо-коричневая? Почему огонь на ней выпирает клочьями? Почему она давит собою все остальные стихии, точно схоронив их под собой? Давит она все остальные стихии лишь иллюзорно. На самом деле они пронзают ее насквозь. И огонь, что ты видишь вырывающимся клочьями, есть именно огонь Земли, пронзающий все живое на ней. Ни единой букашки, ни единого животного не могло бы существовать на Земле, если бы огонь ее недр не был влит во все живое, в равной мере со светом солнца. Перед тобой лежит Земля — уже результат труда Санат Кумары и его Сподвижников, результат Их беспредельного самоотвержения. Они забыли о Себе, их труд видел только человека и его восхождение к Совершенству. На этом законе Любви, данном человеку Единым как завет для Земли при его схождении на нее, строил Санат Кумара всю жизнь на Земле. Все, что идет по этому закону, все счастливо и светло, ибо попадает в тропы Гармонии и — легче или труднее — но восходит к совершенству. Все, что подпадает под власть грубого эгоизма, втягивается в темные тропы, где, заблуждаясь все больше, в конечном счете гибнет, не выполнив задачи воплощения и бессмысленно потеряв его. Ты видишь, как в сморчкообразной, точно изрытой воронками форме Земли, в каждом углублении ее вращаются кругообразные светлые центры. Это прообразы чакрам человека. Это центры Земли, втягивающие в себя силы всех стихий. Ты видишь, что все они, как воронки, суживаются книзу, и свет внизу гораздо ярче, чище; и вращение его менее бурно, чем вверху, в широком конце воронки. Это уже результат труда Владык стихий и тружеников неба и земли Светлого Братства.

Руководимый указаниями Владыки, я различил сонмы двигавшихся в каждом воронкообразном центре Земли духов. Необычайное их разнообразие и многочисленность указывали на совершенно разный их труд. Но соподчиненность их одному Владыке стихий в каждом углублении, стройность их труда и полный порядок в нем резко бросались в глаза.

Помолчав немного, Владыка продолжал:

— Стихии, кажущиеся людям слепым движением, иногда губительным, иногда спасительным, идут в своем труде для блага вселенной по тем же мировым законам целесообразности и закономерности, по каким движется труд всего созданного высшей Мудростью во вселенной. И им нет дела до

измышленного одной Землей закона справедливости, как и вообще всему, что живет в двух мирах и не понимает отъединения. Развивающееся дальше, в глубь Земли, движение прообразов чакрам — так я буду называть их пока тебе — переходит через труд сонмов помощников в светящиеся мелкие центры, укрытые в самых недоступных людям и зверям местах.

Когда я говорю «мелкие», ты видишь относительность этого понятия; ибо по масштабам Земли они грандиозны. Эти гнезда, где сконцентрированы все Начала стихий, поддерживают жизнь планеты. И каждая планета живет и дышит до тех пор, пока заложенные в ней Начала ее центров обогревают, кормят, освещают ее и помогают восхождению ее и всего живущего на ней к совершенству. Начала стихий живут в Гармонии и выполняют Мудрость бьющего часа даже тогда, когда люди потрясаются окружающими давящими их бедствиями. В каждом центре земных Начал ты видишь трудящихся всех стихий. Посмотри, как связаны они в своем труде с лучезарными духами башен лучей? Ты видишь, что у основания каждой башни лучей, глубоко под ней, и вокруг нее, и на некотором расстоянии от нее, расположены целые круги центров, как огневой хребет, вершинами вниз, защищающий подступы к башням. Ни одна темная сила не может подойти ни к одной из башен Святой Мощи, хотя многие секты темных имеют власть над отдельными элементами стихий. Но добиться овладения всеми стихиями может только светлый, любящий, движущийся в своем труде радостью. Темные не знают радости. Их орудие — упорство воли, то есть меч зла. Орудие Света — радость, и их меч: "Любя побеждай". Не только у башен лучей — скопление центров Начал. Они укрыты еще во множестве мест Земли, и там всегда природа богата, земля плодородна и живописна, люди музыкальны и красивы и характера легкого. Живут центры — живет планета, угасли центры Начал — умерла и планета. Атмосфера Земли, видимая тебе сейчас дымчатой, коричнево-красной, если ты внимательно присмотришься, на самом деле прозрачна.

Духи стихии воздуха, даже коричневые, мелкие веселые создания, ежесекундно очищают туманные скопища на Земле. Что обозначают эти скопища? То эманации людей. Бывают периоды, когда духам стихий удастся разогнать почти все туманные скопища в атмосфере Земли, потому что в это время эманации людей не концентрируются в грандиозные кроваво-красные тучи. Это периоды мирного строительства Земли, радостный отдых от кровавых войн и одолевающей их еще хуже войны алчности. Жадность и скупость наполняют туманные скопища, как ты видишь, не менее плотными пеленами, чем огненно-черно-серые пелены

убийств, злодеяний и страха. Далее в своей жизни ты узнаешь, как самоотверженно сражаются Владыки карм башни стихий, защищая каждое рождающееся существо в его новом пришествии на Землю. Эти Владыки, крепко связанные в своем труде с тружениками шестого луча любви, освобождают — путем принятия на себя большей части страстей вновь входящего в воплощение человека — каждое существо так, чтобы оно могло, во всей полноте сознания, выбрать самостоятельно путь Света или мрака. Кроме элементаря, строящего в первые семь лет физическое тело человека, подбор которого каждому зависит от них, эти Владыки стихийных карм избирают из своей среды еще покровителя и защитника каждому человеку на время всей его земной деятельности.

Такого покровителя народная сказка назвала Ангелом-хранителем, а народная молва, от величайшей древности и до сих пор, видя чье-либо неожиданное спасение, говорит: "Твой Ангел-хранитель не спал". Теперь перенеси свое внимание на верхние этажи башен. Стихий воды и воздуха мы сейчас касаться не будем. Чтобы о них знать, то есть иметь возможность повелевать ими, ты еще не созрел. Уйдешь отсюда только с силами повелевать стихиями огня и земли. Для двух других стихий ты еще раз вернешься сюда, как я тебе сказал в сокровенной беседе. Все три верхних этажа башни принадлежат Владыкам стихийных карм. Их труд, неутомимый и самый тяжелый из всего труда Любви, ты сможешь сейчас увидеть и понять тоже только частично. Но все, что увидишь и поймешь, все передашь людям, чтобы им легче было понять, что их полной духовной свободе не мешает и не может мешать никакое «предопределение». Из трех верхних этажей башни самый верхний — это труд Владык карм огня и земли. Как прилежнейшие ювелиры, эти Владыки вплетают Начала Вечного в цветущие всеми цветами страстей результаты прежних карм человека. Ни в одной чаше правосудия, где человеческая мысль часто достигала гуманности и милосердия, не может быть такой великой доброты и сострадания, как здесь, у этих великих добротворцев. Эти Владыки — абсолютно свободные существа. На них не может иметь влияния не только что-либо личное, но они сами, по своему строению и составу, приближаются к лучезарному облику великих Кумар. Ты видишь, на этаже башни, где трудятся стихийные Владыки карм огня и земли, по краям его стоят как бы два великих Стража. Они лучезарны, прозрачны и кажутся сотканными из воздуха, хотя формы их ясно и четко носят человеческие очертания. Двух таких же сияющих Стражей ты видишь и в следующем этаже, где обитают и трудятся Владыки стихий воздуха и воды. Стражи — всеведущи и вездесущи. Они отражают на Земле эти качества великого

живого Бога Санат Кумары. Они — создатели великих книг хроники Акаши. Они — память Бога Земли. По их указаниям бесчисленное войско добрых Владык стихийных карм в глубине земли продвигает заботы и любовь Бога в гущу толп людей. Сейчас я не буду объяснять тебе всей огромной сети их труда. Ты можешь видеть сам, что труд их так же разнообразен, как многочисленны формы их иерархии. Только Стражи лучезарны и богоподобны по своей красоте. Их повеления, как дивные молнии, передаются творчеству непосредственно сносящихся с ними подвластных им Владык карм. Они, малочисленные, властные и добрые, заведуют — в своих огромных отделах — хрониками Вечности. По указанию Стражей они сыплют своим многочисленным, им подчиненным помощникам собственные мысли в виде гирлянд цветов. Эти помощники, в свою очередь, заведуют записями вечной хроники в более мелких отделах, читают жизни каждого вновь воплощаемого человека и передают их — без своей санкции — тем Владыкам карм, которых ты увидел первыми. Эти, как я уже говорил тебе, как тончайшие и добрейшие ювелиры, ткнут каждому человеку его защитную сеть и посылают своих гонцов перенести результаты своих трудов Любви на башню лучей. Отсюда начиная толковать современному тебе человеку бессмысленность его страха. Старайся дать понять людям, что они сами засоряют связь между собой и Богом. Каждый, кто старается найти путь к освобождению, движется и к очищению сора на своем пути к Богу. И чем ближе он подходит к Богу, потому что очистил себя от путаницы личных страстей, тем ближе подошел он и в своем снисхождении, в своей любви и радости к встречному человеку. В образах своих произведений старайся раскрыть сознанию человека, что ни один из идеалов, носимых в уме как теория, не может иметь активного воздействия на сердце и дух встречного. Только мир и простая доброта собственного сердца могут вплести во встречу то общение без предрассудков и условностей, где откроется щель для луча Любви. Проследи теперь, во всем внимании и сосредоточенности, как спускаются на землю творческие импульсы Божественной Мысли. По каналам, оберегаемым веселыми и радостными светлыми духами, ты видишь отличающиеся от всех других миллионов мыслеобразов шары, на вид плотные и включающие в свою окраску всегда одну и ту же пропорцию цветов. Одна сторона шара — однотонная, несущая один из цветов семи башен лучей, другая же включает в себя в одинаковой мере остальные шесть цветов башен лучей. Все тона и краски расположены так, как зрение современного человека Земли может их воспринимать без помощи каких бы то ни было физических и оптических приборов. И эти тона и краски в

точности соответствуют всем духовным откровениям человека Земли данной эпохи. Ты видел, что все Начала Жизни вплетаются в организм каждого человека Земли. Ты видел, что труд сонмов Владык карм и защищает, и помогает движению человека вперед, к совершенству. Но любовь Великой Божественной силы Санат Кумары, как и Его труд, не знают остановок ни на единое мгновение. В Его Вечном Движении, слитом с Божественным Движением всей вселенной, идет ежесекундное усовершенствование, как сказали бы люди, а на самом деле — ежесекундное выбрасывание доброты и милосердия в помощь движущимся толпам людей. И вот те сплетающиеся в такой особенной расцветке шары, которые ты видишь уже направляемыми к определенным каналам сонмами невидимых помощников, — это творческие мысли Бога, действенная сила, которую люди зовут вдохновением, талантом. Эти силы просыпаются в людях иногда как бы внезапно, в отроческие и юношеские годы, после детства, никак не предвещавшего в человеке особого дара.

Иногда талант, в понимании людей, возникает поздно, даже в старости, ничем не выраженный раньше. Но и в этом, как и во всем, никаких чудес нет, лишь и здесь, как и во всей жизни вселенной, движется логика Вечного. Следи. Вот летит мысль-шар Санат Кумары. Она подбирается непосредственно четырьмя Стражами стихий. Они не передают ее подчиненным им Владыкам карм. Они отдают ее каждый раз сонму специальных радужных сияющих духов, несущих эту мысль-шар к определенной башне лучей. Кому они там передают ее? На первых двух башнях — непосредственно великим Учителям, ими заведующим. И вот ты видишь, как по их мантиям, напитываясь всем магнетизмом сердца и мысли Учителя, мысль-шар принимает именно ту расцветку, которую я показал тебе вначале. Связь этой мысли, прокатившейся по мантии Учителя, вновь подобранной специальными духами и переданной ими Земле в определенный округ определенному Владыке, а через него — определенному человеку, — так велика и сильна с Учителем и окрещенным ею человеком, что каждое отрицание или неполноценное к ней отношение попадает, как бумеранг, непременно обратно в Учителя, направившего ее к Земле, избранному им человеку. Установление магнетических каналов — это тоже труд Владык карм. И особенно ответственен этот труд для следующих пяти лучей — от третьего до седьмого, — по которым проходит свой путь все человечество Земли. Теперь ты видишь впервые Великого Мирового Учителя Маха-Чохана, труд которого обнимает эти пять лучей. Ты видел, что на первых двух лучах мысли Бога подхватывали Стражи стихий и пересылали их двум первым башням через сонмы специальных

невидимых помощников. Здесь же Учитель Маха-Чохан получает мысли-шары от Великих трех Кумар непосредственно. У каждого из великих сотрудников Живого Бога Земли есть свой сонм невидимых помощников, переносящих Маха-Чохану мысли и вдохновение доброты Бога. От Маха-Чохана несутся лучезарные, подчиненные ему специальные помощники, не смешивающиеся с иерархией служителей башен; и они мчат мысли Бога всегда к определенной башне, по указанию Верховного Учителя, заведующего этой отраслью труда Бога на башнях лучей. Эта отрасль труда Бога, которую передают вселенной Земли три ближайших непосредственных помощника, три Его Брата, несутся вне всяких установленных для обычного пути развития и восхождения среднего человека иерархических ступеней и правил. Здесь применен закон Любви: побеждает тот, кто находит силы принять и благословить все обстоятельства своей эпохи, своей личной жизни, своего окружения. Тот может притянуть себе магнетический ток, передаваемый на Землю этим путем, кто выстроил мост из доброты своего сердца и отваги его, из чистоты и устойчивости мысли, из бесстрашия и бескорыстия. Три Кумары передают Верховному Владыке пяти лучей, Маха-Чохану, свою силу для Осуществления духовного канала устойчивой Гармонии моста сердца, увиденного и принятого Ими в свои объятия и заботы человека. И уже сам Учитель Маха-Чохан передает и вливает в определенную башню лучей силу Третьего Логоса (олицетворяемого тремя Кумарами), силу творчества и вдохновения. На этом его труд творчества в мировом строительстве кончается. Учитель, Верховный Владыка каждой башни лучей, передает сам подведомственным ему Владыкам карм новую силу магнетического тока Божественной помощи определенному человеку и далее все течет по логике Творчества Вечности. Взгляни дальше башни стихий. Что видишь ты там?

Что обозначает огромное море песка, курящегося, как полупотухший вулкан? Это перерабатываемые из окаменелых пластов земли трудом самых высоких учеников-людей новые — в будущем плодородные — земли для следующих потоков человечества.

Эманации зла и скорби людей истощают плодородие земли и здоровье воздуха не менее, чем те злаки, которыми они неразумно истощают землю. Гнезда, из века заложенные, гаснут, подвергаясь катаклизмам всякого рода: все на этих участках земли, как и она сама, умирает. На этой курящейся поверхности, что ты сейчас видишь, под непосредственным руководством Стражей стихий, трудом на земле высоких учеников и трудом в самой земле всех невидимых тружеников стихий вскрываются новые гнезда

Начал Жизни, которые мы с тобой условились называть чакрами Вечного Движения. Теперь картина труда Творца Земли тебе ясна постольку, поскольку в этот миг твое сознание может вместить картину вечного бытия Жизни. Не забудь вовек: все — в каждом человеке. И только Он один — творец своего пути. Вернее выразиться, каждый человек есть путь, этот путь настолько близок к творчеству Бога, насколько смог освободить Его в себе человек.

Владыка подозвал к себе Наталью Владимировну, до которой не долетало ни одно слово нашей беседы, так высоко и далеко она сидела. На его повышенный зов она ответила:

— Моя задача окончена как раз в эту минуту, Владыка-отец. Но сойти к вам я не могу, так как еще не научилась прыгать у тигров.

В ее тоне мне послышался самый легкий, едва заметный намек на раздражение. Если бы это было сказано в обстоятельствах обычной жизни, то могло бы прозвучать юмором. Но в этой великой келье Мудрости обычные человеческие слова, созданные для смеха людей над собственной беспомощностью, прозвучали не только дисгармонией, но даже резанули меня по сердцу.

— Ты не можешь выйти из этой комнаты, мой друг, не оставив в ней всей раздражительности, свойственной твоему характеру. Сюда можно войти, сохранив неполное самообладание, ибо сила Санат Кумары создает такому человеку особый Свой Вихрь. Но выйти отсюда для деятельности и разделения Его труда на благо людей может только тот, в ком совершилось полное преображение, и о том ты сама только что читала. Если бы ты сохранила в этот миг полное самообладание, ты немедленно и ясно увидела бы выход из своего положения.

Владыка не прибавил больше ни слова. Он пошел к стене, прикоснулся к ней обеими руками — и башни стихий, и башни лучей закрылись от моего взора, точно потухли и никогда не существовали.

Опечаленный внезапно охватившей меня темнотой и слепотой, я не имел времени сосредоточиться на этом явлении, так как грустный вид моей подруги, сидевшей между кучами разбросанных ею фолиантов, взывал, казалось мне, к скорейшей моей помощи.

Обведя взглядом всю комнату, я увидел у противоположной стены прислоненную к полкам с книгами лестницу, как раз на той высоте, где сидела Наталья Владимировна. Лестница была гигантской и казалась тяжести непомерной даже для моих голиафовых сил. Я увидел также, что полка, где сидела горестно моя подруга, была настолько широка, что без всякой опасности для жизни, даже при ее грузности, она могла бы пройти

по краю полки до конца и там спуститься по мелким украшениям полки, точно по специальной лесенке, вниз.

Но я знал уже по опыту, что раздражение дорогой моей приятельницы только возрастало от указаний, делаемых ей в такие трудные для ее самообладания минуты.

Поэтому я решился попробовать перенести лестницу к ее полке, хотя поднять такое чудище над высокими столами и казалось мне задачей невозможной.

"Не бойся тяжелой ноши", — вспомнил я слова, неоднократно слышанные от своих наставников, улыбнулся своей, все еще детской, психологии: раздумывать там, где надо действовать. Я призвал имя моего великого друга Венецианца и подошел к странной лестнице.

Она оказалась прикрепленной вверху к золотой, на вид толстой проволоке, и поднять ее не было никакой возможности. Оглядевшись внимательно, я увидел, что золотая проволока шла параллельно всем полкам с книгами. И сама лестница стояла на подобии вогнутого внутрь рельса. Я попробовал двинуть ее по направлению к книгам, где сидела Андреева, и она покатила сравнительно легко. Трудно было протащить лестницы по открытому пространству мимо той части стены, где не было книг. Я не был уверен, что относительно тонкий золотой прут, шедший и здесь, выдержит такую ужасающую тяжесть без опоры на край полки. Пот лил с меня градом.

Почти задыхаясь, смертельно усталый, я все же протащил лестницу мимо открытого места стены и подтащил ее к полке, где сидела Андреева.

Здесь дело снова пошло легче, и через несколько секунд лестница стояла у ее ног.

Полными слез кроткими глазами она смотрела на меня и тихо-тихо мне сказала:

— Мой друг, мое дорогое дитя, о, если бы Вы знали, чем рисковали Вы, проходя мимо не уставленного книгами куска стены! Простите мне. Еще один раз Вы подаете мне ничем не оценимую помощь, и еще один раз я вношу в свою вечную память благодарности Ваше имя. Но как я сойду на эту лестницу! Ведь она совершенно вертикальна.

— Ну, это-то дело уже совсем простое, моя дорогая, — ответил я ей, миглом влез на самый верх лестницы, подхватил Наталью Владимировну левой рукой за талию — и через минуту оба мы стояли у ног Владыки.

Молча, улыбаясь, смотрел он на нас, и от суровости его тона, каким он говорил Андреевой о самообладании, не осталось и следа.

— Труднее смерти выковывание полного самообладания и выдержки

для легко возбуждающегося человека, — продолжал Владыка. — А между тем можно много раз рождаться и умирать, имея все данные для высокого слияния с трудом Божественной Силы, и все возвращаться назад, все к тому же препятствию — отсутствию полного самообладания. Ты тащил лестницу с таким смертным трудом мимо рабочего места Санат Кумары в этой лаборатории. Мало того, что вибрации, которыми Он напитал это место, почти невыносимы для твоего физического тела и без моей помощи сердце твое лопнуло бы. Но в этом я мог помочь тебе и послать тебе свою защищающую твой организм от чрезмерного Света силу. Но в чем я был совершенно не властен — это в тех чувствах и мыслях, что руководили тобой во время твоего прохождения Его рабочего места — алтаря и святыни для меня, места моего с Ним сотрудничества для блага людей земли. Малейшая мысль жалости к себе, малейший намек на неполное бескорыстие предпринятого тобою труда, малейший проблеск страха или тщеславия в сердце, и ты сгорел бы, испепеленный Огнем стихий, ибо только до конца чистого он не сжигает, как ты читал сам в даваемых тебе записях Огня.

Владыка придвинул нас обоих к себе и подошел с нами к той части стены, что он назвал рабочим местом Бога, своим алтарем.

— Идите в мир и выйдите отсюда не просто одаренными новыми силами в своих преображенных организмах. Унесите знание и память вечную о том труде всего Светлого Братства, что открылись вам здесь не как сказка, не как предание, но как опыт вашего простого дня. Теперь, когда будете говорить людям, что нет иного пути к совершенству, как путь серого будня и труда в нем, вы будете сами ясно и твердо знать, где этот будень каждого начинается и кто сотрудник каждого в его дневном, труде.

— Тебе, мой милый друг, — обратился Владыка к Наталье Владимировне, — тебе путь многотрудный. Ты выйдешь отсюда, ибо сила моя, то есть передаваемая тебе непосредственная забота Великого, тебя вводит в русло тех гонцов Его, что могут нести Его миссию Земле. Но так как ты сама — в мелочах дня, в единении с людьми — еще не можешь добиться полного и нерушимого спокойствия, то жизнь твоя и будет двойственна. Небу ты будешь служить в верности до конца, людям — всегда будешь искать раньше, где прыгнуть, как тигр, а потом уже сообразишь, что твои тигриные силы не по плечу мягким и ласковым собакам, кошкам и лошадям, окружающим тебя.

Выходя отсюда, прости всем людям, кто до сих пор тяжело ранил тебя. Пойми, что и ранили тебя только потому, что б тебе нет спокойствия. И еще пойми, что это качество легкой возбудимости мешает жить всем, кто по

законам кармы должен жить с тобой в непосредственной близости. Всякая рана, всякая обида, наносимая тебе, есть отклик твоей собственной работы среди людей. Учти это навсегда.

Теперь обоим вам и всем, вошедшим с вами сюда, пора двинуться в обратный путь, к труду среди людей. С той минуты, как вы сюда вошли, по современному вам счету земли прошел ровно год.

Услыхав эти последние слова Владыки, оба мы с Натальей Владимировной превратились в соляные столбы. И, должно быть, мы представляли такое уморительное зрелище, что даже на вечно серьезном лице Владыки мелькнула улыбка.

Ничего больше не сказав нам, Владыка-Глава нажал небольшую пластинку на одном из своих столов. Раздался очень мелодичный звук, как бы удар очаровательно звеневшего колокольчика, за ним другой, третий — все в мажорном сочетании сплелись в какую-то прелестную музыкальную фразу.

Улыбнувшись все еще продолжавшемуся нашему остолбенению, Владыка объяснил нам, что вызванная колокольчиками музыкальная фраза была сигналом всем обитателям лабораторий стихий Владык мощи к выходу наружу, в тот дворик, где Владыки впервые встретили нас.

С этими словами Владыка взял посох в руки, и я поразился форме, тяжести, драгоценности и, вместе с тем, изяществу этого необыкновенного предмета. То, что Владыка назвал своим посохом, на самом деле заслуживало скорее названия булавы.

В верхнюю часть булавы с огромным золотым шарообразным окончанием был вделан такой большущий алмаз, и бросал он такие невероятного блеска искры и лучи, что каждый раз, когда они проносились мимо моих или Натальиных глаз, нам приходилось закрывать их рукой.

Вокруг этого алмаза сидело семь тоже громадных выпуклых камней, соответствовавших цветам семи башен лучей. Весь посох был золотой, и на нем был изображен змей, обвивший его, как выпуклое изваяние. На всем посохе шли надписи и фигуры, значения и смысла которых мы не понимали.

— Когда придешь сюда в последний раз, чтобы унести знание еще о двух стихиях, которыми ты не был в силах овладеть сейчас, тогда узнаешь, что за посох у меня в руках, каков его смысл и значение в деле труда на благо людей, — сказал Владыка, обратившись ко мне. — Теперь же, — продолжал он, повернувшись к нам обоим, — унесите последним моим заветом вечную память о том, что только человеку в полном самообладании открывается путь Вечного. Только в верности до конца достигается то

бесстрашие, где человек может вступить в сотрудничество со Светлым Братством.

Только овладевший этими двумя качествами может увидеть, где начинается и кончается серый день человека и кто разделяет его с человеком в его условиях окружения. Будьте благословенны! Будьте благословенны за то, что вы очистили в себе Единого так, что Светлое Братство могло провести вас сюда для извечно назначенного Любовью момента свершения человеческих судеб. Будьте благословенны за то, что мы могли передать людям через вас часть тех новых знаний, что настала пора раскрыть их жаждущему духовному взору. Будьте благословенны, как первые вестники нам нашего освобождения и прощения. Хвала небу и земле, хвала им, как Труд Вечного, и хвала вам в числе всех трудящихся. Примите нашу благодарность; и вечное слияние наше с вами в труде да будет в мире и усердии на благо всему живому. Да потечет труд ваш так, как видит и слышит Учитель ваш; да потечет верность ваша по стопам его, как и наш труд и верность да будут вовеки только отражением Света Вечного.

Владыка повернулся к выходу, остановился у огромной рамы двери, где огонь горел теперь совсем низкий, бездымный и ничуть не страшный.

Мы вышли во дворик, где все остальные Владыки уже ждали нас, стоя в первоначальном порядке и имея каждый перед собою своего ученика. Владыку-Главу все приветствовали низким поклоном, на который он ответил, за ним ответили и мы.

Он указал нам занять свои места и поднял высоко вверх свою булаву. Раздался сильный треск, и через минуту на громадном алмазе ее засияла пятиконечная звезда.

Владыка-Глава занял свое центральное место. Он опустил посох, держа его в правой руке и опираясь на него, поднял левую, как бы подавая знак всем Владыкам. Они — а вслед за ними и мы — опустились на колени, и раздался снова тот гимн Жизни, который пели Владыки в первый раз, у дверей их лаборатории.

Не знаю, сколько времени на этот раз пели Владыки. Не знаю, что делалось вовне.

Я был в часовне Радости Великой Матери. Я благоговейно благодарил Ее за все милосердие, мне ниспосланное. Божественная фигура вновь подала мне свой живой цветок, и я услышал голос:

— Теперь пойди в часовню Скорби и принеси туда цветок моей Радости и утешения.

Во встречах серого дня не важно слово человеческой философии.

Важно слово утешения, чтобы мог человек отыскать в себе путь ко Мне. Я — не судья, Я — не предопределение, Я — не неизбежная карма. Я — Свет в человеке, его Радость. Ко мне нет пути через помощь других, но только через мир в самом себе.

Когда я очнулся, Владыки исчезли, и передо мной стоял И. Он протягивал мне руки.

Я бросился в его объятия. Сейчас я не был уже тем мальчиком, что тосковал о нем в Константинополе и бросался ему на шею, как соскучившийся по своему хозяину дог.

Теперь я обнимал моего друга-наставника, как луч и путь того Света, что он мне открыл; как Божественного Вестника, которым он для меня был; как часть всей вселенной, которую я мог в его образе познать, обнять, благословить и перед Ней в благоговении склониться.

Все та же сила радости, особенного мира и счастья охватила меня и на этот раз, когда я прильнул к его груди, которая охватывала меня всегда, во все моменты физической близости с ним. Но на этот раз я ощущал ярче на себе его духовную мощь. Я не испытал более того содрогания всего организма, которое раньше бывало первым ответом моего проводника на всякое прикосновение И. Теперь я почувствовал, что весь мой организм напрягся: по всему спинному хребту, ногам, рукам, голове шел сильный ток, отдававшийся — на мое ощущение — как бы некоторым гулом, вроде того, который испытываешь, когда стоишь рядом с сильной машиной, пущенной в работу, на движение которой все вокруг отвечает ритмическим, мелким, частым и сильным дрожанием.

Это дрожание всего моего организма было сейчас таким экстазом счастья! Я сливался в моей силе с какой-то частью силы И. и ощущал это слияние как счастье полной гармонии с ним.

Я не нуждался теперь ни в каких словах И. Я в одно мгновение понял, что И. одобряет все мое поведение у Владык. Я понял, что и сила моя духовная, так гармонично слившаяся с силой моего дорогого Учителя, очистилась и выросла, и только потому я мог влиться в его чудесные вибрации. Я был принят им вновь с еще большей сердечностью в еще большую близость.

— Мой мальчик, ты уже перерос меня, — шутливо сказал мне И. — Вскоре ты и в самом деле станешь Голиафом, если так будешь продолжать. Пожалуй, тебе довольно расти, а то будешь чересчур привлекать внимание людей на всех улицах, по которым придется ходить, — улыбаясь, говорил он мне, и я прекрасно понимал, что он говорит мне эти шутливые слова, чтобы дать мне время справиться с моим экстазом счастья.

Я всей глубиной души сосредоточился на образе Великой Матери, давшей мне свой первый привет при моем возвращении в мир; я прижал к груди Ее новый цветок и только теперь увидел, что прежнего, который я носил на груди привязанным к черному алмазу Венецианца, не существовало. Не существовало и самого черного камня, а вместо него на тончайшей цепочке сверкал на моей груди крупный камень, бросающий радугой лучей, — электрический камень.

Очевидно, во время тайной беседы, объясняя мне мое поведение по отношению к темным силам, Владыка-Глава снял с меня черный камень и надел мне на шею подарок от себя. Мысленно поблагодарив его, я спрятал цветок на груди, благословил свое новое вступление в жизнь и труд и посмотрел на всех своих товарищей, возвращавшихся вместе со мной к новому служению людям.

Часть моих друзей уже поздоровалась с И. и стояла возле него, блистая свежестью, мужеством и красотой. Часть еще ждала своей очереди, а в эту минуту перед И. стоял Бронский, восторженно глядя на него и низко ему кланяясь.

Я с удивлением глядел на артиста. Что с ним случилось? Это, несомненно, он, и в то же время — это никак не он. Это юноша, это Бронский двадцати, а не своих сорока с лишним лет. Это красавец, похожий на слетевшего на землю ангелоподобного труженика с сияющей башни лучей! Что с ним?..

Пока я раздумывал об этом, ко мне долетели слова И.:

— Перед новым рождением Вы стояли давно. Но надо было пройти весь путь бездн человеческих страданий и ни разу не возроптать, как это сделали Вы, друг Станислав, чтобы прийти к этому часу новой нашей встречи. Теперь уже никогда и ни в чем не может быть двойственности в Вашем пути земного труда. В каждом встречном и деле его Вы будете видеть и небо, и землю и, в свою очередь, будете нести каждому в себе и небо, и землю в привет и во встречу, как и во взаимный труд.

Сияющий юноша Бронский отошел, а к И. подходила Андреева, которой он тоже протянул обе руки, ласково притягивая ее к себе, и сказал:

— Неизгладимое впечатление от слов Верховного Владыки мощи о двойственности Вашего труда, друг, о двойственности Ваших действий на земле как результате не вполне побежденной раздражительности опечалило Вас настолько, что даже в эту минуту вновь начинаемой жизни и труда для людей в Ваших глазах стоят непролитые слезы. Вы не забыли, дорогая, что всякая слеза — слеза только о себе. Забудьте с этой минуты навсегда о себе и оставьте в этом дворе всякую память о своей личности. Нет таких положений среди стихий Земли, где можно было бы сказать: "Я достиг

совершенства, мне можно теперь отдохнуть и постоять на месте". Всё вперед движемся мы все, слуги Светлого Братства, и ни один из нас не может надеяться быть безгрешным в своих трудах. Но чему надо научиться каждому слуге Бога — это четкому, активному действию в постоянной ровной Радости. Из каких бы стран ни возвращался слуга Светлого Братства вновь к труду среди людей, как бы высоки ни были вибрации Света, воспринятые им в периоды своего усовершенствования, если он будет вновь и вновь начинать свой труд с людьми опечаленным, все его в себе носимое Сияние не будет путем мира и помощи людям; хотя только для них он живет, только для них он трудится, и только их утешение составляет цель его жизни.

И. оставил руки Андреевой, поставил ее рядом с собой и обратился ко всем нам, тесным кольцом окружившим его. В его голосе я теперь улавливал новые для меня тона непобедимой воли, как и во всем его образе я видел теперь огромное сходство с той мощной божественной фигурой Учителя пятого луча, которая так поразила меня на вершине его башни.

— Друзья мои! Каждый из вас точно понимает, где он был, чему он учился, что он вынес. Понимает и ощущает свое полное преобразование и сознает свои новые, гигантские силы для нового земного труда. Не мне вас учить, как и кого вам благодарить за все знания, посланные вам Милосердием. Но мне, как старшему среди вас, а потому и самому ответственному перед Жизнью за всех вас и ваш дальнейший труд, предстоит принять и наставить вас в ваших первых шагах новой жизни.

Оставьте в ограде этого двора все то, что раньше казалось вам важным, как бытовые условия в сношениях с людьми. Если вы что-то делали среди людей, что вам было поручено и что вы считали священным и великим, то вы всегда думали: "Насколько это полезно и просвещает дух людей?" Теперь же, трудясь с открытыми глазами, то есть зная, что все проникает вселенную, что серый день человека есть его движение в сосуществовании в сотрудничестве с Вечным, идите, легко выполняя свои задачи, и не ждите появления сейчас же плодов вашей работы. Вы — новые пахари; плоды созреют. Не о плодах труда заботьтесь, но о том, чтобы в вас никогда не мелькнуло желание наград или похвал за вашу работу. Не ждите, что вас встретят приветом, оценят и признают. Идите в Вечном Свете, чтобы ни на минуту не разделить с Ним в труде земли. Вы будете унижаемы и огорчаемы; будете осмеяны и оклеветаны не раз; но для этих обстоятельств идите глухими и слепыми.

Им — нет отклика в ваших сердцах. Там живет только Радость-Действие, Она встречает каждого, и Она же его провожает. Как встречает

каждого Радость-Действие ваших сердец? Всех одинаково по любви, и каждого иначе по мудрости действий. Любовь, давшая вам знания, чтобы двинулись люди вперед, дала вам и понимание, как приспособить все силы своего организма так, чтобы в каждой встрече вы оберегали человека от возможности отрицания и раздражения. Полное понимание, как провести встречу с одним или тысячей людей во всей силе доброты и такта, — ваша первая обязанность, как только нога ваша перешагнет порог этого двора. Воздадим славу и благодарность великим труженикам мощи и вернемся в обычную жизнь. Мне не надо напоминать вам о молчании: каждый из вас получил свои специальные наставления.

И. глубоко склонился перед запертой дверью лаборатории и коснулся рукой земли. Я встал на колени, коснулся лбом и поцеловал священную для меня землю. Когда я поднялся с колен и направил последний взгляд в седьмой и первый этажи священной башни, я увидел там две фигуры Владык, благословлявшие меня широкие крестом.

Владыка-Учитель держал в руках тонкую палочку и на ней сияла маленькая пятиконечная звезда. Владыка-Глава держал в руке булаву и на ней горел треугольник, а внутри его трепетала большая золотая пятиконечная звезда.

То было последнее мое видение.

И. двинулся вперед, мы вышли за ним, прошли узкую галерею с цветами, точно мы шли по ней вчера, вышли в оазис матери Анны, и... ни бреши, ни калитки в стене Владык.

Как сон, мелькнуло это «вчера» во мне, оставив только в сердце и сознании великое, действенное «сегодня» Любви.

Одна жизнь кончилась, мы шли за И. начинать другую, зная на опыте, что есть только одна Вечная Жизнь.

Глава 30

Возвращение к жизни. Еще раз оазис Матери Анны и первое свидание с нею. Новые аллеи и памятники нашей любви и благодарности на них. Закладка часовни "Звучащая Радость"

Я шел впереди с И., давшим мне свою руку, и не мог видеть всех своих друзей, с которыми провел год в лаборатории Владык, как сказал нам с Андреевой Владыка-Глава.

Да, видеть их я не мог, но всем своим сознанием понимал, что внутреннее их состояние такое же, как и мое. Мы точно вновь рождались для жизни: словно этот год нашего обучения у Владык длился столетие и в эту минуту мы вступали в новую жизнь, отделенные от нашего, сравнительно такого недавнего «вчера» в оазисе матери Анны вековым периодом обучения. Не то чтобы в сердце моем не пела радость. Нет, она, конечно, пела, даже гудела на все лады, и чувства горечи, что пришлось покинуть обетованный край, где все насыщено вибрациями Божественной Силы, нигде, ни в одной тайной складке мыслей не было.

Было только трудно приспособиться сейчас даже к этой жизни — светлой, чистой, трудовой и радостной жизни оазиса. Каждый из нас, пропитанный и насквозь пронзенный высочайшими эманациями, шедшими к нам от самих Владык мощи и через них, не мог сразу гибко принять в себя излучений людей оазиса. И каждый понял, насколько он стал восприимчив к невидимым вибрациям людей, как болезненно чувствительны стали теперь нервы и как надо каждому из нас закалиться в своих физических и духовных проводниках, чтобы иметь силу передать все полученное людям и не остаться только хранителями — бесполезными и бездеятельными для окружающих — тех великих истин, что были преподаны нам именно для роста и счастья людей.

И., казалось, понимал наше состояние лучше нас самих. Держа меня за одну руку, он дал мне в другую руку часть своего золотого пояса, велел шедшему за мной Бронскому привязать к нему свой пояс и протянуть конец его следовавшему за ним Игорю. Тот, привязав свой пояс, передал конец его шедшему за ним Ольденкотту, и так далее. Последней шла теперь Наталья Владимировна, обронившая где-то пояс, и ей протянул конец своего Грегор, шедший за Василионом.

Когда я взял в руки часть пояса И. и передал конец его Бронскому, я

почувствовал, что пояс гудит, напоминая гудение телеграфного провода. И. создал нам защитную сеть, и я видел целый сонм невидимых помощников, плотной стеной защищавших наши до крайности утонченные физические проводники, еще не получившие должной степени закаленности для новой жизни на Земле и новой на ней деятельности.

И. шел умышленно какими-то дальними, удлинненными дорожками, которых, мне казалось, год назад и совсем не было, чтобы наша несколько болезненная восприимчивость поулеглась. Он давал нам время, каждому по-своему, овладеть собою и привести в повиновение свой организм, и для этого выбирал самый дальний путь.

Теперь, идя за И., я отчетливо понял, что все дорожки, по которым мы сейчас шли, были недавно обработанным куском пустыни. Зелень была хотя и мощная, но по сравнению с могучими деревьями старого оазиса матери Анны эти деревья можно было назвать ивовыми кустами.

Да и большой участок стены, хотя он и цвел, был много ниже, не так плотен, имел сучки на своих стволах не черные, как старая стена, а ярко-розовые, что делало молодую часть зеленой стены особенно красивой.

Когда мы подошли вплотную к новому участку стены, то увидели в ней широкие ворота-арку. Войдя в них, мы попали на прелестный островок, окруженный широким рвом с водой. На нем блистал совершенно очаровательный чистый белый домик из пальмового дерева, красиво обвитый цветами. Всюду были разбиты клумбы. Мы попали в море цветов, и мне, отвыкшему за это время от этого очарования земли, было не только радостно: мне хотелось лечь в эти цветы, обнять их и благодарить всех тех, кто трудился, обрабатывая мертвый песок, чтобы встретить нас таким ярким, живым проявлением любви и красоты.

И. молча подводил нас к домику, и на пороге его первым человеческим существом, приветствовавшим нас своими объятиями в оазисе, был Ясса.

Не надо было слов, чтобы понять радость свидания Яссы с нами, как и ему не нужны были слова о нашем счастье видеть его. Но удивление, мое и всеобщее, вылилось громким "Ах!", когда мы разглядели близко Яссу.

Ясса не только сиял радостью и миром, которые составляли его всегдашние отличительные черты. Он сиял свежестью, молодостью и красотой, которые никогда не были ему свойственны. И я, сохранивший в памяти тот образ Яссы, перед которым я год назад горько рыдал, считая моего друга умершим, был особенно поражен и обрадован. Ясса данного момента мог оспаривать у Бронского привилегии молодости и свежести...

И. ввел нас в дом, указав каждому его комнату, сказал, что Ясса поможет нам умыться, переодеться и позавтракать, велел нам отдохнуть и

быть готовыми через два часа, когда он за нами вернется и поведет нас к матери Анне.

Милый Ясса все так же усердно помог нам, мужчинам, своим массажем в воде, после которого каждый из нас почувствовал себя много крепче. Одной Наталье Владимировне пришлось справляться самой, но на этот раз не проявилось ни одного намека на раздражение, как будто оно никогда не было ей свойственно.

Позавтракав молоком и хлебом, что после пищи Владык показалось нам тяжелым и чрезмерно сытным, мы спешили разойтись по своим комнатам. Каждому хотелось начать свое новое вхождение в труд и новое единение с людьми в полной сосредоточенности и самообладании.

Оставшись один, я прижал к груди сияющий камень Владыки-Главы и дивный цветок Великой Матери. Я молил ее о помощи в том величайшем деле, которым Она приветствовала меня в первую минуту возврата к жизни серого дня, когда я покинул лабораторию Владык. Я повторил ее слова, первые слова Жизни, приветствовавшие мой возврат к обычному труду Земли: "Теперь пойди в часовню Скорби и принеси туда цветок Моей Радости и утешения. Во встречах серого дня важно не слово человеческой философии. Важно слово мира и утешения, чтобы мог человек отыскать в себе путь ко Мне. Я — не Судьба, Я — не предопределение, Я-не неизбежная карма. Я — Свет в человеке, его Радость. Ко Мне нет путей через помощь других, но только через мир в самом себе".

Этот привет Великой Матери точно выгравировался в моем сознании. Он врезался заветом Жизни мне в сердце. Я понял, почувствовал его как творческое движение моего сердца по предстоящей мне веренице дней. Я принял и благословил Божественное указание в начинающейся снова живой галерее человеческих встреч.

Все, чему обучили меня Владыки, все новые силы и знания — все вело к этому выводу, к этому священному завету, укладывавшемуся в столь немногие слова — "Любя побеждай", — которые прошептал я, благоговейно приложив губы к цветку и камню, и в тот же миг услышал зов возвращающегося за нами И. Через, некоторое время, когда все мы собрались на крылечке дома, И. обратился к нам с несколькими ободряющими словами и, заканчивая свою ласковую речь, прибавил:

— Мы не будем долго задерживаться здесь, в оазисе матери Анны. Это место Вселенной находится под особым покровительством Высших Сил, и живущие здесь идут все без исключения по ступеням Милосердия, то есть под непосредственным наблюдением высоких членов Светлого Братства, передающих всем обитателям оазиса Свет Вечного и Его прямую помощь.

Ни одному из вас не было назначено задачи и труда здесь. Но каждый из вас получит задание в Общине Раданды. Поспешим же туда, и да поможет вам Великая Мать в выполнении ваших задач. Даже здесь, в этой обители чистоты, в этом избранном месте, вам было тяжело жить и дышать в первые минуты перехода из великого мира Владык мощи и места сотрудничества Силы Света с представителями Земли. В эти короткие дни своего пребывания здесь ищите в себе все способы закалиться и войти в полное равновесие, так как полное самообладание уже составляет основу ваших организмов. Не думайте, что, добившись однажды и навсегда полного самообладания, можно на этом успокоиться хотя бы на короткое время. Никакое полное самообладание не защитит человеческий организм от возможности быть потрясенным теми или иными событиями, если хотя бы на одну минуту дух человека разъединился с Тем, Кого, живым и мощным, он носит в себе.

Именно это и случилось со всеми вами. Каждый из вас думал о том счастье, что покидал, а не о том сверхсчастье, куда шел. Беспредельное мужество и радость нужны гонцам Вечного, чтобы выполнить Его задание на Земле. И эти силы мужества и радости, независимо от величины и значительности задания, необходимы каждому гонцу. Ибо в каждом человеке, которому дается задача, вскрывается и особая, новая сила. Жить, действовать и творить в ней человек может только в том случае, когда забыл о себе, забыл о возможности печалиться, покидая те или иные места, но зная только одно: в мужественной радости нести Свет и пролить Его в данном ему поручении, в том месте, времени и форме, что ему указаны. Если бы вы до конца были полны именно такой верностью — ни одному из вас встречные вибрации людей не были бы тяжелы. Они не ощущались бы вами, так как вы строили бы защитную сеть вместе со всеми вам покровительствующими невидимыми помощниками, а не нарушали бы ее мыслями личного характера. Из этого урока поймите, как многого вам надо еще достигать в себе, чтобы приступить к задачам, данным вам Вечным.

Пока вы не знали имени Великого Творца Земли — орбита ваших действий позволяла вам «отдыхать», выражаясь вульгарно, от небесного Света. Теперь для вас нет возможности жить в том состоянии бездеятельности, что люди зовут «отдыхом».

Отдых ваш только там, где идет сотрудничество ваше со всем Светлым Братством, с Его Главою — Санат Кумарой. Врежьте в сердца и сознание этот Свет Величайшего, встречайте и провожайте день труда, призывая это Имя; ибо знаете ныне, что только пред Ним начинается и кончается ваш серый день труда, только с Ним сохраняется, растет и развивается сила.

Учтите заботу Милосердия о вас: ни одному из вас не поручено дело в оазисе. Всемиловитый, Он заботился о вас; думал о вашем состоянии, мире, физическом и духовном моменте творчества и дал вам поручение так, чтобы вы имели возможность привести все новые силы к равновесию и могли действовать успешно. Унесите вечную память об этом Милосердии; всегда, встречая людей, оказывая им помощь или давая им для них переданные вам блага и знания, умеете приготовить в их душах почву, на которой может быть понято передаваемое вами. Первая забота о человеке, если он поручен вам, — суметь стать в его положение и не превысить его возможностей в передаваемом ему поручении. Твердо помните, не как теорию, а как практику ежедневного труда: "Может — не значит будет". Каждый раз, где вы подумали сначала о себе, то есть сказали себе: "Как трудно продвинуть в массы эти понимания" — вы уже раскрыли щель в защитной сети и наполовину уменьшили успех предпринятого дела. Начиная день, как начиная и любое дело, помните лишь одно сияющее Имя, пославшее вас к Владыкам мощи и посылающее вас в толпу людей. Как драгоценный караван, идите через пустыню и несите в сердце чашу Бога, полную Его Света. Расплескать каплю Огня, не приготовив предварительно костра, где Он мог бы запылать, — равносильно евангельской истине — метанию бисера без смысла и без пользы. В эти короткие дни пребывания здесь оцените встречу, оказанную вам Милосердием. В доме, куда вы вошли, никто не жил; по острову, где вы проживете немного дней, чьи ноги, кроме Яссы, не ходили. Оцените и поймите эту заботу о вас, не как о тех или иных личностях. Но каждый раз, как будете встречать людей, имеющих те или иные поручения Светлых Сил, отдавайте Им все внимание, стремитесь устроить Их внешнюю судьбу так, чтобы им поданное поручение могло быть выполнено с наибольшей пользой и смыслом для людей. Для вас, гонцов неба, нет никакого разделения времени и пространства. Для вас есть только та жизнь, в которой куется вечное, вне зависимости от времени и пространства. Нет для вас человека как внешнего или внутреннего облика. Есть только человек-путь. И каждый путь вами оберегаем; ибо вы — мосты, через которые текут любовь, помощь и знания Санат Кумары к людям земли.

И. велел нам разойтись по комнатам, обдумать то, что он нам сказал, и сойти через час снова вниз, где он будет нас ждать и поведет нас в домик матери Анны, а оттуда в трапезную.

Возвратившись в очаровательную по чистоте, но чрезвычайно скромную по обстановке комнатку, я еще раз прижал к груди цветок Великой Матери и электрический камень Владыки-Главы. Мне казалось,

что я вовсе не был лично взволнован, когда выходил из владений Владык и переступал высокий порог их ограды, ведущий в оазис, а только испытывал колотье по всем нервам, точно они были обнажены и болели от вибраций, от которых я успел отвыкнуть.

Сейчас я понял, насколько глубоко лично я воспринимал мой новый выход в жизнь, насколько слабо было мое сердце, которое не сумело сразу раскрыться шире, растянуться, по крайней мере, на весь оазис и влить в него новую любовь, новую силу, полученную мною за время обучения.

Еще раз я яснее понял и лучше увидел, кто был И. У этого Богочеловека, даже когда он сносился с животными, ни на минуту не прерывалась связь с Единым Владыкой, имя которого сияло в его делах, как солнце привета всему, что он встречал, что делал. Он все и всех поднимал вверх, ибо у него не было мысли «поднять». Он действовал как Свет, ибо только Свет был в нем, а не «я», в какой бы форме оно ни пряталось в человеке.

Я понял не метод, "как овладеть" собой, как применить те или иные знания и силы, я понял, что только тогда человек действительно забыл о себе, когда дух его слился с тем человеком, с которым он говорит, или с трудом, который он сейчас делает. Я понял непрерывность слияния с Высшим — только тогда возможную, когда сила Его вяжет воедино тебя и каждого.

Когда снова раздался голос И., призывавший нас спуститься вниз, я был уже в полном равновесии и не признавал себя ничем, кроме радостного рабочего моста, где в данную минуту Свет Вечного шел ко мне через И., сотрудничавшего сейчас со мною.

Оглядев всех нас, когда мы собрались на крылечке, И. ласково нам улыбнулся, поманил к себе Наталью Владимировну, что-то тихо ей сказал, дал ей пояс взамен потерянного и сказал мне:

— Ступай со мной прямо к матери Анне; остальные пройдут с Яссой к нескольким больным, которые их терпеливо ждут.

Меня очень поразило, что мои друзья имели в оазисе людей, нетерпеливо их ждавших, но я уже знал все разнообразие путей человеческих и не сомневался, что перед свиданием с матерью Анной моим друзьям было необходимо выполнить какой-то долг.

Мать Анна встретила нас все такой же сияющей, какой я оставил ее год назад. Но ее лицо, глаза и вуаль показались мне еще более лучистыми: точно куски дуги слетали с ее головы. Я понял сейчас же, что я теперь научился читать ее мысли, которых раньше даже не видел.

— Левушка, — сказала она мне, ласково пожимая мою руку и отдавая

мне поцелуй в голову, когда я склонился к ее руке. — Давно не звучала, вернее, не гудела подле меня так сильно радость человеческого сердца, как я слышу это сейчас. Я говорю, конечно, об Учителе, — прибавила она, склоняясь в сторону И., — ибо Учителя сердце уже не человеческое, а Богочеловеческое. Мне все ясно из того, что Вы сделали и приобрели за это время, — продолжала она и, помолчав, прибавила: — Учитель И. обещал привести Вас одного ко мне, как только вы вернетесь в оазис.

Мне было указано Владыками мощи, что я могу отобрать среди своего племени семь человек, страдающих о своих близких, поскользнувшихся на духовном пути; и я сама могу быть одной из семи. Нам разрешено обратиться к каждому из вас с просьбой...

— О, мать Анна, не надо слов, я все понял, — перебил я чудесную женщину, глаза которой стали слегка влажными. — Вы желаете, чтобы я увиделся с Анной и помог ей в назначенном ей деле: сменить Вас здесь. Я буду счастлив выполнить Ваше желание, ибо знаю, что Учитель И. даст на это благословение. Он поможет мне быть достойным Вашей просьбы. Я же перенесу Анне всю ту Силу помощи, до какой смогу дойти сам.

— Вы угадали мою просьбу, Левушка, — ответила мне мать Анна. — Но я должна сказать Вам то, чего Вы еще не знаете. Выйдя от Владык мощи, каждый из вас обладает теперь силой и правом взять под свое покровительство — а через себя и под непосредственную помощь обучавшего вас Владыки мощи — несчастного, чистого по существу, но загрязнившего себя связью с темными силами человека. Ваша сила радости особенно важна и ценна в деле Анны, так как черный камень Браццано, который Вы носили на груди, превращен Владыкой на том алтаре, что он называет рабочим местом Бога, в камень Жизни, прозванный редкими его обладателями электрическим камнем. Вы теперь знаете, кто дал Вам Свой Огонь в камне. Хотите ли первую мощь камня излить на бедную Анну?

— О, как можете Вы задавать мне этот вопрос? — вскричал я, только теперь поняв, что величина камня, его оправа и цепочка соответствовали вещи Браццано. — Я повторяю Вам: великое счастье для меня Ваша просьба. Если Анна сможет приехать сюда, чтобы раскрепощение Ваше от земли совершилось как можно скорее, я уверен, что она приложит всю свою силу духа, энергию и усердие и поспешит утешить не только Вас, но и своего великого друга Ананду.

Мать Анна долго молчала, точно погрузившись в молитвенный экстаз. И. подошел к ней ближе, и я увидел в светлом кругу над ее головой образы Ананды и Анны, бросавших цветы матери Анне.

— Спасибо, друг, — наконец тихо сказала она. — Я не останусь с

пятном на сердце.

Анна будет здесь.

Не успела мать Анна окончить своих слов, как раздался стук в дверь и вошедший Ясса спросил разрешения войти нашим друзьям.

Получив разрешение, все друзья вошли в комнату матери Анны. Казалось, что час назад все мы вышли из дома, и облик каждого запечатлелся в моих глазах. А в эту минуту я мог бы поспорить с самим собой, что люди прожили в оазисе год, а не час: так уверенно, легко, просто и весело здоровались все с матерью Анной. Они как-то сразу освоились с атмосферой оазиса, точно и не уходили из него.

"Вот что значит забыть о себе", — подумал я.

Тепло приветствовала нас всех мать Анна, говорила, что Учитель И. за год своего пристального наблюдения над ее оазисом сделал так много нового в нем, что мы его и не узнаем. Поздравив нас с началом новой жизни, мать Анна пригласила всех в трапезную, сказав, что там нас уже нетерпеливо ждут.

По дороге в трапезную оазис показался нам таким цветущим и благоухающим раем, что нельзя было себе и представить, как был он исковеркан песком и бурей год назад. Странное чувство начинало расти в моей душе. Несколько коротких часов отделяло меня от жизни у Владык мощи; а между тем, сейчас мне казалось, что все пережитое было только благодатным, радостным сном, а жизнь — как деятельность и земной труд — и не прерывалась вовсе. Я ощущал данный момент своего возвращения к жизни как будто бы не имевшим годового антракта, точно я вчера ушел из оазиса и возвратился сегодня, проведя где-то поблизости одну короткую ночь.

Только в сознании своем я чувствовал великую перемену. Я видел теперь во всем, какую любовь нес И. всякому человеку; как человек был целью его труда и дел всегда, везде и во всем. Я понял, что и мне нет иного подхода к начинающимся встречам, как любя человека, видя в нем цель дел Учителя, найти вход любовью в сердце каждого и своей гармонией облегчить ему жизнь...

Насколько я воспринимал свой возврат в оазис как дело минутной разлуки с ним, настолько жители оазиса восприняли наше появление как новый, вторичный приезд.

Это меня поразило. Конечно, наше исчезновение могло быть воспринято обитателями как ночной отъезд. Но И. ведь оставался с ними? Почему же сейчас, при нашем входе в трапезную, оазис встречает И. восторженной овацией, благодаря его за вновь обретенное счастье — столь

неожиданно скорое посещение? Где же был И.? Чем же он был занят этот год?

Я вспомнил башню пятого луча в пространстве; вспомнил ночь бури на маяке; образ И. среди гор песка пустыни в грохоте ветра, грома и молний; его же образ в то же время неподвижно стоявший у руля на маяке, — и понял в первый раз отчетливо, что если Учитель и не всемогущ и вездесущ, то, во всяком случае, он может быть видим людям в разных местах почти одновременно, и в этом нет чуда, а есть только результат его знаний.

Итак, И. не жил в оазисе, а "пристально наблюдал" за развитием новой жизни в нем, как сказала нам мать Анна. На восторженный прием людей, наполнявших столовую, И. ответил коротким ласковым приветом, который закончил следующими словами:

— Спасибо вам, друзья, что вы все это время с таким усердием и точностью выполняли все мои указания, которые я передавал вам через мать Анну и Яссу. Не меньшую благодарность примите и от моих друзей, именами которых вы назвали новые аллеи в разбитом за этот год парке. Каждый из них оставит в своей аллее вам какую-нибудь память. Между нами есть великие художники и скульпторы, ученые, писатели и изобретатели, и сегодня же, после трапезы, соберитесь в семь бригад все те, кто разбивал новые аллеи. Мои друзья выскажут мне свои пожелания, что и где каждый из них хочет оставить вам в своей аллее, и общими силами мы выполним эту работу. Но надо спешить, так как на этот раз мы не можем долго у вас задержаться.

Крики радости от обещания И. и огорчения от нашего быстрого отъезда покрыл гул общей просьбы: на воротах оазиса поставить изваянную фигуру И. в память чудесного спасения в ночь ужасной бури.

Назвав «детским» желание жителей оазиса, И. сказал, улыбаясь, что постарается оставить им на память свой портрет, но не на воротах, а на маяке, и пригласил всех успокоиться, сесть за стол и мирно кушать, чтобы поскорее приняться за обход аллей и обсуждение их украшений.

Обед прошел несколько торопливо. Видно было, что каждому хотелось принять участие в новой работе с нами, независимо от того, разбивал он новую часть парка и нет.

Перед окончанием трапезы мать Анна, видя всеобщее желание быть в нашем обществе, объявила, что пойдут к новым дорожкам только те, кто их разбивал, но что вечерняя трапеза будет на час раньше, все население оазиса соберется в новом огромном зале и будет оповещено о результате наших трудов. Там все будут иметь возможность провести вечер в нашем обществе и высказать все свои пожелания и мнения. А Учитель И. и его

спутники увидят выстроенный без них — по их планам и указаниям — новый зал.

— Трепещите, одобряют ли высокие друзья и гости наш труд, — закончила свои слова мать Анна, и ее голос и улыбка были особенно полны доброты и любви при этих последних словах.

По окончании обеда каждого из нас окружила кучка людей из тех, что не шли с нами работать, и милые обитатели оазиса рассказывали нам о чудесах доброты и энергии Яссы: о его необыкновенных приемах лечебного массажа, о новых формах гимнастики, которым он обучал специальную, очень многочисленную бригаду.

К огорчению оставшихся, вскоре подошла к нам большая толпа юношей и девушек в рабочих костюмах, предлагая отправиться к новым аллеям. И. с нами не пошел, сказав, что у него много дела в старой части парка.

Трудно было себе представить, до чего разрослось все на старом и на вновь обработанном куске необъятной пустыни! Завод теперь совсем не был виден, закрытый со всех сторон поднявшимся стеной густым кустарником. Когда же мы подошли к тому месту, где был вход в особую стену Владык, — я знал, что вход здесь, так как увидел сквозь все преграды лабораторию Владык, увидел даже на седьмом этаже моего милостивого Владыку-Учителя, посылавшего мне улыбку, — то удивлению моему не было границ. Кругом шла стена-лес, точно вековое, ухоженное гигантами, живое окончание оазиса...

Перед этой толстенной стеной была разбита широкая площадка с цветущим на ней благоухающим палисадником. Всем хотелось иметь здесь статую матери Анны, но не было такого большого куса мрамора. Грегор с Василионом посоветовали вылить ее из местного стекла, уверяя, что Василион знает теперь тайну несмывающихся и невыгорающих красок в стекле, переливающихся под солнцем краше перламутра.

Долго мы ходили по новым аллеям, обдумывая, что оставить каждому из нас как дар благодарности оазису, ставшему для нас центром великих откровений, началом новой жизни и труда для блага людей, обетованной землей, возвращение на которую еще раз было указано некоторым из нас.

Когда мы достигли той аллеи, что жители оазиса в шутку называли "Левушкин рай", я мгновенно понял, что должен я оставить на этой аллее как дар своей вечной благодарности. Аллея имела в середине круглую площадку, где блеснул песок пустыни и где обитатели оазиса хотели выстроить большую беседку. Вся аллея была из широколистных пальм, еле достигавших пока высоты человеческого роста, что среди огромных

деревьев других аллей делало ее похожей на обсаженную карликовыми растениями. Тем не менее листья пальм были уже так хороши, что аллея была тенистой. Половина площадки была обсажена кедрами, шедшими полукругом и также еще не достигшими человеческого роста. Спутники мои, увидя мою сосредоточенность, поняли ее как огорчение, что моя аллея мало поднялась. Они объяснили мне, что эта аллея разбивалась последней, потому она еще низкорослая, но что через год-два поднимется выше своих соседок к небесам.

— Я совсем не огорчен, что аллея моя выросло мало, — ответил я. — Я глубоко задумался над тем, что должно быть сооружено на этой чудесной площадке. Мне хотелось бы, чтобы здесь стояла не беседка "Левушкин рай", но чтобы здесь была часовня, отдающая всем, к ней приникающим, чистоту и силу рая. Но я не знаю, имею ли я право соорудить здесь копию одной священной, божественно прекрасной часовни, которую видел в одной чудесной Общине. Об этом я скажу вам вечером, когда переговорю с Учителем И. Так как моя аллея была последней, куда мы пришли, и только я один не решил своего вопроса, а все остальные точно знали, что хочет каждый создать в своей аллее, то времени на обсуждение ушло много, и сейчас все торопились разойтись по домам и привести себя в порядок, чтобы внимательно приготовиться к вечерней, более ранней, трапезе. Все разошлись, несколько задержались со мной Грегор с Василионом, и Грегор шепнул мне:

— Мы поняли Ваш замысел. О, если бы Учитель И: нашел это возможным! Здесь как бы нарочно все устроено, чтобы копия могла появиться!..

Оставшись один, я сел на песок и оперся спиной о ствол центрального кедра.

Великая Мать дала мне задачу принести Ее Радость и Утешение в часовню скорби в Общине Раданды. Разрешит ли Она мне оставить копию Ее древней часовни Звучащей Радости здесь, в опекаемом Великими Силами месте, чтобы образ Ее помогал совершенствоваться этому небольшому и необычайному племени, не знавшему горькой сети человеческих страстей и самолюбия, не знавшему слез и встречавшему каждого улыбкой приветом?

Я готов был положить под фундамент свои величайшие сокровища: Ее цветок и камень Венецианца, очищенный от зла и ненависти Браццано Владыкой-Главой на его алтаре, что он называл Рабочим Местом Бога. Закрыв лицо руками, я ушел с земли; я летел всем сознанием в часовню Радости, пытаюсь там найти первое указание... Я вдруг услышал голос:

"Место Мое всюду, где чистая любовь человека зовет Меня. Но сила помощи Моей зависит только от верности тех, кто ко Мне приходит. Сложи в основание фундамента часовни не только те сокровища, что на себе носишь; но и все поданные тебе — любовью людей, цельной и бесстрастной, — вещи в оазисе Дартана. Жди указаний И. Он передаст тебе камень Света для фундамента Моей часовни, что Божественные Силы подадут Владыке-Главе".

Голос затих. Спускалась уже тьма на оазис, Я не знал, куда и как идти, как вдруг услышал поспешные шаги И. Мой великий и мудрый покровитель шел мне на выручку, как делал это во всех случаях моих затруднений.

— Мой друг, разве ты сразу не увидел, что все подготовлено здесь мною, чтобы могла засиять еще одна часовня Радости в пустыне? — сказал он, поднявшись со мною. — Велико счастье твое, что ты имел силы вынести из лаборатории Владыки-Главы очищенный, наполненный магнитным током Великого Бога камень и посланный тебе новый живой цветок Великой Матери. О трудностях технической стороны не беспокойся.

И. взял меня, счастливого, потерявшего чувство времени и пространства, под руку, и мы весело зашагали во тьме, среди ярко сиявших небесных лампад.

— О, как прекрасна Жизнь, — тихо повторил я несколько раз за время этого короткого пути с И. И опять по-новому воспринимал я общество моего высокого друга! Теперь не было у меня никакого ощущения разнородных вибраций: я даже не замечал особенностей ритма дыхания и походки И., к которым раньше мне приходилось не без труда приспосабливаться. Я сейчас легко и просто сросся, слился с сознанием И., и мне было ясно: Единого в нем я воспринимал всем Светом своей души. И если я не видел еще всего Света И., то я жил всеми своими силами Единой Красоты в Его Свете. Я не воспринимал личности И. потому, что не знал в эти минуты даже намека на что-то личное в себе. Впервые я ощущал на деле, что такое полная освобожденность и как беспредельно счастье жить в ней серый день Земли!..

Когда мы достигли освещенного зала трапезной и погрузились в море голов и глаз, жадно ожидавших И., в первый раз за это короткое время так недавно начатой новой жизни меня не ударили, не оглушили и даже не смутили эманации человеческой толпы. Раньше я всегда чувствовал, как И. меня защищал от разбивавших токов мыслей и желаний людей. Сейчас я почувствовал, что я не только не нуждался в защите, я нес людям силу в себе. Я понял ясно, что нес ее потому, что был в полной освобожденности

от личного. Я еще раз вознесся к алтарю Владыки-Главы и, прошептав великое имя "Санат Кумара", невольно тихо сказал: "О, как прекрасна Жизнь!" — Ты только сегодня и понял, что значит благословенное счастье жить свой день в мужестве и мудрости, в единении с трудящимися неба и земли, в неугасимой любви Великой Матери, — ответил мне И. и тут же обратился к ожидавшим нас и поднявшимся с мест, приветствуя его, обитателям оазиса: — Простите, дорогие мои и уважаемые друзья, за те несколько минут опоздания, какие мне пришлось невольно допустить. Поверьте, что причиной их было очень важное для вас дело, которое при помощи Левушки принесет вам всем немало радости. Нам было необходимо решить вопрос о памятнике — чуде красоты, что будет вам оставлен в аллее "Левушкин рай", как вы ее прозвали в шутку. Дав ей это название, вы и не думали, что попали всерьез близко к цели, ибо действительно в ней будет сооружена часовня, где ни одно существо не сможет испытывать ничего, кроме радости, так райски прекрасна будет установленная там фигура.

И. пригласил всех занять свои места за столами. Дождавшись обычного разрешения матери Анны на подачу кушаний, все принялись за еду, но во всех глазах читалось скрытое нетерпение, как бы скорее окончилась еда и начались доклады каждого из нас о предстоящем труде украшения аллей.

В самое короткое время окончился ужин, и зал принял вид аудитории. Я в первый раз видел еще этот новый зал. Он был выстроен по образцу старого и несколько напоминал помещение внутри громадной крепости. Я понял, что и в этой постройке строители предвидели возможность борьбы с песчаными бурями пустыни. Невольно дрогнуло мое сердце, я подумал о будущей часовне в моей аллее, но тут же вспомнил слова Владыки-Главы: "Бесстрашному и верному до конца — Твой призыв до конца. Только в верности до конца достигается то бесстрашие, где человек может вступить в сотрудничество со Светлым Братством".

Я нашел мгновенно полное успокоение, улыбнулся детскости своего молниеносно мелькнувшего беспокойства о Святыне и стал слушать речь Грегора. Грегор не только говорил от лица всех нас. Он начертил на большой стеклянной белой доске черной тушью план вновь разбитых аллей и набросал в каждой из них те здания, которые должны будут их украсить.

Я всегда знал, что Грегор художник гениальный. Но перед тем, что я увидел сейчас, я просто благоговел. На площадке, где скрещивались лучеобразно шесть аллей, он начертил фигуру матери Анны, стоящей с посохом в одной руке и змеем, кусающим свой хвост, в другой. Рука со

змеем была высоко поднята и как бы указывала на вход во дворик Владык мощи.

Фигура, нарисованная Грегором в несколько минут на глазах у всех, выступала точно живая на белом фоне доски. Сходство, выражение и манеры были до такой степени живо схвачены, что зрители затихли, замерли, и только после довольно долгого глубокого молчания раздался гром аплодисментов, радостных возгласов одобрения художнику.

Никаких обсуждений не требовал портрет матери Анны. Только один вопрос задали жители оазиса: почему в руке их настоятельницы змей?

Грегор объяснил им, что змей, кусающий свой хвост, есть эмблема Вечного Знания, постичь которое может только тот, кто откроет и поймет Вечное в себе.

Здесь выступил. И., сказав, что в течение всего времени своего пребывания в оазисе он будет каждый вечер, после ужина, вести беседы, и в них все поймут ясно этот символ Вечности и узнают еще много нового из духовного мира.

Долго, очень долго и подробно Грегор рисовал театр Бронского, библиотеку-читальню Ольденкотта, училище и обсерваторию Игоро, химическую лабораторию Натальи Владимировны, чудесную, волшебной красоты баню Грегора, оранжерею и агрономические курсы Василиона.

— Что касается моей статуи, о которой вы просили, — ее я сделаю сам, доверьтесь мне в этом деле, — Улыбаясь, сказал И. — Я постараюсь соперничать с Грегором в чистоте линий и жизненности моей фигуры. Часовню Левушки мы обсуждать сейчас не будем — некогда, время далеко за полночь. Но когда вы начнете строить ее, под наблюдением и по указаниям нашим, вы сами увидите, что эта Святыня не подлежит обсуждениям как художественное произведение. Она — ваше великое счастье.

Через несколько минут мы простились с матерью Анной и всеми присутствующими и пошли в свой домик. Долго еще в эту ночь продолжались во всех уголках оазиса беседы о предстоящем украшении аллей и о начинающемся преобразовании оазиса в настоящий культурный «город», как представляли себе его никогда не выдавшие городов жители оазиса.

В который раз шел я подле И. в сверкающей звездами ночной темноте пустыни! И каждый раз и ночь, и неслышные днем звуки пустыни — все воспринималось мною по-иному. Сегодня я шел в своем широко раскрытом зрении и видел ясно всю картину Трудящейся Жизни.

Сверкающие башни лучей не мешали мне видеть чудеса трудов на

башне стихий.

Мчавшиеся сонмы невидимых помощников волновали сердце и мысли, и яснее обычного я понимал невозможность остановки ни на один миг труда Вечного Движения.

Все мои товарищи шли молча, как и я, и общее для всех нас благоговение вводило нас в эту первую ночь нашей новой священной жизни на Земле. Мы подошли к нашему домику, и у его порога И. нас задержал.

— В каждом из вас совершился великий перелом. И в эту ночь ни один из вас уже не имеет ни личных желаний, ни личного восприятия того труда, которым суждено вам утешить, облегчить и украсить жизнь ваших встречных. Но не это составляет ныне центр вашего преображения. Ваше пребывание у Владык показало вам на опыте, что такое Земля, кто возглавляет весь труд Земли и на какой высоте должен быть тот, кто стремится, ищет и получает честь и счастье сотрудничества с Великим Главой Земли. Однажды увидев труд Его, вы уже не можете больше относиться к Земле как к простому месту своего рождения и труда. Вы знаете, а потому для вас Земля перестала быть местом счастья или несчастья, местом долга и обязанностей. Земля стала для вас священным храмом, ибо знаете, что на ней стоит живое рабочее место Его — алтарь и святиня всех светлых людей. Вы можете жить теперь на Земле только как в священном храме, где каждая минута вашего труда льется как славословие этому священному храму — Земле. Все ваши прежние понятия о добре и зле, о наказаниях и наградах, о будущем и прошедшем, о выборе себе изысканных положений и мест труда — все распалось прахом. Вы воочию увидели, что вся Земля и все на ней есть только труд Бога. И этот труд вы отныне призваны разделить, нося в себе и зная, как подходят к алтарю храма священной вам теперь Земли. Вступая в эту ночь в новую орбиту движений творческих сил, пусть каждый сохранит в памяти начало своего пути, начало своих исканий. Вспоминайте, что не всегда вы были сильными. Не всегда побеждала в вас любовь без раздражения и горечи. И вам будет легче покрывать своей любовью, своим милосердием и миром ту духовную пропасть, что лежит никому кроме вас и тех, что выше вас, не видимая, между вами и теми людьми, которым понесете свои новые знания. И сколько будете жить на Земле — всегда и всюду будете чувствовать эту пропасть между собой и массами. Будете зовущими в красоту и мир. И ощущать будете, что зовете стадо буйволов, грозно ревущих и охраняющих свое личное счастье, добычу и наживу. Ваша сила есть знание, что Земля — ваш священный храм. Эта сила охранит вас от

всех злых набегов. От всех попыток затоптать в грязь то знание, что суждено вам принести людям. И пропасть между вами и людьми не будет шириться, а будет сужаться лишь тогда, когда вы будете трудиться в храме Санат Кумары — на священной земле.

Будьте благословенны при вашем возврате на Землю. Вы все возвратились здоровыми и невредимыми, закаленными бойцами Единого. Не думайте, что попытки подвести к знанию, которым вы ныне владеете, не делались и раньше. Они делались. Но люди, молившие о знании, клявшиеся в верности, не выдерживали и первых, легких испытаний, будучи не в силах соблюсти до конца чистоты и забвения себя. Они стремились использовать свои маленькие новые знания в личных целях — и им приходилось начинать весь цикл восхождения почти с начала, с животного мира. И эти случаи были лучшими. Ибо были случаи совершенно ужасного подпадения под власть темных сил, откуда спасти их до окончания жизни планеты никто не может.

Отдайте же себе отчет в той степени готовности, в какой стоите сейчас. Не забывайте пройденного пути своих побед, где вы всегда побеждали любя, и будьте снисходительны к людям, что ищут и хотят, но не могут достичь гармонии мысли и сердца, и пропасть между вами и ими для вас — самое великое, что вы знаете на Земле: рабочее место Бога. Оно живет в каждом из вас, если вы чисты до конца.

Так закончил свои слова И. Он ласково обнял и благословил каждого из нас. В наступавшем рассвете я видел, как взволнованно-благоговейны были лица моих возвращавшихся к жизни будня товарищей.

Свет прибавлялся с каждой минутой, и, когда я вошел в свою комнату, солнце уже поднялось наполовину на горизонте пустыни. Первый серый день начинался. О сне было нечего и думать, да и никакой потребности в нем я не ощущал. Я глубоко сосредоточил свою мысль на алтаре Великого Владыки Земли и просил всех помогающих мне милосердных братьев не оставить меня своим дружелюбным покровительством, чтобы я мог внести мою скромную долю труда и чтобы пропасть между мною и окружающими меня людьми сузилась хоть на одну песчинку, чтобы алтарь Великого Бога утвердился крепче в восприятии людей.

Я молил Великую Мать послать мне сил чистоты и радости, чтобы Ее дивная часовня воздвиглась и охраняла оазис во всей веренице его дальнейших дней.

В мою дверь тихонько постучали, и я увидел милого Яссу, как всегда думавшего обо всем и обо всех. Он сказал мне, что легкий завтрак из молока и белого хлеба уже ждет, и предложил отправиться вместе в душ. Я

не замедлил воспользоваться его предложением, слышал, как по соседству с моей кабиной всплескивались струи воды, и понял, что мои товарищи также готовятся к первому трудовому дню.

В маленькой столовой уже сидели Наталья Владимировна, Ольденкотт и Грегор, когда мы вошли. Они горячо обсуждали проект библиотеки-читальни, при которой милый Ольденкотт хотел создать целый ряд комнат, где было бы можно жить, целиком посвятив себя научной работе, и отделиться от общей жизни оазиса.

Я совершенно не хотел есть. Молоко и хлеб казались мне тяжелыми блюдами, и, за кусок боба Владыки я готов был отказаться даже от чудесных фруктов, в изобилии лежавших на столе.

— Надо кушать, Левушка, — услышал я за собой голос И. — Всем вам, друзья, надо привыкать к обычной пище, хотя бы она казалась вам мало привлекательной. Пока вы были оторваны от земли и жили в вибрациях выше ваших индивидуальных возможностей, пища ваша должна была быть минимальной и легкой. Теперь ваш труд пойдет в вибрациях ниже ваших индивидуальностей, с одной стороны, и под палящим солнцем пустыни — с другой. Поэтому в организме должны быть плотные вещества, помогающие закалить и внешне огрубить организм для встречных токов людей и атмосферы пустыни. Пока мы живем в оазисе, каждому из вас надо достичь привычки не только безнаказанного для чувствительности нервов общения с людьми, но и умения мгновенно построить себе и встречному защитный круг и только в нем общаться с человеком. Здесь вас окружают наиболее чистые вибрации, так как никогда нога темного существа не ступала на эту защищенную землю и не может на нее ступить. Здесь может жить или чистое, светлое, или совсем очистившееся от всего темного и ставшее светлым. И все же даже эти прекрасные эманации были тяжки вам в первые минуты возврата на Землю. В общине Раданды — в месте активной борьбы со злом — вам надо быть уже во всеоружии, чтобы с этой стороны не думать о себе, а только о деле Того, Кем вы посланы к людям... Кушайте же все, что перед каждым из вас стоит. Переоденьтесь в рабочие костюмы, и отправимся все на новые аллеи. Там распределимся по рабочим бригадам и начнем строить новые здания по методу и способу, полученным Грегором, Василионом и Игором. Я подаю вам пример, — закончил И., улыбаясь и придвигая к себе чашку с молоком и хлеб с медом.

Несмотря на то, что я очень спешил проглотить свое молоко и хлеб, чтобы поскорее пойти в аллею и начать ой первый — и такой божественный — труд Земле, я все же не терял время на одну еду и пристально наблюдал лица моих товарищей.

Эти лица меня удивили. Сам я чувствовал себя необыкновенно легко и просто. И легкость моего нового существования все возрастала. Я весь сиял счастьем начать строить здесь часовню Радости и сознавал, что мое внутреннее сияние ярко отражается на моем лице.

Первым бросилось мне в глаза лицо Грегора. Оно было сосредоточенно, почти озабочено. И я понял, что дух его занимает сейчас какая-то иная творческая задача, к которой он, внешне занятый делами оазиса, внутренне готовился.

Наталья Владимировна, недавно горячо обсуждавшая проект своей лаборатории, с первыми словами И. как-то особенно притихла, точно собирала силы для постройки защитного круга себе и каждому встречному, желая уже в нем покинуть столовую.

Ольденкотт хранил, как всегда, свое благородное, детски спокойное выражение доброты и мира. Ему незачем было думать о том, чтобы пролить свой мир и свет кому-либо. Он именно ими и был сам, светил и грел, не думая о том, ибо жить иначе он не умел и не мог.

Игоро весь горел такой силой внутреннего огня и темперамента, что едва мог заставить себя сделать несколько глотков молока. Если бы не его чрезвычайная дисциплина и преклонение перед И., он вскочил бы из-за стола и помчался в свою аллею.

Бронский, новый, молодой красавец Бронский, был также мыслями не в оазисе. Над его головой я ясно видел движущиеся картины его богатейшей фантазии, в которой уже жили целые сцены новых постановок, и я узнавал отдельные фигуры жителей оазиса Дартана.

На всех лицах читались рои новых вопросов вновь зарождающейся жизни, и дух каждого дрожал и напрягался по-своему, ожидая первой счастливой минуты вступления в указанный труд и встречи в нем с живыми людьми. Во всех сердцах лежала одна забота: оказаться достойным данного поручения.

Один только Василион — почти тот же по внешности, но окрепший, как зрелый дуб, — сохранял на своем лице то дивное выражение восторга и счастья, которое я на нем увидел в первую минуту знакомства, когда невидимый им Раданда привел меня в дом братьев. Точь-в-точь то же выражение ликующей любви лежало на нем, как в тот миг, когда он держал в руках обворожительный цветок. Это было не то выражение Василиона-певца, который забыл о Земле и пел оторванному от нее Богу. Нет, это было лицо восхищенного садовника, знающего, какие цветы может родить Земля для счастья людей, и в какие розы могут превращаться сердца людей, если садовник живет на Земле — священном храме труда Бога.

Да, этот человек уже жил и действовал в священном Храме-Земле. Он уже не имел вопросов, как начать — он знал, он начал, он был не только в глубоком спокойствии, он уже сотрудничал с Тем, Кто его послал.

И. окинул всех нас, таких бесконечно разных, своими всепонимающими глазами, улыбнулся, точно хотел сказать, что иначе и быть не может, как у каждого по-разному, и предложил всем отправиться переодеваться в рабочие костюмы, приготовленные, конечно, Яссой.

— Ясса, миленький Ясса, ну мыслимо ли существовать на свете без тебя? — сказал я моему другу-няньке, добровольно занявшему при мне снова эту позицию.

— Смотри, Левушка, будешь так благодарить меня за каждый пустяк, вот и получишь меня в вечные спутники, — ответил он мне, улыбаясь.

— О, иметь тебя всегда рядом?! Было бы для меня довольно незаслуженным счастьем! — ответил я. И через минуту благодаря его помощи мы были первыми на крылечке, куда быстро спускались все обитатели, каждый по-своему управляемый Яссой.

Вскоре присоединился к нам И., и мы отправились к новым аллеям. Путь на этот раз был гораздо короче, так как И. вел нас через центральную часть оазиса. По дороге мы подбирали уже ожидавшие нас группы туземцев, и И. сразу же распределял их, прикрепляя к каждому из нас то или иное число людей. К концу пути у меня, как и у других, образовалась довольно большая рабочая бригада. Все мы рассеялись по своим аллеям, получив от И. и Грегора определенные первые задания по выравниванию площадок и рытью глубоких канав для фундамента.

И., отдав распоряжения, остался со мной. Через несколько минут на готовой уже площадке начались работы по закладке фундамента. Я еще никогда не видел, как строилось какое-либо здание, и все меня поражало. Глубочайшие рвы рылись специальными машинами, выбрасывавшими песок целыми горами. Тут же эти горы свозились на верблюдах и осликах к заводу, а оттуда привозились и складывались огромные глыбы стекла вместо обычного камня для фундамента. Я понял, что столь глубокий фундамент закладывался для борьбы с бурями.

Работа кипела. Казалось, что просто по-сказочному быстро вырастает прочное основание часовни. Не только для самой часовни, но и для лесенки закладывался такой же глубочайший фундамент. Во многих стеклянных плитах я заметил заранее проделанные отверстия для будущих балок. Постепенно, по ходу работы, я понимал, что И. весь год нашего отсутствия наставлял жителей оазиса через мать Анну в подготовке материалов — по ведомому ему одному плану — для воздвижения всех зданий, которые

каждый из нас, якобы от своего имени, должен был оставить в оазисе.

И еще раз я увидел необъятность знаний и труда И.! И еще раз преклонился перед этим человеком! И не только это понял я еще раз — я понял свое скромное место во Вселенной! Я думал, что мне пришла идея выстроить в оазисе матери Анны часовню Звучащей Радости; и понял теперь на опыте дня, что я был только тем видимым орудием, через которое Великая Жизнь давала знак Своего невидимого милосердия заслужившим его людям. И., бывший истинным строителем часовни, внешне отходил в тень, выставял мое имя для благодарной памяти оазиса! И эта тень — величие могучего, не нуждавшегося больше в благодарности людей духа — открыла моему сознанию всю мою слабость: я еще нуждался в подкреплении благодарных сердец, в их благословении в этой часовне, чтобы выполнить свои задания. И, чтобы получить эту помощь от молящихся здесь, я должен был иметь только полную чистоту и самоотвержение сердца.

Когда я тащил лестницу в лаборатории Владыки, Великий признал их во мне. Ныне вторично, войдя в труд земного дня, я получал это признание...

— Левушка, силач, если ты будешь беречь свои силы и отдыхать в самые нужные моменты, — услышал я голос Яссы, — мы никогда многого не достигнем. Ну-ка поддержи подъемный кран и давай укладывать самые огромные кубы.

Я очнулся от своих размышлений и снова принялся за работу с еще большим благоговением. Еще ни разу не видел я так близко и четко огромности И. Сегодня сердце мое точно расколосось на две части, вроде его башни, и все в мире представилось мне живущим двойной жизнью: земли и неба. Все, без исключения, были тенью, отражением Вечного. Но только некоторым суждено было это понять в ту короткую минуту, которая зовется воплощением...

Работа шла до такой степени быстро, легко и просто, что, когда раздался сигнал к обеду, никому не верилось, что уже прошло так много часов упорного труда. Я был совершенно свеж и бодр. Ни в каком отдыхе я не нуждался и с удивлением заметил, что лица моих сотрудников носили следы утомления от труда и палящего зноя.

И., оставлявший на время нашу аллею и поспевавший руководить всем и везде, возвратясь к нам, похвалил всех за отличную работу и немедленно отпустил туземцев, приказав им выйти вновь сюда на работу через два часа.

Когда мы остались втроем с Яссой, И. велел нам выровнять кое-где

глыбы и идти с ним на завод. Здесь мы встретились с ожидавшими нас Грегором и Василионом. И. подвел, нас к небольшому по сравнению с заводом зданию, и тут все мы пришли в полное изумление. Дивные резные плиты для часовни и лестницы лежали в полном порядке, а под тяжелым чехлом возвышалась фигура, в значении которой никто из нас не сомневался.

— Это труд Общины Раданды, — сказал нам И. — Вы не знали, что этот великий старец еще и чудесный скульптор. Только он сделал статую белой и все цветы белыми. Нам придется выполнить труднейшую работу расцвечивания статуи. Василион знает теперь тайну новых красок и методов этого векового искусства. Погрузим сейчас несколько балок и плит и сделаем основание, на которое будут продолжать укладывать сложный рисунок лестничных ступеней наши помощники.

Вскоре целый груженный караван из пяти тележек, влекомых верблюдами, потянулся к месту постройки часовни. Неоднократно проделали мы этот путь, и, когда наши сотрудники, отдохнув после обеда, возвратились, самое основание здания было готово. Им пришлось только недоуменно развести руками перед темпами нашей «волшебной» работы, как они выражались, и продолжать начатую нами постройку. До вечера, отказавшись от полдника — как называлась в оазисе промежуточная еда между обедом и ужином, — трудились туземцы с нами и готовы были и от ужина отказаться, только бы не расставаться с И., к которому они привязывались все больше, не по часам, а по минутам.

Повинуясь приказанию своего высокого руководителя, и туземцы, и мы покинули место стройки. И. обещал прийти в новый зал со всеми нами, как только кончится ужин, сказав, что будет ужинать в нашем домике, чтобы дать указания всем руководящим работами на завтрашний день. Хотя до некоторой степени и огорченные отсутствием И. на их ужине, наши милые сотрудники ушли весело, заверяя И., что поужинают в один миг и будут его ждать, ждать, ждать...

Собравшись в нашей маленькой столовой к ужину, мы ожидали И., против обыкновения несколько задержавшегося. Обмениваясь впечатлениями с теми из друзей, кого я не видел в течение рабочего дня, я не без удивления узнал, что для всех предназначенных новых зданий в оазисе материалы были заготовлены в Общине Раданды. Все, имевшее скульптурную и художественную обработку, было целиком прислано оттуда. Лишь грубые глыбы для фундамента были заготовлены в оазисе, причем цели и смысла их работы мать Анна не открывала своим подопечным.

Не менее поразило меня сообщение Андреевой и Ольденкотта, что они получили от своих Учителей-Владык: одна — огромное количество ящиков с приборами и всевозможным оборудованием для химической лаборатории, другой — целый магазин книг. Игору получил несколько огромных ларей для будущей обсерватории и обещание прислать трех ученых помощников от своего Владыки-Учителя.

Мы не замечали времени, обмениваясь своими важными новостями, а оно шло — и И. все не было. Внезапно послышались его быстрые, легкие шаги, дверь бесшумно открылась, и в комнату вошел... богоподобный И. Он был в белой, шитой золотом одежде, в руках его была знакомая нам тоненькая палочка и небольшая чаша с горевшим в ней оранжевым огнем. Я не мог оторвать взгляда от его чудесного лица, в котором в эту минуту не было ничего человеческого и светился один чистый, радостный дух. Безоблачное счастье лежало на всем облике И., и своим выражением он напоминал тот портрет Мории, что я видел в изголовье дивана в лаборатории, в комнате моего Владыки-Учителя. Окинув всех нас сияющим взглядом, И. сказал:

— Вы ждали меня к трапезе, друзья и дети мои. Но не единым хлебом жив человек. Я принес вам великий Свет Жизни, который мы с вами положим в углубление основания часовни. Пойдемте все туда и принесем вместе с даром неба все то самое чистое, самое высокое и мирное из наших сердец, что только способен каждый вылить в своей благословляющей всю Жизнь молитве. Молясь, вылейте в этот Огонь — вещественный знак неувещественного присутствия и сотрудничества с нами Великого Бога — все то благородство любви, сострадания и мужества, на какое вы способны, чтобы каждый молящийся нашел помощь своей слабости, укрепляющую энергию своему сложному положению на Земле и никогда не боялся тяжелой ноши... Бесстрашных молитва и благословение у этой часовни и великий залог помощи и мира тем, кто придет к ней искать защиты и мудрости.

Высоко подняв над головой чашу и палочку, которая вся засверкала разноцветными лучами, И. благословил час и повернулся к выходу. Ночь, глубокая и безмолвная, сверкавшая своими звездами, была под тенью деревьев так темна, что даже дорожку разглядеть было трудно. Но чаша в руках И. бросала такой яркий сноп света, что не только вся его фигура, но и мы все были четко видны.

Я не ощущал ни малейшего утомления или голода, ни вообще каких-либо признаков своего физического тела. Я испытывал один восторг, и молитва моя о будущих молящихся у часовни летела к пламени в руках И.

Я шептал божественное имя: "Санат Кумара", вливая в него все счастье жить еще одну минуту в мужестве, мудрости, в единении с трудящимися неба и земли, в любви неугасимой Великой Матери...

Подойдя к заложенному фундаменту, И. приказал мне поднять тяжелую центральную плиту. Никогда за всю мою жизнь ничего тяжелее этой громадной стеклянной глыбы не случалось мне поднимать. И никогда больше я не испытывал такой радости, какая наполняла меня в эти минуты. Казалось, небо и земля слились для меня воедино, все звучало одним общим чувством Радости.

И. стал на колени. Мы последовали его примеру, и, когда И. поставил чашу в углубление под плитой, положив рядом с ней семицветно горевшую палочку, за нами внезапно раздался гимн Жизни, который пели своими неповторимыми, ни на что земное не похожими, стеклянными голосами Владыки мощи.

Ничто не могло казаться «чудесным» в эти незабвенные, величественные минуты. Как и когда появились Владыки мощи здесь? Даже и в голову не приходили вопросы, до того действительность превосходила своими «чудесами» все чудеса волшебных сказок.

— Мы пришли сюда, чтобы участвовать вместе с вами, гонцы Земли, в заложении нового магнетического центра Божественной Силы на Земле, — сказал нам Владыка-Глава, сиявший весь в темноте ночи, как огромный светящийся столб. — Сегодня мы приносим вам свой прощальный привет. Будьте благословенны и счастливы в ваших делах и трудах для людей. Каждому из вас дана Его чаша Огня и Мира. Но помните, что чаша — не символ, а дух и сила вашего труда, вашей жизни.

Приникайте к ней, вбирайте в себя ее мощь и переливайте эту мощь в дела простые серого дня. Не за символами, а за истинными знаниями, за Светом Жизни вы приходите к нам. В образе схороненной здесь чаши вспоминайте, распознавайте смысл собственной земной жизни и к этому смыслу — первооснове всех человеческих существований — приводите все свои встречи и дела. Жизнь передает вам Свою Силу не для определенных мест и времени. Она напоминает вам еще раз: Тот Ей верен, кто научился жить в Ней и пред Ней, вне времени и пространства.

И. приказал мне опустить плиту над горящей чашей, встал на нее, велел нам, семи, стать вокруг него, взявшись за руки. Владыки тоже взяли за руки, образовав огромное кольцо вокруг нас. Еще раз они пропели свой Божественный гимн и исчезли в темноте ночи так же внезапно, как и появились.

Я видел сквозь толстенную плиту, как горела в углублении чаша и

сверкала рядом с ней палочка. Я не смел спросить И., как и куда я должен положить указанные мне священные реликвии. Но мой милосердный друг, пригласив нас отдать прощальный поклон заложенной Святыне и поспешить в новый зал к ожидавшим нас, по дороге сказал:

— Когда настанет время водрузить статую Божественной Матери, ты положишь свои сокровища под Ее пьедестал.

Мы вошли в многолюдный зал, где мать Анна кончила свою беседу, и И. занял ее место на небольшой кафедре, если так можно назвать нечто вроде большого кресла с широкими подлокотниками, заменявшими при желании стол, оставляя открытой всю фигуру оратора.

Вид И. в парадном платье, еще не виданном жителями оазиса, сохранившего все сияние, в котором он вошел к нам в маленькую столовую, так ошеломил всех присутствующих, что они встали с мест, молча, благоговейно ожидая его слов.

Глава 31

Беседа И. с жителями оазиса в ночь закладки часовни. Работа И., Василиона и моя над расцветкой статуи и установка ее в часовне. Последняя ночь перед освящением часовни. Деметро и его поручение ко мне. Слова И. при открытии часовни

"Вы ждете от меня чудесных откровений, — сразу начал И., - но если бы вы очень внимательно прислушивались к словам и наставлениям матери Анны за всю совместную с нею жизнь и особенно за последний год — вы бы ясно отдали себе отчет, что не извне идет к человеку помощь. Не вовне он схватывает самую значительную часть своих знаний. Но в нем живущее откровение двигает его, увлекает и заставляет искать новых путей к знанию.

Вы спрашивали, почему в руке будущей статуи матери Анны — змей, кусающий свой хвост. Нет в этой эмблеме тайны. Весь человек, все его вечно живущие силы духа и сознания движутся, как и Земля, где мы живем, кругообразно. Не однажды живет человек, как вы уже знаете. Не однажды он возвращается на грубую землю, чтобы в плотной и тяжелой форме нести труд личного совершенствования и помогать стремиться к нему своим ближним, имея конечной целью сотрудничество со Светлым Братством.

Круги циклов жизни человека не идут всегда в одних и тех же местах. Проживший несколько воплощений в Китае может быть воплощен для следующей работы на юге Франции или севере Англии, среди вас или среди кочующих племен пустыни, среди промышленных центров Америки или в тихих углах Сибири и Африки.

В цикле жизней человека не играет никакой роли географическое положение. Даже национальность, религия и им присущие свойства не играют роли, если сам человек не привязал себя к ним ненавистью или преступлениями в такой же мере, как и суевериями или тяжкой любовью.

Среди сил, связывающих свободу духа человека, самые сильные, неразрывные узы плетет ненависть самого человека. Если, живя среди своего народа, человек ненавидел его — он много раз будет воплощаться в том же народе, пока не победит своей настоящей, свободной любовью всех горестных обстоятельств, а может быть, и преступлений, которые вызвала к жизни его ненависть.

Точно так же ненависть или презрение к какой-то нации или стране, где

родился, к их особым свойствам создают трудную кармическую связь на много веков. Величайшая цель земной жизни человека — стать свободным и помогать освобожденности окружающих.

Но что значит "стать свободным?" Быть богатым? Не зависеть ни от какого труда?

Иметь возможность путешествовать по всему миру? Приобрести все знания? Увидеть всю красоту, которой люди-творцы украшают землю?

Чем больше внешних красот и знаний вы будете приобретать, полагая в них всю силу и смысл жизни, в них видя центр свободы человека, тем более тяжел и грузен будет караван ваших знаний, тем тяжелее вам будет передвигаться с ним, вместо легкости и радости, которыми только и ценен день труда человека.

Весь смысл жизни в том, чтобы постичь гармонию всей вселенной, убедиться, что все бури и стихии Земли, все катастрофы и потрясения на ней не нарушают гармонии вселенной.

Каждому из вас надо войти в такую освобожденность своего духовного мира, чтобы ничто из внешних или внутренних катастроф, даров, радостей, возвышений, унижений, разлук или несчастий не могло нарушить ровного света гармонии в себе, не могло ни омрачить, ни разрушить вашего счастья жить этот текущий день.

Если вы прожили данную минуту в полном равновесии сил вашего организма и не думали: "Ах, как я счастлив!" — а выливали результат вашего счастья — мир — всем вашим встречным, то вы уже укрепляли мир на всей Земле. Вы были на самом деле очагом радости тем людям, что встретились вам, Вы укрепили в них не только нервы, но и трудоспособность по отношению к внешним делам и силу стремления к духовной свободе.

Никто из вас не знает тех страданий самолюбия и жадности, зависти к чужим успехам или высокому положению, в которых мучаются лучшие годы своей жизни современные культурные народы разных стран. У них именно и произошло то, о чем я говорил вам вначале в сегодняшней беседе: караван тяжелый и мертвый их внешних знаний завалил живой дух и огонь их сердца. Если нет гармонии между мыслью и сердцем — то без этой гармонии не может быть полноты жизни человека.

Как же различить вам, где та мера вещей в труде, бережливость и забота о текущих бытовых явлениях, которая раскрывает, а не забивает щель духу человека? Как понять, какие же знания и труд идут и ведут к Свету и в каких внешних усилиях долга, обязанностей и забот вы не двигаетесь к самоотвержению, а только теряете драгоценное время в пустой, не

имеющей никакого значения для вашей вечной жизни суете?

Всякое знание, всякий труд — пусть он будет внешне мало похож на труд героя и напоминает труд прачки у корыта с бельем, — если он вызвал в вас повышенную эмоцию жизни, бодрость, простую доброту и не раздражил, не переутомил вашего тела так, что вы еле стоите на ногах (Здесь в тексте, вероятно, пропуск, имеющий следующий смысл: [, то такой труд ведет к Свету, освобождает ваш Дух от пут условностей внешней жизни. Однако если вы задавлены вашими усилиями исполнить долг,] — Прим. ред.) и не только не сияете внутри, но даже забыли, что носите в себе Свет, которому ваше физическое тело — рамка, то вы погубили не только этот день жизни, но и много следующих. Сколько же дней, ценных, необходимых не только вам, но и вашим встречным, вы погубили? Столько же, сколько их потребуется вам на отдых, чтобы мог ожить дух ваш, задавленный чрезвычайным переутомлением физической части вашего проводника. А на это надо ровно втрое больше дней для вновь полноценной работы вашего духа, чем потребовалось вашему телу для полного отдыха от недопустимого физического переутомления.

Точно такая же картина отсутствия гармонии в вас, если вы будете жить в пустой праздности и в пустой суете. Они, не менее неумеренного труда, давят и мертвят живой дух человека. Мысль — самая великая из всех Сил, которыми одарен человек, — не может действовать, чем-либо давямая. Если дух не собран, труд не может быть вдохновенным.

Только полная освобожденность духа может привести человека к той бодрости, с которой начинается творчество, то есть к радостной гармонии божественной и физической частей человеческого организма. Есть бодрость — экзальтированность.

Есть бодрость — показное, мнимо энергичное состояние, за которым человеку хочется скрыть от глаз людей прекрасно сознаваемую пустоту и бесцельность собственной жизни. Но это ничего общего не имеет с истинной бодростью духа. Это все то же воспоминание своего «я» на иной лад. А истинная бодрость есть благословение в себе и ближнем Божественной Энергии и гармоничный труд в Ней при забвении «я».

По большей части неосмысленная растрата сил происходит в семьях малого и среднего достатка, где людям представляется, что, замучив свое тело до полуживотного состояния, они творят великое дело мира, помощи и спасения своих близких. Встречая такие гибнущие в предрассудках семьи в тех городах, куда вскоре многие из вас со мной поедут, старайтесь разубедить их и помочь им в понимании смысла жизни. Чаше напоминайте им, что не одним хлебом жив человек.

На сегодня я прекращаю с вами мою беседу. Я вижу много юных засиявших лиц в надежде ехать со мною в далекие края. И вижу столько же лиц, опечаленных при мысли о разлуке с любимым местом, с любимыми людьми.

Ни те, ни другие не правы. Для вас, воспитанных в новых правилах высокой любви и этики, живущих подле того места, где Сама Жизнь трудится, защищая, благословляя и наставляя вас, не может быть — в минуты великие, решающие — ставки на личное благо, на личные радости. Для вас может быть один выбор: для Жизни, вместе с Нею, забыв о себе, вступить в Ее труд, подаваемый каждому из вас так и там, как Светлое Братство вам укажет.

Не я должен вас увлекать и не за мной должны вы идти, куда я вам укажу. Но ваша звучащая радостью энергия Жизни должна двинуть вас, как стремительный поток Любви, к людям. Самую простую доброту и доброжелательность должны вы им принести. И где бы вы ни трудились для людей — всюду вы будете трудиться для Жизни, в них живущей. А трудясь для Жизни, люди трудятся вне времени и пространства, вне текущих обстоятельств и форм, чтя Ее, Вечную, во всем временном.

Мужайтесь. Созревайте. Отдайте каждый себе отчет в том, насколько вы готовы выйти из границ своего узкого царства мира и любви и понести их в шумные города усталым, и беспокойным, растерянным людям".

На этом И. закончил свою речь. Вся аудитория, в тишине которой можно было слышать биение человеческих сердец, стоя внимала словам своего чудесного друга. Лица восторженные вдохновенные, с блестящими радостью глазами, казалось, не видевшими ничего и никого, кроме светлого образа И. Он улыбнулся им на прощание, быстро встал со своего кресла-кафедры, и только тогда, когда мы уже вышли в тихую, ни одним листом не шелестевшую аллею парка, слушатели очнулись от своего экстаза, и царившее за миг до этого молчание превратилось в оглушительную бурю благодарственных приветов уже покинувшему зал оратору.

И. шел молча впереди нас, и только подойдя к дому, сказал:

— Все, кроме Василиона и Левушки, идите отдохнуть. Ночь минет быстро, на завтра у каждого из вас много ответственного дела. Вы же переоденьтесь и ждите меня в рабочих костюмах здесь, на крылечке, — обратился он к Василиону и ко мне, стоявшим рядом.

Простившись с остальными товарищами, я быстро поднялся в свою комнату, переоделся в рабочее платье и опустил на колени, моля Великую Мать помочь нам собрать все мысли и силы, всю чистоту сердец и радости, ибо я чувствовал, что мы приступим к работе самой ответственной — по

обработке статуи. Когда я спустился вниз, Василион был уже на крыльце. Я взглянул в его лицо, лицо безмятежно чистого и доброго ребенка, где контрастом сияли огромные голубые глаза, напомнив мне добрый, мудрый и торжественно прекрасный взгляд Франциска.

Как только мелькнула у меня эта ассоциация, я горячо призвал на помощь в предстоявшем нам труде непреклонную Волю-Любовь этого человека.

— Это хорошо, Левушка, что ты призываешь к помощи сегодняшнего труда все самое чистое, высокое и доброе, что знаешь на земле, — раздался голос И. — Все, что делает на земле человек, — все он должен делать в защитной сети Светлого Братства. Ученик, не только ступеней высоких, но и самых начальных, должен начинать каждый свой труд в выстроенной им защитной сети милосердия, — продолжал И., идя между мной и Василионом по направлению к заводу. — Чем выше этап освобожденности человека, тем шире, мощнее и грандиознее та защитная сеть, которую он строит. И чем выше самоотвержение и бесстрашие ученика, чем меньше у него личных нужд, тем шире и ярче сверкает его защитная сеть, и он может покрыть ею не только себя одного, но столько людей, сколько дала его освобожденность возможности растянуться и сверкать его сети. Есть чрезвычайно мощные, великие Братья-Светоносцы среди членов Светлого Братства. И их защитная сеть может покрыть и защитить любого ученика в любом месте. Почему же так много учеников оступаются и не могут быть спасены от своего падения? Потому что сеть зажжется горящим огнем только тогда, когда огонь этот — великий огонь Света Любви — может проникнуть в сердце ученика и извлечь оттуда чистую, гармоничную, творческую искру, имеющую силу слиться с творческим трудом того Великого Брата, что простирает к нему руку помощи. Все — в человеке. Ничто в духовном мире не может быть достигнуто пассивным, инертным молением. Только активная, творческая жизнь сердца человека может привлечь к себе высокий дух близкого или далекого — по расстоянию — помощника и включиться усилием радости в счастье сотрудничества со Светлым Братством.

Мы подошли к уже знакомому нам сравнительно маленькому сараю, где были сложены материалы для часовни.

— Соберите все свою радость жить это мгновение, — продолжал И., опускаясь на колени перед широкими воротами сарая, — и молитесь вместе со мной; просите Великую Мать включить нас в сеть Ее труда. Все свое внимание перелейте в мощь чистоты сердца, ибо ничего человеку, строителю на земле, не нужно в такой мере, как его чистота и

самоотвержение. Не однажды слышали вы, что ни благодарности за свои самоотреченные труды, ни признания вас достойными тех знаний, что вы принесете на Землю как новые откровения человечеству, вы от этого видимого человечества не получите. Но каждый из вас уже не раз получал признание от невидимого светлого человечества, получал ободрение и признание своей верности и труду в избранном вами пути служения Свету. Любовь и мир в ваших сердцах теперь уже не пассивная мысль: "Надо нести всюду мир", — а активная, живая любовь сердца, знающего силу, действенную мощь Мысли-Любви. Соберите же огонь этой Мысли-Любви в одну волю: включиться в сотрудники Великой Матери в этой работе постройки Ее часовни. Не место, прекрасно убранное, художественное по своей гармонии линий и форм, где бы каждый подошедший получал успокоение, надо нам оставить в оазисе, но таким благородством и чистотой духа, такой активной любовью и верностью насытить каждый возлагаемый камень, чтобы сердце подошедшего к часовне оживало для новой работы, чтобы досада и разочарования, с которыми он подходил к месту Света, показались ему не горем, а суетою и чтобы он понял, какое ничтожное место они должны занимать в его собственном духовном царстве, чтобы Звучащая Радость охватила его всего и включила в Свои вибрации, окрылив, подняв его очи духа от временной формы к Вечному. Если мольба ваша о людях будет искренна, если активна будет любовь ваших сердец, если, созидая, вы будете помнить одну цель: воздвигнуть чистое место, чтобы Чистота могла проявить Себя здесь, — вы увидите знак Вечности. Он засияет над нашей часовней, когда мы будем водружать статую, под которую ты, Левушка, положишь все, что приказано тебе.

И. умолк. Мгновения текли, но сколько прошло времени, я не знал. Я прижал к груди мой камень и цветок Великой Матери; я отошел от всякой формы; забыл все личное; я был только Мыслью-Любовью. Все силы духа я собрал на одной мысли: Жизнь должен почувствовать в себе каждый, кто подойдет к часовне. Жизнь — радостное творчество — должен понять каждый, у часовни молящийся, и уйти с твердым решением: немедленно ввести в дело дня доброту и мир.

Когда я очнулся от своей мольбы — причем мне казалось, что все тело мое, все внутри меня гудит от мощной радости, от счастья и неизъяснимого покоя, — я увидел светящуюся фигуру И. и рядом с ним, тоже сиявшего, Василиона открывающими ворота сарая.

Мигом подбежав к ним, я распахнул тяжелые ворота, и никогда еще моя голиафова сила не казалась мне таким счастьем, такой радостью и легкостью жить. Не давая опомниться моим спутникам, я как-то сам

понимал, какие и откуда тяжелые плиты снимать, как устроить временный пьедестал для статуи, чтобы И. и Василион могли над нею работать.

Видя, что я не нуждаюсь в указаниях и что физическая помощь мне не нужна для этой тяжелой работы, И. улыбнулся и погрузился в разбор тех красок и инструментов, что принес в своем ящике Василион. Опять-таки не знаю, сколько времени длилась моя работа, но знаю, что, когда у меня все было готово и я водрузил статую на прочный пьедестал и устроил вокруг нее удобный и не менее прочный помост, у И. и Василиона тоже все было готово; и они, встав со мною рядом на помост, помогли мне снять со статуи тяжелый чехол-покрывало.

Боже мой, какое дивное зрелище представляла фигура Великой Матери среди глыб мутно сверкавшего стекла! Луна, высоко взошедшая в эту минуту, залила светом всю статую, и она казалась живой и воздушной, озаряя улыбкой все вокруг.

О, Раданда, Раданда, слышишь ли ты меня? — воскликнул И. — Никогда и ничего прекраснее не создавали твои руки, и, если этим ты закончишь свой труд на Земле на этот раз, благословен путь твой, великий старец! Благословенна любовь твоя к людям, в которых ты никогда не видел ничего, кроме Единого, на которых ты никогда не имел в сердце досады, но нес им оправдание и мир. Да идут же они за тобою, да исполнится твоя мера вещей и Радость Звучащая да примет тебя в Свои объятия! Благослови нас, чистое сердце, чистая любовь, закончить твой труд, как нам указано. Да будет нам твое смирение живым примером труда и любви.

И. умолк, и я увидел у ног статуи воздушную фигуру кроткого старца с его незабвенной улыбкой на изрезанном морщинами сухоньком лице, благословлявшего нас пятиконечной звездой, сиявшей в его руке.

Все мы глубоко поклонились Раданде, и когда я поднял голову, его уже не было у ног статуи.

До самого рассвета работали И. и Василион, придавая статуе те краски и блеск, которые были на ней в часовне Раданды. Но она еще не переливалась тем несравненным жемчужным сиянием белого и розового, каким там поражала взор.

— Довольно на сегодня, уже светает. Надо немного отдохнуть, чтобы выйти свежими на работу со всеми, — сказал И. Мне хотелось возразить, что я нисколько не устал, хотелось просить разрешения остаться здесь; но я уже знал, что всякое, самое маленькое, отступление от указаний Учителя всегда ведет не вперед, а назад, так как в нем всегда живет личный элемент.

Быстро закрыв вновь чехлом статую, мы все привели в прежний

порядок и еще быстрее, мне показалось, очутились в домике, где, молча простясь, разошлись по комнатам.

Проснулся я от сильного потряхивания Яссы, который, смеясь, говорил:

— Да что же это, наконец, Левушка? Водой мне тебя поднимать? Третий раз бужу — и все засыпаешь. Ведь И. сейчас сойдет, все уже в сборе на крыльце, а ты еще спишь! Ясса прекрасно знал, чем меня припугнуть. Осрамиться перед И. я не мог и думать, да и не понимал сам, почему так на этот раз разоспался. До некоторой степени я все же проштрафился, так как вышел на крыльцо одновременно с И., взглянувшим на меня веселыми, юмористически сверкавшими глазами. "Ты ведь нисколько не был утомлен и не нуждался в отдыхе", — казалось, так и говорили эти ласковые глаза.

День протек в упорной и усиленной работе, и Грегору выпало труда больше других, так как все мы были в строительной работе куда как неопытны и только наше усердие и полное внимание помогали нам выполнять задаваемые архитектурные уроки.

Много дней протекло в усиленных работах. Звуки ударов молота, лопат, пилы, шуршание ног верблюдов и осликов по песку стали обычными для аллей нового парка, как и постоянное движение по ним людей и тележек с землей и материалами. Но никого не утомлял тяжелый труд. Смех и шутки звонких молодых голосов сливались с общим шумом строительной жизни, и сердца всех работавших нетерпеливо ждали одной минуты: речи И. вечером в новом зале.

Но не одни жители оазиса ждали с нетерпением его бесед. Все мы получали от них огромную помощь. Казалось, каждый вечер И. затрагивает все более глубокую тему, в которой каждый из нас, также идущий в новую жизнь, как жители оазиса, имел много раз случай проверить свою собственную готовность к предстоящим задачам.

Не раз казалось мне, что тот или иной вопрос решен для меня бесповоротно, не может вызвать никаких сомнений или колебаний. И вот какое-то слово И. освещало по-новому весь вопрос. И я видел, что где-то в таинственном уголке сердца дремлет укрывшаяся искорка личного чувства.

Дни текли, работы подвигались. Настала, наконец, великая минута, когда готовую, сиявшую всей радугой красок жемчуга и перламутра статую Великой Матери надо было водрузить на место.

Задолго до рассвета властный голос И. разбудил меня, приказав надеть свежее белое платье, данный мне им золотой пояс и собрать все сокровища, что подарили мне Дартан, Раданда и Мория, и спуститься тихонько вниз, никого не разбудив.

Я прижал драгоценный камень Венецианца и цветок Великой Матери, с

которыми никогда не расставался, собрал указанные мне вещи, особенно нежно припал к цепи Дартана, вспомнив его слова: "Это редкая вещь, принадлежавшая радостному существу, дух которого ни на минуту, ни в каких испытаниях жизни не омрачался".

В одно мгновение я мысленно облетел всех людей, давших мне свои вещественные благословения, благодарно склонился перед Владыкой-Главой, очистившим камень Венецианца, прижал к губам цветок Великой Матери, шепча: "Да пробудится в каждом склоняющемся перед образом Твоим живая сила энергии к новой жизни. Да вскрыется в его сердце понимание, кто такой его ближний, и простая доброта — вместо осуждения — поможет ему найти мир и оправдание всякому встретившемуся".

Я завернул мои вещи в платок Дартана, мигом сбегал в душ, надел лежавшее у кровати чудесное белое платье, положенное мне, очевидно, любящей рукой Яссы, и спустился на крылечко, где уже ждал меня И. Молча взял он меня за руку и также молча мы прошли до самого сарая. Двери его были широко открыты, и сияющая статуя стояла на временном, устроенном мною постаменте совершенно открытая. У ног ее прильнула коленопреклоненная мать Анна.

И. приказал мне передать узелок с моими вещами настоятельнице. Он положил свои руки мне на голову и сказал:

— Возьми на руки статую и отнеси ее в часовню.

О, как я обрадовался! Я даже не сообразил, что непомерная тяжесть стекла не даст мне возможности выполнить приказание, и хотел уже подойти к статуе, как снова раздался голос И.:

— Ты еще не получил возможности владеть стихией воздуха, и слуги ее не подвластны тебе. Но я вплетаю мою силу в твой огонь, К. и элементали воздуха помогут тебе. Иди теперь, поднимай статую — она будет казаться тебе теперь лишенной тяжести.

Я почувствовал как бы сильное движение воздушной волны вокруг себя и увидел целый сонм крошечных светлых существ, обвинивших всего меня. Когда я поднял статую, она казалась мне картонной, да и сам я с такой легкостью шел, точно плыл по земле. Я невольно отвечал радостным смехом на улыбки моих очаровательных помощников. Все так же легко взошел я по лестнице до самой верхней ступени, вошел в самую часовню и опустил статую в центре уже готового и установленного пьедестала.

Я увидел, как раз под тем местом, где я поставил статую, глубоко в земле, под тяжелейшей плитой горевшую ярким оранжевым огнем чашу И. Теперь огонь шел прямо вверх, касаясь всех ступеней лестницы, пола часовни, всей статуи. А семицветный огонь палочки загорелся на всех

цветах, что лежали на руках статуи и у ее ног.

Вся почва, сколько хватал мой глаз, светилась огнем чаши и палочки. Вся аллея, как светящийся подземный ход, была залита Божественным пламенем.

И. и мать Анна подошли ко мне, встав по обе стороны от меня на колени.

— Возьми вещи и сложи их сюда, — приказал мне И., открывая в пьедестале не замеченную до сих пор мною дверку и указывая мне потайной шкафчик. Когда и кто его сделал, я не знал. — Если сердце твое чисто и верно до конца, если ты не имеешь другого желания, как быть слугою своему народу, быть братом человеку не в мечтах и фантазиях, но ищешь в деле простом текущего дня быть основным звеном духовного общения между человеком и Жизнью, — все положенные тобою вещи загорятся огнем чаши и соединятся с огнем статуи. И все, давшие тебе вещи, соединят силу своей чистоты и радости с каждым молящимся здесь сердцем. И тем помогут цельности мольбы и духовному возрождению каждого ищущего у часовни помощи существа. И твоя сила любви и радости закалится так в этот момент, что ни одно испытание дней не омрачит и не поколеблет ее, — сказал И. Я тоже опустился на колени. Теперь я видел, что светилась не только земля вокруг и в аллее; светилась лаборатория Владык мощи, и сами они, повернув лица к часовне, пели свой гимн, доносившийся до меня. Светились и башни лучей, и от дивно сиявших ликов их Владык бежали лучи и касались часовни. Светилась башня стихий. В восторге, в блаженном счастье я взял поданные мне И. вещи, выложил их из платка, уложил туда и самый платок, снял со своей груди камень и цветок Великой Матери и хотел уже закрыть дверцу, как голос И. меня остановил:

— Возьми обратно платок. Его отдает тебе Великая Мать, как верному сыну своему.

Пусть он будет тебе памятью об этой минуте земной жизни — минуте, выше которой ты уже ничего не испытаешь на Земле.

Я вынул платок, горевший всеми огнями палочки и не сжигавший мне рук, закрыл дверцу и склонился к ногам статуи, благословляя милосердие неба, посылавшего новый центр Своей Силы Земле и давшего мне возможность участвовать в установлении этой Святыни.

Когда я поднял голову, все положенные в тайник вещи дивно горели, рассыпая свои лучи по всей часовне, а сверху, над статуей, горела золотая звезда.

Владыки кончили петь свой гимн. Их лаборатория угасла первой, затем

угасали одна за другой башни лучей и башня стихий, и оставались горящими только пятиконечная звезда да пламеневший подземный огонь.

— Друг мой, Анна, — вставая с колен и указывая на сверкавшую пятиконечную звезду, сказал И. — Вот обещанное тебе видение. Совершилась ныне та закладка нового магнетического центра на участке земли, где было тебе указано жить и трудиться. Было тебе сказано: "если сумеешь жить в полной чистоте, забыв о себе". Ты сумела. Живое небо приняло сегодня твой дар любви и отдало тебе свой.

Вскоре ты освободишься от тела. Внучка твоя Анна сменит тебя. Но «скоро» не обозначает сию минуту. Оно не обозначает быстро летящего земного времени. Жди спокойно той минуты, когда Левушка привезет тебе сюда Анну и Ананду.

И. склонился глубоким поклоном перед все еще стоявшей на коленях матерью Анной.

Он перекрестил ее широким крестом и поднял с колен.

— Не думай с тоскою, сколько еще лет придется тебе носить земную форму и сколько еще побед над злом придется тебе одержать в этой форме. Думай только о великом счастье своем: живя в теле земли, носить Свет Вечного, Ему служа, разделяя Его труд. Взгляни на свой крест, что всегда был простым золотым крестом; он сияет весь, точно бриллиантовый, дивным электрическим светом. Он отражает искру пятиконечной звезды, что сошла к тебе и не угасла в твоей чистоте. Только та душа сможет заменить тебя, чья чистота сердца и освобожденность смогут поддержать Огонь Мудрости в твоём кресте, которым ты благословишь свою заместительницу. Пойми глубоко, как много работы еще предстоит Анне. Не торопи ее. Терпеливо посылай ей мысли помощи и молись о ней в этом священном месте.

Огонь, что носишь на себе, в своём кресте, будет постепенно пробивать дорогу всеми своими лучами от тебя к ней. И чем чище, бескорыстнее будут твои молитвы о ней, чем глубже забудешь о себе, тем скорее луч твоего креста коснется ее.

Кончив говорить, И. еще раз поклонился матери Анне, еще раз ее перекрестил и, обращаясь к нам обоим, прибавил:

— Вы присутствовали перед истинным величием Божественной Любви, пролитой Земле.

Сколько бы и где бы каждый из вас ни жил, не забывайте этой минуты, минуты счастливого Соучастия в труде Великого Бога, Живого и Могучего Покровителя Земли, Санат Кумары. Не может быть и речи о "долгах и обязанностях" для тех людей, что имели счастье видеть действие

Божественной Силы, Ее труд на земле.

Эти люди уже покончили с предрассудками и суевериями элементарной этики. У них нет установки: "Я должен". У них есть одна, бьющаяся в сердце радость: подать встречному бодрость и понимание, что каждая минута жизни на земле есть счастье жить в Вечном. Для них нет более разделения слов на лживые и правдивые, дел — на важные и неважные, людей — на нужных и ненужных, ибо все эти понимания — эссенция предрассудков одной земли. А истинный эликсир Жизни есть проникающая все действия человека мысль: все идет в Вечном, как и Вечность идет во всем. В этой установке существуют только люди знающие и незнающие, идущие к знанию, останавливающиеся на той или иной ступени, живущие в той или иной силе счастья и несчастья только потому, куда пришли в своем знании и чего в нем достигли. Вы видите подземный Огонь. Но те, кто будет приходить сюда, видеть Его не будут.

Тем не менее, приходя сюда искать помощи и утешения, они их получать будут, ибо для них еще не настал час видеть, но настало время чувствовать свое единение с живым небом. Уносите в сердцах ваших непреклонную стойкость и сознавайте всегда, что виши сердца — это мост, по которому Сила живой Гармонии может встретить на земле вашего ближнего, непосредственно спустившись на него через мост вашей гармонии. Ступайте теперь, друзья мои, домой, отдыхайте. На завтра в полдень объявите торжественное открытие часовни. Все жители оазиса пусть соберутся сюда и ждут меня на площади. Я приду со всеми моими учениками. Всем быть в белой одежде. Теперь же оставьте меня.

Низко поклонившись И., мы спустились по ступеням горевшей, точно красное золото, лестницы, прошли по всей аллее, светившейся, как хрустальная ваза, и вышли к площадке, где высилась статуя матери Анны, уже несколько дней тому назад законченная.

От часовни бежали сюда огромные подземные лучи через все шесть аллей, сходявшихся здесь, и сворачивались в большой шар под самой статуей матери Анны.

Далее от этого шара бежало семь лучей к лаборатории Владык. И здесь они снова сливались в шар, сиявший с такой силой, что блеск его охватывал кольцом всю лабораторию, поднимаясь вверх почти до половины огромнейшего здания.

Пораженные ослепительным зрелищем, мы постояли молча некоторое время перед статуей и пошли поскорее в старую часть парка, чтобы ничем не нарушать одиноких минут И. в часовне.

Мать Анна подала мне руку, указав, что в старом парке, вплоть до самой

зеленой стены, вся почва светилась, хотя и не так ярко, но можно было рассмотреть всю подземную жизнь корней деревьев и цветов.

Держась за руки, молча дошли мы до дома матери Анны. Затем она сказала мне:

— Ты еще дитя по возрасту в сравнении со мной. И все же ты дал мне не один урок за это короткое время, что я знаю тебя. Я увидела, как вся цельность моего служения, которую я считала безукоризненной, мало чего стоила, ибо имела трещину: я все думала о ране моего сердца. Каждое свершавшееся событие становилось именно потому барьером моему освобождению, что я имела целью свое освобождение, а думала, что тружусь только для людей, выполняя волю пославших меня. Когда ты клал вещи в потайное место пьедестала статуи, когда брал горевший платок — я поняла всю цельность твоей верности, всю чистоту твоего самоотвержения. В тебе нет мысли о них, ты в них живешь. Вот почему твои, а не мои руки уложили вещи светлых людей под пьедестал статуи и тем усилили восприимчивость земного человека к небесному току. Будь благословен. Я поняла, как радостно мне надо жить, чтобы облегчить задачу: привезти сюда ту Анну, на груди которой не померкнет небесный ток.

Мать Анна обняла меня и скрылась в своем домике. Я был так переполнен благоговением, великой внутренней тишиной и миром. Я был так далек от земли, так счастлив, что шел, сам не зная куда, как вдруг ощутил легкое прикосновение чьей-то руки.

— Прости, брат, что я нарушил твои размышления. Меня послал к тебе отец Раданда.

Я давно ищу возможности подойти к тебе, но ты был все время занят и не один. Я прислан старцем непосредственно к тебе, а не к моему будущему, обещанному мне Радандой, учителю — Грегору. Старец велел мне передать в твои собственные руки этот ларец, сказав, что ты сам будешь знать, что с ним делать.

К моему беспредельному удивлению, я с большим трудом узнал в посланце Раданды ни больше, ни меньше, как самого великолепного... Деметро. Всего я мог ожидать, только не той метаморфозы, что произошла в стоявшем передо мной человеке, бывшем когда-то самонадеянным красавцем Деметро, мнившим себя первым кавалером и художником в мире.

Лицо его и сейчас еще было прекрасно. Глаза сверкали, черты не деформировались, фигура была стройна. Он был еще молод. Но выражение горечи, печали, какой-то неумолкающей тревоги, сердечной напряженности, сдерживаемой стремительности делали его такой резкой

карикатурой на прежнее великолепное спокойствие и самонадеянность, что я не мог даже сразу оценить всей глубины перемены в этом человеке.

В моем торжественном настроении этот гонец прозвучал как набат смятенной земли.

Запыленный плащ, усталость Деметро говорили мне, что он еще не имел возможности ни умыться, ни переодеться с дороги. Я не знал, как найти дом для странников в оазисе, не знал, могу ли ввести Деметро в свой дом, и хотел уже направиться к матери Анне, чтобы спросить ее, где мне обогреть и накормить посла Раданды, как заметил, что мы с Деметро стоим у самого порога ее дома, куда я, сам не зная как, снова вернулся.

Не успел я подумать о матери Анне, как дверь на крылечке открылась, и сама она, приветливо мне улыбаясь, сказала:

— Веди гостя ко мне, Левушка. Моя девушка еще не спит. Пока ты поведешь гостя в душ, мы приготовим ему ужин. Где твой мехари, путник? — ласково обратилась она к Деметро, стоявшему перед ней с ларцом в руках и, видимо, пораженному ее видом видом и голосом.

— Мой верблюд донес меня до ворот твоей обители и пал мертвым. Когда я был уже близко и даже видел уже стену твоего сада, мать, откуда ни возьмись напали на меня два разбойника. Они угрожали мне, требуя ларец Раданды. Я поднял ларец, прижал его к груди, решившись защищать его до смерти. Стрелы врагов пролетели все мимо меня. Тогда они стали пускать их в моего верного мехари, которому Раданда дал приказ донести меня живым сюда, хотя бы самому пришлось умереть. Не знаю, знаешь ли ты Раданду, мать. Этот старец так полон любовью ко всему, что даже все животные понимают его разговор с ними. Мой мехари тоже понял его приказ. Напрягая все силы, верблюд уходил от преследователей, оставляя их все дальше за собой; но, когда твои ворота открылись перед ним, он уже не имел силы их переступить, — отвечал печально Деметро.

— Бедное, мужественное животное, — тихо сказала мать Анна. — Не горюй о нем, путник. Твой верблюд был не более мужествен и бесстрашен, чем ты сам. И его мучения в пути были не меньше твоих. Он пал смертью храбрых и верных до конца; ты выполнил свою задачу, как выполняют ее верные и бесстрашные гонцы. Прими мой поклон, священный посол Раданды. Осчастливь мой дом, дорогой гость, но передай, прежде всего, ларец тому, кому он прислан.

Мать Анна низко поклонилась Деметро, не отрывавшему глаз от лица настоятельницы.

По щекам его катились слезы. Но то были не слезы горя, которое только что лежало тяжелой печалью на его лице. Теперь оно было радостное,

счастливого, засияло энергией, преобразив всего человека так удивительно, что трудно было поверить в существование того угнетенного Деметро, что встретился мне несколько минут назад. Он передал мне ларец и ответил ей:

— Какое слово, святая мать, ты мне сказала?! О, если бы ты знала, какую дверь в счастье и свет открыла ты мне! Будь благословенна! Ты, сама не ведая, ввела меня в новый путь.

Деметро хотел склониться перед матерью Анной, но она обняла его, поцеловала в голову и едва слышно сказала:

— Я все знаю, друг. Войдем же, ты устал, пора отдохнуть. Не беспокойся о промедлении своем. Ведь Раданда сказал: "Возвращайся тотчас, ежели не встретишь нового друга, что знал тебя давным-давно и признает тебя желанным гостем". Ты встретил этого старого друга — это я. Пойдем.

Мы вошли в дом матери Анны. Я поставил на один из ее столов ларец в запыленном чехле, как дал мне его Деметро, и проводил его в душ. Тут — к нашему общему удивлению — ждал нас Ясса. Поручив усталого путника его заботам, я возвратился к матери Анне. Я застал ее коленопреклоненной перед столом, на который я поставил ларец. Теперь я увидел, что не только весь ларец сиял, но от него бежали огромные снопы света, наполняя всю комнату сиянием и благоуханием. Я увидел внутри ларца — точно в костре огня — лежавшие цветы. Мгновенно я понял, откуда и какие цветы послал Раданда к торжественному открытию часовни. Я склонился подле матери Анны перед ларцом, утонул в блаженстве мира и любви и услышал ее неповторимо прекрасный голос:

— Спешу, Левушка. И. ждет тебя в часовне.

С ее помощью я снял пыльный чехол с ларца, оказавшегося из такого же переливающегося розовым жемчугом материала, как статуя в часовне "Звучащей Радости". Прижав горевший ларец к груди, я понес его к И. За несколько шагов до часовни я уже увидел И., спускавшегося по ступеням лестницы мне навстречу. Он взял ларец, высоко поднял его над головой, повернулся лицом к лаборатории Владык, и — как бы в ответ на его жест — вся лаборатория вспыхнула, Владыки отдали земной поклон ларцу. Вслед за тем загорелись все башни лучей, башня стихий, высоко в небесах вспыхнул громадный золотой шар. От него отделилась золотая пятиконечная звезда и упала на ларец, на котором и осталась гореть. Дивное явление продолжалось несколько мгновений и быстро погасло. Звезда же на ларце одна оставалась горячей и сверкала немигающим светом. Такою И. внес ее в часовню, шепнув мне:

— Следуй за мной.

Поставив ларец у ног фигуры Великой Матери, он стал на колени, открыл крышку ларца и вынул из него несколько живых, издававших дивный и сильный аромат цветов. Он снова закрыл ларец, на крышке которого не угасала звезда, и поставил его под самую статую, вскрыв новое потайное хранилище, размером как раз для ларца и звезды. Он приказал мне подать лопатку, где была приготовлена стеклянная масса, и инструмент, вроде широкого тупого ножа из стекла, и так искусно заделал и без того незаметную дверцу тайника, что различить ее было невозможно.

Цветы он уложил на руки статуи точь-в-точь так, как они лежали в часовне Общины Раданды.

Мне казалось, что почва, часовня, фигура, лестница — все уже и раньше ослепительно сияло. Но для блеска игры лучей, бежавших от фигуры сейчас, я слов не находил. "Боже мой, Боже мой! — мысленно говорил я. — И этот Свет, этот величайший дар Милосердия привез сюда Деметро! Каковы же сила Любви и снисхождения к людям Великого, что Его дар мог привезти вчерашний грешник!" Я пал ниц, еще раз раздавленный величием Любви Единой Жизни, горячо молясь о том, чтобы приходящие сюда сумели хорошо понять и вылить в энергию благоговения великие слова: "Слава в вышних Богу, на земле мир и в людях благоволение!" От легкого прикосновения руки И. я поднялся с земли. Если моя душа была вся наполнена трепетом и радостью, то как описать мне образ И. в эту минуту? Для многого, многого в жизни, что составляет реальнейшие факты человеческого существования, нет слов, так как вся речь человека не в силах описать красоты людей в те моменты, когда в них просыпается и действует Бог и они становятся отражением Его...

— Пойдем, брат мой. Вскоре народ станет стекаться сюда. Тебе и всем твоим шести товарищам надо одеться в белые одежды и прийти сюда раньше всех. Вы займете все семь ступеней лестницы, и никто не должен пройти в часовню раньше матери Анны.

Все могут быть возле часовни, но ничья нога не должна ступить на лестницу раньше ее.

Заметив, что меня несколько смущает, не будут ли бояться обитатели оазиса ступить по горячей почве, И. улыбнулся на мой немой вопрос:

— Не все могут видеть подземный огонь; даже не все могут ощущать силу магнетического тока, проходящего под землей. Только те, в ком ожил их огонь, могут ощущать силу и воздействие огня, скрываемого землей. Здесь никто не увидит Огня неба; но каждый ощутит его воздействие на себе в виде новой волны энергии.

Дойдя до нашего домика, мы расстались с И. Он прошел к себе, я же

побежал будить всех моих товарищей, передал им приказ И., и через самое короткое время мы уже стояли на ступенях лестницы часовни. Я хотел остаться в самом низу, но Наталья Владимировна покачала отрицательно головой, говоря:

— Самое нижнее место — мое. Самое высокое — Ваше. Ступайте на седьмую ступень, к самой двери часовни. Кроме Вас, некому вынести силы огня, что полыхает там. За мною встанет Ольденкотт, за ним Грегор, дальше Бронский, потом Игоро и на шестой, подле Вас, Василион.

Едва мы заняли места, которые она нам указала, как еще раз — в последний раз в оазисе — мы увидели Владык мощи, благословляющих нас через их светившуюся лабораторию.

Не успели мы отдать благодарственный поклон Владыкам, как со всех сторон стали приближаться к часовне люди. Конечно, не будь у часовни стражей в нашем лице, людская толпа мгновенно попробовала бы ее заполнить. Наталья Владимировна всем терпеливо объясняла, что пока мать Анна не поднимется в часовню, никто туда входить не должен. Не привыкшие к ограничениям своей полной свободы в оазисе в раз установленных ими самими обычаях, туземцы были удивлены и не особенно довольны, доказывая, что до сих пор все здания, которые были ими выстроены в оазисе, они же первые и украшали цветами. А мать Анна входила в них тогда, когда все уже было украшено, и они сами, с большими почестями и песнями, вводили свою настоятельницу как первую гостью.

— То были «здания», друзья, — отвечала им Наталья Владимировна. — Когда будет открытие всех ваших новых «зданий», все и будет по-вашему, как вы привыкли. И вы введете туда вашу мать по созданному вами милому ритуалу. Но это не «здание».

Это ваша Святыня, ваше счастье, как вам сказал Учитель И. Это ваше благополучие на земле, ваш храм, которого у вас до сих пор не было. Теперь вы будете приходить сюда за утешением и радостью. И надо, чтобы первой вошла в храм ваша мать, лучше и выше которой нет между вами ни одного человека.

Толпа сейчас же выразила бурный восторг по отношению к матери Анне, поняла и приняла слова Андреевой и осталась мирно и радостно ждать. Вскоре часовня была окружена морем человеческих голов. Долго ждать не пришлось. В конце пальмовой аллеи показалась высокая фигура в сияющей белой одежде, и часть толпы побежала ей навстречу, усыпая почву цветами.

Это был И. Он поднялся на седьмую ступень лестницы и обратился к тихо стоявшим вокруг часовни людям:

— Не ждите от меня каких-либо особых ритуалов, внешних обрядов освящения храма.

Не в соблюдении внешней обрядности дело. Дело только в том, как и для чего вы приходите в храм. Если вы, входя в Святая Святых своего оазиса, будете нести в него Святая Святых вашего сердца — Свет вашего храма будет усиливаться, ваш храм будет сиять, не только заливая все то, что на земле, но и ту жизнь, что трепещет под землей. Сила ваших чистых мыслей будет привлекать к вам всех живых, но невидимых вам тружеников неба, и весь ваш оазис вашим сознанием включится в общую жизнь вселенной. Приходя сюда, несите не только все то лучшее, что знаете в себе, не только очищайте свои мысли, приближаясь к часовне, но, уже подходя к аллее, старайтесь забыть о себе, думайте даже не обо всем оазисе и дорогих вам людях в нем. Думайте обо всей Земле, обо всех живущих на ней людях, печальных и неудовлетворенных, унылых и жалующихся, забывших, что такое радость. Я уже говорил вам не раз, что среди всех сил,двигающих вселенную к Свету и миру, к прогрессу культуры и внутреннему росту, самая первая, непобедимая сила — Радость. Сегодня великое милосердие Жизни подало вам знак Своей помощи, помогая вам всеми способами, которые вы не раз называли «чудесными», воздвигнуть этот храм, храм Звучащей Радости. Вы все видите эту фигуру Великой Матери, фигуру божественной красоты, присланную вам в подарок — как дар своего труда и любви к вам — Радандой. Вы восхищены и дивным образом, и выражением неизреченной доброты, льющимися от этой чудесной фигуры. Каждому из вас хотелось бы приникнуть к ней в своей мольбе, в восторге экстаза преданности. Вы видите — нет преград. Вы вольны идти. Каждый может подняться по ступеням, где нет препятствий, и приникнуть к Святыне; в делах духовных вообще нет препятствий.

Каждый действует там, куда в силах вознести его его дух. Так и здесь. Только тот радостный поднимется на самый верх и пройдет в часовню, чей дух свободен от страстей и чист кто живет на земле не для личных благ, но для труда на общее благо. Многие из вас сегодня же будут пытаться войти в часовню — никто не успеет в этом. Будут немногие, что поднимутся до шестой ступени; а будут и такие, что не взойдут и на первую. И не потому, что одни будут достойнее, а другие нет: Но только потому, что у одних будут уже покорные воле страсти и желания, а у других будут еще пылать их личные желания, разбивая не только их гармонию, но и самообладание. Я уже говорил вам: без самообладания жить человеку на земле нельзя. Каждый, стремящийся достигнуть такого положения, чтобы служить людям земли, чтобы жизнь его не прошла, подобно сорному растению, без

смысла и пользы, должен достичь мира в себе. Когда он его достиг, он сделал половину пути к осмысленному существованию. Дальше — освобожденным от личных предрассудков — человек живет уже и видит радость жить свой день в труде для Вечного. Он начинает понимать, что Земля есть не место наслаждений и страданий, добра и зла, но священный храм труда Бога, в котором и он, по мере своих сил, принимает участие. Знак Своей любви и покровительства дала вам Вечность, допустив вас помогать в воздвижении этого храма. Сколько будет существовать оазис — столько же времени будет выситься здесь этот ваш храм Звучащей Радости. И чтобы он жил среди вас — приносите сюда в ваших сердцах радость. Только через эту силу вы можете сливаться с божественными вибрациями, наполняющими это место. Все ваши настоятели, начиная с матери Анны, что правит вами сегодня, будут высокими избранниками, которые смогут не только проникать в часовню, но и приникать к самой божественной фигуре Великой Матери. Это будут люди, освобожденные от личного, и все их страсти, заложенные в физический проводник каждого человека, будут уже потоками радости. Поэтому невидимый вам Огонь ступеней и пола часовни не будет их сжигать, как это неизбежно случилось бы с каждым человеком, еще не победившим в себе страстей, который попытается подняться по этим ступеням. Чем ярче будут klokотать его страсти, тем сильнее будет жечь человека невидимый огонь Бога, положенный сюда Его волею для защиты и поддержки вашего оазиса.

Только радостный, то есть освобожденный, сможет подниматься в часовню. Дайте дорогу, вот идет ваша настоятельница. Сейчас вы увидите ту силу духа и сердца, которые, сливаясь, создают в человеке гармонию. Гармония выливается волнами радости и поднимает человека на те ступени, по которым может проходить только сотрудник Великого Бога.

Толпа раздвинулась, и мать Анна подошла в торжественной тишине к ступеням лестницы. Ее сияющий крест, развевающаяся вуаль и золотое шитье на платье сверкали под солнцем, точно лучи в призме. Она медленно стала подниматься по ступеням, и чем выше она шла, тем ярче горела ее вуаль. Но вот она дошла седьмой ступени — и точно золотой туман окутал всю ее фигуру. Она повернулась лицом к народу, подняла руки и благословила своих детей, которым отдала всю любовь, весь труд и заботы всей жизни.

Через минуту, все так же окутанная золотым облаком, она скрылась в часовне.

— Вы можете входить теперь, друзья, — обратился снова И. к толпе. — Не бойтесь ничего. Никого невидимый огонь не сожжет. Просто каждый

положит свой цветок там, куда сможет подняться.

Люди стали подходить друг за другом, но редко кто мог положить свой цветок выше третьей ступени. Груда цветов скопилась даже не на первой ступени, а возле нее.

На четвертой ступени легло с десятков цветов, и только по два цветка осталось на пятой и шестой ступенях. И то положившие их люди, спускаясь, изнемогали от жара невидимого огня, как когда-то изнемогал я, подымаясь в часовню с Радандой...

И. вошел в часовню, снял цветок с руки Божественной Матери и передал его матери Анне. С этим цветком она вышла из часовни, снова благословила своих детей, на этот раз держа цветок в благословляющей руке, сошла со ступеней и во главе всей толпы двинулась к трапезной.

И. велел всем, стоявшим на ступенях, за исключением меня и Грегора, идти за матерью Анной, сказав, что у нас есть еще небольшое дело, что мы скоро присоединимся к ним.

— Приведи сюда Деметро, — сказал он мне, как только последняя группа скрылась за поворотом аллеи.

Я не представлял себе, где мог быть сейчас Деметро, но И. указал мне на круто загибавшемся конце аллеи круг пальм. Добежав туда, я увидел сидевшего на земле и опиравшегося спиной о ствол пальмы Деметро. Он закрыл лицо руками, и горькие слезы потоком катились по рукам его и по платью.

— Деметро, друг. Тебя зовет Учитель И. Нельзя плакать. Ты сидишь сейчас возле такого места, где сама Жизнь-Радость дала людям знак вечной надежды и прощения.

Только закон милосердия и пощады царит в этом месте. Ободришь, возьми мою руку, будь счастлив, что Учитель зовет тебя. Но если радость не превзойдет в тебе страха, раскаяния и всех иных сил и мыслей, ты ничего не услышишь и зов Учителя будет напрасен.

Я отер его слезы, как мог и умел, постарался вдохнуть в него энергию своего сердца, и Деметро, тронутый моим усердием, улыбнулся мне, прошептав:

— Ах, брат, я так виновен перед небом и землей и перед тобой лично — а ты так добр и ласков ко мне.

— Ты узнаешь, что значит "быть добрым", только тогда, когда подойдешь к Учителю И., хотя ты уже достаточно видел от доброты Раданды, — отвечал я ему.

Чем ближе мы подходили рука об руку к часовне, тем все больше светлело лицо Деметро. Когда мы подошли к самой лестнице, И. спустился

к нам и положил обе свои руки на голову опустившегося на колени Деметро. Подозвав Грегора, И. приказал ему положить свои руки сверх его собственных и сказал:

— Я — защита тебе, друг. Не бойся больше ничего и нигде, как не боялся ты злых людей, преследовавших тебя в пустыне по дороге сюда. Крепко ощути, что ты всегда не один. У тебя еще не проснулись аспекты Единого, что носишь в себе, и потому не можешь ощущать той уверенности в себе, что знают люди, чувствующие себя всегда и везде в присутствии Бога, Его послами для помощи и выполнения Его труда на горькой и печальной земле. То — бесстрашные гонцы, забывшие о себе и помнящие только волю Его. Но мою руку и руку твоего будущего руководителя Грегора ты можешь ощущать всегда в руке своей. Опираясь на эту любящую руку, ты можешь проходить бесстрашно свой день, какое бы внешнее окружение не составляло рамки творчеству твоего духа. Но если все, что ты слышишь и видишь, что читаешь и выносишь из общения с людьми высокой духовной культуры, остается только рядом идей, мертво лежащих в складках твоего ума, и дела твоей жизни и труда катятся все так же по рельсам страха, сомнений, компромиссов колебаний — ты не станешь человеком-учеником, хотя бы имел неоднократные призывы Учителя. Не Учитель шлет испытания своему ученику, так или иначе проверяя его. Но Жизнь — в лице Светлого Братства — призывает человека в ученики, закаляя его в тех или иных испытаниях.

В этих испытаниях человек сам имеет случай себя проверить и понять, в каком месте своего духовного храма он стоит. Проверь же, друг, сам свою непоколебимую верность, бесстрашие и радость. Если ты будешь все время ощущать мою и Грегора руку в твоей, тебе бояться нечего — ты всюду будешь думать о человеке или о людях, для которых будешь участвовать в тех или иных событиях, а не о себе, своих страхах, удобствах или неприятностях. Если встретился тебе человек, и ты не подумал о нем, что это только футляр, внутри которого сосредоточена жизнь Единого; если одновременно и сам ты не помнил, как тебе приветить его своим светящимся огнем, храня такой чистый и сильный Свет сердца, чтобы быть похожим на прозрачную мраморную вазу, внутри которой сияет лампада, ты не имел встречи с человеком, и сам ты выронил мою руку. Если ты принял человека в свой дом — а ты знаешь, кого ты в него принял, — и рассматривал его как посланное тебе подспорье, как помощь тебе за твои заслуги и усердие к делам общественным, как помощь лично твоим бытовым делам, и создал ему безрадостную жизнь, забыв, что не он тебе послан, а ты ему дан для защиты и помощи, для того чтобы он научился

подле тебя улыбаться и раскрепостился от страха. Если в один прекрасный день Жизнь взяла бич в руки и подстегнула твои обстоятельства, которые заставляли стоять на месте твой мертво лежащий дух, если Жизнь решила дать тебе возможность поправить твоё неверное отношение и поведение к тому встречному, что ты приютил, а ты Ей ответил слезами, страхом, жалобами и унынием, снова расценивая все обстоятельства как "я", — ты уже скатился с той ступеньки, куда вошел, и рука моя не может поднять тебя, ибо твой дух покрылся плотным колпаком любви к себе, отбросив в сторону все священные идеи, о которых ты читал, которыми светлел и восторгался. Иди же, друг. Крепко подумай обо всем, что я тебе сказал, и еще крепче держись за мою и Грегора руки. Возвращайся к Раданде.

Снеси ему поклон великой благодарности от всех нас за его труд и помощь и передай ему, что видел собственными глазами здесь.

И. поднял Деметро, прижал его к себе, и тот вскрикнул, восторженно глядя на пылавшую часовню и лестницу, горящую землю и светившуюся в ее подземном огне всю подземную жизнь.

— О, Учитель, — воскликнул Деметро, — что это значит? Все горит в кострах пламени. Пламя, как лава, бушует под землей, в деревьях и цветах — и все же все остается неприкосновенным! И ты горишь, Учитель, и горят твои товарищи, и горит моя одежда, но я жив и даже не поранен огнем. Что это?

— Это тот огонь, что Жизнь дает от Себя людям в помощь и в знак единения всей Вселенной, состоящей из одной материи. Вернись к Раданде, расскажи ему, что видел, и иди дальше так, как он тебе скажет, до тех пор, пока я не вернусь в его Общину и не передам тебя непосредственному наблюдению Грегора. Вот спешит к нам и Ясса. Он поможет тебе оседлать нового мехари и сам поедет с тобой к Раданде.

И. благословил Деметро и Яссу, велел им выезжать сейчас же и передать Раданде его письмо. Но письмо свое он приказал мне взять в его комнате и передать его Деметро. Я получил также от него приказание проводить путников в их далекий путь и только тогда прийти в трапезную, куда сам И. отправился сейчас же.

Простившись с И., Деметро и Ясса прошли к конюшням и навесу выбирать и седлать верблюдов; я же отправился в комнату И. за его письмом к Раданде. Письмо я нашел на столе, и рядом с ним стояла небольшая коробочка, также предназначавшаяся Раданде.

Взяв и то и другое, я также направился к конюшням, но по дороге повстречался с одним из сторожей оазиса, посланным ко мне Яссой. Ясса просил меня ждать их у ворот, так как сами они должны еще переодеться в

платье для путешествия и зайти за провиантом. Я имел достаточно времени, чтобы элегантно упаковать посылку Раданде и приготовить путникам легкую и удобную корзинку с фруктами.

Ожидая моих друзей, я тихо сидел на скамье, мысленно пересматривая некоторые страницы прошлого, и в частности, встречу с Радандой. Мне приходили на постоянные жалобы людей друг на друга, их сетования, что ближний своей несносной тупостью или бестолковой отсталостью раздражает их или заставляет испытывать досаду, нарушая радостный и благополучный день.

Я представил себе Раданду, столь высокого наставника, и по устам моим скользнула улыбка, когда я задал себе вопрос: "Мог ли Раданда испытывать досаду на грешника, нарушающего его великое духовное благополучие?" И еще раз я пережил и передумал слова И.: "Встреча — это ты".

Послышались тяжелые шаги верблюдов, и к воротам подъехали два бедуина, в которых я с трудом узнал Яссу и Деметро. Отдав Деметро посылку для Раданды, привязав к седлу Яссы корзинку с фруктами, я горячо пожелал путникам счастливого пути.

Долго я еще стоял в воротах — пока пыль пустыни не скрыла от моих глаз гонцов И., а затем поспешил в трапезную.

Глава 32

Прощальная речь И. обитателям оазиса матери Анны. Приезд в Общину Раданды и первая вечерняя трапеза. Наставление И. отъезжающим и остающимся. Часовня скорби. Отъезд в оазис Дартана Грегора, Василиона, Бронского и Игоро. Отъезд в Америку Андреевой и Ольденкотта

Я поспешил в трапезную как раз вовремя. Обед уже кончился, и при моем появлении в дверях И. поднялся, чтобы поговорить с населением оазиса в последний раз, как я узнал из его речи. Окинув всех пристальным взглядом, он как бы каждому в отдельности послал свое благословение и заговорил:

— Много раз за это время я встречался с вами в этой комнате, и многими мыслями мы обменялись с вами. В самом недалеком будущем я и мои сотрудники покинем вас.

Значит ли это, что разлука физических тел не даст нам возможности духовно общаться, что, продолжая совершенствоваться сами, мы лишимся возможности помогать идти к совершенству тем друзьям, от которых оторвалось наше физическое тело? Я говорил вам, что самая великая из действенных сил человека — мысль. Если человек достиг самообладания, мысль его выровнялась. Она не представляет из себя больше тех скачков и зигзагов, в которых был зажат человек невыдержанный.

Самообладанию вспыльчивого угрожает все, вплоть до любого ничтожного внешнего препятствия. Человек полного самообладания может распоряжаться своей мыслью совершенно так же спокойно, не стесняясь любым расстоянием, как он распоряжается своей речью в физическом общении. Но для этого нужны еще и чистота его преданности тем, кому он шлет свои мысли, и полная освобожденность, а вы знаете, что освобожденность и радостность — синонимы. Но знать в теории, в мысли, в идее — еще не значит знать в истине. Тот знает правду Истины, кто пред Ней, в Ней и для Нее действует. Привыкнув действовать в Истине, человек перестает различать два мира — земли и неба; тогда для него существует только один новый мир, мир слиянного неба и земли, в котором он живет, мыслит и действует. Перейти в эту психику человек может только тогда, когда он долгое время жил, утверждая себя и встречного живущими в двух живых мирах — неба и земли. Этот подготовительный период, приводящий

к жизни в слиянном мире, к действию в общем творчестве Всей Единой Жизни, длится у каждого существа так долго, как идет его путь вырабатывания цельности мысли. Неясные, не до конца додуманные идеи вводят человека в мутное, компромиссное существование. А выхваченный пучок чужих мыслей и идей, не пережитый как опыт простого дня, вносит непоправимый вред и несчастье в жизнь человека. Он «ищет» царства счастья, не находит его вовне, винит ближайших окружающих его людей в неумении жить с ним в мире, на самом же деле, не умея создать мира в себе и подать его им, жалуется и чувствует себя несчастным. В шумных толпах людей, куда многие из вас со мной поедут, ищите всегда и начало и конец своего неудачного общения с людьми — в самих себе. Вы же, остающиеся в этом чистом и чудесном углу, помните, как я объяснил вам силу мысли. Не выбрасывайте из своего внимания тех, с кем разлучаетесь сегодня. Но работая сами над цельностью вашей мысли, посылайте уехавшим друзьям свою силу умения мыслить по-новому, в полной цельности до конца. Не считайте, что войти в сотрудничество с Учителем можно лишь только потому, что "Учитель зовет". Много званых, но мало избранных", — о том сказано уже давно. Если кто-либо из вас получил, тем или иным путем, задание или указание Учителя, и вместо того, чтобы каждую минуту своего времени употребить на труд над самим собой, постоянно стремиться достигнуть наибольшей цельности в мыслях и перевести привычно сосредоточенную мысль в действие, начнет смотреть по сторонам и говорить: "Конечно, я не могу жить в мире с теми или этими людьми. Но не могу вовсе не потому, что в моем сердце недостаточно мира. Я-то именно миролюбив, но меня не поддерживают люди, рядом со мной живущие. Достаточно было бы им произнести одно слово приказания — и грубые люди, сталкивающиеся со мной каждый день, стали бы самыми мирными и вежливыми со мною. И, разумеется, тогда уж мне ничего бы не стоило жить с ними в мире". Вы смеетесь. И я готов был бы смеяться с вами, если бы приведенный мною пример духовного убожества не был очень частым явлением среди обывательской жизни тех стран, куда вы со мной поедете. Там такие люди считают себя «следующими» за Учителем и «чтущими» Его, и там вам суждено растить истинную культуру духа... К вам, остающимся, я обращаюсь теперь. Не важно для культурного роста вселенной, что живущее сейчас человечество, для вас далекое, совсем не знает о вас. Ваша роль, как роль каждого исторического явления, влияющего на рост культуры людей, до времени скрыта от глаз современного вам человечества. Но вскоре — конечно, не по счету одной земли, считающей короткий период ста лет веком, — вы выйдете на арену

жизни, как творцы и деятели. Пустыня вокруг вас скоро зашумит хлебными злаками, вырастут и города неподалеку от вас.

И ваш оазис станет большим и прекрасным городом, центром высокой цивилизации. Но вы? Как должны вы жить этот подготовительный период, пока скрыто от глаз народов вы движетесь в радости труда, видимые очам Бога? Мудрость не оказывает влияния извне, я неоднократно вам говорил. Но она и не проникает в глубины духа. Она там живет. И пробудить Ее в себе может только сам человек. И только сам человек — предел собственного Света. В данную минуту мы пришли к вам, чтобы помочь вам двинуться во внешней Цивилизации. Чтобы помочь вам в деле колонизации пустынного куска земли для нужд и целей нового человечества, которое Жизнь приведет сюда.

Ваше сотрудничество с Жизнью состоит в помощи строительства для новых кадров человечества. В приготовлении таких новых условий внешней цивилизации, в которых следующие поколения смогут познать в себе высокие психические силы, глубже проникнуть в тайны природы и развернуть ослепительную картину действия ее сил для пользы и блага людей. Не вам суждено вынести новые ценности во внешний мир, ценности, подаваемые Жизнью людям. Вам суждено только приготовить почву для будущих откровений Ее. Но разве труд ваш, сотрудничество ваше с Жизнью от этого менее значительно? Разве для этого дела вы можете остановиться, хотя бы на мгновение, в вашем самоусовершенствовании? Ответьте сами себе на этот вопрос.

Усвойте первое правило людей, желающих идти в ногу со своим народом, со своею современностью: нет дел мелких. Всякое дело составляет или утверждение жизни — и тогда оно является сотрудничеством с Богом, или оно является унылой мыслью о себе, то есть отрицанием, непониманием основного закона существования на земле: все в себе, все для блага общего, ибо все — любовь. Лишенное этого понимания, существование человека является голым эгоизмом невежественности. Идите за матерью Анной, как шли до сих пор, светло, радостно и мирно. Но прибавьте к задачам дня полное понимание: жить на земле — значит входить в активное содействие с трудом Единого. Жить — значит ежечасно утверждать. А утверждает только тот, кто в себе знает закон доброты и умеет проливать мир вокруг себя.

Завтра мы уедем. Нашими руками Жизнь оставляет вам часовню Звучащей Радости. В ней зрите не помощь вам, но признание вас сотрудниками, верными друзьями Жизни, защитниками и пионерами новых духовных устоев для жизни и счастья будущих поколений.

И. отошел от стола и долго еще беседовал с обитателями оазиса. Все мы также оказались окруженными милыми людьми, каждый из которых старался выразить нам свою благодарность и огорчение по поводу нашего скорого отъезда. Наши хозяева никак не хотели расставаться с нами в этот день. И. предложил пойти в новую часть парка и еще раз полюбоваться всеми новыми чудесами искусства, которые жили теперь в оазисе как ряд новых великолепных зданий.

Долго большой толпой ходили мы за И. и матерью Анной, рассматривая обворожительно выглядывшие среди густой зелени новые постройки, как к И. подошла группа детей, и я услышал голос девочки:

— Учитель, а ведь ты еще не исполнил, что обещал. А завтра собираешься уехать.

Как же так можно? Раз что обещал — свято. Как бы уж трудно ни было, а исполнить надо. Уехать тебе завтра никак нельзя. И. поднял девочку на руки и, смеясь, спросил: — Чего же это я не исполнил, что обещал, дитя мое? Толпа, пораженная выходкой ребенка, притихла, и все ясно расслышали звонкий детский голосок:

— Да как же ты сам-то мог забыть? Ведь ты обещал нам свою статую. Еще все спорили: одни хотели поставить ее на воротах, другие на больнице, мы, дети, — на школе, а ты, чтобы всех примирить, решил поставить свой портрет на маяке. Никак тебе уезжать нельзя, пока слова не сдержишь.

И. продолжал весело смеяться, но что тут поднялось вокруг! Люди, забывшие, начисто забывшие, о своей просьбе, точно устыдились своей забывчивости. Одни укоряли себя в ней, другие в неблагодарности, третьи молили остаться и выполнить обещание. Трудно было даже представить себе, что мирный оазис, бесстрашный и спокойный в самые трагические и ужасные моменты, принимающий в форме полного самообладания факты огромной значимости, может вдруг превратиться в этакое бурное море волнений и выкриков.

Подняв вверх руку, призывая тем самым толпу к выдержке и молчанию, И. сказал:

— В эту минуту каждый из вас получил два урока. Первый — как легко потерять внешнее самообладание и как оно вредно действует на внутреннее равновесие. И второй урок — как плохо увлекаться одной землей и мало смотреть в небо. Если бы вы почаще смотрели на чудесное созвездие Креста, что сияет прямо над маяком, вы увидели бы, что обещанная вам моя статуя уже стоит на месте. Дитя напомнило вам о моем портрете, которому вы так много придаете сейчас значения. И если бы уста ребенка

не укорили меня за невыполненное обещание, вы бы, вероятно, не скоро спохватились взглянуть на верх маяка и поискать там мою фигуру, хотя я верю вам, что по существу вы ею очень дорожите. Пойдемте же, вы убедитесь, что Учитель держит свое слово. Но с вас — со всех до одного — я тоже беру слово: пусть моя статуя будет олицетворением одного из законов вашей высокой чести, что раз слово дал — выполни. Если пообещал, а потом показалось трудным выполнить — взгляните на мою статую, подумайте, что я, живой, стою рядом с вами, и скажите себе: "Легко мне, Господи!" Не спуская девочку с рук, И. пошел в старую часть парка. Дорога была не близкая, сумерки уже спускались, и, когда толпа, им ведомая, подошла к маяку, созвездие Креста уже ярко пылало на темном небе.

Много раз приходилось мне быть свидетелем «сверхъестественных» явлений, совершаемых И. И каждый раз, так или иначе, они меня поражали. В этот вечер я был раздавлен гигантским подвигом его воли и труда.

На самой вершине маяка — а я хорошо помнил его высоту, когда взбирался туда по неисчислимым ступеням лестниц, — стояла во весь человеческий рост статуя И. Чтобы казаться с земли в рост человека, как же велика должна была быть статуя на этой высоте! Да разве вообще это была «статуя»? Это был живой И. в белом, вышитом золотом платье, с оранжевым плащом на плечах, с пятиконечной звездой в поднятой руке. И звезда эта... горела так же ярко, как сверкавшие над нею ее сестры неба...

Молча стояла толпа, созерцая непередаваемое словами зрелище! И точно по волшебному мановению все опустились на колени, и мы семеро, И. и мать Анна запели гимн Владык мощи! Когда мы окончили петь, И. тихо сказал коленопреклоненной толпе:

— Выучитесь у матери Анны этому гимну и пойте его в высокаторжественные минуты вашей жизни. Пусть он будет для вас символом вашего единственного счастья: жить, утверждая Жизнь! И. обнял мать Анну, поднявшуюся первой с колен. Затем каждого из жителей он благословил и ответил поцелуем в голову на прощальный поцелуй его руки.

И. не говорил ни слова о своем отъезде, но каждый понимал, что Учитель давал свое прощальное приветствие и что больше он не увидит этого чудесного человека, быть может, долгое-долгое время.

Глаза всех были влажны, когда И. произнес свои последние слова:

— Сейчас вы разойдетесь по своим комнатам, и многие из вас лягут спать в своих привычных условиях, чтобы проснуться завтра к обычному и

привычному труду.

Некоторые, возвратясь, найдут у себя платье путешественников. Они переоденутся в него и выйдут вновь сюда, чтобы начать жизнь, оторванную от старых привычек, полную новых, неожиданных и неведомых положений. Но все это — внешняя сторона. А силу, суть, самое Жизнь каждый из вас понесет в себе. И только это важно человеку земли. Помните об этом и будьте счастливы и радостны, дети мои.

Далеко за полночь перевалило время, когда ушел последний благословленный и обнятый И. обитатель оазиса.

— Прощай, мать Анна. Прими поклон нашей благодарности за оказанное нам гостеприимство. Простись здесь с нами и покажи пример своим детям — не провожай нас.

Мы все подходили к чудесной настоятельнице, и для каждого из нас она нашла слово прощального привета и любви, особенно метко попадая в слабое место каждого. Мне она сказала:

— Давно уже тебе перестало быть «трудным» твое общение с людьми. Теперь у тебя еще щемит сердце от жалости иногда, когда видишь необходимость сказать жесткое слово близнему. Но и это пройдет. Помни, что жалостливость и пощада ничего общего между собой не имеют. Пощада есть закон милосердия. И она вечна. Вечна так же, как сама Жизнь. А жалостливость есть предрассудок, ибо исходит из условностей земли. И в ней выражается не сострадание, а только кажущаяся, не истинная любовь, то есть сентиментальность.

Проводив мать Анну до ее дома, мы вернулись к себе, и тут я, впервые за все время пребывания в оазис увидел... Славу. Слава выполнял обязанности Яссы. Бог мой! Только что я удивлялся, что дитя напомнило толпе людей о желанной статуе И. Не понимал, как же могла тысяча людей забыть о портрете Учителя, Которого так горячо жаждала. А сам я? Я забыл, начисто забыл о живом человеке, с которым ехал всю дорогу по пустыне и с которым переступил порог обители матери Анны! Где же был все это долгое время Слава? Возвращался в Общину к Раданде? Или жил где-то в уединении здесь?

На мой изумленный взгляд и ошолбенелый вид Слава ответил веселым смехом, указал мне на приготовленное для путешествия платье и сказал:

— Такая уж мне линия — все тебя удивлять неожиданностями, брат. Авось, по дороге расскажу тебе, как и где все это время я учился. Ведь я же говорил тебе, что Учитель И. возьмет меня с собой и отдаст в один из университетов. Но сейчас скорее одевайся. Верблюды уже ждут у ворот обители. Караван будет огромный. От одного Раданды я привел двести

животных, да, пожалуй, отсюда захватим столько же.

Он быстро и ловко помог мне одеться в сложное платье для путешествия и собрать необходимые вещи, еще быстрее обежал всех товарищей и, не хуже Яссы везде и все предусмотрев, снова зашел за мной. Вместе с ним в последний раз сошел я на милое и мирное крылечко, где все уже были в сборе. Через минуту вышел И., и вслед за ним мы отправились к воротам. Здесь уже грузилась первая партия верблюдов, на которых усаживалась часть отъезжавших с нами туземцев. Более двух часов размещались люди и выравнивалась вереница верблюдов за воротами обители.

Весь караван был разбит на семь отрядов. Впереди ехал И., а во главе каждого отряда — один из нас. Я ехал в последнем отряде, и шествие замыкал Слава. На полпути нас встретил большой отряд общинников Раданды, которых И. тоже разделил на семь частей, поручив им наши отряды так, чтобы они занялись вывезенными нами от матери Анны людьми и опекой их в самой Общине Раданды. Ночь кончалась, когда мы выехали от матери Анны, и вечер уже опустился, когда мы, благополучно и безостановочно миновав пустыню, въехали в ограду Общины Раданды.

Как и в первое посещение, когда я въехал в широкие ворота этой Общины, привезенный сюда И., и сразу же увидел милое, с незабываемой улыбкой доброты лицо Раданды, — так и теперь первый встреченный мною взгляд был взгляд старца.

Как только я сошел, на землю, он не дал мне даже склониться перед ним, но, протянув сухонькую ручку к моей голове, поцеловал меня в лоб и сказал:

— Ну вот, ты снова вернулся ко мне, дружок. Много, много кое-чего я тебе расскажу и передам, что велено мне присоединить к твоим знаниям и силам. А о тебе все знаю, хоть и не рассказывай. Мне ты можешь не рассказывать и не проявлять внешними способами своей любви, — заливаясь веселым смехом, продолжал Раданда. — Но что касается другого твоего друга, то уж тут — извини! Никакое мое педагогическое дарование не поможет тебе спастись от его требовательности. Но ты ее извини. Это все же не человек, а только птица, хотя и много умнее тысяч других двуногих братьев, — все так же смеясь, закончил Раданда.

Оторвавшись взглядом от чудесных сияющих глаз старца, я поразился огромностью и блестящей красотой стоявшего рядом с ним Эта. Распустив чудесный золотой хвост, павлин стоял неподвижно, как бы с удивлением вглядываясь в меня и не узнавая меня в моей изменившейся, новой форме. Но, если был поражен моим видом Эта, то не менее был поражен и я тем,

что видел над его сиявшей головкой. Я ясно видел там свой портрет таким, каким уехал из Общины Раданды, почти два года назад.

Хотя я и тогда уже носил кличку Голиафа, но далеко не достигал тех размеров, до которых я вырос и расширился теперь. И не только этим я поразился. Я видел всю умственную работу моей дорогой птички, которая шла в ряде мелькавших картин.

Удивление Эта выразилось в борьбе двух моих образов в его сознании. Он то отказывался признать меня в настоящей форме, то готов был броситься и заключить меня в свои объятия. Наконец, с видом полного непонимания, он повернул свою очаровательную головку к Раданде, требуя у него помощи и объяснения.

— Ведь вот какой ты, братец мой, Фома неверный, — кротко улыбаясь, сказал Эта старец. — Ведь я тебе каждый день втолковывал, что время летит и считает прошлое. И не существует этого прошлого. Пока ты все думаешь о человеке, каким он был, он уже давно успел во всем измениться и начисто сам забыл о том, каким был. И верность в том и состоит, чтобы принимать все изменения своего друга и посылать ему любовь и мир. Это и есть он, Левушка, твой друг и хозяин. Тебе бы его приветствовать радостно, а ты стоишь и решаешь вопрос: как это пришел друг в новой форме?

По мере слов Раданды глаза птицы принимали более спокойное выражение. Вдруг среди хаоса борющихся над его головой двух моих фигур блеснул какой-то свет, на мгновение все в нем исчезло и обрисовалась одна, соответствующая моему теперешнему виду фигура. Эта вскрикнул, забыл все условное от хорошей воспитанности и прыгнул мне на руки, охватив крыльями мою голову, стащил с нее и шлем, и капюшон и растрепал мои кудри, точно только их и признавая за истинный отличительный признак своего старого друга.

Как ни был я привычен к большим тяжестим, как ни оценивал я грандиозный для своей породы рост Эта — все же тяжесть его веса меня удивила. Не без труда усадил я моего друга на плечо, и так мне и пришлось нести его до самого дома, потому что я чувствовал, что никакие увещания и убеждения не заставят его расстаться со мной в эти минуты.

Раданда приказал мне спешить к И. и вступить вновь в свои старые обязанности его секретаря, с той только разницей, что теперь я уже не буду ему келейником, но у меня самого будет брат и ученик для несения этих обязанностей.

Так как мой отряд пришел последним, то я не видел, кто, кроме Раданды, встречал предыдущие отряды, как и где размещались привезенные нами люди. Мой отряд встречали не только взрослые, но и

дети; встречали точно лучших своих друзей и уводили по разным направлениям сада после того, как каждого приветствовал ласковым словом Раданда.

Я поспешил к И., поняв, что он остановился в том же домике, где жил до отъезда.

Так оно и было. Здесь все уже жило, энергично входили и выходили люди, двери комнат, где вновь разместились в старом порядке все наши друзья, открывались и закрывались, и между многими знакомыми фигурами общинников я увидел Деметро, входившего в комнату Грегора.

Когда я подошел к своей келейке, дверь ее открылась и на пороге показалась фигура И., успевшего уже умыться и переодеться в чудесное белое платье.

— И не стыдно тебе, Эта, замученного друга своего так утруждать? — улыбаясь, спросил И. птицу.

Эта соскочил с моего плеча, низко поклонился Учителю, поднял свою головку к его руке и подставил ему ее, точно прося прощения и благословения.

— Ах, хитрец, хитрец, — продолжая улыбаться, сказал И. и погладил птицу, осторожно расправляя ее хохолок. — Только смотри, больше не езди на Левушке, тебе уже самому пора его возить.

Еще ниже поклонившись И., Эта чинно встал за мной, точно верный часовой. И., осмотрев мой пыльный наряд, укоризненно покачал головой и сказал:

— Как же это Ясса пропустил тебя? Он должен был у ворот встретить тебя и проводить в ванну. У него и новое платье для тебя.

Послышались легкие, торопливые шаги, это бежал Ясса.

— Прости, Учитель. Во всем виноват озорник Эта. Я видел, как он бежал к воротам, и велел ему проводить Левушку прямо ко мне. А он обещал, три раза кивнул головой — и не исполнил обещания. Я виноват трижды, — говорил печально Ясса.

— Конечно, Ясса, человек всегда виноват, когда старается данное ему поручение переложить на другого. Но для печального голоса твоего я не нахожу причины.

Помни только крепче, что нет дел мелких. Веди Левушку скорее. Мы уйдем вперед, я постараюсь подождать тебя и его у сторожки. Там будет и Мулга, вы ему оставите птицу. Старайтесь навести лоск скорее, — прибавил И. нам вдогонку.

На этот раз Ясса не пришлось возиться со мною. Я не испытывал никакой усталости, был свеж и бодр, точно и не совершал дневного

путешествия по пустыне. Когда Ясса подал мне платье с золотым шитьем, в каком ходил И., я посмотрел на него с таким изумлением, что он расхохотался.

— Уж не думаешь ли ты, Левушка, что я вторично могу неточно выполнить приказание И.? Надевай без сомнений — это тебе подарок Владык мощи. И чтобы ты не забыл о своей вековой связи с ними, Владыка-Глава передает тебе перстень, что найдешь в кармане платья. Я надел прекрасное платье, подумав, как ко многому оно обязывает, и с благоговением вынул перстень Владыки-Главы. Необычайное волнение наполнило мое сердце. В золото был вправлен бело-розовый камень, на котором была выгравирована лаборатория стихий. На внутренней стороне камня были вырезаны слова: "Радостный носит Жизнь живую и мчит в Ней каждого встречного. Живи так до новой встречи".

Когда мы подошли к сторожке, Мулга и новый сторож приняли от нас Эта, а в дверях трапезной нас поджидали И., Раданда и все мои товарищи по обучению в лаборатории стихий. Двери трапезной широко раскрылись, и первое лицо, которое я различил в море голов, войдя в трапезную, было темное лицо великана Дартана.

Раданда усадил всех нас за своим столом, предложил занять места так, как мы сидели за этим столом в первый приезд. Снова, по знаку настоятеля, братья стали подавать еду; снова царил торжественная тишина в огромном зале; и снова Раданда делал вид, что усердно ест из своей полупустой мисочки. Как много огромного, не передаваемого словами, произошло в моей жизни и в жизни всех здесь сейчас сидящих и раньше сидевших людей! И я снова здесь, точно не существовало времени, отъездов, событий, незабвенного посещения обители матери Анны.

Анна... Это имя вызвало в моей памяти другое прекрасное лицо, другой неповторимый голос, Константинополь, Ананду и новое обязательство по отношению к матери Анне — обещание привезти к ней ее заместительницу и освободительницу...

И. слегка прикоснулся ко мне, и я понял, что надо войти всей глубиной сердца в это летящее «сейчас», а не в то, что будет. Я улыбнулся И., признав себя прощтрафившимся не менее Эта.

Есть я положительно не мог. После бобов Владык мне казались необычайно тяжелыми молоко и хлеб у матери Анны, и трудно было привыкать к ним. Но горячая похлебка, казавшаяся мне не так давно роскошным и изысканным блюдом, возмущала мое обоняние, и я не мог притронуться к ней. Мои товарищи были более благополучны и удачно делали вид, что едят с аппетитом. Как и когда-то, прислуживавший за

нашим столом брат взял у меня похлебку и подал мне смесь из разных фруктов, за что я его от всего сердца поблагодарил и принялся есть их усердно без всякого притворного аппетита.

Случайно встретившись взглядом с И., я получил из его глаз целый заряд юмористических искр, но, когда посмотрел в его чашу, ответил ему тем же: в его чаше было точно такое же фруктовое месиво, как у меня...

Я посмотрел на Дартана, сидевшего за ближайшим от нас столом, лицом ко мне. Я ли изменился или изменился этот великан? Его лицо, показавшееся мне в первое знакомство каменным и непроницаемым, лицо, охранявшее внутренний мир от постороннего взгляда, как каменный панцирь, казалось мне теперь прозрачной, точно из коричневого мрамора вазой, где светились все мысли и была могучая радость. Дартан, дедушка Дартан, вековой дуб, казался мне сейчас молодым. Я не видел его внешней судьбы, я читал его Вечное. По всей вероятности, и он смотрел на меня иными глазами, так как в них не было покровительственной защиты, с которой он смотрел на меня в своем оазисе, а была радость, точно он слал мне победный клич.

Трапеза окончилась; братья убрали последнюю посуду. Раданда встал, поклонился И., и его тихий внятный голос раздался в еще большей тишине, хотя она и без того казалась предельной.

— Ты посетил нас вновь сегодня, Учитель. И это посещение твое несет многим из нас освобождение. Многих когда-то привез ты сюда, но еще больше людей взял и еще возьмешь ты отсюда в далекий и широкий мир. Благоволи сам сказать, кого и как назначаешь ты себе в помощники и сотрудники.

Раданда сел, И. встал, и опять, но на этот раз в гораздо большей степени, весь зал озарился светом, бежавшим от него лучами.

— Друзья мои, вы ждали моего возвращения, как ждут «чудес». Вы и сейчас ждете, что я буду вас «выбирать», увезу тех, кто мне понравился, кого я сочту «готовым» к новой жизни, вернее к новой форме труда. Ваш настоятель много раз старался объяснить вам, что зов Учителя не есть выбор. Готов ученик — готов ему и Учитель. Готов дух человека, созрел он — готова и новая форма труда и деятельности для него. Никто не может «вести» человека. Он сам идет. И в зависимости от того, как он сам идет. Учитель может ему ответить, освещая — с той или иной силой — горизонт его духовного пути. Если кто-либо из вас еще горит какой-то страстью, как бы она ни была завуалирована, он не может ехать со мной в тот широкий мир, где пламенем, под вуалями и без них, горят страсти. Потому что его личная страсть, не имеющая явных внешних признаков, но еще тлеющая в

глубине сердца, немедленно вспыхнет, как только соприкоснется с окружающим пламенем.

Работа в условиях мирской жизни, из которой вы все ушли когда-то, преследуемые собственными страстями, может быть плодотворна снова только тогда, когда уже не надо думать о себе, когда интерес к частице «я» потерян и гудит радостная энергия в сердце, что можно теперь жить освобожденным, легко и просто, в любых условиях, заботясь только о труде, к которому дает указание Единый Владыка Земли. Каждый человек, входящий в сотрудничество с людьми земли в ее огромных, густонаселенных городах, может и должен развернуть в своей психике совершенно новую страницу деятельности, в которой нет пониманий обывательского «счастья» от полноты исполнения тех или иных своих желаний, собственных, личных возвышений и завоеваний. Тот, кто становится истинным человеком, то есть несет раскрытый дух по векам — что и отражено в слове «человек», то есть "чело, идущее в веках", — тот уже не может не видеть, что все человечество идет к совершенству, что сила всех удесятеряется от стремлений каждого к добру и общему благу. Такой человек входит в единение только с сутью в человеке; и умение находить только этот способ единения с ближними есть первый дар, который завоевывает человек, освободивший свой дух от личных страстей и порывов. Он всем сознанием объемлет всю Вселенную и строит Общину мира для нее. Вы — те, кто хочет ехать со мной служить людям ступенькой в их духовном прогрессе, — вы не только «человеки», вы еще и ученики. Для вас уже обязательно не только единение в даре доброты; для вас уже нет иного пути, как радость понимания, что вы — двигатели, новые духовные моторы для разрушения человеческих предрассудков в их привычном цикле пониманий. Устремленность к дальним мирам — обычный и привычный способ вашего мышления. С первых же шагов в неведомом вам еще современном культурном обществе вы столкнетесь с двумя тяжелейшими предрассудками эгоизма: одиночеством и требовательностью к людям. Сознаете ли вы, как широко, как твердо, без всяких колебаний, должна жить в вас Живая Радость, живое сознание, что для вас, учеников, нет и не может быть одиночества? Ежесекундное творческое слияние с Единым так заполняет сердце ученика, что в нем нет места мыслям и чувствам о себе, а есть только одна мысль: всякое мое дело есть дело Пославшего меня на землю. Мой путь — Его движение, и если «я» схватило меня в эту минуту за сердце — Его путь через меня прекратился... Проверьте себя в эти последние дни.

Откройте глубже свои духовные сокровища, отойдите все остатки

личных чувств и самолюбий и вникните в мои слова: не я вас «выбираю», но вы идете на зов сердца, где нет иных побуждений, как быть слугою Бога. Тот, в ком шевельнулась хотя бы самая маленькая мысль: "Он награжден вниманием Учителя или людей больше меня"; тот, кто подумал: "Трудно жить на земле одинокому"; тот, кто развернул перед собой горделивую панораму: "Буду помогать человечеству", — все останьтесь, не ходите со мной в пламя крови и страстей людских, так как вы еще не сбросили личины «я». Только утвердись в живой Любви, то есть неся ее всякому, человек перестает быть одиноким, так как это понятие исчезает из его духовного кругозора. Идя в этой психике среди людей, можно разбивать в каждом его предрассудок одиночества и вводить его в круг радостных новых пониманий, заменяя ими прежний цикл идей, в которых жил страдающий от одиночества человек. Первым следствием нравственной узости, когда человек чувствует себя одиноким, бывает нравственное уродство — требовательность к другим. Требовательность прежде всего к тем, кто старался или согласился разделить его одиночество. Если это дружба — то дружба эта имеет глубоко запрященные когти ревности, желания быть «всею» для друга. Если это любовь, то любовь, идущая вразрез с самым элементарным человеческим пониманием, что она есть отдача света и мира, а не жажда взять все лучшее, ибо чувство хозяина — первый стимул закрепощенного в страстях человека.

Страх, в тысячах и тысячах самых разнообразных видов и мыслей, пугает человека и путает его ежедневное единение с другом, с общественностью, с сотрудниками, выставляя всюду условные пугала, существующие только в собственном сознании каждого: «потеряю», "увлечется", "мне не достаточно отдает", «заболеет», "переутомится", «покинет», "потеряю опору и карьеру". Страх сжимает все духовные силы внутри человека и не менее крепко сжимает кольцо вокруг человека. Никакое общение невозможно для вас с Учителем и для Учителя через вас, если вы допустили страх в свое сердце. В тех городах, где предстоит вам трудиться на пользу и благо людей, почти все люди побеждены страхом и не умеют действовать в своем труде, стоя в Вечности. Сейчас, здесь поймите, какую величайшую освобожденность должны вы сознавать в себе, чтобы можно было о вас сказать: "Эти люди готовы к труду Учителя, их дух не может ни смутиться, ни замутиться от общения с закрепощенными людьми. Они владеют даром распознавания, их «добродетель» есть умение видеть в каждом Единого... Отряхните с себя не только уродливые мысли о застенчивости, но и всякие мысли о разнице между вашей культурой и культурой людей тех мест, куда поедете. Для вас

есть только одна культура: проносить во все сердца мир, как бы ни велика была разница в воспитании и отлична цивилизация стоящих перед вами людей и как бы глубоко вы ни понимали, что общающееся с вами сердце спит еще в глубоком и грубом невежестве относительно своего истинного земного пути и в полном непонимании смысла своего воплощения. Не ужасайтесь никаким страшным событиям внешней жизни народов, в ритм существования которых суждено вам включиться, потому что для вас нет ритма какого-то одного народа, вырванного из общей жизни вселенной, для вас есть один ритм — ритм Великой Матери Жизни. Стоя в этом ритме, устремив сердце и мысль к дальним мирам, начинайте свой день труда и любви среди тех людей, куда последуете за мной. Но если хоть на одну минуту допустите тоску, что не всегда вы будете нести свой подвиг труда и любви рядом со мной, в физической близости, что не всегда сможете обменяться со мной мыслью, советом, найти во мне физического, бодрящего сотрудника, — не ездите, оставайтесь здесь, за оградой, куда не проникают течения быта и скорби суетных толп людей. Каждый идущий не во мне должен искать помощи, но в себе вскрыть аспекты Единого и ими войти в ритм Единого Владыки Земли, в тот ритм, в котором Он трудится для той же Земли, для которой вы, ученики, сотрудники и братья, «готовы». Раскрыть во встречном какое бы то ни было понимание мировой жизни и собственной ответственности перед ней не может ни один человек, пока сам не утвердится в привычке жить только в ритме вселенной. Тысячи и тысячи раз говорил я вам, что дать можно только то, что имеешь сам. Иначе все попытки принести мир и утешение человеку будут только пустоцветом, спиралью умствования, без смысла и цели посланными в эфир «словами», где и без того немало мусора. Обдумайте то, что я вам сказал. Некоторым из вас еще есть время победить в себе остатки стесняющих дух страстей. Иным надо немедленно решить для себя кардинальный вопрос, как включиться в труд Единого на земле, ибо первая партия, которой предстоит отправиться в путь с Грегором и Бронским, уедет через два дня в оазис Дартана. Там вы проживете столько, сколько найдут нужным ваши новые водители, будете там учиться так и тому, как они найдут нужным, и только по их указанию двинетесь за них и в далекие и неведомые вам страны. Еще раз напоминаю вам: "Все — в себе". Великую мощь должен ощущать каждый человек в себе, независимо от мест, окружения, обязанностей и внешних условий. И только те из вас, в ком окончательно нет слабости и желания искать себе иной защиты и помощи, кроме того Единого, что носят в себе, только те могут быть слугами и сотрудниками Учителю, а через него и Великому Владыке Земли. Ежечасно ощущайте, что образ

Учителя, трудящегося рядом с вами, живой, любящий и живущий в ритме Великой Жизни, принимает каждое дыхание вашей Любви и разделяет вашу радость жить в труде единения с живыми трудящегося неба и трудящейся земли. Все едино, нет разрывов, есть единая Община мира, членами которой вас призывает стать Великое Светлое Братство.

И. поклонился всем слушавшим, поклонился Раданде и подал знак к выходу из трапезной. Когда все покинули огромный зал, И. подозвал Дартана, приветствовавшего всех нас как сердечно любимых друзей.

— Ну вот, Дартан, часть первая твоих трудов завершается. Великие Владыки мощи посылают тебе свои заветы и наставления через Бронского, Игору, Грегора и Василиона. Видишь, как ты богат послами! Но это не значит, что ты сам освобождаешься от дальнейших трудов или что послы твои останутся с тобой надолго. Они совершат революцию в твоём оазисе, передадут тебе снова твоё переформированное царство и уедут вдогонку за мной выполнять свои новые мировые задачи.

И. отпустил всех нас, велел мне разобрать письма в его комнате и подождать его возвращения. Сам же он с Дартаном и Яссой прошёл к Раданде.

Захватив Эта у Мулги, который необыкновенно ласково приветствовал меня и сказал, что получил приказание от И. возвратиться с ним вместе в Общину Али, чему он очень рад и счастлив, я пошёл обратно в наш домик. Эта чинно шагал рядом со мной, ничем не нарушая торжественности моего настроения, в которое привела меня речь И. Вскоре я услышал вдали за собой торопливые шаги и почувствовал, что человек спешит догнать меня. Я замедлил шаги, и через несколько минут меня догнал Бронский.

— Левушка, дорогой мой друг. Давно я с Вами не говорил, давно, с Общины Али, я даже не имел возможности обмениваться с Вами мыслями, хотя все время был подле Вас, разделяя во многом Вашу судьбу. По существу говоря, мне даже не нужны были слова, так как я чувствовал, что все мои мысли доходят до Вас так же, как и ваши до меня. Я сознавал неразрывную близость с Вами, как и со всеми теми, кто несёт сейчас людям задачи Светлого Братства. Но кроме этой идейной связи, большая теплота сердца тянет меня к Вам, дорогой друг. Я не могу забыть, с какой теплотой встречали Вы меня во все минуты моего горя и как я всегда находил в вас утешение доброты, а не слова «об» утешении, звучащие нравоучением, что так часто встречал в жизни. Теперь, когда вся моя психика иная и для меня уже нет возможности думать о себе и жить для себя; когда это наше свидание, быть может, радостная и последняя встреча в этой форме, так как очень скоро я уеду с Дартаном, а Вы будете

сопровождать И. в его дальнейшем путешествии по миру, — мне хочется еще раз высказать Вам, каким примером бодрости, всегда глубокого мира Вы для меня были.

Много божественно прекрасных ликов и сияющих, священных фигур видели мы с Вами за это сравнительно короткое время нашего счастливого обучения подле И. и Владык мощи. Но во всех этих людях я видел уже результат их многих и многолетних трудов. Я видел их уже не обычными людьми, но сверхчеловеками, теми, кого в быту мы звали «святыми». Грань между обычным миром земли и вечным небом для них не существовала. Но как они вошли в свое сверхчеловеческое существование, я постичь не мог. Встретив Вас, хотя ни Вы, никто другой мне ничего не говорили, я сразу понял, какие основные качества человека могут привести его к высокому и светлому пути существования сверхчеловеком, то есть к Великому Светлому Братству. Живой пример полной цельности, полной чистоты и преданности, полной верности, когда даже беглая мысль легкого ее нарушения, не только какого бы то ни было предательства, не может мелькнуть в мозгу общающегося с Вами человека, — этот живой пример, увиденный мною в Вас, сразу заставил меня сбросить с сердца всю слякоть сомнений и крепко утвердиться в целесообразности движущихся и складывающихся обстоятельств каждого отдельного человека и всего мироздания.

Расставаясь с Вами теперь, я об одном буду помнить: нет встреч случайных, и встреча с Вами повторится, если вечная память о Вашей верности будет жить во мне. Позвольте мне обнять Вас, друг. Быть может, уже не представится больше минуты поговорить с Вами вдвоем. И. дал мне поручение быть с Грегором в доме Деметро и отобрать всех, кто готов для возвращения в оазис Дартана. Мой последний привет любви я передаю вам в этой коробочке, на крышке и дне которой мы с Игором выгравировали сами те постройки, его и мою, что остались в оазисе матери Анны. Грегор много смеялся над нашим детским трудом гравиров, но все милостиво поправил и, в конце концов, даже похвалил. Примите наш общий дар и...

помогайте нам. Мой Владыка мощи сказал мне, что первый по силе между нами — Вы.

Я, впрочем, в этом и не сомневался.

Обняв меня несколько раз, всматриваясь в меня, точно хотел навеки сохранить мой образ в своей зрительной памяти, Бронский поцеловал коробочку из бело-розового стекла с золотыми крапинками и подал ее мне. Отвечая другу на его сердечные объятия, глубоко тронутый его нежностью, я тихо сказал:

— Когда-то Вы не раз говорили мне: "Левушка, где вы запропали? Я так соскучился по Вас". Я тогда не понимал Вашего состояния. Вы — обладатель такого гениального таланта — казались мне богачом, всегда настолько заполненным внутри, что Вам некогда думать о ком-либо, кого бы Вам не хватало для Вашего творчества. Теперь я понимаю, что счастье творящего именно в том и состоит, что сердце его, всегда пустое для личного и открытое творческому порыву, вбирает каждого и отдает ему всю любовь. Отдав ее однажды, оно уже не забывает встречного, ее подобравшего.

Не скука, не тоска, но полнота общения необходима сердцу, научившемуся отдавать любовь. Где бы Вы ни были, чем бы Вы ни были заняты, Станислав, в моем первом привете дню, в моем славословии вселенной будет привет Вашему сердцу и труду. Не ждите новых побегов сразу, но я знаю, что, когда мы встретимся с Вами в следующий раз, сеть школ Ваших театральных последователей заполнит все города мира и совершится новая эпоха в искусстве. Примите мою любовь в обмен на Вашу.

Этот крест подарил мне Дартан, прося отдать его тому другу" в преданности которого я не буду сомневаться. Он точно предвидел, что мне скоро понадобится такой талисман. Я носил его на себе всего несколько часов, но ощущение радости и тепла от него бежало по всему моему телу. Пусть радостность этого креста защищает Вас во все минуты мелькающих вокруг человеческих разногласий и напоминает Вам о любви и преданности вашего друга Левушки.

Еще раз обнявшись, мы расстались с Бронским, которого уже разыскивал Игору, издали призывая его условным свистом. Добравшись до своей келейки без даль- нейших промедлений, полный впечатлений от любви и дружбы Бронского, я уложил спать Эта, переделся в обычное платье и пошел в комнату И., где и погрузился в разбор громадного количества писем и бумаг.

Я и не заметил, как мелькнула ночь, как солнце послало свой первый луч пустыне.

Но меня привел в себя звук колокола и одновременно с ним появившиеся И. с Яссой из одной двери и Эта из другой.

Всех нас заставил смеяться Эта, раскланивавшийся с нами по старшинству. Сначала И., потом Ясса, потом я получили по почтительному поклону.

— Вот и не угадал, дружок. Хозяину твоему Бог сулил быть выше Яссы по его положению на земле, — смеясь, сказал И. — Запомни, Эта. Он,

Левушка, — хозяин для людей, а Ясса — работник. Так для людей. А для сердца твоего — оба равны.

Для благополучия Левушки Ясса необходим. Запомни это хорошенько и берегай обоих одинаково. Понял? — продолжал И., поглаживая головку Эта.

Не знаю, что и как понял Эта, только он пристально посмотрел на меня, потом на Яссу. Подошел ко мне, опустился на землю и поклонился, касаясь головкой моих ног. Не дав мне опомниться от изумления, он подошел к Яссе, поклонился ему, потерся головкой о его руку, затем отступил шага на два, пронзительно вскрикнул, распустил хвост, раскрыл крылья и, взлетев на плечо Яссы, охватил его голову крыльями, нежно прильнул головкой к его плечу. Выразив Яссе этим способом, которого он кроме меня до сих пор не применял ни к кому, свою любовь, он снова вернулся ко мне, взлетел ко мне на грудь и чуть не задавил меня в своих мощных объятиях, чему немало смеялись мои друзья. Успокоившись, Эта встал у моих ног, давая понять, что все сообразил и запомнил и что представления на этот раз кончены.

— Левушка, — обратился И. ко мне, — Я вижу, ты еще не всю почту разобрал. Но как бы ни было много в ней экстренного, сегодня для нее у тебя времени больше не будет. Сейчас мы все приведем себя в порядок и отправимся в трапезную. Прямо оттуда ты со мной и с другими пойдешь в дом Деметро, где соберутся все из оазиса Дартана, кто нашёл в себе силы и желание трудиться. После моей беседы с ними каждый из вас проведет остаток дня в беседах и оказании помощи тем из людей, кто обратится к вам за советом или с вопросами.

Через самое короткое время все мы уже были в трапезной и радовались встрече с Деметро, его матерью и сестрами-математиками, которых застали в беседе с Радандой у порога зала.

Приветливо поздоровавшись со всеми, но не задержавшись ни на минуту, И. прошел прямо к столу, где и мы все заняли наши обычные места. Вся группа собеседников Раданды также заняла места за нашим столом. Прямо против меня сидел Деметро рядом с матерью, и я имел достаточно времени, чтобы разглядеть огромную перемену во внешности их обоих. Деметро нисколько не походил сейчас ни на свой первоначальный облик, хорошо сохранившийся в моей памяти, ни на того гонца-страдальца, врезавшегося в мое сердце в оазисе матери Анны. Сейчас передо мною сидело уравновешенное существо, совершенно не искавшее личного выдвижения.

Он не был заинтересован в том, куда и как он поедет, где будет

трудиться и кем будет окружен. Я видел яркий свет в сердце Деметро, не раз подмечал его взгляд, почти с обожанием устремленный на И., и понимал, что жизнь новая, творческая, радостная начинается для этого человека. Его бодрости, казалось, нет конца, и ни малейшего разочарования или страха не мелькало в его ауре.

В сидевшей рядом с ним его матери все было наоборот. В ней с большим трудом можно было признать ту красивую и элегантную даму, которая принимала меня в своем доме около двух лет назад и которую тогда можно было скорее принять за его старшую сестру, чем за мать. Сейчас от ее красоты не осталось и следа. Она была старушкой, хотя держалась прямо и манеры ее оставались элегантными. Я видел, что какое-то горе сокрушило ее, разбило все ее будущее, а в настоящем она не нашла ни мира, ни спокойного подчинения неизбежным обстоятельствам. Она подчинилась им, как трагедии. Печальный, померкший взгляд когда-то красивых глаз ничего не выражал, кроме горечи, разочарования и безнадежности.

Я задумался о ее судьбе, о том, зачем это олицетворение безнадежности поедет в оазис Дартана, как получил ответ сразу на все свои вопросы о ней. Взгляд, который она бросила на сына, подметив его обожающий взор, устремленный на И., взгляд, точно в зеркале отразивший обожание Деметро, был разгадкой для меня.

Мать, обожавшая сына, пережила его обновление и переход в ученики Раданды, И. и Грегора как собственную личную драму, как разорение и опустошение собственного сердца. Любя его глубоко, она не сопротивлялась его стремлениям. Она сошла с его пути и не нашла себе места во вселенной, где могло бы ее сердце зацепиться за какой-нибудь труд или радость, чтобы включиться в общую жизнь людей. Крах личной привязанности сделал ее тенью Деметро, и все в его пути казалось ей гибелью собственной жизни.

Мне было глубоко жаль несчастную женщину, но я понимал, что никто ничего не мог сделать, чтобы облегчить ей ее путь, где без полной власти над обожаемым сыном она успокоиться не могла. Ее «я», "я", «я» давило ее со всех сторон.

Я перевел глаза на сидевших по другую сторону Деметро сестер-математиков, и сердце мое радостно дрогнуло, точно я соприкоснулся с источником живой воды. И Роланда, и Рунка, как пылающие цветы, испускали силу тепла, мира, энергии. Не только прежней неудовлетворенности не было в лице младшей, не только жажды опеки и поддержки со стороны старшей не искала младшая, но она как будто была

впереди по лившимся от нее струям спокойной энергии.

Трапеза была окончена, мы вышли все вместе вслед за Радандой и И. и направились к дому Деметро. Мне пришлось идти рядом с Леокадией. Женщина, очевидно, почувствовала мое доброжелательство к ней, так как не прошло и нескольких минут, как она мне сказала:

— Благодарю Вас за то, что Вы простили мне и моему сыну тот малопочтительный прием, который мы оказали Вам в нашем доме, хотя и знали, что Вы пришли к нам от Учителя.

— Стоит ли вспоминать об этом неудачном поступке, который так давно был и не оставил никакого следа горечи в моем сознании? Если в эту минуту он всплыл в Вашей памяти, то только для того, чтобы Вы ярче и глубже подумали, как много раз мы теряем важные и нужные нам встречи только потому, что не вдумываемся вообще в великий смысл нашего дня, который весь только и состоит во встречах и подготовке к ним. Я прошу Вас не огорчаться прошлым. Оно не существует более, Вы сами восстанавливаете его из праха энергией Ваших психических сил. Если бы Вы могли ясно видеть, как мутится Ваш дух в эту минуту в страстях скорби, горечи и беспокойства и как они мешают Вам проливать радость и ловить Свет, который окружает Вас и течет к Вам целыми реками от И.! Но кора Вашего упорного устремления только на одну рану сердца: "Сын отошел, для меня нет ничего больше в жизни", — кора непроницаемого Вашего эгоизма не позволяет ни одному лучу коснуться Вашего сердца. Только те сердца, что достигли мира, способны воспринять невидимые, но тем не менее глубоко действенные благие силы, окружающие их. Успокойтесь, отодвиньте от себя постоянно давящую мысль о себе и думайте о пути Вашего сына, если Вы действительно его любите. Вы представляете себе только иллюзию материнской любви, на самом же деле погружаетесь только в инстинкт животной любви, лишенной первого человеческого элемента: отдачи.

Простите, мы приближаемся к цели, кто знает, будет ли у меня возможность новой встречи и разговора с Вами, — прервал я Леокадию, явно желавшую мне что-то возразить.

— Если Ваша сила любви именно Сила той Жизни, что каждый из нас в себе носит, будьте бдительны в эти серьезнейшие минуты начала новой творческой жизни Вашего сына и постарайтесь найти в себе примиренность. Только полное Ваше самообладание, забвение себя и бесстрашие всех Ваших мыслей и суждений в течение всего времени, пока Учитель И. здесь с Вами, могут помочь Деметро сложиться в крепкую духовную единицу, где зло больше не сможет сломать его прекрасный и

чистый творческий путь.

Мы подошли к дому Деметро. И. остановятся, окинул каждого из нас пристальным взглядом, задержавшись несколько долее на Леокадии, и сказал голосом такой доброты, миролюбия и проникновенного внимания к каждому сердцу, что я радостно восторженно и получил еще один урок, что значит пощада Учителя.

— Остановитесь на минуту, мои дорогие друзья, не переступайте порога этого дома в смятенном состоянии. Глубоко-глубоко вверьте себя Великой Матери Жизни, вберите в сознание Ее закон целесообразности и понесите каждый в своем сердце ту силу доброжелательства к людям, до которой каждый из вас созрел. Перед началом каждого дела, каждой встречи и каждого нового творческого импульса сердца не надо стоять на перекрестке дорог и думать: "Куда? Как? Что могу я?" Но надо крепко стоять на твердой и пламенной дороге: "Любя, несу любовь, ею коснусь Любви встречного, а не телесной рамки его". Сосредоточьтесь. Вы войдете в дом, где люди много лет ждали момента этого свидания, и здесь воля к победе, любящая и стойкая, каждого из вас может помочь встречным только тогда, когда каждый будет в полной верности, то есть в паяном самообладании. Только в этой силе духа, напряженного до крайних пределов любви и мира, самоотречения и радости служить ближнему по масштабам духовных сил каждого, может совершиться предельное, вдохновенное озарение каждого встретившегося вам.

Мы постояли в полном благоговейном молчании несколько минут, в течение которых я и мои дорогие спутники — я четко это чувствовал — взывали к Владыкам мощи, к Великому, через них познанному, Благому Милосердному, твердя имя: "Санат Кумара".

Мы двинулись дальше и прошли к веранде Деметро. И снова, как в первый раз, говор многих голосов донесся до моего слуха.

Мы вошли в дом, И. пропустил первым Раданду, и вслед за обоими Учителями вошли все мы. Леокадия, точно пронзенная словами И., старалась не отходить от меня, шепча мне, что чувствует себя сильной и стойкой подле меня.

Я узнал комнату Леокадии, куда входил первый раз в сопровождении сестер-математиков. Все было в ней как бы так же, и вместе с тем все было по-другому. Что бросилось в глаза прежде всего — это огромное количество всевозможных работ, лежавших в порядке на многочисленных столиках Леокадии и Деметро, служивших прежде только столиками для еды.

За каждым из столиков стояли фигуры мужчин и женщин, которым

принадлежали разложенные на столах работы. И чего только тут не было! И тонкие кружева, и батистовые стопы белья и платьев, и изделия из слоновой кости, от довольно простых ножей до самых тончайших резных фигур, и чашки из стекла по моделям Грегора и Василиона, и прекрасные картины, и простые сандалии, и ковры, и детские игрушки, и книги, и рукописи, и огромные фрукты, и плоды...

Всего я даже не мог и взглядом окинуть. Огромная комната походила на выставку.

Да так оно, пожалуй, и было. Выходцы из оазиса Дартана встречали Учителя И. плодами своих трудов, где каждый подавал то, на что был способен. Как этот день, день смиренных тружеников, боявшихся, не покажется ли их труд великому Учителю недостаточным, не походил на тот бурный хор протестов и отрицания, которым был встречен Раданда здесь два года назад! Глубоким поклоном и молчаливой надеждой, с которой смотрели люди на И., был встречен Учитель. Учителем-грозою отображался образ И. в трепетных мыслях собравшихся здесь вчерашних грешников, и... Учителем пощады и радости вошел он сюда.

— Привет вам, друзья и братья, труженики на общее благо. Я вижу, что мне не надо задавать вам вопросов, добровольно ли и радостно ли вы выполняли ваш труд. Все, что я вижу здесь выставленным, излучает так много любви и доброй энергии усердия, что все вопросы об этой стороне дела излишни. Вы научились трудиться усердно, вы сами захотели включиться в жизнь Общины Раданды, но... почему вы боитесь? Почему в эту встречу со мною, значительности которой я не отрицаю, вы вкладываете так много страха и сомнений? Ваш ближайший друг и защитник, отец Раданда, неустанно говорил вам о бесстрашии и твердил вам, что вся сила и весь новый смысл вашего существования — научиться ничего не бояться. Не бесстрашие злодея, убивающего или грабящего свою жертву, если око закона его не видит; не бесстрашие сильного, понимающего, что его кулак бьет крепче; но бесстрашие знающего, что весь закон в нем живет, что внешнее есть только следствие, самим человеком сложенное от его внутренних причин, — вот то бесстрашие, к которому звал вас Раданда, к которому звал вас Дартан, к которому зову вас я и будет звать вас все Светлое Братство, в чьем бы лице вы его ни встретили. Мужайтесь, друзья. Оставьте этот ужасный предрассудок страха; выключитесь из суеверия возмездия и наказаний; перестаньте чувствовать себя стоящими перед великаном-Учителем; но признавайте себя, меня и всех здесь сейчас живущих единицами одного Творца, слугами Его, Его творящим дыханием Вечности; а в Вечности не может быть иного

закона, как закон любви и пощады: он же претворяется на Земле в закон причин и следствий. Чего, кого, где вам бояться?

Если все только в вас? Если Единое Все — неразделимо, как океан одной и той же Материи всей Вселенной, Материи, раздробленной на отдельные существа, часть из которых зовется людьми. Вы смотрите на звезды и солнце — и вы видите их светящимися. Почему? Да только потому, что миры эти, равные вам по Единой Материи, недостижимы для ваших недостатков; вы не можете перенести на них своей темноты, и потому они не меркнут от вашей близорукой тьмы. Почему же вы не видите людей светящимися? Потому, что раньше, чем встретить человека, вы уже ему привесили темные простыни собственного эгоистического мрака и увидели прежде всего этот — собственного порождения — мрак. Вы не Единого в нем искали самой простой добротой сердца, вы не оправдание его невежеству несли — вы искали понять, где он ниже вас, в чем он виновнее вас перед всей мировой жизнью, если только ваше мышление смогло уже расшириться до ощущения себя единицей вселенной.

В худшем случае — вы тонете в топкой болотной суете одной улицы или одного дома... Не унывайте, не печальтесь. Нет такого человеческого существа, которое не могло бы двигаться к совершенству, если оно поняло, что иного пути, как вечная эволюция, имеющая конечной целью это совершенство, для человека земли не существует. Будьте смелы. Не останавливайтесь в пути, чтобы оплакивать неверные шаги прошлого. Каждая такая остановка кладет на ваше настоящее разъедающий пластырь. Учатся на своих ошибках только те, кто вырастает духом, поняв свое вчерашнее убожество. Тот, кто окреп сегодня, потому что увидел в своем вчерашнем недоразумении или ссоре с людьми собственную ошибку и решил более ее не повторять, тот сегодня вырос на вершок во всех своих делах и встречах. Кто же залил слезами, жалобой, унылостью свою вчерашнюю неудачу, тот сегодня разделит судьбу сорного растения, которое обошло широким кругом даже голодное животное...

Представляя себе будущее, не ищите великих дел, высоких порывов и мечтаний о новой красоте, которую вы вольете в каждого, как широчайшую реку из молока и меда. Думайте только о своем текущем дне, помните, что каждая его минута — это ваша протекающая доброта. Ложась спать, отдайте себе отчет в трех вещах: 1. К каждому ли человеку вы были добры? Совсем просто добры? 2. Что вы вносили в дом или комнату людей, куда входили? 3. Чьим именем вы, знающие, что такое любовь, благословляли свои встречи, людей и всю земную жизнь, неотъемлемую частицу которой составляете? Следите за собой, но следите легко. Не изображайте из себя

знающих и строжайших наставников себе, как вы не желаете быть ими для других.

Душа каждого из вас — тот же нежный цветок, который нуждается в ласке и заботливости. Но надо понять, что собственная душа растет и очищается только силой той доброты, что источает сердце встречному, а не приказом воли, повиноваться которой без легкости и доброты — и есть путь злых... Завтра под предводительством Грегора, который назначен мною вам Учителем и водителем, в компании еще многих людей, также ему порученных, вы двинетесь обратно домой.

Многих из вас ждут горячо любящие дома, многим придется встретить пустыми свои бывшие дома. Не носите в сердце скорби, возвращаясь в оазис. Учитесь у Жизни Ее мудрости и стройте новый дом на новой силе своего сердца. Не несите в себе мелочи сожалений, что надо уходить из одних условий в другие, а несите всюду только одно: счастье жить еще один день в мужестве и мудрости, в единении с трудящимися неба и земли, в понимании, что небо и земля — Единая Любовь, Великая Матерь Жизни. Будьте благословенны; все, что будет надо вам знать дальше; все, что повысит ваше понимание творчества сердца в текущем трудовом дне, все скажет вам Грегор, а Дартан, Бронский и Игоро, которых вы здесь видите и которые тоже поедут с вами, помогут тем из вас в их личном образовании, кому велит Грегор ехать дальше в широкий мир за ним. Что же касается Василиона, которого доброту вы все хорошо знаете, и не раз он был многим из вас спасителем, то ему я поручаю всех ваших детей. Перестаньте считать себя хорошими воспитателями. Из многих сотен живущих здесь взрослых, постоянно наставляемых и поддерживаемых Радандой, вряд ли есть десяток людей, которых можно назвать громким именем «воспитателей». Большинство из вас, видя недостатки и грубость своих детей, даже не понимает, что это последствия ваших же собственных убожества, эгоизма и отсутствия доброты. Положитесь на Василиона и несите бремя воспитания детей так, как он вам укажет.

На этом И. закончил речь. Он стал обходить все столы, внимательно рассматривал все на них разложенное, беседовал с каждым человеком и, каждого обняв, каждому указав новый путь усовершенствования в его труде, после чего вышел из дома Деметро. В саду И. отпустил всех наших спутников, велел им приготовиться к пути рано утром, а мне приказал остаться подле него и Раданды. Расставшись с друзьями, мы прошли сокращавшими путь дорожками прямо к часовне Радости и, когда она стала виднеться на своем воздушном пьедестале, сверкая среди густой зелени и синевы неба, И. спросил меня:

— Хорошо ли ты, Левушка, помнишь наставление Великой Матери, полученное, когда ты возвращался к жизни, выйдя от Владык мощи?

— О, Учитель, мог ли я забыть хотя бы одну букву из Божественного указания? — ответил я поспешно. — Вот они, сияющие в моем сознании как огненная печать, незабвенные слова: "Теперь пойдя в часовню скорби и принеси туда цветок Моей радости и утешения. Во встречах серого дня не важно слово человеческой философии. Важно слово утешения, чтобы мог человек отыскать в себе путь ко Мне.

Я — не судьба. Я — не предопределение. Я — не неизбежная карма. Я — Свет в человеке, его Радость. Ко Мне нет пути через помощь других, но только через мир в самом себе".

— Живи же всем сознанием и сердцем в этой дивной радости гонца, получившего поручение от самой Жизни.

Помни, что гармония твоя — мост, по которому сходит энергия Света к земле. Иди путем мира, будь сам путем мира для всех скорбных и протестующих, для всех сковавших своему духу тюрьму собственными жалобами и слезами. Будь благословен.

И. подал мне руку, Раданда взял вторую, и мы стали подниматься по кружевной лестнице. О, как легко, как очаровательно было восхождение в часовню на этот раз. Никакой огонь не жег меня, и чем выше мы шли, тем легче мне дышалось. Когда мы вошли в часовню и все трое приникли к стопам Великой Матери — блаженство Радости, блаженство Любви, блаженство Бесстрашия и мира охватили меня, и я впервые понял раскрепощенное счастье земной смерти...

Я еще не имею права рассказать о пережитом здесь. Великая Мать подала каждому из нас Свой живой цветок, приказав перенести их в часовню скорби. Подавая цветок И., Она сказала:

— Заложи в часовне скорби первый Свет надежды и мудрости. Раданде прозвучало:

— Внеси в часовню скорби убеждение в пощаде и уверенность в доброте. Я получил приказ:

— Вложи в часовню скорбящих цветок мира и знание, что ничей труд не пропадает напрасно, если он подан в бескорыстии и в мыслях об общем благе. Вложи в цветок всю любовь своего сердца и всю просветленность своего сознания, чтобы каждый, прикоснувшись к образу Моему, почувствовал жажду вырваться из кольца слез, знать и постичь Истину.

Молча трижды склонились мы перед Великой Матерью и, укрыв свои цветы под плащами, вышли из часовни. Раданда шел впереди, я в середине, И. замыкал шествие.

Не только обычное сверкание шаров Раданды и И. видел я теперь, но точно корабль Света двигался вместе с нами по земле. Мы шли какими-то зарослями, узенькой тропочкой, по местам, в которых я не бывал, и даже не подозревал, что есть такая непроходимая чаща вереска и терновника в Общине Раданды. Цветущая чаща не имела в себе ничего устрашающего, но я четко понимал, что каждый, проникший в нее без провожатого, должен был неминуемо заблудиться, как в римских катакомбах древних христиан.

Совсем для меня неожиданно мы вышли к группам домов, раскиданных на большом расстоянии. Я не понял сразу, что именно произошло со мной, где мы, но весь я точно сжался, дышать здесь было много труднее, и ноги двигались так, точно вдруг на них повисли пудовые гири.

— Это эманации слез и скорби, Левушка, бьют так сильно твое тело, еще не привыкшее к чрезмерной разнице колебаний волн человеческих мыслей и чувств.

Пройдет несколько минут, и ты приспособишься к новому окружению. Прижми крепче свой цветок, и силы твои мгновенно восстановятся.

Мы пересекли селение, молчаливое, как будто вымершее, и вошли в густую аллею исполинских тополей. Она привела нас к широкой площадке, где полукругом росли могучие белые клены и в центре их высилась точная копия часовни Великой Матери, такая же резная и воздушная, но... совершенно темная. Сначала она показалась мне даже черной от яркого контраста с белой листвой, но в следующее мгновение я увидел, что и часовня, и лестница, и сама статуя — все было как бы вырезанным из темно-темно-серой жемчужины. Я остановился, пораженный неожиданным зрелищем, и услышал голос И.:

— Часовня этой зоны лет назад была белой. Она была дана в помощь людям, чтобы чакры их, обновляемые Светом радости и утешения, очищались, чтобы Жизнь-Радость, вливаясь в сознание молящегося, освещала сердце скорбного и помогала слабому. Но слезы и жалобы людей, вбираемые Великой Матерью, темнили своими психическими эманациями скорби, силу которых ты только что ощутил на себе, верхний слой покрова статуи. Вернее сказать, ложась веками на дивный, сияющий материал ее, они покрыли, точно чехлом, всю фигуру Великой Матери. И теперь она видится людям как бы вырезанной из темно-серого жемчуга. На самом же деле — взглядишь, ты увидишь, как сияет розово-белая фигура под слоем темных покрывал, что оставили на ней скорби, слезы, жалобы и болезни людей. Войдем.

Выполним великую задачу, возложенную на нас Милосердием. Раз в

столетие переносится сюда дар Любви Великой Матери в виде Ее живых цветов. Если бы Жизнь не обновляла Своих забот о страдающем человечестве, оно само задушило бы себя, равно как и источник своего вдохновения и Света.

Мы поднялись в часовню и все трое вложили наши цветы в руки Божественной фигуры, где уже лежали цветы почти черные, много темнее, чем сама статуя. Очевидно, к цветам больше всего прикасались руки и уста страдальцев.

Как только мы вложили принесенные цветы в руки статуи, точно огонь вспыхнул во всей часовне и над нею. Вся фигура, на один миг объятая пламенем, стала не черной, но темно-розовой, почти алой, когда пламя потухло.

— Боже мой! Это точно красный переливчатый жемчуг! — воскликнул я, пораженный и обвороженный чудесным явлением.

— Да, сынок, то жемчуг любви, то пощада и доброта, принесенные сюда Жизнью. То Свет надежды и мудрости, то мир и знание, что труд есть счастье, ибо всякий в бескорыстии поданный труд строит Общину мира, — сказал мне Раданда.

— Да будешь ты всюду гонцом легким и приветливым, гонцом-утешителем. Пусть обаяние твое помажет людям усвоить все то, что Жизнь повелела тебе перенести в толпу людей, — прибавил И., обнимая меня.

— Помни об этой минуте, когда мировая Энергия пролила Свой очищающий огонь в помощь человечеству и ты был свидетелем этого движения Воли-Любви. Никто из нас не имеет сил, равных этому феномену. Но каждый из нас может проливать везде огонь Своей Любви в помощь делам и сердцам людей. Не забывай никогда, кого несешь в дела и встречи, где и перед кем начинается и кончается твой серый день земли и что он есть в действительности.

Когда мы вышли из часовни и вернулись снова в селение печальных, я даже не узнал сразу унылого поселка. Точно ливень омыл дома и садики. Точно роса, неведомая пустыне, пробила пыльную пелену трав и цветов. Несколько взволнованных фигур показалось на порогах домов, а через самое короткое время возбужденная, в счастливых слезах толпа людей спешила к сверкавшей рубиновой пылью часовне.

Мы снова укрылись в чаще терновника и цветущего вереска. После довольно долгого пути мы подошли к домику Раданды у трапезной совершенно иной, неведомой мне стороны.

Оказалось, что времени прошло так много, что обед в трапезной давно отошел и не так много времени оставалось до вечерней трапезы. И.

приказал мне привести себя в полный порядок и сходить за Грегором, Василионом, Бронским и Игоро, а также за Андреевой и Ольденкоттом. Ясса, бывший тут, дал мне точные указания, где всех их найти, и позвал моего друга Эта, который мирно спал в сторожке, ожидая моего возвращения.

Моя дорогая птичка, конечно, ассистировала при совершении моего туалета в ванне Раданды. Но этого ей показалось мало, она прыгнула в бассейн и начала в нем полоскаться. Я испугался, что Эта утонет в глубокой воде, но шельмец преуморительно и с большой уверенностью, хитро на меня посматривая, совершал свой, необычный для павлина, туалет. Я понял, что и этот воспитательный прием происходит не без влияния педагогики Раданды, успокоился и хохотал так, что Ясса пришел унимать нашу чрезмерную веселость и порядочно выбранил нас обоих.

Проштрафившись во внешнем мальчишестве, мне все же было очень легко собраться в своих внутренних силах и, вытерев Эта после ванны, я зашагал в его обществе по указанным мне Яссой местам.

Скоро, гораздо скорее, чем думал, я собрал всех своих друзей и привел их к И. — Дорогие мои, — обратился к ним И., - сегодня в последний раз в Общине Раданды я могу поговорить с вами. Я надеюсь, что ни у кого из вас ни на минуту не мелькнет мысли сожаления, что вы расстанетесь со мной. Идите в будничную жизнь людей и несите им те новые психические силы, которыми вы для них одарены теперь.

Раскрывая вам великую сокровищницу сил природы, Великий Владыка Земли видел в вас свои мосты, по которым должна проливаться Его энергия земле. Идите же и творите волю Его. Как творить — вы знаете, научить нельзя. Творчество — в вас.

Оно одухотворено огнем Вечного — идите и сейте, зная, где сеять, и помня, как выбирать места, чтобы сеять, а не метать бисер перед недостойными. Будьте благословенны. На рассвете вы все выедете в оазис Дартана. Вы же, — обратился И. к Наталье Владимировне и Ольденкотту, — не остановитесь у Дартана, а проедете прямо в Общину Али, куда вас доставит небольшой вооруженный отряд во главе с Яссой. В Общине Али передайте мое письмо Кастанде, и он немедленно же отправит вас в Америку, где вы найдете еще Учителя Венецианца и получите от него все необходимые вам указания.

И. обнял всех своих соратников-учеников и надел каждому из них на шею свой портрет такой чудесной работы, что я заподозрил и здесь его собственный труд.

Вскоре раздался гонг к вечерней трапезе. Окончилась и эта, последняя

для моих друзей общинная трапеза, поднялся Раданда, и полился его мягкий, любовный голос:

— Не вижу здесь печального флера прощания и не слышу ни в одном сердце перебоев смущения перед отъездом в далекие и неведомые места новых трудов. Так, дети мои, начинают всегда новую жизнь те, кто понял жизнь вечную. Кто принял все свои земные обстоятельства как обстоятельства той рамки, в которую вправлена его искра Вечности, и их благословил. Не начинайте ни одного дня, ни одного дела, не устремив вашего духовного взора к тем далеким мирам, откуда вы вынесли свое знание. Радуйте и радуйтесь. Любя побеждайте и несите только оправдание той невежественности, в которую вас отправляет служить закон Великой Пощады.

Трудясь, не храните в сердце усталости и на челе пота. Но храните в очах и духе один образ: образ пославшего вас.

Всех благословил Раданда, каждому из уезжающих шепнул какие-то слова, а И. давал каждому маленький медальон, изображавший чашу с горящим в ней огнем. — В последний раз, Левушка, спасибо за все, — услышал я голос Натальи Владимировны.

— Все, что делали Вы для меня раньше, возможно, мог бы сделать и еще кто-то. Но то, что Вы сделали для меня в лаборатории Владыки-Главы, могли сделать только Вы. Этим поступком Вы привязали меня к себе канатами вечной благодарности. Будьте благословенны и не забывают меня в своих мыслях, как и я Вас не забуду в своих молитвах.

Она была единственная, с кем я обменялся прощальным словом. И. приказал взять мне на себя многочисленные обязанности Яссы и затем пойти разбирать почту, где и дождаться его прихода.

Выполнив все обязательства Яссы, обойдя нескольких его больных, я возвратился в наш домик и уселся в комнате И. за разбор его писем.

Я не присутствовал при отъезде моих друзей и их многочисленного каравана. Я только принимал на рассвете их прощальные приветы и отвечал каждому из них всей любовью сердца и мира, на какие был способен.

Глава 33

Еще раз часовня и поселок плачущих. Речь И. плачущим. Мое прощальное посещение часовни Радости. Прощальный вечерний пир в Общине Раданды. Последняя речь И. на нем. Наш отъезд в Общину Али

Мысленно я провожал весь караван в далекий путь по пустыне. Как много раз уже провожал я дорогих мне людей в их новые пути труда. Как разнообразны были их и мои переживания при прощании с ними. Незабвенные образы вспомнились мне сейчас: Беата и сцена ее прощания в Общине Али, как и дорогой Аннинов, занимали немалое место в моем сердце. И все, кого я видел уходящими из Общин Али и Раданды до сих пор, все уходили в печали и слезах.

Впервые отправлялся караван с темнокожими — в неведомые им страны, в чуждые условия — и уходил он легко, весело, просто, бесстрашно. И вели его также весело и радостно мои друзья, для которых теперь не существовало ни внешних, ни внутренних условностей. Они не «уходили», что-то и где-то "покидая", — они «продолжали» свой творческий путь, всюду видя одно: быть радостными мостами Вождю, передававшему через них людям Свои дары любви.

Я углубился в эти мысли, меня восхищали мои чудесные друзья — теперь люди силы и цельности — которых я так сравнительно недавно знал колеблющимися, занятыми собой и не способными на иные решения, как компромиссные. Я посылал им свое восхищение и благоговейную любовь их делам и встречам...

— Левушка, ты как будто бы не очень прилежный секретарь, мой милый друг, — услышал я сзади себя смеющийся голос И. — Напротив, Учитель. Мое, или, вернее сказать, твое мне задание уже исполнено.

Немало в этих бумагах к тебе просьб и стонов, но вот одно письмо заставило меня глубоко задуматься, и я не знал, куда его отнести. Я оставил его особняком, так как не мог решить, что и как предпримешь ты, — ответил я.

Я подал И. написанное женской рукой письмо, подписанное именем «Дженни».

— Об этом письме я знаю. Отложи его в сторону. После мы о нем поговорим. А сейчас, как только ударит колокол, пойдем в трапезную и оттуда вместе с Радандой отправимся в поселок печальных. Ты был

свидетелем, как Любовь посылала Свои очищающие эманации Земле. Эманации такой силы, что человеческий организм мог их воспринимать только как огонь. Сегодня ты вместе с нами понесешь свою любовь в это священное место, где Великая Мать дала людям возможность стряхнуть с себя уныние и груз слез со своих сердец. Не думай, что ты все еще недостаточно крепок духом или высок по своим эманациям, чтобы помогать скорбным обретать мир. Нет предела совершенствованию, и неважно, кто выше, кто ниже к звездам. Важно в своих масштабах доходить в каждом действии до конца, в собственном самоотвержении быть верным до конца Единой Жизни. Нести людям уверенность в знании, что жизнь Земли — вся, без исключения, земная вселенная — есть фаза, одна из проходящих и изменяющихся форм, в которых ты, я, Али, Раданда, Мулга и Беньяжан, пустыня и звезды — искры Единого, мерцающие, гаснущие, мигающие или горящие ровным Светом. Не твоя форма данного сейчас служит мостом Жизни для Ее посылки Своих сил Земле, но твоя Вечная Сила, которую ты не можешь сделать ни хуже, ни лучше сейчас, если вчера ты жил только мечтами о действиях, а действовали другие, рядом с тобой шедшие, огонь духа которых был, быть может, много меньше твоего. Но они действовали, а ты думал, как будешь действовать, и упустил в бездействии свою Вечную Силу, потеряв летящее «сейчас» без пользы и смысла.

Как обычно, ударил колокол, как обычно, мы совершили свой утренний туалет и, как обычно, провели время в трапезной. Но далеко не как обычно было у меня на душе.

Я точно проснулся еще раз к новому пониманию, что значит действовать. Мне показалось, что самый день не тянется с утра и до вечера как некое количество часов и действий в них, но что он есть только узенькая тропочка Бесконечности, по которой идет человек.

После трапезы мы вышли той же аллеей, по которой возвращались вчера, к зарослям вереска и терновника и подошли к часовне скорбящих. О, как была прекрасна часовня — алая, сияющая и переливающаяся — на фоне синего неба и белой листвы! Только сейчас, казалось мне, я оценил полностью великое Милосердие, пославшее вчера на моих глазах Свое действие Земле...

Вокруг часовни мы нашли многочисленную группу людей. Не было ни одного человека, который бы здесь не плакал. Особенно раздиравшими душу слезами рыдала одна женщина, державшая прелестную белокурую девочку на руках. Многие имели такой жалобный и истощенный вид, такая безнадежность сковывала их формы, что мне показалось невозможным

вывести их из этой летаргии отчаяния.

Некоторое время мы молча стояли, никем не замечаемые. Я увидел, что от шаров И. и Раданды шли мощные лучи к особенно убивавшейся женщине, постепенно обнимая всю ее и ребенка своим светом. Мало-помалу стихали крики женщины, лицо, конвульсивно дергавшееся, становилось все спокойнее, и наконец на нем разлилось выражение мира. Она прижала еще крепче к груди тихо уснувшего ребенка, склонилась к ступеньке лестницы и замерла, точно обретя вдруг успокоение.

По мере того как стихало отчаяние женщины, лучи Раданды и И. все шире и шире охватывали, всю группу плачущих страдальцев. Слезы и вздохи их стали постепенно стихать, и все они, точно сговорившись, вдруг оглянулись на нас. Дав мне знак следовать за ним, И. взошел на ступеньку часовни и обратился к не сводившим с него заплаканных глаз несчастным людям с нежными и ласковыми словами:

— Друзья мои, мои бедные, плачущие братья и сестры! Сколько слез вы пролили в вашей жизни! Сколько раздирающих молений вы послали небу в вашей жизни раньше и у этой часовни теперь. И... сколько упреков вознеслось здесь же из ваших сердец за то, что слезные ваши мольбы оставались без ответа. Так ли это? Так ли жестоко молчит «мертвое» небо, как это вы утверждаете в ваших упреках ему? Так ли безответны «святые», к которым взываете, или, быть может, занятые слишком много собою, своими слезами, вы не в силах ни ясно видеть, ни точно слышать подаваемых вам знаков пощады и милосердия? Вчера вы видели эту часовню темной. Вам кажется, что это вы «омыли» слезами каждое резное украшение часовни. Что сердце каждого из вас отдало самый драгоценный дар этой часовне — свои слезы. Вдумайтесь: если ваши глаза плачут — могут ли они что-либо ясно видеть? Хотя бы настолько ясно, чтобы заметить рядом с вами стоящего страдальца? Нет, плачущий — плачет о себе. Он так глубоко занят только самим собой, только своей горестью, что рядом с ним стоящий не пробуждает в нем ни сострадания, ни желания хотя бы на минуту забыть о себе и помочь его печали. Сейчас вы перестали плакать. Но перестали вы плакать не потому, что я вызвал в вас, извне, новые эмоции к жизни — доброту и сострадание, — но потому, что Жизнь, спалив невидимые вам, но вами же нанесенные горы слезных эманаций, помогла вам раскрепостить в себе зажатый скорбью дух и убитую временно собственным унынием энергию радости. Сейчас вы дышите легче. На вас не лежит больше грубого савана печали, который не давал вашей мысли заметить главного феномена в жизни земли: момент переживаемой скорби — не есть вся жизнь. Земля, форма жизни и действий на ней — это только

одно мгновение того вечного пути, что вы шли, идете и будете идти. Кто вы? Почему вы попали сюда? Вы даже не знаете, что вы живете в далеком, но высоко культурном уголке Земли, где процветает энергичная жизнь науки, искусства, ремесел, откуда немало изобретений выброшено в широкий мир для пользы и блага людей. Вы не отдаете себе отчета — ни кто вы сейчас, ни кто живет вокруг вас. Вы плачете, безразличные к жизни сейчас, как плакали тогда, когда покидали мир. Вы покинули его, безразличные ко всей жизни, потому что каждый из вас потерпел крушение в своей личной жизни. Вас подобрали члены этой Общины в разных местах мира, иные из вас сами пришли, жаждая только одного: жить в уединении и не быть тревожимыми в своих слезах. Нашли вы себе в слезах облегчение? Помогли вы хотя бы одному человеку, рядом с вами скорбевшему, энергией своего сердца, лаской, добротой? Вы только свое горе видели, и кроме самих себя никто для вас не существовал.

Вы молились, прося только о себе и своих и, жалуясь, все же продолжали жить, считая, что совершаете подвиг высокого самопожертвования, ведя бесполезную, слезливую жизнь. Жизнь — это ежеминутное действие. Это вечное движение, имеющее целью закономерность вселенной и целесообразность в ней. Живет в истинном смысле слова только тот, кто входит в это Вечное Движение как гармоничная его единица, ухватившая ритм Его для своих трудов и действий. Нет остановок в беге Вечной мощи, как не может их быть и в действиях тех, кто считает себя человеком, то есть искрой Единой Жизни. Но для того, чтобы войти в труд — всеобщий труд вселенной, — надо, чтобы глаза могли ясно видеть, уши точно слышать и сердце четко стучать в ритме Единого и Вечного Движения. Я сказал: очи, что плачут, не могут видеть ясно. Так же и уши тех, что жалуются, сетуют и слышат только уныние собственного сердца, не могут услышать зова Жизни. И сердце, стучащее в минорной гамме, стучит монотонно: "я, я, я".

Такое сердце знает только страх будущего и раздирающую тоску прошедшего. Но текущей минуты, летящего «сейчас» оно не в силах ни видеть, ни слышать, так как за стонами и страхами о несуществующем прошлом и не менее эфемерном будущем оно мертво для летящих сейчас мгновений, то есть именно для истинной Жизни. Вы, бедные мои братья и сестры, вы, считающие себя живыми, несущими великий подвиг любви, вы, унылые плакальщики и плакальщицы, — вы мертвецы. Возле вас не только люди не могут сохранять жизнерадостного вида; не только дети не могут смеяться; не только травы и цветы вянут и сохнут, но даже сама Любовь покрывается темной пеленой вашей скорби. Разве вы посланы на

Землю, чтобы думать только о себе?

Разве, если жизнь дана вам — допустим даже и этот эгоизм — для мыслей только о себе, то значит ли это терзать себя и ранить всех видящих вас в таком виде плакальчиков? Жизнь послала вас на Землю, дав вам эмблемой Себя Радость. Вы же, утаив Ее дар, превратились в бесполезные урны печали. Вы стоите на месте, даже не видя, как бегут дни. Вы мрачно смотрите в землю, не задаваясь вопросом, зачем взошло сегодня солнце? А оно взошло, чтобы сила Света в вас не угасла, чтобы вы подняли лица к небу не с мольбой "Помоги нам!", но с улыбкой: "Мы Твоей доброте гонцы". Перестаньте видеть добродетель в оплакивании неудач личной жизни. Отрите глаза, откройте уши — и вы сможете услышать тихий голос Радости, говорящей вам: "В себе несешь Бога. Он жив в тебе. Ищи понять, что ты всегда не один, что все в тебе. Но все открывает Свой лик только Радостному". Вы живете в этом углу, за этими зарослями, и даже не предполагаете, что вблизи вас стоит часовня Радости и там живут люди, понявшие бессмысленность слез. Ни одно ваше действие не приносит и не может принести вам облегчения, так как вы отравляетесь вечным раздражением слез. Ответственность за собственную жизнь тяжело падает на каждого человека.

Каждый из вас должен рассматривать себя как самоубийцу, губящего свою жизнь медленным ядом — слезоотравлением. А как рассматривать вас с общественной точки зрения? Кто вы для общества? Для ваших детей? Для всех тех, кто встречается вам в делах дня? Разве вы не понимаете, как убийственно вы действуете на встречаемых вами здоровых людей? Вы думаете, что это не преступление — прервать веселую улыбку ближнего, не подумав о нем, о его радости и равновесии, ворваться в его окружение ураганом скорби и слез? Если разорвать мир счастливого, твердого характером и самообладанием человека своими слезами преступно, то что же сказать о слабых, колеблющихся, которых так легко сбросить с их шатких лестниц гармонии.

Поймите, с этого момента и навсегда, что смысл каждой прожитой вами минуты состоит только в утверждении чьих-то лучших сил. Не там вы трудились, где вы, сжав зубы, готовы были ежеминутно послать крик негодования и протеста против тяжести вашего труда и неудач вашей жизни. Если вы даже? не открыли рта и не произнесли своих жалоб, то сердце ваше, заполненное мутью непролитых слез, уже соткало вокруг вас непроходимую стену дисгармонии. Развязать веревки слез, которыми вы сами себя опутали, сжечь чехол уныния, в который вы себя засадили, можете только вы сами, но не те «святые», к которым вы взываете. Чтобы

получить ответ от тех, кого зовешь, надо создать чистые пути к себе и вокруг себя, по которым могли бы пройти к вам их ответы. И прежде всего надо вылезти из чехлов слез и уныния, в которых вы сейчас сидите. Как это сделать? Путь для всех единиц Света только один: Радость. Вы можете найти и войти в этот путь Света только собственным трудом духовного обновления. Надо понять, что весь ваш день труда, который начинаете и кончаете слезами, не существует как кусок вашей вечной жизни. Это только бесполезная остановка невежественности, не понимающей, что каждое летящее мгновение жизни Земли — это мгновение Вечности. Но оно только тогда им бывает, когда прожито в полном сознании своей неразрывной связи с Вечным Движением. А эта связь может выражаться только как бодрость, доброта и примиренность со своими обстоятельствами. Можно не доходить до величайших откровений духовного мира, хотя они доступны каждому и преград к ним нет. Но если не дойти до элементарного понимания, что Земля есть место труда и бодрости, энергии в доброте и мире к ближнему, — войти в путь Света нельзя, хотя бы вы промолились и проплакали все свое воплощение в храмах, у ног всех святых неба.

Вы — унывающие — только и встретите мертвое небо, потому, что мертвы вы, а не оно. Встрепенитесь, оглянитесь вокруг и взгляните на стоящих рядом с вами таких же скорбных и плачущих. Вы слышали стоны и крики женщины с ребенком, но вы были глухи и немые к ее скорби. Найдите в себе самую простую доброту и взвалите на свои плечи тяжесть ближнего, забыв о себе и своих столах. И вы найдете то место, где живет Радость. Перестаньте плакать хоть на мгновение — и вы увидите, где живет Свет в человеке, что стоит рядом с вами. Перестаньте вслушиваться в неудачи своего личного пути, осушите свои слезы-ивы увидите всю вселенную не в алмазах звезд, но в живых образах Радости... Завтра придет к вам Раданда, и, если найдет среди вас кого-либо, кто сможет забыть о себе и подумать о помощи своему соседу, он уведет их из этого места слез в цветущую Общину; там они смогут найти себе труд по своим вкусам и склонностям. Но надо понять, что жизнь дается для действия на Земле, для приложения всех своих сил доброты и радости к ее делам.

Надо четко усвоить, что нет отъединения и разделенности от людей. Есть только Единая Жизнь, ритм которой стучит во всех сердцах. Каждое сердце стучит и звенит своей нотой, но нота эта попадает в общую гармонию только тогда, когда она выражает бодрость, доброту и радость, то есть находит путь, чтобы влиться в ритм Жизни. Глядя на совершенные формы этой алой Божественной фигуры, осознайте, что

Любовь пролила вам Свою помощь, спалив ваши эманации уныния, и учтите все отсюда вытекающие последствия. Таким же образом Любовь сжигает в катаклизмах непереносимые больше и вредные для процветания Земли и ее населения злые и позорные результаты человеческих действий... Будьте благословенны, дорогие мои братья и сестры. Стремитесь к освобожденности, так как только свободный от груза собственных страстей может услышать ритм Жизни и почувствовать себя единицей всей вселенной. Первый признак радости, которую узнаете в своем сердце, будет и первым признаком вашей начинающейся освобожденности.

И. сошел со ступеньки лестницы, нежно и ласково отвечал на вопросы и мольбы приходящих к нему людей и передавал каждого Раданде, говоря те или иные слова любви, сострадания и наставления. Затем он совершил еще один феномен, которого я до сих пор ни разу не видел. Он закрыл густым светом себя и меня, заставив шары своих чакрам излучать один белый, похожий на дневной свет. Мы оба так плотно укрылись в непроницаемой для глаз пелене его света, что стали невидимы окружающим нас людям. Теперь они видели перед собой только одну фигуру Раданды, сгруппировались плотным кольцом вокруг него, а мы отошли от часовни и исчезли в зарослях вереска, где И. сейчас же принял свой обычный вид.

Он быстро шел впереди меня, и мне не нужно было спрашивать, чтобы понимать, как глубоко он сосредоточен. Пытаясь, по возможности, меньше беспокоить И. в его раздумье, я замедлил шаги и старался идти как можно бесшумнее, оберегая его священный для меня покой.

Перед моими глазами все стояли скорбные фигуры только что виденных подавленных печалью людей. Мысли мои неслись вихрем от них к Браццано, Беньяжану, выходцам из тайной Общины, потерявшим и вновь обретшим Светлый путь, и остановились на чудесном лице матери Анны.

О, путь человеческой души! Путь безмерного разнообразия — от самых элементарных горестей до величайшей преступности и подъемов героической радости! Путь от великих шумных городов и столиц до маленьких сел и пустыни! Все один и тот же путь пробуждающегося и расширяющегося сознания. Путь, только тогда приводящий человека к творчеству, когда он обрел мир и самообладание. Путь, завершаемый светлыми фигурами тружеников, вроде шедшего передо мной И. и оставшегося позади Раданды, где уже нет грани между человеком и ангелом, но где живет только труд полной освобожденности. И всем, всем — только один этот путь вечного и неустанного совершенствования.

Я молил Владыку-Главу склониться перед великим алтарем в его лаборатории, который он называл рабочим местом Бога, и произнести мольбу о покинутых нами плачущих, так противоестественно видевших великое достоинство в своих слезах...

— Ты мне не мешаешь, Левушка, — услышал я мелодичный голос И., показавшийся мне еще добрее и ласковее обычного. — Ты мне давно уже не мешаешь, друг, и потому можешь не отставать и не исчезать, если я тебе этого не предписываю, — улыбаясь, продолжал он. Ты и не угадываешь, до чего скоро начнется твоя деятельность без меня и даже вдали от меня, Левушка. Вместе с тобой мы выедем отсюда в Общину Али. Там ты пробудешь очень недолго, и причина нашей разлуки и твоей будущей ускоренной самостоятельности и есть то письмо, что ты не знал, куда отнести, и что подписано: «Дженни». Письмо это переслал сюда сэр Ут-Уоми, которому оно непосредственно адресовано. Я не буду тебе сейчас ничего говорить о той, что его писала. История эта началась года три назад в Лондоне. В ней участвовали лорд Бенедикт и сэр Ут-Уоми, спасая нескольких людей от козней Браццано. Все подробности ты узнаешь от самого сэра Уоми, прямо к которому поедешь, мало задержавшись в Общине Али. У сэра Уоми ты найдешь себе верную помощницу и спутницу Хаву, так тебя испугавшую когда-то. Ты не имел еще возможности оценить величайшего героизма этого чистого сердца. Теперь в общем труде освобождения несчастной Дженни ты узнаешь, кто такая Хава и на что способна верность и преданность до конца освобожденного сердца. Сразу несколько задач ложатся на тебя. Ты вырвешь Дженни из ужасных рук Браццано. Ты поможешь Анне, посвятив ее в часть своих новых знаний, и призовешь их обеих в Общину Али.

Не ты будешь провожать Дженни в тайную Общину, где ее придется укрыть. И бороться за нее будешь ты не один, тебе помогут сэр Уоми и Ананда, они же позаботятся о ее дальнейшей судьбе. Но ты, Хава и Анна будете ей защитой в пути до Общины Али. Не так бурно, как за Дженни, предстоит тебе бороться за Жанну, и тут у тебя тоже будет преданный помощник — князь. Борьба предстоит тебе длительная и нелегкая, сын мой. И за время твоего отсутствия в Общину Али приедут брат твой и Наль, Венецианец и многие его сотрудники. И не твой взгляд встретит первый взгляд брата-отца. Нет ли в сердце твоём, Левушка, малейшего намека на досаду, что кончается твоя счастливая жизнь подле меня? В полосе Света ты живешь сейчас, и предстоит тебе спуститься в тревожные эманации людей, обуреваемых страстями и преступными склонностями. Огорчен ли ты? Сжимается ли твое сердце от сожаления, что самые

близкие и дорогие тебе люди, возвратившись, не найдут тебя там, где думали встретить тебя немедленно?

— О, Учитель, ведь ты читаешь в моем сердце и видишь его до дна! Как было бы ужасно Учителю растить учеников, на которых нельзя рассчитывать как на силу, которой можешь распоряжаться и на которую можешь положиться именно там, где нужно, и именно так, как нужно для дела, данного «сейчас». Мое беспрекословное повиновение тебе — вот моя радость; мой труд для Светлого Братства — вот мое счастье.

— Будь благословен, мой мальчик, я дам тебе Яссу в спутники. Тебе не придется думать о мелочах жизни, он будет тебе верной нянькой-другом. И вся сторона условности и связанных с ними забот не будет тебя касаться. Ты будешь занят только духовной стороной дела и теми внешними положениями, которые будут необходимым следствием твоих задач духа. Связь твоя со мной будет неразрывной, и помощников тебе я буду посылать все новых по мере надобности.

Мы подошли к нашему домику, и здесь нас ждал уже брат-распорядитель из Общины Али. Он сказал нам, что привел Раданде целый караван груза и людей от Али и имеет распоряжение Кастанды захватить нас с обратным караваном. Специально для нас он захватил двух мехари, шедших сюда без всадников.

В это время раздался удар колокола. И. поручил своему келейнику Славе озаботиться всем для дальнего гостя и привести его в трапезную, где будет Раданда и где сообща решатся все вопросы.

Вплоть до самого окончания трапезы я не имел ни минуты подумать о нашем быстром отъезде, обо всех встреченных мною за это время людях и дорогом Али, в Общину которого предстояло возвратиться и, быть может, снова увидеть его дивную белую комнату. Люди сыпались на меня, как орешки из кедровой шишки, и я едва успевал заниматься их текущими нуждами. После окончания трапезы И. сказал мне:

— Ты свободен, Левушка, до вечерней трапезы. Это первые часы отдыха, которые я предоставляю лично тебе за несколько лет жизни со мною. Забудь обо мне, обо всех своих обязанностях и проживи их так, как найдешь нужным. Только одни сутки будет караван отдыхать, а затем мы покинем надолго эти благословенные места. Иди, друг, мир с тобой.

И. нежно обнял меня и прошел в покои Раданды, уводя с собой брата-распорядителя.

Я вышел одной из новых, в самое последнее время узанных мною, скрытно вьющихся в зелени тропинок из покоев Раданды, чтобы провести в полном уединении предоставленные мне часы отдыха. Мой друг Эта, зорко

карауливший все мои выходы из трапезной, наверное, не согласился бы оставить меня одного, считая, что он и так предоставляет мне слишком много свободы.

Сначала я шел этими уединенными тропами, не задаваясь определенной целью. Но чем дальше я отходил, чем дальше отодвигались привычные звуки обиходной жизни, тем легче мне дышалось и тем яснее я сознавал свое слияние с природой.

Постепенно углубляясь, я зашел в заросли вереска и терновника, миновал часовню плачущих и стал искать исполинскую аллею тополей, приводящую к часовне Радости.

Проблуждав некоторое время, я все же ее нашел и вышел к темным кедром, опоясывавшим белую часовню. Как недавно я здесь был и видел отчетливо это чудо искусства, поданное Самой Жизнью этому избранному Ею куску пустыни. И казалось мне, что я видел всю красоту часовни и всю божественную гармонию статуи. Но в эту минуту я понял, что очи духа моего раскрылись шире и физические глаза увидели то, что еще так недавно оставалось мне незримым.

Вся статуя, бело-розовая, испускала целые тучи мелких золотых шариков, распылявшихся по всем направлениям и убегавших точно искры во все окружавшие часовню предметы. Я видел, как мощные кедров поглощали эти шарики, как они исчезали в цветах и пролетающих мимо птицах, как они напитывали землю и корни растений. Углубившись взглядом в землю, я увидел, как под землей, из-под часовни, пылая, неслись огромные огненные ручьи, разливаясь по всем направлениям Общины Раданды.

Явление подземного огня, которое я наблюдал и под часовней Радости в оазисе матери Анны, но во много, много раз сильнее, ярче и больше, я видел здесь. Я был поражен этим зрелищем и тем, что мог не видеть его раньше.

Я остановился у лестницы, и вся сила моего внимания сосредоточилась на Божественной фигуре Великой Матери. Я благословлял человека — творца-ваятеля, чьи руки были так чисты, что могли отразить черты, Откровением посланные Земле.

Окружающее перестало существовать для меня, как Земля, отделенная от всей вселенной. Все скорби и слезы, все унижения и печали, радости и личные достижения — все исчезло как мир одной земли, как формы, живущие одно короткое мгновение земного воплощения. Я видел в себе и во всем только одну тропу Бесконечного. Никогда еще так ясно не сознавал я монолитности Жизни, кажущейся такой раздробленной в миллионах

одухотворенных и неодухотворенных форм.

Я поднялся в часовню и приник к стопам Великой Матери. Я молил Ее благословить мой новый труд и путь самостоятельности, я жаждал развить — в меру моих сил и возможностей — всю мою верность до конца. Я услышал голос: "Сказано тебе — только радостный видит ясно и может действовать в полную меру вещей. Из всех наставлений помни глубже всех одно: кто хочет до конца своей верности служить Единой Жизни, тот ни на минуту не может выйти из кольца радости.

Каждое дыхание того, кто идет в мир для Сотрудничества с Единым, должно быть чистой радостью и наполнять все окружающее бодрой энергией.

Нет иного завета светлomu сыну, как завет неомрачаемой радости.

Эпохи войн, упадка этики и нарушения устойчивого равновесия в людях, уродливого разложения честности и чести — ничто не может нарушить радости тех, кто вышел не на бой с пороками братьев-людей, но вышел гонцом Любви, неся Ее завет мира.

Радость не звенит, как золотая денъга, и не блестит, как лучи серебра. Радость бьет грешника, заставляет задумываться злодея и окрыляет чистого, если ее несет сын Света, верный до конца".

Голос умолк, но в руке моей очутился цветок Великой Матери, точь-в-точь такой, какой дала Она мне в мое первое посещение часовни.

Если в тот первый раз я весь был объят огнем восторга и сознавал себя физически слабым и даже еле живым, то сейчас сердце мое было полно мужества. Я торжественно брал на себя дивное обязательство быть гонцом Радости. Я впервые почувствовал в сердце великое счастье всем существом любить Бога и все Его формы Жизни.

Простая доброта слилась во мне с уверенностью, что больше мне не надо «думать» о том, что я всегда не один, что всегда нас двое: мой Господь и я. Я сознавал себя неразрывно в Нем и Его в себе и только так мог теперь воспринимать всю вселенную и свой труд простого серого дня в ней.

Мой новый путь, предстоящие в нем труды и скорая разлука с Боголюдьми, как Раданда и И., - все было для меня только тропой Бесконечного, и мысли о себе уже не только не тревожили, но и не существовали.

Во мне не было больше перерывов сознания, что работа Учителя — работа, проводящая те или иные силы Откровения, а какое-то дело летящего сейчас — только простой умственный или физический труд, не идущий дальше обихода земли. Я не мог больше иметь ни скользящих встреч, ни пустых мелких дел — все, что я думал, видел, делал, — все

становилось теперь делом не одного меня, во всем было действующих двое: мой Господь и я.

Как когда-то в моменты высокой духовности, я испытывал особенную тишину в сердце, особенное спокойствие, так и сейчас я не ощущал границ своего тела и песка пустыни. Я твердо знал, как далеко идут лучи Света, как они сопровождают каждого в его трудах и делах, если эти труды и дела ведут двое: человек и его Бог.

Мне послышалось вдалеке, в пустыне, пение, и я узнал неземные, похожие на звуки хрустальных колокольчиков, голоса Владык мощи. Я узнал Гимн, который они пели, и понял, что они посылают мне благословение в мой новый путь.

Сосредоточившись глубже, я увидел всех семерых Владык мощи стоявшими у подножия своей лаборатории стихий и посылающими мне благословение. Я вспомнил последние слова Владыки-Главы, с которыми он отпускал меня в мир, о том, что в физическом теле я возвращусь к ним еще раз и не скоро, но что видеть лично его, Владыку-Главу, и моего доброго Владыку-Учителя я буду не раз.

Теперь я видел их всех, принял их прощальное напутствие и понял, что буду и ими поддержан во все величайшие минуты напряжения, труда и борьбы, если только руки мои будут достаточно чисты и дух мой будет жить неразрывно слитым с Единым во мне.

Ничем не нарушаемая вокруг тишина, торжественный покой и радость внутри меня — все создавало такую гармонию, такое счастье жить, что я не заметил, как спустились короткие сумерки пустыни. Новая энергия жить в понимании себя посланцем Светлого Братства лилась из меня целыми струями радости, и вместе с тем я чувствовал, как тело мое поглощает золотые искры Великой Матери, становясь все крепче и бодрее.

Я принял в прощальном лобзании к Божественным рукам и давал обет нести энергию Света и помнить, что в труде среди людей каждое мое дыхание должно быть выдохом только радости и мира. Я погрузился в глубочайшее счастье, имени которому нет на человеческом языке...

Меня вернули на землю слова И., взявшего меня за руку:

— Сын мой. Много раз в жизни ученика чередуются периоды труда и отдыха. Но отдых ученика не похож на отдых обычного человека. Отдых его — это тоже труд, и очень напряженный труд, все для той же цели: блага людей. Отдых ученика — отдых-труд, это и есть повышение своих духовных сил, и следствием, отсюда вытекающим, идет повышение в знаниях тайн природы. Перед тобой лежит новое широкое поле труда, в котором ты будешь победителем, ибо ты вошел в ту ступень духовного

сознания, где ты и твой Господь действуете вместе. С момента такого духовного прозрения уже нет для человека ни условностей земли, ни обособленного мира неба — для него есть тропы Вечности в земном непрерывном движении. Только с этого момента раскрывается вся сила чести в человеке, и он идет по земле мудрецом, хотя бы грамотность его была в зачатке. Рамки условностей человеческих исчезают, живет дух человека освобожденный. Все встречи, раньше тягостные, будут тебе теперь легки, так как и рамки людей будут разрушаться перед могуществом гармонии твоего существа. И каждый, независимо от личного желания, будет обнажать во встрече с тобой все лучшее, на что способен. Иди, мой сын, помни, что главнейшая задача твоего служения — быть писателем. Это твой путь — вызывать и творчеством мысли утверждать в людях их лучшие силы. Как бы многочисленны ни были сейчас твои обязанности, дела и встречи, писать начинай теперь же, пользуясь каждой свободной минутой, какую сумеешь вырвать. Никакая суэта земли и эманации несносных и беспокойных толп людей не могут разбивать трудов тех, кто несет в себе Живую Вечность. И. обнял меня, и мы вместе вышли из часовни, когда тьма уже окончательно спустилась. Не успели мы выйти из аллеи гигантских тополей, как раздался удар колокола к вечерней трапезе, к которой мы едва успели.

На этот раз трапезная имела необычный для Общины Раданды вид и поразила меня парадностью. Всё и вся в ней, и всегда сверкавшее исключительной чистотой, на этот раз казалось просто сиявшим белоснежностью. Столы были покрыты тонкими, блестящими, с прекрасным рисунком скатертями. В очаровательных горшках и вазах стояли цветы и фрукты. Перед моим и И. местами стояли тончайшей работы приборы из слоновой кости и серебра и такие же кубки.

Я восхищался красотой убранства, такого необычайного в скромном, почти суровом быту Общины, и не мог себе объяснить, что было причиной такой парадности, которая больше подходила торжественному пиру, чем простой трапезе общинников.

По приглашению Раданды все заняли свои места, и трапеза пошла своим порядком, с той только разницей, что блюд было больше, в кувшинах вместо молока стояло в изобилии вино и кушанья соответствовали убранству столов.

Да, это был пир. Прощальный пир, который давала Община своему высокому гостю И. — В последний раз сегодня мы видим среди нас нашего любимого друга, нашего вождя и покровителя, Учителя И., - сказал, поднявшись, Раданда. — Много раз бывал у нас Учитель, много раз уезжал

он от нас, но никогда еще ни его присутствие, ни его отъезд не были связаны и с таким счастьем, и с такими переменами в Общине, как в это его пребывание. Если вы поглядите друг на друга, окинете взглядом все столы, вы почти не найдете здесь, в таком парадном сегодня зале, тех лиц, которые были сотрапезниками Учителя И. в первые дни его приезда к нам. Сменилось не одно и не два поколения за этот период его пребывания с нами. Сменился целый поток людей, потому что в одних радостно пробудились, в других утвердились их лучшие силы. Не думайте, что это великое событие массового обновления душ произошло только по причине пребывания с нами Великого Учителя. Нет, готовы люди — готово им и свидание с Учителем. Но бурный рост готовых к обновлению людей, конечно, произошел от непосредственного вращения их в сфере чистоты и мощи духа Учителя. Сегодня мы даем прощальный пир нашему Другу и его спутнику. Мы украсили этот зал всем самым драгоценным, что имели в своих запасах. Нам хотелось, чтобы его внешнее сияние и сияние наших благодарных сердец сливались в общую гармонию красоты с сиянием лучей Учителя... Благодарим тебя, Учитель, — обратился Раданда к И., - за все то, что ты для нас сделал. Уста мои, выражающие чувства признательности, любви и благоговения всех здесь присутствующих, не могут выразить словами всей радости сердца за счастье встретить и знать тебя. Учитель, за твою доброту к нам. Немало раз помогал ты нам своими наставлениями. Не оставь нас теперь без прощального слова, теперь, когда мы знаем, что надолго расстаемся с тобой, — закончил Раданда свою речь, кланяясь И. глубоким, почтительным поклоном.

Ответив на поклон настоятеля, И. повернулся к сидевшей в полной тишине толпе людей, и голос его полился какими-то каскадами утешения и мира.

"Прощаясь с вами, я прежде всего хочу напомнить вам еще раз о том, что нет разлуки для духовно зрелых людей. Как бы далеко физически вы не чувствовали себя от меня, вы всегда живете и будете жить в моей памяти, в моей деятельности любви.

Кто однажды встретил Учителя и вошел в единение с ним, тот не может быть им забыт никогда, ибо такова сила любви сердца Учителя. Она вмещает в себя все живое, сумевшее однажды привлечь его внимание до ступени взаимного труда.

Но то — сила сердца Учителя, поддерживающего связь с людьми. Может ли держаться крепкая взаимная связь на одностороннем рычаге? Нет, конечно. Связь ученика и Учителя, как и все во Вселенной, может утвердаться только на гармонии. Только на законе причин и следствий, то

есть на двустороннем рычаге. И как бы сильна ни была любовь односторонняя Учителя, она не может притягивать к себе мертвые, не звучащие любовью сердца.

Вы можете «говорить» сколько угодно слов о своей преданности и верности Учителю, о своей абсолютно чистой жажде следовать за ним, о своей верности служения ему.

Но не на «словах» живет связь ученика и Учителя, а на действии.

Там, где формально принимается все, а в действиях быта идет сумятица, неряшество, ссоры или недовольство людьми, требовательность к ним, там бесполезно говорить об ученичестве. Мало того, вечные ссылки на «Учителя» отвратительны и даже оскорбительны в устах этих людей.

Я не раз вам говорил о дивных словах Евангелия: "Если не любишь ближнего своего, которого видишь, как можешь любить Бога, которого не видишь?" В этих словах — вся мудрость деятельности земли: быть и становиться. В действии каждого серого дня проносить чашу доброты для земли, для человека. Такое действие идет во имя Высшего, но идет по земле, для земли, а не над нею и именно в данных каждому его обстоятельствах. «Свои» обстоятельства у каждого. Но это не значит, что надо их принять как нагрузку, не бороться, не побеждать их ежечасно, любя.

Все люди — мала ли, высока ли их духовная культура, здоровы ли они, больны ли, молоды или стары — имеют в сердце силу, называющуюся: благодарность.

При общении со своими ближними эта сила — главный очистительный фонтан духа, главный двигатель к совершенству. Она есть один из аспектов Любви.

Если человек не развился в своих духовных силах настолько, чтобы сердце его стало похоже на электрический фонарик, бросающий сноп лучей в сердце встречного, то он может стать на путь такого развития Жизни в своем сердце через чувство благодарности. Благодарности тем, кто выразил ему малейшую заботу, внимание, доброту или маленькую ласку.

Вот из этого чувства благодарности, пролитой людям на Земле, куется второе плечо рычага, идущего к сердцу Учителя.

Последнее дело для человека, называющего себя последователем Христа, мнящего себя учеником Учителя, если дары, заботы, помощь или снисходительность к себе людей он начинает принимать как получаемые им "по праву справедливости" за его заслуги в прошлом.

Если человек стал на эти рельсы, считая, что ему возвращается

затраченная им энергия и деньги, — он не что иное, как плохой коммерсант, просадивший свое состояние, не умея учесть прибылей, наград и убытков. Такой коммерсант, ожидающий, что «небо» в лице встретившихся ему добрых людей вознаграждает его за его же ошибки спекуляции, не может ожидать ответа Учителя на свои мольбы, ибо сердце его полно гордости и само-, а не человеколюбия. В его сердце нет полного бескорыстия, не только преданности и верности заветам Учителя.

Благодарность в сердце человека — признак его жизненности. Если нет в сердце благодарности — мертв человек не менее, чем когда в сердце его нет радости.

Весь ход развития духа человека идет из этого живительного источника сил — благодарности. Она куёт у людей малоразвитых, малокультурных рельсы, по которым едут ввысь все черты характера человека. Людей же духовно развитых она приводит к встрече с Учителем, к сотрудничеству с ним.

Поймите же, что не Учителю, не Богу, не вашему встречному нужна ваша благодарность, а только вам. Ибо она есть первая сила истинного возрождения, настоящего смирения, настоящего мира в сердце, то есть полного понимания своего места во Вселенной.

Прощаясь с нами на этот раз в обстановке торжественного пира, в красоте блестящих вокруг нас предметов, вспомните, что все, все, на что бы ни упал ваш взор, — все сделано руками ваших сестер и братьев, сердца которых были переполнены благодарностью. И плодами этой благодарности пользуетесь вы, никогда их не видевшие и, может быть, никогда их не встречавшие...

Перестаньте так часто говорить слово «карма». У вас создалась привычка все сваливать на это маленькое слово. Попали ли вы в тяжелую земную жизнь благодаря собственной инертности или односторонней, как флюс, энергии — карма виновата. Не сумели вы устроить своей личной жизни в доброте и мире — карму за хвост, в виде спасительного змея. Не смогли вы создать себе радостного окружения, по причине, конечно, собственной разбросанности и несобранности в Едином, — снова карма. Не вышли вы в большие люди — еще раз карма и т. д., и т. д.

В результате полное разочарование в текущей жизни (виновато окружение), выросло в сердце уныние и... или вы здесь, спасенные от худшего из преступлений — самоубийства, или вы погубили воплощение, кончив им, или вы в раздражении и зависти сковали себе пути ко злу.

Тот, кто часто повторяет слово «карма» и продолжает жить все таким же, каким жил год назад, вчера, сегодня, завтра, не ищет в себе

обновляющих сил доброты и радости, — тот совершенно такой же мертвец среди живых, как тот, кто постоянно думает о смерти и боится ее.

Боящийся смерти носит ее в себе и не может быть свободным в своих действиях ни на минуту. Он засорил свои глаза, глаза духа, плачет и ужасается страшного момента изменения формы жизни, не понимая, что новую форму он кует себе сам только одними действиями в сером дне...

Примите от нас — меня и моего секретаря, — в честь которых вы даете этот прощальный пир, большую признательность за ваше внимание. Не стройте же себе иллюзий, как надо достигать единения с Учителем. Отдавайте силу благодарности вашим встречным, если не можете еще выразить иначе своей любви им. И на этой благодарности к людям будет вырастать и крепнуть ваш мост единения с Учителем".

Когда настало время выходить из трапезной, каждого из сотрапезников И. благословил, каждого обнял и каждому сказал несколько утешающих слов. Очевидно, слова Учителя глубоко проникли в сердца обнимаемых им людей, так как лица их сверкали радостью даже в тех случаях, когда они приближались взволнованными и огорченными.

Когда вышел последний человек из трапезной, Раданда, указывая на вымытые и вновь поставленные на стол наши приборы из слоновой кости, сказал:

— Не откажи, Учитель, разреши твоему секретарю принять от меня это чудо искусства древнего мастера. Пусть он имеет эти приборы, небьющиеся и удобно укладываемые в кожаный футляр, всегда при себе и как память обо мне, и как вещь тонкой художественности. Глядя на них, пусть он помнит, что ему уже обязательна жизнь во всякой красоте. И если кому-то достаточно одной духовной красоты, то ему ее мало. Путь земли для него может быть только единением с людьми в красоте.

Приняв улыбку и утвердительный наклон головы И. за разрешение, Раданда обратился ко мне:

— Мой милый сын, введенный мною в часовню Радости. Прими эти два бесценных прибора как мой привет тебе и каждому, кому ты предложишь на них хотя бы кусок хлеба. Если будут дни, когда ты будешь садиться за стол один, ставь второй прибор для того, кто войдет к тебе невзначай, и предложи ему разделить твою трапезу. Если будет такое время, когда ты будешь окружен большим числом чад и домочадцев, ставь его всегда рядом с собой для нежданного гостя и привечай его во имя мое, кто бы он ни был. Будь благословен. Зайди ко мне. Мне надо тебе еще немало вещей передать по поручению Владык мощи.

Я поклонился И. и последовал за Радандой в его покои. О моей беседе

со старцем я тоже еще не получил указаний рассказать кому-либо. Она длилась всю ночь. На рассвете зашел И. Раданда уже закончил все, что имел мне передать, и мы все трое вскоре были снова в трапезной, но уже за утренней едой.

За нашим столом я нашел на этот раз Мулгу, Славу и еще многих братьев и сестер, имен которых я не знал и которых, как я понял, И. собрал вчера и увозил их с собой.

Не успела окончиться трапеза, как вошел брат-распорядитель и объявил, что животные уже готовы и можно отправляться в путь. И. дал ему подробный список отъезжающих с нашим караваном и послал Мулгу, Славу и еще нескольких братьев помогать снаряжать караван.

В обществе Раданды мы прошли в наш домик, где, к моему удивлению, все было уже сложено и упаковано к предстоящему пути. Мне не надо было спрашивать, чтобы понять, что мои обязанности выполнили дивные руки моего Учителя, пока я учился у Раданды.

— Не укоряй себя, Левушка, в том, что ты заранее не уложил вещей. Ты ведь не мог знать, что до последней минуты будешь занят иными делами, — ответил И. на мой взгляд. Прощай, отец Раданда. Еще не одна нам с тобой суждена встреча. Я благодарен тебе за всю помощь, что ты оказывал мне всегда, а особенной благодарностью горит мое сердце за помощь твою в этот раз.

Нежная улыбка Раданды была единственным ответом его И., но, повернувшись ко мне, он сказал:

— Вот он, Левушка, живой пример истинного смирения. Тебе без слов понятно, кто и кого должен благодарить. Иди же, сын мой, по стопам Учителя, и свершится путь твой, как Жизнь его тебе начертала, как Светлое Братство тебе его раскрыло.

Раданда обнял нас обоих и вышел вместе с нами к воротам, где уже грузился и выстраивался караван. И тут мне суждено было немало изумиться, так как главным распорядителем отправлявшегося каравана был все тот же, из-под земли являвшийся в последнюю минуту, мой дорогой Ясса.

Я не имел времени спросить его, как и когда он явился, только издали мы поприветствовали друг друга радостным жестом, так как И. приказал мне немедленно одеваться в платье для путешествия, сказав, что я поеду рядом с ним во главе каравана.

Постаравшись как можно скорее переодеться, я все же вышел к каравану после И., который уже садился на мехари. В последний раз прикинув к маленькой, сухонькой ручке Раданды, я вскочил на мехари, так

как научился теперь не ставить на колени верблюда, и пустился догонять уже тронувшегося в путь И. Итак, завершился еще один этап, великий этап моей жизни. Кончалась жизнь среди дивной гармонии высоких сердец и начиналась новая жизнь труда среди людей.

Первые существа, для которых я должен был пуститься в дальнейшее плавание, назывались Дженни, Анна, Жанна.

Я благословил их и вспомнил последние слова, услышанные мною в часовне Великой Матери: "Радость не звенит, как золотая денюга, не блестит, как лучи серебра. Радость бьет грешника, заставляет задумываться злодея и окрыляет чистого, если ее несет сын Света, верный до конца".

Мысленно приник я к Божественным рукам, подавшим мне в прощальное посещение дивный цветок, прижал его к сердцу и прошептал: — Мой Господь и я, — и присоединился к И.

ПРИЛОЖЕНИЕ

"Две жизни"

Часть IV

Глава 1. "Храм человечества"

Путешествие по морю лорда Бенедикта и его спутников на пароходе капитана Ретедли. Новые знакомства обитателей Лондонского особняка с пассажирами первого класса. Размышления Алисы и ее разговор с лордом Бенедиктом о встречах. Разумов и беседы лорда Бенедикта с его группой. Алиса читает тетрадь Венецианца

Корабль Ретедли благополучно доставил всех людей и грузы в Нью-Йорк, хотя условия плавания были трудными и многие из пассажиров переболели морской болезнью. Лиза и Алиса чувствовали себя прекрасно во время путешествия. Они проводили немало времени на капитанском мостике в часы дежурства самого капитана, где он, шутя, обучал их искусству кораблевождения.

Благодаря заботам лорда Бенедикта и капитана вся часть корабля, предназначенная пассажирам первого класса, была в распоряжении самого лорда, его друзей и их многочисленной свиты. К удивлению Алисы и Лизы — самых здоровых, самых подвижных и любознательных из всех спутников лорда Бенедикта, — все каюты первого класса, многочисленные и рассчитанные на двух и трех пассажиров, оказались занятыми людьми, не только знакомыми лорду Бенедикту, но и близкими ему и отправлявшимися вместе с ним строить новую Общину.

На второй же день путешествия лорд Бенедикт собрал всех здоровых пассажиров первого класса в музыкальном зале парохода, где — после небольшого концерта Лизы и Алисы — познакомил между собой всех присутствующих.

Всегдашнее обаяние лорда, его умение поставить всех на равную ногу с собой сделали и самое знакомство в первый раз в жизни встретившихся людей и последовавший за концертом ужин значительными и приятными. Каждый чувствовал себя гораздо увереннее от сознания, как во много раз увеличилось вдруг число его друзей на свете.

Обитатели особняка лорда Бенедикта привыкли к самой пестрой толпе

людей, сменявшихся вокруг него в его делах и встречах простых рабочих дней. За время жизни с ним все они принимали участие во многих его делах, выполняли его поручения и потому нисколько не были удивлены разношерстной публикой, явившейся на приглашение лорда послушать музыку.

Но все же и Алису, и Лизу, и даже самого капитана удивили несколько фигур в восточных одеждах, не говоривших ни на одном языке, кроме наречия своей страны.

Понимать их могли только сам лорд Бенедикт, Николай, Наль, да с большим трудом — Генри, который, казалось, овладевал этим чужим языком впервые и не без труда.

Люди эти с наивными, чистыми лицами, загорелые, с загрубелыми руками, смотрели восторженно на лорда Бенедикта. Они точно молились, когда отвечали на его вопросы, сопровождая ответ глубоким восточным поклоном, сложив руки у сердца.

Наль, чувствовавшая себя в этот день лучше, привлекала к себе, как магнит, всю восточную группу. С нею эти люди чувствовали себя легко и просто. Она переводила им слова песен Алисы, а также вопросы и ответы, когда с ними вступали в беседу соседи, не владевшие их речью.

Алисе казалось, что разница внешнего воспитания, манер и социального положения всех присутствующих людей совершенно стиралась от одушевлявшей их всех одной большой радости: жить и трудиться для счастья людей. Ей было странно — ей, пережившей так много бурь и невзгод в родной семье, не знавшей в своем доме ни одного дня мира, — видеть здесь целые семьи людей, крепко любивших друг друга, распространявших вокруг себя волны прочной, верной дружбы, глубокого мира и уважения друг к другу.

Никогда еще Алиса не присутствовала в таком пестром обществе. Здесь были и простые рабочие со своими женами и детьми в самых скромных и даже бедных одеждах, с манерами, соответствовавшими их туалетам. Были и горожане типа бедных швей и мелких торговцев. Были и студенты и мелкие клерки, а также и высокообразованные люди, блиставшие остроумием юмора, культура которых сквозила во всех их словах и манерах.

Но под всем этим внешним разнообразием Алиса легко читала общие свойства всех этих людей: их доброту и неподкупную честь. Радостность была общим признаком собравших лордом Бенедиктом людей.

Тихо сидела Алиса в уголке дивана, наблюдая окончивших ранний ужин путешественников. Люди разбились на группы, непринужденно выбрав

себе компанию, и занимались рассматриванием разбросанных на столах многочисленных журналов, иллюстрированных альбомов и снимков той страны, куда они ехали.

Девушка внимательно присматривалась к лицам своих спутников и старалась угадать, что заставило двинуться с насиженных мест всю эту толпу людей. Ей казалось, что главным стимулом этого передвижения были личные несчастья людей, заставившие их искать новое место жизни. Но сколько она ни всматривалась в лица, ни на одном из них она не находила выражения горя, разочарования или тоски. Огромная энергия лилась от большинства фигур. Иные были спокойны, но буквально все лица были веселы, радостны, мирны.

— Плохой же ты психолог, моя дорогая девочка, — услышала Алиса над собой смеющийся голос лорда Бенедикта, так любившего заставить ее врасплох в ее размышлениях. — Ты ищешь здесь людей, еще живущих в когтях личного горя? Или еще имеющих в душе несносное раздвоение? Люди, едущие для того, чтобы строить новые рельсы другим, могут быть только освобожденными от давления своего собственного "я", — продолжал он, опускаясь рядом с нею на угловой диванчик. — И почему ты, всегда такая приветливая и умеющая быть центром общего внимания, забила сегодня в угол и предоставляешь блистать Наль и Лизе? Не манит ли тебя море, к которому ты так тянешься весь день? Не хочется ли тебе покинуть людей, чтобы полюбоваться океаном и небом в ночной тьме? — улыбаясь продолжал лорд Бенедикт.

— Вы могли бы меня сконфузить, отец, если бы мысли мои действительно блуждали где-то вне этой комнаты, — отвечала Алиса. — Но то, что мне так сильно хотелось понять, то Вы сразу же осветили мне Вашими первыми словами. Конечно, здесь могут быть лишь закончившие свои личные драмы и дела люди. Сейчас я это поняла. Но меня так поражает... Как бы мне выразиться? — призадумалась Алиса. — Ну, я скажу смешно, но Вы меня поймете. Мне кажется, что все здесь собранные Вами люди уже перешли стадию духовного развития, когда они думают о какой-либо привлекающей их идее. Когда у людей работает мысль и, повелевая, говорит им: "Единись со своими ближними в красоте и доброте, потому что это путь к Богу". Все Ваши новые сотрудники кажутся мне едины друг с другом просто от избытка энергии любви в своем сердце. Точно каждому из них тесно в своей скорлупе, и он, помимо своего личного желания, выбрасывает луч любви своего сердца навстречу всему живому, что видят его глаза.

— Bravo, Алиса, ты начинаешь говорить и наблюдать точно. Но чего ты

недосмотрела в окружающих тебя людях, это большого круга радости, в котором движется каждый из них. Знаешь ли ты, почему все присутствующие здесь так радостны? Потому что каждый из них страдал до смерти и имел мужество не согнуться и не разбиться в горе, но закалить в нем свою верность, свою цельность и преданность Свету.

Каждый из видимых тобою здесь людей понял, что сила человека не в его гигантской или слабой воле, но в его верности единственному закону Жизни на земле: Любви.

Любовь к человеку привела всех этих людей к встрече со мной, затем сюда, дальше поведет их к новому строительству Общины и, наконец, приведет их к Светлому Братству. Я подсел к тебе сейчас, чтобы с первых же шагов нового этапа твоей жизни разъяснить тебе некоторые вещи. Ты, как и Лиза, как и Наль с Николаем, как и Генри, не принадлежишь к тем, кто будет жить в Общине, хотя вы все будете принимать большое участие в ее первом рождении. Тебе придется жить не в уединении, а среди густых толп людей, в шумных городах. Ты будешь стоять крепким столпом мира и любви среди бурь и всевозможных страстных волнений людей. Ты будешь служить людям, подавая им Свет через искусство. Люди вокруг тебя будут самые разнообразные. Будут встречи великие, превращающие в одну минуту всю жизнь в рай. Будут встречи важные, утверждающие в человеке все его лучшее. Будут встречи серые, где не пробудить живой совести сердца, и, наконец, будут люди, встречи с которыми тебе надо избегать. На твоём лице удивление. Тебе кажется: раз человек выразил свое желание тебя видеть, а тем паче сказать тебе, что он несчастен, для него запрета нет, он может прийти к тебе. Ему нужно утешение, нужен совет, ты же говоришь, что хочешь жить для счастья и радости людей, следовательно, когда бы, кто бы и откуда бы к тебе ни пришел, дверь твоя ему открыта. — Да, я так думаю, отец. — Напрасно, дитя, ты так думаешь. Далеко не так должна ты себя держать, если идешь всей своей верностью за Учителем, если таковым считаешь и называешь меня. Разве ты уже не имела случая на деле перенести всю тяжесть скорби отказа в свидании? Разве ты забыла, как бедная Дженни писала тебе — и многим из близких тебе — письма? Просила свидания? Посылала тебе самые жалостливые слова? Сердце твое рвалось от горя за сестру, ты хотела всеми силами помочь ей, пойти на свидание, написать. И я сказал тебе: «Нет». Помни же, Алиса. Если ты хочешь всею верностью сердца идти за Учителем, если хочешь дойти до великой, радостной, стоящей перед тобою цели: войти в сотрудники Светлого Братства, — далеко не все встречи тебе разрешены. Будут люди, жаждущие встречи с тобой, говорящие тебе о своей невинности и

несчастий, ищущие твоего совета, на словах верящие в твою духовную высоту, — и все же мое «нет» будет стоять перед тобою препятствием к встрече. Тебя будут поносить за твой отказ, обвинять в эгоизме и трусости, но ты будешь знать, что там было мое «нет». И, напротив, будут встречи — внешне — для людей презренные. А я скажу: «Да». И ты примешь и благословишь встречу. И что бы ни говорили и в этом случае люди, сердце встречного вострепнется, оживет, примет луч чистой любви из твоего сердца в свое, и ты утвердишь в нем Его лучшие силы и пробудишь в нем Свет. Помни, друг, этот мой завет. Строй на нем всю дальнейшую жизнь и перед каждой встречей думай о моем «да» или моем «нет».

Лорд Бенедикт поднялся, предложил Алисе руку и подошел с ней к довольно большой группе людей. В центре ее стоял человек с альбомом в руках и рассказывал своим слушателям о свойствах почвы, растительности и особенностях климата Калифорнии.

Человек этот был похож на ученого. Внешность его, манеры и чистая английская речь, ясная и точная, изысканная, выдавали человека хорошо образованного и воспитанного. Одет он был очень опрятно, но просто, видимо, он мало придавал значения элегантности костюма. В момент, когда Алиса и лорд Бенедикт подошли к группе, ученый заканчивал свою беседу.

— Это русский, — тихо сказал Алисе лорд Бенедикт. — Он уже в третий раз совершает путешествие в Калифорнию. По моему заданию он отыскивал место для Общины вместе с другими моими друзьями. Он один из немногих едущих с нами знает точно место, куда мы едем, и все его особенности. Он знает также весь наш маршрут. Знает все законы и обычаи каждого из многочисленных штатов, через которые мы будем проезжать. Нам придется пересечь поперек всю страну. Я нарочно заказал огромное количество повозок с лошадьми, чтобы каждый из едущих мог познакомиться со всеми особенностями новой страны, куда он попал. Зовут этого русского Петр Иванович Разумов. Но оставим пока эту группу, у них дела немало.

Каждый день Разумов будет преподавать своим спутникам в форме рассказов все, что им необходимо знать для первых месяцев жизни на новой родине. Вернемся к тебе.

Ты в свойственной тебе сфере в легкой форме концертов будешь развивать вкус и пополнять знания в музыке твоих будущих сотрудников по строительству Общины.

Иногда одна, иногда с Лизой, иногда со мной; ты начнешь с классиков и кончишь — уже обосновавшись в Калифорнии — современностью в музыке всех народов. Начинай с завтрашнего же дня. Составь себе

конспект и подавай каждое произведение, объясняя его стиль и эпоху. Непонимающим будут переводить твои слова Николай, Наль и Генри.

Загляни в самый большой чемодан в своей каюте, я просил Сандру и Тендля собрать в него для тебя ноты и книжки, необходимые для начала твоих концертов. Так как Ананда просмотрел составленный ими список, то я не сомневаюсь, что в твоём чемодане окажется собранным все лучшее, что существует в музыке и что тебе может понадобиться для твоих популярных лекций. Кроме того, ты видишь, как дети льнут к тебе и смотрят на тебя, точно ты сказочная принцесса. Пользуйся этой любовью, крепко завяжи здесь, на пароходе, свой первый узел дружбы с ними. Когда доедем до места, ты встанешь во главе музыкальной школы. Как мы будем обучать маленьких людей музыке, об этом я тебе скажу потом. Обучать мы будем всех детей, без всякой зависимости от музыкального дарования или отсутствия его. Но, конечно, метод преподавания, форма и способы его будут в самой тесной связи с одаренностью или отсутствием ее в детях. Музыка — один из самых первых феноменов, пробуждающих чувство прекрасного в сердце человека. Поэтому знакомство с нею всего населения Общины составит одну из твоих главных задач в нашей новой жизни. Подробно я буду говорить с тобой и Лизой об этом еще не раз.

Иди сейчас, друг, к себе и приготовься к завтрашнему концерту. Я же вернусь к Разумову и помогу ему собрать вокруг себя всех пассажиров, а не одну группу.

С этими словами Венецианец довел Алису до коридора, ведущего в ее каюту, и возвратился к упомянутой группе. Как и следовало ожидать, стоило только лорду Бенедикту присесть у группы Разумова, как все головы поднялись, и все глаза благоговейно устремились на его опустившуюся в кресло величественную фигуру.

Убедившись, что лорд Бенедикт внимательно слушает слова ученого и что подле него нет никого, с кем бы он вел интимную беседу, люди перестали бояться потревожить его своей не деликатностью и со всех сторон потянулись к нему. В глазах каждого читалась просьба разрешить присоединиться к группе, на что лорд Бенедикт ласково улыбался и приглашал жестом придвинуть ближе к нему свое кресло.

Разумов, закончив объяснения особенностей почвы и климата, повернулся к лорду Бенедикту, говоря:

— Как вы были правы, Учитель, приказав нам составить маршрут через самую широкую часть страны. Мои слушатели так поражены необычностью природы и совсем неслыханными особенностями климата и почвы. Я только сейчас понимаю свою ошибку.

Ведь и я, как другие, спорил с Вами и пытался доказать бесполезность затрачиваемого времени на путешествие на лошадях по множеству штатов. Теперь я вижу, как знакомство со страной и ее обычаями необходимо всем едущим.

— Не только знакомство с природой и обычаями народа необходимо всем нам. Больше всего нам необходимо понять, принять и благословить жизнь незнакомого нам народа, который станет нашим народом, народом нашей новой родины, как мы приняли и благословили жизнь всех тех народов, среди которых каждый из нас до сих пор жил. Нам необходимо в длительном путешествии, где бы мы могли видеть людей и природу не из окон вагонов, еще и еще раз отдать себе отчет, что мы собираемся делать. Мы не собираемся строить нечто обособленное, никому кроме нас не нужное.

Мы не собираемся клеймить грешников и выставлять на вид свои добродетели. Мы хотим раскрыть, раскрыть через свою Общину, новые ворота людям, ворота единения в простой доброте. Когда мы будем проезжать по населенным пунктам, ищите всякой возможности знакомиться с людьми, но в каждой вашей встрече общайтесь не с личностью человека, не с рамками из комплекса бросающихся в глаза тех или иных условных качеств соприкасайтесь, а подавайте каждому, смело и решительно, цветок вашей доброты. Кладите его под ноги встречному, если он не приемлет его иначе.

Есть ли для вас встречи запретные во время нашего путешествия? Нет, все ваши встречи, каковы бы они ни были, хороши и необходимы. Вы слышали, что для некоторых людей не только не все встречи разрешены, но многие даже запретны. Вам же не только все встречи разрешены, но, как я сказал, необходимы. Никогда не смущайтесь тем, что другому что-то дано или запрещено в его пути. Не равняйтесь по пути другого и не любопытствуйте к чужому духовному пути. Строить место единения с людьми в любви и красоте можно всюду. И для этого нужны только два условия: чистое, неуязвимое для страстей собственное сердце и воля вылить из этого сердца творческий порыв любви во встречное сердце. Но есть люди, несущие в себе не только чистое сердце и творческий порыв, но имеющие еще задачу Светлого Братства, взятую ими под большую собственную и своих ближайших Учителей ответственность. Эти люди идут всегда в законе твердого и неукоснительного послушания, и их встречи строго ограничены и проверены. Вы люди — ученики первого типа. Вы — пути везде и всюду первой необходимости строительства. Вы духовные фонари, освещающие тьму жизни и разбивающие ее

вульгарность. Через вас, как через фильтр из пористых губок, очищает Светлое Братство массу людей дорогу к пониманию более высоких нравственных проблем.

Вы действием серого дня должны пробуждать в людях желание жить выше, чем они живут сейчас. И вся ваша задача — продвинуть в понимание людей, что такие силы, как честь и честность, доброта и сострадание, суть вовсе не качества самого человека, но аспекты того Бога, что он носит в себе. Вам на примере простого дня надо привести людей к пониманию, что никакое внешнее счастье и благополучие не может быть достигнуто на мертвом внутреннем механизме, где сердце и мысль руководятся «выбором» лично себе приятных дел, нисколько не считаясь, будут ли эти дела вредны или благоприятны, безразличны или полезны, злы или радостны для окружающих. Не мудрствуйте. Не задавайтесь какими-то особенными, высоконадуманскими небесными задачами. Поймите ясно, что все, что может человек сделать полезного и высокого для окружающих его, он делает легко и просто. Легко и просто по его масштабам, то есть ценным для людей будет всякое дело человека, где пролилась его большая сила, но не то, где пролились его "большие усилия". Примите от меня сегодня мои слова не как наставление, не как формальный рецепт: "Как внести в вульгарную жизнь людей Свет", но как привет моего сердца всем вам, привет уважения силе каждого из вас.

Я вижу доброту и радость. Я понимаю ваши желание и нетерпение поскорей приложить на деле все порывы вашей любви. Примите и мою любовь как силу радости слиться с вами в один общий костер энергии, куда Свет Единого льется неустанно и неудержимо, если вы помните, что такое ваш серый день, где он начинается и кончается.

Поговорив еще некоторое время с отдельными лицами, лорд Бенедикт разбил всех своих слушателей на десятки, поставив во главе каждого десятка старшину из самых опытных, образованных и духовно продвинутых людей. Затем он лично отвел их в обширную библиотеку корабля, над закупкой книг, для которой немало хлопотали Сандра и лорд Амедей. Здесь Венецианец познакомил только что выбранных старшин с двумя схожими как близнецы очаровательными девушками, заведовавшими библиотекой.

Одна из них была совершенно седая, другая — темноволоса.

— Лалия и Нина, — обратился он к девушкам. — Я просил вас помочь мне довести на пароходе груз книг для будущей Общины. Вы же превысили мои желания и из части книг устроили временную библиотеку. Спасибо вам за усердие. Как видите, ваша любовь привлекла к вам в эту минуту

немало читателей, которых вам и представляю.

Вы же, дорогие мои читатели, можете не только здесь читать все, что хотите, но и брать те из книг, что вам особенно понравятся, с собой в каюты. Даже окончив морское путешествие, вы можете не сдавать обратно книги, записанные за вами библиотекарями. Девушки едут только как мои помощницы на море. Они возвратятся с капитаном Ретедли обратно. Книги же поедут с нами дальше, как и запись их за вами. Если среди вас есть любящие библиотечное дело, вы можете немедленно его изучить у моих опытных помощниц, Лалии и Нины.

Сейчас же нашлось с десятков человек, пожелавших посвятить себя устройству будущих библиотек в Общине.

Оставив всех приведенных им людей в библиотеке, лорд Бенедикт послал Разумова к Николаю и Генри, прося передать им, что через четверть часа он начнет обход кают первого класса вместе с ними. Оба, Генри и Николай, должны быть со своими аптечками в музыкальном зале, сам же Разумов должен прийти в каюту Венецианца, где возьмет личную аптечку Учителя, и во время всего обхода будет держаться в непосредственной близости от него.

Так шла «плавающая» жизнь людей, посвятивших свои дни служению ближним. Не мертвая идея "в будущем помогать" наполняла сердца ехавших, но каждая минута текущего «сейчас» была энергией труда, не теряясь в пустоте.

Разумов, не раз имевший более или менее длительные свидания с Учителем, но никогда не живший подле него, не мог себе даже представить жизнь «быта» рядом с Учителем. Он был потрясен и очарован его простотой, его неиссякаемой энергией, а главное, легкостью, с которой делал все тот, кого сейчас окружающие знали как лорда Бенедикта, но кого он давно имел счастье знать как Венецианца.

Оторванный от изучения своих восточных наречий, которые в первый раз в жизни давались ему с таким трудом, Генри был восхищен переданным ему Разумовым приказанием Венецианца дожидаться его в музыкальном зале.

Не потому Генри радовался, что был ленив и так трудно плавал по массе восточных книг, данных ему Николаем, но потому, что Великая рука, как до сих пор еще называла леди Цецилия Венецианца в интимных беседах с сыном, сейчас составлял центр всех его мыслей, всей его духовной жизни.

Любовь Генри к Ананде, как сам он себе говорил, составляла нечто большее, чем он сам, чем вся его деятельность и даже вся его земная жизнь.

Анандою начиналось его утро. Анандою двигались его мысли и тело днем. Ананда завершал прожитый день. К нему нес Генри всю свою энергию и радость жить. Но... быть подле Ананды, его помощником и другом. Генри чувствовал, что еще не может. Он молился на Ананду и вместе с тем все чего-то от него хотел. Где-то в глубине сердца жила затаившаяся требовательность к Ананде, жажда быть для него первым и единственным. Как сам Генри носил Ананду в сердце единственным, так желал он быть единственно любимым своим высоким другом.

Подле лорда Бенедикта Генри точно исчезал, таял и терял всякое ощущение своей личности. Величие этого человека так подавляло его, что он точно совсем переставал существовать как некое «я» и жил только радостью видеть этого гиганта духа, участвовать в его труде и присутствовать при его общении с людьми.

Генри сам поражался, как легко ему становилось жить подле Венецианца. Он не мог разгадать, почему ему так свободно дышится? Так легко вертятся в голове мысли?

Почему он видит весь мир, а не одного себя и Ананду, как только он находится подле своего нового Учителя? И почему весь мир кажется ему сплошной радостью и бурным счастьем жить, если рядом с ним лорд Бенедикт?

Генри сознавал, что не качества Учителя проникают в него, но что в нем самом начинает пробуждаться и действовать какая-то новая сила, как только он входит в общение и сотрудничество с Венецианцем.

Быстро сложив все свои книги, накинув свой докторский халат и взяв аптечку, Генри заглянул в смежную с ним каюту матери. Поцеловав на ходу ее прелестную ручку, хитро улыбнувшись, Генри сказал:

— Иду к самому. Велел ждать с аптечкой у музыкального зала. Наконец-то я буду доктор, а не восточный толмач.

— Ах, Генри, Генри, — смеялась леди Цецилия. — Тебя положительно испортило общество Сандры. Ты понабрался от него остроумия и постоянного желания смеяться.

— Испортило, мать? Хотел бы я, чтобы всю жизнь меня так все портило. Но до свидания. А то, пожалуй, сыновняя любовь испортит мои отношения с твоей Великой рукой. Ты ведь знаешь, как он во всем точен, — и, не дожидаясь дальнейшей реплики матери, Генри побежал в музыкальный зал.

Еще издали он увидел рослую фигуру красавца Николая, стоявшего у дверей зала. Не так давно Генри стал отдавать себе отчет, как красив и строен Николай. И еще меньшей давности было убеждение Генри в

огромной духовной высоте Николая. Как это ни было странно, но этого красавца никто и нигде не видал на первом месте.

Он не играл, казалось, никакой выдающейся роли ни в особняке лорда Бенедикта, ни в деревне, ни здесь, на пароходе. А между тем Генри хорошо помнил, что лично ему во все его трудные или смутные минуты всегда с необычайным тактом приходил на помощь Николай. Он видел, как и всех других в периоды их разлада поддерживал все тот же Николай.

Почему и сам он, Генри, и все вокруг утихали, примирались и находили выход из своих печалей и бунта в присутствии этого человека? В чем его сила? Ведь он не Учитель, а ученик, как и все остальные. Живет он с женой, был его самый обычный.

И ничего чудесного, ничего поражающего, как, например, взгляд И. или Ананды, которые так и прикуют тебя на месте, в Николае нет. И даже то, что он красавец, красавец в полном смысле слова, точно римский гладиатор или русский богатырь, даже и это не бросается в глаза, а точно "так и быть должно", как часто говаривала леди Цецилия.

Завидев издали Николая, точно стоящего на часах воина, Генри побежал быстрее.

Молодость, сила и упругий бег придали ему еще больше веселости, ощущение новой любви вдруг наполнило его сердце, и, мальчишески смеясь, серьезный Генри неожиданно бросился на шею Николаю.

— Знаете ли, сэр Николай, какое удивительное открытие сделал я не так давно? Вы настоящий красавец, хотя немножко и великоваты. А кроме того, в вас такая масса очарования, что, если бы я был дамой, ежедневно бы посылал вам букет в полтонны весом.

— Ваше открытие, милый Генри, относительно моей красоты, а кстати, и великоватости уже давно сделано Наль и Алисой. Но вот у меня есть одно открытие относительно Вас, которого, пожалуй, вы сами в себе не успели еще заметить. Вот это так действительно открытие серьезное, — отвечая ласковой улыбкой на объятие Генри, возразил Николай.

— Ну? Неужели? — смешно отпрыгивая от Николая и по-детски складывая руки у сердца, точно боясь, что именно туда заглядывают глаза Николая, удивленно и растерянно протянул Генри.

— Вот так штука! Ты что же, серьезный Генри, в акробаты собрался? Или тебя Николай так перепугал, что ты прыгаешь, как восточный человек, увидевший кобру?

— раздался за спиной Генри смеющийся голос лорда Бенедикта, смеху которого вторил бас Разумова.

Окончательно смущенный, Генри не знал, куда деваться. Его выручил

Николай, сказав лорду Бенедикту, что Генри считал себя обладателем великого открытия, которое уже оказалось сделано другими, да к тому же еще и женщинами.

— Ну, разве что женщинами, тогда уж можно рискнуть пострадать от твоих темпераментных скачков, Генри. А то было бы досадно оказаться с раздавленной ногой из-за твоего разочарования из-за неудавшегося открытия, — продолжал смеяться Венецианец. — Утешься, — прибавил он уже серьезно, пристально глядя на расстроенное лицо Генри, — хотя никто еще не делал открытия о твоей красоте, но с некоторых пор она начинает расцветать внутри и вовне, и весь ты становишься гармоничным. А о том, почему тебе легко жить в моем присутствии, советую тебе поговорить с Николаем. Теперь достаточно нескольких его слов, чтобы очень многое перевернулось в тебе, в твоем устарелом для твоего «сейчас» сознании, милый мой друг Генри. Пойдемте, друзья, сначала мы обойдем каюты первого класса, где едут наши больные будущие сожители по Общине, а потом спустимся во все остальные отделы парохода, — обратился лорд Бенедикт к приглашенным молодым людям. — Капитан Джемс недаром опасается надвигающейся ночи. Буря не буря, но большое волнение в море ждет нас.

С этими словами лорд Бенедикт тронулся в долгий путь по обходу корабля, увлекая за собой своих спутников. Близившаяся ночь и усиливавшаяся с часу на час качка действовали плохо на население парохода, и всюду помощь лорда Бенедикта и его спутников приходила вовремя, принося людям успокоение и сон.

Алиса, погруженная в книги и ноты, не подверженная вообще морской болезни, забыла обо всем на свете, кроме данного ей Венецианцем поручения. Ее работа уже близилась к концу, когда она услышала знакомый стук в дверь своей каюты. Ни одна рука в мире, казалось ей, не могла так стучать, как стучала рука Венецианца. При этом стуке для нее мгновенно исчезали двери и стены, стук руки точно приходился по ее сердцу и говорил: "Я здесь. Готов ли ты, мой ученик?" И, ликуя, сердце Алисы отвечало: "Готов, войди, Учитель".

— Друг мой, я потревожил тебя, — сказал, войдя, Венецианец. — Но видишь ли, Николаю вместе со мной надо быть сегодня ночью у руля, в распоряжении капитана.

Больных парохода будет проведывать Генри. Леди Цецилия ухаживает за недомогающей Лизой, а с Наль побыть некому. Не пройдешь ли ты к ней, пока все обойдется и мы выйдем из полосы качки? Тогда Николай освободится, а ты вернешься к себе.

— О, отец, как много слов, — рассмеялась Алиса, юмористически повторяя фразу Венецианца, нередко слышанную по своему и чужому адресу. — Я готова, простите дерзкую, — приныкая к чудесной руке Учителя, накинув шаль на плечи, прибавила девушка.

— Иди, дружок. Смотри же, не попадись на многословии в каюте Наль. Я спрошу тебя об этом завтра, хотя сейчас ты и стараешься показать, что хорошо помнишь мои слова, — улыбаясь и глядя Алису по ее легким волнистым волосам, в тон девушке отвечал Венецианец, выходя вместе с нею из каюты.

Простившись с Венецианцем, поднявшимся на палубу, Алиса прошла прямо к Наль.

Бедная Наль, вообще плохо переносившая море, особенно остро чувствовала всякое приближение качки. Она так трогательно обрадовалась Алисе, что несколько минут не выпускала ее из объятий.

— Ах, как я тебе рада, сестренка Алиса, как рада. Море вызывает во мне отвращение и возмущение. Оно, кажется, только для того и появилось на моем пути, чтобы я хорошенько поняла эти мало мне известные чувства, — смеялась Наль, устало опускаясь на подушки.

— Я думаю, Наль, что есть еще очень много человеческих чувств, которых ты не понимаешь, и никакие моря на свете не помогут тебе их понять, — усаживаясь возле дивана Наль, шутливо отвечала Алиса. — Вот как? Ты считаешь меня такой тупой? — Не оstri, сестренка Наль. Дело здесь вовсе не в тупости. Дело в том, что понять вульгарные чувства ты не сможешь, как бы сильно их ни выражал при тебе человек.

Понять враждебность, кровожадность, лицемерие или ложь ты не сможешь, потому что в сердце твоём их нет. И сколько бы ты ни фантазировала на эти темы, ты их не поймешь только потому, что самые представления эти для тебя мертвы. Ты идешь мимо всех стрел, которые посылают тебе завистники, потому что зависть не может задеть в твоём сердце ни одного намека на самое, себя. Там нет горечи, и на стрелу завистника твоему сердцу нечем отозваться.

— Возможно, что ты и права, Алиса. Я не занималась анализом моего сердца. Ему было всегда так много работы любви, которую оно не успевало выливать всем встречным, что не было времени разбираться, что в нём самом ещё живет и чего там нет. Одно могу тебе сказать, что там живет все человеческое настолько, чтобы без фантазий понимать наивысшее в жизни ближнего — его страдание.

— Понять страдание каждого? О, это действительно наивысшая сила из всех даров человека. Все понять — все простить, говорят французы. Но я

думаю сейчас вовсе не о том. Можно понять, что человек страдает, сострадать ему, стараться разбить его суеверие или предвзятость, мешающие ему жить счастливо. Но так понять, чтобы разделить его страдание, — для этого надо хотя бы один раз испытать самому те чувства, от которых рвется сердце твоего собеседника. Я думаю, что слово «понять» в высшем смысле значения — это вызвать в жалующемся тебе человеке желание действовать, бороться, сбросить с себя страдание от уныния и освободить дух к красоте, к радости. Но вот как помочь человеку освободиться и всегда ли, всякий ли может это сделать — в этом и есть вся трудность. Знаешь ли, отец Венецианец сейчас поразил меня ужасно. Он сказал мне, что далеко не все встречи, о которых меня просят и будут просить люди, мне разрешаются. Я не могла этого сразу понять. Мне казалось, что милосердие и доброта — это и есть раскрытые объятия всем. Сейчас я начинаю понимать, что можно не только раскрыть объятия человеку, но можно изнемогнуть в огромных усилиях его утешить в его страдании и... не достичь ничего. «Усилия» прольются, а «сила» не будет подобрана человеком. И чем тяжелее будет идти встреча, чем больше будешь ты изнемогать сам от «усилий» помочь, тем бесполезнее будет встреча. Потому что сила может выйти из сердца только тогда, когда сам человек действует легко, радостно, спокойно.

— Не знаю, Алиса, мой дядя Али всегда говорил мне, что таких внешних обстоятельств, которыми бы человек был задавлен, не существует. Что у каждого человека именно те обстоятельства, которые ему по силам. И потому каждому человеку его обстоятельства по силам, что он сам себе их создал. Нет обстоятельств, «данных» человеку, а есть только известная часть его собственных вековых действий, выпавшая из кармического звена в данное его воплощение. И сколько бы ни ждал человек, что кто-то другой разбросает и победит его собственную вековую энергию, вставшую перед ним в это «сейчас» как ряд сопутствующих воплощению тяжелых внешних обстоятельств, он так и будет в них жить до тех пор, пока сам не победит их энергией любви, мощной силой радости. Так говорил мне не раз мой дядя Али. Я думаю, что большая часть тяжелых встреч происходит именно потому, что страдающий не понимает, что только его собственная энергия любви и бодрости может помочь ему выйти из кольца давящих обстоятельств.

А помогающий стремится не к тому, чтобы пробудить энергию унылого страдальца, а старается облегчить физическую тяжесть его внешних обстоятельств. Ты скорбела и плакала, когда была бессильна помочь своей сестре Дженни. Ты ни разу не пожаловалась на тяжесть жизни дома. Ты

убирала все препятствия и неудобства с дороги Дженни. Ты помогала ей блистать, одевала и обшивала ее и мать, пыталась их утешать и успокаивать. Ты расстроила свое здоровье, служа им, силясь принести им мир. И в этом ты нисколько не успела, хотя в бесполезных усилиях и расшатала свое здоровье. Ты защищала отца и стремилась создать ему каплю уюта в доме. И в этом ты успела. Почему? Почему ты действительно защищала отца и не могла помочь ни матери, ни сестре? Потому что сила твоей любви к отцу лилась из тебя легко и радостно. Потому что единение твое с ним, помимо кровной связи, было в красоте Вечного. Он, как и ты, стоял в этом Свете, и сила твоей любви удваивалась от встречи с его любовью и удваивала его энергию. И все твои усилия украсить жизнь сестре и матери уходили, как вода в щели пола. Потому что тебе не удалось развить в них даже первой элементарной нравственной силы: вкуса. На вопрос, что любят они, что нравится им, ты могла услышать ответ о тысяче вульгарных вещей обывательской, эгоистической жизни, о внешнем блеске и удовольствиях, но Радости Света Вечного не занимали места в их сознании. Ты называешь Венецианца отцом.

Никто лучше меня не разделяет этого твоего чувства, когда уста сами собой говорят: «Отец». И все же ни его живой пример, ни его частые беседы не могут раскрыть ни в одном из нас тех свойств, которыми определяется крошечное словечко «такт», если в нас не развит вкус. Чтобы началось в человеке развитие его тончайших духовных сил, образующих собою такт, необходимо, чтобы всем — от дикаря до высокой степени культурного человека — свойственное первоначальное чувство вкуса перешло в утонченное нравственное чувство. И чем выше ведет свое начало вкус человека, чем реальнее сокровища, которые он начинает любить, тем дальше он подымается по лестнице духовной культуры, тем ближе он видит, ощущает Бога и, наконец, живет в Нем и с Ним...

Беседу прервал Генри, стучавший в дверь, прося разрешения войти.

— Я принес вам обеим, полуночницы, — это не я, а лорд Бенедикт так вас назвал, прелестные дамы, — пилюли. Его светлость предостерегает вас, что мы сейчас войдем в полосу сильной качки. Наль надо спать, а следовательно, и молчать, а Алисе — бодрствовать и... тоже молчать. Но это, Алисочка, уж от меня докторское указание, — смеясь, закончил Генри свою тираду, которую выпалил, подражая Сандре в его юмористических ужимках и скороговорке.

— Каково? Да ты ли это, кузен Генри? — воскликнула Алиса, удивленно рассматривая розовые щеки и горящие глаза сейчас такого возбужденного, обычно бледного и холодного лица Генри, со спокойными

голубыми озерами глаз.

— Ну, вопросы потом, сестра. Теперь же моментально — пилюли, — голосом строгого врача сказал Генри, подавая лекарство сначала Наль, потом Алисе. — Лорд Бенедикт просил передать тебе, Алиса, эту тетрадь, велел тебе оставаться у Наль, хотя она и заснет, до тех пор, пока Николай не сменит тебя в каюте. Вот видишь, Наль уже спит, точно и не говорила две минуты назад. До свидания, забегу еще к маме и Лизе и снова помчусь по пароходу, — уже запирая дверь, закончил Генри и исчез в коридоре.

Укрыв Наль, потушив верхний свет в каюте, Алиса устроилась у столика и приготовилась читать присланную ей тетрадь, как почувствовала, что борт парохода взлетел вверх, вслед за тем весь пароход сильно вздрогнул, все задрожало и заскрипело, и борт с высоты ухнул вниз. Не ожидавшая такой внезапной качки, Алиса упала с кресла на пол, выронив из рук тетрадь. Весело посмеявшись своей неудаче, она подобрала тетрадь, поправила соскользнувшую туфлю и решила лечь на диван, поручни которого будут предохранять ее от дальнейших падений.

"Бедные, бедные все те, кого буря застала в море, в их рыбацких челнах или плохих суденышках", — подумала девушка, мысленно посылая благословение всем тем, кому море сейчас грозило опасностью или смертью. У самой Алисы не только не было страха перед бурей, не только вера ее в Венецианца, стоявшего у руля, наполняла ее чувством безопасности за всех тех, кого он вел в эту трудную ночь, но в сердце ее было нечто вроде досады, что ей не позволено быть возле великого рулевого и прибавить свои маленькие силы к его гигантскому уроку этой бурной ночи.

"Ну, нечего мне терять время в пустоте, мечтах о месте возле Учителя. Там мое место, где он мне его указал. К тому, что он мне указал, я должна приложить все мои силы и усердие", — закончила свои мысли Алиса.

Взглянув на Наль, убедившись, что пилюля Венецианца погрузила ее в столь глубокий сон, что она не чувствует ни качки, ни толчков, Алиса встала, выше натянула защитную сетку над Наль, чтобы та не могла упасть с дивана при особенно резких толчках парохода, с большим трудом прошла узкое пространство качающейся каюты и улеглась снова на собственный диван, где натянула и на себя сетку и снова взяла в руки тетрадь.

Необычным теплом пахнуло на Алису, как только она открыла прекрасную обложку из зеленой кожи и прочла надпись, сделанную крупным, ровным и четким почерком Венецианца: НАСТАВЛЕНИЕ УЧЕНИКУ В ТУ МИНУТУ, КОГДА ОН СОЗНАТЕЛЬНО ВЫБРАЛ ПУТЬ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ, ВИДЯ В НЕЙ ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЛЯ СЕБЯ

ВОЗМОЖНЫЙ СПОСОБ ЖИТЬ: ТРУДИТЬСЯ НА ОБЩЕЕ БЛАГО, РАЗДЕЛЯЯ ТРУД ВЕЛИКОГО СВЕТЛОГО БРАТСТВА Что значит слово «ученик»? Что значит слово «сознательно»? Ученик — это вовсе не тот человек, что говорит себе и всем: "Я пошел за Учителем, пошел по его тропе, которую Он указывает людям. Хочу достичь цели и свидеться с Ним, а потому я и есть ученик".

Ученик — это тот человек, который понял, что путь, по которому идет Учитель, это прежде всего путь, лишенный всякой вульгарности.

Ученик — это тот человек, в сознании которого перестали существовать некоторые понятия, как представления отжившие, не обозначающие более условных ценностей.

Они вскрылись новому сознанию ученика как предрассудки, отягчающие день.

Такие условные земные понятия, как преходящий внешний блеск, богатство, зависть, соперничество, тщеславное искание выдающегося положения, ученик стал понимать как обстоятельства, затрудняющие ему путь освобождения, его собственные свойства еще не изжитой личности.

Ученик — это тот человек, в сердце которого разрушилась перегородка между «мои» и «чужие» как условная граница кровного родства и где стала ярко светиться для него живая Жизнь в каждом человеке потому — именно потому, что в нем самом засветилась прочно Жизнь, он смог Ее искать во встречном, Ею общаться и к Ней в нем взывать.

Это не значит, что просветленный зажегшейся Жизнью в самом себе ученик будет заниматься словесными тирадами с каждым встречным, желая в нем вызвать определенное «настроение».

Это значит, что он сам будет действовать, хотя бы уста его молчали, развивая в себе всю доступную ему мощь Кундалини, выливая во встречу из своего сердца наивысшее благородство и радость, какие он понял как неотъемлемые качества Учителя в его общении с людьми.

Ученик — это тот, кто стал прост и добр со своими встречными, потому что в сердце его исчезли все закорючки личности. И он мог в нем освободить пустое пространство для Света Жизни.

Жизнь заняла эту пустоту ученического сердца, где раньше жили личные чувства, и Она наполнила эти пустоты Своим гулом радости.

Ученик не думает ежеминутно о труде дня, как о несносном ярме. Он понимает, что его труд есть всегда радость. Если в тяжком труде он изживает свои страсти, выковывая такие главные силы, без которых был он выпущен в свет плохими воспитателями, как выдержка, самообладание, аккуратность, точность, тогда его труд приносит ему радость как

первоначальную возможность освобождения. Если же он уже воспитан к плодотворному труду, то видит в своем труде счастье быть и становиться действенной единицей в данных сейчас ему месте, времени и нации, где он может понять высший импульс труда на земле — общее благо — и быть ему проводником.

Ученик — это тот человек, в действиях и поступках которого исчезло все пошлое и вульгарное только потому, что сила Жизни в нем стала первым стимулом при каждом действии на земной арене.

Жизнь трудового дня ученика — это прославление Единой Жизни во всех бесчисленных формах его собственного дневного труда. Что значит в применении к такому способу жить слово «сознательно»? Сознательный поступок ученика — это есть цельное, без компромиссов, решение. Решение, в котором оба творческих элемента человека — его мысль и чувство — живут в гармонии, слитые в одну силу: деятельную радость, творя, жить. Что подразумевать под деятельной радостью, творя, жить? Жить в движущихся и развивающихся аспектах того Бога, которого понял как Силу Неустанного движения любви. Если хотя бы на минуту ученик выпал из понимания, что Божественная любовь мчит в вечном движении Свое творящее дыхание вселенной, — он сам остановился, радость в нем омрачилась и его день стал уже не легким движением Света, но тяжелым подвигом. Подвигом любви со вздохом, печалью, беспокойством и страхом. «Сознательно» ученика есть выраженная в одном слове, имеющая тысячи форм все та же его верность. Верность как таковая есть первоначальный принцип мысли Единого. Любовь есть первоначальный принцип чувства Единого.

Выбор ученика сознателен тогда, когда эти два принципа Вечности пришли в нем в гармонию не как идея светлого существа, но как единственная форма творчества, выливаемого им каждый день в весь труд и во все встречи.

Пространство и время, ограничивающие мысль и чувство обычного человека, не существуют как ограничительные принципы, для вскрывшегося сознания ученика. Его сознание становится космическим. Он легко делает все свои простые дела, если он человек средний и в нем нет особой одаренности. Его серый день радостно течет в орбите средних человеческих способностей. Все его духовные силы направлены не на дальние горизонты, но на простые, близкие дела, где его доброта светит всем окружающим и греет их.

Такой ученик всем светит и греет без специальных мыслей об этом. Светит и греет потому, что он несет свою доброту не из тесных и душных

комнат, в которых рылся среди хлама маленьких и мелких мыслей обывателя. Мыслей, условно нажитых за свою узкую жизнь. Обыватели обычно, делая добро, думают, как много пользы приносят их поступки людям. Или с какой пользой они подарили свои старые вещи своим ближним.

При этом затруднив своим пониманием пользы и тех, кому они давали, и тех, через кого давали свои малостоящие подарки.

Ученик же несет свой свет и доброту во все дела и встречи, живя в тех без времени и пространства принципах Бога, аспекты Которого звучат в нем самыми разнообразными нотами радости. Он их черпал в себе, сливаясь с любовью Вечного, которую понял как отличительный признак каждого Учителя, за благородным поведением которого он хотел бы творчески следовать всею своею верностью.

Если же ученик несет в себе великую силу истинного таланта, — я не имею в виду притянутого за волосы так называемого таланта, — он движется не только в свои вдохновенные минуты по космическому пути. Он стоит всегда, во все минуты жизни, рядом с Учителем. Он не ищет подражать высокому благородству Учителя, он знает его в себе как первоначальный, отправной пункт всех своих жизненных эмоций.

"Выбрать" себе высокий путь по склонностям еще не значит стать на него. Нередки явления очень старых людей, имеющих свободное время, живущих не трудясь и раскрепощенных Жизнью от всех условных земных привязанностей и обязанностей.

Или, наоборот, окруженных близкими, пользующихся их безвозмездными услугами, заботами, любовью. И те и другие старики всю жизнь «искали» возможности подойти к Учителю. И в старости остаются мертво стоящими в смысле своих исканий, ибо вся сила их мыслей обращена только на самих себя.

Следовательно, один из принципов Вечности, живущих в каждом человеке, они закрыли в себе постоянной мыслью — "я делаю", "моя личность", "мой труд", "моя фантазия", "моя сила" и т. д. У этих людей «я» и «мои» не пропускают любви эфирной вселенной в их душевные, подчас неряшливые комнаты.

Стать на путь — это не значит искать, как встретиться с Учителем. Это значит жить в тихом и мирном прославлении текущего дня, каков бы он ни был вовне. И тот, кто живет в таком мире внутри себя, не может иметь немирного окружения вокруг себя. Ибо все живое — от вульгарного человека до высокой, благородной силы — склоняется перед благоуханием мира, льющимся из такого сердца. И тогда совершается то чудо, о котором

говорится ученику: "Готов ученик — готов ему и Учитель " Алиса выронила тетрадь из рук, и мысли ее понеслись в родной дом к обожаемому отцу. Много, много из своей прошлой жизни понимала она теперь иначе. Но неизменно одинаково она понимала прекрасный образ отца. Как нельзя лучше подходили к пастору последние прочтенные ею слова. Весь внутренний облик его точно обрисовывался ими. В присутствии отца даже пасторша не решалась давать волю своей раздражительности. А в Дженни просыпалось все лучшее, что тлело в ней, и на губах ее мелькала веселая улыбка. Улыбки непритворной, легкой, какой улыбалась Дженни в обществе отца, Алиса никогда не видела на лице сестры в его отсутствие.

Для пастора пришло чудо встречи с Учителем, а через него и для самой Алисы. День за днем вставали последние месяцы жизни в мыслях Алисы, и не замечала девушка ни усиливавшейся качки, ни воя ветра, ни ударов волн, яростно набрасывавшихся на боровшийся с ними пароход.

Ярче других новых встреч вставал перед ней лорд Мильдрей, доброте которого она не встречала равной, хотя знала отцовскую доброту, тоже не шедшую ни с чем в сравнение.

Только сейчас Алиса отдала себе отчет, как глубоко любила она этого человека и какое огромное место — незаметно для нее — занял он в ее жизни. Она не могла сказать себе, с какого именно момента она полюбила Амедея. Со свойственным всем женщинам инстинктом она сразу поняла глубину молчаливого обожания, с которым смотрел на нее Амедей. Теперь она стояла перед совершившимся фактом: она любила Амедея той любовью, где ни время, ни разлука, ни пространство не гасят пылающего образа в сердце, но где два сердца сливаются в одно, где нельзя провести границ между «мое» и «твое» и где радости и печали одного заливают нераздельно двоих.

Неожиданный поворот в судьбе самой Алисы; мать и еще более неожиданный переворот в ней; Дженни и ее ужасная, мрачная судьба — все вставало перед Алисой как панорама жизней, в которых она создавала себя точно вынутой из футляра чьей-то волшебной рукой.

Сколько любви, сколько действия пролила вокруг себя светлая фигура Учителя Венецианца, и в какое кольцо очищения попадало все, соприкасавшееся с ним! "Ни минуты в пустоте", — вспомнила вдруг Алиса часто слышанные слова дорогого Учителя. "А я в эту минуту живу именно в пустоте, отдаваясь мечтам, бесплодным и смешным. Прими, Учитель, благодарность и благоговение мое перед тобою. Если бы было возможно, я пропела бы Гимн Творцу, прославляя эту минуту Твоего труда для спасения

людей", — закончила свои мысли Алиса и снова развернула тетрадь.

Но раздался стук в дверь, и Николай спрашивал разрешения войти. Быстро вскочив с дивана, Алиса впустила Николая и только теперь, увидев обветренное лицо и блестящую от сырости резиновую одежду Николая, отдала себе отчет, что вокруг уже нет воя ветра, что рев волн умолк, что пароход идет, равномерно покачиваясь на легких волнах.

— Теперь я присмотрю за Наль, — сказал Николай. — А тебе, Алиса, хотя уже светлый день, лорд Бенедикт приказывает идти спать.

— Как спать? Да я едва начала читать ту тетрадь, которую мне ведено прочесть.

— Почему же ты так мало прочла? Ведь вся ночь пролетела.

— Да я и не заметила, что ночь уже минула. Когда начнешь о чем-нибудь думать, так и не поймешь, куда девается время, — виновато ответила Алиса.

— Ах, неблагодарная, — шутливо ответил Николай. — Мы старались наверху, что есть мочи подбирали силу и указания Учителя, чтобы обеспечить тебе максимум покоя для выполнения твоего урока, а ты, видите ли, мечтала.

— О, Николай, хотя и в шутку сделанный, но упрек в неблагодарности приходится к месту. Сколько бы я ни жила на свете, никогда не сумею отдать всей должной благодарности Учителю Венецианцу.

Тронутый смущением Алисы, Николай заверил ее, что не только она, все в том же положении и все одинаково не выучились выполнять точно, четко и немедленно тех заданий, что получают от Учителя.

Проводив девушку, Николай внимательно осмотрел лицо Наль, тихо спавшей, переоделся и присел к столику у постели жены, принявшись читать толстую книгу, из которой делал выписки.

Так, в непрерывном труде, шла жизнь людей, которых отобрал себе в сотрудники лорд Бенедикт. Всегда окружавшая его красота, легкость, с которой он все делал, бодрили людей, и они стремились действовать по его живому примеру.

Радостность составляла атмосферу парохода, который капитан Ретедли, как ему предсказывал еще в Лондоне Учитель, благополучно привел в Нью-Йорк, несмотря на все угрожавшие ему в пути опасности.

"Храм Человечества"

"Храм Человечества" (The Temple of the People) был основан в Сиракузе, Нью-Йорк, в 1898 г. Францией Ла Дью (Francis A. La Due) и Уильямом Доуэром (William H. Dower). Он принял эстафету теософского Учения, данного миру Е.П.Блаватской, продолженную после нее Уильямом К.Джаджем (William Quan Judge), первым руководителем Эзотерической секции и Президентом Американского отделения Теософского Общества.

В 1903 г. Организация переехала в Алсион (Калифорния), где был возведен Храм.

Франция Ла Дью была первым Главным Хранителем Народного Храма (Guardian-in-Chief of TP), после нее д-р Уильям Доуэр стал вторым Главным Хранителем и Перл Доуэр (Pearl F. Dower) — третьим. Нынешний Главный Хранитель Храма — Гарольд Форгостайн (Harold E. Forgostein). Официальным периодическим изданием Храма является журнал "The Temple Artisan" ("Мастерской Храма").

Из писем Елены Ивановны Рерих "Конечно, Вы правы, что людям нелегко разобраться во всем обилии появляющихся сейчас самоъявленных адептов, но для этого и даны были через Е.П.Бл. основы учения Бел. Братства, но кто удосужился изучить их? Все предпочли облегченные и удобные интерпретации вместо того, чтобы направить свое внимание именно на основные Заветы. Утверждаю, что Е.П.Бл. была единственной посланницей Белого Братства и она одна знала. После нее было дано через Францию Ла Дью замечательное Учение Учителем Ил. Но многие ли слышали о нем? Почему выдающие себя за посланников Бел. Братства и учителей, принадлежащих к Солнечной Иерархии (?!), нигде не упоминают об этом явлении? 31.7.37 г."

"Почему русским теософам нужно ходить в шорах и ничего не знать об истинной истории теософического движения и его деятелей? Почему, упоминая вскользь об Алисе Бэйли^[1], они умалчивают о гораздо более давнем и значительном центре в Калифорнии, которым руководит Вел. Уч. Ил.? Почему они нигде не упоминают о замечательной книге "Темпл Тичингс"^[2], изданной этим центром? 7.1.37 г." "Несомненно и то, что в надлежащие, определенные сроки для обновления сознания человечества и внесения новой ступени Учения Великое Братство избирает одну В своем письме от 23.08.34 Елена Ивановна Рерих писала об обществе,

руководимом Алисой Бэйли: "Многие наивные люди полагают, что темные силы действуют лишь злом, развратом и преступлениями. Как заблуждаются они. Так действуют лишь грубые силы и силы малых степеней. Гораздо опаснее те, кто приходит под личиною света Учения. Вы уже знаете такой пример. В Америке существует очень обширное общество, и глава его получает учение от учителя, который не раскрывает своего имени, называя себя Тибетским Братом. Мы знаем, кто скрывается под этим псевдонимом. Сила его велика. И цель этого учителя, персонифицируя якобы Учителя Бел. Бр., как можно больше заманить в свои кадры неплохих и полезных людей, которые иначе могли бы действительно помочь Великому Плану Владык, Плану спасения планеты. И эти несчастные, не обладая истинным распознаванием огней сердца, как мотыльки летят на испепеляющий их черный огонь.

Невежество, отсутствие чувствознания толкает их в объятия тьмы и лишает надолго, если не навсегда, благотворного воздействия и притяжения Лучей Великой Твердыни Света. Грозен Армагеддон, ведь силы тьмы борются за само существование свое, отчаяние делает их столь сплоченными и упорными в достижении цели своей. Князь Мира имеет много талантливых, сознательных и бессознательных пособников, и наивно думать, что они не умеют действовать тонко. Они очень изысканы и изобретательны и действуют по сознанию своих жертв. Но все они лишены теплоты сердца. У меня есть книги этого Тибетского Учителя, они сухи до чрезвычайности.

Одна книга называется "Белая Магия". Мне сказано, что лучшие страницы заимствованы из Учения Бел. Бр. Интересно отметить, что глава этого общества для большего престижа своего и заманивания сторонников наших книг рекомендует их своим членам и учредила классы для изучения книг Агни Йоги. Так переплетается на Земле тьма со Светом или двух личностей, как это было с Блаватской и после ее смерти с Франциа Ла Дью, через которую Уч. Ил. давал свое Учение. К сожалению, она умерла в 1923 году. Франциа Ла Дью была основательницей Общества в Калифорнии и журнала "Темпль Артизан", в котором печатались эти Послания. Но повторяю, что помимо таких главных приемников, получающих "Океан Учения", как сказал Один из Вел. Учителей, и находящихся в постоянном сознательном общении с Иерархией, непрерывно даются отдельные послания и через иные каналы, и мы знаем немало таких прекрасных книжечек. Часто они даются ищущим душам, которые ничего или очень мало слышали о Вел. Братстве. Пишутся эти книжечки большей частью или автоматически, или, что реже, под диктовку. Но красота нравственной

ценности таких книжечек не может быть умалена тем, что они писались без разрешения и благословения некоторых авторитетов. Насколько мне известно, никто из этих авторитетов за свою жизнь не просвещался ни одной книгой, данной им из Высокого Источника. Но появление таких книжек систематически подвергалось ими осуждению и остракизму. Следовало бы запросить о причине этого.

Почему не дают они продолжения "Книги Дзиан"? А продолжение ее имеется^[3]. Также не худо было бы запросить осуждающих заглазно и не давших себе труда ознакомиться с книгами "Живой Этики" — как относятся они к обществу, основанному Франча Ла Дью и Уильямом Доуэром, и книгам, издаваемым ими? Общество это существует с девяностых годов прошлого столетия и имеет ответвления и в других странах. Высокое учение, получавшееся ими, ни в чем не расходится с книгами "Живой Этики", и мы состоим с ними в дружественных отношениях, именно, не исключаем друг друга 17.2.34 г."

Из предисловия к книге "Учение Храма"^[4] Организация "Храм Человечества" создана в 1898 г. по указанию и под руководством Учителя Илариона (Master Hilarion), одного из Учителей Великой Белой Ложи, работающей с тем, чтобы поднять человечество на более высокие эволюционные ступени посредством прямого излияния силы и знаний, удовлетворяющих потребностям времени настолько, насколько человечество способно принять и усвоить эти знания и более высокие вибрации.

"Храм" есть продолжение работы, начатой Е.П. Блаватской, и вдохновлен и воодушевлен теми же великими космическими силами, которые всегда руководят эволюцией миров, рас и начинаниями людей. Несмотря на то, что Учителей Белой Ложи много, их работа едина.

Учителя есть те сущности, которые напряженной работой души, огромным опытом, страданием и жертвой достигли эволюционного уровня, намного превышающего соответствующий обычным человеческим существам.

Их сознание не ограничено каким-либо одним планом Жизни, как это имеет место у обычных мужчин и женщин. Учитель — это тот, кто преодолел ограничения материи в ее обыденном понимании и способен сознательно и по своей воле действовать на более чем одном плане бытия соответственно достигнутому им уровню. Иначе говоря.

Учитель есть тот, кто вошел в Око Треугольника в Квадрате и кто с этого времени действует в более широких сферах, где ЯВЛЯЕТСЯ

сознательным фактором, силой и деятелем, помогающим эволюции миров и рас.

Учителя не Боги, они люди, и, если необходимость требует, они могут работать на физическом плане в физическом теле. Их важнейшая работа выполняется ими, однако, в теле Нирманакайя — облачении сознательного бессмертия, которое они завоевали через страдания и жертву, длившиеся многие века.

Ложа Учителей синтезирована в Центральном Духовном Солнце, которое состоит из всех Учителей Пути Правой Руки. Это Центральное Солнце равнозначно Христу, который есть совершенный Сын (Солнце) Беспредельной Любви.

В циклические периоды один Учитель или более могут выбирать более частное направление сил, воздействующих на эволюцию и развитие человечества, но это потому, что так предписывает кармический и иерархический закон.

Учителя есть, в определенном смысле, Высшее Я человечества и охраняют, защищают и направляют его развитие. Они не могут вмешиваться в кармический закон, но способны в кризисные моменты сдерживать до некоторой степени действие накопленной кармы, которая иначе могла бы разрушить цивилизацию или даже саму планету. Но в конечном счете каждая йота кармического закона должна быть исполнена. Опустошительные эпидемии, великие войны, разрушения городов в прошлом или настоящем с унесенными ими жизнями, неожиданные разрушения и погружения континентов, как в случае Атлантиды, — примеры действия кармических сил в глобальном масштабе, где такие силы не могли более сдерживаться администраторами природных законов, Учителями Мудрости, чтобы еще больший духовный ущерб не был причинен народам этих городов, наций или континентов.

Там, где духовность и нравственность переступили определенную черту, человечество может быть возвращено к признанию своих духовных основ только неким большим потрясением или серией потрясений, обращающих личное сознание в глубь себя к вечным истинам, к присущей ему божественности и таким образом предотвращающих дальнейшее сползание к соблазну, ложности внешнего блеска и чувственных иллюзий.

Нам сказано "Теми, Кто Знает", что не столь редкое происшествие для планеты — быть разорванной на части возмещающими силами, когда ее обитатели упорно неправильно употребляют высокие духовные энергии, таким образом накапливая избыток разрушительных сил, перевешивающий баланс созидательных и в итоге приводящий к разрушению самой планеты.

В нашей солнечной системе мы имеем очевидное свидетельство такого случая. Астрономы обратили внимание на широкий промежуток между Марсом и Юпитером, в котором нет планет, и годами тщетно пытались найти тело, которое должно находиться там. В конце концов было открыто более 200 астероидов, очень маленьких планет, многие из которых не более 25 км в диаметре,двигающихся очень близко одна к другой в одном направлении между орбитами Марса и Юпитера, как если бы они были осколками некогда большой планеты.

Подобная судьба угрожала нашему собственному миру в 1899 г. Но он был тогда спасен усилиями многих Учителей высокого уровня и сил, собравшихся с других планет в определенных зонах на и в земных центрах и поддерживающих баланс вплоть до настоящего времени. "Темная Звезда" была спасена на время, но на сколь долгое? Кто может сказать? С тех пор произошел значительный прогресс в научном знании, технике и достижениях, и мы все в большем масштабе используем более тонкие природные силы ради наших личных, а также коммерческих целей и удовольствия. Но эти силы есть силы Самой Жизни — лучи Божественной Энергии из самого сердца Бога и Природы, и если не использовать их правильно, в духе неэгоистического служения и общего блага, то из-за инверсии божественных качеств неизбежна реакция с ужасными последствиями для человечества, подвергающего опасности само существование планеты, на которой мы живем. Подобно Братству Миров в небесных пространствах, должно существовать Братство Наций на Земле в истинном духе Вселенского Братства без различия рас, возраста, цвета кожи или веры среди всех народов Земли, чтобы такая космическая катастрофа могла быть предотвращена.

Учение, данное здесь, вдохновлено очень высокими духовными силами, — силами из самой Ложы Света, — и посылая это учение в мир, Храм будет излучать в сердца людей свет и оказывать воздействие, со всей мощью способствующее утверждению идеала Братства Людей. Благодаря великой внутренней силе Света и Любви, лежащих в основе этого учения, каждый любящий своего ближнего и настраивающий свой ум в созвучии с основополагающими истинами Учения неизбежно обретет расширение сознания и помощь, совершенно независимые от самого Учения. Он получит прикосновение Беспредельной Любви и Сострадания от рук Учителя, согревающих сердце каждого истинного и искреннего искателя света и дающих большую возможность помогать миру. Космическая мелодия Самой Жизни может тогда быть услышана внутренним слухом, вновь настроенным на иницирующие звуки изначального Сознания, того

Сознания, которое божественно и являет скрытое единство Одного во Всем и Всего в Одном.

Храм Человечества, Алсион, Калифорния, январь 1925 г.

Главный Хранитель «Дельфис», сентябрь 1993 г.

Перевод и подготовка публикации Д.Скопина.

К.Е.Антарова

Краткий биографический очерк

Среди множества самоотверженных тружеников искусства не всегда выходят на первые места самые достойные. Наоборот, почти как правило, те, что вынашивают в себе творческие идеи и мысли, те, что стараются передать их своей современности, остаются в тени. Они забывают о себе и о своей карьере. Они думают со всей любовью сердца о тех, кто пришел к ним за советом и помощью в искусстве", — так писала Кора Евгеньевна Антарова о сестре К.С.Станиславского — Зинаиде Сергеевне Соколовой. Но кажется, что эти строки написаны о ней самой — заслуженной артистке РСФСР, певице Большого театра, проработавшей на прославленной сцене более двух десятилетий.

Кора (Конкордия) Евгеньевна была замечательной, выдающейся певицей. Но случилось так, что при прекрасном состоянии голоса ей пришлось уйти со сцены. Не сохранились (за одним исключением) и записи ее голоса на пластинках — вероятно, тоже не случайно. Прошло более полувека с тех пор, как она перестала выступать в концертах, и как певицу ее уже мало кто может помнить.

Время, столь неумолимое для громкой славы многих деятелей искусства, тем не менее мудро и расставляет все на свои места. Забытые имена, если они того достойны, возвращаются к нам — иногда в новом качестве и новой перспективе.

Жизненный путь Кору Евгеньевну, с одной стороны — по самоотверженной и бескорыстной любви к искусству, — характерен для многих выдающихся представителей русской культуры, с другой — уникален, как уникальна каждая судьба.

Родилась она 13 апреля 1886 года в Варшаве в семье мелкого служащего департамента народного просвещения. В одиннадцать лет потеряв отца, она жила с матерью на небольшую пенсию и уроки иностранных языков, даваемых матерью. Мать Кору была двоюродной сестрой народовольца Аркадия Тыркова, сосланного в Сибирь по делу Перовской, а сама Софья

Перовская, о которой девочка много слышала в семье с детства, приходилась ей двоюродной бабушкой.

В четырнадцать лет, будучи в шестом классе гимназии, Кора остается круглой сиротой. Но она не бросила учиться, а закончила гимназию, самостоятельно зарабатывая уроками. Можно только представить себе, как трудно было юной девушке, оставшейся без всякой поддержки и средств к существованию, пробиваться в жизни. И в какой-то момент Кора решает уйти в монастырь. Многому она научилась там. Пение в церковном хоре помогло развитию ее природного таланта. Но уже тогда ее голос выделялся из хора — Антарову приходили слушать специально. Видимо, она чувствовала, что путь отхода от реальной жизни не для нее. Это подтвердила встреча с Иоанном Кронштадским, который сказал молодой девушке, что ей суждено трудиться в миру.

Она решает ехать в столицу учиться. Подруги по гимназии собрали ей сто рублей, и Кора поехала в Петербург. Выдержав большой конкурс, она поступила на историко-филологический факультет Высших женских курсов, который окончила в 1904 году.

Все студенческие годы Антаровой пришлось зарабатывать на жизнь уроками, ночными дежурствами в редакциях, уходом за больными и тому подобным. Казалось, теперь основные трудности позади, ведь ей предлагают остаться при курсах на кафедре философии, есть и другие отличные предложения, обеспечивающие благополучное существование. Но у Кору Евгеньевны была единственная мечта — театр, пение: девочка с самого юного возраста играла только в театр, хотя родители ее туда никогда не водили, только песни и музыка увлекали ее. По словам ее матери, она пела положительно с пеленок, стихи учила только под музыку. И теперь, повзрослев, она принимает твердое решение посвятить свою жизнь искусству.

За уроки пения надо было платить, а платить было нечем. Пришлось продолжать все ту же тяжелую трудовую жизнь. Она поступает учительницей в заводскую школу Александровского завода Николаевской железной дороги. Завод находился в часе езды от города на Шлиссельбургском тракте, и ездить туда приходилось на паровичке. Из получаемых в месяц 75 рублей 40 она платила профессору Петербургской консерватории И.П.Прянишникову за уроки пения. Девятнадцатилетняя девушка, привлекательная и талантливая, возвращаясь из школы в город, от голода и утомления нередко сваливалась с ног и оказывалась в больнице. Таково, очевидно, было происхождение тяжелой болезни, мучившей певицу всю жизнь, — бронхиальной астмы. Но любовь к музыке и театру

преодолевала все, помогала мужественно продолжать борьбу.

И вот весной 1907 года Прянишников говорит, что Кора Евгеньевна готова, и она направляется на пробу в Мариинский театр. В комиссии по прослушиванию певцов председательствуют дирижер Э.Ф.Направник и директор императорских театров В.А.Теляковский. Из 160 прослушанных певцов в театр принята одна Антарова! Так с 1 мая 1907 года началась ее артистическая карьера.

В Мариинском театре Кора Евгеньевна проработала только год — одна из актрис Большого театра по семейным обстоятельствам желала переехать в Петербург, Антаровой предложили заменить ее в Москве. Кора Евгеньевна переезжает в Москву, где ей сразу же поручают весь ответственный репертуар для контральто. Ратмир а "Руслане и Людмиле", Лель в «Снегурочке», Ваня в "Жизни за царя" — это самые крупные партии. Репертуар Антаровой обширен — оперы «Русалка», "Пиковая дама", "Евгений Онегин", "Царская невеста", «Садко», "Иоланта", "Князь Игорь", «Демон», "Вертер", "Золотой Петушок", труднейшие партии в вагнеровских операх "Золото Рейна", «Зигфрид», "Гибель богов", в двух из них она исполняет по две роли, и многие другие оперы. Несмотря на многочисленность труппы Большого театра во многих спектаклях замены Антаровой нет. Событием стало ее выступление в роли графини в опере "Пиковая дама" — она была признана лучшей в артистическом и вокальном отношении исполнительницей этой роли.

И конечно, она выступала в симфонических концертах, давала сольные концерты камерной музыки с обширной и оригинальной программой, где пела песни и романсы западных композиторов в своих переводах.

Кора Евгеньевна была хорошо знакома с Шаляпиным, Рахманиновым, другими выдающимися деятелями русской культуры.

"Кора Евгеньевна Антарова всегда занимала в труппе Большого театра по своим артистическим данным одно из первых мест", — пишет М.М.Ипполитов-Иванов.

"Антарова принадлежит к числу тех артистов-работников, которые не останавливаются на своих природных данных, но все время неустанно идут вперед по пути совершенствования", — говорил весьма требовательный к певцам дирижер В.И.Сук.

"Она всегда обладала прекрасным голосом, выдающейся музыкальностью и артистическими данными, что дало ей возможность занять одно из первых мест в труппе Большого театра. Я был свидетелем непрерывного художественного роста артистки, ее сознательной работы над богатым от природы голосом оригинального красивого тембра и

широкого диапазона", — писал Леонид Собинов, о котором К.Е.Антарова написала прекрасную статью после его смерти.

В архиве Кору Евгеньевны хранится любопытный документ: рукописные ответы на более чем восемьдесят вопросов. Самих вопросов нет, только пронумерованные ответы. Судя по надписи в начале — "В театре 22 года", — анкетирование работников Большого театра проводилось в 1929–1930 году. Подробно и добросовестно отвечала Антарова на предложенные вопросы. Исключительная преданность своему искусству, высокая требовательность к себе звучат в этой анкете. Например: "Когда бывают неудачи — очень огорчаюсь, так как не выполняю долг". И еще: "Богему презираю. Не нахожу, что искусство и богема — это синонимы". Много в ее записях критических замечаний относительно творческой обстановки в театре, в адрес дирижеров, режиссеров. Вот ответ на 57-й вопрос: "Отношение к администрации в смысле ее художественной работы — отношусь абсолютно отрицательно". И более того, она утверждает, что в театре чувствуется ложь, рабство и подавленность духа; входя в театр, актер испытывает страх.

"Когда актер от личного «я» — которое он считает центром жизни, — и от защиты своих личных эгоистических прав перейдет к перечислению и осознанию своих обязанностей перед жизнью и искусством, — тогда эта атмосфера исчезнет. Кроме культуры — нет способов борьбы".

Трудно представить, как могли быть восприняты подобные ответы в те годы.

Поскольку эта запись явно черновая, может быть не все они были внесены в окончательный текст, но во всяком случае таковы были ее творческие позиции.

Многие годы напряженного творческого труда, активное участие в различных общественных мероприятиях, шефских концертах обрываются, когда Кора Евгеньевна теряет любимого мужа, погибшего в Гулаге.

Ее изгоняют из театра, она лишается возможности заниматься любимым делом. Как и многие-многие другие, она теряет все. И неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба, если бы не одно обстоятельство: жестокий руководитель бесчеловечной системы любил оперу. Ему не понравилось исполнение какой-то певицы и он поинтересовался, почему поет не Антарова. Результат очевиден: Кору Евгеньевну вернули в Большой театр.

Но болезнь уже давала о себе знать, выступать на сцене становилось все труднее, хотя голос еще звучал в полную силу. Она выступает с концертами, но и это становится все труднее.

Но Антарова была творческим человеком в полном смысле этого слова. Перестав выступать на сцене, она выпустила книгу, названную ею "Беседы К.С.Станиславского". Это были ее записи занятий великого артиста с молодыми певицами Большого театра, целью которых было путем организации оперной студии помочь певцам по-новому подойти к своему творчеству. Впоследствии из студии образовался Оперный театр имени К.С.Станиславского. Книга была очень интересной, бесценной для стремящихся к творчеству артистов. Она выдержала несколько изданий, была переведена на другие языки, опубликована в ряде стран, в том числе и в Соединенных Штатах. Кора Евгеньевна оставила рукописи еще двух больших трудов, где она развивала идеи своего любимого учителя. Можно надеяться, что эти работы также выйдут в свет.

В 1946 году Кора Евгеньевна организует при ВТО кабинет К.С.Станиславского, в котором разворачивается активная работа по пропаганде идей реформатора театра.

Многие известные артисты, ученики великого режиссера, среди них О.Л.Книппер-Чехова, В.О.Топорков, С.Г.Бирман и другие, горячо поддержали эту идею. На заседаниях кабинета читаются доклады, накапливаются материалы по изучению наследия К.С.Станиславского. Душой этой работы, пока оставались силы, была К.Е.Антарова.

Была в насыщенной жизни Кору Евгеньевну еще одна сторона — внутренняя духовная деятельность, которая, несомненно, была истоком возвышенности ее творчества и всей жизни и которая многих знавших ее людей заставляла считать ее своим духовным руководителем, не только непререкаемым авторитетом во всех важнейших жизненных вопросах, но и человеком, помогающим по-новому понять глубочайший смысл самого существования на Земле. Сейчас об этой стороне ее творческой личности благодаря публикации книги "Две жизни" узнают многие. И тот, кто прочтет ее труд, поймет, что автор не могла быть обычным, рядовым человеком.

Каждый прочитавший эту необычную книгу может воздать должное силе духа К.Е.Антаровой, нашедшей в себе мужество, несмотря на всю трагичность личной судьбы в условиях бесчеловечной тирании, сохранить чистоту чувств радости бытия.

Естествен интерес к тому, как был написан этот труд. Это было и навсегда останется тайной. Те же, кто были свидетелями его появления, могут сказать одно: огромная книга была написана в сороковых годах, исключительно быстро и, безусловно, не предназначалась для печати. Отсюда особенности ее языка. Яркий и образный, он в то же время имеет

шероховатости и литературно не отшлифован. Кора Евгеньевна писала для тех, кто будет читать не внешнюю форму, а глубокую суть изложенного.

Внимательный читатель, вероятно, отметит также своеобразие литературного стиля автора, который ближе к стилю начала двадцатого века, когда Кора Евгеньевна училась и складывалась ее творческая личность.

В предисловии к своему еще не опубликованному труду "На одной творческой тропе", представляющему собой запись бесед автора с В.И.Качаловым, Кора Евгеньевна писала: "Теперь, когда Василия Ивановича нет с нами, я, согласно его желанию, передаю в печать эти записи, так как уверена, что, несмотря на совершенство всякой записи, к которой обязательно примешивается субъективный элемент записывающего, в них содержится ценный материал, помогающий глубже понять и вникнуть в творческие и человеческие облики великих художников и замечательных людей, какими были Василий Иванович Качалов и Константин Сергеевич Станиславский". Дальше она пишет: "Хотя я совершенно уверена, что молодые артисты, для кого мне и передавал свои слова Василий Иванович, сумеют читать не внешнюю форму речи, а глубокую суть его заветов в искусстве, я все же считаю нужным сказать молодому читателю несколько слов об языке моей записи <...> Да и сам Василий Иванович Качалов <...> считал, что все, что он мне говорит, я пойму точно по сути и сумею литературно обработать так, чтобы слова его были просты и понятны тем, для кого он их говорит".

Осталось немного людей, знавших Кору Евгеньевну при жизни. И мы, те немногие, кто помнит ее, можем лишь сказать: "Да, мы счастливики, мы общались с ней, слышали ее голос, видели ее сверкающие, полные юмора глаза, которые понимали всю суть находившегося перед ней человека. Может быть, не всегда приятно, когда тебя видят насквозь, но доброта, светившаяся в этих глазах, смягчала эти мелкие чувства. И хотя тебя не всегда гладили по головке, ты выходил от Кору Евгеньевны с таким чувством, будто за спиной крылья".

Все, кто общался с этой удивительной женщиной, даже те, что понятия не имели, что за человек перед ними, получали от нее помощь и поддержку самого разного рода. Поддержка часто бывала материальной, хотя легко себе представить, каковы были средства человека, живущего на пенсию в 40-50-е годы. Кора Евгеньевна жила по принципу "Рука дающего не оскудевает", и принцип этот по отношению к ней полностью оправдывался. Сама же ни от кого не брала никаких подарков — это тоже был один из немногих ее принципов.

Кора Евгеньевна была талантлива во всем, даже когда варила обед. И все вокруг нее было красиво. Красива была она сама, хотя я помню ее уже весьма пожилой женщиной. Общаясь с ней в домашней обстановке, живя на даче, я никогда не видела ее непричесанной, небрежно одетой. И комната, в которой она находилась, казалось красивой, и все вещи вокруг нее. Знаменитое чеховское изречение нашло в Коре Евгеньевне на редкость полное воплощение.

Люди тянулись к ней, выкладывали ей свои проблемы, горести, говорили о себе. А она вопреки привычным для артистов манерам никогда не говорила о себе, не вспоминала о своих успехах, хотя вспомнить было что... С ней хотелось видеться, от нее не хотелось уходить. А Кора Евгеньевна своим присутствием как бы поднимала людей вверх, а иногда просто давала возможность тем, кто дошел до отчаяния, вновь обрести силу жить, и жить полным сердцем. Сказать, что она была человеком высоких моральных качеств и необыкновенной доброты, как-то мало, по отношению к ней это звучит бледно и недостаточно. Она была проста в обращении, необычайно приветлива с каждым, доброжелательна, но... вы чувствовали такую исходившую от нее силу, которая заставила сказать одну театральную деятельницу, ничего не знавшую о сокровенной стороне ее жизни: "Ну, Кора Евгеньевна... Она среди нас королева".

М.Стриженова Из воспоминаний Моя встреча с Конкордией Антаровой, разрешившей называть ее Корой Евгеньевной, была духовной ступенью в развитии моей жизни. Не лекции или специальные собеседования по существенным вопросам духовного развития человека были главными в нашем общении — разительным примером явились путь жизни самой Кору Евгеньевны через непрерывный творческий труд, глубокая духовность ее служения миру. Меня поражали сила и цельность ее характера, устремленность в творческой деятельности в области театрального искусства и литературы.

Я не успел вступить в Теософическое Общество, но стал членом его Ордена Звезды на Востоке, ликвидированного сразу после смерти Ленина. До этого Орден был фактически под руководством Зинаиды Михайловны Гагиной. Через нее я общался с Теософическим Обществом, во главе которого в Москве стояла Софья Владимировна Герье.

Зинаида Михайловна стала моей духовной матерью. Я часто бывал у нее на дому и участвовал в ее работе по переписке от руки теософических трудов, поскольку размножение подобных текстов на пишущей машинке было запрещено властями.

Целыми днями Зинаида Михайловна трудилась, копируя от руки

нужные теософические сочинения, привлекая меня и других сотрудников. Ей было около ста лет, и мы помогали ей топить печку и покупали продукты, поскольку Зинаида Михайловна не имела никаких средств для жизни.

Среди теософов она занимала видное место. Зинаида Михайловна приняла меня в Орден Звезды на Востоке и была моим духовным покровителем. Прощаясь в тот день, она сказала мне: "Теперь Вам все будет легко", — и я шел радостно и легко, как будто летел на крыльях.

Незадолго до своей кончины Зинаида Михайловна передала мне на хранение 21 журнал и 64 тетради рукописей на теософические темы. Все это я передал в 1993 году современной организации Теософического Общества.

Вскоре по указанию Учителя меня, к счастью, взяла под свое духовное покровительство Кора Евгеньевна Антарова. Она знала Зинаиду Михайловну и некоторых других сотрудников из Теософического Общества, но сама никогда не состояла его членом. Это было во время второй мировой войны, и я утратил связи с Теософическим Обществом, но Кора Евгеньевна имела своего Учителя и связи с Шамбалой.

Она проявила стойкость, мудрость и мужество в своем огромном несчастий — расстреле ее любимого мужа, человека высокого духовного развития. Сама она была сослана, но возвратилась домой в Москву — от отбытия срока ссылки ее освободила счастливая случайность, предоставленная ей судьбой. Она продолжала служить музам, давая на дому уроки вокального искусства.

Исключительная преданность и любовь связывали Кору Евгеньевну с ее подругой — выдающимся ученым-математиком Ольгой Николаевной Цубербиллер, тоже ученицей одного из Учителей Жизни. В тяжелые годы Отечественной войны они продолжали жить совместно, все делили пополам и никогда ни на что не жаловались. Я встречался с Корой Евгеньевной в ее комнате, причем приходил к ней всегда один, так как она была под постоянным наблюдением властей. Чаше приходилось навещать ее по домашним делам. Мы пилили вместе с нею дрова, сажали под Москвой картошку. Я не имел возможности наблюдать, как она пишет свой замечательный обширный труд — книгу "Две жизни", экземпляра машинописного текста которой она мне подарила. Я высоко ценю этот труд за богатство идей, в него вложенных, ясность мыслей и простоту в передаче сложной фабулы. Его герой — мальчик Левушка с чистой и очень впечатлительной душой — имел счастье попасть под водительство Великих Учителей.

Побывав с ними во многих странах, встречаясь с самыми разнообразными людьми и жизненными ситуациями, Левушка приобрел большой жизненный опыт. Особенно важно, что все замечания и наставления его Учителя делали во время происшествий, в связи с конкретными обстоятельствами, поэтому Левушка мог всегда видеть и понимать действия, которые были наиболее правильными в каждом случае, и даже принимать в них частично личное участие. Такой "наглядный курс" воспитания проводился Руководителями с глубокой мудростью и отеческой любовью к мальчику, быстро довел Левушку до состояния ученика Великих Наставников высшей мудрости Жизни. Завершилось становление героя, когда события перенесли в Индию.

Меня как индолога поражает тонкое, глубокое знание автором своеобразной жизни этой великой восточной страны, ее древней мудрости, йоги и мест пребывания тайных эзотерических Общин Гималайской Шамбалы — арены открытой борьбы Учителей с темными силами, иногда воплощенными в физическом облике. Здесь же руководители Общин оказывали постоянную помощь вдовам, беднякам и другим несчастным.

Содержание последней, индийской части книги особенно насыщено мудростью поучений и поступков Наставников Левушки и широко раскрывает эзотерическое значение их напряженной деятельности в Море.

Сейчас у нас появляется много публикаций, посвященных оккультным знаниям жизни человечества, и книга К.Антаровой "Две жизни" своевременно вносит ценнейший и глубоко своеобразный вклад в сокровищницу эзотеризма. Великий Учитель сказал про книгу: "Это знамя ее жизни".

Пусть эта книга сделает глубже наше понимание духовной стороны земной действительности и станет прекрасным памятником Коре Евгеньевне.

Перед своей кончиной она направила мне послание, где говорится: "Сейчас мне очень плохо, и спасает меня, как всегда, Ольга Николаевна. Быть может, на Земле не увидимся.

Но никогда не говорю: "Не могу", а всегда твержу: «Превозмогу». Никогда не думаю: "Не знаю", но твержу — «Дойду». Любовь всегда хороша. Но Вам помнить надо, что Матерь Жизни лучше нас все знает. Прошлого нет, будущее неизвестно, а жизнь — это летящее «сейчас». И человек-творец — это и есть тот, кто живет свое «сейчас». Обе мы Вас благодарим, любим и чтим Ваше «сейчас».

Ольга Цубербиллер и Кора Антарова, 5.1.1959 г." Запись 7 января 1959 г. для меня: "Никогда чтобы не было никакого страха: Бесстрашие —

верность Учителю. Всегда сохранять полное самообладание. Колебания духа и резкие переходы неуравновешенности ученику особенно вредны. Не требуйте много от людей, но верность, честь и мужество надо соблюдать до конца.

При встрече даже с низким человеком всегда думай — "Господом твоим". Найди в нем зерно лучшего и окруженного кольцом огненной светлой мысли. Помни, что, когда подаешь ему руку, между вашими ладонями лежит рука Учителя. Так сможешь подняться ему выше (любя побеждай). Но если при формуле "Господом твоим" почувствуешь, что он темный безнадежно, резко удались, отринь его, потому что помочь уже не сможешь, а истинная любовь не сентиментальность, а творческая энергия.

Когда надо помощи Учителя, крепко прижми палец, где урна^[5], и призывай того Учителя, которого тебе нужно. Впитывая в себя мерзость, имеющуюся в окружении и невольно воздействующую на тебя, выбрасывай ее в атмосферу высшую и снова делайся "Tabula Rasa".

Слез не должно быть. В них топится труд Светлых Братьев. Живите текущим «сейчас».

7 января 1959 года. Антарова"

Умирала Кора Евгеньевна медленно и тяжело. Она пережила подряд около восемнадцати агоний, которые каждый раз погашала Ольга Николаевна, и эту борьбу за жизнь она продолжала ежедневно без отдыха и сна, до конца, едва держась на ногах.

Боль разлуки никогда не оставляла Ольгу Николаевну, так велика и горяча была ее любовь к подруге.

Их могилы находятся рядом на Новодевичьем кладбище.

6 марта 1993 года

С.И.Тюляев

Послесловие издательства

Завершена публикация труда Конкордии Евгеньевны Антаровой, названного ею "Две жизни". Работа над текстом оказалась делом чрезвычайно сложным и кропотливым, и несмотря на то, что в текст внесено большое количество уточнений и поправок (были сопоставлены разные экземпляры машинописи, принадлежавшие в свое время К.Е.Антаровой), считать эту работу завершенной никак нельзя. Издательство не снимает с себя ответственности за оставшиеся, к сожалению, в тексте неточности и опечатки и надеется исправить их в следующем издании, поэтому работа по сверке и расшифровке текста продолжается.

Сложности с подготовкой текста вызваны целым рядом обстоятельств. Главное из них то, что К.Е.Антарова не готовила свой труд к публикации — он был рассчитан на небольшой сравнительно круг людей, которым она могла довериться. Кроме того, книга была записана в тяжелейших условиях войны и за очень короткое время.

Об источнике вдохновения автора уже говорилось. Историю создания ею этой прекрасной книги сейчас проследить с полной достоверностью уже трудно. Но получить некоторое представление о том, как записывалась эта книга, могло бы помочь обращение к заслуживающим доверия свидетельствам о работе над книгами Е.П.Блаватской: "Несмотря на различное содействие в работе над «Изидой», всю эту книгу, также как и другие работы, пронизывает ее самобытность — что-то свойственное только ей..."^[6].

"...Как мы должны рассматривать авторство «Изиды» и как к этому относилась сама Е.П.Б.? Что касается создателя книги, то это, безусловно, совместный труд, произведение нескольких различных авторов, а не одной Е.П.Б. Вопрос этот очень сложный, и установить, какую лепту внес каждый в отдельности, практически невозможно. Личность Е.П.Б. была, таким образом, инструментом, распределившим весь материал, контролировавшим его форму, оттенки, выразительность, тем самым наложив отпечаток собственного стиля"^[7] Далее Г.Олькотт пишет, что те, кого Е.П.Б. считала истинными авторами ее "Разоблаченной Изиды", "вынуждены были позволять ей окрашивать их мысли и располагать слова в определенном порядке. Подобно тому, как дневной свет, проникая сквозь

окна храма, приобретает оттенки цветного стекла, так и мысли, переданные через мозг Е.П.Б., изменялись выработанным ею литературным стилем и способом их выражения"^[8] Что же можно сказать о литературном стиле и способе выражения К.Е.Антаровой? С одной стороны, они несут на себе, безусловно, отпечаток «дореформенного», истинно русского языка прошлого века, с другой стороны вполне вобрали в себя своеобразие стилистического перелома "серебряного века", о котором Николай Бердяев писал: "...Тогда было опьянение творческим подъемом, новизна, напряженность, борьба, вызов. В эти годы России было послано много даров. Эта была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвет поэзии и обострение эстетической чувственности, религиозного беспокойства и искания, интереса к мистике и оккультизму. Появились новые души, были открыты новые источники творческой жизни, видели новые зоры, соединяли чувство заката и гибели с надеждой на преображение жизни. Но все происходило в довольно замкнутом круге"^[9].

Серьезное влияние на лексику и образность языка Антаровой оказало ее общение с К.С.Станиславским. Сама она писала об этом: "Личная моя встреча с Константином Сергеевичем, как занятия, относится к 1917 году. С тех пор всю мою жизнь я ношу «систему» Станиславского в себе. Язык системы, сообразно тому, как схема творческих записок Константина Сергеевича все точнее систематизировалась и, наконец, сложилась в стройную «систему», разумеется, менялся. Для меня же лично такого времени, когда я могла бы представить себе Константина Сергеевича «без» системы, не существует <...> Новый язык, которым сам Константин Сергеевич утверждал неизменные по сути, положения своей «системы», впитывался мною в почти ежедневных занятиях с ним"^[10] "Две жизни" заканчиваются на первой главе четвертой части. Больше для этой книги Конкордией Антаровой не было записано ничего. Почему? До нас дошли некоторые версии этого факта, но все они только версии. Одно бесспорно, по свидетельству всех близко знавших Антарову, — запись прервалась именно на том месте, на котором и мы заканчиваем публикацию.

Издательство приносит извинения за допущенную ошибку в Предисловии: прекрасная повесть "Сад Учителя" была написана не К.Е.Антаровой, а Ольгой Борисовной Обнорской — деятельной участницей теософского движения.

Выражаем глубокую благодарность всем, кто помог преодолеть затруднения при подготовке к публикации книги "Две жизни": Е.Ф.Тер-Арутюновой и Московскому рериховскому обществу, предоставившим

материалы для публикации; ушедшей от нас более десяти лет назад ученице К.Е.Антаровой Марине Ивановне Волковой.

К большому нашему огорчению, еще двух почитаемых нами людей мы можем поблагодарить за их участие и помощь лишь посмертно: это Борис Алексеевич Смирнов-Русецкий (1905–1993) — ученик Н.К.Рериха, широко известный и многими любимый художник, до последних дней своей жизни бывший председателем Московского рериховского общества и оказавший в этом качестве всемерную поддержку издательству в публикации "Двух жизней", и Семен Иванович Тюляев (1898–1993) — духовный ученик Антаровой, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств России, лауреат премии имени Джавахарлала Неру, несколько страниц воспоминаний которого, написанных специально для этого издания, мы публикуем ниже.

Мы благодарим Марину Сергеевну Стриженову, близко знавшую Конкордию Евгеньевну, за многочисленные консультации и предоставленный для нашего издания "Краткий биографический очерк" об Антаровой, а также редакцию журнала «Дельфис» за разрешение перепечатать материалы, посвященные Учению Храма.

Как напутствие читателю хочется повторить в заключение слова из книги "Две жизни": "Нет ни покоя, ни мира в тех существах, что ищут все новых источников откровения. Все, что они подхватывают из попадающихся им записей и книг, все это они всасывают верхними корками ума, но мало что проникает в их святая святых, составляя зерно их сердца.

Простые слова, возносимые с радостью, произносимые в мире собственного сердца, достигают большей цели, чем сотни переписанных истин, выловленных из разных «источников».

Примечания

1

(Письма Елены Рерих. 1932–1955. Новосибирск. Изд-во «Вико» и предприятие «Алгим». - 1993, с.54).

[n_1](#)

Правильно "Teaching of the Temple".

[n_2](#)

3

Здесь речь идет о книге «Theogenesis» ("Теогенез"), данной через Храм Человечества и продолжающей линию "Тайной Доктрины".

[n_3](#)

4

В настоящее время готовится к изданию в трех томах.

[n_4](#)

5

Урна (санскр.) — "третий глаз", символ духовной сущности и духовного видения, изображаемый на лбу богов ранга будд или принадлежащих к их семействам (эманациям, женским проявлениям и т. д.). — Буддизм. Словарь. М., «Республика», 1992. Урна — выпуклая точка между бровями у Будды, означающая определенную высокую ступень просветления. У статуй из дорогого материала урна делается из драгоценного камня. — С.И.Тюляев. Искусство Индии. М., «Искусство», 1988.

[n_5](#)

6

Olcott H.S. Old Diary Leaves. L., 1892, vol.1, c.251.

[n_6](#)

Там же, с.255.

[n_7](#)

Там же, с. 256.

[n_8](#)

Бердяев Н.К. Самопознание. (Опыт философской автобиографии). — М.: Международные отношения, 1990, с.129.

[n_9](#)

10

Из неопубликованного. благодаря доверию и чуткости которой несколько будущих сотрудников издательства познакомились в свое время с этой книгой.

[n_10](#)

FB2 document info

Document ID: 117911

Document version: 1

Document creation date: 15 December 2009

Created using: FB Editor v2.0 software

Document authors :

-

Source URLs :

- <http://www.litru.ru/bd/?b=117911>

Document history:

1.0 — создание fb2 — Bykaed

About

This book from library eTextLib (<http://www.etextlib.com>) was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter.

Эта книга из библиотеки eTextLib (<http://www.etextlib.ru>) создана при помощи конвертера FB2EPUB, написанного Lord KiRon.